

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XIII, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
«Nauka»
2017

АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XIII, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
«Наука»
2017

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 3. — СПб.: Наука, 2017. — 957 с.

Исследования по теории грамматики. Выпуск 8. Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии / Ред. В. А. Плунгян, Р. В. Ронько, А. В. Циммерлинг;

Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией / Ред. М. Д. Воейкова, К. И. Иванова, Е. Г. Сосновцева.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-040352-9

РЕДКОЛЛЕГИЯ «ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
д. истор. наук А. К. Байбурин (Санкт-Петербург, МАЭ РАН),
PhD Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Нидерланды, Амстердамский ун-т),
д. истор. наук Ю. Е. Березкин (Санкт-Петербург, МАЭ РАН),
член-корр. РАН Н. Б. Вахтин, д. филол. наук М. Д. Воейкова, член-корр. РАН
Е. В. Головкин, PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго),
PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь), к. филол. наук А. Ю. Кожевников,
д. филол. наук В. М. Круглов, член-корр. РАН С. А. Мызников, д. филол. наук,
проф. В. И. Подлеская (Москва, РГГУ), PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США,
Гарвардский ун-т), д. филол. наук А. Ю. Русаков, д. филол. наук, проф.
А. Н. Соболев (заместитель председателя), к. филол. наук С. С. Сай,
к. филол. наук А. Ю. Урманчиева, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,
Dr. habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Ответственные за выпуск от редколлегии:
А. Ю. Кожевников, А. Ю. Русаков, А. Ю. Урманчиева

Выпуск разделов «Модальность в языке взрослых и детей»
и «Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией»
подготовлен при поддержке гранта РФФИ 14-18-03668 «Механизмы
усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции
на ранних этапах развития ребенка» (рук. М. Д. Воейкова).

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

© Коллектив авторов, 2017
© ИЛИ РАН, 2017
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2017

Исследования по теории грамматики
Выпуск 8

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ
МАРКИРОВАНИЕ АРГУМЕНТОВ:
МАТЕРИАЛЫ К ТИПОЛОГИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи настоящего тома составляют выпуск 8 серии «Исследования по теории грамматики», подготовленный Проблемной группой по теории грамматики Института языкознания РАН в сотрудничестве с широким кругом типологов Санкт-Петербурга и Москвы. В основе настоящей публикации — переработанные доклады участников совещания по типологии дифференцированного маркирования аргументов, прошедшего в Институте языкознания РАН 22–23 апреля 2016 г.

Проблематика дифференцированного маркирования аргументов (*differential argument marking*, частое сокращенное обозначение — DAM) известна в лингвистической типологии по меньшей мере с 1985 г., когда была опубликована монография Георга Боссонга, посвященная, в терминологии автора, «дифференцированному маркированию объекта» в иранских языках [Bossong 1985]. Речь шла о возможности различного падежного оформления аргументов с ролью прямого дополнения в зависимости от тех или иных семантических характеристик соответствующих существительных (определенности, референтности, одушевленности и т. п.). Данное явление, в принципе, и до этого было хорошо известно как типологам, так и теоретикам, многократно обсуждалось в частных описательных традициях тех языков, где оно представлено (в их число входят славянские, балтийские, финские, иранские, тюркские, армянский и мн. др.). Однако именно от монографии Боссонга принято отсчитывать начало систематического теоретического осмысления этого явления в языках мира — прежде всего, в связи с существующими теориями падежа, поскольку под «дифференцированным маркированием аргументов» чаще всего имеется в виду именно возможность использования различных падежных показателей (хотя в языках без грамматической категории падежа стратегии такого рода, безусловно, тоже существуют). Для теоретиков разных направлений эта группа явлений оказалась весьма привлекательным полигоном для проверки конкурирующих концепций падежа и аргументной структуры — см. подробнее, например, [Aissen 2003] и [Malchukov, de Swart 2009]. Сравнительно недавно было обращено внимание на то, что сходные стратегии могут касаться и других

аргументов (хотя в объектной области они проявляются чаще всего), и появились влиятельные исследования, например, дифференцированного маркирования подлежащих [De Hoop, de Swart 2009]; именно поэтому типологи в настоящее время предпочитают говорить о проблематике дифференцированного маркирования *аргументов* в целом, не уточняя их синтаксическую роль — см. [Witzlack-Makarevich, Seržant (eds.), 2017].

Собранные в данном томе исследования, написанные с учетом последних достижений синтаксической типологии, представляют более детальный анализ материала различных языков, включающий разбор нетривиальных моделей дифференцированного маркирования (в основном обсуждаются стратегии кодирования объектов, однако в некоторых случаях предметом исследования оказываются и другие типы аргументов); часть рассматриваемых языков относятся к классическим языкам с ДМА, тогда как материал других почти не привлекался в исследованиях данной проблематики.

Подборка открывается обзорной теоретической статьей Е. А. Лютиковой, в которой явление ДМА обсуждается в связи с существующим формальными теориями падежа, по-разному решающими задачу объяснения этой группы языковых явлений. Далее помещен обширный блок статей, посвященных различным языкам уральской семьи, где ДМА распространено чрезвычайно широко. Читатель найдет здесь общий обзор ситуации в прибалтийско-финских языках (Ф. И. Рожанский), а также подробное исследование данных бесермянского удмуртского (Н. В. Сердобольская) и мокшанского (С. Ю. Толдова и — с диахронических позиций — А. А. Козлов). Завершает этот блок статья А. Ю. Урманчевой, где рассматривается специфическое использование показателя косвенной эвиденциальности в селькупском, компенсирующее утрату традиционного для уральских механизма ДМА при помощи разных серий лично-числовых показателей.

К этим статьям близка по проблематике и типу рассматриваемых явлений статья П. М. Аркадьева, в которой специально исследовано влияние отрицания на ДМА (главным образом, на славянском и балтийском материале), а также статья Р. В. Ронько, посвященная так наз. «номинативному объекту» в северорусских диалектах. В двух следующих статьях рассматриваются нетривиальный материал современного русского языка: оформление ар-

гументов имен ситуаций (А. А. Герасимова) и выбор падежа зависимого имени при прилагательном *полный* (Е. А. Проценюк).

Завершает подборку блок статей, посвященных анализу стратегий ДМА в менее изученных языках Азии и Африки: это нанайский (С. А. Оскольская и Н. М. Стойнова), новоассирийский (И. В. Саркисов), языки манде (М. Б. Коношенко), языки ква, бенуэ-конго и гур (А. Б. Шлуинский; в статье рассматривается связь оформления аргументов с сериальными глагольными конструкциями), а также тибето-бирманские языки (М. В. Шкапа).

Можно надеяться, что публикуемые статьи будут интересны широкому кругу специалистов по синтаксической и грамматической типологии и позволят уточнить существующие представления о стратегиях дифференцированного маркирования аргументов в языках мира.

Литература

- Aissen 2003 — J. Aissen Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language and Linguistic Theory* 21.3, 2003. P. 435–483.
- Bossong 1985 — G. Bossong. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985.
- de Hoop, de Swart (eds.) 2009 — H. de Hoop, P. de Swart (eds.). *Differential Subject Marking*. Dordrecht: Springer, 2009.
- Malchukov, de Swart 2009 — A. Malchukov, P. de Swart. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 339–355.
- Witzlack-Makarevich, Seržant, forthcoming — A. Witzlack-Makarevich, I. A. Seržant. Differential argument marking: Patterns of variation: An introduction // I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *The Diachronic Typology of Differential Argument Marking [Studies in Diversity Linguistics]*. Berlin: Language Science Press, forthcoming.

Редакционная коллегия

Е. А. Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова / МПГУ, Москва

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ АРГУМЕНТОВ В ФОРМАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ ПАДЕЖА¹

1. Дифференцированное маркирование аргументов и теория падежа: точки соприкосновения

Исследования дифференцированного маркирования аргументов (Differential argument marking, DAM) и формальное моделирование падежа до последнего времени представляли собой две слабо пересекающихся области. Изучение дифференцированного маркирования аргументов и, в частности, дифференцированного падежного маркирования (Differential case marking, DCM) составляет традиционную задачу лингвистической типологии, в основе своей функционально ориентированной. Основные задачи, стоящие в этой области, состоят в очерчивании пространства типологических возможностей, предопределяющих как параметры межъязыкового и внутриязыкового варьирования исследуемого феномена, так и универсальные ограничения на это варьирование. В рамках этой исследовательской программы исчисляются возможные синтаксические контексты DAM (наряду с классическим дифференцированным маркированием объекта — DOM — изучаются также контексты дифференцированного маркирования субъекта и посессора), изучаются лицензоры — факторы, присутствие которых в синтаксической или семантической структуре способствует DAM (например, одушевленность, определенность аргумента или предельность, агентивность предиката), рассматриваются различные способы выражения DAM (симметричность / асимметричность, зависимостное / вершинное маркирование) и их корреляция со структурными позициями и лицензорами DAM.

---

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

Падежная теория, развивавшаяся в рамках формального синтаксиса, сосредоточивалась на падеже как формальном синтаксическом признаке именных групп (ИГ). В круг явлений, подвергающихся формальному моделированию, включались механизмы падежного маркирования, или приписывания падежа (*case assignment* — при управлении, при согласовании, конфигурационный), вопросы соотношения морфологического и синтаксического падежа, исследовавшиеся в первую очередь на материале таких феноменов, как *quirky subjects*² и эргативность, проблемы классификации падежей (структурные vs. лексически управляемые).

Можно заметить, что, несмотря на различные перспективы и методы исследования, «повестка дня» в этих областях очень сходная. Действительно, при изучении дифференцированного маркирования аргументов устанавливается связь между некоторым лицензором и падежным или другим типом зависимостного маркирования ИГ (*flagging*); наряду с падежным маркированием либо в качестве самостоятельного феномена DAM проявляется в контроле согласования и других типах вершинного маркирования синтаксического «хозяина» (*indexing*); в качестве одного из лицензирующих факторов либо в качестве собственно способа выражения DAM часто отмечается линейная позиция ИГ (*word order*). Эти компоненты представляют собой не что иное, как триаду средств морфосинтаксического кодирования аргументов (*syntactic alignment*), от которых мы и ожидаем варьирования при DAM. Однако именно эти феномены становятся объектом моделирования в теории падежа: рассматриваются способ появления падежной морфологии на ИГ, соотношение приписывания падежа и согласования, изучаются локальные ограничения на приписывание падежа, связь падежа и передвижения ИГ в определенную структурную позицию. Таким образом, теория падежа предсказывает результаты влияния синтаксической структуры на падежный признак аргумента, его линейную позицию и возмож-

---

² *Quirky subject* (букв. *странное подлежащее*) — синтаксический феномен исландского и, предположительно, ряда других языков, где аргумент в лексически управляемом падеже (*quirky case*) может занимать структурную позицию подлежащего, в обычных случаях связанную с номинативным падежным маркированием, и обладать всеми следующими из этой позиции синтаксическими свойствами.

ность согласования с ним. Следовательно, мы получаем возможность использовать совокупность обобщений, полученных при исследовании DAM, для проверки предсказаний формальных теорий о связи между лицензором DAM и падежным маркированием аргумента, о наличии или отсутствии взаимозависимости между падежом и согласованием, о корреляции между падежом и линейной позицией аргумента. Иными словами, DAM и в первую очередь DCM, может и должен выступить испытательным полигоном для формальных моделей падежа.

В этой статье ставится задача исследовать объяснительный потенциал двух конкурирующих формальных моделей падежа — минималистской теории приписывания падежа вершинами и конфигурационной теории падежа — в отношении различных типов падежного варьирования, выражающего дифференцированное маркирование аргументов. Изложение построено следующим образом. В разделе 2 рассматриваются синтаксические контексты, в которых происходит падежное варьирование. Раздел 3 посвящен параметризации падежного варьирования, позволяющей характеризовать этот феномен независимо от структурной позиции, в которой он имеет место. В разделе 4 приводятся необходимые сведения о двух рассматриваемых в статье формальных теориях падежа. Наконец, раздел 5 содержит сопоставление объяснительных механизмов этих теорий применительно к дифференцированному падежному маркированию при опоре на выделенные параметры варьирования.

2. Контексты падежного варьирования

Целенаправленное изучение DAM началось, по-видимому, с работы [Bossong 1985], привлечшей внимание исследователей к широко распространенному в языках мира феномену вариативного оформления прямого дополнения (см. примеры (1)–(2), демонстрирующие DOM в иврите и осетинском языке). За прошедшие с тех пор 30 лет накоплен существенный объем знаний относительно факторов, лицензирующих DOM и их взаимодействия, структурных типов DOM и их корреляций с лицензирующими факторами, диахронических аспектов DOM. Среди наиболее авторитетных работ в этой области, обобщающих результаты предыдущих исследований, следует назвать [Aissen 2003; de Swart

2007; von Heusinger et al. 2008; de Hoop, Malchukov 2007; Malchukov, de Swart 2008].

(1) DOM по определенности в иврите

a. *Dan kara* *(*et*) *ha-itonim*.

Дан читал OM DEF-газеты
'Дэн читал (the) газеты'.

b. *Dan kara* (*et) *itonim*.

Дан читал (*OM) газеты
'Дан читал ⟨∅⟩ газеты'.

[Danon 2006: (1)]

(2) DOM по одушевленности в осетинском

a. *Æз чызджы-ы* уынын.

я девочка-GEN видеть.PRS.1SG
'Я вижу девочку'.

b. *Æз хæзар* уынын.

я дом видеть.PRS.1SG
'Я вижу дом'.

Значительно позже, с выходом сборника [de Hoop, de Swart (eds.) 2008] формируется представление о дифференцированном маркировании субъекта (differential subject marking, DSM) как о едином феномене. Более ранние исследования падежного варьирования в субъектной позиции в основном велись в рамках двух направлений — изучения расщепленной эргативности и активной конструкции предложения.

Расщепленная эргативность (split ergativity: [Silverstein 1976; deLancey 1981; Dixon 1994]) — морфосинтаксический феномен языков с морфологической эргативностью, при котором эргативная конструкция предложения затрагивает не все переходные клаузы данного языка. Существует две основных разновидности расщепленной эргативности: (обычно формальный) именной сплит в соответствии с положением именной группы в так называемой иерархии одушевленности, совмещающей иерархии лица, синтаксической категории и собственно одушевленности, и расщепленная эргативность на основе видо-временных категорий клаузы. Первая разновидность может быть проиллюстрирована примером из языка дирбал (Таблица 1). Из Таблицы 1

видно, что в дирбал противопоставлены локуторы и не-локуторы: локуторы имеют аккузативную парадигму, в то время как не-локуторы — эргативную. Существуют более дробные противопоставления классов именных групп и связанных с ними парадигм; так, переход от эргативной модели к аккузативной может быть опосредован нейтральной и трехчастной системами, как это происходит, например, в кашинава [Dixon 1994].

Таблица 1. Формальный именной сплит в дирбал [по Dixon 1979]

	местоимения 1 и 2 лица (локуторы)	местоимения 3 лица	существительные
A	-∅	- <i>ŋgu</i>	- <i>ŋgu</i>
S	-∅	-∅	-∅
P	- <i>na</i>	-∅	-∅

Примером аспектуального сплита может служить классическая минимальная пара (3a-b) из хинди; в хинди, как и во многих других эргативных языках с аспектуально мотивированным DSM, перфектив, выражаемый синтетической словоформой, коррелирует с эргативной конфигурацией, а имперфектив, выражаемый аналитической конструкцией — с биноминативной/биабсолютивной конфигурацией.

(3) аспектуальный DSM в хинди

a. *laṛke-ne kitāb xarīdī.*

мальчик-ERG книга.NOM покупать.PF

‘Мальчик купил книгу’.

b. *laṛkā kitāb xarīdtā hai.*

мальчик.NOM книга.NOM покупать.IPF AUX.PRS

‘Мальчик покупает книгу’. [Mohanani 1994: 70]

Активная стратегия кодирования аргументов, или расщепленная непереходность (*active/semantic alignment, split intransitivity*), характеризует такие языки, в которых единственный ядерный аргумент непереходного глагола кодируется не единообразно: часть оформляется как А-аргумент переходного глагола, а остальные — как Р-аргумент переходного глагола. Естественным основанием для DSM-сплита представляется ролевая характеристика аргумента, т. е. противопоставление агенса и пациенса. Однако актив-

ная стратегия может предполагать самые различные лицензирующие факторы: противопоставление действия и состояния, предельных и непредельных, контролируемых и неконтролируемых, воздействующих (affected) и не воздействующих на аргумент ситуаций [см. Mithun 1991, Donohue 2008, Donohue, Wichman (eds.) 2008]. Например, в восточном помо (помоанский язык Северной Америки) сплит опирается на контролируемость и волитивность (4).

- (4) DSM по контролируемости/волитивности, восточный помо
- a. *há· ba-téc`ki*
я.AGT ударился
'Я ударился (намеренно)'.
b. *wí ba-téc`ki*
я.PAT ударился
'Я ударился (случайно)'. [Mithun 1991: 518–524]

Те же факторы могут вызывать и DSM в переходной конструкции: так, в агульском языке засвидетельствованы конструкции с ненамеренным агенсом, отклоняющиеся от переходного прототипа (5).

- (5) DSM по контролируемости/волитивности, агульский
- a. *baw.a nek̄ aṭizu-ne.*
мать.ERG молоко.NOM выливать-PST
'Мать вылила молоко'.
b. *baw.a-f-as nek̄ aṭizu-ne.*
мать-AD-EL молоко.NOM выливать-PST
'Мать пролила молоко'. [Ganenkov et al. 2008:177]

Поскольку набор клаузалных лицензоров падежного варьирования в позиции объекта и субъекта во многом совпадает, возникает вопрос о корреляциях между DSM и DOM. Действительно, в целом ряде языков представлены одновременно DSM и DOM, при этом они могут быть ориентированы на разные факторы (и быть тем самым независимыми), как это происходит в хинди (примеры (6a-d)), либо могут регулироваться единым фактором, предопределяющим сдвиг всей морфосинтаксической конструкции предложения, как это происходит в грузинском языке (примеры (7a-b)).

- (6) DSM по аспектуальности, DOM по одушевленности, хинди
- a. *rām-ne ravī-ko pīṭaa.*
 Рам-ERG Рави-ACC бить.PF
 ‘Рам побил Рави’.
- b. *rām ravī-ko pīṭaa hai.*
 Рам.NOM Рави-ACC бить.IPF AUX.PRS
 ‘Рам бьет Рави’.
- c. *laṛke-ne kitāb harīdī.*
 мальчик-ERG книга.NOM почитать.PF
 ‘Мальчик купил книгу’.
- d. *laṛkā kitāb harīdī hai.*
 мальчик.NOM книга.NOM почитать.IPF AUX.PRS
 ‘Мальчик покупает книгу’. [Mohanani 1994: 70]
- (7) DSM+DOM по аспектуальности, грузинский
- a. Аорист (Серия II): эргативный субъект, номинативный объект
nino-m gia-s surateb-i ačvena.
 Нино-ERG Гия-DAT фото-NOM показать.AOR
 ‘Нино показала фотографию Гии’.
- b. Презенс (Серия I), номинативный субъект, дативный объект
nino gia-s surateb-s ačveneb.
 Нино.NOM Гия-DAT фото-DAT показывать.PRS
 ‘Нино показывает фотографию Гии’. [Marantz 1991:14]

Регулярный DSM в главных клаузах свойствен в первую очередь морфологически эргативным или активным языкам; однако DSM в зависимых клаузах широко представлен и в аккумулятивных языках. Представлены два основных формальных типа вариативного маркирования подлежащего зависимой клаузы. Во-первых, возможно варьирование обычного оформления подлежащего, свойственного главным клаузам, и «объектного» оформления подлежащего, как если бы оно выступало дополнением главной клаузы (ЕСМ-конструкции, конструкции с подъемом аргумента). Во-вторых, наблюдается варьирование «клаузного» и «именного» оформления подлежащего, что реализуется как но-

минализация зависимой клаузы и выражение ее подлежащего средствами, зарезервированными для выражения посессора. Важно, что лицензорами варьирования в этих случаях могут выступать те же факторы, которые действуют и в других позициях. Например, в турецком языке представлен DSM в зависимой клаузе, при котором номинативное и генитивное подлежащее варьируют в зависимости от специфичности.

(8) DSM в зависимой клаузе по специфичности, турецкий

a. *Yol-dan bir araba geç-tiğ-in-i*

дорога-ABL один машина проехать-NML-3SG-ACC

gör-dü-m.

видеть-PST-1SG

‘Я видел, что по дороге проехала машина <non-specific>’.

b. *Yol-dan bir araba-nın geç-tiğ-in-i*

дорога-ABL один машина-GEN проехать-NML-3SG-ACC

gör-dü-m.

видеть-PST-1SG

‘Я видел, что одна машина <specific> проехала по дороге’.

[von Heusinger, Kornfilt 2005: (16)]

Посессивное маркирование аргумента не только варьирует с клаузальным, но и выступает в качестве самостоятельной области DCM. Дифференцированное маркирование посессора (Differential possessor marking, DPM) как единый феномен в литературе обычно не выделяется. Можно указать три основных типа DPM, отличающиеся друг от друга и по формальным параметрам, и по лицензирующим факторам: (i) падежное варьирование как частный случай отличий в кодирующей технике для разных типов семантических отношений между именной вершиной и ее именным зависимым, в первую очередь отчуждаемой vs. неотчуждаемой принадлежности [Haiman 1983]; (ii) вариативное морфосинтаксическое оформление внешнего и внутреннего посессора [Shibatani 1994; Payne, Barshi 1999]; (iii) дифференцированное маркирование посессоров, имеющих различные формальные (например, местоимение/существительное) или семантические (например, референциальный статус) характеристики [Гращенков 2007; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Тестелец 2014]. Так, в (9) представлен пример DPM из языка ялаку (группа нду, сепикские языки Папуа-

Новой Гвиней), в котором генитивное и немаркированное выражение посессора коррелируют с его референтностью.

(9) DPM по референтности, ялаку

a. *meda ñene*

казуар ребенок

‘казуаренок’

b. *meda-na ñene*

казуар-GEN ребенок

‘птенец (какого-то) казуара’ [Aikhenvald 2015: Table 9]

Обобщая краткий обзор DCM, следует отметить, что, несмотря на конкретно-языковые различия, связанные с лицензирующими факторами, их сферой действия и спецификой зависимостного маркирования, может быть выделена общая схема падежного варьирования, применимая к DCM в различных структурных позициях. Контексты падежного варьирования соответствуют базовым грамматическим функциям именных групп — субъект, объект, посессор, которые получают единообразное морфосинтаксическое кодирование при помощи структурных (тематически независимых) падежей и являются приоритетными контролерами предикативного и посессивного согласования. Факторы-лицензоры DCM вызывают отклонения от канонического кодирования: S, O или P получают особый падеж или теряют падежный показатель, что может влиять на их способность контролировать согласование и коррелировать с определенной линейной позицией.

Кроме того, воздействие факторов, лицензирующих модифицированное управление, может выделять подмножества аргументов, не совпадающие с основными грамматическими отношениями. Например, известно, что среди подлежащих тенденцию к DCM по референтности обнаруживают в подавляющем большинстве случаев внутренние аргументы (при пассивах и неаккузативах); с другой стороны, такую же тенденцию имеют и внутренние аргументы переходных глаголов, соответствующие прямому дополнению. Очевидно, что обобщения над такими классами аргументов возможны только при едином подходе к дифференцированному маркированию аргументов, который становится все более популярным в последние годы (ср. [Witzlack-Makarevich, Seržant, forthcoming]).

Итак, наличие общей схемы падежного варьирования, регулярное взаимодействие DOM, DSM и DPM, а также существование «гибридных» видов DAM позволяют описывать DCM в рамках единой параметрической системы, расширяя и обобщая классификации, предлагавшиеся в основном для DOM (ср., например, [von Heusinger et al. 2008]).

3. Параметры падежного варьирования

Для дифференцированного падежного маркирования аргументов релевантны такие противопоставления, как локальность лицензора, наличие семантической мотивации, наличие позиционных различий, наличие корреляций с согласованием.

Параметр локальности лицензора позволяет определить локализацию фактора, ответственного за падежное варьирование. Локальный DCM лицензируется свойствами самого аргумента. Такими свойствами могут выступать как его формальный признак (имя / местоимение, локутор / не-локутор) или синтаксическая категория (DP / NP), так и семантические признаки (одушевленность, определенность, референтность, топикальность...), в отношении которых нет единой теоретической точки зрения о наличии и способе их синтаксической репрезентации.

Нелокальный DCM лицензируется внешними по отношению к аргументу факторами. Эти факторы могут быть связаны как с управляющим предикатом (предикатный DCM), так и с коаргументом (коаргументный DCM).

Лицензорами предикатного DCM выступают различные признаки управляющего предиката (или — шире — клаузы, включающей аргумент. Следует отметить, что семантические и грамматические признаки предиката часто взаимосвязаны с признаками самого аргумента. Так, например, лицензирующие DCM аспектуальные, темпоральные и модальные признаки коррелируют с квантованностью и референциальными признаками аргумента (ср. (10)), а такие признаки предиката, как агентивность и волиитивность — с одушевленностью аргумента. В этой связи вопрос о том, является ли первичным лицензором DCM признак предиката или признак аргумента, не всегда допускает однозначное решение.

(10) предикатный DOM по аспекту, эстонский

- a. *Ta ehitas silla* (*kahe aasta-ga*).
он строить.PST мост.GEN два.GEN год.OBL-COMIT
'Он построил мост (за два года)'.
b. *Ta ehitas silda* (*kaks aastat*).
он строить.PST мост.PART два.PART год.PART
'Он строил мост (два года)'.

Более редким видом нелокального DCM является коаргументный DCM: он лицензируется характеристиками другого аргумента (и их сопоставлением с характеристиками DCM-аргумента). При этом могут оказываться релевантными и семантические, и формальные признаки коаргумента. Например, в языке автув (сепик-раму) прямое дополнение оформляется аккумулятивом, только если его референт превосходит референт субъекта по одушевленности (пример (11)). С другой стороны, в багвалинском языке (андийский / северо-кавказский) выбор падежа внешнего аргумента (эргатив vs. номинатив) и, соответственно, контролера предикативного согласования определяется на формальных основаниях, в соответствии с падежом внутреннего аргумента (NOM vs. лексически управляемый косвенный падеж), см. пример (12).

(11) коаргументный DOM по одушевленности, автув

- a. *Tey tale-re yaw d-ael-i*.
3F.SG женщина-ACC свинья F.AGT-кусать-PAT
'Свинья укусила женщину'.
b. *Tey tale yaw d-ael-i*.
3F.SG женщина свинья F.AGT-кусать-PAT
'Женщина укусила свинью'. [de Hoop, Malchukov 2007]

(12) коаргументный DSM по падежу, багвалинский

- a. *anwar* / *anwar-i-r *ila-īa*
Анвар.NOM / *Анвар-OBL-ERG мать-OBL.SUP.LAT
w-alli.
М-кричать.PST
'Анвар крикнул матери'.

- b. *anwar-i-r* / *anwar *ila* *j-alli*.
Анвар-OBL-ERG / *Анвар.NOM мать.NOM F-кричать.PST
'Анвар позвал мать'.

Параметр семантической мотивации противопоставляет семантически обусловленное и исключительно конфигурационное падежное варьирование. Хотя влияние ролевых характеристик аргумента на его падеж в первую очередь отмечается для лексического управления, возможно и семантически мотивированное структурное падежное варьирование. Наличие / отсутствие семантической мотивации при структурном падежном маркировании можно показать на примере оформления каузируемого в каузативной конструкции. Так, в балкарском языке (тюркский) приписывание падежа каузируемому подчиняется правилу «парадигматического падежа» Б. Комри [Comrie 1976]: при каузативизации непереходного глагола каузируемый оформляется аккумулятивом (13a), при каузативизации переходного глагола каузируемый получает датив (13b) вне зависимости от агентивности исходной основы, семантического типа каузации, степени контроля каузируемым каузируемой ситуации и т. п. Напротив, в венгерском языке при каузативизации одного и того же непереходного глагола падежное оформление каузируемого зависит от семантического типа каузации (14).

- (13) конфигурационное оформление каузируемого, балкарский
- a. *kerim alim-ni* / *alim-ge *sekir-t-ti*.
Керим Алим-ACC / Алим-DAT прыгать-CAUS-PST.3SG
'Керим заставил Алима прыгнуть'.
- b. *kerim *alim-ni / alim-ge* *suu ic-ir-di*.
Керим Алим-ACC / Алим-DAT вода пить-CAUS-PST.3SG
'Керим напоил Алима водой'.
- (14) семантически мотивированное оформление каузируемого, венгерский
- a. *Az orvos pisiltette a gyereket*.
DET врач.NOM мочиться.CAUS.3SG DET ребенок.ACC
'Врач вызвал мочеиспускание у ребенка'.
- b. *Az orvos pisiltetett a gyerekket*.
DET врач.NOM мочиться.CAUS.3SG DET ребенок.INSTR
'Врач заставил ребенка помочиться'. [Ackerman 1994: 537]

Параметр позиционных различий позволяет определять падежное варьирование как происходящее в одной структурной (и линейной) позиции либо как связанное с разными структурными (и линейными) позициями. Например, распространенная модель DOM, проиллюстрированная здесь примером (15) из якутского языка (тюркский), состоит в том, что аккумулятивные и немаркированные падежным показателем дополнения позиционно распределены: немаркированное дополнение располагается *in situ*, в базовой предглагольной позиции, в то время как аккумулятивное дополнение должно покинуть пределы глагольной группы для получения падежа.

(15) DOM в разных структурных позициях: якутский

a. *Masha* [_{VP} ***tüргөnnik salamaat-(*y)*** *sie-te*].

Маша быстро каша-(*ACC) есть-PST.3SG
‘Маша быстро съела кашу’.

b. *Masha salamaat-*(y)* [_{VP} ***tüргөnnik*** *sie-te*].

Маша каша-*(ACC) быстро есть-PST.3SG
‘Маша кашу быстро съела’. [Baker, Vinokurova 2010]

Аналогичное падежное варьирование представлено и в родственном якутскому татарском языке, однако, в отличие от якутского, оно не связано с позиционными различиями: и аккумулятивное, и немаркированное дополнение грамматичны *in situ* (16). При этом татарский демонстрирует позиционные различия при DPM — референтный генитивный посессор предшествует адъективным модификаторам именной группы, а нереферентный немаркированный посессор — следует за ними (17).

(16) DOM в одной структурной позиции: татарский

Bajras kat-kat xat-(ni) uki-di.

Байрас опять-опять письмо-(ACC) читать-PST
‘Байрас снова и снова читал письмо’.

(17) DPM в разных структурных позициях: татарский

a. ***bala-lar-nuy*** *kızıklı kitab-ı*

ребенок-PL-GEN интересный книга-3
‘интересная книга (этих) детей’

b. *kızıklı bala-lar kitab-ı*

интересный ребенок-PL книга-3
‘интересная детская книга’

Параметр корреляции DCM с согласованием учитывает возможную связь определенного падежного маркирования аргумента с его индексацией в управляющей вершине. Очевидно, что этот параметр приложим к DCM в том случае, когда хотя бы один из типов маркирования коррелирует с морфологически наблюдаемым согласованием.

Примером взаимосвязанного падежного варьирования и варьирования согласования может служить DSM в относительной клаузе татарского языка (18). При номинативном подлежащем относительной клаузы именная вершина не несет показателей согласования; при генитивном подлежащем посессивное согласование с ним обязательно.

(18) падежное варьирование сопровождается варьированием согласования: DSM и посессивное согласование в татарском

- a. *min Kazan-nan al-ıp kajt-kan kitap*
 я.NOM Казань-ABL брать-CONV вернуться-PF книга
 ‘книга, которую я привез из Казани’
- b. *minem Kazan-nan al-ıp kajt-kan kitab-ım*
 я.GEN Казань-ABL брать-CONV вернуться-PF книга
 ‘книга, которую я привез из Казани’

Отсутствие корреляций между варьированием в зависимом и вершинном маркировании наблюдаем в амхарском языке (семитский / афразийский). С одной стороны, аккузативная определенная именная группа в позиции дополнения может (но не должна) выступать контролером объектного согласования глагола (19a); с другой стороны, объектное согласование в битранзитивной конструкции может происходить не только с аккузативным, но и с косвеннопадежным дополнением-целью (19b).

(19) падежное варьирование независимо от согласования: DOM и объектное согласование в амхарском

- a. *Ləmma wiffa-w-in j-aj-al* ||
 Лемма собака-DEF-ACC 3М.SU-видеть-AUX.3М.SU
 || *j-aj-əw-al*.
 3М.SU-видеть-3М.OBJ-AUX.3М.SU
 ‘Лемма видит собаку’.

- b. *L-Aster lidz-u-n assajj-əhw-at.*
 DAT-Астер младенец-DEF-ACC показывать-1SG.SU-3F.OBJ
 ‘Я показал младенца Астер’. [Baker 2012]

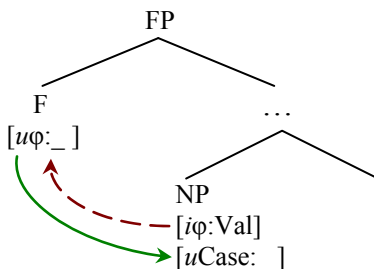
3. Две конкурирующих формальных теории падежа

В формальном синтаксисе существуют две основные теории приписывания падежа — процесса, в результате которого определенная падежная морфология оказывается связана с конкретной именной группой. Первая, наиболее широко распространенная в генеративной грамматике, считает падеж синтаксическим признаком, обуславливающим лицензирование именных групп; вторая теория, выдвинутая в работе Алека Марантца, рассматривает падеж как постсинтаксический феномен, основанный на взаимном расположении и конкуренции именных групп в определенной локальной конфигурации.

Современная минималистская теория падежа представляет собой развитие модели синтаксического (абстрактного) падежа Теории Управления и Связывания [Chomsky 1981, 1986]. Считается, что падеж есть неозначенный и неинтерпретируемый признак именной группы, который должен получить значение в процессе деривации, иначе деривация «не сойдется» и соответствующее предложение окажется неграмматичным.

В минималистской модели, предложенной Хомским, падеж приписывается именной группе в процессе согласования некоторой вершины F с именной группой по ф-признакам (лицу, числу, возможно, роду/согласовательному классу), как это представлено в (20). Приписывание падежа, таким образом, является следствием (и даже побочным продуктом) согласования вершины с именной группой, что отражается в наименовании теории — «приписывание падежа при согласовании» (case assignment under AGREE).

(20)

Вершины-источники падежа делятся на лексические, которые вступают в падежное взаимодействие с собственными дополнениями, и функциональные, которые приписывают падеж ближайшей ИГ, доступной в их области с-командования. Падеж, приписанный лексической вершиной, называется ингерентным; падеж, связанный с функциональной вершиной — структурным [Chomsky 2000, 2001].

Структурный падеж может быть охарактеризован при помощи следующих свойств: (i) он не зависит от семантической роли, которую получает именная группа; (ii) он является значительно менее локальным, чем ингерентный падеж и (iii) он необязательно должен быть реализован в конфигурации, где выступает вершина-источник падежа. Учитывая эти характеристики, обычно говорят о трех основных структурных падежах: номинативе как падеже, приписываемом финитной предикативной вершиной T; аккузативе как падеже, приписываемом переходным легким глаголом *v*; и генитиве как падеже, приписываемом (притяжательной) функциональной вершиной D, доминирующей над группой лексического существительного.

В развитие минималистской теории падежа Э. Вулфорд уточняет статус регулярных не-структурных падежей, таких как эргатив переходной конструкции и датив битранзитивной и каузативной конструкции. Вулфорд предлагает двухуровневую классификацию падежей, так что среди не-структурных выделяются ингерентные падежи, связанные с определенными функциональными вершинами и регулярные, но — в отличие от структурных падежей — тематически наполненные, и лексические падежи, которые нерегулярным образом управляются лексическими вершинами. Характеристики падежей в теории Вулфорд представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Классификация падежей [Woolford 2006]

	Не-структурные		Структурные
	Лексические	Ингерентные	
Вершина-источник падежа	лексическая	функциональная	функциональная
Связь с определенной тета-ролью	нет	да	нет
Регулярность	нет	да	да
Пример	<i>quirky</i> -падеж в исландском языке	эргатив; датив битранзитивных глаголов	номинатив подлежащего, аккузатив дополнения

Альтернативная теория конфигурационного падежа восходит к работе [Marantz 1991] и далее получает развитие в [McFadden 2004, Bobaljik 2008, Preminger 2011, Baker 2015]. Основная идея этой теории может быть сформулирована следующим образом: структурный падеж приписывается именным группам на конфигурационной основе, в зависимости от наличия других именных групп («падежных конкурентов») в некоторой локальной области³.

Марантц выделяет четыре типа падежей, образующих дизъюнктивную иерархию реализации падежа:

— лексически управляемый падеж (*lexically governed case*), т. е. падеж, определяемый идиосинкратичными свойствами конкретных лексических единиц, таких как исландские глаголы, приписывающие *quirky* падеж, или предлоги/послелogi;

— «зависимый» падеж (*dependent case*) — аккузатив или эргатив — т. е. падеж, приписывание которого «зависит» от присутствия в клаузе другой беспадежной именной группы;

— немаркированный падеж (*unmarked case*), т. е. падеж, приписываемый любой именной группе в некоторой структурной области, например, номинатив внутри клаузы или генитив внутри NP/DP;

— дефолтный падеж (*default case*), т. е. падеж, который именная группа получает по умолчанию.

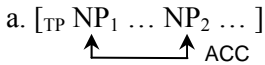
Данная иерархия определяет порядок, в котором именной группе могут быть приписаны различные варианты падежа. Безусловным приоритетом обладает приписывание лексически управляемых падежей (аналогов лексического падежа Вулфорд, описанного выше). Далее применяется правило приписывания зависимого падежа: для того, чтобы именная группа получила зависимый падеж, необходимо, чтобы как минимум две беспадеж-

---

³ Следует отметить, что гипотеза о конфигурационном приписывании структурных падежей в принципе независима от локализации этого процесса. Так, в [Bittner, Hale 1996] предлагается имплементация «падежной конкуренции» в традиционном синтаксисе Теории управления и связывания; упомянутые выше О. Премингер и М. Бейкер также рассматривают падежное маркирование как синтаксический феномен, не имеющий, впрочем, отношения к лицензированию именных групп и абстрактному падежу [Baker 2009, 2012, 2015; Preminger 2011, 2014; Kornfilt, Preminger 2015; Levin, Preminger 2015].

ные ИГ принадлежали одной падежной области. В простейшем случае падежная область совпадает с клаузой. Если клауза содержит две именных группы, ни одна из которых не получила лексически управляемого падежа, то ИГ, находящаяся ниже в синтаксической структуре, в аккумулятивных языках получает «зависимый» аккузатив, а ИГ, находящаяся выше в синтаксической структуре, в эргативных языках получает «зависимый» эргатив (см. схему в (21)). Затем наступает очередь применения правила немаркированного падежа: он приписывается любой пока еще беспадежной ИГ, расположенной внутри конкретной синтаксической проекции. И, наконец, если к ИГ не применимо ни одно из предыдущих правил, она получает дефолтный падеж.

(21) Падежная конкуренция

Основные направления в развитии конфигурационной модели заключаются в более тщательной проработке падежных областей и параметризации правил приписывания зависимого падежа. С одной стороны, система Марантца допускает и более общую формулировку правил: можно предполагать, что при падежной конкуренции падеж получает не только одна из двух конкурирующих ИГ (верхняя или нижняя), но также возможна ситуация, когда и нижняя, и верхняя ИГ будут маркированы падежом, как это происходит в некоторых языках с трехчастной падежной системой — например, в не-персе (ср. [Levin, Preminger 2015]). С другой стороны, в пределах клаузы можно выделять более одной падежной области. Так, М. Бейкер предлагает считать, что конфигурационное приписывание падежа происходит в тот момент, когда в деривацию вступает фазовая вершина — С или V_{TR}; соответственно, падежными областями являются компоненты фаз — TP (клауза) и VP (группа лексического глагола). Это позволяет проанализировать дательный падеж, возникающий в битранзитивных конструкциях, как зависимый падеж VP-области.

Рассмотрим деривацию якутского предложения (22).

- (22) битранзитивная конструкция, якутский
Min Masha-qa kinige-ni bier-di-m.
 я.NOM Маша-DAT книга-ACC давать-PST-1SG
 ‘Я дал Маше книгу’. [Baker, Vinokurova 2010: 602 (11)]

В первый раз правила приписывания падежа вступают в действие на момент построения фазы переходного легкого глагола (23a). В падежной области VP имеется две беспадежных ИГ — цель и тема — не получившие лексически управляемого падежа. Они вступают в падежную конкуренцию. Верхняя ИГ — цель — получает зависимый падеж уровня VP, датив. Нижняя ИГ — тема — остается беспадежной.

Деривация продолжается до уровня следующей фазы — С (23b). После этого в комплементе фазы запускаются процессы приписывания падежа. Мы видим, что в новой падежной области, TP снова имеется две беспадежных ИГ — агенс-подлежащее и тема. Правило зависимого падежа приписывает нижней из них аккузатив. Подлежащее в отсутствие падежных конкурентов получает немаркированный / дефолтный падеж.

- (23) a. [_{VP} min [_{VP} Masha-qa [_V kinige bier]] v]
           я   Маша-DAT   книга давать
- ↑
- b. [_{CP} [_{TP} min [_{VP} ~~min~~ [_{VP} Masha-qa [_V kinige-ni bier]] v] T] C]
           я   я   Маша-DAT   книга-ACC давать
- ↑

Следует отметить, что, хотя приписывание нелексического падежа в конфигурационной модели не связано с конкретными функциональными вершинами и абсолютно независимо от операции согласования, тем не менее падеж именных групп может опосредованно влиять на согласовательные характеристики предикативной и прочих функциональных вершин. Подобное влияние выражается в виде падежных ограничений (case discrimination), налагаемых на именную группу — потенциальный контролер предикативного согласования. Так, Дж. Бобальчик [Bobaljik 2008] реинтерпретирует иерархию контролеров согласования Эдит Моравчик, сформулированную изначально в терминах синтаксиче-

ских ролей (grammatical relations), в терминах типов падежа, оформляющего потенциальный контролер согласования:

(24) Иерархия доступности ИГ как контролеров согласования [Bobaljik 2008]

немаркированный падеж >> зависимый падеж >> лексический падеж

Падежные ограничения на согласование позволяют устанавливать более сложные зависимости между согласованием и падежом. В этой модели определенный падеж или группа падежей коррелируют с наличием согласования, поэтому если падежное варьирование происходит между не ограничивающими согласование падежами, то согласование происходит независимо от падежного варьирования; если же в падежном варьировании участвуют ограничивающий и не ограничивающий согласование падеж, то согласование будет демонстрировать ковариацию с падежом.

4. Моделирование падежного варьирования в формальных теориях падежа

В этом разделе мы рассмотрим аналитический потенциал падежных теорий в отношении падежного варьирования. Сперва мы уточним допустимые в рамках описанных выше моделей объяснительные механизмы, а затем перейдем к оценке их возможностей в представлении всех значений параметров, характеризующих DCM.

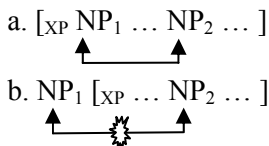
Сразу следует отметить, что обе теории сходным образом интерпретируют приписывание лексически управляемого падежа, поэтому различия между ними будут проявляться при анализе структурных и ингерентных (в понимании Вулфорд), т. е. грамматических падежей.

По-видимому, основным объяснительным механизмом DCM конфигурационной теории выступает различие в областях падежной конкуренции. Можно усмотреть как минимум два типа конструкций, в которых конфигурационная теория предсказывает варьирование структурного падежа.

Во-первых, это случай, когда ИГ находится в разных структурных позициях, одна из которых располагается внутри одной падежной области, а другая — вне ее (25a). Если NP₁ получает зависимый падеж в пределах падежной области XP, то ее подъем

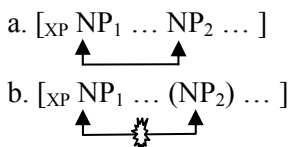
из XP приведет к тому, что зависимый падеж в XP не будет приписан (25b).

(25) конфигурационная теория: позиционная альтернатива

Во-вторых, возможна ситуация, когда оформление падежного конкурента ИГ варьирует между лексически управляемым и структурным падежом. В таком случае при структурном падеже NP₂ NP₁ получит зависимый падеж (26a), а приписывание лексически управляемого падежа NP₂ сделает ее невидимой для падежной конкуренции, что приведет к невозможности приписывания NP₁ зависимого падежа уровня XP (26b).

(26) конфигурационная теория: влияние падежа одного аргумента на падеж другого аргумента

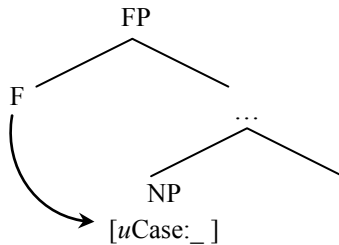

Представляется, что объяснительные механизмы минималистской теории приписывания падежа при согласовании существенно шире. Во-первых, поскольку понятие синтаксического падежа отделено от морфологического падежа, лицензор падежного варьирования может служить условием различной морфологической реализации одного и того же синтаксического падежа — как, например, в русском языке синтаксический аккузатив по-разному реализуется морфологически у одушевленных и неодушевленных именных групп. Во-вторых, если у синтаксического падежа сохраняется статус лицензора ИГ и не существует падежа, который по умолчанию получит любая ИГ, то для объяснения асимметричного падежного варьирования можно привлекать параметризацию падежного фильтра. А именно, можно предположить, что некоторые типы ИГ могут оставаться беспадежными, например, вследствие (псевдо)инкорпорации [Massam 2001] или

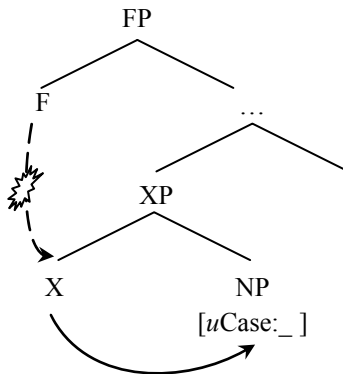
вследствие структурной неполноты [Danon 2006, Лютикова 2014, Лютикова, Перельцвайг 2015, Lyutikova, Pereltsvaig 2015].

В-третьих, внешние по отношению к именной группе лицензоры варьирования представимы как признаки вершин, воздействующие на их способность приписывать падеж, или как самостоятельные вершины, опосредующие вложение ИГ в управляющую фразовую категорию, как это представлено в (27a-b). Например, широко распространенный анализ количественного генитива [Pesetsky 1982, Franks 1994, Bailyn 2004 и др.] состоит в том, что генитивная ИГ вложена в оболочку нулевой вершины Q, которая и выступает источником количественного генитива и блокирует приписывание структурного падежа (аккузатива или номинатива) вышестоящей вершиной.

(27) а.

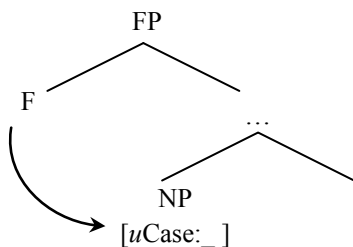
б.

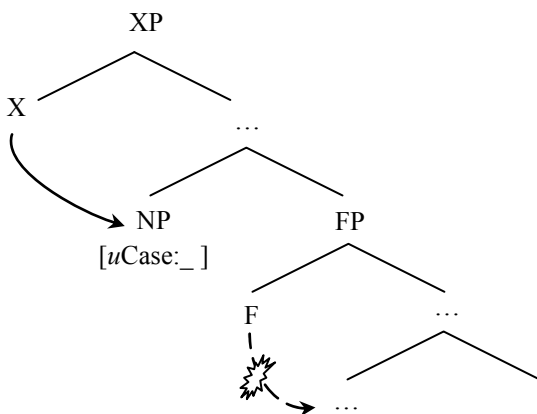
Наконец, позиционная альтернатива также имеет естественное объяснение в рамках минималистской модели, поскольку, находясь в разных структурных позициях, ИГ оказывается в области управления разных вершин, что, вследствие принципа минимальности, ведет к приписыванию разных падежей (28a-b).

(28) a.

b.

Перейдем теперь к рассмотрению возможного анализа различных типов DCM в рамках этих падежных теорий.

Параметр локальности лицензора противопоставляет DCM с локальным (внутренним) и нелокальным (внешним) лицензирующим фактором. Локальный DCM легко реализуем в обеих теориях — как за счет различной структуры ИГ, обладающих разными признаками, так и за счет различий в морфологической реализации. Иначе обстоит дело с нелокальным DCM. Предикатный DCM легко реализуем в теории приписывания падежа вершинами в качестве особых признаков управляющих вершин или самостоятельных вершин, опосредующих дефолтное управление в синтаксической структуре и обладающих собственной способностью к управлению. В рамках конфигурационной теории, очевидно, предикатный DSM требует перестройки синтаксической структуры, так чтобы при наличии у предиката признака-лицензора DCM синтаксическая структура и положение в ней аргумента, проявляющего падежное варьирование, отличались от структур-

ной конфигурации, возникающей в отсутствие лицензора. Хотя такой подход в ряде случаев получает независимое подтверждение (так, для многих языков показано, что DSM, связанный с варьированием эргативной и биноминативной конструкций, может быть структурно проинтерпретирован как варьирование моноклаузальной и биклаузальной конфигураций), обобщение этого подхода на все случаи предикатного DSM не кажется убедительным. С другой стороны, коаргументный DCM, наоборот, легко реализуем в конфигурационной теории (ср. (26a-b)) и проблематичен для теории приписывания падежа вершинами: приходится предполагать, что управление именной группой NP₁ со стороны вершины X может зависеть от наличия и управляющих свойств вершины Y, имеющей собственный аргумент NP₂.

Параметр семантической мотивации падежного варьирования, не вовлекающего лексически управляемого падежа, противопоставляет две рассматриваемые теории. Конфигурационная теория легко справляется со структурно обусловленным варьированием, но не в состоянии имплементировать влияние семантики на варьирование структурных падежей. Теория приписывания падежа функциональными вершинами располагает такой опцией, как ингерентный падеж Э. Вулфорд — регулярный и приписываемый функциональной вершиной падеж, связанный с конкретной семантической ролью.

Если DCM сопровождается позиционными различиями, обе теории способны имплементировать падежное варьирование, хотя и посредством различных механизмов: в конфигурационной модели позиционные различия означают различия падежных областей (25a-b), а в модели приписывания падежа вершинами — изменение отношений структурного приоритета (с-командования) между ИГ и управляющей вершиной (28a-b). Варьирование нелексических падежей в одной структурной позиции естественно представимо в модели приписывания падежа вершинами — например, через введение опосредующей структуры (27a-b); для конфигурационной модели такое варьирование возможно только в случае, когда имеет место одновременное варьирование в падежном оформлении или позиции падежного конкурента (26a-b).

Что касается корреляций DCM с согласованием, то, как уже указывалось в разделе 3, минималистская теория приписывания

падежа рассматривает согласование функциональной вершины с именной группой в качестве необходимого условия приписывания падежа, откуда следует одно-однозначное соответствие между падежом и согласованием.

Конфигурационная теория более свободна в описании разного рода несоответствий между приписыванием падежа и согласованием, однако ее слабым местом является неспособность ограничить согласование одной мишенью. Действительно, если допустимые для согласования ИГ-цели ограничены падежом (*case discrimination*) и наличие у ИГ падежа не «деактивирует» ее способность выступать в качестве контролера согласования, то с одной и той же ИГ может согласовываться неограниченное количество зондов. Однако обычно согласование предикатов со своими управляемыми аргументами (т. е. при нексусе) происходит лишь единожды. Так, в примере (29) из якутского языка финитная аналитическая глагольная форма обладает двумя позициями для согласования с подлежащим — на причастии и на вспомогательном глаголе (29a-b). Предикативное согласование является обязательным (29c), но происходит только один раз (29d).

(29) обязательность и единственность предикативного согласования, якутский

- a. *En süüj-büt*   *e-bik-kin*.
ты победить-PTPL AUX-PTPL-2SG
- b. *En süüj-bük-kün*   *e-bit*.
ты победить-PTPL-2SG AUX-PTPL
- c. *En süüj-büt   *e-bit*.
ты победить-PTPL AUX-PTPL
- d. *En süüj-bük-kün   *e-bik-kin*.
ты победить-PTPL-2SG AUX-PTPL-2SG
'В результате ты победил'. [Baker, Vinokurova, 2010: (76)]

Подведем итоги. Предпринятое обсуждение показывает, что обе рассмотренных формальных теории падежа имеют свои сильные и слабые стороны. При том, что в обеих теориях существует принципиальная возможность моделирования всех видов DCM, одни типы варьирования гармонируют с моделью приписывания падежа вершинами, в то время как другие типы — с

конфигурационной моделью. Как кажется, полученные результаты могут расцениваться не только как обоснование необходимости сосуществования и дальнейшего развития этих моделей, но и как своего рода check-list для новых теорий падежа, претендующих на то, чтобы прийти на смену сегодняшним моделям.

Условные обозначения

1 / 2 / 3 — 1-е / 2-е / 3-е лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AD — локализация 'ad'; AGT — агентив, агенс; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; COMIT — комитатив; CONV — конверб; DAT — датив; DEF — определенность; DET — определитель; EL — элатив; ERG — эргатив; F — женский род / класс; GEN — генитив; INSTR — инструменталис; IPF — имперфектив; LAT — латив; M — мужской род / класс; NML — номинализация; NOM — номинатив; OBJ — объект; OBL — косвенный падеж / основа; OM — объектный маркер; PART — партитив; PAT — пациентив, пациенс; PF — перфектив; PL — множественное число; PRS — презенс; PST — прошедшее время; PTPL — причастие; SG — единственное число; SU — субъект; SUP — локализация 'super'.

Литература

- Гращенко 2007 — П. В. Гращенко. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 83–114. [P. V. Grashchenkov. Izafetnaia konstrukttsiia: mnogo-faktornyĭ analiz [The ezafe-construction: multifactorial analysis] // E. A. Lyutikova, K. I. Kazenin, V. D. Solov'ev, S. G. Tatevosov (eds.). Misharskii dialekt tatarskogo iazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike. Kazan': Magarif, 2007. P. 83–114]
- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки 4, 2014. С. 50–70. [E. A. Lyutikova. Padezh i struktura imennoi gruppy: variativnoe markirovanie ob"ekta v misharskom dialekte tatarskogo iazyka [The case and the noun phrase structure: variational object marking in Mishar Tatar] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Serii Filologicheskie nauki 4, 2014. P. 50–70]

- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Е. А. Лютикова, А. М. Перельцвайг. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания 3, 2015. С. 52—69. [E. A. Lyutikova, A. M. Perel'tsvajg. Struktura imennoi gruppy v bezartiklevykh iazykakh: universal'nost' i variativnost' [The noun phrase structure in articleless languages: universality and variability] // Voprosy iazykoznanii 3, 2015. P. 52—69]
- Тестелец 2014 — Я. Г. Тестелец. Структура именных конструкций и проблема чередования падежей в адыгских языках // М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян и др. (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 536—551. [Я. Г. Testelets. Struktura imennykh konstruksii i problema cheredovaniia padezhei v adygsikh iazykakh [The structure of noun constructions and the problem of case alternation in the Adyghe languages] // М. А. Daniel', E. A. Liutikova, V. A. Plungian et al. (eds.). Iazyk. Konstanty. Peremennye. Pamiati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. SPb.: Aleteia, 2014. P. 536—551]
- Ackerman 1994 — F. Ackerman. Entailments of predicates and the encoding of causes // Linguistic Inquiry 25 (3), 1994. P. 535—547.
- Aikhenvald 2015 — A. Aikhenvald. Differential case in Yalaku // Oceanic Linguistics 54 (1), 2015. P. 240—269.
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // Natural Language and Linguistic Theory 21, 2003. P. 435—483.
- Bailyn 2004 — J. F. Bailyn. The case of Q // Olga Arnaudova et al. (eds.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Ottawa meeting 2003. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2004. P. 1—35.
- Baker 2009 — M. C. Baker. Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun // Lingua 119 (2), 2009. P. 148—165.
- Baker 2012 — M. C. Baker. On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic // Linguistic Inquiry 43, 2012. P. 255—274.
- Baker 2015 — M. C. Baker. Case. Its principles and its parameters [Cambridge studies in linguistics 146]. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Baker, Vinokurova — M. C. Baker, N. Vinokurova. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha // Natural Language and Linguistic Theory 28, 2010. P. 593—642.
- Bittner, Hale 1996 — M. Bittner, K. Hale. The Structural Determination of Case and Agreement // Linguistic Inquiry 27, 1996. P. 1—68.
- Bobaljik 2008 — J. Bobaljik. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation // D. Harbour et al. (eds.). Phi Theory, Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 295—328.

- Bossong 1985 — G. Bossong. *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Chomsky 1981 — N. Chomsky. *Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 1986 — N. Chomsky. *Barriers*. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
- Chomsky 2000 — N. Chomsky. *Minimalist Inquiries: The Framework* // R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). *Step by Step. Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Chomsky 2001 — N. Chomsky. *Derivation by Phase* // M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A Life in Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 1–52.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences* // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causative Constructions [Syntax and Semantics 6]*. New York: Academic Press, 1976. P. 261–312.
- Danon 2006 — G. Danon. *Caseless Nominals and the Projection of DP* // *Natural Language and Linguistic Theory* 24, 2006. P. 977–1008.
- de Hoop, de Swart 2008 — H. de Hoop, P. de Swart (eds.). *Differential Subject Marking*. Dordrecht: Springer, 2008.
- de Hoop, Malchukov 2007 — H. de Hoop, A. L. Malchukov. *On fluid differential case marking: A bidirectional OT approach* // *Lingua* 117, 2007. P. 1636–1656.
- de Swart 2007 — P. de Swart. *Cross-linguistic Variation in Object Marking*. Doctoral dissertation, University of Nijmegen, 2007.
- DeLancey 1981 — S. DeLancey. *An interpretation of split ergativity and related patterns* // *Language* 57 (3), 1981. P. 626–657.
- Dixon 1979 — R. M. W. Dixon. *Ergativity* // *Language* 55, 1979. P. 59–138.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Donohue 2008 — M. Donohue. *Semantic alignment systems: What’s what and what’s not*. // Donohue, Wichman (eds.). *The typology of semantic alignment*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 24–75.
- Donohue, Wichman (eds.) 2008 — M. Donohue, S. Wichman (eds.). *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Franks 1994 — S. Franks. *Parametric properties of numeral phrases in Slavic* // *Natural Language and Linguistic Theory* 12(4), 1994. P. 570–649.
- Ganenkov et al. 2008 — D. Ganenkov, T. Maisak, S. Merdanova. *Non-canonical Agent marking in Agul* // H. de Hoop, P. de Swart (eds.). *Differential Subject Marking*. Dordrecht: Springer, 2008. P. 173–198.

- Haiman 1983 — J. Haiman. Iconic and economic motivation // *Language* 59, 1983. P. 781–819.
- Kornfilt, Preminger 2015 — J. Kornfilt, O. Preminger. Nominative as no case at all: an argument from raising-to-accusative in Sakha // A. Joseph, E. Predolac (eds.). *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics [WAFL9, MIT Working Papers in Linguistics 76]*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 109–120.
- Levin, Preminger 2015 — T. Levin, O. Preminger. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? // *Natural Language and Linguistic Theory* 33 (1), 2015. P. 231–250.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — E. Lyutikova, A. Pereltsvaig. The Tatar DP // *Canadian Journal of Linguistics* 60 (3), 2015. P. 289–325.
- Malchukov, de Swart 2008 — A. Malchukov, P. de Swart. Differential Case Marking and Actancy Variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 339–355.
- Marantz 1991 — A. Marantz. Case and licensing // G. Westphal, B. Ao, H.-R. Chae (eds.). *Eastern States Conference on Linguistics*. Ithaca (NY): CLC Publications, 1991. P. 234–253.
- Massam 2001 — D. Massam. Pseudo noun incorporation in Niuean // *Natural Language and Linguistic Theory* 19, 2001. P. 153–197.
- McFadden 2004 — T. McFadden. The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface. Doctoral dissertation, University of Pennsylvania, 2004.
- Mithun 1991 — M. Mithun. Active/agentive case marking and its motivations // *Language* 67 (3), 1991. P. 510–546.
- Mohanan 1994 — T. Mohanan. *Argument Structure in Hindi*. Stanford: CSLI Publications, 1994.
- Payne, Barshi (eds.) 1999 — D. Payne, I. Barshi (eds.). *External possession*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Pereltsvaig, Lyutikova 2014 — A. Pereltsvaig, E. Lyutikova. Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar // A. Bondaruk, G. Dalmi, A. Grosu (eds.). *Advances in the Syntax of DPs: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 193–219.
- Pesetsky 1982 — D. Pesetsky. Paths and categories. Doctoral dissertation, MIT, Dept. of Linguistics and Philosophy, 1982.
- Preminger 2011 — O. Preminger. Agreement as a fallible operation. Doctoral dissertation, Cambridge, MA: MIT, 2011.
- Preminger 2014 — O. Preminger. Agreement and its failures. *Linguistic Inquiry Monograph* 68. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Shibatani 1994 — M. Shibatani. An integrated approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives. *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, California, 1994. P. 461–487.

- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchies of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. New Jersey, NJ: Humanities Press, 1976. P. 112–171.
- von Heusinger, Kornfilt 2005 — K. von Heusinger, J. Kornfilt. The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages* 9, 2005. P. 3–44.
- von Heusinger et al. 2008 — K. von Heusinger, U. Klein, P. de Swart. Variation in differential object marking. Workshop on Case Variation, Stuttgart, June 2008. (<http://www.ilg.uni-stuttgart.de/projekte/C2/events/08CaseVariation/CaseVariationPaper.pdf>)
- Witzlack-Makarevich, Seržant (forthcoming) — A. Witzlack-Makarevich, I. Seržant. Differential argument marking: An introduction // I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich, K. Mann (eds.). *The diachrony of differential argument marking*. Berlin: Language Science Press, forthcoming.
- Woolford 2006 — E. Woolford. Lexical Case, Inherent Case, and Argument Structure // *Linguistic Inquiry* 37, 2006. P. 111–130.

Ф. И. Рожанский

ИЯз РАН, Москва / Тартуский университет

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ДЕВИАЦИИ

1. Предварительные замечания

Тот факт, что в прибалтийско-финских языках существует нетривиальная система маркирования объекта, общеизвестен. Однако понимание того, какие принципы положены в основу этой системы и как она функционирует, оказывается, прежде всего, достоянием специалистов по финно-угорским языкам. Прочие же исследователи, не работающие с прибалтийско-финскими языками, обычно имеют лишь отдаленное, а нередко и искаженное представление об этой системе¹. Существуют, как минимум, три причины, приведшие к описываемой ситуации: (а) система маркирования объекта в прибалтийско-финских языках действительно уникальна и не имеет аналогов в других языках, (б) основная литература на эту тему — по крайней мере, до недавнего времени — была представлена на языках, слабо доступных широкому кругу лингвистов (как правило, на финском и эстонском), (в) различие терминологических традиций вносит несомненную путаницу в эту, и без того непростую, картину.

Данная работа преследует две цели:

- дать русскоязычному читателю представление о принципах устройства прибалтийско-финской системы маркирования объекта,
- рассмотреть некоторые, специфичные для конкретных прибалтийско-финских языков, девиации этой системы.

Структура статьи следующая: в разделе 2 описаны источники данных и методы исследования; раздел 3 посвящен описа-

---

¹ Такой вывод мы делаем на основании собственных наблюдений: в основном это касается типологически ориентированных докладов и других работ, ссылки на которые мы приводить не будем из этических соображений.

нию базовых принципов прибалтийско-финской системы маркирования объекта и анализу некоторых терминологических вопросов; в разделе 4 рассмотрены четыре девиации в падежном оформлении: у объекта, выраженного местоимением, у объекта в виде группы числительного, в конструкциях с имперсональной формой и в конструкциях с предикацией, выраженной двумя глагольными лексемами. Выводы, касающиеся общих принципов прибалтийско-финской системы маркирования объекта, приводятся в конце раздела 3, а заключительные обобщения формулируются в разделе 5.

2. Материал и методы

Часть языкового материала получена из грамматик и других публикаций по прибалтийско-финским языкам: в этом случае источник материала эксплицитно указывается.

Данные по водскому и ижорскому языкам собраны автором в процессе собственной полевой работы в 2001–2016 годах в деревнях западной Ингерманландии (Кингисеппский район Ленинградской области). Водский представлен песоцко-лужицким и кракольским говорами западноводского диалекта, ижорский — сойкинским и нижнелужским диалектами (в последнем случае данные относятся к южным говорам). В тех случаях, когда диалектная принадлежность примера не указана, для ижорского подразумевается сойкинский диалект, а для водского — песоцко-лужицкий говор.

Ливвиковские примеры взяты из разработанной автором анкеты, которая была записана в 2012 году Петаром Кехайовым в пгт. Пряжа от носительницы тулмозерского диалекта, рожденной в 1926 году в поселке Ивкожа.

Эстонские и финские примеры получены от носителей соответствующих литературных языков².

---

² Автор пользуется случаем выразить благодарность всем коллегам, которые помогали ему в сборе и/или анализе материала, в частности, Петру Михайловичу Аркадьеву, Рихо Грюнтало, Петару Кехайову, Наталье Викторовне Кузнецовой, Пяртелю Липпусу, Мехмеду Закировичу Муслимову, Тийне Нахкола, Элен Нийт, Александре Павловне Родионовой, Трийн Тодеск.

Для получения данных от носителей языка в большинстве случаев использовался метод элицитации: носитель делал перевод с русского или английского языка на свой родной язык.

Поморфемный анализ приводимых примеров сделан автором статьи, а в тех немногих случаях, когда он уже был представлен в цитируемых источниках, производилась адаптация глосс под принятый в данной статье формат (список сокращений приведен после заключительного раздела). В тех случаях, когда у имен не указан падеж, подразумевается форма номинатива, а отсутствие глоссы для числа подразумевает единственное число.

3. Основные принципы маркирования объекта в прибалтийско-финских языках

Одна из функций грамматической системы языка — это различение актантов при многоместном предикате. Каждый конкретный язык использует для этого свой собственный набор средств. Это могут быть синтаксические (ср. английские предложения *This man saw the criminal* ‘Этот человек видел преступника’ vs *The criminal saw this man* ‘Преступник видел этого человека’, различающиеся порядком слов) или морфологические средства. Последние включают в себя специальные глагольные показатели³, служебные слова (например, предлоги/послелогои) и/или именные показатели (падежи). Обычно если в языке есть падежная система, то маркирование актантов оказывается одной из ее основных функций⁴. В некоторых языках объект может оформляться различными падежами, дистрибуция которых, как правило, семантически нагружена. В этом случае говорится о дифференцированном маркировании объекта. Чаще всего выбор осуществляется между двумя падежами. С этой точки зрения прибалтийско-финские языки отличаются от большинства языков с дифференцированным маркированием, поскольку в них выбор падежа объекта осуществляется не между двумя, а между тремя или даже

³ Как, например, в абхазском: *wə-z-báwajt* ‘Я вижу тебя’, где *-z* — показатель агенса 1 лица единственного числа, а *-wə* — показатель абсолютива 2 лица единственного числа мужского или неличного рода [Chirikba 2003: 41].

⁴ Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что языки нейтрального строя, обладающие падежной системой, почти не встречаются.

четырьмя падежами (партитив, номинатив, генитив и местоименный аккумулятив). При этом функция различения актантов при многоместном предикате (*distinguishability* по [de Hoop, Malchukov 2008]) выполняется, но оказывается второстепенной.

Рассмотрим эту систему подробнее. В ее основе лежит два противопоставления: (1) оппозиция парциального и тотального объектов (первый выражается партитивом, второй — номинативом, генитивом или местоименным аккумулятивом) и (2) оппозиция различных падежных оформлений тотального объекта (то есть, номинатив vs генитив vs местоименный аккумулятив). Принципы, которые определяют выбор одного из вариантов, существенно различаются для каждой из оппозиций (что не позволяет без натяжек объединить две оппозиции в одну). Выбор между парциальным vs тотальным оформлением объекта зависит от целого ряда факторов (морфологических, синтаксических и, главное, семантико-прагматических), которые конкурируют друг с другом. Выбор же одного из тотальных падежей более формален и определяется синтаксисом и, в меньшей степени, морфологией.

3.1. Оппозиция парциального и тотального объектов

В прибалтийско-финских языках выражение «парциальности» оказывается более важным, чем различение актантов при предикате. Суть этой категории можно описать следующим образом: на градуальной шкале с одной стороны располагается завершенное действие, полностью охватившее некоторый конкретный объект, а на другой — не выполненное действие, не затронувшее объект целиком. Первый полюс можно проиллюстрировать примером *Я убил этого медведя* (действие совершено и этот конкретный медведь совсем мертв), а второй — *Не люблю я медведей* (никакой конкретный объект действием не охвачен, да и действия как такового нет). Градуальность этой шкалы проистекает из того, что категория парциальности очень многопланова и связана с влиянием целого ряда факторов, которые мы привыкли видеть как отдельные категории того или иного языка. Более того, эти факторы не ортогональны: например, полнота охвата объекта связана с завершенностью действия, завершенность действия связана с временными характеристиками и т. д. Поэтому набор таких грамматико-семантических факторов, определяющих выбор парциального или тотального падежа, может быть задан по-

разному (что и наблюдается при сравнении работ различных авторов⁵).

Перечислим следующие факторы:

1. Аспектуальные характеристики (завершенное/совершенное действие vs действие незаконченное/невыполненное).

(1) ФИНСКИЙ [Dahl, Karlsson 1976: 34]⁶

а. *Hän ampu-i sut-ta*
3SG стрелять-PST.3SG волк-PART
'Он выстрелил в волка'.

б. *Hän ampu-i sude-n*
3SG стрелять-PST.3SG волк-GEN
'Он застрелил волка'.

---

⁵ Так, например, в [Tauli 1983: 45] отмечается: «Тотальный объект возникает, если в одно и то же время выражена результативность действия (результат или цель), и референт, выражаемый объектной лексемой, воспринимается как единое целое. В остальных случаях появляется парциальный объект» (ср. со схожей интерпретацией в [Kont 1967: 4]). В финской академической грамматике [Nakulinen 2004: 887] (и во многих других работах финских исследователей, см., например, [Nuutto 2010: 88]) выделяются три основных фактора, определяющих появление паритивного объекта: наличие предложения, интерпретируемого как отрицательное, несовершенные видовые характеристики и неопределенное количество объекта (при этом первый из этих факторов считается наиболее существенным). [Tveite 2004: 22–35] в системе выбора парциального или тотального объекта рассматривает четыре основных взаимодействующих фактора: результативность/нерезультативность, аффирмативность/негативность, тотальность/парциальность, определенность/неопределенность, но при этом существенно развивает всю систему, в частности, вводя понятие «открытой vs закрытой ситуации» (open vs closed situation). В [Metslang 2014] основными факторами названы перфективный vs имперфективный вид, включенное vs невключенное количество (inclusive vs non-inclusive quantity), лексические свойства предиката, местоименность объекта, морфологическая форма предиката, а также ряд других факторов, в частности, положение объекта в референциальной иерархии.

⁶ Здесь и далее начальная буква в предложении записывается как заглавная, только если она является таковой в цитируемом источнике.

(2) ЭСТОНСКИЙ [Erelt 2009: 9]

a. *Isa vii-s las-t kooli*
отец отводить-PST.3SG ребенок-PART школа.ILL
'Отец отводил ребенка в школу'.

б. *Isa vii-s lapse kooli*
отец отводить-PST.3SG ребенок.GEN школа.ILL
'Отец отвел ребенка в школу'.

С аспектуальными характеристиками тесно переплетена и временная семантика. Поскольку в прибалтийско-финском глаголе нет морфологически противопоставленных форм настоящего и будущего времени, именно категория парциальности становится грамматическим средством различения этих времен⁷, ср. (3а) и (3б).

(3) ВОДСКИЙ

a. *miä luge-n gazetti-a*
1SG читать.PRS-1SG газета-PART
'Я читаю газету'.

б. *miä luge-n gazet-i*
1SG читать.PRS-1SG газета.GEN
'Я прочитаю газету'.

---

⁷ Кроме этого в прибалтийско-финских языках имеется следующий арсенал средств для различения настоящего и будущего времени: (а) аналитическая конструкция для выражения несовершенного будущего времени (например, в водском: *miä neįžen lukęta* 'Я буду читать'), (б) лексические средства (эстонский: *ma juba tulen* 'Я уже иду' vs *ma tulen homme* 'Я приду завтра'), (в) бытийный глагол будущего времени (лишь в некоторых языках), например, в водском: *tämä lęb linņez õmeņ* 'Он будет в городе завтра'.

Обращает на себя внимание аналогия с русским языком, где временные характеристики переплетены с аспектуальными и при этом фактически отсутствуют морфологические показатели, обеспечивающие оппозицию настоящего и будущего времени: у глаголов совершенного вида не существует противопоставленных форм настоящего и будущего времени (соответствующая форма считается относящейся к будущему времени: *прочитаю*), а у глаголов несовершенного вида противопоставление этих времен обеспечивает аналитическая конструкция с бытийным глаголом (*читаю* vs *буду читать*).

2. Наличие отрицания.

Отрицание исключает совершенное действие и тем самым требует парциального объекта. Обычно наличие отрицания считается доминирующим фактором, который требует парциального объекта независимо от других характеристик (аспектуальных, количественных и пр.)⁸.

(4) ВОДСКИЙ

а. *miä es-i-n*   *siġa*
 1SG купить-PST-1SG свинья.GEN
 ‘Я купил свинью’.

б. *miä e-n*   *essġ-nnu*   *sikka*
 1SG NEG-1SG купить-PRТАСТ свинья.PART
 ‘Я не купил свинью / не покупал свиньи’.

3. Полнота охвата объекта действием.

Тотальный объект возможен, только если объект полностью охвачен действием. Например, в (5а) подразумевается какое-то неопределенное количество воды, в то время как в (5б) имеется в виду конкретный объем воды (например, эта вода находится в стоящем на столе стакане).

(5) ВОДСКИЙ

а. *jū*   *vet-tə*
 пить.IMP.2SG вода-PART
 ‘Попей воды!’

б. *jū*   *vesi*
 пить.IMP.2SG вода(NOM)
 ‘Выпей воду!’

4. Референциальный статус объекта и определенность

Несложно заметить, что референциальный статус, и в частности определенность, тесно связаны с полнотой охвата объекта (см., например, об эстонском языке [Rajandi, Metslang 1979]). Так, в случае тотального объекта в примере (5б) очевидно, что имеет-

⁸ Впрочем, и тут наблюдаются исключения, см., например, [Аркадьев: наст. сб.], где приводятся примеры отрицания с тотальным падежом объекта в вепском, ливском, староэстонском и карельском.

ся в виду какая-то конкретная вода, в то время как в примере (5a) с парциальным объектом возможно, что никакая конкретная вода и не имеется в виду. Аналогично в примере (6a) речь идет о каких-то абстрактных грибах с низким референциальным статусом (и/или о неопределенном количестве грибов), в то время как в (6б) подразумеваются конкретные, определенные грибы.

(6) ВОДСКИЙ

а. *tämä kopitt-i*   *griboj-t*
3SG собирать-PST.3SG гриб.PL-PART
'Он набрал грибов'.

б. *tämä kopitt-i*   *griba-d*
3SG собирать-PST.3SG гриб-PL.NOM
'Он собрал грибы (вот эти)'.

Заметим, что в работе [Володин 2000: 34-35] именно категории определенности/неопределенности отводится центральное место в уральской грамматической системе, а в число реализаций противопоставления по определенности попадают «завершенный/незавершенный, целый/частичный, считаемый/несчитаемый, известный/неизвестный (говорящему), важный/неважный (для говорящего) и т. д.».

Список факторов, влияющих на выбор парциального vs тотального объекта, может быть продолжен (так, например, в [Kopt 1963: 101] отмечается, что в водском, карельском и вепском одушевленный объект может оформляться партитивом там, где в прочих случаях ожидался бы тотальный объект). Таким образом, выбор тотального или парциального падежа для оформления объекта является результатом конкурирования многочисленных факторов. Сложность (а часто и неоднозначность) выбора проистекает из того, что

(а) эти факторы, как было отмечено выше, неортогональны (то есть зависимы друг от друга);

(б) они не имеют постоянного веса и не бинарны (невозможно задать иерархию, где для каждой пары факторов один фактор будет заведомо более значимым, чем другой);

(в) система имеет смешанный характер, поскольку семантические параметры переплетаются с лексическими (то есть свойственными конкретной лексеме или группе лексем). Напри-

мер, существительные ведут себя по-разному в зависимости от исчисляемости⁹, личные местоимения имеют свою специфику (и тоже не являются однородной группой), а среди глаголов можно выделить классы лексем, для которых характерен (или нехарактерен) парциальный объект: ср. например, (7а) и (7б) с так называемыми «аккузативным» и «партитивным» глаголами соответственно¹⁰. Такого рода лексические характеристики специфичны для каждого конкретного языка. Так, в примере (7а) из финского мы видим тотальный объект, а в примерах (8) и (9) из эстонского и водского — парциальный¹¹. При этом аналогичный финскому пример с парциальным объектом можно встретить в эстонских диалектах, а в похожей конструкции, но с числительным, для водского (в отличие от эстонского) типичным окажется использование тотального объекта (см. раздел 4.2).

(7) ФИНСКИЙ

a. *nyt hän näkee tämä-n tytö-n*
сейчас 3SG видеть.PRS.3SG этот-GEN девушка-GEN
'Теперь он видит эту девушку'.

b. *hän rakastaa tä-tä tyttö-ä*
3SG любить.PRS.3SG этот-PART девушка-PART
'Он любит эту девушку'.

(8) ЭСТОНСКИЙ

nüüd tema näe-b se-da tüdruk-u-t
сейчас 3SG видеть-PRS.3SG этот-PART девушка-PART
'Теперь он видит эту девушку'.

⁹ При этом оппозиция по исчисляемости не бинарна: между плюсами, представленными исчисляемыми словами (*дом*) и неисчисляемыми (*вода*), возникают промежуточные градации. Например, такими словами со смешанными свойствами будут *картошка* и *рыба*.

¹⁰ Разнообразие функций парциального объекта и его различная интерпретация в разных типах ситуаций продемонстрирована в работе [Нуто 2010].

¹¹ Сопоставление управления глаголов в прибалтийско-финских языках представлено в [Larsson 1983]. См. также [Rüütmaa 1989: 120] про различие объекта при так называемых «квазирезультативных» глаголах в эстонском и финском языках.

(9) ВОДСКИЙ

nüitt tämä näe-b kas-tê tüttö-ä
сейчас 3SG видеть-PRS.3SG этот-PART девушка-PART
'Теперь он видит эту девушку'.

Но и внутри одного языка лексический список не всегда позволяет однозначно сформулировать правила выбора падежа объекта. Например, в [Tauli 1983: 48–49] приводится список партитивных глаголов для эстонского языка и сразу же отмечается, что в особых случаях у этих глаголов может появляться тотальный объект, например *Ma suudlesin Anna rõõmsaks* 'I made Anna glad by kissing her/I kissed Anna glad' [1SG целовать.PST.1SG Анна.GEN радостный.TRANS] (появление тотального падежа — генитива — у *Anna* становится возможным из-за депиктива *rõõmsaks*). [Tveite 2004: 137], рассматривая связь падежа объекта с глагольной лексемой и подчеркивая небинарный характер этой корреляции, вводит удачный термин «object case continuum».

3.2. Оппозиция тотальных падежей

Выбор тотального падежа осуществляется между номинативом¹² и генитивом, а в тех языках, где есть аккузативные формы в системе местоимений, и аккузативом.

Для финского языка еще в XIX веке было сформулировано правило (так называемое правило Янссона [Jahnsso 1871]), в соответствии с которым при наличии субъекта объект должен иметь ненулевое окончание (то есть не быть номинативом единственного числа). Хотя в настоящее время данное правило находит исключения как в разговорном финском [Vainikka, Brattico 2014: 86], так и в других прибалтийско-финских языках (см, ниже раздел 4.3), оно отражает общую идею противопоставления тотальных падежей: падежные формы не закреплены жестко за

---

¹² Следует сразу подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о номинативе, а не о каком-либо «немаркированном падеже» (ср., например, с марийским [Тужаров 1987] или тюркскими [Letuchiy 2006] языками). Кроме падежных показателей падежные формы часто различаются чередованиями в основе, что не позволяет свести объектный генитив и номинатив к одному падежу с маркированным и немаркированным вариантами (а в южной ветви прибалтийско-финских языков только основы и способны различать обсуждаемые падежи).

синтаксическими ролями, и при этом язык старается избежать чрезмерной омонимии. Фактически вместо маркирования синтаксических ролей предлагается иерархический принцип, когда падежная форма приписывается не некоторой определенной позиции или грамматической функции, а именной группе, занимающей соответствующий ранг [Maling 1993: 71]. Номинативом оформляется именная группа наивысшего ранга (субъект или, при его отсутствии, прямой объект), а генитивом — именная группа более низкого ранга (прямой объект при наличии субъекта). Таким образом, в предложении с номинативным субъектом тотальный объект принимает форму генитива (10а), а в конструкциях без субъекта объект имеет форму номинатива. Основные три конструкции без субъекта — это императив, имперсонал¹³ и конструкции с бессубъектными глаголами (такowymi, в частности, являются некоторые модальные глаголы), см. (10б-г).

(10) ВОДСКИЙ

- а. *tämä ess-i*   *epeže*
 3SG купить-PST.3SG лошадь.GEN
 ‘Он купил лошадь’.
- б. *esa*   *epen*
 купить.IMP.2SG лошадь(NOM)
 ‘Купи лошадь!’
- в. *koto*   *krāzge-ta*   *krāzga-ka*
 дом(NOM) красить-IMPRS.PRS краска.GEN-COM
 ‘Дом красят краской’.
- г. *mi-ллâ*   *piä-b*   *lahsâ*
 1SG-ADALL быть.нужным-PRS.3SG ребенок(NOM)
kazvotta
 растить.INF
 ‘Мне нужно растить ребенка’.

¹³ Под имперсоналом мы имеем в виду морфологическую категорию, представленную специальными имперсональными формами. Иногда эти формы называют пассивными или неопределенно-личными. Связанные с имперсоналом терминологические вопросы, а также доказательство того, что актанта при имперсонале является именно объектом, а не субъектом, выходят за рамки интересов данной статьи.

Описанная система относится к ситуации, когда объект представлен именной группой в единственном числе. В случае же множественного числа тотальный объект оформляется номинативом (11), который имеет свой показатель и не может совпадать с субъектом единственного числа¹⁴.

- (11) ВОДСКИЙ
tämä ęss-i epeze-d
3SG купить-PST.3SG лошадь-PL.NOM
'Он купил лошадей'.

Хотя система распределения тотальных падежей более формальна¹⁵ и в целом проще, чем оппозиция парциального vs тотального объектов, в ней могут возникать девиации. Например, в финском языке в императиве 3 лица (оптативе) объект принимает форму генитива, а не номинатива, как в 1 и 2 лицах, см. (12), в то время как в водском сохраняется номинатив (13)¹⁶.

- (12) ФИНСКИЙ [Nakulinen 2004: 892]
Otta-koon Juka-n avu-kse-en
брат-IMP.3SG Юкка-GEN помощь-ILL-POSS.3SG
'Пусть он возьмет Юкка в помощь'.

---

¹⁴ Таким образом, теоретически омонимия субъекта и объекта может возникнуть, только если они оба выражены именными группами во множественном числе. Конструкции, где имеются два актанта во множественном числе, каждый из которых способен выполнить описываемое действие, довольно редки. Поэтому, если реальная омонимия актантов и возникает, то лишь за счет синкретизма падежных форм, который встречается в прибалтийско-финских языках, особенно в их южной ветви (см., например, [Grünthal 2010, Rozhanskiy 2013]).

¹⁵ Формальное описание дистрибуции тотальных падежей в финском языке, существенно доработанное по сравнению с правилом Янсона, представлено в [Vainikka, Brattico 2014: 100].

¹⁶ По всей видимости, такая ситуация обусловлена возможностью выражения субъекта в финском оптативе (в отличие от водского): *Tehkään sen Pekka* 'Пусть это.GEN сделает Пекка(NOM)'. Аналогичным образом аналитические императивные конструкции с отглагольной частицей содержат субъект и ведут себя как обычные аффирмативные предложения, например, в водском: *la tämä vetab sizo käs* 'Пусть он возьмет.PRS.3SG сестру.GEN с собой'.

(13) ВОДСКИЙ

vette-go   *sõjâ*   *od'jalâ*
 брать-IMP.3SG   теплый(NOM)   одеяло(NOM)
 'Пусть он возьмет теплое одеяло'.

В рамках одного языка система распределения тотальных падежей может заметно меняться на обозримом временном отрезке, см., например, [Ehala 2011] про эстонский язык.

В целом, отличие оппозиции тотальных падежей от оппозиции парциального vs тотального падежа состоит в том, что последняя является семантически нагруженной, в то время как первая регулируется в основном синтаксическими правилами. Существует много контекстов, в которых можно использовать и тотальный и парциальный падеж, но замена одного на другой приведет к существенному изменению смысла. Замена же одного тотального падежа на другой в большинстве случаев приведет к грамматически неправильной конструкции. В тех случаях, где все-таки наблюдается варьирование, оно не является семантически нагруженным и лишь свидетельствует о размывании синтаксических правил (или их конкуренции).

Несмотря на то, что дистрибуция тотальных падежей описывается проще, чем использование парциального vs тотального падежа, она оказывается более сложной для осознания исследователем, воспитанным на традиционном индоевропейском материале. Отказаться от стереотипа, что номинатив — это падеж субъекта, и признать, что специального падежа объекта, как такового, не существует, крайне непросто. В результате возникают два принципиально различных терминологических подхода к описанию падежей объекта в прибалтийско-финских языках. Первый из них, используемый в данной статье, предполагает, что у существительных объект оформляется номинативом или генитивом, а аккумулятива как морфологического падежа существительных не существует. Второй подход, возникший в финской лингвистической традиции, рассматривается в разделе 3.3.

3.3. Об аккумулятиве

В финской традиции использовалось (и до сих пор нередко используется) понятие аккумулятива, выходящее за рамки системы местоимений и применяемое ко всему именному словоизменению.

В этой традиции система падежных показателей у синтаксических падежей выглядит так, как представлено в Таблице 1 (по [Sands, Campbell 2001: 252]). Как несложно заметить, у существительных (первые две из трех колонок) аккумулятив оказывается морфологически несамостоятельным падежом: в единственном числе его показатель совпадает с генитивом, а во множественном — с номинативом.

Таблица 1. Показатели синтаксических падежей в финском языке (традиционная система)

	Единственное число	Множественное число	Личное местоимение
Номинатив	Ø	-t	Ø
Аккузатив	-n	-t	-t
Генитив	-n	-i-en, -t-en	-n
Партитив	-a/-ä, -ta/-ä, -tta/-ä	-i-ta/ä, -i-a/ä	-a, -tä

При таком представлении финский действительно не сильно отличается от привычного индоевропейского языка, разве только с несколько усложненной за счет партитива системой падежей¹⁷. Такое понимание аккумулятива можно встретить и в современных типологических работах (см, например, [Kittilä 2002¹⁸, Næss 2004: 1188, de Hoop, Malchukov 2008: 575]¹⁹). Причины данного подхо-

¹⁷ Такой подход действительно популярен. Недаром работа [Sands, Campbell 2001] начинается словами: «At first glance, Finnish appears to be a well-behaved nominative-accusative language with AVO, SV basic constituent order».

¹⁸ См. также [Kittilä 2006: 17], где утверждается «Finnish and Malay are both typical nominative-accusative languages».

Заметим, что в эстонской лингвистической традиции такой подход не прижился, хотя подобные попытки предпринимались в ранних грамматиках, а также в некоторых периферийных работах нашего времени (см. обсуждение этого вопроса в [Vihman 2004: 44]). Очевидно, что в эстонском языке еще меньше причин для констатации аккумулятива, поскольку в нем специфические аккумулятивные формы отсутствуют даже у местоимений.

¹⁹ Эта работа является наглядным примером неудобства использования термина аккумулятив: взял пример из работы [Kiparsky 1998], где разные варианты падежного оформления обозначены аккумулятивом, ав-

да очевидны: финская лингвистическая традиция выросла из общеевропейской, ориентированной, прежде всего, на классические индоевропейские языки, в которых аккумулятив, несомненно, является морфологически самостоятельным падежом²⁰. Однако при более пристальном рассмотрении этот подход оказывается несостоятельным. Целый ряд аргументов против аккумулятива как морфологического падежа в финском языке представлен в работе [Kiparsky 2001: 319]. В частности, для доказательства необоснованности распространения понятия аккумулятив на номинативный объект автор сравнивает конструкции с существительными и местоимениями при сочинительном сокращении. В примере (14а) возможно сочинительное сокращение с опущением аргумента при втором глаголе, а в (14б) оно невозможно. Поскольку требованием к сочинительному сокращению является одинаковый падеж коррелятивных именных групп, то запрет на сокращение местоимения в аккумулятиве понятен (аргумент первого глагола стоит в другом падеже — в номинативе). Если в (14а) аргумент второго глагола был бы в аккумулятиве, то в силу указанного правила сокращение тоже было бы невозможно. Но поскольку оно возможно, аргумент второго глагола стоит именно в номинативе, а не в аккумулятиве.

торы соединили форму не с той глоссой: пример *ammuin karhu-t* разобран как [стрелял.1SG медведь-ACC] и переведен как 'Я застрелил медведя'. В действительности *karhu-t* — это форма номинатива множественного числа и данное предложение означает 'Я застрелил медведей'. В единственном же числе этот пример выглядел бы как *ammuin karhu-n* — в этом случае объект находится в форме генитива единственного числа. Объединение же различных форм под одним ярлыком «аккумулятив» приводит к путанице.

²⁰ Заметим, что определенные девиации можно наблюдать и в привычных индоевропейских языках. Например, в русском языке лишь один из парадигматических классов (с конечным *-а/-я*) содержит формы аккумулятива, не совпадающие с номинативом либо с генитивом (и то, только в единственном числе) [Зализняк 1973: 634]. [Reime 1989: 176] отмечает схожий синкретизм, зависящий от рода существительного, в немецком языке (обратим внимание, что приводимый там же анализ русского материала не совсем корректен, поскольку русская омонимия падежей не может быть обоснована только родом и одушевленностью без учета парадигматического класса).

(14) ФИНСКИЙ [Kiparsky 2001: 319]

а. *Mikko pyörty-i ja (Mikko)*
Микко(NOM) падать.в.обморок-PST.3SG и Микко(NOM)
kanne-ttiin ulos
нести-IMPRS.PST²¹ наружу
‘Микко упал в обморок и (Микко) вынесли наружу’.

б. *Hän pyörty-i ja *(häne-t)*
3SG(NOM) падать.в.обморок-PST.3SG и 3SG-ACC
kanne-ttiin ulos
нести-IMPRS.PST наружу
‘Он упал в обморок и (его) вынесли наружу’.

Таким образом, аккумулятив может рассматриваться только как «абстрактный падеж», а, как верно отмечает [Vihman 2004: 44], то же самое наполнение имеет и термин «тотальный объект» (который, заметим, во-первых, является общепринятым в прибалтийско-финской традиции, во-вторых, не вторгается в сферу морфологических падежей). В последнее время отказ от аккумулятива существительных признается все бóльшим числом исследователей: «The accusative is not really a case form proper but a collective name for certain cases used for the object (nominative, genitive and -t accusative)» [Karlsson 1999: 91]. Аналогичный подход представлен и в академической грамматике финского языка [Nakulinen 2004: 887]. Поэтому любые утверждения об аккумулятиве как морфологическом падеже в прибалтийско-финских языках (за пределами местоимений) следует считать терминологическими издержками, не отражающими суть падежной системы и ее функционирования²².

---

²¹ В [Kiparsky 2001: 319] эта глагольная форма глоссируется как пассивная, мы же используем более привычную нам систему морфологического анализа.

²² Финская традиция выделять аккумулятив обнаруживается и в исследованиях по карельскому языку, создавая очевидные терминологические проблемы. Приведем цитату из [Зайков 1999: 38]: «В единственном числе аккумулятив выступает в форме номинатива и генитива, имея соответственно окончания -Ø, -n (...) Фактически имена существительные и прилагательные не имеют своих окончаний в аккумулятиве, а используют окончания номинатива и генитива. Лишь личные местоиме-

Заметим, впрочем, что некоторые исследователи предлагают компромиссный терминологический вариант. Так, в [Lees 2015] различаются номинатив-аккузатив и генитив-аккузатив. Фактически под этим подразумеваются объект в форме номинатива и объект в форме генитива, то есть понятия «номинатив» и «генитив» используются в морфологическом смысле, а аккузатив в чисто синтаксическом («падеж тотального объекта»).

3.4. Выводы

Резюмируя вышесказанное, обозначим еще раз, в чем состоит специфичность системы маркирования объекта в прибалтийско-финских языках:

1. В прибалтийско-финских языках существует грамматическая категория парциальности, и для ее выражения используются так называемые «синтаксические падежи» (structural cases). Эта категория не является тривиальной с семантической точки зрения и включает в себя многочисленные противопоставления, которые в других языках обычно выражаются несколькими различными грамматическими категориями.

2. Маркирование синтаксических ролей актантов, для которого в языке обычно и используются синтаксические падежи, реализуется и в прибалтийско-финских языках. Однако, во-первых, для системы прибалтийско-финских синтаксических падежей эта задача является лишь одной из двух основных (наряду с выражением парциальности)²³, во-вторых, маркирование синтаксических ролей осуществляется по иерархическому принципу (падеж приписан не роли как таковой, а ее месту в иерархии).

3. В прибалтийско-финских языках не существует аккузатива: ни как самостоятельного морфологического падежа, ни как некоторой единой синтаксической роли (прямой объект при многоместном глаголе). Исключение составляют только местоимен-

---

ния имеют свое окончание аккузатива. (...) Это дает нам право выделять падеж аккузатива в качестве самостоятельного».

²³ Мы не обсуждаем здесь прочие роли синтаксических падежей, например, такие как маркирование отношений внутри именной группы, где, заметим, используются те же падежи: номинатив, генитив и партитив. Ср., в водском: *suppi luzikkā* ‘суповая ложка’ (досл. суп(NOM) + ложка(NOM)), *luzikkā suppia* ‘ложка супа’ (досл. ложка(NOM) + суп.PART) и *supi hajsu* ‘запах супа’ (досл. суп.GEN + запах(NOM)).

ные системы, и то лишь в некоторых языках и с определенными оговорками, см. раздел 4.1. Спекуляции на тему аккумулятива, как правило, являются лишь результатом неустоявшейся терминологии, в то время как безаккумулятивность действительно является типологической доминантой прибалтийско-финских языков, см. [Володин 2000]²⁴.

4. Прибалтийско-финские языки не могут бесппроблемно классифицироваться в типологических системах, в основу которых положено именно исчисление семантико-синтаксических ролей актантов (подробнее см. [Рожанский, Маркус 2014]). Хотя на первый взгляд введение понятия аккумулятива обеспечивает основу для сопоставимости прибалтийско-финского материала с другими языками, эта основа иллюзорная: она лишь затемняет принципы дифференцированного маркирования объектов в прибалтийско-финских языках.

4. Девиации в системе дифференцированного маркирования актантов

4.1. Местоимения

Объект в виде личного местоимения отличается от объекта, выраженного существительным. В целом, местоименный объект чаще бывает парциальным, чем объект, выраженный существительным²⁵. Местоимение в партитиве нередко появляется и в тех контекстах, где существительное оформляется тотальным падежом, ср. (15а) и (15б):

---

²⁴ В [Володин 2000] безаккумулятивность считается свойством всех уральских языков. Мы не можем полностью согласиться с этим обобщением (в котором, впрочем, имеется несомненное рациональное зерно), но признаем это утверждение абсолютно верным для прибалтийско-финских языков.

²⁵ Тот факт, что местоимения (*vs* существительные) и одушевленные (*vs* неодушевленные) имена более склонны к партитивному оформлению, заставляет предположить, что к парциальному *vs* тотальному оформлению объекта может быть применена иерархия Сильверстейна [Silverstein 1976: 175–179]. При этом более высокая позиция в этой иерархии ведет к оформлению объекта именно парциальным, а не тотальным падежом. Этот результат может оказаться еще одним аргументом в пользу того, что тотальные падежи не следует отождествлять с аккумулятивом.

(15) ИЖОРСКИЙ

a. *hää ajo-i tarhaa-št šia-n poiž*
 3SG гнать-PST.3SG огород-ELAT свинья-GEN прочь
 ‘Он прогнал свинью из огорода’.

б. *hää ajo-i miu-n ~ miñnu-a poiž*
 3SG гнать-PST.3SG 1SG-GEN ~ 1SG-PART прочь
 ‘Он прогнал меня’.

Такая же тенденция использовать партиитив вместо тотального падежа отмечается и для эстонского языка:

(16) ЭСТОНСКИЙ [Metslang 2014: 191]

a. *Komandant kirjuta-s Peetri sisse*
 комендант(NOM) писать-PST.3SG Петер.GEN в
 ‘Комендант прописал Петера’.

б. *Komandant kirjuta-s min-d sisse*
 комендант(NOM) писать-PST.3SG 1SG-PART в
 ‘Комендант прописал меня’.

При этом следует подчеркнуть, что разные прибалтийско-финские языки не совпадают в наборе падежей у местоимений. Так, например, в водском и ижорском у личных местоимений множественного числа существует аккузативная форма (*meijed* ‘1PL.ACC’, *teijed* ‘2PL.ACC’, *heijed* ‘3PL.ACC’²⁶), в эстонском такой формы нет, а в финском она распространилась и на формы личных местоимений единственного числа, т. е. кроме *meidät* ‘1PL.ACC’, *teidät* ‘2PL.ACC’, *heidät* ‘3PL.ACC’ существуют формы *minut*

²⁶ В водском языке существует альтернативный (исходный) вариант местоимения 3 лица множественного числа *näjjed* ‘3PL.ACC’ (от *nämä* ‘3PL’). Это достаточно интересный факт на фоне данных, приведенных в грамматике [Ariste 1968: 55], где именно у местоимений 3 лица множественного числа специальная аккузативная форма отсутствует. Если мы допустим, что ранее такой формы не существовало, то значит, она распространилась на исконно водское местоимение на фоне заимствованной из ижорского аналогичной формы *heijed* (от *hii* ‘3PL’). Впрочем, вероятнее, что отсутствие данной формы в грамматике объясняется недостатком диалектных данных у автора.

‘1SG.ACC’, *sinut* ‘2SG.ACC’, *hänet* ‘3SG.ACC’²⁷ (см., например, [Хаккулинен 1953: 085]²⁸). По-видимому, наличие или отсутствие в языке аккузативных форм местоимений наиболее принципиально для контекстов, где у существительных наблюдается тотальный объект в форме номинатива. В таких контекстах местоименный объект в форме номинатива встречается нечасто: либо используются аккузативные формы местоимений (если они есть в языке), либо, если их нет, вместо номинативной появляется другая падежная форма.

Например, в ижорском языке даже в предложении с контекстом, типичным для номинатива, местоимение единственного числа чаще оказывается в партитиве (17а), а номинативная форма (17б) допускается меньшинством носителей:

(17) ИЖОРСКИЙ

а. *miu-n piittää ajjaa*
 1SG-GEN быть.должным.PRS.3SG гнать.INF
hän-d poiz
 3SG-PART прочь
 ‘Мне нужно прогнать его’.

б. [?]*miu-n piittää ajjaa*
 1SG-GEN быть.должным.PRS.3SG гнать.INF
hää poiz
 3SG(NOM) прочь
 ‘Мне нужно прогнать его’.

В [Ikola 1968: 189] отмечается, что в водском языке для одушевленного объекта характерно появляться в форме партитива. Хотя данное утверждение, по мнению автора, не ограничивается личными местоимениями, все приведенные им примеры относятся к личным местоимениям в единственном числе. Возможно, что здесь мы имеем дело с описанной выше (см. раздел 3.1) конкурен-

²⁷ Аналогичные формы существуют и в карельском: *miut* ‘1SG.ACC’, *siut* ‘2SG.ACC’, *hänet* ‘3SG.ACC’, *meät* ‘1PL.ACC’, *teät* ‘2PL.ACC’, *heät* ‘3PL.ACC’ [Зайков 1999: 38].

²⁸ Заметим, что распространение аккузативных форм пошло дальше: там же отмечается, что соответствующая форма существует и у вопросительного местоимения: *kenet* ‘кто.ACC’.

цией различных факторов: и одушевленность и местоименность объекта увеличивают вероятность его партитивного оформления.

В эстонском языке (где отсутствует аккузативная форма местоимений) произошло расслоение местоименных конструкций по лицам. Так, местоимения третьего лица допускают использование номинативной формы в качестве объекта, в то время как у местоимений первого и второго лица в соответствующих контекстах возможен только партитив (см. также [Lees 2015: 187]), ср. (18а-б) с (19а-б).

(18) ЭСТОНСКИЙ

а. *tapa ta ära!*
убивать.IMP.2SG 3SG(NOM) прочь
'Убей его!'

б. *aja nemad ära!*
гнать.IMP.2SG 3PL(NOM) прочь
'Прогони их!'

(19) ЭСТОНСКИЙ

а. *tapa min-d / *mina ~ *ma*
убивать.IMP.2SG 1SG-PART / 1SG(NOM)
'Убей меня!'

б. *aja mei-d / *meie ~ *me ära*
гнать.IMP.2SG 1PL-PART / 1PL(NOM) прочь
'Прогони нас!'

Обратим внимание, что термин «аккузатив», хотя и выглядит в отношении местоименных форм более уместным, чем в отношении форм существительных (см. раздел 3.3), все же не является безоговорочно удачным. Прослеживается явная структурная аналогия этой формы с номинативом множественного числа существительных. Последняя образуется от основы генитива прибавлением показателя множественного числа *-t (-d)* и используется как форма тотального объекта для имен во множественном числе. Аккузативная форма местоимений, в тех языках, где она есть, образуется прибавлением указанного показателя к основе генитива соответствующего местоимения. То есть, логичнее было бы назвать эту форму «вторым номинативом» (или номинативом множественного числа), который:

— возник в силу аналогии с номинативом множественного числа существительных²⁹, ср. например, в водском *sizo* ‘сестра.GEN’ — *sizo-d* ‘сестра-PL.NOM’ и *mejje* ‘1PL.GEN’ — *mejje-d* ‘1PL-ACC(?PL.NOM)’,

— используется в той же функции тотального объекта: *tämä aji sizod pojz* ‘Он прогнал сестер’ — *tämä aji mejjed pojz* ‘Он прогнал нас’.

В финском же и карельском языках, где аккузативная форма распространилась за пределы личных местоимений множественного числа, действительно можно говорить о зарождении полноценного аккузатива, но опять-таки лишь в парадигмах нескольких местоименных лексем.

4.2. Числительные

В прибалтийско-финских языках группа числительного сама по себе представляет интересный феномен, поскольку сочетает различные виды синтаксических связей: либо числительное в номинативе управляет существительным в партитиве (сильная группа), либо числительное и существительное согласуются, принимая падеж, соответствующий их синтаксической позиции (слабая группа), ср. (20а) и (20б).

(20) ЭСТОНСКИЙ

а. *mu-l on tarvis osta*
1SG-ADESS быть.PRS.3SG нужно покупать.INF
kaks raamatu-t
два(NOM) книга-PART
‘Мне надо купить две книги’.

б. *pane see kahe raamatu vahele*
класть.IMP.2SG это(NOM) два.GEN книга.GEN между
‘Положи это между двумя книгами’.

---

²⁹ Хотя личные местоимения множественного числа обычно рассматриваются как отдельные лексемы, а не как супплетивные формы местоимений единственного числа, их множественность не всегда носит чисто лексико-семантический характер. Например, в водском языке наблюдается свободное варьирование форм местоимения 3 лица множественного числа: *nämä* ~ *nämäd*, где последний вариант содержит показатель номинатива множественного числа. В эстонском языке у соответствующих местоимений этот показатель сохранился и в полной и в краткой форме местоимения: *nemad* ~ *ned*.

При этом там, где обычное существительное выступает в генитиве, появляется первая из конструкций (с номинативом числительного), ср. (21а) и (21б).

(21) ЭСТОНСКИЙ

а. *ta and-is mu-lle kaks raamatu-t*
 3SG давать-PST.3SG 1SG-ALL два(NOM) книга-PART
 ‘Он дал мне две книги’.

б. *ta and-is mu-lle raamatu*
 3SG давать-PST.3SG 1SG-ALL книга.GEN
 ‘Он дал мне книгу’.

Исключением является числительное ‘один’, которое принимает тот же падеж, который наблюдался бы в этом контексте у обычного существительного. При этом числительное ‘один’ всегда согласуется с сопровождающим его существительным (22).

(22) ЭСТОНСКИЙ

ta and-is mu-lle ühe raamatu
 3SG давать-PST.3SG 1SG-ALL один.GEN книга.GEN
 ‘Он дал мне одну книгу’.

В зависимости от языка описанная система претерпевает разные изменения. В водском и отчасти в ижорском все сложные числительные, оканчивающиеся на ‘один’, стали вести себя так же, как ‘один’, то есть формальный критерий (наличие компонента «один») возобладал над семантическим (множественностью объекта), ср. (23) с (24) и (25).

(23) ЭСТОНСКИЙ

ma and-si-n ta-lle kakskümmend üks
 1SG давать-PST-1SG 3SG-ALL двадцать один(NOM)
euro-t
 евро-PART
 ‘Я дал ему двадцать один евро’.

(24) ВОДСКИЙ

egle nāpurī sa-j kēlmeṭ-tšümmed ühe
 вчера сосед получать-PST.3SG тридцать один.GEN
borovika
 боровик.GEN
 ‘Вчера сосед нашел тридцать один боровик’.

(25) ИЖОРСКИЙ

naaŗpuri šaħha-iŗ viiŗ-kümmend ühe-n
сосед пилить-PST.3SG пятьдесят один-GEN
rii-n
дерево-GEN
'Сосед спилил пятьдесят одно дерево'.

Также в водском и ижорском стало возможным использование сильной группы в тех контекстах, которые в финском и эстонском допускают лишь слабую партитивную группу, ср. (26–27) с (28–29).

(26) ФИНСКИЙ

lue-n kolme-a kirja-a
читать.PRS-1SG три-PART книга-PART
'Я читаю три книги'.

(27) ЭСТОНСКИЙ

ma loe-n kolme raamatu-t
1SG читать.PRS-1SG три.PART книга-PART
'Я читаю три книги'.

(28) ВОДСКИЙ

miä luge-n kūs ~ kūt-tā tŗirja
1SG читать.PRS-1SG шесть(NOM) ~ шесть-PART книга.PART
'Я читаю шесть книг'.

(29) ИЖОРСКИЙ

*hää ŗuva-jaa kakŗ tüttöj-ä*³⁰
3SG любить-PRS.3SG два девушка-PART
'Он любит двух девушек'.

Вполне вероятно, что описанные изменения в водском и ижорском языках (особенно последнее из них) являются результатом влияния русского языка.

---

³⁰ Если в водском языке мы наблюдаем варьирование номинативной и партитивной форм числительного (с преобладанием первой из них), то в ижорском материале нам встретились только номинативные формы. Возможно, это является следствием недостатка материала.

4.3. Имперсонал в функции личной формы

Интересная девиация возникла в результате распространения имперсональных форм, которые в прибалтийско-финских языках имеют собственные морфологические показатели и образуют бессубъектные конструкции, ср. с русским *Говорят, что он уехал, Рыбу у нас ловили сетью*. В диалектах ряда прибалтийско-финских языков такие формы вытесняют или полностью вытеснили исходные личные формы (как правило, 3 лица множественного числа). Ср., например, в водском бессубъектную конструкцию с имперсональной формой *tätä tšüzü-tä* 'Его спрашивают-IMPRS.PRS', архаичную субъектную конструкцию с личной формой *nämä tšüsü-väd* 'Они спрашивают-PRS.3PL' и современную конструкцию *nämä tšüzü-tä* 'Они спрашивают-IMPRS.PRS(=PRS.3PL)'. Такое вытеснение наблюдается в водских, карельских, людиковских, вепсских и ижорских диалектах [Ariste 1981]³¹.

Как только имперсональная форма оказывается в позиции личной, возникает конкуренция двух факторов, определяющих выбор падежного оформления объекта. Один из них — это рассмотренный выше принцип иерархического маркирования, в соответствии с которым тотальный объект должен быть в форме генитива, если присутствует аргумент более высокого статуса (т. е. субъект). Второй фактор (который можно назвать «морфологическим» в отличие от первого «синтаксического») требует номинативного оформления аргумента при имперсональной форме (то есть при этом как бы не учитывается, что номинативный объект при имперсонале исходно появился именно в силу действия первого фактора, и в языке срабатывает «формалистский» принцип: если форма имперсональная, то объект должен быть в номинативе).

В большинстве языков второй фактор побеждает, в результате чего в предложении оказываются два аргумента (субъект и объект) в номинативе, хотя при прочих личных глагольных формах наблюдается генитив. Это происходит, например, в водском³² (30), ижорском (31) и ливвиковском (32).

³¹ А также в ливвиковских, которые Аристе, вероятно, включает в число карельских.

³² В [Lees 2015: 187] утверждается, что в водском разговорном корпусе автору встретились два примера с генитивным оформлением объекта при имперсональной форме глагола. Наши наблюдения над разговорной водской речью показывают, что, во-первых, в ней, как и в лю-

(30) ВОДСКИЙ

a. *täma sīva-b rihe*
3SG убирать-PRS.3SG изба.GEN
'Он приберет избу'.

б. *hū sīve-ta rihi*
3PL убирать-IMPRS.PRS изба(NOM)
'Они приберут избу'.

(31) ИЖОРСКИЙ (нижнелужский диалект³³)

a. *hän hämmitt' supi-n*
3SG мешать.PST.3SG суп-GEN
'Он помешал суп'.

б. *hüö hämmite-tti supp'*
3PL мешать-IMPRS.PST суп(NOM)
'Они помешали суп'.

(32) ЛИВВИКОВСКИЙ³⁴

a. *häi terväh pila-i se-n parre-n*
3SG быстро пилить-PST.3SG этот-GEN бревно-GEN
'Он быстро распилил это бревно'.

бой разговорной речи, могут возникать оговорки (впоследствии не признаваемые тем же самым носителем), во-вторых, появление генитива вместо номинатива при отсутствии маркеров у обеих падежей может быть ошибкой в построении формы или даже в ее записи исследователем, а не результатом выбора соответствующего падежного оформления для объекта. К сожалению, автор не приводит в своей монографии эти примеры. Что касается приводимого в [Lees 2015: 187] примера с номинативной формой местоимения множественного числа при имперсонале (*mō jätettī saunā* 'Нас [1PL.NOM] оставили в бане'), то подобного рода примеры нам не встречались.

³³ В сойкинском диалекте ижорского не произошло вытеснения личных форм имперсональными, хотя отдельные примеры такого рода встречаются. В нижнелужском же диалекте такое вытеснение встречается регулярно, хотя оно и не столь последовательно, как в нижнелужских водских говорах, и в большой степени определяется конкретным идиолектом.

³⁴ Аналогичные примеры с номинативным оформлением объекта наблюдаются и в собственно карельском, например, *Tytöt muamon kera koti pijettih* 'Девочки и мама вели хозяйство (досл. дом(NOM))' [Зайков

б. *hyö pila-ttih se parzi*
 3PL пилить-IMPRS.PST этот(NOM) бревно(NOM)
 ‘Они распилили это бревно’.

Однако в вепском языке в соответствующих контекстах мы наблюдаем генитивное оформление объекта (см. также [Lees 2015: 180]).

(33) ВЕПССКИЙ (средне-вепский диалект) [Зайцева, Муллонен 1969: 9]

mecñika-d ot-tas i ñeçe-n
 охотник-PL.NOM брать-IMPRS.PRS и этот-GEN
koñđja-n amp-tas
 медведь-GEN стрелять-IMPRS.PRS
 ‘Охотники возьмут и застрелят этого медведя’.

Более того, даже в вепских предложениях с полноценными имперсональными конструкциями можно наблюдать генитив вместо номинатива (34).

(34) ВЕПССКИЙ (средне-вепский диалект) [Зайцева, Муллонен 1969: 9]

ñeçe-n padali-ñ eduupçi ýö-das
 этот-GEN падаль-GEN заранее везти-IMPRS.PRS
 ‘Эту падаль сначала увезут’.

Впрочем, это не является жестким правилом для вепского языка. В [Lees 2015: 173] приводится пример, где собственно имперсональная конструкция содержит объект в номинативе, а аналогичная конструкция с имперсоналом в функции личной формы демонстрирует генитивное оформление объекта. При этом отмечается, что выбор номинатива или генитива в качестве падежа объекта зависит от диалекта [Lees 2015: 185].

В разговорном финском, где отмечено использование имперсонала в качестве личной формы 1 лица множественного чис-

---

1999: 38]. [Lees 2015: 54] отмечает, что в карельском корпусе данная конструкция в большинстве случаев содержит номинативный объект, но также приводит пример генитивного объекта. Диалектно зависимая вариативность оформления объекта в карельских имперсональных конструкциях отмечалась уже в [Ojajärvi 1950].

ла [Karlsson 1999: 248, Laakso 2001: 189], имперсонал сохраняет обычное номинативное оформление объекта (35).

(35) ФИНСКИЙ (разговорный вариант) [Lees 2015: 171]

me ote-taan auto mikaan

1PL брать-IMPRS.PRS машина(NOM) с

‘Мы возьмем машину (с собой)’.

4.4. Конструкции с двумя глагольными лексемами

Некоторые модальные глаголы в прибалтийско-финских языках не имеют канонического субъекта, ср., например, близкие по значению предложения, где (36а) содержит канонический субъект, а (36б) нет.

(36) ВОДСКИЙ

а. *miä taho-n jüvvâ vähäjze olut-tâ*
1SG хотеть.PRS-1SG пить.INF немного пиво-PART
‘Я хочу выпить немного пива’.

б. *mi-ллâ tahtau-b jüvvâ vähäjze*
1SG-ADALL хотеться-PRS.3SG пить.INF немного
olut-tâ
пиво-PART
‘Мне хочется выпить немного пива’.

Отсутствие канонического субъекта однозначно выводит объект в ранг аргумента с самым высоким статусом, в результате чего тотальный объект принимает форму номинатива, см. (37).

(37) ВОДСКИЙ (кракольский говор)

mi-лл tahtohu-b tappa kase
1SG-ADESS хотеться-PRS.3SG убивать.INF этот(NOM)
sika
свинья(NOM)
‘Мне хочется зарезать эту свинью’.

Наличие же канонического субъекта предполагает, что объект оказывается аргументом низшего ранга и принимает форму генитива, как это и происходит, например, в эстонском (38) или финском (39).

(38) ЭСТОНСКИЙ
ma taha-n osta selle kleidi /
 1SG хотеть.PRS-1SG купить.INF этот.GEN платье.GEN /
*see kleit
 этот(NOM) платье(NOM)
 ‘Я хочу купить это платье’.

(39) ФИНСКИЙ
halua-n osta-a tämä-n meko-n /
 хотеть.PRS-1SG купить-INF этот-GEN платье-GEN /
*tämä mekko
 этот(NOM) платье(NOM)
 ‘Я хочу купить это платье’.

Однако в водском языке подобные конструкции допускают использование не только генитива, но и номинатива, ср. синонимичные (40а) и (40б).

(40) ВОДСКИЙ

а. *miä taho-n ɛssa üve tšajnika*
 1SG хотеть.PRS-1SG купить.INF новый.GEN чайник.GEN
 ‘Я хочу купить новый чайник’.

б. *miä taho-n ɛssa üsi tšajnikkâ*
 1SG хотеть.PRS-1SG купить.INF новый(NOM) чайник (NOM)
 ‘Я хочу купить новый чайник’.

Одной из причин такого сдвига в водском языке, вероятно, следует считать влияние русского языка, где аккузатив совпадает с номинативом в большинстве парадигматических классов (см. выше раздел 3.3), и, таким образом, в сложном синтаксическом контексте носители водского могут отдать предпочтение номинативу, а не ожидаемому генитиву. Однако следует подчеркнуть, что эта вариативность, скорее, не нарушает правила дистрибуции падежей при тотальном объекте, а демонстрирует возможность различной синтаксической интерпретации предложения. Так (40а) интерпретируется как прототипическое простое предложение, с той лишь разницей, что предикация представлена двумя глагольными лексемами: модальным и смысловым глаголом (Рис. 1).

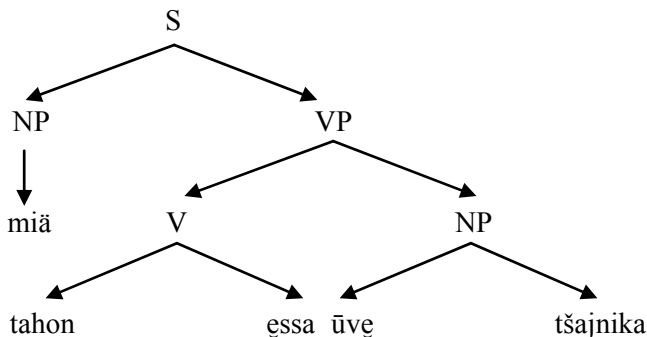

Рис. 1. Синтаксическая интерпретация примера (40а)

Второй же вариант интерпретации, соответствующий примеру (40б), представляет данное предложение как сложное, где у предиката, выраженного модальным глаголом, валентность заполнена сентенциальным актантом, состоящим из смыслового глагола и объекта при нем (Рис. 2). В этом случае в предложении содержатся две предикации, и вторая из них не имеет выраженного субъекта. Соответственно, объект при смысловом глаголе оказывается единственным и, следовательно, наивысшим по рангу, актантом. А такой актант должен иметь форму номинатива.

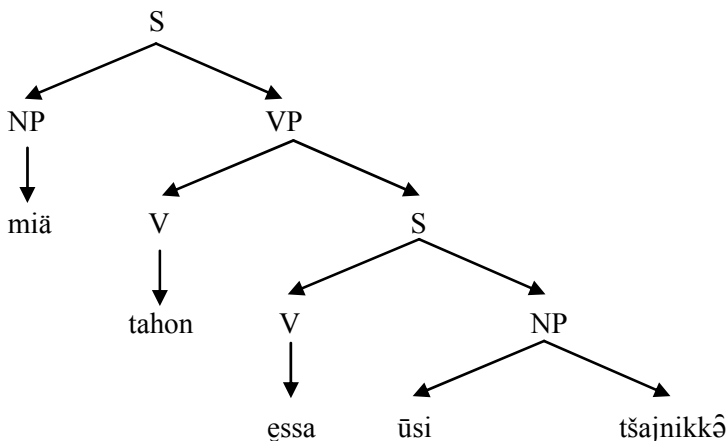

Рис. 2. Синтаксическая интерпретация примера (40б)

5. Выводы

В основе системы маркирования объектов каждого прибалтийско-финского языка лежат достаточно простые принципы. Во-первых, это выражение категории парциальности, которое следует считать (возможно, с некоторыми оговорками) основной функцией рассматриваемой системы. Во-вторых, это иерархическое маркирование аргументов, где за падежом не закреплена определенная синтаксическая роль, то есть вместо понятий «субъект» и «объект» значимыми становятся понятия «главный актант» и «второстепенный актант». С этой точки зрения прибалтийско-финские языки отличаются от большинства языков, где привычнее наблюдать закрепленные за падежами синтаксические роли, пусть даже и с некоторыми вариациями, нацеленными на выражение дополнительных грамматических оппозиций.

Однако в этой системе есть достаточно много возможностей для девиаций различного рода, которые могут возникнуть в определенных языках или диалектах и претерпевать изменения с течением времени. В некоторых случаях такие изменения можно объяснить контактным влиянием, но в большинстве случаев их причины неочевидны.

В целом же прибалтийско-финские языки далеки от «классической» системы дифференцированного маркирования объекта, где на одном полюсе находится маркированный высокоиндивидуализированный объект, выраженный аккузативом, а на другом — абстрактный немаркированный объект с низким референциальным статусом.

Список сокращений

ACC — аккузатив, ADESS — адессив, ADALL — адессив-аллатив, ALL — аллатив, COM — комитатив, ELAT — элатив, GEN — генитив, ILL — иллатив, IMP — императив, IMPRS — имперсонал, INF — инфинитив, NOM — номинатив, PART — партитив, PL — множественное число, POSS — посессивная форма, PRS — настоящее время, PRTACT — активное причастие прошедшего времени, PST — прошедшее время, SG — единственное число, TRANS — транслатив

Литература

Аркадьев, настоящий сборник — П. М. Аркадьев. Объектный партитив / генитив отрицания: ареально-типологическая перспектива // Настоящий сборник. [P. M. Arkad'ev. Ob"ektnyi partitiv/genitiv otritsa-

- niia: areal'no-tipologicheskaja perspektiva [Object partitive/genitive of negation: an areal-typological perspective] // This volume]
- Володин 2000 — А. П. Володин. Безаккузативность как типологическая доминанта уральских языков (на материале финского) // Н. Н. Колпакова (ред.). Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ (16–17 марта 2000 г.). СПб.: СПбГУ, 2000. С. 28–37. [A. P. Volodin Bezakkuzativnost' kak tipologicheskaja dominanta ural'skikh iazykov (na materiale finskogo) [Non-accusativity as a typological feature of the Uralic languages] // N. N. Kolpakova (ed.). Materialy mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoj konferentsii prepodavatelei i aspirantov, posvyashchennoi 75-letiiu kafedry finno-ugorskoj filologii SPbGU. SPb.: SPbGU, 2000. P. 28–37]
- Зайков 1999 — П. М. Зайков. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск: Периодика, 1999. [P. M. Zaikov Grammatika karel'skogo iazyka (fonetika i morfologija) [Karelian Grammar (phonetics and morphology)]. Petrozavodsk: Periodika, 1999]
- Зайцева 1996 — М. И. Зайцева, М. Муллонен. Образцы вепсской речи. Ленинград: Наука, 1969. [M. I. Zaitseva, M. Mullonen. Obraztsy vepsskoj rechi [Vepsian speech samples]. Leningrad: Nauka, 1969]
- Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. Москва: Языки славянской культуры, 2002. [A. A. Zalizniak. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. S prilozheniem izbrannykh работ po sovremennomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniiu. Moskva: Iazyki slavianskoj kul'tury, 2002.]
- Конт 1967 — К. Конт. О партитиве в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение 3, 1967. С. 1–6. [K. Kont. O partitive v finno-ugorskikh iazykakh [The partitive in Finno-Ugric languages] // Sovetskoe finno-ugrovedenie 3, 1967. P. 1–6.]
- Рожанский, Маркус 2014 — Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус. Падежное оформление объекта в ижорском языке с точки зрения синтаксической типологии // М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян и др. (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 564–578. [F. I. Rozhanskii, E. B. Markus. Padezhnoe oformlenie ob'ekta v izhorskom iazyke s tochki zreniia sintaksicheskoi tipologii [The object case marking in Ingrian in terms of syntactic typology] // M. A. Daniel', E. A. Liutikova, V. A. Plungian et al. (eds.). Iazyk. Konstany. Peremennye. Pamiati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. SPb.: Aleteiia, 2014. P. 564–578]

- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. К вопросу о существовании немаркированных падежей в марийском языке // Советское финно-угроведение 23 (1), 1987. С. 19–27. [G. M. Tuzharov. K voprosu o sushchestvovanii nemarkirovannykh padezhei v mariiskom iazyke [Towards the existence of unmarked cases in Mari] // Sovetskoe finno-ugrovedenie 23 (1), 1987. P. 19–27]
- Хакулинен 1953 — Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка. Часть I. Фонетика и морфология. Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. [L. Hakulinen. Razvitie i struktura finskogo iazyka. Chast' I. Fonetika i morfologiia [The development and the structure of Finnish. Volume I. Phonetics and Morphology]. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953]
- Ariste 1968 — P. Ariste. A grammar of the Votic language. Bloomington — the Hague: Indiana University, 1968.
- Ariste 1981 — P. Ariste. Zur dritten Person Plural und zum Impersonal im Wotischen // Советское финно-угроведение [Sovetskoe finno-ugrovedenie] 17 (1), 1981. P. 1–8.
- Chirikba 2003 — V. A. Chirikba. Abkhaz. München: Lincom Europa, 2003.
- Dahl, Karlsson 1976 — Ö. Dahl, F. Karlsson. Verbien aspektit ja objektin sijanmerkintä: vertailua soumen ja venäjän välillä // Sananjalka 18, 1976. P. 34–52.
- de Hoop, Malchukov 2008 — H. de Hoop, A. L. Malchukov. Case-Marking Strategies // Linguistic Inquiry 39 (4), 2008. P. 565–587.
- Ehala 2011 — M. Ehala. The diffusion of positional innovations in the Estonian object-marking system // Diachronica 28 (3), 2011. P. 324–344.
- Erelt 2009 — M. Erelt. Typological overview of Estonian syntax // Sprachtypologie und Universalienforschung 62 (1/2), 2009. P. 6–28.
- Grünthal 2010 — R. Grünthal. Sijasynkretismi morfologian koetinkivenä // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics 2, 2010. P. 91–113.
- Hakulinen 2004 — A. Hakulinen et al. (toim.). Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004.
- Huumo 2010 — T. Huumo. Nominal aspect, quantity, and time: The case of the Finnish object // Journal of Linguistics 46, 2010. P. 83–125.
- Ikola 1968 — O. Ikola. Zum Objekt in der ostseefinnischen Sprachen // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Urgistarum. Helsingae habitus 23–28.VIII.1965. Pars I. Acta Linguistica. Helsinki: Societas Fenno-Ugrica, 1968. P. 188–195.
- Jahnsson 1968 — A. W. Jahnsson. Finska Språkets Satslära. Helsinki: Finska litteratursällskapet, 1871.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. Finnish: An Essential Grammar. London/New York: Routledge, 1999.

- Kiparsky 1998 — P. Kiparsky. Partitive case and aspect // Miriam Butt and Wilhelm Geuder (eds.) *The projection of arguments: Lexical and compositional factors*. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 265–307.
- Kiparsky 2001 — P. Kiparsky. Structural case in Finnish // *Lingua* 111, 2001. P. 315–376.
- Kittilä 2002 — S. Kittilä. Remarks on the basic transitive sentence // *Language Sciences* 24, 2002. P. 107–130.
- Kittilä 2006 — S. Kittilä. Object-, animacy- and role-based strategies. A typology of object marking // *Studies in Language* 30 (1), 2006. P. 1–32.
- Kont 1963 — K. Kont. *Käändsõnaline objekt läänemeresoome keeltes*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1963.
- Laakso 2001 — J. Laakso. *The Finnic Languages* // Östen Dahl, Maria Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic Languages: Typology and Contact. Vol. 1. Past and Present*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 179–212.
- Larsson 1983 — L. G. Larsson. *Studien zum Partitivgebrauch in den ostseefinnischen Sprachen* [Acta Universitatis Upsaliensis 15]. Uppsala, 1983.
- Lees 2015 — A. Lees. *Case Alternations in Five Finnic Languages. Estonian, Finnish, Karelian, Livonian and Veps*. Leiden — Boston: Brill, 2015.
- Letuchiy 2006 — A. Letuchiy. Case marking, possession and syntactic hierarchies in Khakas causative constructions in comparison with other Turkic languages // Leonid Kulikov, Andrej Machukov and Peter de Swart (eds.). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 417–439.
- Maling 1993 — J. Maling. Of nominative and accusative // Anders Holmberg and Urpo Nikanne (eds.) *Case and other functional categories in Finnish syntax*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 49–74.
- Metslang 2014 — H. Metslang. Partitive noun phrases in the Estonian core argument system // Silvia Luraghi, Tuomas Huumo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin — Boston: De Gruyter, 2014. P. 177–255.
- Næss 2004 — Å. Næss. What markedness marks: the markedness problem with direct objects // *Lingua* 114, 2004. P. 1186–1212.
- Ojajärvi 1950 — A. Ojajärvi. *Sijojen merkitystehtävistä Itä-Karjalan Maaselän murteissa. Nominatiivi, genitiivi, akkusatiivi ja partitiivi. Vertaileva funktio-opillinen tutkimus*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1950.
- Rajandi, Metslang 1979 — H. Rajandi, H. Metslang. *Määramata ja määratud objekt*. Tallinn: Valgus, 1979.
- Reime 1993 — H. Reime. Accusative marking in Finnish // Anders Holmberg and Urpo Nikanne (eds.). *Case and other functional categories*

- in Finnish syntax. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 89–109.
- Rozhanskiy 2015 — F. Rozhanskiy. The length of final vowels with respect to case syncretism in Luuditsa Votic // *Linguistica Uralica* 51 (2), 2015. P. 100–133.
- Rüütmaa 1989 — T. Rüütmaa. Partitiivsubjekt ja object eesi ja soome keeles // *Fenno-ugristica* 15, 1989. P. 118–126.
- Sands, Campbell 2001 — K. Sands, L. Campbell. Non-canonical subjects and objects in Finnish // A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, O. Masayuki (eds.). *Non-canonical marking of subjects and objects*. Amsterdam — Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 251–305.
- Silverstein 1986 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // P. Muysken, H. van Riemsdijk (eds.). *Features and Projections*. Dordrecht: Foris, 1986. P. 163–232.
- Tauli 1983 — V. Tauli. *Standard Estonian Grammar. Part II. Syntax*. [Studia Uralica et Altaica Upsaliensia 14]. Uppsala: 1983.
- Tveite 2004 — T. Tveite. *The case of the object in Livonian. A corpus based study* [Castrenianumin toimitteita 62]. Helsinki: The Finno-Ugrian Department of Helsinki University/The Finno-Ugrian Society, 2004.
- Vainikka, Brattico 2014 — A. Vainikka, P. Brattico. The Finnish accusative: Long-distance case assignment under agreement // *Linguistics* 51(2), 2014. P. 73–124.
- Vihman 2004 — V. Vihman. *Valency Reduction in Estonian*. Ph.D. thesis from School of Philosophy, Psychology and Language Sciences, University of Edinburgh, 2004.

Н. В. Сердобольская
РГГУ / МПГУ, Москва

**ИНВАРИАНТ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ
ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ
В БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ¹**

**1. Дифференцированное маркирование прямого дополнения
и определенность: теория и типология**

*1.1. Пермские языки в свете типологии
дифференцированного маркирования прямого дополнения*

В пермских языках представлена одна из частотных моделей дифференцированного кодирования прямого дополнения (далее: ПД) — асимметричная модель, где противопоставлены ПД, оформленное специальным показателем (1), и неоформленное ПД (2) ([Moravcsik 1978], см. тж. [Witzlack-Makarevich, Seržant 2017]), ср. примеры из бесермянского диалекта (наречия²) удмуртского языка:

- (1) *ž'ič'â až'-i-z*   *kâš' pu-ez,*
лиса видеть-PST-3(SG) береза-ACC
kwaret-e=uk   *kijon-ez.*
ругать-PRS.3SG=EMPH волк-ACC
{Волк пошел [искать дерево, чтобы сделать оглоблю для телеги], принес березу.} 'Лиса увидела **березу** и ругает волка'. [КБТ]
- (2) *Uj-ân nâl-âz*   *gur est-i-z,*
ночь-LOC девочка-P.3(SG) печь топить-PST-3(SG)
paž'-t-i-z   *ž'uk.*
вариться-CAUS-PST-3(SG) каша
'Ночью девушка растопила печь и наварила **каши**'. [КБТ]

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-24-17003.

² В работах по удмуртской диалектологии распространен термин «бесермянское наречие удмуртского языка», см. [Кельмаков 1998; 2003].

Сильно огрубляя, неоформленное ПД обозначает неопределенные и нереферентные объекты, а аккузативное ПД — определенные объекты. В частности, в (1) именная группа (далее: ИГ) *kâš' ru-ez* кореферентна ИГ в предыдущем предложении; соответственно, она является определенной и маркируется аккузативом. В (2) ПД *ž'uk* каша вводится в дискурс впервые и является неопределенным; в силу этого оно выступает без показателя. Конкретные правила выбора оформления, однако, устроены сложнее и ориентированы на ряд семантических, дискурсивных и коммуникативных понятий, что соответствует дискурсивно обусловленной модели дифференцированного маркирования по классификации [Witzlack-Makarevich, Seržant 2017].

В пермских языках асимметричная модель осложняется тем, что в бинарную оппозицию встраиваются посессивные показатели ПД — специальные показатели для ПД, отличные от всех остальных посессивных показателей, ср. полную парадигму в Таблице 1 ниже. Данные показатели могут употребляться как собственно для выражения посессивной функции, как в (3), так и в случаях, исключающих посессивную интерпретацию (4).

- (3) *Nu nâl-de ta-t-âš'*
 нести(IMP.SG) дочь-ACC.P.2(SG) этот-OBL-EL
č'ašša-je gu-e.
 лес-ILL яма-ILL
 {Мачеха велела старику:} 'Вези **свою дочь** отсюда в лес, в землянку'. [КБТ]
- (4) *Val=no kopot'-se š'ij-e=ke*
 лошадь=ADD пыль-ACC.P.3(SG) есть-PRS.3SG=если
kâž-e.
 кашлять-PRS.3SG
 {В сено попала пыль.} 'И вот когда лошадь ест **пыль**, то кашляет'. [КБТ]

В (4) трудно предположить наличие посессивного отношения: скорее, речь идет об анафорической отсылке «когда ест эту пыль». Таким образом, посессивный показатель в ПД используется для анафорической отсылки к предтексту³, тем самым

³ О непосессивных функциях посессивных показателей см. п. 3.1.

встраиваясь в систему показателей ПД и конкурируя с показателем аккузатива в контексте определенных ПД.

Тернарная модель, очевидно, не может полностью объясняться фактором значимости ПД (prominence) — понятие, предложенное [de Hoop 2005; de Swart 2007] и базирующееся на трех иерархиях: личной (1,2 (локуторы) > 3 [de Swart 2007: 150]), иерархии одушевленности (обозначение человека > обозначение животного > обозначение неодушевленного объекта [Ibid.]) и иерархии определенности (местоимение > имя собственное > определенная ИГ > неопределенная специфичная ИГ > неопределенная неспецифичная ИГ [Ibid.]).

В языках с тернарной оппозицией происходит либо «расщепление» факторов, определяющих выбор кодирования ПД (например, в печорском диалекте коми-зырянского языка одушевленные ПД кодируются посессивным аккузативом (в теме) и аккузативом без посессива (в реме), а неодушевленные посессивным аккузативом (в теме) и выступают без оформления (в реме); таким образом, аккузатив и отсутствие оформления находятся в отношении дополнительного распределения, см. подробнее [Сердобольская, Толдова 2012]), либо расщепление одного из параметров (одушевленность — референциальные свойства — информационная структура высказывания) на микропараметры. Мы покажем, что в бесермянском удмуртском, наряду с некоторыми другими факторами, оказывается релевантным тип определенности ПД.

Материал бесермянского диалекта частично получен методом элицитации (2012–2016 гг.), частично — из корпуса бесермянских текстов, составленного и обработанного под руководством Т. А. Архангельского, О. Л. Бирюк и др. (помета [КБТ]; см. http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru). Автор глубоко признателен Ю. Н. Зубовой и М. Н. Усачевой за помощь в сборе данных.

Работа структурирована следующим образом. Во втором пункте настоящего раздела мы рассмотрим теоретические подходы к определенности и типологические обзоры средств кодирования определенности. В разделе 2 мы приведем парадигму посессивных показателей в бесермянском и опишем основные правила распределения аккузатива и посессивного аккузатива в ПД.

Раздел 3 посвящен функциям посессивных показателей в ПД и обоснованию для разбиения понятия определенности ИГ на основании данных бесермянского и на типологическом материале.

1.2. Теоретические и типологические подходы к понятию определенности

Формально-семантические модели определенности опираются либо на квантификацию и сферу действия, либо на дискурсивно-ориентированное представление суммы знаний слушающего, см. обзор в [Abbott 2010]. В первом случае определенность трактуется через существование и единичность (uniqueness) участника (т.е. исходя из выбранной номинации участник идентифицируется единственным образом; согласно некоторым подходам речь идет о референциальной единичности). Во втором случае определенность участника объясняется через его известность (familiarity) и моделируется как наличие соответствующего элемента в файле дискурса [Heim 1982, 1983]. Наиболее частотные случаи одинаково интерпретируются и при первом, и при втором подходе. Например, если пытаться объяснить употребление определенного и неопределенного артикля в английском переводе (5), то предсказания обоих подходов будут одинаковы:

- (5) *Катится колобок по лесу, навстречу ему волк. Волк говорит: «Колобок, колобок, я тебя съем».*

В первом предложении референт ИГ *волк* вводится в дискурс впервые; соответственно, в момент произнесения он не идентифицируется единственным образом и не является известным. Соответственно, оба подхода интерпретируют такую ИГ как неопределенную и предсказывают, что ей будет присвоен неопределенный артикль. После произнесения первого предложения волк становится известным и единственным образом идентифицируемым участником. Соответственно, во втором предложении он интерпретируется как определенный и получает определенный артикль.

Оба подхода, с определенными оговорками, также включают случаи ситуационной, или фреймовой, определенности, которые включают уникальные объекты природы (*the sun, the moon*) и т. н. bridging [Clark 1975, Geurts 1998] (например, *Мы взошли на корабль. Kanuman вышел нам навстречу*). Первый тип объектов

тривиальным образом характеризуется единичностью, а известность приобретает в силу знаний собеседников о мире. Второй тип объектов включает не только единичные ИГ (например, *Мы подошли к машине. Колесо было проколото*; такие случаи обсуждаются ниже); известность же обеспечивается опять же за счет знаний о мире (т.е. собеседники знают, что у корабля бывает капитан, у машины — колеса и т.п.).

Однако есть контексты, где предсказания данных подходов различны. В частности, сторонники подхода «единичности» приводят в качестве аргументов примеры, где определенным артиклем оформляются ИГ, не упоминавшиеся ранее и явно не принадлежащие знаниям обоих собеседников о мире:

- (6) *In her talk, Baldwin introduced **the notion** that syntactic structure is derivable from pragmatic principles.* [Birner, Ward 1994]
‘В своем докладе Болдуин впервые рассматривает **идею о том**, что синтаксическая структура выводится с помощью прагматических принципов’.
- (7) *If you’re going into the bedroom, would you mind bringing back **the big bag of potato chips** that I left on the bed?* [Birner, Ward 1994]
‘Если ты идешь в спальню, ты не захватишь **большую пачку картофельных чипсов**, которая лежит на кровати?’
- (8) ***The case of** a Nazi sympathizer who entered a famed Swedish medical school in 2007, seven years after being convicted of a hate murder, throws a rarely discussed question into sharp focus...* [Abbott 2010: 219]
‘**Случай** с человеком, симпатизировавшим нацистам, который поступил в шведский медицинский институт, после того, как он бы осужден за убийство на почве ненависти, — этот случай привлекает внимание к вопросу, который обсуждается довольно редко...’

Одна из вероятных интерпретаций данных примеров — такая, при которой говорящий сообщает адресату новую информацию, однако использует определенный артикль. Это можно объяснить, исходя из того, что в составе предложения с данной ИГ содержится описание, позволяющее единственным образом иден-

тифицировать референт (понятие, что синтаксическая структура выводится таким-то образом; та пачка, которая осталась на кровати и т. п.).

Более красноречивым аргументом являются случаи, когда референт ИГ с определенным артиклем в принципе не может быть известен до некоторого момента, ср.:

(9) *Will the last person to leave the room please turn out the lights?* [Abbott 1999: 10]

‘Пожалуйста, **кто последним выйдет из комнаты**, погасите свет’.

В контексте превосходной степени прилагательных (самый сильный мальчик в классе), «первый», «последний», а также некоторых слов, отсылающих к интенционалу (убийца, вор), ИГ получает описание, позволяющее идентифицировать объект единственным образом, однако это совершенно необязательно объект, известный говорящему и адресату. При этом здесь обязателен именно определенный артикль. Данный тип был описан в [Donnellan 1966] в терминах атрибутивного употребления и трактуется в [Падучева 1985] как отдельный референциальный статус.

Таким образом, понятие известности само по себе не может адекватным образом предсказать употребление определенного артикля в английском языке.

С другой стороны, аргументами против подхода «единичности» могут служить примеры, когда определенным артиклем оформляется участник, который известен из контекста, но не может быть идентифицирован единственным образом, исходя из выбранной номинации. Сюда входят следующие типы контекстов.

Во-первых, это случаи неполного описания (incomplete descriptions), ср.:

(10) *The cat is at the door.* [Heim 1982: 230]

‘**Кошка** у двери’.

Выделенная ИГ является известной и определенной в конкретной ситуации (например, если это кошка, о которой уже шла речь в предтексте, или кошка, которая каждый день приходит просить поесть), однако она описывается таким образом, при котором она не может быть идентифицирована единственным обра-

зом. Говорящий не использует пояснения вида «та самая», «которая приходила вчера» и т. п.

Такие примеры хорошо объясняются в подходе [Heim 1982, 1983], где определенность трактуется как известность участника безотносительно к возможности идентифицировать его единственным образом.

Во-вторых, подходы, основанные на единичности объекта, сталкиваются с проблемами при попытке объяснить наличие определенного артикля при т.н. weak definites (слабые определенные группы). Сюда можно отнести неопределенные посессивные группы:

- (11) *The boy scribbled on **the living-room wall**.* [Birner, Ward 1994]
‘Мальчик нацарапал что-то на **стене** гостиной’.
- (12) *Take scissors and cut **the finger** of the latex glove off at the base of the finger. The finger you cut depends on the size of the glove...* [Barker 2005: 97]
‘Возьмите ножницы и отрежьте **палец латексной перчатки** у основания. От размера перчатки зависит размер отрезанного пальца’.

Данный тип можно описать через известность зависимого в ИГ: учитывая, что собеседникам известна гостиная в (11) и перчатка в (12), им также известны стены гостиной и пальцы перчатки. Соответственно, данные ИГ оформляются определенным артиклем. При этом описываемые объекты не являются единичными, т.к. неизвестно, о какой именно стене и о каком именно пальце идет речь (это подтверждается последующим контекстом: используется отсылка *the finger you cut*, т.е. выбор единственного референта осуществляется после произнесения первого предложения: адресат сам решает, какой палец перчатки следует отрезать). Существуют, однако, анализы, позволяющие описать данные группы через понятие единичности (например, единичность отношения в [Barker 2005]: определенный артикль относится не ко всей ИГ, а только к имени «стена» и «палец»). Заметим также, что известность не позволяет объяснить случаи, когда определенный артикль оформляет посессивные группы, где зависимое в ИГ неизвестно и оформляется неопределенным артиклем:

- (13) *Toward evening we came to **the bank** of a river.* [Birner, Ward 1994]
'К вечеру мы подошли к **берегу** реки'.

Второй класс случаев содержит описания типовых ситуаций вида *go to **the bank*** ('ходить в банк'), а также случаи, когда участник может быть выбран не единственным образом, и этот выбор по каким-то причинам нерелевантен, ср.:

- (14) [Hotel concierge to guest, in a lobby with four elevators] *You're in Room 611. Take **the elevator** to the sixth floor and turn left.* [Birner, Ward 1994]
[В холле гостинице с четырьмя лифтами консьерж говорит клиенту] 'Ваша комната номер 611. Воспользуйтесь **лифтом**, Вам нужен 6-ой этаж, от лифта налево'.
- (15) *Bill is in **the hospital**, and John is, too.* [Schwarz 2014: 3]
'Билл в **больнице**, и Джон тоже'.

Такие предложения могут прозвучать в контексте, где возможен выбор одного из нескольких лифтов в гостинице или нескольких больниц в городе, т.е. условие единичности не соблюдается. Однако соответствующие ИГ оформляются определенным артиклем. Здесь можно использовать понятие известности: в контексте конкретной гостиницы для собеседников являются известными лифты, которые там работают, а в контексте города — больницы. Тем не менее, существуют исследования, объясняющие данные случаи исходя из понятия единичности, ср. [Schwarz 2014].

Кроме описанных подходов, исследователи опираются на понятие релевантности, ср. [Birner, Ward 1994]. Релевантность указания на конкретного участника позволяет описать особым образом случаи вида (14) и (15): для описываемой ситуации нерелевантно, какой лифт и какая больница имеется в виду, и определенный артикль отсылает к родовому понятию. Однако указание на конкретного участника может быть важно в другом контексте, например, если обсуждаются разные больницы (или лифты, которые ходят на разные этажи); тогда выбор артикля происходит по другим правилам.

В данной работе мы покажем, что оба описанных подхода могут применяться в языках, где определенность обозначается более чем одним средством.

Типологии известны случаи множественности показателей определенности, в частности, в [Schroeder 2006] рассматривается несколько таких примеров, включая систему македонского языка с тремя определенными артиклями, систему фризского языка с двумя определенными артиклями и другие. Таким образом, определенность в языках мира довольно часто не является единым концептом, а расщепляется на несколько понятий, которые кодируются различными средствами. Дж. Хокинс предлагает различать ситуационные (дейктические) и анафорические употребления определенных артиклей [Hawkins 1978]. Первые включают прямое указание на объект (напр., *стол* в комнате, где только один стол) и отсылку к знаниям о мире (напр., *мэр*, если речь идет о конкретном городе). Вторые предполагают анафорическую отсылку к предтексту (*Я вчера купил книгу. Книга была порвана*) и т.н. ассоциативную анафору, или бриджинг [Clark 1975] (*Я вчера купил книгу. На обложке была надпись карандашом*). На основе данных различий Ф. Шварц объясняет распределение слитных и неслитных форм артиклей с предлогом (напр., *ins vs. in das*) в немецком языке [Schwarz 2014]. Исследователь уточняет предложенную выше классификацию и трактует слитные формы как выражающие единичность объекта, а неслитные — как выражающие анафорическую связь.

В настоящей работе мы рассмотрим данные дифференцированного маркирования ПД в бесермянском диалекте удмуртского языка и покажем, что для данного идиома наиболее актуально различие единичности и известности — т.е. концептов определенности, рассматриваемых в теоретических работах. По нашим данным, аккузатив служит для кодирования единичных ПД (т. е. идентифицируемых единственным образом), в то время как кумулятивный показатель посессивности и аккузатива вводит известные, но не единичные ПД.

2. Показатели прямого дополнения в бесермянском и основные правила их распределения

2.1. Парадигма показателей ПД

Показатель аккузатива в бесермянском имеет форму *-ez* для единственного числа и *-tă* для множественного числа.

В именной парадигме позиция ПД выделяется среди других синтаксических позиций. В частности, для ПД используется осо-

бый набор посессивных показателей, иной, нежели для других падежей, ср. данные Таблицы 1.

Таблица 1. Парадигма посессивных показателей
в бесермянском диалекте удмуртского языка

Лицо, число	В прямом дополнении	В номинативе и перед падежными показателями	После падежных показателей
1 ед. ч.	<i>-me</i>	<i>-e/-â</i>	<i>-â^hm/-m</i>
2 ед. ч.	<i>-de/-te</i>	<i>-ed/-âd</i>	<i>-â^hd/-d</i>
3 ед. ч.	<i>-ze/-se</i>	<i>-ez/-âz</i>	<i>-â^hz/-z</i>
1 мн. ч.	<i>-mes</i>	<i>-mâ</i>	<i>-â^hmâ/-mâ</i>
2 мн. ч.	<i>-des/-tes</i>	<i>-dâ/-tâ</i>	<i>-â^hdâ/-dâ</i>
3 мн. ч.	<i>-zes/-ses</i>	<i>-zâ/-sâ</i>	<i>-â^hzâ/-zâ</i>

Как видно из Таблицы 1, показатели для ПД занимают особое место в системе посессивных показателей. В отличие от посессивных показателей в других синтаксических позициях (3-й и 4-й столбцы), в ПД посессивные показатели кумулятивно выражают падеж и посессивность, напр. *jultoš-ez* ‘его друг, товарищ’ (номинатив), *jultoš-ez-lâ* в дативе, *jultoš-ez-lâš*’ в генитиве 2 и в ПД *jultoš-se*⁴. Кроме того, они не могут выражать противопоставление по отчуждаемости vs. неотчуждаемости, которое при единственном числе посессора выражается выбором гласной *-e/-â-*, соответственно (столбец 3). Синтаксически позиция ПД выделяется тем, что зависимые имена при ПД оформляются особым падежом — генитивом 2 (или аблативом [Цыпанов 2008, Winkler 2011]), ср. (17), в то время как для оформления зависимых от субъектных ИГ (16) и от имен в других синтаксических позициях (18) используется генитив 1, ср.:

⁴ В принципе, можно почленить посессивные показатели, т.е. выделить в них аккузатив на *-e-* (именно такой показатель используется для личных местоимений единственного числа) и множественное число посессора *-s*. Однако такая трактовка порождает некоторые проблемы: во-первых, необходимость постулировать особый показатель аккузатива в контексте посессивных показателей (*-e-* вместо *-ez*). Во-вторых, появляется нигде более не задействованный показатель множественного числа посессора *-s*. Наконец, в-третьих, важное отличие состоит в том, что посессивные показатели для других синтаксических позиций выражают противопоставление по отчуждаемости vs. неотчуждаемости (выбор *-e/-â-* в столбце 3), а в ПД данное противопоставление не выражается.

- (16) *Pi-je-len*   *n'əm-əz*   *Van'a*.
мальчик-Р.1SG-GEN1   имя-Р.3(SG) Ваня
Моего сына зовут Ваня. [КБТ]
- (17) *So*   *как будто*   *ž'až'eg pi-jez-ləš'*
тот   гусь   сын-Р.3(SG)-GEN2
bəž-ze   *kurč'-e=n'i*.
хвост-ACC.Р.3(SG)   кусать-PRS.3SG=уже
'Он как будто кусает хвост у гусенка'. [КБТ]
- (18) *Pənə pi-len*   *ber pal-a-z*   *korž'ina*.
собака сын-GEN1   зад сторона-LOC/ILL-Р.3(SG)   корзина
'За щенком [находится] корзина'. [КБТ]

Таким образом, с точки зрения набора показателей, можно считать, что посессивные показатели в столбце 2 (ПД) выражают не только лицо и число посессора, но также являются маркерами синтаксической позиции ПД. Далее мы будем использовать для данных показателей термин «посессивный аккузатив». У некоторых местоимений (см. ниже) показатели аккузатива и посессивного аккузатива во множественном числе могут комбинироваться в рамках одной и той же словоформы, например *vič'ak-ses-tə* все-Р.3PL-ACC.PL 'их всех'.

2.2. Функциональное распределение показателей ПД

Как было показано выше, ПД в бесермянском, как и вообще в пермских языках, может выражаться тремя способами — посессивный аккузатив, собственно аккузатив и отсутствие оформления.

Функциональное распределение аккузатива и отсутствия маркирования описывается в работах [Перевошиков и др. 1962: 93; Csucs 1990: 34; Winkler 2001: 20; Кондратьева 2002, 2010]. Основным фактором, лежащим в основе выбора оформления, авторы считают определенность ПД: определенное ПД маркируется аккузативом, неопределенное и нереферентное не маркируется. Согласно [Кондратьева 2010], в литературном удмуртском одушевленные ПД всегда маркируются аккузативом (что лишь отчасти отмечается в бесермянском). В [Перевошиков и др. 1962; Кондратьева 2002; Winkler 2011: 46] также показана релевантность квантификации и партитивности ПД для литературного удмуртского: ПД со значением неопределенного количества не

маркируется, а аккузатив имплицитно интерпретируется как полностью охваченный ситуацией (например, *сьел весь хлеб vs. поел хлеба*). По нашим данным, однако, в бесермянском одушевленность лишь отчасти влияет на выбор оформления, а квантификация ПД не является релевантным фактором, см. подробнее [Сердобольская, Толдова 2012] — с той, однако, оговоркой, что партитивное vs. тотальное прочтение и референциальный статус, безусловно, не являются взаимонезависимыми параметрами, и довольно часто нелегко определить, какой именно из этих факторов повлиял на выбор оформления ПД.

Что касается семантики посессивных показателей (за пределами собственно посессивных контекстов), для литературного удмуртского авторы приводят такие функции, как определенность [Fraugud 2001, Suihkonen 2005, Winkler 2011], ласкательное значение [Кельмаков 1996, Suihkonen 2005, Едыгарова 2010, Кузнецова 2012], вокатив [Едыгарова 2010, Кузнецова 2012, Winkler 2011: 66], функция референциальной отсылки [Winkler 2011: 65], согласование с модификатором именной, числовой группы или нефинитной предикации [Едыгарова 2010, Winkler 2011: 65], этическое значение (ассоциативное отношение ИГ к слушающему в терминах [Winkler 2011: 66]).

Таким образом, согласно литературе, посессивные маркеры могут использоваться как для выражения определенности (как и маркер аккузатива), так и в сильно маркированных функциях, например, ласкательной и др. Определенность является решающим параметром при выборе между отсутствием оформления и его наличием [Сердобольская, Толдова 2012].

«Наложение» функций аккузатива и посессивного аккузатива неудивительно, если учитывать происхождение аккузатива в пермских языках. Как предполагают специалисты, в пермских языках согласный *-s/-z-* в составе современного суффикса аккузатива (*-ez* в удмуртском языке, *-əs/-es* в коми) диахронически восходит именно к показателю посессивности 3-го л., см. [Майтинская 1979: 102; Rédei 1988: 382–383]. Соответственно, современные посессивные маркеры ПД развиваются по тому же сценарию, что и маркер аккузатива: переход от маркирования посессивности к маркированию определенности и синтаксической позиции.

В разделе 3 мы покажем, что выбор между аккумулятивом и посессивным аккумулятивом в бесермянском осуществляется на несколько иных основаниях, нежели описано выше для литературного удмуртского.

Правила оформления ПД также зависят от структурного состава данной ИГ. Наиболее строгие правила касаются местоимений:

1) личные местоимения и рефлексив единственного числа, а также местоимение *kin* 'кто' всегда оформляются особым показателем для местоимений *-(j)e*: *mone* (я-acc), *tone* (ты-acc), *aslam-e* (REFL.OBL.P.1-ACC);

2) личные местоимения и рефлексив множественного числа, а также местоимение *kud* 'который' всегда присоединяют посессивный аккумулятив и (во множественном числе) аккумулятив множественного числа (для рефлексива он необязателен): *mil'-âmes-tâ* (мы.OBL-ACC.P.1PL-ACC.PL), *as-mes-tâ* (REFL-ACC.P.1PL-ACC.PL), *kud-ze* (который-ACC.P.3SG);

3) указательные местоимения и местоимение *mar* 'что' (а также его дериваты с показателями *olo-*, *no-*, *ko-*, *-ke*) допускает все три типа оформления: *so* / *so-je* (стяженная форма *se*) / *so-ize*, *mar* / *mar-e* (стяженная форма *mae*) / *mar-ze*. Приведем пример на указательное местоимение без аккумулятора⁵:

(19) *I kureg gord dolžen=na lu-ânâ*
и курица рыжий должен=еще стать-INF

Kâtč'â so pun-ono šu-ko-d?

где.ILL тот класть-DEB сказать-PRS-2(SG)

(Из эксперимента по раскладыванию карточек) 'И еще должна быть рыжая курица (т.е. карточка с рыжей курицей). Куда, говоришь, ее нужно поставить?' [КБТ]

---

⁵ Вообще говоря, такие примеры представляют интерес как с точки зрения близкородственных языков (например, в коми-зырянском, луговом марийском и мордовских языках строгий запрет на немаркированные указательные местоимения в позиции ПД), так и с точки зрения типологии: учитывая, что местоимения занимают крайнюю левую позицию на любых референциальных иерархиях и иерархиях одушевленности, в языках с асимметричным кодированием ПД они обычно наиболее последовательно оформляются аккумулятивом.

4) остальные местоимения, прилагательные и числительные могут выступать без оформления или оформляются посессивным аккузативом 3-го лица, например *vič'ak* 'все' / *vič'ak-se* (все-ACC.P.3SG), *odig* (один) / *odig-ze* (один-ACC.P.3SG), *kwin'* (три) / *kwin'-na-zes* (три-COLL-ACC.P.3PL) (посессивный аккузатив возможен только с собирательными числительными), *zək* (большой) / *zək-se* (большой-ACC.P.3SG).

Эти правила работают, если местоимение, прилагательное или числительное — вершина ИГ. Если же данные классы слов выступают в качестве модификатора при ПД, возможны все три типа оформления. Интересно, что ПД может оставаться не-оформленным даже в контексте указательного местоимения (20) и при наличии в предложении личных местоимений в генитиве (21) — контексты, предполагающие определенность ИГ и требующие оформления в других финно-угорских языках, например в коми-зырянском (печорский диалект, см. [Сердобольская, Толдова 2012]). Приведем примеры из бесермянского, где отсутствуют аккузатив на имени при данных модификаторах:

(20) *Tin' so zakvaska mest-e zakvaš'it'*
 вот тот закваска место-ILL заквасить
kar-əl-i-z-ə=n'i so-je. <...> zək
 делать-ITER-PST-3-PL=уже тот-ACC большой
vâški-je so majal pun-em ber-e kak
 кадка-ILL тот закваска класть-NMLZ зад-ILL как
so vâški-jez kert-o-z-ə val.
 тот кадка-P.3(SG) завязывать-FUT-3-PL быть.PST
 'Вот вместо этой закваски ее заквашивали. <...> После того,
 как эту закваску помещали в кадку, эту кадку завязывали'.
 [КБТ]

(21) *I naprimer mil'-a-m priš'aga to mi*
 и например мы-GEN1-P.1PL присяга то мы
baš'-t-i-m faktičeski uč'ebkaj-ən
 брать-SMLF-PST-1PL учебка-LOC
F'urstenal'd-ən.
 Фюрстенвальд-LOC
 'И, например, присягу мы принимали фактически в учебке
 в Фюрстенвальде'. [КБТ]

Уточним, что примеры, в которых не оформляется вершина при генитивном посессоре, маргинальны; по-видимому, их следует трактовать как конструкции с внешним посессором, см. обоснование в [Архангельский, Усачева 2016].

Интересно также, что в контекстах, в которых подразумевается полный охват объекта, оформление ПД (посессивным) аккузативом также необязательно (в противоположность обобщениям, сформулированным в [Перовщиков и др. 1962; Кондратьева 2002, 2010] относительно литературного удмуртского):

- (22) *Mi šan'gi š'i-i-m ž'ânâ-ž'ânâ ton*
 мы шаньга есть-PST-1PL половина-половина ты
bâdes šan'gi-ez / šan'gi š'i-i-d.
 целый шаньга-ACC шаньга есть-PST-2(SG)
 'Мы съели по половинке шаньги, а ты целую съел'.

Далее, если прилагательные, числительные или местоимения типа 'один', 'другой', 'все' выступают в контексте нулевой вершины ИГ, аккузатив также необязателен:

- (23) *Ken'a, das kwin'=a mar=a val=uk*
 сколько десять три=Q что=Q быть.PST=EMPH
pič'i mašina-os-âz? <...>
 маленький машина-PL-P.3(SG)
 – *Evâl, vič'ak lâd'd'a-sa=n'i.*
 NEG.COP весь считать-CVB=уже
 'Сколько их было [на свадьбе], легковушек, тринадцать, что ли? <...> Нет, это считая всех'. [КБТ]

- (24) *Gord=no pun-iš'ko-m, ted'â=no*
 красный=ADD класть-PRS-1PL белый=ADD
pun-iš'ko-m, č'eber.
 класть-PRS-1PL красивый
 {Ткем, получается вот такой красивый холст.} 'Красные, белые [нити] добавляем, [получается] красиво'. [КБТ]

Такие конструкции невозможны во многих близкородственных языках, ср. [Симоненко, Леонтьев 2012], и, по-видимому, нехарактерны для литературного удмуртского. В литературном удмуртском в этих контекстах используется посессивный показатель 3-го лица единственного числа, ср. описание субстантив-

рующей функции посессивных показателей в [Winkler 2011: 88], выделительно-указательной категории в [Алатырев 1970; Едыгарова 2010: 136–137]. Посессивный аккузатив возможен и в бесермянском (25), однако как видно из (23) и (24), он необязателен в этом употреблении.

- (25) *D'eš' med lu-o-z pis pu-ez,*
 хорошо OPT статья-FUT-3(SG) дрова дерево-P.3(SG)
vuž-ze en baš'-t-â.
 старый-ACC.P.3(SG) NEG.IMP брать-SMLF-SG
 {Иди, медведь, принеси дерево, чтобы сделать оглоблю.}
 'Пусть оно будет хорошее, старое не бери'. [КБТ]

Как и в литературном удмуртском [Winkler 2011: 88], в бесермянском в таких контекстах вне зависимости от лица посессора используется показатель 3-го лица единственного числа; другие личные формы недопустимы.

Далее, в отличие от других близкородственных языков, в бесермянском удмуртском сами модификаторы при именной вершине могут быть оформлены посессивным аккузативом 3-го лица:

- (26) *Fs'o, so-os wan', vič'ak-se so-os-tâ*
 всё тот-PL все весь-ACC.P.3(SG) тот-PL-ACC.PL
so vorm-i-z.
 тот победить-PST-3(SG)
 Всё, они готовы, всех их он победил. [КБТ]
- (27) *Vuž-jos-se pis pu-os-se*
 старый-PL-ACC.P.3(SG) дрова дерево-PL-ACC.P.3(SG)
en baš'-t-â.
 NEG.IMP брать-SMLF(SG)
 {Иди, медведь, принеси оглоблю.} 'Старые деревья не бери'. [КБТ]

При этом действуют следующие правила. В отличие от вершины ИГ, модификаторы не могут оформляться аккузативом: возможен либо посессивный аккузатив, либо отсутствие оформления. Посессивный аккузатив в таких контекстах всегда имеет форму 3-го лица единственного числа, вне зависимости от лица и числа посессора (как и в литературном удмуртском [Winkler 2011: 66]).

Обобщая приведенные данные, можно сказать, что в плане поведения местоимений, числительных и прилагательных в ПД бесермянский сильно отличается от близкородственных идиомов.

Перейдем к правилам выбора показателя для именной вершины ПД. Уточним, что правила маркирования модификаторов и закономерности опущения показателя в случаях, аналогичных (19)–(24), нами не рассматривались подробно.

Как уже говорилось выше, для бесермянского наиболее релевантным фактором является референциальный статус ПД (см. подробнее [Сердобольская, Толдова 2012]). Опираясь на инвентарь референциальных типов, предложенный в работе [Падучева 1985], можно сформулировать следующие правила: определенные ПД оформляются (посессивным) аккузативом, ср. пример (4) из введения, а слабо определенные, неопределенные и экзистенциальные ПД не получают оформления. Например, в (28) и в (29) говорящий вводит ИГ в дискурс впервые; в первом случае он является слабо определенным в силу известности говорящему, во втором — неопределенным. В обоих случаях используется неопределенное ПД. ПД в (30), находясь в сфере действия глагола ‘хотеть’, имеет экзистенциальный неререферентный статус, т.к. обсуждается покупка объекта, относящегося к некоторому классу (пиво), а не какого-то конкретного объекта.

- (28) *Mon lâž'-i kn'iga.*
я читать-PST(1SG) книга
'Я прочитал одну книгу. [Очень тебе советую]'. [Сердобольская, Толдова 2012: 125]
- (29) *Van'a tâb-i-z kâz jâl-e, kâz*
Ваня подниматься-PST-3(SG) ель вершина-ILL ель
jâl-iš'en so až'-i-z korka.
вершина-EGR тот видеть-PST-3(SG) дом
{Ваня и Петр заблудились в лесу, ищут, где переночевать.}
'Забрался Ваня на ель и увидел оттуда **дом**'. [КБТ]
- (30) *Odig magaž'in-e pâr-i-m, sur*
один магазин-ILL входить-PST-1PL пиво
baš'-t-ânâ med-iš'ko-m val.
братъ-SMLF-INF хотеть-PRS-1PL быть.PST
'Мы зашли в один магазин, хотели купить **пиво**'. [КБТ]

Приведенные правила иллюстрируют выбор оформления для неодушевленных ПД. Одушевленные ПД в основном следуют той же схеме, однако иногда могут оформляться аккузативом, даже будучи неопределенными или слабо определенными. Это происходит, если они являются дискурсивно важными, ср. [Сердобольская, Толдова 2017].

Атрибутивные ПД обычно требуют оформления; такие случаи обсуждаются ниже, см. п. 3.3. Другие типы нереферентных ИГ, универсальные и родовые, допускают варьирование, например:

- (31) *So kot'-kud-ze* *skal / skal-ez*
 тот хоть-который-ACC.P.3(SG) корова / корова-ACC
baš'-t-isal.
 купить-SMLF-COND(SG)
 'Он бы любую корову купил (лишь бы молоко было)'.
 [Сердобольская, Толдова 2012: 125]

Для других референциальных типов выбор оформления зависит от информационной структуры высказывания: родовые и универсальные ПД в теме требуют оформления, а в реме обычно выступают неоформленными. В частности, ИГ *âškem jetân* в (32) отсылает к топике всего дискурса и выступает с аккузативом, в то время как предложение в (33) находится в самом начале текста и является тетическим; соответственно, ПД *jetân* принадлежит реме и не оформляется аккузативом.

- (32) *Āšk-em* *jetân-ez kert-âl-i-z-â*
 выдернуть-NMLZ лен-ACC завязывать-ITER-PST-3-PL
kâl't'o-je.
 снопыльна-ILL
 {Текст о том, как раньше обрабатывали лен. ЛК: Рвать лен выходят все... и старики, и женщины, и дети.} 'Вырванный лен связывают в снопы'. [КБТ]
- (33) *Jetân kiž'-âl-i-z-â* *lud vâl-ân.*
 лен сеять-ITER-PST-3-PL поле верх-LOC
 {Начало текста.} '(Раньше) лен сеяли на поле'. [КБТ]

Таким образом, (посессивный) аккузатив в основном служит для выражения определенности, атрибутивного референциального статуса, а также топикальности универсальных/родовых ПД; в остальных случаях ПД не маркируется.

Уточним, что данные правила могут нарушаться под действием дискурсивных факторов, см. [Serdobolskaya, Toldova 2012]. Например, определенное ПД может быть немаркированно, если оно не является протагонистом или топиком абзаца (например, ПД *gur* ‘печь’ в (2) упоминается второй раз и является определенным, однако оно не маркируется в силу нерелевантности для дальнейшего дискурса). И наоборот, неопределенное ПД может быть с аккумулятивом, если его референт становится центральным участником дальнейшего дискурса, как в данном примере:

- (34) *Odig pol mâñ-e val-en-âz i*
один раз идти-PRS.3SG лошадь-INSTR-P.3(SG) и
až'-e gondâr-ez.
видеть-PRS.3SG медведь-ACC
{Как-то раз украла лиса у мужика лошадь с телегой и давай по лесу кататься.} ‘Поехала однажды на лошади и видит **медведя**’. {Медведь ей говорит...} [КБТ]

В следующем разделе мы рассмотрим распределение аккумулятива и посессивного аккумулятива. Соответственно, нас в основном будут интересовать контексты определенных и родовых ПД. Уточним, что мы не рассматривали подробно контексты модификаторов, влияющих на референциальную интерпретацию ИГ, поэтому ниже не будет обсуждаться контекст указательных местоимений и кванторов.

3. Посессивные показатели и маркирование прямого дополнения

3.1. Семантика посессивных показателей в пермских языках

Пермские языки, как и уральские языки в целом, обладают грамматической категорией посессивности, показатели которой — в разных языках и диалектах в различной степени — используются в функции маркеров определенности ИГ. В частности, в работах [Collinder 1957, Schlachter 1960, Tauli 1966] определенность приводится как одна из основных «непосессивных» функций данных показателей, а в [Schroeder 2006, Fraurud 2001, Suihkonen 2005] ставится вопрос о том, можно ли считать завершенным процесс грамматикализации посессивных маркеров для выражения определенности в пермских языках. В сравнительно-исторических ис-

следованиях (см., например, [Майтинская 1979; Raun 1988, Décsy 1990]) аргументируется гипотеза о наличии функции определенности еще у прауральских показателей посессивности.

Наряду с этим, ряд исследований показывает, что функция определенности — не единственная «непосессивная» функция рассматриваемых показателей в уральских языках (ср. определение круга посессивных значений в [Aikhenvald, Dixon 2013]). В этой связи приводятся такие функции, как выражение категорий информационной структуры (контраст и эмпфаза [Nikolaeva 2003]; фокус [Klumpp 2014]), дискурсивных категорий (высокая степень активированности [Klumpp 2014]; приращение, эхо-конструкции, возвращение к предыдущему топику [Siegl 2015]), этическое значение [Künnap 2006, Кузнецова 2012]), ласкательное значение [Suihkonen 2005, Кузнецова 2012], вокатив [Кузнецова 2012, Winkler 2011: 66].

Большая часть перечисленных функций в той или иной степени отмечается и у пермских посессивных показателей [Schlachter 1960, Прокушева 1984, Suihkonen 2005, Fraurud 2001, Winkler 2011; Klumpp 2014]. Такая коммуникативная и дискурсивная «маркированность» посессивных показателей в целом оказывает влияние на распределение посессивного и непосессивного аккумулятива в позиции ПД.

Как проиллюстрировано в п. 2.2, в бесермянском определенных (а также некоторые типы нереферентных) ПД могут маркироваться посессивным аккумулятивом или непосессивным аккумулятивом, а слабо определенные, неопределенные и экзистенциальные ПД выступают без показателя (в данном случае мы опускаем ограничения, связанные с типами модификаторов в ИГ). Таким образом, для определенных ПД существует два конкурирующих средства: аккумулятив и посессивный аккумулятив. Ниже мы покажем, каким образом рассматриваемые средства «делят» между собой различные типы определенных ИГ в зависимости от их значения и роли в структуре дискурса.

Исследователи отмечают такую функцию посессивных показателей, как маркирование нулевой вершины ИГ (субстантивирующая функция в [Winkler 2011: 88], выделительно-указательная категория в [Алатырев 1970, Едыгарова 2010]), ср. (25) в п. 2.2. В этой функции используется исключительно показатель 3-го лица единственного числа. В работах по литературному языку обычно

имплицитно предполагается, что в этой функции посессивный показатель обязателен (во всех синтаксических позициях), однако в берсермянском ПД такого типа может выступать без оформления (24).

Далее, если говорить о процессе грамматикализации посессивных показателей в функции маркеров определенности (см. аргументы за и против в [Fraugud 2001]), встает вопрос о том, насколько они сохраняют различие лица и числа посессора. В посессивной функции данное различие сохраняется даже в контекстах, маргинально относящихся к посессивным (например, ассоциативная посессивность (43)). Однако в контексте определенности ИГ или эмфазы различие лица и числа посессора довольно часто теряет смысл. Данное противопоставление, предположительно, может сохраняться лишь в таких функциях, как вокативная (мой сын) и этическая (твой дом — тот, о котором ты говорил, наш дом — тот, о котором мы говорили с тобой). Следовательно, можно ожидать, что один из маркеров, например, маркер 3-го лица единственного числа, расширит свое употребление, проникая в контексты определенности и другие «непосессивные» контексты. Это можно проследить на примерах, когда лицо/число реального посессора не совпадает с лицом/числом посессивного маркера. Например, в (35) маркер 3-го лица оформляет ИГ ‘жеребенок’, хотя из контекста следует, что это жеребенок, принадлежащий семье говорящего:

- (35) *Kud dâr-ja č'un'â-ze otč'â*
 который время-ADV жеребенок-ACC.P.3(SG) тот.ILL
lež'-âl-i-m=no kâk č'oš-en l'oga-l-o.
 пускать-ITER-PST- два вместе- топтать-EXP-
 1PL=ADD INSTR PRS.3PL
 {Там сено под снегом.} 'Иногда мы жеребенка туда
 пускали, они вдвоем топчут [сено]'. [КБТ]

Аналогичные примеры зафиксированы в языках коми, согласно [Schlachter 2006]: маркеры 2-го и 3-го лица могут использоваться вне зависимости от лица и числа реального посессора (даже если таковой восстанавливается из контекста). При этом функция показателей 2-го и 3-го лица неодинакова: согласно [Schlachter 2006], показатели 3-го лица выражают «объективизированную» определенность, в то время как показатели 2-го лица

вводят «субъективизированное» отношение (этическая функция в настоящей работе, см. п. 3.2 ниже).

Для удмуртского языка сходные примеры приводятся в работах [Fraurud 2001, Winkler 2011: 66–67], посвященных литературному варианту; см. также обсуждение данных бесермянского в [Serdobolskaya et al. in press]).

Таким образом, посессивные показатели в пермских языках, и в частности в бесермянском, в ряде употреблений теряют лично-числовое значение (при субстантивации и маркировании модификаторов используются только маркеры 3-го лица, а при маркировании определенности и в различных других употреблениях 2-е или 3-е лицо в зависимости от наличия этической функции [Winkler 2011: 66–67]), что можно расценивать как проявление грамматикализации, и служат для выражения ряда дискурсивных категорий. Однако следует уточнить, что процесс грамматикализации посессивных показателей в удмуртском языке нельзя считать завершенным. Исследователи указывают на то, что посессивные маркеры в функции определенности (и в других дискурсивных функциях) не характеризуются грамматической обязательностью [Fraurud 2001]. Кроме того, данные показатели выражают целый ряд функций (см. список выше), которые нельзя трактовать в рамках одной грамматической категории. В силу этого, в работе [Serdobolskaya et al. in press] предлагается говорить не о грамматикализации, а о прагматизации данных единиц или о их лексикализации в качестве дискурсивных маркеров.

3.2. Функции посессивного аккузатива в бесермянском

Рассмотрим распределение аккузатива vs. посессивного аккузатива (т.к. конкуренция возникает при определенных и родовых ПД, мы ограничимся этими контекстами).

В п. 2.2 было показано, что определенные ПД маркируются аккузативом (или посессивным аккузативом), а слабо определенные, неопределенные и экзистенциальные ПД выступают без оформления; родовые кодируются различным образом в зависимости от информационной структуры высказывания. По нашим данным, при маркировании определенности ПД аккузатив — наиболее нейтральный вариант, в то время как посессивный аккузатив имеет ряд особых функций. Приведем пример на собственно посессивную функцию:

- (36) *Pânâ d'erem-me keš'-i-z.*
собака рубашка-ACC.P.1(SG) рвать-PST-3(SG)
'Собака порвала мою рубашку'.

В особую функцию выделяются случаи, когда посессив оформляет нулевую вершину ИГ и модификаторы в ИГ (см. подробнее п. 2.2):

- (37) *Vič'ak jablok-jos š'iš'm-emân=n'i. Mon tânad*
все яблоко-PL гнить-RES=уже я ты.DAT
vera-l'l'a-j=uk, š'iš'm-em-jos-se
говорить-ITER-PST(1SG)=EMPH гнить-NMLZ-PL-ACC.P.3(SG)
kuja=n'i šusa.
бросать(IMP.SG)=уже COMPL
'Все яблоки сгнили. Я же тебе говорил, выброси гнилые [яблоки]'.

Данная функция, на наш взгляд, требует отдельных комментариев и не будет рассматриваться ниже. Речь идет о грамматализованном употреблении показателя посессива в функции номинализатора (частотная модель расширения употребления именных грамматических категорий, см. [Lehmann 2015: 60]). Не случайно удмуртологи дискутируют о возможности признания данного употребления отдельной категорией [Алатырев 1970, Едыгарова 2010]. Аргументом в пользу отдельной трактовки данных конструкций служит тот факт, что в них используется исключительно показатель 3-го лица единственного числа [Winkler 2011], в отличие от других употреблений, о которых пойдет речь ниже.

Далее, посессив служит для согласования с вершиной группы (включая послелого, номинализации, адвербиалы и т.п.): группа реляционного имени в (38) и группа номинализации (39):

- (38) *Už'-ânâ vâd-iš'k-em kojka*
спать-INF ложиться.спать-DETR-PF койка
vâl-a-m.
верх-P.LOC/ILL-P.1(SG)
'Я легла спать на свою койку'. [КБТ]

- (39) *Storož č'erek-ja-m-me kâl-em.*
сторож кричать-MULT-NMLZ-ACC.P.1(SG) слышать-PF
'Сторож услышал, как я кричал'. [КБТ]

Функция согласования, по-видимому, представляет собой типологически распространенную модель употребления посессивных показателей как средства маркирования лица и числа в неглагольных сочетаниях.

Далее, особого комментария заслуживает т.н. «этическое» употребление («субъективизированное» употребление в [Schlachter 1960] и [Едыгарова 2010]). Этическую функцию принято усматривать у клитик и дативных форм местоимений, если они употребляются в предложении, не являясь аргументом глагола [Spencer, Luís 2012]. Аналогичным образом могут употребляться посессивные показатели в бесермянском, см. следующий пример:

- (40) *Kartoški-de=no*   *kopa-l'l'a-m*
картошка-ACC.P.2(SG)=ADD копать-ITER-PF
kartoška=no   *puk-t-êl-i-m*
картошка=ADD сидеть-CAUS-ITER-PST-1PL
lud vâl-e, bakč'a-je.
поле верх-ILL огород-ILL

{В тексте рассказывается, как раньше работали со льном: Так мы жали, это делали, хоть какую работу делали.}
'Картошку мы копали, картошку также сажали в поле, в огород'. [КБТ]

Здесь, очевидно, адресат (лингвист, который записывает текст) никаким образом не может трактоваться как посессор соответствующей ИГ, даже если говорить об ассоциативной посессивности (43) и не является участником описываемой ситуации, а также ни одной из ситуаций в предтексте. Несомненно, речь идет об этической функции⁶.

---

⁶ Уточним, что в (40) нельзя усматривать отношение ассоциативной посессивности, обсуждаемое ниже в примере (43) и имеющееся во многих языках (ср. рус. *Ну что, эта твоя погода опять виновата?*). При ассоциативной посессивности обычно предполагается, что собеседник был участником какой-либо ситуации вместе с указанным объектом или хотя бы упоминал указанный объект в предтексте или в предыдущих разговорах. Однако при введении нового топика этого не происходит. Кроме того, если говорящий упоминал объект, то при ассоциативной посессивности ожидался бы маркер 1-го лица («про которую я рассказывала»), а не 2-го, как в (40). Следует признать, что данное различие

В работах по посессивным показателям обычно такая функция усматривается у показателей 2-го лица. Однако в бесермянском есть примеры на такое употребление для всех посессивных показателей, ср. пример (41) с посессивным показателем 1-го лица и (42) с показателем 3-го лица множественного числа.

- (41) *Mân-a-m dor-a-m magaž'in-ân pios*
 я-GEN1-P.1 около-P.LOC/ILL магазин-LOC мужчина
murt lâkt-i-z, kon'don košel'-me
 человек подойти-PST-3(SG) деньги кошелек-ACC.P.1(SG)
baš't-âsa pegž'-i-z. Arn'a ul-âsa so
 брать-CVB убежать-PST-3(SG) неделя быть-CVB тот
pios murt-me až'-i gorod-âš'.
 мужчина парень-ACC.P.1(SG) видеть-PST(1SG) город-EL
 'В магазине подошел ко мне парень, схватил кошелек и убежал. Через неделю я увидел этого (моего) парня в городе'.

Обсуждаемый участник дискурса не является ни родственником, ни знакомым говорящего и не входит в его сферу социальных связей. Несмотря на это, данная ИГ оформляется посессивом 1-го лица единственного числа, отсылая, таким образом, к участнику в предыдущем дискурсе.

- (42) *Uš'-t-i-z-â gur-zes, a*
 открыться-CAUS-PST-3-PL печь-ACC.P.3PL а
otân š'ij-on, mar=no evâl.
 тот-OBL-LOC есть-VN что=ADD NEG.COP
 {Герои рассказа, солдат и Петр, попросились на ночлег к Бабе-яге, а она сказала, что ей нечем их кормить.} 'Они открыли печь — а там еда, и чего только нет'. [КБТ]

Мы предполагаем, что определение этической функции может быть распространено на обозначение фокуса эмпатии: в (42) участники во множественном числе являются протагонистами (в отличие от реального посессора — Бабы-Яги, которая является героем конкретного эпизода).

видно для показателей 2-го и 3-го лица; в случае же показателей 1-го лица различить этическую функцию и ассоциативную посессивность не представляется возможным.

По нашим данным, однако, само по себе этическое употребление не является особой функцией, а лишь накладывается на одну из функций, перечисленных ниже. Например, в (40) это введение нового топика (ср. (50) ниже): описываются работы в деревне в начале XX века, и в нескольких предыдущих предложениях речь идет о работе по льну. Потом говорящий переходит к картошке, и оформляет соответствующее ПД посессивным аккумулятивом. На это накладывается этическая функция (попытка вовлечения адресата в ситуацию), и выбирается показатель 2-го лица.

В работах по удмуртским посессивным показателям предполагается, что функция определенности появляется у данных показателей в результате развития значения ассоциативной посессивности [Fraugud 2001]. Такой путь развития можно проследить и в бесермянском. Как и во многих языках, в бесермянском посессивные показатели и генитивные модификаторы могут отсылать к участнику, который говорил об описываемом объекте или был вовлечен в какую-то ситуацию вместе с ним:

(43) — *A kâ-t-ân so-os-len šaj-z-â?*
 а где-OBL-LOC тот-PL-GEN1 могила-P.3-PL
 '— А где у них могила?'

— *Paraš' abi-len pâd až'-a-z.*

Прасковья бабушка-GEN1 нога перед-P.LOC/ILL-P.3(SG)
 '— В ногах у [могилы] бабушки Прасковьи'.

— *To-ž'iko ton больно Paraš'*
 знать-PRS(1SG) я Прасковья

abi-de!

бабушка-ACC.P.2(SG)

— Как будто я знаю эту твою бабушку Прасковью! [КБТ]

В (43) показатель 2-го лица используется для отсылки к ИГ *Paraš' abi* в предыдущем высказывании. Таким образом, говорящий указывает на то, что адресат только что говорил об описываемом человеке (при этом нам известно, что это не бабушка адресата).

Близким значением является функция т. н. bridging [Geurts 1998]: объект упоминается впервые, но является определенным в конситуации (ср. внешне-ситуационный тип детерминации по

[Крылов 1984]). Например, в (44) описывается ситуация вытирания со стола, и соответственно и говорящий и слушающий ожидают, что в результате должна появиться грязь, поэтому ПД *šakta-ze* является определенным и маркируется посессивом:

- (44) *Mon č'uš-əl-i*   *ž'ek vəl-âš'*   *i*
 я   тереть-ITER-PST(1SG) стол поверхность-EL и
šakta-ze   *kiš't-i*   *vedra-e*.
 мусор-ACC.P.3(SG) бросать-PST(1SG) ведро-ILL
 'Я вытерла со стола и выбросила грязь в ведро'.

Аналогичным образом, в (45) говорящий и слушающий знают, что в описываемом месте растет земляника и скорее всего участник ее собрал, даже если просто ходил прогуляться (а также разговор происходит тогда, когда растет земляника), и соответственно, земляника является определенной в силу совокупности логических выводов и знаний о мире.

- (45) *Mi tolon vel't-i-m*   *gurež' š'er-â,*   *gor*
 мы вчера ходить-PST-1PL холм задняя.часть-ILL овраг
š'er-â.   *So bere mon uzâ-ze*
 задняя.часть-ILL тот после я   земляника-ACC.P.3(SG)
š'ot-i   *pič'i*   *pin'al'-l'os-lâ.*
 дать-PST(1SG) маленький ребенок-PL-DAT
 'Вчера ходили за холм, за овраг. Я потом **землянику** отдала детям'.

В таких случаях в артиклевых языках обычно употребляется определенный артикль. В бесермянском здесь используются посессивные маркеры.

Приведем еще один пример:

- (46) *Mon muket pætem ken'âr baš'-t-i,*
 я   другой разный крупа брать-SMLF-PST(1SG)
bulgur šu-iš'k-e.   *So ž'uk-se*
 булгур говорить-DETR-PRS.3SG тот каша-ACC.P.3(SG)
mi srazu š'i-i-m,   *jun č'eskât val.*
 мы сразу есть-PST-1PL очень вкусный быть.PST
 'Я новую крупу купила, «булгур» называется. Эту кашу потом мы сразу съели, очень вкусно'.

Здесь интересно, что происходит отсылка к другому участнику, который не кореферентен ПД *ž'ukse* 'каша', однако про который известно, что из него делают кашу. Соответственно, ПД *ž'ukse* также маркируется как определенное⁷.

Описываемая функция, по-видимому, развивается непосредственно из значения ассоциативной посессивности и, возможно, является источником развития значения определенности у посессивных показателей.

Обратим внимание, что посессивный аккузатив используется именно при bridging: если участник эксплицитно упомянут в предтексте, то выбирается аккузатив без посессива, ср. пример (1) во введении.

Обсуждая перечисленные ниже функции посессивных показателей, следует уточнить, что во всех этих функциях они не обязательны. Более того, нельзя даже считать, что они высокочастотны именно в этих контекстах. Скорее, следует рассматривать посессив в данных функциях как одно из возможных средств выражения рассматриваемых значений. Различные говорящие в разной мере прибегают к данному средству для выражения особых дискурсивных значений, обсуждаемых в настоящем разделе; даже в речи одного говорящего данное средство может быть использовано или не использовано в одном и том же контексте (что хорошо видно при сопоставлении одинаковых текстов, записанных нами в ходе работы). В силу этого, мы предлагаем называть наблюдаемое изменение употребления посессивов не грамматикализацией в функции определенности, а лексикализацией в функциях, обычно характерных для дискурсивных и просодических маркеров (иными словами, прагматизацией).

Следующая функция посессивных показателей связана с информационной структурой высказывания: посессив может оформлять ПД в теме высказывания. Обычно это происходит, если в предложении узкий фокус на подлежащем или обстоятельствах, либо при верификативном фокусе. Рассмотрим примеры:

---

⁷ Уточним, что здесь нельзя трактовать *ž'ukse* как часть именной группы 'каша из крупы/булгура', где ИГ 'крупа/булгур' была бы в генитиве, и к ней отсылал бы посессивный маркер. Дело в том, что в таком выражении требуется инструменталис: *ken'ār-en žuk* 'каша из крупы (INSTR)'

- (47) *I ač'-iz š'i-i-z ž'erno-ze.*
 и REFL-P.3SG(SG) есть-PST-3(SG) зерно-ACC.P.3(SG)
 {Воробей нашел маковое зерно и хотел разделить его с мышью, но потом подумал: «Как же я его разделю, оно же совсем маленькое».} 'И съел зерно САМ'.
- (48) *A šâr č'ukna pis-se pâl'-âl-e*
 а мышь утро дрова-ACC.P.3(SG) колоть-ITER-PRS.3SG
i obed-ož' už'-e.
 и обед-TERM спать-PRS.3SG
 {Каждый день воробей летает по лесу, ищет еду. Мышь дрова колет, а блин обед варит. Воробей думает: Я-то целый день работаю. Блин с утра лежит на печи, к вечеру только начинает готовить еду.} 'А мышка с утра наколет дров и ДО ОБЕДА СПИТ'.

В (47) в узком фокусе находится подлежащее, а ПД и глагол относятся к теме, как видно из предтекста. В (48) пересказываются мысли персонажа о том, кто какие работы по дому выполняет, при том что все эти работы перечислены в предыдущем контексте. Соответственно, фокус включает сочетание «спит до обеда», а «наколет дров» относится к теме. Посессивный показатель на ПД в обоих случаях маркирует принадлежность ПД и глагола тематическому компоненту высказывания. Уточним, что это обычно происходит при сильной эмфазе на фокусном элементе.

Следующий пример представляет собой верификативный фокус: говорящий повторяет предложение целиком, запрашивая подтверждение адресата о получении информации:

- (49) *Pič'i pi es-ez uš'-t-e=uk.*
 маленький парень дверь-ACC открыться-CAUS-PRS.3SG=EMPH
 {Пример взят из эксперимента по расстановке предметов. Собеседники видят дверь и расставляют предметы около нее.} 'Мальчик открывает дверь'.

Až'-i-d=a es... pič'i pi
 видеть-PST-2(SG)=Q дверь маленький парень
es-se už'-t-e?
 дверь-ACC.P.3(SG) открыться-CAUS-PRS.3SG
 'Видишь, мальчик открывает дверь?' [КБТ]

В этом случае все предложение становится сентенциальным актантом глагола 'видеть', который и находится в фокусе; предложение «маленький мальчик открывает дверь» входит в тему, о чем сигнализирует посессивный аккузатив.

Итак, посессивный аккузатив на ПД может маркировать тематический статус всей глагольной группы в информационной структуре высказывания (в контексте узкого фокуса и эмпазы на других элементах). При этом ПД может быть определенным, как в (47) и (49) или родовым, как в (48).

Следующие контексты употребления посессивных показателей, на наш взгляд, можно объяснить одной общей тенденцией. Рассмотрим их подробнее.

— Введение нового топика в дискурс и оформление «полуактивированного» участника дискурса [Chafe 1994], т. е. возврат к предыдущему топикау в терминах [Givón 1983]:

- (50) *Tin' târba-de marem etot vuž*
 вот труба-ACC.P.2(SG) HES этот старый
târba-os-se târ-o. —
 труба-PL-ACC.P.3(SG) ставить-PRS.3PL
L'en'ingrad-a-d?
 Ленинград-P.LOC/ILL-P.2(SG)
 {Обсуждают Сердюкова.} 'А вот **трубы**, старые трубы кладут. — В этом твоём Ленинграде?' [КБТ]

Одна из стратегий ввода нового участника, героя эпизода или всего дальнейшего изложения — это оформление его посессивным показателем (довольно часто используются именно показатели 2-го лица). Так же довольно часто оформляется топик, который вводился ранее, но был «забыт» и не обсуждался на протяжении нескольких клаузов:

- (51) *D'erevn'a-ze bâtc'a ug tod-iš'k-â,*
 деревня-ACC.P.3(SG) даже NEG.PRS знать-PRS-SG(1)
kâ-t-ân so d'erevn'a-ez,
 где-OBL-LOC тот деревня-P.3(SG)
Mâstaj d'erevn'a-ez-len n'âm-âz.
 Мыстай деревня-P.3(SG)-GEN1 имя-P.3(SG)
 {Он, говорит, на свадьбу поехал, его нужно забрать из **деревни Мыстай**. Они, говорит, будут вдвоем с женой. Я говорю:

у меня молоковоз одноместный, я не могу взять двух человек. А он настаивает: езжай да езжай. Ругает меня. Говорю, если меня сейчас ГАИ поймает, что я буду делать? Езжай, говорит, никто тебя не поймает. А в том колхозе в тот день был выходной. Я свое молоко выгрузил,} ‘а деревни-то такой и не знаю, где эта деревня под названием Мыстай’. [КБТ]

То есть, сюда включаются ситуации, когда участник ранее упоминался, но на данный момент дискурса деактивирован [Prince 1981, Chafe 1994, Kibrik 2011]. Согласно статистическим выводам, сделанным М. Н. Усачевой и Т. А. Архангельским на основе разметки бесермянских текстов [Serdobolskaya et al. in press], в целом предупомянутые участники далеко не всегда присоединяют посессивный показатель (не только в ПД, а во всех синтаксических позициях). Вероятность кодирования определенной ИГ, однако, сильно повышается, если расстояние до предыдущего упоминания увеличивается до 3–4 клауз. Таким образом, для бесермянского не совсем верно, что посессивные показатели (не в ПД) вводят определенные ИГ (как это утверждается относительно литературного удмуртского). Точнее было бы сказать, что они оформляют предупомянутого, но деактивированного участника.

— Контрастный топик: определенные ИГ в контрастном топике маркируются посессивным аккумулятивом:

- (52) *Ā'aj va-i-z-â. Vina-ze ĉ'aj*
 чай дать-PST-3-PL водка- ACC.P.3(SG) чай
pəl-a-m lež'-i-z-â.
 среда-P.LOC/ILL-P.1SG пускать-PST-3-PL
 {Мне дали водки; я говорю, водки не пью.} ‘Принесли чай.
 А водку мне в чай налили’. [КБТ]

Ср. также пример, где контрастное противопоставление делается в рамках одного предложения:

- (53) *Meb'el'-mâ kork-a-m-â vič'ak*
 мебель-P.1PL дом-P.LOC/ILL-P.1-PL все
š'iš'm-i-z=n'i. Ž'ek-se mi kušt-i-m,
 гнить-PST-3(SG)=уже стол-ACC.P.3(SG) мы кидать-PST-1PL
a pukon-jos-se soš'ed-lâ š'ot-i-m.
 а стул-PL-ACC.P.3(SG) сосед-DAT дать-PST-1PL
 ‘Наша мебель вся сгнила. Стол мы выкинули, а стулья отдали соседям’.

Обратим внимание, что в этом примере носитель использовал маркер 3-го лица *se*, несмотря на то что контекст явно указывает, что посессор — 1-ое лицо множественного числа. В этой и других функциях, обсуждаемых в настоящем пункте (начиная с примера на введение нового топика), чаще используется показатель 3-го лица единственного числа. В целом, однако, может использоваться любой личный показатель, однако его выбор зависит не от лица и числа реального посессора (как при посессивных значениях), а от прагматических факторов, описанных для контекстов этической оценки. То есть, если говорящий хочет указать на фокус эмпатии (как в (42)) или «приблизить» обсуждаемого участника к слушающему (50) или к самому себе (41), то для отсылки к фокусу эмпатии, говорящему или слушающему может быть выбран соответствующий посессивный показатель. Если же этого не происходит, выбирается показатель 3-го лица единственного числа. В результате, нельзя сказать, что посессивные показатели, употребляясь вне круга посессивных значений, теряют личную семантику; скорее, меняется участник, с которым согласуется посессивный показатель.

— Маркирование выбранной номинации при хезитации:

- (54) *Двадцать первого* *vi-o-z-ê*, *на двадцать первое*
 приходиться-FUT-3-PL
marâm-ze *bil'et-se* *baš't-âmân=n'i*
 NES-ACC.P.3(SG) билет-ACC.P.3(SG) брат-SMLF-RES=уже
so-os-len.
 тот-PL-GEN1
 'Двадцать первого приедут, на двадцать первое же у них
 эти, билеты куплены'. [КБТ]

В контекстах хезитации, в частности на ПД после маркера хезитации *marâm*, довольно часто используется посессивный аккузатив (иногда так же маркируется *marâm*, как в (54)).

— Реактивация информации, уже известной или очевидной из контекста: (55а) представляет собой нейтральный вариант оформления; (55б) более уместно, если говорящий указывает на очевидность данного действия или напоминает о нем:

- (55) а. *Kâsk-ê* *kal-ez* — *es-ez*
 дергать-IMP.SG веревка-ACC дверь-P.3(SG)

uš' -č'k-o-z.

открыть-DETR-FUT-3(SG)

‘Дерни за веревочку, дверь и откроется’.

б. *Kâsk-â kal-ze!*

дергать-IMP.SG веревка-ACC.P.3(SG)

‘Веревочку-то дерни!’ {Комментарий: У меня руки заняты, и я не могу войти, говорю другому: Дерни за веревочку, что же ты стоишь.} [Сердобольская, Толдова 2012: 134]

— Неопределенный объект из определенного множества или целого:

(56) *Tolon mânâm š'ot-i-z-ə vil' klas. Kâk*
 вчера я.DAT дать-PST-3-PL новый класс два
nâl-jos-se tod-iš'ko=n'i val,
 девочка-PL-ACC.P.3(SG) знать-PRS(1SG)=уже быть.PST
so-os Šamardan-âš'.
 тот-PL Шамардан-EL

‘Вчера мне [учителю] дали новый класс. Двух девочек я уже знал, они из Шамардана’.

В данном примере происходит выбор из множества известных объектов (учеников), однако выбранный объект (две девочки) не описан исчерпывающим образом, позволяющим однозначно его идентифицировать. В работах, где определенность интерпретируется как единичность ИГ, данное употребление квалифицируется как неопределенное, специфичное (в терминах [Епс 1991]). В частности, во французском языке здесь не было бы определенного артикля (*J'en connais deux* ‘Я знаю двух из них’), в отличие от случая, когда происходит отсылка ко всему известному множеству (*J'en connais les deux* ‘Я знаю их обоих’). Заметим, однако, что в бесермянском такое употребление маркируется так же, как определенные ИГ в примерах выше. Так же кодируется часть от определенного целого, например:

(57) *Ž'ek vâl-ân jâl pukt-âmân.*
 стол поверхность-LOC молоко ставить-RES
Mon ken'a-ke jâl-ze ju-i
 я сколько-INDEF молоко-ACC.P.3(SG) пить-PST(1SG)

*kəl'-em-ez**kiš'-č'ik-i-z.*

оставаться-NMLZ-P.3(SG) лить-DETR-PST-3(SG)

‘На столе стояло молоко. Я отпил молока, а остальное разлилось’.

Референт ИГ *jəlze* ‘молоко’ является определенным в силу предупомянутости, однако речь идет о его части (неопределенное количество молока), поэтому во многих языках здесь должен был бы использоваться неопределенный артикль (или специальный партитивный, ср. франц. *du lait*). Однако в бесермянском используется посессивный аккузатив.

Связь неединичных посессивов и значения «неопределенная часть от целого или множества» прослеживается в работах, трактующих неопределенные посессивные группы (вида *one of John's dogs*) через понятие партитивности, ср. [Storto 2000].

На наш взгляд, данное употребление проливает свет на разнообразие функций посессивного аккузатива. Большую часть этих функций объединяет следующее: они предполагают выбор референта из множества известных участников. В частности, контрастный топик может быть представлен как одна из множества альтернатив [Erteschik-Shir 2007: 48], т.е. речь идет о части от множества объектов. В свою очередь, дискурсивные употребления «возврат к предыдущему топикю» и «введение нового топика», как и контрастный топик, предполагают выбор из множества топиков в дискурсе. При контрастном топике из множества топиков выделяется один, причем не всегда тот, который является топиком по умолчанию. Аналогичным образом, при возврате к предыдущему топикю и введении нового топика из множества протагонистов в тексте выделяется один, причем не тот, о котором шла речь в непосредственно предшествующих клаузах или абзаце. Выбор номинации при автокоррекции также предполагает выбор из нескольких альтернативных описаний для данного объекта.

Реактивация известной информации, по-видимому, является развитием значения «реактивация предыдущего топика».

Таким образом, мы предполагаем, что большая часть значений посессивного аккузатива развивается из значения «неопределенная часть от определенного множества или целого». Что касается значений *bridging*, синтаксических употреблений и маркирования информационной структуры высказывания, эти функции

мы рассматриваем как развивающиеся из посессивных значений. Этическая функция, на наш взгляд, не является самостоятельным употреблением, а накладывается на другие функции.

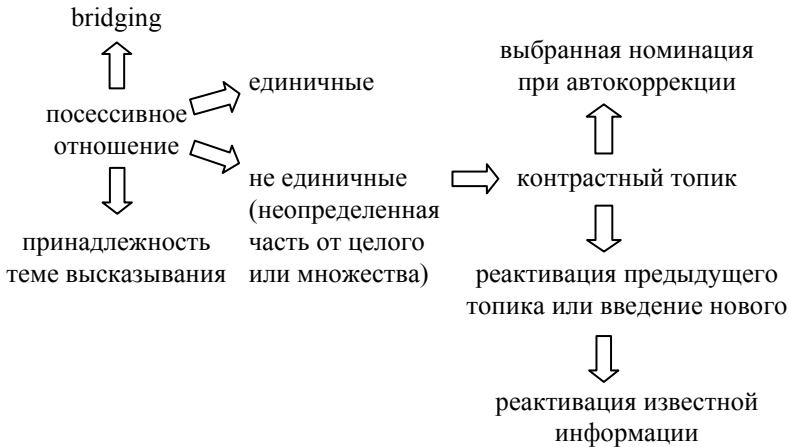

Схема 1. Развитие значений посессивных показателей ПД в бесермянском

3.3. Единичность и известность при оформлении прямого дополнения в бесермянском

Итак, спектр возможных контекстов, в которых возникает посессивный аккумулятив в бесермянском, довольно широк, и включает, кроме синтаксически обусловленных употреблений, контексты особой информационной структуры высказывания и дискурсивные контексты. Как мы предполагаем, большая часть этих употреблений развивается из значения «неопределенная часть от целого или множества», которое в бесермянском обслуживается именно посессивным аккумулятивом (56)–(57), а не аккумулятивом на *-ez*. (Носители допускают аккумулятив на *-ez* в таких контекстах, однако это не предпочтительный вариант.) Данное значение обслуживается в английском языке модификатором *some* (*some milk*) или специальной партитивной конструкцией (*one of John's friends, a friend of mine*) и не может кодироваться определенным артиклем даже при условии определенности целого или множества, из которого выделяется часть. Это является аргументом в пользу трактовки определенности как единичности

объекта: поскольку часть в (56) и (57) не может идентифицироваться единственным образом, она является неопределенной и определенной артикль не используется. Такие ИГ многими исследователями вслед за [Енç 1991] трактуются как неопределенные специфичные (*indefinite specific*), или точнее, относятся к типу партитивной специфичности (ср., однако, аргументацию против такой трактовки в [von Heusinger 2013]).

Для нас существенно, что данные контексты в бесермянском обслуживаются тем же средством, что и многие контексты определенности, где соблюдается единичность. Заметим также, что в этих контекстах объект является известным, хотя и не единственным образом идентифицируемым. Так же кодируется часть от целого при *bridging*:

- (58) *Pukon-ez leš'-ja-no, mon so-leš'*
 стул-ACC делать-MULT-DEB я тот-GEN2
kuk-se ĉ'ig-i. (*kuk-ez / kuk)
 нога-ACC.P.3(SG) ломать-PST(1SG) нога-ACC / нога
 'Этот стул надо починить, я сломал ножку'.

Заметим, что в этом случае невозможно использовать аккумулятив без посессива. Если в (58) это можно обосновать наличием эксплицитно выраженного генитивного посессора (хотя в целом в бесермянском генитив не требует обязательного посессива на вершине, ср. п. 2.2), то в следующем примере такая аргументация не проходит:

- (59) *Til'ad tros višn'a-d-â, vaj mânâm odig*
 вы.GEN1 много вишня-P.2-PL дать(IMP.SG) я.DAT один
vil' pot-em vaj-ze. (??vaj-ez / *vaj)
 новый выйти-NMLZ ветка-ACC.P.3(SG) ветка-ACC / ветка
 'У вас много вишни, дай мне один отросток'.

Остается заключить, что дело именно в подвиде значений *bridging* «неопределенная часть от целого»: в таком контексте необходим именно посессивный аккумулятив, и остальные способы кодирования неприемлемы. Это говорит в пользу того, что аккумулятив требует единичности объекта и не используется, если объект (будучи даже известным) может идентифицироваться не единственным образом.

Таким образом, в контекстах, предполагающих известность, но не единичность объекта, используется посессивный аккузатив, а аккузатив либо менее предпочтителен, либо невозможен. Рассмотрим контексты, предполагающие единичность, но не известность объекта, ср. (6)–(9) в обзоре в п. 1.2. Во-первых, это различные атрибутивные употребления согласно [Donnellan 1966]:

- (60) *Tolon mâniš 'tâm ana-e-lâš' sumka-ze*
 вчера я.GEN2 мать-Р.1(SG)-GEN2 сумка-ACC.Р.3(SG)
luška-z-â. Mon so luška-š 'k-iš'
 воровать-3-PL(PST) я тот воровать-DETR-PTCP.АКТ
ad'ami-ez vi-isal.
 человек-ACC убить-COND(SG)
 'Вчера у мамы сумку вырвали. Я бы **этого вора** убил!'
- (61) *Mon kos-o ber pot-iš'*
 я велеть-FUT(1SG) последний выходить-PTCP.АКТ
pi-jez tâl kâs-ânâ.
 парень-ACC свет гасить-INF
 'Я прошу последнего ученика, который выйдет из класса, выключить свет'.
- (62) *Dâšet-âš' kwaret-i-z samoj d'eš'*
 учить-PTCP.АКТ ругать-PST-3(SG) самый хороший
dâšeč'ik-iš' pin'al-ez.
 учиться.DETR-PTCP.АКТ ребенок-ACC
 (?*pin'al-ze / pin'al*)
 ребенок-ACC.Р.3(SG) / ребенок
 'Учительница отругала самого умного мальчика в классе'.

Лексемы 'вор', 'убийца', 'преступник' (если совершено преступление, а преступник еще не найден и неизвестен собеседникам), модификаторы 'первый', 'последний' и превосходная степень прилагательных — это стандартные контексты атрибутивного употребления согласно [Donnellan 1966]. В таких случаях одна из возможных интерпретаций — такая, при которой референт ИГ неизвестен собеседникам, однако его можно описать так, что он будет идентифицироваться единственно возможным образом. Пример (61) — случай, когда данный объект в принципе не может быть известен до некоторого момента (до момента выхода из класса). Интересен контраст между (62) и (63):

- (63) *Mon samoj zol ad'ami-ez=no*
 я самый сильный человек-ACC=ADD
vorm-o. (*ad'ami-ze / *ad'ami)
 побеждать-FUT(1SG) человек-ACC.P.3(SG) / человек
 'Я могу самого сильного человека (в мире) побить'.

В обоих случаях фигурирует превосходная степень прилагательного, дающее исчерпывающее описание объекта, т.е. гарантирующее его единичность. Однако в (62) носители иногда разрешают посессивный аккузатив (хотя это не предпочтительный вариант), в то время как в (63) он категорически запрещается. По-видимому, это связано с тем, что в (62) возможно прочтение, согласно которому и говорящий, и слушающий одинаково выделяют (и возможно, это уже обсуждалось) лучшего ученика в классе, а в (63) такое прочтение невозможно в силу слишком широкого спектра кандидатур.

Далее, в параллель примерам (6)–(9) из п. 1.2, рассмотрим случаи, когда говорящий впервые сообщает слушающему информацию об объекте, однако дает ему опять же исчерпывающее описание, ведущее к единичному прочтению.

- (64) *Kuč'k-i-z zor-ânâ. Ton mân-iš'ko-d=ke*
 начинать-PST-3(SG) идти.дождь-INF ты идти-PRS-2(SG)=если
mânam uč'astok dor-t'i-m, zabor vâl-âš'
 я.GEN1 участок около-PROL-P.1(SG) забор поверхность-EL
baš't-â d'erem-ez, mon so-je otč'â
 брат-IMP.SG рубашка-ACC я тот-ACC туда
oš-âl-i, a to kotm-o-z.
 вешать-ITER-PST(1SG) а то мокнуть-FUT-3(SG)
 'Дождь пошел. Если ты идешь мимо моего участка,ними с забора рубашку — я ее туда повесила — а то она вся вымокнет'.
- (65) *Tod-iš'ko-d=a ton sâč'e uč'âr-ez, ž'ič'â-jez*
 знать-PRS-2(SG)=Q ты такой случай-ACC лиса-ACC
kut-i-z-â bakč'a-iš'en?
 ловить-PST-3-PL огород-EGR
 'Ты знаешь историю про лису, которую поймали в огороде?'

В (64) говорящий предполагает, что референт ИГ ‘рубашка’ неизвестен адресату, а в (65) он ставит под сомнение эту известность (стандартный зачин для того, чтобы рассказать историю). В обоих случаях, как мы и ожидали, носители используют аккузатив.

В следующем примере также дается исчерпывающее описание неизвестного объекта (жители данной деревни не обсуждались в предтексте, однако предполагается, что в деревне должен быть тракторист):

- (66) *I vot mi tovariš'-en-âm mân-i-m*
и вот мы товарищ-INSTR-P.1(SG) идти-PST-1PL
d'erevn'-e traktoriz-ez et'-ânâ.
деревня-ILL тракторист-ACC звать-INF
(Машина застряла в лесу) 'И вот мы с моим товарищем
пошли в деревню позвать тракториста'. [КБТ]

Наконец, при уникальных ИГ (единичных согласно общим знаниям о мире) необходим именно аккузатив, а посессивный аккузатив запрещается:

- (67) *Kin' jarat-e šundâ-ez, so waž'*
кто любить-PRS.3SG солнце-ACC тот рано
sâl-t-e. (*šundâ-ze)
вставать-SMLF-PRS.3SG солнце-ACC.P.3(SG)
'Те, кто любят солнце, встают летом рано'.

Таким образом, определенные единичные ИГ, не обладающие свойством известности, присоединяют аккузатив, а известные ИГ, не обладающие свойством единичности, — посессивный аккузатив. (Уточним, что данное правило может иногда нарушаться, то есть разные типы контекстов, приведенных выше, дают в разной степени строгий запрет.) Единичные и известные ИГ в основном кодируются аккузативом, а посессивный аккузатив является маркированным средством, который используется для выражения различного типа дискурсивных и коммуникативных оттенков (контрастный топик, принадлежность теме при узком фокусе не на ПД (например, на подлежащем), введение нового топика в дискурс и возврат к деактивированному топика и т.п.). Те же коммуникативные оттенки оказываются важны для выбора кодирования родовых ПД. Эти закономерности отражены на Схеме 2.

[+ единичность] и [– известность] : аккузатив

[– единичность] и [+ известность]: посессивный аккузатив

[+ единичность] и [+ известность] или [+ родовой статус]: аккузатив, а посессивный аккузатив только в особых функциях (перечисленных выше)

Схема 2. Распределение стратегий кодирования ПД в бесермянском

Приведенные данные «примиряют» теоретические подходы к определенности и требуют выделения двух отдельных значений в инвентаре типов референциального статуса. Частично данные бесермянского языка отражают картину, наблюдаемую в немецком языке, где выбор между слитным и неслитным артиклем при предлогах основан на противопоставлении единичной ИГ vs. ИГ, имеющей выраженный антецедент в дискурсе или в конситуации [Schwarz 2009]; ср. тж. в [Schroeder 2006] трактовку распределения определенных артиклей в диалектах немецкого языка и македонском.

4. Заключение

Противопоставление единичности и известности ИГ — принципиально дискуссионный вопрос для теоретических подходов к определенности. В большинстве контекстов оба условия — единичность и известность — выполняются одновременно, и оба могут служить объяснением причин использования определенного артикля. Однако исследователями разработан ряд диагностических контекстов, где соблюдается только одно из двух условий. На основании анализа данных контекстов в большинстве работ английской артикль считается чувствительным именно к единичности, и вследствие этого определенность трактуется как единичность. При этом контексты вида ‘мальчик из класса’, ‘немного молока из стакана’ трактуются как (партитивная) специфичность.

Тот факт, что теоретические подходы базируются, по большей части, на данных английского языка, лишает их типологической перспективы. В самом деле, даже при привлечении данных близкородственных языков оказывается, что понятие определенности разбивается на несколько параметров, ср. выводы относительно немецкого языка в [Schwarz 2009] и его диалектов в [Schroeder 2006]. Для турецкого языка авторы вводят понятие специфичности [Enç 1991], чтобы объяснить релевантность из-

вестности объекта для аккумулятивного оформления (см. обсуждение и аргументы против такого понимания специфичности в [von Heusinger 2013]).

Мы показали, что данные бесермянского диалекта удмуртского языка являются аргументом в пользу выделения двух различных типов определенности, или отделения определенности ИГ от известности ИГ. В бесермянском единичные определенные ПД кодируются аккумулятивом, а неединичные известные ПД — посессивным аккумулятивом. По некоторым данным, мы склонны предполагать такие же свойства у посессивов в некоторых родственных уральских языках, например, марийском. Таким образом, для теоретического описания языков мира оба понятия, известность и единичность, оказываются в равной мере релевантными и требуют включения в инвентарь референциальных статусов.

Список условных обозначений

ACC — аккумулятив, ADD — аддитивная частица, CAUS — каузатив, COLL — показатель собирательных числительных, COMPL — комплементаризатор, COND — условное наклонение, COP — связка, CVB — конверб, DAT — датив, DEB — дебитатив, DETR — детранзитив, EGR — эгрессив, EL — элатив, EMPH — эмфатическая частица, EXP — наращение основы, FUT — будущее время, GEN1 — генитив 1, GEN2 — генитив 2, HES — гезитация, ILL — иллатив, IMP — императив, INDEF — *показатель неопределенных местоимений*, INF — инфинитив, INSTR — инструменталис, ITER — итератив, LOC — локатив, MULT — мультипликатив, NEG — отрицание, NMLZ — номинализация, OBL — косвенная основа, OPT — оптатив, P — посессив, PF — перфект, PL — множественное число, PROL — *пролатив*, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP.ACT — *действительное причастие*, Q — вопросительная частица, REFL — рефлексив, RES — результатив, SG — единственное число, SMLF — семьяфактив, TERM — терминатив, VN — глагольное имя

Литература

Алатырев 1970 — В. И. Алатырев. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск: Удм. НИИ истории, экономики, литературы и языка, 1970. [V. I. Alatyrev. VydELITel'no-ukazatel'naia

- kategoriia v udmurtskom iazyke [Selective-demonstrative category in Udmurt]. Izhevsk: Udm. NI istorii, ekonomiki, literatury i iazyka, 1970]
- Архангельский, Усачева 2016 — Т. А. Архангельский, М. Н. Усачева. Свойства конструкций с посессором в бесермянском удмуртском // Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016» (12-14 октября 2016 г.), 2016. [Т. А. Arkhangel'skii, M. N. Usacheva. Svoistva konstruktсии s posesorom v besermyanskom udmurtskom [The properties of possessor constructions in Besermyan Udmurt] // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2016» (12–14 oktiabria 2016 g.), 2016] (http://ossetic-studies.org/tmp2016/index.php/download_file/view/235/139/)
- Едыгарова 2010 — С. Едыгарова. Категория посессивности в удмуртском языке. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. [S. Edygarova. Kategoriia posessivnosti v udmurtskom iazyke [Possessive category in Udmurt]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010]
- Кельмаков 1996 — В. К. Кельмаков. Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III. Jyväskylä, 1996. С. 131–134. [V. K. Kel'makov. Formy sub"ektivnoi otsenki imen sushchestvitel'nykh v udmurtskom iazyke [Forms of subjective evaluation of nouns in Udmurt] // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III. Jyväskylä, 1996. P. 131–134]
- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1998. [V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii [A short course of the Udmurt dialectology]. Izhevsk: Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, 1998]
- Кельмаков 2003 — В. К. Кельмаков. Бесермянское наречие в системе удмуртских диалектов // В. К. Кельмаков (ред). Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2003. С. 99–135. [V. K. Kel'makov. Besermianskoe narechie v sisteme udmurtskikh dialektov [Besermyan dialect in the Udmurt dialect system] // V. K. Kel'makov (ed). Dialektnaia i istoricheskaia fonetika udmurtskogo iazyka. Chast' 1. Izhevsk: Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, 2003. P. 99–135]
- Кондратьева 2002 — Н. В. Кондратьева. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, Удмуртский государственный университет, 2002. [N. V. Kondrat'eva. Vyrazhenie priamogo ob"ekta v udmurtskom iazyke (v istoriko-sopostavitel'nom plane) [Direct object expression in Udmurt (in historical-comparative

- perspective)]. PhD Thesis. Izhevsk, Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, 2002]
- Кондратьева 2002 — Н. В. Кондратьева. Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2002. [N. V. Kondrat'eva. Mezhhategorial'nye svyazi v grammatike udmurtskogo iazyka (na materiale padezha priamogo ob"ekta) [Intercategorical links in the Udmurt grammar (a case study on the direct object case)]. Izhevsk: Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, 2002]
- Крылов 1984 — С. А. Крылов. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика 23, 1984. С. 124–154. [S. A. Krylov. Determinatsiia imeni v russkom iazyke: teoreticheskie problemy [Nominal determination in Russian: theoretical issues] // Semiotika i informatika 23, 1984. P. 124–154]
- Кузнецова 2012 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции possessiva в уральских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 250–252. [A. I. Kuznetsova. Kumuliatsiia grammaticheskikh znachenii v agglyutinativnykh pokazateliakh: dejkticheskie funktsii possessiva v ural'skikh iazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative markers: deictic functions of possessive in Uralic languages] // A. I. Kuznetsova (ed.). Finno-ugorskie iazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2012. P. 250–252]
- Майтинская 1979 — К. Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. [K. E. Maitinskaia. Istoriko-sopostavitel'naia morfologiiia finno-ugorskikh iazykov [Historical-comparative morphology of Finno-Ugric languages]. M.: Nauka, 1979]
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. [E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'iu [Utterance and its correlation with reality]. M.: Nauka, 1985]
- Перевощиков и др. 1962 — П. И. Перевощиков, В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Ижевское книжное издательство, 1962. [P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (ed.). Grammatika sovremennogo udmurtskogo iazyka. Fonetika i morfologiiia [A grammar of modern Udmurt. Phonetics and morphology]. Izhevsk: Izhevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962]

- Прокушева 1984 — Т. И. Прокушева. Категория определенности / неопределенности в коми языке // Г. И. Тираспольский (отв. ред.). Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. [Т. I. Prokusheva. Kategoriiia opredelennosti / neopredelennosti v komi iazyke [The category of definiteness / indefiniteness in Komi] // G. I. Tiraspol'skii (ed.). Vzaimodeistvie finno-ugorskikh i russkogo iazykov. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR, 1984]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 59–142. [N. V. Serdobol'skaia, S. YU. Toldova. Differentirovannoe markirovanie priamogo dopolneniia v finno-ugorskikh iazykakh [Differential object marking in Finno-Ugric languages] // A. I. Kuznetsova (ed.) Finno-ugorskie iazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: «IAzyki slavianskikh kul'tur», 2012. P. 59–142]
- Сердобольская, Толдова 2017 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: между предикацией и дискурсом // Урало-алтайские исследования. 2017. № 4 (27). [N. V. Serdobolskaya, S. Ju. Toldova. Oformlenie priamogo dopolneniia v finno-ugorskikh iazykakh: mezhdru predikatsiej i diskursom [Direct Object marking in Finno-Ugric languages: between sentence and discourse]. Uralo-Altaiic Studies. 2017. No 4 (27).]
- Симоненко, Леонтьев 2012 — А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 262–340. [A. P. Simonenko, A. P. Leont'ev. Morfosintaksis imennogo kompleksa v finno-permskikh iazykakh: analiz v ramkakh programmy minimalizma [Morphosyntax of the nominal complex in Finno-Permian languages: analysis within the framework of the minimalism program] // A. I. Kuznetsova (otv. red.). Finno-ugorskie iazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: «IAzyki slavyanskikh kul'tur», 2012. P. 262–340]
- Цыпанов 2008 — Е. А. Цыпанов. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: Кола, 2008. [E. A. TSYpanov. Sravnitel'nyi obzor finno-ugorskikh iazykov [Comparative overview of Finno-Ugric languages]. Syktyvkar: Kola, 2008]

- Abbott 1999 — B. Abbott. Support for a Unique Theory of Definiteness // T. Matthews and D. Strolovitch (eds.), SALT IX, 1-15, Ithaca, NY: Cornell University, 1999.
- Abbott 2010 — B. Abbott. Reference. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010.
- Aikhenvald, Dixon 2013 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Possession and ownership: A crosslinguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Barker 2005 — Ch. Barker. Possessive weak definites // J. Kim; Y. Lander; and B. H. Partee (eds.) Possessives and Beyond: Semantics and Syntax, 89–113. Amherst, MA: GLSA Publications 2005.
- Birner, Ward 1994 — B. Birner, G. Ward. Uniqueness, familiarity, and the definite article in English // BLS 20, 93–102. 1994.
- Chafe 1994 — W. Chafe. Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Clark 1975 — H. H. Clark. Bridging // R. C. Schank, B. L. Nash-Webber (Eds.), Theoretical issues in natural language processing. New York: Association for Computing Machinery 1975.
- Collinder 1957 — B. Collinder. Survey of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1957.
- Csucz 1990 — S. Csucz. Chrestomathia Votiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.
- Décsy 1990 — G. Décsy. The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction. Bloomington, Indiana: EUROLINGUA, 1990.
- Donnellan 1996 — K. S. Donnellan. Reference and definite descriptions. Philosophical Review. 1966. 77. P. 281–304.
- Enç 1991 — M. Enç. The semantics of specificity // Linguistic Inquiry. 1991. 22 (1). P. 1–25.
- Erteschik-Shir 2007 — N. Erteschik-Shir. Information Structure. The Syntax-Discourse Interface. Oxford — New York: Oxford University Press, 2007.
- Fraurud 2001 — Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Dimensions of possession. Typological Studies in Language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 243–267.
- Givón 1998 — T. Givón (ed.). Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1983.
- Geurts 1998 — B. Geurts. Presuppositions and anaphors in attitude contexts // Linguistics and philosophy. 1998. 21. P. 545–601.
- Hawkins 1978 — J. A. Hawkins. Definiteness and Indefiniteness. Croom Helm, London, 1978.
- Heim 1982 — I. Heim. The semantics of definite and indefinite noun phrases. Doctoral dissertation, Amherst, MA: University of Massachusetts, 1982.

- Heim 1983 — I. Heim. File change semantics and the familiarity theory of definiteness // *Meaning, Use and the Interpretation of Language*, 164–190. Berlin: Walter de Gruyter, 1983.
- von Heusinger 2009 — K. von Heusinger. The Saliency Theory of Definiteness // A. Capone, F. Lo Piparo & M. Carapezza (eds.). *Perspectives on Linguistic Pragmatics*. Berlin: Springer, 2013, 349–374.
- de Hoop, de Swart 2009 — H. de Hoop, P. de Swart. *Differential Subject Marking*. Dordrecht: Springer Science. 2009.
- Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. *Reference in discourse*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Klumpp 2014 — G. Klumpp. Identifiability, givenness and zero-marked referential objects in Komi. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. Issue 2. P. 415–444. 2014.
- Künnap — A. Künnap. *Historically problematic morphosyntactic features in Uralic languages*. München: LINCOM EUROPA. 2006.
- Lehmann 2015 — C. Lehmann. *Thoughts on grammaticalization*. 3rd edition 2015 (Classics in Linguistics 1). Berlin: Language Science Press.
- Moravcsik 1978 — E. Moravcsik. On the Case Marking of Objects // Greenberg J. H. (ed.). *Universals of human language*. V. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 249–289.
- Nikolaeva 2003 — I. A. Nikolaeva. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Collection of papers, Pirkko Suihkonen & Bernard Comrie (eds), 130–145. Izhevsk; Leipzig: Udmurt State University; Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology 2003.
- Prince 1981 — E. Prince. Toward a taxonomy of given-new information // P. Cole (ed.), *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press, 1981. P. 223–255.
- Raun 1988 — A. Raun. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // D. Sinor (ed.) *The Uralic languages. Description, history, and foreign influences*. Leiden, New York, København, Köln: Brill. P. 555–571., 1988.
- Rédei 1988 — K. Rédei. *Geschichte der Permischen Sprachen* // D. Sinor (ed.). *The Uralic languages. Description, history, and foreign influences*. Leiden, New York, København, Köln 1988: Brill. P. 351–395.
- Schlachter 1960 — W. Schlachter. *Studien zum Possessivsuffix des Syrjänschen*. Berlin: Akademie Verlag. 1960.
- Schroeder 2006 — Ch. Schroeder. Articles and article systems in some languages in Europe. In G. Bernini (ed.) *Pragmatic Organization of Discourse in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Schwarz 2009 — F. Schwarz. *Two types of definites in natural language*. PhD dissertation, University of Massachusetts Amherst, 2009.

- Schwarz 2014 — F. Schwarz. How weak and how definite are Weak Definites? // A. Aguilar-Guevara, B. Le Bruyn, J. Zwarts (eds.). *Weak Referentiality*. (*Linguistik Aktuell/Linguistics Today*, 219). John Benjamins 2014, 213–235.
- Serdobolskaya, Toldova 2012 — N. Serdobolskaya, S. Toldova. Information structure at odds with discourse factors: evidence from Finno-Ugric differential object marking. Paper presented at the workshop “Categories of Information Structure across Languages”, Max Planck Institute for Psycholinguistics, Nijmegen, November 9-10, 2012. http://iling-ran.ru/serdobolskaya/Serdobolskaya_Toldova_IS_discourse_Finno-Ugric_hd_eng.pdf.
- Serdobolskaya et al. in press — N. Serdobolskaya, M. Usacheva, T. Arkhangel'skiy. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli. *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia*. Amsterdam: John Benjamins.
- Siegl 2015 — F. Siegl. The structure of noun phrases with referential Px.2p in Northern Samoyedic. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology* 1 (7). 2015, P. 21–31.
- Spencer, Luís 2012 — A. Spencer, A. R. Luís. *Clitics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press 2012.
- Storto 2000 — G. Storto. On the Structure of Indefinite Possessives // B. Jackson, T. Matthews (eds.), *Proceedings of Semantics and Linguistics Theory X*. Ithaca, NY: CLC Publications, Cornell University. 2000.
- Suihkonen 2005 — P. Suihkonen. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt // C. Hasselblatt, E. Koponen, A. Widmer (eds.) *Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2005. P. 401–427.
- de Swart 2007 — P. de Swart. *Cross-linguistic variation in object marking*. Ph.D. diss. Radboud Universiteit Nijmegen, 2007.
- Tauli 1966 — V. Tauli. *Structural tendencies in Uralic languages*. Indiana University Publications (Uralic and Altaic Series 17). The Hague: Mouton & Co, 1966.
- Winkler 2011 — E. Winkler. *Udmurtische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.
- Witzlack-Makarevich, Seržant 2017 — A. Witzlack-Makarevich, I. A. Seržant. Differential argument marking: Patterns of variation // I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich (eds.), *The Diachronic Typology of Differential Argument Marking*. [Studies in Diversity Linguistics]. Berlin: Language Science Press 2017. <http://langsci-press.org/>.

С. Ю. Толдова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

КОДИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В уральских языках представлен очень широкий круг феноменов, связанных с дифференцированным оформлением прямого дополнения (далее ПД). Так, межъязыковая вариативность наблюдается в том, какую именно словоизменительную систему (именную или глагольную) затрагивает это варьирование. В некоторых языках, например, в пермских, марийском, финском варьируется оформление вершины именной группы (ИГ). В ряде уральских языков, таких как ненецкий, хантыйский, венгерский кодирование прямого дополнения затрагивает глагольную систему. Глаголы, обозначающие ситуации с двумя участниками, могут присоединять окончания как субъектного спряжения (те же, что и непереходные глаголы), так и (субъектно-)объектного спряжения. Также в уральских языках представлены а) несимметричная альтерация между выраженным падежным показателем и его отсутствием (ср., *asymmetric DOM*, [de Hoop, Malchukov 2008]; [Lemmolo 2010]), как, например, в коми, удмуртском и др., и б) симметричная система кодирования, как, например, в финском. Как отмечается в [de Hoop, Malchukov 2008], языки с асимметричным варьированием ориентированы на признаки самого объекта (одушевленность, определенность, референтность), в то

---

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№16-01-0088) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

время как для систем с симметричным варьированием релевантно противопоставление аспектуальных характеристик предикации. Для уральских языков могут быть важны оба типа факторов.

Вариативное оформление ПД в уральских языках регулируется скорее не строгими правилами, а различными факторами, такими как референциальный статус ИГ, коммуникативная структура высказывания и др. Эти факторы вступают в конкуренцию между собой (см., например [Comrie 1977, Wickman 1955, Dalryple, Nikolaeva 2010, Kiss 2010]). Иерархия факторов варьируется от языка к языку (ср. многофакторное описание пермских языков, марийского языка и шокшинского диалекта эрзянского языка [Сердобольская, Толдова 2012]).

В связи с выше сказанным материал мордовских языков, в частности мокшанского, представляет особый интерес, поскольку в этом случае практически все вышеперечисленные параметры вариативности в области DOM представлены в пределах одного языка. В мокшанском вариативность проявляется как в системе кодирования именной группы, так и в выборе спряжения глагола. В отличие от других уральских языков глагол согласуется с ПД не только по числу, но и по лицу. При этом внутри одного языка представлена как симметричная система кодирования, так и несимметричная [de Hoop, Malchukov 2008]. Рассмотрим пример²:

- (1) a. *son n'ej-əz'ə t'ε pi-n'ε-t'*
он видеть-NPST.3.SG.S.3.SG.O этот собака-DIM-DEF.GEN
'Он увидел эту собаку'.
- b. *son mon' n'ej-ətan'*
он я.GEN видеть-NPST.1.SG.S.3SG.O
'Он увидел меня'.
- c. *son n'ej-s' pin'ə*
он видеть-PST.3.SG собака
'Он увидел собаку'.
- d. *son kuvat' n'ej-s' t'ε pin'ə-t' esə*
он долго видеть-PST.3.SG этот собака-DEF.GEN в.IN
'Он долго видел эту собаку'.

---

² В работе используется практическая транскрипция, отражающая некоторые фонетические особенности в речи носителей языка с. Лесное Цибаево.

В (1a) глагол согласуется с прямым дополнением по лицу (имеет показатель объектного спряжения *-əz'ə*), ПД оформляется показателем так называемого определенного генитива. В (1b) показатель *-əman'* в глаголе согласуется по лицу с прямым дополнением, выраженным местоимением первого лица. В (1c) глагол оформлен показателем субъектного спряжения, ИГ в позиции ПД не имеет выраженного показателя и является неопределенной. В (1d) глагол имеет показатель субъектного спряжения (как в (1c)), но при этом именная группа, соответствующая ПД в (1a), также оформленная показателем определенности, выступает в послеложной конструкции с послелогом *esə* 'в'. Глагол в случаях типа (1d) должен иметь неопределенную акциональную интерпретацию. Выбор модели (1d) подробно описан в [Козлов, наст. сб.].

Мокшанские данные (как и вообще данные мордовских языков) интересны еще и в связи с тем, что в мордовских языках существуют специализированные показатели определенности. В грамматиках эти показатели описываются как показатели определенного склонения [Коляденков, Заводова 1962: 83—88] (см., например, показатель *-t'* в (1a)). Оформление ПД показателем определенного склонения коррелирует с выбором спряжения глагола. Возникает вопрос, каковы свойства этих показателей, в какой степени их семантические и прагматические свойства укладываются в традиционные представления о функциях определенного артикля и о категории определенности; действительно ли референциальный статус именной группы (ИГ) является определяющим фактором выбора кодирования ПД.

В статье мы рассмотрим различные аспекты кодирования прямого дополнения в мокшанском языке. На основе анализа данных, собранных в с. Лесное Цибаево Темниковского района республики Мордовия, мы уточним семантические и прагматические свойства ИГ, ассоциированные с показателем определенности. Также мы предложим объяснение ряда явлений, связанных с регулированием кодирования ПД в мокшанском языке. Предлагаемое объяснение основано на представлении о референциальных свойствах ИГ в позиции ПД, точнее, о возможной интерпретации ИГ с показателем определенности в позиции ПД (при этом не рассматриваются те случаи, когда выбор оформления ПД мотивирован ограничениями на аспектуальные характеристики си-

туации). Нас будет интересовать только асимметричное кодирование (примеры (1a) и (1b)). Данные, представленные в работе, получены методом элицитации.

На материале многих языков, где существует прагматически обусловленное дифференцированное кодирование ПД, было показано, что круг контекстов, в которых выступает оформленное ПД, выходит за рамки понятия определенности. В силу того, что в мокшанском существует специальный показатель определенности, можно было бы ожидать, что он отвечает за кодирование ИГ в контекстах, соответствующих определенности в классическом понимании. Однако, оказывается, что в мокшанском дистрибуция этого показателя в позиции ПД, также как и в других языках, устроена сложнее. Соответственно и выбор спряжения в глаголе не сводится к кодированию категории определенности в классическом ее понимании.

Вначале мы кратко остановимся на описании тех фрагментов мокшанского словоизменения, которые важны для описания дифференцированного маркирования ПД, а также на возможных комбинациях различных способов оформления глагола и ИГ, а также рассмотрим базовые синтаксические свойства описываемых конструкций. Далее мы рассмотрим связь референциальных и дискурсивных свойств именной группы в позиции ПД (в частности, ее связь с предыдущим дискурсом) с выбором кодирования.

2. Данные мокшанского языка

2.1. Именное словоизменение

В мокшанском языке существует три словоизменительных парадигмы существительных. Во-первых, существительное может присоединять непосредственно падежные окончания. Во-вторых, для некоторых падежей существует ряд окончаний так называемого «определенного» склонения [Коляденков, Заводова 1962: 83—88]. Окончания определенного склонения представлены только в именительном, родительном и дательном падежах. Далее эти показатели мы также будем называть «показатели определенности». В-третьих, существительные в мокшанском могут присоединять показатели «посессивного» склонения [ibid.]. В таблице 1 представлен фрагмент именного словоизменения:

Таблица 1. Именное словоизменение в мокшанском языке. Фрагмент

Склонение Падеж	Основное		Определенное	
	SG	PL	SG	PL
NOM	Ø	-t	-s'	-t'n'ə
GEN	-n'		-t'	-t'n'ə-n'
DAT	-n'd'i		-t'i	-t'n'ə-n'd'i
ABL	-də		—	
EL	-stə		—	

В таблице представлены аффиксы грамматических падежей основного vs. определенного склонения. Также по таблице можно видеть, что в других падежах (например, в аблативе и элативе) показатели определенного склонения отсутствуют.

В мокшанском отсутствует специализированный маркер винительного падежа для оформления ПД. Оно может быть оформлено показателями генитива. Это падеж, которым кодируется приименное зависимое (2a), а также зависимое при послелого (2b):

- (2) a. *al'ε-z'ə-n'* *kud-əc*
отец-1SG.POSS.SG-GEN дом-3SG.POSS.SG
'Дом моего отца'
- b. *t'ε kut'-t'* *ve|'ks*
этот дом-DEF.GEN над
'над этим домом'
- c. *narmən'-ən' morə*
птица-GEN песня
'птичьи песни'

Как видно из (2c) существительное в приименной позиции может оформляться показателем неопределенного генитива. За исключением некоторых классов лексем (некоторых местоимений, имен собственных, подробнее см. 4.2.), показатель неопределенного генитива (-n') не оформляет ПД (3). Также, как видно из (1c), падежный маркер на существительном может отсутствовать. При этом оно может быть оформлено показателем множественного числа -t.

- (3) *son n'ej-s'* *pin'ə(*-n')* *pi-n'ə-t*
он видеть-PST.3.SG собака-GEN собака-PL
'Он увидел собаку' / 'Он увидел собак'

2.2. Глагольное словоизменение

В мокшанском языке глагол может принимать показатели субъектного, либо субъектно-объектного (объектного, определенного) спряжения. Глагол согласуется с объектом не только по числу (как, например, в ненецком или в хантыйском), но и по лицу. Фрагмент субъектно-объектного спряжения для прошедшего времени приведен в таблице 2.

Таблица 2. Фрагмент спряжения глагола в прошедшем времени в мокшанском

Субъект		Субъектное спряжение	Объектное спряжение: объект		
			1Sg	2Sg	3Sg
SG	1	-ən'	—	-ijt'ən'	-in'ə
	2	-ət'	-əma-jt'	—	-it'
	3	-s'/-c'	-əma-n'	-ən'z'ə	-əz'ə
PL	1	-əmə	—	-əd'ez'	-əs'k
	2	əd'ə	-əma-s't'	—	-əs't'
	3	-s'-t'/-c'-t'	-əma-z'	-əd'ez'	-əz'

Как видно из таблицы 2, показатели субъектно-объектного спряжения не агглютинативны и не могут быть тривиальным образом разделены на отдельные показатели субъекта и объекта (см. [Aaranovich 2007]). Так, несмотря на то, что для первого лица объекта можно выделить общий для всех лиц и чисел субъекта формант *-əma-*, второй формант устроен более сложно и не может быть соотнесен только с лицом и числом субъекта (ср. *-n'* для 1sg.O.3sg.S и *-əz'ə* для 3sg.O.3sg.S)

Показателями субъектного спряжения оформляются переходные глаголы (4);

- (4) *vet'əmbə sa-s' of-c'*
ночью прийти-**PST.3SG** медведь-**DEF.SG**
'Ночью пришел медведь'. (КМТ)

Кроме того, как было упомянуто выше (ср. пример (1с)), глагол может иметь показатель субъектного спряжения и в случае

явно выраженного пациентивного участника ситуации. Выбор спряжения переходного глагола обсуждается ниже.

3. Морфосинтаксические свойства конструкций с ПД в мокшанском

3.1. Модели взаимодействия именного и глагольного кодирования в мокшанском языке

Теоретически возможно десять комбинаций кодирования ПД. Тем не менее, мокшанский язык реализует не все из них:

- (5) a. *c'ora-n'ε-z'ə*   *mora-s'*   *morə-(*t')*
сын-DIM-1SG.POSS.SG   петь-PST.3SG   песня-(*DEF.GEN)
'Мой сын спел/пел песню'.
- b. *c'ora-n'ε-z'ə*   *mora-z'ə*
сын-DIM-1SG.POSS.SG   петь-PST.3SG.S.3SG.O
(**mora-s'*)   *morə-t'*
(*петь-PST.3SG)   песня-DEF.GEN
'Мой сын спел (эту) песню'.
- c. *c'ora-n'ε-z'ə*   *mora-z'ə*
сын-DIM-1SG.POSS.SG   петь-PST.3SG.S.3SG.O
(*es'*)   *morə-nc*
(self)   песня-3SG.POSS.SG.GEN
'Мой сын спел свою песню'.
- d. **c'ora-n'ε-z'ə*   *mora-z'ə*   *mora*
сын-DIM-1SG.POSS.SG   петь-PST.3SG.S.3SG.O   песня
'Мой сын спел песню'.

В (5a) ИГ не имеет выраженного показателя, глагол имеет показатель субъектного спряжения (-s'). В данном случае неграмматично оформление ПД определенным генитивом³ при субъектном типе спряжения глагола. В (5b) существительное *morə-t'* 'песня' имеет показатель определенного генитива (-t'), а глагол

³ А. А. Козловым были отмечены случаи, в которых возможно оформление ПД определенным генитивом при субъектном спряжении глагола, однако их можно скорее отнести к «периферийным» явлениям. В общем случае, сформулированное правило соблюдается. Мы еще кратко остановимся на этих конструкциях ниже.

оформлен показателем субъектно-объектного спряжения (-z'ə). В данном случае неграмматичным является как опущение показателя существительного, так и выбор показателя субъектного спряжения для глагола. (5с) иллюстрирует тот факт, что существительные с посессивными показателями ведут себя (в общем случае) аналогично существительным с показателем определенного генитива. В отличие от шокшинского диалекта эрзянского, где возможна комбинация субъектного спряжения и определенного генитива при неопределяемой интерпретации предикации [Сердобольская, Толдова 2012], в мокшанском такое сочетание невозможно (см. (5a) и (5b)).

Единственная комбинация оформления глагола и ИГ в позиции ПД, которая запрещалась безусловно всеми носителями языка, это ПД без какого-то выраженного показателя при субъектно-объектном спряжении глагола (см. (5d)).

В соответствии с моделями вариативного маркирования ПД в мордовских языках, основанными на многофакторном подходе, ограничение, связанное с акциональной интерпретацией глагола, применяется одним из первых (ср., например, [Zirnask 2004] для мокшанского, [Сердобольская, Толдова 2012] для шокшинского эрзянского). Однако в данной статье мы этот тип кодирования рассматривать не будем.

Следует также отметить тот факт, что в мокшанском представлено расщепленное кодирование ПД, а именно, некоторые классы местоимений и существительных обязательно присоединяют показатель неопределенного генитива в позиции ПД (см. (5e)) и не могут присоединять показателей определенного генитива:

- (5) е. *mon n'ej-in'ə* *Maša-*(n') / Maša-(*t')*
я видеть-PST-1SG.S.3.SG.O Маша-GEN / Маша-DEF.GEN
'Я видел Машу'.

Таблица 3 обобщает модели кодирования ПД в мокшанском (по данным с. Лесное Цибаево).

Итак, в общем случае, правило выбора объектного спряжения в мокшанском языке устроено просто: маркированная ИГ требует субъектно-объектного спряжения, а немаркированная — субъектного. Можно было бы считать, что выбор спряжения контролируется формальными свойствами ИГ в позиции ПД. Кодиро-

Таблица 3. Модели кодирования ПД в мокшанском языке

падеж согласование	gen (indef)* <i>n'</i>	def.gen	poss.gen	∅	def.gen <i>esə</i>
Субъектное	— (+**)	— (+**)	— (+)	+	+
Объектное	+	+	+	—	—
	‘определенная модель’			‘неопределенная’	‘антипассивная’ ⁴

* такой тип оформления ПД возможен только для некоторых классов имен

** такая комбинация возможна только в очень ограниченном типе контекстов

вание ИГ, в свою очередь, подчиняется общим правилам оформления вершины ИГ показателями определенности и посессивности. Однако, вопрос о том, что считать определенной ИГ, каковы условия оформления ПД показателем определенного склонения остается открытым. Также возникает вопрос, существуют ли случаи «рассогласования» двух систем. Так, например, рассогласование возможно в шокшинском диалекте эрзянского языка. Как видно из таблицы, рассогласование в мокшанском возможно скорее при посессивном оформлении ПД. В подавляющем большинстве случаев носители языка в селах Лесное Цибяево и Лесное Ардашево оценивали примеры с рассогласованием двух систем как грамматически неприемлемые, хотя существует ряд специальных контекстов, где такое допустимо (см. п.5.2.).

Таким образом, несколько упрощая реальную ситуацию, можно сказать, что в системе кодирования ПД в мокшанском существует противопоставление двух базовых стратегий, — так называемая «определенная» стратегия и «неопределенная» стратегия.

Выбор той или иной модели в большинстве случаев регулируется различными дискурсивными факторами. Более того, несмотря на то, что в мокшанском существует кодируемая грамматическими средствами категория определенности, семантические и прагматические условия выбора показателя определенного склонения требуют уточнения.

⁴ См. Козлов, наст. сборник

3.2. Некоторые синтаксические свойства конструкций

Нам не удалось выявить каких-либо принципиальных запретов на положение ПД в предложении для обоих типов кодирования.

Независимо от типа кодирования прямое дополнение может занимать позицию как после глагола (ср. (6а)), где ПД не имеет выраженного маркера падежа и (7а)), где ПД оформлено показателем определенности), так и перед глаголом, в том числе и в начале предложения ((6b) и (7b)) соответственно). Неоформленное ПД может отделяться от глагола другим материалом (8):

(6) a. *vas'ε l'ed'-i tišə*
Вася косить-NPST.3.SG трава

b. *tišə l'ed'-i vas'ε*
'Вася косит траву'.

(7) {На столе стояли тарелки}

a. *kaftə tarelka-t'n'ə-n' kola-z'n'ə maša*
два тарелка-DEF.PL-GEN разбивать-PST.3SG.S.3SG.O Маша

b. *maša kaftə tarelka-t'n'ə-n' kola-z'n'ə*
'Две тарелки разбила Маша'.

(8) *mon' n'ej-ən' ičkəzɡə kolmə alaša-t*
я.GEN видеть-NPST.3.SG далеко-PROL три лошадь-PL
'Я вижу вдалеке трех лошадей'.

Неоформленная ИГ в позиции ПД принимает показатель множественного числа основного склонения. Возможность присоединять показатель числа в этой позиции никак не зависит от порядка слов. Носители языка отвергают множественную интерпретацию для «неоформленных» существительных без этого показателя:

(9) *al'ε-z'ə kunda-s' kaɫ-*(t)*
отец-1SG.POSS.SG ловить-PST.3.SG рыба-PL
'Мой отец поймал рыбу (больше одной)'.

Подробный анализ свойств ПД в различных конструкциях (объектный контроль целевого оборота, контроль вторичной предикации и т. п.) приведен в [Козлов, наст. сборник]. Конструкции с определенной vs. неопределенной моделью кодирования не демонстрируют различного синтаксического поведения в отношении рассмотренных критериев.

3.3. Структурные ограничения

3.3.1. *Лексические ограничения. Расщепление системы кодирования.* Как уже было отмечено выше, некоторые классы лексем имеют особое оформление в позиции ПД. К ним относятся:

- 1) личные местоимения;
- 2) указательные местоимения (например, *t'ε* 'этот');
- 3) кванторы;
- 4) имена собственные;
- 5) вопросительное местоимение *kin'* 'кто'.

В 2) и 3) имеются в виду кванторы и указательные местоимения в позиции местоимений-существительных. Эти лексемы «замещают» ИГ и не могут быть ничем распространены. В общем случае, эти лексемы оформляются генитивом основного склонения:

- (10) *Mon ton' n'ε̇-t'ε / *n'εj-an*
 я ты.GEN видеть-NPST.2.SG.O.1SG.S / видеть-NPST.1SG
 'Я тебя вижу'.
- (11) *c'ora-n'ε-z'ə mora-z'ə (*mora-s')*
 сын-DIM-1SG.POSS.SG петь-PST.3SG.S.3SG.O (*петь-PST.3SG)
t'ε-*(n') / (*t')
 этот-GEN / *DEF.GEN
 'Мой сын спел это'.
- (12) *son šta-z'ə-n' / *šta-s'*
 он мыть-PST.3SG.S-3PL.O *мыть-PST.3SG
s'embə-*(n') / (*t')
 все-GEN / *-DEF.GEN
 'Он все вымыл'.
- (13) *son t'erɖ'-əz'e pet'ε-*(n') / (*t')*
 он звать-PST.3SG.S.3SG.O Петя- GEN / *-DEF.GEN
 'Он позвал Петю'.
- (14) *kin'-gə son af soda-si*
 кто.GEN-ADD он NEG знать-NPST.3SG.S.3SG.O
 'Он никого не знает'.

В (10) в позиции ПД выступает личное местоимение, в (11) указательное местоимение *t'ε* 'этот', в (12) — универсальный квантор *s'embə(-n')* 'все', в (13) — имя собственное, в (14) вопро-

сительное местоимение *kin'* 'кто' (носители языка допускают субъектное спряжение при неопределенных местоимениях, образованных от данного). Лексемы этого класса контролируют глагольное согласование, глагол выступает в формах субъектно-объектного спряжения. Оформление глагола показателями субъектного спряжения в данном случае невозможно, за исключением некоторых специальных контекстов (см. п.5.2). Также невозможно в вышеприведенных контекстах оформление ПД ни показателем посессивности, ни показателем определенного генитива⁵. Следует отметить, что имена собственные могут иметь иное оформление под воздействием контекста (см. п. 4.7).

Таким образом, описанные выше лексемы образуют особый класс с точки зрения оформления ПД. Они оформляются генитивом основного склонения. Никакие другие именные группы так оформляться не могут. То есть имеет место грамматическое расщепление кодирования. При этом, такие ПД, в отличие от неопределенных именных групп, не остаются немаркированными.

Следует также отдельно упомянуть вопросительные местоимения. В мокшанском отсутствует расщепление оформления ПД по одушевленности, за исключением случая вопросительных и образованных от них неопределенных местоимений. Одушевленное местоимение *kin'* имеет тот же показатель генитива, что и класс лексем, описанный выше, однако, субъектно-объектное согласование на глаголе не является в данном случае обязательным (см. [Бикина 2016]). Неодушевленное вопросительное местоимение (*mej* или *mez'ə* 'что', а также соответствующие неопределенные местоимение в большинстве контекстов остаются неоформленными, глагол оформляется показателем субъектного спряжения (15):

- (15) *mez'ə* / ^{???}*mes't*)   *tona-f-n'-i*   *maša*
 что   что-DEF.SG.GEN   учить-CAUS-IPFV-NPST.3SG   Маша
 'Что учит Маша?'

3.3.2. *Другие случаи синтаксически обусловленного выбора кодирования в ИГ.* Некоторые лексемы, включенные в ИГ в качестве одной из составляющих, требуют обязательного оформления

⁵ О возможных нарушениях данного правила см. п. 4.5.

существительного. При указательных местоимениях (16) и кванторе всеобщности *s'embə* (17) существительное обязательно оформляется показателем определенного склонения, а глагол согласуется с прямым дополнением:

- (16) *c'ora-n'ε-z'ə*   *mora-z'ə*
сын-DIM-1SG.POSS.SG   петь-PST.3SG.S.3SG.O
(**mora-s'*)   *t'ε*   *mora-*(t')*
(*петь-PST.3SG)   этот **песня-***DEF.SG.GEN
'Мой сын спел эту песню'.

- (17) a. *son s'embə morə-t'n'ə-n'*   *tona-f-n'ə-z'n'e*
он все   песня-DEF.PL-GEN   учить-CAUS-IPFV-PST.3.S.PL.O
b. **son s'embə morə-t*   *tona-f-n'ə-s'-t'*
он все   песня-PL   учить-CAUS-IPFV-PST.3-PL
'Он выучил все песни'.

Если в именной группе выражен референтный посессор (посессивным местоимением, именем собственным, существительным, маркированным показателем определенности), выбирается определенная модель оформления ПД (18a): вершина именной группы обязательно оформляется посессивным показателем (ср. неграмматичность (18b)), глагол согласуется с ПД:

- (18) a. *pet'ε son'*   /   *c'ora-t'*   *mora-nc*
Петя он.GEN   мальчик-DEF.SG.GEN   песня-3SG.POSS.GEN
tona-f-n'ə-z'e
учить-CAUS-IPFV-PST.3SG.S.3SG.O
'Он выучил его песни / песни (этого) мальчика'.
b. **pet'ε son'*   *mora-t'*   *tona-f-n'ə-s'-t'*
Петя он.GEN   песня-PL   учить-CAUS-IPFV-PST.3-PL

В общем случае, посессивная именная группа контролирует объектное спряжение. Однако некоторые носители языка в ряде контекстов допускают возможность субъектного спряжения (19):

- (19) [?]*kin'*   *šuft-ən'*   *kud-ənc*   *n'ej-an*   /
кто.GEN   дерево-GEN   дом-3SG.POSS.SG.GEN   видеть-NPST.1SG /
n'ej-san
видеть-NPST.1SG.S.3.SG.O
'Крышу чьего деревянного дома я вижу?'

Еще один класс лексем, определяющий референциальный статус именной группы, — неопределенные и отрицательные местоимения, ассоциированные с различными типами неопределенных референциальных статусов. В именных группах с такими местоимениями вершина обычно не оформляется, кодирование ПД происходит по неопределенной модели (20). Однако допустимо и другое кодирование (подробнее см. п. 4.4).

- (20) *son kola-s'*   *kodamə=bd'ε tarelka*
он разбить-PST.3SG что=INDEF тарелка
'Он разбил какую-то тарелку'.

Таким образом, можно констатировать, что существуют синтаксические ограничения на выбор кодирования ИГ в позиции ПД, а именно, наличие некоторых категорий лексем вызывает обязательное оформление вершины ИГ показателем определенности или посессивности. Эти лексемы (обычно) контролируют объектное согласование в глаголе. К ним относятся: личные и указательные местоимения, кванторы, имена собственные.

4. Референциальные свойства именных групп

4.1. Параметры описания

Варьирование в оформлении ПД во многих языках связывают с референциальным статусом ИГ (см., например, [Енç 1991, Dalrymple, Nikolaeva 2011]). Так, например, в традиционных грамматиках объясняется варьирование ПД в марийском языке (см. [Сереберенников 1964]). Аналогичное объяснение предлагается в грамматиках мордовских языков (см. [Евсевьев 1963: 56, Цыганкин 1976] и др.). О важности фактора определенности ПД для выбора кодирования в эрзя-мордовском языке упоминается в работах [Бубрих 1953: 50–52, Феоктистов 1966: 186, Сереберенников 1967: 29–31, Тихонова 1986, Keresztes 1999: 14] и др.

Как уже отмечалось выше, особенностью мокшанского языка является то, что он имеет специализированные показатели для кодирования определенности (показатели определенного склонения). Подробно функции этих показателей во всех падежах описаны в [Кашкин, в печати]. Тем не менее, поскольку падежное оформление ПД и вариативность выбора между объектным или субъектным спряжением представляет особый случай, в данной работе мы будем фокусироваться только на них.

Анализ типологических данных показывает, что множество условий, при которых некоторым именным группам приписывается ярлык «определенность», варьируется по языкам.

С одной стороны, некоторые классы лексем, например, личные и указательные местоимения, имена собственные, являются определенными в силу своих семантических свойств. Их кодирование может быть закреплено в языке (ср., например, отсутствие артикля в классе имен собственных в английском). Как правило, такие лексемы имеют особые синтаксические свойства⁶, также они являются «пресуппозиционными триггерами» (presuppositional triggers, вызывающие пресуппозицию существования и единственности референта). Обычно они не допускают варьирования кодирования ПД. Наличие таких лексем в именной группе определяет тип кодирования вершины. Особый класс с этой точки зрения создают также неопределенные местоимения. Ожидается, что они не будут сочетаться с показателями определенности.

С другой стороны, условия «определенного» кодирования в разных языках выходят за рамки принятого в формальной семантике представления о том, что определенность связана с пресуппозицией существования и единственности (или, согласно некоторым подходам, исчерпывающего множества). Недостаточным оказывается и подход, основанный на идентифицируемости референта в дискурсе говорящим и слушающим (см., например, [Lambrecht 1994]).

Так, например, в работе М. Энч [Enç 1991] вводится понятие *специфичности* (specificity), а также обсуждается понятие *партитивной специфичности* (partitive specificity) для объяснения данных турецкого языка. В турецком показателем аккузатива может оформляться именная группа, референт которой не может быть однозначно идентифицирован (нарушается принцип единственности), но принадлежит определенному множеству референтов, упомянутых в предыдущем контексте [ibid.].

Отдельную проблему для теоретического анализа составляют случаи генерических контекстов, которые неоднородны с точки зрения выбора определенного / неопределенного кодирования.

---

⁶ Они входят в группу определителя (D(eterminer)P) (см., например, [Abney, 1987])

Для определения различных, в том числе и прагматических, факторов, влияющих на выбор той или иной модели кодирования ПД в мокшанском, при описании данных мы будем отталкиваться от таксономии референциальных статусов ИГ, предложенной в работе Е.В. Падучевой [Падучева 1985], в которой, на наш взгляд, достаточно полно и последовательно учитываются важные для кодирования ПД противопоставления. Ниже будут рассмотрены различные классы референтных ИГ, включая определенные, слабо-определенные (известные говорящему, но не слушающему: *У меня есть один знакомый*) и неопределенные (неизвестные ни говорящему, ни слушающему: *Она купила какое-то платье, но я его не видела*), а также нереферентные: экзистенциальные (*Она поет (какую-нибудь) песню*), родовые (*Картошку копают летом*) и универсальные.

Нас будет интересовать следующий вопрос: каковы границы функционирования определенной модели кодирования ПД; действительно ли она возможна только в контекстах, соответствующих «классическому» понятию определенности или ее функции шире?

В разделе 4.2. мы предлагаем анализ данных, позволяющий сделать ряд принципиальных уточнений относительно функций показателя определенности (известность, специфичность, партиципность и т. п.), а также предлагаем предварительную формулировку правил выбора определенной модели оформления ИГ в позиции ПД в зависимости от ее семантических и прагматических свойств.

4.2. Референтные именные группы и выбор оформления ПД

На первый взгляд, главным фактором, влияющим на кодирование ПД, является определенность.

Во-первых, рассмотрим различные контексты, в которых ИГ имеет/может иметь **определенный референциальный статус**, то есть может/должна интерпретироваться как определенно-референтная (см., например, классификацию «определенных» контекстов в [Hawkins 1978], а также анализ непосессивных функций посессивного показателя в ряде финно-угорских языков в работе [Simonenko 2014]): (1) контекстно заданная определенность (анафорическая связанность); (2) локальная уникальность, (3) глобальная уникальность, (4) элемент/подмножество заданного в

контексте (определенного) множества референтов. Последний контекст нельзя отнести к прототипически определенному, так как нарушается принцип «единственности». Этот контекст мы рассмотрим позднее.

Во всех вышеперечисленных контекстах ПД оформляется показателем определенности, а глагол — показателем субъектно-объектного спряжения⁷:

- (21) *ves't' kirk-s' mu-s' makə-n'*
 однажды воробей-DEF.SG найти-PST.3SG мак-GEN
vid'm'ə-n'ε. ... da i səv-əz'ə optəm
 семечко-DIM да и съест- PST.3SG.S.3SG.O целиком
vid'mə-n'ε-t'
 семечко-DIM-DEF.GEN
 'Один раз воробей нашел маковое семечко... Да и съел его целиком'. (КМТ)

- (22) *son n'ej-əz'ə ši-t'*
 он видеть-PST-3SG.S.3SG.O солнце-DEF.GEN
 'Он увидел солнце'.

- (23) *vet'əmbə s't'ər-n'ε-s' ušt-əz'ə*
 ночью девушка-DIM-DEF.SG топить-PST.3SG.S.3SG.O
pen'ekud-t'
 русская.печь-DEF.GEN
 'Ночью девушка затопила печь'. (КМТ)

В (21) референт ИГ 'семечко' контекстно определен. В (22) определенность ИГ *ši-t'* 'солнце' следует из существования и уникальности референта. В (23) печь упоминается впервые в тексте, но она определена локально в дискурсе: в избе, как правило, одна русская печь.

Во-вторых, в предложениях со слабо-определенными ИГ в позиции ПД обычно используется неопределенная модель:

- (24) *mon rama-n' fke panar, vandi*
 я купить- PST.1SG один рубашка завтра

⁷ Рассматриваемые типы контекстов релевантны для описания выбора показателя определенного склонения и для других синтаксических позиций (см. [Кашкин, в печати])

t'eǰə-t'   *son'*   *n'ε-f-c'ε*
 ты.DAT-2SG.POSS он.GEN видеть-CAUS-NPST.2SG.O.1SG.S
 'Я купила одну рубашку. Завтра тебе ее покажу'.

- (25) *sa-s'*   *ombə-c'ə*   *al'ε-s'*
 прийти-PST.3.SG другой-ORD мужчина-DEF.SG
son vət'-i   *kaza*
 он привести-NPST.3.SG коза
 'Пришел второй мужчина, он ведет козу'. (КМТ)

В (24) ИГ *fke panar* 'одна рубашка' имеет слабо-определенный референциальный статус: говорящий, в отличие от слушающего, знает о какой рубашке идет речь. Эта ИГ не имеет оформления в позиции ПД, глагол оформлен показателем субъектного спряжения. Аналогично ведет себя ИГ *kaza* 'коза' в (25).

Следует отметить, что контекст, где ПД — слабо-определенная ИГ, представляет собой интродукцию говорящим нового референта слушающему. Это один из немногих контекстов, где ПД практически никогда не оформляется.

4.3. Партитивная определенность: выбор из множества

Тем не менее, существуют контексты, где ИГ, референт которых неизвестен говорящему и слушающему (а также нарушена пресуппозиция единственности), кодируется показателем определенности. Так в примере (26) референт ИГ *fke traks-t'* 'одну корову' не может быть идентифицирован слушающим:

- (26) *min'*   *ul'-s'*   *kolmə traks-tə-nək*
 мы.GEN есть-PST.3SG три корова-ABL-1PL.POSS
fke traks-t'   *al'ε-z'ə*
 один корова-DEF.GEN отец-1SG.POSS.SG
mi-z'ə
 продать-PST.3SG.S.3SG.O
 'У нас было три коровы. Одну корову мой отец продал'.

Данный контекст не входит во множество прототипически «определенных» контекстов. Пресуппозиция «исчерпывающего» множества в данном случае нарушена. Скорее оказывается важным то, что это подмножество (элемент) заданного идентифицируемого множества, и мы можем говорить об «известности», но не об уникальности.

Аналогичные типы контекстов, в которых ПД оформляется по определенной модели, засвидетельствованы и в других финно-угорских языках. Мокшанский здесь демонстрирует сходное поведение с шокшинским эрзянским, удмуртским ([Сердобольская, Голдова 2012], [Сердобольская 2016]) и др.

Согласно М. Энч в данном случае мы имеем дело с партитивной специфичностью (partitive specific [Enç 1991: 5]). Маркер определенности вводит в модель дискурса, в рамках которого интерпретируется второе высказывание, множество референтов из предыдущего контекста и связывает референт ИГ *fkε traks-t'* 'одну корову' из (26) с этим множеством.

Рассматривая вопрос о выборе показателя аккузатива при оформлении ПД в турецком языке, М. Энч предлагает определять специфичность через партиitivность и дискурсивную связанность. К. фон Хойзингер и Я. Корнфилт [von Heusinger, Kornfilt 2005], обсуждая турецкие данные, показывают, что, с одной стороны, контексты, в которых возможно оформление ПД, не сводятся к описанному в [Enç 1991] и не обязательно сводятся к партиitivности. Они рассматривают следующие типы специфичности: (а) специфичность, связанную с интерпретацией ИГ в контекстах с кванторами и другими связывающими операторами (узкая vs. широкая сфера действия); (б) эпистемическую специфичность (ср. *Маша спела одну песню, я ее слышал от Васи* vs. *Маша спела какую-то песню, какую именно я не знаю*); (в) партиitivную специфичность (*В комнату вошло пять девочек. Двух девочек я знаю*) и (г) «относительную» специфичность (*Я увидел одного из его друзей*), когда референт ИГ интерпретируется через некоторое отношение к другой референтной сущности. С другой стороны, как показывают К. фон Хойзингер и Я. Корнфилт, партиitivность не имплицитно референтность. Таким образом, для того, чтобы определить возможные функции показателя определенности в ИГ, занимающей позицию ПД, следует учитывать два параметра: партиitivность и референциальную связанность; возможна как связанность с дискурсивно заданным референтом, так и с референтом ИГ из того же предложения. Чтобы уточнить функции показателя определенного склонения в мокшанском, проверим, в каких именно из вышеперечисленных типов контекстов ПД может кодироваться данным показателем.

4.4. Типы специфичности

Рассмотрим, как оформляются в мокшанском ИГ в контекстах, соответствующих различным типам специфичности.

В контексте связывающих операторов (27а) неоформленная ИГ связана квантором и имеет узкую сферу действия. ИГ с показателем определенного генитива может иметь только широкую сферу действия по отношению к квантору (27б):

- (27) а. *er' s't'ər'-n'ε-s' səv-s' mar'*
 каждый девочка-DIM-DEF.SG есть-PST.3SG яблоко
 'Каждая девочка съела (одно) яблоко'.
- б. *??er' s't'ər'-n'ε-s' səv-əz'ə*
 каждый девочка-DIM-DEF.SG есть-PST.3SG.S.3SG.O
mar'-t'
 яблоко-DEF.SG.GEN
 '#Каждая девочка съела яблоко'. ≈ 'Яблоко съели все девочки (яблоко было одно на всех)'.

Значение предложения (27а): 'Каждая девочка ела свое яблоко'. (27б) может иметь только следующую интерпретацию: «существовало одно единственное яблоко, и его ела каждая девочка». При всей его прагматической странности допустимой интерпретацией является: 1) существует множество известных яблок (множество яблок из предыдущего контекста), 2) существует одно яблоко (на всех девочек), 3) каждая из девочек ела это яблоко.

В партитивном контексте ПД, оформленное показателем определенного склонения, имеет специфичную интерпретацию. То есть референт ИГ связывается со множеством референтов из первого высказывания. Для неоформленной падежным показателем ИГ эффект такого связывания может не происходить. 'Две девочки' могут интерпретироваться носителями языка как новые референты.

- (28) *mon' komnata-zə-n suva-s'-t' koj-məz'arə*
 мой.GEN комната- ILL-1SG.POSS войти-PST.3-PL INDEF-сколько
id' kaftə s't'er'n'ε-t'n'ə-n' mon soda-jn'ə
 ребенок два девочка-DEF.PL-GEN я знать-PST.1.SG.S.3.SG.O
/ ?kaftə st'ərn'a-t mon soda-n
 два девочка-PL я знать-PST.1.SG
 'В мою комнату вошло несколько детей. Двух девочек я знал'.

Особый класс случаев представляет контекст **относительной специфичности**.

Рассмотрим следующий пример:

- (29) *vet'a-t'n'a-n' ezdā kuč-ij-t' ancek kaftā*
 пять-DEF.PL-GEN IN отправить-NPST.3-PL только два
s't'ər'-n'a-t
 девочка-DIM-PL
 'Из пяти девочек отправили только двух'.

В (29) множество девочек вводится в том же предложении. ПД оформляется по неопределенной модели (см. [von Heusinger, Kornfilt 2005]), когда существование и известность референта ИГ определяется через его связь с референтом другой ИГ, находящейся в том же предложении).

Следует также отметить, что наличие рестриктивного относительного оборота никак не влияет на выбор показателя определенного склонения. Таким образом, показатель определенного генитива *-t'* маркирует дискурсивно связанные ИГ.

4.5. Промежуточные итоги

Рассмотренные данные показывают, что функции показателя определенного склонения шире, чем кодирование определенного референциального статуса ПД. А именно, также, как и в ряде других финно-угорских идиомов, например, в шокшинском диалекте эрзянского языка (см. [Сердобольская, Толдова 2012]), в бесермянском диалекте удмуртского языка [Сердобольская 2016], существенным в мокшанском является признак известность, дискурсивная связанность, но не единственность. В ситуации уникальности референта (единственности, но неизвестности) выбирается определенная модель кодирования ПД, однако эта модель допустима и при несоблюдении требования единственности референта. Иными словами, функции маркера определенного склонения в мокшанском ассоциированы с представлением о партитивности и дискурсивной связанности.

Такое представление соответствует определению М. Энч для специфичности [Enç 1991]. Вслед за [von Heusinger 2002] мы считаем, что понятие специфичности шире. Однако в мокшанском языке показатель *-t'* кодирует не все обсуждаемые фон Хойзингером случаи, ассоциируемые в разных работах со специфич-

ностью. Кроме того, этот показатель может кодировать и неспецифичные ИГ в позиции ПД. То есть дистрибуция ИГ с показателем определенного склонения *-t'* в позиции ПД не объясняется специфичностью этой ИГ.

Рассмотрим теперь именные группы с нереферентным референциальным статусом.

4.6. *Нереферентные именные группы*

4.6.1. *Контекст неопределенных и негативно-полярных местоимений.* Примечательно, что даже лексемы, ассоциированные с неопределенным специфичным референциальным статусом, в случае контекстно заданного множества принимают показатели определенности или посессивности:

(30) a. *son kola-s'*   kodamə=bd'ə *tar'elka*
он разбить-PST.3SG   что=INDEF   тарелка
'Он разбил какую-то тарелку'.

(31) b. *son kola-z'ə*   kodamə=bd'ə *tar'əlka-t'*
он разбить-PST.3SG.S.3SG.O   что=INDEF   тарелка-DEF.GEN
'Он разбил какую-то тарелку (из этих)'.

В (31a) именная группа, модифицированная неопределенным местоимением *kodamə=bd'ə* 'какой-то', имеет неопределенный специфичный (референтный) статус, в (31b) интерпретация именной группы меняется на «партитивно определенную». Разбитая тарелка является подмножеством множества тарелок (заданных в контексте или известных говорящему и слушающему из ситуации). Тем самым мы имеем известное, но не уникальное подмножество тарелок. Т. е. можно сказать, что показатель определенности в данном случае ассоциирован с выбором из множества.

Более того, показатель определенности может оформлять существительное в случае, когда не существует «индивидуализированного» референта, соответствующего данной ИГ, например, в контексте местоимения свободного выбора или местоимений с отрицательной полярностью (negative polarity items), как в примере (32a). Сравним также (32b) и (32c), где в (32b) имеется в виду любая существующая книга, в (32c) — любая из заданного множества книг:

(32) a. *son luv-si*   *l'ubovaj kn'iga-t'*
он читать-PST.3SG.S.3SG.O   любой   книга-DEF.GEN
'Он любую книгу прочитает (из этих)'.

- b. *son kodamə=gə kn'iga iz' luv-ə*
 он какой=PT.ASS книга NEG.PST.3SG читать-CN
 ‘Он не прочитал никакой книги’.
- c. *son kodamə=gə kn'iga-t' iz' luv-ə*
 он какой=PT.ASS книга-DEF.SG.GEN NEG.PST.3SG читать-CN
 ‘Он не прочитал ни одной книги (из этих книг)’.

В (32с) показателем определенного генитива оформляется ИГ, в состав которой входит отрицательное местоимение (т. е. референта ИГ не существует). В данном случае возникает противоречие между оформлением ИГ и ее референциальным статусом. Отметим, что глагол в (32с) может оформляться как показателем субъектного, так и объектного спряжения.

Показатель определенности может оформлять само неопределенное или вопросительное местоимение:

- (33) *son mez'-t' nač-ft-əz'ə?*
 он что-DEF.GEN намочить-CAUS-PST.3SG.S.3SG.O
 ‘Что (из этого) он промочил?’

В этих контекстах ИГ также получает партитивную интерпретацию. Как отмечается в [Бикина 2016], в контексте кванторов неопределенные местоимения с показателем определенного склонения также имеют широкую сферу действия.

Как отмечалось в п. 3.1., существуют редкие исключения, когда при оформлении ПД показателем определенности глагол оформляется субъектным спряжением. Такое рассогласование возможно в контекстах с неопределенными местоимениями или с местоимениями с отрицательной полярностью.

4.6.2. *Родовые/экзистенциальные именные группы.* В предложениях с именными группами в родовом и экзистенциальном референциальных статусах оформление ПД чаще происходит по неопределенной модели:

- (34) *mon rama-n' vas'ə jakst'ər' panar*
 я купить-PST.3SG раньше красный рубаха
a s'enger'ε odo
 а зеленый после
 ‘Вначале я купил красную рубаху, а потом зеленую’.

- (35) *son vešən'd'-i loman' rabota-m-s škola-sə*
он искать-NPST.3SG человек работать-INF-ILL школа-IN
'Он ищет человека для работы в школе'

Тем не менее, в этом случае возможны оба варианта оформления именной группы: как по определенной (36a), так и по неопределенной (36b) модели:

- (36) a. *kata-tn'ə kel'k-saz' lofc-t'*
кошка-DEF.PL любить-NPST.3SG.O.3PL.S молоко-DEF.GEN
'Кошки любят молоко'.
b. *kat'ə-t'n'ə kunc-ij-t' šejər-t'*
кошка-DEF.PL ловить-NPST.3-PL мышь-PL
'Кошки ловят мышей'

Сравним также следующие примеры:

- (37) a. *t'ε kotf-t' ezdə štakšni-j-t' jubka-t*
этот материал-DEF.GEN из шить-NPST.3-PL юбка-PL
af panar-t'
NEG рубашка-PL
'Из этого материала шьют юбки, а НЕ ПЛАТЬЯ'.
b. *modamar'-n'ə-n' s'oks'enda taroks'e-saz'*
картошка-DEF.PL-GEN осенью копать-NPST.3SG.S.3PL.O
'/Картошку \осенью копают'.

В (37a) ПД (*jubka-t* 'юбка') не оформлено, а в (37b) ПД (*modamar'-n'ə-n'* 'картошка') имеет показатель определенного генитива. Именные группы имеют одинаковый референциальный статус.

Мы можем видеть, что в ряде контекстов, определяющих неспецифичную интерпретацию ИГ, возможно варьирование оформления ПД. Вопрос о том, чем регулируется выбор ПД в данном случае, будет рассмотрен в п. 5.1.

4.7. Случаи семантической коэрсии: имена собственные в контексте неопределенных местоимений

Неопределенные местоимения, а также местоимения с отрицательной полярностью могут взаимодействовать с именами собственными, вызывая семантическую коэрсию:

- (38) a. *son s'ɛv-s'* / **s'ɛv-əz'ə*
 он взять-PST-3SG / *взять-PST.3SG.S.3SG.O
 (*awa-ks*) *kodamə-bd'ə maša*
 женщина-TRANS какой-INDEF Маша
- b. *son s'ɛv-s'* / *s'ɛv-əz'ə* *ava-ks*
 он взять-PST-3SG / взять-PST.3SG.S.3SG.O жена-TRANS
kodamə-bd'ə masa-n'
 какой-INDEF маша-GEN
 'Он взял в жены какую-то Машу'

В данном случае возможна интерпретация имени собственного как неопределенной именной группы (38a). Отметим, что в контексте неопределенного местоимения имя собственное теряет свое оформление, падежный показатель на нем отсутствует. В таком случае возможно только субъектное спряжение. При оформленном имени собственном возможно как объектное, так и субъектное спряжение на глаголе (38b).

Таким образом, группа *неопределенное / отрицательное местоимение + показатель определенности* имеет свои особые синтаксические свойства и совмещает сразу два признака: '+неопределенность' и '+известность'. Известность мы можем здесь интерпретировать как дискурсивную связь с контекстом [Енç 1991]. Отметим, что показатель определенности не маркирует связь референта ИГ с референтом, введенным в том же предложении.

Тем самым, показатель определенности имеет функции, иные чем кодирование 'прототипической' определенности (презумпции существования и единственности). Он имеет более широкие функции.

4.8. Выводы

Суммируем вышеописанные условия, при которых ПД оформляется показателем определенности, а глагол, соответственно, согласуется с ПД.

Из приведенных в этом разделе данных следует, что ключевым фактором, влияющим на кодирование ПД, является партитивная специфичность. В большинстве случаев определенное маркирование ПД определяется следующим правилом:

- 1) множество референтов I (референт ИГ, оформленной показателем определенности) должно быть дискурсивно связано с контекстно-заданным множеством J;

- 2) I должно совпадать с J, либо быть вложено в него; если оба множества состоят из единственного элемента, мы имеем случай «классической» определенности;
- 3) дискурсивная связанность (известность) может как задаваться предыдущим контекстом, так и «восстанавливаться» из контекста или из общих представлений о мире участников коммуникации.

Кроме того, как мы видели из примеров, маркер определенности в мокшанском может оформлять именную группу, во все не удовлетворяющую требованию специфичности (ср. возможность показателя определенности на именной группе с генерической интерпретацией). То есть сфера его функционирования распространяется и на зону нереферентных ИГ. Для последних возможны оба типа кодирования. Возникает вопрос, регулируется ли выбор кодирования ПД другими факторами, не имеющими отношение к сформулированному выше правилу, либо возможно предложить уточнение правила, объединяющее случаи и референтных, и генерических ИГ.

5. Нереферентные ИГ и информационный статус ПД

5.1. Информационный статус именной группы в позиции ПД и тип кодирования

В качестве параметра, регулирующего оформление ПД, может выступать позиция ПД в информационной структуре высказывания, а также его выделенность. Например, именно этот фактор является решающим при выборе типа спряжения глагола в ненецком, хантыйском [Dalrymple, Nikolaeva 2011]. Правила выбора кодирования ПД часто формулируются следующим образом: способность присоединять показатель аккузатива и контролировать согласование связана с топикальным статусом актанта (см., тж. правила выбора оформления в тюркских языках — [Johanson 1977] для турецкого). Рассмотрим случаи, допускающие вариативное кодирование ПД при одних и тех же референциальных характеристиках с точки зрения позиции ПД в информационной структуре высказывания.

Как отмечается в п. 4.6., одну из проблем, возникающих в связи с условием кодирования, предложенным в предыдущем разделе, представляют именные группы с родовым референциальным статусом. Сравним еще раз следующие примеры из п. 4.6.2:

- (39) a. *t'ε kotf-t' ezdə štakšni-ǰ-t' jubka-t*
 этот материал-def.gen из шить-NPST.3-PL юбка-PL
af panar-t'
 NEG рубашка-PL
 'Из этого материала шьют ЮБКИ, а НЕ ПЛАТЬЯ'.
- b. *modamaŕ'-n'ǰ-n' s'oks'enda taroks'e-saz'*
 картошка-DEF.PL-GEN осенью копать-NPST.3SG.S.3PL.O
 '/Картошку \осенью копают (А /ягоды собирают летом\)'.

Из примера (39) очевидно, что родовые именные группы могут как получать, так и не получать определенное оформление. Выбор стратегии в данном случае зависит от информационной структуры предложения. Родовые именные группы, находящиеся в позиции контрастного топика, как в (39b), оформляются по определенной стратегии и имеют тенденцию передвигаться в начало предложения. Родовые группы, находящиеся в фокусе, как в (39a), не получают оформления и остаются в позиции за глаголом.

Если следовать мереологическому подходу, предложенному, среди прочих, в [Link 1983], родовые именные группы обозначают максимальные индивиды. В частности, в (39) картошка обозначает не конкретную картошку, а род «картошка», включающий себя (в отношении часть-целое) всех своих представителей.

В таком случае, согласно условию оформления ПД, предложенному в предыдущем разделе, та или иная родовая именная группа может получать определенное оформление, только если в контексте присутствует множество родов, с которым дискурсивно связан род, обозначаемый этой именной группой. В (39b) ИГ *modamaŕ'-n'ǰ-n'* 'картошка' (ИГ в родовом референциальном статусе) может получать определенное кодирование, если контекстом задается множество других родов, которые дискурсивно связаны с родом «картошка». Т. е. картошке должны противопоставляться другие роды, например, ягоды. Более того, род «картошка» вместе с противопоставленными ему родами задают дискурсивно связанное с ними объемлющее множество. В результате выполняются условия партитивности и дискурсивной связанности, соответствующие описанию функций показателя определенного склонения, предложенному в п. 4.8.

Таким образом, условие, предложенное в предыдущем разделе, успешно предсказывает, что родовые именные группы могут получать определенное оформление, только если роду, кото-

рый они обозначают, в данном контексте противопоставлено множество других родов; т. е. только если они занимают позицию контрастного топика.

5.2. Уточнение функций показателя
определенного склонения в позиции ПД

Более сложный случай представляет следующий пример:

- (40) *d'ɛd'ɛ-z'ə*   *pid'-əs'*   *kolmə kaɭ-t*.
 мама-1SG.POSS.SG варить-PST.3SG три рыба-PL
 a. *kaftə kaɭ-n'ə-n'*   *səv-əz'ən'*   *katə-s'*
 два рыба-DEF.PL-GEN есть-PST.3SG.S.3SG.O кот-DEF
 'Мама сварила три рыбины. Две рыбины съел кот'.
 b. *katə-s' səv-s' kaftə kaɭ-t*
 '{Мама сварила три рыбины.} Кот съел две рыбины
 {а Вася съел одну}'.

Выбор из заранее заданного множества (партитивная специфичность из п. 4.4.) «срабатывает» в (40a), и не срабатывает в (40b). В данном случае позиция ПД в информационной структуре высказывания влияет на интерпретацию неопределенной, но референтной ИГ. В (40a) количественная группа *kaftə kaɭ-n'ə-n'* 'две рыбины', оформленная показателем определенного склонения, занимает позицию в начале предложения, находится в топике. В (40b) ПД находится в фокусной составляющей. В этом высказывании сообщается нечто не о двух рыбах, а о коте. В именной группе отсутствует показатель определенного склонения.

Однако если ИГ в позиции ПД имеет определенный референциальный статус, то его кодирование не зависит от позиции в информационной структуре⁸:

- (41) a. *son mez'ə t'i-s'*   *modamaɣ-n'ə-n'*   *maɣtə?*
 он что делать-PST.3SG картошка-DEF.PL-GEN с
son modamaɣ-n'ə-n'   *pid'-əz'ən'*
 он картошка-DEF.PL-GEN варить-PST.3SG.S.3SG.O
 {Вася купил картошку...} 'Она с картошкой что сделала? Картошку она сварила'.

⁸ В отдельных случаях ПД в фокусе могут не контролировать объектное спряжение

- b. *son mez'ə pid'-əs'?*
 он что варить-PST.3SG
son pid'-əz'ən' modamaŋ-n'ə-n'
 он варить-PST.3SG.S.3SG.O картошка-DEF.PL-GEN
 'Она что сварила? Она сварила картошку'.

Однако в случае неопределенной ИГ кодирование ПД в позиции топики и в позиции фокуса могут различаться:

- (42) a. *ton panar staja-t ili rama-t?*
 ты рубашка шить-NPST.2SG или покупать-NPST.2SG?
 'Ты рубашку сошьешь или купишь?'
 b. *ton panar-t' sta-sak ili*
 ты рубашка-DEF.SG.GEN шить-NPST.2SG.S.3SG.O или
rama-sak?
 покупать-NPST.2SG.S.3SG.O
 'Рубашку ты сошьешь или купишь?'

(42a) и (42b) различаются кодированием ПД (*panar* 'рубашка'). Оба предложения являются альтернативными вопросами. Заметим, что в обоих случаях именная группа не является референтной. В (42b) 'рубашка' является «выделенным» топиком: 'Что касается рубашки, ты ее сошьешь или купишь?'

В примерах (43a) и (43b) ПД также находится в топике и оформляется по определенной модели:

- (43) a. *kniga-t'n'ə-n' luvəncaz'*
 книга-DEF.PL-GEN читать.IPF.NPST.3PL.S.3SG.O
 'Книги читают, а не рвут'. (+TOP)
 b. *modamaŋ-n'ə-n' taroks'ə-saz' s'oks'ənda*
 картошка-DEF.PL-GEN копать-NPST.3PL.S.3SG.O осень
 'Картошку копают осенью'. (+TOP)

В (43b) именная группа 'картошка' (в данном контексте ее можно рассматривать как обозначающую сортовое множество) находится в топике. Она оформлена показателем определенного склонения и контролирует объектное согласование.

Отметим, что топикальная именная группа имеет тенденцию выноситься в начало предложения или в позицию перед глаголом (см., например, (40a), (41a), (42b), (43a), (43b)), в то время

как ПД в фокусе встречаются в начальной позиции крайне редко. Напротив, в таких примерах, как (41b), оно следует за глаголом.

Это может являться указанием на то, что для оформления ПД важную роль играет его позиция в предложении. Возвращаясь к обсуждению примера (40), можно предположить, что разница между (40a) и (40b) состоит в том, что в втором случае ПД остается внутри глагольной группы, в то время как в первом случае оно ее покидает.

Вполне возможно, что условие на дискурсивную интерпретацию оформленного ПД, предложенное в предыдущем разделе, не применяется к именным группам, остающимся внутри глагольной группы (в частности, следующим за глаголом). Также можно считать, что в случае вынесения ИГ за пределы глагольной группы в (40a) эта ИГ имеет так называемую «широкую» интерпретацию: существуют две рыбы, которые принадлежат заданному в предыдущем дискурсе множеству из трех рыб, — такие, что кот их съел. Эта интерпретация противопоставлена узкой интерпретации в (40b): существует кот, относительно которого верно, что существуют какие-то две рыбы (из трех) такие, что кот их съел. Более подробный анализ этого фактора, однако, требует дальнейшего исследования.

Возможно предложить следующее объяснение, объединяющее оба фактора: и референциальный статус, и информационную структуру. В основе подходов к понятию ‘топик’ во многих работах лежит определение, предложенное Т. Рейхарт [Reinhart 1981]. Центральным является понятие «aboutness», или то, о чем говорится в предложении (ср. также «тот предмет, о котором говорится в пропозиции, выражаемой данным предложением» («the thing which the proposition expressed by the sentence is about»; [Lambrecht 1994: 118]). Считается, что это референтное выражение, которое имеет антецедент в предшествующем дискурсе. Генерические ИГ также могут быть привязаны к некоторому дискурсивно связанному множеству (соответствующему генерической ИГ). Поскольку, в отличие от определенных ИГ, сами по себе нереферентные ИГ, включая генерические, не соответствуют никакому референту, их «привязка» к контексту не является необходимым условием их интерпретации. У говорящего есть выбор. Он может так кодировать вводимый класс объектов, чтобы

интерпретация предложения слушающим требовала прежде всего привязки соответствующей ИГ к задаваемому контекстом (дискурсивно связанному) множеству. Для этого говорящий помещает соответствующую ИГ в позицию топики. Альтернативная стратегия: ввести имя класса как новую информацию. Тем самым, топикальный статус ИГ обеспечивает ее дискурсивную привязку. Можно заключить, что выбор показателя генитива определенного склонения -t' регулируется все тем же правилом:

- 1) множество референтов I (референт ИГ, оформленной показателем определенности), должно быть дискурсивно связано с другим, контекстно-заданным множеством J;
- 2) I должно быть вложено (нестрого) в J;
- 3) дискурсивная связанность (известность) может как задаваться предыдущим контекстом, так и «восстанавливаться» из контекста или из общих представлений о мире участников коммуникации.

Если оба множества состоят из единственного элемента, мы имеем случай «классической» определенности. Если оба множества представляют собой «роды», то дискурсивная связанность множеств и их вложенность обеспечивается контекстом контраста. Дискурсивную связанность с некоторым множеством также может обеспечить позиция топики.

6. Заключение

Таким образом, можно сказать, что в исследуемом идиоме мокшанского языка представлено две базовых модели кодирования ПД: определенная vs. неопределенная модель. Они затрагивают как кодирование самой именной группы в позиции ПД, так и выбор спряжения в глаголе. Несмотря на то, что оформление ИГ в позиции ПД коррелирует с выбором спряжения в глаголе, эти две системы регулируются разными факторами.

В отличие от шокшинского эрзянского имя обладает более сложной системой кодирования: оно может изменяться как по основному, так и по определенному и по посессивному склонениям. ПД, оформленное показателями последних двух склонений, в общем случае, контролирует согласование в глаголе.

Несмотря на то, что распределение моделей кодирования ПД (определенная vs. неопределенная) в значительной части слу-

чаев могло бы быть объяснено референциальным статусом именной группы, выбор определенного типа склонения при оформлении ПД включает случаи неопределенного референта при выборе из заданного в предыдущем контексте множества. Показателем определенности могут кодироваться также генерические именные группы.

Приведенный в работе анализ показывает, что оформление именных групп в позиции ПД показателем определенности обусловлено требованиями партитивного отношения между множеством референтов ИГ в позиции ПД и множеством, задаваемым дискурсивно связанной с ней ИГ. При этом два множества могут совпадать, что соответствует пониманию классической определенности, а могут и не совпадать. В последнем случае сформулированное выше условие достигается в случае, если ПД находится в топике.

Литература

- Бикина 2016 — Д. А. Бикина. Неопределенные местоимения в мокшанском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Москва, МГУ, 2016. [D. A. Bikina. Neopredlennyye mestoimeniia v mokshanskom iazyke [Indefinite pronouns in Moksha]. Bachelor Thesis. Moscow, MSU, 2016]
- Бубрих 1953 — Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953. [D. V. Bublikh. Istoricheskaja grammatika erzjanskogo iazyka [The historical grammar of Erzya]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953]
- Евсевьев 1963 — М. Е. Евсевьев. Основы мордовской грамматики (Избранные труды. Том IV). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. [M. E. Evsev'ev. Osnovy mordovskoi grammatiki [Fundamentals of Mordvin Grammar] (Izbrannyye trudy. Vol. IV). Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963]
- Кашкин, в печати — Е. В. Кашкин. Категория определенности // Элементы грамматики мокшанского языка, в печати. [E. V. Kashkin. Kategoriiia opredelennosti [The category of definiteness] // Elementy grammatiki mokshanskogo iazyka, forthcoming]
- Коляденков, Заводова 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962. [M. N. Koliadenkov, R. A. Zavodova (eds.). Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzjanskogo) iazykov. Chast'

- I. Fonetika i morfologija [The grammar of Mordvinic (Moksha and Erzya) languages. Volume 1. Phonetics and morphology]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962]
- Козлов, наст. сб. — А. А. Козлов. Акциональный DOM в мокшанском языке и проблема циклов грамматикализации // Настоящий сборник. [A. A. Kozlov. Aktsional'nyi DOM v mokshanskom iazyke i problema tsiklov grammatikalizatsii [Actionality mechanisms of DOM in Moksha and the grammaticalization cycles issue] // This volume]
- Падучева 1985. — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука, 1985. [E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [Statement and its correlation with the reality]. Moscow: Nauka, 1985]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 59–142. [N. V. Serdabol'skaia, S. YU. Toldova. Differentsirovannoe markirovanie priamogo dopolneniia v finno-ugorskikh iazykakh [Differential object marking in Finno-Ugric languages] // A. I. Kuznetsova (ed.) Finno-ugorskie iazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: «IAzyki slavianskikh kul'tur», 2012. P. 59–142]
- Сердобольская 2016 — Н. В. Сердобольская. Кодирование единичности и известности прямого дополнения в бесермянском диалекте удмуртского языка // Родной язык 21, 2016. [N. V. Serdabol'skaia. Kodirovanie edinichnosti i izvestnosti priamogo dopolneniia v besermianskom dialekte udmurtskogo iazyka [Encoding of direct object specificity and prominence in Besermyan Udmurt] // Rodnoi iazyk 21, 2016]
- Серебренников 1964 — Б. А. Серебренников. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964. [B. A. Serebrennikov. Osnovnye linii razvitiia padezhnoi i glagol'noi sistem v ural'skikh iazykakh [The main lines of development of case and verbal systems in Uralic languages]. Moscow: Nauka, 1964]
- Серебренников 1967 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. [B. A. Serebrennikov. Istoricheskaiia morfologija mordovskikh iazykov [The historical morphology of Mordvinic languages]. Moscow: Nauka, 1967]
- Тихонов 1986 — Т. М. Тихонов. Артиклевые функции форм объектного спряжения глагола в мордовских языках. Методические указания для студентов специальности «Мордовский язык и литература, русский язык и литература». Саранск: Мордовское книжное изда-

- тельство, 1986. [Т. М. Tikhonov. *Artiklevye funktsii form ob"ektного spriazheniia glagola v mordovskikh iazykakh. Metodicheskie ukazaniia dlia studentov spetsial'nosti «Mordovskii iazyk i literatura, russkii iazyk i literatura»* [Article functions of objective verb conjugation in Mordvinic languages. Guidelines for students of speciality "Mordvin language and literature, Russian language and literature"]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986]
- Феокистов 1975 — А. П. Феокистов. *Мордовские языки* // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей (ред.). *Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки*. М.: Наука, 1975. С. 248–343. [А. П. Feoktistov. *Mordovskie iazyki* [Mordvinic languages] // V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaia, K. Redei (eds.). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia. Pribaltiisko-finskie, saamskii i mordovskie iazyki*. Moscow: Nauka, 1975. P. 248–343]
- Цыганкин 1976 — Д. В. Цыганкин. *Грамматическая категория определенности и ее формы в диалектах эрзя-мордовского языка* // *Fenno-Ugristica* 4, 1976. С. 106–133. [D. V. TSyngankin. *Grammaticheskaiia kategoriiia opredelennosti i ee formy v dialektakh erzia-mordovskogo iazyka* [The grammatical category of definiteness and its forms in dialects of Erzya Mordvin] // *Fenno-Ugristica* 4, 1976. P. 106–133]
- Aaranovich 2007 — R. Aaranovich. *Optimizing verbal agreement in Mordvin* // *Studia Linguistica* 61 (3), 2007. P. 185–211.
- Abney 1987 — S. P. Abney. *The English noun phrase in its sentential aspect*. Ph. D. dissertation, MIT, Cambridge, Mass., 1987.
- Comrie 1977 — B. Comrie. *Subjects and direct objects in Uralic languages: A functional explanation of case-marking systems* // *Études Finno-Ougriennes* 12, 1977. P. 5–17.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — M. Dalrymple, I. Nikolaeva. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Enç 1991 — M. Enç. *The semantics of specificity* // *Linguistic Inquiry* 22, 1991. P. 1–25.
- Hawkins 1978 — J. A. Hawkins. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm, 1978.
- von Heusinger 2002 — K. von Heusinger. *Specificity and definiteness in sentence and discourse structure* // *Journal of Semantics* 19, 2002. P. 245–274.
- von Heusinger, Kornfilt 2005 — K. von Heusinger, J. Kornfilt. *The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology* // *Turkic Languages* 3, 2005. P. 3–44.
- Johanson 1977 — L. Johanson. *Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz* // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 3 (2), 1977. P. 1186–1203.

- de Hoop, Malchukov 2008 — H. de Hoop, A. Malchukov. Case-marking strategies // *Linguistic Inquiry* 39, 2008. P. 565–587.
- Iemmolo 2010 — G. Iemmolo. Topicality and differential object marking: Evidence from Romance and beyond // *Studies in Language* 34, 2010. P. 239–272.
- Keresztes 1999 — L. Keresztes. Development of Mordvin Definite Conjugation [Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 233]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999.
- Kiss 1998 — K. É. Kiss. Identificational focus versus information focus // *Language* 74, 1998. P. 245–273.
- Kiss 2010 — K. É. Kiss. A magyar tárgyias és alanyi igeragozás kialakulásának szintaktikai hátteréről [The syntactic background of the emergence of the Hungarian objective and subjective conjugations] // *Nyelvtudományi Közlemények* 107, 2010. P. 131–146.
- Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents [Cambridge Studies in Linguistics 71]. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Link 1983 — G. Link. The logical analysis of plural and mass terms: a lattice theoretical approach // R. Bäuerle, C. Schwarze, A. von Stechow (eds.). *Meaning, Use and Interpretation of Language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1983. P. 303–323.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society (NELS 43)* 2, 2014. P. 127–140.
- Wickman 1955 — B. Wickman. *The form of the object in the Uralic languages*. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1955.
- Zirnask 2004 — T. Zirnask. *Objektikäänded Mokša keeles*. Bakalaureusetöö. Tartu Ülikool, Tartu, 2004.

А. А. Козлов

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

АКЦИОНАЛЬНЫЙ ДОМ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ЦИКЛОВ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ¹

1. Введение

Прямое дополнение в мокшанском языке может кодироваться тремя разными способами.

Во-первых, генитивом определенного склонения:

- (1) *mon jota-ft-in'ə* *mirapr'ijet'ije-t'*
я провел-CAUS-PST.1SG.S.3SG.O мероприятие-DEF.GEN
'Я провел мероприятие'

Во-вторых, номинативом неопределенного склонения²:

- (2) *mon jota-ft-ən'* *mirapr'ijet'ije*
я провел-CAUS-PST.1SG мероприятие
'Я провел мероприятие'

В-третьих, послеложной группой с локативным послелогом *esə* 'в'.

- (3) *mon jota-ft-ən'* *mirapr'ijetije-t'* *esə*
я провел-CAUS-PST.1SG мероприятие-DEF.GEN в.IN
'Я проводил мероприятие'.

Выбор между этими тремя возможностями регулируется двумя факторами очень разного рода: во-первых, референциальным статусом соответствующей именной группы, во-вторых, акциональными свойствами описываемой ситуации. Зависимость кодирования объекта от референциального статуса — и, соответственно, правила выбора между определенным генитивом и неопределенным номинативом — детально рассмотрены в работах

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 16-18-02081.

² В других статьях настоящего сборника эта форма трактуется как неоформленная.

С. Ю. Толдовой [Toldova 2015, Толдова, наст. сб.]. Хотя второй фактор — акциональность (управляющий употреблением третьего из вариантов кодирования, послеложной группы с *esä*) ничуть не менее важен, насколько мы знаем, подробного описания его действия до сих пор нет; дать такое описание — одна из целей этой статьи.

В результате взаимодействия двух факторов мокшанская система DOM оказывается устроена довольно сложно. Наша вторая цель — дать этой системе диахроническую интерпретацию. Сопоставление мокшанских данных с данными родственных языков — во-первых, других мордовских идиомов (стандартного эрзянского и его шокшинской разновидности), а во-вторых, прибалтийско-финских языков — позволяет гораздо больше понять о причинах того, почему правила DOM в мокшанском языке выглядят так, как они выглядят.

Эта статья устроена следующим образом. В разделе 2 будет представлен мокшанский материал: в разделе 2.1 будет кратко описана система именного словоизменения мокшанского языка и место в этой системе локативного послелога *esä*; в разделе 2.2 — правила употребления этого послелога в функции маркирования прямого дополнения. Раздел 3 будет посвящен нашей диахронической гипотезе: в разделе 3.1 будет представлена система шокшинского эрзянского, в разделе 3.2 (очень кратко) — материал прибалтийско-финских языков; в разделе 3.3 мы изложим некоторые соображения о том, какой могла быть прафинно-(саамо)-мордовская система маркирования прямого дополнения и какие изменения она претерпела на пути к своему современному состоянию в мокшанском.

2. DOM в мокшанском языке

2.1. О мокшанском именном словоизменении

Одной из центральных грамматических категорий мокшанского имени является определенность, которая выражается синтетически и при этом иногда кумулятивно с показателем падежа [Коляденков, Заводова 1962: 83—88]. Поэтому принято говорить, что каждое имя в мокшанском языке изменяется по двум склонениям³ — определенному и неопределенному. Выбор между скло-

---

³ Есть и третье склонение — притяжательное, или посессивное; под ним обычно именуются в виду имена с посессивными показателями.

нениями зависит от референциального статуса именной группы: определенно- и неопределенно-референтные ИГ оформляются определенным и неопределенным склонением соответственно; для нереферентных ИГ правила выбора более сложные [Кашкин, в печати].

То, каким падежом оформляется прямое дополнение, также зависит от выбора типа склонения. ИГ **определенного** склонения в этой синтаксической позиции получают **генитив** (то есть падеж, использующийся также для кодирования посессивных отношений в именной группе), а ИГ **неопределенного** склонения — **номинатив** (иногда говорят, что это «немаркированная форма», хотя она может быть маркирована показателем числа). Прямые дополнения в генитиве определенного склонения вызывают объектное согласование у глагола.

- (4) a. *vaks-əzə-nzə*   *pucas'k*
 рядом-ILL-POSS.3SG   положить-NPST.1PL.S.3SG.O
tə   *vagə*   *don'c'kej-t'*
 этот   вот   тыква-DEF.GEN
 'Рядом с ним мы положим вон ту тыкву'
- b. *vaks-əzə-nzə*   *put-tamə*
 рядом-ILL-POSS.3SG   положить-NPST.1PL
 (**pucas'k*)   *fke*   *don'c'kej*
 положить-NPST.1PL.S.3SG.O   один   тыква
 'Рядом с ним мы положим одну тыкву'

В неопределенном склонении насчитывается до пятнадцати падежей; в определенном — всего лишь три: номинатив, генитив и датив (см. таблицу 1).

Как в таком случае кодируются определенные референты с локативной семантической ролью? Во-первых, в некоторых контекстах для них оказывается все же доступным неопределенное склонение (в отличие от контекстов «структурных» падежей, номинатива, генитива и датива, где противопоставление по определенности выдерживается достаточно жестко; см. [Кашкин, op. cit.]).

В интересующих нас отношениях посессивное склонение ведет себя так же, как определенное; в частности, в позиции прямого дополнения ИГ с посессивным показателем получает генитив.

Чаще всего, однако, функции всех остальных падежей при определенных референтах выполняют послелого. Существует даже специальная серия послелогов с основой **ez-*, которая является соответствием для большей части локативных падежей, а также экватива; послелого этой серии, в отличие от всех остальных послелогов мокшанского языка, управляют только определенным генитивом⁴.

Таблица 1. Именное словоизменение в мокшанском языке (фрагмент)

склонение	неопределенное		определенное	
	SG	PL	SG	PL
NOM	∅	-t	-s'	-t'n'ə
GEN	-n'		-t'	-t'n'ə-n'
DAT	-n'd'i		-t'i	-t'n'ə-n'd'i
ABL	-də		—	—
EL	-stə		—	—
LOC	-sə		—	—
LAT	-u/i/v		—	—
...	...		...	...

Таблица 2. Соответствия локативных падежей и послелогов

неопределенное склонение		определенное склонение	
локативные падежи		серийный послелог * <i>ez-</i>	
-də	аблатив ABL	<i>ezdə</i>	в.ABL
-stə	элатив EL		
-sə	инессив IN	<i>esə</i>	в.IN
-s	иллатив ILL	—	(DEF.DAT)
-i/-u/v	латив LAT	—	(DEF.DAT)
-ga	пролатив PROL	<i>ezgə</i>	в.PROL
-ška	экватив EQU	<i>eška</i>	в.EQU

⁴ В исследованном идиоме нет послелога *es* [в.ILL] который, судя по грамматическим описаниям, является соответствием направлятельным падежам неопределенного склонения при оформлении определенных референтов; эти функции обычно исполняет определенный датив.

Таким образом, мокшанский располагает парами вроде:

- (5) a. *vir'-sə / t'ε vir'-t' esə*
 лес-IN этот лес-DEF.GEN в.IN
 'в лесу / в этом лесу'
- b. *vir'-ga / t'ε vir'-t' ezga*
 лес-PROL этот лес-GEN в.PROL
 'по лесу / по этому лесу'

Правила выбора между такими парами в общем сходны с правилами выбора между неопределенным и определенным склонением в номинативе, генитиве и дативе — хотя существуют и некоторые отличия, о которых см. [Кашкин, *op. cit.*].

Послелог *esə*, который будет нас дальше интересовать, соответствует инессиву на *-sə* (хотя и не во всех употреблениях последнего; например, в инструментальном и комитативном значениях используется послелог *maɾtə* 'с'; см. подробнее [Козлов, *forthc.*]). Основное значение *esə* — локативное:

- (6) [*zona-t' esə*] *pin'ə-t' maks-saz'*
 зона-DEF.GEN в.IN собака-DEF.GEN дать-NPST.3PL.S.3SG.O
vas'əktivək azər-ənc-ti, a kədə azər-əc af
 сначала хозяин-3SG-DAT а если хозяин-POSS.3SG NEG
pr'ema-si son' mašfcaz'
 принять-NPST.3SG.S.3SG.O он.GEN уничтожить-NPST.3PL.S.3SG.O
 '{Как поступают с постаревшими служебными собаками.}'
На зоне собаку сначала предлагают забрать ее хозяину,
 а если хозяин ее не берет, ее убивают'.

- (7) [*gorban'ε-t' esə*] *fke mar'*
 корзина-DEF.GEN в.IN один яблоко
 '**В корзине** одно яблоко'

2.2. *Esə* как маркер прямого дополнения

Кроме этого, у послеложной группы с *esə* (далее мы будем называть ее *esəP*) есть еще одна, на первый взгляд неожиданная функция. Она может кодировать прямое дополнение — или, по крайней мере, то, что на первый взгляд кажется прямым дополнением.

Для этого должно выполняться два условия. Во-первых, именная группа, находящаяся в позиции прямого дополнения,

для этого должна быть **определенной** (как мы видели выше, это обычное требование для серии послелогов на **ez-*). Во-вторых, глагол в таком случае должен иметь **непредельную** акциональную интерпретацию. Если эти два условия выполняются, то О-участник — то есть тот участник, который чаще всего имеет синтаксическую роль прямого дополнения, — всегда может кодироваться с помощью *esəP*. (По причинам, которые будут изложены ниже, мы остерегаемся говорить о том, что *esəP* кодирует прямое дополнение.)

В примере (8), взятом из учебника по политграмоте, выпущенном в 1929 году, клауза имеет презентную референцию — а значит, непредельна. О-участник ситуации *tijəms* ‘строить’ кодирован *esəP*:

- (8) *trackist-t-n'ə s'el'mə-nzə-n kon'ə-z'ən'*
 троцкист-PL-DEF глаз-POSS.3SG-GEN закрыть-PST.3PL.S.3PL.O
s'ε-n' lank-s što min' višk-stə i n'ejə-v-i-stə
 то-GEN на-ILL что мы быстро-EL и видеть-PASS-PTCP.ACT-EL
tij-t'amə social'izmə-t' esə
 делать-NPST.1PL социализм-DEF.GEN в.IN
 ‘Троцкисты закрывают глаза на то, что мы быстро и зримо
 строим социализм’. [Комсомолонь политграмота 1929]

Таким образом, у непредельных глаголов, вообще говоря, есть две возможности маркировать определенный объект: генитив определенного склонения или *esəP*:

- (9) a. *mon kul'-sa t'ε mora-t'*
 я слышать-NPST.1SG.S.3SG.O этот песня-DEF.GEN
 ‘Я слышу эту песню’
 b. *mon kul'an [t'ε mora-t' esə]*
 я слышать-NPST.1SG этот песня-DEF.GEN в.IN
 ‘Idem’.

Как можно видеть из примеров выше, *esəP* не вызывает объектного согласования на глаголе.

Более того, для некоторых глаголов *esəP* составляет **единственную** возможность выразить определенное прямое дополнение при непредельной интерпретации. Хороший представитель этого класса — глагол *šuvəms* ‘копать’, для которого, в отличие

от глагола *kul'əms* ‘слышать’ (9a-b), в таких случаях бывает недоступна вторая опция — определенный генитив:

- (10) a. # *son šuv-əz'ə* *t'ε lotk-t'* *i*
 он копать-PST.3SG.S.3SG.O этот яма-DEF.GEN и
lotka-s'
 окончить-PST.3SG
- b. ^{ok}*son šuv-s'* [*t'ε lotk-t'* *esə*] *i*
 он копать-PST.3SG этот яма-DEF.GEN в.IN и
lotkas'
 окончить-PST.3SG
 ‘Он покопал эту яму и остановился’.

Так же, как *šuvəms*, ведет себя довольно большое количество глаголов. Среди них:

- глаголы созидания и разрушения (в широком смысле): *pid'əms* ‘варить (суп)’, *l'ed'əms* ‘косить (траву)’, *pəʃtəms* ‘сжигать (мусор)’, *s'ormadəms* ‘писать (письмо)’;
- глаголы, предполагающие другие сильные изменения О-участника: *štəms* ‘мыть (пол)’, *pən'žəms* ‘открывать (окно)’, *s'olgəms* ‘закрывать (окно)’, *pəl'əms* ‘сверлить (стену)’, *koləms* ‘разбивать (вазу)’.

Обсуждаемые глаголы в форме субъектно-объектного спряжения с определенным прямым дополнением не могут иметь неопределенной интерпретации ни в каких контекстах — субъектно-объектное спряжение означает для них принудительную телесизацию. Для того, чтобы получить такую интерпретацию, необходимо поставить их в конструкцию с *esəP*:

- (11) референция к настоящему времени, имперфективный видовой ракурс
- a. *vagə, vas'ε pəʃta-j* [*taštə or-t'* *esə*]
 вон В. сжигать-NPST.3SG старый шуба-DEF.GEN в.IN
 ‘Смотри, Вася сжигает старую шубу’.
- b. *vagə, vas'ε pəʃta-si* *taštə or-t'*
 вон В. сжигать-NPST.3SG.S.3SG.O старый шуба-DEF.GEN
1. ‘Смотри, Вася сейчас сожжет старую шубу’.
  2. *‘Смотри, Вася сжигает старую шубу’.

- (12) референция к прошедшему времени, имперфективный видовой ракурс

məz'ardə mon l'is'ə-n' duvor-u...

когда я выйти-PST.1SG двор-LAT

‘Когда я вышел во двор...’

a. *vas'ε pəʃta-s' [taštə or-t' esə]*

В. жечь-PST.3SG старый шуба-DEF.GEN в.IN

‘...Вася сжигал старую шубу’.

b. *vas'ε pəʃta-z'ə taštə or-t'*

В. жечь-PST.3SG старый шуба-DEF.GEN

1. ‘...Вася сжег старую шубу’.

2. *‘...Вася сжигал старую шубу’.

- (13) референция к прошедшему времени, перфективный видовой ракурс

vas'ε pəʃta-s' [taštə or-t' *(esə)]

В. жечь-PST.3SG старый шуба-DEF.GEN в.IN

kaftə čast-t i lotka-s'

2 час-PL и прекратить-PST.3SG

‘Вася сжигал старую шубу два часа и прекратил {она никак не горела}’.

При этом с объектами в неопределенном номинативе такие глаголы имеют полный набор акциональных интерпретаций — все они относятся к классу слабых предельных глаголов (ES P, P) [Tatevosov 2002]:

- (9) *vas'ε pəʃta-s' taštə or kaftə čast-t / kaftə časctə*

В. жечь-PST.3SG старый шуба 2 час-PL 2 час:EL

‘Вася сжигал старую шубу два часа / сжег старую шубу за два часа’.

Кроме *esəP*, для глаголов с «принудительной телисизацией» есть и другой способ получить непредельную интерпретацию — присоединить деривационный показатель Фреквентатива:

- (15) a. *vagə, vas'ε pəʃ-n'ə-si taštə*

вон В. сжигать-FREQ-PST.3SG.S.3SG.O старый

or-t'

шуба-DEF.GEN

‘Смотри, Вася сжигает старую шубу’.

- b. *vas'ε pəʃ-n'ə-z'ə* *taštə or-t'*
 В. жечь-FREQ-PST.3SG.S.3SG.O старый шуба-DEF.GEN
kaftə čast-t
 2 час-PL
 'Вася сжигал старую шубу два часа'.

Фреквентатив — это самая продуктивная аспектуальная деривация мокшанского языка; большинство его функций находится в зоне глагольной множественности и сопредельных семантических областях. Как показано в [Козлов 2015], у Фреквентатива есть и чисто ателисизирующие употребления: если у самого глагола нет непредельной интерпретации в прошедшем или непрошедшем времени, то фреквентативная морфема может ее добавить. Например, глагол *načkəd'əms* 'вымокнуть' относится к акциональному классу ⟨ES, —⟩, то есть имеет только предельную интерпретацию при референции в прошедшем (или будущем) времени. Для осуществления референции к процессу намокания нужно употребить показатель Фреквентатива:

- (16) a. *mus'kəp-n'ə načkəd'-iʃ-t'*
 белье:PL-DEF намокнуть-NPST.3-PL
 'Белье вымокнет (*намокает)'.
 b. *mus'kəp-n'ə načkəd'-kšn'-iʃ-t'*
 белье:PL-DEF мокнуть-FREQ-NPST.3-PL
 'Белье намокает'.

Кроме этого, Фреквентатив может модифицировать непредельные глагольные основы (то есть процессы или состояния), имея при этом довольно сложную функцию, принадлежащую уже собственно зоне внутрисобытийной глагольной множественности. Ранее [Козлов, *op. cit.*] мы утверждали, что эта функция — обозначение выхода ситуации за рамки одного раунда наблюдения. Этот компонент порождает два класса устойчивых импликатур: во-первых, импликатуры того, что ситуация имеет место **долго**, во-вторых, того, что она протекает **с перерывами**.

- (17) a. *pin'ə-s'* *uva-j*
 собака-DEF.GEN лаять-NPST.3SG
 'Собака лает'.

- b. *pin'ə-s'*   *uv-s'-i*
 собака-DEF.GEN лаять-NPST.3SG
 'Собака все лает {может быть, прекращает, а потом
 опять начинает}'

Пока невозможно с уверенностью сказать, какую функцию Фреквентатив имеет в (15) — ту, которую мы видим в (16), или ту, что представлена в (17), иными словами, добавляет ли он дополнительный семантический компонент выхода ситуации за рамки наблюдения или единственная его функция состоит в ателисизации.

Общее свойство, которое объединяет глаголы, для которых субъектно-объектное спряжение и определенное прямое дополнение автоматически означают предельную интерпретацию, — высокая **затронутость** Пациенса. Семантический параметр затронутости обсуждался в связи с самыми разными грамматическими явлениями — например, было показано, что он важен для описания конструкций с внешним посессором (среди прочих [Haspelmath, König 1997; Haspelmath 1999]).

Дж. Биверс [Beavers 2013] предлагает следующую семантическую иерархию предикатов по степени затронутости внутреннего аргумента:

- Пациенс претерпевает **скачкообразное** (*quantized*) **изменение** (глаголы акционального класса достижений/achievements: *break, shatter, destroy, devour*);
- Пациенс претерпевает **изменение** (неважно, скачкообразное или нет; добавляются глаголы градуируемого изменения типа *widen, cool, lengthen, cut, slice*);
- Пациенс имеет **потенциал** к изменению (неважно, происходит оно на самом деле или нет; добавляются глаголы контакта с поверхностью или типа *wipe, scrub, rub, punch, hit*).

По-видимому, первые два типа предикатов представляют собой семантическое ядро обсуждаемого класса; абсолютное большинство из них ведут себя так же, как обсуждавшиеся выше глаголы *šuvəms* 'копать' и *pəltəms* 'сжигать'. Однако, кроме ядра, у него есть большая размытая периферия. В нее входит, во-первых, третий выделяемый Биверсом подкласс предикатов, который включает глаголы контакта с поверхностью, например,

t'ejəms 'подметать (пол)' или приложения силы — *uskəms* 'тащить (телегу)', а во-вторых, по-видимому, некоторые глаголы второго класса, предполагающие несколько меньшую затронутость О-участника — например, глаголы каузации перемещения, такие, как *vet'əms* 'вести'. Для таких глаголов неопредельная интерпретация доступна в субъектно-объектном спряжении по крайней мере иногда.

Неопредельные предикаты возможны в разных временных и аспектуальных контекстах. Если для простоты не рассматривать референцию к будущему времени (во многих отношениях оно представляет собой зеркальное отражение прошедшего), то можно выделить три типа их употреблений: в настоящем времени (*Вася спит*), в прошедшем времени в сочетании с имперфективным (*Когда я вошел, Вася спал*) или перфективным (*Вася спал три часа, а потом поехал на работу*) временным ракурсами. Сочетаемость разных акциональных значений с видовыми ракурсами (*viewpoint aspect*) подробно обсуждается, например, в [Татево-сов 2010: 28—36].

Для мокшанского языка контексты, в которых возможна неопредельная интерпретация клаузы, представляют собой иерархию следующего вида:

- (18) настоящее время (имперфективный видовой ракурс)
  - > прошедшее время (имперфективный видовой ракурс)
  - > прошедшее время (перфективный видовой ракурс).

Иерархия в (18) устроена следующим образом: если у конкретного предиката неопредельная интерпретация при определенном объекте возможна в одном из этих контекстов, то она допустима и во всех контекстах, которые расположены слева от него. Здесь следует сделать важную оговорку: в отличие от всех данных, изложенных выше, поведение периферии класса глаголов с затронутым О-участником демонстрирует неожиданно высокую вариативность в идиолектах опрошенных носителей — причем приемлемость тех или иных конфигураций не коррелирует ни с одной из очевидных социолингвистических переменных — возрастом, уровнем образования, местом проживания и т. д. Поэтому нужно отметить, что только что сформулированное правило верно для идиолекта каждого конкретного информанта.

Существуют глаголы, для которых определенный объект в неопределяемой интерпретации возможен в настоящем времени — при этом при референции к прошедшему времени, независимо от видового ракурса, эта конфигурация все еще невозможна — наступает «принудительная телисизация». Так (в идиолектах большинства опрошенных носителей) ведут себя глаголы *ur'adams* 'чистить, убирать', *glad'əndams* 'гладить (белье)', некоторые глаголы изменения формы, в т. ч. *acams* 'расстилать (ковер)', *kel'əptəms* 'разворачивать (скатерть)', *mən'd'əms* 'сгибать (прово- локу)', а также глагол *kandəms* 'нести':

- (19) a. *vas'ε m'en'ci* *kšn'i-n'*
 В. сгибать:NPST.3SG.S.3SG.O железо-GEN
provələka-t'
 проволока-DEF.GEN
 '{Что это делает Вася? —} Вася сгибает железную про-
 волоку'.
- b. **məz'ardə vas'ε mən'd'-əz'ə* *kšn'i-n'*
 когда В. сгибать-PST.3SG.S.3SG.O железо-GEN
provələka-t', *katə-s'* *vor'gəc'*
 проволока-DEF.GEN кошка-DEF убежать:PST.3SG
 Ожид. зн.: 'Пока Вася сгибал железную проволоку, кош-
 ка убежала'.
- c. **vas'ε mən'd'-əz'ə* *kšn'i-n'*
 В. сгибать-PST.3SG.S.3SG.O железо-GEN
provələka-t' *kaftə čast-t*
 проволока-DEF.GEN 2 час-PL
 Ожид. зн.: 'Вася сгибал железную проволоку два часа'.

В двух последних случаях нужно использовать конструк-
 цию с *esəP* (20a-b):

- (20) a. *məz'ardə vas'ε mən'c'* *kšn'i-n'*
 когда В. сгибать:PST.3SG железо-GEN
 [*provələk-at'* *esə*] *katə-s'* *vor'gəc'*
 проволока-DEF.GEN в.IN кошка-DEF убежать:PST.3SG
 'Пока Вася сгибал железную проволоку, кошка убе-
 жала'.

- b. *vas'ε mεn'c' kšn'i-n' [provələka-t'*
 В. сгибать:PST.3SG железо-GEN проволока-DEF.GEN
esə] kaftə čast-t
 в.IN 2 час-PL
 Ожид. зн.: 'Вася сгибал железную проволоку два часа'.

Для большого класса глаголов определенный объект в сочетании с неопределяющей интерпретацией возможен при имперфективном ракурсе в настоящем и в прошедшем времени. Так ведут себя (в идиолектах большинства носителей) глаголы каузации перемещения *vet'əms* 'вести' и *uskəms* 'везти, тянуть, тащить', а также большое количество глаголов контакта с поверхностью, прототипически не предполагающих большого изменения в Пациенте — *sud'ər'ams* 'гладить', *angər'ams* 'царапать', *t'ejəms* 'подметать'.

- (21) a. *van-k, l'ida*
 смотреть-IMP.SG.S.3SG.O Л.
tej-si mastər-t'
 подметать-NPST.3SG.S.3SG.O пол-DEF.GEN
 'Смотри, Лида подметает пол'.
- b. *məz'ardə mon sa-n', l'ida*
 когда я прийти-PST.1SG Л.
t'ej-əz'ə mastər-t'
 подметать-PST.3SG.S.3SG.O пол-DEF.GEN
 'Когда я пришел, Лида подметала пол'.
- c. **l'ida t'ej-əz'ə mastər-t'*
 Л. подметать-PST.3SG.S.3SG.O пол-DEF.GEN
peł'ə čast
 половина час
 Ожид. зн.: 'Лида подметала пол полчаса'.

Наконец, все стативные переходные глаголы — главным образом, восприятия, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (*sodams* 'знать', *šar'kad'əms* 'понимать', *kel'gəms* 'любить', *n'ejəms* 'видеть' etc.), а также, например, глаголы *učəms* 'ждать' и *vešəms* 'искать' допускают определенный объект и субъектно-объектное спряжение вообще всегда — даже в прошедшем времени с перфективным видовым ракурсом (хотя для

некоторых глаголов этого класса она может быть затруднена), см. пример (9).

Внимательное исследование мокшанского глагольного лексикона на предмет того, какие предикаты и при каких условиях допускают неопределенную интерпретацию в субъектно-объектном спряжении, еще впереди. Данных, находящихся сейчас в нашем распоряжении, недостаточно, чтобы построить модель, которая предсказывала бы для каждого конкретного мокшанского глагола точный сценарий взаимодействия его акциональных характеристик и типа спряжения⁵. Мы хотели бы, однако, выдвинуть предварительную гипотезу о причинах такого вариативного синтаксического поведения в глагольном лексиконе. В этом нам поможет Грамматика конструкций.

Предположим, что для выражения определенного объекта мокшанский язык располагает всего тремя конструкциями — TrC₁ (что означает transitive construction 1), TrC₂ (transitive construction 2), и esəC (как нетрудно догадаться, esə construction).

С синтаксической точки зрения TrC₁ представляет собой субъектно-объектное спряжение и показатель определенного Генитива на объекте. Она не накладывает ограничений на акциональные интерпретации клаузы — та может быть и предельной, и неопределенной. Единственное дополнительное семантическое ограничение, которое задает TrC₁, такое: участник, выражаемый прямым дополнением, **мало затронут**.

TrC₂ омонимична TrC₁ — материально она тоже представляет собой субъектно-объектное спряжение и определенный Генитив прямого дополнения. У TrC₂ есть два семантических ограничения. Во-первых, O-участник **высоко затронут** в ходе ситуации. Во-вторых, ситуация является **предельной**.

---

⁵ До этого места мы не делали различия между субъектно-объектным спряжением и определенным прямым дополнением как факторами, фиксирующими у глагола предельную интерпретацию: действительно, в мокшанском одно чаще всего обозначает другое и наоборот [Толдова, наст. сб.]. Есть, однако, свидетельства в пользу того, что для акциональной характеристики глагола важен именно тип спряжения. Существуют маргинальные конструкции, при которых определенное прямое дополнение в фокусе избегает согласования с глаголом, который остается в таком случае в субъектном спряжении: в таком случае «принудительной телисизации» не возникает.

esəC предполагает субъектное спряжение на глаголе и О-участника, выраженного с помощью *esəP*. Семантическое ограничение *esəC* одно: ситуация, оформленная ею, **непредельна**.

	TrC ₁	TrC ₂	<i>esəC</i>
	V-əz 'ə NP-t'	V-əz 'ə NP-t'	V-s' [NP-t' esə]
О-участник:	[- affected]	[+ affected]	—
предельность:	—	[+ telic]	[-telic]

Таким образом, клауза с глаголом в субъектно-объектном спряжении и определенным объектом может состоять в отношении «наследования» и с TrC₁, и с TrC₂ — а также, конечно, с обеими конструкциями сразу. Для того, чтобы клауза была грамматичной, она может, во-первых, выполнять все требования одной из конструкций TrC₁ и TrC₂, а во-вторых, выполнять понемногу требований каждой.

Если в клаузе (например, в *clause1* на рисунке выше) очень низко затронутый О-участник (то есть ее возглавляет, например, стативный глагол), то субъектно-объектное спряжение в ней возможно потому, что она выполняет требования TrC₁. Если в клаузе (*clause2* на том же рисунке) очень высоко затронутый О-участник (ее возглавляет глагол созидания или разрушения) и она предельна, то субъектно-объектное спряжение в ней возможно точно таким же образом — она выполняет требования TrC₂.

Что происходит, если глагол, возглавляющий клаузу, не принадлежит прототипическим классам, характеризующимся исключительно высокой или исключительно низкой затронутостью О-участника — иными словами, если тот затронут не высоко и не низко, а в средней степени?

Средняя степень затронутости объекта, например, такая, какую предполагают глаголы вроде ‘чесать’ или ‘мести’ — не совсем плохо для TrC₁, однако достаточно плохо, чтобы в одиночку она не могла лицензировать клаузу, возглавляемую таким глаго-

лом. Такие клаузы должны «добрать очков» от TrC_2 , действуя при этом одним из двух способов. Во-первых, можно быть предельной; в таком случае клауза, несмотря на несколько сниженную затронутость О-участника, лицензируется TrC_2 . Во-вторых, если клауза непредельна, можно попытаться все же получить несколько очков от TrC_2 с помощью коэрсии.

Клаузы, находящиеся в отношении наследования с TrC_2 , имеют, конечно, кроме акционального значения, которое TrC_2 задает, аспектуальное и временное значение. Можно ли наследовать от TrC_2 и при этом не быть предельным? По-видимому, да, нужно иметь «повод» снять ограничение предельности — какой-то семантический оператор, который вступит в противоречие с этим требованием.

Мы видели выше, что этими операторами выше являлись настоящее время и имперфективный видовой ракурс. С семантической точки зрения оба этих семантических компонента не сочетаются с предельными акциональными значениями (действительно, с точки зрения С. Г. Татевосова [2002] клаузы типа *I am reaching the summit* будут иметь непредельное акциональное значение ⟨P⟩ — процесса). Вместе эти два оператора действуют сильнее, чем один, но даже их обоих недостаточно для того, чтобы лицензировать непредельную клаузу с субъектно-объектным спряжением — у такой клаузы еще должна быть некоторая поддержка со стороны TrC_1 , то есть должно хотя бы немного выполняться требование ослабленной затронутости О-участника. Еще раз отметим, что для глаголов с сильно затронутым О-участником непредельная интерпретация при субъектно-объектном спряжении недоступна ни при каких аспектуальных и видовых значениях; чем слабее затронут объект, тем сильнее действуют настоящее время и имперфективный видовой ракурс.

Суммируем набросок нашего анализа. Для того, чтобы клауза с субъектно-объектным спряжением была приемлема, она должна выполнять хотя бы одно из двух требований: ослабленной затронутости объекта ИЛИ предельности. При этом клауза может соблюдать оба эти правила, но не в полной степени. Объект может быть затронут не низко, а в средней степени — тогда клауза будет восприниматься «плохой» TrC_1 ; в клаузе может быть имперфективный видовой ракурс или референция к плану насто-

ящего — и таким образом она будет восприниматься «плохой» TrC₂, акциональные ограничения которой исчезли в результате механизма коэрсии. Быть одновременно «плохой» TrC₁ и «плохой» TrC₂ достаточно, чтобы быть грамматически приемлемой.

2.3. Синтаксические свойства «объектной» esəP

На протяжении всего предыдущего изложения мы избегали говорить о том, что esəP — это еще один, третий, способ кодирования прямого дополнения. Это не случайно: мы сомневаемся в том, что на самом деле эти составляющие являются настоящими прямыми дополнениями.

Еще древнеиндийские грамматисты отмечали, что синтаксические отношения и падежное маркирование аргументов не находятся в одно-однозначном соответствии. В санскрите аккузатив может маркировать как типичные для индоевропейских языков «объектные» семантические роли (то есть Пациенсы и, например, Стимулы у глаголов типа ‘видеть’), так и, например, Цель при глаголах движения. «Пациентивные» и «целевые» аккузативы, однако, обладают разными синтаксическими свойствами: первые могут подниматься в позицию подлежащего в пассивных конструкциях, а вторые — нет [Захарьин 2000].

Для мокшанского — как и для любого языка с дифференцированным маркированием актантов — по-видимому, стоит обратная проблема. Набор семантических ролей, которые могут иметь референты, кодируемые «объектными» генитивом, номинативом и esəP, идентичен; разное в этом случае как раз поверхностное маркирование. Как тогда показать, что аргументы, имеющие разное морфологическое оформление, выполняют в предикации в каком-то смысле одинаковую синтаксическую роль?

В этом случае естественно искать общие паттерны синтаксического поведения (англ. *behavioural properties*) — свойства, которые выделяют, например, прямое дополнение из числа всех остальных синтаксических отношений. (ср. известное исчисление свойств структурного приоритета русского подлежащего у Я. Г. Тестельца [Тестелец 2001: 317–357]). Для нас окажутся релевантными два класса синтаксических свойств: способность контролировать нулевое местоимение (PRO) в разных конструкциях и ограничения на участие в актантных преобразованиях.

С точки зрения *behavioural properties* конструкции с *esəP* ведут себя неоднозначно.

Рассмотрим, например, свойство контролировать нулевые подлежащие разнообразных конвербиальных клауз. В мокшанском языке нет конвербов, ориентированных исключительно на подлежащие; самые строгие ограничения на контролера накладывается, по-видимому, «позиционный» конверб на *-də* (образующийся исключительно от глаголов позиции *ozams* ‘сесть’, *st’ams* ‘встать’, *komams* ‘наклониться’ и означающий, соответственно ‘сидя’, ‘стоя’, ‘наклонившись’; [Муравьев, в печати]). Оба эти конверба свободно контролируются подлежащими, а также генитивными и номинативными объектами; *esəP*, однако, контролировать их не может. В примере (22a) при генитивном объекте предложение неоднозначно: референция нулевого подлежащего конвербиальной клаузы может контролироваться как подлежащим, так и прямым дополнением главной клаузы; в примере (22b), где генитивный объект меняется на *esəP*, это невозможно:

- (22) a. *d’ed’ε-z’ə_i mon’_j s’uc’əman’*
 мама-POSS.1SG я.OBL ругать-PST.3SG.S.1SG.O
[morkš-t’ vaks-sə Ø_{ij} oza-də]
 стол-DEF.GEN у-IN сидеть-CONV.POS
 1. ‘Мама ругала меня, сидя за столом’.
 2. ‘Мама ругала меня, сидящего за столом’
- b. *d’ed’ε-z’ə_i [mon’_j esə-n] s’uc’ə-s’*
 мама-1SG я.OBL в.IN-POSS.1SG ругать-PST.3SG
[morkš-t’ vaks-sə Ø_{ij*} oza-də]
 стол-DEF.GEN у-IN сидеть-CONV.POS
 1. ‘Мама ругала меня, сидя за столом’.
 2. *‘Мама ругала меня, сидящего за столом’

С семантической точки зрения адвербиальные образования типа ‘сидя’ — это так называемые **сопровожающие обстоятельства** (*attendant circumstances*; [Konig 1995]). В мокшанском есть продуктивный способ образования сопровождающих обстоятельств — деепричастие на *-əz’*, которое образуется ото всех глаголов при условии того, что они имеют неопределенную интерпретацию. Семантически конвербы на *-əz’* очень похожи на конверб на *-də*:

(23) *son rabota-s' st'a-də*
он работать-PST.3SG стоять-CONV.POS
'Он работал стоя'.

(24) *son rabota-s' mora-z'*
он работать-PST.3SG петь-CONV.ATD
'Он работал, напевая'.

Конвербы на *-əz'*, как и конвербы на *-də*, могут контролироваться подлежащими (24) и прямыми дополнениями — как генитивными (25), так и номинативными. Всеми остальными дополнениями — например, с ролью Инструмента или Адресата — они контролироваться не могут.

(25) *son sud'ər'a-si katə-t'*
он гладить-NPST.3SG.S.3SG.O кошка-DEF.GEN
mərna-z'
мурлыкать-CONV.ATD
'Он гладит кошку, а та мурлычет'.

(26) *t'ejə-nzə maks-əz' medal'-t'*
DAT-3SG дать-PST.3PL.S.3SG.O медаль-DEF.GEN
avar'd'-əz'
плакать-CONV.ATD
1. 'Ему дали медаль и плакали при этом'
2. # 'Ему дали медаль, а он плакал'.

(27) **son rabota-s' t'ε uz'ər-t' mərta*
он работать-PST.3SG этот топор-DEF.GEN с
šer'kə-z'
двигаться-CONV.ATD
Ожид.зн.: 'Он работал этим топором, а топор болтался'.

В отличие от предыдущего случая, *esəP* может контролировать такие деепричастия:

(28) *son esə-nzə sud'ər'ε-j mərna-z'*
он в.IN-POSS.3SG гладить-NPST.3SG мурлыкать-CONV.ATD
'Он ее гладит, а она мурлычет'.

Заметим в скобках, что контроль деепричастного оборота с *-əz'* реагирует именно на синтаксические отношения, а не на семантические роли; в случае с прямыми дополнениями или *esəP*

это может быть любой О-участник — не только Пациенс, но и, например, Стимул:

- (29) *mon esə-nzə kel'g-an raka-z'*
 я в.IN-POSS.3SG любить-NPST.1SG смеяться-CONV.ATD
 'Я люблю, когда он смеется. {Букв. «я его люблю сме-
 ющимся»}'

Итак, *esəP* может контролировать конвербы на *-əz'* и не может — конвербы на *-də*. По-видимому, в этом и состоит общая модель поведения *esəP* относительно всех тестов на прямое дополнение, которые имеет смысл проводить на мокшанском материале: она проходит примерно половину них.

Третий класс обстоятельственных выражений, который мы рассмотрим — это так называемые партиципрантно-ориентированные локативы. Как известно, в финно-угорских языках локативные выражения в предложениях типа *Я видел волка в лесу* оформляются не инессивными (как это обычно бывает в большинстве языков средневропейского стандарта), а аблативными маркерами (в мокшанском — Элативом и послелогоми, кодирующими обычно Источник движения). С синтаксической точки зрения они, по-видимому, представляют собой что-то вроде вторичных предикаций [Kozlov 2015], а значит, можно говорить об анафорических отношениях между подлежащим такой вторичной предикации и одним из элементов главной клаузы. Предложение (30) (вне зависимости от линейной позиции обстоятельства) имеет два прочтения:

- (30) *mon n'ε-jən' vir-stə vərgaz*
 я видеть-PST.1SG лес-EL волк
 1. 'Я видел в лесу волка {волк был в лесу, а я — то ли тоже в лесу, то ли снаружи}'.
 2. 'Из лесу я видел волка {я был в лесу, а волк снаружи}'.

В отличие от обычных прямых объектов, *esəP* не могут контролировать такие партиципрантно-ориентированные локативы. Так как в предложении (31) содержится деепричастный оборот *samal'ocə l'ijəmstə* 'летя на самолете', локатив *pandə prastə* 'на горке' нельзя проинтерпретировать как относящийся к подлежащему-Экспериенцеру. В предложении (31a) его контролирует прямое дополнение-Стимул. Без локативного оборота это предложение (как и любое неопредельное мокшанское предложение) поддается

замене прямого дополнения на *esəP* (31b); но локативный оборот в него вставить уже не удастся (31c) — оттого, что его некому будет контролировать: *esəP* делать это не в состоянии.

- (31) a. *samal'ocə l'ij-əm-stə mon kuvat'*
 самолет:IN лететь-INF-EL я долго
n'ej-in'ə son' pil'gəki-nzə-n
 видеть-PST.1SG.S.3PL.O он.OBL след-PL.POSS.3SG-GEN
pandə pr'a-stə
 горка голова-EL
 'Летя на самолете, я долго видел на горке его следы'.
- b. *samal'ocə l'ij-əm-stə mon kuvat' n'ej-ən'*
 самолет:IN лететь-INF-EL я долго видеть-PST.1SG
pilgəki-nzə-n esə
 след-PL.POSS.3SG-GEN в.IN
 'Летя на самолете, я долго видел его следы'.
- c. **samal'ocə l'ij-əm-stə mon kuvat' n'ej-ən'*
 самолет:IN лететь-INF-EL я долго видеть-PST.1SG
pilgəki-nzə-n esə pandə pr'a-stə
 след-PL.POSS.3SG-GEN в.IN горка голова-EL
 Ожид. зн.: 'Летя на самолете, я долго видел на горке его следы'.

Теперь рассмотрим две конструкции с сентенциальными актантами. Во-первых, речь пойдет об обычном объектном контроле при глаголах типа *košərdəms* 'заставлять, велеть, просить' или *kučəms* 'посылать'. Контролировать подлежащее инфинитивного оборота при таких глаголах могут и обычные прямые объекты, и *esəP*:

- (32) a. *d'ed'e-j, son mon' košərcaman'*
 мама-VOC он я.OBL заставлять.NPST.3SG.S.1SG.O
rəma-ms vīna
 купить-INF вино
 'Мама, он посылает меня купить водки!'
- b. *d'ed'e-j, son esə-n košərd-i*
 мама-VOC он в.IN-POSS.1SG заставлять-NPST.3SG
rəma-ms vīna
 купить вино
 'Idem'

- (33) a. *son vas'ε-n' kuč-si rama-ms kši*
 он B.-GEN послать-NPST.3SG.S.3SG.O купить-INF хлеб
 'Он послал Васю купить хлеба'
- b. *son [vas'ε-n' esə] kuč-i rama-ms kši*
 он B.-GEN в.IN послать-PST.3SG. купить-INF хлеб
 'Idem'.

Наоборот обстоят дела в конструкциях *subject-to-object raising* — аналогах английского *I see him playing*. В мокшанском зависимые клаузы в таких конструкциях выражаются специальной формой — аблативом инфинитива. *EsəP* в таких конструкциях невозможна:

- (34) a. *mon son' n'ej-sa kol'an'd'ə-m-də*
 я он.OBL видеть-NPST.1SG.S.3SG.O играть-INF-ABL
 'Я вижу, как он играет'.
- b. **mon esə-nzə n'ej-an kol'an'd'ə-m-də*
 я в.IN-3SG видеть-NPST.1SG играть-INF-ABL
 Ожидаемое значение: 'Я вижу, как он играет'

На основании этих данных можно заключить, что хотя *esəP* по ряду признаков довольно сильно похожа на генитивный и номинативный прямые объекты, она все же обладает несколько меньшим структурным приоритетом, чем генитивный и номинативный объекты. Можно считать, что существует грамматическая макро-роль объекта, объединяющая генитивный и номинативный O-аргументы, но не *esəP*. Если это верно, то клаузы с *esəP* представляют собой результат антипассивизации — бывший объект сдвигается в другую, более низкую синтаксическую позицию.

Это подтверждается другим классом тестов, связанным с актантными и залоговыми преобразованиями. Актантные деривации и залоговые почти всегда бывают ориентированы на какие-то конкретные грамматические отношения, и по отношению к большинству из них *esəP* ведет себя как косвенное дополнение. Например, в пассивной конструкции в мокшанском языке [Степин, в печати] бывшие генитивный и номинативный объекты обязаны стать подлежащими — так называемый «ленивый пассив» с ними невозможен, они не могут сохранить объектное маркирование. Номинативное маркирование в этом случае также яв-

ляется субъектным, а не объектным: номинативный аргумент в этом случае обязан вызывать согласование на глаголе (так как в предложении (35) ниже он стоит во множественном числе, на глаголе обязательно появляются показатели субъектного спряжения множественного числа).

(35) а. **is'ak kuvat' s'olg-ənd-əv-s'*

вчера долго закрывать-FREQ-PASS-PST.3SG

banka-tn'ə-n' (*banka-t*)

банка-DEF.PL-GEN банка-PL

Ожид. зн.: 'Вчера я долго закрывала банки'.

б. ^{OK}*is'ak kuvat' s'olg-ənd-əv-s'-t'*

вчера долго закрывать-FREQ-PASS-PST.3-PL

banka-tn'ə (*banka-t*)

банка-DEF.PL банка-PL

'Вчера я долго закрывала банки {букв. банки долго закрывались}'.

Пассивный показатель сочетается и с непереходными глаголами; в этих случаях бывшее подлежащее исчезает, а нового не появляется — получается субъектный имперсонал с дефолтным согласованием. Косвенные дополнения при этом остаются на своих местах:

(36) *is'ak kuvat' ivad'-əv-s'*

вчера долго кричать-PASS-3SG

'Вчера я долго кричала'

(37) *is'ak kuvat' mora-v-s'* *gitara-sə*

вчера долго играть-PASS-3SG гитара-IN

'Вчера я/мы долго играла(-и) на гитаре'. (букв. «Вчера долго игралось на гитаре»)

Точно так же ведет себя *esəP* — она может сохранить свой синтаксический статус, не поднимаясь в позицию подлежащего:

(38) *is'ak kuvat' s'olg-ənd-əv-s'*

вчера долго закрывать-FREQ-PASS-PST.3SG

[*banka-tn'ə-n'* *esə*]

банка-DEF.PL-GEN в.IN

'Вчера я/мы долго закрывала(-и) банки'. (букв. «Вчера долго закрывалось банки»)

Заметим, однако, что этот тест не вполне информативен: он не может сказать, взаимодействует ли *esəP* с пассивным показателем единственным образом (никогда не повышается) или может как повышаться, так и не делать этого — ведь пассивные конструкции с определенными подлежащими типа (35b) могут соответствовать как исходным диатезам с прямыми дополнениями в определенном Генитиве, так и конструкциям с *esəP*. (Эта оговорка вовсе не относится к области бессмысленной схоластики. И. А. Стенин [ор. cit] показывает, что некоторым другим конструкциям, в которых может употребляться пассивный показатель, соответствуют исходные диатезы с определенным генитивом: они демонстрируют в точности те же самые акциональные ограничения и т. д.)

Наконец, наш последний аргумент связан с каузативной конструкцией. В мокшанском языке есть синтетический каузатив [Nikiforova 2015]; его прямым дополнением становится S-аргумент непереходного глагола или O-аргумент переходного; A-аргумент переходного глагола оформляется послеложной группой с послелогом *кецтə* ‘рука.EL’:

(39) *mon udə-ft-in'ə* *vas'ε-n'*
я спать-CAUS-PST.1SG.S.3SG.O B.-GEN
‘Я уложил Васю спать’

(40) *mon luv-ft-in'ə* *kniga-t'*
я читать-CAUS-PST.1SG.S.3SG.O книга-DEF.GEN
[*vas'ε-n' кецтə*]
B.-GEN рука.EL
‘Я заставил Васю прочитать книгу’

Конструкции с объектной *esəP* могут сочетаться в каузативной конструкции как с «обычным» прямым дополнением, так и с *кецтəP*:

(41) *mon luv-ft-ən'* [*kniga-t' esə*]
я читать-CAUS-PST.1SG книга-DEF.GEN B.IN
[*vas'ε-n' кецтə*]
B.-GEN рука.EL
‘Я заставлял Васю читать книгу’.

- (42) *mon luv-ft-in'ə* *vas'ε-n'*
 я читать-CAUS-PST.1SG.S.3SG.O B.-GEN
 [*kniga-t' esə*]
 книга-DEF.GEN в.IN
 'Idem'

Этот факт, по-видимому, следует интерпретировать так: каузативизация и «превращение» объекта в *esəP* могут происходить в разном порядке. Конструкции типа (41) происходят из конструкций типа (40): сначала переходный глагол претерпевает каузативизацию — и исходный его объект становится объектом каузативной конструкции, а потом этот объект в регулярном порядке превращается в *esəP*. В предложениях типа (42) процессы происходят в обратном порядке: сначала глагол из переходного становится непереходным (так как его прямое дополнение «опускается» в приоритете до уровня *esəP*), а потом уже эта непереходная конструкция каузативизируется, и ее объектом становится исходное подлежащее. Вывод из этого можно сделать только один — при каузативизации конструкция с *esəP* по крайней мере иногда ведет себя как непереходная.

Итак, любой непредельной переходной клаузе с определенным объектом в мокшанском соответствует клауза со «сдвинутым» в позицию *esəP* О-участником. Подчеркнем, что это зависит не от его семантической роли, а скорее от «исходной» синтаксической позиции: любой аргумент, который может быть «настоящим» прямым дополнением, может превратиться в *esəP*. Поэтому нам кажется, что клаузы с *esəP* следует рассматривать как результат актантного преобразования, делающего из прямого дополнения косвенное — своего рода антипассива. Типологически естественной кажется связь антипассива с непредельностью; при этом немаркированные на глаголе антипассивы зафиксированы, например, в даргинских языках [Сумбатова, Ландер 2014: 286—296].

Катаржина Янич [Janic 2013: 273] утверждает, что в аккумулятивных языках, в отличие от эргативных, бессмысленно постулировать антипассив, немаркированный на глаголе. Действительно, в аккумулятивных языках простое опущение О-участника кажется менее драматическим изменением структуры клаузы, чем в эрга-

тивном языке, где это должно вызывать, кроме всего прочего, изменение падежного кодирования А-участника. Но что, если речь идет не об опущении О-участника, а о сдвиге его в неканоническую синтаксическую позицию? Некоторые мокшанские глаголы, относящиеся к классу «глаголов результата» согласно известной классификации Б. Левин и М. Раппапорт-Ховав [Levin, Rapoport Novav 1998], не позволяют не выразить О-участника вовсе, допуская при этом его выражение с помощью *esəP*; у таких глаголов аргумент, закодированный *esəP*, является в известном смысле обязательным и не может быть опущен вовсе:

- (43) *vas'ε s'in'd'-i*   *(*mandə-n'ε'-t'*   *esə*)
 В.   ломать-NPST.3SG   палка-DIM-DEF.GEN   в.IN
 'Вася ломает палку'.

Поэтому по крайней мере если принимать самое общее типологическое определение антипассива — связанное с понижением О-участника в синтаксическом статусе [Coograman 1994; Сай 2008], — то конструкции с *esəP* приходится признать пусть неканоническим, пусть маргинальным, но случаем антипассива.

С другой стороны, *esəP* имеет некоторые признаки «настоящего» прямого дополнения — если не учитывать свидетельства тестов, которые предоставляют нам актантные преобразования, она по крайней мере может (в отличие от косвенных дополнений) контролировать нулевое подлежащее конвербов на *-əz'* и инфинитива в конструкциях объектного контроля. Скорее всего, следует полагать, что на самом деле *esəP* лежит где-то между «хорошими» косвенными и «хорошими» прямыми дополнениями, не обладая прототипическими признаками ни первых, ни вторых. Более того, можно выдвинуть гипотезу, что клаузы с *esəP* находятся на полпути от антипассивной конструкции к обычной переходной; это направление синтаксической эволюции, которое С. С. Сай [ор. cit: 151] называет «генерализацией антипассива», раньше обсуждалось для эргативных языков — например, по-видимому, именно так в картвельских языках возникла расщепленная эргативность — современная аккумулятивная диатеза настоящего времени восходит к пракартвельской антипассивной конструкции [Harris 1990].

3. Исторический экскурс

Сама по себе грамматикализация локативного предлога или послелога в показатель О-участника, претерпевшего антипассивизацию — вещь сравнительно тривиальная. Самой очевидной типологической параллелью, наверное, являются оформляющие неопределенные ситуации конструкции в германских языках:

- (44) английский
He is drinking at the beer.
'Он пьет пиво'.
(45) немецкий
Er baute an dem Haus.
'Он строит дом'.

В некоторых берберских языках, а также в алжирском арабском, при ателисизации прямое дополнение оформляется с помощью предложной группы с инессивным предлогом (в арабском это *fī* 'в') [Lazard 1989]:

- (46) магрибский арабский
rā-ni nākul fī čina
here.is-me eat.1SG in orange
вот-я есть.1SG в апельсин
'I am eating an orange' ('Я ем апельсин').

По-настоящему заслуживает внимания другой факт. Маркирование неопределенности клаузы с помощью неканонического — правда, уже не инессивного — падежа объекта широко известно и в границах финно-угорской семьи. Мы имеем в виду «партитив прямого объекта» **-ta-*, известный прежде всего в прибалтийско-финских языках:

- (47) финский [Kiparsky 1998]
luin kirja-a
read.PST.1SG book-PART
читать.PST.1SG книга-PART
'I was reading the book'. ('Я читал книгу').

Как известно, использование прибалтийско-финского партитива в функции маркера О-участника зависит от большого ко-

личества факторов — например, его квантификации (участник должен быть затронут ситуацией не полностью) или клаузуально-го отрицания (отрицательные предложения, как правило, более или менее жестко требуют партитива на ИГ). Среди этих факторов обычно отмечается и акциональная характеристика клаузы: если та выражает неопределенную ситуацию, то прямой объект почти всегда бывает выражен партитивом. Весь этот комплекс семантических свойств обычно признается циркумбалтийским ареальным феноменом (см. [Аркадьев 2016], [Seržant 2014] и библиографию там). В связи с этим интересно следующее: как исторически соотносятся прибалтийско-финские партитивные объекты и мокшанские *esəP*?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть употребление когнатов партитива в мордовских и возможных родственников послелого *esə* в прибалтийско-финских языках.

3.1. Когнаты

Когнатов послелого *esə* в прибалтийско-финских языках, как кажется, не существует. Мордовский показатель локативного падежа **-sə-* (мокшанский *-sə-*, эрзянский *-so-/ -se-*) очевидным образом соответствует прибалтийско-финским генитивам на *-ssa-*. Прафинно-мордовский показатель **-ssV-* возник в результате прибавления прауральского локатива на **-nV-* к показателю внутренне-местной локализации **-s-* и последующей ассимиляции: **-s-na-* > *-ssa-* [Серебрянников 1967: 20—22]. Но когнатов послеложной основы на **ez-* в прибалтийско-финских, по видимому, нет.

Правда, в эрзянском языке зафиксированы диалектные формы с О-участниками, маркированными не *esəP*, а просто инессивом неопределенного склонения:

- (48) эрзянский [Коляденков, Заводова 1954]
večk-an   *van 'a-so*
 любить-NPST.1SG B.-in
 ‘Я люблю Ваню’

Как бы то ни было, инессивных объектов в прибалтийско-финских языках нет; можно считать, что это мордовская инновация.

Зато в мордовских языках есть когнаты прибалтийско-финского партитива: в традиционной мордвинистике этот падеж

называется Аблативом, и его базовый алломорф выглядит как *-də-* (с фонологически обусловленными вариантами *-d'ə-*, *-tə-* и *-t'ə-*). Он, как и его прибалтийско-финский родственник, уже давно потерял свою исходную функцию маркирования источника движения; в этой функции используется Элатив на *-stə-*, по происхождению являющийся компаундом Аблатива и того же самого показателя внутренне-местной локализации *-s-*. В мокшанском языке у имен Аблатив регулярно используется в следующих многочисленных функциях:

- маркирование стандарта сравнения;
- маркирование исчисляемого в количественных конструкциях и в конструкциях со словом *lamə* ‘много’;
- маркирование части в конструкциях «экстрапозиции посессора», (схватить кого-то *за что-то*; см. подробное обсуждение этой функции в [Холодилова 2013] для калмыцкого языка);
- маркирование участника-Стимула при *verba timendi* и аргумента послелога *baška* ‘кроме’;

Наконец, Аблатив в мокшанском языке маркирует О-участника лексически закрытого класса **ингестивных** глаголов — глаголов принятия пищи и питья. При этом аблативное маркирование доступно для них только в одном случае — при неопределенной интерпретации клаузы. Два центральных глагола этого класса, *sivəms* ‘есть’ и *s'iməms* ‘пить’, при неопределенной интерпретации вообще не допускают ни генитивного, ни номинативного объекта; при этом при предельной интерпретации регулярным образом выступают, в зависимости от определенности объекта, генитив или номинатив:

- (49) *son s'im-s'   vet'-tə*
 он   пить-РСТ.3СГ   вода-АВЛ
 ‘Он пил воду’.
- (50) *son s'im-s'   ved'*
 он   пить-РСТ.3СГ   вода
 ‘Он выпил воду’.
- (51) *son sim-əz'ə   ved'-t'*
 он   пить-РСТ.3СГ.С.3СГ.О   вода-ДЕФ.ГЕН
 ‘Он выпил воду’

Для некоторых других глаголов — *por'əms* 'грызть', *šokšəms* 'сосать', *nozəms* 'сосать; курить' и т. д. наряду с Аблативом в неопределенных контекстах возможны регулярные способы маркирования О-участника: номинатив и *esəP*:

- (52) *son por'-s' mandə-də / mandə / [mandət' esə]*
 он грызть-pst.3sg палка-abl палка палка-def.gen в.in
 'Он грыз палку'.

Мы не располагаем полевыми данными относительно литературного варианта второго мордовского языка — эрзянского. По крайней мере насколько можно судить по существующим грамматическим описаниям, в литературном эрзянском, как и в основной массе центральных эрзянских диалектов, ситуация с аблативными объектами такая же, как в мокшанском. Критически важные данные на этот раз предоставляет нам **шокшинский диалект** эрзянского языка.

Сейчас оба мордовских народа в основном расселены более-менее компактно на территории современной республики Мордовия — мокшане на западе, эрзяне на востоке. Однако ранее относительное положение ареалов их распространения было, по видимому, другим. Одним из свидетельств этого является эрзянский анклав на северо-западе мордовского ареала, в Теньгушевском и Торбеевском районе Мордовии; по самому крупному селу Шокша этот диалект называется шокшинским. Этот диалект довольно сильно отличается от стандартного эрзянского: во-первых, он подвергся сильному влиянию мокшанского, а во-вторых, сохранил некоторые архаические черты, уже утраченные остальными эрзянскими диалектами.

Данные по шокшинскому диалекту эрзянского языка мы берем главным образом из статей Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой [Сердобольская, Толдова 2012], М. Н. Строевой [Строева 2006], а также из технических отчетов Уральской экспедиции ОТиПЛ МГУ 2006–2007 г. Морфология определенного склонения в шокшинском сильно отличается и от стандартного эрзянского, и от стандартного мокшанского. Как в эрзянском, определенное склонение не ограничивается «структурными» падежами: определенные варианты есть у всех локативных падежей. Падежная парадигма, однако, отличается от стандартной эрзян-

ской: в эрзянском показатель определенности следует в единственном числе после падежного, а во множественном — до; в шокшинском определенность всегда идет до падежа. Более того, сами показатели определенности на синхронном этапе выглядят по-разному: в шокшинском это *-t'e-* или *-t'en-*, а в эрзянском *-n't'* (хотя оба, безусловно, восходят к указательному местоимению **t'ä* 'этот'). Эти факты показывают, что морфологизация определенного артикля в мордовских языках произошла уже после распада прамордовского языка на эрзянский и мокшанский.

Наряду с другими падежами есть и показатель определенного Аблатива *-t'ende*⁶. Замечательный факт относительно него состоит в том, что он используется для маркирования О-участников в неопределенных клаузах при всех — а не только при ингестивных — глаголах.

Н. В. Сердобольская и С. Ю. Толдова показывают, что в сфере маркирования О-участников условия употребления определенного Аблатива в шокшинском, в сущности, такие же, как и условия употребления *esəP* в мокшанском: такое маркирование получает определенное прямое дополнение при «имперфективной», по их словам, интерпретации ситуации. Определенный Аблатив никогда не обязателен и всегда может быть заменен на определенный Генитив или немаркированную форму; как бы то ни было, при «перфективной» (на самом деле, очевидно, предельной) интерпретации высказывания он невозможен.

- (53) шокшинский эрзянский
katka-s' kutn'-e čijer^h-t'e-nde / čijer'h.
 кот-DEF.NOM ловить-PRS.3SG мышь-DEF-ABL мышь
 'Кошка ловит мышь'. [Строева 2006: 151]

Итак, мы, во-первых, видим Аблатив как маркер О-участника при узком классе ингестивных глаголов в мокшанском и в

⁶ Так же выглядит показатель определенного Датива. Мы бы хотели считать, однако, что это не следствие исторического процесса расширения дативных функций на аблативные или наоборот, а чистое фоновое совпадение. Показатель неопределенного Датива в шокшинском — *-te-*, Аблатива — *-da/-de-*. При присоединении падежного форманта к показателю *-t'en-* глухой /t/ по совершенно регулярному правилу озвончается.

эрзянском, а во-вторых, вообще при всех глаголах в архаическом шокшинском эрзянском. В-третьих, в той же самой функции когнатные показатели функционируют в прибалтийско-финских языках. По-видимому, эти факты позволяют реконструировать аблативное/партитивное маркирование О-участника в непредельных клаузах на прафинно-мордовском уровне.

Если помнить при этом, что обсуждаемый показатель соответствует прауральскому аблативу, то есть падежу со значением источника движения, то ясно, что маркирование непредельности — далеко не первый шаг на пути его семантического развития. Логичным промежуточным шагом должна быть квантификация объекта, или партитивность: *много/немного каши > съесть много/немного каши > съесть каши*. Последняя функция в мордовских языках не представлена. Все это позволяет предположить, что мордовский Аблатив объекта — это всего лишь окаменевшие остатки когда-то более продуктивной модели. Скорее всего, в прафинно-мордовском функции Аблатива прямого объекта были похожими на ту ситуацию, что мы видим в современных прибалтийско-финских языках, или хотя бы близкими к ней⁷.

Конечно, нельзя полагать, что на протяжении всей истории прибалтийско-финских языков употребление партитива оставалось неизменным. Как показывает исследование А. Лееса [Lees 2015], ранние письменные памятники позволяют проследить эволюцию партитивного маркирования по крайней мере для эстонского: если в XVI веке объекты множественного числа чаще всего выражаются номинативом, то к XVIII веку, по-видимому, партитивное маркирование становится доступным и для них. Могла, по-видимому, увеличиться и степень грамматикализации партитива: из факультативного (как в шокшинском) средства маркирования О-участника ему нужно было стать обязательным. Возможно, партитивные конструкции в этих языках повторили тот

⁷ Здесь необходимо сделать важную оговорку. Реконструкция чего бы то ни было на прафинно-мордовском уровне неизбежно сталкивается с вопросом: являются ли сходные языковые черты общим наследством или общими инновациями? Финноговорящая часть Восточно-европейской равнины до заселения последней славянами могла представлять собой языковой континуум, по которому языковые изменения могли распространяться достаточно быстро.

же путь, который претерпевает сейчас мокшанская конструкция с *esəP*: из антипассивной в «генерализованную» переходную.

Какие диахронические импликации следуют из этого для мордовских языков? В них аблативное маркирование прямого объекта исчезает, сохраняясь только при узком классе ингестивных глаголов; по-видимому, это согласуется с общей тенденцией вытеснения аблатива другими падежами. Параллельно с этим появляется новый способ маркировать О-участника в неопределенных клаузах — *esəP*. Таким образом, перед нами цикл грамматикализации: один способ маркирования О-участника в неопределенных клаузах исчезает, и на его месте тотчас же появляется другой.

Про циклическую грамматикализацию впервые стали говорить в связи с отрицанием — по крайней мере со времени важной работы Отто Есперсена [Jespersen 1917]. Обсуждаются циклы экзистенциальной конструкции, личных местоимений (которые развиваются в согласовательные показатели), указательных местоимений (превращающихся в артикли); обзор современного состояния исследований по циклической грамматикализации можно найти в [van Gelderen 2016]. Обратим внимание, что пресуппозицией постулирования цикла являются считающиеся «скучными» неимпlicative универсалии вида *Во всех языках есть способ выражения отрицания* или *Во всех / в большинстве языков есть указательные местоимения* (как бы мы ни определяли последние). Почему, действительно, язык должен заново грамматикализовывать утраченный по естественным причинам элемент? Его должна толкать на это функциональная необходимость: чаще всего в циклах участвуют такие языковые единицы, без которых языков вообще не бывает. Кроме этого, циклически может грамматикализовываться, например, перфект [Маслов 1989]: феномен, не претендующий на универсальность, но типологически частотный.

Но почему язык вновь и вновь создает из разных источников специализированный способ маркирования О-участника в неопределенных клаузах?

Вообще говоря, DOM, реагирующий на акциональные характеристики предиката, — явление довольно редкое. В Евразии западные финно-угорские языки, по-видимому, являются вообще уникальными в этом смысле (прототипические примеры языков с DOM, обусловленным предельностью клаузы, происходят из

Океании). Для языка обсуждаемого ареала вероятность после утери такого противопоставления заново его грамматикализовать ничтожно мала. Тем не менее, это происходит.

Циклическая грамматикализация акционального ДОМ в мордовских языках еще ждет своего объяснения.

Литература

- Кашкин, в печати — Е. В. Кашкин. Категория определённости // Элементы грамматики мокшанского языка, в печати [E. V. Kashkin. Kategoriiia opredelennosti [The category of definiteness] // Elementy grammatiki mokshanskogo iazyka, forthcoming]
- Козлов, в печати — Л. С. Козлов. Локативные падежи // Элементы грамматики мокшанского языка, в печати. [L. S. Kozlov. Lokativnye padezhi [Locative cases] // Elementy grammatiki mokshanskogo iazyka, forthcoming]
- Коляденков, Заводова 1954 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1954. [M. N. Koliadenkov, R. A. Zavodova (eds.). Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) iazykov. Chast' I. Fonetika i morfologiya [A grammar of Mordvinic (Moksha and Erzya) languages. Volume 1. Phonetics and morphology]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1954]
- Коляденков, Заводова 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962. [M. N. Koliadenkov, R. A. Zavodova (eds.). Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) iazykov. Chast' II. Sintaksis [A grammar of Mordvinic (Moksha and Erzya) languages. Volume II. Syntax]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962]
- Муравьёв, в печати — Н. А. Муравьёв. Обстоятельственные предложения // Элементы грамматики мокшанского языка, в печати. [N. A. Murav'ev. Obstoiatel'stvennyye predlozheniia [Adverbial clauses] // Elementy grammatiki mokshanskogo iazyka, forthcoming]
- Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недеялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Ленинград: Наука, 1983. С. 41–54. [YU. S. Maslov. Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyi vid [Resultative, perfect and verbal aspect] // V. P. Nedialkov (ed.). Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii (rezul'tativ, stiv, passiv, perfekt). Leningrad: Nauka, 1983. P. 41–54]

- Сай 2008 — С. С. Сай. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, ИЛИ РАН, 2008. [S. S. Sai. K tipologii antipassivnykh konstruksii: semantika, pragmatika, sintaksis [Towards the typology of antipassive constructions: semantics, pragmatics, syntax]. PhD Thesis. SPb, ILS RAS, 2008]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 59–142. [N. V. Serdobol'skaia, S. YU. Toldova. Differentsirovannoe markirovanie priamogo dopolneniia v finno-ugorskikh iazykakh [Differential object marking in Finno-Ugric languages] // A. I. Kuznetsova (ed.) Finno-ugorskie iazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: «IAzyki slavianskikh kul'tur», 2012. P. 59–142]
- Серебрянников 1967 — Б. А. Серебрянников. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. [B. A. Serebrennikov. Istoricheskaiia morfologiia mordovskikh iazykov [The historical morphology of Mordvinic languages]. Moscow: Nauka, 1967]
- Строева 2006 — М. Н. Строева. Использование форм на *-t'ende / -tende* как одна из возможных стратегий кодирования объекта в шокшинском диалекте мордовского языка // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Третья конференция по типологии и грамматики для молодых исследователей. Материалы. СПб: Нестор-История, 2006. С. 148–153. [M. N. Stroeua. Ispol'zovanie form na *-t'ende / -tende* kak odna iz vozmozhnykh strategii kodirovaniia ob'ekta v shokshinskom dialekte mordovskogo iazyka [The usage of the *-t'ende / -tende* forms as one of the possible object marking strategies in Shoksha dialect of Mordvin] // N. N. Kazanskii (ed.). Tret'ia konferentsiia po tipologii i grammatiki dlia molodykh issledovatelei. Materialy. SPb: Nestor-Istoriia, 2006. P. 148 – 153]
- Толдова, наст. сб. — С. Ю. Толдова. Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке // Настоящий сборник. [S. YU. Toldova. Kodirovanie priamogo dopolneniia v mokshanskom iazyke [Direct object encoding in Moksha] // This volume]
- Стенин, в печати — И. А. Стенин. Пассив // Элементы грамматики мокшанского языка, в печати. [I. A. Stenin. Passiv [Passive] // Elementy grammatiki mokshanskogo iazyka, forthcoming]
- Сумбатова, Ландер 2014 — Н. Р. Сумбатова, Ю. А. Ландер. Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтакси-

-
- ca. M.: ЯСК, 2014. [N. R. Sumbatova, YU. A. Lander. Darginskii govor seleniia Tanty. Grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa [Tanty Dargwa. A grammar sketch, syntactic issues]. Moscow: YASK, 2014]
- Холодилова 2009 — М. А. Холодилова. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка [Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН 5 (2)]. СПб: Наука, 2009. С. 76–93. [M. A. Kholodilova. Konstruktsiia s periferiinyim obladaemym v kalmytskom iazyke [The construction with peripheral possessee in Kalmyk] // S. S. Sai, V. V. Baranova, N. V. Serdobol'skaia (eds.). Issledovaniia po grammatike kalmytskogo iazyka [Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN 5 (2)]. SPb: Nauka, 2009. P. 76–93]
- Cooreman 2014 — A. Cooreman. A functional typology of antipassives // B. Fox, P. J. Hopper (eds.). Voice: Form and Function. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 49–82.
- van Gelderen 2016 — E. van Gelderen (ed.) Cyclical change continued. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2016.
- Harris 1990. A.C. Harris. Alignment typology and diachronic change // W. P. Lehmann (ed.). Linguistic typology 1987. Systematic balance in language. Amsterdam: Benjamins, 1990. P. 67–90.
- Jespersen 1966 — O. Jespersen 1966 [1917]. Negation in English and other Languages. Copenhagen: A. F. Høst, 1966.
- Kiparsky 2001 — P. Kiparsky. Structural case in Finnish // *Lingua* 111, 2001. P. 315–376.
- Janic 2013 — K. Janic. L'antipassif dans les langues accusatifs. Thèse de doctorat, Université Lumière Lyon 2, 2013.
- Lees 2015 — A. Lees. Case Alternations in Five Finnic Languages. Estonian, Finnish, Karelian, Livonian and Veps. Leiden, Boston: Brill, 2015.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. Building verb meanings // Mirriam Butt, Wilhelm Geuder (eds.). The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors. Stanford (CA): CSLI Publications, 1998. P. 97–134.
- Seržant 2015 — I. Seržant. The independent partitive genitive as an Eastern Circum-Baltic isogloss // *Journal of Language Contact* 8, 2015. P. 341–418.
- Toldova 2015 — S. Toldova. Differential object marking in Moksha. Paper presented at Congressum Internationale Fenno-Ugristarum XIII. Oulu, 2015.

П. М. Аркадьев

Институт славяноведения РАН / РГГУ, Москва

**ОБЪЕКТНЫЙ ПАРТИТИВ ОТРИЦАНИЯ:
АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА**

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

1. Введение¹

Настоящая статья посвящена нетривиальной черте ряда языков Восточной Европы — славянских, балтийских и прибалтийско-финских, — а именно изменению падежа прямого объекта переходного глагола при отрицании, ср. пример (1) из польского языка, пример (2) из литовского языка и пример (3) из финского языка².

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 17-04-00444. Предварительные версии данной работы были представлены в докладах на XII конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, ноябрь 2015), на заседании Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН (февраль 2016) и на Рабочем совещании по дифференцированному маркированию актантов (Институт языкознания РАН, апрель 2016); кроме того, существенно неполный предварительный вариант работы был опубликован в качестве одного из разделов статьи [Arkadiev 2016]. Я благодарю Ф. И. Рожанского, Д. Уиллиса, М. А. Холодилову и М. Ухлика за предоставленную ими мне литературу и А. А. Александрову, У. Брауна, Б. Вельхли, А. В. Дубасову, И. Б. Иткина, М. Мильян, Ф. И. Рожанского и Н. М. Заику за помощь с итальянским, сербохорватским, ливским, белорусским, вепским, эстонским, водским и баскским материалом, соответственно, а также М. Бавана, М. Гигера, М. Е. Кабицкого, В. С. Кулешова, Т. В. Любченко, Н. В. Перкову, Ф. И. Рожанского, М. Н. Саенко, С. С. Скорвида и анонимного рецензента за ценные замечания к предыдущим вариантам работы.

² Примеры из славянских языков даются без поморфемного глоссирования; помета «элиц.» означает, что пример был сконструирован автором и проверен с носителями языка.

- ПОЛЬСКИЙ [Przepiórkowski 2000: 120]: аккузатив vs. генитив
- (1) a. *Lubię Marię.*
 ‘Я люблю Марию (Acc)’.
- b. *Nie lubię Marii / *Marię.*
 ‘Я не люблю Марию (Gen/*Acc)’.
- ЛИТОВСКИЙ: аккузатив vs. генитив
- (2) a. *Jon-as per-skait-ė laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG PRV-читать-PST.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас прочел письмо’. (элиц.)
- b. *Jon-as ne-per-skait-ė laišk-o /*
 Йонас-NOM.SG NEG-PRV-читать-PST.3 письмо-GEN.SG /
*laišk-q.
 *письмо-ACC.SG
 ‘Йонас не прочел письмо’. (элиц.)
- ФИНСКИЙ [Brattico 2012a: 39]: генитив vs. партитив
- (3) a. *Pekka söi leivä-n.*
 Пекка(NOM.SG) есть.PST.3 хлеб-GEN.SG
 ‘Пекка съел хлеб’.
- b. *Pekka e-i syö-nyt leipä-ä /*
 Пекка(NOM.SG) NEG-3SG есть-PST.PA хлеб-PTV.SG /
*leivä-n.
 хлеб-GEN.SG
 ‘Пекка не съел хлеб / не ел хлеба’.

В традиции описания славянских языков данное морфосинтаксическое преобразование называется «генитивом отрицания», поскольку аккузативный объект меняет свое оформление на генитив (что автоматически исключает из рассмотрения все случаи синкретизма аккузатива и генитива, в той или иной мере распространенные в склонении одушевленных имен). В финно-угорском языкознании об аккузативе (по крайней мере применительно к существительным) говорить некорректно, ср. [Рожанский, наст. сб.]; при отрицании объект выступает в партитивном падеже, а без отрицания выбор падежа обусловлен рядом синтаксических и семантических факторов, для настоящего обсуждения нерелевантных (см., например, [Lees 2015] и [Рожанский, наст. сб.]). Тем самым, применительно к финно-угорским языкам следует говорить о

«партитиве отрицания». Поскольку и балто-славянский генитив отрицания связан — по крайней мере исторически, см. [Seržant 2015], с выражением партитивности, в дальнейшем для рассматриваемого явления я буду по умолчанию использовать ярлык «партитив отрицания» (PartNeg), а термин «генитив отрицания» употреблять лишь применительно к конкретным славянским и балтийским языкам.

В польском, литовском и финском партитив отрицания имеет следующие общие признаки, которые удобно использовать в качестве точки отсчета для более широкого сопоставления:

1) PartNeg применяется лишь к прямым объектам в соответствующем структурном падеже (аккузативе или генитиве), но не к косвенным объектам в других падежах.

2) PartNeg обязателен и не зависит от семантики глагола или самой объектной именной группы.

3) Наиболее нетривиально то, что PartNeg применим не только к прямому объекту самого отрицаемого глагола (в дальнейшем — **локальный** PartNeg, как в примерах (1)–(3) выше), но и к прямому объекту нефинитной глагольной формы, зависящей от отрицаемого глагола, как в примерах (4)–(6) из тех же польского, литовского и финского языков. Такая разновидность партитива отрицания называется **дистантной** или **нелокальной**³.

ПОЛЬСКИЙ [Przepiórkowski 2000: 123]

(4) *Nie chciałem pisać listów.*

‘Я не хотел писать письма (GenPl)’.

ЛИТОВСКИЙ

(5) *Jon-as   ne-nor-i   rašy-ti*

Йонас-NOM.SG   NEG-хотеть-PRS(3)   писать-INF

laišk-o   / *laišk-q.

письмо-GEN.SG / *письмо-ACC.SG

‘Йонас не хочет писать письмо’. (элиц.)

³ Здесь уместно напомнить, что термины «локальный» и «дистантный» в теории грамматики употребляются по отношению к состоянию в терминах синтаксических узлов или составляющих (в нашем случае клауз), а не к линейной дистанции в словоформах. В этом смысле отношения между дополнением и отрицанием в примере *Я этого не хочу делать* являются дистантными, а в примере *Этого я никогда не сделаю* — локальными.

- финский [Brattico 2012b: 253]
 (6) *Minä en halun-nut näh-dä häntä /*
 я.NOM NEG.1SG хотеть-PST.PA видеть-INF 3.PTV.SG /
 **hänet.*
 *3.ACC.SG
 ‘Я не хотел ее видеть’.

Славянские, балтийские и прибалтийско-финские языки демонстрируют значительную вариативность в допустимости и распространенности локального и дистантного партитива отрицания. Поскольку систематических типологических исследований последнего, насколько мне известно, не существует, данная работа ставит своей целью изучение соотношения между локальным и дистантным PartNeg во всех указанных языках (ср. весьма предварительные сопоставительные наблюдения в моей статье [Arkadiev 2016: 67–75], посвященной анализу дистантного генитива отрицания в литовском).

Перед тем, как переходить к систематическому анализу языкового материала, необходимо сказать о целом круге вопросов, которые я сознательно исключаю из своего рассмотрения. Это следующие явления и проблемы: партитив объекта без отрицания (см. уже упоминавшийся подробный обзор в статье [Seržant 2015]); субъектный партитив отрицания, который представляет собою в значительной степени отдельное, хотя и исторически связанное явление⁴; партитив отрицания у темпоральных обстоятельств в примерах типа *не спал и двух ночей* (это явление также демонстрирует свойства, отличные от прямообъектного PartNeg, и недостаточно описано, тем самым заслуживая отдельного эмпирического исследования; на русском материале см. [Эршлер 2008; Падучева 2013: 161–163]). Также не будут систе-

⁴ Независимость объектного и субъектного партитивов отрицания, которые многим исследователям русского или прибалтийско-финских языков было соблазнительно рассматривать вместе, ср., например, [Harves 2002] о русском языке, демонстрируют данные польского языка, где объектный генитив отрицания обязателен, а субъектного генитива отрицания нет вовсе, и латышского и словацкого языков, где, напротив, генитив отрицания сохраняется у субъекта отрицательного бытийного предиката и практически утрачен в позиции объекта.

матически и подробно исследоваться конкретные факторы, влияющие на применение PartNeg в случае его необязательности (так, о вариативности дистантного PartNeg в литовском см. [Arkadiev 2016]) — сложность и многочисленность этих факторов можно оценить по объему посвященной им литературы на материале одного лишь русского языка, при том, что, насколько я знаю, исследований аналогичной степени подробности для других рассматриваемых языков нет. Наконец, я не буду отдельно изучать типы нефинитных конструкций, допускающих PartNeg (в частности, для славянских и балтийских языков рассматриваются лишь инфинитивные клаузы).

Более общий обзор падежного оформления объектов (и субъектов) в языках циркумбалтийской зоны см. в статье [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001: 646–660], а также в работах [Bjarnadóttir, De Smit 2013; Seržant 2015]; общетипологический обзор взаимодействия партитива с отрицанием см. в статье [Miestamo 2014]. Основным источником материала для данной статьи служат описательные грамматики и специальные исследования, как по конкретным языкам, так и сопоставительные. Данные существующих корпусов, в частности, параллельных, привлекаются лишь по мере необходимости. Исследование партитива отрицания на материале многоязычного параллельного корпуса было бы чрезвычайно полезно, однако в рамках этой статьи предпринято быть не могло.

Дальнейшая структура статьи такова. В разделах 2, 3 и 4 я последовательно рассматриваю материал балтийских, славянских и прибалтийско-финских языков, где возможно, не ограничиваясь синхронным анализом, но привлекая и диахронические данные. В разделе 5 я обсуждаю типологические параллели восточноевропейскому партитиву отрицания, в первую очередь из баскского и романских языков. Раздел 6 содержит общее заключение и обсуждение результатов работы.

2. Балтийские языки

В настоящем разделе будут рассмотрены данные трех живых балтийских языков — литовского, латышского и латгальского — демонстрирующие значительные несходства в отношении партитива (генитива) отрицания.

2.1. Литовский язык

Поскольку дистантный генитив/партитив отрицания в литовском подробно исследован в статье [Arkadijev 2016], здесь я ограничусь лишь наиболее общими замечаниями (о литовских диалектах см. [Kozhanov 2017]). Локальный генитив отрицания в стандартном литовском обязателен; что касается дистантного генитива отрицания, то он широко представлен с инфинитивными клаузами, будучи близким к обязательности с односубъектными матричными предикатами, см. пример (5) выше, и предпочтительным или по крайней мере всегда допустимым с разносубъектными матричными предикатами, ср. пример (7):

- ЛИТОВСКИЙ
 (7) *Jon-as ne-liep-ė Aldon-ai*
 Йонас-NOM.SG NEG-велеть-PST(3) Алдона-DAT.SG
rašy-ti laišk-o / ?laišk-q.
 писать-INF письмо-GEN.SG / письмо-ACC.SG
 ‘Йонас не велел Алдоне писать письмо’. (элиц.)

Отмечается также множественный генитив отрицания при матричных глаголах с аккузативным объектом, когда отрицание вызывает мену падежа не только на ближайшем объекте, но и на объекте вложенной предикации, ср. пример (8). Ср. ниже об аналогичных случаях в польском и словенском.

- ЛИТОВСКИЙ
 (8) *...gatvi-ų demonstracij-os*
 улица-GEN.PL демонстрация-NOM.PL
ne-pri-vert-ė j-o pakeis-ti
 NEG-PRV-заставлять-PST(3) 3-GEN.SG.M изменить-INF
pozicij-os.
 позиция-GEN.SG
 ‘...уличные демонстрации не заставили его изменить позицию’. (LKT)

Дистантный PartNeg в литовском применяется через границы любого числа вложенных инфинитивных клауз, ср. пример (9); стоит отметить, однако, что в таких случаях повышается приемлемость аккузатива.

- ЛИТОВСКИЙ
- (9) *Pirminink-ė ne-nor-i*
председательница-NOM.SG NEG-хотеть-PRS(3)
[*leis-ti sekretori-ui [pradė-ti [skaity-ti*
позволить-INF секретарь-DAT.SG начать-INF читать-INF
pasveikinim-o / pasveikinim-q]]].
поздравление-GEN.SG / поздравление-ACC.SG
‘Председательствующая не хочет позволить секретарю на-
чать читать поздравление’. (элиц.)

Аналогичная ситуация наблюдалась и в старолитовском, где, согласно [Schmalstieg 1987: 173], генитив прямого объекта при отрицании встречался начиная с древнейших памятников. Ср. следующие примеры с локальным (10) и дистантным (11), (12) генитивом отрицания из «Постиллы» Микалоюса Даушки (Вильнюс, 1599, цит. по электронному изданию [DP]):

- СТАРОЛИТОВСКИЙ XVI в.
- (10) *Ne dari-ĩ niėk-o gėr-o /*
NEG делать-INF ничто-GEN хороший-GEN.SG.M
tatái wiėn-a yra pikt-ái dari-ĩ.
это одно-DF быть.PRS.3 злой-ADV делать-INF
‘Не творить никакого добра — одно это есть творить зло’.
(DP 391, 46–47)
- (11) *ne-gal’ regė-t’ karálfift-es Diėw-o.*
NEG-мочь.PRS.3 видеть-INF царство-GEN.SG Бог-GEN.SG
‘... не может видеть царствия Божия’ (DP 452,31)
- (12) О *i-is’ taczėu ne liep-tų iŕrau-ĩ*
а 3-NOM.SG.M однако NEG велеть-IRR.3 вырвать-INF
kukál-ų tarn-amus ŕaw-ĩemus
сорняк-GEN.PL слуга-DAT.PL свой-DAT.PL.M
‘А он, однако, не велел бы слугам своим вырвать сорняки’.
(DP 83, 32–33)

С другой стороны, в старолитовском языке Малой Литвы, находившемся в контакте с немецким, употребление генитива при отрицании не было вполне последовательным, о чем свидетельствуют, например, данные древнейшего оригинального ли-

товского текста — стихотворного предисловия М. Мажвидаса⁵ к его переводу Лютеровского Малого катехизиса (Кенигсберг, 1547), ср. пример (13) с генитивом и пример (14) с аккузативом.

СТАРОЛИТОВСКИЙ XVI в.

- (13) *Dien-a ir nakt-i preg saw-ęs man-i*
 день-ACC.SG и ночь-ACC.SG около себя-GEN я-ACC
laiki-kie-t. Ir nekada man-es nog ius-u
 держать-IMP-2PL и никогда я-GEN от вы-GEN
ne-atmes-kie-t.
 NEG-отбросить-IMP-2PL
 ‘День и ночь меня при себе держите и никогда меня от себя не отмечайте’. (МК, 27–28)

- (14) *Jei bral-ei seser-is t-us*
 если брат-NOM.PL сестра-NOM.PL DEM-ACC.PL.M
řadzi-us ne-papeik-si-t, Dew-a
 слово-ACC.PL NEG-порицать-FUT-2PL Бог-ACC.SG
tew-a ir sun-u sau mil-u
 отец-ACC.SG и сын-ACC.SG себя.DAT любезный-ACC.SG.M
padari-si-t.
 сделать-FUT-2PL
 ‘Если вы, братья и сестры, не отвергнете эти слова, то сделаете Бога отца и сына любезным себе’. (МК, 17–18)

2.2. Латышский язык

В отличие от литовского, в современном латышском языке не представлены ни локальный, ни дистантный генитив отрицания, за исключением контекстов эмфатического отрицания с частицей *ne* (по большей части это идиоматизированные сочетания вроде *ne vārda* ‘ни слова’) или именных групп с отрицательным местоимением [Berg-Olsen 2004: 125; Menantaud 2007; Holvoet,

⁵ Согласно исследованию Хр. Станга [Stang 1929: 159–181], Мажвидас происходил из католической части Литвы и был носителем жемайтского (нижнелитовского) диалекта, хотя в языке его переводов имеются определенные верхнелитовские черты [Там же: 173–176]; к сожалению, Станг не учитывает в своей работе оригинального предисловия Мажвидаса и вообще не рассматривает синтаксические явления и употребление грамматических категорий.

Nau 2014: 7–9; Leinonen 2016: 94], где генитив возможен и при локальном, пример (15), и при дистантном отрицании, пример (16).

ЛАТЫШСКИЙ: локальный PartNeg при эмфатическом отрицании

- (15) *viņ-š*   *ne-sak-a*   *ne vārd-a*
3-NOM.SG.M NEG-говорить.PRS-3 ни слово-GEN.SG
‘Он не говорит ни слова’. [Menantaud 2007: 95]

ЛАТЫШСКИЙ: дистантный PartNeg при эмфатическом отрицании

- (16) *nek-ā*   *vairs ne-spēj*   *pa-darī-t*
ничто-GEN более NEG-мочь.PRS(3) PRV-делать-INF
‘Он(а) ничего больше не может сделать’. [Там же: 93]

В неэмфатических контекстах аккузатив является преобладающим вариантом оформления объекта (см. напр. [Nītiņa, Grigorjevs (eds.) 2013: 348–349]), ср. примеры (17)–(18), и встречается даже в эмфатических контекстах ([Holvoet, Nau 2014: 8]), см. пример (19).

ЛАТЫШСКИЙ: аккузатив при локальном отрицании

- (17) *viņ-š*   *ne-sak-a*   *vārd-u*
3-NOM.SG.M NEG-говорить.PRS-3 слово-ACC.SG
‘Он не произносит (это) слово’. [Menantaud 2007: 96]

ЛАТЫШСКИЙ: аккузатив при нелокальном отрицании

- (18) *Es ne-gribēj-u*   *traucē-t*   *mājiniek-us...*
я.NOM NEG-хотеть.PST-1SG тревожить-INF домочадец-ACC.PL
‘Я не хотел тревожить ее домочадцев...’ [Andris Puriņš. Nevaicājiēt man neko (1977) / Андрис Пуриньш. Не спрашивайте меня ни о чем (пер. Ю. С. Каппе, 1979), НКРЯ]

ЛАТЫШСКИЙ: аккузатив при эмфатическом отрицании

- (19) *Un nekur ne-redzēj-a*   *un ne-dzirdēj-a*
и нигде NEG-видеть-PST.3 и NEG-слышать-PST.3
ne dzīv-u   *dvēsel-i.*
ни живой-ACC.SG душа-ACC.SG
‘И нигде не видно было и не слышно ни живой души’. [Regīna Ezera. Zemdegas (1977) / Регина Эзера. Невидимый огонь (пер. В. Дорошенко, 1981), НКРЯ]

В текстах, представленных в параллельном латышско-русском корпусе НКРЯ, генитив отрицания, как локальный, так и дистантный, встречается крайне редко, например, в повести Р. Блауманиса «В трясине» (1898), примеры (20) и (21), причем в том же тексте встречаются и примеры с аккузативом, ср. (22). Стоит отметить, что два из пяти примеров генитива содержат идиому *netur vārda* ‘не держит слова’.

ЛАТЫШСКИЙ: генитив при локальном отрицании

- (20) *Mēs ne-zin-ām ceļ-a uz jūs-u*
 мы.NOM NEG-знать-PRS.1PL путь-GEN.SG в вы-GEN
māj-u.

дом-ACC.SG

‘Мы не знаем дороги в ваш дом’. [Rūdolfs Blaumanis. *Purva bridējs* (1898) / Рудольф Блауманис. В трясине (пер. Л. Блюмфельд, 1951), НКРЯ]

ЛАТЫШСКИЙ: генитив при нелокальном отрицании

- (21) *ne-parad-is sav-u*
 NEG-привыкнуть-PST.PA.NOM.SG.M свой-GEN.PL
jūt-u izvērs-t uz āru
 чувство-GEN.PL развернуть-INF наружу
 ‘не имея привычки проявлять свои чувства’ [Там же]

ЛАТЫШСКИЙ: аккузатив при локальном отрицании

- (22) *Bet cik uzmanīgi arī kučier-s*
 но сколько внимательно тоже кучер-NOM.SG
ne-ievēro katr-u Edgar-a
 NEG-следить.PRS.3 каждый-ACC.SG Эдгар-GEN.SG
sol-i...

шаг-ACC.SG

‘Но как старательно ни следил кучер за каждым шагом Эдгара...’ [Там же]

Исчезновение генитива отрицания — инновация латышского; классические грамматики [Bielenstein 1863: 284–285; Endzelin 1922: 419–420] описывают PartNeg как распространенное явление, хотя упоминают и диалектную вариативность, и тенденцию замещать генитив аккузативом. Тем не менее, подробное историческое исследование использования генитива в латышском [Berg-

Olsen 2000] показывает, что аккузатив при отрицании преобладал уже в самых ранних латышских текстах (впрочем, это могло быть результатом интерференции с немецким оригиналом, как и аналогичная ситуация в древнепрусском, см. [Trautmann 1910: 205–206; Bjarnadóttir, De Smit 2013: 41]).

2.3. Латгальский язык

В отличие от латышского, латгальский сохранил генитив отрицания [Nau 2011: 78, 91], причем реальная ситуация, весьма подробно описанная в статье [Nau 2014: 218–225], гораздо сложнее, чем простое правило, отраженное в нормативных грамматиках (ср. [Bukšs, Placinskis 1973: 296]). Примеры (23) и (24) иллюстрируют, соответственно, локальный и дистантный генитив отрицания.

- ЛАТГАЛЬСКИЙ: локальный PartNeg
- (23) *J-is   taid-u   slykt-u   drēb-u*
 3-NOM.SG.M такой-GEN.PL плохой-GEN.PL одежда-GEN.PL
nikod   na-bej-a   nusuoj-is.
 никогда NEG-AUX.PST-3 носить-PST.PA.NOM.SG.M
 ‘Он никогда не носил такой плохой одежды’. [Nau 2014: 218]

- ЛАТГАЛЬСКИЙ: дистантный PartNeg
- (24) *Es   na-muok-u   durov-u   attaisē-t!*
 я.NOM NEG-мочь.PRS-1SG дверь-GEN.PL открыть-INF
 ‘Я не могу открыть дверь!’ [Там же: 221]

Тем не менее, аккузатив также возможен, особенно с местоимениями, примеры (25), (27), но и с существительными тоже, примеры (26), (28):

ЛАТГАЛЬСКИЙ: аккузатив при локальном отрицании

- (25) *es   tev-i   na-sys-š-u*
 я.NOM ты-ACC NEG-убить-FUT-1SG
 ‘Я тебя не убью’. [Nau 2014: 220]
- (26) *a   tēteit-i   na-redz*
 но папочка-ACC.SG NEG-видеть.PRS(3)
i   na-dzierd
 и NEG-слышать.PRS(3)
 ‘но она папочку не видит и не слышит’ [Там же: 219]

- ЛАТГАЛЬСКИЙ: аккузатив при дистантном отрицании
- (27) *A j-ī na-grib ni par*
 PTCL 3-NOM.PL.M NEG-хотеть.PRS(3) NEG за
kaid-u naud-u j-ū puordū-t.
 какой.нибудь-ACC.SG деньги-ACC.SG 3-ACC.SG продать-INF
 ‘Но они не хотят ни за какие деньги его продать’. [Там же: 222]
- (28) *na-dreikstēj-a miš-u puormaisē-t*
 NEG-сметь.PST-3 месса-ACC.SG прервать-INF
 ‘(они) не осмеливались помешать мессе’ [Там же]

* * *

Подводя итог обсуждению балтийских данных, отмечу следующее. Во-первых, различия в области генитива отрицания между латышским, с одной стороны, и литовским и латгальским, с другой, являются частью более общей тенденции, касающейся приглагольного употребления генитива в целом, которое сохраняется в литовском и латгальском и существенно сократилось в латышском, см. [Berg-Olsen 2000] и [Nau 2014].

Во-вторых, как внутрибалтийские данные, так и сопоставление их со славянскими языками (см. следующий раздел) свидетельствуют о том, что литовский и латгальский в отношении генитива отрицания ближе к исконнобалтийскому состоянию, чем латышский. Эти различия могут частично объясняться тем, что литовский и латгальский были в длительном контакте с польским языком, который мог способствовать сохранению PartNeg, в то время как западная часть латышского (и отчасти литовского) ареала находилась под сопоставимым немецким влиянием, которое, напротив, могло быть катализатором утраты большинства приглагольных употреблений генитива, включая PartNeg.

3. Славянские языки

Генитиву отрицания в славянских языках посвящено значительное число работ, хотя до недавнего времени бóльшая часть их, во-первых, не принимала во внимание дистантных контекстов и, во-вторых, ограничивалась рассмотрением лишь одного или нескольких языков. Обобщающие обзоры представлены в рабо-

тах [Willis 2013] и [Pirnat 2015], см. также о дистантном генитиве отрицания в статье [Скорвид 2004: 332–335]. Дальнейшее изложение будет идти от языков, где генитив отрицания представлен лучше всего (польского и словенского), к языкам, где он практически вышел из употребления. Отдельно будут рассмотрены исторические данные.

3.1. Польский язык

Генитив отрицания в польском языке выглядит очень похоже на литовский, но изучен существенно лучше, см. [Menantaud 1993, 1999; Przepiórkowski 2000; Błaszczak 2003]. Как и в литовском, локальный генитив отрицания в польском обязателен, а дистантный выступает по умолчанию. Допустим и множественный PartNeg при разносубъектных инфинитивах, ср. пример (29), и дистантный PartNeg в глубоко вложенных инфинитивных клаузах, ср. пример (30).

ПОЛЬСКИЙ [Przepiórkowski 2000: 128]: множественный PartNeg
(29) *Janek **nie** uczył **Marii** lepić **garnków**.*
'Янек не учил Марию (Gen) лепить горшки (Gen)'.

ПОЛЬСКИЙ [Там же: 123]: дистантный PartNeg
(30) ***Nie** musisz **zamierzać przestać studiować **algebry****.*
'Ты не должен намереваться перестать изучать алгебру (Gen)'.

Как и в литовском, дистантный генитив отрицания в польском факультативен и допускает замену на аккузатив [Przepiórkowski 2000: 124–128], ср. пример (31).

ПОЛЬСКИЙ (Там же: 123)
(31) ***Nie** mógłbyś **przestać studiować **algebrę****?*
'Ты не мог бы перестать изучать алгебру (Acc)'?

В историческом исследовании оформления прямого дополнения в отрицательных предложениях в польском [Nager-Pisarkowa 1959]⁶ отмечается, что хотя генитив всегда преобладал как в локальных, так и в дистантных контекстах, аккузатив присутствует в качестве маргинального варианта, особенно в текстах

---

⁶ Я благодарю проф. Т. Менцеля за указание на эту статью.

из областей с интенсивным контактом с немецким языком [Там же: 19–20]. Также интересны приводимые автором примеры, где генитив объекта появляется в финитной клаузе, зависящей от отрицательного матричного глагола, ср. пример (32).

ПОЛЬСКИЙ [Harrer-Pisarkowa 1959: 14]

(32) *Nie chcesz, żebym nosił **takiego** krawata?*

‘Ты не хочешь, чтобы я носил такой галстук (Gen)?’

3.2. Словенский язык

Еще один славянский язык, сходный с литовским в употреблении генитива отрицания — литературный словенский, см. [Плс 2011; Pavlič, Živanović 2012] и в особенности [Pirnat 2015], ср. локальный PartNeg в примере (33а) и дистантный PartNeg в примере (33b), в том числе множественный в примере (33с):

СЛОВЕНСКИЙ: локальный и дистантный PartNeg

(33) а. *Janez **ni** bral **časopisa**.*

‘Янез не читал газету (Gen)’. [Плс 2011: 196]

б. *Nataša **ni** hotela **čitati knjige**.*

‘Наташа не хотела читать книгу (Gen)’. [Там же: 197]

с. *Učitelj **ne** sili **študentov** reševati **takšnih problemov**.*

‘Учитель не заставляет студентов (Gen)⁷ решать такие задачи (Gen)’. [Там же]

Согласно цитированным работам, и локальный, и дистантный PartNeg в словенском факультативны, а выбор падежа объекта связан с множеством различных факторов. Примечательно, в частности, что в отличие от литовского, где отрицательное местоимение выступает в генитиве во всех контекстах, ср. пример (34), в словенском оно предпочитает аккузатив, ср. пример (35)⁸; о поведении отрицательного местоимения *nič* в словенском см. [Pavlič, Živanović 2012: 21–25].

⁷ В словенском языке аккузатив одушевленных имен во множественном числе совпадает с номинативом и тем самым отличается от генитива.

⁸ Согласно корпусным данным, любезно предоставленным М. Ухликом (личное сообщение, декабрь 2016 г.), форма *nič* особенно частотна в препозиции к отрицанию, в то время как в постпозиции аккузатив и генитив отрицательного местоимения примерно равноупотребительны.

- ЛИТОВСКИЙ
- (34) *Tėv-ai ne-leidži-a vaik-ui*
отец-NOM.PL NEG-позволить-PRS(3) ребенок-DAT.SG
- (34) *niek-o / *niek-q dary-ti.*
ничто-GEN / ничто-ACC делать-INF
'Родители не позволяют ребенку ничего делать'. (элиц.)
- СЛОВЕНСКИЙ
- (35) *Ni ji prinesel nič* (Acc) / *?ničesar* (Gen).
'Он ей ничего не принес'. [Pirnath 2015: 33]

Вариативность наблюдается и в словенских диалектах; так, в говорах долины Гайльтал в Австрии, согласно описанию [Pronk 2009: 6.3.2], генитив употребляется при неопределенности объекта, а определенный объект оформляется аккузативом; в резьянском диалекте в итальянской области Фриули [Steenwijk 1992: 181] генитив преобладает над аккузативом и, более того, чередование падежей затрагивает не только прямой объект, но и объект предлога, ср. пример (36).

- СЛОВЕНСКИЙ, резьянский диалект [Steenwijk 1992: 181]
- (36) a. *jtāt po pēpəl*
'идти за прахом (Acc)'
- b. *nas ni vīdītē jtāt po pēpala*
'Вы не увидите, как мы идем за прахом (Gen)'

В областях, где словенский является вторым языком носителей немецких или венгерских диалектов, наблюдается устранение генитива отрицания, см. [Reindl 2008: 75].

Польский и словенский, насколько можно судить, — единственные современные славянские языки, где и локальный, и дистантный партитив отрицания достигают продуктивности, сопоставимой с литовским. Во всех прочих славянских языках это правило в той или иной мере выходит из употребления.

3.3. Восточнославянские языки

В современном русском языке генитив отрицания в локальных контекстах в целом факультативен; при этом выбор падежа зависит от сложного конгломерата лексических, семантических, прагматических и стилистических факторов, см. [Timberlake 1986; Brown, Franks 1995; Падучева 2006, 2013: 135–161; Рахили-

на (ред.) 2008; Kagan 2012; Harves 2013]; ср. также интересный исторический обзор [van Helden 2008]. В отличие от польского и литовского, выбор падежа под отрицанием может быть семантически нагружен, ср. пример (37).

РУССКИЙ: генитив vs. аккумулятив при локальном отрицании [Падучева 2006: 27]

- (37) а. *Я был в Лондоне, но не видел Машу.* (Маша была в Лондоне, но я с нею не встретился)
 б. *Я был в Лондоне, но не видел Маши.* (Маши могло вообще не быть в Лондоне)

Дистантный генитив отрицания в русском практически вышел из употребления. Согласно работе [Krasovitsky et al. 2011: 588], частотность аккумулятивных объектов инфинитива при нелокальном отрицании стабильно повышалась на протяжении последних двух столетий и в современном русском достигает 90%, ср. пример (38). Тем не менее, редкие примеры дистантного PartNeg встречаются, ср. (39)⁹.

РУССКИЙ: аккумулятив vs. генитив при нелокальном отрицании

- (38) *Потому что я не хочу потерять свою дочь.* [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001), НКРЯ]
 (39) *Люди не хотят видеть неприглядной реальности фактов.* [Анна Кузнецова. Функции ума // «Октябрь», 2002, НКРЯ]

Ситуация в украинском и белорусском исследована гораздо меньше и кажется сходной с русской. Локальный партитив отрицания отмечается в грамматиках обоих языков в качестве необязательного правила, см. [Кулик 1961: 69–70; Pugh, Press 1999: 98–99] об украинском, ср. также [Тимченко 1913¹⁰: 144–166; Kryshevich 2010]; о белорусском см. [Атраховіч и др. (ред.) 1966: 330; Бірыла, Шуба (ред.) 1986: 141–142], ср. также [Mazzitelli 2010].

⁹ См. также [Brown & Franks 1995: 254–258] и [Корнакова 2015: 16], где показано, что дистантный PartNeg в русском языке встречается почти исключительно при модальных и фазовых матричных предикатах, и [Холодилова 2015: 385–386], где показано, что при матричном глаголе *хотеть* генитив отрицания встречается существенно чаще, чем при квазисинонимичном, но менее грамматикализованном глаголе *желать*.

¹⁰ Я благодарю О. Друля за указание на эту работу.

Описания обоих языков указывают на различие между неопределенной/партитивной интерпретацией при генитиве и определенной/целостной — при аккузативе, ср. пример (40) из украинской грамматики. Впрочем, в книге [Тимченко 1913: 156] отмечается, что варьирование генитива и аккузатива при отрицании не связано с семантикой (впрочем, судя по приводимым примерам, речь идет об определенных или по крайней мере единичных объектах). С относительной подробностью рассматриваются факторы, влияющие на употребление генитива и аккузатива при отрицании, в работе [Иванович 2004], где сопоставляются данные украинских и сербских художественных текстов второй половины XX в. и отмечается, что в украинском языке при локальном отрицании существенно преобладает генитив (почти 87%).

УКРАИНСКИЙ: аккузатив vs. генитив при локальном отрицании [Кулик 1961: 70]

- (40) а. *не взяв сало* ‘не взял сало’ [всё]
б. *не взяв сала* ‘не взял сала’ [в необозначенном количестве]

Дистантный генитив отрицания отмечен в белорусской грамматике [Атрахович и др. (рэд.) 1966: 330], но уже в грамматике [Бірыла, Шуба (рэд.) 1986: 141] трактуется как вышедший из употребления, что подтверждается опрошенными носителями. Тем не менее, параллельный русско-белорусский корпус дает некоторые примеры такого рода, ср. (40) vs. (41); в последнем примере белорусский не следует русскому оригиналу в выборе падежа.

БЕЛОРУССКИЙ: генитив vs. аккузатив при нелокальном отрицании

- (41) *Я не ведаю і не хачу ведаць іншай маці!* [Леанід Дайнека. Меч князя Вячкі (1987), НКРЯ]
‘Я не знаю и не хочу знать иной матери (Gen)!’
- (42) *Аднак ен не ўспеў сказаць гэтыя словы, як загаварыў чужаземец.* [Міхаіл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (ч. 1) (А. Жук, 1994), НКРЯ]
‘Однако он не успел выговорить этих слов (Acc), как заговорил иностранец’.

Грамматики украинского языка не упоминают дистантного PartNeg вообще, однако корпусные данные сходны с белорусски-

ми, ср. примеры (43) и (44). Дистантный PartNeg, однако, специально обсуждается в работе [Тимченко 1913: 160–166], где отмечается, что выбор родительного или винительного падежа в таких конструкциях не имеет семантической мотивации. В работе [Івановіч 2004: 115, 119] отмечается, что при дистантном отрицании в украинском преобладает аккузатив.

УКРАИНСКИЙ: генитив vs. аккузатив при нелокальном отрицании

- (43) *не можу нести відповідальності за сказане вами...* [Юрій Андрухович. Московіада (1993), НКРЯ]
 ‘Я не могу нести ответственности (Gen) за сказанное вами’.
- (44) *будь-які вибори не можуть змінити долю країни...* [Ігор Лосєв. Транзитом через Україну в нікуди? (2010), НКРЯ]
 ‘Любые выборы не могут изменить судьбу (Acc) страны..’.

Наконец, данных русинского языка в моем распоряжении нет, поскольку в единственной доступной мне современной грамматике [Pugh 2009] генитив отрицания вообще не упоминается. В этой связи, однако, интересно замечание Е. К. Тимченко [1913: 155] о том, что винительный падеж вместо родительного преимущественно встречается в «крайних западных (австрийских)» украинских говорах, «по всей вероятности, под влиянием словацкого».

3.4. Сербохорватский, болгарский и македонский

В сербохорватском языке генитив отрицания явно выходит из употребления, см. [Pirnat 2015: 14–16]. Так, грамматика [Alexander 2006: 313] утверждает, что «иногда объект отрицаемого глагола выступает в генитиве; в таких случаях обычно выражается также партитивное значение»¹¹, ср. примеры в (45), в которых я для наглядности сохранил переводы на английский язык.

СЕРБОХОРВАТСКИЙ: семантические различия между генитивом и аккузативом [Pirnat 2015: 15]

- (45) а. *Nisam vidio nered.*
 ‘I did not see the mess (Acc)’.

¹¹ “Sometimes the object of a negated verb appears in the genitive; in these cases, partitive meaning is usually present as well.”

b. *Nisam vidio nereda.*

‘I did not see any mess (Gen)’.

Согласно краткой грамматике [Browne, Alt 2004: 70], в современном сербохорватском генитивные объекты являются признаком архаичного и высокого стиля, за исключением ряда устойчивых сочетаний и двух конструкций: с глаголом *nemati* ‘не иметь’, пример (46), и с эмфатическим отрицанием в присутствии слов *ni* ‘ни’, *nijedan* ‘ни один’, *nikakav* ‘никакой’¹², ср. пример (47). Аналогичные сведения приводятся и в грамматике [Kuntzmann-Müller 1994: 224] и в статье [Иванович 2004]. Впрочем, как показывают данные интернета¹³, даже в эмфатических контекстах аккузатив преобладает.

СЕРБОХОРВАТСКИЙ [Browne, Alt 2004: 70]: генитив при локальном отрицании

(46) *Tada se sjetio da nema revolvera.*

‘Тогда он вспомнил, что у него нет револьвера (Gen)’.

(47) a. *ne igra ulogu*

‘не играет роли (Acc)’

b. *ne igra nikakvu ulogu* (Acc: 282 примера в Google, 14.02.2016)

c. *ne igra nikakve uloge* (Gen: 36 примеров в Google, 14.02.2016)

‘не играет никакой роли’

Тем не менее генитив отрицания маргинально сохраняется и в дистантных контекстах, ср. (48):

СЕРБОХОРВАТСКИЙ: аккузатив vs. генитив при нелокальном отрицании

(48) a. *ne može igrati nikakvu ulogu* (Acc: 27 примеров в Google, 14.02.2016)

---

¹² “In present-day BCS such genitive objects are archaic and elevated in style except in fixed phrases and in two further circumstances: as object of *nemati* ‘not to have’ and when negation is strengthened by *ni*, *nijedan*, *nikakav* ‘not even, not a single, no’.”

¹³ Приводится число сортированных вручную не повторяющихся примеров.

- b. *ne može igrati nikakve uloge* (Gen: 1 пример в Google, 14.02.2016)
 ‘не может играть никакой роли’

По сообщению У. Брауна, кириллический (сербский) и латинский (сербский и хорватский) сегменты интернета дают одинаковые соотношения между генитивом и аккузативом с явным значительным предпочтением последнего.

Другие южнославянские языки (болгарский и македонский) утратили генитив отрицания вместе с категорией падежа. Эта утрата, по всей видимости, произошла довольно рано; так, уже в Банишском Евангелии конца XIII в. вместо генитива как при отрицании, так и в других приглагольных контекстах употребляется аккузатив, а в приименных контекстах — датив или конструкция с предлогом *отъ* [Дограмаджиева 1982: 169–170], в отличие от старославянских памятников, где при отрицании преобладает генитив.

3.5. Западнославянские языки помимо польского

В чешском языке генитив отрицания, как локальный, так и дистантный, почти полностью вышел из употребления за исключением некоторых устойчивых выражений, см. [Mazon 1952: 119–120; Guiraud-Weber 2003; Guiraud-Weber, Zaremba 2007; Petkevič 2016: 214], ср. пример (49) с аккузативом.

- ЧЕШСКИЙ: аккузатив при отрицании
 (49) *...nechci jíst zabitá zvířata.*
 ‘Я не хочу есть убитых зверей (Acc)’¹⁴.

Согласно грамматике [Mazon 1952: 119], в чешском генитив отрицания был распространен в книжном языке, ср. также основанное на данных монографии [Hausenblas 1958] утверждение в обзорной статье [Timberlake 2009: 1688] о том, что в чешских документах XVII в. генитив отрицания еще хорошо представлен, в то время как у авторов XIX в. и в особенности начала XX в. он уже практически вышел из употребления¹⁵. Показатель-

¹⁴ <http://www.vegetarian.cz/diskuse/dproc/dproc118.html>, дата обращения 12 января 2015.

¹⁵ “The genitive of negation in Czech remains vital through the seventeenth century, in both the vernacular (recorded in legal testimony) and

но, что в грамматике [Vintr 2001] и в специальном исследовании отрицания [Rechzieglová 1995] о генитиве отрицания вообще не упоминается.

В словацком, согласно работе [Pirnat 2015: 16] генитив отрицания еще допустим в эмфатических контекстах и был более распространен до 1950-х гг. Действительно, описание морфологии [Ružička (red.) 1966: 173–175] утверждает, что генитив «более экспрессивен» и «имеет оттенок народного или литературного средства»¹⁶, однако грамматика [Bartoš, Gagnaire 1972] PartNeg уже не упоминает.

В литературном верхнелужицком генитив отрицания, как локальный, пример (50), так и дистантный, пример (51), встречается в основном при глаголах обладания и речи и везде факультативен [Faßke, Michalk 1980: 457–458]; ср., однако, [Schuster-Ševc 1996: 66–67], а в обиходных разновидностях, испытывающих сильное влияние немецкого, вообще вышел из употребления [Scholze 2007: 66], ср. пример (52).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ: генитив при локальном отрицании [Faßke, Michalk 1980: 457–458]

- (50) *Njeběch dotal žaneho wjetšeho wohnja widzał.*
‘Я до сих пор никакого большего огня (Gen) не видел’.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ: генитив при дистантном отрицании [Там же: 458]

- (51) *Wy ani njebudžeće směć wašeje wustajeńcy wotewrić.*
‘Вы даже не сможете открыть вашу выставку (Gen)’.

ОБИХОДНЫЙ ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ: аккузатив при локальном отрицании [Scholze 2007: 66]

- (52) *ha nejsu ... žane słowo serbsce móhli*
‘...и они не знали ни слова (Acc) по-лужицки’.

---

the written language. The eighteenth century is a blank spot. By the nineteenth century, the genitive of negation is in retreat and is almost completely absent from early twentieth-century progressive writers like Karel Čapek.”

¹⁶ “Záporový genitív je vcelku expresívnejší ... [m]á často príchut’ ľudového alebo literárneho prostriedku” [Ružička (red.) 1966: 175].

В литературном нижнелужицком генитив отрицания, видимо, сохраняется несколько лучше; согласно грамматике [Šwela 1952: 93–94], PartNeg обязателен, ср. примеры (53) и (54), однако более поздняя грамматика [Janaš 1984: 281–282] указывает, что PartNeg по большей части встречается лишь при глаголах обладания и восприятия.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НИЖНЕЛУЖИЦКИЙ: генитив при локальном отрицании [Šwela 1952: 93]

- (53) *won **ńejo słowicka** słyšał*
 ‘Он не слышал ни слова (Gen)’.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НИЖНЕЛУЖИЦКИЙ: генитив при дистантном отрицании [Там же]

- (54) *winiki **ńamogu nam toska kśiwiś***
 ‘Враги не могут нас и пальцем (Gen) тронуть’, букв. «согнуть волоска»

В нижнелужицких диалектах, согласно [Faßke, Michalk 1980: 459], генитив отрицания встречается существенно чаще, чем в верхнелужицких (28,5% случаев vs. 4,9%), однако, очевидно, также существенно уступает аккузативу. Хотелось бы отметить, что описание генитива отрицания в верхнелужицкой грамматике [Faßke, Michalk 1980] является наиболее подробным из представленных в известных мне грамматических описаниях славянских языков.

В кашубском языке, согласно грамматике [Breza, Treder 1981: 153], генитив при отрицании факультативен и встречается как в локальных, так и в дистантных контекстах, ср. пример (55a) с локальным генитивом и (55a) с локальным аккузативом и (56a) с дистантным генитивом и (56b) с дистантным аккузативом. Более ранняя грамматика [Lorenz 1919: 64] также дает примеры генитива отрицания, в том числе дистантного.

КАШУБСКИЙ [Breza, Treder 1981: 153]: генитив vs. аккузатив при локальном отрицании

- (55) a. *On **ni miôł niźódnych pieniędzy**.*
 ‘Он не имел никаких денег (Gen)’.
 b. *Jô **nie widzôł tę białkę**.*
 ‘Я не видел эту женщину (Acc)’.

- КАШУБСКИЙ [Там же]: генитив vs. аккузатив при дистантном отрицании
- (56) а. *Te konie ni mogle cygnac tego woza.*
‘Эти кони не могли тянуть эту телегу (Gen)’.
- б. *Te konie ni mogle cygnac ten wóz.*
‘Эти кони не могли тянуть эту телегу (Acc)’.

3.6. Историческая перспектива

Как локальный, так и дистантный партитив отрицания — общеславянское явление, см. [Willis 2013: 349–368], о чем свидетельствует не только параллелизм польского и словенского, вряд ли объяснимый иначе как общее наследие, но и данные старославянского, ср. примеры (57)–(58), и ранних стадий языков, утративших PartNeg, например, чешского, ср. примеры (59)–(60). В древненовгородском диалекте, согласно [Зализняк 2004: 159], «[п]ри отрицании прямое дополнение в берестяных грамотах всех периодов практически всегда стоит» в генитиве, причем как в локальных, так и в дистантных контекстах; в последних изредка встречается и аккузатив. В истории русского языка¹⁷ аккузатив начал вытеснять генитив при отрицании лишь в XV в. [van Helden 2008: 147], а в чешском — в XVI в. [Guiraud-Weber 2003: 364].

- СТАРОСЛАВЯНСКИЙ: локальный PartNeg
- (57) **вѣдѣдѣте нѣ вѣдѣдѣте кѣнигѣ. ни силы бѣжѣнѣ**
‘Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией’. (СМ, Мф 22:29, пример из [Willis 2013: 350], текст сверен по электронному изданию)

- СТАРОСЛАВЯНСКИЙ: дистантный PartNeg
- (58) **не оубои са прѣлти женѣ твоеѣ маріѣ**
‘Не бойся принять Марию, жену твою’. (СА, Мф 1:20, пример из [Willis 2013: 353], текст сверен по электронному изданию)

- СТАРОЧЕШСКИЙ: локальный PartNeg
- (59) *Proto kněž Otty nerodichu*
‘Поэтому они не желали [принять] князя Отты’. (Dalimilova kronika, нач. XIV в., гл. 57 l. 45, цит. по [Willis 2013: 361])

---

¹⁷ Не могу не отметить необъяснимого, с моей точки зрения, игнорирования проблематики выбора падежа объекта при отрицании в истории русского языка в фундаментальной монографии [Крысько 2006].

СТАРОЧЕШСКИЙ: дистантный PartNeg

(60) *nekažuj nám přejíti Jordana*

‘Не приказывай нам перейти Иордан’. (*Bible Olomoucká*, Nos. 32:5, 1417, цит. по Willis 2013: 361)

Таким образом, совокупные данные балтийских и славянских языков свидетельствуют о том, что обязательное или по крайней мере чрезвычайно продуктивное правило замены аккузатива на генитив при отрицании, как локальном, так и дистантном — балто-славянское явление, а полная или частичная утрата PartNeg в латышском и в большинстве современных славянских языков суть инновации, связанные как с внутренними факторами, так и с контактным влиянием. В связи с последним вряд ли случайно, что PartNeg был утрачен теми славянскими языками, которые, как и латышский, испытали особенно сильное влияние со стороны немецкого, т. е. чешским, ср. [Večerka 1960; Berger 2008: 59], и обиходными лужицкими. С другой стороны, очевидно, что контакты с немецким не могли быть единственным фактором, обусловливающим утрату vs. сохранение партитива отрицания, поскольку, во-первых, восточнославянские языки перестроили систему PartNeg безо всякого немецкого влияния, а во-вторых, PartNeg в значительной степени «нетронутым» сохранился в словенском, испытывавшем вряд ли меньшее воздействие со стороны немецкого языка, чем чешский (см. напр. [Reindl 2008]). См., впрочем, замечания в работе [Pirnat 2015: 8–9] о вариативности в ранних словенских текстах и о сокращении употребительности PartNeg в современном разговорном языке.

4. Прибалтийско-финские языки

Употребление партитива при отрицании обязательно в большинстве прибалтийско-финских языков, см., например, [Larsson 1983; Lees 2015: 34, 75]. И локальный, и дистантный партитив отрицания обязательны в эстонском [Erelt (ed.) 2003: 96, 111], ср. примеры (61)–(62), финском [Brattico 2012a, 2012b], примеры см. выше, и водском [Ariste 1968: 21; Маркус, Рожанский 2011: 229; Rozhanskiy, Markus 2015: 507–508], ср. примеры (63)–(64). При этом, как известно (см., например, [Kiparsky 2001; Huomo 2010, 2013; Metslang 2014; Lees 2015; Рожанский, наст. сб.]), партитив активно используется и в неотрицательных предложе-

ниях для выражения так называемого «частичного объекта», что может в ряде случаев быть связано с аспектуальным противопоставлением перфектива и имперфектива, ср. эстонский пример (61a). При отрицании все эти противопоставления нейтрализуются, ср. эстонский пример (61b).

ЭСТОНСКИЙ: локальный партитив отрицания

- (61) a. *Kass sõi hiir-t* /
кошка(NOM.SG) есть.PST.3SG мышь-PTV.SG /
hiir-e.

мышь-GEN.SG

‘Кошка ела / съела мышь’. [Miljan 2008: 13–14]

- b. *Kass ei söö-nud hiir-t* /
кошка(NOM.SG) NEG есть-PST.PA мышь-PTV.SG /
*hiir-e.

*мышь-GEN.SG

‘Кошка не (съ)ела мышь’. [Там же]

ЭСТОНСКИЙ: дистантный партитив отрицания¹⁸

- (62) a. *President andis ta-lle*
президент(NOM.SG) дать.PST.3SG 3SG-ALL
medali / **medalit*.

медаль.GEN.SG / *медаль.PTV.SG

‘Президент дал ему/ей медаль’.

- b. *President ei käski-nud ta-lle*
президент(NOM.SG) NEG велеть-PST.PA 3SG-ALL
medalit / **medali anda*

медаль.PTV.SG / *медаль.GEN.SG дать.INF

‘Президент не велел давать ему медаль’.

ВОДСКИЙ: локальный партитив отрицания

- (63) a. *tämä jej kaze vĕ.*
3(NOM.SG) пить.PST.3SG этот.GEN.SG вода.GEN.SG

‘Он выпил всю эту воду’. [Rozhanskiy, Markus 2015: 507]

- b. *tämä e-B jü-nu kas-tä vet-tä.*
3(NOM.SG) NEG-3SG пить-PST.PA этот-PTV.SG вода-PTV.SG

‘Он не пил этой воды / не выпил эту воду’. [Там же]

¹⁸ Примеры любезно предоставлены М. Мильян.

- ВОДСКИЙ: дистантный партитив отрицания
 (64) *miä e-n taho teh-ä tũ-t.*
 я(NOM) NEG-1SG хотеть.CNG делать-INF работа-PTV.SG
 ‘Я не хочу работать (букв. «делать работы»)’. [Там же: 492]

Согласно данным работы [Larsson 1983], партитив при отрицании также обязателен в карельском [Там же: 91] и ижорском [Там же: 94] языках, а в вепсском выступает наряду с генитивом [Там же: 96–97, 99], причем распределение двух типов оформления неясно; новейшая грамматика [Grünthal 2015: 256–257]¹⁹ лаконично сообщает, что употребление партитива при отрицании обязательно, а более ранние грамматики [de Ujfavly 1875; Зайцева 1981] о маркировании объекта при отрицании вообще не упоминают. Согласно личному сообщению И.Б. Иткина, в примере (65) из книги Л.-Г. Ларсона прямой объект оформлен генитивом потому, что находится в препозиции к отрицанию; при постпозиции же, как в примерах (66) и (67), обязателен партитив.

- ВЕПСКИЙ: генитив при отрицании
 (65) *tams se uko-n tütře-n ĭ*
 старуха(NOM.SG) этот старик-GEN.SG дочь-GEN.SG NEG.3SG
voi näh-tä.
 мочь.CNG видеть-INF
 ‘Старуха дочь старика терпеть не может’. [Kettunen, Siro 1935: 45] цит. по [Larsson 1983: 99]

- ВЕПСКИЙ: партитив при локальном отрицании
 (66) *čapaj ij tahkta-nd kirves-t.*
 рубщик(NOM.SG) NEG.3SG точить-PST.PA топор-PTV.SG
 ‘Дровосек не наточил топор’. [Там же: 96–97]

- ВЕПСКИЙ: партитив при дистантном отрицании
 (67) *E-n raci minä päst-ta ičii-n'*
 NEG-1SG сметь.CNG я(NOM) отпустить-INF сам-1SG
vouktad voudašt...
 белый.PTV.SG волюшка.PTV.SG
 ‘Не смею я отпустить свою белую волюшку...’ [ВП, 32–33]²⁰

¹⁹ Я благодарю Н. В. Перкову за указание на эту книгу и А. В. Волюшину за перевод релевантного фрагмента.

²⁰ Данный пример из восточного говора средневепсского диалекта любезно предоставлен И. Б. Иткиным.

Не вполне ясна ситуация и в ливском языке (см. подробный обзор в работе [Tveite 2004]); согласно описанию в книге [Sjögren 1861: 65; 241–242], использование партитива при отрицании обязательно и зависит в основном от тех же семантических параметров (степень вовлеченности объекта и предельность), что и в неотрицательных предложениях (ср., однако, грамматику [Moseley 2002: 29], где говорится, что отрицание в ливском всегда требует партитива). Согласно работе [Larsson 1983: 113], партитив «кажется более частотным»²¹, при этом судя по приводимым автором примерам, определенность в выборе падежа роли не играет. В недавней работе [Metslang et al. 2015] об обязательности/факкультативности партитива при отрицании в ливском не сообщается; ср. примеры (68) и (69).

ЛИВСКИЙ [Metslang et al. 2015: 451]: локальный партитив отрицания

(68) a. *Ma vōstīz sīe rōntō.*

я(NOM) купить.PST.1SG этот.GEN.SG книга.GEN.SG
‘Я купил(а) эту книгу’.

b. *Ma iz vōstā siedā rōntōzt.*

я(NOM) NEG.PST.1SG купить.CNG этот.PTV.SG книга.PTV.SG
‘Я не купил(а) эту книгу’.

ЛИВСКИЙ: дистантный партитив отрицания

(69) *Ta äb ūo mittō mōtlō-n ka*

3(NOM.SG) NEG.PRS.3SG AUX.CNG NEG думать-PST.PA PTCL

ajjō siedā nīemō kuodāj.

везти.INF этот.PTV.SG корова.PTV.SG домой

‘Не было и мысли везти эту корову домой’. [Там же: 450]

Согласно корпусному исследованию в работе [Lees 2015: 75–76], в современном ливском переводе Евангелия от Матфея примерно 11% отрицательных переходных клауз имеют объект в генитиве вместо партитива, ср. пример (70), соответствия которого в остальных прибалтийско-финских языках, исследованных А. Леесом (эстонском, финском, карельском и вепском), содержат партитив.

²¹ “scheint dies [das Partitivobjekt] gewöhnlicher als das Akkusativobjekt zu sein.”

- ЛИВСКИЙ: генитив при локальном отрицании
 (70) *Ma Izrael-s äb ūo lieudō-n*
 я(NOM) Израиль-INE NEG.PRS.1SG AUX.CNG найти-PST.PA
seļiz usk.
 такой.GEN.SG вера.GEN.SG
 ‘Я не нашел такой ⟨сильной⟩ веры в Израиле’. (Мф. 8:10)
 [Lees 2015: 76]

В аналогичных текстах XIX в. наблюдается примерно такое же распределение [Lees 2015: 162]. То же обнаруживает в своем корпусе и Т. Твейте [Tveite 2004: 147], утверждающий, что генитив/номинатив объекта встречается лишь в том случае, когда глагол пределен, а объект высоко индивидуализирован²², как в примере (71).

- ЛИВСКИЙ: генитив при дистантном отрицании
 (71) *algō kyl vōi-gō vōttō entš*
 NEG.IMP.3SG PTCL мочь-CNG.IMP.3SG взять-INF свой
rikuz ja vīļa
 богатство.GEN.SG и собственность.GEN.SG
kalmō yņōz.
 могила.ILL.SG вместе
 ‘ведь не сможет взять свое богатство и собственность с собой в могилу’. (Пс. 49(48): 17, [Tveite 2004: 80])

При этом в отдельном корпусе устных текстов, собранных от носителей 1840–1920-х годов рождения, частотность партитивного оформления объекта в отрицательных предложениях повышается от 70% у носителей, родившихся в XIX в. до 90% у носителей, родившихся в XX в. [Там же: 148], что вряд ли объяснимо напрямую влиянием латышского языка, но согласуется с отмечаемой Б. Вельхли [Wälchli 1996: 39–40] тенденцией к употреблению объектного партитива вместо ожидаемых генитива или номинатива, которые у большого числа имен совпадают. В работе [Vjarnadóttir, De Smit 2013: 48] высказывается мысль, что вариативность в маркировании объекта при отрицании в ливском может быть реликтом более древней семантически-ориенти-

²² “[T]he accusative is only used when the verb is high in telic potential and the object is high in individuation” [Tveite 2001: 147].

рованной системы, однако, по моему мнению, влияние латышского языка более вероятно и связано с меньшим набором «неизвестных».

Л.-Г. Ларсон [Larsson 1983: 113] полагает, что употребление партитива объекта при отрицании является праприбалтийско-финским явлением²³. Согласно диахроническому исследованию [Lees 2004, 2015: Ch. 5], употребление партитива при отрицании было обязательным в ранних письменных памятниках финского языка, в то время как в северном варианте эстонского в памятниках XVI–XVII в. объекты множественного числа как правило выступали при отрицании в номинативе, что, видимо, было связано с отсутствием партитива множественного числа вообще, а затем партитивное маркирование распространилось и на них. Так, если в северноэстонских текстах конца XVI — первой половины XVII в. доля непартитивных объектов при отрицании достигала в среднем 40% [Lees 2015: 100], то в текстах конца XVIII в. их доля сократилась до 25% [Там же: 105]. Впрочем, вполне возможно, что это связано с тем, что авторами самых ранних эстонских текстов были в основном носители нижненемецкого языка, владевшие эстонским лишь как вторым, ср. [Там же: 131]. В южноэстонских же текстах всех периодов партитив преобладал, в том числе и во множественном числе [Там же: 107–114], причем, в переводе Нового Завета Иоганна Гутслафа (1648) встречается немало случаев номинатива и генитива при отрицании [Там же: 108], ср. пример (72). Этот перевод, согласно А. Леесу, существенно отличался по языку от всех последующих.

СТАРОЭСТОНСКИЙ (южный): номинатив при дистантном отрицании

(72) *eth meije ei pea himmutze-ma*
что мы.NOM NEG должен.CNG желать-INF

Kurja-t Asia-t.

злой-NOM.PL вещь-NOM.PL

‘что мы не должны желать зла’ (1 Кор. 10:6, [Lees 2015: 108])

В ранних северноэстонских переводах Библии наблюдается, по-видимому, вытеснение непартитивного маркирования парти-

---

²³ “Das Partitivobjekt in verneinten Sätzen dürfte aber urfinnischen Alters sein”.

тивным, насколько об этом можно судить по изолированным примерам из двух переводов конца XVII в., приводимым в книге [Lees 2015: 115], ср. (73).

СТАРОЭСТОНСКИЙ (северный): генитив vs. партитив при локальном отрицании

- (73) a. *nisugguse Usso ep olle minna*
такой.GEN.SG вера.GEN.SG NEG AUX.CNG я(NOM)
Jsraelli sees mitte leud-nut.
Израиль.GEN.SG в NEG найти-PST.PA
(перевод 1687 г.)

- b. *seddasuggus-t usko ei olle minna*
такой-PTV.SG вера.PTV.SG NEG AUX.CNG я(NOM)
israeli-s leid-nud.
Израиль-INE найти-PST.PA
(перевод 1694 г.)

a=b 'Такой веры я не нашел в Израиле'. (Лк. 7:9, [Lees 2015: 115])

Дистантный партитив отрицания при объекте множественного числа также встречается в эстонском довольно рано, ср. следующий пример из перевода Нового Завета 1739 г.:

СТАРОЭСТОНСКИЙ (северный): партитив при дистантном отрицании

- (74) *ja ürge keelge mitte woöra-i-d*
и NEG.IMP.2PL запрещать.CNG.IMP.2PL NEG чужой-PL-PTV
kele-si-d räki-ma-st.
язык-PL-PTV говорить-INF-ELA

'И не запрещайте (им) говорить на чужих языках'. (1 Кор 14:39, [Lees 2015: 125])

В том же переводе встречается, однако, и номинатив множественного числа при локальном отрицании:

СТАРОЭСТОНСКИЙ (северный): номинатив при локальном отрицании

- (75) *kui teie ... andeks ei anna ... temma Eskitusse-d.*
если вы(NOM) PTCL NEG дать.CNG 3.GEN.SG грех-NOM.PL
'Если вы ... не простите [брату своему] его грехов'.
(Мф 18:35, [Lees 2015: 130])

Как уже было сказано, в отличие от эстонского, в финском партитив объекта при отрицании использовался последовательно начиная с самых ранних текстов [Lees 2015: 148]. В ранних карельских текстах XIX в. sporadически встречается непартитивное оформление объекта [Lees 2015: 156], ср. следующий пример:

- КАРЕЛЬСКИЙ XIX в.: аккузатив при локальном отрицании
(76) *ana hiiõ ei tallatais hī-üt*
пусть 3.NOM.PL NEG.3PL топтать.CNG.COND 3-ACC.PL
om-i-la jalo-i-la.
свой-PL-ALL нога-PL-ALL
'... чтобы они не попрали их своими ногами' (Мф 7:6, [Lees 2015: 156])

5. Типологические параллели

Замена аккузатива на генитив или партитив при отрицании является практически эксклюзивной чертой восточно-балтийского и славянского ареалов и, тем самым, яркой типологической редкостью, ср. [Miestamo 2013, 2014]. Единственная известная прямая параллель к этому феномену — употребление партитивного падежа при неопределенных объектах под отрицанием в баскском языке (раздел 5.1). Определенное сходство с балто-славяно-финским партитивом отрицания демонстрируют также более распространенные случаи, связанные с вызываемыми отрицанием ограничениями на употребление артиклей, лучше всего известные на материале французского языка (раздел 5.2), но представленные и в ряде других языков мира (раздел 5.3).

5.1. Баскский язык

В баскском языке партитив с суффиксом *-(r)ik* обязательно заменяет абсолютив при локальном отрицании, если объект неопределенный [Hualde, Ortiz de Urbina (eds.) 2003: 124–125; de Rijk 2008: 292–293; Ariztimuño López 2014: 326–330; Etxeberria 2014: 308–318], ср. пример (77).

- БАСКСКИЙ [de Rijk 2008: 292]: партитив при локальном отрицании
(77) а. *Gaur txokolate-a erosi d-u-t.*
сегодня шоколад-DEF(ABS) купить 3SG.ABS-AUX-1SG.ERG
'Сегодня я купил(а) шоколад(а)'.

b. *Gaur ez d-u-t txokolate-a*
 сегодня NEG 3SG.ABS-AUX-1SG.ERG шоколад-DEF(ABS)
erosi.

купить

‘Сегодня я не купил(а) шоколад (the chocolate)’.

c. *Gaur ez d-u-t txokolate-rik erosi.*
 сегодня NEG 3SG.ABS-AUX-1SG.ERG шоколад-PTV купить
 ‘Сегодня я не купил(а) шоколада (any chocolate)’.

Партитив возможен и при нелокальном отрицании [Hualde, Ortiz de Urbina (eds.) 2003: 124–125], ср. примеры (78a,b) из корпуса баскского языка, любезно предоставленные Н. М. Заикой.

БАСКСКИЙ: партитив при нелокальном отрицании

(78) a. *Ez d-u-t azalpen-ik entzun*
 NEG 3SG.ABS-AUX-1SG.ERG объяснение-PTV слышать
nahi.

желание

‘Я не хочу (букв. «не имею желания») слушать объяснений’.

b. *Mundaka-ko Udal-ak ez d-u beste*
 Мундака-ADJ управа-ERG NEG 3SG.ABS-AUX другой
txosten-ik egi-te-ko eska-tu.

доклад-PTV делать-IPF-ADJ просить-PFV

‘Муниципалитет Мундаки не попросил сделать другого доклада’.

При этом, согласно статье [Exteberria 2014: 308–309], в стандартном баскском и в бискайском и гипускоанском диалектах партитив не употребляется в утвердительных высказываниях, выступая лишь в контекстах «снятой утвердительности» (отрицание, вопрос, условные конструкции и т. п., подробнее см. [Ariztimuño López 2014]), а в лабурдинском и сулетинском диалектах вообще ограничен отрицательными конструкциями [Exteberria 2014: 315].

5.2. Романские языки

Во французском языке неопределенный объект при отрицании выступает с партитивным предлогом *de*, причем это возможно как в локальных, пример (79), так и в нелокальных контекстах (см. напр. [Muller 1997; Heyd 2003: 114–202]), причем по-

следние весьма разнообразны и включают финитные клаузы, ср. пример (80b)²⁴.

ФРАНЦУЗСКИЙ: партитив при локальном отрицании [Muller 1997: 252]

- (79) a. *Pierre a acheté un cheval.*
‘Пьер купил лошадь’.
b. *Pierre n’a pas acheté de cheval.*
‘Пьер не купил лошадь’.

ФРАНЦУЗСКИЙ: партитив при нелокальном отрицании [Там же: 254]

- (80) a. *Je n’ai pas songé à vous offrir de cigarettes.*
‘Я не помышлял предложить вам сигарет’.
b. *Nous n’avons aucune information qui nous permette d’avoir de certitude à cet égard.*
‘У нас нет никакой информации, которая позволяла бы нам быть в этом уверенными (букв. иметь уверенности)’.

В итальянском языке партитивный артикль при отрицании допустим с неопределенными именами во множественном числе или обозначениями веществ как при локальном, пример (81a)²⁵, так и при дистантном отрицании, пример (81b), однако необязателен, ср. пример (82) (ср., например, [Renzi et al. 1991: 262; Carlier, Lamiroy 2014: 488, 506–514]; в работе [Chierchia 1997: 91] отмечаются тонкие семантические различия между ИГ с партитивным артиклем и без него). Употребление партитивного артикля с единичными исчисляемыми именами, как во французском (79b), в итальянском невозможно [Chierchia 1997: 74].

итальянский

- (81) a. *Non ho bevuto del vino.*
‘Я не пил вина’. [Cardinaletti, Giusti 2016: 60]
b. *Non sono Socrate e non voglio bere del veleno.*
‘Я не Сократ и не хочу пить яд’²⁶.

---

²⁴ Система противопоставлений и факторов при выборе оформления объекта при отрицании во французском языке существенно сложнее кратко представленной здесь, однако ее подробное рассмотрение явно выходит за рамки задач настоящей статьи.

²⁵ Вопреки грамматике [Maiden & Robustelli 2007: 77–78].

²⁶ <http://www.efpanfic.net/viewstory.php?sid=1234461>, дата обращения 30 декабря 2016 г.

(82) *No, mio signore, io sono una donna tribolata nello spirito e non ho bevuto vino né bevanda alcolica.*

‘Нет, господин, я женщина, сокрушенная духом, и не пила ни вина, ни алкогольных напитков’²⁷.

Партитивный артикль также существовал в средневековом испанском, однако, не достигнув уровня грамматикализации, сходного с наблюдаемым во французском или итальянском, вышел из употребления, см. [Carlier, Lamiroy 2014: 501–506]. Согласно данной работе, во французском партитивный артикль стал особенно частотным лишь в XV в., однако данных об отрицательных контекстах в этой работе, как и в статье [Carlier 2007], специально посвященной исследованию грамматикализации французского партитивного артикля, не приводится. В подробном изложении употребления партитивного артикля в старофранцузском в классической работе [Foulet 1928: 61–83] сообщается, что употребление его при отрицании появилось поздно [Там же: 73–76, 270–271] и было связано, во-первых, с глаголами типа ‘есть’ и ‘пить’, и, во-вторых, с эмфатическим отрицанием типа *point de*.

5.3. Прочие случаи

Согласно работам [Miestamo 2013, 2014], отрицание воздействует на употребление артиклей и подобных им показателей в целом ряде языков, никак не связанных ни с основным рассматриваемым здесь ареалом, ни друг с другом. Так, в языке намбиквара (семья намбиквара, Бразилия, [Kroeker 2001: 34–35]) при отрицании артикль на объекте заменяется на отрицательный показатель, в том числе в дистантных контекстах, ср. примеры (83) и (84).

НАМБИКВАРА [Kroeker 2001: 34]: локальное отрицание²⁸

(83) а. *Hu³kx-a² yū³n-a¹-wa².*

лук-DEF иметь-1SG-IPF

‘У меня есть лук’.

²⁷ Domenico Barbera, *I tempi del verbo ricordare*. Niagara Falls, 2015, p. 194, books.google.com (дата обращения 12 ноября 2016 г.)

²⁸ Надстрочная цифра в транскрипции обозначает тон; глоссирование примеров несколько упрощено по сравнению с источником.

b. *Hu³ki³-la² yũn²-nxa³-wa²*
 лук-NDET иметь-1SG.NEG-IPF
 ‘У меня нет лука’.

НАМБИКВАРА [Kroeker 2001: 35]: дистантное отрицание
 (84) *Hu³kxẽn¹-ta³ hu³kih³-nũ²la² kax³yuh³-la³ an³-sxã³*
 ружье-NDET стрелять-SBD дичь-NDET убить-SBD
ĩ²-te²-txã³-wa².
 есть-EVID-NEG-IPF
 ‘У меня не было ружья, чтобы убить дичь и поест’.

В других языках этой семьи — мамаинде [Eberhard 2009] и сабане [de Araújo 2004] — сходных конструкций не обнаруживается.

В австронезийском языке араки (Вануату, [François 2002: 64–65]), отчасти подобно французскому, при отрицании с неопределенными/нереферентными объектами используется партитивный артикль *re* (о выражении партитивности в языках Океании см. статью [Budd 2014], в частности, в связи с отрицанием [Там же: 555–558]), ср. следующие примеры:

АРАКИ [Miestamo 2014: 76] со ссылкой на А. Франсуа
 (85) a. *nam les-i-a jau lo leḗa.*
 1SG.REAL видеть-OBJ-3SG краб LOC земля
 ‘Я видел краба (a/the crab) на земле’.
 b. *nam je les re jau lo leḗa.*
 1SG.REAL NEG видеть PTV краб LOC земля
 ‘Я не видел краба (a/any crab) на земле’.

При этом в отрицательных предложениях запрещено употребление специализированного неопределенно-референтного артикля, а в утвердительных предложениях с формами реализа недопустим партитивный артикль [Miestamo 2014: 76–77]. Отчасти аналогичные явления представлены и в ряде других языков Океании [Там же: 77–79]; в частности, отмечается развитие партитивного артикля в глагольный показатель отрицания, см. также [Budd 2014: 556–558].

В языке нунгубую (семья гунвиньгу, северная Австралия, [Heath 1984: 163, 526–531]) именные группы в сфере действия отрицания (как актанты, так и сирконстанты) обязательно высту-

пают с классными префиксами, употребление которых в неотрицательных контекстах связано с такими факторами, как грамматическая роль, падеж и дискурсивный статус, см. [Там же: 163–173]. Ср. пример (86), где прямой объект выступает с классным префиксом при отрицании, хотя, согласно Дж. Хиту, в этой синтаксической роли обычна форма без классного префикса (соответствующих примеров, однако, автор не приводит).

- НУНГУБУЮ [Heath 1984: 164]: локальное отрицание
 (86) *wa:ri ambu:-lhawu=rabala-ni ana-lha:wu.*
 NEG 3PL-речь=выйти-PST CL-речь
 ‘Они не выпалили эти слова’.

Подобное маркирование сферы действия отрицания может распространяться на несколько соположенных глагольных форм [Там же: 528–529]²⁹, ср. пример (87).

- НУНГУБУЮ [Heath 1984: 529]: дистантное отрицание
 (87) *yagi an-uguni wu:=rumi ana:-rijbila*
 NEG CL-туда 3PL=пойдут CL-Арийбила
wu:=wurdhi’.
 3PL=будут.похоронены
 ‘Им нельзя идти в Арийбилу и быть похороненными там’.

В ближайшем родственнике нунгубую — языке аиндиляква — классные префиксы употребляются обязательно вне зависимости от контекста, см. [van Egmond 2012: 106].

Наконец, среди случаев, не упомянутых в работе [Miestamo 2014], можно отметить язык югулда (тангская семья, северная Австралия, [Evans 1995: 427–430]), где отрицание, наряду с рядом иных факторов, в первую очередь связанных с ирреальностью, вызывает изменение всей конструкции клаузы с эргативной (переходной) на непереходную с объектом, маркированным одним из косвенных падежей, ср. пример (88), иллюстрирующий утвердительную переходную конструкцию с субъектом в эргативе и объектом в абсолютиве, и пример (89) с непереходной конструкцией с субъектом в абсолютиве и объектом в дативе.

²⁹ “[N]egative harmony due to a single negative word often applies to two or more juxtaposed predicative nuclei” [Heath 1984: 528].

- ЮГУЛДА: отрицание и переходность
- (88) *dangka-ya=karri ngawu bala-tha.*
человек-ERG=3>3.PRS собака(ABS) бить-IND
'Человек бьет собаку'. [Evans 1995: 427]
- (89) *walirra=ngka dangka-ra kunawuna-ntha bala-tha.*
NEG=3SG.PRS человек-ABS ребенок-DAT бить-IND
'Человек не бьет твоего ребенка'. [Там же: 429]

В родственном языке ладил отрицание вызывает изменение падежного оформления локативных групп [Evans 1995: 431], ср. пример (90).

- ЛАДИЛ [Evans 1995: 431]: отрицание и локативные группы
- (90) a. *niya yuud-ja-tha dawun-nge.*
3SG.NOM PFV-войти-IND дом-LOC
'Он пошел в дом'.
- b. *bidngen ja-jarri dawun-i.*
женщина(NOM) войти-NEG дом-OBJ
'Женщина не вошла в дом'.

В отличие от югулды и ладила, наиболее подробно исследованный тангский язык — каядилт — не отражает противопоставления между утвердительными и отрицательными конструкциями в падежном маркировании [Evans 1995: 372].

6. Заключение

Дистрибуция локального и дистантного партитива/генитива отрицания в рассмотренных языках (за исключением упомянутых в разделе 5.3) представлена в таблице 1.

На основании приведенной таблицы можно сделать два имплицативных обобщения, представленных в (91) и (92), причем если одно из них вполне ожидаемо, то другое скорее нетривиально.

- (91) Если в языке есть хотя бы редкие случаи изменения падежного маркирования объекта нефинитного предиката под воздействием матричного отрицания, то в нем есть и не менее продуктивны аналогичные случаи для локального отрицания.

Табл. 1. Локальный и дистантный партитив отрицания

язык	локальный PartNeg	дистантный PartNeg
эстонский, финский, водский	обязателен	обязателен
литовский, польский	обязателен	регулярен
словенский	близок к обязательности	регулярен
латгальский	регулярен	регулярен
французский	регулярен	регулярен
баскский	регулярен	регулярен
ливский, вепсский	факультативен	факультативен
лужицкие литературные, кашубский	факультативен	факультативен
русский, белорусский, украинский	факультативен	редок
итальянский	факультативен	факультативен
латышский	только эмфатический, редок	только эмфатический, редок
сербохорватский	только эмфатический, редок	очень редок
чешский, словацкий, верхнелужицкий обиходный	нет	нет

- (92) Если в языке есть продуктивное правило изменения падежного маркирования объекта под воздействием локального отрицания, то в нем есть (возможно, факультативное) правило аналогичного изменения и для по крайней мере некоторых контекстов дистантного отрицания.

Действительно, в (91) импликация переходит от более широкой синтаксической области к более узкой, а в (92) направление импликации обратное — от узкой синтаксической области к более широкой. В настоящее время объяснения обобщению (92) у меня нет; по всей видимости, его следует искать в диахронии соответствующих конструкций.

С ареальной точки зрения можно заключить, что партитив отрицания — общая инновация балтийских и славянских языков (см. аргументацию и сценарий развития в [Pirnat 2015: 21–28]),

частично или полностью утраченная рядом современных языков под действием как внутренних, так и внешних факторов. Что касается прибалтийско-финского партитива отрицания, то он вряд ли возник полностью независимо от балто-славянского, хотя точное направление контактного влияния не вполне очевидно, см. [Wälchli, Kortjevskaja-Tamm 2001: 664; Larsson 2001: 245–247], ср., однако, гипотезу Л.-Г. Ларсона, высказанную им в более ранней работе [Larsson 1983: 143], что «употребление партитива в прибалтийско-финских языках распространилось под влиянием балтийских языков»³⁰, уверенно поддержанную также в недавних работах [Bjarnadóttir, De Smit 2013: 46–50; De Smit, Luraghi 2016: 48]; впрочем, как свидетельствуют данные эстонских памятников, изученные в работе [Lees 2015], сам партитив как морфологическая категория в этом языке полностью установился лишь в письменный период. Как и в балтийских и славянских языках, утрата обязательного партитива отрицания в ряде прибалтийско-финских языков связана с более поздним иноязычным влиянием (помимо ливского это также некоторые финские диалекты в контакте со скандинавскими языками, см. [Lees 2015: 34]).

Баскско-романская параллель, очевидно, независима от восточноевропейского случая, и нуждается в дальнейшем историческом и диалектологическом изучении (показательно, что исследование грамматикализации французского партитивного артикля в работах [Carlier 2007; Carlier, Lamiroy 2014] не упоминает ни контекстов с отрицанием, ни возможных ареальных факторов). Утверждение в работе [De Smit, Luraghi 2016: 48] о развитии баскского партитива под романским влиянием³¹ представляется вероятным, однако на данном этапе излишне категоричным.

Сокращения

ABS – абсолютив; ACC – аккузатив; ADJ – адъективизатор; ADV – адвербиализатор; ALL – аллатив; AUX – вспомогательный глагол; CL – классный показатель; CNG – коннегатив; COND – кондиционал; DAT – да-

---

³⁰ “Ich nehme an, dass der baltische Genitiv mit dem urfinnischen Partitiv auf Basis der Funktion identifiziert wurde und dass der Partitivgebrauch sich im Urfinnischen nach baltischem Vorbild verbreitete.”

³¹ “The Basque ablative acquired a partitive function and developed into a partitive determiner under the influence of Romance varieties.”

тив; DEF – определенность; ELA – элатив; ERG – эргатив; EVID – эвиденциальность; FUT – будущее время; GEN – генитив; ILL – иллатив; IMP – императив; IND – индикатив; INE – инэссив; INF – инфинитив; IPF – имперфектив; LOC – локатив; M – мужской род; NDET – отрицательный артикль; NEG – отрицание; NOM – номинатив; OBJ – объект; PA – активное причастие; PFV – перфектив; PL – множественное число; PRS – настоящее время; PRV – преверб; PST – прошедшее время; PTCL – частица; PTV – партитив; REAL – реалис; SBD – субординатор; SG – единственное число.

Источники

- ВП — Käte-ške käbedaks kăgoihudeks ‘Обернись-ка милой кукушечкой’ (Вепские причитания) / Сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. Нотировки С. В. Косыревой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. [Käte-ške käbedaks kăgoihudeks ‘Obernis’-ka miloj kukushechkoj’ (Vepsskie prichitaniya) [‘Turn into a cuckoo’ (Vepssian lamentations)] // Sost. N. G. Zajtseva, O. YU. Zhukova. Notirovki S. V. Kocyrevoj. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj tsentr RAN, 2012]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus], www.ruscorpora.ru
- СА — Codex Assemanianus, электронное издание <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/aksl/asseman/assem.htm>
- СМ — Codex Marianus, электронное издание <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/aksl/marianus/maria.htm>
- DP — Mikalojus Daukša. Postilė (Postilla Catholicka tai est Išguldimas Ewangeliiu...). Vilnius, 1599. Электронное издание <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=2>
- LKT — Корпус литовского языка [Corpus of Modern Lithuanian], <http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/>
- МК — Martynas Mažvydas. Knigieles Paczias byla Letuuinikump jr Szemaicziump // Catechismvsa prasty Szadei, Makslas skaitima raschta ... Königsberg, 1547. Цит. по изданию Ford, Gordon B., Jr. *Old Lithuanian Texts of the Sixteenth and Seventeenth Centuries with a Glossary*. The Hague: Mouton, 1969, pp. 12–16.

Библиография

- Атраховіч и др. (рэд.) 1966 — К. К. Атраховіч, М. Г. Булахаў, П. П. Шуба (рэд.). Граматыка беларускай мовы. Том II. Сінтаксіс. Мінск: Навука і тэхніка, 1966. [К. К. Atrakhovich, M. G. Bulakhaŭ, P. P. Shuba (eds.). *Gramatyka belaruskai movy. Tom II. Sintaksis*. [A grammar of Belarusian. Volume II. Syntax] Minsk: Navuka i tekhnika, 1966]

- Бірыла, Шуба 1986 — М. В. Бірыла, П. П. Шуба (рэд.). Беларуская граматыка. Частка 2. Сінтаксіс. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. [M. V. Biryła, P. P. Shuba (eds.). *Belaruskaja gramatyka. Chastka 2. Sintaksis* [Belarusian grammar. Part 2. Syntax]. Minsk: Navuka i tekhnika, 1986]
- Гиро-Вебер 2003 — М. Гиро-Вебер. Ещё раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // *Russian Linguistics* 27, 2003. С. 363–384. [M. Guiraud-Weber. *Eshchë raz o russkom genitive otritsaniia: vzgliad so storony* [Once again about Russian genitive of negation: a detached view] // *Russian Linguistics* 27, 2003. P. 363–384]
- Дограмаджиева 1982 — Е. Дограмаджиева. Отражение распада склонения в Банишском евангелии // Е. И. Демина (отв. ред.). *Язык и письменность среднеболгарского периода*. М.: Наука, 1982. С. 166–174. [E. Dogramadzhieva. *Otrazhenie raspada skloneniia v Banishskom evangeliu* [Reflection of the declension decay in the Banitsa Gospel] // E. I. Demina (ed.). *IAzyk i pis'mennost' srednebolgarskogo perioda*. Moscow: Nauka, 1982. P. 166–174]
- Зайцева 1981 — М. И. Зайцева. Грамматика вепского языка (фонетика и морфология). Л.: Наука, 1981. [M. I. Zaitseva. *Grammatika vep'skogo iazyka (fonetika i morfologiya)* [A grammar of Veps (phonetics and morphology)]. Leningrad: Nauka, 1981]
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. [A. A. Zaluzniak. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: IAzyki slavianskoi kultury, 2004]
- Івановіч 2004 — М. Івановіч. Форма прямого додатка в заперечних конструкціях в українській і сербській мовах // *Проблеми слов'янознавства* 54, 2004. С. 113–121. [M. Ivanovich. *Forma priamogo dodatka v zaperechnykh konstruktsiiah v ukraïns'kii i serbs'kii movakh* [The form of the direct object in negative constructions in Ukrainian and Serbian] // *Problemy slov'ianoznavstva* 54, 2004. P. 113–121]
- Корнакова 2015 — Е. В. Корнакова. Лицензирование генитива отрицания и единиц отрицательной поляризации в русских полипредикативных конструкциях. Курсовая работа. Москва, МГУ, 2015. [E. V. Kornakova. *Litsenzirovaniye genitiva otritsaniia i edinits otritsatel'noi poliarizatsii v russkikh polipredikativnykh konstruktsiiah* [Licensing of the genitive of negation and negative polarity items in Russian polypredicative constructions]. Term paper, Moscow, MSU, 2015]
- Крысько 2006 — В. Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М.: Азбуковник, 2006. [V. B. Kry's'ko. *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka. Ob'ekt i perekhodnost'* [Historical syntax of Russian. Object and transitivity]. Moscow: Azbukovnik, 2006]

- Кулик 1961 — Б. М. Кулик. Курс сучасної української літературної мови. Частина II. Синтаксис. Київ: Радянська школа, 1961. [B. M. Kulyk. Kurs suchasnoi ukrains'koï literaturnoi movy. Chastyna II. Syntaksys [A course of modern standard Ukrainian. Part II. Syntax]. Kiev: Radianska shkola, 1961]
- Маркус, Рожанский 2011 — Е. В. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Т. II. СПб.: Нестор-История, 2011. [E. V. Markus, F. I. Rozhanskii. Sovremennyi vodskii iazyk. Teksty i grammaticheskii ocherk [Contemporary Votic. Texts and grammar sketch]. Vol. II. SPb.: Nestor-Istoriia, 2011]
- Падучева 2006 — Е. В. Падучева. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания 6, 2006. С. 21–43. [E. V. Paducheva. Genitiv dopolneniia v otritsatel'nom predlozhenii [Direct object genitive in negative clauses] // Voprosy iazykoznanii 6, 2006. P. 21–43]
- Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. [E. V. Paducheva. Russkoe otritsatel'noe predlozhenie [Russian negative sentences]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013]
- Рахилина 2008 — Е. В. Рахилина (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел-2000, 2008. [E. V. Rakhilina (ed.). Ob"ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom iazyke [Object genitive under negation in Russian]. Moscow: Probel-2000, 2008]
- Скорвид 2004 — С. С. Скорвид. О «дистанционном управлении» и автономном употреблении славянских падежных форм // Славянский вестник 2, 2004. С. 332–338. [S. S. Skorvid. O «distsionnom upravlenii» i avtonomnom upotreblenii slavianskikh padezhnykh form [On “distant government” and autonomous usage of Slavic case forms] // Slavianskii vestnik 2, 2004. P. 332–338]
- Тимченко 1913 — Е. К. Тимченко. Функції генитива в южнорусской языковой области. Варшава: Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, 1913. [E. K. Timchenko. Funktsii genitiva v" iuzhnorusskoi iazykovoï oblasti [Functions of the genitive in Southern Russian dialect area]. Warsaw: Tipografiia Varshavskago Uchebnago Okrug, 1913]
- Холодилова 2015 — М. А. Холодилова. Грамматикализация русских модальных глаголов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН 11 (1), 2015. С. 369–399. [M. A. Kholodilova. Grammatikalizatsiia russkikh modal'nykh glagolov [Grammaticalization of Russian modal verbs] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniï RAN 11 (1), 2015. P. 369–399]
- Эршлер 2008 — Д. А. Эршлер. Генитив отрицания и непацентивные значения аккумулятива: феноменология и семантика // Е. В. Рахили-

- на (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел-2000, 2008. С. 97–122. [D. A. Ershler. Genitiv otritsaniia i nepatsientivnye znachenii akkuzativa: fenomenologija i semantika [Genitive of negation and non-patientive functions of the accusative: phenomenology and semantics] // E. V. Rakhilina (ed.). Ob"ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom iazyke. Moscow: Probel-2000, 2008. P. 97–122]
- Alexander 2006 — R. Alexander. *Bosnian, Croatian, Serbian. A Grammar with Sociolinguistic Commentary*. Madison: University of Wisconsin Press, 2006.
- Ariste 1968 — P. Ariste. *A Grammar of the Votic Language*. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton, 1968.
- Ariztimuño López 2014 — B. Ariztimuño López. The origin of the Basque partitive // S. Luraghi, T. Huomo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2014. P. 323–344.
- Arkadiev 2016 — P. Arkadiev. Long-distance genitive of negation in Lithuanian // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Argument Realization in Baltic*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 37–81.
- Bartoš, Gagnaire 1972 — J. Bartoš, J. Gagnaire. *Grammaire de la langue slovaque*. Bratislava: Matica slovenská; Paris: Institut d'études slaves, 1972.
- Berg-Olsen 2000 — S. Berg-Olsen. The Latvian non-prepositional genitive – a case losing ground // *Res Balticae* 6, 2000. P. 95–146.
- Berg-Olsen 2004 — S. Berg-Olsen. *The Latvian dative and genitive: A Cognitive Grammar Account*. Doctoral Dissertation, University of Oslo, 2004.
- Berger 2008 — T. Berger. Deutsche Einflüsse auf das grammatische System des Tschechischen // T. Berger (Hrsg.). *Studien zur historischen Grammatik des Tscheschischen. Bohemische Beiträge zur Kontaktlinguistik*. München: LINCOM, 2008. P. 57–69.
- Bielenstein 1863 — A. J. G. Bielenstein. *Lettische Grammatik*. Mitau: Fr. Lucas' Buchhandlung, 1863.
- Bjarnadóttir, De Smit 2013 — V. Bjarnadóttir, M. De Smit. Primary argument case-marking in Baltic and Finnic // *Baltu filologija* 23 (1), 2013. P. 31–65.
- Błaszczak 2003 — J. Błaszczak. Genitive of negation constructions in Polish: A challenge to Chomsky's Minimalist Inquiries? Ms., University of Potsdam, 2003.
- Brattico 2012a — P. Brattico. Structural case assignment and Phi-agreement in Finnish // *SKY Journal of Linguistics* 25, 2012. P. 29–59.
- Brattico 2012b — P. Brattico. Long-distance case assignment in Finnish // *Studia Linguistica* 66 (3), 2012. P. 245–285.
- Breza, Treder 1981 — E. Breza, J. Treder. *Gramatyka kaszubska. Zarys popularny*. Gdańsk: Zrzeczenie Kaszubsko-Pomorskie, 1981.

- Brown, Franks 1995 — S. Brown, S. Franks. Asymmetries in the scope of Russian negation // *Journal of Slavic Linguistics* 3 (2), 1995. P. 239–287.
- Browne, Alt 2004 — W. Browne, Th. Alt. A Handbook of Bosnian, Serbian and Croatian. (SEELRC Reference Grammars, 2004. <http://www.seelrc.org:8080/grammar/mainframe.jsp?nLanguageID=1>).
- Budd 2014 — P. Budd. Partitives in Oceanic languages // S. Luraghi, T. Huumo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2014. P. 523–561.
- Bukšs, Placinskis 1973 — M. Bukšs, J. Placinskis. *Latgaļu volūdas gramatika un pareizraksteibas vōrdneica*. München: Latgaļu izdevnīceiba, 1973.
- Cardinaletti, Giusti 2016 — A. Cardinaletti, G. Giusti. The syntax of the Italian indefinite determiner // *Lingua* 181, 2016. P. 58–80.
- Carlier 2007 — A. Carlier. From preposition to article. The grammaticalization of the French partitive // *Studies in Language* 31 (1), 2007. P. 1–49.
- Carlier, Lamiroy 2014 — A. Carlier, B. Lamiroy. The grammaticalization of the prepositional partitive in Romance // S. Luraghi, T. Huumo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2014. P. 477–519.
- Chierchia 1997 — G. Chierchia. Partitives, reference to kinds and semantic variation // A. Lawson (ed.). *Proceedings of SALT VII*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. P. 73–98.
- de Araújo 2004 — G. A. de Araújo. *A Grammar of Sabanê. A Nambikwaran Language*. Utrecht: LOT Publications, 2004.
- de Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. *Standard Basque. A Progressive Grammar*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- De Smit, Luraghi 2016 — M. De Smit, S. Luraghi. Contact-induced change in the languages of Europe: The rise and the development of partitive cases and determiners. Presentation at the 49th Annual Meeting of Societas Linguistica Europaea, Naples, 31 August – 3 September 2016.
- de Ujfavly 1875 — Ch. E. de Ujfavly. *Essai de grammaire vèpse ou tchoude du nord d'après les données de MM. Ahlqvist et Lönnrot*. Paris: Ernest Leroux, 1875.
- Eberhard 2009 — D. M. Eberhard. *Mamaindê Grammar: A Northern Nambikwara Language and Its Cultural Context*. Vols. 1–2. Utrecht: LOT Publications, 2009.
- Endzelin 1922 — J. Endzelin. *Lettische Grammatik*. Riga: A. Gulbis, 1922.
- Erelt (ed.) 2003 — M. Erelt (ed.). *Estonian Language*. Tallinn: Estonian Academy of Sciences, 2003.
- Etxeberria 2014 — U. Etxeberria. The definite article and the partitive particle in Basque: dialectal variation // S. Luraghi, T. Huumo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2014. P. 291–322.

- Evans 1995 — N. Evans. A Grammar of Kayardild. With Historical-Comparative Notes on Tangkic. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1995.
- Faßke, Michalk 1980 — H. Faßke, S. Michalk. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen: VEB Domowina Verlag, 1980.
- Foulet 1928 — L. Foulet. Petite syntaxe de l'ancien français. 3ème éd. rev. Paris: Champion, 1928.
- François 2002 — A. François. Araki. A Disappearing Language of Vanuatu. Canberra: Australian National University, 2002.
- Grünthal 2015 — R. Grünthal. Vepsän kielioppi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015.
- Guiraud-Weber, Zaremba 2007 — M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba. Incidence de la négation sur les deux premiers actants de la phrase en polonais, russe et tchèque // Chr. Touratier, Ch. Zaremba (éds.). La négation (Travaux du Cercle linguistique d'Aix-en-Provence). Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 2007. P. 49–67.
- Harrer-Pisarkowa 1959 — K. Harrer-Pisarkowa. Przypadek dopełnienia w polskim zdaniu zaprzeczonym // Język polski 39 (1), 1959. P. 9–32.
- Harves 2002 — S. Harves. Unaccusative Syntax in Russian. Doctoral Dissertation, Princeton University, 2002.
- Harves 2013 — S. Harves. The genitive of negation in Russian // Language and Linguistics Compass, 2013. P. 1–16.
- Hausenblas 1958 — K. Hausenblas. Vývoj předmětového genitivu v češtině. Studie a práce lingvistické, 3. Praha, 1958.
- Heath 1984 — J. Heath. Functional Grammar of Nunggubuyu. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1984.
- Heyd 2003 — S. Heyd. L'interprétation des syntagmes nominaux en *des* et *de* en position sujet et objet. Généricité, habitabilité et incorporation sémantique. Thèse de doctorat, Université Strasbourg-II, 2003.
- Holvoet, Nau 2014 — A. Holvoet, N. Nau. Argument marking and grammatical relations in Baltic. An overview // A. Holvoet, N. Nau (eds.). Grammatical Relations and their Non-Canonical Encoding in Baltic. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 1–41.
- Hualde, Ortiz de Urbina (eds.) 2003 — J. I. Hualde, J. Ortiz de Urbina (eds.). A Grammar of Basque. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- Huumo 2010 — T. Huomo. Nominal aspect, quantity, and time: The case of the Finnish object // Journal of Linguistics 46, 2010. P. 83–125.
- Huumo 2013 — T. Huomo. On the many faces of incompleteness: Hide-and-seek with the Finnish partitive object // Folia Linguistica 47 (1), 2013. P. 89–111.
- Ilc 2011 — G. Ilc. Optionality of the genitive (of negation) in Slovene // P. Kosta, L. Schurecks (eds.). Formalization of Grammar in Slavic

- Languages. Contributions of the Eighth International Conference on Formal Description of Slavic Languages — FDSL VIII 2009 University of Potsdam, December 2-5, 2009. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. P. 193–206.
- Janaš 1984 — P. Janaš. Niedersorbische Grammatik für den Schulgebrauch. 2. Aufl. Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1984.
- Kagan 2012 — O. Kagan. Semantics of Genitive Objects in Russian. A Study of Genitive of Negation and Intensional Genitive Case. Dordrecht: Springer, 2012.
- Kettunen, Siro 1935 — L. Kettunen, P. Siro. Näytteitä vepsän murteista. Helsinki, 1935 (non vidi).
- Kiparsky 2001 — P. Kiparsky. Structural case in Finnish // *Lingua* 111, 2001. P. 315–376.
- Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001 — M. Koptjevskaja-Tamm, B. Wälchli. The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, V. 2, 2001. P. 615–750.
- Kozhanov 2017 — K. Kozhanov. Studying variation in case marking: The genitive of negation in Aukštaitian dialects of Lithuanian // *Baltic Linguistics* 8, 2017. P. 97–114.
- Krasovitsky et al. 2011 — A. Krasovitsky, M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett (eds.). Changing semantic factors in case selection: Russian evidence from the last two centuries // *Morphology* 21 (2), 2011. P. 573–592.
- Kroeker 2001 — M. H. Kroeker. A descriptive grammar of Nambikuara // *International Journal of American Linguistics* 67 (1), 2001. P. 1–87.
- Kryshevich 2010 — O. Kryshevich. *The Genitive of Negation in Ukrainian*. MA Thesis, University of Cambridge, 2010.
- Kuntzmann-Müller 1994 — B. Kuntzmann-Müller. *Grammatikhandbuch des Kroatischen und Serbischen*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1994.
- Larsson 1983 — L.-G. Larsson. *Studien zum Partitivgebrauch in den ostseefinnischen Sprachen*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1983.
- Larsson 2001 — L.-G. Larsson. Baltic influence on Finnic languages // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, V. 1, 2001. P. 237–253.
- Lees 2004 — A. Lees. The case of the object in early Estonian and Finnish texts // *Proceedings of the 2004 Conference of the Australian Linguistic Society*, <http://hdl.handle.net/2123/113>.
- Lees 2015 — A. Lees. *Case Alternations in Five Finnic Languages. Estonian, Finnish, Karelian, Livonian and Veps*. Leiden, Boston: Brill, 2015.

- Leinonen 2016 — M. Leinonen. Partitives and genitives in negated sentences in Finnish, Latvian and Lithuanian // A. Kalnača, I. Lokmane, D. Horiučī (eds.). *Valoda: Nozīme un forma. 7. Gramatika un saziņa*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2016. P. 89–103.
- Lorenz 1919 — F. Lorenz. *Kaschubische Grammatik*. Danzig: Gedania, 1919.
- Maiden, Robustelli 2007 — M. Maiden, C. Robustelli. *A Reference Grammar of Modern Italian*. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2007.
- Mazon 1952 — A. Mazon. *Grammaire de la langue tchèque*. Paris: Institut d'études slaves, 1952.
- Mazzitelli 2010 — L. F. Mazzitelli. Il fenomeno dell'alternanza genitivo-accusativo per l'espressione dell'oggetto diretto in presenza di negazione in bielorusso // R. Benacchio, L. Ruvoletto (eds.). *Lingue slave in evoluzione: studi di grammatica e semantica*. Padova: Unipress, 2010. P. 139–148.
- Menantaud 1993 — H. Menantaud. Contribution à la description morpho-syntaxique de la phrase négative polonaise. Forme du complément nominal // *Revue des études slaves* 65 (4), 1993. P. 821–826.
- Menantaud 1999 — H. Menantaud. La négation comme catégorie grammaticale en polonais et en lituanien // *Cahiers de Linguistique de l'INALCO* 1-2, 1999. P. 43–57.
- Menantaud 2007 — H. Menantaud. Note sur une alternance morphologique induite par la négation dans les langues baltes modernes (letton et lituanien) // Chr. Touratier, Ch. Zaremba (éds.). *La négation*. (Travaux du Cercle linguistique d'Aix-en-Provence) Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 2007. P. 91–99.
- Metslang 2014 — H. Metslang. Partitive noun phrases in the Estonian core argument system // S. Luraghi, T. Huumo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2014. P. 177–255.
- Metslang et al. 2015 — H. Metslang, K. Pajusalu, T.-R. Viitso. Negation in Livonian // M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). *Negation in Uralic Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2015. P. 433–457.
- Miestamo 2013 — M. Miestamo. The marking of nominal participants under negation. Paper presented at the 10th Biennial Meeting of the Association of Linguistic Typology, Leipzig, August 2013.
- Miestamo 2014 — M. Miestamo. Partitives and negation: A cross-linguistic survey // S. Luraghi, T. Huumo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2014. P. 63–86.
- Miljan 2008 — M. Miljan. *Grammatical Case in Estonian*. Doctoral dissertation, University of Edinburgh, 2008.
- Moseley 2002 — Chr. Moseley. *Livonian*. München, Newcastle: Lincom Europa, 2002.

- Muller 1997 — Cl. Muller. De partitif et la négation // D. Forget, P. Hirschbühler, Fr. Martineau, M. L. Rivero (eds.). *Negation and Polarity. Syntax and Semantics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 251–270.
- Nau 1998 — N. Nau. *Latvian*. München & Newcastle: LINCOP Europa, 1998.
- Nau 2011 — N. Nau. *A Short Grammar of Latgalian*. München, Newcastle: LINCOP Europa, 2011.
- Nau 2014 — N. Nau. Differential object marking in Latgalian // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Grammatical Relations and their Non-Canonical Encoding in Baltic*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 207–255.
- Nītiņa, Grigorjevs (red.) 2013 — D. Nītiņa, J. Grigorjevs (red.). *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: Latvijas Universitāte, 2013.
- Pavlič, Živanović 2012 — M. Pavlič, S. Živanović. The genitive of negation in Slovenian // *Proceedings of the 4th Austrian Students' Conference of Linguistics*, Innsbruck, November 2012. P. 12–31.
- Petkevič 2016 — V. Petkevič. Genitivní valence českých sloves // K. Skwarśka, E. Kaczmarśka (eds.). *Výzkum slovesné valence ve slovanských zemích*. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2016. P. 207–226.
- Pirnat 2015 — Ž. Pirnat. Genesis of the Genitive of Negation in Balto-Slavic and its evidence in contemporary Slovenian // *Slovene Linguistic Studies* 10, 2015, P. 3–52.
- Pronk 2009 — T. Pronk. *The Slovene Dialect of Egg and Patschach in the Gailtal, Austria*. Amsterdam, New York: Rodopi, 2009.
- Przepiórkowski 2000 — A. Przepiórkowski. Long-distance genitive of negation in Polish // *Journal of Slavic Linguistics* 8, 2000. P. 119–158.
- Pugh 2009 — S. M. Pugh. *The Rusyn Language. A Grammar of the Literary Standard of Slovakia with reference to Lemko and Subcarpathian Rusyn*. München, Newcastle: LINCOP Europa, 2009.
- Pugh, Press 1999 — S. M. Pugh, I. Press. *Ukrainian: A Comprehensive Grammar*. London, New York: Routledge, 1999.
- Rechzieglová 1995 — A. Rechzieglová. *On Negation in Czech*. Praha: Euroslavka, 1995.
- Reindl 2008 — D. F. Reindl. *Language Contact: German and Slovenian*. Bochum: Brockmeyer, 2008.
- Renzi et al. 1991 — L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti. *Grande grammatica italiana di consultazione*. Vol. 2. Bologna: Il Mulino, 1991.
- Rozhanskiy, Markus 2015 — F. Rozhanskiy, E. Markus. Negation in contemporary Votic // M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). *Negation in Uralic Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2015. P. 487–515.

- Ružička (red.) 1966 — J. Ružička (red.). *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966.
- Schmalstieg 1987 — W. R. Schmalstieg. *A Lithuanian Historical Syntax*. Columbus (OH): Slavica, 1987.
- Scholze 2007 — L. Scholze. *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache unter besonderer Berücksichtigung des Sprachkontakts*. Doctoral Dissertation, Universität Konstanz, 2007.
- Schuster-Ševc 1996 — H. Schuster-Ševc. *Grammar of the Upper Sorbian Language. Phonology and Morphology*. Trans. by Gary H. Toops. München: Lincom Europa, 1996.
- Seržant 2015 — I. Seržant. The independent partitive genitive as an Eastern Circum-Baltic isogloss // *Journal of Language Contact* 8, 2015. P. 341–418.
- Sjögren 1861 — J. A. Sjögren. *Livische Grammatik nebst Sprachproben (Gesammelte Schriften. Bd. II. Th. I)*. St Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861.
- Stang 1929 — Chr. Stang. *Die Sprache des lithauischen Katechismus vom Mažvydas* // *Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo*. II. Hist.-Filol. Klasse. B. II, No. 3, 1929. P. 1–192.
- Steenwijk 1992 — H. Steenwijk. *The Slovene Dialect of Resia San Giorgio*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1992.
- Šwela 1952 — B. Šwela. *Grammatik der niedersorbischen Sprache*. 2. Aufl. Bearb. und hrsg. von Dr. Frido Měšk. Bautzen: Domowina-Verlag, 1952.
- Timberlake 1986 — A. Timberlake. Hierarchies in the genitive of negation // R. Brecht, J. Levine (eds.). *Case in Slavic*. Columbus (OH): Slavica, 1986. P. 338–360.
- Timberlake 2009 — A. Timberlake. The simple sentence // S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds.). *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 1675–1699.
- Trautmann 1910 — R. Trautmann. *Die altpreussischen Sprachdenkmäler*. Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1910.
- Tveite 2004 — T. Tveite. *The Case of the Object in Livonian: A Corpus Based Study*. (Castrenianumin toimiteita 62) Helsinki: Helsinki University, 2004.
- van Egmond 2012 — M.-E. van Egmond. *Enindhilyakwa Phonology, Morphosyntax and Genetic Position*. PhD Dissertation, University of Sydney, 2012.
- van Helden 2008 — W. A. van Helden. Vicissitudes of the genitive rule // P. Houtzagers, J. Kalsbeek, J. Schaeken (eds.). *Dutch Contributions to*

- the Fourteenth International Congress of Slavists, Ohrid, September 10–16 2008. *Linguistics*. Amsterdam, New York: Rodopi, 2008. P. 145–216.
- Večerka 1960 — R. Večerka. O vývoji předmětového genitivu v češtině // *Naše řeč*, roč. 43, 1960. Č. 5–6.
- Vintr 2001 — J. Vintr. *Das Tschechische: Hauptzüge seiner Sprachstruktur in Gegenwart und Geschichte*. München: Sagner, 2001.
- Wälchli 1996 — B. Wälchli. *Letto-livisches und Livo-lettisches. Eine Studie zur Bedeutungskonvergenz im nordosteuropäischen Kontaktraum*. Lizentiatsarbeit, 1996.
- Willis 2013 — D. Willis. Negation in the history of the Slavonic languages // D. Willis, Chr. Lucas, A. Breitbarth (eds.). *The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 341–398.

Р. В. Ронько

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / ИЯЗ РАН, Москва*

**НАДО КОРОВА ДОИТЬ!
НОМИНАТИВНЫЙ ОБЪЕКТ
В СЕВЕРНОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ¹**

1. Введение

В центре внимания в этой статье находятся конструкции севернорусских диалектов, подобные следующим:

- (1) *Весной приедешь, так только пашня(Nom) пахать, картошка(Nom) перебирать, все там* (Карел., Пудож., с. Бочилово [Маркова 1989: 25])

Аргумент *пашня* глагола *пахать* маркируется здесь именительным падежом несмотря на то, что с точки зрения семантики он соответствует прямому дополнению данного глагола во всех его других, финитных употреблениях. Основной способ оформления прямого дополнения в русских говорах — это использование аккузатива:

- (2) *Так закроют корову(Асс), она месяц не приходит* (Арх., НКРЯ)

Данная вариация интересна тем, что именные группы (далее ИГ) при переходных глаголах в позиции прямого дополнения² кодируются двумя разными падежами. Традиционно конструкции типа (1) называются *конструкциями с номинативным объектом*

---

¹ Я благодарю за комментарии участников рабочего совещания, посвященного дифференцированному маркированию актантов, которое проходило в Институте языкознания РАН 22—23 апреля 2016 г, А. В. Циммерлинга, М. В. Трубицину, а особенно И. А. Сержанта за ценные дискуссии и замечания на каждом из этапов этой работы, а также А. В. Малышеву и И. Б. Качинскую за предоставленный материал и введение меня в мир русской диалектологии.

² Синтаксический статус данных ИГ обсуждается в разделе 7.

(или конструкциями с именительным падежом прямого дополнения). Поскольку данный актант в других формах глагола маркируется аккузативом, номинатив объекта в данных конструкциях можно трактовать как частный случай дифференцированного маркирования объекта, где ИГ в позиции объекта при определенных условиях может получать именительный падеж (далее и.п.), при этом в «стандартном» случае (как например в (2)) ИГ получает винительный падеж (далее в.п.).

Конструкции с номинативом объекта в севернорусских диалектах не ограничиваются основывающимися на независимом инфинитиве (I) (как в примере (1) выше), а встречаются еще и в следующих синтаксических контекстах (во всех контекстах возможны оба варианта падежного маркирования):

При инфинитиве, зависящем от другой формы инфинитива (II):

- (3) *Пойти тряпка намочить* (Вологод., Андомск., Ольково [Маркова 1989: 25])

При инфинитиве, зависящем от безличного глагола (III):

- (4) *придется изба мыть* (Вологод., Вытегор., Кудамозеро [Маркова 1989: 26])

С финитными формами (IV):

- (5) *Не́, я не вяза́ла. Пря́ла, ра́ньше конопля́(Nom)-то вози́ли, а не́ было прэ́ден* (Вологод., из фонотеки отдела фонетики ИРЯ)

При инфинитиве, который зависит от предикативного модального предикатива ‘надо’ или других модальных предикативов (V):

- (6) *Видно, отец... Надо́ было баня(Nom)-рубить, видно, срубили баню, отец, видно, сказал, что надо́ то ли одно, то ли два окна, видно рубить, на баню, в бане* (Арх., НКРЯ)

Аналогично (6) но с прямым дополнением, предшествующим глагольной группе (VI):

- (7) *Капу́ста на́до почи́стить* (Арх., Уст., д. Синики)³

³ Транскрипция личных примеров дана в соответствии с «упрощенной транскрипцией», представленной в Архангельском Областном Словаре [АОС 1980: 50—53]

С модальным предикативом без глагольной формы (VII):

- (8) *Надо ли вода́ тѣтя Кáть?* (Арх., Уст., д. Синики)

При инфинитиве, который зависит от финитной формы (VIII):

- (9) *Ходил корова доить* (Вологод., Андомск., Ольково [Маркова 1989: 27])

В предложных группах, где номинатив вообще не зависит от предиката (IX):

- (10) *он идет на могила* (Nom) [Timberlake 1974: 107]

Явление дифференцированного маркирования объекта (в статье будет использована аббревиатура DOM, от англ. Differential Object Marking, которая используется в лингвистической литературе) распространено более чем в 300 языках мира [Bossong 1985], а Г. Егер [Jäger 2007: 102] в своей работе утверждает, что DOM так или иначе присутствует почти во всех аккумулятивных языках. Суть этого феномена заключается в расщепленном кодировании пациентивного участника ситуации, выраженного ИГ в позиции прямого дополнения, в зависимости от прагматических или семантических свойств этого участника или всей ситуации в целом [Aissen 2003, Bossong 1985]. В работе [Witzlack-Makarevich, Seržant 2017] есть попытка классификации разных типов DAM (для обозначения явления дифференцированного маркирования аргументов используется аббревиатура DAM, от англ. Differential Argument Marking). Данная классификация выделяет два противопоставления: *argument-triggered DAM vs predicate-triggered DAM* — в этом противопоставлении выбор падежа аргумента зависит или от свойств ИГ или от свойств предиката; *restricted DAM vs unrestricted DAM* — здесь позиция, где есть вариативность падежа, ограничивается или не ограничивается определенными синтаксическими или семантическими свойствами предиката. В процессе исследования мы установим, к какому именно типу относится случай с номинативным объектом в севернорусских диалектах. В современной типологии изучаются факторы, способствующие появлению DOM в разных языках. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы описать семантические и грамматические свойства данных конструкций и определить факторы, которые влияют на механизм выбора падежа прямого дополнения в севернорусских диалектах.

Статья структурирована следующим образом: в разделе 2 мы рассмотрим литературу о номинативных объектах в работах по русистике, в разделе 3 рассмотрим имеющийся в нашем расположении материал, в разделе 4 разберем влияние параметров одушевленности и референтности на маркирование объектных ИГ, в разделе 5 обсудим информационную структуру и порядок слов в конструкциях с номинативными объектами, в шестом разделе рассмотрим категорию модальности в предложениях с данной конструкцией, в разделе 7 обсудим синтаксический статус изучаемых ИГ и в заключении суммируем полученные данные.

2 Проблема и.п. прямого дополнения в работах по русистике и русской диалектологии

Данная конструкция неоднократно рассматривалась в славистике и русистике со времен А. В. Попова [Попов 1881: 42] и А. А. Потебни [Потебня 1874: 372–375]. Если А. А. Потебня обсуждает данные конструкции в древнерусском языке, то А. В. Попов замечает их в севернорусских диалектах в материале Барсова [Барсов 1872]. Попов и Потебня обсуждают синтаксический статус и происхождение данных конструкций, отмечают, что в диахронии номинативные ИГ в интересующей нас позиции имели статус подлежащего. Ю. С. Степанов [Степанов 1984] рассматривает данные конструкции с точки зрения эволюции грамматического строя индоевропейских языков и отмечает наличие модальности долженствования в рассматриваемых им примерах. А. Тимберлэйк в своей книге рассматривает древнерусские и севернорусские клаузы с дополнением в именительном падеже в сравнении со схожими конструкциями в литовских и латышских диалектах и постулирует в данной позиции грамматический объект, который возник как калькирование подобных конструкций в некоторых финно-угорских языках [Timberlake 1974]. В. Б. Крысько в своей работе [Крысько 1994: 192–197], разбирая древнерусский материал, поддерживает мнение Попова и Потебни об изначальном субъектном значении данных оборотов. Закрепление конструкций «и.п. с инфинитивом» в функции в.п. он связывает с регуляризацией «категории одушевленности/неодушевленности» и распространением «соответствующей парадигмы на все парадигмы единственного числа» [Крысько 1994: 197]. В нашей работе

[Ронько 2016] представлен анализ древнерусских конструкций с номинативным объектом при инфинитиве, как в примере

- (11) *въ волости твоєи толико вода пити в городицѣхъ* 'В Городище, твоём владении, только воду пить' [Зализняк 2004: 447] (40—70-е гг. (предпочт. не ранее 60-х гг.) XII в.)

В большинстве контекстов в древнерусском языке, где мы можем диагностировать номинативный объект, объекты являются существительными женского рода на *-а* в единственном числе, другие существительные из-за своих парадигматических свойств не дают различать данные конструкции. «Типичные» конструкции подобного рода обладают модальностью долженствования, ИГ, как правило, неодушевленная, нереферентная, стоит перед инфинитивом и находится в реме или актуализированной теме (подробнее см. в [Ронько 2016]).

Можно предположить, что в современных говорах произошло существенное распространение номинативных объектов на другие синтаксические контексты. В том числе, данный тип объектов распространился и на финитные клаузы (см., например, [Филин 1969: 74]).

Среди работ по русской диалектологии необходимо отметить работу Кузьминой и Немченко [Кузьмина, Немченко 1964], в которой последовательно рассматриваются конструкции с номинативом объекта при разных формах переходных глаголов и конструкции с номинативом объекта при предикативных наречиях. Сделан вывод, что появление этих конструкций провоцируют одни и те же условия (условия возникновения данных конструкций описаны в 4, 5 и 6 разделах), описан ареал распространения данных конструкций. При этом необходимо отметить, что данные исследователи в своей работе не касаются синтаксического статуса данных ИГ.

3. Данные

Материал для работы был взят из работ Н. В. Марковой [Маркова 1989], А. Тимберлейка [Timberlake 1974], Устьянского корпуса, НКРЯ, записей и расшифровок экспедиций в разные районы Архангельской области, предоставленных А. В. Малышевой и И. Б. Качинской, а также собран в экспедиции в деревне

Синики (Архангельская область, Устьянский район), организованной кабинетом диалектологии МГУ.

Обычно о феномене номинатива объекта говорится как о черте, характерной исключительно для севернорусских диалектов. Однако в статье С. И. Коткова [Котков 1959] приводятся данные о подобных конструкциях в южновеликорусских диалектах XVII—XVIII века, в которых содержится 33 клаузы с номинативными объектами.

В современных южнорусских диалектах также встречаются данные конструкции, но весь известный материал ограничивается небольшим корпусом примеров. Например, в статье В. И. Собинниковой [Собинникова 1958] отмечены редкие конструкции с номинативом объекта в современных воронежских говорах. В связи с тем, что на данном этапе у нас нет достаточного количества данных о номинативе объекта в южнорусских диалектах, мы ограничимся замечанием о том, что он там действительно присутствует и приведем несколько примеров:

- (12) *И рубáха видáть у минé, дá?* (Татарино Каменского р-на Воронежской области; пример из личной коллекции А. В. Малышевой)
- (13) *И йедá им уáтôв'ит'* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области; пример из личной коллекции А. В. Малышевой)

В севернорусских диалектах это явление широко распространено. Наше исследование основано преимущественно на материале из Устьянского района Архангельской области, материалах из Онежских говоров, представленных в работе [Маркова 1989], а также на данных из публикаций других исследователей. В следующей таблице представлен материал, привлекающийся в данной работе согласно следующим типам контекстов, в которых встречается номинатив объекта: при инфинитиве (пример 1, конструкция I); при инфинитиве, зависящем от другой формы инфинитива (пример 3, конструкция II); инфинитив, зависящий от безличного глагола (пример 4, конструкция III); при финитных формах (пример 5, конструкция IV); при инфинитиве, который зависит от модального предикатива (пример 6, конструкции V, VI); при модальном предикативе без глагольной формы (пример 8, конст-

рукция VII); при инфинитиве, который зависит от финитной формы (пример 9, конструкция VIII); в предложной группе (пример 10, конструкция IX)

Таблица 1. Типы конструкций с номинативом объекта

Источник	I	II	III	IV	V, VI	VII	VIII	IX
Арх. Уст. д. Синики	3	1	1+0	10	4	9	1	1
Устьянский Корпус	4	4	0	1	7	3	0	0
Корпус НКРЯ	8	0	0	0	2	1	0	0
Маркова 1989 ⁴	81	5	9+1	64	193	0	13	23
Timberlake 1974	4	3	0+	2	3	0	0	1
Степанов 1985	1	0	0	0	2	2	0	0
Всего	100	13	11	77	211	15	14	25

4. Одушевленность и референциальный статус

Для анализа данного явления мы решили исследовать действие стандартных факторов-лицензоров DOM. Одушевленность и референциальный статус — те факторы, которые регулярно упоминаются в работах про DOM, их влияние на кодирование объекта описывается для самых разных языков. В современной типологии значения этих параметров выстраиваются в иерархии:

Иерархия одушевленности

Личные местоимения > Имена собственные >

Нарицательные обозначения людей >

Нарицательные обозначения животных >

Нарицательные неодушевленные [Silverstein 1976].

Иерархия определенности:

Местоимение > Имя собственное > Определенное имя >

Референтное неопределенное имя >

Нереферентное имя [Givon 1990]

⁴ В этой графе приводятся данные, на которых строится исследование Н. В. Марковой. В дальнейшем будут учитываться примеры, опубликованные в работе Марковой (всего 164 примера), исключая фольклорный материал.

Согласно полученным данным, исследованные конструкции не имеют варьирования по второму параметру, из-за этого нам кажется удобным представить данные только по шкале одушевленности. В таблице 2 представлена совокупность данных по всем типам конструкций, т.к не было обнаружено особенных различий у объектных номинативных ИГ в разных синтаксических контекстах⁵.

Таблица 2. Одушевленность/неодушевленность номинативных объектов

Источник	Нарицательные неодушевленные	Нарицательные обозначения животных	Нарицательные обозначения людей	Имена собственные
Устьянский Корпус	18	3	1	0
Корпус НКРЯ	10	1	0	0
Timberlake 1974	10	2	0	1
Маркова 1989	143	13	7	1
Арх. Уст. д. Синики	23	5	3	0
Итого	204 (84%)	24 (10%)	11 (5%)	2 (1%)

Как можно увидеть из таблицы, большая часть номинативных объектов — нарицательные неодушевленные имена. Далее, чем левее в иерархии одушевленности находится объектная ИГ, тем реже она допускает номинативное маркирование. Местоимения никогда не выступают в роли номинативных объектов и всегда маркируются в.п.. Данное распределение в целом повторяет картину действия данного параметра в других языках мира [Коношенко 2009, Лютикова 2014, Сердобольская, Толдова 2012, Aissen 2003, Timberlake 1975]. Такое же распределение мы можем

⁵ Распределение номинативных объектов на шкале одушевленности в разных синтаксических конструкциях приблизительно повторяет общее распределение, например в конструкциях с независимым инфинитивом (I): 32-4-2-0; с инфинитивом, зависящим от другого инфинитива (II): 6-4-1-1; при инфинитиве, зависящем от безличного глагола (III): 12-1-0-0; с финитными формами (IV): 61-10-2-1; при инфинитиве, который зависит от модального предикатива (V, VI): 41-4-1-0; при предикативе (VII): 21-1-0-0; при инфинитиве, который зависит от глагола: 9-3-1-1; (VIII): в предложной группе (IX): 20-3-2-0

наблюдать в ареально близкой ситуации в конструкциях с номинативом объекта при дебитиве в латышском языке [Seržant, Taperte 2016].

Для сравнения приведем выборку аккузативных объектов из диалектного подкорпуса НКРЯ.

Таблица 3. Одушевленность/неодушевленность аккузативных объектов

Источник	Нарицательные неодушевленные	Нарицательные обозначения животных	Нарицательные обозначения людей	Имена собственные
Корпус НКРЯ	110 (55%)	40 (20%)	44 (21%)	9 (4%)

В таблице 3 для аккузативных объектов мы видим другое распределение в иерархии одушевленности. Нарлицательные обозначения животных и людей встречаются примерно в равных долях. Доля имен собственных значительно выше среди аккузативных объектов. 84 процента неодушевленных имен по сравнению с 55 процентами являются значительным отличием. Таким образом, мы можем утверждать, что распределение, показанное в таблице 2, не коррелирует исключительно с частотой встречаемости разных типов объектов в текстах, но действительно указывает на особое предпочтение номинативного маркирования, связанное с неодушевленностью.

В большинстве случаев номинативные объекты должны быть нереферентными, слабоопределенными или неопределенными для говорящего (в данной работе мы определяем тип референциального статуса по [Падучева 1985]). Однако встречаются и референтные употребления номинативных объектов:

- (14) *Проси у царя, чтобы на блюде голова принести ему на тир, Иоанна Крестителя* (Арх., НКРЯ)
- (15) *Э́то (указывая пальцем) тóпка тóпим* (Арх., Уст., д. Сеники)

В нашем материале также встретилось 2 примера, где в роли номинативного объекта выступает имя собственное:

- (16) *Ленка четыре года не могли прописать* (Карел., Прионеж., Машозеро [Маркова 1989: 27])
- (17) *Позови сюда Генка* [Кузьмина, Немченко 1964: 152]

5. Порядок слов и коммуникативное членение предложения

Порядок слов и информационная структура предложения также отмечены как факторы, влияющие на механизмы DOM, например, в уральских и балтийских языках [Seržant 2016; Сердобольская, Толдова 2012]. В рамках конструкций (I, II, III, IV, V, VI, VII,) положение объекта относительно предиката распределяется следующим образом:

Таблица 4⁶. Порядок слов в конструкциях с номинативом объекта, исключая конструкции с предложными группами и конструкции с предикативами без глагольных форм

Источник	OV	VO
Арх. Уст. д. Синики	11 (6)	5 (4)
Устьянский Корпус	14 (1)	4 (0)
Корпус НКРЯ + Timberlake 1974	20(2)	5 (0)
Маркова 1989	100 (37)	31 (16)
Итого	145 (46) — 76%	45 (20) — 24%

Среди рассмотренных нами источников в данных конструкциях номинативный объект стоит перед глагольной формой в 76% случаях. В данной таблице объединены различные инфинитивные конструкции и конструкции с финитными формами. Важно отметить, что конструкции с финитными формами в вопросе порядка слов ведут себя схожим образом (распределение OV 56 — VO 20)

Факт преобладания порядка OV над VO мы рассматриваем с двух точек зрения. С одной стороны, это реликт возможной прошлой субъектности данного аргумента. Подобный аргумент приводится для описания схожей ситуации с порядком слов в латышском языке [Seržant, Taperte 2016]. С другой стороны, причина подобного порядка слов может скрываться в информационной структуре подобных конструкций.

Для сравнения в таблице 5 приведена сопоставимая выборка аккузативных объектов из диалектного подкорпуса НКРЯ.

---

⁶ В скобках указано количество конструкций с финитными глаголами без инфинитива

Таблица 5. Порядок слов с аккузативными объектами при инфинитивах и финитных глаголах на основе выборки из диалектного подкорпуса НКРЯ

	OV	VO
С инфинитивами	230 (58%)	167 (42%)
С финитными глаголами	71 (65%)	38 (35%)

В конструкциях, где номинативный объект зависит от модального предикатива без глагольной формы (VII), частотные данные по пре- и постпозиции объекта относительно предиката распределяются другим образом:

Таблица 6. Порядок слов в конструкциях с предикативами (VII)

Источник	Объект-Предикатив	Предикатив-Объект
Арх. Уст. д. Синики	3	6
Устьянский Корпус	2	1
Корпус НКРЯ	0	2
Маркова 1989	0	0
Итого	5 (36%)	9 (64%)

В конструкциях, где участвуют предикатив, инфинитив и номинативный объект, данные элементы могут располагаться по-разному:

Таблица 7. Порядок слов в конструкциях при инфинитиве, который зависит от модального предикатива 'надо' или других модальных предикативов (V, VI)

Источник	Предикатив- Инфинитив- Объект	Предикатив- Объект- Инфинитив	Объект- Предикатив- Инфинитив	Объект- Инфинитив- Предикатив	Инфинитив- Предикатив- Объект
Арх. Уст. д. Синики	0	0	4	0	0
Устьянский Корпус	4	2	1	0	0
Корпус НКРЯ	0	1	1	0	0
Маркова 1989	3	16	5	1	1
Timberlake 1974	1	2	0	0	0
ИТОГО	5 (11%)	21 (55%)	11 (28%)	1 (3%)	1 (3%)

Так же, как в конструкциях типа VII, модальные предикативы предпочитают занимать позицию перед объектом и одновременно перед инфинитивом. Данный факт может выступать косвенным аргументом в вопросе о сопряженном либо независимом образовании конструкций V, VI и VII.

- (18) *мужыкám надо такáја дэфка, дак штóб дэфка* (Арх., Уст., д. Синики)
- (19) *надо ночью эта рыба ловить* (Лен. Подпорож. Пидьма, [Маркова 1989: 27])

Если рассматривать данные ИГ с точки зрения информационной структуры, то мы увидим, что во всех интересующих нас примерах есть прагматическое основание для выбора падежа. Здесь мы используем понятие «тема» и «рема», «вопросительный» и «невопросительный компонент вопроса», а также понятие «фокуса контраста» [Ковтунова 1976; Янко 2001]. Под коммуникативной составляющей мы имеем виду носителя коммуникативного значения. Это могут быть темы, ремы, вопросительные и невопросительные компоненты вопросов, контрастные темы, контрастные ремы... [Янко 1999: 11].

Перечислим возможные варианты объектных номинативных ИГ в разных коммуникативных составляющих:

Номинативный объект в реме:

- (20) *У м'ен'я́ этот шáр'ик бол'шой́ мнэ́ эт'их двé надо́ рез'и́нк'и нат'яга́т' ужé. А вн'изу́ мо́жно тр'япоч'ка.* (Арх., Уст., д. Синики)

Номинативный объект в вопросительном компоненте вопроса:

- (21) *Ви́лка надо́?*
— *Нет.* (Арх., Уст., д. Синики)

Номинативный объект в предложении с эмфатическими частицами. В нашем корпусе встретились только примеры с частицей 'ведь':

- (22) *Гусе́м ве́дь надо́ вода́* (Арх., Уст., д. Синики)
- (23) *да́к ему́ ве́дь надо́ соба́ка* (Арх., Уст., д. Синики)

Номинативный объект в фокусе контраста:

- (24) *А, по рекé: Ондáтру, вы́дру, бобрá, а нóрка не приходíлось мне стреля́ть* (Арх., Уст., д. Синики)

В таблице 8 показана связь номинативных объектов с информационной структурой клаузы.

Таблица 8. Коммуникативный статус номинативных объектов

Источник	Тема ($\approx$ Топик)	Рема, вопросительный компонент вопроса, фокус контраста
Арх. Уст. Д. Синики	4	27
Устьянский Корпус	2	19
Корпус НКРЯ	1	7
Итого	7 (11%)	53 (89%)

В таблицу вошли данные из тех источников, в которых есть достаточно длинные контексты для определения информационной структуры. В этих данных из 53 коммуникативных составляющих, попавших в часть таблицы «фокус в широком смысле слова», 47 являются ремами, 2 вопросительными компонентами вопроса, еще в двух рема дополнительно маркирована контрастом. Из таблицы видно, что и.п. прямого дополнения скорее связан с фокусом (89%) примеров, чем с топиком (11%). Исходя из этих данных, мы можем предположить, что порядок слов OV в данных конструкциях — следствие операции, передвигающей рему в левую часть предложения.

6. Модальность

В севернорусских диалектах клаузам с номинативными объектами часто сопутствует наличие модальности в клаузе. Это выражается модальными предикативами типа *надо*, а также с помощью различных конструкций с инфинитивами (см. примеры (1), (3) и (4)). Наиболее распространенный тип модальности — модальность долженствования В онежских говорах, согласно материалам Н. В. Марковой, на долю подобных модальных конструкций приходится больше половины случаев употребления номинативного объекта, при этом 52 процента конструкций содер-

жат предикатив *надо* (в эти подсчеты включены все типы конструкций с предикативом *надо*). В других говорах ситуация схожая.

(25) *Дэфка такáя внúчка былá, дак мýж не лúбит, ушél, говорил: не нáдо такáя дэфка, брóсил с двумя робятами, мужыкáм нáдо такáя дэфка, дак штóб дэфка, штóб она знáла домáшний-то бýт.* (Арх., Уст., д. Синики)

(26) *Сúхо бýло. Картóшка нáдо бýло и поливáть ужé.* (Арх., Уст., д. Синики)

Встречаются клаузы с другими типами модальности, например, с модальным предикативом ‘можно’.

(27) *А внизу мóжно (прикрепить) тря́почка* (в инструкции по изготовлению изделия из фантиков из под конфет) (Арх., Уст., д. Синики)

(28) *Можно вырастить боро́дка* (Вологод., Вытегор., Девятины [Маркова 1989: 26])

Из всех синтаксических типов конструкций только конструкции, где номинативные объекты зависят от финитных форм, могут не содержать модальной составляющей в семантике (см. примеры (5) и (30) ниже):

(30) *И дéлаит хорóшая дорóга рóвная* (Арх., Уст., д. Синики)

На долю примеров с финитной формой глагола приходится меньшая часть от общего числа примеров с номинативным объектом: 9 процентов от всех примеров по материалам Марковой (34 из 373 употреблений), 35 процентов (10 из 29) из данных по деревне Синяки (Арх., Уст.), 5 процентов (1 из 17) по данным Устьянского корпуса.

7. Синтаксический статус номинативной ИГ

Вероятно, исторически номинатив объекта возник из переосмысления первоначального подлежащего [Потебня 1874, Попов 1881, Степанов 1984] как прямого дополнения. Именно такое развитие мы можем наблюдать в балтийских языках [Ambrazas 2001, Seržant 2016]. Например, согласно [Seržant 2016], у литовских номинативных конструкций есть как субъектные, так и объект-

ные свойства, и они поэтому находятся как бы в переходном состоянии, при этом латышские номинативные объекты в дебитивной конструкции скорее являются объектами [Seržant, Taperte 2016].

Именительный падеж в русском языке обычно кодирует аргумент со статусом подлежащего, однако в данном случае этот признак исследователями не рассматривался как достаточный для определения синтаксического статуса. Действительно, ИГ в и.п. остается в позиции прямого дополнения, даже если в предложении нет другой ИГ в и.п.. Чтобы доказать это, мы рассмотрим некоторые признаки грамматического приоритета (помимо нахождения исследуемых ИГ в и.п.), которые присущи каноническим подлежащим в русском языке, взятые по [Тестелец 2001], и попытаемся доказать, что номинативные ИГ не являются подлежащими, а имеют статус прямого дополнения. Так мы сможем понять, имеет ли под собой основания анализ данных конструкций с точки зрения рубрики DOM.

1. Контроль согласования.

Контроль согласования является одним из двух главных признаков канонического подлежащего в русском языке. В контекстах с номинативом объекта при формах финитного глагола согласование аргумента с предикатом по числу (см. пример 31), роду, лицу (в пр. времени, смотри пример 32) отсутствует.

(31) *ф какóм колхóз'е нáшут в'аснóй яровáя*(Nom), *от он'и кóрм'яц'а, сýп нóс'им, хл'éба каравáй* (Арх., Уст., д. Синики)

(32) *тóже где пос'óлок дáк тáм и постáвили больнiца*(Nom) (Арх., Уст., д. Синики)

Для номинативных объектов в инфинитивных клаузах мы данный аргумент использовать не можем.

2. PRO⁷ и место подлежащего в придаточном предложении.

В придаточном предложении позиция подлежащего занята PRO, которое контролируется подлежащим ОНИ из матричной клаузы. ИГ дополнения является в данном примере номинативным объектом.

---

⁷ «В порождающей грамматике нулевое подлежащее, которое возникает в позиции, обычно не допускающей появления фонетически выраженного подлежащего, принято называть PRO» [Тестелец 2001: 287].

(33) *я своих детей отправила в Архангельск, что думаю, неужто они всю жизнь будут эти листочки рвать с деревьев, чтобы [PRO] прокормить скотина* (Арх., Уст., д. Синики)

Контроль PRO осуществляет другая именная группа, которая и является подлежащим.

Следующие два аргумента не являются признаками грамматического приоритета, но являются косвенными признаками того, что изучаемые ИГ являются прямыми дополнениями.

3. Номинативные объекты в изучаемых конструкциях являются логическими объектами

4. Номинативные объекты имеют особую информационную структуру.

Номинативные объекты имеют коммуникативный статус ремы или вопросительного компонента вопроса, что часто является дополнительным свойством прямых дополнений (в том числе и аккузативных) в русском языке. Подробнее об этом см. раздел 5.

Изучаемые ИГ, разумеется, не являются каноническими прямыми дополнениями, но по своим синтаксическим свойствам находятся ближе всего к данному статусу, а значит возможно анализировать эти конструкции с точки зрения явления DOM.

Заключение

В нашей работе мы проанализировали несколько типов конструкций с номинативом объекта в севернорусских диалектах с точки зрения явления DOM. Типологически поведение данных конструкций в языке стоит признать относительно стандартным. Действие таких факторов, как одушевленность и референтность сходно с приблизительной общей картиной в других языках с DOM: номинативные объекты тяготеют к неодушевленности и нереферентности. Наличие в этих конструкциях особого статуса с точки зрения информационной структуры (тяготение к фокусу) сопоставимо с ситуацией в географически близких балтийских и финно-угорских языках. Фактор информационной структуры является важным для образования изучаемых конструкций, номинативные объекты находятся в фокусе разного типа. Порядок слов в данных конструкциях может с одной стороны объясняться

рефлексом их синтаксического статуса в диахронии и с другой стороны особенностями информационной структуры, которые обсуждались в разделе 5.

Синтаксический статус конструкций с номинативом объекта не проходит несколько стандартных тестов на статус подлежащего, поэтому мы анализируем их с точки зрения DOM, хотя, разумеется, признать их каноническими прямыми дополнениями было бы неверно.

С точки зрения типологии описанный тип DOM относится к *restricted argument-triggered DOM* согласно работе [Witzlack-Makarevich, Seržant 2017]. Механизм дифференцированного маркирования объекта в данном случае определяют свойства объектной ИГ, но этот механизм ограничен определенным количеством контекстов, связанных с формой предиката.

Конструкции с номинативом объекта в севернорусских диалектах претерпели ряд существенных изменений по сравнению с древнерусским языком. Значительно увеличилось число возможных контекстов появления номинативных ИГ в позиции прямого дополнения, ограничение на неодушевленность и нереперентность номинативных ИГ стало менее строгим.

Список сокращений

Арх. — Архангельская область, Вологод. — Вологодская область, В.п. — винительный падеж, Д. — деревня, ИГ — именная группа, И.п. — именительный падеж, Карел. — республика Карелия, Лен. — Ленинградская область, Уст. — Устьянский район

Литература

- АОС 1980 — Архангельский областной словарь // Под ред. О. Г. Гецово-вой. Вып. 1. М.: Издательство Московского университета, 1980. [Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Dictionary of the dialects of Arkhangel'sk region] // O. G. Getsova (ed.). Vol. 1. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980]
- Барсов 1872 — Е. В. Барсов. Причитанья северного края. Изданы при содействии Общества любителей русской словесности. М.: Тип. «Современ. Изв.», 1872. [E. V. Barsov. Prichitan'ia severnogo kraia. Izdany pri sodeistvii Obshchestva liubitelei russkoi slovesnosti [Lamentations of the Northern land. Published with assistance of the Society of Russian philologists]. M.: Tip. "Sovremen. Izv.", 1872]

- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. [A. A. Zalizniak. Drevnenovgorodskii dialekt [Old Novgorod dialect]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004]
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [I. I. Kovtunova. Sovremennyi russkii iazyk. Poriadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniia [The contemporary Russian language. Word order and the information structure of the clause]. M.: Prosveshchenie, 1976]
- Коношенко 2009 — М. Б. Коношенко. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН V (2), 2009. С. 42–76. [M. B. Konoshenko. Differentsirovannoe markirovanie ob"ekta v kalmytskom iazyke [Differential object marking in Kalmyk] // S. S. Sai, V. V. Baranova, N. V. Serdobol'skaia (eds.). Issledovaniia po grammatike kalmytskogo iazyka. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN V (2), 2009. P. 42–76]
- Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка XVIII (1), 1959. С. 45–53. [S. I. Kotkov. Konstruktsii tipa “zemlia pakhat” v istorii iuzhnovelikorusskikh govorov [“Zemlia pakhat”-like constructions in the history of the South Great Russian dialects] // Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka XVIII (1), 1959. P. 45–53]
- Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. [V. B. Krys'ko. Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo iazyka [The development of the animacy category in the history of Russian]. M.: Lyceum, 1994]
- Кузьмина, Немченко 1964 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русском языке // Р. И. Аванесов (ред.). Вопросы диалектологии восточнославянских языков. Москва: Наука, 1964. С. 151–176. [I. B. Kuz'mina, E. V. Nemchenko. K voprosu o konstruktsiiakh s formoi imenitel'nogo padezha imeni pri perekhodnykh glagolakh i pri predikativnykh narechiakh v russkom iazyke [On nominative noun with transitive verbs and predicative adverbs constructions in Russian] // R. I. Avanesov (ed.). Voprosy dialektologii vostochno-slavianskikh iazykov. Moskva: Nauka, 1964. P. 151–176]
- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татар-

- ского языка // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки 4, 2014. С. 50–70. [E. A. Liutikova. Padezh i struktura imennoi gruppy: variativnoe markirovanie ob"ekta v misharskom dialekte tatarskogo iazyka [Case and noun phrase structure: differential object marking in Mishar dialect of Tatar] // Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki 4, 2014. P. 50–70]
- Маркова 1989 — Н. В. Маркова. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1989. [N. V. Markova Dialektnye sposoby vyrazheniya sub"ekta i ob"ekta v Onezhskikh govorakh i ikh istoriya [Non-standard ways of expressing subject and object in Onega dialects and their history]. PhD Thesis. M., 1989]
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука, 1985. [E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [Utterance and its correlation with reality]. M.: Nauka, 1985]
- Попов 2012 — А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М.: URSS, 2012. [A. V. Popov. Sravnitel'nyi sintaksis imenitel'nogo, zvatel'nogo i vinitel'nogo padezhei v sanskrite, drevnegrecheskom, latinskom i drugikh iazykakh [Comparative syntax of the nominative, vocative and accusative in Sanskrit, Ancient Greek, Latin and other languages]. M.: URSS, 2012]
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Том 2. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. [A. A. Potebnia. Iz zapisok po russkoi grammatike [Extracts from notes on Russian grammar]. Vol. 2. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1958]
- Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении 1 (31), 2016. С. 158–182. [Ron'ko 2016 — R. V. Ron'ko. Differentsirovanное markirovanie primogo dopolneniia v infinitivnykh klauzakh v drevnerusskom iazyke [Differential direct object marking in infinitive clauses in Old Russian] // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii 1 (31), 2016. P. 158–182]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.), Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. Финно-угорские

- языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 59–142. [N. V. Serdobol'skaia, S. YU. Toldova. Differential marking of the direct object in Finno-Ugric languages // A. I. Kuznetsova (ed.) Finno-ugorskie iazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: «IAzyki slavianskikh kul'tur», 2012. P. 59–142]
- Собинникова 1958 — В. И. Собинникова. Отношение говоров Гремяченского района Воронежской области к другим русским говорам по данным синтаксического строя // Славянский сборник 2. Воронеж: Филологический ВГУ, 1958. С. 61–77. [V. I. Sobinnikova. Otnoshenie govorov Gremiachenskogo raiona Voronezhskoi oblasti k drugim russkim govoram po dannym sintaksicheskogo stroia [The relation between the dialects of the Gremiach'e district of the Voronezh region and other Russian dialects according to its syntactic system] // Slavianskii sbornik 2. Voronezh: Filologicheskii VGU, 1958. P. 61–77]
- Степанов 1984 — Ю. С. Степанов.оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка 43 (2), 1984. С. 128–143. [YU. S. Stepanov. Oborot "zemlia pakhat" i ego indoeuropeiskie paralleli ["Zemlia pakhat" construction and its Indo-European parallels] // Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Seriiia literatury i iazyka 43 (2), 1984. P. 128–143]
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testeletc 2001 — IA. G. Testeletc. Vvedenie v obshchii sintaksis [An introduction to general syntax]. M.: RGGU, 2001]
- Филин 1969 — Ф. П. Филин. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен женского рода на -а (-я) в значении аккузатива // Вопросы языкознания 3, 1969. С. 70–82. [F. P. Filin. Iz istorii sintaksisa vostochnoslavianskikh iazykov. O forme imenitel'nogo padezha imen zhenskogo roda na -a (-ia) v znachenii akkuzativa [Notes on the history of East Slavic. On the nominative feminine form -a (-ia) in the accusative function] // Voprosy iazykoznanii 3, 1969. P. 70–82]
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001. [T. E. YAnko. Kommunikativnye strategii russkoj rechi [Communicative strategies in Russian speech]. M.: IASK, 2001]
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // Natural Language and Linguistic Theory 21, 2003. P. 435–483.
- Ambrazas 2001 — V. Ambrazas. On the development of the nominative objects in Baltic // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The Circum-Baltic Languages. Grammar and Typology. Vol. 1. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 391–412.

- Bossong 1985 — G. Bossong. *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Givon 1990 — T. Givon. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Jäger 2007 — G. Jäger. *Evolutionary game theory and typology: A case study* // *Language* 83 (1), 2007. P. 74—109.
- Seržant 2016 — I. Seržant. *Nominative Case in Baltic in the Typological Perspective* // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Argument Structure in Baltic*. [Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic 3]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 137—198.
- Seržant, Taperte 2016 — I. A. Seržant, J. Taperte. *Differential Argument Marking with the Latvian Debitive: a Multifactorial Analysis (together with Jana Taperte)* // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Argument Structure in Baltic*. [Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic 3]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 199—258.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. *Hierarchy of features and ergativity* // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1976. P. 112—171.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich: Verlag Otto Sagner, 1974.
- Timberlake 1975 — A. Timberlake. *The Nominative object in Finnish* // *Lingua* 35, 1975. P. 201-230.
- Witzlack-Makarevich, Seržant 2017 — A. Witzlack-Makarevich, I. A. Seržant. *Differential argument marking: Patterns of variation* // I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *The Diachronic Typology of Differential Argument Marking*. [Studies in Diversity Linguistics]. Berlin: Language Science Press, 2017.

А. А. Герасимова

МГУ имени М. В. Ломоносова / МПГУ, Москва

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ПАДЕЖНОЕ
МАРКИРОВАНИЕ
И ЛИНЕЙНАЯ ПОЗИЦИЯ АРГУМЕНТОВ
В РУССКИХ СОБЫТИЙНЫХ НОМИНАЛИЗАЦИЯХ¹**

1. Введение

Номинализации представляют собой отглагольные дериваты, которые по набору выражаемых грамматических категорий и в плане функционирования в предложении подобны имени существительному, а по своей внутренней структуре и выражаемому значению соотносятся с предикатом.

Согласно [Шведова (ред.) 1980], к номинализациям в русском языке можно отнести отглагольные существительные на *-ие*, *-ание*, *-ение*, *-тие* с процессуальным значением, а также существительные немотивированные и с суффиксами *-к(а)*, *-от(а)*, *-ств(о)*, *-б(а)*, *-знь*, «имеющие живые связи с глаголом».

Связь номинализованных существительных с глаголом выражается в сохранении набора семантических валентностей производящего слова. В работе [Падучева 1977], в частности, показывается, что изменение соответствия между набором семантических и синтаксических актантов отглагольных дериватов возможно только в специфических контекстах употребления, когда исходная диатеза подвергается редукции и для одного из семантических актантов отсутствует синтаксическая валентность. При этом редукция диатезы отглагольных имен регулярна и успешно описана с помощью предложенного Е. В. Падучевой трансформационного анализа.

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ. Я благодарю Е. А. Лютикову, под чьим внимательным руководством была написана данная работа, а также О. И. Беляева за ценные замечания и комментарии, которые были учтены при доработке статьи.

В рамках более формального подхода к номинализациям также развивается идея о том, что в номинализации сохраняется аргументная структура глагола [Grimshaw 1990]. В частности, считается, что номинализация содержит как минимум проекцию глагольной группы VP. В настоящей работе мы будем придерживаться формальной теоретической парадигмы и опираться на формальные описания механизмов падежного маркирования аргументов номинализации.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 будут описаны основные свойства событийных номинализаций и особенности оформления внешнего аргумента номинализаций в русском языке. Затем, в разделе 3, мы рассмотрим номинализации двухместных основ с лексически управляемым падежом внутреннего аргумента и стратегии кодирования актантов при них. В частности, мы предположим, что порядок внешнего и внутреннего аргументов данных типов номинализаций зависит от стратегии падежного маркирования. Это предположение будет подтверждено результатами экспериментального исследования (раздел 4). В разделах 5, 6 будет проведено сопоставление рассмотренной закономерности с данными о порядке аргументов при других поддерживающих аргументную структуру отглагольных дериватах, в частности, пассивных причастиях. Завершает статью раздел 7, в котором намечается анализ рассматриваемого явления.

2. Событийные номинализации

Исследователями выделяется два типа номинализаций: событийные номинализации, обозначающие событие с точки зрения его протекания, и номинализации, обозначающие непосредственно результат действия. После работы [Grimshaw 1990] принято считать, что различия между типами номинализаций обуславливаются количеством функциональной структуры, расположенной над глагольной группой: событийная интерпретация предполагает наличие проекций более высокого уровня, чем VP. Так, в [Alexiadou 2001] высказывается гипотеза о том, что в состав процессных номинализаций обязательно входит категория легкого глагола *v*. Для доказательства этого факта используются, во-первых, сведения о том, наречия каких классов могут присоединяться к номинализациям в языках мира, а во-вторых, инфор-

мация о возможностях включения в функциональную структуру морфологических показателей.

В [Пазельская, Татевосов 2008] приводится доказательство наличия легкого глагола в функциональной структуре событийных номинализаций русского языка. Предполагается, что наличие данной вершины коррелирует с рядом синтаксических свойств: допустимостью модификации номинализаций наречиями, которые принадлежат к классам, проецируемым в область выше глагольной группы VP; данными по контролю нулевого подлежащего целевого оборота; возможностью каузативно-инхоативной альтернатики. Кроме того, в той же статье исследуется набор аффиксов, допустимых в составе глагольных основ, от которых затем образуются номинализации. Авторы приходят к выводу, что максимальной составляющей, возможной в составе русских событийных номинализаций, является аспектуальная проекция AspP.

В работе [Лютикова 2014] высказывается идея о том, что аргументная структура входит в состав номинализаций с событийным прочтением независимо от словообразовательных морфем. Иными словами, имена действия, в составе которых отсутствуют показатели *-ниj/-тиj-* признаются производными от глагола, как например, *торговля, критика*. Автор реализует эту идею, используя механизмы лексического вставления Распределенной морфологии. В рамках данной работы мы будем придерживаться описанного подхода.

С точки зрения падежного оформления аргументов, русские номинализации относятся к классу эргативно-посессивных [Kortjevskaja-Tamm 1993]. Классификация М. Копчевской-Тамм основана на различных стратегиях маркирования ядерных актантов: единственного аргумента (S) в случае непереходной основы, агенса (A) и пациенса/темы (P) в случае переходной основы. Поскольку настоящая работа выполнена в русле формального подхода, то в соответствии с принципом единообразия приписывания тета-ролей [Baker 1985] будем считать, что агентивный участник ситуации находится в позиции спецификатора легкого глагола S_{pec, vP} и соответственно является внешним аргументом номинализации (Ext), а тема находится в позиции комплемента глагольной группы VP, то есть является внутренним аргументом в составе глагольной оболочки (Int). Тогда принадлежность русских событийных номинализаций к эргативно-посессивному

классу объясняется тем, что единственный аргумент одноместной основы и внутренний аргумент переходной основы получают падеж посессора (генитив), а внешний аргумент переходной основы — особый падеж (инструменталис):

- (1) а. *падение курса рубля* (внутренний аргумент одноместной основы)
- б. *ворчание соседей* (внешний аргумент одноместной основы)
- в. *исполнение арии Шаляпиным* (внутренний и внешний аргументы переходной основы)

В [Кортјевскаја-Тамм 1993] также описывается порядок аргументов при номинализациях, образованных от переходных глаголов. Предполагается, что событийные номинализации такого типа предшествуют своим аргументам. Порядок следования самих аргументов оценивается как до некоторой степени свободный, хотя, по наблюдениям автора, аргумент-тема склонен следовать за аргументом-агенсом.

3. Номинализации с лексически управляемым падежом внутреннего аргумента

Предметом нашей работы являются номинализации двухместных основ с лексически управляемым падежом внутреннего аргумента. В отличие от имен действий, образованных от переходных основ, кодирование аргументов при рассматриваемых номинализациях не столь однозначно: падежное (или предложно-падежное) оформление внутреннего аргумента в номинализации сохраняется, а внешний аргумент может оформляться как генитивом, так и инструменталисом, т. е. демонстрирует вариативное падежное маркирование:

- (2) *Классицизм — это стиль подражания человека природе, проходящий через его видение, узнаётся сразу, отличается целостностью.* [URL: http://samlib.ru/p/prohorowa_n_g/proza-3.shtml]
- (3) *Если у Аристотеля τέχνη еще есть в каком-то смысле подражание человеком творческой мощи φύσις, то у Фомы Аквинского сама природа (Natura) подражает техническому мастерству Божества.* [URL: <http://platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala>]

При этом наряду с вариативным падежным маркированием обнаруживается и позиционное варьирование: носители могут употреблять внутренний (Int) и внешний (Ext) аргументы в различном порядке:

- (4) ...он против холуйского **преклонения перед США части населения России**. [коллективный. «Русский акцент Deutsche Bank». Комментарии к статье (2015)]
- (5) **Подражания скандинавами монетам Руси** [коллективный. Форум: Норманнский вопрос (2012)]

Наша гипотеза заключается в том, что в русском языке существует две стратегии кодирования аргументов номинализации, различающиеся тем, каким падежом маркирован внешний аргумент — родительным или творительным. Более того, мы предполагаем также, что выбор стратегии приписывания падежа предопределяет как падежное оформление внешнего аргумента, так и его линейную позицию. Для проверки гипотезы нам необходимо, во-первых, доказать существование двух стратегий приписывания падежа в речи носителей современного русского языка. Во-вторых, мы должны иметь возможность сопоставить данные о падежном кодировании с порядком аргументов при номинализации.

В корпусе номинализации с творительным падежом внешнего аргумента представлены неравномерно для разных типов имен действия. Для многих типов большая часть примеров происходит из нехудожественной литературы и ситуаций электронной коммуникации. В интернете, напротив, конструкция представлена в большом количестве. Так как корпусных данных оказывается недостаточно, а разнородность источников данных в сети может заставить усомниться в их релевантности, мы поставили задачу провести экспериментальное исследование, в котором испытуемый должен был бы самостоятельно выбирать стратегию кодирования аргументов номинализаций.

4. Экспериментальное исследование

В рамках исследования были изучены стратегии кодирования актантов при номинализациях, образованных от двухместных глаголов, управляющих лексическим падежом. К их числу в русском языке относятся имена действий, образованные от глаголов, управляющих дательным (DAT) (*мнение пешехода водителю*),

творительным падежами (INSTR) (*торговля соседки картинами*), предложной группой (PP) (*ухаживание инженера за артисткой*). Для верификации результатов эксперимента мы также включили в рассмотрение номинализации от переходных основ (*присоединение музыкантом микрофона*).

Был проведен лингвистический эксперимент, в котором участвовало 119 респондентов. Вниманию испытуемых были представлены предложения, состоящие из двух сочиненных частей. В первой части вместе со своими аргументами приводился глагол, от которого затем, во второй части, была образована номинализация. Во второй части предложения после номинализации были пропуски, которые респондентам предлагалось заполнить, используя аргументы из первой части. Аргументы в первой части предложения были выделены полужирным. Так, например, испытуемым предъявлялось предложение (6). Один из примеров заполнения пропусков показан в (7).

(6) В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение _____ сильно подняло боевой дух всех солдат.

(7) В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение армией столицы сильно подняло боевой дух всех солдат.

Для каждого типа имен действий было составлено два стимульных предложения с различными номинализациями. В качестве филлеров мы использовали предложения, составленные по аналогичной схеме, в которых вместо номинализации употреблялось причастие активного или пассивного залога, например:

(8) На выходных директор проиграл **машину коллеге** в результате пари, и как можно представить, директор, проигравший _____, весь следующий месяц был подавлен и удручен.

По результатам эксперимента можно заключить следующее. Во-первых, подтвердилось предположение о наличии двух стратегий падежного маркирования актантов. Из 120 участников эксперимента 67 человек хотя бы один раз использовали творительный падеж внешнего аргумента, что составляет 56,3% от числа всех испытуемых. Наиболее часто носители употребляли творительный падеж при номинализациях, образованных от двухместных глаголов, управляющих дательным (19,83% ответов) и творительным (18,97% ответов) падежом.

Таблица 1. Доля ответов с творительным падежом внешнего аргумента для номинализаций разного типа

Тип номинализации	Имя действия	Употребления INSTR	Доля INSTR, %
Управляет INSTR	<i>махание</i>	17	14,91
	<i>торговля</i>	27	22,88
	<i>владение</i>	65	56,03
	<i>пренебрежение</i>	59	51,3
Управляет DAT	<i>поддакивание</i>	21	17,8
	<i>мнение</i>	26	21,85
Управляет PP	<i>ухаживание</i>	15	12,93
	<i>заискивание</i>	9	7,89

Во-вторых, обнаружилась зависимость выбора порядка аргументов от используемого падежа для номинализаций, лексически управляющих внутренним аргументом. Корреляция заключается в том, что при использовании родительного падежа внешнего аргумента носители выбирают порядок «Ext-Int» (9), при использовании творительного — «Int-Ext» (10):

- (9) *В любом споре **секретарь** терпеливо поддакивал **начальнику**, но ежедневное поддакивание секретаря начальнику ни к чему не привело.*
- (10) *В любом споре **секретарь** терпеливо поддакивал **начальнику**, но ежедневное поддакивание начальнику секретарем ни к чему не привело.*

Таблица 2. Таблица сопряженности признаков «падеж внешнего аргумента» / «порядок аргументов»

Тип номинализации	Порядок аргументов	Падеж внешнего аргумента		Точный критерий Фишера p — значение
		GEN	INSTR	
Управляет DAT	Ext-Int	177	19	$p = 0,0001$
	Int-Ext	7	28	
Управляет INSTR	Ext-Int	155	30	$p = 0,0126$
	Int-Ext	21	14	
Управляет PP	Ext-Int	185	18	$p = 0,0001$
	Int-Ext	1	6	

При $\alpha = 0,5 > p$ гипотеза о независимости признаков отвергается.

Отметим, что для номинализаций, образованных от переходных глаголов, подтвердилось, что внутренний аргумент маркируется родительным падежом, внешний — творительным. Что касается порядка аргументов, можем заключить, что для переходных глаголов чаще используется порядок слов «Int-Ext» (пр. *освобождение столицы армией*). То есть результаты опроса расходятся с наблюдениями из [Kortjevskaja-Tamm 1993].

5. Две стратегии маркирования внешнего аргумента номинализации

Для того, чтобы понять, какова природа связи между порядком слов и выбором падежа внешнего аргумента, посмотрим, какие предсказания относительно стратегии кодирования делают современные падежные теории, а также выясним, способны ли они объяснить корреляции, связанные с порядком актанта.

В рамках текущего рассуждения вслед за [Alexiadou 2001], [Пазельская, Татевосов 2008], [Лютикова 2014] мы считаем, что номинализация представляет собой Ларсонову структуру, то есть группу легкого глагола *vP*, вложенную в номинализирующую оболочку. Внутренний аргумент является компонентом корня-глагольной основы, внешний аргумент находится в позиции спецификатора легкого глагола. Мы будем придерживаться подхода, использованного в [Пазельская, Татевосов 2008], где отдельно рассматриваются показатель существительного *-ij-* и показатель именной основы *-н/-т-*, который также входит в состав причастий страдательного залога. Вслед за той же работой считаем, что аффиксы номинализации подчиняются зеркальному принципу [Baker 1985], т. е. линейный порядок аффиксов отражает порядок функциональных проекций в синтаксической структуре. Таким образом, показатель существительного *-ij-* размещается в вершине *Nominaliz*, которая присоединяется после вершины *Nominal*, содержащей показатель *-н/-т-*. Максимальной проекцией, вложенной в проекцию показателя именной основы номинализации, считаем аспектуальную проекцию *AspP*.

- (11) [_{NominalizP} -ij- [_{NominalP} -н/-т- [_{AspP} Asp [... [_{vP} Ext [_{vP} √V Int]] ...]]]]]

Конфигурационная теория приписывания морфологического падежа А. Марантца [Marantz 1991] для рассматриваемых но-

минализаций предсказывает родительный падеж внешнего аргумента. В рамках данной теории падеж рассматривается не как лицензор именных групп, а как морфологическое явление, которое определяется структурной позицией беспадежной именной группы и наличием в области конкуренции падежей других беспадежных именных групп. Выбор падежа осуществляется в соответствии с дизъюнктивной иерархией, согласно которой в начале деривации выбираются наиболее специфичные падежные признаки. В соответствии с данной теорией в русском языке генитив представляет собой немаркированный падеж в именной группе, возникающий в отсутствие падежной конкуренции внешнего аргумента с внутренним. Действительно, в рассматриваемых номинализациях внутренний аргумент получает лексически управляемый падеж. Затем оказывается невозможным приписывание зависимого падежа, так как внутренний аргумент уже маркирован (а приписывание зависимого падежа возможно только при наличии другой беспадежной именной группы). Следовательно, в соответствии с дизъюнктивной иерархией, конфигурация предполагает приписывание немаркированного падежа.

Предположим, что генитив внешнего аргумента в номинализациях действительно является немаркированным падежом ИГ. Тогда нам необходимо объяснить порядок следования номинализации и двух ее аргументов. Номинализация всегда предшествует своим аргументам, поэтому мы можем предположить, что при ее образовании происходит передвижение корня-глагольной основы в доминирующую номинализующую проекцию для присоединения аффиксов существительного. В итоге получается порядок аргументов, продемонстрированный результатами эксперимента:

- (12) [_{NominalizP} поддакивание [_{NominalP} ~~поддакивание~~ [_{AspP} Asp [... [_{VP} секретаря [_{VP} ~~поддакивание~~ начальнику]] ...]]]]

В рамках более традиционной модели приписывания абстрактного падежа при согласовании можно рассматривать творительный падеж в качестве ингерентного падежа. В своей падежной теории Э. Вулфорд [Woolford 2006] разделила неструктурные падежи на лексические и ингерентные, которые находятся в дополнительной дистрибуции по отношению к тематическим позициям. Лексический падеж определяется лексической вершиной и может быть приписан только темам/внутренним аргументам. Ин-

герентный падеж, напротив, маркирует только внешние аргументы и его приписывание всегда связано с тематической позицией; в нашем случае ингерентный творительный падеж ассоциируется с ролью агентивного участника ситуации.

Предположим, что при маркировании инструменталисом внешнего аргумента глагольная вершина V так же, как в (12), передвигается в область, в которой происходит соединение корня из лексикона с показателями именной основы и существительного. По результатам эксперимента, порядок слов отличается от рассмотренного ранее: маркированный творительным падежом внешний аргумент теперь следует за внутренним аргументом. Будет логично предположить, что при такой конфигурации возможно передвижение внутреннего аргумента из области легкого глагола vP.

- (13) [NominalizP поддакивание [NominalP поддакивание ... [7P начальнику ... [vP секретарем [vP поддакивание начальнику]] ...] ...]]

Итак, каждая теория способна в полной мере дать объяснение лишь одному из рассматриваемых случаев. Для более полного анализа сопоставим рассмотренную закономерность с данными о порядке аргументов при других поддерживающих аргументную структуру отглагольных дериватах, а именно, пассивных причастиях.

6. Аргументная структура пассивных причастий

Номинализации и причастия различаются в функциональном плане: главная функция причастий атрибутивная, в то время как номинализации являются вершинами ИГ. Согласно [Kortjevskaja-Tamm 1993], многие языки мира не различают эти две формы, что свидетельствует о близости их структур.

Напомним, что в проведенном экспериментальном исследовании пассивные причастия с двумя аргументами использовались в качестве филлеров:

- (14) *Вчера писатель дал интервью газете, и интервью, данное _____, имело успех у поклонников современной литературы.*

Все страдательные причастия, включенные в эксперимент, были образованы от трехместных глаголов. Считаем, что после пассивной трансформации [Babby 1973] в составе пассивного

причастия остается проекция легкого глагола *vP*, причем позицию внешнего аргумента занимает агентивный участник, а позицию внутреннего аргумента бывшее непрямое дополнение. Таким образом, полученное страдательное причастие имеет структуру, сходную со структурой номинализации. Напомним еще одно структурное сходство: в русском языке как пассивные причастия, так и номинализации присоединяют показатель именной основы *-н/-т* [Пазельская, Татевосов 2008]. Отличие имен действий заключается в дальнейшем присоединении показателя существительного *-и/-*.

Всего в эксперименте было представлено восемь предложений-филлеров. Два причастия были образованы от глагольных основ, управляющих творительным падежом, остальные — от основ, управляющих дательным. По результатам анализа ответов в филлерах делаем следующие выводы о порядке аргументов при страдательных причастиях: в двух случаях из восьми различия в выборе того или иного порядка аргументов оказались незначимыми (15а-б), в остальных предпочтение отдавалось порядку «Ext-Int» (как в (15в-г)), кроме (15д), где порядок «Int-Ext».

- (15) а) *товар, продемонстрированный консультантом покупателю* [DAT]
 б) *премия, присужденная агроному министром* [DAT]
 в) *велосипед, выбранный подростку товарищем* [DAT]
 г) *яма, засыпанная крестьянином землей* [INSTR]
 д) *статус, присвоенный региону парламентом* [DAT]

Таблица 3. Доля ответов с порядком слов Ext-Int, Int-Ext

Управление	Стимульный материал из эксперимента	Ext-Int	Int-Ext
DAT	консультант продемонстрировал товар покупателю	50,42	49,58
	министр присудил премию агроному	44,54	55,46
	парламент присвоил региону статус	36,97	59,66
	писатель дал интервью газете	64,71	31,93
	подросток выбрал товарищу велосипед	80,67	14,29
	депутат представил жителям проект	58,82	36,97
INSTR	лаборант наполнил стакан раствором	58,82	29,41
	крестьянин засыпал яму землей	57,14	41,18

Сопоставим данные о порядке и падежном маркировании аргументов при пассивных причастиях и при событийных номинализациях (Таблица 4). Во-первых, обратим внимание, что событийные номинализации всегда предшествуют своим аргументам, в то время как страдательные причастия допускают передвижение аргументов из своей локальной области².

- (16) а) *секретаря начальнику **поддакивание**
б) *секретаря **поддакивание** начальнику
в) *начальнику секретарем **поддакивание**
г) *начальнику **поддакивание** секретарем
- (17) а) писателем газете **данное** интервью
б) писателем **данное** газете интервью
в) Богом **данные** нашей стране уникальные природные богатства [Триединый передел (2003) // «Советская Россия», 2003.08.09]
г) судьбою нам **данные** зачатки наивысшей хозяйственной формы [В. В. Вересаев. Воспоминания (1925–1935)]

Вероятно, такое ограничение на передвижение аргументов для событийных номинализаций связано с наличием в структуре номинализации показателя существительного *-иј-*.

С точки зрения взаиморасположения внешнего и внутреннего аргументов наблюдаются следующие закономерности. При пассивных причастиях и при именах действия, аргумент-агенса которых маркирован родительным падежом, внешний аргумент предшествует внутреннему. Номинализации с маркированным инструменталисом внешним аргументом противопоставляются остальным участникам сравнения: при них внешний аргумент следует за внутренним. Можем заключить, что только при номинализациях с творительным падежом допускается выдвижение внутреннего аргумента из глагольной группы.

Наконец, внешний аргумент двухместных событийных номинализаций может получать как родительный, так и творительный падеж. В случае причастий внешний аргумент всегда маркируется творительным падежом, и употребление агентивного участника в родительном падеже невозможно (**интервью, данное писателя газете*), хотя агенс и занимает позицию внешнего аргумента.

---

² Благодарю редакторов сборника за указание на примеры типа (17в-г).

Таблица 4. Сходства и различия
событийных номинализаций и пассивных причастий

	Проекция Nominaliz (аффикс <i>-иј-</i>)	Запрет на передвижные аргументов из локальной области
Номинализации А	да	да
Номинализации Б	да	да
Пассивные причастия	нет	нет

	Порядок аргументов	Выдвижение внутреннего аргумента	Падеж внешнего аргумента
Номинализации А	Ext Int	нет	GEN
Номинализации Б	Int Ext	да	INSTR
Пассивные причастия	Ext Int	нет	INSTR

7. Направление анализа

Результаты сопоставления показывают, что номинализации, внешний аргумент которых маркирован родительным падежом, и номинализации с внешним аргументом, оформленным творительным, сходны с причастиями по различным наборам параметров. В связи с этим мы хотели бы рассмотреть, как может происходить деривация номинализаций, а также наметить направление анализа выявленных закономерностей.

Наличие двух типов номинализаций, которые отличаются от причастий по несовпадающим основаниям, позволяет предположить, что имена действия обладают различной синтаксической структурой. В пользу такого предположения говорит неграмматичность сочинительной конструкции с двумя типами номинализации:

- (18) а) *??? поддакивание секретаря директору и заместителю бухгалтером;*
 б) *поддакивание секретаря директору и бухгалтера заместителю;*
 в) *поддакивание директору секретарем и заместителю бухгалтером.*

С учетом зеркального принципа в деривации мы считаем, что номинализации имеют более сложную структуру, чем причастия, а именно, в них присутствуют дополнительные функциональные

проекции. Попробуем выяснить, какой из типов номинализаций устроен сложнее в плане синтаксической структуры. Предположим, что различия в падежном маркировании и взаиморасположении аргументов связаны с различным категориальным статусом рассматриваемых конструкций, то есть с неравным количеством проекций, присоединяемых выше показателя именной основы *-н/-т-*.

Допустим, что номинализации сходны со страдательными причастиями по параметру порядка аргументов. В таком случае можно предположить, что структура номинализаций с инструменталисом внешнего аргумента является наиболее сложной из трех рассматриваемых (с наибольшим количеством функциональных проекций). Однако в таком случае не вполне ясно, почему сначала номинализация в отличие от причастия оказывается способной приписывать генитив, а при дальнейшей деривации эта способность теряется.

Если же считать, что сходство синтаксической структуры номинализаций и пассивных причастий определяется одинаковым падежом внешнего аргумента, тогда при деривации механизм приписывания падежа внешнему аргументу меняется только один раз (при переходе от номинализации типа Б к номинализации типа А (см. Таблицу 4)). По сравнению с предыдущим рассуждением текущий вариант является более экономным. Тогда внутренняя структура у номинализаций с инструменталисом внешнего аргумента предположительно должна оставаться такой же, как у пассивных причастий (поскольку механизмы приписывания падежа внешнему аргументу сохраняются). Вместе с тем появляются функциональные проекции, в которые оказывается возможным передвижение внутреннего аргумента. Это явление можно связать с добавлением в синтаксическую структуру проекции показателя существительного. Далее, при следующем типе номинализации внешний аргумент получает родительный падеж. Значит, создается конфигурация, делающая это возможным. Можем предположить, что следующим шагом к номинализации присоединяется вершина, которая маркирует внешний аргумент родительным падежом. Иными словами, номинализации, внешний аргумент которых оформлен генитивом, получают другой, более высокий категориальный статус по сравнению с именами действия с внешним аргументом, маркированным инструменталисом.

Однако и этот вариант анализа кажется нам неудовлетворительным: неясна мотивация присоединения дополнительной вершины, маркирующей внешний аргумент генитивом. Более того, становится непонятно, почему новая вершина будет иметь приоритет в маркировании внешнего аргумента, если внешний аргумент уже может получить инструменталис от вершины, которая находится ниже в синтаксической структуре номинализации.

Поскольку объяснение взаимосвязи падежного оформления и линейного порядка аргументов номинализаций с помощью понятия категориального статуса оказалось неудачным, можно предположить, что различия в синтаксической структуре причастий и номинализаций появляются еще до присоединения показателя именной основы *-н-/-т-*.

Можем предположить, что структура пассивных причастий и номинализаций с инструменталисом внешнего аргумента сходна в наличии вершины, которая приписывает творительный падеж внешнему аргументу. Тогда генитив приписывается внешнему аргументу некоторой именной вершиной при отсутствии вершины, приписывающей инструменталис. Остается объяснить, почему у номинализаций, внешний аргумент которых маркирован инструменталисом, внутренний аргумент может выдвигаться из проекции легкого глагола. Вероятно, это связано с наличием в составе номинализации все той же именной вершины, куда передвигается внутренний аргумент. Пока остается неясной мотивация такого передвижения. Тем не менее, последний вариант анализа кажется нам наиболее приемлемым.

8. Заключение

В рамках этой работы мы исследовали взаимозависимость позиции внешнего аргумента и его падежного маркирования для событийных номинализаций. Удалось доказать гипотезу о том, что падежное оформление внешнего аргумента и его линейная позиция предопределяются выбором стратегии приписывания падежа. Таким образом, мы показали, что в русском языке явление дифференцированного падежного маркирования проявляется также в линейном расположении актантов. Мы также провели сравнение аргументной структуры имен действий с внутренним устройством других отглагольных дериватов, а именно, пассив-

ных причастий. Наконец, было предложено описывать явления, связанные с падежным оформлением и линейным порядком аргументов имен действий, с помощью наличия в структуре причастий и номинализаций с внешним аргументом в творительном падеже особой вершины, приписывающей инструменталис внешнему аргументу, которая отсутствует в структуре номинализаций, внешний аргумент которых маркирован генитивом.

Литература

- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». М.: МПГУ, 2014. С. 120–145. [Е. А. Liutikova. Russkii genitivnyi posessor i formal'nye modeli imennoi gruppy [Russian genitive possessor and formal models of the noun phrase] // E. A. Liutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2014". M.: MPGU, 2014. P. 120–145]
- Падучева 1977 — Е. В. Падучева. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М., 1977. С. 84–107. [Е. В. Paducheva. O proizvodnykh diatezakh otpredikatnykh imen v russkom iazyke [On derivative diatheses of deverbal nouns in Russian] // Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury iazyka. M., 1977. P. 84–107]
- Пазельская, Татевосов 2008 — А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов. Отглагольное имя и структура русского глагола // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–380. [А. G. Pazel'skaia, S. G. Tatevosov. Otglagol'noe imia i struktura russkogo glagola [Deverbal nouns and the structure of the Russian verb] // V. A. Plungian, S. G. Tatevosov (eds.). Issledovaniya po glagol'noi derivatsii. M.: IAzyki slavianskikh kul'tur, 2008. P. 348–380]
- Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980. [N. YU. Shvedova (ed.). Russkaia grammatika [Russian grammar]. M.: Nauka, 1980]
- Alexiadou 2001 — A. Alexiadou. Functional Structure in Nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Babby 1973 — L. H. Babby. The deep structure of adjectives and participles in Russian // Language 49, 1973. P. 349–360.

- Baker 1985 — M. Baker. *Incorporation: a theory of grammatical function changing*. PhD Thesis. MIT, 1985.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Коптјевскаја-Тамм 1993 — М. Коптјевскаја-Тамм. *Nominalizations*. London — New York: Routledge, 1993.
- Marantz 1991 — A. Marantz. *Case and licensing* // G. Westphal, B. Ao, H. R. Chae (eds.). *Eastern States Conference on Linguistics*. University of Maryland, Baltimore: Ohio State University, 1991. P. 234–253.
- Woolford 2006 — E. Woolford. *Lexical case, inherent case, and argument structure* // *Linguistic inquiry*, 37 (1), 2006. P. 111–130.

Е. А. Проценюк

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

ВЫБОР ПАДЕЖА ЗАВИСИМОГО ИМЕНИ ПРИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ *ПОЛНЫЙ*¹

1. Введение

Большинство традиционных описаний лексемы *полный* не уделяют сколько-нибудь заметного внимания факту дифференцированного маркирования второго актанта прилагательного (*полный чего/чем*), но лишь фиксируют соответствующее различие: ‘*чего, чем* и без доп.’ [МАС 1999: 265]. Важное исключение составляет авторитетный справочник Д. Э. Розенталя. Его автор выделяет три значения прилагательного *полный*: ‘кого-чего (содержащий что-л., вместивший много кого-, чего-л.)’; ‘кем-чем (наполненный чем-л. доверху, до краев; всецело увлеченный, захваченный кем-, чем-л.)’; ‘чего и чем (целиком проникнутый чем-л., исполненный чего-л.)’ [Розенталь 1988: 412]. Однако предложенное объяснение представляется нам не вполне корректным, так как примеры демонстрируют отсутствие четко определяемых различий в значении. В примерах (1)–(5) существительное *вода* употреблено в родительном падеже, следовательно, должно быть представлено первое значение — ‘содержится, много’, но мы не можем утверждать, что исключается второе значение — ‘до краев’, предполагающееся, в свою очередь, в примерах (6)–(10), в которых, несмотря на творительный падеж зависимого, возможно и первое значение. Не ясно, каким образом разграничены ‘много’ и ‘до краев’ и как можно было бы доказать, что в определенном контексте представлено именно одно значение, а не другое.

---

¹ Автор выражает искреннюю благодарность И. Б. Иткину, по инициативе и под руководством которого была написана первоначальная версия настоящей работы, и анонимному рецензенту, с исключительной тщательностью и вниманием прочитавшему текст и сделавшему ряд важных замечаний.

- (1) *Нет спички, чтобы зажечь лучину и поставить самовар, — а то решительно все есть для того, чтобы хорошо «попить чайку»: и самовар **полон воды** и вычищен так, что горит как жар, и угольев тьма в корзине рядом с самоваром, и чай уже положен в чайник, и сахар есть... [Г. И. Успенский. Письма с дороги (1887)]*
- (2) *Даже небольшой заросший желтоватой ряской пруд был **полон воды**. (<https://otvet.mail.ru/question/35454871>)*
- (3) *Судно дало течь, и трюм был **полон воды**; однако оно так увязло килем в песчаной или, скорее, илистой отмели, что корма была приподнята, а нос почти касался воды. (<https://books.google.ru/books?isbn=5457154211>)*
- (4) *Его скафандр был **полон воды**, а рука ужасно кровоточила от пореза, полученного, когда он споткнулся, пытаясь прикрепить заряд. (<https://books.google.ru/books?isbn=5457412547>)*
- (5) *Это русло, наряду с необычными отложениями в самой низкой части кратера, говорит о том, что кратер когда-то был **полон воды**. (http://stp.cosmos.ru/index.php?id=1137&tx_ttnews%5Btt_news%5D=6426&cHash=f617213ef0d061aac371f8fc901321a0)*
- (6) *Акт второй, картина третья: буря в разгаре, замковый ров **полон водой**, однако отважные освободители вплавь подбираются к черным скользким стенам. [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]*
- (7) *Я не молод, вечно занят, чтобы кувшин мой был **полон водой**, и знаю, что, когда он полон, — все мысли о смерти пусты. (<http://www.rulit.me/books/tom-3-zhuravlinaya-rodin-kalendar-prirody-read-383166-54.html>)*
- (8) *Если приснился сон, в котором колодец был **полон чистой водой**, — это замечательное видение, которое говорит о больших внутренних ресурсах спящего. (<http://usonnik.ru/k/k-chemu-snitsya-kolodec.html>)*
- (9) *Чтобы такой агрегат прослужил долго, нужно следить за тем, чтобы перед началом разогрева бак был **полон водой**, а в холодное время года после завершения банных процедур*

жидкость нужно всенепременно сливать. (<http://zarmon.net/pechi/pech-dlya-bani-s-bakom-dlya-vody-kak-vybrat.html>)

- (10) *Ледяная вода все течет, замерзает на плечах и груди Ниссо. Но вот она добралась до дому, и кувшин еще до половины **полон водой.*** (<https://www.litmir.co/br/?b=62858&p=3>)

Таким образом, семантическое различие между родительным падежом и творительным (далее Р.п. и Т.п.) остается необъясненным.

Целью настоящего исследования является выявление тенденций выбора падежной формы зависимого имени при прилагательном *полный* и определение факторов, влияющих на этот выбор.

В работе рассмотрены выборочные данные по отдельным формам лексики *полный*, что связано с многочисленностью примеров и предположением о независимости выбора падежа от формы прилагательного, за исключением форм родительного и творительного падежей. Кроме собственно формы *полный*, мы рассматриваем формы *полного* и *полным*, т.к. падеж этих форм может влиять на падеж зависимого, который тоже является родительными или творительным, форму *полная* (в ж.р. формы Р.п. и Т.п. чаще всего совпадают (*полной*), поэтому в работе специально не рассматриваются), а также краткие формы *полон* и *полна*. Материалом исследования являются предложения, содержащие перечисленные формы и зависимое имя в постпозиции. Источником материала послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

2. *Полный* чем: сколько?

В ходе работы для каждой из форм *полный*, *полным*, *полон* и *полна* было сформировано три случайных выборки объемом по 100 примеров (из Основного корпуса), для формы *полного* подходящих примеров оказалось 205. Для форм *полный*, *полная*, *полон*, *полна* поисковый запрос выглядел следующим образом: “форма” на расстоянии 1 от (gen|gen2|ins) -amark, т. е. искалась форма прилагательного *полный* рядом со словом или в родительном, или во втором родительном, или в творительном падеже (мы не указывали часть речи этого слова) при отсутствии знака препинания между двумя словами (помета -amark). Результаты для форм *пол-*

ного и *полным* были получены путем несколько иного запроса — «форма» асомта на расстоянии 1 от (gen|gen2|ins) -amark. Помета асомта (*после запятой*) позволила сократить количество «шума» типа *до полного выпаривания воды, цена полного комплекта*. Если в документе было зафиксировано несколько вхождений искомой словоформы, то в выборку попадало только первое. Примеры с зависимыми местоимениями в выборку не включались, т.к. рассматривались отдельно.

На основе выборок мы подсчитали процент зависимых, употребленных в Т.п. при каждой из интересующих нас форм прилагательного *полный*. Для этого в случае форм *полный, полная, полным, полон* и *полна* мы сначала посчитали процент Т.п. в каждой из трех выборок объемом 100 примеров, а после — среднее арифметическое процента Т.п. по этим трем выборкам. В случае формы *полного* мы приняли выборку в 205 примеров за 100% и посчитали, сколько процентов составляют примеры с Т.п. Результаты подсчетов представлены в Таблице 1.

Таблица 1

	<i>полный</i>	<i>полная</i>	<i>полного</i>	<i>полным</i>	<i>полон</i>	<i>полна</i>
% Т.п.	2%	1%	8%	3%	8%	14%

Из данных Таблицы 1 видна значительная разница между процентами Т.п. при кратких и полных формах И.п. Заметен и повышенный процент Т.п. для краткой формы ж.р. *полна*, однако мы вынуждены признать, что пока для нас этот факт остается необъясненным. Наблюдается повышенный процент Т.п. для формы Р.п. *полного* по сравнению с таковым для формы Т.п. *полным*, что позволяет предположить большее предпочтение сочетания *Р.п. + Т.п.* по сравнению с сочетанием *Т.п. + Т.п.* При этом доля Т.п. при каждой из рассматриваемых форм в несколько раз меньше, чем доля Р.п., т. е. для существительных более предпочтительна форма Р.п.

3. *Полный* и местоимения

Напротив, местоимения при прилагательном *полный* чаще выбирают форму Т.п. Это явление отмечено в работе К. С. Горбачевича [Горбачевич 1989: 186], однако, насколько нам известно,

ранее не рассматривалось сколько-нибудь подробно. Для поиска примеров, где зависимым было бы местоимение, мы воспользовались приведенными выше запросами (см. Раздел 2), однако поставили помету о том, что искомое слово должно быть местоимением-существительным (*SPRO*). Таким образом, мы получили данные о падеже местоимений, находящихся в контактной позиции к словоформам *полный, полная, полным, полон* и *полна* (Таблицы 2-6); при словоформе *полного* местоимений не нашлось.

Таблица 2. *Полный* + местоимение

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>то</i>	1:1
<i>себя</i>	0:1
<i>ты</i>	0:2
<i>все</i>	1:0
Итого	2:4

Таблица 3. *Полная* + местоимение

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>он</i>	0:1
<i>ты</i>	0:1
<i>все</i>	1:1
<i>те</i>	0:1
<i>что-то</i>	0:1
Итого	1:5

Таблица 4. *Полным* + местоимение

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>что-то</i>	2:0
Итого	2:0

Таблица 5. *Полон* + местоимение

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>он</i>	1:6
<i>они</i>	0:7
<i>она</i>	0:6
<i>оно</i>	0:2
<i>себя</i>	0:4
<i>вы</i>	0:2
<i>все</i>	0:2
<i>что-то</i>	0:1
<i>это</i>	0:1
<i>ты</i>	0:2
<i>то</i>	1:0
<i>другое</i>	0:1
Итого	2:34

Таблица 6. *Полна* + местоимение

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>он</i>	0:4
<i>они</i>	0:11
<i>она</i>	0:6
<i>себя</i>	0:5
<i>что-то</i>	1:1
<i>это</i>	0:1
<i>ты</i>	0:1
Итого	1:29

Употребление местоимений в Р.п. при словоформах прилагательного *полный* (примеры (11)-(13)) может оказаться случайностью.

- (11) *И вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать перед собой и сваливать на других, наконец открылась мне во всем своем ужасе, и Бог помог мне избавиться не от зла — я еще **полон его**, хотя и борюсь с ним, — но от участия в нем.* [Александр Архангельский. Александр I (2000)]
- (12) *Но он был еще **полон того**, что нашло на него сейчас, и даже не развернул зонтика, когда переходил через двор скита к воротам, где его ждал извозчик.* [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)]
- (13) *Арсентий — собранный, жестокий, **полный того**, что принято называть новой энергией.* [Михаил Веллер. А вот те шиш! (1983)]

4. Полный и имена собственные

Имена собственные, подобно местоимениям, составляют особый класс слов, употребляющихся при словоформах прилагательного *полный* в Т.п. практически без исключения. Для поиска примеров мы делали запросы, аналогичные указанным в Разделе 2, однако дополнили их пометой *capital* (второе слово с заглавной буквы) и увеличили расстояние до двух, чтобы находились контексты типа «полна была Парижем». Результаты представлены в Таблице 7, где в ячейках указано общее количество примеров с именами собственными и количество примеров с зависимым в Р.п.

Таблица 7. Имена собственные

	<i>полон</i>	<i>полна</i>
форма + имя собств.	8	2
форма + Р.п.	1	0

Из данных таблицы мы видим, что запрет на Р.п. не является абсолютным (пример (14)). Однако приемлемость замены творительного падежа родительным кажется нам сомнительной (пример (15)).

- (14) *Вестибюль был **полон Фаустов и Маргарит, Гамлетов и Офелий**, средневековых рыцарей и валлеништейновских ландскнехтов.* [М. А. Алданов. Истоки. Части 1–8 (1942–1946)]

- (15) *Моя безлюдная, притихшая комната делается полна Катей/??Кати.* [Федор Кнорре. Каменный венок (1973)]
- (16) *Но мир попрежнему полон Клавдиями, Розенкранцами, Гильденстернами, Полониями.* [М. М. Морозов. О динамике созданных Шекспиром образов (1947)]

В примерах (14) и (16) имена собственные употреблены как нарицательные, но в разных падежах, и для нас остается непонятным семантическое различие Р.п. и Т.п. Однако в примере (14) за именами собственными следуют нарицательные существительные, что могло повлиять на употребление имен собственных в форме Р.п.

5. Полон: семантические классы зависимых

В разделе анализируется лексический состав зависимых при форме *полон*. При анализе словоформ, заполняющих вторую валентность прилагательного *полный* (*чего/чем*) и его форм, рассматриваемых в настоящей работе, мы обнаружили значительное количество лексем, которые употребляются при разных формах прилагательного *полный*, например (17)-(22):

- (17) *Какой он спокойный, полный энергии и ума, любимый человек!..* [И. А. Ефремов. Туманность Андромеды (1956)]
- (18) *Но не нарушит ли полная энергии и движения сцена гонок лирически-раздумчивого строя картины?* [Л. Пажитнова. «Кто сказал: где?» // «Советский экран», 1966]
- (19) *Но, взглянув на него — стройного, спортивного, молодящегося, полного творческой энергии и новых идей, продолжающего плодотворно трудиться, понимаешь, что эта цифра — понятие абстрактное.* [Л. З. Зорин. Александр Гриценко: дорогу осилит идущий (2004) // «Газовая промышленность», 2004.11.17]
- (20) *По обычаям удавов считалось, что удав перед обработкой кролика должен выглядеть бодрым, свежим, полным веселой энергии.* [Фазиль Искандер. Кролики и удавы (1982)]
- (21) *В 72 года он полон энергии и творческих планов.* [А. Кулешов. Гороховецкие умельцы (2004) // «Народное творчество», 2004.10.18]

(22) *Глаза у нее горят, волосы всплескивают от резкого движения; она полна энергии.* [Вячеслав Рыбаков. Хроники смутного времени (1998)]

Среди таких лексем также *силы (полный сил и планов человек; полная сил и энергии, идет Советская Киргизия; человека, полного сил и энергии дела; полным сил и идей; полон сил и таланта; ты полна сил), гости (полный гостей; всегда полон гостей; полна гостей), запах (воздухом, полным запаха нагретой зелени; ночь, полная запаха полыни и костров; от воздуха, полного дурманным запахом; который полон запахом кипарисов; изба полна чужого запаха), вода (рот полон горькой воды; овраг, полный талой воды; плаха, полная воды; с ведром, полным воды; буерака, полного внешней водой; снова полна прозрачной водой)* и др. Учитывая обнаруженные совпадения и предполагая, что состав лексем, занимающих вторую валентность, не зависит от формы прилагательного, мы проанализировали лексический состав зависимых при форме *полон*.

На основе случайно упорядоченных результатов поиска точных форм в НКРЯ для первичного анализа была сформирована еще одна выборка из 300 примеров, содержащих форму *полон*. Половину выборки составляет конструкция *полон + зависимое слово в Р.п.*, другую половину — конструкция *полон + зависимое слово в Т.п.*

На материале выборки был произведен статистический и семантический анализ лексем, заполняющих вторую валентность прилагательного (*полон чего/чел*). Для удобства описания данных привлечена лексико-семантическая разметка Корпуса: в НКРЯ произвольному слову приписывается информация о разряде и таксономическом классе. Лексико-семантические пометы позволили разделить лексемы на тематические группы. Результаты анализа лексического состава зависимых представлены в таблицах 8–13, где указаны лексемы и количество вхождений этих лексем в Р.п. и Т.п. при *полон* в НКРЯ (Основной корпус; подсчет осуществлялся через поиск точных форм, примеры запросов — *полон жильцов* и *полон жильцами*), а также суммарное число вхождений существительных в Р.п. и Т.п. в Корпусе. В таблицы 8–13 включены только те существительные, количество вхождений которых в выборке при *полон* или в Р.п., или в Т.п. больше единичного или составляет ровно единицу и в Р.п., и в Т.п.

В группу, где велика доля Т.п., попадают имена существительные из разряда предметных имен (*r:concr*), относимые к таксономическому классу «лица» (сопровождаются пометой *t:hum*). В отличие от группы местоимений и имен собственных, где отчетливо видно предпочтение творительного падежа, в классе «лица» велика зона колебания.

Таблица 8. «Лица»

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>народ</i>	47:5
<i>гости</i>	26:6
<i>люди</i>	15:12
<i>публика</i>	6:2
<i>дети</i>	4:1
<i>женщины</i>	4:0
<i>жильцы</i>	2:2
<i>офицеры</i>	1:2
<i>друзья</i>	2:0
<i>курсанты</i>	2:0
<i>солдаты</i>	0:2
<i>стрельцы</i>	0:2
<i>герои</i>	1:1
<i>немцы</i>	1:1
<i>посетители</i>	1:1
<i>толпа</i>	1:1
Итого	113:38

Рассмотрим более подробно слова класса «лица». В Корпусе встретилось пять вхождений слова *народ* в Т.п., тогда как количество вхождений в Р.п. превосходит эту цифру чуть больше, чем в девять раз, — 47. При подсчете учитывалось количество вхождений слова в родительном и втором родительном падеже, т. е. форм *народа* и *народу*, — 20 и 27 вхождений соответственно.

Во время работы над лексическим материалом группы «лица», в частности, над лексемой *народ*, возникла гипотеза, с помощью которой представлялось возможным попытаться описать выбор Р.п. или Т.п. для существительных группы: конструкции с Р.п. имеют семантику постоянного заполнения, свойства места быть всегда заполненным кем-то, тогда как конструкции с

Т.п. означают временное, окказиональное заполнение. Действительно, можно найти примеры, которые подтверждают эту гипотезу:

(23) *Одни уходили, другие приходили, и домик всегда был **полон народа**.* [Н. Д. Телешов. Самоходы (1894)]

(24) *Двор был **полон народом**.* [А. И. Цветаева. Воспоминания о Патриархе Тихоне (1922–23?) (1990)]

Двор из (24) заполнен народом по какому-то случаю, т.к. в силу семантики не предполагает постоянное заполнение людьми, а *домик* из (23) — всегда, это его (*домика*) характерная черта. Однако легко находятся примеры, опровергающие гипотезу:

(25) *Минут через десять небольшой дворик Зазулей был **полон народа**.* [А. И. Свирский. Рыжик (1901)]

Из всего предложения (25) становится понятно, что *дворик* заполнился в силу какого-то события, однако представлена форма Р.п. — *народа*.

Проверим, можно ли описать выбор падежной формы, независимо от предполагаемого семантического распределения, с диахронической точки зрения. Посмотрим на распределение употреблений форм *народа*, *народу*, *народом* в контактной позиции к *полон* по годам (График 1а):

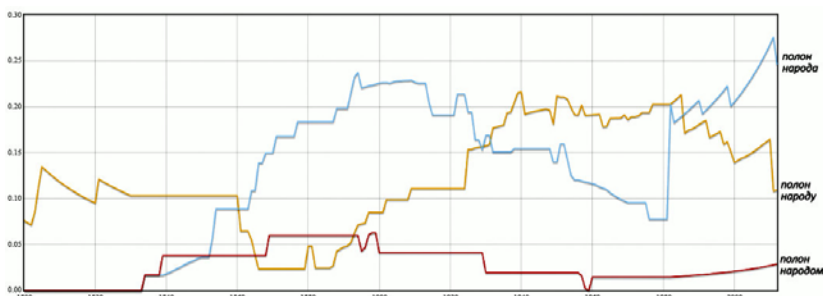

График 1а

Из Графика 1а становится видно, что формы Р.п. *народа* и *народу* при *полон* на протяжении почти всего периода употребляются с относительно большей частотой, чем форма Т.п. *народом*. Корпус фиксирует следующие года вхождения *полон народом* (Таблица 8а):

Таблица 8а

<i>полон народом</i>	
1990	1
1927	1
1899	1
1869	2

Согласно данным Таблицы 8а, самое позднее употребление лексемы *народ* в Т.п. при *полон* зафиксировано в 1990 г. (пример (24)) после сравнительного продолжительного периода (в шестьдесят три года) отсутствия формы Т.п. при *полон*. Однако с 1927 по 1990 гг. при *полон* активно употребляются формы Р.п. и второго Р.п., что видно из данных Таблицы 8б.

Таблица 8б

<i>полон народа</i>		<i>полон народу</i>	
1960	1	1987	1
1952	1	1969	1
1945	1	1966	1
1934-1939	1	1962	1
1926-1934	1	1955	1
		1939	1
		1932	1
		1927	1

Самые поздние вхождения конструкций *полон народа* и *полон народу* зафиксированы Корпусом в текстах 2012 и 2004 гг. соответственно. Наличие же формы Т.п. *народом* в тексте 1990 г. может быть отчасти объяснено тем, что автор — А. И. Цветаева, которой на момент создания «Воспоминаний...» было более девяноста лет, употребляет форму Т.п., распространенную на протяжении достаточно продолжительного периода ее жизни.

Сравним данные для лексемы *народ* при форме *полон* с аналогичными данными при краткой форме ж.р. *полна*. Корпус фиксирует следующее количество вхождений лексемы *народ* в контактной постпозиции к *полон*: в родительном падеже — 31 вхождение, во втором родительном — 47 вхождений, в творительном падеже — 27 вхождений; полученное соотношение

Р.:Т. — 78:27. Рассмотрим распределение по годам форм Р.п., второго Р.п. и Т.п. лексемы *народ* при *полна* (График 16).

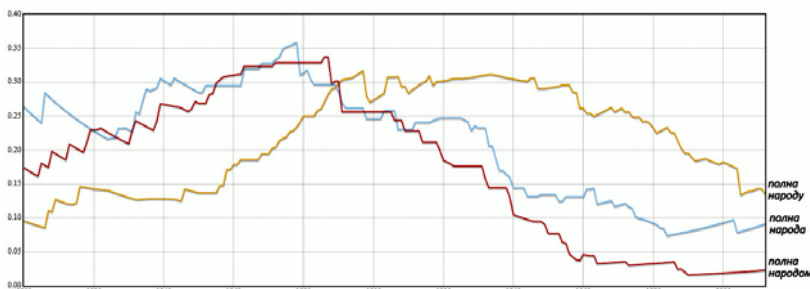

График 16

Из Графика 16 видно, что формы *народом* и *народа* с 1820 по 1910-е гг. употребляются приблизительно с одинаковой частотой. После же 1910-х гг. форма *народом* употребляется реже обеих форм родительного падежа. Пик употребления формы творительного падежа приходится на XIX в.: в XXI в. зафиксировано только одно вхождение формы *народом* при *полон* — в 2010 г., в конце XX в. также одно вхождение — в 1999 г., а до этого времени, в период с 1837 по 1939 гг., форма *народом* употребляется 25 раз с разницей 3 г. — 15 лет.

Несмотря на то, что во временном распределении форм лексемы *народ* при *полон* и *полна* присутствуют различия, заметна общая тенденция к предпочтению формы Р.п., в особенности в XX в.

Почти одинаково (15 против 12) количество вхождений форм существительного *люди* при прилагательном *полон* в Р.п. и Т.п. Хотя для части примеров верна высказанная выше гипотеза, среди употреблений без труда отыскиваются те, что опровергают ее:

- (26) *Двор на Кузнецком был всегда, с самого утра, полон людьми.* [Лев Разгон. Непридуманное/Кузнецкий мост, 24 (1988)]
- (27) *Стоянки автомобилей, забитые до отказа, свидетельствовали о том, что «стадион» сейчас полон людей.* [Василий Песков, Борис Стрельников. Земля за океаном (1977)]

Из всего предложения (26) становится ясно, что *быть полным людьми* — постоянное свойство двора на Кузнецком, хотя использована форма Т.п., а из предложения (27) — что «стадион»

(т. е. напоминающее по форме стадион здание Пентагона) заполнен людьми временно, *сейчас*, однако в тексте представлена форма Р.п.

Из примеров (23), (25)–(27) можно сделать вывод, что семантика ситуации — постоянное vs. временное — не коррелирует с выбором падежа зависимого существительного при прилагательном *полон*, а определяется временными модификаторами (*всегда* (23), (26), *минут через десять* (25), *сейчас* (27)). Если принимать к рассмотрению только предложения без временных модификаторов, то все равно найдутся примеры, опровергающие гипотезу:

(28) *Зал полон людей, знавших и знающих меня.* [С. М. Эйзенштейн. Монтаж (1938)]

(29) *Православный собор на узкой улочке Поль-Анри полон народу...* [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)]

Семантика обоих существительных — *зал* и *собор* — предполагает заполнение только в определенных ситуациях: по случаю концерта, представления или др. в (28) и, например, по случаю службы в (29).

Проанализируем распределение по годам форм Р.п. и Т.п. существительного *люди* при *полон* (График 2).

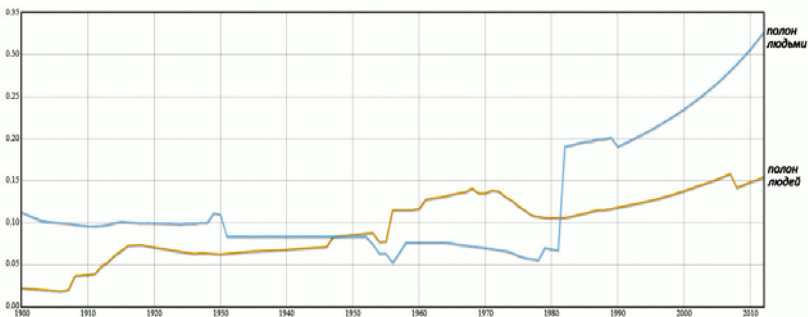

График 2

На графике видно, что формы Р.п. и Т.п. на протяжении длительного периода с начала XX в.² по 1970-е гг. было почти одинаковым, однако позднее конструкция *полон людьми* стала

² График построен на материале XX–XXI вв., т.к. в XIX в. фиксируется только единственное вхождение формы Р.п. *людей* при *полон*.

употребляться чаще. Разрыв особенно увеличился в 2000-х гг. Действительно, Корпус фиксирует два вхождения формы *людьми* при *полон* в 2009 г. и одно в 2012 г. и только одно вхождение формы *людей* в 2001 г.

Сравним эти данные с распределением по годам употреблений лексемы *люди* при форме *полна* (График 3). Из графика видно, что с 1920 г. форма Р.п. *людей* при прилагательном *полна* встречается более часто, чем форма Т.п. *людьми*.

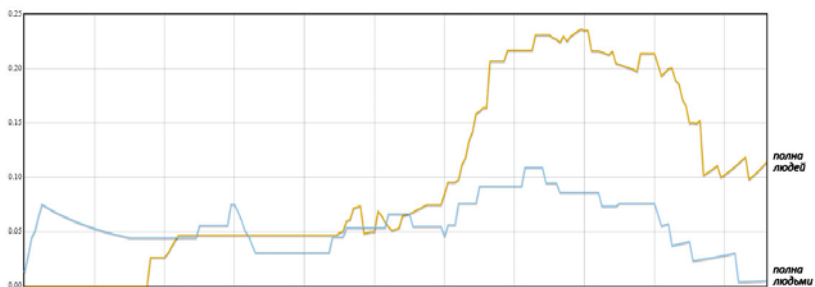

График 3

Посмотрим на распределение по годам форм Р.п. и Т.п. еще одного существительного, которое относительно часто встречается при *полон*, — *гости* (26:6) (График 4).

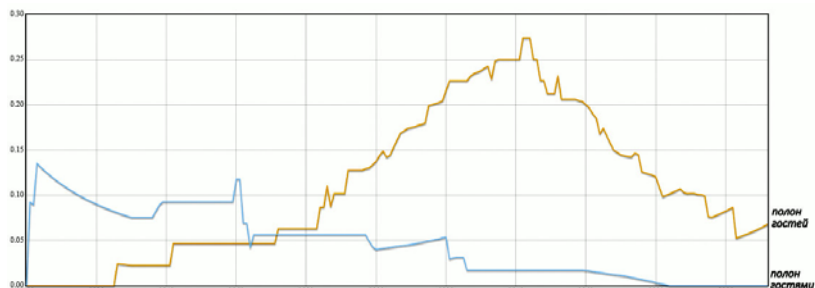

График 4

Последнее вхождение конструкции *полон гостями* зафиксировано в 1929–1953 гг., позднее форма Р.п. этого существительного при прилагательном *полон* полностью вытесняет форму Т.п.

Несмотря на высокую степень колебания при выборе падежа существительных класса «лица» (что особенно ярко демонстрируют почти одинаково часто используемые формы *людей* и *людь-*

ми при *полон*), прослеживается тенденция к предпочтению формы Р.п. зависимого существительного при прилагательном *полон*.

В следующую группу, в которой доля Т.п. значительно меньше по сравнению с таковой в предыдущей группе, входят абстрактные имена существительные (*t.abstr*), которые нельзя объединить в один таксономический класс по какому-либо семантическому признаку, дополнительному к абстрактности (Таблица 9). Эти слова объединены в одну группу в силу нескольких причин. В Корпусе некоторые существительные — например, *гармония*, *неожиданности* — остаются неразмеченными, т.к. их не удастся отнести к какому-либо из таксономических классов, положенных в основу разметки. Вторая причина, связанная с первой, — в рамках настоящей работы представляется нецелесообразным выделять семантическую группу, которую будут составлять одно или два слова.

Таблица 9. Абстрактные. Разное

Лемма	Корпус (Р.:Т.)	Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>неожиданности</i>	10:0	<i>ароматы</i>	0:3
<i>свет</i>	9:1	<i>претензии</i>	3:0
<i>заботы</i>	7:0	<i>аромат</i>	2:1
<i>музыка</i>	6:0	<i>покой</i>	2:1
<i>события</i>	6:0	<i>гармония</i>	2:0
<i>поэзия</i>	5:1	<i>контрасты</i>	2:0
<i>движение</i>	5:0	<i>намекы</i>	2:0
<i>огонь</i>	5:0	<i>гром</i>	1:1
<i>запах</i>	4:2	<i>смех</i>	1:1
<i>забота</i>	4:0	<i>труд</i>	1:1
<i>слухи</i>	3:1	<i>тьма</i>	1:1
<i>тени</i>	3:1	Итого	87:15

Из данных Таблицы 9 видно, что не всегда выбор падежа зависимого существительного при прилагательном *полон* однозначен. Обратимся к существительным, которые относятся к таксономическому классу «запахи», — *запах*, *запахи*, *аромат*, *ароматы*:

- (30) *Воздух был полон запаха липы, сирени и влажной земли...*
[И. А. Бунин. Дневники (1940–1953)]
- (31) *Ночной воздух был полон запахом трав и цветов.* [Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)]

- (32) *Воздух был **полон аромата** скошенной травы.* [В. М. Зензинов. Пережитое (1953)]
- (33) *Вдали замирает тоскливая песня... воздух **полон ароматом** подкошенной травы...* [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)]

Выявить семантические различия между конструкциями *полон запаха/аромата* и *полон запахом/ароматом* в предложениях (30), (32) и (31), (33) не удастся.

Другую группу со средней долей Т.п. составляют непредметные имена существительные, помеченные в НКРЯ как *t:ment*, т. е. относящиеся к таксономическому классу «ментальная сфера». Из данных Таблицы 10 видна неоднозначность в выборе падежа зависимого существительного при *полон*.

Таблица 10. Абстрактные. «Ментальная сфера»

Лемма	Корпус (Р.:Т.)	Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>надежды</i>	29:0	<i>внимание</i>	5:0
<i>надежда</i>	9:1	<i>сомнения</i>	5:0
<i>загадки</i>	9:0	<i>иллюзии</i>	4:0
<i>планы</i>	8:1	<i>воспоминания</i>	3:4
<i>впечатления</i>	7:3	<i>мысли</i>	2:4
<i>идеи</i>	6:1	<i>рассказы</i>	2:1
<i>замыслы</i>	6:0	Итого	101:15
<i>тайны</i>	6:0		

Рассмотрим подробнее существительные, которые встречаются в форме Т.п. при прилагательном *полон*. Среди них выделяются те, количество употреблений которых в Т.п. меньше, чем в Р.п. Это существительные *надежда*, *планы*, *впечатления* и *идеи*. Самые поздние вхождения форм Т.п. этих слов при прилагательном *полон* датируются 1885 г., 1928 г., 1997 г. и 1932 г. соответственно. В текстах 2000-х гг. такие формы в контактной позиции к *полон* не зафиксированы, что может свидетельствовать о том, что Р.п. вытесняет Т.п.

Велика зона колебания при выборе падежа существительных *воспоминания* и *мысли*. Посмотрим на распределение по годам форм этих существительных при *полон* (Таблица 10а).

Таблица 10а

	Р.п.	Т.п.
<i>воспоминания</i>	1832, 1894, 2003	1879–1881, 1880 1921, 1960–1970
<i>мысли</i>	1920–1943, 1926–1934	1889, 1901, 1980–1990, 1992

Из данных Таблицы 10а видно, что только форма Р.п. существительного *воспоминания* встречается в текстах 2000-х гг. Здесь же следует отметить, что употребление формы Р.п. и Т.п. существительного *мысли* при прилагательном *полон* ограничено: конструкции *полон мыслей/мыслями* встречаются в жизнеописаниях, воспоминаниях и дневниковых записях.

Ситуация в группе «ментальная сфера» такова: подобно уже рассмотренным абстрактным существительным других тематических классов, большинство существительных класса чаще употребляются в Р.п., чем в Т.п., а самые поздние редкие формы Т.п. встречаются в текстах 1990-х гг.

Еще одну группу со средней долей Т.п. составляют остальные предметные имена, которые относятся к разным таксономическим классам («вещества и материалы» *t:stuff*, «тексты» *t:text*, *t:money* — *деньги*, *t:tool* — *патроны*, *sc:thing* — *пачки*). Мы разделили эти существительные на две подгруппы: однородные вещества (Таблица 11а) и множества объектов (Таблица 11б). Из данных таблиц видно, что в группе предметных имен (которую можно условно назвать «не-лица») в обеих подгруппах присутствует колебание при выборе падежной формы.

Таблица 11а. Предметные.
Однородные вещества

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>вода</i>	9:3
<i>кровь</i>	6:2
<i>слюна</i>	4:0
<i>смола</i>	1:1
Итого	20:6

Таблица 11б. Предметные.
Множества объектов

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>книги</i>	5:0
<i>патроны</i>	3:1
<i>рассказы</i>	0:1
<i>золото</i>	2:1
<i>пачки</i>	1:2
<i>деньги</i>	1:1
Итого	12:6

В группе однородных веществ и множеств объектов самыми частотными словами, встречающимися при *полон*, являются существительные, обозначающие однородные вещества, — *вода* и *кровь*. Рассмотрим распределение по годам форм этих существительных в контактной постпозиции к *полон* (График 5):

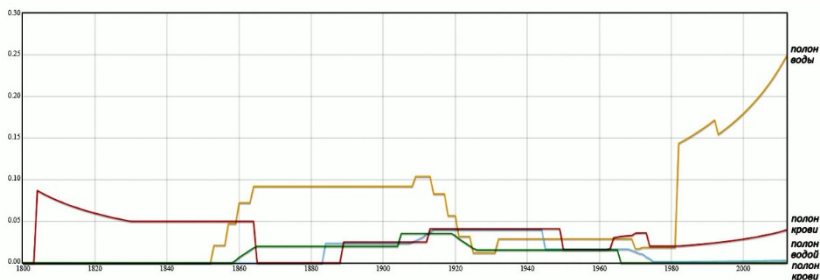

График 5

Из Графика 5³ видно, что формы Р.п. *воды* и *крови* встречаются с большей частотой, чем соответствующие формы Т.п., которые в 2000-х гг. выходят из употребления. Еще одно существительное из подгруппы однородных веществ — *слюна* — при прилагательном *полон* встречается только в форме Р.п., что позволяет предположить, что для класса однородных веществ предпочтителен Р.п.

Общая картина в группе «не-лица» выглядит следующим образом: предметные имена существительные, обозначающие однородные вещества и множества объектов, чаще употребляются при *полон* в форме Р.п. Формы Т.п. в текстах 2000-х гг., по-видимому, являются редкостью, т.к. из существительных группы в форме Т.п. при *полон* встретились только два: *водой* в тексте 2002 г. и *рассказами* в тексте 2012 г.

В следующую группу, представленную в Таблице 12, включены абстрактные имена существительные из тематических классов «психическая сфера», «эмоция» и «воля». В семантической разметке существительных этих классов присутствует общий элемент — *t:psych*, что явилось причиной объединения существи-

³ График 4 не отображает единственное вхождение формы Т.п. на *-ою* — *полон водою*, которая наравне с формой Т.п. на *-ой* учитывалась при подсчете вхождений. Форма *водою* при *полон* встречается в тексте 1849–1852 гг., т.е. относительно давно.

тельных с этой пометой в рамках настоящей работы в одну группу — «психическая сфера» («эмоции» *t:psych:emot* и «воля» *t:psych:volit* — подмножества). То, что имена, представленные в Таблице 12, действительно могут составлять одну группу (выделенную на семантическом основании), подтверждается их синтаксическими свойствами. Абстрактные имена существительные из «психической сферы» демонстрируют практически абсолютное предпочтение формы Р.п.

Таблица 12. Абстрактные. «Психическая сфера»

Лемма	Корпус (Р.:Т.)	Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>силы</i>	84:0	<i>раскаяние</i>	5:0
<i>энергия</i>	50:0	<i>сочувствие</i>	5:0
<i>решимость</i>	42:0	<i>страх</i>	4:0
<i>жизнь</i>	27:0	<i>беспокойство</i>	3:0
<i>любовь</i>	18:2	<i>веселье</i>	3:0
<i>оптимизм</i>	12:0	<i>жажда</i>	2:1
<i>радость</i>	9:1	<i>предчувствие</i>	2:1
<i>счастье</i>	9:1	<i>страсть</i>	2:1
<i>энтузиазм</i>	7:0	Итого	289:7
<i>желание</i>	5:0		

Существительное *любовь* в Т.п. при *полон* встречается два раза:

- (34) *Мне было необычайно хорошо, так, как не бывало давно — я опять почувствовал, что я еще молод и силен силами в груди, что у меня есть друзья и верования, что я **полон любовью** — как тринадцать лет перед тем.* [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862–1866)]
- (35) *Этот город **полон любовью**, там можно даже камню на мостовой сказать «I love you» и не содрать ни капельки.* [Яна Зубцова. Прекрасный маршрут (2002) // «Домовой», 2002.04.04]

В примерах (34)–(35) *любовь* представляется внешней силой, которая заполняет субъекта. Когда же существительное *любовь* употреблено в форме Р.п. при *полон*, субъект является ис-

точником чувства (предложения (36)-(37)), что подтверждают примеры с предлогом *к* — *полон любви к кому/чему*.

(36) *Тогда, в детстве, он был **полон любви**. Любил музыку, рисование.* [И. Грекова. Фазан (1984)]

(37) *Если Бог, говорят они, действительно наш Отец и **полон любви к Своим детям**, почему этот мир так плохо устроен.* [Константин Глинка. Опыт православной жизни в Америке (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.12]

В выборке и во всем Корпусе встречаем единожды форму Т.п. существительного *радость* при *полон*. В связи с этим интересно посмотреть на следующую пару примеров:

(38) *Он весь был **полон радости** свидания с вами и ужаса перед теми муками, которые ему предстоят: видеть вас около себя — чужую, недоступную для него...* [Е. А. Наградская. Гнев Диониса (1910)]

(39) *Не противопоставляя неба земле, внутренним чувством зная, что и там, в мирах иных — не бездействие, не сон, а жизнь — здесь, на земле, он **полон радостью** бытия, ощущает теплоту и вес вещей, наслаждается их близостью, «жадно трогает рукой земные вещи — свидетелей отрады бытия».* [Ю. К. Терапиано. Среди новых книг // «Новый корабль», № 1, 1927]

Он полон радостью бытия из примера (39) означает, что субъект полон внешним чувством — радостью жизни, эмоцией, источником которой он сам не является, бытие радостно само по себе. Однако в (38) источником радости является свидание субъекта с каким-то человеком: субъект встретится с кем-то, увидеть этого человека будет приятно и радостно, поэтому субъект испытывал *радость свидания*, встреча субъекта с другим человеком являлась источником этого чувства. В этом случае, как и в случае с *любовью*, прослеживаем тесную связь субъекта с чувством, выражаемым при *полон* формой Р.п.⁴

---

⁴ Стоит отметить, что носителям языка свойственен интерес к дифференцированному маркированию зависимого существительного при прилагательном *полный*. Возможность употребления как формы

Единично и вхождение формы Т.п. существительного *счастье* при *полон*:

- (40) Она была переполнена счастьем и знала, что и он **полон счастьем**, и поэтому лицо его так спокойно и серьезно. [А. Н. Толстой. Хождение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро (1941)]

В случае с существительным *счастье* (пример (40)) мы не можем однозначно утверждать, «заполнен» ли субъект чувством извне или сам является источником чувства. Однако представляется возможным, что *полон* переняло управление прилагательного *переполнена*, которое требует Т.п. зависимого существительного.

Мы не можем указать падежных предпочтений тех существительных, количество вхождений которых в Р.п. и Т.п. при прилагательном *полон* невелико, именно в силу немногочисленности примеров. Однако в целом картина представляется ясной: в большинстве случаев абстрактные существительные группы «психическая сфера» при *полон* употребляются только в форме родительного падежа.

В последнюю группу включены абстрактные существительные тематического класса «свойство человека» (*t:humq*). Слова этой группы, представленные в Таблице 13, выбирают форму Р.п.

Таблица 13. Абстрактные. «Свойство человека»

Лемма	Корпус (Р.:Т.)
<i>достоинство</i>	10:0
<i>добро</i>	4:0
<i>нежность</i>	4:0
<i>очарование</i>	4:0
<i>дружелюбие</i>	3:0
<i>юмор</i>	3:0
<i>доброта</i>	2:0
<i>старательность</i>	2:0
Итого	32:0

Р.п., так и Т.п. подталкивает носителей к рефлексии насчет семантической дифференциации между падежами, о чем свидетельствует, в частности, обсуждение на форуме интернет-портала Грамота.ру (<http://www.gramota.ru/forum/spravka/44201>), участники которого пытаются объяснить данный случай вариативности.

6. Полон + зависимое в Р.п./Т.п. + зависимое в Р.п.

Проанализируем, существует ли корреляция между выбором падежа зависимого существительного при прилагательном *полон* и наличием или отсутствием у самого этого существительного зависимого слова в Р.п. Сперва все предложения, составляющие выборку, были проверены на наличие у существительных в Р.п. или Т.п. при *полон* собственного зависимого в Р.п. В Таблице 14⁵ в столбце *Лемма* представлены те существительные из выборки, у которых есть зависимое в Р.п., в следующем столбце (*После Р./Т.*) — информация о том, в каком падеже встретилось существительное с зависимым — в Р.п. или Т.п. Мы подсчитали, сколько раз встречается в Корпусе при *полон* в Р.п. и Т.п. каждое существительное из столбца *Лемма* (столбец *Корпус Р.:Т.*), а также количество вхождений при условии наличия зависимого в Р.п. (*Корпус Р.+Р.:Т.+Р.*).

Таблица 14

Лемма	После Р./Т. (выборка)	Корпус Р.:Т.	Корпус Р.+Р.:Т.+Р.
<i>предчувствие</i>	Р. и Т.	2:1	2:1
<i>жажда</i>	Р. и Т.	2:1	1:1
<i>запах</i>	Р. и Т.	4:2	4:2
<i>беспокойство</i>	Р.	3:0	1:0
<i>запахи</i>	Р.	3:0	1:0
<i>воспоминания</i>	Р.	3:4	1:1
<i>герои</i>	Т.	1:1	0:1
<i>сочинения</i>	Т.	0:1	0:1
<i>дыхание</i>	Т.	0:1	0:1
<i>заряд</i>	Т.	0:1	0:1
<i>ожидание</i>	Т.	0:1	0:1
<i>аромат</i>	Т.	2:1	2:1
<i>ароматы</i>	Т.	0:3	0:1
<i>пачки</i>	Т.	1:2	1:2
<i>впечатления</i>	Т.	7:3	0:2
<i>дума</i>	Т.	0:1	0:1

⁵ Полу жирным выделены существительные, которые встречаются в выборке после *полон* без зависимого существительного в Р.п., однако в Корпусе находятся эти же существительные при *полон* с зависимым Р.п.

<i>золото</i>	Т.	2:1	0:1
<i>проект</i>	Т.	0:1	0:1
<i>курень</i>	Т.	0:1	0:1
<i>гром</i>	Т.	1:1	0:1
<i>выражения</i>	Т.	0:1	0:1
<i>кровь</i>	Т.	6:2	0:1
<i>звон</i>	Т.	0:1	0:1
<i>слава</i>	Т.	0:1	0:1
<i>толпа</i>	Т.	1:1	0:1
<i>отголоски</i>	Т.	0:1	0:1
Итого	3:3:20	38:34	13:27
<i>радость</i>	Р. и Т.	9:1	1:1
<i>желание</i>	Р.	5:0	2:
<i>планы</i>	Р.	8:1	2:0
<i>поэзия</i>	Р.	5:1	1:0
Итого	4:6:20	65:37	19:28

С учетом существительных, после которых в выборке нет зависимого Р.п., статистические данные выглядят следующим образом. Доля употреблений существительных в Т.п. при *полон* с собственным зависимым в Р.п. (28 вхождений) составляет 76% от употреблений зависимых в Т.п., доля же употреблений существительных в Р.п. при *полон* с собственным зависимым в Р.п. (19 вхождений) составляет 29% от употреблений зависимых в Р.п. От общего числа зависимых в Р.п. и Т.п. доля конструкций Т.+Р. (*полон радостью бытия*) составляет 27%, доля конструкций Р.+Р. (*полон запаха липы*) — 19%. Таким образом, можно проследить связь между употреблением формы Т.п. при прилагательном *полон* и наличием у нее зависимого существительного в Р.п.: употребление при *полон* существительного в форме Т.п. более вероятно, если у самого этого существительного есть зависимое в Р.п.

7. Заключение

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы относительно дифференцированного маркирования зависимого имени при прилагательном *полный* и его словоформах: местоимения и имена собственные практически без исключений выбирают форму Т.п.; при форме *полон* непредметные имена существительные таксономических классов «психическая сфера»,

«свойство человека» тяготеют к форме Р.п.; выбор падежа предметных имен, абстрактных имен таксономического класса «ментальная сфера», а также слов, не входящих в определенную группу, представляет собой зону колебания. При этом для всех нарицательных существительных заметно предпочтение формы Р.п., относительное количество примеров с которой растет со временем. В то же время фактором, благоприятствующим выбору формы Т.п., является наличие у существительного при *полон* зависимого в Р.п. Тенденцию к предпочтению сочетания Р.п. и Т.п. подтверждает повышенный процент Т.п. при форме Р.п. *полного* и более низкий процент при форме Т.п. *полным*. Таким образом, чаще употребляются конструкции *Р.п. + Т.п.* и *Т.п.+Р.п.* (*полного внешней водой/полон впечатлениями западной жизни*), чем конструкции *Т.п.+ Т.п.* (*полным мидиями морем*) и *Р.п. + Р.п.* (*полон пачек ассигнаций*). Процент Т.п. при полных формах м.р. и ж.р. *полный* и *полная* ниже процента Т.п. при соответствующих им кратких формах *полон* и *полна*.

Литература

- Горбачевич 1989 — К.С. Горбачевич. Нормы современного русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Просвещение, 1989.
- Грамота.ру — Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.ru>, свободный. — корректно ли так сослаться?
- МАС 1999 — Словарь русского языка. Т. 3. 4-ое изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный — корректно ли так сослаться?
- Розенталь 1988 — Д. Э. Розенталь. Пунктуация и управление в русском языке. Справочное издание. М.: Книга, 1988.

Я. Г. Тестелец

ИЯз РАН / РГГУ, Москва

АБАЗИНСКИЕ ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ: ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ БЕЗ МАРКИРОВАНИЯ¹

1. Введение

Начиная с исследования [Massam 2001]), посвященного полинезийскому языку ниуэ, некоторые случаи дифференцированного маркирования аргументов в языках мира объясняются с привлечением двухуровневой модели именных конструкций, приобретшей популярность в генеративном синтаксисе [Abney 1987]. Согласно этой теории, вершиной именной конструкции не обязательно является существительное. Такой вершиной может быть детерминатор (D, *determiner*), то есть артикль или дистрибутивно эквивалентный ему элемент, например, указательное или притяжательное местоимение, который задает грамматически полную именную конструкцию *Determiner Phrase* (DP). Группа существительного (*Noun Phrase*, NP) в такой модели рассматривается как грамматически неполная, вложенная в DP в качестве комплемента. Преимущество двухуровневого подхода состоит в том, что синтаксические, в первую очередь дистрибутивные, признаки именных конструкций достаточно убедительно могут быть разделены на две группы. Одна группа характеризует «большую» конструкцию DP и не требует наличия вершины-существи-

---

¹ Работа была выполнена при поддержке гранта РФФ (RSF, Russian Science Foundation) № 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках» в Институте лингвистики РГГУ (RSUH; Russian State University for the Humanities). Автор выражает благодарность за неоценимую помощь носителям абазинского языка — Бэлле Джантемировой, Бэлле Аджиевой, Оксане Аджиевой, Роману Бажеву и Руслану Джантемирову, а также П. М. Аркадьеву, чьи замечания учтены в тексте статьи; за все недостатки и ошибки несет ответственность ее автор.

тельного. Например, в случае с английским герундием типа (1) DP [D [his] VP [playing the piano]] ‘его игра на фортепьяно’ вершиной комплемента DP выступает глагол, в русских выражениях типа (2) DP [D [ego] унылое «бу-бу-бу»]] — идеофонический элемент, очевидно, также не являющийся существительным. Другая группа характеризует «малую конструкцию» NP и представляет собой обычное распространение (проекцию) категориального признака знаменательной части речи на одноименную фразовую категорию: существительное → группа существительного. NP обычно, хотя и не обязательно, вложена в DP, например, (3) DP [D [ego] NP [унылое N настроение]].

Идея Д. Массам и ее последователей заключается в том, чтобы с помощью двухуровневой модели объяснить явление псевдоинкорпорации — такой разновидности дифференцированного маркирования, при которой немаркированная именная конструкция, выражающая некоторый аргумент, обладает неполным набором грамматических признаков по сравнению с падежно маркированной конструкцией, см. [Borik, Gehrke (eds.) 2015]. Например, немаркированный аргумент может не быть носителем признаков падежа и числа, проявлять семантические эффекты обычной инкорпорации (словосложения), требовать контактного расположения с глаголом, проявлять инертность сферы действия содержащихся в нем кванторов, неспецифичность и т. п. [Borik, Gehrke 2015: 10–35]. Такие свойства немаркированного аргумента предлагается объяснять тем, что он представляет собой «чистую» (bare) NP, не вложенную ни в какую DP.

Согласно Д. Массам, в языке ниуэ псевдоинкорпорированное прямое дополнение, выраженное NP (4b), в отличие от обычного прямого дополнения, выраженного DP (4a), располагается контактно с глаголом и не обладает показателями числа и падежа [Massam 2001: 157]:

- (4) a. *Takafaga tūmau nī e ia* DP [e **tau** NP [ika]].
 ловить всегда EMPH ERG он ABS PL **рыба**
 b. *Takafaga* NP [ika] *tūmau nī a ia*.
 ловить **рыба** всегда EMPH ABS он
 (a=b) ‘Он всегда ловит рыбу’.

Согласно гипотезе Д. Массам, грамматическая дефектность NP объясняет ряд свойств псевдоинкорпорированных аргумен-

тов, так как они, в отличие от DP, не нуждаются в передвижении для проверки отсутствующих в них грамматических признаков, ввиду чего сохраняется линейное соположение с глаголом, кванторы не способны в результате скрытого или явного передвижения получать широкую сферу действия и т. д.

Примером указанного подхода является анализ дифференцированного падежного маркирования прямого дополнения в мишарском диалекте татарского, предложений в работе Е. А. Лютиковой [2014]; еще о тюркской псевдоинкорпорации немаркированного объекта см. [Kamali 2015] и указанную там литературу. В частности, категория числа определяется на DP и не характеризует немаркированное прямое дополнение NP, которое, наоборот, проявляет свойства числовой диффузности (5a). В отличие от него, прямое дополнение, маркированное аккузативом, обладает грамматическим признаком единственного числа и не может обозначать несколько объектов (5b):

(5) Мишарский д-т татарского [Лютикова 2014: 57]:

a. *Марат* _{NP}[кызыл алма] *аша-ды.*

Марат   красный яблоко есть-PST

‘Марат съел красное яблоко//красные яблоки’.

b. *Марат* _{DP}[_{NP}кызыл алма]-ны] *аша-ды.*

Марат   _{DP}[_{NP}красный яблоко]-ACC] есть-PST

‘Марат съел красное яблоко//*красные яблоки’.

Признак падежа, однако, не обязательно характеризует DP во всех языках. Особый уровень DP, отличный от NP, в именной конструкции может быть постулирован и для беспадежного языка. Отсюда следует, что, если для объяснения некоторых случаев псевдоинкорпорации успешно используется модель $DP_{[NP \dots]}$ vs. $[NP \dots]$, то разграничение DP и NP может быть обосновано и при отсутствии падежа или других средств маркирования грамматической функции — предлогов и послелогов. При этом ожидается парадоксальная ситуация «дифференцированного маркирования без маркирования»: аргумент может быть выражен как полной (DP), так и неполной (NP) именной конструкцией, различие которых устанавливается не благодаря наличию выраженных маркеров — падежных аффиксов, предлогов или послелогов, а в результате более сложной аналитической процедуры.

По-видимому, именно к данному типу относится явление псевдоинкорпорации в абазинском языке. Абазинский язык входит в абхазо-абазинскую ветвь западнокавказской семьи. На нем говорит меньше 50 тыс. человек, проживающих в основном в Карачаево-Черкесской Республике (Российская Федерация) и в Турции. Предметом нашего исследования является тапантский диалект, лежащий в основе литературного абазинского. В абазинском языке в грамматическом маркировании основных аргументов не участвуют ни падежи, ни послелогии, однако имеются достаточные основания различать структурные уровни именной конструкции DP и NP.

Настоящая работа представляет первое, краткое и во многом предварительное исследование, и в дальнейшем потребуются более глубокое изучение именных конструкций типа «дифференцированного маркирования без маркирования» в абхазском и абазинском языках. Все же полученные нами к настоящему времени данные как будто однозначно указывают на то, что в этих языках такое явление действительно имеет место.

В разделе 2 будет кратко охарактеризована псевдоинкорпорация с маркированием в адыгских языках, родственных абазинскому. В разделе 3 рассматриваются грамматические признаки псевдоинкорпорации в абазинском языке. В разделе 4 кратко обсуждается теоретическое и типологическое значение обнаруженных фактов.

2. Дифференцированное маркирование аргументов в адыгских языках

Псевдоинкорпорация и дифференцированное маркирование более обычного типа наблюдаются в адыгских языках (адыгейском и кабардинском) — другой ветви западнокавказской языковой семьи. Как было установлено в [Arkadiev, Testelets 2014; 2015], в адыгских языках дифференцированное маркирование наблюдается во всех синтаксических контекстах: полная именная конструкция (DP), в отличие от неполной (NP), охарактеризована по числу и падежу, сочетается с указательными местоимениями и обычно референтна (= специфична):

- (6) Адыгейский
 а. DP_[NP][*pšaše*]-r   *ma-k^we*.
   девушка-ABS DYN-идти
   ‘Девушка (реф.) идет’.

- b. $_{NP}[p\acute{s}a\acute{s}e]$ *ma-k^we*.
 девушка DYN-идти
 ‘Девушка (нереф.) идет’.

(7) Кабардинский (Кумахов 1971: 119):

- a. $_{DP}[_{NP}[mez\acute{a}]-m]$ *ma-k^we*.
 лес-OBL DYN-идти
 ‘Он идет в лес (реф.)’.

- b. $_{NP}[mez]$ *ma-k^we*.
 лес DYN-идти
 ‘Он идет в лес (нереф.)’.

Немаркированная форма обладает свойством числовой нейтральности:

(8) Адыгейский:

- a. *stol\acute{a}-m* $_{DP}[_{NP}[tx\acute{\alpha}l\acute{a}]-r]$ *tje-\lambda*.
 стол-OBL книга-ABS LOC-лежать
 ‘На столе лежит книга’.

- b. *stol\acute{a}-m* $_{NP}[tx\acute{\alpha}l]$ *tje-\lambda*.
 стол-OBL **книга** LOC-лежать
 ‘На столе лежит книга // лежат книги’.

Из других признаков псевдоинкорпорации в адыгских языках проявляется инертность сферы действия кванторов, входящих в состав псевдоинкорпорированной NP. Квантор-числительное, входящий в псевдоинкорпорированную NP (9a), имеет узкую сферу действия, а входящий в падежно маркированную DP (9b) — широкую:

(9) Адыгейский:

- a. *tjetrad* *per\acute{c}* $_{NP}[w\acute{a}s-j\acute{a}-\acute{t}^{w}]$
 тетрадь каждый **стихотворение-LNK-два**
de-t\acute{a}-v.
 LOC-стоять-PST

‘В каждой тетради было два стихотворения’ (разные в каждой тетради).

- b. *tjetrad* *per\acute{c}* $_{DP}[_{NP}[w\acute{a}s-j\acute{a}-\acute{t}^{w}\acute{a}]-r]$
 тетрадь каждый **стихотворение-LNK-два-ABS**

de-tə-к.

LOC-стоять-PST

‘В каждой тетради было два стихотворения’ (те же самые).

В работе [Arkadijev, Testelets 2015] был сделан вывод, что типологически редкая ситуация с дифференцированным маркированием в адыгских языках возникла в результате наложения нескольких признаков, каждый из которых достаточно распространен в языках мира: 1) маркированного выражения определенности/специфичности и немаркированного выражения неопределенности/неспецифичности, о типологии данного явления см. [Dyug 2013]; 2) аффиксального выражения артикля (см. там же) и 3) редукции падежных различий в неопределенных или неспецифичных именных конструкциях, что выражается в том, что падежные противопоставления выражаются только в детерминаторе, см. сходную ситуацию в памирской группе иранских языков [Payne 1989].

3. Грамматические признаки псевдоинкорпорации в абазинском языке

Для западнокавказских языков абхазо-абазинской ветви характерно последовательно вершинное маркирование: основные синтаксические отношения не выражаются в зависимых, то есть с помощью падежей или послелогов, а маркируются только в вершине конструкции — в существительном или глаголе. Для нашей задачи будет существенно, что в абхазском и абазинском языках отсутствует категория падежа. Существительные различают три основные формы, связанные с выражением референциального статуса: определенную с артиклем префиксом *a-* (10a), неопределенную с суффиксом неопределенности *-k* (10b) и немаркированную форму, далее НФ (10c):

(10) Абазинский язык:

а. *a-č'kʷən* ‘мальчик (опр.)’б. *č'kʷən-k* ‘мальчик (неопр.)’в. *č'kʷən* ‘мальчик’ (немаркированная форма, НФ)

«Артиклевые» формы не являются взаимоисключающими, хотя одновременно аффиксы определенности и неопределенности, по-видимому, выступают редко [Ломтатидзе 2006: 122] и

суффикс в таком случае приобретает значение числительного: (11) *a-ɕla-k* ‘одно (известное) дерево’.

О дистрибуции и семантике НФ говорится в описательных грамматиках очень скупо и расплывчато, например, «функция номинации» в [Lomtatiže 1944: 70; Ломтатидзе 2006: 120], «общие, отвлеченные значения» в [Табулова 1976: 46]. В монографии по абазинскому синтаксису, выполненной в теоретических рамках генеративизма [O’Herin 2002], о ней не упоминается вообще. Сравнительно подробно «нулевой артикль» рассматривается только в работе Т. Х. Халбада [1975].

В абхазском языке употребление немаркированной формы сильно ограничено. Это явно связано с расширением функций «артиклевой» конструкции с префиксом определенности *a-*, который во многих контекстах утратил значение референциального статуса и превратился в дефолтную форму имени. Для немаркированных форм в абхазском языке типичен, например, контекст под отрицанием с нереферентным статусом [Халбад 1975: 128]:

(12) Абхазский язык [Hewitt 1979: 154]:

ž^wə sə-m-ba-jt.

корова 1SG.ERG-NEG-видеть-PST

‘Я не видел коровы/коров’.

Кроме того, для абхазского, как и для адыгских языков, характерно паремиологическое употребление НФ — в пословицах, поговорках и фразеологизмах [Халбад 1975: 130]:

(13) *la j-a-ba-w xə napsa-wp*
 глаз 3SG.ABS-3SG.ERG-видеть-PRT голова стоять-PRS
 ‘Глазами увиденное стоит головы’.

В абазинском языке НФ употребляется значительно более широко, чем в абхазском. Она используется в качестве назывной формы — например, вывески и заглавия словарных статей существительных на абазинском языке (в отличие от абхазского) не содержат префиксального артикля *a-*:

- (14) а. ТКВАН *tk^wan* ‘магазин’ (*АТКВАН),
 б. НАШЫЛЫРТА *našəlarta* ‘вход’ (*АНАШЫЛЫРТА)
 с. (*А)ДИРЕКТОР ЙЗАМЕСТИТЕЛЬ (*a)*direktor jzamestitel* ‘заместитель директора’

[Тугов (ред.) 1967: 222].

Другой типичный контекст для НФ — неопределенная NP в контексте интенционального глагола:

(15) Абазинский язык:

- a. *a-dg'al apnə a-χ'apš' d-azəpšɣ-jəʔ.*
 DEF-земля в DEF-золото 3SG.Н-искать-PRS
 'Он ищет в земле золото (определенное)'.
- b. *a-dg'al apnə χ'apš'-k d-azəpšɣ-jəʔ.*
 DEF-земля в золото-INDEF 3SG.Н-искать-PRS
 'Он ищет в земле какое-то золото'.
- c. *a-dg'al apnə χ'apš' d-azəpšɣ-jəʔ.*
 DEF-земля в золото 3SG.Н-искать-PRS
 'Он ищет в земле золото (неопределенное)'.

- (16) a. *a-čə s-χ'ɣar-nəs s-taqə-ṗ.*
 DEF-лошадь 1SG-купить-INF 1SG-хотеть-PRS
 'Я хочу купить лошадь (одну, определенную)'.
- b. *čə-k s-χ'ɣar-nəs s-taqə-ṗ.*
 лошадь-INDEF 1SG-купить-INF 1SG-хотеть-PRS
 'Я хочу купить лошадь (одну, неопределенную)'.
- c. *čə s-χ'ɣar-nəs s-taqə-ṗ.*
 лошадь 1SG-купить-INF 1SG-хотеть-PRS
 'Я хочу купить лошадь/лошадей'.

Во множественном числе (показатель *-k^{na}*) возможны формы с определенным (17a) и неопределенным (17b) морфологическими артиклями, но немаркированная форма невозможна (17c):

- (17) a. *a-č-k^{na} s-χ'ɣar-nəs s-taqə-ṗ.*
 DEF-лошадь-PL 1SG-купить-INF 1SG-хотеть-PRS
 'Я хочу купить лошадей (определенных)'.
- b. *č-k^{na}-k s-χ'ɣar-nəs s-taqə-ṗ.*
 лошадь-PL-INDEF 1SG-купить-INF 1SG-хотеть-PRS
 'Я хочу купить лошадей (неопределенных)'.
- c. **č-k^{na} s-χ'ɣar-nəs s-taqə-ṗ.*
 лошадь-PL 1SG-купить-INF 1SG-хотеть-PRS

Несочетаемость неопределенной формы с маркером числа наблюдается и в других конструкциях, и при изолированном

употреблении. В частности, наши информанты уверенно отвергают примеры с неопределенной формой во множественном числе из [Генко 1955: 115]: (18) *təʒ-kʷa* ‘дома’, *kət-kʷa* ‘селения’. Такой запрет предполагает, как и в адыгских или тюркских языках, что неопределенная форма реализует грамматически дефектную именную конструкцию NP, в которой граммема числа выражена быть не может.

НФ, как и в адыгских языках, обладает способностью к ветвлению. Существительное *wənaʃʷa* ‘решение’ в (19a) может быть распространено определением (19b):

- (19) a. *awaʔa r-aŋba wənaʃʷa j-čʰpa-t.*
там 3PL.POSS-старший решение 3SG.ERG-делать-PST
‘Там их старший решение принял’ [Лаурҭа хабар // Ау-саражкьва рытшҭҭа. Черкесск. 1994. 15]
- b. ... *arjə apʃ wənaʃʷa j-čʰpa-t.*
такой вид решение 3SG.ERG-делать-PST
‘... такое решение принял’.

НФ обладает, как и в адыгских языках, числовой неопределенностью, см. пример (16с) выше и (20с), (21b), (22b):

- (20) a. *a-stol a-tamʃakʰ jəkʷ-ḗ.*
DEF-стол DEF-тарелка находиться-PRS
‘На столе тарелка’.
- b. *a-stol a-tamʃakʰ-kʷa jəkʷ-ḗ.*
DEF-стол DEF-тарелка-PL находиться-PRS
‘На столе тарелки’.
- c. *a-stol tamʃakʰ jəkʷ-ḗ.*
DEF-стол тарелка находиться-PRS
‘На столе тарелка/тарелки’.
- (21) a. *a-tʃə araχʰ a-čla-kʷa j-aʔa-n*
DEF-дом перед DEF-дерево-PL 3PL-находиться-PST
‘Перед домом находятся деревья’.
- b. *a-tʃə araχʰ čla aʔa-n*
DEF-дом перед дерево находиться-PST
‘Перед домом находится дерево//деревья’.

(22) a. *sara a-čə z-ba-ʈ*
я DEF-лошадь 1SG.ERG-видеть-PST
'Я видел лошадь (определенную)'.

b. *sara čə z-ba-ʈ*
я лошадь 1SG.ERG-видеть-PST
'Я видел лошадь//лошадей'.

Контакт НФ с глаголом, как и в адыгских языках, не обязателен:

(23) (*a-*)*čə a-bna j-lal-ʈ*
(DEF-)лошадь DEF-лес 3SG.N-уходить-PST
'Лошадь ушла в лес'.

Некоторые информанты оценивают порядок слов в примерах типа (23) как мало приемлемый; для них НФ, контролирующая абсолютное согласование в предикатном слове, то есть подлежащее при непереходном глаголе или прямое дополнение при переходном, должна непосредственно предшествовать глаголу. В случае контактного предшествования глаголу немаркированной (24с) или артиклевой (24b) формы согласование с 3 лицом неличных (nonhuman) аргументов с помощью ненулевого маркера не обязательно [Табулова 1976: 112–113]; то же в (25b) и в (26a):

(24) a. *a-čə anaʔa j-ka-ħa-ʈ*
DEF-лошадь там 3SG.N-PRV-падать-PST
'Лошадь (определенная) там упала'.

b. *anaʔa a-čə ka-ħa-ʈ*
там DEF-лошадь PRV-падать-PST
'Там лошадь (определенная) упала'.

c. *anaʔa čə ka-ħa-ʈ*
там лошадь PRV-падать-PST
'Там лошадь (неопределенная) упала'.

d. **čə anaʔa j-ka-ħa-ʈ*
лошадь там 3SG.N-PRV-падать-PST

(25) a. *(*a-*)*mašjəna jəsə j-ħa-jʈ*.
(DEF-)машина вчера 3SG.N-приходить-PST
'Машина вчера приехала'.

- b. *jasə (a-)mašjəna ʕa-jt.*
вчера (DEF-)машина приходить-PST
‘Вчера машина приехала’.

Однако те же информанты допускают отрыв НФ от стативных глаголов:

- (26) a. *a-baga pəc ʕara ama-ḥ*
DEF-лиса зуб острый иметь-PRS
b. *pəc ʕara a-baga j-ama-ḥ*
зуб острый DEF-лиса 3PL.N-иметь-PRS
‘У лисы острые зубы’.

Немаркированная форма, как и в адыгских языках, не сочетается с указательным местоимением:

- (27) *arjə *(a-)č'kʷən*
этот *(DEF-)альчик
‘этот мальчик’

Для немаркированной формы локативной NP требуется контекст отрицания:

- (28) *(a-)bazar waχ'čʷa sə-gʷ-c-wəšə-m*
(DEF-)рынок сегодня 1SG.ABS-NEG-идти-FUT-NEG
‘Я сегодня не пойду на рынок’.

Отрицание должно быть локальным, то есть находиться в той же клаузе, что и NP, ср. (29), где отрицание содержится в сказуемом матричной клаузы:

- (29) *a-sabjə-kʷa *(a-)bna j-ca*
DEF-ребенок-PL *(DEF-)лес 3PL.N-ходить
j-gʷa-wa-m
3PL.N-NEG-можно-NEG
‘Детям нельзя ходить в лес’.

Как было сказано выше, в абхазском и в абазинском нет падежей, однако есть регулярные обстоятельственные именные формы типа инструменталиса на *-la*, показатели которых могут присоединяться к NP, см. (30a). С формой множественного немаркированная форма (НФ) невозможна и в инструменталисе (30d).

Инструментальная форма на *-la*:

- (30) a. *χan-la jə-rχə-jt*
пила-INS 3SG-пилить-PRS
'пилит пилой (неопределенной)'
- b. *a-χan-la jə-rχə-jt*
DEF-пила-INS 3SG-пилить-PRS
'пилит пилой (определенной)'
- c. *a-χan-k^wa-la jə-rχə-jt*
DEF-пила-PL-INS 3SG-пилить-PRS
'пилит пилами (определенными)'
- d. **χan-k^wa-la jə-rχə-jt*
DEF-пила-PL-INS 3SG-пилить-PRS
(ожидаемое значение) 'пилит пилами'

Как и в адыгских языках, не наблюдается явных ограничений на способность НФ выражать различные аргументы. Это может быть и «эргатив»-агенс при переходном глаголе, то есть подлежащее, контролирующее эргативный ряд глагольных местоименных индексов:

- (31) *(a-)wrač'-bzjə lasəta*
(DEF-)врач-хороший быстро
wə-jə-r-bzjəχə-št
2SG-3SG.H-CAUS-выздоровливать-FUT
'Хороший врач тебя быстро вылечит'.

Обнаружить примеры с НФ в роли посессора не удалось (32с):

- (32) a. *a-baja j-tʒə sə-r-ba !*
DEF-богатый 3SG.POSS-дом 1SG-CAUS-видеть
'Покажи мне дом богатого человека!'
- b. *baja-κ j-tʒə sə-r-ba !*
богатый-INDEF 3SG.POSS-дом 1SG-CAUS-видеть
'Покажи мне дом какого-нибудь богатого человека!'
- c. **baja j-tʒə sə-r-ba !*
богатый 3SG.POSS-дом 1SG-CAUS-видеть

НФ, как и в адыгских языках, может выступать в качестве антецедента анафоры:

- (33) *jasə (a-)žurnal(//-k) j-χ^wʕa-n, waχ'ǰ^wa*
 вчера (DEF-)журнал(//-INDEF) 3SG.N-купить-PST сегодня
awjə d-apχ'-jət

он 3SG.N-читать-PRS

‘Вчера он купил журнал, а сегодня **его** читает’.

Сочетаемость НФ в абазинском языке с кванторами требует дополнительного изучения. Наши информанты отвергли ее по крайней мере с некоторыми кванторами, см. (34b), хотя в [Халбад 1975: 143] такая конструкция признается, наоборот, нормальной; в конструкциях с количественными числительными может быть обязательен суффикс неопределенности *-k* и т. п.

- (34) а. *a-pχ'aga-š'arda*

DEF-книга-много

‘многие книги’

- б. **pχ'aga-š'arda*

книга-много

Можно заметить, что НФ, как это и ожидается при псевдоинкорпорации, обладает только узкой сферой действия, употребляясь в качестве неопределенной NP (35b), (36b), — при том, что DP с неопределенным артиклем, вопреки ожиданию, может обладать широкой сферой действия (35a), (36a):

- (35) а. *ʕ^wə-ǰ' wəsa-k*
 два-человек стихотворение-INDEF
d-də-rdər-ʔ.

3SG.N-3PL.ERG-выучить-PST

‘Два человека выучили какое-то стихотворение (одно и то же)’.

- б. *ʕ^wə-ǰ' wəsa d-də-rdər-ʔ.*

два-человек **стихотворение** 3SG.N-3PL.ERG-выучить-PST

‘Два человека выучили стихотворение (каждый своё)’.

- (36) а. *arəpχ'aʕ^w zaǰ^wapχ'aʕ^wəz-lakg'ə hisap-k*
 учитель ученик-каждый задача-INDEF
j-jə-t-ʔ.

3SG.ERG-3SG.DAT-дать-PST

‘Учитель дал каждому ученику какую-то задачу (может быть, одну на всех)’.

b. *arəpχ'aɣ^w zaç^wapχ'aɣ^wəz-lakg'ə hisap*
 учитель ученик-каждый задача

j-jə-t-t.

3SG.ERG-3SG.DAT-дать-PST

‘Учитель дал каждому ученику какую-то задачу (каждому свою)’.

Мы видим, что, не имея падежного или послеложного маркирования, «малая» именная конструкция, то есть NP, в абазинском языке обладает достаточным набором признаков псевдоинкорпорированного аргумента.

4. Выводы

Итак, предполагаемая для адыгских языков двухуровневая структура именных конструкций оказывается столь же удовлетворительно применимой и для абазинского языка:

(37) DP[*a*-NP[*č*]-*k*ⁿ*a*]
 DEF-лошадь-PL
 ‘лошади’

Таким образом, выясняется, что псевдоинкорпорация рассматриваемого типа не связана с падежом или с другими способами маркирования синтаксических отношений.

Для того, чтобы вписать псевдоинкорпорацию западнокавказского типа в типологию дифференцированного маркирования аргументов, необходимо решить проблему контекстной дистрибуции псевдоинкорпорированных конструкций. Вопрос заключается в том, почему не во всех языках с псевдоинкорпорацией она устроена так же, как в западнокавказских, то есть сводится к варьированию полной, или артиклевой, и неполной, или безартиклевой, конструкции в любом или почти любом синтаксическом контексте? Возможный ответ заключается в том, что отсутствие синтаксической границы DP обусловлено семантикой: некоторые виды сочетаний аргументов с предикатами семантически более «слитны», чем другие, и именно для этих сочетаний — например, аргумента в роли пациента с глаголом — в первую очередь характерна псевдоинкорпорация. Поэтому при дальнейшем исследовании абхазо-абазинского «дифференцированного маркирования без маркирования» особое внимание следует обратить на семантику этой конструкции.

Сокращения

1 — 1 лицо, 2 — 2 лицо, 3 — 3 лицо, ABS — абсолютный падеж или маркер абсолютного согласования, ACC — аккузативный (винительный) падеж, CAUS — каузатив, DAT — маркер дативного согласования, DEF — определенность, DP — Determiner Phrase, группа детерминатора, DYN — динамичность, EMPH — эмфатическая частица, ERG — эргативный падеж или маркер эргативного согласования, FUT — будущее время, H — личное (human), INDEF — неопределенность, INF — инфинитив, LNK — интерфейс числительного, LOC — локатив, N — неличное (non-human), NEG — отрицание, NP — Noun Phrase, именная группа, OBL — косвенный падеж, PL — множественное число, POSS — possessивный лично-числовой маркер, PRS — настоящее время, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, SG — единственное число, НФ — неопределенная форма

Литература

- Генко 1955 — А. Н. Генко. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М.: Изд-во АН СССР, 1955. [A. N. Genko. Abazinskii iazyk. Grammaticheskii ocherk narechiia tapanta [The Abaza language. A grammar sketch of the Tapanta dialect]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955]
- Кумахов 1971 — М. А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. [M. A. Kumakhov. Slovoizmenenie adygskikh iazykov [Inflection in Circassian]. M.: Nauka, 1971]
- Ломтатидзе 2006 — К. Ломтатидзе. Абазинский язык (Краткое обозрение). Тбилиси: Универсал, 2006. [K. Lomtadidze. Abazinskii iazyk (Kratkoe obozrenie) [The Abaza language (a brief overview)]. Tbilisi: Universal, 2006]
- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки 4, 2014. С. 50–70. [E. A. Liutikova. Padezh i struktura imennoi gruppy: variativnoe markirovanie ob"ekta v misharskom dialekte tatarskogo iazyka [Case and noun phrase structure: differential object marking in Mishar dialect of Tatar] // Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki 4, 2014. P. 50–70]
- Табулова 1976 — Н.Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976. [N. T. Tabulova. Grammatika abazinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of Abaza. Phonetics and morphology]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1976]

- Тугов (ред.) 1967 — В. Б. Тугов (ред.). Абазинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. [V. B. Tugov (ed.). *Abazinsko-russkii slovar'* [Abaza-Russian dictionary]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1967]
- Халбад 1975 — Т. Х. Халбад. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1975. [T. Kh. Khalbad. *Vyrazhenie kategorii opredelennosti i neopredelennosti v abkhazo-adygskikh iazykakh* [The expression of definiteness and indefiniteness in Abkhazo-Adyghean]. Tbilisi: Metsniereba, 1975]
- Abney 1987 — S. P. Abney. The English noun phrase in its sentential aspect. PhD Thesis. MIT, Cambridge, MA, 1987.
- Arkadiev, Testelets 2014 — P. Arkadiev, Ya. Testelets. The challenges of differential nominal marking in Circassian. Talk presented at the University of Leipzig, 30 October, 2014. (<http://tinyurl.com/q2w3rwn>)
- Arkadiev, Testelets 2015 — P. Arkadiev, Ya. Testelets. On the Structure of Nominal Constructions in West Caucasian. Talk presented at the 48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Leiden, 2–5 September, 2015.
- Borik, Gehrke 2015 — O. Borik, B. Gehrke. An Introduction to the Syntax and Semantics of Pseudo-Incorporation // O. Borik, B. Gehrke (eds.). *The Syntax and Semantics of Pseudo-Incorporation*. Leiden — Boston: Brill, 2015.
- Borik, Gehrke (eds.) 2015 — O. Borik, B. Gehrke (eds.). *The Syntax and Semantics of Pseudo-Incorporation*. Leiden — Boston: Brill, 2015.
- Dryer 2013 — M. S. Dryer. Definite articles // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (<http://wals.info/chapter/37>)
- Hewitt 1979 — B. G. Hewitt. *Abkhaz: A descriptive Grammar*. Amsterdam: North Holland, 1979.
- Kamali 2015 — B. Kamali. Caseless direct objects in Turkish revisited // *ZAS Papers in Linguistics* 58, 2015. P. 107–123.
- Lomtatiže 1944 — K. V. Lomtatiže. *Apxazuri enis tařanturi dialekti (tekřtebiturt)*. Tbilisi: Sakartvelos SSR mecnierebata ařademiis gamomcemloba, 1944.
- Massam 2001 — D. Massam. Pseudo noun incorporation in Niuean // *Natural Language and Linguistic Theory* 19 (1), 2001. P. 153–197.
- O'Herin 2002 — B. O'Herin. *Case and agreement in Abaza*. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 2002.
- Payne 1989 — J. R. Payne. *Pāmir Languages* // R. Schmitt (ed.). *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1989. P. 417–444.

А. Ю. Урманчиева

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург — ИЯз РАН, Москва

УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ, КОМПЕНСИРУЮЩИЕ УТРАТУ ИСХОДНОГО МЕХАНИЗМА ДОМ В СЕЛЬКУПСКОМ¹

1. Введение

Для самодийских языков была характерна сохранившаяся в языках северной ветви — нганасанском, ненецком и энецком — стратегия дифференцированного маркирования объекта (в зависимости от его функции в информационной структуре предложения) за счет противопоставления двух серий глагольных согласователей. В селькупском, относящемся к южной ветви, исконные семантические противопоставления, положенные в основу этой системы, были разрушены. В качестве компенсации в тазовском селькупском эти функции приняли на себя эвиденциальные показатели, развившие в результате особые употребления, не связанные с маркированием источника информации.

2. Исконно самодийский механизм ДОМ: серии личных глагольных показателей (на примере тундрового и лесного энецкого)

В северносамодийских языках дифференцированное маркирование объекта осуществляется за счет того, что транзитивный глагол может быть оформлен лично-числовым окончанием одной из двух серий (субъектной или субъектно-объектной), причем выбор между этими сериями связан с топикальностью. Эта ситуация засвидетельствована для всех северно-самодийских языков; более того, ее можно считать чертой, характерной, шире, для уральских языков — ср. аналогичную систему в обско-угорских языках, которая описана, в частности, в работах [Nikolaeva 1999,

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Диакронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624.

2001], посвященной выбору между двумя типами спряжения в хантыйском. И. Николаева предлагает понятие *вторичного топика* (secondary topic), при помощи которого определяется прямой объект, являющийся топиком определенной части повествования. В хантыйском, в соответствии с описанием И. Николаевой, субъектно-объектный тип спряжения употребляется в том случае, если объектную позицию в предложении занимает вторичный топик. Эта трактовка вполне применима и к материалу северносамодийских языков, ср. о ненецком в [Nikolaeva 2014]. Ниже на примере тундрового и лесного энецкого иллюстрируется присущий северносамодийским языкам механизм дифференцированного маркирования объекта при помощи семантически противопоставленных серий лично-числовых глагольных показателей.

В энецком, как и в других северно-самодийских языках, в глагольной парадигме представлено четыре ряда лично-числовых показателей; традиционно в описании они разделяются на три типа спряжения: *субъектное* (в таблице обозначается S), *объектное*, состоящее из двух рядов показателей, первый из которых употребляется при объекте единственного числа (в таблице O), а второй — при объекте двойственного и множественного числа (в таблице Opl) и *рефлексивное* (в таблице R); рефлексивное спряжение не участвует в маркировании обсуждающегося в данной работе противопоставления.

Таблица 1. Показатели трех типов спряжения в энецком

	S	O		R
		O	Opl	
1Sg	-ḏoʔ _n ²	-bo	-no	(T) -boʔ _n ~ (J) -biʔ _n
2Sg	-do	-ro	-ḏo	-do
3Sg	-Ø	-ḏa	-ḏa	-ḏoʔ _n
1Du	-biʔ _n	-biʔ _n	-n'iʔ _n	-n'iʔ _n
2Du	-riʔ _n	-riʔ _n	-ḏiʔ _n	-ḏiʔ _n
3Du	-xiʔ _n / -xoʔ _n	-ḏiʔ _n	-ḏiʔ _n	-xiʔ _n / -xoʔ _n
1Pl	-baʔ _t	-baʔ _t	-naʔ _t	-naʔ _t
2Pl	-raʔ _t	-raʔ _t	-ḏaʔ _t	-ḏaʔ _t
3Pl	-ʔ _t	-ḏuʔ _n	-ḏuʔ _n	-ḏoʔ _n

² В таблице ʔ_n и ʔ_t обозначают гортанные смычные, различающиеся морфонологическим поведением.

Переходный глагол в северносамодийских языках может принимать флексии как объектного, так и субъектного спряжения. Объектное спряжение, как уже говорилось, употребляется в том случае, если объект является вторичным топиком. Так, в примере (1) представлены три переходных глагола, объект при глагольных формах [1] и [2] (см. нижние индексы при глагольных формах) вводится в нарратив, обе глагольные формы содержат показатели субъектного спряжения. Напротив, объект при глагольной форме [3] представляет собой вторичный топик, который уже был введен в предтексте, глагольная форма содержит показатели объектного спряжения:

- (1) *Suroko-do? ud'a pu-ŋa-Ø_[1], uu-d'eo*
 миска-LAT мясо[-ACC]³ положить-AOR-S3 есть-NINSTR.ACC
kuuno-đo ko-bu-ta, suroko kuuno-xua-đo
 где-EL.ADV найти-COND-3 миска[-ACC] где-EMPH-EL.ADV
ku-a-Ø_[2]. Eke suroko kuxorione
 найти-AOR-S3 этот миска[-ACC] какой-EMPH-LOC.ADV
n'ie-bo-s'i seixoro-ŋ_[3].
 NEG-AOR-O1-PRAET увидеть-CN
 'Она положила_[1] мясо в миску. Интересно, где она нашла стол... миску откуда-то нашла_[2]... Этой миски я раньше не видел_[3].'

Аналогично, в примере (2) при глагольных формах [1] и [2], содержащих показатели субъектного спряжения, происходит первичное введение объектов в рамках данного фрагмента повествования (стоит отметить, что речь идет о первичном введении именно в рамках определенного эпизода, так как рождение сына

---

³ В квадратные скобки в глоссинге заключены обозначения тех грамматических категорий, показателем которых является гортанный смычный (из падежей это номинатив, генитив и аккузатив непосессивного склонения). Этот звук часто утрачивается, так что формально соответствующая словоформа может выглядеть как немаркированная, однако формы посессивного склонения различают номинатив, генитив и аккузатив, что показывает, что эти три падежа следует различать, несмотря на мнимый, диахронически вторичный синкретизм этих форм в непосессивном склонении. В глоссинге не обозначаются номинатив и единственное число.

уже было описано в предтексте). Напротив, объект при глагольной форме [3] представляет собой вторичный топик данного фрагмента, глагол содержит показатель объектного спряжения:

- (2) *Ee-ḍa ḡuuḡ uḍa-xane ɯ-d'e-da*
 мать-3 один рука-LOC есть-NINSTR[-ACC]-3
*adota-gu-a*_[1], *ḡuuḡ uḍa-xane nio-da*
 ставить-DUR-AOR-S3 один рука-LOC ребенок-ACC-3
*neḡi-a-Ø*_[2]. *Nio-da pu-a-doḡ mod'eku-a-ḍa*_[3].
 держать-AOR-S3 ребенок-ACC-3 год-LAT шевелить-AOR-O3
 ‘Одной рукой мать стол ставит_[1], другой ребенка держит_[2].
 Ребенка_[3] все время качает.’

Следует также обратить внимание на то, что в примере (2) объектные именные группы при глаголах с показателями субъектного или объектного спряжений не различаются с точки зрения определенности/неопределенности: в обоих случаях объектная именная группа *nioda* ‘ее ребёнок’ является определенной.

В приведенном ниже примере (3) объект первого предложения — вода — упоминается впервые, поэтому глагольная форма [1] содержит показатели субъектного спряжения. С другой стороны, в этом же предложении в форме локатива *poguḡoxone* ‘в ковшике’ вводится именная группа, описывающая топик данного фрагмента повествования. Соответственно, глаголы тех клауз, в которых в объектной позиции выступает данный вторичный топик, оформлены показателями объектного спряжения — ср. глагольные формы [2] и [3]:

- (3) *Poguḡo-xone bi-to-da miḡ-a-Ø*_[1].
 ковшик-LOC вода-DEST-ACC-3 дать-AOR-S3
*Kasuo-ḡae mee-ḍa*_[2] *poguḡo-da*
 сухой-ESS сделать-AOR-O3 ковшик-GEN-3
tero. *Poguḡo-da om-a-ḍa*_[3],
 содержимое[-ACC] ковшик-ACC-3 съесть-AOR-O3
 ‘Она дала_[1] ему воды в ковшике. Он осушил_[2] ковшик.
 Ковшик выпил_[3].’

Пример (3) показывает, что речь не идет о полном совпадении именных групп, заполняющих позицию вторичного топика. Так, в примере (3) роль вторичного топика исполняют две имен-

ные группы: *pogu?oda* ‘ковшик’ и *pogu?oda tero* ‘содержимое ковшика’.

Еще лучше это видно на следующем примере из текста на лесном энецком, где во втором предложении вторичным топиком является существительное ‘стрелы’, хотя формально в предыдущем предложении упоминалось только существительное ‘лук’; однако, за счет того что лук и стрелы составляют единый «комплект», употребления существительного ‘лук’ достаточно для того, чтобы существительное ‘стрелы’ могло выступать в качестве вторичного топика. Это близко к явлению ситуативной определенности, называемому bridging [Geurts 1998]:

- (4) *Модь иду-хон дэкто-ць пэ-у.*
 я лук-LOC стрелять-VAINF начать.AOR-01
Миму-нь чук эзу-и-нь.
 стрела-ACCPL.1 весь выпустить-AOROPL-OPL1
 ‘Я из лука в нее стрелять начал. Стрелы все расстрелял.’
 [Сорокина, Болина 2005: 16 // т. 1: 29—30]

Для того, чтобы показать, что употребление показателей объектного спряжения для маркирования вторичного топика при bridging в (4) не является случайностью, приведу аналогичный пример (5) из другого текста:

- (5) *Дёа чики дёдазу-да дэту-уби-за, иду-ку-за*
 PN тот шука-ACC.3 стрелять-НАВ-03 лук-DIM-3
тонэ-й па ниу. Торь Дёа
 иметься-PT.PRAET быть.CN NEG.AOR.S3.EMPH так PN
дэту-уби-0, миму-ку-за чук
 стрелять-НАВ-S3 стрела-DIM-ACCPL.3 весь
эзу-й-за дёдазу-д.
 выпустить-AOROPL-OPL3 шука-LAT
 ‘Дёа в шуку стрелял, лучок у него имелся ведь. Так Дёа стрелял, стрелочки свои все выпустил в шуку.’ [Сорокина, Болина 2005: 47—48 // т. 9: 77—78]

Одним из способов выражения вторичного топика является, естественно, местоименный объект 3 лица; в самодийских языках при этом объектная позиция в синтаксической структуре предложения обычно остается незаполненной, местоименный объект маркируется показателями объектного спряжения на глаголе:

- (6) *Me-ko-n'i? ta-e-do?*, *nexuro*
 чум-LAT-1 приблизиться-AORRFL-R3 три-GEN
d'ũuro pos'uti-ða.
 раз.GEN/ACC обойти.AOR-O3
 '[Чайка] приблизилась к моему чуму, облетела его три раза'.

В следующем предложении глагол, оформленный показателем объектного спряжения, согласуется с местоимением *t'ike* 'тот' (выделено капитализацией), занимающим позицию объекта. Данному местоименному объекту кореферентна именная группа *suamii metoda*, 'новый чум для него' — таким образом, этот объект является топиком на протяжении двух следующих непосредственно друг за другом клауз, поэтому во второй из них в составе глагольной формы [4] употребляется объектное спряжение. Этому противопоставлены клаузы, глагольные формы в составе которых содержат показатели субъектного спряжения — это и глагольная форма [3], вводящая «будущий» вторичный топик, и глагольные формы [1, 2, 5, 6], вводящие объекты, не получающие в дальнейшем повествовании статуса вторичного топика:

- (7) *T'ikero toxorobu ese-da d'ee-do mee-Ø_[1],*
 тот-2 EXCL отец-GEN.3 нюк-DEST сделать.AOR-S3
medo d'ee-?. T'uku ese-da / ese-do?
 чум.GEN нюк-PL весь отец-GEN.3 / отец-LAT
mii-l'io-do mee-Ø_[2], suamii metoda
 что-LIM-DEST сделать.AOR-S3 новый чум-DEST-3
me-Ø_[3], T'IKE d'eede-ða_[4],
 сделать-AOR-S3 тот покрыть.нюками.AOR-O3
ŋ'ul'u sapsem. sapsem meri?-a-Ø t'ike mi-lio
 очень совсем совсем быстрым.быть-AOR-S3 тот что-LIM
sađuro-bu-ta t'ike ne-u?. eseda
 шить-VACOND-3 тот женщина-SELECT отец-GEN.3
pagge-ðo mee-Ø_[5], t'ike-ro toxorobugone
 парка-DEST[-ACC] сделать.AOR-S3 тот-2 EXCL
kuroi-di-ða mee-Ø_[6],
 кокуль-DEST.ACCPL-3 сделать-AOR-S3
 'Она нюки (= покрышки для чума из шкур) отцу сделала_[1], нюки чума. Отцу все, что надо, сделала_[2], новый чум сделала_[3], ЕГО весь нюками покрыла_[4], ну совсем. Со-

всем быстрая эта, что угодно если шить <будет>, женщина-то эта. Отцу одежду сделала₁₅. Потом, ну, кокули (= спальные мешки) им сделала₁₆.⁷

3. Возникновение компенсаторного механизма ДОМ в селькупском

Когнатные северносамодийским показатели двух типов спряжения обнаруживаются и в единственном живом южносамодийском языке — селькупском (парадигма приводится по [ОчСЯ 1980: 236]⁴):

Таблица 2. Показатели двух типов спряжения в селькупском (аорист)

	S	O
1Sg	-nak	-nam
2Sg	-nanty	-nal
3Sg	-na ~ ny	-nyty
1Du	-nī ~ нумī ~ нōmī ~ nej	
2Du	-nylī ~ нōlī	
3Du	-nōqī	-nytī ~ нōtī
1Pl	-nymyt ~ нōmyt	
2Pl	-nylyt ~ нōlyt	
3Pl	-нōtyt	

Как можно видеть, в селькупском также представлены две серии личных глагольных показателей (противопоставление между ними в части клеток парадигмы нейтрализовано). Однако в селькупском разрушена система правил, регулирующих выбор между двумя типами спряжения. В селькупском употребление объектной серии жестко связано с переходностью глагола, употребление субъектной — с непереходностью. В примере (8) ниже переходные глаголы выделены полужирным шрифтом, непереходные — подчеркиванием.

- (8) *Iralīpy innā pīqylna tjanyn. Kətsatty **apstynnyty**. Mēšakty **miṅyty**. Ija qanna, **taqylnyty** səry pū. Moqynā **tattynnyty**, il'cantynyk **miṅyty**. Il'caty kətsatty illā **quntalynnyty**. Ija illā qonta. Qaryt tja*

⁴ Личные показатели приводятся в сочетании с показателем аориста -na/-ny, так как в ряде форм происходят чередования гласных, затрудняющие проведение морфемной границы.

innä wəša. Ilcaty apstyňyty, ponä tattynyty. İja cunnyty ĩnty omta. Kətsatynyk mĩnyty n'ärqy qampĩ. Kətsatty sajymty illä sərynyty.
 ‘Старик повернулся к мальчику. Внука **накормил**. Мешок дал. Мальчик пошел, **собрал** белые камни. Домой **принес**, деду дал. Дед внука **уложил спать**. Мальчик уснул. Утром мальчик встал. Дед (его) **накормил**, на улицу **отвел**. Мальчик на коня сел. Внуку дал красный платок. Внуку глаза **завязал**’. [ОчСЯ 1993: 43 / текст 28, предл. 28–46 (с сокращ.)]

Однако оказывается, что в селькупском механизм дифференцированного маркирования объекта, представленный в северносамодийских языках, хотя и утрачен в сфере противопоставления двух глагольных спряжений, но компенсирован другим грамматическим механизмом.

А именно: при введении (первом упоминании) объекта, который в далее в тексте выполняет функцию вторичного топика, переходный глагол маркируется одной из форм косвенной эвиденциальности, называемой в [ОчСЯ 1980] латентивом⁵. В примере (9) существительное, обозначающее будущий вторичный топик в первом вхождении, выделено подчеркиванием, оформленный показателем латентива глагол, при котором это существительное является объектом, выделен полужирным шрифтом. Как можно видеть, глаголы при этом часто имеют максимально общую семантику: ‘сделать (= смастерить)’, ‘взять’:

- (9) *Çit̃ karræ ɔ̃ňňỹt̃, karræ ponnỹt̃ lōZ̃yt̃ næl̃æq̃yr. Nānỹ mušaq̃ỹ. Ukkyr çonDōqyt̃ iça t̃ip̃ỹ m̃ēq̃ỹD̃ỹt̃; çimD̃ỹ konnæ wəçinỹt̃, munD̃yt̃ çar̃ỹ matelnỹt̃. LōZ̃ỹ næl̃æq̃yt̃ wəçil̃ lakał t̃yr̃ t̃ip̃onD̃ỹ tokkalDālnỹt̃, lōZ̃ỹ-irat̃ wətonD̃ỹ çoq̃q̃yrnỹt̃. OnD̃ỹ moq̃ynæ tỹŋa, lōZ̃ỹ-irat̃ p̃ēmỹt̃ ĩnD̃ỹt̃, ołymD̃ỹ tō mat̃nỹt̃. LōZ̃ỹ-irat̃ p̃ēmỹt̃ k̃yt̃yt̃ šỹŋonD̃ỹ šim̃ỹsæ Zonñỹt̃. <...> T̃ym̃onD̃ỹ s̃ỹq̃ỹlñỹ, t̃ym̃ p̃ār̃ỹq̃yt̃ āmDa. <...> Iça ill̃æl̃āq̃ỹ rañỹŋa, lōZ̃ỹ-irap̃ šim̃ỹt̃ m̃ỹsæ çari qamDeinỹt̃.*

‘Котел свой на огонь повесил, в котел сложил чертовых дочек. Долго варились. Между тем Ича шпеньков **понаделал**;

⁵ О латентиве см. [ОчСЯ 1980: 240—243], подробно функции латентива анализируются в [Урманчиева 2014] и [Урманчиева 2015]; в последней работе также кратко затрагивается тема, которой посвящена данная статья. Латентив имеет широкую семантику косвенной эвиденциальности: презумптив, репортатив, аудитив, эндофорические контексты.

котел свой с огня снял, на куски разрезал (чертовых дочек). Чертовых дочек куски на шпеньки понадевал, на дороге черта-старика (т. е. на пути, по которому он будет возвращаться) воткнул. Сам обратно пришел, черта-старика пимы взял, головки их отрезал. В голенища пимов черта-старика золы начерпал. (...) На лиственницу залез, лиственницы на вершине сидит. (...) Ича вниз маленько спустился, чорта-старика золой в рожу обсыпал'. [Прокофьев 1935: 102]

Ср. также следующий фрагмент из текста о состязании двух шаманов, записанного в 1973 году. Здесь упоминается несколько объектов (рубаха, кусок железа), не являющихся вторичным топиком, глаголы в этих клаузах оформлены индикативными темпоральными показателями аориста. При первом упоминании будущего вторичного топика 'дробь' глагол оформлен латентивом. При дальнейшем упоминании этого топика (причем в этом фрагменте, в отличие от предыдущего, мы можем видеть вторичный топик, занимающий именно объектную позицию на протяжении всего эпизода), как в форме полной именной группы (как в клаузах 'поп сосчитал дробь' и 'попу всю дробь обратно отдал'), так и в форме местоименного объекта (как в клаузах 'попу дали' и '(поп) сосчитал'), глаголы неизменно оформляются индикативными темпоральными показателями аориста:

- (10) *N̄ny na ira qal' porqymty tō t̄tyŋyty. N̄ny t̄na pōtpyl' kāsyl laka qāt̄tyŋyty, m̄t̄nylonty al'ca. Packa k̄atyŋyty: «Pōtpyl' mytysā ašša c̄tyqo n̄t̄na».*

«Puškally tattäty, pul'asä apstäty ili tyropsä apstäty». Šöl'qymyl' ira n̄ik k̄atyŋyty, mōmpa, luccä tyropsä apstäty. Tōqylt̄tyt namyššak q̄ntyl' oly, packanyk miŋt̄tyt. Packa tōqyltyŋyty q̄ntyl' olymty. N̄y cattyŋyty. Packanyk munt̄yk q̄ntyl' oly sukyltä miŋyty, toqyltyŋyty: munt̄yk eja!

'Потом этот старик рубаху с себя стащил. Потом этот горячий кусок железа ударил, (кусок) на пол упал. Поп сказал: «Пол ничем жечь не нужно».

«Ружье принеси, пульей заряди или дробью заряди». Селькупский старик так сказал, мол, лучше дробью заряди. **Отсчитали** сколько-то дробь, попу дали. Поп сосчитал дробь. Туда (= в него) выстрелил. Попу всю дробь (старик) обратно отдал, (поп) сосчитал: всё есть!' [ОчСЯ 1993: 35 / текст 25, предл. 52–56, 59–60]

Ниже приводится еще несколько фрагментов из текстов, записанных Г. Н. Прокофьевым в середине 1920-х годов. Примеры (11) и (12) не требуют подробных комментариев и призваны проиллюстрировать регулярный характер использования латентива в рамках механизма дифференцированного маркирования актантов:

- (11) *Ираты щитты өтәт қоны минтыты ниль кәтыңыт «Тап чёлы порқал мёты». Иранты қәллә пулә өтәнты қоны кыныка наттәиңыты, мытын сә чентәптәиңыты, кеккысә туртыңыты пәқыны мөтты уккыр имакота на щәра.*

‘Муж ее двух оленей шкуры дал, так сказал: «Сегодня парку твою сделай». Мужа своего после ухода оленя его шкуру немного помазала желчью замочила, едва кончила, с улицы в чум одна старуха вот зашла’. [Прокофьев, рук.]

- (12) *jomBa konnæ kuralnъ, ukkър тусу орқыДьтъ aj ukkър тәмДәә орқыДьтъ, karræ tulDьһътъ, anDөqьнDь риннеиһътъ тушымDь aj тәтпәетDь.*

‘Йомпа на гору побежал, одну ящерицу поймал, и одну лягушку поймал, под гору принес, в лодку положил ящерицу и лягушку’. [Прокофьев 1935: 105]

Интересен пример (13), где в двух клаузах подряд, глаголы которых оформлены латентивом, вводятся два вторичных топика, первым вводится топик ‘колотушка’ (‘колотушку сделал’), вторым топик ‘береста’ (‘бересту содрал’). Вторичным топиком клауз, следующих непосредственно за этим, является ‘береста’ (‘бересту позавернул (на огне), лодки на нос прицепил и к корме ее прицепил, рук своих к суставам прицепил’). Затем актуализуется введенный первым вторичный топик ‘колотушка’, и при этой вторичной актуализации топика (‘колотушку взял’) опять используется латентив. В дальнейшем повествовании, как мы видим, топиком являются сначала колотушка, потом же в тексте вновь появляется как вторичный топик береста (берестяные штуки схватывают’).

- (13) *ukkър çonDөqьт lattarьl mektonDь tulьһәә. konnæ tanDa, çatьm mәнDьтъ. ньнь тә кїреинDьтъ, куçинолDәлньтъ, anDьн иконDь tokkalDьһътъ aj çїрөqьнDь tokkalDьNyьтъ, утьнDь кәçонDь tokkalDьһътъ. ньнь çатьтъ иңDьтъ, qәllæ lattarьт рәл корьl lakaļ*

тър qættylæ qânDьtqо таlалDьнть. <...> lattarьt innæ paktьlæ tərьp çар orqьlnâtьt, çaŋaŋ utьnDь kăçōqьt tokkьmâtрьl təl lakaŋ tьp orqьlnâtьt.

‘Вдруг к покойницкому холму доехал. На гору вышел, колотушку сделал. Затем бересту содрал, позавернул (на огне), лодки на нос прицепил и к корме ее прицепил, рук своих к суставам прицепил. Затем колотушку свою взял, походя покойницкие деревянные амбары ударяя в крошки изломал. <...> Покойники, вверх вскочив, его как только схватят, одни лиш рук его на суставах нацепленные берестяные штуки схватывают’. [Прокофьев 1935: 104]

Итак, если сопоставить представленный в северносамодийских языках механизм чередования типов спряжения, утраченный в селькупском, с механизмом чередования латентива и индикатива, взявшим на себя функцию маркирования вторичного топика при переходных глаголах, получается следующая картина (см. таблицу 2):

Таблица 3. Различные грамматические механизмы маркирования вторичного топика

	Чередование субъектного и объектного типов спряжения при переходном глаголе в северносамодийских языках	Чередование латентива и индикатива при переходном глаголе в тазовском диалекте селькупского языка
Первое упоминание «будущего» вторичного топика	<i>субъектный тип спряжения</i>	<i>латентив</i>
Последующие упоминания вторичного топика	<i>объектный тип спряжения</i>	<i>индикатив</i>

Легко заметить различие в этих двух стратегиях: в первой маркированным является употребление объектного спряжения, связанное с непервым упоминанием вторичного топика, во второй маркированным является употребление латентивной формы, используемой для введения будущего вторичного топика некоторого эпизода. В обоих случаях мы можем говорить именно о механизме дифференцированного маркирования объекта. Так, для

северносамодийских формулируется следующее правило: если объект переходной клаузы является (ранее введенным) вторичным топиком некоторого фрагмента, употребляется объектное спряжение. Для селькупского правило выглядит следующим образом: если объект переходного глагола представляет собой будущий вторичный топик, глагол оформляется латентивом, если нет — индикативом. При этом в селькупском в дальнейшем тексте вторичный топик может занимать любую синтаксическую позицию (ср., напр., (11)). Для языков с объектным спряжением ситуация является зеркальной: при первом упоминании вторичный топик должен занимать объектную позицию, контролируя появление на глаголе показателей объектного спряжения, но в текст первичный топик может быть введен в любой позиции, например, в позиции субъекта, как в примерах (5) или (8), или в позиции локативного дополнения, как в примерах (3) или (6). Очевидно, что правила эти не полностью эквивалентны: в селькупском этот механизм ближе к дискурсивному, чем к собственно грамматическому, однако несомненно, что возникновение этого дискурсивного механизма было обусловлено тем, что исконный механизм ДОМ был в селькупском утрачен. В качестве компенсации в селькупском возник новый механизм дифференцированного маркирования объектов, имеющих разный статус в информационной структуре предложения. В переходных клаузах в селькупском глагол при введении вторичного топика оформляется латентивом, в остальных случаях — индикативом. Этот механизм зеркален (в том числе и с точки зрения маркированно употребляющихся форм) по отношению к исконному механизму. Так, для употребления объектного спряжения существенным оказывается первое упоминание в объектной позиции именной группы, имеющей статус вторичного топика, для употребления латентивной формы в селькупском существенным оказывается первоначальное введение в дискурс вторичного топика. Очевидно, что каждая из этих стратегий по-своему прагматически мотивирована: исконная стратегия позволяет поддерживать в речи референцию к вторичному топик, селькупская стратегия с употреблением латентивного показателя позволяет уже при первом упоминании акцентировать внимание слушателя на том объекте, который релевантен для повествования и который в дальнейшем тексте получит высокий прагматический статус вторичного топика.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADJ — суффикс образования прилагательных; ADV — падежные показатели, локативных падежей (LAT.ADV, LOC.ADV, EL.ADV), употребляющиеся с основами послелогов и пространственных наречий; AOR — аорист; APPR — апроксиматив (форма со значением эпистемической модальности); AUGM — аугментатив; CN — коннегатив; COND — условная форма глагола (в селькупском); DAT — датив; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DUR — дуратив; EL — элатив; EMPH — показатель со значением эмфазы; ESS — эссив; EXCL — междометие; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; INFER — иферентив; LAT — латив; LATENT — латентив; LIM — лимитатив ('только'); LOC — локатив; LOC.POSS — показатель локативных падежей в посессивном склонении; NEG — отрицание (частица в селькупском, отрицательный глагол в энецком); NINSTR — отглагольное имя со значением инструмента; NMLZ — номинализация; O — личные показатели объектного спряжения; OPT — оптатив; PL — множественное число; PN — имя собственное; PRAET — прошедшее время; PRES — презумптив; PROL — пролатив; PRON.ACC — аккузатив личных местоимений; PTCL — частица; PT.PRAET — причастие прошедшего времени; R — личные показатели рефлексивного спряжения; RFL — показатель того, что глагол присоединяет флексии рефлексивного спряжения; S — личные показатели субъектного спряжения; SELECT — селектив ('один из двух'); VACOND — условное деепричастие; VAINF — инфинитивное деепричастие.

Литература

- Казакевич и др. 2009 — О. А. Казакевич, Н. К. Митрофанова, Е. Л. Рудницкая. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов (Публикация 2-я) // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание» 6, 2009 [Московский лингвистический журнал 11]. С. 286–323. [О. А. Kazakevich, N. K. Mitrofanova, E. L. Rudnitskaia. Istorii zhizni avtokhtonogo naseleniia Sibiri: publikatsiia glossirovannykh tekstov (Publikatsiia 2-ya) [Stories about the life of the indigenous peoples of Siberia: publication of glossed texts (2nd publication)] // Vestnik RGGU. Seriiia «IAzykoznanie» 6, 2009 [Moskovskii lingvisticeskii zhurnal 11]. P. 286–323]
- ОчСЯ 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М.: МГУ, 1980. [А. I. Kuznetsova, E. A. Khelinskii, E. V. Grushkina. Ocherki po sel'kupskomu iazyku [Essays on Selkup]. M.: MSU, 1980]
- ОчСЯ 1993 — А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М.: Издательство Московского университета, 1993. [А. I. Kuz-

- netsova, O. A. Kazakevich, L. YU. Ioffe, E. A. Khelimskii. Ocherki po sel'kupskomu iazyku. Tazovskii dialekt [Essays on Selkup. The Taz dialect]. Vol. 2. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1993]
- Прокофьев, рук. — подготавливаемые к печати О. А. Казакевич тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ РАН. [Texts recorded by G. N. Prokof'ev stored at MAE RAN Archive. The texts are being prepared for publishing by O. A. Kazakevich.]
- Прокофьев 1935 — Г. Н. Прокофьев. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. [G. N. Prokof'ev. Sel'kupskaia (ostyako-samoedskaya) grammatika [A grammar of Selkup (Ostyak-Samoyedic)]. L.: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TSIK SSSR, 1935]
- Сорокина, Болина 2005 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005. [I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enetskie teksty [Enets texts]. SPb.: Nauka, 2005]
- Урманчиева 2014 — А. Ю. Урманчиева. Эвиденциальные показатели селькупского языка: соотношение семантики и прагматики в описании глагольных граммем // Вопросы языкознания 4, 2014. С. 66–86. [A. YU. Urmanchieva. Evidentsial'nye pokazateli sel'kupskogo iazyka: sootnoshenie semantiki i pragmatiki v opisanii glagol'nykh grammem [Evidential markers in Selkup: the correlation of semantics and pragmatics in the description of verbal grammemes] // Voprosy iazykoznanii 4, 2014. P. 66–86]
- Урманчиева 2015 — А. Ю. Урманчиева. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей (на примере эвиденциальной системы тазовского селькупского) // Вопросы языкознания 6, 2015. С. 52–75. [A. YU. Urmanchieva. Kak grammaticheskaiia sistema upravliaet semanticheskoi evoliutsiei pokazatelei (na primere evidentsial'noi sistemy tazovskogo sel'kupskogo) [How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams (a case study on the Taz Selkup system of evidential markers)] // Voprosy iazykoznanii 6, 2015. P. 52–75]
- Geurts 1998 — B. Geurts. Presuppositions and anaphors in attitude contexts // Linguistics and philosophy 21, 1998. P. 545–601.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Object agreement, grammatical relations, and information structure // Studies in Language 23, 1999. P. 341–386.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics 39, 2001. P. 1–49.
- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. A Grammar of Tundra Nenets. [Mouton Grammar Library 65]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.

С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург — ИРЯ РАН, Москва

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В работе будут рассмотрены текстовые данные по дифференцированному маркированию прямого объекта в нанайском языке (тунгусо-маньчжурские, Хабаровский край). На первый взгляд, система дифференцированного маркирования объекта в нанайском устроена достаточно просто и вполне вписывается в типологические ожидания: прямой объект либо маркируется специализированным падежом, либо остается немаркированным, выбор зависит от характеристик объекта (его положения на «шкале одушевленности»). Существуют, однако, три момента, требующие уточнения. 1. Жестких правил выбора между двумя стратегиями нет: в большинстве случаев можно говорить лишь о частотных тенденциях в оформлении того или иного типа объекта тем или иным образом и, возможно, о влиянии более чем одного фактора. До конца не известно, какие именно характеристики объекта и в какой степени предрасполагают к выбору маркированной/немаркированной стратегии (одушевленность, определенность, число и др.), это требует не производившейся ранее проверки на текстовом материале. 2. В имеющихся описаниях делалось утверждение о диахронической тенденции к постепенному вытеснению немаркированной стратегии и о крайней ее маргинальности в современном нанайском языке, что также требует эмпирической проверки. 3. И, наконец, еще одна проблема, в связи с которой может быть интересен нанайский материал по дифференцированному маркированию объекта, состоит в том, что на поверхностном уровне маркированная форма аккузатива и немаркированная форма в значительном числе кон-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-3158.2017.6.

текстов фонетически исключительно похожи и с трудом различимы.

1.1. Общие сведения о маркировании прямого объекта в нанайском языке

Система оформления прямого объекта в нанайском языке устроена следующим образом. Существительное может принимать специализированный показатель аккузатива *-wA/-bA*, как в (1), или оставаться немаркированным, как в (2). Та же немаркированная форма используется для выражения субъекта, и потому ниже она будет называться «номинативом».

- (1) *žele-wa*   *pujū-ri-čī=guə*
 голова-ACC варить-PRS-3PL=PART
 ‘И голову варят...’ (текст, Синда, 2011 г.) — аккузатив
- (2) *žele*   *pujū-ri*   *kasi*   *gal-i*
 голова варить-PRS счастье искать-PRS
 ‘Голову варят, удачи просят...’ (текст, Синда, 2011 г.) — номинатив

Жестких правил, регулирующих выбор между этими двумя формами, нет: практически во всех случаях, как кажется, на месте номинатива в объектной позиции может быть употреблен аккузатив и наоборот (немногочисленные исключения, касающиеся оформления личных местоимений и существительных с рефлексивным показателем, см. ниже). В типологических терминах систему DOM в нанайском языке можно, таким образом, охарактеризовать как асимметричную нежесткую (fluid), см. [de Hoop, Malchukov 2007]; [Malchukov, de Swarts 2009: 341–342; 345–347].

Наряду с аккузативом и неоформленной основой (номинативом), в позиции объекта при переходном глаголе может выступать существительное с показателем дестинатива (назначительного падежа) *-gO* (3). Контексты употребления дестинатива легко отграничиваются от контекстов употребления аккузатива и номинатива, они описаны в [Аврорин 1948: 202–223] и далее рассматриваться не будут.

- (3) *tyj*   *tara*   *n'oanči*   *pokto-go-a-čī*   *aŋgo-j-ni*
 тот старик 3PL   дорога-DEST-OBL-3PL   делать-PRS-3SG
 ‘Тот старик сделал им тропу’. (текст 38 [Аврорин 1986])

1.2. Данные имеющихся описаний

Употребление номинатива в функции прямого объекта в нанайском языке было достаточно подробно описано в синтаксическом очерке В. А. Аврорина [Аврорин 1948: 223–233] (см. также более сжатое описание в грамматике [Аврорин 1961]). По свидетельству В. А. Аврорина, форма номинатива в функции прямого объекта: 1) крайне редка; 2) постепенно выходит из употребления. Ср. следующую цитату: «...буквально на наших глазах происходит резкое сужение возможностей выражения прямого дополнения именительным падежом...» [Аврорин 1948: 229]. Также утверждается, что она 3) связана с типом текста: чаще используется в устной речи и 4) регулируется «нормой»: избегается в текстах на «литературном нанайском». Ср.: «...Эта норма отразила ту цель, к которой постепенно приближается нанайский язык в области выражения прямого дополнения — полное вытеснение формы именительного падежа из круга морфологических средств, призванных выражать эту синтаксическую категорию» [Там же: 230]. Ср. подсчеты В. А. Аврорина, приводимые им в подтверждение этих утверждений, в Таблице 1:

Таблица 1. Подсчеты В. А. Аврорина
по текстам разных типов и разного времени [Аврорин 1948: 229–230]

тексты	ACC	NOM
литература 1940-х гг. (худ. лит, переводы)	>>	«едва ли десяток» на 70-80 п.л.
Петрова 1929 (обработанные фольклорные записи)	>>	ок. 30 примеров на 1 п.л.
гольдская азбука Прото- дьяконова (1885): бытовые фразы, короткие тексты	26 (из них 6 — местоимения)	24
фольклорные записи Прото-дьяконова (1896)	131	82
фольклорные записи Добролов- ского (1903, сунг., 400 слов)	15	14

Здесь следует отметить, что а) основной задачей В. А. Аврорина является как раз описание нормативного, «литературного нанайского»; б) ориентируется он в основном на письменные литературные тексты, а не на устные (и потому проблема конкурен-

ции винительного и именительного падежа для него оказывается периферийной и, возможно, отчасти преуменьшенной).

Из семантических факторов, отвечающих за выбор формы прямого объекта, В. А. Аврорин упоминает *определенность*. Ср.: «В нанайском языке именительный падеж оформляет прямое дополнение, пожалуй, несколько чаще в тех случаях, когда прямой объект мыслится недостаточно определенным» [Там же: 232].

1.3. DOM в близкородственных языках

Система дифференцированного маркирования объекта также достаточно детально описана для близкородственного нанайскому удэгейского языка (входящего наряду с нанайским в группу южных тунгусо-маньчжурских языков), для которого можно ожидать в этой области значительного сходства с нанайским. В удэгейском языке прямое дополнение также может быть выражено формой аккузатива (*-wA/-mA*) или немаркированной формой номинатива. В подробной грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 119–123] приводятся три группы факторов, отвечающих за выбор между ними.

1) Фонетические факторы. Форма номинатива предпочитается, если слово заканчивается на гласные *-o*, *-u*, на *-wA*, *-fA*; или если следующее слово начинается на *wa-*.

2) Семантические, синтаксические, коммуникативные факторы (больше проявляющиеся в северном диалекте, чем в южном). Форма номинатива предпочитается: при нереферентном / генерическом прочтении; если существительное неисчисляемое; если прямое дополнение вводит нового участника; при императиве; в зависимой клаузе (даже если участник определенный); также показатель аккузатива иногда опускается на пациентивном / тематическом участнике в пассивных конструкциях. Топикализованный объект всегда оформляется аккузативом.

В северных тунгусо-маньчжурских языках также имеется система DOM, однако она устроена несколько иначе, чем в южных. В них наблюдается конкуренция «винительного определенного» *-bA*, *-wA* и «винительного неопределенного» *-jA* (отсутствующего в нанайском). Вкратце приведем правила употребления винительного неопределенного на примере эвенкийского языка, по описаниям [Bulatova, Grenoble 1999: 8–9; Константинова 1964; Колесникова 1966: 161; Болдырев 2007: 181]. Винительный неоп-

ределенный выбирается: а) при первом упоминании объекта; б) при обозначении отрезка времени, в течение которого длится действие, при обозначении пространственных и количественных измерений и в качестве зависимого при слове *ачин* ‘без’; в) при обозначении предмета, который предназначается определенному лицу (с притяжательным показателем); г) при обозначении объекта, подвергающегося действию лишь частично (‘отрежь хлеба’); д) при императиве, будущем времени или отрицании².

Обзор гипотез об этимологии и диахроническом развитии винительного падежа в тунгусо-маньчжурских языках, интересных в контексте разговора о DOM, прямого отношения к проблемам, рассматриваемым ниже, не имеют, см. в [Суник 1982: 192–210] (см. также приводимые там ссылки).

1.4. Материал и задачи исследования

Материалом исследования послужила выборка современных спонтанных устных текстов разных жанров, собранных авторами в 2009–2013 гг. В разных подсчетах использовалась либо эта выборка целиком (ок. 12 тыс. слов — «большая выборка»), либо ее часть (ок. 4,5 тыс. слов — «малая выборка»). Тексты, вошедшие в выборку, принадлежат к разным говорам (в основном найхинскому, в меньшем количестве горинскому, несколько текстов — на джуенском говоре). На первый взгляд, различий между говорами в рассматриваемой области не наблюдается, однако это требует дополнительной проверки. В подсчеты, представленные ниже, (если не оговорено обратное) входили только существительные, не в «возвратном склонении» (см. ниже раздел 2.1) и без посессивного маркера.

Конкретными задачами исследования, таким образом, были: 1) верификация и уточнение приведенных выше данных В. А. Аврорина на материале а) *современных*, б) *спонтанных устных текстов*; 2) описание и количественная оценка факторов, влияющих

---

² В [Василевич 1948] упоминаются, помимо этого, и случаи употребления в позиции прямого объекта неформленной основы (как в южных тунгусо-маньчжурских), нехарактерные для литературного языка, но возможные (или бывшие возможными в более ранних текстах, на которые опирается автор) в устной речи. Выражаем благодарность анонимному рецензенту, обратившему на это наше внимание.

на выбор формы прямого объекта, см. раздел 2. В разделе 3 результаты проведенного исследования обсуждаются в контексте проблемы формального разграничения номинатива и аккузатива. В разделе 4 они обобщаются с учетом оговорок, сделанных в разделе 3. В разделе 5 кратко обсуждается наличие/отсутствие дифференцированного маркирования в позициях с неоднозначным синтаксическим статусом.

2. Характеристики прямого объекта, коррелирующие с выбором падежной формы

В этом разделе в деталях рассматриваются правила, определяющие выбор формы аккузатива/номинатива в объектной позиции. В разделе 2.1 кратко описаны немногочисленные случаи, регулируемые жесткими правилами, в разделе 2.2 выявляется набор факторов, располагающих к выбору аккузатива или номинатива в случае их свободного варьирования. На выборке современных устных текстов проверено несколько параметров, связанных с положением объекта на «шкале одушевленности» [Silverstein 1976] или «индивидуализации» [Hopper, Thompson 1980]. Исходя из данных В. А. Аврорина и данных близкородственного удэгейского языка, можно предполагать, что нанайский относится к тому распространенному типу языков, в которых дифференцированное маркирование актантов регулируется в первую очередь такого рода параметрами.

2.1. Случаи, регулируемые жесткими правилами

Для начала перечислим немногочисленные случаи, в которых обязательно употребление аккузативной либо номинативной формы.

А. Личные местоимения — аккузатив.

Личные местоимения в позиции прямого объекта, в отличие от существительных, выступают исключительно в форме аккузатива. Форма аккузатива в данном случае отличается от формы номинатива, используемой в субъектной позиции, не только наличием соответствующего аффикса, но и типом основы, ср.:

(4)	<i>mi</i> ‘я’	<i>mimbi-wə</i> ‘меня’
	<i>si</i> ‘ты’	<i>simbi-wə</i> ‘тебя’
	<i>n'oani</i> ‘он/она’	<i>n'oam-ba-ni</i> ‘его/ее’

Выделенное положение личных местоимений типологически ожидаемо: личные местоимения — полюс «шкалы одушевленности». Ср., например, похожую ситуацию в системе DOM в румынском языке, описываемую в [Farkas 1978] (цит. по [Aissen 2003]).

Б. Контекст рефлексивного посессивного суффикса ('свой X') — немаркированная форма.

Существительное, оформленное рефлексивным посессивным суффиксом *-i/-bi* (SG), *-Ari/wAri/-bAri* (PL), т. н. «возвратное склонение» ('свой X'), наоборот, никогда не принимает в позиции прямого дополнения показателя аккузатива, ср.:

- (5) *purig-bi*   *kəkčə-mi*
дети-REFL.SG   предостерегать-CVB.SIM.SG
dəru-xə-ni
начинать-PST-3SG
'Он начал предостерегать своих детей'. (текст 38 [Аврорин 1986])

В свете типологических представлений о корреляции маркированности объекта и его положения на референциальной шкале это, на первый взгляд, может показаться более неожиданным: в рефлексивном контексте выступает объект с высокой степенью индивидуализации, для которого ожидался бы скорее, наоборот, аккузатив.

Наблюдаемая картина, однако, имеет сразу два очевидных объяснения. Первое объяснение диахроническое: исторически сам возвратный суффикс (употребляемый в сочетании со всеми падежными аффиксами, кроме аффикса аккузатива) содержит в себе показатель аккузатива, см. [Суник 1982: 206]. Это на синхронном уровне незаметно в формах ед. ч., однако отчетливо видно в формах мн. ч. *-Ari/-wAri/-bAri*. Второе объяснение, функциональное, апеллирует к принципу экономии. Имя, оформленное возвратным показателем, по понятным причинам не может выступать в субъектной позиции, поэтому в языке есть возможность зарезервировать «невостребованную» и при этом морфологически более простую форму за объектной позицией. Это позволяет объяснить отсутствие на синхронном уровне показателя аккузатива в возвратных формах ед. ч.

В. Контекст посессивного аффикса 1 лица ед. ч. ('мой X') —
аккузатив.

С описанным выше абсолютным правилом об употреблении немаркированной формы в контексте рефлексива связана жесткая тенденция к употреблению аккузатива в контексте посессивного показателя 1 лица ед.ч. ('мой X'), упоминаемая в [Аврорин 1959: 175] и подтверждающаяся на нашем материале.

- (6) *atem-bi-a Sekač=Alean bāro-ni*
отец-1SG-ACC Сикачи-Алян к-3SG
әти-әһ-ки-č=go *председателем колхоза*
выходить-CAUS-PST-3PL=PART
'...моего отца отправили в Сикачи-Алян председателем колхоза'. (текст, Найхин, 2009 г.)

Дело в том, что, как видно из примера (6), показатель 1 лица ед.ч. формально совпадает с показателем посессивного рефлексива ед.ч. (*-il/-bi*). Таким образом, использование формы номинатива 1 л. ед.ч. в объектной позиции приводило бы к омонимии с рефлексивной формой. Отметим, что объект, оформленный показателем 1 лица, имеет высокий статус на референциальной шкале, так что этот запрет, возникающий по внутриязыковым причинам, не противоречит и ожидаемой семантической тенденции.

Запрет на употребление номинатива в контексте 1 л. ед. ч., однако, не абсолютен: в нашей выборке нашелся один контрпример, (7)³:

- (7) *atem-bi wā-xa amba amba*
отец-1SG убить-PST злой.дух злой.дух
'Моего отца убил черт'. (текст, Найхин, 2012 г.)

2.2. Тенденции: общие данные

Обратимся теперь к значительно более многочисленным случаям, когда аккузатив и номинатив в объектной позиции функционируют как свободные варианты. Вопреки предсказаниям В. А. Аврорина (см. раздел 1.2), формы номинатива в современных текстах составляют более половины употреблений существительных в позиции прямого объекта, см. Таблицу 2.

³ Возможно, употребление (7) поддерживается фонетическими факторами (контекстом глагола на *wa-*, см. ниже).

Таблица 2. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
общие данные (существительное)

	ACC	NOM
малая выборка*	83	91

* только существительные, не возвратное склонение,
без посессивных показателей

Ниже проверяются следующие параметры, которые, как кажется, могут влиять на выбор формы аккузатива/номинатива:

- референциальный статус (определенный/неопределенный/нереферентный);
- одушевленность, личность;
- число (оформлено / не оформлено);
- коммуникативный статус (топикальность).

Следует иметь в виду, что список потенциально релевантных факторов не исчерпывается перечисленными и описание, приводимое в настоящей статье, далеко от полного. Так, например, сознательно оставлены за скобками все употребления, в которых существительное было оформлено посессивным маркером (от этой группы, в силу корреляции с определенным референциальным статусом объекта, можно ожидать особого поведения).

2.2.1. *Референциальный статус.* Исходя из типологических представлений о дифференцированном маркировании объекта и данных В. А. Аврорина, можно ожидать корреляции с референциальным статусом, в т. ч. с определенностью: для существительных с более высоким референциальным статусом ожидается большая склонность к аккузативу. См. шкалу из [Aissen 2003]:

- (8) Definite NP > Indefinite specific NP > Non-specific NP
Marked (ACC) > Non-marked (NOM)

Грамматикализованных средств выражения референциального статуса в нанайском языке нет, поэтому в качестве диагностических контекстов были выбраны следующие:

- контекст неопределенного местоимения (*эм* ‘один, какой-то’) — неопределенная ИГ (9);
- контекст указательных местоимений (*тај* ‘тот’, *ај* ‘этот’) — определенная ИГ (10);
- контекст существительного с преимущественно неререферентным прочтением (*sogdata* ‘рыба’, *sogdata(wa) wā-* ‘рыбачить, букв.: убивать рыбу’) — неререферентная ИГ (11).

- (9) *ənə-miə*   *ənə-miə=təni*   **əm**   **ʒo**
идти-CVB.SIM.SG   идти-CVB.SIM.SG=a   один дом
bā-xa-ni
находить-PST-3SG
'Так он шел-шел и один дом нашел'. (текст, Даерга, 2009 г.)
- (10) *i dān'a=tani*   **təj**   **enda-wa**   *pāče-li-ni=go*
и бабушка=a   тот собака-ACC   ударять-PFV.PRS-3SG=PART
'И бабушка этих собак погоняет (букв. ударяет)'. (текст, Синда, 2011 г.)
- (11) *amā=da*   *ʒobo-j*   **sogdata**   *wā-ri*
отец=PART.EMPH   работать-PRS   рыба   убить-PRS
'А отец работал, рыбу ловил'. (текст, Даерга, 2011 г.)

Результат проверки представлен в Таблицах 3–5.

Данные Таблиц 3 и 4 показывают значимое различие между определенными и неопределенными ИГ: определенные ожидаемым образом тяготеют к оформлению аккузативом. В Таблице 3 представлены данные по диагностическим контекстам неопределенного и указательных местоимений на большой выборке, в Таблице 4 — уточняющие данные малой выборки: данные по всем именованным группам в позиции прямого объекта.

Таблица 3. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
контекст местоимений (большая выборка)

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
неопределенное <i>əm</i> 'один, какой-то'	4	11	
указательные <i>təj (tə)</i> 'тот' и <i>əj</i> 'этот'	50	32	значимо, p=0,022

Таблица 4. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
определенность (малая выборка, ручной просмотр)

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
неопределенное и нереферентное	56	74	
определенное	27	17	p=0,036

Вопрос о том, проходит ли дополнительная граница между неопределенными референтными и нереферентными объектами, требует более детального исследования. Чтобы оценить это хотя бы приблизительно, мы рассмотрели употребления существительного *sogdata* ‘рыба’, для которого нереферентная интерпретация прагматически особенно востребована (и которое при этом достаточно частотно в нашей выборке).

Таблица 5. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта: существительное с преимущественно нереферентным прочтением

	ACC	ACC — примечание	NOM	NOM — примечание
<i>sogdata</i> ‘рыба’	3	2 неопр. (<i>ətu-</i> ‘охранять’, <i>bī-</i> ‘давать’), 1 опр. — <i>gažo-</i> ‘приносить’	15	10 нереферентное <i>sogdata wā-</i> ‘рыбачить’ (9), <i>sogdata gələ-ndə-</i> ‘ездить за рыбой’ (1); 5 — неопр. (<i>əgži</i>) <i>wā-</i> ‘(много) ловить’ (3), <i>puju-</i> ‘варить’, <i>ətu-</i> ‘охранять’

Таблица 5 показывает, что для этого существительного действительно очень отчетливо преобладает номинатив. Отметим, однако, что, помимо нереферентности существительного, этому дополнительно может способствовать фонетический фактор: основной нереферентный контекст — это контекст *sogdata(wa) wā-* ‘ловить рыбу’ с начальным *wa-* в глаголе, см. ниже.

2.2.2. *Одушевленность*. Еще одна точка на шкале Сильверстейна, по которой может проходить граница при дифференцированном маркировании объекта, это — одушевленность/неодушевленность или личность/неличность объекта (см., например, [Malchukov 2008]).

Для нанайского языка этот параметр оказывается нерелевантным: данные Таблицы 6 показывают, что значимой разницы ни между личными/неличными, ни между одушевленными/неодушевленными существительными не наблюдается.

Таблица 6. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
одушевленность, личность (малая выборка)

	ACC	NOM	р, точный критерий Фишера
личные	10	9	
неличные	73	82	p=0,8085
одушевленные	33	36	
неодушевленные	50	55	p=1

2.2.3. *Число*. В качестве отдельного параметра было также рассмотрено число существительных. Множественное число в нанайском языке маркируется факультативно (ср. (12) и (13)), причем выбор между маркированной и немаркированной формой определяется, как и в случае дифференцированного маркирования объекта, референциальными характеристиками имени (хотя и не только, см. о маркировании числа [Аврорин 1959: 139–141]). В связи с этим интересно было дополнительно проверить, коррелирует ли наличие аффикса множественного числа на прямом объекте с наличием на нем аккузативного маркера.

(12) *kăči wā-o-r aso ərdəŋgə bi-ə-si*
сазан убить-IMPS-PRS не.очень интересный быть-NEG-PRS
‘Сазанов же не очень интересно ловить’. (текст, Найхин, 2009 г.)

(13) *laxa-sal-ba kăči-sal-bə taonžoan dāi*
сом-PL-ACC сазан-PL-ACC толстолоб большой
taonžoan-sal-ba čawa era-j=goan' bāza bāro-ni
толстолоб-PL-ACC этот.ACC нести-PRS=PART база к-3SG
‘Сомов, сазанов, толстолобов... больших толстолобов...
это... относим на базу’. (текст, Найхин, 2009 г.)

Как показано в Таблице 7, собственно с семантикой числа выбор формы прямого объекта не коррелирует:

Таблица 7. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
число (малая выборка)

	ACC	NOM	р, точный критерий Фишера
группа с семантикой мн.ч. (на <i>-sal</i> или неоформл.)	35	46	
группа с семантикой ед.ч.	48	40	p=0,167

С наличием же на существительном с семантикой множественного числа специализированного показателя множественного числа корреляция есть, см. Таблицу 8.

Таблица 8. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта: оформленное / неоформленное множественное число (малая выборка)

	ACC	NOM	р, точный критерий Фишера
мн.ч. на <i>-sal</i>	12	6	
мн.ч. не на <i>-sal</i>	23	45	p=0,016

Интерпретация этого факта, однако, усложняется возможным дополнительным влиянием фонетического фактора (аффикс мн. ч. оканчивается на согласный, см. подробнее раздел 3).

2.2.4. *Коммуникативный статус.* Ниже рассматриваются две характеристики, связанные с коммуникативным статусом прямого объекта. Известно, что топиальная позиция может способствовать выбору маркированной формы прямого объекта (см., например, [Iemmo 2010] о романских и некоторых других языках, в которых топиальность релевантна при DOM). Для нанайского языка этот фактор кажется потенциально релевантным еще и потому, что он упоминается как один из факторов, регулирующих DOM в родственном нанайскому удэгейском языке, см. раздел 1.3.

2.2.4.1. *Контекст эмфатических частиц-энклитик.* В нанайском языке есть две частицы-энклитики с пересекающимся набором функций, но разным коммуникативным поведением: это координативная частица =*tani* ‘и, а’ и эмфатическая частица =*da* ‘и, же, даже’, см. описание их семантики в грамматике [Аврорин 1961: 264–268], об «аддитивных» показателях с похожим спектром употреблений см. также [Forker 2016]. Частица =*tani* маркирует тему (14), частица =*da* к определенному коммуникативному статусу не привязана (ср. топик контраста в (15) и рему в (16)).

- (14) *təj nekan-sal=tani xon' ulə nekan-sal bi-č'i*
 тот китаец-PL=a как хороший китаец-PL быть-PST
 ‘{У нас китаец жил.} А те китайцы [в т. ч. китаец, упомянутый в предтексте], такие хорошие китайцы были’. (текст, Даерга, 2011 г.)

- (15) *anī=dā*   *ʒog-du bi-i*
 мать=PART.EMPH дом-DAT быть-PRS
 ‘{Отец охотился.} Мама **же** дома была...’ (текст, Даерга, 2011 г.)
- (16) *dujə-lə=təni*   *bōkto=da*
 далеко.от.берега-LOC=a кедровый.орех=PART.EMPH
balʒi-i opokta=da   *balʒi-i*
 жить-PRS боярышник=PART.EMPH жить-PRS
 ‘В лесу **и** орехи растут. **И** боярышник растет’. (текст, Синда, 2011 г.)

Таблица 9 показывает, что, несмотря на семантическое сходство, с точки зрения влияния на выбор кодирования прямого объекта они ведут себя по-разному: заметное преобладание аккузативного маркирования наблюдается для топикализатора =*tani*, но не для нейтрального по отношению к коммуникативной структуре =*da*.

Таблица 9. Аккузатив/номинатив в позиции прямого объекта:
 контекст энклитик

	ACC	NOM	
частица = <i>tani</i>	41	12 (23%)	большая выборка
без = <i>tani</i>	78	88 (53%)	малая выборка
частица = <i>da</i>	14	12 (46%)	большая выборка
без = <i>da</i>	75	82 (52%)	малая выборка

2.2.4.2. *Постпозиция прямого объекта.* В качестве второго диагностического теста, призванного проверить связь стратегии кодирования прямого объекта с топикальностью, был выбран порядок слов с постпозицией прямого объекта (SVO). Нейтральный порядок слов в нанайском языке SOV. Порядок слов SVO может возникать вследствие топикализации прямого объекта, ср. (17). Вследствие этого для постпозитивного объекта можно было бы ожидать значимого преобладания аккузативного маркирования. Такая ситуация, по свидетельству [Nikolaeva, Tolskaya 2001], наблюдается в удэгейском языке. Нанайские данные, однако, подобной корреляции не выявляют, см. Таблицу 10.

Таблица 10. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
постпозиция (малая выборка)

	ACC	NOM	
постпозиция DO	8	11 (58%)	ns, p=0,6356 (точный тест Фишера)
не постпозиция	75	80 (52%)	

Дело, видимо, в том, что постпозиция прямого объекта возникает не только в том случае, когда она связана с его тематическим статусом, но также и по другим причинам, например в пояснительной конструкции с выносом, которая (как показывают примеры (18) и (19)) не привязана к коммуникативной позиции объекта.

- (17) *xət ičə-ži-č'i təj toxala-wa*
 все видеть-RES.PRS-3PL тот глина-ACC
 {Туда-сюда эту глину из рук в руки друг другу передают,}
 'и все смотрят на эту глину'. (текст, Найхин, 2009 г.)
- (18) *təj=təni nuči naonžokam=təni ase-ni=təni*
 тот=a маленький мальчик=a жена-3SG=a
goj naj-ži bā-xa-ni təj piktə
 другой человек-INS находить-PST-3SG тот ребенок
 'А этого мальчика жена родила от другого человека, того ребенка'. (текст, Найхин, 2012 г.) — тема
- (19) *buə=təni ča-du žuər taonžoam-ba wā-xa-p*
 1PL=a этот-DAT два толстолоб-ACC убить-PST-1PL
dāi taonžoam-ba
 большой толстолоб-ACC
 'А мы тогда двух толстолобов поймали, больших толстолобов'. (текст, Найхин, 2009 г.) — рема

3. Проблема разграничения формы аккузатива vs. номинатива и действие фонетических факторов

Исследование дифференцированного маркирования объекта в нанайском языке осложняется следующей проблемой: в значительном числе контекстов формы аккузатива и номинатива фонетически слаборазличимы.

3.1. Типы основ и редукция аккузативной формы

В нанайском языке имеется три морфонологических типа основ: 1) основы на (неносовой) гласный (это самый многочисленный тип), 2) основы на согласный, кроме *-n* (корней на согласный очень мало, но на согласный оканчивается показатель мн. ч. *-sal*), 3) основы на носовой гласный или *-n*⁴.

Суффикс аккузатива реализуется как: а) *-wa*~*-wə* после основ на гласный (20а, б); б) *-ba* ~ *-bə* после основ на согласный и носовой гласный или *-n* (20в); основы на носовой гласный или *-n* перед ним имеют (регулярную в нанайской фонетике) мену *n > m* (20г).

- (20) а. *ʒele-wa*   б. *əniə-wə*
 голова-ACC   мать-ACC
 в. *nekan-sal-ba*   г. *bəjum-bə* (ср. номинатив *bəjum*)
 китаец-PL-ACC   лось-ACC

При этом в устной речи суффикс аккузатива может редуцироваться: а) после основ на гласный до *-a*~*-ə*; б) до рефлекса *-m* в основах на носовой гласный или *-n* (21):

- (21) а. ред. *ʒo-a*   полн. *ʒo-wa*   ном. *ʒo*
 дом-ACC   дом-ACC   дом
 б. ред. *ʒexa-kam*   полн. *ʒexa-kam-ba*   ном. *ʒexa-kan*
 деньги-DIM   деньги-DIM-ACC   деньги-DIM

Описанные факты частичной редукции позволяют предположить, что показатель аккузатива в речи может и полностью редуцироваться (*ʒo-wa > ʒo-a*, *ʒo*, *ʒosal-ba > ʒosal*), из-за чего получившаяся форма может совпадать целиком с формой номинатива. Первый вопрос, возникающий при обращении к подобному материалу: есть ли вообще в нанайском языке дифференцированное маркирование объекта? Иначе говоря, нельзя ли считать, что то, что на поверхностном уровне выглядит как неоформленная основа в позиции прямого дополнения — это на самом деле полностью редуцированная форма аккузатива с опущением аффикса, а не та же падежная форма, что используется в субъектной позиции («номинатив»)? Видимо, в общем случае такой интерпретации

⁴ Основы этого типа оканчиваются на носовой гласный в абсолютном конце слова (в речи также встречаются фонетические варианты на неносовой гласный и на *-n*) и на соответствующий неносовой гласный + согласный *-n* в других позициях.

допустить все же нельзя: так, в объектной позиции встречаются употребления типа *mōkan* ‘палочка’, которые нельзя рассматривать как редукцию. Если бы это была форма аккузатива с опущенным показателем *-ba*, этот показатель, сам будучи опущен, давал бы конечный *-m*, а не *-n*, как в номинативе. В примере (22), где это слово употреблено перед глаголом на гласный, разница между звуками *-n* и *-m* видна совершенно отчетливо.

- (22) *naj*   *ži-či*   *mō-kan*   *ičə-xə*
человек   приходит-PST   дерево-DIM   видеть-PST
‘Человек пришел, увидел палочку...’ (текст, Синда, 2011 г.)

Следовательно, в принципе как минимум какая-то часть прямых объектов действительно выражается неоформленной основой (формой номинатива). Этот факт, однако, не снимает практической проблемы различения фонетически редуцированного аккузатива и неоформленной основы. По всей видимости, отличить полную редукцию аккузативного показателя от употребления номинативной формы можно лишь в тех редких случаях, когда основа имени заканчивается на *-m* (редукция) или на *-n* (номинативная форма). В остальных случаях, которые составляют большинство (т. е. для основ на неносовой гласный и согласные, кроме *-n*), сделать это не представляется возможным. Поэтому полную редукцию мы вынуждены интерпретировать как неоформленную аккузативным показателем форму, а причины того, почему она оказалась неоформленной, оставлять за скобками. Это проблема интерпретации, а не техническая проблема атрибуции формы.

Обобщая сказанное, еще раз перечислим логические возможности для разных типов основ:

1) основы на гласный: возможен частично редуцированный аккузатив, технически не всегда различимый с номинативом; потенциально возможен полностью редуцированный аккузатив, неотличимый от номинатива;

2) основы на согласный: потенциально возможен полностью редуцированный аккузатив, неотличимый от номинатива, других возможностей редукции нет;

3) основы на носовой гласный или *-n*: возможен редуцированный аккузатив на *-m*, легко отличимый от номинатива, других возможностей редукции нет.

В следующих разделах речь пойдет о разграничении номинативной формы и формы с частично редуцированным аккуза-

тивным показателем и о возможных поправках в анализе, приводимом в разделе 2, связанных с действием фонетических факторов.

3.2. *Формы номинатива vs. аккузатива от основ на -a~ə*

Особенно остро проблема различения номинатива и частично редуцированного аккузатива стоит в случае (весьма многочисленных) основ на *-a~ə*. Так, например, для слова ‘рыба’ основа выглядит как *sogdata-*, полная форма аккузатива — как *sogdata-wa*; в случае редуцированного аккузатива можно ожидать формы *sogdataa* с двойным гласным или *sogdatā* с долгим гласным. Однако наличие долготы на конце слова с уверенностью диагностировать достаточно сложно.

Чтобы оценить долю ошибочной атрибуции форм на *-a~ə*, мы сравнили общую частотность основ с исходом на *-a~ə* в текстах и их частотность в форме аккузатива vs. номинатива (?) в позиции прямого дополнения. Если все употребления без выраженного показателя аккузатива — это действительно форма номинатива, то процент основ на *-a~ə* в форме аккузатива и в форме номинатива в позиции прямого дополнения не будет отличаться от среднего. Если значительная часть случаев использования неоформленной основы в позиции прямого дополнения — это на самом деле фонетически редуцированная форма аккузатива, то 1) среди употреблений с полной формой аккузатива основ на *-a~ə* должно оказаться меньше, 2) среди употреблений, идентифицированных как номинативные, наоборот, больше.

Доля основ с исходом на *-a~ə* во всех падежных формах составляет в текстах около половины (55 основ на *-a~ə* vs. 50 основ не на *-a~ə*, поиск по сплошному фрагменту текста). Аналогичное распределение наблюдается для полных форм аккузатива, для «номинатива» в позиции прямого объекта доля основ на *-a~ə* значимо выше, см. Таблицу 11:

Таблица 11. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта: исход основы (малая выборка)

	на <i>-a~ə</i>	не на <i>-a~ə</i>	р, точный критерий Фишера
ACC	39	31	
NOM	56	20	значимо p=0,025

Эти данные можно интерпретировать следующим образом. Поскольку для полных форм аккузатива значимого понижения доли основ на *-a~-ə* не отмечается, можно надеяться, что число случаев ошибочной атрибуции не очень велико. Что касается повышения доли таких основ среди форм «номинатива», то можно видеть в нем действие фонетического фактора, состоящего в предрасположенности существительных на *-a~-ə* к выбору номинатива в позиции прямого объекта, а не результат ошибочной атрибуции форм аккузатива как форм номинатива. Хотя не исключено, что в реальности имеет место и описанный фонетический фактор, и ошибочно атрибутированные редуцированные формы.

В свете вышесказанного обратимся еще раз к данным по влиянию на выбор формы прямого объекта семантических факторов, рассмотренных в разделе 2. Прежде всего, следует отметить, что во всех случаях, обсуждавшихся в разделе 2, в число употреблений номинатива входили не только номинативы от существительных на *-a~-ə* (которые теоретически могли бы быть опознаны как номинатив ошибочно). Детальные данные по разным контекстам см. в Таблице 12.

Таблица 12. Номинатив (?) в позиции DO

	на <i>-a~-ə</i>	не на <i>-a~-ə</i>
неопр. <i>əm</i>	9	2
указат. <i>əj, təj</i>	21	11
частица = <i>tani</i>	6	6
частица = <i>da</i>	5	7
SVO	9	7

3.3. Основы на согласный и частотная асимметрия между единственным и множественным числом

Отдельного обсуждения в контексте фонетических проблем требует выявленное в разделе 2.2.3 резкое преобладание аккузатива для существительных, оформленных аффиксом множественного числа. Дело в том, что форма множественного числа всегда имеет исход на согласный (*-l*). А как было показано выше, для основ на согласный, в отличие от других типов основ, исключена возможность частичной редукции и, тем самым, ложной атрибуции частично редуцированных форм аккузатива как форм номинатива. Следовательно, обнаруженный эффект может объясняться

не только (не столько?) семантическими причинами, но и чисто фонетическими: можно предположить, что для форм единственного числа реальный процент аккузативных форм такой же, но он искусственно занижен за счет того, что часть форм аккузатива с частичной редукцией ошибочно принята за форму номинатива.

С другой стороны, для форм на мн. ч. *-sal* остается возможность полной редукции аккузативной формы, которую от номинатива отличить в принципе невозможно. Конечно, такая возможность наряду с частичной редукцией не исключена и для основ ед. ч., которые в большинстве оканчиваются на гласный, но как раз в силу того, что для основ на *-sal* полная редукция — это единственный доступный вариант редукции, можно ожидать, что он для них более характерен, чем для основ на гласный. Если это так, то случаи ложной атрибуции частичной редукции аккузатива ед. ч. должны уравниваться случаями полной редукции аккузатива мн. ч. Тогда наблюдаемая асимметрия имеет все же семантическую природу.

3.4. Слово на *wa-* в постпозиции к прямому объекту

Можно предположить, что на выбор падежной формы в позиции прямого объекта будет влиять фонетический состав следующего за ней слова. Если слово начинается на *wa-* или *wə-*, т. е. на слог, фонетически совпадающий с аффиксом аккузатива, то есть основания ожидать более активного использования номинатива: ср. *sogdata-wa wā-ri* > *sogdata wā-ri* ‘ловить рыбу’. Хотя другие аналогичные явления в нанайском языке, когда опускается одна из стоящих рядом морфем типа CV, нам неизвестны, подобная фонетически обусловленная тенденция опущения суффикса аккузатива описана для удэгейского языка, см. выше. В Таблице 13 представлены данные по употреблением аккузатива/номинатива перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’ (частотный переходный глагол на *wa-*):

Таблица 13. Аккузатив/номинатив перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’

	ACC	NOM	р, точный критерий Фишера
<i>wa-</i>	8	9	
не <i>wa-</i>	62	67	незначимо p=1

Вопреки ожиданиям, статистически значимого количественного преобладания номинатива перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’ не наблюдается. Заметим, однако, что перед *wā-* в форме аккузатива в выборке встретились только такие слова, которые имеют показатель, отличный от *-wa* — *-wə*, *-ba*, *-bə* (23), а в форме номинатива — в основном слова, у которых аккузатив образуется с помощью *-wa* (24), см. Таблицу 14. Следовательно, этот фактор на самом деле все же оказывается релевантным⁵.

Таблица 14. Вариант формы аккузатива перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
<i>wa-</i>	0	8	
не <i>wa-</i>	8	1	значимо p<0,001

(23) *bajum-bə wā-x=tani n'əpultə-wə wā-re-i*
 зверь-ACC убить-PST=a мех-ACC убить-PRS-1SG
 ‘убил зверя’ ‘я пушнину ловлю’

(24) *ət dawə wā-xa-ni*
 один кета убить-PST-3SG
 ‘Поймал одну кету’.

⁵ При этом рассмотренных данных явно недостаточно для уверенных выводов. Во-первых, в случае глагола ‘убивать’ дополнительное влияние (в сторону увеличения числа употреблений номинатива) может оказывать референциальный статус объекта (см. выше о предрасположенности контекстов с этим глаголом (в значении ‘охотиться на (зверя), ловить (рыбу)’ к нереферентным объектам). Во-вторых, на примере этого глагола не до конца понятно, идет ли речь о фонетическом дублировании единицы объемом в слог или морфему (как кажется, скорее первое). Другие переходные глаголы на *wa-/wə-* в нанайском языке существуют (например, *wəʒele-* ‘портить’), однако соответствующих контекстов в рассмотренной нами выборке для них не нашлось. Также представляют интерес глаголы на *ba/-bə-*, которые могли бы влиять на наличие суффикса аккузатива в случае основ существительного на согласный (в этом случае суффикс аккузатива выглядит как *-ba/-bə*). Частотный глагол такого рода — *bā-* ‘находить’, однако данных для него тоже недостаточно, поскольку менее частотны, наоборот, существительные с исходом на согласный.

ср. сконструированное *dawa-wa wā-xa-ni*
кета-ACC убить-PST-3SG

Таким образом, обобщая данные, рассмотренные в разделе 3, можно сказать, что корреляция с исходом основы есть, как и, по-видимому, с фонетическим началом следующего за прямым объектом слова. Тем не менее, как было показано выше в разделе 2, предполагаемое дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке вписывается в типологические ожидания относительно семантического распределения форм прямого объекта, поэтому можно уверенно полагать, что это все же действительно дифференцированное маркирование объекта, а не чисто морфологические процессы.

4. Обобщение данных

В сводной Таблице 15 представлены все факторы, потенциально влияющие на выбор между формами аккузатива и номинатива в позиции прямого объекта, рассмотренные в разделах 2–3. Такая характеристика, как фонетический исход основы, включена в таблицу в качестве одного из факторов, обуславливающих употребление номинатива/аккузатива, наравне с прочими (обсуждение правомочности такого решения см. в разделе 3 выше). Для оценки влияния факторов была использована количественная мера «отношения шансов» (odds ratio), вычисляемая как частное от деления «шансов» выбора номинатива на «шансы» выбора аккузатива⁶. Фактор, не оказывающий влияния, соответственно, дает значение OR=1, чем сильнее влияние фактора, тем больше значение OR отличается от 1. Поскольку среди рассмотренных факторов были и такие, которые склоняют к выбору номинатива, и такие, которые склоняют к выбору аккузатива, для наглядности в одном из столбцов приводится более симметричная мера $\log OR$, колеблющаяся вокруг нуля и дающая для факторов равной силы, но действующих в противоположные стороны, значения равные по модулю с разным знаком (в данном случае отрицательное значение у факторов, склоняющих к выбору аккузатива,

---

⁶ Дополнительное удобство этой меры состоит в том, что она позволяет легко сопоставить данные, полученные на разных выборках (что и имело место в данном случае).

положительное — у склоняющихся к выбору номинатива). Таблица упорядочена по $\log OR$: от факторов, располагающих к выбору аккузатива, к факторам, располагающим к выбору номинатива. В середине — факторы, не оказывающие влияния (выделены серым).

Таблица 15. Факторы, влияющие на DOM в нанайском языке: обобщение (Odds Ratio)

	ACC	NOM	OR (вокруг 1)	$\log OR$ (вокруг 0)	95% доверительный интервал (не должен пересекать 1)
ВСЕГО — малая выборка	83	91			
личные местоимения	всегда	никогда			
показатель мн. ч.			0.2387	-1.4327	0.1024–0.5565
не на <i>-sal</i> — малая выборка	71	85			
на <i>-sal</i> — большая выборка	28	8			
коммуникативный статус (топикальная частица =<i>tani</i>)			0.2594	-1.3493	0.1273–0.5286
с = <i>tani</i> — большая выборка	41	12			
без = <i>tani</i> — малая выборка	78	88			
фонетический фактор (исход основы)			0.4493	-0.8	0.2242–0.9003
на <i>-a~-ə</i> — малая выборка	39	56			
не на <i>-a~-ə</i> — малая выборка	31	20			
определенность (указ. мест.)			0.5444	-0.6081	0.3168–0.9353
с <i>əj, təj</i> — большая выборка	50	32			

Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке

без <i>əj, təj</i> — малая выборка	74	87			
эмфаза (=da)			0.784	-0.2434	ns, 0.3411–1.8019
с =da — большая выборка	14	12			
без =da — малая выборка	75	82			
коммуникатив- ный статус (постпозиция)			0.6250	-0.47	ns, 0.3083–1.2670
SVO — большая выборка	24	16			
не SVO — малая выборка	75	80			
неопределенность (местоимение)			2.5337	0.9297	ns, 0.7762– 8.271
с <i>əm</i> — большая выборка	4	11			
без <i>əm</i> — малая выборка	82	89			
нереферентность			4.7590	1.56	1.3267–17.0708
<i>sogdata</i> — большая выборка	3	15			
не <i>sogdata</i> — малая выборка	79	83			
рефлексив (‘свой X’)	никогда	всегда			

В (23) совокупность релевантных факторов представлена, в соответствии с количественной оценкой из Таблицы 15, в виде шкалы (на ее полюсах — параметры, предопределяющие обязательный выбор аккузатива/номинатива):

(23) ACC > NOM

личные местоимения > показатель мн.ч. > координативная энклитика (статус темы) > исход основы на *-a~-ə* (фонетический фактор) > контекст указательного местоимения (определенность) > нереферентность (пример конкретного сущ.) > рефлексивный показатель

Заметим в контексте дискуссии, приводимой в разделе 3, что фонетический фактор не оказывается резко выделенным по сравнению с семантическими.

5. Конкуренция номинатива / аккузатива и статус прямого объекта

Выше рассматривалась конкуренция форм аккузатива и номинатива в прототипических прямообъектных контекстах. Однако (маркированный) аккузатив в нанайском языке употребляется в том числе и в ряде контекстов, для которых вопрос о синтаксической роли требует дополнительных комментариев.

Во-первых, существует «серая зона» временных и пространственных употреблений аккузатива, про которые неочевидно, маркирует ли аккузатив прямой объект или сирконстант (ср. в русском *(про)бежать два километра*, *(про)спать всю ночь*), см. перечень употреблений аккузатива в [Аврорин 1959: 178–179].

Во-вторых, есть контексты, допускающие одновременное наличие двух именных групп, оформленных аккузативом или аккузативом и дестинативом. Для таких контекстов также встает вопрос, действительно ли при них допускается два прямых объекта (или один из аккузативов маркирует не прямой объект, а иную синтаксическую роль) и насколько эти объекты синтаксически «равноправны».

Интересно проверить, наблюдается ли дифференцированное маркирование в перечисленных контекстах, т. е. допустим ли наряду с аккузативом также и номинатив. И если номинатив употребляется, то можно ли считать это аргументом в пользу прямообъектного статуса таких позиций или аргументом в пользу того, что дифференцированное маркирование распространено за пределами объектных употреблений. Ср., например, подобное обсуждение применительно к употреблением генитива отрицания в русском языке типа *думал минуту — не думал ни минуты* в [Эршлер 2008].

Дополнительная трудность, возникающая при анализе нанайского материала, состоит в том, что в нанайском языке нет продуктивного пассива или каких-либо других явлений, которые могли бы служить убедительным тестом на статус прямого объекта. В связи с этим, вопрос о правомерности использования в

качестве такого теста возможность / невозможность дифференцированного маркирования и о том, дает ли этот тест интуитивно ожидаемые результаты, кажется достаточно актуальным. Он, однако, требует более детального исследования, ниже приведен лишь иллюстративный материал к постановке проблемы.

*5.1. Пространственные участники, оформляемые аккузативом, при глаголах перемещения:
вопрос о статусе прямого объекта*

К «серой зоне» околопрямообъектных употреблений относятся употребления аккузатива для выражения пространственных участников при глаголах перемещения. С точки зрения возможности дифференцированного маркирования по-разному ведут себя а) участник-конечный пункт при глаголе *ese-* ‘достигать, добираться’ и б) участник-путь при большинстве глаголов перемещения.

А) Участник-конечный пункт при глаголе *ese-* ‘достигать, добираться’.

Глагол *ese-* ‘добираться до, достигать’ допускает выражение участника с ролью Конечного пункта аккузативом, ср.:

- (25) *Kərdəŋgu dā-wa-ni ese-i-čī*
Кэрдэнгу устье-ACC-3SG добраться-PRS-3PL
‘Доехали до устья реки Кэрдэнгу’ (тексты [Аврорин 1986: 230])

При этом та же роль может маркироваться и пространственными падежами / пространственным послелогом (т. е. глагол *ese-* как минимум лабильный, а не обычный переходный), ср.:

- (26) *mərgən=təni goj exon-dola ese-xa-n'*
мерген=же другой село-LOC добираться-PST-3SG
‘Мэргэн дошел до другого селения’ (текст, Даерга, 2011 г.) — локатив
- (27) *əlā žog-čī ese-i-ni=goa*
скоро дом-DIR добираться-PRS-3SG=PART
‘Скоро до дому дойдут!’ (текст, Найхин, 2012 г.) — директив
- (28) *gə pojka bāro-ni ese-xa-ni*
ну петля к-3SG добираться-PST-3SG
‘Ну, подошла к петле’. (текст, Даерга, 2012 г.) — послелог *bāro-(ni)*

Примеры на номинатив при глаголе *ese-* в текстах фиксируются, т. е. этот контекст допускает дифференцированное маркирование, так же, как и прототипические прямообъектные контексты:

- (29) *tawaŋkiə təj mǝrgən təj ən-iə ən-iə ən-iə*
 дальше тот мерген тот идти-PRS идти-PRS идти-PRS
ən-iə ənə-miə əm ʒo ese-xa-ni
 идти-PRS идти-CVB.SIM.SG один дом добираться-PST-3SG
 Потом тот мерген идет, идет, идет, идет, идет и добрался до
 одного дома. (текст, Даерга, 2009 г.) — номинатив

Б) Участник-путь при глаголах перемещения ('идти по').

Аккузатив также маркирует семантическую роль пути при основных глаголах перемещения ('идти по X'). В этом контексте он конкурирует с локативным и дативным (= эссивным) падежами:

- (30) *təj mǝrgən təj ...xaj... əl'çi=təni ənə-mi*
 тот мерген тот что слуга=а идти-CVB.SIM.SG
ənə-mi duəntə-wə ənə-mi
 идти-CVB.SIM.SG лес-ACC идти-CVB.SIM.SG
ənə-mi
 идти-CVB.SIM.SG
 'Тот мерген, а тот слуга шел, шел, лесом шел-шел...'.
 (текст, Даерга, 2009 г.)

- (31) *pokto-la-si ʒi-ʒi-ni, simbi-ə*
 дорога-LOC-2SG проходить-PRS-3SG 2SG.ACC-ACC
wā-go-j ta-j-ni
 убить-DEST-REFL.SG делать-PRS-3SG
 'По твоим следам (букв. по твоей дороге) идут (люди), хотят
 тебя убить!' (текст, Кондон, 2011 г.) — локатив

- (32) *ənə-miə ənə-miə pokto-du*
 идти-CVB.SIM.SG идти-CVB.SIM.SG дорога-DAT
əniə-mi
 идти-CVB.SIM.SG
 '...пошел-пошел, по дороге пошел.'. (текст, Даерга,
 2009 г.) — датив (= эссив)

В этом контексте, в отличие от предыдущего, номинатив при элицитации носителями не одобряется и в текстах не обнаружен:

- (33) *Arčokan pokto-la* / ^{OK}*pokto-wa* / *pokto ənə-j-ni
 девочка дорога-LOC / дорога-ACC / дорога идти-PRS-3SG
 ‘Девочка идет по дороге’ (элицит.)

Таким образом, по тесту на дифференцированное маркирование контексты А) и Б) ведут себя по-разному: аккузатив при глаголе *ese-* маркирует прямой объект (и глагол в этом употреблении переходный); аккузатив при глаголах перемещения со значением пути маркирует не прямой объект, а сирконстант. Это вполне соответствует интуиции (ср. аналогичную интерпретацию этих случаев в [Аврорин 1948]) и согласуется с некоторыми независимыми фактами.

В пользу прямообъектной трактовки в А) дополнительно свидетельствует в целом выделенный статус *ese-* среди глаголов перемещения, в т. ч.: 1) возможность выражения конечного пункта в т. ч. локативным падежом (обычно только директивным), см. [Стойнова 2015]; 2) свободное присоединение показателя движения с целью *-nda* ‘пойти сделать’ (к другим глаголам перемещения он обычно не присоединяется, см. [Стойнова 2016]).

Против прямообъектной трактовки в Б) дополнительно говорит возможность аналогичных употреблений аккузатива со значением пути при глаголах каузации перемещения с выраженным «законным» прямым объектом (‘везти что-то (ACC.) по дороге (ACC.)’).

5.2. Двойной аккузатив: вопрос о равнозначности / неравнозначности прямых объектов

В этом разделе кратко обсуждаются контексты с двойным аккузативом / аккузативом и дестинативом.

А) Участник-каузируемый и исходный прямой объект при морфологическом каузативе

В каузативной конструкции с переходным глаголом, оформленным суффиксом каузатива, аккузативом оформляются исходный прямой объект и каузируемый. Оба участника могут быть выражены в т. ч. в одном предложении:

- (34) *N'oani piktə-wə knigə-wə tao-aŋ-ki-ni*
 он ребенок-ACC книга-ACC читать-CAUS-PST-3SG
 ‘Он заставил ребенка читать книгу’ (элицит.)

Имеются некоторые свидетельства асимметрии между «внешней» позицией каузируемого и «внутренней» позицией исходного прямого объекта: в частности, исходный прямой объект линейно ближе к глаголу:

- (35) ^{???}*N'oani knigə-wə piktə-wə tao-aŋ-ki-ni*
он книга-ACC ребенок-ACC читать-CAUS-PST-3SG
'Он заставил ребенка читать книгу' (элицит.)

В связи с этим, можно ожидать, что исходный прямой объект легче, чем участник-каузируемый, будет допускать номинативное оформление. Этот вопрос требует дальнейшего исследования. Отметим только, что оформление каузируемого номинативом в принципе возможно:

- (36) *tə əktə=təni sapse kera-do-a-ni*
тот женщина=а берег берег-DAT-OBL-3SG
ele-an-ži
стоять-CAUS-PRS
'Поставила эту женщину на берегу'. (текст, Найхин, 2012 г.)

Б) Конструкция с дестинативом.

Выше упоминалось, что объект переходного глагола, помимо аккумулятива, может оформляться также дестинативным падежом (с дополнительным значением 'действия в пользу субъекта'). Возможна и конструкция, содержащая и форму дестинатива, и форму аккумулятива. Ср., 'найти в жены (DEST) X-а (ACC)' в (37):

- (37) *tawaŋki=tani Tolgon-žiə=tani dāma mama-go-i*
дальше=а Толгон-ABL2=а дед старуха-DEST-REFL.SG
bā-xa-ni Najxe-ŋkam-ba
находить-PST-3SG Найхин-DMN-ACC
mama-go-i bā-xa-n'=goa
старуха-DEST-REFL.SG находить-PST-3SG=PART
'Потом из Толгона дед женился на найхинке' (текст, Найхин, 2009 г.)

Для таких употреблений, как и выше, возникает вопрос о синтаксической позиции, оформляемой аккумулятивом, и о том, возможно ли в ней дифференцированное маркирование. С одной стороны, можно предположить, что аккумулятивно-номинативный

объект занимает точно такую же синтаксическую позицию, что и в предложениях без дестинативного объекта, а дестинативный объект занимает другую синтаксическую позицию. В этом случае ожидается, что дифференцированное маркирование объекта будет проявляться таким же образом, как и в предложениях без дестинативного объекта. С другой стороны, можно допустить иную синтаксическую структуру, например такую, при которой оба объекта могут «расщепленно» занимать одну и ту же синтаксическую позицию прямого дополнения. При такой конфигурации наличие дестинативного объекта может влиять на поведение аккузативно-номинативного. В этом случае менее предсказуемо, каким образом проявится дифференцированное маркирование объекта и будет ли оно иметь место вообще. В нашей выборке номинатив на месте аккузатива в предложениях с дестинативом встречается, причем с одинаковой частотой (3 примера на аккузатив, 3 на номинатив):

- (38) *ʒuər əm xusə əm əktə bā-xa-n'*
 два один муж один женщина находить-PST-3SG
pikta-gu-j əj tigər
 ребенок-DEST-REFL.SG этот тигр
 'Двух детей: мальчика и девочку, — родил этот тигр'.
 (текст, Троицкое, 2011 г.)

Очевидно, примеров слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы. Эта проблема требует дальнейшего изучения.

В) Глаголы с «лексическим» двойным аккузативом.

Наконец, существует несколько глаголов, управляющих двумя аккузативами, которые выражают две разных семантических роли. Таков глагол *tačeo(či)*- 'учить' (кого-то (ACC) чему-то (ACC)). На нашей небольшой выборке для этого глагола наблюдается следующая тенденция: при выражении обоих объектов в одной клаузе участник-обучаемый (*кого?*) оформляется номинативом, а участник-предмет обучения (*чему?*) аккузативом, ср.:

- (39) *mii nūči gurun-səl tačeo-če-xam-bi*
 1SG маленький люди-PL учить-IPFV-PST-1SG
matematika-wa
 математика-ACC
 'Я учил детей ... математике...' (текст, Найхин, 2009 г.)

В выборке 4 примера с двумя объектами при глаголе *taʃeo-*, все именно с таким распределением⁷.

6. Заключение

Перечислим еще раз семантические факторы, регулирующие дифференцированное маркирование прямого объекта в нанайском языке. Это факторы, связанные с характеристиками объекта (а не, например, соответствующего переходного глагола), а именно со степенью его индивидуализации, или положением на «шкале одушевленности». Как показало описанное выше исследование, не оказывают влияния на выбор стратегии оформления такие факторы, как одушевленность и личность. Релевантными же оказываются: референциальный статус (определенность, возможно неререферентность) и коммуникативный статус (топикальность). Таким образом, перед нами система, ориентированная скорее на контекстный статус объекта, нежели на его постоянные свойства.

Отдельный интерес представляет выявленная в ходе исследования корреляция маркированного падежа (аккузатива) с маркированным числом (множественным). Она может быть актуальна в контексте проблематики т.н. *markedness reversal* (см. [Comrie 1989]; [Aissen 2003] и др.) и теоретического вопроса о функции дифференцированного маркирования. Вопрос состоит в том, используется ли маркированная форма для того, чтобы сигнализировать непосредственно о нестандартных семантических свойствах объекта, или для того, чтобы (в случае, когда эти свойства необычны для объекта и обычны для субъекта) обеспечить различимость объекта и субъекта (*indexing vs. differentiating function*), см., например, [Malchukov 2008] о потенциальной возможности реализации обеих функций. Маркирование числом точно связано непосредственно с характеристиками аргумента, а не с противопоставлением объекта субъекту. Можно предположить, что отчетливая корреляция свидетельствует о том, что и

---

⁷ На первый взгляд, такое распределение кажется странным: оформления аккузативом естественнее было бы ожидать для одушевленного участника-обучаемого, чем для неодушевленного и обычно неререферентного участника — предмета обучения. Впрочем, рассмотренных данных слишком мало, чтобы давать им какое бы то ни было теоретическое объяснение.

маркирование падежом устроено так же (indexing, а не differentiating), хотя возможность того, что к одному и тому же результату приводят разные «мотивации», также не исключена.

В целом система дифференцированного маркирования, представленная в нанайском языке, вполне вписывается в типологические ожидания. Из отдельных нетривиальных мест можно упомянуть использование немаркированной формы в контексте показателя рефлексива (задающего объект с высокой степенью «индивидуализации»). Этому факту, хоть он и выбивается из типологических ожиданий, есть достаточно простые конкретные языковые объяснения: диахроническое (показатель аккузатива на этимологическом уровне входит в состав показателя рефлексива), а также функциональное (принцип экономии).

На фоне других тунгусо-маньчжурских языков нанайский язык с точки зрения устройства системы дифференцированного маркирования устроен достаточно похоже на близкородственный ему удэгейский (южные тунгусо-маньчжурские) и резко отличается от северных тунгусо-маньчжурских (эвенского, эвенкийского и др.).

Что касается диахронического развития системы дифференцированного маркирования, то приведенный в работе материал современных текстов не подтверждает предсказание В. А. Аврорина (сделанное в середине XX века) о постепенной утрате дифференцированного маркирования в нанайском языке.

Идея провести описанное в статье исследование возникла скорее в контексте документации конкретного языка, чем в контексте типологии и теории дифференцированного маркирования актантов. Поэтому его результатом нам виделся в большей степени методологический опыт, который может быть интересен при исследовании других языков с похожими описательными проблемами, чем собственно вклад в изучение проблематики дифференцированного маркирования актантов. Факты, известные из теории дифференцированного маркирования, были использованы в исследовании для решения двух частных дескриптивных задач.

Во-первых, в свете теоретических сведений о дифференцированном маркировании актантов была рассмотрена и отчасти решена проблема разграничения фонетически редуцированных форм аккузатива и форм номинатива (неоформленной основы) в позиции прямого объекта. Проверка типологически ожидаемых

семантических факторов, способных регулировать дифференцированное маркирование, а) показывает, что наблюдаемые данные действительно отражают подлинное дифференцированное маркирование прямого объекта и не сводимы к чисто морфонологическим процессам; б) позволяет оценить надежность интерпретации текстового материала (атрибуции форм прямого объекта как номинатива/аккузатива).

Во-вторых, дифференцированное маркирование было рассмотрено как возможный тест на прямообъектный статус, что достаточно актуально для нанайского языка в отсутствие пассивизации, объектного согласования и других более очевидных тестов.

Сокращения

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; COT — житель; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DIR — директив; DMN — катойконим (житель местности); DO — прямое дополнение; EMPH — эмфаза; IMPS — имперсонал; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LIM — ограничительная частица; LOC — локатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PART — частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Аврорин 1948 — В. А. Аврорин. Очерки по синтаксису нанайского языка. Прямое дополнение. Л.: Учпедгиз, 1948. [V. A. Avrorin. Ocherki po sintaksisu nanaiskogo iazyka. Priamoe dopolnenie [Essays on Nanai syntax. Direct object]. L.: Uchpedgiz, 1948]
- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1959. [V. A. Avrorin. Grammatika nanaiskogo iazyka [A grammar of Nanai]. Vol. 1. M. — L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959]
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1961. [V. A. Avrorin. Grammatika nanaiskogo iazyka [A grammar of Nanai]. Vol. 2. M. — L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961]
- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [V. A. Avrorin. Materialy po nanaiskomu iazyku i fol'kloru [Materials on the Nanai language and folklore]. L.: Nauka, 1986]

- Болдырев 2007 — Б. В. Болдырев. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. [B. V. Boldyrev. Morfologiya evenkiiskogo iazyka [The morphology of Evenki]. Novosibirsk: Nauka, 2007]
- Колесникова 1966 — В. Д. Колесникова. Синтаксис эвенкийского языка. М. — Л.: Наука, 1966. [V. D. Kolesnikova. Sintaksis evenkiiskogo iazyka [The syntax of Evenki]. M. — L.: Nauka, 1966]
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М. — Л.: Наука, 1964. [O. A. Konstantinova. Evenkiiskii iazyk [The Evenki language]. M. — L.: Nauka, 1964]
- Стойнова 2015 — Н. М. Стойнова. Эссив, латив и пролатив: «локативный» падеж в нанайском языке // Урало-алтайские исследования 4, 2015. С. 59–80. [N. M. Stoinova. Essiv, lativ i prolativ: «lokativnyi» padezh v nanaiskom iazyke [Essive, lative and prolativ: the “locative” case in Nanai] // Uralo-altaiskie issledovaniia 4, 2015. P. 59–80]
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания 4, 2016. С. 86–111. [N. M. Stoinova. Pokazатели «dvizheniia s tsel'iu» i sobytiinaia struktura: suffiks -nda v nanaiskom iazyke [Markers of “motion-cum-purpose” and event structure: -nda suffix in Nanai] // Voprosy iazykoznanii 4, 2016. P. 86–111]
- Суник 1982 — О. П. Суник. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982. [O. P. Sunik. Sushchestvitel'noe v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh [The noun in Tungusic]. L.: Nauka, 1982]
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. [V. I. TSintsius. Negidal'skii iazyk. Issledovaniya i materialy [The Negidal language. Studies and materials]. L.: Nauka, 1982]
- Эршлер 2008 — Д. А. Эршлер. Обстоятельственные именные группы в генитиве при отрицании // Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, А. Б. Летучий (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел, 2008. [D. A. Ershler. Obstoyatel'svennyye imennyye gruppy v genitive pri otritsanii [Adjunct genitive of negation phrases] // E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, A. B. Letuchii (eds.). Ob"ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom iazyke. M.: Probel, 2008]
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential object marking: iconicity vs. economy // Natural Language & Linguistic Theory 21 (3), 2003. P. 435–483.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble. Evenki [Languages of the world/Materials 141]. München: Lincom Europa, 1999.

- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- de Hoop, Malchukov 2007 — H. de Hoop, A. Malchukov. On fluid differential case marking: A bidirectional OT approach // *Lingua* 117 (9), 2007. P. 1636–1656.
- Farkas 1978 — D. Farkas. Direct and Indirect Object Reduplication in Romanian // *Papers from the Fourteenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1978. P. 88–97.
- Forker 2016 — D. Forker. Toward a typology for additive markers // *Lingua* 180, 2016. P. 69–100.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56, 1980. P. 251–299.
- Iemmolo 2010 — G. Iemmolo. Topicality and differential object marking: Evidence from Romance and beyond // *Studies in Language* 34 (2), 2010. P. 239–272.
- Malchukov, de Swart 2009 — A. Malchukov, P. de Swart. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 2009. P. 290–303.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. Animacy and Asymmetries in Differential Case Marking // *Lingua* 118 (2), 2008. P. 203–221.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *A Grammar of Udihe* [Mouton Grammar Library 22]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages* [Linguistic Series 22]. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies Publications, 1976. P. 112–171.

И. В. Саркисов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА В ХРИСТИАНСКОМ УРМИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ НОВОАРАМЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Введение

Настоящее исследование посвящено проблеме дифференцированного маркирования прямого объекта в одном из новоарамейских диалектов — христианском урмийском. Дифференцированное маркирование является типичной чертой многих языков Ближнего Востока, в том числе и арамейских. Существующие описания этого явления для христианского урмийского диалекта не дают полной информации и порой противоречат друг другу. Поэтому целью настоящего исследования, проводившегося на материале как корпусных, так и полевых данных, было составить в общих чертах единое и непротиворечивое описание урмийского дифференцированного маркирования. Вследствие ограниченности материала работа не может претендовать на завершенность. Однако мы рассчитываем предложить в ней гипотезы, способные обновить представления об урмийском дифференцированном маркировании объекта и устранить существующие противоречия в описаниях, наметив при этом пути для последующих, более полных исследований.

Христианский урмийский диалект относится к большому диалектному кластеру северо-восточных новоарамейских языков, входящему в свою очередь в восточную ветвь арамейских языков (северо-западно-семитская общность в составе семитской группы афразийской языковой семьи) [Лявданский 2009: 663, 668]. Христианские северо-восточные новоарамейские диалекты принято разделять на четыре ветви, включая урмийскую, к которой и относится урмийский диалект [там же: 668]. Точное число его носителей неизвестно. Исторически он был распространен на территории Иранского Азербайджана, в регионе Урмия. Начиная с

30-х годов XIX в. носители урмийского диалекта начали мигрировать в пределы Российской Империи. В результате этих и последующих перемещений их общины образовались на территории Грузии, Армении, России (преимущественно в Краснодарском крае), а также в странах Европы и США [там же: 661, 664]. В конце XIX в. на базе урмийского диалекта был создан общий литературный язык арамеоговорящих несториан. Благодаря этому на этом диалекте было написано достаточно большое (особенно в сравнении с остальными новоарамейскими диалектами) количество текстов (в том числе и с использованием латинской графики в СССР в 30-е годы XX века). Также христианский урмийский является одним из наиболее хорошо описанных новоарамейских диалектов. Однако, к сожалению, описание дифференцированного маркирования в нем до сих пор не является полным.

2. Предшествующие исследования

2.1. Дифференцированное маркирование в арамейских языках

Рассматривать урмийское дифференцированное маркирование необходимо в сравнении с аналогичными явлениями в других арамейских языках, как живых, так и мертвых. Полноценные морфологические падежи, изначально существовавшие в семитских языках, в арамейских языках исчезли еще на праарамейском этапе. Поэтому для выражения прямого или косвенного объектов в них могут использоваться предлоги, согласовательные показатели на глаголе и порядок слов. При этом выбор конкретного способа зависит от ряда факторов, в первую очередь от определенности объекта.

В самом древнем из арамейских языков, для которого существуют данные о маркировании объекта, — древнем западноарамейском (ранее 700 г. до н.э.) прямой объект, выраженный существительным, либо маркировался предлогом (или префиксом) *ʔyt*, восходящим к празападносемитскому *ʔiyāt [Kogan 2015: 72–73], либо никак не маркировался [Kalinin, Loesov 2013: 447]. При этом показателем *ʔyt* могли оформляться только определенные существительные, не имевшие определенного артикля. То есть *ʔyt* совмещал в себе значения показателя аккузатива и определенного артикля, находясь с последним в дополнительной дистрибуции.

Дополнения, выраженные неопределенными существительными, не имели при себе никаких показателей [Там же: 450]. В случае же, если прямой объект выражался местоимением, оно инкорпорировалось в глагол, по сути превращаясь в согласовательный показатель [Там же: 455–456]. Однако примерно с VIII в. до н.э. *ʔuʔ* выходит из употребления во всех арамейских наречиях [Там же: 453], а роль аккузативного показателя переходит к предлогу (или префиксу) *l-*, изначально выполнявшему роль маркера адресата действия и реципиента [Там же: 455], то есть во многом аналогичному показателю дательного падежа. После этого именно *l-* и его различные региональные и временные варианты становятся основным способом оформления прямого объекта в арамейских языках, наряду с нулевым маркированием. Однако, несмотря на это, *l-* не утратил и своего прежнего дативного значения, что во многом и обусловило значительную сложность и неоднозначность в системе новоарамейского объектного маркирования.

В классическом сирийском языке для выражения объектного значения использовались предложное и нулевое маркирование и согласование с глаголом. При этом зависимость выбора того или иного способа от определенности объекта была неполной. Нулевое маркирование было возможно как при неопределенном, так и при определенном объекте. Помимо этого, определенные объекты могли оформляться показателем *l-* и/или согласовываться с глаголом, см. (1):

(1) Классический сирийский язык.

- a. *bnā*   *baytā*
 он.построил дом
 ‘Он построил какой-то/этот дом’ (неопределенный).
- b. *bnā*   *l-baytā*
 он.построил DOM-дом
 ‘Он построил дом’ (определенный).
- c. *bnā-y(h)i*   *l-baytā*
 он.построил-OBJ.3MS DOM-дом
 ‘Он построил этот дом’ (определенный).
- d. *bnā-y(h)i*   *baytā*
 он.построил-OBJ.3MS дом
 ‘Он построил этот дом’ (определенный). [Coghill 2012: 28]

Также некоторые особые существительные могли выступать в роли дополнения с предложным оформлением, даже будучи неопределенными.

(2) Классический сирийский язык.

ḥzaw l-gabra ḥad d-ukkām-(h)-wā
они.увидели ДОМ-человек один.М тот-черный-был
'Они увидели какого-то человека, который был черным'.
[Coghill 2012: 28]

В некоторых арамейских языках маркирование объекта было обусловлено не определенностью, а одушевленностью: предлог *l-* мог оформлять только одушевленные существительные [Там же: 28].

В современных новоарамейских языках для выражения прямого дополнения используются те же способы, что и в древних: в зависимости от различных далеко не всегда четко установленных факторов (чаще всего определенность или одушевленность) могут использоваться нулевое маркирование, глагольное согласование и предложное оформление. Предлог, оформляющий прямой объект, по своему происхождению является дативным показателем и нередко продолжает сохранять его функции, маркируя также и косвенные объекты. В различных языках и диалектах встречаются различные предлоги с соответствующей функцией: *l-, qa, ḥla, ta, əl*. Некоторые из них этимологически восходят к древнеарамейскому *l-*. Нередко в одном языке наблюдается более одного показателя, что порождает нетривиальный вопрос об их взаимной дистрибуции [Там же: 8]. Наиболее подробно проблема маркирования прямого объекта изучена и описана для диалекта тель-кепе, относящегося к южной диалектной группе северо-восточного кластера новоарамейских языков. В нем наглядно проявляются указанные выше общеарамейские особенности. В тель-кепе и близких к нему диалектах, например, алькошском, прямое дополнение может согласовываться с глаголом, оформляться предлогом *ta* (только при наличии согласования) или оставаться немаркированным [Там же: 9]. Выбор конструкции зависит исключительно от определенности и топикальности объекта, см. (1), а его одушевленность, так называемая степень переходности глагола, а также его время и прочие возможные факторы на способ маркирования не влияют [Там же: 11–12]. Неопределенные и генерические объекты никак не маркируются, а определен-

ные согласуются с глаголом и при этом могут также оформляться предлогом, но предложное оформление без согласования не встречается [Там же: 9–23].

(3) Алькошский диалект.

šqəl-lə *barānv.*

взять.PRET-3SG.M.OBL баран

‘Он взял какого-то / этого барана’.

kəm-šāqəl-lə

PAST-взять.INFECT-3SG.M.OBL

‘Он взял его.’

kəm-šāqəl-lə *barānv.*

PAST-взять.INFECT-3SG.M.OBL баран(М.)

‘Он взял этого барана’.

kəm-šāqəl-lə *ta barānv.*

PAST-взять.INFECT-3SG.M.OBL DOM баран

‘Он взял этого барана’. [Coghill 2012: 9]

Правила, определяющие случаи, когда предложное оформление обязательно должно использоваться, а когда достаточно лишь глагольного согласования, не вполне ясны. Однако в некоторых случаях оно является единственным способом снятия неоднозначности и различения подлежащего и дополнения. Например, если и подлежащее, и дополнение выражены существительными или местоимениями в третьем лице и единственном числе, то предложение может пониматься неоднозначно, так как помимо стандартной последовательности слов, для выделения топика может использоваться и другой порядок. Наличие предлога является единственным способом устранить эту неоднозначность грамматически (4):

(4) Тель-кепе.

kəm-māxe-lə *gor-a.*

PAST-ударить.INFECT-3SG.M.OBL муж-3SG.F.POSS

‘Он ударил ее мужа’.

? ‘Ее муж ударил его (он был побит ее мужем)’.

kəm-māxe-lə *ta gor-a*

PAST-ударить.INFECT-3SG.M.OBL DOM муж-3SG.F.POSS

‘Он ударил ее мужа’.

*‘Ее муж ударил его’.

[Coghill 2012: 24]

Система дифференцированного маркирования прямого объекта, основанная в первую очередь на противопоставлении определенных и неопределенных объектов, находит параллели не только во многих других новоарамейских языках (например, в новомандейском), но и в других языках региона, таких как персидский и турецкий [Coghill 2012: 29–32].

2.2. Дифференцированное маркирование в урмийском

Что касается непосредственно христианского урмийского диалекта, то наиболее информативным описанием дифференцированного маркирования в нем является описание Х. Мурре-ван ден Берг. Она пишет, что в текстах, не испытывающих сильного влияния классического сирийского языка (к каковым относятся в первую очередь библейские тексты) для маркирования прямого объекта может использоваться глагольное согласование и дативный предлог *qa*, основной функцией которого является оформление косвенного объекта. Неопределенный прямой объект не маркируется предлогом и не согласуется с глаголом, а определенный обычно согласуется с глаголом с помощью соответствующих объектных суффиксов (по сути — инкорпорированных местоимений). Косвенный объект маркируется предлогом *qa*, если он выражен существительным, и *qat* — если местоимением [Murre-van den Berg 1999: 211–212]. Это можно схематично изобразить в виде таблицы (см. Таблицу 1):

Таблица 1. Маркирование прямого и косвенного объектов
[Murre-van den Berg 1999: 212]

	определенное существительное	неопределенное существительное	местоимение
прямой объект	<i>Vo O</i>	<i>V O</i>	<i>Vo</i>
косвенный объект	<i>V qa O</i>	<i>V qa O</i>	<i>V qat-o</i>
прямой объект и косвенный объект	<i>Vo O qa O</i>	<i>V O qa O</i>	<i>Vo qat-o</i>

Однако к этой схеме автор добавляет два замечания. Во-первых, в переходной конструкции с неопределенным прямым объектом и косвенным объектом, выраженным местоимением, последний может инкорпорироваться в глагол в виде объектного суффикса: *Vo (dat) O (pat)*. Во-вторых, одушевленный прямой

объект иногда также может маркироваться дативным предложом *qa* [Mugge-van den Berg 1999: 212].

Х. Мурре-ван ден Берг рассматривает отдельно от остального урмийского корпуса переводы Библии, в которых заметно сильное влияние классического сирийского языка. Она утверждает, что использование предлога *l-* (перед местоимениями *el-*) является одним из характерных признаков этого влияния и встречается преимущественно в библейских текстах. По ее мнению, предлог *l-* может маркировать как косвенный, так и прямой объект, если объект является определенным. Особенно часто маркируются им личные прямые объекты. При этом предлог *qa* и согласование дополнения с глаголом встречаются редко [Mugge-van den Berg 1999: 213]. Все это показано в таблице (см. Таблицу 2):

Таблица 2. Маркирование прямого и косвенного объектов в религиозных текстах [Mugge-van den Berg 1999: 213]

	определенный	неопределенный	местоимение
прямой объект	V <i>l</i> -O	V O	Vo
косвенный объект	V <i>l</i> -O	V <i>l</i> -O	V <i>el</i> -o

Описание Х. Мурре-ван ден Берг отличается от других описаний стандартного литературного урмийского идиома. К. Г. Церетели и С. А. Агасиев утверждают, что в последнем предлог *l-* является не сирийским заимствованием, а основным способом маркирования прямого объекта. Также выбор между предложным и беспредложным маркированием они объясняют не определенностью объекта, а различием между письменным и разговорным языком. Столь существенные расхождения в описаниях дифференцированного маркирования в различных вариантах урмийского диалекта порождают необходимость в проведении новых исследований и перепроверке всех утверждений, высказанных на данный момент по этой проблеме.

3. Методы

Настоящее исследование сочетало в себе корпусную и полевую методику. Для проведения корпусных исследований в нашем распоряжении было два свода урмийских текстов — письменный и устный. Письменный корпус состоял из текстов, созданных но-

сителями урмийского диалекта в 30-е годы XX в. в СССР с использованием латинской графики. Он включал 7 текстов: 6 из них были переводами русской классической литературы: «Капитанская дочка» (перевод У. А. Бедроева, редакция Ш. Г. Киллеты) и «Станционный смотритель» А. С. Пушкина (перевод Д. Я. Петросова, редакция К. И. Марогулова), «После бала» Л. Н. Толстого (переводчик неизвестен, редакция К. И. Марогулова), «Ванька» и «Спать хочется» А. П. Чехова (перевод Э. М. Минасова, редакция С. И. Пираева) и «Песнь о соколе» М. Горького (переводчик неизвестен, редакция Д. Петросова). Единственным оригинальным произведением в корпусе был рассказ Петросова «Пыччунта» («Затычка»). Объем корпуса составляет 54150 слов. Корпус представляет собой свод текстов без возможности поиска грамматических форм. Поэтому работы осуществлялась путем простого поиска всех примеров употребления тех или иных предлогов.

Устный корпус составляли урмийские тексты, опубликованные К. Г. Церетели в книге «Материалы по арамейской диалектологии. Том I. Урмийский диалект». Они были записаны от ассирийцев, проживавших в селе Дзвели Канда¹ Мцхетского района Грузинской ССР в 1944 г. и в Тбилиси в 1961-1962 гг. Тексты публиковались в латинской транскрипции, принятой для семитских языков, с параллельным русским переводом.

Полевая работа проводилась с тремя информантами, проживающими в Москве (Информанты №1 и №2) и Краснодаре (Информант №3). Двое из них были выходцами из Армении (Информант №2 и №3), один — из Грузии (Информант №1). Урмийский диалект являлся для них родным языком, однако длительное проживание в иноязычной среде не могло не оказать определенного влияния на их идиолекты, что требовало от нас критического отношения к полученным данным. Наибольшее доверие с точки зрения качества собранного материала вызывала Информант №3, так как она была единственным из респондентов, кто посто-

---

¹ «Дзвели Канда было заселено урмийцами в основном в период I мировой войны, но в селении живут и потомки более ранних переселенцев. Большинство из них переселились из с. Нази (Иранский Азербайджан, недалеко от г. Резайе, бывшей Урмии). Разговорный язык жителей с. Канда — урмийский диалект ассирийского языка [Церетели 1965: 10–11]».

янно использует урмийский диалект для общения в семье. Работа с информантами включала как перевод предложений с русского на урмийский, так и проверку грамматичности специально придуманных урмийских предложений.

4. Результаты

Данные, полученные из всех трех источников — устного и письменного корпусов и полевой работы — очень сильно разнятся между собой. Поэтому при изучении дифференцированного маркирования их следует рассматривать изолированно друг от друга и, лишь выявив правила и закономерности для каждой группы текстов, пытаться описать общую картину для урмийского диалекта в целом.

4.1. Дифференцированное маркирование в литературном языке

Примеры, содержащиеся в письменном корпусе, свидетельствуют о том, что прямое дополнение может согласовываться с глаголом, оформляться предлогами *l* или *qa* или не быть маркировано вовсе. Важно отметить, что общесемитский предлог *l*, изначально передававший в арамейских языках дативное значение и использующийся в этой роли во многих новоарамейских идиомах по сей день, в разговорном варианте христианского урмийского превратился в аллативный показатель, уступив свои дативные функции предлогу *qa*. Однако в литературном языке он продолжает использоваться и в качестве маркера прямого объекта. Распределение перечисленных способов маркирования выглядит произвольным. Единственное, что можно сказать с уверенностью, это то, что предлог *qa* может оформлять только одушевленные объекты, так как в корпусе нет ни одного примера его употребления с неодушевленным дополнением.

- (5) *Məturi lə hər əxcij qə xə Binno, inə up qə Məlko lubillun.*
tatur-i la har axʃij qa xa Binno
 полицейский-PL NEG только только DAT один Бинно
ina up qa Malko lubil-lun
 но также DAT Малко увести.PRET-3PL.OBL
 ‘Полицейские увезли не только Бинно, но и Малко’. [Гаврилова, Лявданский 2014]

В то же время использование предлога *qa* при одушевленном объекте явно факультативно: вместо него может использоваться и *l* или же предложное маркирование может вовсе отсутствовать. Объяснить эту вариантивность внутриязыковыми явлениями не представляется возможным. В единственном непереводе текста корпуса — рассказе Петросова «Пыччунта» (тексте сравнительно небольшого объема) — подавляющее большинство одушевленных объектов маркированы предлогом *qa*. В переводе «Спать хочется» насчитывается три таких конструкции, в переводе «Станционного смотрителя» — одна, а в остальных текстах, даже в таком большом как перевод «Капитанской дочки», это явление не встречается ни разу. Социолингвистические данные о происхождении ассирийских писателей не приносят ясности, так как, во-первых, все эти писатели происходили из региона Урмии и различие в диалектах их деревень скорее всего было абсолютно несущественным, а во-вторых, перевод «Станционного смотрителя» был выполнен автором «Пыччунты» — Петросовым и, следовательно, мы не можем говорить о различии идиолектов авторов этих двух текстов.

Что касается предлога *l*, то согласно корпусным данным, он может маркировать абсолютно любые объекты вне зависимости от их одушевленности, определенности и прочих качеств. Существуют примеры его употребления как с высоко референтными существительными (например, именами собственными, как в (6)), так и с существительными, модифицируемыми числительным *xa* (*xda*) ‘один’ в функции неопределенного артикля (7). Еще больше примеров, показывающих, что этот предлог может маркировать как одушевленные, так и неодушевленные объекты (8).

- (6) *Əleksej Ivanic crijziva l paruciq.*
Aleksej Ivanitʃ ʃrijzi-va l parutʃiq
 Алексей Иванов заколоть.PRET-PAST ALL поручик
 ‘Алексей Иванов заколот поручика’ [Puşqin 1937]

- (7) *...in məxivit l xda xitə...*
in maxibb-it l xda xita
 если любить.INFECT-2SG.M.ABS ALL один другой
 ‘...если полюбишь другую...’ [Puşqin 1937]

- (8) ...*u Varqa vixzajilə xə şosse ptitə,*
u Varqa bi-xzaj-ila *xa fos:e ptita*
 и Варька INSTR-видеть.INF-COP.3SG.F один шоссе широкий
 ...и Варька видит широкое шоссе...

Midri əj vixzajilə l şosse...
midri əj bi-xzaj-ila *l fos:e*
 опять она INSTR-видеть.INF-COP.3SG.F ALL шоссе
 ‘Опять она видит шоссе...’ [Сехов 1934]

Распределение конструкций с *l* по текстам корпуса также не позволяет сделать какие-либо обоснованные выводы. Особенно часто такие конструкции встречаются в переводе «Капитанской дочки». Также предлогом *l* оформлено большинство неодушевленных дополнений в рассказе «Пыччунта», в то время как в переводе «Станционного зрителя» *l* при прямом объекте не встречается ни разу, хотя, как уже было сказано, оба эти текста написаны одним автором. Таким образом, объяснить вариативность в употреблении *l* в качестве объектного показателя различиями диалектов или идиолектов также не представляется возможным.

К сожалению, в ходе работы с материалом корпуса мы не имели возможности изучить правила согласования объекта с глаголом в имевшихся текстах и не можем сделать какие-либо заключения о правилах объектного маркирования путем согласования или об отсутствии таковых. Поэтому результаты корпусного исследования нельзя считать окончательными. Однако мы можем уверенно констатировать, что никаких четких правил предложного маркирования прямого объекта в текстах корпуса не существует, что дает основания сомневаться в наличии дифференцированного маркирования объекта в литературном урмийском идиоме.

4.2. Дифференцированное маркирование в устной речи

Несколько иную картину мы наблюдаем в устной речи. В текстах устного корпуса предлоги при прямом объекте практически не употребляются. Мы не выявили ни одного примера употребления в таком контексте *l* и зафиксировали лишь один случай употребления *qa*. Согласование объекта с глаголом также является редкостью и имеет место лишь в небольшом количестве случаев. Такая же картина наблюдается и в близкородственном урмийскому диалекте сардарид: в нем предложное оформление и

согласование объекта с глаголом встречаются очень редко [Younansardaroud 2001: 143–148]. При этом какой-либо закономерной его зависимости от определенности и одушевленности существительного не наблюдается.

Данные, полученные от первых двух информантов, также выглядят весьма противоречиво. Информанты признавали некоторые конструкции с *l* и *qa* при прямом объекте допустимыми, а некоторые — аграмматичными. При этом существительные с разной одушевленностью и референтностью распределялись в этих конструкциях весьма непредсказуемо. Несколько раз имели место случаи, когда информант менял свое мнение: сначала признав высказывание допустимым, он через некоторое время охарактеризовывал его как аграмматичное и наоборот. При этом даже выявить какие-либо общие тенденции в собранных данных представлялось весьма затруднительным.

Однако материал, полученный в ходе опроса информанта №3, напротив, дал нам возможность без каких-либо затруднений выстроить очень четкую и логичную картину. Хотя, разумеется, эта картина отражала лишь особенности идиолекта упомянутой носительницы, мы смогли на этой основе выдвинуть некоторые гипотезы, объясняющие противоречия в данных корпуса и двух других информантов.

Правила, регулирующие дифференцированное маркирование прямого объекта в идиолекте информанта №3, достаточно сложны, но в то же время очень четки и легко объяснимы типологически. На основе собранного материала можно заключить, что дополнение может согласовываться с глаголом, оформляться предлогом *qa* или оставаться немаркированным. Тип маркирования зависит одновременно от определенности и одушевленности и личности существительного. Неодушевленные неопределенные объекты не маркируются никак — у них отсутствуют и предложное оформление, и глагольное согласование.

(9) Информант №3.

jala sura bə-famat statʃan
 мальчик маленький FUT-разбить.INFECT стакан
 ‘Мальчик разобьет стакан’.

**jala sura bə-famat qa statʃan*
 *мальчик маленький FUT-разбить.INFECT DAT стакан

Неодушевленные определенные объекты согласуются с глаголом, при этом использование с ними предлога *qa* остается недопустимым.

(10) Информант №3.

jala sura bə-famat-li aha
 мальчик маленький FUT-разбить.INFECT-3SG.M.OBJ этот
statʃan
 стакан
 ‘Мальчик разобьет этот стакан’.

**jala sura bə-famat aha statʃan*
 мальчик маленький FUT-разбить.INFECT этот стакан

**jala sura bə-famat qa daha statʃan*
 мальчик маленький FUT-разбить DAT этот стакан

Одушевленные, но не личные объекты, если они являются неопределенными, обычно (также как и неопределенные неодушевленные) остаются немаркированными ни с помощью согласования, ни с помощью предлога *qa*.

(11) Информант №3.

nafa bət-xazi xa erbi-ta
 человек FUT-видеть.INFECT один баран-F
 ‘Человек увидит какую-то овцу’.

Определенные неличные одушевленные дополнения либо согласуются с глаголом, либо оформляются предлогом *qa*.

(12) Информант №3.

nafa bət-xazi-la aha erbi-ta
 человек FUT-видеть.INFECT-3SG.F.OBL этот баран-F
 ‘Человек увидит эту овцу’.

nafa bət-xazi qa aha erbi-ta
 человек FUT-видеть.INFECT DAT этот баран-F
 ‘Человек увидит эту овцу’.

**nafa bət-xazi aha erbi-ta*
 человек FUT-видеть.INFECT этот баран-F

Личные же объекты вне зависимости от определенности всегда должны быть маркированы либо посредством согласования с глаголом, либо с помощью предложного оформления.

(13) Информант №3.

nafa bət-qat'il-li xa / aha dizmin
 человек FUT-убить.INFECT-3SG.M.O один / этот враг
 'Человек убьет какого-то / этого врага'.

nafa bət-qat'il qa / aha dizmin
 человек FUT-убить.INFECT DAT / этот враг
 'Человек убьет какого-то / этого врага'.

При этом одновременное использование глагольного согласования и предлога при личных и одушевленных определенных объектах недопустимо.

(14) Информант №3.

*nafa bət-qat'il-li qa dizmin
 человек FUT-убить.INFECT-3SG.M.OBL DAT враг
 'Человек убьет врага'.

Схематично описанные правила можно представить в виде таблицы (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Маркирование прямого объекта
 в идиолекте Информанта №3

	неодушевленные	неличные	личные
неопределенные	V O	V O	Vo O / V qa O
определенные	Vo O	Vo O / V qa O	Vo O / V qa O

Если предложение с прямым объектом, выраженным личным или определенным одушевленным существительным, содержит также косвенный объект, то прямой объект не может оформляться предлогом *qa* и согласуется с глаголом. Этот запрет, по-видимому, не имеет исключений и соблюдается вне зависимости от синтаксических изменений: перестановка прямого и косвенного объектов не отменяет его.

(15) Информант №3.

nafa bət-parem-la daha erbi-ta
 человек FUT-зарезать.INFECT-3SG.F.OBL этот баран-F
qa arx-u
 DAT гость-3SG.POSS
 'Человек зарежет эту овцу для своего гостя'.

*nafa bət-parem qa daha erbi-ta qa
 человек FUT-зарезать.INFECT DAT этот баран-F DAT
arx-u

гость-3SG.POSS

‘Человек зарежет эту овцу для своего гостя’.

Подобное правило, очевидно, призвано не допускать возникновения возможной неоднозначности, вызванной одинаковым маркированием двух именных групп, различных по своей синтаксической роли.

Употребление предлога *l* в качестве маркера прямого объекта информант №3 считает недопустимым в любом контексте вне зависимости от одушевленности и определенности существительного.

(16) Информант №3.

*nafa bət-parem l xa erbi-ta
 человек FUT-зарезать.INFECT ALL один баран-F
 ‘Человек зарежет какую-то овцу’.

*nafa bət-parem l daha erbi-ta
 человек FUT-зарезать.INFECT ALL этот баран-F
 ‘Человек зарежет эту овцу.’

*jala sura fimit-li l statʃan
 мальчик маленький разбить.PRET-3SG.M.OBL ALL стакан
 ‘Мальчик разбил стакан.’

Информантка вполне понимает смысл конструкций с *l* и сознает, что они могут встречаться в литературе и в речи некоторых носителей, но сама никогда не использует их, воспринимая их как устаревшие. Также она отмечала, что многие люди, недостаточно хорошо знающие язык или только начинающие его изучать, часто допускают ошибки в маркировании прямого объекта. Про некоторые из конструкций, признанных еюagramматичными, она добавляла, что это типичная, часто встречающаяся ошибка.

Сопоставление идиолекта Информанта №3 с корпусными данными и материалом, собранным от других двух информантов, а также с данными диалекта сардарид дает нам основание выдвинуть гипотезу, которая, хотя на данный момент и не имеет однозначных доказательств, кажется весьма убедительной. Скорее

всего, в современном разговорном урмийском диалекте либо используется стратегия дифференцированного маркирования прямого объекта аналогичная той, которую мы наблюдаем в идиолекте Информанта №3 и которая схематично представлена в Таблице 3 (дифференцированное предложное и согласовательное маркирование, зависящее от одушевленности и определенности объекта), либо же какое-либо маркирование прямого объекта (как следствие, и дифференцированное) практически полностью отсутствует, как это происходит в текстах устного корпуса и в диалекте сардарид. Эти две взаимоисключающие стратегии вероятно, должны иметь какое-то социолингвистическое распределение. Скорее всего, это распределение связано со значительным разбросом носителей по разным регионам России и СНГ: вероятно, в различных группах преобладают различные тенденции. Однако неоднократно имевшее место смешение представителей этих групп между собой не может не приводить и к определенному смешению грамматических правил. Одновременно с этим влияние классического сирийского языка на литературный урмийский остается достаточно сильным и вовсе не ограничивается религиозными текстами, как полагала Х. Мурре-ван ден Берг, а затрагивает любые тексты, особенно переводы. Через литературный язык это влияние распространяется и на разговорный. Именно им, по-видимому, и объясняется возможное использование предлога *l* в качестве маркера прямого объекта. Вероятно, оно является признаком более возвышенного стиля и демонстрирует связь с традицией, подобно церковнославянизмам в русском языке. Однако если в классическом сирийском предлог *l*, как известно, мог оформлять только референтные существительные, то в урмийском (даже в литературном) это правило не соблюдается, так как само использование *l* в таком качестве является чуждым для этого диалекта. Поэтому в урмийском *l* может появляться перед любыми объектами без каких-либо ограничений. Это также можно сравнить с имеющим иногда место искусственным внедрением в современную русскую речь славянизмов, происходящим подчас вопреки правилам (например, употребление форм звательного падежа в роли именительного). Наряду с сирийским влиянием, урмийский диалект подвержен и влиянию живых родственных диалектов, которое может быть достаточно сильным, поскольку урмийский как об-

шенациональную наддиалектную норму использует и большое количество носителей других новоарамейских языков, для которых он не является родным. Наряду с этим следует учесть, что почти все носители урмийского диалекта двуязычны, а подчас фактически владеют им как вторым. В этих условиях выглядит вполне логичным, что многие правила и нормы языка, особенно такие сложные, как правила дифференцированного маркирования объекта, имеют сильную вариативность в речи разных носителей и достаточно расплывчаты. Поэтому наряду с собственно урмийским оформлением переходного дополнения с помощью глагольного согласования и предлога *qa* в зависимости от определенности, одушевленности и личности объекта иногда в литературной, но порой и в разговорной речи может встречаться и маркирование прямого объекта с помощью предлога *l*, являющееся калькой с классического сирийского. Скорее всего, имеется также и определенная вариативность «исконно урмийских» правил дифференцированного маркирования, которую следует изучить в ходе дальнейших исследований.

Коротко обобщая все вышесказанное, можно заключить, что в урмийском диалекте в зависимости от субдиалектов и идиолектов возможны две стратегии маркирования объекта: одна сложная согласовательно-предложная и другая беспредложная и бессогласовательная. Выявление их социолингвистического распределения должно стать предметом будущих исследований.

С типологической и компаративистской точек зрения урмийское дифференцированное маркирование представляет немалый интерес. Мы видим, что оно обнаруживает как ряд сходств с родственными языками, так и существенные отличия. Дативный предлог *qa*, способный также маркировать прямой объект, по видимому, является инновацией, а семантика исконного общесемитского предлога *l* существенно изменилась. В то же время одним из ключевых факторов, влияющих на тип маркирования объекта, является его определенность. Это общеарамейская черта, которая впервые появляется еще в VIII в. до н.э. в древнейшем из известных языков этой группы. Она проходит через всю историю арамейских языков, фиксируясь в том числе в классическом сирийском, и сохраняется в урмийском диалекте. Зависимость типа маркирования от одушевленности объекта наряду с его опреде-

ленностью также типична для арамейских языков. Сочетание этих факторов (правда, в другой форме) также наблюдается в древнем западноарамейском наречии VIII в. до н.э., а в некоторых новоарамейских языках и диалектах (например, в новомандейском) правила маркирования зависят только от одушевленности. Следовательно, важная роль одновременно этих двух факторов в урмийском дифференцированном маркировании также является вполне типичной арамейской чертой. Однако тот факт, что наряду с ними значение имеет и личность объекта, по-видимому, является уже специфической урмийской инновацией. У нас нет информации о наличии подобных явлений в других новоарамейских языках и диалектах. Вполне возможно, что оно имеет место в некоторых из них, особенно в идиомах, близкородственных урмийскому диалекту. Однако в любом случае эта черта не является исконно арамейской, а приобретена в ходе эволюции языка.

Урмийские правила дифференцированного маркирования замечательным образом вписываются в типологический контекст. В большинстве языков мира, допускающих различные типа маркирования объекта, ключевым фактором их различия являются определенность и одушевленность. Выделение в урмийском диалекте личных существительных и независимость их маркирования от степени их референции вполне согласуется с представлением об иерархии определенности и одушевленности. Условность правил маркирования является наглядным подтверждением этого: четкой границы между одушевленными и неодушевленными и между определенными и неопределенными именами не существует, существует лишь условная иерархическая шкала. Также очень примечательно, что в урмийском диалекте иерархии одушевленности и определенности тесно взаимодействуют друг с другом и фактически образуют одну сложную иерархию: личные существительные стоят выше неличных вне зависимости от своей определенности.

5. Заключение

В ходе исследования было установлено, что в урмийском диалекте сосуществует несколько различных стратегий маркирования прямого объекта:

- 1) отсутствие какого-либо маркирования, как в текстах, собранных К. Г. Церетели, находящее параллели в диалекте сардарид;
- 2) сложная система, в которой неодушевленные объекты не маркируются или согласуются с глаголом в зависимости от определенности, а определенные одушевленные и все личные объекты либо согласуются с глаголом, либо оформляются предлогом *qa*, как в идиолекте информанта №3;
- 3) использование предлога *l* в качестве основного аккумулятивного показателя, как в ряде литературных текстов.

Таким образом, собственно дифференцированное маркирование прямого объекта имеет место только во втором случае, первая же и третья стратегия не являются дифференцированными. Следовательно, можно предполагать, что исторически свойственная новоарамейским языкам система дифференцированного маркирования прямого объекта в урмийском диалекте претерпевает изменения и, возможно даже, исчезает, что вероятнее всего вызвано сильным воздействием окружающих языков и диалектов. В то же время она еще достаточно прочно сохраняется в речи некоторых носителей.

Настоящее исследование, как уже отмечалось, не претендует на завершенность, и поэтому его результаты следует рассматривать не как окончательные выводы, а как предварительные гипотезы, которые должны быть подтверждены или опровергнуты в ходе последующих исследований. Несмотря на то, что в ходе исследования не удалось выявить правила дифференцированного маркирования объекта для всего диалекта в целом, были выяснены основные вопросы, связанные с выражением падежных значений в урмийском диалекте. Вопрос дифференцированного маркирования требует дальнейшего изучения на более обширном материале.

Можно надеяться, что это окажется определенным вкладом в изучение новоарамейских языков.

Список глосс

ABS — абсолютив, ALL — аллатив, COP — копула, DAT — датив, DOM — предлог, являющийся показателем дифференцированного объектного маркирования (нами глоссируется DAT или ALL, исходя из основного значения предлога), F — женский род, FUT — будущее время,

INFECT — основа инфекта, INSTR — инструменталис, M — мужской род, NEG — отрицание, OBJ — показатель объекта (нами глоссируется как OBL, так как в «эргативных» конструкциях выступает в роли показателя субъекта), OBL — показатель косвенного участника, POSS — possessив, PAST — прошедшее время, PRET — основа претерита, SG — единственное число, PL — множественное число

Источники

- Гаврилова, Лявданский 2014 — Е.А. Гаврилова, А.К. Лявданский. Рассказ Д. Петросова «Пыччунта»: материалы к словарю урмийского литературного языка // К. А. Битнер, Л. А. Лукинцова. Иудаика и арамеистика. Сборник научных статей на основе Третьей ежегодной конференции по иудаике и востоковедению 17 декабря 2013 г. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2014. С. 187–235. [Gavrilova, Liavdanskii 2014 — E. A. Gavrilova, A. K. Liavdanskii. Rasskaz D. Petrosova “Pychchunta”: materialy k slovariuri urmiiskogo literaturnogo iazyka [“Pychchunta”, a story by Petrosov: materials for the dictionary of the Urmian literary language] // K. A. Bitner, L. A. Lukintsova. Iudaika i arameistika. Sbornik nauchnykh statei na osnove Tre'tei ezhegodnoi konferentsii po iudaike i vostokovedeniiu 17 dekabريا 2013 g. SPb.: Peterburgskii institut iudaiki, 2014. P. 187–235]
- Сехов 1934 — А. Р. Сехов. Şinto bitəjilə. Vanqa. Puşəqə d A. Minəsov. [А. П. Чехов. Спать хочется. Ванька. Перевод А. Минасова, редактор С. Пираев // А. Р. Chekhov. Sleepy. Vanka. Translation by A. Minasov, ed. S. Piraev]. M.: Goslitizdat, 1934.
- Норқij 1934 — М. Норқij. Sotə Izergil. Zmərtə bəz Terlan. Puşəqə d Q. Marogulov. [М. Горький. Старуха Изергиль. Песня о Соколе. Перевод К. Марогулова, Редактор С. Петросов // М. Gorky. Old Izergil. The Song of the Falcon. Translation by Q. Marogulov, ed. S. Petrosov]. M.: Goslitizdat, 1934.
- Puşqin 1936 — А. S. Puşqin. Təgbirənə d stansa. P. d D. Petrosov. [А. С. Пушкин. Станционный смотритель. Перевод Д. Петросова // А. S. Pushkin. The Stationmaster. Translation by D. Petrosov]. M.: Goslitizdat, 1936.
- Puşqin 1937 — А. S. Puşqin. Brətə d qaritan. Puşəqə d U. Bedrojev. [А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Перевод У. Бедроева, редактор С. Г. Килета // А. S. Pushkin. The Captain's Daughter. Translation by U. Bedrojev]. M.: Goslitizdat, 1937.
- Tolstoj 1936 — L.N. Tolstoj. Min bar bal. [Л. Н. Толстой. После бала. Редактор К. Марогулов // L. N. Tolstoy. After the Ball]. M.: Goslitizdat, 1936.

Литература

- Агассиев 2007 — С. А. Агассиев. Грамматика современного ассирийского языка. СПб., 2007. [S. A. Agassiev. Grammatika sovremenogo assiriiskogo iazyka [A grammar of contemporary Assyrian]. SPb., 2007]
- Коган, Лёзов 2009 — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Туройо // А. Г. Белова и др. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 751–806. [L. E. Kogan, S. V. Lëzov. Turoyo [Turoyo] // A. G. Belova et al. IAzyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 751–806]
- Лёзов 2009a — С. В. Лёзов. Арамейские языки // А. Г. Белова и др. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 414–496. [S. V. Lëzov. Arameiskie iazyki [The Aramaic languages] // A. G. Belova et al. IAzyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 414–496]
- Лёзов 2009b — С. В. Лёзов. Имперский арамейский // А. Г. Белова и др. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 496–531. [S. V. Lëzov. Imperskii arameiskii [Imperial Aramaic] // A. G. Belova et al. IAzyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 496–531]
- Лёзов 2009c — С. В. Лёзов. Классический сирийский язык // А. Г. Белова и др. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 562–626. [S. V. Lëzov. Klassicheskii siriiskii iazyk [The Classical Syriac language] // A. G. Belova et al. IAzyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 562–626]
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова и др. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693. [A. K. Liavdanskii. Novoarameiskie iazyki [The Neo-Aramaic languages] // A. G. Belova et al. IAzyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 660–693]
- Садо 2006 — С. Садо. Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России (XIX — середина XX века). СПб., 2006. [S. Sado. Materialy k biograficheskomu slovariю assiriitsev v Rossii (XIX — seredina XX veka) [Materials for the biographical dictionary of Assyrians in Russia (19th — middle of 20th century)]. SPb., 2006]

- Церетели 1964 — К. Г. Церетели. Современный ассирийский язык. М.: Наука, 1964. [K. G. Tsereteli. *Sovremennyi assiriiskii iazyk* [The Modern Assyrian language]. M.: Nauka, 1964]
- Церетели 1965 — К. Г. Церетели. Материалы по арамейской диалектологии. Том I. Урмийский диалект. Вып. 1. Тбилиси, 1965. [K. G. Tsereteli. *Materialy po arameiskoi dialektologii. Tom I (1). Urmiiskii dialekt* [Materials on Aramaic dialectology. Vol. I (1). The Urmia Dialect]. Tbilisi, 1965]
- Coghill 2012 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // *Linguistics* 52 (2), 2014. P. 335–364.
- Hetzron 1969 — R. Hetzron. The morphology of the verb in modern Syriac (Christian colloquial of Urmi) // *Journal of the American Oriental Society*, 1969. P. 112–127.
- Hoberman 1989 — R. D. Hoberman. The syntax and semantics of verb morphology in modern Aramaic: A Jewish dialect of Iraqi Kurdistan [American oriental series 69]. New Haven, CT: American Oriental Society, 1989.
- Kalinin, Loesov 2013 — M. Kalinin, S. Loesov. Encoding of direct object throughout the History of Aramaic // *Babel und Bibel* 7, 2013. P. 447–526.
- Khan 2008 — G. Khan. The neo-Aramaic dialect of Barwar. Leiden: Brill, 2008.
- Murre-van den Berg 1999 — H. L. Murre-van den Berg. From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Younansardaroud 2001 — H. Younansardaroud. Der neuostaramäische Dialekt von Sārdā:rīd [Semitica Viva 26]. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.

Мария Коношенко

РГГУ / МПГУ / ИЯз РАН, Москва

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ АКТАНТОВ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ ЯЗЫКАХ МАНДЕ¹

1. Введение

В статье обсуждаются явления вариативного маркирования глагольных актантов в юго-западных и южных языках манде, распространенных в Западной Африке. В языках манде нет именного падежа (кроме ограниченных случаев грамматикализации периферийных падежей [Vydrin 2006]). Тем не менее, в некоторых языках наблюдается расщепление в маркировании актантов, которое проявляется в (1) выборе проминального показателя в анафорическом/дейктическом контексте и (2) лично-числовом маркировании глагольной группы при лексическом актанте.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 даются общие сведения о кодировании базовых актантов в языках манде, а также проиллюстрированы два средства вариативного маркирования актантов. В разделе 3 обсуждаются случаи дифференцированного маркирования подлежащего, раздел 4 посвящен вариативному маркированию актантов в зависимости от синтаксической структуры именной группы-актанта. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Кодирование базовых актантов в языках манде: общие сведения

Порядок слов в базовой глагольной предикации абсолютно во всех языках манде — S Aux O V X, где Aux — так называемый предикативный показатель, выражающий значения ТАМ и по-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270. Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за ценные исправления и замечания.

лярности, а в некоторых языках — также значения лица и числа. X — позиция для непрямых дополнений, которые вводятся послелогами².

В настоящей статье мы рассматриваем только кодирование базовых актантов переходного и непереходного глагола, используя ставшие традиционными сокращения: S — единственный актант непереходного предиката; A — агентивный актант переходного предиката; P — пациентивный актант переходного предиката [Comrie 1989]. Оформление непрямых дополнений как послеложных зависимых в языках манде в целом аналогично кодированию P-участников.

Кодирование базовых глагольных актантов в южных и юго-западных языках манде описывается двумя параметрами: 1) типом прономинального³ (лично-числового) показателя и 2) способностью прономинального показателя сочетаться с локальными именными группами в соответствующей синтаксической позиции.

2.1. Тип прономинального показателя

В рассматриваемых языках есть два основных синтаксических типа прономинальных показателей. Прежде всего, они используются в анафорических/дейктических контекстах, т. е. при отсутствии лексической ИГ в соответствующей синтаксической позиции (подлежащего, прямого дополнения).

Так называемые **номинативные** прономиналы используются для маркирования S и A. В рассматриваемых языках они

---

² Как показано в [Nikitina 2009] для уан и [Konoshenko 2014] для гвинейского кпелле, в языках манде любые послеложные группы, которые на уровне аргументной структуры могут кодировать как глагольные актанты, так и сирконстанты, не входят в глагольную группу, но являются адьюнктами клаузы.

³ Здесь и далее мы используем термины «прономинал» и «прономинальный показатель» для обозначения любых лично-числовых маркеров вне зависимости от их морфологических и синтаксических свойств, но исключая рефлексивные показатели. Термин «местоимение» менее удобен, т.к. он обычно используется только для подкласса лично-числовых показателей, а именно для морфологически относительно самостоятельных единиц (клитик, слов), которые находятся в дополнительной дистрибуции с лексическими именными группами. Подробнее см. [Коношенко 2014].

реализуются как форманты в составе более или менее синхронно не членимых портманто-показателей, занимающих позицию Aux и возникших в результате фузии субъектных прономиналов и предикативных показателей. В литературе такие морфологические комплексы получают разные названия, ср. S/TAM, «person-auxiliary markers», «tensed pronouns» [Anderson 2011], «tense-person complexes» [Creissels 2005], «pronominal predicative markers» [Vydrin 2011], местоименно-предикативные показатели [Выдрин 2010]. В настоящей работе используется термин «лично-предикативные показатели».

Неноминативные прономиналы кодируют прямое дополнение, зависимое послелого, неотчуждаемого посессора, а в юго-западных языках манде при определенных условиях — также A/S участника⁴. В южных манде это клитики, а в юго-западных их предпочтительнее интерпретировать как глагольные префиксы [Коношенко 2011], поскольку значения 1SG и 3SG в этих языках маркируются начальным чередованием и меной тона.

Противопоставление номинативных и неноминативных прономиналов показано ниже на примере гвинейского кпелле.

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (1) *Kwàǎ*   *pá*.
 NOM.1PL.EXCL.RES   приходит
 ‘Мы пришли’.
- (2) *Dàǎ*   *pá*.
 NOM.3PL.RES   приходит
 ‘Они пришли’.
- (3) *Kwàǎ*   *dǐ-káá*.
 NOM.1PL.EXCL.RES   OBL.3PL-видеть
 ‘Мы их увидели’.

⁴ В описаниях южных манде для таких прономиналов используется термин «несубъектные местоимения» [Выдрин 2017, Перехвальская 2017]. Поскольку в юго-западных манде есть конструкции, в которых эти прономиналы могут кодировать A и S участников, обсуждаемые в разделе 3.2, в настоящей работе мы отказываемся от терминологического противопоставления «субъектных» и «несубъектных» прономиналов в пользу соответственно «номинативных» и «неноминативных».

- (4) *Dàǎ*   *kú-káá*.
NOM.3PL.RES OBL.1PL.EXCL-видеть
'Они нас увидели'⁵.

В примерах (1-4) S и A участники кодируются портманто-показателями *kwáǎ* и *dàǎ*, а P участник — префиксами *dǐ-* и *kú-*.

Как показано в [Выдрин 2010; Хачатурьян 2010; Коношенко 2014], лично-предикативные показатели в рассматриваемых языках относятся к глагольной группе; минимальная глагольная группа в этих языках состоит из лично-предикативного показателя (Aux) и глагола (V) — см. (1–4). Следовательно, и номинативные, и неноминативные прономиналы следует интерпретировать как вершинные маркеры, только первые морфологически относятся к Aux, а вторые — к глаголу.

2.2. Дистрибутивные свойства прономинального показателя

Говоря о дистрибутивных свойствах прономинальных показателей, мы имеем в виду способность прономинального показателя сочетаться с кореферентными локальными именными группами в соответствующей синтаксической позиции. В языках манде встречается два типа синтаксических отношений между прономиналами и лексическими именными группами.

Первый случай — прономинал используется и при отсутствии лексической именной группы, т. е. как анафорическое средство, и при ее наличии, как показатель кроссреференции — ср. термины *ambiguous marker* [Siewierska 1999], *tenacious pronoun* в [Kibrik 2011], *cross-index* [Haspelmath 2013] для таких показателей. Второй тип — прономинал находится в дополнительной дистрибуции с лексическими именными группами, т. е. используется только в анафорической функции, ср. *anaphoric marker* [Siewierska 1999], *alternating pronoun* в [Kibrik 2011], *pro-index* [Haspelmath 2013]; при наличии лексического подлежащего в таком случае употребляется предикативный показатель в «чистом» виде.

Во всех юго-западных манде и большинстве южных номинативные прономиналы в общем случае сочетаются с локальными лексическими подлежащими, а неноминативные прономиналы

---

⁵ Если не указано иное, все примеры взяты из полевых материалов автора.

находятся в дополнительной дистрибуции с полными именными группами. Ниже это показано на примере подлежащего и прямого дополнения в гвинейском кпелле:

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (5) *Zààwòlò àǎ pá.*
 Зааволо NOM.3SG.RES приходит
 ‘Зааволо пришел’.
- (6) *Zààwòlò àǎ nèápèlèè (*dĩ-)káá*
 Зааволо NOM.3SG.RES DEF\ребенок.PL OBL.3PL-видеть
 ‘Зааволо увидел детей’.

В примерах (5–6) результативный портманто-показатель *àǎ* обязательно используется при наличии лексического подлежащего, а неноминативный префикс *dĩ-* не может сочетаться с лексическим прямым дополнением.

В литературе, прежде всего относящейся к генеративной традиции, обсуждается множество тестов, позволяющих определить, где находится именная группа, выражающая агенс в примерах типа (5–6) — в позиции топика (адьюнкта) за левой периферией клаузы (left-dislocated) или в позиции подлежащего (Spec, IP); и соответственно, как следует интерпретировать лично-числовые показатели в глагольной группе — как глагольные аргументы или маркеры локального согласования/кроссreferенции — см. [Jelinek 1984; Alexiadou, Anagnostopoulou 1998; Siewierska 1999; Lambrecht 2001; Costa 2004; De Cat 2007]. Рассмотрим аргументы, которые можно привести в доказательство того, что субъектные прономinals способны сочетаться с агентивной именной группой в позиции подлежащего⁶ в гвинейском кпелле.

(А) Использование структур типа (5–6) в тетических, т. е. коммуникативно нейтральных высказываниях, например, в ответ на вопрос ‘Что случилось?’. Более того, перефразировать эти примеры в данном случае никак нельзя.

⁶ Это не исключает интерпретации, при которой именная группа, кодирующая субъект, действительно находится в позиции топика. Иными словами, речь идет о доказательстве того, что предложения типа (5–6) можно интерпретировать двумя способами (как содержащие топикальный субъект либо локальное подлежащее), а не одним.

(Б) Использование лично-числовых показателей при субъекте с низким референциальным статусом, то есть заведомо не топикальным:

- (7) *Nú tá=ηàà dǐ pà.*
человек один=PL NOM.3PL.B приходиться\PST
{ЛК: Что там такое?} ‘Пришли какие-то люди’.

Далее можно привести несколько аргументов, связанных с порядком слов.

(В) В языках манде наречия могут занимать несколько различных позиций в клаузе, схематично эти позиции можно представить так: (Adv) S Aux (Adv) O V (Adv) X (Adv). В коммуникативно нейтральном высказывании наречие не может стоять между S и Aux — мы бы не ожидали такого ограничения, если бы лексический субъект всегда занимал позицию адьюнкта. Если поместить наречие между S и Aux в языке с лично-предикативными показателями, S автоматически получает топикальную интерпретацию:

- (8) *Zààwòlò, wéí è nèápèlèè kàà*
Зааволо вчера NOM.3SG.B DEF\ребенок.PL видеть\PST
‘Что касается Зааволо, он вчера увидел детей’.

(Г) Топикализованное прямое дополнение может стоять только перед именной группой, кодирующей агентивного участника. Опять же, мы бы не ожидали такого ограничения, если бы лексический субъект занимал позицию адьюнкта.

- (9) *Nèápèlèè, Zààwòlò è dǐ-kàà*
DEF\ребенок.PL Зааволо NOM.3SG.B OBL.3PL-видеть\PST
‘Что касается детей, Зааволо их видел’.

- *(10) *Zààwòlò, nèápèlèè, è dǐ-kàà*
ожид. ‘Что касается детей, Зааволо их видел’.

(Д) Среди критериев локальности контролера называют также неспособность вынесенной (топикальной) именной группы сохраняться при вложении, ср. английские примеры из [Lambrecht 2001]:

- (11) *John, I wrote him a letter last week.*
(12) *?I believe that John, I wrote him a letter last week.*

- (13) **The latter which John, I wrote him last week got lost* [Lambrecht 2001: 1069]

В гвинейском кпелле локальные контролеры сохраняются при вложении, как показывают примеры (14–15):

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные):

- (14) *Yilê àǎ jìj.*
 собака NOM.3SG.RES OBL.3SG\кусать
 ‘Его укусила собака’.
- (15) [*Nú-i*] [*yilê àǎ jìj*]
 DEF\человек-REL собака NOM.3SG.RES OBL.3SG\кусать
 [*kú* *igàà*].
 NOM.1PL.EXCL.B OBL.3SG\видеть\PST
 ‘Мы видели человека, которого укусила собака’.
 (букв. Человек, собака его укусила, мы его видели).

Предложение (15) устроено следующим образом: топикализованная вершина релятивной клаузы вынесена вперед, за ней следует релятивная клауза, затем главная. Вершина дважды дублируется прономиналами (префиксами) в релятивной и главной клаузе. Подробнее о структуре таких относительных предложений в языках манде см. [Nikitina 2012].

Показав, что в структурах типа (5–6) А и S находятся в позиции подлежащего и, следовательно, лично-предикативные показатели демонстрируют субъектное согласование, следует заметить, что именные группы в позиции прямого дополнения в общем случае (об исключениях см. раздел 4) не могут дублироваться личными префиксами. Это касается в том числе аргументов, стоящих высоко на иерархиях определенности и одушевленности — имен собственных (16) и определенных ИГ с детерминативами (17).

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные):

- (16) *Pépèè è Hénì kólóǎ.*
 Пепе NOM.3SG.B Хени знать
 ‘Пепе знаком с Хени’.
- (17) *Pépèè è nènù-i tíí kólóǎ.*
 Пепе NOM.3SG.B DEF.женщина-DEF тот знать
 ‘Пепе знаком с той женщиной’.

Таким образом, в гвинейском кпелле в общем случае есть аналитическое субъектное согласование, но нет объектного.

Хотя мы не имели возможности применить все перечисленные здесь критерии к материалу других языков, сказанное в разделах 2.1 и 2.2, по-видимому, также верно для других южных и юго-западных манде, которые рассматриваются в статье.

2.3. Предварительные сведения о базовых типах кодирования глагольных аргументов в рассматриваемых языках можно представить в виде Таблицы 1, которая совмещает два параметра вершинного маркирования подлежащего, обсуждавшихся выше — тип прономинала (2.1) и дистрибутивные свойства прономинала (2.2).

Таблица 1. Стандартное кодирование ASP аргументов

	Тип прономинала	Дублирование лексической ИГ
A=S	номинативный (S/TAM)	дублирует
P	неноминативный (префикс)	не дублирует

3. Дифференцированное маркирование подлежащего

В этом разделе рассмотрены два типа отклонений от стандартной схемы кодирования подлежащего (A и S), которые мы интерпретируем как проявление дифференцированного маркирования подлежащего в языках манде. Во-первых, речь идет об изменениях дистрибутивных свойств лично-предикативных прономиналов (3.1), а также о выборе неноминативного прономинала (3.2) в некоторых видо-временных конструкциях. Рассматриваемые здесь явления вариативного маркирования подлежащего встречаются только в кпелле (как в гвинейском, так и, вероятно, в либерийском) и коно⁷.

3.1. Отсутствие дублирования A/S при отрицании

В гвинейском кпелле и коно в большинстве глагольных отрицательных конструкций используется серия так называемых «базовых отрицательных» лично-предикативных показателей, ко-

---

⁷ В юго-западных манде неноминативное подлежащее возможно также при качественных глаголах либо в особых видо-временных конструкциях со стативной или результиративной семантикой. Это явление подробно описано в [Vydrin 2011] и потому оставлено за рамками настоящей статьи.

торые диахронически возникли в результате фузии субъектных прономиналов и отрицательного показателя *hwé* (гвинейский кпелле) / *hó* (коно).

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (18) *Hwě*   *yì*   *hwóló jé.*
 NOM.3SG.V.NEG спать\PST день на
 ‘Он не поспал днем’.
- (19) *Nòkòlò*   *hwé yì*   *hwóló jé.*
 DEF\ребенок NEG спать\PST день на
 ‘Ребенок не поспал днем’.

В (18) из гвинейского кпелле лично-предикативный показатель *hwě* употребляется в анафорической функции; а при наличии лексического подлежащего (19) используется «дефолтный» показатель отрицания, который отличается от показателя 3 лица единственного числа тоном. Иными словами, базовый отрицательный лично-предикативный показатель 3SG употребляется только анафорически и не дублирует подлежащее. Примеры (20-21) из коно устроены аналогично, только дефолтный показатель отрицания (21) в коно не имеет лексического тона.

КОНО (< юго-западные)

- (20) *Hò*   *é-klóŋ.*
 NOM.3SG.NEG OBL.2SG-знать
 ‘Он(а) тебя не знает’.
- (21) *Héni*   *ho*   *é-klóŋ.*
Xeni   NEG   OBL.2SG-знать
 ‘Хени тебя не знает’.

3.2. Неноминативное подлежащее в прогрессиве

В неглагольных предложениях в гвинейском кпелле и коно используется связка *káá* (гвинейский кпелле) / *ká* (коно) (22). При прономинализации подлежащее кодируется неноминативными прономинативными префиксами, которые присоединяются к связке (23).

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (22) *Réřèè káá bè.*
 Пепе COP здесь
 ‘Пепе здесь’.

- (23) *Gàá*   *bè*.
OBL.3SG\COP   здесь
‘Он здесь’.

Прогрессивная конструкция (а в гвинейском и либерийском кпелле — еще и футуральная) образуется при помощи связки и глагола в форме инфинитива (24–26).

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (24) *Pépeè káá hùyò téyé-ì*.
Пепе   COP   мясо   резать-INF
‘Пепе режет мясо’.
- (25) *Gàá*   *hùyò téyé-ì*.
OBL.3SG\COP   мясо   резать-INF
‘Он режет мясо’.
- (26) *Gàá*   *dèyé-ì*.
OBL.3SG\COP   OBL.3SG\резать-INF
‘Он его режет’.

При прономинализации и А, и Р аргумента в переходной прогрессивной конструкции оба участника кодируются как неноминативные. Это обстоятельство свидетельствует против так называемого «различительного» подхода к дифференцированному маркированию аргументов [Comrie 1975; Aissen 2003 *inter alia*], ср. также обсуждение в работе [Arkadiev 2008] применительно к дифференцированному маркированию аргументов в двухпадежных системах. С другой стороны, связь между дифференцированным маркированием подлежащего и видо-временной семантикой предиката хорошо известна типологически [Seržant, Witzlack-Makarevich *forthcoming*], и упомянутые здесь языки манде являют собой еще одну иллюстрацию этого явления.

4. Синтаксически обусловленное дифференцированное маркирование аргументов

В разделе 3 обсуждалось дифференцированное вершинное маркирование А/S участника, обусловленное семантикой глагольной предикации; типологически это довольно частотная ситуация. Настоящий раздел посвящен несколько менее тривиаль-

ному явлению, которое наблюдается во многих юго-западных и некоторых южных манде.

Речь идет о вариативном маркировании любых участников (А, S, P, именного зависимого, зависимого послелого⁸), которое, вероятно, определяется не семантикой предикации, не дискурсивными/семантическими свойствами участников, а синтаксическими свойствами кодирующих их именных групп. Мы обнаружили три синтаксических типа именных групп, а именно сочиненные именные группы, именные группы с детерминативом и именные группы, выраженные прономинальным префиксом с квантором, которые могут дублироваться прономиналом в соответствующей синтаксической позиции, даже если в той же позиции это невозможно для именных групп других типов. Заметим, что в данном случае речь идет именно о вариативном прономинальном дублировании именных групп, то есть задействован только второй параметр маркирования базовых актантов (дистрибутивные свойства прономиналов, раздел 2.2).

Рассмотрим пример из коно (юго-западные).

КОНО (< юго-западные)

- (27) *Dá* [lééplèǵà] (*dǔ)-kà.
 NOM.1SG.V ребенок.PL OBL.3PL-видеть\PST
 ‘Я видел детей’.
- (28) *Dá* [Yàrànmó dà Héní] dǔ-kà.
 NOM.1SG.V Йарамо 3+3 Хени OBL.3PL-видеть\PST
 ‘Я видел Йарамо и Хени’.

В примере (27) показано, что «обычная» именная группа во множественном числе в позиции прямого дополнения не сочетается с неноминативным глагольным префиксом. Однако сочиненная группа в той же позиции обязательно сопровождается префиксом (28).

Как было отмечено выше, в настоящей статье для простоты мы ограничиваемся только кодированием А, S и P участников,

⁸ Исключение в данном случае — зависимое предлога. В отличие от прочих синтаксических областей, где возможно дублирование, предлоги присоединяют не неноминативные прономиналы, а сильные местоимения; кроме того, предложные группы имеют правое ветвление.

поэтому дальше обсуждаются именно эти аргументы, и, прежде всего, Р участник, который не дублируется прономиналом ни в одном языке манде (о некоторых исключениях см. [Коношенко 2014]). Тем не менее, предварительно можно заключить, что если в некотором языке какой-то из перечисленных типов именных групп допускает прономинальное дублирование в одной неноминативной позиции (например, сочиненные группы дублируются в позиции прямого дополнения), то это будет верно и других неноминативных позиций.

Ниже в разделах 4.1-4.3 подробнее проиллюстрировано поведение выделенных выше особых типов именных групп.

4.1. Сочиненные именные группы

В (29–30) показано, что сочиненная именная группа в позиции прямого дополнения дублируется неноминативным префиксом в гвинейском кпелле⁹, ср. аналогичные примеры (27-28) из коно.

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (29) *Dàǎ* [nèáɾpèlèè] *káá*.
NOM.1SG.RES DEF\ребенок.PL видеть
'Я видел детей'.
- (30) *Dàǎ* [Péɾèè dà Hèhèè] *dǐ-káá*.
NOM.1SG.RES Пепе 3.и Хехе OBL.3PL-видеть
'Я видел Пепе и Хехе'.

В разделе 3.1 обсуждались случаи дифференцированного маркирования подлежащего, когда «обычное» подлежащее не дублируется номинативным прономиналом при отрицании — ср. (19, 21), также (31) ниже. Однако сочиненное подлежащее в этом случае все равно дублируется лично-предикативным показателем (32).

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (31) [Nèáɾpèlèè] *hwé hùɔ tɛɔè*.
DEF\ребенок.PL NEG мясо резать\PST
'Дети не порезали мясо'.

---

⁹ По-видимому, в гвинейском кпелле на дублирование сочиненных именных групп также влияет одушевленность — дублирование одушевленных имен обязательно, а неодушевленных — факультативно.

- (32) [Pépeè dà Hèhèè] dīhwé   hùyǒ tètè.
 Пепе 3+3 Хехе NOM.3PL.NEG мясо резать\PST
 ‘Пепе и Хехе не порезали мясо’.

В разделе 3.2 речь шла о неноминативном подлежащем в прогрессиве, которое также в общем случае не дублируется — ср. (24), также (33) ниже. Подлежащее вызывает префиксальное дублирование и в этой конструкции (34).

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (33) [Nèápèlèè]   káá hùyǒ tètè-ì.
 DEF\ребенок.PL COP мясо резать-INF
 ‘Дети режут мясо’
- (34) [Pépeè dà Hèhèè] dī-káá   hùyǒ tètè-ì.
 Пепе 3+3 Хехе OBL.3PL-COP мясо резать-INF
 ‘Пепе и Хехе режут мясо’.

Как и в случае с другими типами именных групп, особенности синтаксического поведения сочиненных групп проявляются только в тех позициях, где в конкретном языке невозможно дублирование «обычных» именных групп. Как видно из примеров (35–36), в позиции подлежащего поведение сочиненных и несочиненных именных групп в гвинейском кпелле симметрично.

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

- (35) [Nèápèlèè]   dàǎ   pá.
 DEF\ребенок.PL NOM.3PL.RES приходить
 ‘Дети пришли’.
- (36) [Pépeè dà Hèhèè] dàǎ   pá.
 Пепе 3+3 Хехе NOM.3PL.RES приходить
 ‘Пепе и Хехе пришли’.

Аналогичное поведение сочиненных именных групп зафиксировано в коно, либерийском лоома, зиало (< юго-западные), а также ману (< южные) — см. [Коношенко 2014]. В (37) даны примеры из зиало:

ЗИАЛО (< юго-западные):

- (37) Gè   yà [Kòlì yǒ Màsà ǒǒ]
 NOM.1SG.V НАВ Коли и Маса и

tí-ló   *fólófolò*.

OBL.3PL-видеть каждый.день

‘Я вижу Коли и Масу каждый день’. [Бабаев 2011: 97]

Представленная в примере (37) из зиало стратегия сочинения именных групп по типу А-со В-со отличается от таковой в (36) из гвинейского кпелле, где именные группы сочиняются при помощи союза, который изменяется по лицу и является по происхождению местоимением множественного числа — см. [Коношенко 2014]. Однако внешний синтаксис сочиненных групп в гвинейском кпелле и зиало одинаков: и в том, и в другом случае требуется прономинальное дублирование всей сочиненной группы.

4.2. Именные группы с артиклем

В коно и дан-гуэта прономинальное дублирование обязательно в любой позиции для именных групп с показателем определенности или детерминативом.

Как показано в (38–39) из коно, в позиции прямого дополнения определенное имя существительное с артиклем *-kí* обязательно дублируется прономинальным префиксом (39), в отличие от именной группы, выраженной именем собственным (38), несмотря на то, что последнее обладает, по крайней мере, таким же высоким референциальным статусом на иерархии определенности.

КОНО (< юго-западные)

(38) *Đá*   *Héni kà*.

NOM.1SG.V Хени видеть\PST

‘Я видел Хени’

(39) *Đá*   *lòhòrò-kí gá*.

NOM.1SG.V ребенок-DEF OBL.3SG\видеть\PST

‘Я видел этого ребенка’.

Аналогичная асимметрия наблюдается в кодировании А/S аргумента. Ниже проиллюстрирован случай, когда «обычное» подлежащее не дублируется номинативным прономиналом при отрицании, описанный в разделе 3.1.

КОНО (< юго-западные)

(40) *Héni hó pà*.

Хени NEG приходиться\PST

‘Хени не пришла’

- (41) Lóhògò-kí hò pá.
 ребенок-DEF NOM.3SG.NEG приходить
 ‘Этот ребенок не пришел’.

В дан-гуэта имеется более широкий круг служебных слов, вызывающих дублирование именных групп. Все они так или иначе маркируют прагматически значимых участников — ср. «*dĩ*, *dũ*» показатели фокализации, *zã* показатель топика, *bã*, *dɔ̀ɔ̀* определенные артикли, *yã* и *yɛ* ‘этот’» [Выдрин 2017: 523].

ДАН-ГУЭТА (< южные)

- (42) [Táɛ̀ bã] à yáàdũ.
 таз DEF OBL.3SG ставить
 ‘Поставь таз’. [Выдрин 2017: 502]
- (43) Dēbã bã yà [kɔ̀ɔ̀] wú.
 женщина DEF NOM.3SG.PRF калебаса разбивать
 ‘Женщина разбила калебасу’. [Выдрин 2017: 494]

По крайней мере в дан-гуэта детерминативы по происхождению являются указательными наречиями и частично сохраняют такие употребления [Выдрин 2017: 516–517], а также используются в составе релятивных оборотов (44)¹⁰.

ДАН-ГУЭТА (< южные):

- (44) [[Dàà] [ɛ̀ yã]] [à sù].
 нож REL.3SG.JNT здесь OBL.3SG брать
 ‘Возьми этот нож’ (букв. «Нож, который он есть здесь, возьми его»)

Релятивные обороты в дан-гуэта, в свою очередь, подвергаются реанализу, и наречия интерпретируются как показатели именной определенности, поскольку показатель релятивизации часто опускается:

ДАН-ГУЭТА (< южные):

- (45) [Dàà yã] [à sù].
 нож здесь OBL.3SG брать
 ‘Возьми этот нож’. [Выдрин 2017: 517]

¹⁰ О трехчастной структуре релятивных клауз в южных и юго-западных языках манде см. [Nikitina 2012].

Таким образом, конструкции с детерминативами в дан-гуэта с большой вероятностью имеют биклаузальное происхождение. Что касается коно, в этом языке нет прямых свидетельств диахронической биклаузальности конструкций с артиклем *-kí*. Тем не менее, можно предположить, что *-kí* является по происхождению релятивным показателем, заимствованным в коно как раз из географически смежного дан-гуэта, в котором релятивный показатель *ɣ* имеет вариант *kɣ*¹¹ (впрочем, менее частотный [Выдрин 2017: 576]), либо из другого идиома дан — кла-дан — где релятивный показатель имеет вид *kéɛ/ké* [Макеева 2012: 302–313]. В этом случае могло произойти также синтаксическое калькирование, которое привело к возникновению дублирования именной группы с артиклем.

Несколько более сложная ситуация наблюдается в муан (< южные). Как и в рассмотренных случаях из дан-гуэта и коно, в муан дублирование именной группы зависит от наличия детерминатива, но это возможно только для подлежащего и посессора:

МУАН (< южные)

- (46) [Dē]   dāā bāā   dɔ-dē.
женщина NEG курица продавать-SPN
‘Женщина не продала курицу’. [Перехвальская 2017: 733]
- (47) [ɔ̄   diŋ-dē-dē   é]   yāā   sɔ̄
OBL.1SG сосед-женщина-DIM DEF NOM.3SG.NEG мочь
kāā   dɔ̄ciè-dē.
рыба готовить-CONJ
‘Моя соседка не умеет (не может, не хочет) готовить рыбу’.
[Перехвальская 2017: 736]

¹¹ В целом для юго-западных манде имеет смысл реконструировать артикль **-i*, рефлекс которого представлены во всех языках этой группы, кроме коно. Примечательно, что в коно особый вид артикля — *kí* вместо *i* — коррелирует со специфическим синтаксическим поведением, так что можно предположить, что в коно артикль имеет другое происхождение, нежели в остальных юго-западных манде. Контакты с дан-гуэта более чем вероятны, поскольку зона распространения коно — самого восточного из юго-западных манде — расположена смежно по отношению к зоне дан-гуэта. Кроме того, в отличие от других юго-западных манде, коно имеет тенденцию к моносиллабификации двухсложных стоп, характерную для южных манде, что косвенно подтверждает наличие контакта.

(48) [dē] ā gbā
 женщина ALN поле

‘поле женщины’

(49) [dē é] yāā gbā
 женщина DEF 3SG.ALN поле

‘поле (этой) женщины’ [Перехвальская л.с.]

В примере (50) ниже показано, что имя собственное не вызывает дублирования, несмотря на высокий прагматический статус:

(50) Zādē ā gbā
 Зале ALN поле

‘поле Зале’

4.3. Местоимения с квантором

Последний тип именных групп, которые способны вызывать дублирование, — это именные группы, выраженные прономиналом с квантором всеобщности (другие кванторы пока не проверялись). Этот тип вариативного маркирования аргументов был обнаружен нами в гвинейском кпелле и коно.

Ниже в (51-54) из гвинейского кпелле показано, что в неноминативных позициях лексическая именная группа с квантором не дублируется глагольным префиксом (51, 53), а прономинальная обязательно дублируется (52, 54).

ГВИНЕЙСКИЙ КПЕЛЛЕ (< юго-западные)

(51) Dē [méláà kéléé] kàà làà.
 NOM.1SG.V OBL.1SG\друг.PL все видеть\PST там
 ‘Я видел там всех своих друзей’.

(52) Dē [dī-kéléé] dī-kàà làà.
 NOM.1SG.V OBL.3PL-все OBL.3PL-видеть\PST там
 ‘Я их всех там видел’.

(53) [Méláà kéléé] káá hùyǒ téyé-ì.
 OBL.1SG\друг.PL все COP мясо резать-INF
 ‘Все мои друзья режут мясо’.

(54) [Dī-kéléé] dī-káá hùyǒ téyé-ì.
 OBL.3PL-все OBL.3PL-COP мясо резать-INF
 ‘Они все режут мясо’.

В (55–56) показана аналогичная асимметрия для позиции прямого дополнения в коно:

КОНО (< юго-западные)

(55) *Dá* [máráà héné] *kà* *Làràà*.
NOM.1SG.V OBL.1SG\друг.PL все видеть\PST Лола
'Я видел всех своих друзей в Лоле'.

(56) *Dá* [dú-héné] *dú-kà* *Làràà*.
NOM.1SG.V OBL.3PL-все OBL.3PL-видеть\PST Лола
'Я видел их всех в Лоле'.

Синтаксическая природа этих случаев пока совсем неясна, тем более что здесь требуется проверить поведение других кванторов.

5. Заключение

В статье показано, что в южных и юго-западных языках манде наблюдается расщепленное вершинное маркирование глагольных актантов.

Дифференцированное маркирование подлежащего зависит от семантики видо-временной конструкции. В некоторых типах конструкций подлежащее может кодироваться так же, как и прямое дополнение, что является аргументом против различительного подхода к интерпретации дифференцированного маркирования аргументов [Comrie 1975; Aissen 2003]. Кроме того, было обнаружено вариативное маркирование актантов, связанное с синтаксической структурой выражающих их именных групп, когда специальным образом кодируются сочиненные группы, группы с детерминативом, а также группы, выраженные местоимением с квантором. Теоретическая интерпретация этих явлений остается пока делом будущего.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ALN — отчуждаемая принадлежность; V — предикативный показатель базовой серии; CONJ — конъюнктивный конверб; COP — копула; DEF — определенность; DIM — диминутив; EXCL — эксклюзив; HAB — хабитуалис; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинативный прономи-

нал; OBL — неноминативный прономинал; PL — множественное число; PST — прошедшее время; REL — релятивный маркер; RES — результатив; SG — единственное число; SPN — сущин.

Литература

- Бабаев 2011 — К. В. Бабаев. Язык зиало: очерк грамматики и словарь. М.: РГГУ, 2011. [Babaev 2011 — K. V. Babaev. IAzyk zialo: grammaticheskii ocherk i slovar' [The Zialo language: grammar sketch and vocabulary]. M.: RGGU, 2011]
- Выдрин 2010 — В. Ф. Выдрин. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания: синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 385–400. [V. F. Vydrin. Eshche raz o «sub"ektnykh mestoimeniakh» v iuzhnykh mande: mestoimeniia ili predikativnye pokazateli? [Once again about “subject pronouns” in South Mande: pronouns or predicative markers?] // V. A. Vinogradov (ed.). Osnovy afrikanskogo iazykoznanii: sintaksis imennykh i glagol'nykh grupp. M.: Academia, 2010. P. 385–400.]
- Выдрин 2017 — В. Ф. Выдрин. Дан язык // В. Ф. Выдрин, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Е. Б. Маркус (ред.). Языки мира: языки манде. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 469–582. [V. F. Vydrin. Dan iazyk [The Dan language] // V. F. Vydrin, YU. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). IAzyki mira: iazyki mande. SPb.: Nestor-Istoriia, 2017. P. 469–582]
- Коношенко 2011 — М. Б. Коношенко. Базовые грамматические категории гвинейского кпелле. Магистерская диссертация. СПбГУ, 2011. [M. B. Konoshenko. Bazovye grammaticheskie kategorii gvineiskogo kpelle [Basic grammatical categories of Guinean Kpelle]. Master thesis. SPbGU, 2011]
- Коношенко 2014 — М. Б. Коношенко. Лично-числовое согласование в языках манде: внутригенетическая типология. Дисс. ... к.филол.н. Москва: Институт языкознания РАН, 2014. [M. B. Konoshenko. Lichno-chislovoe soglasovanie v iazykakh mande: vnutrigeneticheskaiia tipologiia [Person-number agreement in Mande: intragenetic typology]. PhD Thesis. Moscow: Institut iazykoznaniiia RAN, 2014]
- Макеева 2012 — Н. В. Макеева. Грамматический строй языка кла-дан в типологическом контексте родственных языков. Дисс. ... к.филол.н. Москва: Институт языкознания РАН, 2012. [N. V. Makeeva. Grammaticheskii stroi iazyka kla-dan v tipologicheskom kontekste rodstvennykh iazykov [Grammatical system of Kla-Dan in the context of

- cognate languages]. PhD Thesis. Moscow: Institut iazykoznanii RAN, 2012]
- Перехвальская 2017 — Е. В. Перехвальская. Муан язык // В. Ф. Выдрин, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Е. Б. Маркус (ред.). Языки мира: языки манде. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 718–764. [E. V. Perekhval'skaia. Muan iazyk [The Mwan language] // V. F. Vydrin, YU. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). IAzyki mira: iazyki mande. SPb.: Nestor-Istoriia, 2017. P. 718–764]
- Хачатурьян 2010 — М. Л. Хачатурьян. Очерк грамматики гвинейского варианта языка mano (полевое исследование). Дипломная работа. МГУ, 2010. [Hachatur'ian 2010 — M. L. Khachatur'ian. Ocherk grammatiki gvineiskogo varianta iazyka mano (polevoe issledovanie) [A grammar sketch of Guinean Mano (a field study)]. Graduate Thesis. MSU, 2010]
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential object marking: iconicity vs. economy // *Natural Language & Linguistic Theory* 21 (3), 2003. P. 435–483.
- Alexiadou, Anagnostopoulou 1998 — A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou. Parametrizing AGR: Word order, V-movement, and EPP-checking // *Natural Language and Linguistic Theory* 16, 1998. P. 491–540.
- Anderson 2011 — G. D. S. Anderson. Auxiliary Verb Constructions in the Languages of Africa // *Studies in African Linguistics* 40 (1-2), 2011. P. 1–409.
- Arkadiev 2008 — P. M. Arkadiev. Differential argument marking in two-term case systems and its implications for the general theory of case marking // P. de Swart, H. de Hoop (eds.). *Differential Subject Marking* [Studies in Natural Language and Linguistic Theory 72]. Dordrecht: Springer, 2008. P. 151–171.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Subjects and direct objects in Uralic languages: A functional explanation of case-marking systems. *Études finnoougriennes* XII, 1975. P.1–17.
- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Costa 2004 — J. Costa. *Subject positions and interfaces: The case of European Portuguese*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Creissels 2005 — D. Creissels. A typology of subject and object markers in African languages // F. K. E. Voeltz (ed.). *Studies in African Linguistic Typology*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 445–459.
- De Cat 2007 — C. De Cat. *French Dislocation: Interpretation, Syntax, Acquisition*. Oxford: OUP, 2007.
- Haspelmath 2013 — M. Haspelmath. Argument indexing: a conceptual framework for the syntactic status of bound person forms // D. Bakker,

- M. Haspelmath (eds.). *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. P. 197–226.
- Jelinek 1984 — E. Jelinek. Empty categories, case, and configurationality // *Natural Language and Linguistic Theory* 2 (1), 1984. P. 39–76.
- Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Konoshenko 2014 — M. Konoshenko. The syntax of tone in Guinean Kpelle // *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* 40, 2014. P. 233–252.
- Lambrecht 2001 — K. Lambrecht. Dislocation // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language typology and language universals: An international handbook [Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 20]*. Vol. 2. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2001. P. 1050–1078.
- Nikitina 2009 — T. Nikitina. The syntax of postpositional phrases in Wan, an “SOVX” language // *Studies in Language* 33 (4), 2009. P. 907–933.
- Nikitina 2012 — T. Nikitina. Clause-internal correlatives in Southeastern Mande: A case for the propagation of typological rara // *Lingua* 122 (4), 2012. P. 319–334.
- Seržant, Witzlack-Makarevich, forthcoming — I. Seržant, A. Witzlack-Makarevich. Differential argument marking: An introduction // I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich, K. Mann (eds.). *The diachronic typology of differential argument marking*. Berlin: Language Science Press, forthcoming.
- Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: why objects don’t make it // *Folia Linguistica* 33 (2), 1999. P. 225–251.
- Siewierska 2004 — A. Siewierska. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Vydrin 2006 — V. Vydrin. Emergence of morphological cases in South Mande: From the amorphous type to inflectional? // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). *Case, valency and transitivity*. Leiden — Nijmegen: John Benjamins Publishers, 2006. P. 49–64.
- Vydrin 2011 — V. Vydrin. Ergative/Absolutive and Active/Stative alignment in West Africa: The case of Southwestern Mande // *Studies in Language* 35 (2), 2011. P. 409–443.

А. Б. Шлуинский

ИЯз РАН, Москва

**КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ ‘БРАТЬ’
КАК ИСТОЧНИК ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО
МАРКИРОВАНИЯ ОБЪЕКТА:
ДАННЫЕ ЯЗЫКОВ КВА, БЕНУЭ-КОНГО И ГУР¹**

1. Введение

Предметом рассмотрения в настоящей статье является сериальная глагольная конструкция², в которой представлены два глагола. Первый глагол имеет исходное лексическое значение ‘брат’³, но в конструкции такого типа десемантизирован и вводит именную группу, которая является объектом второго глагола; в литературе представлено прямое отождествление глагола ‘брат’ с маркером объекта — см. [Lord 1982]. Второй глагол имеет полное лексическое значение и выражает собственно описываемую ситуацию. Конструкция с глаголом ‘брат’ сосуществует с простой переходной конструкцией, а следовательно, в языках, где она существует, представлено дифференцированное маркирование объекта на начальной стадии его грамматикализации. В (1a-b) и (2a-b) приводятся пары примеров из языков эве и нупе, иллюстрирующих простую переходную конструкцию (1a), (2a) и объектную конструкцию с глаголом ‘брат’ (1b), (2b).

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту ОГОН РГНФ № 15-34-01237.

Автор благодарит участников рабочего совещания по дифференцированному маркированию аргументов (Москва, 22–23 апреля 2016 г.) за обсуждение представленного здесь материала и анонимного рецензента за замечания к предыдущей версии статьи.

² Объем и тема настоящей работы не позволяет обсуждать здесь понятие сериальной глагольной конструкции в целом. Разнообразие возможностей того, как такие конструкции строятся в языках ква описано в [Шлуинский 2016]; в языках бенуэ-конго и гур в основном представлены аналогичные — и столь же различные — способы их организации.

- (1) ЭВЕ {< ква}
- a. *ɲutsu la xlẽ agbalẽ la*
 мужчина DEF читать книга DEF
 ‘Мужчина прочитал книгу’. {a≈b}
- b. *ɲutsu la tsɔ agbalẽ la xlẽ*
 мужчина DEF братъ книга DEF читать [личные данные]
- (2) НУПЕ {< нупоидные < бенуэ-конго}
- a. *etsu yà mí èwò*
 вождь давать 1SG одежда
 ‘Вождь дал мне одежду’ (‘The chief gave me a garment’).
- b. *etsu lá èwò yà mí*
 вождь братъ одежда давать 1SG
 ‘Вождь дал мне одежду’ (‘The chief gave the garment to me’).
 [George 1975: 61]

Следует отметить, что в большинстве рассматриваемых нами языков сериальная глагольная конструкция с глаголом ‘братъ’ как маркером объекта сосуществует с другими сериальными глагольными конструкциями, где глагол ‘братъ’ используется как маркер инструмента и где он является элементом конструкции со значением каузации движения. В (3a-b) показаны эти два типа конструкций в языке нупе; как в (2b), где представлена объектная конструкция, так и в (3a-b) употреблена одна и та же глагольная лексема *lá* ‘братъ’. В настоящей работе, однако, мы ограничиваемся рассмотрением объектных конструкций.

- (3) НУПЕ {< нупоидные < бенуэ-конго}
- a. *sàlámi lá èbi ba nakã*
 Салами братъ нож резать мясо
 ‘Салами порезал мясо ножом’.
- b. *sàlámi lá èbi bé*
 Салами братъ нож приходить
 ‘Салами принес нож’.
 [George 1975: 55]

В некоторых языках возможна более детальная разработка конструкций рассматриваемого типа: в одном и том же языке более одной лексемы с исходным значением ‘братъ’ могут участвовать в объектных конструкциях. Например, для языка гвари описано следующее распределение: глагол *lá* ‘братъ’ используется

как маркер объекта, если этот объект квантованный, как в (4а), тогда как если объект кумулятивный³, как в (4б-с), используется глагол *kú* ‘брат’.

(4) ГВАРИ {< нупоидные < бенуэ-конго}

a. *wó lá shnamá si*

3SG брать1 ямс покупать

‘Он купил ямс [т. е. одну штуку]’.

b. *wó kú à-shnamá si*

3SG брать2 PL-ямс покупать

‘Он купил ямсов’.

c. *wó kú shnamá si*

3SG брать2 ямс покупать

‘Он купил ямса [т. е. кучу ямса или продукт из ямса]’.

[Human, Magaji 1970: 64–65]

Материалом настоящей работы стали данные языковых семей ква, бенуэ-конго и гур, все из которых классифицируются как принадлежащие к макросемье нигер-конго. К семье ква, состав которой принят в современной генетической классификации начиная с работы [Bennett, Sterk 1977], относятся около 80 языков в Кот-д’Ивуаре, Гане, Того, Бенине. Практически для всех из них характерна объектная конструкция с ‘брат’ (за отдельными исключениями, как язык адьюкру [Hégaux 1978]). К семье бенуэ-конго относятся около 970 языков на большей части территории Тропической Африки, но за вычетом не рассматриваемых здесь бантоидных языков (в основном языков банту), генетически близких друг другу и в значительной мере типологически отличных от всех прочих языков бенуэ-конго остается около 280 языков на территории Камеруна, Нигерии, в меньшей степени Бенина и Того. Представлены варианты классификации, в которых семьи ква и бенуэ-конго составляют объединение бенуэ-ква, как в [Williamson, Blench 2000]; кроме того, надо отметить, что многие группы языков бенуэ-конго долгое время — вплоть до [Bennett, Sterk 1977] — классифицировались как языки ква (в африкани-

---

³ Семантические признаки квантованности vs. кумулятивности мы понимаем в соответствии с [Krifka 1992] и последующей, опирающейся на эту работу, литературой.

стической литературе до сих пор бытует понятие «старые ква»). Но вне зависимости от классификации бóльшая часть небантоидных языков бенуэ-конго типологически близки к языкам ква — и, в частности, имеют объектную конструкцию с 'братъ' (за отдельными исключениями, как язык гбари нупойдной группы [Rosendall 1998: 121]). К семье гур относятся около 100 языков в Мали, Кот-д'Ивуаре, Буркина-Фасо, Гане, Того, Бенине. Данная семья в значительной мере структурно разнородна, но некоторые из языков гур также типологически близки к языкам ква и к небантоидным языкам бенуэ-конго и, в частности, используют рассматриваемую нами конструкцию.

Объектная конструкция с глаголом 'братъ', таким образом, относительно устойчива и с ареальной точки зрения, и с генетической. Однако в разных языках она грамматикализована в большей или в меньшей степени, а потому на ее материале можно попытаться проследить тенденции в области становления и развития дифференцированного маркирования объекта. Ниже рассматриваются следующие вопросы, связанные с уровнем грамматикализации и функционированием объектных конструкций с глаголом 'братъ': степень формальной грамматикализации глагола 'братъ' как маркера объекта; степень утраты исходного лексического значения или проявляющихся в сочетаемости его реликтов; взаимодействие конструкции с аргументными и акциональными свойствами лексического глагола; взаимодействие конструкции со свойствами самого объекта; контексты, определяющие употребление глагола 'братъ' как маркера объекта — обязательно или в качестве тенденции.

2. Грамматикализация глагола 'братъ'

Как было сказано выше, разные языки обнаруживают разную степень грамматикализации глагола 'братъ' как маркера объекта. В основном эта степень грамматикализации довольно низкая, но представлены как случаи его формальной редукции, так и случаи его десемантизации.

2.1. Формальные свойства глагола 'братъ'

В большинстве рассматриваемых языков глагол 'братъ', выступающий в роли объектного маркера в сериальной конструкции, вне ее является полноценным самостоятельным глаголом —

то есть, во-первых, может употребляться в независимой клаузе, а во-вторых, имеет полноценный набор морфологических возможностей. Так, пример (5a) из языка аттие иллюстрирует употребление глагола *nū* ‘брать’ в независимом предложении в форме перфектива, а (5b) — употребление его в той же форме в объектной конструкции. Пример (6b) из языка ген показывает, что глагол *só* ‘брать’ в объектной конструкции принимает в соответствующем аспектуальном контексте показатель прогрессива, как и другие линейно первые глаголы в сериальной конструкции (6a).

(5) АТТИЕ {< ква}

a. *bikwɔ̃ ò nū bū fikāā*
 ребенок.DEF 3SG брать.PFV 2SG.POSS деньги.DEF
 ‘Ребенок взял твои деньги’. [Kouadio N’Guessan 1996: 533]

b. *sòpí nū dàsɛ̃ tsā lɔ tʃɛ̃ɛ fí*
 Сопи брать.PFV котел ставить.PFV PRV огонь.DEF на
 ‘Сопи поставила котел на огонь’.

[Kouadio N’Guessan 1996: 537]

(6) ГЕН {< ква}

a. *é lě-yì kù sì vá ná mù*
 3SG PROG-идти черпать вода приходить давать 1SG
 ‘Он идет за водой для меня’. [Bole-Richard 1978: 38]

b. *iyábá lě-só dēsízé dó zò-jí*
 Айаба PROG-брать котел ставить огонь-на
 ‘Айаба ставит котел на огонь’. [Bole-Richard 1983: 158]

Однако в части рассматриваемых языков глагол ‘брать’, употребляющийся в объектной конструкции, утратил как самостоятельные употребления, так и возможность присоединения глагольной морфологии, а потому с синхронной точки зрения может быть проанализирован именно как специализированный показатель прямого объекта, находящийся в конкуренции или дополнительной дистрибуции с простой переходной конструкцией. Яркими примерами таких языков являются хорошо описанные акан (соответствующие факты приводятся уже в [Stewart 1963]) и йоруба (для которого конструкции на основе глагола ‘брать’ описаны в [Vamgboṣe 1966: 74]). Так, сравнение примеров акан (7a-b) показывает, что в (7a) объектный показатель *de*, восходящий к

глаголу ‘братъ’, не имеет показателя прошедшего времени, в отличие от морфологически полноценного глагола *ma-* ‘давать’ или глагола *tur-* ‘нести’ в (7b); как видно из (8), ни в исходной форме, ни с показателем прошедшего времени *de* не может быть употреблен в независимом предложении; такие употребления возможны только в некоторых устойчивых сочетаниях, как в (9). Примеры (10a-b) из йоруба показывают, что глагол *fi* с исходным значением ‘братъ’, употребленный как маркер объекта в (10a), не может употребляться в независимом предложении (10b).

(7) АКАН {< ква }

a. *esi de abofra no ma-a aberwa no*
 Эси <братъ ребенок DEF давать-PST старуха DEF
 ‘Эси дала ребенка старухе’.

b. *esi tur-r abofra no ma-a maame no*
 Эси нести-PST ребенок DEF давать-PST женщина DEF
 ‘Эси несла ребенка в помощь женщине’. [Osam 1994: 20]

(8) **kofi de / de-e sekan*

Кофи <братъ братъ-PST нож
 хр. ‘Кофи взял нож’. [личные данные]

(9) *akam de me*

голод <братъ.PROG 1SG
 ‘Я хочу есть’. [Stewart 1963: 146]

(10) ЙОРУБА {< йорубоидные < бенуэ-конго }

a. *ade fi ilèè rẹ̀ hàn mí*
 Аде <братъ дом.POSS 2SG.POSS показывать 1SG.O
 ‘Аде показал мне твой дом’. [Atoyebi et al. 2010: 145]

b. *ó fi iwé kan
 3SG <братъ книга один
 хр. ‘Он взял книгу’. [Atoyebi et al. 2010: 147]

Интересно, что и в акан, и в йоруба представлены и более полноценные глагольные лексемы со значением ‘братъ’, которые, помимо контекстов, где они выражают собственно лексическое значение, употребляются и в объектных конструкциях. В акан глагол *fa* ‘братъ’ используется как маркер объекта преимущественно в контексте отрицания (11), а сфера употребления глагола *mi* ‘братъ’ в йоруба шире (12).

- (11) АКАН {< ква}
kofi a-m-fa sekan a-m-twa enam no
Кофи PST-NEG-братъ нож PST-NEG-резать рыба DEF
'Кофи не взял нож и не порезал рыбу'. [личные данные]
- (12) ЙОРУБА {< йорубоидные < бенуэ-конго}
olú mí owó ta mí lórò
Олу братъ деньги направлять 1SG.O подарок
'Олу дал мне деньги в качестве подарка'. [Oyeralan 1982: 112]

2.2. Следы лексического значения глагола 'братъ'

В большинстве случаев объектная конструкция с глаголом 'братъ' требует большего или меньшего непротиворечия лексического контекста исходному значению 'братъ'. Так, как показано в [Фенуку, Шлуинский 2015], в языке эве в «манипулятивном» значении, акцентирующем начальный этап ситуации, объектная конструкция с глаголом 'братъ' допускает только те лексические контексты, в которых в буквальном смысле предполагается этап манипуляции руками. В (13a-b) представлен лексический контекст, в котором субъект физически берет в руки объект, в силу чего возможна не только простая переходная конструкция (13a), но и объектная конструкция с глаголом 'братъ' (13b); напротив, лексический контекст в (13c-d) — с тем же лексическим глаголом *de* 'убирать' — не предполагает «ручной» манипуляции объектом, и потому предложение (13d) с объектной конструкцией оценивается носителем языка как аномальное. В (14) показан аналогичный контраст в языке бауле, где с одним и тем же лексическим глаголом *kà* 'считать' контекст подсчета денег предполагает физическое взятие объекта в руки и потому допускает конструкцию с 'братъ' (14b), а контекст подсчета людей не предполагает, а потому эта конструкция в нем невозможна (14d). Материал языка дагбани показывает сходные контекстные ограничения объектной конструкции с глаголом 'братъ', хотя следы исходного значения 'братъ' оказываются более абстрактными: конструкция возможна с перемещаемым объектом, даже если и не имеется в виду манипуляция руками, как в (15a), но невозможна с объектом стационарным (15b).

(13) ЭВЕ {< ква}

- a. *ɟutsu la ɖe zikpui la ɖa*
 мужчина DEF убирать стул DEF забирать
 ‘Мужчина убрал стул’. {a≈b}
- b. ^{OK}*ɟutsu la tsɔ zikpui la ɖe ɖa*
 мужчина DEF братъ стул DEF убирать забирать
- c. *vukula la ɖe vu la ɖa*
 водитель DEF убирать машина DEF забирать
 ‘Водитель убрал машину’. exp. {a≈b}
- d. **vukula la tsɔ vu la ɖe ɖa*
 водитель DEF братъ машина DEF убирать забирать
 [личные данные]

(14) БАУЛЕ {< ква}

- a. *b-à kà sikã-n*
 3PL-PRF считать деньги-DEF
 ‘Они сосчитали деньги’. {a≈b}
- b. *b-à fâ sikã-n b-à kà*
 3PL-PRF братъ деньги-DEF 3PL-PRF считать
- c. *b-à kà srân m̀n*
 3PL-PRF считать человек PL
 ‘Они сосчитали людей’. exp. {a≈b}
- b. **b-à fâ srân m̀n b-à kà*
 3PL-PRF братъ человек PL 3PL-PRF считать
 [Creissels, Kouadio 2010: 171–172]

(15) ДАГБАНИ {< гур}

- a. *o zang loori peenti*
 3SG братъ грузовик красить
 ‘Он покрасил грузовик’.
- b. **o zang duu peenti*
 3SG братъ комната красить
 exp. ‘Он покрасил комнату’.
 [Wilson 1970], цит. по [Lord 1993: 128–129]

Однако представлены и случаи, когда возможна сочетаемость глагола ‘братъ’ как объектного маркера с контекстами, в

которых не предполагается этапа манипуляции руками и, шире, перемещения объекта. Если в языке эве рассматриваемая конструкция употреблена не в «манипулятивном» значении, а в эмфатическом, то ограничения на лексический контекст отсутствуют — так, в (16) лексический глагол вообще не предполагает никакого физического воздействия на объект. В (17) представлен пример из языка тивули, в котором лексическим глаголом является *kpa* ‘давать’, но более широкий лексический контекст не предполагает физического перемещения его объекта.

(16) ЭВЕ {< ква}

dɛvi la tsɔ mɔ la dɔ
 ребенок DEF брать дорога DEF описывать
na amedzro la
 <давать иностранец DEF
 ‘Ребенок объяснил дорогу иностранцу!’ [личные данные]

(17) ТИВУЛИ {< ква}

ɛ-sɛ̃ kɔla kamɛ a, ɛ-kɔa
 3SG-делить дом внутренняя_часть DEF 3SG-брать
nyangɛ a ɛ-kpa yĩ
 верхняя_часть DEF 3SG-давать 1SG
 ‘Он разделил дом и дал мне верхнюю часть’.
 [Harley 2005: 349]

3. Семантические различия между объектной конструкцией с ‘брать’ и простой переходной конструкцией

Обратимся теперь к семантическим различиям между объектной конструкцией с глаголом ‘брать’ и более нейтральной простой переходной конструкцией. Эти различия в настоящее время исследованы на материале отдельных языков, и отмечаются следующие семантические факторы, предрасполагающие к выбору конструкции с ‘брать’: выделение начального этапа ситуации и «вовлеченность» (“affectedness”) объекта в ситуацию; эмфаза или фокализация объекта или всей ситуации в целом; преднамеренность ситуации или ее вхождение в естественный сценарий.

3.1. Выделение начального этапа
и «вовлеченность» объекта в ситуацию

Значение акцентирования начального этапа ситуации — собственно, и состоящего во «взятии» объекта в руки и начале манипуляций с ним — отмечается для языка око и некоторых языков группы гбе (часть объектных конструкций с ‘брат’ в эве, объектные конструкции с ‘брат’ в фон). Так, в примере (18a) из око с простой переходной конструкцией речь идет о простом факте надевания одежды одним общеизвестным персонажем на другого, тогда как в (18b) акцентируется начальный этап этого действия.

(18) ОКО {< око < бенуэ-конго}

a. *éşólù óbín file èdáfidì yà-alegbè*
Саул царь надевать Давид 3SG.POSS-одежда
‘Царь Саул надел свою одежду на Давида’.

b. *éşólù óbín fò yà-alegbè file èdáfidì*
Саул царь брат 3SG.POSS-одежда надевать Давид
‘Царь Саул принес свою одежду и надел на Давида’.

[Atoyebi 2010: 181]

Как отмечается в [Lambert 2001: 19] предложения, в которых глагол *só* ‘брат’ употреблен как маркер объекта, носители языка фон предпочитают переводить на являющийся языком-посредником французский как *se mettre à*, то есть значение этих конструкций имеет частичный аспектуальный компонент начала действия, ср. (19a-b). В более поздней работе [Lambert-Brétière 2005: 197–240] в качестве характеризующего семантического признака объектных конструкций с ‘брат’ в фон называется «вовлеченность» (‘affectedness’) объекта в ситуацию: с глаголом ‘брат’ как с объектным маркером сочетаются объекты, которые сразу — начиная с выделенного начального этапа — вовлечены в ситуацию целиком. Вполне естественно, что именно глагол ‘брат’ употребляется в конструкциях с таким значением, потому что исходное лексическое значение ‘брат’ принадлежит к числу типичных переходных значений. Так, пример (20) показывает, что лексический глагол *tá* ‘зажигать’ естественно сочетается с объектной конструкцией с ‘брат’, если употреблен с объектом, который подвергается действию одновременно целиком (20b),

но не сочетается, если употреблен с менее осязаемым объектом, который не подвергается целиком сильному физическому воздействию⁴.

(19) ФОН {< ква}

a. *kàkú hwálá àfɔkpà lé*
Коку прятать обувь PL
'Коку спрятал обувь'.

b. *kàkú sɔ àfɔkpà lé hwálá*
Коку брать обувь PL прятать
≈ 'Коку принялся прятать и спрятал обувь'.

[Lambert 2001: 18–19]

(20) a. *é tá lánpù ɔ*
3SG зажигать лампа DEF
'Он зажег лампу'. {a≈b}

b. *é sɔ lánpù ɔ tá*
3SG брать лампа DEF зажигать

c. *é tá zò ɔ*
3SG зажигать огонь DEF
'Он зажег огонь'.

d. **é sɔ zò ɔ tá*
3SG брать огонь DEF зажигать

[Lambert-Brétière 2005: 212]

3.2. Эмфаза и фокализация объекта или ситуации

В ряде языков объектная конструкция с глаголом 'брать' отличается от простой переходной конструкции наличием эмфатического компонента значения: предложение с 'брать' имеет не нейтральную прагматическую характеристику или информационную структуру. В языках эве и акебу нами обнаружены эмфатические употребления конструкции с 'брать': если простая переходная конструкция нейтральна, то конструкция с глаголом

---

⁴ Как можно заметить, контрастирующие примеры (20a-b) vs. (20c-d) могут быть объяснены и через непротиворечие лексического контекста исходному значению 'брать'. Как нам кажется, разные способы объяснения этого различия не исключают, а дополняют друг друга.

‘братъ’ употребляется в тех случаях, когда описываемая ситуация нарушает ожидания или/и эмоционально воспринимается говорящим. Так, предложения эве (21a) и (22a) представляют собой простую констатацию факта, тогда как (21b) может быть употреблено в контексте нарушения ожиданий, а (22b) подразумевает отрицательные эмоции в связи с ситуацией, выраженной лексическим глаголом. Аналогично, в примерах (23a) и (24a) акебу представлена никак не окрашенная простая переходная конструкция, но (23b) и (24b) содержат эмоциональную оценку.

(21) ЭВЕ {< ква}

a. *ɖevi-a-wo ɖu fufu la*
ребенок-DEF-PL жевать фуфу DEF
‘Дети съели фуфу’. {контекст: Детям дали это фуфу}

b. *ɖevyawo tsɔ fufu la ɖu*
ребенок-DEF-PL братъ фуфу DEF жевать
‘Дети взяли и съели фуфу!’ {контекст: Детей предупредили, что это фуфу есть нельзя} [личные данные]

(22) a. *ɖevi la bliba efe awu yi la*
ребенок DEF пачкать 3SG-POSS рубашка белый DEF
‘Ребенок испачкал свою белую рубашку’.

b. *ɖevi la tsɔ efe awu*
ребенок DEF братъ 3SG-POSS рубашка
yi la bliba
белый DEF пачкать
‘Ребенок испачкал свою белую рубашку!’ {‘обидно и досадно’} [личные данные]

(23) АКЕБУ {< ква}

a. *ɲɔ̃ɲtɛ́é-yâ lã-tʃnâ náá-wâ*
дождь-CL 3.PFV-тушить огонь-CL
‘Дождь потушил огонь’.

b. *ɲɔ̃ɲtɛ́é-yâ lã-fǎ náá-wé lã-tʃnâ*
дождь-CL 3.PFV-братъ огонь-CL.DEM 3SG.PFV-тушить
‘Дождь потушил огонь!’ {с сожалением} [личные данные]

(24) a. *ná-tʃ gú-kpâ*
1SG.PFV-строить комната-CL
‘Я построил комнату’.

- b. *ná-fǎ*   *gú-kpǎ*   *ná-tǒ*
 1SG.PFV-братъ комната-CL 1SG.PFV-строить
 ‘Я построил (всего лишь) комнату’. [личные данные]

Для языка тафи отмечается, что в битранзитивных конструкциях, «если логическое ударение (emphasis) падает на объекту и он должен быть упомянут ранее объекта-цели, то он должен быть введен глаголом *yikǎ* ‘брать’ в сериальной глагольной конструкции»⁵ [Bobuafor 2013: 206]. Так, если предложение (25a) нейтрально, то в предложении (25b) выделен участник ‘деньги’. Сходное утверждение делается для контраста между простой переходной конструкцией (26a) и объектной конструкцией с глаголом *ndè* ‘брать’ (26b) в языке юкун — в формулировке автора описания, конструкция с ‘брать’ «помещает незначительный фокус»⁶ [Shimizu 1980: 295] на объект.

(25) ТАФИ {< ква }

- a. *ámā á-kǒ*   *ákú síká*
 Ама CL-давать Аку деньги
 ‘Ама дала Аку деньги’ (‘Ama gave Aku money’).

- b. *ámā á-yíkǒ*   *síka á-kǒ*   *ákú*
 Ама CL-брать деньги CL-давать Аку
 ‘Ама дала ДЕНЬГИ Аку’ (‘Ama gave money to Aku’).

[Bobuafor 2013: 205–206]

(26) ЮКУН {< юкуноидные < бенуэ-конго }

- a. *abá rá wa jàpè rá ra*
 собака DEF пить вода DEF PFV
 ‘Собака выпила воду’.

- b. *abá rá ndè jàpè rá wa ra*
 собака DEF брать вода DEF пить PFV
 ‘Собака выпила ВОДУ’.

[Shimizu 1980: 295]

Наконец, для языка кана отмечается использование объектной конструкции с глаголом ‘брать’ для эмфатического выделения — и, возможно, фокализации — и всей ситуации в целом,

⁵ «For most of the verbs, if the emphasis is on the theme and it has to be mentioned before the goal, then it has to be introduced by the verb *yikǎ* ‘take’ in a serial verb construction».

⁶ «places slight focus»

как в (27b) в отличие от (27a), и объекта, как в (28b) в отличие от (28a).

(27) КАНА {< кросс-ривер < бенуэ-конго}

a. *bàrìlè é-nē péé yō*

Бариле FUT-давать коза джуджу
‘Бариле подарит козу джуджу’.

b. *bàrìlè é-sú péé nē yō*

Бариле FUT-братъ коза давать джуджу
‘Бариле ПОДАРИТ козу джуджу’. [Ikoro 1996: 254]

(28) a. *ɲwìni āā tūrē kūrū bē*
обезьяна PROG посылать черепаха дом
‘Обезьяна посылает черепаху домой’.

b. *ɲwìni āā sú kūrū tūrē bē*
обезьяна PROG братъ посылать черепаха дом
‘Обезьяна посылает ЧЕРЕПАХУ домой’. [Ikoro 1996: 203]

3.3. Преднамеренность ситуации или вхождение в сценарий

Еще одно возможное функциональное отличие объектной конструкции с глаголом ‘братъ’ от простой переходной конструкции связано с тем, что употребление конструкции с ‘братъ’ уместно, когда описываемая ситуация входит в естественный или культурно обусловленный сценарий или обусловлена целями и намерениями агенса. Так, еще один тип — «сценарный» — употреблений конструкции с ‘братъ’ в языке эве связан именно с тем, что, в отличие от не нагруженной простой переходной конструкции (29a), конструкция с ‘братъ’ (29b) подразумевает, что ситуация входит в естественный ряд других ситуаций, как правило, преднамеренный. Примеры (30a-b) показывают, что в языке лелеми конструкция с ‘братъ’ (30b) ограничена преднамеренным прочтением лексического глагола, тогда как простая переходная конструкция (30a) допускает и преднамеренное, и непреднамеренное прочтение.

(29) ЭВЕ {< ква}

a. *ɲutsu la bɔbɔ ta*

мужчина DEF наклонять голова
‘Мужчина наклонил голову’.

b. *ɲutsu la tsɔ ta bɔbɔ eye*
 мужчина DEF брат голова наклонять и
wo-ge de xɔ la me
 3SG-входить к комната DEF внутри
 ‘Мужчина наклонил голову и вошел в дом’.

[личные данные]

(30) ЛЕЛЕМИ {< ква }

a. *li-bilè lècamì*
 1SG.PST-разбивать тарелка
 ‘Я разбил тарелку’. {‘случайно или преднамеренно’}

b. *li-tì lècamì li-bilè*
 1SG.PST-брат тарелка 1SG.PST-разбивать
 ‘Я разбил тарелку’ {‘преднамеренно’, *‘случайно’}.

[Allan 1973: 389]

4. Свойства объекта в простой переходной конструкции и в конструкции с глаголом ‘брат’

Для многих языков отмечены ограничения на употребление в простой переходной конструкции объектов с определенными свойствами или сильные тенденции к употреблению таких объектов в конструкции с глаголом ‘брат’. Среди существенных факторов известны два — во-первых, является ли объект местоимением или полной именной группой, а во-вторых, референциальный статус объекта. Наиболее яркий контраст наблюдается при сопоставлении простой переходной конструкции и конструкции с ‘брат’ битранзитивных лексических глаголов.

4.1. Объект-местоимение

Для целого ряда языков зафиксирована неграмматичность простой переходной конструкции для битранзитивного лексического глагола, если его объект-тема выражен местоимением. В этих языках в таких контекстах глагол ‘брат’ как маркер объекта становится обязательным. Так, например, в (31a) представлен битранзитивный лексический глагол логба *tá* ‘давать’ в простой переходной конструкции с объектом-темой — полной именной группой *mango* ‘манго’; однако, согласно [Dorvlo 2008: 106–107], если объект-тема местоименный, то обязательно употребление

объектной конструкции с ‘братъ’ (31b), а предложение, в котором местоименный объект-тема употреблялся бы в простой переходной конструкции, неграмматично (31c). Предложения (32a-c) иллюстрируют аналогичный факт для языка дагбани [Olawsky 1999: 46]. В языке око, как показано в [Atoyebi 2010: 178–179], простая переходная конструкция с местоименным объектом-темой битранзитивного глагола также невозможна (33b), хотя наряду с объектной конструкцией с ‘братъ’ (33c) представлена и другая альтернативная битранзитивная конструкция (33d). Помимо перечисленных языков, неграмматичность простой переходной конструкции для битранзитивного глагола с местоименным объектом-темой известна для языков эве [Essegbey 1999: 154; личные данные] и фон [Lefebvre, Brousseau 2002: 464–465; Lambert-Brétière 2005: 204], тафи [Bobuafor 2013: 145] и, с некоторыми из битранзитивных глаголов, акан [Stewart 1963: 145; Osam 1996: 63–68, 1997: 260–264].

(31) ЛОГБА {< ква}

a. *ɔ-tá*   *yaku mango*
 3SG-давать Яку манго
 ‘Он дал Яку манго’.

b. *o-mi-é*   *tá*   *yaku*
 3SG-братъ-3SG.O давать Яку
 ‘Он дал его Яку’.

c. *ɔ-tá   *yaku é*
 3SG-давать Яку 3SG.O
 exp. ‘Он дал его Яку’.

[Dorvlo 2008: 106–107]

(32) ДАГБАНИ {< гур}

a. *tim’*   *ma*   *dazɛyɛ*   *ɲɔ*   *ha!*
 давать.IMP 1SG.O пито DEM там
 ‘Дай мне вон того пито!’

b. *o*   *zaŋ*   *li*   *ti*   *o*
 3SG братъ 3SG.O давать 3SG
 ‘Он дал его ей’.

c. **tim’*   *ma*   *li!*
 давать.IMP 1SG.O 3SG.O
 exp. ‘Дай его мне!’

[Olawsky 1999: 46]

- (33) ОКО {< око < бенуэ-конго}.
- a. *à-vá-mǒ* *etiti*
 3SG-давать-1SG.O книга
 ‘Он дал мне книгу’.
- b. *à-vá-mǒ *ɛ*
 3SG-давать-1SG.O 3SG.O
 exp. ‘Он дал ее мне’.
- c. *à-fǒ-é* *né-mǒ*
 3SG-братъ-3SG.O давать-1SG.O
 ‘Он дал ее мне’. {c≈d}
- d. *à-á-né-mǒ*
 3SG-3SG.T-давать-1SG.O [Atoyebi 2010: 178–179]

В других языках то же ограничение представляет собой не жесткий грамматический запрет, а сильную тенденцию. Так, в [Harley 2005: 259] показано, что в языке тувули для битранзитивного глагола с местоименным объектом-темой возможны и простая переходная конструкция (34b), и объектная конструкция с ‘братъ’ (34c), однако вариант (34c) много более предпочтителен, притом что для полной объектной именной группы нормальна простая переходная конструкция (34a).

- (34) ТУВУЛИ {< ква}
- a. *ɛ-kpa* *ye* *ovoli*
 3SG-давать 3SG.O.AN книга
 ‘Он дал ему книгу’.
- b. *ɛ-kpa* *kofi* *foe*
 3SG-давать Кофи 3SG.O.INAN
 ‘Он дал ее Кофи’. {b≈c}
- c. *ɛ-kpa* *foe* *ɛ-kpa* *kofi*
 3SG-братъ 3SG.O.INAN 3SG-давать Кофи
 [Harley 2005: 259]

4.2. Определенный референциальный статус объекта

Помимо описанных выше ограничений на употребление простой переходной конструкции с местоименным объектом-темой, для некоторых языков зафиксированы более общие огра-

ничения, делающие невозможным употребление простой переходной конструкции с объектом, имеющим определенный референциальный статус. Таким образом, для определенного объекта-темы становится обязательной объектная конструкция с ‘брат’’. Так, в языке бауле, как показано в [Kouadio N’Guessan 2000: 86–89; Creissels, Kouadio 2010: 176–179], простая переходная конструкция возможна с битранзитивным глаголом, только если объект-тема неопределенный, как в (35a), однако если объект-тема определенный, то обязательно использование конструкции с ‘брат’’, как в (35b), тогда как простая переходная конструкция неграмматична (35c). Аналогичное ограничение описано для языков аньин [van Leynseele 1975: 202] и, с некоторыми из битранзитивных глаголов, акан [Haust 1987: 52–53; Osam 1994: 161–170, 1996: 63–68, 1997: 260–264].

(35) БАУЛЕ {< ква }

a. *kuàkú màn-nìn mín sikǎ*
 Кваку давать-PFV 1SG деньги
 ‘Кваку дал мне денег’.

b. *kuàkú fà-lì sikǎ-n màn-nìn mín*
 Кваку брат-PFV деньги-DEF давать-PFV 1SG
 ‘Кваку дал мне ⟨известные⟩ деньги’.

c. **kuàkú màn-nìn mín sikǎ-n*
 Кваку давать-PFV 1SG деньги-DEF
 хр. ‘Кваку дал мне ⟨известные⟩ деньги’.

[Creissels, Kouadio 2010: 177–178]

В языке фон, согласно [Lambert-Brétière 2005: 209], употребление определенного объекта-темы представляет в конструкции с ‘брат’’ представляет собой сильную тенденцию. Простая переходная конструкция с битранзитивным глаголом в (36a) нормально интерпретируется так, что определенный объект является объектом-реципиентом⁷, но не объектом-темой, а для употребления определенного объекта-темы требуется конструкция с ‘брат’’ (36b).

⁷ Отметим, что в принципе в языке фон допустим любой линейный порядок объекта-темы и объекта-реципиента, как показано в [Lefebvre, Brusseau 2002: 254].

(36) ФОН {< ква }

a. уѣ *nǎ asíba àsú*

3PL давать Асиба супруг

1. ‘Они дали Асибе супруга’.

2. ?? ‘Они дали Асибу супругу’.

b. уѣ *só asíba nǎ àsú*

3PL братъ Асиба давать супруг

‘Они дали Асибу супругу’. [Lambert-Brétière 2005: 209]

В более общем плане тенденция к тому, что объектная конструкция с ‘братъ’ употребляется с определенным объектом, отмечена в йоруба [Atoyebi et al. 2010: 152], в га [Lord 1982: 293] и, в «манипулятивном» значении, в эве. Так, если простая переходная конструкция возможна и с неопределенным (37a), и с определенным (37b) объектом, то конструкция с ‘братъ’ представлена только с определенным объектом (37c), а с неопределенным (37d) неграмматична.

(37) ЭВЕ {< ква }

a. *nyɛnuvi la ɖa bli*

девочка DEF варить кукуруза

‘Девочка сварила (некую) кукурузу’.

b. ^{OK}*nyɛnuvi la ɖa bli la*

девочка DEF варить кукуруза DEF

‘Девочка сварила <известную> кукурузу’. {b≈c}

c. ^{OK}*nyɛnuvi la tsɔ bli la ɖa*

девочка DEF братъ кукуруза DEF варить

d. ^{*}*nyɛnuvi la tsɔ bli ɖa*

девочка DEF братъ кукуруза варить [личные данные]

5. Лексические свойства глаголов в объектной конструкции с ‘братъ’

В рамках внутригенетического сопоставительного исследования сериальной конструкции с глаголом ‘братъ’ в языках ква [Шлуинский 2013, 2014] нами была обнаружена иерархия (i) аргументно-ролевых типов лексических глаголов, которые сочетаются с ‘братъ’ как с объектным маркером. Употребления с би-

транзитивными лексическими глаголами, как в (38), представлены во всех языках ква, для которых описана объектная конструкция с ‘братъ’, а употребления с неконтролируемыми монотранзитивными глаголами, как в (42), — только в тех языках, в которых представлены также и употребления с глаголами с локативным дополнением (39), с агентивными предельными монотранзитивными глаголами (40) и с прочими контролируемыми монотранзитивными глаголами (41). В Таблице 1 показан охват сегментов иерархии (i) языками, примеры из которых приведены в (38)—(42).

- (i) битранзитивные глаголы
  - < глаголы с локативным дополнением
    - < агентивные предельные монотранзитивные глаголы
      - < прочие контролируемые монотранзитивные глаголы
        - < прочие монотранзитивные глаголы

(38) АБЕ
eddy bə šiga lɔ aka
 Эдди братъ деньги давать Ака
 ‘Эдди дал Аке деньги’. [Gbery 1987: 140]

(39) АКАН
ɔ-de bo to-o ne mmati
 3SG-<братъ камень класть-PST 3SG плечо
 ‘Он положил камень к себе на плечо’. [Christaller 1875: 81]

(40) АНЬИН
fa wɔ sikaá ní fiá
 братъ.IMP 2SG деньги DEF прятать.IMP
 ‘Спрячь свои деньги’. [Quaireau 1987: 314]

(41) ФОН
kɔkú sɔ tú ɔ hèn
 Коку братъ ружье DEF держать
 ‘Коку держал ружье’. [da Cruz 1992: 122]

(42) ГЕН
ayí sɔ kofi qi
 Айи братъ Кофи быть_похожим
 ‘Айи был похож на Кофи’. [Lewis 1992: 143]

Таблица 1. Примеры языков ква, имеющих разные ограничения на употребление переходных лексических глаголов в объектной конструкции с глаголом ‘братъ’

	битранз.	локат.	агент. пред.	контрол.	прочие
абе	+	-	-	-	-
акан	+	+	-	-	-
аньин	+	+	+	-	-
фон	+	+	+	+	-
ген	+	+	+	+	+

Более детальное исследование объектной конструкции с ‘братъ’ в языке эве [Фенуку, Шлуинский 2015] показало, что в этом языке представлены три разных семантических типа конструкции (см. выше в 3.1–3.3), которые имеют разные ограничения на свойства лексических глаголов. «Манипулятивное значение конструкции», акцентирующее начальный этап ситуации, сочетается только с лексическими глаголами с Агенсом-лицом; «сценарное» значение, обусловленное преднамеренностью ситуации или ее вхождением в естественный сценарий, также сочетается с лексическими глаголами с Агенсом-лицом, но представлены и редкие примеры-исключения; однако эмфатическое значение конструкции с ‘братъ’ не имеет лексических ограничений. Существенно, однако, что если рассматривать значения конструкции с ‘братъ’ по отдельности, то отдельные ограничения (или их отсутствии) также следуют иерархии (i).

Данные языков других рассматриваемых семей также не противоречат иерархии (i), хотя для них она и нуждается в дальнейшей эмпирической проверке. Так, для некоторых языков бенуэ-конго объектная конструкция с ‘братъ’ ограничена битранзитивными лексическими глаголами. В этих языках, таким образом, на основе глагола ‘братъ’ формируется не собственно объектный маркер переходного глагола, а специализированный секундативный (в терминах [Haspelmath 2005], [Malchukov et al. 2010]) маркера объекта-темы в битранзитивной конструкции. Примерами таких языков являются йоруба [Bamgboṣe: 74–75; Atoyebi et al. 2010: 148], эдо [Dunn 1968: 219; Ogie 2003] и идома [Abraham 1967 (1951): 37]. В йоруба объект-тема в битранзитивной конструкции выражается либо при помощи восходящего к ‘братъ’ мар-

кера (43a), либо при помощи альтернативного секундативного маркера (43b), а в эдо и идома это единственный способ выразить объект-тему, как в (44).

(43) ЙОРУБА {< йорубоидные < бенуэ-конго}

a. *mo fi owó fún un*
 1SG <братъ деньги давать 3SG.O
 ‘Я дал ему деньги’. [Atoyebi et al. 2010: 153]

b. *bàbàà rẹ́ fún mi ní iyàwó*
 отец.POSS 2SG.POSS давать 1SG.O SEC жена
 ‘Твой отец дал мне жену’. [Atoyebi et al. 2010: 148]

(44) ЭДО {< эдоидные < бенуэ-конго}

ṣè mwèn rhie Ø nè ètisa imàn
 друг 1SG.POSS братъ 3SG.O.INAN давать учитель 1PL.POSS
 ‘Мой друг дал это нашему учителю’. [Dunn 1968: 219]

6. Объектная конструкция с ‘братъ’ в контексте типологии дифференцированного маркирования объекта

Как можно видеть из представленных выше фактов, глагол ‘братъ’ как маркер объекта или маркеры объекта на основе глагола ‘братъ’ в языках ква, бенуэ-конго и гур в целом вписывается в общие тренды дифференцированного маркирования объекта. Так, во-первых, представлена сильная корреляция конструкции с ‘братъ’ с объектами-местоимениями (в отличие от полных именных групп) и с определенными объектами (в отличие от неопределенных), а в некоторых языках в некоторых контекстах с такими объектами конструкция с ‘братъ’ обязательна. Тенденция к тому, чтобы маркированная объектная конструкция выбиралась для более высоких на шкале определенности объектов, хорошо известна — см., например, [Aissen 2003]. Во-вторых, обнаруживается корреляция конструкции с ‘братъ’ с лексическими глаголами более высокой Переходности в терминах знаменитой работы [Норрег, Thompson 1980] (что проявляется и в агентивности, и в преднамеренности лексических глаголов); еще в указанной работе показана и связь отвечающих за Переходность семантических признаков с более маркированной переходной конструкци-

ей. Эти корреляции при этом получают в случае конструкции с ‘братъ’ естественное объяснение. С одной стороны, сам исходный глагол ‘братъ’ принадлежит к числу глаголов с высокой Переходностью, а потому естественно, что он сочетается в сериальной глагольной конструкции с другими глаголами с аналогичными свойствами. С другой стороны, линейный порядок глаголов в сериальной глагольной конструкции с ‘братъ’ устроен так, что этот глагол находится левее лексического, что определяет и положение вводимого им объекта ближе к началу клаузы; такое линейное положение объектной именной группы естественно коррелирует с ее большей топикальностью, а она, в свою очередь, с определенностью.

Конструкция с глаголом ‘братъ’ особенно распространена с переходными глаголами, которые, помимо субъекта и объекта, имеют и с другие актаны, — локативными и в особенности — битранзитивными; часто с такими лексическими глаголами глагол ‘братъ’ становится обязательным маркером объекта в случае высокого положения этого объекта на шкале определенности (местоименного или определенного). Одна из предпосылок к этому обусловлена синтаксической структурой рассматриваемых языков: исходное маркирование в битранзитивной конструкции нейтральное, а потому появление особого маркера объекта-темы ведет к повышению различительности. Во-вторых, для объекта-темы в битранзитивной конструкции — как и вообще для неодушевленных прямых объектов [Du Bois 1987] — характерна низкая топикальность и неопределенный референциальный статус, а потому для определенного референциального статуса этого участника выбирается особое маркирование. Однако такая специфическая конфигурация, в которой объектная конструкция с глаголом ‘братъ’ оказывается обязательной с битранзитивными глаголами, ведет к тому, что на базе этой конструкции может грамматикализироваться не маркер прямого объекта, а секундативный маркер объекта-темы битранзитивного глагола.

Интересно отметить, что если случаи превращения глагола ‘братъ’ в секундативный маркер объекта-темы в рассматриваемых языках представлены, то собственно в маркер прямого объекта глагол ‘братъ’ не грамматикализуется полностью, а случаи утраты им самостоятельных употреблений и его морфологиче-

ской редукции относительно редки. Это можно объяснять тем, что получающаяся переходная конструкция меняет характерный для языков ква и бенуэ-конго порядок слов VO на OV, но такое объяснение не слишком убедительно, потому что, во-первых, в языках гур представлены оба порядка слов, а в языках бенуэ-конго, как показано в [Güldemann 2007], представлены и другие случаи смены порядка слов, зависящие от топикальности и других дискурсивных факторов. Таким образом, причины, препятствующие полной грамматикализации глагола ‘братъ’ как объектного маркера, остаются предметом дальнейшего исследования.

Эмфатическое значение объектной конструкции с глаголом ‘братъ’ имеет существенно меньше ограничений как на тип вводимого объекта, так и на свойства лексического глагола. Повидимому, это можно объяснить тем, что это значение мало связано и с самим объектом, и даже с самой ситуацией, а кроме того, не является специфическими именно для объектных сериальных конструкций, а характерны в целом для конструкций с глаголом ‘братъ’, ср. конструкцию *взять и V* в русском языке [Стойнова 2007]. Для ряда языков эмфатическое значение конструкции с ‘братъ’ характеризуется в терминах «фокализации» объекта или ситуации, но корректность этой характеристики подлежит проверке: надо отметить, что конструкции с эмфатическим ‘братъ’ не сочетаются с объектами, имеющими при себе показатель фокуса (а для рассматриваемых языков типичны специализированные сегментные показатели фокуса именной группы), и, более того, сохраняют предпочтение объектов с определенным референциальным статусом, характерное для конструкции с ‘братъ’ в целом.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, AN — одушевленное местоимение, CL — показатель именного класса, DEF — показатель определенности, DEM — демонстратив, FUT — будущее время, IMP — императив, INAN — неодушевленное местоимение, NEG — отрицание, O — объектное местоимение, PFV — перфектив, PL — мн. число, POSS — посессивный показатель, PROG — прогрессив, PRV — преверб, PST — прошедшее время, SEC — секундативный показатель, SG — ед. число, T — местоимение объекта-темы.

Литература

- Стойнова 2007 — Н. М. Стойнова. Конструкция *взять и сделать* в русском языке // Ф. И. Дудчук и др. (ред.). Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. М.: Издательство Московского Университета, 2007. С. 144–171. [N. M. Stoinova. Konstruktsiia *vziat' i sdelat'* v russkom iazyke ['Vziat' i sdelat' construction in Russian] // F. I. Dudchuk et al. (eds.). Struktury i interpretatsii: raboty molodykh issledovatelei po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 2007. P. 144–171]
- Фенуку, Шлуинский 2015 — С. Д. Фенуку, А. Б. Шлуинский. Глагол 'брать' как объектный маркер в языке эве // В. А. Виноградов и др. (ред.). Исследования по языкам Африки. Вып. 5. М.: Ключ-С. 2015. С. 315–342. [S. D. Fenuku, A. B. Shluinskii. Glagol 'brat' kak ob'ektnyi marker v iazyke eve [Verb 'take' as objective marker in Ewe] // V. A. Vinogradov et al. (eds.). Issledovaniia po iazykam Afriki. Vol. 5. M.: Klyuch-S, 2015. P. 315–342]
- Шлуинский 2013 — А. Б. Шлуинский. Серийные конструкции с глаголом 'брать' в языках ква: опыт внутригенетической типологии // В. А. Виноградов и др. (ред.). Исследования по языкам Африки. Вып. 4. М.: Ключ-С, 2013. С. 259–299. [A. B. Shluinskii. Serial'nye konstruktsii s glagolom 'brat' v iazykakh kva: opyt vnutrigeneticheskoi tipologii [Serial constructions with verb 'take' in Kwa: towards intragenetic typology] // V. A. Vinogradov et al. (eds.). Issledovaniia po iazykam Afriki. Vol. 4. M.: Klyuch-S, 2013. P. 259–299]
- Шлуинский 2014 — А. Б. Шлуинский. Внутригенетическая типология языков ква: морфосинтаксис глагольной группы // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 354–455. [A. B. Shluinskii. Vnutrigeneticheskaiia tipologiia iazykov kva: morfosintaksis glagol'noi grupy [Intragenetic typology of Kwa: morphosyntax of the verb phrase] // V. A. Vinogradov (ed.). Osnovy afrikanskogo iazykoznanii. Diakhronicheskie protsessy i geneticheskie otnosheniia iazykov Afriki. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. P. 354–455]
- Шлуинский 2016 — А. Б. Шлуинский. Структурные характеристики серийных конструкций в языках ква: внутригенетическая типология // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН XII (1), 2016. С. 264–278. [A. B. Shluinskii. Strukturnye kharakteristiki serial'nykh konstruktsii v iazykakh kva: vnutrigeneticheskaiia tipologiia [Structural characteristics of serial constructions in Kwa: intragenetic

- typology] // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN XII* (1), 2016. P. 264–278]
- Abraham 1967 [1951] — R. C. Abraham. *The Idoma language. Idoma word-lists, Idoma Chrestomathy, Idoma proverbs*. London: Univ. of London press Ltd., 1967 [1951].
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential object marking: iconicity vs. economy // *Natural Language and Linguistic Theory* 21, 2003. P. 435–483.
- Allan 1973 — E. J. Allan. *A grammar of Buem: The Lɛlɛmi language*. Ph.D. diss. London: Univ. of London, 1973.
- Atoyebi 2010 — J. D. Atoyebi. *A reference grammar of Oko*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2010.
- Atoyebi et al. 2010 — J. Atoyebi, M. Haspelmath, A. Malchukov. Ditransitive constructions in Yorùbá // A. Malchukov et al. (eds.). *Studies in ditransitive constructions*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 145–165.
- Bamgboṣe 1966 — A. Bamgboṣe. *A grammar of Yoruba*. Cambridge: CUP, 1966.
- Bennett, Sterk 1977 — P. R. Bennett, J. P. Sterk. South Central Niger-Congo: A reclassification // *Studies in African Linguistics* 8, 1977. P. 241–273.
- Bobuafor 2013 — M. Bobuafor. *A Grammar of Tafi*. Utrecht: LOT, 2013.
- Bole-Richard 1978 — R. Bole-Richard. *Problématique des séries verbales avec application au Gen* // *Afrique et Langage* 10, 1978. P. 24–47.
- Bole-Richard 1983 — R. Bole-Richard. *Systématique phonologique et grammaticale d'un parler ewe: le gen-mina du Sud-Togo et Sud-Benin*. Paris: L'Harmattan, 1983.
- Christaller 1875 — J. G. Christaller. *A grammar of Asante and Fante language*. Basel: Basel evang. missionary society, 1875.
- Creissels, Kouadio 2010 — D. Creissels, J. Kouadio. Ditransitive constructions in Baule // A. Malchukov et al. (eds.). *Studies in ditransitive constructions*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 166–189.
- da Cruz 1992 — M. da Cruz. Restrictions sémantiques dans les constructions sérielles avec *só* 'prendre' et *hèn* 'tenir' en Fɔngbè // *Journal of West African Languages* 23(1), 1992. P. 115–133.
- Dorvlo 2008 — K. Dorvlo. *A grammar of Logba (Ikpana)*. Utrecht: LOT, 2008.
- Du Bois 1987 — J. W. Du Bois. The discourse basis of ergativity // *Language* 63, 1987. P. 805–855.
- Dunn 1968 — E. F. Dunn. *An introduction to Bini*. Michigan State University, African Studies Center, 1968.
- Essegbey 1999 — J. Essegbey. *Inherent complement verbs revisited: towards an understanding of argument structure in Ewe*. Ph.D. diss. Leiden: Leiden university, 1999.

- Gbery 1987 — E. A. Gbery. *Studies in the grammar of Abbey*. Rochester: The University of Rochester, 1987.
- George 1975 — I. George. *A grammar of Kwa-type verb serialization: its nature and significance in current generative theory*. Ph.D. diss. Los Angeles: Univ. of California, 1975.
- Güldemann 2007 — T. Güldemann. *Preverbal objects and information structure in Benue-Congo* // E. O. Aboh et al. (eds.). *Focus strategies in African languages*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 83–111.
- Harley 2005 — M. W. Harley. *A descriptive grammar of Tuwuli*. Ph.D. diss. London: Univ. of London, 2005.
- Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. *Argument marking in ditransitive alignment types* // *Linguistic Discovery* 3.1, 2005. P. 1–21.
- Haut 1987 — D. Haut. *Das Verbalsystem des Twi*. Magisterarbeit. Berlin: Freie Universität Berlin, 1987.
- Hérault 1978 — G. Hérault. *Éléments de grammaire adioukrou*. Thèse doct. Paris: Univ. de Paris VII, 1978.
- Hyman, Magaji 1970 — L. M. Hyman, D. J. Magaji. *Essentials of Gwari grammar*. Ibadan: Univ. of Ibadan, 1970.
- Ikoru 1996 — S. M. Ikoru. *The Kana language*. Leiden: Research School CNWS, 1996.
- Kouadio N'Guessan 1996 — J. Kouadio N'Guessan. *Description systématique de l'attie de Memni*. Thèse de doctorat. Vol. 1. Grenoble: Univ. de Grenoble III, 1996.
- Kouadio N'Guessan 2000 — J. Kouadio N'Guessan. *Les séries verbales en baoulé: questions de morphosyntaxe et de sémantique* // *Studies in African Linguistics* 29(1), 2000. P. 75–90.
- Krifka 1992 — M. Krifka. *Thematic relations as links between nominal reference and temporal construction* // I. A. Sag, A. Szabolsci (eds.). *Lexical matters*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 29–53.
- Lambert 2001 — R. Lambert. *Identification des propriétés sémantiques et syntaxiques des constructions sérielles en fon*. Maîtrise. Montréal: Univ. du Québec, 2001.
- Lambert-Brétière 2005 — R. Lambert-Brétière. *Les constructions sérielles en Fon: Approche typologique*. Thèse de doctorat. Lyon: Université Lumière Lyon 2, 2005.
- Lefebvre, Brousseau 2002 — C. Lefebvre, A.-M. Brousseau. *A Grammar of Fongbe*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Lewis 1992 — M. Lewis. *Verb serialization in Gɛn and the structure of events*. Ph.D. diss. Indiana univ, 1992.
- Lord 1982 — C. Lord. *The development of object markers in serial verb languages* // P. J. Hopper, S. A. Thompson (eds.). *Studies in transitivity*. New York etc.: Academic press, 1982. P. 277–300.

- Lord 1993 — C. Lord. Historical change in serial verb constructions. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Malchukov et al. 2010 — A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie. Ditransitive constructions: A typological overview // A. Malchukov et al. (eds.). Studies in ditransitive constructions. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 1–64.
- Ogie 2003 — O. Ogie. About multi-verb constructions in Edo // D. Beermann, L. Hellan (eds.). Proceedings of TROSS 03. 2003. <http://www.ling.hf.ntnu.no/tross/TROSS03-toc.html>
- Olawsky 1999 — K. J. Olawsky. Aspects of Dabani grammar. München: Lincom Europa, 1999.
- Osam 1994 — E. K. Osam. Aspects of Akan grammar: A functional perspective. Ph.D. diss. Univ. of Oregon, 1994.
- Osam 1996 — E. K. Osam. The object relation in Akan // Afrika und Übersee 79, 1996. P. 57–83.
- Osam 1997 — E. K. Osam. Serial verbs and grammatical relations in Akan // T. Givón (ed.). Grammatical relations: a functionalist perspective. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 253–279.
- Oyeralan 1982 — O. O. Oyeralan. On the scope of the serial verb construction in Yoruba. Studies in African Linguistics 13(2), 1982. P. 109–146.
- Quaireau 1987 — A. Quaireau. Description de l'agni. Thèse de doctorat. Grenoble: univ. de Grenoble III, 1987.
- Rosendall 1998 — E. P. Rosendall. Aspects of Gbari grammar. MA diss. Arlington: Univ. of Texas, 1998.
- Shimizu 1980 — K. Shimizu. A Jukun grammar. Wien: Institut für Afrikanistik und Ägyptologie der Universität Wien, 1980.
- Stewart 1963 — J. M. Stewart. Some restrictions on objects in Twi // Journal of West African languages 2(2), 1963. P. 145–149.
- van Leynseele 1975 — H. van Leynseele. Restrictions on serial verbs in Anyi // Journal of West African languages 10(2), 1975. P. 189–218.
- Williamson, Blench 2000 — K. Williamson, R. Blench. Niger-Congo // B. Heine, D. Nurse (eds.). African languages: An introduction. Cambridge: Cambridge University press, 2000. P. 11–42.
- Wilson 1970 — W. Wilson. Verbal sequences as case markers in Dagbani. Ph.D. diss. Arlington: Univ. of Texas, 1970.

М. В. Шкана

МГПУ, Москва

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ АКТАНТОВ В ТИБЕТО-БИРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

В последние три десятилетия дифференцированное маркирование актантов было одной из самых популярных тем в тибето-бирманистике, но, как кажется, несмотря на появление большого количества новых данных, эта тема остается проблемной; так, в литературе последнего времени встречаются утверждения, что выбор между падежными показателями опирается на неясные прагматические принципы [Willis 2011] или что описать распределение показателей языком лингвистической типологии невозможно [Ozerov 2015]. В настоящей статье будет сделана попытка дать обзор работ, посвященных данной теме и вышедших позднее 2000 г., — в период, когда ее исследование приняло новое направление, перейдя от попыток объяснить распределение показателей единственным принципом, например приписать им функцию эмфазы или разрешения синтаксической омонимии, к выявлению набора прагматических и коммуникативно-структурных факторов, влияющих на употребление того или иного показателя².

Во втором разделе будет представлена история вопроса и дано самое общее описание особенностей дифференцированного падежного маркирования актантов в тибето-бирманских языках. Третий раздел содержит обзор недавних работ на эту тему. В за-

---

¹ Работа поддержана грантом РФФ № 14-18-03270. Автор благодарит за комментарии участников рабочего совещания, посвященного дифференцированному маркированию актантов (Институт языкознания РАН, 22–23 апреля 2016 г.), и анонимного рецензента.

² В литературе XX века встречаются отдельные работы, предлагающие более сложные правила, например [Tourmadre 1991], и наоборот (см. примеры ниже).

ключении дается резюме обзора, рассматриваются основные проблемы, связанные с данной темой, и возможные пути их решения.

2. ДМА в тибето-бирманских языках: история вопроса и основные особенности.

Тибето-бирманские (далее — ТБ) языки распространены в Южной (север Индии, Непал, Бутан, Пакистан), Восточной (Китай, в том числе Тибетский автономный регион) и Юго-Восточной (Мьянма, Таиланд) Азии. Общее число идиомов — около 450, говорящих — около 60 млн. Основные ветви: лоло-бирманские, бодические, куки-чин-нага, цянские, каренские; для множества языков групповая принадлежность не установлена или сомнительна. Большинство ТБ языков характеризуются анализом, левым ветвлением, конечным положением глагола в клаузе и нестрогим порядком актантов внутри клаузы (зависящим, в частности, от коммуникативной структуры), необязательным выражением значений числа и времени, развитыми категориями модальности, вида, часто также эвиденциальности и вежливости.

Тибето-бирманским языкам свойственен тип дифференцированного маркирования актантов³, при котором кодирование актанта падежным показателем факультативно («optional argument marking» в терминологии [McGregor 2010]), то есть отсутствие падежного показателя не приводит к неграмматичности предложения. Противопоставление нескольких фонологически выраженных показателей также встречается, в том числе вместе с противопоставлением их нулевому показателю, — например, в суми [Тео 2012]. Обычно дифференцированное маркирование сосуществует в языке с расщепленным маркированием: среди правил выбора между показателями могут быть как такие, которые запрещают некоторый показатель в определенных контекстах — например, при местоимениях или в некоторых видо-временных формах (мананге [Hildebrandt 2004], ньягронг-миньяг [Suzuki 2012]), так и предписывающие использование некоторого показателя в заданном контексте, например при предикатах определенного типа [Zeisler 2012: 90].

---

³ Существуют ТБ языки с последовательным кодированием актантов или с расщепленным кодированием без элементов дифференцированного маркирования, но их меньшинство [LaPolla 1995].

Дифференцированное маркирование допускают в ТБ языках актанты со следующими ролями: S (агенса или пациенс переходного глагола), A (агенса переходного глагола), P (пациенса переходного глагола), R (реципиент), локатив. Не все языки, допускающие дифференцированное кодирование актантов, разрешают его для всех перечисленных ролей; чаще всего встречается дифференцированное маркирование A [LaPolla 1992; 1995]. P и R обычно имеют одинаковый падежный показатель; как минимум для одного языка утверждается, что правила распределения нулевого и фонологически выраженного маркера для P и R одинаковы — см. [Sawada 2012] о лхаово. Во многих языках факультативный падежный показатель для A допустим и у S, что вместе с тем фактом, что падежный показатель у A чаще отсутствует, чем наличествует, создает дополнительные сложности для принятия решения о том, является падежное кодирование ядерных актантов в этих языках эргативным или аккумулятивным, и ставит под вопрос то, насколько это решение по отношению к ТБ языкам вообще должно приниматься. Такой показатель могут называть агентивным, номинативным или эргативным в зависимости от позиции автора по этому вопросу или сложившейся традиции. Так, лоло-бирманские языки принято рассматривать как аккумулятивные, большинство других языков ТБ семьи с дифференцированным кодированием A, S и P — как эргативные.

Помимо вопроса о том, не нужно ли трактовать данные показатели в конкретном языке как чисто семантические (например, считать факультативный маркер, встречающийся у A и S, агентивным), часто авторам работ о дифференцированном падежном кодировании в ТБ языках приходится решать проблему соотношения данных показателей с маркерами коммуникативной структуры: показателями топика или фокуса, которые часто бывают им омонимичны. Похожие системы могут описываться по-разному: так, в [Sawada 2012] говорится, что несущий показатель эргатива агенса не может быть топикальным, в таком случае он несет на себе несовместимый с эргативным показатель топика, а в [Тео 2012] утверждается, что топикальный маркер агенса — один из двух показателей агенса наравне с нетопикальным.

Среди условий появления ненулевого показателя агенса в различных работах называются: топикализованность, фокализованность, данность, специфицированность, повышенная агентив-

ность актанта, неожиданность действия. Часто сложно понять, похожи ли системы в разных языках, из-за нечеткости семантических или прагматических критериев, использующихся для их описания, и не всегда эксплицированной методологии. В случае ДОМ выбор морфемы часто коррелирует с одушевленностью: одушевленные объекты имеют ненулевой показатель, неодушевленные — нулевой. Но как правило, и здесь, помимо одушевленности, играют роль и другие семантические, коммуникативные или прагматические факторы, то есть ситуация не отличается кардинально от того, что мы наблюдаем для ДСМ (см. примеры в следующем разделе).

В некоторых работах [Ozerov 2015, Peterson 2011] особо отмечено, что ДОМ и/или ДСМ не служат для разрешения синтаксической омонимии и не коррелируют с порядком слов; в других, как в [Sawada 2012], напротив, говорится, что разрешение синтаксической омонимии — основная функция дифференцированного маркирования. Как отмечено в [McGregor 2010] и справедливо в том числе для более поздних статей, ни в одной работе наличие этой функции у падежных маркеров при факультативном кодировании актантов убедительно не доказывается, а обычно только иллюстрируется несколькими примерами (заметим, при этом Макгрегор пишет, что существование корреляции между наличием синтаксической омонимии и ненулевым маркированием падежа очень вероятно)⁴.

Активное исследование дифференцированного кодирования актантов в ТБ языках началось с компаративистских работ «Anti-ergative marking in Tibeto-Burman» [LaPolla 1992] и «‘Ergative’ marking in Tibeto-Burman» [LaPolla 1995], где утверждается, что в языках с факультативным маркированием данных актантов оно используется исключительно в случаях, где необходимо разрешение синтаксической омонимии, а также что такое состояние представляет собой начальный период грамматикализации синтаксических падежей [LaPolla 1995: 214]. Последний тезис под-

---

⁴ Наши данные языка мананге (бодический, Непал), полученные в результате оценки носителями предложений с варьированием маркирования актантов и порядка слов, такой корреляции не демонстрируют; вполне возможно, что при использовании другого метода результат будет отличаться.

тверждается в названных работах в частности тем, что показатели ядерных актантов не реконструируются для ТБ языков на уровне не только семьи, но даже крупных ветвей и во многих языках, как считает автор, должны трактоваться скорее как агентивные (см. об этом также в [LaPolla 1989]).

В нулевые — первую половину 10-х вышло множество работ о ДОМ и ДСМ в конкретных ТБ языках, обзор которых будет предложен далее. Большинство статей на эту тему опубликованы в журнале «Linguistics of the Tibeto-Burman Area»; кроме того, большое количество релевантной информации содержится в грамматиках, таких как [Andvik 2010, Coupe 2007, Hyslop 2011, Lidz 2012]. Литература этого периода значительно расширяет наши знания о дифференцированном маркировании актантов в ТБ языках, однако ей свойственны следующие недостатки: 1) отсутствие систематизации и иерархизации найденных закономерностей (статистической или абсолютной); 2) недостаток отрицательных данных, в том числе сведений о том, что определенная категория не влияет на выбор показателя; 3) отсутствие указаний на то, что именно позволило вывести приводимые правила. В результате не всегда понятно, в какой мере различия в наборах правил отражают особенности ДМА в конкретном языке, а в какой являются следствием различного подхода авторов к проблеме.

Что касается методологии, обычно в качестве источников материала используются элицитация, устная речь и интроспективные наблюдения информантов; однако как именно делаются заключения об использовании тех или иных показателей, обычно не сообщается.

Интересный новый взгляд на проблему дифференцированного кодирования актантов в целом и в ТБ языках в частности содержится в [McGregor 2010]. Критикуя другие подходы, У. Макгрегор предлагает «семиотическую» трактовку: маркированные эргативом агенты являются «важными» («prominent»), немаркированные — фоновыми («backgrounded»). При этом в конкретном языке или конструкции «prominency» может выражаться в том, что агент новый, а не данный, более агентивен, несет коммуникативные значения фокуса или контраста. Кроме того, возможны разные способы выражения важности vs. фоновости, например, наличие фонологически выраженного показателя может передавать немаркированность агента по признаку фоновости, а отсутствие — фоновость.

Таким образом, данные работы демонстрируют три различных трактовки дифференцированного маркирования актантов в ТБ языках:

1. «Прагматический эргативный» и «антиэргативный» показатели — стадия грамматикализации, переходный период от отсутствия к наличию у ядерных актантов синтаксических маркеров. Единственная функция «прагматического (анти)эргатива» — разрешение синтаксической омонимии между объектом и субъектом [LaPolla 1992; 1995]. Из недавних работ похожей точки зрения придерживается автор [Sawada 2012]. Такой подход вступает в противоречие с тем, например, что в тибетском языке на всем протяжении его письменной истории (с VII в.) эргативный показатель факультативен [DeLancey 2011], а также с тем, что во многих языках употребление эргативного показателя не коррелирует с наличием синтаксической омонимии.

2. Выбор между нулевым и ненулевым показателем задает сложная комбинация семантических, коммуникативных и прагматических факторов; иногда автор работы предпринимает попытку представить вес каждого фактора [Zeisler 2012] или составить их иерархию [Sawada 2012], чаще этого не происходит и взаимодействие факторов не комментируется ([Hyslop 2010, MacMillan in press, Willis 2011, Teo 2012] и другие). Примеры факторов: намеренность (волитивность) и агентивность, референциальный статус (для DSM — также прямого объекта), топикальность и фокальность, степень транзитивности предиката, одушевленность, эмфаза, контраст.

3. Отказ от подхода (2) в пользу введения новых, специфических для конкретного языка прагматических терминов [Ozegov 2015] или объяснения всех случаев употребления фонологически выраженного маркера максимально общим принципом, который способен принимать разные выражения в разных языках и контекстах [McGregor 2010].

3. Обзор работ

3.1. Куки-чин-нага и другие языки Нагаленда

В работе [Teo 2012] о DSM в суми (Нагаленд, Индия) противопоставлены кодирование агенса нулем или одним из двух фонологически выраженных показателей, первый из которых

также маркирует фокус на любом аргументе, второй — топик. Первый показатель, по форме совпадающий с маркером инструменталиса, чаще встречается в прошедшем времени, при предельных и точечных предикатах; именно он должен быть употреблен в первом предложении текста. Второй показатель чаще употребляется при дуративных и неопредельных предикатах. Отмечено, что определенность и неодушевленность в распределении маркеров роли не играют. Первый, омонимичный фокальному, показатель ассоциируется с большей агентивностью агенса, омонимичный топикальному и нулевой — с меньшей. «Фокальный» показатель отвечает за более «значимые» (noteworthy) действия, «топикальный» — рутинные.

В статье [Chelliah 2009], посвященной дифференцированному маркированию актантов в манипури (предположительно также относящемуся к группе куки-чин-нага, с.-в. Индия), для каждого из падежных показателей агенса, пациенса, ассоциатива и локатива находится омоним среди частиц, несущих коммуникативное или прагматическое значение, причем эти значения объединяет компонент «новизны или неожиданности»: агенсу соответствует показатель контрастного фокуса, пациенсу — указание на то, что существование референта или его включение в ситуацию оценивается говорящим как странное и нежелательное («surprising and unfortunate» [Chelliah 2009: 381]), ассоциатива — указание на неожиданность для говорящего участия в ситуации некоторого известного ему референта, локатива — указание на то, что, с точки зрения говорящего, участие партиципанта в ситуации для слушающего является новым или неожиданным. Все перечисленные падежные показатели, кроме ассоциатива, факультивны, и их употребление описывается следующим образом: показатель агенса встречается, когда речь идет о неспецифицированном субъекте или субъекте в контрастном фокусе, показатели пациенса или локатива — если соответствующие ИГ, наоборот, специфицированные. При этом автор полагает, что коммуникативные маркеры развились из синтаксических. В статье [Coore 2011], где речь идет о двух языках Нагаленда — ао (возможно, группа куки-чин-нага) и чанг (языки коньяк бодической группы) — и которая посвящена в первую очередь происхождению эргативных маркеров в этих языках, напротив, отстаивает

вается более популярная (см., в частности, выше об аргументах Р. Лаполлы) точка зрения, что морфологические показатели развились из коммуникативноструктурных и семантических. В монгсен ао (диалект ао), по [Coupe 2007], употребление фонологически выраженного показателя агенса передает намеренность действия или контрастный фокус на агенсе, обозначает смену агенса, а также обязательно при глаголах речи. Фонологически выраженный падежный маркер у пациенса встречается редко и только при референтах-людях.

Согласно [Peterson 2011], в бангладешском куми (куки-чиннага) фонологически выраженный показатель агенса употребляется при некоторых типах фокализации и «foregrounding», при наличии у агентивной ИГ значения контраста, намеренном совершении действия, которое обычно совершается ненамеренно, при глаголах речи и с дистрибутивными предикатами. При отрицании показатель обычно отсутствует. В редких случаях тот же маркер встречается у S и P. Фонологически выраженный показатель пациенса встречается у одушевленных P (его отсутствие возможно и обозначает «низкую индивидуализованность» партиципанта, а наличие его у неодушевленных ИГ, наоборот, их «высокую индивидуализованность»), а также при некоторых семантических типах предикатов.

3.2. Бодические языки

Дарма (с.-з. Индия), описываемый в [Willis 2011], ранее считался языком с эргативностью в прошедшем времени; как убедительно показано в данной работе, это неверно и, скорее всего, происходило из-за того, что информантам предъявлялись стимулы на хинди [Willis 2011: 107], языке с расщепленной по времени эргативностью. В статье делается акцент на то, что для исследования дифференцированного падежного маркирования необходимо совмещение различных методов: элицитации и исследования живой речи. Автор говорит, что еще не готова формулировать правила дистрибуции фонологически выраженного и фонологически невыраженного показателя эргатива; она опирается на материал более ранних работ и, как кажется, исходя из пресуппозиции, что эргативный показатель может маркировать неожиданное или необычное действие, контраст и фокус [Willis 2011: 119], примеры с фонологически выраженным показателем в

дарма трактует так же, хотя это часто выглядит натянуто. Вместе с тем автор убедительно демонстрирует, что как минимум в некоторых контекстах показатель эргатива имеет значение контраста и что он может вступать в сложные коммуникативные отношения с контрастной частицей, меняя сферу действия фокуса [Willis 2011: 117]. К сожалению, почти все примеры в [Willis 2011] на агенс с ненулевым эргативным показателем — местоименные; нельзя исключать, что местоименность сильно положительно коррелирует к употреблению эргативного маркера, как, например, в бирманском [Ozerov 2015]. Заметим, что это одна из немногих работ, где уделяется внимание кодированию субъекта номинализации, а именно сказано, что в номинализации возможен фонологически выраженный эргативный маркер [Willis 2011: 113]. (В ТБ языках номинализация, как правило, сентенциального типа по Копчевской-Тамм, то есть кодирование актантов совпадает в финитной и нефинитной клаузе и такое поведение ожидается). Кодирование реципиента также факультативно.

В киннаури (север Индии), согласно [Saxena 2007], фонологически выраженный маркер агента присутствует при глаголах речи, контрастном фокусе на агенсе и при «смещении дейктического центра», например при переходе от описания к прямой речи.

В языке гья-мина (Кашмир, Индия), по [Zeisler 2012], вероятность ненулевого эргативного показателя повышается, во-первых, в случае высокой транзитивности предиката, во-вторых, когда ситуация близка к говорящему во времени, пространстве или эмоционально, и в-третьих, с глаголами поглощения (*verbs of consumption*). С методологической точки зрения статья интересна тем, что Б. Цайслер, используя, как и большинство других авторов, в первую очередь данные элицитации и комментарии информантов, представляет приблизительные веса различных факторов в виде псевдостатистических таблиц, которые демонстрируют ожидаемые автором корреляции.

Статья [Vollmann 2010] содержит обзор работ, посвященных ДСМ в тибетских языках. Автор приходит к выводу, что основная общая черта их систем — повышенная волитивность (*volitionality*) маркированного падежным показателем актанта, но отмечает, что из-за недостатков имеющихся описаний делать обобщения сложно.

3.3. Лоло-бирманские языки

В лхаово (Бирма; Юннань, Китай), описываемом в [Sawada 2012], эргативный показатель встречается только у А, но не у S. Дифференцированному маркированию подвержены А, Р и R. Факторы, способствующие употреблению фонологически выраженного показателя прямого объекта, следующие: линейная позиция — Р предшествует А либо отделен от глагола другой именной группой или клаузой [Sawada 2012: 17]; референт Р — человек [Sawada 2012: 19] (при этом показатель необязателен в случае, когда «доступна лексическая / контекстуальная информация, помогающая идентифицировать Р»). Другие одушевленные Р обычно имеют нулевой показатель, за исключением случаев, когда возможна синтаксическая омонимия с А [Sawada 2012: 20]. Автор предполагает, что Р, расположенный дистантно по отношению к глаголу, может быть интерпретирован как «новое подлежащее», если не несет падежного показателя, однако не поясняет, почему это возможно [Sawada 2012: 32]. Специфичные и данные (*discourse old*) Р, имеющие референтами людей, маркированы падежным показателем; неспецифичные, но обозначающие людей могут быть маркированы или нет [Sawada 2012: 21–22]. Новые и неспецифичные Р не маркированы. Если данный Р встречается в тексте больше одного раза, в непервом вхождении он тоже может быть немаркирован [Sawada 2012: 23]. Также утверждается, что необязательно маркирование, когда невозможна семантическая омонимия [Sawada 2012: 28]. Влекут маркирование эмфаза или контраст на Р. Маркированы также Р, представляющие собой ИГ сложной структуры либо просто фонетически тяжелую ИГ, например состоящую из нескольких конъюнктов [Sawada 2012: 25]. Автор утверждает, что абсолютно те же правила регулируют употребление *vs.* опущение падежного показателя у R [Sawada 2012: 27]. В работе подчеркивается, что падежные показатели служат главным образом для разрешения синтаксической омонимии [Sawada 2012: 32], но не все факторы можно объяснить таким образом. Предпринимается попытка ранжировать факторы [Sawada 2012: 31], однако ранжирование по большей части ничем не подтверждается. Об эргативном показателе сообщается, что он, как в некоторых рассматривавшихся выше языках, не сочетается с топиальными ИГ (которые несут показа-

тель топика либо не несут никакого показателя) и что обычно он встречается при предикате, требующем одушевленного Р, какой при этом может быть или не быть выражен в предложении [Sawada 2012: 29]. Одушевленность А не влияет на употребление показателя.

В недавней статье [Ozerov 2015] представлен новаторский взгляд на явление дифференцированного кодирования актантов в бирманском языке и в целом. В статье сообщается, что в большинстве случаев при узком фокусе на Р или при фокусе на глагольной группе, в которую он входит, маркер нулевой. Нереперентные объекты обычно имеют нулевой показатель, потому что являются частью составляющей, находящейся в фокусе. Фонологически выраженный маркер, *ko*, чаще встречается с топиками, а также обязателен при местоимениях (узкий фокус на местоимении требует дополнительного показателя фокуса *pe*). При этом *ko* может маркировать фокализированные и нереперентные составляющие. Составляющие с *ko* и без различаются просодически: первые представляют собой отдельную просодическую составляющую со своим акцентом, составляющие без *ko* просодически примыкают к глаголу. В противовес предшественникам, предлагавшим анализировать объектный маркер *ko* как показатель топика, реперентности, специфицированности, топикальности или средство разрешения синтаксической омонимии, Озеров предлагает ввести новые, специфичные для языка термины, не несущие коммуникативноструктурной или другой смысловой нагрузки, — «final package» и «non-final package»:

Коммуникативная единица, выделяемая в бирманском из-за опционального маркирования (и возникающей в результате оппозиции наличия vs. отсутствия границы), определяется здесь как «пакет». «Пакет»: коммуникативная единица, передаваемая выражением, эксплицитно выделенным с помощью предназначенных для этого морфосинтаксических средств. Коммуникативная структура клаузы может рассматриваться как система «пакетов». Для анализа бирманской коммуникативной структуры потребуются две структурные роли. Нефинальная: «пакет», выполняющий структурную роль подготовительной составляющей для последующих «пакетов». Финальная: «пакет», завершающий структуру, которая либо начиналась с «нефинального пакета», либо не требует таких подготовительных «пакетов». В соответствии с

этим определением информация, которую несет Р-аргумент, маркированный *ko*, представляет собой «нефинальный пакет»; маркированный нулем Р-аргумент присоединяется к последующим составляющим, чтобы образовать вместе с ними единую коммуникативную единицу: «финальный пакет»⁵ [Ozerov 2015: 21].

Озеров предлагает распространить этот анализ также на ДСМ [Ozerov 2015: 21]. Он подчеркивает, что определения базируются на «чисто структурных» принципах и не связаны ни с коммуникативной структурой, ни с прагматической функцией выражения. При этом далее Озеров сообщает, что «non-final package», как правило, топикальна, референтна или специфична, а также может быть просто «семантически нагруженной». Получается логический круг, который, как кажется, неизбежен при попытке описать язык внутриязыковыми терминами, но не являет собой проблемы с точки зрения автора.

3.4. Цянские

О ДСМ в ньягронг-миньяне (цянские, Сычуань, Китай) автор [Suzuki 2012] пишет: «мои коллеги говорят, что эргативный показатель используется для эмфазы на А, но я не могу уверенно сказать, что именно обуславливает добавление или опущение эргативного маркера» [Suzuki 2012: 41]; при этом в работе перечислены несколько правил, регулирующих употребление показателя агентива. Среди них есть строгие синтаксические признаки, то

---

⁵ “A unit of information identified for Burmese by its optional marking (and the opposition of separation vs. an absence of separation created as a result of it) is defined here as a PACKAGE. PACKAGE: a unit of information carried by an expression explicitly segregated by designated morphosyntactic means. The information expressed by a clause can be regarded as a structure of PACKAGES. Two structural roles will be required for the analysis of information PACKAGING in Burmese. NON-FINAL: a PACKAGE that serves as a structurally preparatory constituent for subsequent PACKAGES. FINAL: a PACKAGE that completes the structure initiated by a NON-FINAL PACKAGE or requires no such preparatory PACKAGES. According to these definitions information carried by a *ko*-marked P-argument forms a NON-FINAL PACKAGE; a zero-marked P-argument joins the following constituents to form together with them a single information unit: a FINAL PACKAGE.”

есть здесь, как в большинстве случаев, мы имеем дело с гибридом расщепленной и факультативной эргативности. Так, эргативный показатель запрещен при местоимениях (что представляет собой противоположность случаю бирманского, см. выше). При каузативной деривации обязательно маркирование эргативом каузатора. При сериализации с глаголом движения эргативный показатель запрещен. В ньягронг-миньяне, как в лхаово, эргативный показатель невозможен у единственного актанта, но встречается у экспериенцера в предложении с дативным стимулом. Предпочтительно употребление показателя агенса в контексте: прогрессивного аспекта предиката; контрастного фокуса на А. Если Р и А оба появляются впервые, употребление падежного маркера обязательно. Не влияют на употребление показателя параметры определенности агенса, иллокутивной силы и полярности высказывания, степени транзитивности предиката и семантика предиката в целом. Р никогда не имеет фонологически выраженного маркера; R может иметь дативный показатель или тоже не иметь падежного показателя. Предлагается не различать в языке эргатив и инструменталис, поскольку они в дополнительном распределении: первый допустим только с одушевленными ИГ, второй только с неодушевленными; инструменталис при этом не факультативен.

4. Заключение

Итак, в ТБ языках, с точки зрения большинства исследователей, ненулевые падежные показатели для А и Р лицензируются комбинацией семантических, коммуникативных и/или прагматических признаков. Ни один из выявленных наборов признаков ни для одного языка с ДОМ и/или ДСМ не позволяет предсказать со стопроцентной надежностью, будет ли использован в данном контексте фонологически выраженный падежный показатель. Традиционное противопоставление внутри ТБ семьи языков, использующих номинативно-аккузативную vs. эргативную стратегию падежного маркирования, условно и зависит от трактовки «прагматического эргативного» показателя как имеющего в первую очередь грамматическое vs. прагматическое значение.

Основные проблемы существующих описаний ДСМ и ДОМ в ТБ языках следующие.

Во-первых, часто сообщается, что ИГ с фонологически выраженным падежным маркером некоторые признаки «скорее» свойственны либо несвойственны, однако в отсутствие указания на способ установления и на силу этой зависимости подобные утверждения практически невозможно использовать как для типологических обобщений, так и для сопоставления с другими ТБ языками.

Во-вторых, как правило, в текстах работ упоминаются лишь те признаки, которые были найдены релевантными, и таким образом, нельзя понять, был некоторый признак рассмотрен и найден нерелевантным или вообще не рассматривался, что также затрудняет сравнение систем ДОМ и ДСМ в разных языках семьи.

В-третьих, из-за недостаточной системности описаний часто из статьи неясны такие первостепенные вещи, как: является ли некоторый признак необходимым или достаточным для употребления того или иного показателя; какова иерархия признаков (в случаях, когда автор утверждает, что признаки иерархизованы) — какой из показателей оказывается выбран при их конфликте, и под.

Главные вопросы, которые ставит перед исследователем дифференцированное маркирование актантов в ТБ языках, как кажется, такие:

1. В какой мере разнообразие наборов факторов, которым приписывается влияние на выбор между нулевой и ненулевой морфемой, является отражением истинного положения вещей, а в какой — следствием разности подходов, используемых авторами работ?

2. Возможно ли не стохастическое описание систем ДОМ и ДСМ в ТБ языках?

3. Какие методы наиболее эффективны для выявления факторов, влияющих на выбор между нулевым и ненулевым падежным показателем?

Представляется, что наиболее результативен был бы метод контролируемых контекстов с последующим приписыванием различным значениям параметров весов, интерпретируемых как сила влияния этих параметров на выбор того или иного показателя — ср. [Оскольская, Стойнова наст. сб.]. В [Zeisler 2012] представлено то, что автор называет «симуляцией» (simulation) такого подхода.

Сокращения

ДОМ — дифференцированное объектное маркирование, ДСМ — дифференцированное субъектное маркирование, ИГ — именная группа, ТБ — тибето-бирманские, А — агенс переходного предиката, Р — пациенс переходного предиката, R — реципиент, S — агенс или пациенс непереходного предиката

Литература

- Оскольская, Стойнова, наст. сб. — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке // Настоящий сборник. [S. A. Oskol'skaia, N. M. Stoinova. Differentsovannoe markirovanie ob"ekta v nanaiskom iazyke [Differential object marking in Nanai] // This volume]
- Andvik 2010 — E. E. Andvik. A grammar of Tshangla. Leiden — Boston: Brill, 2010.
- Chelliah 2009 — Sh. L. Chelliah. Semantic role to new information in Meithei // J. Barðdal, Sh. L. Chelliah (eds). The Role of Semantic, Pragmatic, and Discourse Factors in the Development of Case. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 377–400.
- Coupe 2007 — A.R. Coupe. A grammar of Mongsen Ao [Mouton Grammar Library 39]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Coupe 2011 — A.R. Coupe. On core case marking patterns in two Tibeto-Burman languages of Nagaland // Linguistics of the Tibeto-Burman Area 34 (2), 2011. P. 21–47.
- DeLancey 2011 — S. DeLancey. «Optional» «ergativity» in Tibeto-Burman languages // Linguistics of the Tibeto-Burman Area 34 (2), 2011. P. 9–20.
- Hildebrandt 2004 — K. A. Hildebrandt. A grammar and glossary of the Manange language // C. Genetti (ed.). Tibeto-Burman Languages of Nepal: Manange and Sherpa. Canberra: Pacific Linguistics, 2004. P. 2–189.
- Hyslop 2010 — G. Hyslop. Kurtöp case: The pragmatic ergative and beyond // Linguistics of the Tibeto-Burman Area 33 (1), 2010. P. 1–40.
- Hyslop 2011 — G. Hyslop. A grammar of Kurtöp. PhD Thesis. Oregon university, 2011.
- LaPolla 1989 — R. J. LaPolla. Verb agreement, head-marking vs. dependent-marking, and the ‘deconstruction’ of Tibeto-Burman morpho-syntax // Annual meeting of the Berkeley Linguistic Society 15, 1989. P. 356–366.
- LaPolla 1992 — R. J. LaPolla. ‘Anti-ergative’ marking in Tibeto-Burman // Linguistics of the Tibeto-Burman Area 15 (1), 1992. P. 1–9.

- LaPolla 1995 — R. J. LaPolla. ‘Ergative’ marking in Tibeto-Burman // *Senri Ethnological Studies* 41, 1995. P. 189–228.
- Lidz 2011 — A. L. Lidz. Agentive marking in Yongning Na (Mosuo) // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 34 (2), 2011. P. 49–72.
- MacMillan, forthcoming — G. MacMillan. Split Ergativity in Eastern Bhutanese Tshangla // A. Shardl (ed.). *UMass Occasional Papers in Linguistics: Papers on Tshangla*. Amherst, MA: GLSA Publications, forthcoming. (<http://ling.umd.edu/~glynis/tshangla.pdf>)
- McGregor 2010 — W. B. McGregor. Optional ergative case marking systems in a typological-semiotic perspective // *Lingua* 120, 2010. P. 1610–1636.
- Ozerov 2015 — P. Ozerov. Information structure without topic and focus // *Studies in Language* 39 (2), 2015. P. 386–423.
- Peterson 2011 — D. A. Peterson. Core participant marking in Khumi // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 34 (2), 2011. P. 73–100.
- Saxena 2007 — A. Saxena. Contrastive focus in Kinnauri narratives // P. K. Austin, A. Simpson (eds). *Endangered languages*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2007. P. 191–206.
- Sawada 2012 — H. Sawada. Optional marking of NPs with core case functions P and A in Lhaovo // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*, 35 (1), 2012. P. 15–34.
- Suzuki 2012 — H. Suzuki. Ergative marking in Nyagrong-Minyag (Xinlong, Sichuan) // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 35 (1), 2012. P. 35–48.
- Teo 2012 — A. Teo. Sumi agentive and topic markers: no and ye // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 35 (1), 2012. P. 49–74.
- Tournadre 1991 — N. Tournadre. The rhetorical use of the Tibetan ergative // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 14 (1), 1991. P. 93–107.
- Vollmann 2010 — R. Vollmann. Optional ergative case marking in Tibetan. Unpubl. ms. (http://uni-graz.at/~vollmann/pubs/VR2010A_opt_erg_12.pdf).
- Willis 2011 — C. M. Willis. Optional case-marking in Darma (Tibeto-Burman) // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 34 (2), 2011. P. 101–131.
- Zeisler 2012 — B. Zeisler. Practical issues of pragmatic case marking variations in the Kenhat varieties of Ladakh // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 35 (2), 2012. P. 75–106.

**МОДАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ
ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ**

М. Д. Воейкова

ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург

МОДАЛЬНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ УСВОЕНИЯ ЯЗЫКА

В данную подборку текстов вошли доклады двух конференций, проходивших в ИЛИ РАН в 2015 и 2016 г. Одна из них — «Проблемы онтолингвистики — 2015: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции» — состоялась 18–20 мая 2015¹. В ней приняли участие более 60 ученых из Болгарии, Казахстана, Литвы, Норвегии, Польши, Финляндии, а также из многих городов России от Санкт-Петербурга до Владивостока. Сборник материалов конференции дает представление о ее тематике и теоретическом разнообразии (http://iling.spb.ru/confs/ontoling2015_abstracts.pdf), см. также отчет [Иванова, Краснощекова 2016]. Фактически на ней были представлены все основные направления исследования детской речи, такие как усвоение отдельных слов, форм и конструкций, закономерности становления грамматической системы, основы ранней диагностики и способы оценки уровня речевого развития, метаязыковые наблюдения детей и реакция взрослых на их высказывания, становление языковой системы в норме и патологии, особенности эмоционального и психического развития и связанные с ними индивидуальные черты развития языкового. В нескольких докладах рассматривались региональные и социально обусловленные разновидности детской речи, многие наблюдения касались билингвального и трилингвального воспитания. Для публикации были отобраны те исследования, которые в наибольшей мере помогают понять процесс сбалансированного развития ребенка, усвоения языковой системы на фоне соответствующего психического, когнитивного и эмоционального взросления. Этот процесс также обусловлен окружением ребенка, тем, какую речевую продукцию он слышит

---

¹ Обе конференции, а также подготовка и издание данного сборника были поддержаны грантом РНФ «Механизмы усвоения языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка», проект 14-18-033668 (рук. М. Д. Воейкова).

«на входе». Исходная речевая продукция (так называемый «инпут») служит источником для подражания и имитации, однако, как показывают результаты проведенных авторами исследований, во многих областях усвоения языка наблюдается лишь косвенное, обусловленное креативным отбором влияние инпута. Речь детей не является слепком с речи их родителей, она усваивается при помощи определенных механизмов и обладает индивидуальной и языковой спецификой. Более подробно эти проблемы рассматривались на основе анализа конкретных компонентов языковой системы, в частности, на основе особенностей усвоения модальности.

Этой более узкой проблеме была посвящена вторая конференция — «Модальность в языке взрослых и детей» («Modality in the language of children and adults»), которая состоялась 13–15 апреля 2016 г., см. обзор [Воейкова, Краснощекова 2016]. Институт лингвистических исследований РАН совместно с Филологическим факультетом СПбГУ собрал исследователей из разных стран мира, чтобы обсудить проблемы модальности в широком смысле, включая проблемы усвоения и функционирования в языке различных модальных показателей и значений. В конференции приняли участие более 20 ученых из Австрии, Германии, Израиля, Норвегии, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Южной Кореи, а также из различных городов России. Рабочими языками конференции были русский и английский; большинство докладов было прочитано на английском; русские доклады переводились. Особое внимание уделялось типологическому разнообразию модальных показателей в языках мира, при этом учитывались те разновидности модальной семантики, которые наиболее регулярно выражаются в конкретном языке. Представленные на конференции онтолингвистические доклады сделаны на материале речи детей, осваивающих русский, греческий, корейский, французский, немецкий, саамский, финский языки и иврит. Модальность в речи взрослых анализировалась на основе русского (Н. В. Зорихина-Нильссон, Стокгольм), болгарского (Е. Ю. Иванова), французского (Е. Е. Корди), эвенкийского (И. В. Недялков), ненецкого (А. Ю. Урманчиева) и ирландского (В. В. Байда) языков. Участники семинара приняли участие в обсуждении 24 докладов.

Семинар по модальности тесно связан с Международным лингвистическим проектом «Ранние стадии усвоения морфологии детьми: пре- и протоморфология», который проводится под руко-

водством проф. В. У. Дресслера на базе Венского университета. Проект по пре- и протоморфологии был основан в 1994 году; в его рамках ежегодно проводятся исследования разных аспектов усвоения грамматики. До сих пор в рамках проекта разрабатывались вопросы именной и глагольной морфологии [Voeikova, Dressler 2002; Bittner, Dressler, Kilani-Schoch 2003; Stephany, Voeikova 2009], в том числе с 2012 года началось изучение проблем вида и модальности; отдельные направления исследований посвящены семантике и грамматике прилагательных [Tribushinina, Voeikova, Noccetti 2015], диминутивам [Savickienė, Dressler 2007], морфонотактике и словосложению (текущий проект). В настоящий момент в исследованиях задействованы данные 18 языков мира, принадлежащих к индоевропейской, финно-угорской и семитской семьям. На конференции по модальности с анализом данных детской речи выступали Й. Й. Ийяс (Каутокейно, Норвегия, саами), К. Корецки-Крёлль (Вена, Австрия, австрийский вариант немецкого языка), К. Лаало (Хельсинки, Финляндия, финский язык), С. Узиель-Карл (Тель-Авив, Израиль, иврит), С. Че (Вена, Австрия, корейский), У. Штефани (Кельн, ФРГ, новогреческий). Данные русского языка анализировались в докладах Н. В. Зорихиной-Нильссон (Стокгольм), В. М. Швеца (Череповец), а также петербургских исследователей — М. Д. Воейковой, К. А. Ивановой, В. В. Казаковской, С. В. Краснощековой, Е. А. Офицеровой, О. Б. Сизовой, Е. Г. Сосновцевой. Для участников этой конференции характерен функциональный (или конструктивистский) подход (в широком смысле), который в описании набора модальных значений и средств их выражения опирается на понятие функционально-семантического поля модальности [Бондарко 1990]. Усвоение модальности рассматривается как постепенное возникновение в речи и сознании ребенка системы модальных показателей и связанных с ними оттенков значения, которые присутствуют в языковой системе взрослых носителей языка.

Мы разделяем представление о том, что языковая система не является врожденной и может быть построена ребенком на основе имитации и реанализа инпута. Общий функционалистский взгляд на проблему усвоения языка имеет, впрочем, целый ряд теоретических разновидностей. Так, функциональная теория пре- и протоморфологии предполагает стадийность в развитии

грамматической системы и постулирует, что на начальной стадии усвоения языка дети, говорящие на разных языках, проходят фазу преморфологии: в этот период в их речи нет морфологических противопоставлений, слова употребляются в одной, обычно замороженной форме; даже если дети могут произнести разные формы одного и того же слова, они не противопоставлены по функции и могут встретиться в любом контексте. Начальная фаза преморфологии в речевой продукции ребенка постепенно переходит в фазу протоморфологии, которая характеризуется появлением морфологических оппозиций и так называемых минипарадигм — наборов из трех и более противопоставленных друг другу форм имен и глаголов. Третья стадия — модулярной, или сравнимой с языком взрослых, морфологии — наступает тогда, когда ребенок овладевает основным набором продуктивных моделей формоизменения. Она наблюдается у детей в среднем к пятому году жизни и отличается значительной индивидуальной вариативностью [Dressler, Karpf 1995; Dressler 1997].

Необходимо заметить, что даже среди участников проекта не было единодушия по поводу представленной модели. Резкой подчас критике подвергались такие ее элементы, как жесткая стадийность, выдвигание минипарадигм в ранг критерия наступления протоморфологии (что подходит не для всех языков) [Christofidou, Stephany 2003]. Понятие стадии развития традиционно связывается в психолингвистике с генеративной парадигмой и вызывает возражения, так как выделение стадий предполагает и наличие резких переходов от одного этапа развития к другому, в то время как специалисты по детской речи скорее склонны видеть постепенное и лексически обусловленное накопление количественных характеристик, приводящих в итоге к качественным изменениям. Так, быстрый рост словаря ребенка (так называемый «лексический взрыв») обычно является предпосылкой для морфологического развития, накопление глагольной лексики связано с развитием синтаксической структуры. Поэтому в настоящее время распространена и другая функциональная модель усвоения языка — теория усвоения языка, основанная на употреблении, связанная с именем разработавшего ее М. Томаселло [Tomasello 2003]. Эта модель предполагает, что усвоение грамматических форм происходит полексемно — сначала ребенок на основе ими-

тации овладевает наиболее частотными морфологическими противопоставлениями, которые постепенно запечатлеваются в мозгу в виде более обобщенной модели. Возникновение морфологических образцов происходит в результате «закрепления» (entrenchment) в памяти отдельных соотнесенных между собою форм. Оставляя в стороне возможные возражения, скажем лишь, что модель пре- и протоморфологии и модель, основанная на употреблении, являются ведущими функциональными теоретическими моделями в современной психолингвистике. На наш взгляд, между ними нет глубокого противоречия, если не настаивать на резкой стадильности в процессе усвоения языка. Именно с точки зрения данных двух моделей мы и рассматриваем процессы овладения детьми различными аспектами модальной характеристики высказывания.

Теоретические проблемы изучения модальности в речи детей и взрослых

Модальность рассматривается как «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности» [Бондарко 1990: 59]. В качестве основных разновидностей модальных значений приводятся актуальность/потенциальность (возможность, необходимость, гипотетичность), оценка достоверности, коммуникативная установка, утверждение/отрицание и засвидетельствованность [Там же: 59–66]. Таким образом, с областью модальности связаны такие языковые явления, как выражение побуждения/указания/просьбы, желания, уверенности/неуверенности, возможности/невозможности, отрицания и т. д. Типологически распространенными способами выражения модальности в языке являются грамматическая категория глагольного наклонения и лексические средства (модальные глаголы, частицы, прилагательные и наречия, вводные слова). Сразу необходимо заметить, что взгляды различных авторов на границы модальности расходятся. Так, Е. В. Падучева [2014] исключает из модальной сферы утверждение и отрицание, однако добавляет к ней так называемую «иллокутивную модальность», которая опирается на противопоставление предложений по цели высказывания.

Поскольку, как явствует из приведенного списка модальных значений, они в значительной степени разнородны и, на первый взгляд, несоотносимы друг с другом, принято выделять в сфере модальности различные семантические области. К ним относят деонтическую модальность, связанную с отражением семантики долженствования, эпистемическую модальность, отражающую оценку достоверности высказывания и иногда ссылку на источник информации, и динамическую модальность, связанную со сферой желательности [Stephany 1986, 1993; Palmer 2001; Nuys 2016]. Деонтическая и динамическая модальность ориентированы на агенса — потенциального исполнителя желательного или требуемого в силу долженствования действия, эпистемическая модальность направлена на содержание пропозиции. В сфере эпистемической модальности иногда специально выделяют категорию эвиденциальности, или засвидетельствованности, — семантическую область, связанную с указанием на источник информации [Козинцева 2007]. Соотношение эвиденциальности и эпистемической модальности является предметом дискуссий (см. об этом [Aikhenvald 2004; Aksu-Koç 2016; Terziyan, Aksu-Koç, Taylan 2015]), однако в рамках изучения модальности в детской речи эти две разновидности модальной оценки рассматриваются в одном ряду — как разные способы пропозициональной оценки. Существенно для исследований по детской речи, что разные виды модальности возникают в языковой системе ребенка не одновременно: деонтическая модальность, особенно связанная с императивом, в силу как прагматических, так и языковых причин усваивается рано [Aikhenvald 2010: 326–330], в то время как эпистемическая модальность, отражающая уверенность/неуверенность говорящего в справедливости суждения, относится к поздним этапам усвоения языка. Такая последовательность в усвоении соответствует и данным о позднем появлении маркеров эпистемической модальности в филогенезе [Stephany 1983, 1986, 1993; Hickmann, Bassano 2016]. Гипотеза о раннем усвоении деонтической модальности по сравнению с эпистемической подтверждается анализом данных русского языка [Иванова, Воейкова 2014; Voeikova, Ivanova (forth.); Казаковская 2015; Kazakovskaya (forth.)]. Доклад С. Че (Вена, Австрия) убедительно продемонстрировал, что, в отличие от эпистемических показателей, эвиденциальные маркеры (в тех языках,

в которых засвидетельствованность выражается грамматически) могут усваиваться очень рано — в начале третьего года жизни [Choi 2006]. Есть данные и о том, что эвиденциальные показатели в турецком языке также появляются в речи детей в возрасте 2;2 [Terzyan, Aksu-Koç, Taylan 2015]. Иными словами, можно предположить, что раннее усвоение эпистемических или эвиденциальных показателей объясняется их частотностью в речи взрослых и грамматической обязательностью. Это положение нуждается в дополнительной проверке. В данной подборке статей усвоение эпистемической модальности в русском языке рассматривается в разделе В. В. Казаковской. Удивительным в этих наблюдениях оказалось то, что вопреки многим исследованиям на материале других языков русские дети начинают с модальных маркеров неуверенности и лишь затем переходят к демонстрации уверенности.

В процессе обсуждения удалось уточнить понятия прямого и косвенного побуждения в связи с трактовкой «расширенной императивной парадигмы» (ср. типологические публикации [Храковский, Володин 1986/2001; Храковский 1990; Гусев 2005; Aikhenvald 2010; Храkovskij 2001]), а также обнаружилось (впрочем, ожидаемое) типологическое разнообразие в репертуаре средств выражения и возрасте усвоения категории эпистемической модальности и ее разновидностей. Участники дискуссии предполагают, что в языках, в которых существует расширенная императивная парадигма, все ее элементы должны быть отнесены к средствам прямого побуждения. Это означает, что, например, в русском языке прямое побуждение не исчерпывается формами «канонического» императива (термин А. Айхенвальд) 2-го лица, а включает, как минимум, и гортативные формы. Освоение ребенком способов выражения побуждения, приглашения к совместному действию, приказов и просьб является важной для онтолингвистики темой. Выражение просьб и требований в австрийском варианте немецкого языка обсуждалось в докладе К. Корецки-Крёлл (Вена, Австрия) в связи с социоэкономическим статусом семей. В статье, написанной для данного сборника по материалам доклада, показано, что родители из семей с низким социальным статусом достоверно чаще используют прямое побуждение по сравнению со своими более благополучными соседями.

В употреблении форм побуждения наблюдается значительная языковая специфика.

Так, по данным А. Ю. Урманчиевой, энецкий и селькупский языки различаются тем, что в селькупском языке для введения будущего топика используется эвиденциальный показатель так называемого «латентива», в то время как в лесном энецком аналогичные функции выполняют посессивно-экзистенциальные показатели.

В статье Е. Ю. Ивановой, написанной на материале речи взрослых, рассматриваются специфические отрицательные формы так называемых *да*-императивов болгарского и македонского языков. В русском языке прохибитив и превентив различаются, соответственно, НСВ и СВ глагола (*не уходи vs. не уйди*). В болгарском и македонском языках такое противопоставление формируется только в составных конструкциях. Эта особенность лишней раз показывает, что понятие императивной парадигмы необходимо для сравнения между славянскими языками.

Статья Е. Г. Сосновцевой посвящена анализу предложений с удвоением частицы *бы* в условных конструкциях в исторической перспективе и в современной устной и письменной речи. При внешнем сходстве исторического материала с современными примерами между ними обнаруживаются и существенные отличия: если *бы* в древнейших текстах имело разную природу (застывшая форма и спрягаемая форма аориста), то в современных текстах повтор одной и той же частицы может передавать более высокую степень ирреальности.

Юссив занимает промежуточную позицию, будучи на периферии императивной парадигмы. Употребление юссива русскими детьми младшего возраста рассматривается в статье К. А. Ивановой. Она замечает, в частности, что дети заметно чаще используют юссивную бытийную конструкцию *пусть X. будет*, отражающую желаемое положение дел, по сравнению со своими взрослыми собеседниками. Во многих сообщениях авторы обращают внимание на то, что инпут и «аутпут», то есть речь самих детей, часто существенно различаются и по выбору лексических единиц, и по соотношению морфологических показателей. Именно эти расхождения позволяют обозначить границы применения теории усвоения языка, основанной на употреблении, опира-

ющейся на работы М. Томаселло и Д. Байби, и продолжить анализ специфических механизмов усвоения языка.

От усвоения модальности — к механизмам усвоения языка

Во многих статьях рассматривается соотношение языковых особенностей взрослых участников коммуникации и их детей. Помимо ожидаемого сходства в различных областях (состав словарного запаса, соответствие стратегий матери и уровня развития ребенка, синтаксической сложности текста и нарратива), можно видеть и нетривиальные эффекты: дети усваивают язык избирательно, иногда игнорируя частотные компоненты речи взрослых и создавая промежуточную языковую систему, которая на каждом этапе развития выполняет свою коммуникативную функцию. Мысль о последовательной смене языковых систем на протяжении всего периода овладения языком проводится в работах С. Н. Цейтлин [2009: 25]. В своей статье она рассматривает особенности построения промежуточных языковых систем на материале освоения отрицательных конструкций. На основании анализа этих систем можно судить о формировании у ребенка так называемых «процедурных» правил, т. е. таких, которые говорящий использует при порождении речи, но не может сформулировать самостоятельно.

Выявление механизмов и способов усвоения языка является центральной темой исследования Г. Р. Добровой. В своей статье она рассматривает центральные механизмы (генерализацию, имитацию и дифференциацию), которые в той или иной мере присущи всем детям, осваивающим родной язык, и перечисляет механизмы периферийные, которые предпочтительны для детей, использующих специальные стратегии, например, для так называемых «референциальных» или «экспрессивных» детей. Оценка уровня речевого развития в этих случаях особенно важна. Существенно, что сотрудниками кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена недавно завершена работа по адаптации для русского языка известного метода оценки языкового развития — опросника МакАртура [Елисева, Вершинина, Рыскина 2016]. Преимущество опросника как инструмента диагностики перед другими средствами состоит в объективности и скорости получе-

ния результата. Опросник МакАртура — один из самых распространенных в мире аналитических инструментов, построенных по принципу нормированной шкалы. Адаптация для русского языка включает перевод или поиск адекватных соответствий языковому материалу источника, а также апробацию — опрос значительного количества информантов с целью определения средних величин и порогов языкового развития. Завершен и закреплен в публикации анализ лингвоспецифических особенностей русских данных для опросника МакАртура, обобщены основные результаты исследования тестов, составлены возрастные нормы (средние и проценты). До сих пор для русского языка были адаптированы только два опросника Г. Айртона, в которых оценивается не только речь, но и навыки самообслуживания, моторика, когнитивное и социальное развитие [Шапиро, Чистович 2000; Чистович, Рейтер, Шапиро 2000]. Адаптированный опросник МакАртура — мощное средство не только диагностики, но и корректировки родительского поведения. Авторы этой работы М. Б. Елисеева и Е. А. Вершинина в нашем сборнике представляют результаты сравнения данных мальчиков и девочек по материалам опросника МакАртура. Предшествующие исследования показывают, что девочки по большинству параметров опережают мальчиков на ранних этапах развития речи [Шапиро, Чистович 2000].

С. В. Краснощекова рассматривает порядок и скорость освоения детьми дейктических местоимений, включая не только персональный, но и пространственный дейксис. При этом ей удалось не только выявить этапы усвоения дейктических местоимений и наречий, но и наметить групповые стратегии, при помощи которых дети овладевают этим участком языковой системы в зависимости от коммуникативного стиля родителей.

Ряд статей обращается к анализу именной системы на ранних этапах усвоения языка. Т. А. Круглякова анализирует речевую продукцию одного ребенка, отмечая, что в его речи на втором году жизни часто возникали падежные замены, причем речь идет не просто о неверном выборе флексий, а о немотивированном выборе самого падежа. Такие случаи фактически игнорировались предшествующими исследователями.

О. Б. Сизова предлагает бинарную классификацию речевых расстройств с выделением первичной соматосенсорной дисфунк-

ции и первичной кинетической дисфункции. Симптомы, характерные для расстройств этих двух разновидностей, коррелируют с теми стратегиями языкового развития, на которые обращают внимание исследователи детской речи: имеются в виду различия между так называемыми «звуковыми» и «слоговыми» детьми, о которых еще в середине XIX века писал И. А. Сикорский, или между референциальными и экспрессивными детьми, которых описывает К. Нельсон, а на материале русского языка Г. Р. Доброва (в том числе и в данной публикации, см. выше). Вместе с тем, детали описания этих двух стратегий на материале речи детей с нетипичным языковым развитием отказываются другими по сравнению с данными нормально развивающихся детей.

Две статьи написаны на основе сравнительного исследования. Е. Ю. Протасова, М. Мяки и Н. Родина сравнивают в экспериментальном исследовании речь детей-монолингвов, говорящих на русском языке, и русско-финских билингвов 3–4 и 5–6 лет. Хотя билингвы делают больше ошибок в усвоении падежных окончаний, эти ошибки оказываются системными и не связаны непосредственно с трансфером.

В статье А. Н. Корнева и И. Балчуниене сопоставляются грамматические частотные профили шестилетних детей, говорящих по-литовски и по-русски. Показана зависимость частеречного профиля от речевого жанра — диалога или рассказа. Результаты оказались ожидаемыми: у русских детей в рассказе повышается роль номинативных элементов (имен существительных, прилагательных и глаголов), в то время как в диалоге оказывается достоверно больше различных «скреп» — местоимений, союзов, частиц. Неожиданным было то, что союзы играют разную роль в русских и литовских текстах, созданных детьми: в литовских диалогах доля союзов выше, чем в рассказах. При этом в русских текстах оказалось значительно больше частиц. Конечно, такие различия обнаруживаются только при скрупулезном количественном анализе речевой продукции, сами говорящие не имеют представления о соотношении разных грамматических классов в своей речи.

Размышления детей о семантике слов, их частей и отдельных грамматических показателей зафиксировано в наибольшей степени по отношению к лексическим единицам и словообразо-

вательным элементам [Цейтлин 2009: 314–327]. При этом детям свойственна метаязыковая деятельность, они внимательны к своей и чужой речи [Елисеева 2015: 314–318]. Случаям метаязыковой рефлексии у маленьких детей посвящена статья В. М. Алпатова. Он обращает внимание на проявления «наивного языкового сознания» в поиске детьми этимологических связей между словами и указывает на важность этих процессов в становлении индивидуальной языковой системы.

Исследования детской речи невозможны без учета психологических моментов воспитания. Родители избирательно реагируют на особенности речи детей, предугадывая зону их ближайшего развития и подстраиваясь под их стратегию усвоения языка. Для успешного усвоения языка ребенком существенен эмоциональный фон общения с основными воспитателями. К сожалению, часто случается, что отрицательный эмоциональный фон обусловлен низким социальным статусом семьи, хотя это не обязательно [Александров, Иванюшина, Маслинский 2015; Konecky-Kröll, наст. сборник]. Изучение исключений из этого правила определяет как направления социальной работы, так и исследовательский интерес к онтогенетическим механизмам. Как показывают пилотные исследования, многодетность в семье и высокий уровень эмпатии могут служить факторами, смягчающими отрицательный эффект низкого социального статуса. Эмоциональному фону ранних детских высказываний посвящена статья М. А. Еливановой и В. А. Семушиной. Авторы обращают внимание на то, что эмоциональное восприятие может сыграть роль поискового механизма для лексического взрыва.

Вербализация эмоций позволяет ребенку не только назвать собственные ощущения, но и смоделировать ощущения другого человека. Эта способность к созданию вербальной «модели психического» оказывается существенным этапом эмоционального, когнитивного и языкового сознания ребенка. Статья Е. В. Галкиной рассматривает проблему вербализации эмоций на примере выражения детьми своего и чужого чувства страха.

Мы рассчитываем, что статьи о модальности и механизмах усвоения языка детьми будут интересны лингвистам, психолингвистам, специалистам по развитию речи, педагогам и широкому кругу заинтересованных читателей.

Литература

- Александров, Иванюшина, Маслинский 2015 — Д. А. Александров, В. А. Иванюшина, К. А. Маслинский (ред.). Бедность и развитие ребенка. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2015. [D. A. Aleksandrov, V. A. Ivaniushina, K. A. Maslinskii (eds.). *Bednost' i razvitie rebenka* [Poverty and child development]. M.: Rukopisnye pamiatniki drevnei Rusi, 2015].
- Бондарко 1990 — А. В. Бондарко (ред). Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. [A. V. Bondarko (red). *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. L.: Nauka, 1990].
- Войкова, Краснощекова 2016 — М. Д. Войкова, С. В. Краснощекова. Семинар «Модальность в языке взрослых и детей» 13–15 апреля 2016 года, Институт лингвистических исследований РАН // Российский гуманитарный журнал, 5, 4, 2016. С. 409–412. [M. D. Voeikova, S. V. Krasnoshchekova. Seminar «Modal'nost' vazyke vzroslykh i detej» 13–15 aprelja 2016 goda, Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN [Workshop «Modality in children's and adult language» 13–15 of April 2016] // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal, 5, 4, 2016. P. 409–412].
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. [V. Ju. Gusev. *Tipologija spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa* [Typology of specialized verbal imperative forms]. Diss. ... kand. filol. nauk [Cand. of Philol. Sc. thesis]. Moskva, 2005].
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. М.: Языки славянской культуры, 2015. [M. B. Eliseeva. *Stanovlenie individual'noi iazykovoï sistemy rebenka* [The development of the individual language system of a child]. M.: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2015].
- Елисеева, Вершинина, Рыскина 2016 — М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина, В. Л. Рыскина. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Изд. 2-е, испр. и доп. Иваново: Листос, 2016. [M. B. Eliseeva, E. A. Verшинina, V. L. Ryskina. *MacArthurovskii oprosnik: russkaia versija. Otsenka rechevogo i kommunikativnogo razvitiia detei rannego vozrasta. Normy razvitiia. Obraztsy analiza. Kommentarii* [MacArthur questionnaire: Russian version. Assessment of linguistic and psychological development of infants. Developmental norms. Examples of analysis. Commentary]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Ivanovo: Listos, 2017].

- Иванова, Воейкова 2014 — К. А. Иванова, М. Д. Воейкова. Императивы несовершенного вида на ранних этапах усвоения детьми русского языка // *Scando-Slavica* 60, 2, 2014. P. 212–230. [К. А. Ivanova, M. D. Voeikova. Imperativy nesovershennogo vida na rannikh etapakh usvoeniia det'mi russkogo iazyka [Imperfective imperatives in the acquisition of Russian by young children] // *Scando-Slavica*, 60, 2, 2014. P. 212–230].
- Иванова, Краснощекова 2015 — К. А. Иванова, С. В. Краснощекова. Международная конференция «Проблемы онтолингвистики — 2015: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции» // *Вопросы языкознания* 2, 2016. С. 140–148. [К. А. Ivanova, S. V. Krasnoshchekova. Mezhdunarodnaia konferentsiia «Problemy ontolingvistiki — 2015: mekhanizmy usvoeniia iazyka i stanovlenie rechevoi kompetentsii» [International conference «Problems of first language acquisition: mechanisms of language acquisition and establishment of speech competence»] // *Voprosy iazykoznanii* 2, 2016. P. 140–148].
- Казаковская 2015 — В. В. Казаковская. Эпистемическая модальность в русской детской речи: опыт корпусного анализа // *Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции — 2015: материалы международной конференции (18–20 мая 2015 г., Санкт-Петербург)*. СПб.: [Электронная публикация], 2015. С. 90–94. [V. V. Kazakovskaia. Epistemicheskaia modal'nost' v russkoi detskoj rechi: opyt korpusnogo analiza [Epistemic modality in Russian child language: an attempt of corpus analysis] // *Problemy ontolingvistiki: mekhanizmy usvoeniia iazyka i stanovlenie rechevoi kompetentsii — 2015: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (18–20 maia 2015 g., Sankt-Peterburg)* [Issues in first language acquisition: mechanisms of language acquisition and the formation of speech competence — 2015: working papers of the international conference (May 18–20, 2015, St. Petersburg)]. SPb.: [Online publication], 2015. P. 90–94].
- Козинцева 2007 — Н. А. Козинцева. Типология категории засвидетельствованности // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36. [N. A. Kozintseva. Tipologiiia kategorii zasvidetel'stvovannosti [Typology of the category of evidentiality] // *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. SPb.: Nauka, 2007. P. 13–36].
- Падучева 2014 — Е. В. Падучева. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [E. V. Paducheva. Modal'nost'. Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki [Modality. Materials for the project of corpus description of Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). A manuscript. M., 2014].

- Храковский 1990 — В. С. Храковский. Повелительность // Бондарко А. В. (Отв. ред). Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 185–237. [V. S. Khrakovskii. Povelitel'nost' [Imperativity] // Bondarko A. V. (ed.). Teoriia funktsional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. L.: Nauka, 1990. P. 185–237].
- Храковский, Володин 2000 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 2000. [V. S. Khrakovskii, A. P. Volodin. Semantika i tipologiiia imperativa. Russkii imperativ [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. L.: Nauka, 2000].
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. [S. N. Tseitlin. Oчерki po slovoobrazovaniiu i formoobrazovaniiu v detskoii rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. M.: Znаk, 2009].
- Чистович, Рейтер, Шапиро 2000 — И. Чистович, Ж. Рейтер, Я. Шапиро. Руководство по оценке развития младенцев до 16 месяцев на основе русифицированной шкалы KID. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургский Ин-т раннего вмешательства, 2000. [I. Chistovich, Zh. Reiter, Ia. Shapiro. Rukovodstvo po otsenke razvitiia mladentsev do 16 mesiatsev na osnove rusifitsirovannoi shkaly KID [An assessment manual of the development of an infant under 16 months according to the Russian KID scale]. 2-e izd. SPb.: Sankt-Peterburgskii In-t rannego vmeshatel'stva, 2000].
- Шапиро, Чистович 2000 — Я. Шапиро, И. Чистович. Руководство по оценке уровня развития детей от 1 года 2 месяцев до 3 лет 6 месяцев по русифицированной шкале RCDI. СПб.: Санкт-Петербургский Ин-т раннего вмешательства, 2000. [Ia. Shapiro, I. Chistovich. Rukovodstvo po otsenke urovnia razvitiia detei ot 1 goda 2 mesiatsev do 3 let 6 mesiatsev po rusifitsirovannoi shkale RCDI [An assessment manual of the development of a child from 14 to 42 months of age following the Russian RCDI scale]. SPb.: Sankt-Peterburgskii In-t rannego vmeshatel'stva, 2000].
- Aikhenvald 2004 — A. Yu. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2010 — A. Yu. Aikhenvald. Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Aksu-Koç 2016 — A. Aksu-Koç. The interface of evidential and epistemics in Turkish // M. Güven, D. Akar, B. Öztürk, M. Keleşir (eds.). Exploring the Turkish linguistic landscape: Essays in honor of Eser Erguvanli-Taylan. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 143–156.

- Bittner, Dressler, Kilani-Schoej 2003 — D. Bittner, W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch (eds.). Development of verb inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. (Studies on Language Acquisition 21). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- Choi 2006 — S. Choi. Acquisition of modality. In William Frawley (ed.). The Expression of Modality. Berlin: Walter de Gruyter, 2006. P. 141–171.
- Christofidou, Stephany 2003 — A. Christofidou, U. Stephany. Early phases in the development of Greek verb inflection // D. Bittner, W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch (eds.). Development of verb inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective (Studies on Language Acquisition 21). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 89–129.
- Dressler 1997 — W. U. Dressler. Introduction // W. U. Dressler (ed.). Studies in pre- and protomorphology. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. P. 5–9.
- Dressler, Karpf 1995 — W. U. Dressler, A. Karpf. The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquisition // Yearbook of Morphology 1994. P. 99–122.
- Hickmann, Bassano 2016 — M. Hickmann, D. Bassano. Modality and mood in first language acquisition // J. Nuyts, J. van der Auwera (eds.). The Oxford handbook of modality and mood. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 430–447.
- Kazakovskaya (forth.) — V. V. Kazakovskaya (forth.) Epistemic modality in Russian child language. In Stephany U., Aksu-Koç A., Voeikova M. D. (eds.). Development of Modality in First Language Acquisition: a Cross-Linguistic Perspective. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.
- Korecky-Kröll 2017 — Encouragements and discouragements in parental input: evidence from high and low ses families // *Науч. сб.*
- Nuyts 2016 — J. Nuyts. Surveying modality and mood: An introduction // J. Nuyts, J. van der Auwera (eds.). Oxford Handbook of Modality and Mood. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–8.
- Palmer 2001 — F. Palmer. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Savickienė, Dressler 2007 — I. Savickienė, W. U. Dressler (eds.). The Acquisition of Diminutives: a cross-linguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Stephany 1983 — U. Stephany. The Development of Modality in Language Acquisition. Working Paper No. 43. Institute of Linguistics, University of Cologne, 1983.
- Stephany 1986 — U. Stephany. Modality // P. Fletcher, M. Garman (eds.). Language Acquisition: Studies in First Language Development. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 375–400.

- Stephany 1993 — U. Stephany. Modality in first language acquisition: The state of the art // N. Dittmar, A. Reich (eds.). *Modality in Language Acquisition/Modalité et acquisition des langues*. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 1993. P. 133–144.
- Stephany, Voeikova 2009 — U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). *Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. (Studies on Language Acquisition 30). Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2009.
- Terziyan, Aksu Koç, Taylan 2015 — T. Terziyan, A. Aksu Koç, E. E. Taylan. Acquisition of modality in Turkish // D. Zeyrek, Ç. S. Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein (eds.). *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015. P. 277–290.
- Tomasello 2003 — M. Tomasello. *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition*. Cambridge, MA / London: Harvard University Press, 2003.
- Tribushinina, Voeikova, Noccetti 2015 — E. Tribushinina, M. D. Voeikova, S. Noccetti (eds.). *Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
- Voeikova, Dressler 2002 — M. D. Voeikova, W. U. Dressler (eds.). *Pre- and protomorphology: Early phases of morphological development in nouns and verbs*. (Lincom Studies in Theoretical Linguistics 29). Munich: Lincom Europa, 2002. P. 3–5.
- Voeikova, Ivanova (forth.) — M. D. Voeikova, K. A. Ivanova. Directives in Russian adult-child communication. In Stephany U., Aksu-Koç A., Voeikova M. D. (eds.) *Development of Modality in First Language Acquisition: a Cross-Linguistic Perspective*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter (forthcoming).
- Xrakovskij 2001 — V. S. Xrakovskij. *Typology of imperative constructions* (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 9). Munich: LINCOS Europa, 2001.

А. Ю. Урманчиева
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

МАРКИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОГО ТОПИКА В ТАЗОВСКОМ СЕЛЬКУПСКОМ И ЛЕСНОМ ЭНЕЦКОМ КАК КОНТАКТНЫЙ ФЕНОМЕН¹

1. Введение

В статье на материале среднетазовского, самого северного диалекта селькупского языка (южносамодийские < самодийские < уральские)² рассматриваются дискурсивные употребления формы косвенной эвиденциальности, т. е. такие употребления, которые обусловлены не задачей маркировать источник информации о ситуации, а особыми дискурсивными функциями текстового фрагмента. Будет рассмотрено употребление *латентива* — так в данной статье, вслед за [ОчСЯ 1980], обозначается форма с широкой эвиденциальной семантикой.

Основной дискурсивной функцией этой формы является введение в текст того референта, который на протяжении следующего фрагмента текста будет дискурсивным топиком. Латентив в этой функции может употребляться и в конструкциях, где имя, соотносящееся с таким референтом, занимает субъектную позицию (это контексты типа *Тут лиса пришла*), и в таких, где оно занимает объектную позицию (типа *Он свой лук взял, и...*).

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Нарративные стратегии в селькупских и хантыйских диалектах» № 17-04-00570.

² Селькупский язык представляет собой совокупность диалектов, разделившихся на две изолированных группы: в результате миграции группы селькупов в XVII–XVIII вв. со Средней Оби (с ее правого притока Тыма) в бассейны реки Таз и далее — на р. Турухан сформировалась отдельная территориальная группа северных селькупов. Ареал распространения северных селькупских говоров оказался отделен от основного диалектного массива территориями, на которых проживают ваховские ханты, а также (на Елоуге) кеты. Соседями тазовских селькупов при этом оказались северные самодийцы — тундровые ненцы на севере и лесные — на западе [Хелимский 1996/2000: 36–37].

В статье показано, что близкие дискурсивные употребления эвиденциальных форм для введения референта, который в дальнейшем повествовании будет дискурсивным топиком, представлены в лесном энцеком (но, по нашим данным, не в других северносамодийских идиомах).

Возникает вопрос, не имеет ли это схождение ареальной природы: хорошо известно, что ушедшие в XVII в. с Тыма на Таз селькупы освоили именно те территории, которые были исконным хабитатом этого северносамодийского народа, вытеснив лесных энцев севернее, в места их современного расселения. Статья построена следующим образом. Ниже во Введении будут кратко охарактеризованы эвиденциальные употребления латентива, в разделе 1 рассматриваются употребления латентивного показателя в функции введения «будущего топика», в разделе 2 — имеющие аналогичные дискурсивные функции грамматические механизмы лесного энцекого. Материалом для исследования послужили тексты на тазовском диалекте селькупского языка [Прокофьев, рук.] и [ОчСЯ 1993] и тексты на лесном диалекте энцекого языка [Сорокина, Болина 2005], в примерах сохранена орфография оригинала.

Говоря о дискурсивном топике, для целей данной работы вполне достаточно будет воспользоваться классической концепцией Гивона о связности текста, где одним из основных условий обеспечения связности является *референциальное* единство текста или текстового фрагмента, которое обеспечивается именно сохранением топика. «В абзаце, объединенном общей темой, топик чаще всего является маркером связанности, *лейтмотивом*, так, что он оказывается участником, *в наибольшей степени вовлеченным* в последовательность действий, разворачивающуюся на протяжении абзаца; он является тем участником, который в наибольшей степени ассоциирован с единством более высокого уровня — темой абзаца; наконец, это тот участник, который с наибольшей вероятностью будет кодироваться как *первичный топик* — или, иначе, *грамматический субъект* — подавляющего большинства последовательно упорядоченных клауз/предложений, составляющих абзац» [Givon 1983: 8].

Альтернативное понимание топика представлено в работах И. Николаевой [Nikolaeva 2001], которая предлагает определять топик через понятие пресуппозиции: топик — «это то, о чем идет речь, и то, что прагматически относится к пресуппозиции» [Niko-

laeva 2001: 12]. Упомянутая работа И. Николаевой существенна для нас с той точки зрения, что в фокусе внимания в ней находится *вторичный топик* — тот, который занимает прагматически вторичное положение по отношению к основному топику. Обе работы так или иначе ассоциируют первичный и вторичный топик с наиболее частыми грамматическими средствами их кодирования: первичный топик тяготеет к субъектной позиции, вторичный — к объектной. Однако в рамках настоящей работы для нас важно исключительно *прагматическое* определение топикальных референтов, вне связи с их синтаксическим кодированием (в частности, в данной работе показано, что селькупский одинаково кодирует вторичные субъектные и объектные топики, если понимать под таковыми тех участников ситуации, которые прагматически являются менее важными, чем протагонист истории). Тем самым, для статьи будет важно понятие вторичного топика как соотносимое с референтом (а не со способом его синтаксического кодирования).

Тем не менее, опираясь на работу И. Николаевой, акцентирующей важность понятия вторичного топика для анализа некоторых грамматических явлений, следует признать, что понятие топика различается у Т. Гивона и у И. Николаевой в одном отношении, существенном для данной работы: в трактовке *первого* упоминания в тексте того референта, который является вторичным топиком. Для И. Николаевой этот референт, поскольку при первом упоминании относится к фокусу предложения, топиком не является, Т. Гивон же считает его топикальным, определяя это как *начальный топик цепочки* (chain initial topic). Для анализа представленных в данной статье самодийских данных, тем не менее, существенно именно а) первое упоминание референта, который б) будет вторичным топиком (т. е. не протагонистом, но либо второстепенным героем, либо предметом, использование которого важно для развития сюжета) в дальнейшем фрагменте дискурса.

Латентив³ — эвиденциальная форма селькупского языка с широкой эвиденциальной семантикой, которая маркирует следующие типы доступа к информации о ситуации: визуальный доступ, презумптив, сенсорный доступ (аудитив), эндофорическое значение, репортативное значение (значения косвенной эвиденциальности описываются в терминологии [Плунгян 2011: 473],

---

³ Показатель латентива имеет ряд алломорфов *-nt/-t/-c/-Ø*.

подробнее о значении латентива см. [Урманчиева 2015]); все они будут проиллюстрированы примерами ниже.

В примере (1), иллюстрирующем значение **визуального** доступа, приведен фрагмент сказки с известным самодийским сюжетом: старик посылает одну за другой двух дочерей (первая оказывается нерадивой, вторая — прилежной) к богу, чтобы тот остановил непогоду. В процитированном ниже фрагменте действия нерадивой дочери ('вытащила хорошую еду', 'вытащила плохую еду', 'смотрит'), а также те ситуации, в которых она принимает участие ('все стали есть'), описываются аористными формами (выделены разрядкой в селькупском тексте и в переводе), а те ситуации, которые она только наблюдает (как сказано в тексте — *смотря, поводит глазами*), но в которых сама не принимает участия ('голые люди вошли', 'их посадили', 'голые люди кости грызут', 'голые люди вскочили'), — формами латентива (в тексте и в переводе выделены полужирным шрифтом):

- (1) *Рус ира-т нӓла сомамты анты*
 русский старик-GEN дочь хороший-ACC-3 тот
амырса-т-кын-ты т и т ы - ы ы - т ы .
 посуда-LOC-3 вытащить-AOR-O3
Кут коцтыль лӓ-ль мы-м-ты
 который худой кость-ATTR вещь-ACC-3
тона амырса-ты т и т ы - ы ы - т ы . Кеккысӓ
 другой посуда-3 вытащить-AOR-O3 едва
т у р т ы - ы ы - т ы пӓ-кыны мӓт-ты нянычӓ
 закончить-AOR-O3 снаружи-EL чум-LAT голый
кумыт щерӓ-лы-нтӓ-тыт. Руц ира-т
 человек-PL войти-Inch-LATENT-S3 русский старик-GEN
нӓла сайи-сӓ маннымпы-лӓ коралӓлты-мп-а-т.
 дочь глаз-Inst смотреть-CVB обвести-DUR-AOR-O3
Нянычӓ кумы-т-ып илл омталы-нтӓ-тыт.
 голый человек-PL-ACC вниз посадить-LATENT-O3PL
На амырқолам-нӓ-тыт На лӓ-ль лака-ль
 вот есть-AOR-O3PL вот кость-Attr кусок-Attr
мып мала-нтӓ-тыт
 кусок-ACC грызть-LATENT-O3PL
 'Русского старика дочь хорошее в свою посуду **вытащи**ла.
 Худые кости в другую посуду **вытащи**ла. Едва **кончи**-

ла, с улицы в чум голые люди **входить** стали. Русского старика дочь глазами смотря обводит. Голых людей **посадили**. Вот есть начали [все]. Кости **грызут** [пришедшие люди]. [Прокофьев, рук.]

Значение **презюптива**, также передаваемое латентивной формой, реализуется тогда, когда говорящий судит о ситуации не по непосредственному наблюдаемому результату (как это происходит в случае с наиболее близким эвиденциальным значением — инферентивом), а по некоторым более косвенным признакам, которые требуют подключения общих знаний о мире, ср. пример (2), завершающий первый сюжет, в котором употреблена латентивная форма.

- (2) *Ныны иннә ныл-эи-лә налят лаңкал-лә*
потом вверх встать-INTENS-CVB так закричать-CVB
пōнә на куралбли-нтб-тын: «Ну-н ий
наружу вот выскочить-LAT-S3PL бог-GEN сын
қай илсә-кытыль има татты-нты-ты».
что душа-CaritAdj старуха принести-LATENT-O3.
Щә ққ - а - қы.
ночевать-AOR-S3DU
‘Потом вверх встав так закричав на улицу **выскочили**:
«Божий сын, что ли, бессердечную жену привёл?». Но че-
ва ли [божий сын и дочь русского старика]’. [Прокофьев, рук.]

Пример (3) иллюстрирует значение **аудитива** — говорящий определяет наличие описываемой им ситуации на слух:

- (3) *Тү-ты кеккысә чәңкы-ч-а-Ө.* *Уккыр*
огонь-3 едва не.иметься-INTENS-AOR-S3 один
чонто-қыт мотә-қыт қай кос карнмпы-ку-нты-Ө.
время-LOC дверь-LOC что INDEF шелестеть-Hab-LAT-S3
‘Огонь у нее погас. Вдруг у двери что-то зашелестело,
слышно’. [Прокофьев, рук.]

Эндофорическое значение (описываются внутренние ощущения — усталость, боль) передано формой латентива в (4):

- (4) *Нын поқыннаны ныңк-а;* *топы-ты*
потом снаружи стоять-AOR-S3 нога-3

қант-еи-нты-Ø.

замерзнуть-INTENS-LAT-S3

‘Потом снаружи стоит; [чувствует,] ноги замерзли’. [Прокофьев, рук.]

Репортативное значение (информация о ситуации известна говорящему с чужих слов) представлено в (5):

- (5) *Тәптыль чәлы нильчиль әты тү-нты-Ø* —
 следующий день такой весть прийти-LAT-S3

әмтәль₁ қон₂ мықыт момпа коччи пәләль

царь_{1,2} у мол много половина-ADJ

тамтыр-ты шұньни-нты-Ø.

род-3 убавиться-LAT-S3

‘На следующий день такая весть пришла — у царя, слышать, больше половины народу его пропало’. [Прокофьев, рук.]

Эта же форма выражает характерное для форм косвенной эвиденциальности **миративное** значение, которое не относится собственно к эвиденциальной сфере, но является частым спутником эвиденциальности, ср. (6):

- (6) *Ukkyr contō-t ÿtyn lōs-ira*

один время-GEN вечером черт-старик

tüntyloryc-cy-Ø sumpylä: “Кү-symyl’

приблизиться-LATent-S3 напевать-CVB удача-ComitAdj

саңка-қәң n’oman ĭja tūtyry-nty-Ø!”

ловушка-LOC.1 заяц.GEN ребенок попасться-LATENT-S3

‘Наконец вечером черт-старик приближается [к ловушке], напевая: «В мою счастливую ловушку зайчонок **попался!**»’

[ОЧСЯ 1993]

Наконец, последнее употребление этой формы, также не относящееся к эвиденциальной сфере, — контекст контрастивного сопоставления двух топиков (в примерах (7) и (8) в селькупском оригинале выделены разрядкой, в переводе — курсивом):

- (7) *Қум - м ы - т каррә-мын на яп*

человек-1-PL под.горой-PROL вот Resipr

қәнны-нтә-тыт. Мат тап чуты-қоно-қо ты

пойти-LATENT-S3PL я этот погреться-??-INF вот

коннā на танны-нта-к
 на.горе вот выйти-LATENT-S1
 ‘Люди мои под горой пошли, а я, чтобы согреться, на гору
 поднялась’. [Прокофьев, рук.]

- (8) “*Nātāṅka, ta t kōmtu-l’ pōtyr tūty,*
 PN ты лыко-Adj завязка.бакарей взять-impo2
a ma t solotaj pōtyr t-tenta-p”.
 а я золотой завязка.бакарей взять-LATENTFUT-O2
 «Нэтэнка, ты лыковую завязку бакарей возьми, а я золотую
 завязку бакарей **возьму**». [ОчСЯ 1993: 12 / текст 3: 42]

2. Дискурсивные употребления латентива: введение «будущего дискурсивного топика»

В текстах на среднетазовском говоре селькупского [ОчСЯ 1993] латентив активно используется для введения будущего дискурсивного топика. Имя, референт которого в дальнейшем дискурсе окажется топиком, при первом упоминании может занимать при предикате различные синтаксические позиции: подлежащего непереходного глагола, как в (9)–(14)⁴, либо прямого дополнения переходного глагола, как в (15)–(20); приводится значительное количество примеров, чтобы проиллюстрировать, что данное явление носит систематический характер:

- (9) *Lōs-ira picy-m-ty mišal-ny-ty, pacyn-ny-ty*
 черт-старик топор-ACC-3 взять-AOR-O3 рубить-AOR-S3
sajy-l’ oly-l’ tūmy-m-ty.
 глаз-ADJ голова-ADJ лиственница-ACC-3
Tū-nty-Ø n’oma: “Il’cā, šinty
 прийти-LATENT-S3 заяц дед PRONACC.2
pelty-lā-k!” Lōs-ira mi-ny-ty picy-m-ty
 помочь-OPT-S1 черт-старик дать-AOR-O1 топор-ACC-3
n’oma-nuŋ (<...> N’oma picy-m-ty mišal-ny-ty,
 заяц-DAT заяц топор-ACC-3 взять-AOR-O3

⁴ Ср. также третий оформленный латентивом предикат в (18) и первую фразу примера (5) ‘Вечером к ловушке приближается черт-старик’ — это первое упоминание данного персонажа в тексте, и глагол, закономерным образом, оформлен показателем латентива.

- mācā-qyn-ty sarrē-ny-ty, nūnu*
 хвост-LOCPOSS-3 привязать-AOR-O3 потом
rakt-a-Ø. <...> Loqa tü-nty-Ø
 убежать-AOR-S3 лиса прийти-LATENT-S3
 ‘Черт-старик топор взял, рубит лиственницу с глазами (и) с головой. **Пришел** заяц: «Дед, давай тебе помогу!» Черт-старик дал топор зайцу. <...> Заяц топор взял, к своему хвосту привязал, оттуда убежал. <...> Лиса **пришла**’ [ОчСЯ 1993: 19 / текст 6: 115, 116, 125, 131].
- (10) *Уккыр тап тәтты чонтō-қыт ұтын өмт-ө-тым.*
 один этот до время-LOC вечер сидеть-AOR-S3PL
Уккыр чонтō-қыт пō-қыны мөт-ты уккыр
 один время-LOC снаружи-EL чум-LAT один
имакота на щер-эи-нты-Ø.
 старуха вот войти-INTENS-LATENT-S3
 ‘Однажды вечером сидят. Вдруг с улицы в чум одна старуха вот вошла’. [Прокофьев, рук.]
- (11) *На кыраль тәттō-қыт мөт өмны-нты-Ø Ны*
 вот чистый земля-LOC чум стоять-LATENT-S3 вот
тү-ңа-Ø. Мөт-ты щёр-ны-Ø
 войти-AOR-S3 чум-LAT войти-AOR-S3
 ‘Вот на этой чистой земле чум стоит. [Девушка к нему] подошла. В чум вошла’. [Прокофьев, рук.]
- (12) *Мөт-қыт қум ни қай ни чәңк-а-Ø*
 чум-LOC человек ни что ни не.иметься-AOR-S3
Кеккысә уккыр пичи іппы-нты-Ø ай няні-л
 едва один топор лежать-AOR-S3 также хлеб-Attr
лака-т пәләк. Мицалныты на няні-л
 штука-GEN половина. схватить-AOR-O3 тот хлеб-Attr
лака-т пәлә-н. Сатыр-лә қонтылөлтым-а-т.
 штука-GEN половина-ACC грызть-CVB усыпить-DUR-AOR-O3
Ныны на пичіп мицал-лә понә
 потом тот топор-ACC схватить-CVB наружу
тар-ы-Ø. Пичи-п қеккалты-лә ты
 выйти-AOR-S3 топор-ACC нести.на.плече-CVB так
қвелы-мп-а-Ø ай ты қәлы-мп-а-Ø — кун ни
 идти-DUR-AOR-S3 также так идти-DUR-AOR-S3 где ни

- уккыр по-н мо чӑңк-а-Ø*
 один дерево-GEN сук не.иметься-AOR-S3
 ‘В чуме ни человека никого нет. Только один топор лежит и хлеба половина. Схватила этого хлеба половину. Грызая заснула. Потом тот топор схватив на улицу вышла. Топор на плечи взвалив сюда идет, туда идет — нигде ни одного дерева нет’. [Прокофьев, рук.]
- (13) *Имакота нунинты мыты нӧнны ныны*
 старуха налим-GEN-3 печень от потом
иясэ-сы-Ø. Қор ияп
 забеременеть-PRAET-S3 самец ребенок-ACC
кӑты-нты-ты.
 вырастить-LATENT-O3
 ‘Старуха налима своего от максы вот забеременела. Мальчика родила’. [Прокофьев, рук.]
- (14) *Иннӑт нан ил-а-Ø. Уккыр чӧнтӑ-қыт има*
 наверху долго жить-AOR-S3 один время-LOC жена
қо-нты-ты.
 найти-LATENT-O3
 ‘Наверху долго прожил. Однажды жену нашел’. [Прокофьев, рук.]
- (15) *Тӧпты-ль қарыт инӑ вӑщ-ӧ-қы. Ай апсы*
 завтра-ATTR утром вверх встать-AOR-S3DU. также еда
мущирь-нты-тий. *Ира-ты ниль кӑты-ңы-ты* «Апсӑ-л
 варить-LATENT-O3DU. муж так сказать-AOR-O3 еда-ATTR
щитты амырса-т кунты тит-ӑты. *Әтымынты*
 два посуда-GEN на вытащить-OIMP2 слово-PROL-3
щитты амырса-т кунты титы-ңы-ты. Ныны
 два посуда-GEN на вытащить-AOR-S3 потом
ира-ты ниль кӑты-ңы-т: “*Тап уккыр апсы-ль*
 муж так сказать-AOR-O3 этот один еда-ATTR
амырса-л қант-ӑты”.
 посуда унести-OIMP2
 ‘На следующее утро они вдвоем встали. Опять **варили** еду. Муж так сказал: «Вытащи еду в две миски». Как он сказал, еду в две миски вытащила. Муж сказал: «Вот эту одну миску с едой унесёшь[, куда я скажу]». [Прокофьев, рук.]

- (16) *Ира-ты щитты өтә-т қобы ми-нты-ты ніль*
 муж-3 два олень-GEN шкура дать-LATENT-O2 так
кәты-ңы-т «Тап чёлы порқа-л мё-ты».
 сказать-AOR-O3 ты завтра парка-2 сделать-Oimp2
Ира-н-ты қәл-лә пулә өтә-н-ты қобы
 муж-GEN-3 уйти-CVB после олень-GEN-3 шкура
кытыка натт-эи-ңы-ты мытын-сә
 немного помазать-INTENS-AOR-O3 желчь-INSTR
чентәйт-эи-ңы-ты.
 замочить-INTENS-AOR-O3
 ‘Муж ее двух оленей шкуры дал, так сказал: «Сегодня парку твою сделай». Мужа своего после ухода оленя его шкуру немного помазала, желчью замочила’. [Прокофьев, рук.]
- (17) *Ныны токтор-ты мё-ңы-т, чекыляны тў-ль*
 потом доктор-3 сделать-AOR-O3 стеклянный огонь-ATTR
алако ме-нты-ты. Ныны қәнқоламны-Ө Нёқыр
 лодка сделать-LATENT-O3 потом идти-ProsP-S3 три
салтан й-нты-ты. Ныны қән-ны-Ө
 солдат взять-LATENT-O3 потом пойти-AOR-S3
 ‘Потом доктор его сделал, стеклянный пароход сделал. Потом он в путь собрался. Трех солдат взял. Потом пошел’. [Прокофьев, рук.]
- (18) *Нёқыр мәнты-ль сёлы-ты ми-нты-ты ай*
 три сажень-Attr молоток-3 взять-LATENT-O3 также
ти чумбыль ёңтыль тысса-ты ми-нты-ты,
 сажень длинный острый щипцы-3 взять-LATENT-O3
сәры қамби-ла-м-т ай ми-нты-ты. Сәры
 белый платок-DIM-ACC-3 тоже взять-LATENT-O3 белый
қамби-м-ты тёқы-ңы-т, қәт шўньнё-нты
 платок-ACC-3 постелить-AOR-3 сени внутри-LAT
нильчиң олт-а-Ө. Уккыр чонтёқыт мыта ұты-ль
 так сесть-AOR-S3 один время-LOC Ptcl вода-Attr
қәққо-мын чунты мыта танны-нты-Ө. На мөт-ты
 прорубь-PROL лошадь Ptcl выйти-LAT-S3. вот чум-LAT
тў-ңа-Ө. Қәт кымын сёлы-сә
 войти-AOR-S3 лоб середина-PROL молот-INSTR

пачал-ны-т — с̄лы-т әлбә тицкымән-ны-Ø.
 рубануть-AOR-O3 молот-3 в.сторону отскочить-AOR-S3
Тысса-ты-сә өң-мын-ты орқыл-ны-т. Ныны
 щипцы-3-INSTR рот-PROL-3 схватить-AOR-O3 потом
щиттымтәль сәры қамбин-ты-сә іннә вәщизә-я-Ø.
 вторично белый платок-3-INSTR вверх взлететь-AOR-S3
 ‘Трехпудовый молоток **взял** и в сажень длиной острые
 щипцы **взял**; белый платок свой тоже **взял**. Белый платок
 расстелил, в сенях так сел. Тут из проруби лошадь **выходит**.
 [Она] в тот чум пришла. Лба посередине молотом [лошадь]
 ударил — молот в сторону отскочил. Щипцами по рту [ее]
 схватил. Потом опять на белом платке своём взлетел’.
 [Прокофьев, рук.]

- (19) *Бән-қоламан-ы-Ø. Торня-н Омты-т Топы-ль*
 уйти-ProsP-AOR-S3 теленок-GEN рог-GEN основание-ATTR
бумы-н и-нты-ты ай уккыр Тәка
 человек-ACC взять-LATENT-O3 также один гусь
и-нты-ты.

взять-LATENT-O3

‘Идти собрался. Человека <по имени> Основание Рогов Те-
 ленка **взял** и одного <человека из рода> Гуся **взял**’. [Про-
 кофьев, рук.]

- (20) *Иса имl'a-n-ty-Sä il-a-Ø. Иса Түты-l'*
 PN бабушка-*GEN-3-INSTR жить-AOR-S3 PN карась-ATTR
tõ-nty қән-на-Ø. Коссуык түты қән-пу-ты.
 озеро-LAT пойти-AOR-S3 много карась поймать-AOR-O3
Ukkyr wәрky түты қәт-ты-ты. Моқунә
 один большой карась поймать-LATENT-O3 домой
tü-ға-Ø. Imyl'a-nty niк кәты-һу-ты:
 прийти-AOR-S3 бабушка-LAT так сказать-AOR-O3
 ‘‘Tüta-l' muşyr-äty, wәрky tüta-p
 карась-Attr сварить-OIMP2 большой карась-1.ACC
уку ат-ты’’.

ПРОН съесть-OIMP2

‘Ича жил с бабушкой. Ича на Карасье озеро поехал. Много
 карасей поймал. Одного большого карася поймал. Домой
 пришел. Бабушке так сказал: «Карасей свари. Большого ка-
 рася не ешь».’ [ОчСЯ 1993 / Т11, 2–4]

Таким образом, латентив в среднетазовском говоре систематически используется для введения нового дискурсивного топика.

Тем не менее, следует отметить, что в этой функции латентив *не* используется в интродуктивных фрагментах, то есть в абсолютном начале текста, ср. приведенный в (21) интродуктивный фрагмент текста с тем же сюжетом, что представлен в (20), рассказанный тем же информантом, но с использованием другой дискурсивной стратегии — с маркированием интродукции при помощи инферентивного показателя *-тру*. В процитированном в (21) фрагменте мы дважды могли бы ожидать употребления латентива. Первый раз — при введении персонажей ('Ича и старуха жили' — референты обоих имен представляют собой дискурсивный топик будущего нарратива, для маркирования которого мог бы использоваться латентив). Второй раз — при первом упоминании другого референта, который будет топиком дальнейшего дискурса ('большого карася поймал', здесь также можно было бы ожидать латентива, употребленного этим же рассказчиком в аналогичном контексте в (20). Однако в обоих случаях в интродуктивном фрагменте употреблен инферентив, а не латентив:

- (21) *Ica i imaqota ilymp̄q̄i. Ica q̄an-pa-Ø*
 PN и старуха жить-INFER-S3DU PN пойти-INFER-S3
Tūty-l' tō-nty. Q̄at-pa-ty w̄arqy
 карась-Attr озеро-LAT поймать-INFER-O3 большой
tū-ty-p. Tū-mpa-Ø moqynä. Imaqota-nyk
 карась-ACC прийти-INFER-S3 домой старуха-ILL
k̄aty-mpa-ty: «W̄arqy tūta-p yky amty.
 сказать-INFER-O3 большой карась-1.ACC Proh съесть-OIMP2
Jesl'i amm-ēntä-l, mat qu-l'ce-nta-k». Om-ty
 если съесть-FUT-O2 я умереть-INTENS-FUT-S1 сам-3
q̄ann-ej-a-Ø maso.
 пойти-INTENS-AOR-S3 в.лес
 'Ича и старуха жили. Ича пошел на Карасье озеро. Поймал
 большого карася. Пришел домой. Старухе сказал: «Моего
 большого карася не ешь. Если съешь, я умру». Сам пошел в
 лес'. [ОчСЯ 1993]

Если обобщить принципы употребления латентива для введения будущего дискурсивного топика, можно сказать, что он не используется в интродуктивном фрагменте (ни для введения про-тагонистов, ни для оформления предикатов, вводящих будущий дискурсивный топик в объектной позиции), но используется для введения «промежуточных» дискурсивных топиков, возникающих по ходу повествования. За пределами северной группы селькупских диалектов подобного употребления латентивного показателя — для введения дискурсивного топика — не наблюдается. Однако некоторые параллели можно усмотреть в северносамодийских стратегиях организации фольклорного нарратива; эти стратегии будут рассмотрены на материале лесного энецкого.

3. Введение дискурсивного топика при помощи формы косвенной эвиденциальности: лесной энецкий

В лесном энецком для введения будущего дискурсивного топика (по ходу повествования, вне интродуктивных фрагментов) используется глагол *tonee-* ‘иметься’⁵. Лексическое значение этого глагола — экзистенциальное (22, 23) и посессивное⁶ (24):

(22) *Тонын, Нарзеэ то-хон уолю соз тонэ-Ø,*
там красный озеро-LOC один мыс иметься.AOR-S3
Баручи соз.
Баруси мыс
‘Там, на Красном озере, один мыс имеется, мыс Баруси’.
[Сорокина, Болина 2005: T22: 5]

(23) *Дёа ман-а-Ø: «Ни-Ø ма-мби*
PN сказать-AOR-S3 NEG.AOR-S3 сказать-НАВ[-CN]
паги-сиза пёрни тонэ-Ø,
одежда-CARITATTR родня иметься.AOR-S3

---

⁵ Помимо этого, может использоваться также бытийный глагол *e-*, который мы здесь не рассматриваем.

⁶ В посессивной конструкции этого типа обладаемое является подлежащим глагола *tonee-*, обладатель выражается либо зависимой от обладаемого генитивной группой, либо посессивным показателем на обладаемом, как в (23).

перни-ху-д   *сэрты-й-ну-сь»*.
 родня-EMPH-ACC.2   одеть-AOR.OPL-OP1-PRAET
 ‘Разве она не говорила мне, что родня без одежды есть,
 я эту твою родню одел’. [Сорокина, Болина 2005: T2: 12]

- (24) *Ты-на*   *тонэ-Ø*,   *онэй*   *энчи*
 олень-1PL   иметься.AOR[-S3PL]   настоящий человек
тэ-суз   *бунн-за*   *пирис*.
 олень-CaritAdv   NEGEMPH-O3   мочь.CN
 ‘Олени у нас есть, энец без оленей не сможет’. [Сорокина,
 Болина 2005: T52: 2]

Можно привести ряд близких контекстов, где глагол *tonee-* во всех случаях вводит не упоминавшийся в дискурсе референт. При этом оформлении глагола показателем прямой засвидетельствованности или же показателем косвенной засвидетельствованности — а именно, инферентива — зависит от того, является ли подлежащее при данном глаголе «будущим топиком» нарратива. В первой группе примеров (25)–(30) подлежащее данного глагола не является будущим вторичным топиком и используется форма прямой засвидетельствованности, а во второй группе примеров (31)–(36) оно является будущим вторичным топиком и используется форма инферентива.

Так, в (25) нарта не является будущим дискурсивным топиком — наоборот, эта фраза скорее является постпозитивным комментарием к предыдущей фразе (‘дай мне веревку от нарты, помогу тебе везти’):

- (25) «*То, та-з*   *код-ку-д*   *бинэ*,
 ну,   дать-OIMP2   нарта-DIM-GEN.2   веревка[-ACC]
код-ку-д   *нэзе-чь*   *си-т*   *перчу-ху-з*,
 нарта-DIM-   везти-   PRONACC-   помочь-NORT-
 ACC.2   VAINF   2   S1
обу». *Онэй*   *нэ*,   *обу код-ку-х-за*
 что   настоящий   женщина   что   нарта-Dim-EMPH-3
тонэ-Ø,   *код-ку-да*   *ми-н*
 иметься.AOR-S3   нарта-DIM-GEN.3   в-LOCAdv
паги-ку-за   *э-та-м*,   *онэй*   *энчи*
 одежда-DIM-PL.3   быть-PROB-S3PL.EMPH   настоящий человек

на ни-Ø-у.

быть.CN Neg.Aor-s3-Emph

[«Ну, дай веревку саночек, саночки везти давай помогу тебе, что ж».] ‘У энецкой женщины, что ж, саночки есть, в саночках одежда, видимо, энка ведь она’. [У другой же лишь тело, шерсть одеждой (служит). Идут, идут. Реку неожиданно нашли ведь. Зима была. На берегу реки, как раньше младшая девочка говорила, два человека деревья рубят.] [Сорокина, Болина 2005: T12: 270–271]

Аналогично, в (26) топиком является шило, и рассказчик упоминает мешок во второй фразе примера в качестве постпозитивного комментария к глаголу ‘убрать’ в первой фразе примера, сообщая, что девочке было куда убрать шило:

(26) *Пу-на-за то. Маре-за тонэ*

положить-AOR-O3 вот мешок-3 иметься[-CN]

ни-Ø-у.

Neg.Aor-s3-Emph

‘[Шило] убрала. Мешок у нее имеется ведь’. [Сорокина, Болина 2005: T12: 123–124]

В (27) выделенный в переводе курсивом фрагмент также является «выходом» из нарратива — это отступление, в котором рассказчик обсуждает, что теперь лунки во льду проделывают пешней, а раньше для этой цели использовали топор, потому что ‘топор-то всегда с собой есть’:

(27) *Пя беныз э-са-м, тука-за*

дерево[-PL] рядом быть-INTERR-S3PL.EMPH топор-3

иуа-Ø тонэ. Дягаду-ць

ASSEMPH.AOR-S3 иметься[-CN] долбить-VAINF

пони-да-р дягачи дёгод обуру, тэза₁ дёрить₂

держат-PTPRAES-2 пешня другой вещь в.наше.время_{1,2}

пони-на-’ энчу дягачи. То₁ дебун₂ ань

держат-AOR-S3PL человек.PL пешня в.то.время_{1,2} тоже

дягачи-хуру буни-Ø понир энчу,

пешня-’даже’ NEGEMPH.AOR-S3 держать.CN человек.PL

то₁ дебун₂ каса-р тука-ру-хун цит-би-за

в.то.время_{1,2} товарищ-2 топор-LIM-LOC делать-NAV-O3

дяга се. Тука-хо-за пери тонэ,
 прорубь дыра топор-ЕМРН-3 всегда иметься.АОР-S3
тука-да пэд нообира-за. Обу дёди-гон
 топор-АСС.3 всегда взять.АОР-О3. Что время-ЛОС
биту-на-о: «Кари би-коз кунь
 думать-АОР-S3 рыба.АССPL вода-ЕL как
 собу-ту-бу-н?».

достать-FUT-VACOND-1

[«Чем под лед я затолкаю (сеть)? Такого (предмета) у меня нет. Как мне следует поступить?») ‘Деревья рядом были, видимо, топор, конечно, имеется у него. Долбить используемое, пешня — это другое дело, сейчас люди пешней пользуются. А в то время пешней-то ведь не пользовались люди, в то время человек только топором проделать должен был лунку. Топор-то всегда есть у него, топор всегда берет с собой. Через некоторое время думает: «Рыбу из воды как доставать мне?»’ [Сорокина, Болина 2005: Т78: 11–15]

В (28) и (29) представлены очень близкие к (27) контексты: в (28) рассказывается, как человек впервые придумал сделать запор (перегораживающую небольшую речку ловушку из ветвей и прутьев для ловли рыбы), топор упоминается во фразе, которая также имеет статус, близкий к комментарию (‘топор-то у него всегда при себе есть, он ведь энец’), в (29) топор упоминается в связи с тем, что протагонист решил сделать лодку, и сообщается о том, что у него имелся подходящий инструмент⁷:

(28) *Локри каса-р кари но-а дез*
 вдруг товарищ-2 рыба.АССPL поймать-NMLZ[-GEN] к

⁷ В (28) и (29) глагол *tonee-* оформлен показателями форм эпистемической оценки (пробабилитив + эмфатическая энклитика в (28), интеррогатив + эмфатическая энклитика в (29)). Специально отмечу, что само по себе употребление этих показателей эпистемической оценки не блокирует выражение инферентивного значения: оба этих значения (эпистемической оценки и косвенной эвиденциальности) могут получать одновременное выражение при помощи специальной аналитической конструкции. Поэтому в (28) и (29) эти две формы рассматриваются как не имеющие инферентивного компонента.

сойза би уз ко-а-Ø. Каса-р
 хороший ум[ACC] ведь найти-AOR-S3 товарищ-2
 тука-хо-за, обу-за, тука-за пери **иуа-Ø**
 топор-EMPH-3 что-3 топор-3 всегда AssEMPH.AOR-S3
тонэ, кору-за **тонэ-та-Ø-у**, онэй
 иметься[CN] нож-3 иметься-Prob-S3-EMPH настоящий
 энчи уа ни-Ø-у. Каса-р
 человек быть.CN NEG.AOR-S3-EMPH товарищ-2
 пэ-зи-за моту-уа-Ø, ныга-зи-за
 дерево-DEST.ACCPL рубить-AOR-S3 тальник-DEST.ACCPL
 моту-уа-Ø. Пя лэку-й-за.
 рубить-AOR-S3 дерево.ACCPL расколоть-AOR.OPL-OPL3
 Дёха-ку-да не-за-у дюур.
 река-DIM-ACC.3 NEG.AOR-O3-EMPH перегородить.CN
 ‘[«Ох, как рыбу поймает?» По течению речушки рыба в
 реке так и скользит.] Вдруг товарищ для лова рыбы хоро-
 шую мысль нашёл. У товарища топор-то, что-либо, то-
 пор всегда имеется, нож имеется, очевидно, энец ведь он.
 Товарищ деревьям срубил, веток срубил. Деревья расколол.
 Речушку перегородил. [Речушку перегородил, палками на-
 искосок сделал. Речушку впереди заводи перегородил.]’
 [Сорокина, Болина 2005: Т78: 37–41]

- (29) Дёа ман-а-Ø: «Одду-зу-нь мя-бу-нь
 PN сказать-AOR-S3 лодка-Dest-1 сделать-VACOND-1
 сойза, дёха-нь ме-он ку-хо
 хорошо река-GEN.1 в-PROL где-EMPH[-LATAdv]
 кани-бу-нь сойза». Дёа ет тука-за
 уйти-VACOND-1 хорошо PN EXCL топор-3
тонээ-са-Ø-у, **иуа-Ø** **тонэ**.
 иметься-Interr-S3-EMPH AssEMPH.AOR-S3 иметься[-CN]
 тука-за Пя сеса э-та-м,
 топор-3 дерево кора[-PL] быть-Prob-S3PL.Emp
 поса э-та-м, одду-зу-да
 гнилушка[-PL] быть-Prob-S3PL.EMPH лодка-Dest-3
 сёда-Ø, лобе-зу-да сёда-Ø.
 смастерить.AOR-S3 весло-Dest-3 смастерить.AOR-S3

Дѣа дѣха-ку-да ме-он ня
 PN река-DIM-GEN.3 в-PROL дерево
сѣса одду-ку-хуны-да ня-за.

кора лодка-DIM-LOC-3 начать.AOR-O3

‘Дѣа говорит: «Лодку сделать мне неплохо, по реке моей куда-нибудь поехать мне неплохо». Т9-50. У Дѣа топор имелся, видимо, конечно, имелся топор. Т9-51. Кора дерева ли, гнилушка ли, лодку сделал, весла сделал. По речке своей в лодочке из коры поплыл’. [Сорокина, Болина 2005: Т9: 49–51]

В (30) мы видим аналогичный комментарий (вставленный в середину фразы), где при помощи трех разных форм глагола *tonee-* (в т.ч. индикативной) рассказчик рассуждает о том, что у русского, вероятнее всего, имелась в хозяйстве нарта:

- (30) *Роса-р тоз менси-ху-да мана-Ø, код-за*
 русский-2 потом старуха-LAT-3 сказать.AOR-S3 нарта-3
тонээ-са-у, код-раха-за тонэ-Ø,
 иметься-Integr-S3-EMPH нарта-COMP-3 иметься.AOR-S3
иуа-Ø тонэ код, менси-ху-да
 ASSEMPH.AOR-S3 иметься[-CN] нарта старуха-LAT-3
мана-Ø: «У тэза пии-з, паги-з
 сказать-AOR-S3 ты теперь пимы-ACCPL.3 одежда-ACCPL.3
чукчи дика-н, — мана-Ø, тэза няри-д
 весь снять-Oimp2 сказать.AOR-S3 теперь задница-GEN.2
орную, эд, нэро-з». Менси-да позраа-за,
 вперед EXCL встать-Rimp2 старуха-ACC.3 запрячь.AOR-O3
няри-хуз-да э-та-Ø-у.
 задница-EL-3 быть-Prob-S3-EMPH

‘Русский теперь жене своей говорит (нарта, очевидно, была у него, было что-то наподобие нарты, конечно, имелась нарта), старухе говорит: «Ты сейчас штаны, одежду всю сними, сейчас задом наперед, так встань». Старуху запряг, за задницу, что ли’. [Сорокина, Болина 2005: Т61: 42–43]

Теперь приведем примеры, в которых глагол *tonee-* вводит вторичный топик и оформлен показателем инферентива.

В (31) в первой фразе вводится топик ‘одна травинка’, во второй фразе сообщается, что на этой одной травинке висят лыжи вошедшего в чум человека:

- (31) *Мяз ке-хон но-лю нуу-ку тонэ-би-Ø.*
 чум.GEN бок-LOC один-LIM трава-DIM иметься-INFER-S3
Но-лю нуу-ку ни-н лоба-за
 один-LIM трава-DIM[-GEN] на-LOCAdv лыжи-3
лыты-на-Ø.
 болтаться-AOR-S3
 ‘Около чума одна травинка имелась. На одной травинке
 лыжи-его болтаются’. [Сорокина, Болина 2005: Т50: 41–42.]

В (32) в первой фразе сообщается, что у протагониста имелся лук. Далее это оружие является дискурсивным топиком: Дёа берет лук и начинает стрелять из него; аналогично, в (33) в первой фразе сообщается, что у него есть сокуй, далее же сокуй оказывается дискурсивным топиком, т.к. Дёа отрезает от него подол и перевязывает им рану:

- (32) *Дёа иду-ку-за тонэ-би-Ø. Коди-бу-та*
 PN лук-DIM-3 иметься-INFER-S3 спать-VACOND-3
иду-ку-за ке-хоны-да э-уби-Ø. Дёа иду-ку-да
 лук-DIM-3 бок-LOC-3 быть-НАВ-S3 PN лук-DIM-ACC.3
тубуха-на-Ø, миму-ку-да эза-за.
 схватить-AOR-S3 стрела-DIM-ACC.3 выпустить.AOR-S3
 ‘У Дёа лучок имелся. Когда спит он, лучок рядом с ним бы-
 вает. Дёа лучок схватил, стрелочку выпустил’. [Сорокина,
 Болина 2005: Т9: 11–13]

- (33) *Дёа сокотэ-за тонэ-би-Ø. Дёа сокотэ-да*
 PN сокуй-3 иметься-INFER-S3 PN сокуй-GEN.3
над мота-Ø, лоче-за,
 пола[-ACC] отрезать.AOR-S3 закрыть.AOR-O3
сэри-за обури-за.
 завязать.AOR-O3 вещь-ACCPL.3
 ‘У Дёа совик имелся. Дёа совика подол отрезал, прикрыл, пе-
 ревязал свое хозяйство’. [Сорокина, Болина 2005: Т9: 86–87]

В примере (34) нарта является дискурсивным топиком, так как девочка грузит на нее вещи и сажает сестренку (этот пример можно сопоставить с (25), где также фигурирует нарта, не являющаяся дискурсивным топиком в рамках дальнейшего повествования):

- (34) *Эсе-ди муй-туй код-ку-зи*
 отец-GEN.3DU сделать-PTPass нарта-DIM-3DU
тонээ-би-Ө, иблейгу код. Обури-за
 иметься-INFER-S3 маленький нарта вещь-ACCPL.3
код-ку ни сыхзи-за.
 нарта-DIM[-GEN] на[-LATAdv] привязать.AOR-O3
Каса-да ань код-ку ни
 сестра-ACC.3 тоже нарта-DIM[-GEN] на[-LATAdv]
адтаа-за.
 посадить.AOR-O3

‘[Подумала: «Сестренка же моя пешком идти ведь не сможет».] Отцом сделанные саночки имелись у них, маленькая нарточка. Вещи свои на саночки привязала. Сестренку тоже на саночки посадила. [Глаза куда глядят, пошла.]’ [Сорокина, Болина 2005: 12: 127–129]

Пример (35) интересно сопоставить с примером (26): в обоих случаях сообщается о том, что девочке есть куда спрятать мамин инструмент, однако в (35) тряпка является топиком в следующем предложении, а в (26) мешок добавлен в постпозитивном комментарии:

- (35) *Онэй нэ обухо малюдю-за*
 настоящий женщина что-EMPH тряпка-3
тонээ-би-Ө, то похроо-за э-да
 иметься-INFER-S3 так спрятать.AOR-O3 мать-GEN.3
кору. «Э-нь кору када-бу-нь сойза».
 нож[-ACC] мать-GEN.1 нож[-ACC] взять-VACOND-1 хорошо
 ‘У дочери энецкой женщины какая-то тряпка имелась, туда завернула она материн нож: «Матери моей нож взять мне следует»’. [Сорокина, Болина 2005: T12: 104]

В (36) дискурсивный топик вводится с повторами четыре раза: первые два раза при помощи аналитических конструкций, в которых причастие глагола *tonee-* является аналогом инферентивной формы, третий и четвертый раз — при помощи синтетической формы инферентива, дальнейший контекст показывает, что шило действительно является дискурсивным топиком:

- (36) *Парнэ-р торсе обури-за тонэ-й* *уа*
 ведьма-2 такой вещь-3 иметься-PTPRAET быть-CN
ни-Ø-у, *нахава бяси-за. торсе*
 NEG.AOR-S3-EMPH острый железо-3 такой
тонэй и-си-Ø-у уа
 иметься-PTPRAET NEG-Interг-S3-EMPH быть-CN
экон ма-мбе-ма, полюдо.
 здесь сказать-НАВ-S1PL шило
Полюдирха бяси тонээ-би-Ø, онэй
 шило-COMP железо иметься-INFER-S3 настоящий
база-ан ма-дь, полюди-за тонээ-би-Ø.
 слово-PROL сказать-VAINF шило-3 иметься-INFER-S3
Онэй нээ тале модыэ-за, кунь
 настоящий женщина так смотреть.AOR-O3 как
э-ри-ць. Полюди-да ку-хоз оздээ-за,
 быть-LIM-VAINF шило-ACC.3 где-EL достать.AOR-O3
тору-та по-гин, ань ку-хон чики-да
 шерсть-GENPL.3 паз-LOCPL тоже где-EL тот-ACC.3
нобира и-си-за-у. То-гны-да, декар,
 держать[-CN] NEG-Interг-O3-EMPH шерсть-LOC-3 то ли
похри-й э-бу-та. Онэй
 завернуть-PTPRAET быть-VACOND-3 настоящий
нээ-да иту-’ тоз модысу-ць
 женщина-GEN.3 волосы-ACCPL вот смотреть-VAINF
ня-й-за, обу дёди-гон онэй
 начать-AOR.OPL-OPL3 что время-LOC настоящий
нээ-да коо-ху-да полюди-хун дягаха-уа-за.
 женщина-GEN.3 ухо-LAT-3 шило-LOC ткнуть-AOR-O3
 ‘У ведьмы такая вещь **имелась**, острая железка, такое **име-
 лось ведь**, здесь говорим мы обычно, шило. Шилоподобная
 железка **имелась**, по энецки говоря, у нее шило **имелось**.
 Энецкая женщина украдкой смотрит, как вести будет себя
 ведьма. Шило откуда-то достала, среди волос или еще где-
 то это держала она, видимо. В волосы ли завернуто было.
 Энецкой женщины волосы только смотреть стала, вдруг
 энецкую женщину в ухо шилом ткнула’. [Сорокина, Боли-
 на 2005: T12: 58–63]

Можно указать два ограничения на описанную выше тенденцию употребления инферентивной формы глагола *tonee-* для введения дискурсивного топика.

Во-первых, если глагол вводит топик в диалоге, а не в нарративе, глагол *tonee-* оформлен показателем прямой засвидетельствованности (показателем аориста), а не показателем инферентива, ср. (37) и (38):

- (37) *Оу, — мана-Ø, тэза полюдю-р тонэ-Ø,*
 EXCL сказать.AOR-S3 теперь шило-2 иметься.AOR-S3
полюдю-р. Каса-р, - мана-Ø, обу дёди-гон чики
 шило-2 сестра-2 сказать.AOR-S3 что время-LOC тот
полюдю-д ка-дъ пЕ-д не-за-у,
 шило-ACC.2 просить-VAINF начать-FUT NEG.AOR-O3-EMPH
сенко-д-за, сенко-сь кома-да-Ø». <...>
 играть-FUT-O3 играть-VAINF хотеть-Fut-o3
 «*Юлю, — буси мана-Ø, полюди-д*
 только старик сказать.AOR-S3 шило-ACC.2
дядкуид каса-ху-д и-з миз,
 тихонько-2 сестра-LAT-2 NEG-Oimp2 дать.CN
боа э-зкода-Ø».
 плохо быть-PREDEST-3
 ‘«У тебя, — говорит, сейчас шило **есть**, шило. Сестренка,
 говорит, через некоторое время это шило просить начнет для
 игры, играть захочет». <...> «Только, — старик говорит, —
 шило, осторожно, пожалуйста сестренке не давай, плохо
 будет». [Сорокина, Болина 2005: Т12: 220–223]
- (38) *Нэ-д дяз-буй-нь дя по-гон курхару*
 к-2 идти-VACONDPRÆT-1 земля[-GEN] паз-LOC разный
энчу коо-зу-дъ: уолу мя-кон
 человек.ACCPL найти.AOR-S1-PRAET один чум-LOC
нэ тонэ-Ø, нозу-уа-Ø уолу
 женщина иметься-AOR-S3 скоблить-AOR-S3 один
уза-ханы-да, наак уза-ханы-да ань пячи
 рука-LOC-3 другой рука-LOC-3 тоже печь[-ACC]
чунэ-го-о-Ø, пячи ми ня
 топить-DUR-AOR-S3 печь[-GEN] в[-LATAdv] дерево[-ACC]

бярйку-чь пони-уа-Ø.
бросать-VAINF держать-AOR-S3

‘Идя к тебе, по дороге разных людей я встретил: в одном чуме женщина **имеется**, скоблит одной рукой, а другой рукой печь топит, в печь дрова постоянно бросает’. [Сорокина, Болина 2005: Т60: 55.]

Во-вторых, если глагол *tonee-* вводит в посессивной конструкции топик в нарративе, рассказываемом от 1-го лица, он также оформляется показателем прямой засвидетельствованности, а не инферентива:

(39) *Моди коду ни-н мару-нь тонэ-ø,*
я нарта[-GEN] на-LOCAdv1 петли-1 иметься-AOR-S3
сойза-к-он ад-ы-й, чики мару-нь
хорошо-DIM-PROL сесть-AORRFL-R3 тот петля-ACCPL.1
сэри-н.
завязать.AOROPL-OPL1

‘У меня в санках петли **есть**, хорошенько сел, эти петли натянул’. [Сорокина, Болина 2005: Т17:30]

Первое ограничение, по всей вероятности, следует трактовать следующим образом: использование инферентива для введения будущего вторичного топика непосредственно связано с засвидетельствованной для всех северносамодийских языков нарративной стратегией, в рамках которой инферентив используется в интродуктивном фрагменте фольклорного нарратива; соответственно, этот прием ограничен текстами нарративного характера и не распространяется на диалог.

Второе ограничение указывает на то, что использование показателя косвенной эвиденциальности для введения вторичного топика не преодолело типологически хорошо известных ограничений на сочетаемость показателей косвенной эвиденциальности с первым лицом.

3. Сопоставление энецких и селькупских данных

Оказывается, что в селькупском механизм введения будущего дискурсивного топика при помощи формы косвенной эвиденциальности имеет существенно более широкое распространение, чем в энецком:

1) в селькупском эта стратегия сочетается с большим количеством глаголов (как переходных, так и непереходных), тогда как в энецком ограничена только глаголом *tonee-* (в редких случаях — также бытийным глаголом *e-*);

2) в селькупском эта стратегия не имеет ограничений на употребление в диалоге и на сочетаемость с первым лицом. Можно привести примеры введения дискурсивного топика при помощи латентива в диалогах, причем в клаузах с первым лицом, ср. (40), и в нарративах от первого лица, ср. (41) и (42):

(40) — *Qaj mē-ta-l?*

что делать-LAT-O2

— *Mükät, cītu-m₂ tam am-ta-m*

черемуха_{1,2}-ACC вот есть-LAT-O1

‘— Что делаешь?’

— Черемуху вот ем’. [ОчСЯ 1993: 29 / текст 19, предл. 4–5]⁸.

(41) *хэлы-ты тўммä-Ø, ыы, харрä, о, харрä*

рыба-3 прийти-COND-S3 EXCL к.воде EXCL к.воде

пакт-энна-ң топом на тэңуальп-а-ң

бежать-FUT-S1 PTCL нога-1 пошатываться-AOR-S1SG

⁸ В [ОчСЯ 1980: 241] указано, что латентив употребляется в вопросах и в ответах на вопросы, все приводимые примеры — частные вопросы и ответы на них. В [Урманчиева 2015] было высказано предположение, что это связано с появлением у латентива такой функции, как топикализация, однако более внимательный анализ примеров заставляет говорить о том, что речь идет не просто об ответах на вопрос, а о таких ответах, в которых вводится новый топик, как в (40) — далее в диалоге медведь выясняет у лисицы, где она достала такую вкусную черемуху. Ср. на первый взгляд аналогичный диалог, где, однако, в ответе объектом является уже неоднократно обсуждавшаяся в разговорах лисицы и медведя медвежья шкура, и переходный глагол, в отличие от примера (40), оформлен аористом индикатива, а не латентивом:

(i) *Loqa, tat qaj mē-ta-l?*

лиса ты что делать-LAT-O2

— *Mat tat qopa-m-ty centypty-mp-a-m*

я ты шкура-ACC-2 вымочить-DUR-AOR-O1

‘— Лиса, ты что делаешь?’

— Я твою шкуру вымачиваю’. [ОчСЯ 1993: Т 19: 27–28, с. 29]

ḡца-ны-Ø.

быть-Lat-s3

‘Рыба как придёт, к реке побегу, ноги-то — шатаюсь по-маленьку — **есть** у меня’. [<http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/text/istoriya-zhizni-d-kamin>]

- (42) *А мё нёқыр-мыт, мат пичы вэччы-ммы-нта-м.*

а мы три-1PL я топор нести-DUR-LAT-O1

Ук... уккыр не-мын лапа, лапаллака қани

Од... один некто-1PL лопата лопата-GEN-кусок вроде

й-сы-ты лоқа-т питы-л-лака

взять-PRAET-O3 лиса-GEN нора-GEN-кусок

шіқ... шіқылт-энты-ты.

раско... раскопать-FUT-O3

Уккур не-мын эй поқо-л-лака

один некто-1PL опять сеть-GEN-кусок

вэччы-ммы-нты-Ø лоқ... лоқат питын

нести-DUR-LAT-S3 ли... лиса-GEN нора-GEN

ḡ-п тақылт-энты-ты.

рот-ACC закрыть-FUT-O3

‘А мы втроем, я топор **несу**. Один из нас [=наш человек] лопату, лопату вроде взял, лисью нору раскапывать будет. Один из нас [=наш человек] сеть **несет**, лисьей норы вход закрывать будет’. [<http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/text/ohotnichiy-rasskaz-v-k-aksandakov>]

Итак, можно предполагать наличие ареального общего для тазовского селькупского и лесного энецкого явления — активного функционирования особых лингвистических механизмов введения будущего дискурсивного топика. При этом в данном случае речь не идет о копировании одним языком моделей другого языка, то есть направление влияния однозначно указать сложно. С одной стороны, селькупский демонстрирует существенно меньшие ограничения на распространение данного явления (указанное маркирование будущего вторичного топика возможно с большим количеством глаголов, в клаузах с первым лицом, а также в диалоге), что само по себе может свидетельствовать о том, что влияние в данном случае распространялось от селькупского к лесному энецкому. Кроме того, употребление латентива для маркирования

будущего дискурсивного топика в субъектной позиции спорадически встречается и в других диалектах — например, в кетском:

- (43) *kwöc-cы-Ø*   *матт'о-вън пе:-зу*   *нүзу-м-дъ.*
 пойти-PRAET-S3 лес-PROL   искать-VAINF   хозяин-ACC-3
ча:ча-с-Ø   *ча:ча-с-Ø,*   *теба-не*
 идти-PRAET-S3   идти-PRAET-S3   он-LAT
ү:димби-ндъ-Ø   *н'окка.*
 бежать-LATENT-S3   заяц.

‘Пошла она (= собака) по лесу искать себе хозяина. Идет, идет, **бежит** к ней заяц’. [Беккер 1960: 57 / предл. 3, 4]

В пользу такого направления ареального распространения рассматриваемого явления — от селькупского к лесному энецкому — говорит и отсутствие подобных употреблений инферентивных форм глагола, родственного *tonee-*, для введения будущего дискурсивного топика в ненецком.

С другой стороны, можно предполагать в данном случае встречное, перекрестное влияние двух идиомов. Возможно, широкое распространение этого явления в тазовском говоре селькупского при введении топика в позиции *объекта*, как в (15)–(20), связано с ареальной поддержкой со стороны одного грамматического механизма, функционирующего в северносамодийских языках. А именно, в северносамодийских языках объект, являющийся дискурсивным топиком, вызывает употребление на глаголе лично-числовых показателей объектного спряжения (ср., например, работы И. Николаевой [Nikolaeva 1999, 2001] о принципах употребления объектного спряжения, где она вводит для обозначения такого объекта термин *вторичный топик*). В селькупском этот исконно самодийский прагматический механизм, регулирующий употребление показателей объектного спряжения, утрачен: при сохранении двух общесамодийских типов спряжения в селькупском они достаточно жестко скоррелированы с переходностью/непереходностью глагола. Однако именно в тазовском диалекте, находящемся ближе всего к ареалу распространения северносамодийских языков, широкое распространение получает маркирование будущего дискурсивного топика в *объектной* позиции (в других диалектах маркирование будущего топика спорадически встречается, но по преимуществу в субъектной пози-

ции, как в (43) выше). Очевидно, что употребление латентива в селькупском зеркально с точки зрения маркированности по отношению к употреблению объектного спряжения в северносамодийских (и, в частности, в лесном энецком): латентив маркирует *первое* введение в дискурс будущего вторичного топика в объектной позиции, объектное согласование — всякое *непервое* его упоминание. Тем не менее, оба механизма в конечном итоге направлены на выделение дискурсивного топика. Тем самым, в данном случае можно предполагать и наличие встречного влияния энецкого на селькупский⁹.

Возможно, в данном случае в каждом языке существовали предпосылки для развития лингвистических механизмов введения будущего дискурсивного топика (в частности, в лесном энецком развитие такого маркирования «промежуточного» топика вполне естественно рассматривать как расширение той нарративной стратегии, в рамках которой инферентив используется в интродукции для введения героев повествования). Но реализованы эти предпосылки были в полной мере именно благодаря взаимовлиянию двух идиомов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; COLL — собирательность; COMP — компаратив ('подобный чему-либо'); CONN — коннегатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DATALL — датив-аллатив; DIM — диминутив; DU — двойственной число; DUR — дуратив; EL — элатив; EMPH — показатель со значением эмфазы; EXCL — междометие; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMV — императив; INDEF — неопределенность; INFER — инферентив; INSTR — инструменталис; INTENS — интенсивно-перфектная совершаемость; ITER — итератив; LAT — латив; LATENT — латентив; LIM — лимитатив ('только'); LOC — локатив; LOC.POSS — показатель локативных падежей в посессивном склонении; NEG — отрицание (частица в селькупском, отрицательный глагол в ненецком); NMLZ — номинализация; O — объектное спряжение; OPT — оптатив; PL — множественное число;

---

⁹ Очевидно, что в селькупском дискурсивный топик не всегда является объектом, но в северносамодийских объект, который зависит от глагола в объектном спряжении, всегда является топиком клаузы, который в подавляющем большинстве случаев совпадает с дискурсивным топиком.

PN — имя собственное; PR — предикативные формы имени; PRAET — прошедшее время; PRES — презумптив; PREDEST — предестинатив, пре-допределенное будущее; PROL — пролатив; PRONACC — аккузатив личных местоимений; PROSP — проспектив; RTPRAES — причастие настоящего времени; S — субъектное спряжение; TRANSL — транслатив; VACOND — условное деепричастие; VAINF — инфинитивное деепричастие.

Литература

- ОчСЯ 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М.: МГУ, 1980. [A. I. Kuznetsova, E. A. Khelimskii, E. V. Grushkina. Ocherki po sel'kupskomu iazyku [Studies in Selkup language]. M.: MGU, 1980].
- ОчСЯ 1993 — А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М.: МГУ, 1993. [A. I. Kuznetsova, O. A. Kazakevich, L. Iu. Ioffe, E. A. Khelimskii. Ocherki po sel'kupskomu iazyku. Tazovskii dialekt [Studies in Selkup language. Tazov dialect]. T. 2. M.: MGU, 1993].
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [V. A. Plungian. Vvedenie v grammaticeskuiu semantiku: grammaticeskije znacheniiia i grammaticeskije sistemy iazykov mira [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. M.: RGGU, 2011].
- Прокофьев, рук. — подготавливаемые к печати О. А. Казакевич тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ РАН [the texts collected by G. N. Prokof'ev which are being prepared for the publication by O. A. Kazakevich. The texts are disposed in the archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences].
- Сорокина, Болина 2005 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкие тексты, Санкт-Петербург: Наука, 2005. [I. P. Sorokina, D. S. Bolina. Enetskie teksty [Texts in Enets]. Sankt-Peterburg: Nauka, 2005].
- Урманчиева 2015 — А. Ю. Урманчиева. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей // Вопросы языкознания 6, 2015. С. 52–75. [A. Iu. Urmanchieva. Kak grammaticeskaja sistema upravliaet semanticheskoi evoliutsiei pokazatelei [How does the grammatical system control the semantic evolution of markers] // Voprosy iazykoznaniiia 6, 2015. P. 52–75].
- Givón 1983 — Introduction // T. Givon (ed.). Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-language Study. Amsterdam: Benjamins, 1983. P. 1–42.

Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Object agreement, grammatical relations, and information structure // *Studies in Language* 23, 1999. P. 341–386.

Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics* 39, 2001. P. 1–49.

Е. Ю. Иванова

СПбГУ, Санкт-Петербург

СОСТАВНЫЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИМПЕРАТИВА В БОЛГАРСКОМ И МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

Система императивных форм и их функциональная нагрузка обнаруживает существенные различия даже при близком родстве языков. Многочисленные исследования славянских средств выражения побуждения к действию показывают, что императивная парадигма в славянских языках характеризуется не только разнообразием показателей [Бирюлин 2012], но и разным распределением значений между синтетическими и аналитическими средствами выражения побуждения, особенно с учетом особой ситуации в южнославянских языках, где имеется так называемая *да*-конструкция (сочетание модальной частицы *да* с индикативной формой глагола), способная выразить варьированием личностных и видовых форм все основные значения оптативно-императивной зоны [Молошная 1995; Vojvodić 2003; Маслова 2008; Фекете 2008; Чакърова 2006, 2008; Ницолова 2008: 409–428; Тополиньска 2008: 45–50; Tanasić 2009; Сашева 2015; Стешевич 2015; Субјунктив 2015].

---

¹ Исследование осуществляется в рамках научного проекта РГНФ № 16-04-50019 «Южнославянская *да*-конструкция и ее русские параллели». Благодарю Элени Бужаровску, Лилянну Митковску, Галину Петрову и Андрея Соболева за обсуждение разных фрагментов работы.

Особую признательность выражаю анонимному рецензенту за ценные критические замечания и рекомендации. Не все из них удалось реализовать. Так, полное сопоставление положительных и отрицательных составных форм с учетом и их видовых характеристик мы можем отнести лишь к перспективам исследования, а здесь сделать только некоторые шаги в этом направлении (см. раздел 3). Вся ответственность за окончательные решения и формулировки лежит на авторе статьи.

Неизменно повышенное внимание в современной лингвистике уделяется специфике видового противопоставления, которую демонстрируют синтетические императивные формы, что позволяет изучить особенности межкатегориального взаимодействия вида и наклонения в разных группах славянских языков. Как известно, сфера применения глаголов НСВ в южнославянском синтетическом императиве значительно сокращена (например, [Станков 1976: 87–91; Каранфиловски 2008; Тополињска 2008: 46–47; Чакърова 2009; Бенаккио 2004, 2010] и др.). Впрочем, имеются такие типы употреблений, которые требуют использования только имперфективных глаголов². Однако видовые противопоставления в составных императивных формах остаются недостаточно изученными.

Исследование вопроса о влиянии отрицания на выбор грамматической формы императива в славянских языках проводится, в основном, по отношению к синтетическим формам, прежде всего в свете такой специфической характеристики болгарского, македонского и — с некоторыми исключениями — сербского языка, как запрет на употребление синтетической формы СВ с отрицанием в побудительной функции [Ivić 1958; Зенчук 1971; Конески К. 1972; Ницолова 2008: 403; Чакърова 2009; Zorikhina-Nilsson 2013; Стешевич 2015]. Таким образом, только форма от глагола НСВ может быть использована в качестве отрицательного волеизъявления [ГСБКЕ-2 1983: 368; Минова-Гуркова 1994: 67], ср. пары примеров:

(1) б. *Не пиши* (ИМП.ІРФV) ‘Не пиши!’ *Не напиши (ИМП.РФV).

м. *Не вклучувај* (ИМП.ІРФV) ‘Не включай!’ *Не вклучи (ИМП.РФV).

---

² Так, в болгарском языке возможен только глагол НСВ при призыве к неоднократным, узуальным действиям: *Проверявай пощата си поне веднъж дневно* ‘Проверяй почту хотя бы раз в день’. В случае однократных действий НСВ необходим, если каузируется уже совершающееся действие с целью предотвратить его прекращение: *Пиши си, няма да ти преча* ‘Пиши, пиши, не буду тебе мешать’ и если каузируется выполнение уже известного действия, а «прескрипция нацелена на то, чтобы действие выполнялось определенным образом, т. е. с конкретным качественным параметром» [Храковский 1990: 225]: *Графикът е качен, гледай по-внимателно* ‘График вывешен, смотри внимательнее’ [Иванова, Градинарова 2015: 46–47].

Формы типа *не напиши*, *не вклучи* возможны только в квазиимперативных функциях («транспозиционных» употреблениях, в терминологии [Бирюлин, Храковский 1992: 47], напр., болг. *Ти не го възпитай навреме, пък после се оплаквай*, букв. ‘Ты не воспитай его в свое время, а потом жалуйся’, пример из [Иванова К. 1963], см. и сопоставление с русским квазиимперативом в [Иванова, Градинарова 2015: 51–52]. Обзор дискуссионных случаев употребления синтетических императивов СВ с отрицанием в македонском языке, предпринятый К. Конеским на обширном иллюстративном материале, показал, что эти формы (*не дај*, *не убиј*, *не речи* и др.) либо получили фразеологизированный характер, либо используются для выражения экспрессивно-модальных значений, но не выполняют побудительной функции [Конески К. 1972].

В связи с невозможностью образовать повелительное предложение с участием синтетической формы императива от глаголов СВ и показателя отрицания встает вопрос, как выражается в этих языках превентивное значение, ср. рус. *Не упади!*; *Не урони чашку!*³.

В данной статье ставится задача проанализировать способность разных составных форм отрицательного императива СВ и НСВ в болгарском и македонском языках выражать прохибитивное и превентивное значение. Прохибитив (запрет) и превентив (предостережение) рассматриваются нами, в соответствии с концепцией, изложенной в [Храковский 1990: 212–213; Бирюлин, Храковский 1992: 35], как два подтипа отрицательного волеизъявления. Далее мы покажем, что распределение функциональной нагрузки между составными отрицательными формами является крайне неравномерным. Все императивные образования в болгарском и македонском языках могут при отрицании выражать прохибитивное значение⁴, и для подавляющего большинства форм оно является единственным. Оба значения — и прохибитивное, и

³ См. известную статью И. Пете [1991] о связи между негацией, видом и формой императива в болгарском и русском языках.

⁴ Прохибитивное значение в разных видах речевых актов реализуется в той или иной «семантической интерпретации» (далее мы будем употреблять этот термин, вслед за В. С. Храковским [1990: 202–207]): категорический запрет, упрек, увещание, рекомендация и т. п.

превентивное — в болгарском и македонском языках способна выражать только отрицательная *да-конструкция* с глаголом в форме настоящего времени: *Да не* + PRES.

Основная гипотеза состоит в том, что способность формы *Да не* + PRES выражать обе разновидности отрицательного волеизъявления связана с ее минимальной маркированностью на фоне других составных образований. Это соответствует теоретическому положению о том, что в контексте отрицания видовое различие (в частности, при императивных показателях) нейтрализуется, при этом наименее маркированная форма (в данном случае НСВ) выбирается по умолчанию, в то время как функционально маркированная форма перфектива подвергается реинтерпретации [Мальчуков, Храковский 2015: 22, 23]. Такую же закономерность мы наблюдаем в указанной форме: при употреблении в ней глагола НСВ (*Да не* + PRES.IPFV) она получает прохибитивное значение, при глаголе СВ (*Да не* + PRES.PFV) — превентивное. Дистрибуция видовых пар в форме *Да не* + PRES имеет такую же видовую семантическую специализацию, какая наблюдается в русском отрицательном синтетическом императиве.

Теоретической основой исследования являются концептуальные положения, сформулированные в типологических работах по императиву, прежде всего [Бирюлин, Храковский 1992], также [Храковский 1990; Храковский, Володин 1986]. Вслед за этими авторами, будем называть императивными предложениями такие повелительные предложения, «в которых позицию сказуемого занимают специализированные императивные формы глагола: синтетические (типа *рисуи, едем*) или аналитические (типа *пусть едет, давай (будем) молчать*)» [Бирюлин, Храковский 1992: 10]. Императивную парадигму, в соответствии с указанной концепцией, мы понимаем широко, т. е. включаем в нее формы для всех лиц и чисел, поскольку «Агентом каузируемого действия (= Исполнителем прескрипции) может быть не только Слушающий/Слушающие, но и третье лицо, и Говорящий, а также все их комбинации друг с другом» [Там же: 22]. Таким образом, в состав императивной парадигмы входят не только синтетические повелительные формы болгарского и македонского языков, но и аналитические, см. [Бирюлин 2012].

Этот принцип согласуется с представлением императивной парадигмы и в основных грамматиках болгарского языка

[ГСБКЕ-2 1983: 366–369; Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998: 408; Пашов 1999: 178–181], и в теоретических исследованиях [Куцаров 2007: 287–292; Чакърова 2009], ср., однако, суженный набор форм в грамматиках Ю. С. Маслова [1981: 224] и Р. Ницоловой [2008: 403–404]. В македонской лингвистике часть аналитических форм обычно выводится за рамки императивной парадигмы, см., например, [Усикова 2003: 210–211; Тополиньска 2008: 46–47]. Основные разногласия касаются *да*-конструкции, морфологический статус которой дискусионен, см., из более новых работ, противоположные позиции болгарских [Куцаров 2007; Чакърова 2009] и македонских [Субјунктив 2015] лингвистов.

Мы считаем независимые невопросительные *да*-формы членами императивной парадигмы, поскольку они удовлетворяют «мягким» формальным требованиям к императивным словоформам: «а) эти формы должны регулярно образовываться теми лексемами, которые по своей семантике допускают образование словоформ с повелительным значением, б) эти формы должны опознаваться в предложении как формы, имеющие повелительное значение» [Бирюлин, Храковский 1992: 21].

Отбор форм как членов императивной парадигмы (см. Таблицу 1 в конце статьи) производился нами с учетом результатов и методологических установок наиболее значимого монографического труда о болгарском императиве [Чакърова 2009], где предложена идентификационная матрица для дифференциации аналитических конструкций как императивных словоформ. Выводы о вхождении той или иной составной формы в императивную парадигму сделаны автором монографии на основании восьми критериев, учитывающих степень грамматикализации, структурную обязательность и взаимообусловленность элементов конструкции, возможность сочетаемости формального маркера с другими грамматическими показателями с тем же значением и ряда других. В результате тестирования доказана обоснованность обсуждаемого широкого варианта императивной парадигмы⁵.

---

⁵ Некоторые особенности предлагаемой К. Чакъровой широкой императивной парадигмы связаны с ее позицией по отношению к оптативу, в частности к формам с маркером *дано* (*да*), которые она рассматривает как императив. Другое отличие состоит в том, что исследователь, как и некоторые другие болгаристы, рассматривает формы с *недей* как синтетический императив (см. об этом в подразделе 2.1).

Терминология, употребляемая далее при анализе отрицательных императивных форм, соответствует терминологической системе, принятой в работе [Бирюлин, Храковский 1992: 34–41] при описании отрицательных повелительных предложений, т. е. повелительных предложений с показателем отрицания [Там же: 34; Храковский 1990: 188], где они рассматриваются в двух своих семантических разновидностях: прохибитивные и превентивные; подробнее об основаниях для данного деления в [Бирюлин, Храковский 1992: 35].

Статья построена следующим образом. В разделе 2 поочередно рассматриваются болгарские и македонские императивные составные формы с отрицанием: анализируется их формальный состав и дается краткая характеристика семантики и функциональных особенностей. Отмечается специфика, связанная с лично-числовыми формами, которые содержат информацию о том, кто именно предполагается исполнителем действия, — это императив для 2 л., гортатив, юссив (в общепринятом понимании этих терминов, см., напр., [Добрушина 2014]).

Порядок представления определяется тем, насколько специализирована каждая форма для выражения императивного значения, поэтому сначала описываются формы со специфическими прохибитивными частицами. Следовательно, форма *Да не* + PRES, используемая вне сочетания с другими побудительными частицами, является последней в приводимом перечне как наименее маркированная.

Для полноты картины мы включаем в рассмотрение и способность составных императивных форм выражать смежные значения, а именно оптативное (при отрицании — контроптативное) и апрехенсивное (беспокойство о возможности нежелательной ситуации). Оптативные и апрехенсивные высказывания представляют собой иные иллокутивные акты: это не выражение волеизъявления, а выражение желания / нежелания говорящего (оптатив) и сообщение (апрехенсив) [Добрушина 2006: 51], см. об этом и далее в подразделе 2.5.2.2. Такие функции для императивных форм являются непрямыми, вторичными.

В разделе 3 приводятся некоторые наблюдения, касающиеся дефектности отрицательной императивной парадигмы. В разделе 4 подводятся итоги исследования.

Добавим, что возможные семантические интерпретации прохибитивного значения в данной работе будут рассматриваться совсем кратко. Как известно, они тесно связаны как с лексическими характеристиками глагола, так и с ситуацией коммуникативного акта и социальным статусом говорящего и слушающего [Бирюлин, Храковский 1992: 14–17; Бенаккио 2010], а потому задача описания семантических употреблений каждой формы (таких как запрет, упрек, увещание) потребовала бы анализа как лексических групп предикатов, так и разных вариантов речевых ситуаций с учетом типа социальных отношений между участниками, что невозможно осуществить в рамках статьи.

Вне нашего внимания остаются средства выражения побуждения неимперативными глагольными формами, а также другими иллокутивными типами высказываний, для которых функция волеизъявления не является основной.

Материалом для работы послужил корпус примеров из устной и письменной речи, отражающий современное состояние литературного болгарского и македонского языков. Диалектные данные оговариваются только в единичных случаях⁶. С соответствующими ссылками привлекаются и примеры, обсуждаемые в научной литературе, прежде всего это работы [Ницолова 2008; Чакърова 2009; Тополињска 2008; Субјунктив 2015].

2. Отрицательные составные формы императивной парадигмы: образование и значение

Отрицательные повелительные предложения в болгарском и македонском языках образуются с участием нескольких показателей отрицания. Наиболее обширен набор форм, включающих отрицательный показатель *не*. Эта отрицательная частица ставится перед основным глаголом, после других императивных частиц, ср. болг. *Нека да не спорим* ‘Давай не спорить’. Имеются, однако, и специализированные прохибитивные частицы болг. *недей(те)* / мак. *немој(те)*, болг. *стига*, которые стоят в начале составного образования.

---

⁶ В диалектах набор форм и тем более фонетические варианты частиц и их комбинации отличаются еще большим разнообразием [МДАБЯ 2003; Стойков 1962].

Большинство форм включает частицу *да*. Можно сказать, что практически всю зону «отрицательной императивности» занимают образования с частицей *да* или ее комбинации с другими частицами, при этом основной глагол имеет некоторый (ограниченный) набор темпоральных возможностей, см. Таблицу 1 в конце статьи.

Начнем рассмотрение с форм, обладающих специализированными прохибитивными показателями — частицами *недей(те)* / *немој(те)* и *стига*.

2.1. *Формы с частицами б. недей(те), м. немој(те)*

Это единственное из всех составных образований, которое, как и синтетический императив, употребляется лишь по отношению ко 2 л. (ед. и мн. ч.).

Могут быть представлены следующие глагольные формы:

(2) б. *Недей(те) + да + PRES.IPFV / Недей(те) + INF*

м. *Немој(те) + да + PRES.IPFV/PFV / Немој да + PERF.PFV/IPFV (2SG, 2PL)*

Семантическая интерпретация данной прохибитивной модели неоднородна и варьируется от запрета (наиболее редкое употребление) до просьбы не совершать действие, ср. рус. *перестань, не стоит, не надо*. Наиболее удачной нам видится функциональная характеристика для *Недей(те) + да + PRES* как «увещевание» [Молошная 1995: 86], см. болгарские примеры:

(3) б. *Недей да плачеш!* ‘Не стоит / Не надо плакать’⁷.

б. *Недей да подсказвай!* ‘Не подсказывай!’ / ‘Не надо подсказывать’.

б. *Недей да ходиш там, моля ти се.* ‘Не надо туда ходить, прошу тебя’.

По сравнению с отрицательной формой синтетического императива, запрет с использованием *недей(те)* предстает как менее категоричный [Пашов 1999: 287]. Обратим внимание на то, что в болгарско-русских словарях в качестве основного перевод-

---

⁷ О форме *Не надо + Inf.* как о «зарождающемся прохибитиве» в русском языке см. [Гусев 2013: 60].

ного эквивалента для б. *недей* предлагается рус. *не смей*. Это, однако, не соответствует современному значению данной лексемы, что подтверждают и данные двуязычного параллельного корпуса⁸, где форма с *недей(те)* выступает как соответствие отрицательному русскому императиву в контексте увещания, упрёка, при этом ни одно из употреблений рус. *не смей* не переведено формой с *недей* (в качестве переводческого эквивалента рус. *не смей* выступает болгарская форма с перфектом, о ней см. 2.5.1), например:

- (4) *Сейчас отпущу тебя, только не надо кричать.* [Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002)] — *Ей сега ще те пусна, само недей да крещиш* (пер. И. Митевой).

Помимо *да* + PRES, в составе данной формы может употребляться «остаточный», «сокращенный» инфинитив (аористная основа) — *Недей(те)* + Inf. В современном языке сфера использования инфинитивной формы крайне ограничена, но конструкция с *недей*, а также *стига* (см. п. 2.2) остается одним из основных грамматических контекстов, в которых это образование еще встречается.

- (5) б. *Недей философствува!* ‘Не философствуй!’

б. *Недей излиза — помолитя.* ‘Не надо никуда идти (букв. Не надо выходить), — попросила она’.

б. *Недей моли за мен.* ‘Не надо просить за меня’.

В болгаристике форма с *недей* как член императивной парадигмы глагола не имеет закрепленного морфологического статуса. Она считается либо отрицательной формой синтетического императива [ГСБКЕ-2 1983: 367; Куцаров 2007: 381; Чакърова 2009: 24], либо аналитической (составной) формой [Ницолова 2008: 404; Пашов 1999: 287]. В академическом многотомном толковом словаре [РБЕ] *недей* при самостоятельном употреблении

⁸ Успореден корпус на руски и български текстове (http://rbcorgpus.com/search_form.php), см. также русско-болгарскую часть этого ресурса на сайте Национального корпуса русского языка: <http://ruscorpora.ru/search-para-bg.html>.

тракуется как глагол (в застывшей форме отрицательного императива) со значением ‘не делай’, ‘прекрати делать’, а при связанном употреблении — как элемент, исполняющий функцию частицы (*като частица*) для образования отрицательных побудительных форм.

В качестве оснований для признания формы с *недей* как формы синтетического императива выдвигаются следующие аргументы:

а) сама частица *недей* представляет собой отрицательную императивную форму от вышедшего из употребления глагола *дея* — *недей* ‘не делай’;

б) частица *недей* встречается в соединении с императивными формами (*недей* + IMP): *недей четi*.

Поскольку первое соображение связано с диахронией и не должно приниматься во внимание при установлении современного грамматического статуса частицы (уже несомненно грамматизированной), прокомментируем лишь второе положение. Употребление сочетания *недей* (причем только в ед. ч.) с синтетическим императивом встречается в диалектах (см., например, [Соболев 2001: 179–180]), а также в разговорном языке. Однако в описательных и нормативных грамматиках болгарского языка сочетание *недей* с императивом или вообще не фиксируется [ГСБКЕ-2 1983: 367–368], или указывается как ненормативное или ошибочное [Пашов 1999: 287; Ницолова 2008: 404].

Р. Ницолова, отмечая ошибочность образования *Недей* + IMP, полагает, что его появление в речи связано с искажением формы *Недей* + INF, поскольку сокращенный инфинитив — форма, для молодого поколения болгар уже неизвестная, и потому в их речи инфинитив трансформируется в императив [Ницолова 2008: 404]. По отношению к аналогичной форме в македонских диалектах подобную же мысль выдвигал и Б. Конески [1967: 180].

В македонском литературном языке специализированной прохибитивной частицей является *немој(те)*, этимологически связанная с отрицательной глагольной формой *не мози* [Младенов 1941].

Форма с *немој(те)* включает *да* + PRES; имеется также морфологический вариант с перфектом и неизменяемой по числу прохибитивной частицей *немој*, т. е. *Немој да* + PERF (2SG, 2PL)

(примеры 7). Последний вариант имеет значение более строгого запрета⁹:

(6) м. *Немојте да му го кажете!* ‘Смотрите не скажите ему!’
[Тополињска 2008: 49]

м. *Немој да одиш таму!* ‘Не ходи туда!’ / ‘Не надо ходить туда!’

(7) м. *Немој да си отишол* (PERF.PFV.2SG) *таму!* ‘Не смей туда ходить!’

м. *Немој да сте отишле* (PERF.PFV.2 PL) *таму!* ‘Не ходите туда!’ / ‘Чтоб не ходили туда!’

м. *И немој да си помислил* (PERF.PFV.2SG) *да заспиеш!* ‘И не вздумай заснуть!’

м. *Немој да си плачела* (PERF.IPFV.2SG) *таму!* ‘И не вздумай там плакать!’

2.2. Формы с частицей *стига*:

болг. *Стига* + PERF.IPFV / *Стига* + INF

Данная форма, представленная в болгарском языке, включает грамматикализованную отглагольную частицу *стига* (‘хватит’, ‘достаточно’) и глагол в форме перфекта или инфинитива. Значение данной формы определяется как призыв прекратить не законченное в момент речи действие (см. [Ницолова 2008: 404] и др.). Иначе говоря, эта форма предстает как единственное болгарское императивное образование, охарактеризованное по отношению совершения действия к моменту прескрипции (ср. [Бирюлин, Храковский 1992: 38]):

(8) б. *Стига си плакала* (PERF.2.SG)! ‘Хватит (тебе) плакать!’

б. *Стига си мислил* (PERF.2.SG) *за това!* ‘Хватит (тебе) думать об этом!’

б. *Стига си крещял* (PERF.2.SG)! ‘Хватит (тебе) орать!’

б. *Стига си ме хвалил* (PERF.2.SG)! ‘Хватит (тебе) меня хвалить!’

⁹ Вообще все отрицательные императивные формы в болгарском и македонском языках, содержащие перфект, являются формами категорического запрета.

б. *Стига сте се препичали* (PERF.2.PL) *на плажа!* ‘Хватит (вам) жариться на пляже!’

Важно заметить, однако, что само действие, к которому относится запрет, в действительности может быть завершенным еще до момента речи. Дело в том, что употребление данной формы характерно для речевой ситуации упрека и порицания, когда, по мнению говорящего, имеются основания полагать, что собеседник намеревается совершить это действие и впредь. Это позволяет регулярно образовывать указанную форму от предикатов «малого» таксономического класса «поведений» [Падучева 1996: 149], которые дают оценку предшествующей деятельности X-а как присущего ему типа поведения, а также от глаголов с интерпретационным значением, которые, как показано в [Гловинская 1989; Апресян 2004], сами по себе не обозначают никакого конкретного действия, а служат лишь для оценочной интерпретации другого конкретного действия, представляемого как уже имевшего место и образующего пресуппозицию глагола. См. примеры (9), где говорящий (субъект оценки, субъект совершаемой типизации), используя глаголы указанных групп, «дает вторичную номинацию (...) той деятельности, которую ее субъект, скорее всего, назвал бы иначе» [Падучева 1996: 150]:

(9) б. *Стига си всявала паника!* ‘Хватит сеять панику!’

б. *Стига си се правил на нравственик.* ‘Хватит изображать высоконравственного!’

б. *Стига си се правил на умник.* ‘Хватит умничать’.

б. *Стига си бръцолевил глупости.* ‘Хватит нести ерунду’.

Таким образом, хотя запрет, выражаемый формой со *стига*, представлен как запрет продолжающегося действия (чаще — деятельности или поведения X-а), он может касаться как действия, протекающего в данный момент, так и совершенного ранее, многократно или однократно. Возможность запрета однократно совершенного действия, представляемого как многократное, объясняется тем, что для речевой ситуации упрека характерна негативная гиперболизация проступков обвиняемого, поэтому однократно совершенное в прошлом действие предстает как иллюстрация обычного, присущего субъекту типа поведения, см. разбор

Е. В. Падучевой примеров упреков *Зачем людей толкать!*; *Зачем Вы людей обижаете!*, сказанных в ситуации единичного толчка, обиды [Падучева 1996: 150–151].

Форма с частицей *стига* используется чаще всего при обращении к собеседнику, как в примерах (8) и (9), но также, как иллюстрируют примеры (10), может относиться и к третьим лицам, и к первому лицу, в том числе к самому себе — говорящему:

(10) б. *Стига са ни лъгали* (PERF.3PL) *и подигравали* (PERF.3PL)!
‘Довольно (им) лгать нам и насмеяться над нами!’

б. *Стига сме размивали* (PERF.1PL) *хората!* ‘Хватит (нам) людей смешить!’

б. *Стига съм се самоизяждам*. ‘Хватит (мне) заниматься самоедством’.

Помимо формы перфекта, характерной для современного литературного болгарского языка, с частицей *стига* возможен «сокращенный», «остаточный» инфинитив» (см. о нем в п. 2.1.)¹⁰:

(11) б. *Стига се прозява* (Inf) *като куче!*, букв. ‘Хватит зевать, как собака’.

2.3. Формы с частицей Хайде / Ajде:

болг. Хайде да не + PRES.IPFV, мак. Ајде да не + PRES.IPFV

Сочетание глагола НСВ с *хайде/ајде да не* и в болгарском, и в македонском языках выступает как форма мягкого запрета. Помимо наиболее характерного гортативного употребления (1 л. мн. ч.), эта форма используется и по отношению к другим лицам, не включающим говорящего (примеры 12). Форму с *хайде/ајде* говорящий может употреблять и по отношению к себе, выдвигая предложение собеседникам или убеждая самого себя не совершать или прекратить действие (пример 13).

(12) б. *Хайде да не спорим* (PRES.1PL) ‘Давайте не спорить’.

м. *Ајде да не се шегуваме* (PRES.1PL) ‘Давайте без шуток’,
букв. ‘Давайте не шутить’.

¹⁰ Обратим внимание также на фиксируемый в диалектной речи императив, напр. *St'iga r'ipkajte* (*стига* + IMP) в широколыкском говоре [Соболев 2001: 180].

б. *Хайде да не ме питаш* (PRES.2SG) *какво си мисля*. ‘Давай ты меня не будешь спрашивать, что я думаю’.

б. *През 2013 г. в медиите тръгна слух, че щели да забраняват производството на розово масло в България. Хайде да не ни питате* (PRES. 2PL) *розовото масло!* ‘В 2013 г. в СМИ пошел слух, что, мол, запретят производство розового масла в Болгарии. Давайте-ка не трогайте наше розовое масло’.

(13) б. *Хайде да не пиша* (PRES.1SG) *какво мисля*. ‘Давай-ка я не буду писать, что я думаю’.

Степень грамматикализации частиц *хайде/ајде* является дискуссионным вопросом. Форма 1 л. мн. ч. с гортативным значением чаще всего включается в императивную парадигму, но по отношению к остальным лично-числовым формам преобладает мнение о том, что они не достигли конечной фазы своей грамматикализации и частица выполняет роль лексического периферийного побудительного модификатора, см. аргументы в [Чакърова 2009].

Мнение о неморфологическом характере *хайде/ајде* поддерживается тем, что частица чрезвычайно активна в самостоятельном употреблении. Например, болгарское *Хайде!* может значить и ‘Пошли!’, ‘Начали’ (гортативное значение) и ‘Давай уходи/Начинай!’/‘Ну-ка’/‘Держись’ (апелляция к собеседнику). Эта частица часто сопровождает синтетический императив и побудительную *да*-форму, хотя, как правило, при отсутствии негации:

(14) б. *Хайде, тръгвай си вече!* ‘Давай, уходи уже!’

б. *Хайде, хайде, не се вълнувай толкова*. ‘Да ладно, не переживай ты так’.

м. *Ајде, дај ми го тоа*. ‘Ну, дай же мне это’.

м. *Ајде, да одиме!* ‘Ну, пошли!’ [Topolińska 2015: 73]¹¹.

---

¹¹ К этим употреблениям близка македонская конструкция с *daj(me)*, еще более дискуссионная как член императивной парадигмы. Так, в [Тополинска 2008: 48] *daj(me)* определяется как синсемантический гортативный глагол: *Дај да не мењама ништо* ‘Давай ничего не менять’; *Дајте да не чекаме, да го разгледаме проблемот сега, заедно!* ‘Давайте

2.4. *Формы с частицей Нека (да):*

б. Нека (да) не + *PRES.IPFV*, м. Нека не + *PRES.IPFV*

Отрицательные формы с *нека* (в болгарском языке с возможным включением *да*¹², в македонском литературном языке — без такого включения) выражают прохибитивную семантику в ее прагматически наиболее мягких семантических интерпретациях [Чакърова 2009: 50]: они служат не для запрета, а для выражения совета, рекомендации 3-му лицу (см. юссивное употребление в (15)), для предложения совместного действия, а также побуждения, отправленного говорящим к самому себе (16):

- (15) б. *Нека не плаши* (*PRES.3SG*) *детето*. ‘Пусть он не пугает ребенка’.
- б. *Нека да не се отчайват* (*PRES.3PL*). ‘Пусть они не отчаиваются’.
- м. *Нека се лаже* (*PRES.3PL*) *себеси*. ‘Пусть он себя обманывает’.
- м. *Нека не му кажуват* (*PRES.3PL*) *ништо на Артем*. ‘Пусть не говорят ничего Артему’
- (16) б. *Нека да не подценяваме* (*PRES.1PL*) *министър-председателя*. ‘Давайте не будем недооценивать премьер-министра’.
- б. *Щайнмайер: Нека да не играем* (*PRES.1PL*) *играта на терористите*. ‘Штайнмайер: Давайте не подыгрывать террористам’ (букв. ‘Давайте не играть в игру террористов’).
- б. *Нека не говоря* (*PRES.1SG*) *от негово име*. ‘Давайте я не буду говорить за него’, букв. ‘от его имени’.
- м. *Нека не се лажеме* (*PRES.1PL*). ‘Давайте не будем обманывать друг друга’.

не будем ждать, рассмотрим проблему сейчас, вместе’ [Тополинска 2008: 48]. С другой стороны, фиксируются употребления этой лексемы как частицы, сопровождающей императив: *Даж кажи!* ‘Ну-ка скажи!’; *Дажте кажете!* ‘Ну же, скажите!’ [Тополинска 2015: 74].

¹² Различие болгарских форм с наличием или отсутствием *да* не вполне отчетливо и не имеет удовлетворительных объяснений в лингвистической литературе; высказываются предположения о том, что данные формы имеют одинаковое значение или же формы с *да* звучат строже.

Что касается форм со 2 л. глагола, они и в положительной форме редки, а с отрицанием вообще единичны и могут быть расценены как сближающиеся с оптативными [Чакърова 2009], см. отсюда же пример, близкий по семантике к высказываниям со специализированной оптативной частицей *дано* ('вот бы', 'хоть бы'):

- (17) б. *Нека не чуваш обиди*. 'Пусть бы ты не слышала обид', ср. *Дано не чуваш обиди*. 'Хоть бы ты не слышала обид'.

Обратим внимание, что при трактовках, близких к оптативным, данные формы в болгарском языке употребляются без *да*.

2.5. Формы с частицей *да*

2.5.1. *Да не* + PERF. Формой *Да не* + PERF в обоих языках выражается резкий, даже грубый запрет¹³:

- (18) б. *Да не си казала никому нито дума!* 'Смотри, чтоб никому ни слова!'

м. *Да не си мрднал оттука*. 'Чтоб ни шагу отсюда'. букв. 'Чтобы не двинулся отсюда'.

Разумеется, никакого временного значения перфект здесь не имеет, но выбор СВ сам по себе значим. Дело в том, что появление данной формы связывается именно с видовым фактором [Попов 1963: 383]: в условиях, когда синтетический отрицательный императив не способен в связи с видовыми ограничениями выразить запрет на единичное действие, выход для реализации данной функции найден в формах *Да не* + PERF.PFV.

Глаголы НСВ в данной форме употребляются, в основном, для выражения запрета повторного действия:

- (19) б. *Да не си идвал* (PERF.IPFV) *тук повече!* 'Не смей сюда больше приходиться!'

м. *Да не си се јавувал* (PERF.IPFV) *веќе, разбра?!* 'Чтоб больше не появлялся здесь, понял?!'

---

¹³ Форма *Да* + PERF может также выражать упрек о неосуществленном действии, но отрицательные варианты таковых употребляются редко, см. пример из [Ницолова 2008: 423]: б. *Като не са били кадърни да гледат къщи, да не са се женили* (PERF.IPFV) (Й. Йовков) 'Если [они] были не в состоянии следить за домом, нечего было жениться' ('пусть бы не женились').

Основная лично-числовая форма глагола при данной модели прохибитива, как показывают и примеры выше, — 2 л. ед. или мн. ч. Использование формы 1 л. сказуемого характерно для глаголов перцепции в случае косвенного запрета (примеры 20). Формы 3 л. (21) менее частотны, поскольку грубый запрет к неучастнику ситуации прагматически неуместен. Обычно появление форм 3 л. связано с запретом ситуации, в которой собеседник обозначен косвенным образом:

(20) б. *Да не съм те видял* (PERF.PFV.1SG) *пак с това момче!*
 ‘Чтоб я тебя больше не видел с этим парнем!’

м. *Да не сум чул* (PERF.PFV.1SG) *такво нешто повеќе од тебе!*
 ‘Чтоб я больше такого от тебя не слышал!’

(21) б. *Кракът ти да не е стъпил* (PERF.PFV.3SG) *тук!* ‘Чтоб ноги твоей здесь не было!’

Все формы, рассмотренные выше, несмотря на различие семантических интерпретаций (категорический запрет, увещевание, предложение прекратить действие и др.), имеют прохибитивное значение. Лишь форма с частицей *нека*, в целом достаточно редкая в своей отрицательной разновидности, способна выражать в разных лично-числовых вариантах чаще (контр)оптативное, чем прохибитивное значение, т. е. смыкается с высказываниями иного иллюкутивного типа.

2.5.2. *Форма Да не + PRES.* Эта форма — наименее маркированная в императивной парадигме. Немаркированной является и форма глагола (настоящего времени), и сама частица, не имеющая в болгарском и македонском языках даже четкого набора значений, однако в независимом употреблении в невопросительном предложении первичной функцией данного образования является выражение волеизъявления.

В связи с запретом на использование СВ при отрицании в синтетическом императиве и в связи с тем, что варьирование видов в других отрицательных императивных формах, как мы видели, крайне ограничено, казалось бы, можно было бы ожидать, что в отрицательных *да*-конструкциях будет допускаться функциональное варьирование видовыми парами, как это происходит в *да*-конструкции вне отрицания, см. о семантике и прагматике положительных *да*-форм различных видов и по сравнению с фор-

мами синтетического императива в [ГСБКЕ-3 1983: 68; Ницолова 2008: 410–414; Чакърова 2009: 34–38; Маровска 1998; Иванова, Градинарова 2015: 53–55]. Так, при побуждении к близкому действию *да*-формы от глаголов НСВ всегда звучат более строго (не-терпеливо), чем формы синтетического императива:

(22) б. *Да слезеш* (PRES.PFV) *веднага от прозореца и да дойдеш* (PRES.PFV) *тук!* ‘Слезай с окна и иди сюда!’

Да слизааш (PRES.IPFV) *веднага от прозореца, че като дойда!* ‘Сейчас же слезай с окна, а то сейчас как приду!’ [Ницолова 2008: 411–412].

Однако в отрицательной *да*-конструкции это варьирование исключено, поскольку употребление видов в ней регулируется строгим видовым противопоставлением, — таким же, которое установлено для русского отрицательного императива: при сочетании отрицания с глаголом НСВ выражается прохибитив, а с глаголом СВ — превентив.

2.5.2.1. Форма *Да не* + PRES.IPFV имеет прохибитивное значение (в самых разных его семантических интерпретациях). Постулируется такое употребление для всех лиц и чисел [ГСБКЕ-2 1983: 367; Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998: 408; Пашов 1999: 178–181]; наиболее редким является 1 л. ед. ч.:

(23) б. *Аз да не ти разказвам какви сънища сънувам...* ‘Не буду-ка говорить тебе, какие сны мне снятся’.

б. *Да не я обиждаш повече!* ‘Больше не обижай ее!’

б. *Да не казва нищо!* ‘Пусть ничего не говорит!’

б. *Той да не се държи повече така с нея!* ‘Чтоб он с ней больше так себя не вел!’

б. *Да не се връщаме там, където бяхме 40 години.* ‘Давайте не будем возвращаться туда, где мы находились 40 лет’.

б. *Да не се корите напразно!* ‘Не корите себя напрасно’.

б. *Да не изпуснат нито дума!* ‘Чтоб не упустили ни слова!’

м. *Да не му го кажувам ова!* ‘Не буду-ка я ему об этом говорить’¹⁴.

---

¹⁴ Часть македонских примеров на форму *Да не* + PRES взяты из статей сборника [Субјунктив 2015].

м. *Да не му кажуваш за ова на Васил, те молам!* ‘Не говори об этом Василию, прошу тебя’.

м. *Да не одиш таму!* ‘Не ходи туда’.

м. *Марија да не се враќа!* ‘Мария пусть не возвращается’.

м. *Да не се радуваме премногу!* ‘Не будем излишне радоваться’.

2.5.2.2. Форма *Да не* + PRES.PFV имеет превентивное значение, но, как мы увидим далее, способна получать и апрехенсивную трактовку.

В превентивном значении данная форма выражает «предостережение, адресованное Исполнителю, чтобы им была проявлена осмотрительность и не было совершено действие, которое способно нанести ущерб или вред этому лицу или Говорящему, или какому-нибудь третьему лицу / лицам» [Бирюлин, Храковский 1992: 38].

Конкретизация семантики превентивного значения связана с признаком «контролируемость / неконтролируемость» в семантике предиката предотвращаемого действия:

1) СВ глаголов контролируемого действия используется как призыв не совершить по невнимательности «промах» при осуществлении целенаправленных действий:

(24) б. *Да не купиш корав хляб!* (ср. рус. *Смотри не купи черствый хлеб!*)

б. *Да не влезеш в реката, тя е дълбока* (ср. рус. букв. *Смотри не войди в реку, она глубокая*) [Пете 1991].

В русском языке, как известно, превентив с глаголами контролируемого действия обычен при сопровождении контекстуальных маркеров превентивности: ***Смотри не съешь все варенье!***; ***Только не вылей воду из ведра!*** (ср. прямой запрет при НСВ: *Не ешь!*; *Не выливай!*). Обычной при этом является экспликация местоименного подлежащего с выделительно-ограничительной частицей *только* и / или формой *смотри*, локализатором *у меня*, обстоятельством «неконтролируемости» *случайно, ненароком*: ***Ты только не выйди замуж в мое отсутствие!***; ***Не возьми случайно её ключи!***; ***Ты смотри у меня, замуж-то не выйди!*** [Храковский 1990: 216; Бирюлин, Храковский 1992: 39].

Для болгарского и македонского языков подобные контекстуальные маркеры необязательны.

2) СВ глаголов неконтролируемого действия служит для предупреждения неудачных действий:

(25) б. *Да не си измърсиш дрехите!* ‘Не запачкай одежду!’

б. *Да не се подхлъзнеш!* ‘Не поскользнься!’

м. *Побрзайте! Да не го испуштите авионот.* ‘Быстрее! Не опоздайте на самолет’, пример из [Бужаровска, Митковска 2015: 30].

В македонском языке, как показано Е. Бужаровской и Л. Митковской, имеется интонационное различие отрицательных *да*-конструкций, выражающих прохибитивное, с одной стороны, и превентивное (а также апрехенсивное, см. далее) значение, — с другой. При прохибитивном употреблении ударение падает на отрицательную частицу, в то время как при превентиве и апрехенсиве *да не* выступает как безударный комплекс [Бужаровска, Митковска 2015: 43–45], ср. и примеры (26) и (27) оттуда же:

(26) м. *Да НЕ одиш таму!* ‘Не ходи туда!’

(27) м. *Да не настинеш!* ‘Не простудись!’

Болгарский русист М. Зозикова [2001: 641] отмечает, что русские предостережения типа *Не упади!*; *Не обожгитесь!* передаются в болгарском языке лексически с участием слов с превентивным значением, например, *гледай(те)* ‘смотри(те)’, *внимавайте* ‘осторожно’ / ‘будьте осторожны’: *Гледай да не паднеш!*; *Внимавайте да не се опарите!* В принципе, предостережение можно выразить и без данных маркеров, но последние помогают снятию неоднозначности — они подчеркивают именно превентивное значение на фоне возможной апрехенсивной трактовки. К ней мы сейчас и переходим.

Апрехенсивное значение (‘беспокойство о возможности нежелательной ситуации’; см. [Lichtenberk 1995; Плуноян 2004: 17; Добрушина 2006; Прохоров 2009; Zorikhina-Nilsson 2012]) лишь относительно недавно стало описываться как самостоятельное значение отдельно от превентивного. Превентив — это побуждение, в то время как апрехенсив — это сообщение (сооб-

шение об опасении говорящего по поводу возможности наступления нежелательной, с его точки зрения, ситуации [Добрушина 2006: 29]).

Смысл ‘нужно проявлять осторожность, чтобы это событие не наступило’ при превентиве выражается самим актом каузации, который воплощается как призыв предпринять ряд контролируемых действий, чтобы не получить нежелательное неконтролируемое состояние или событие: *Смотри не простудись!*, т. е. ‘Оденься теплее’, см. [Храковский 1990: 216; Бирюлин, Храковский 1992: 39], в то время как при апрехенсиве этот смысл присутствует не обязательно и может представлять собой разве что импликацию, например *Как бы нам не опоздать!* [Добрушина 2006: 30].

В болгарском и македонском языках в большинстве самостоятельных невопросительных высказываний функцию выражения апрехенсивного значения обычно берет на себя отрицательная *да*-конструкция¹⁵:

(28) б. *Да не настина!* ‘Как бы мне не простудиться!’

б. *Да не закъснеем!* ‘Как бы нам не опоздать!’

б. *Да не ме изгонят!* ‘Как бы меня не выгнали!’

Поскольку эта же форма используется для выражения превентивного значения, возможно ее двойное толкование, которое в устной речи снимается интонацией. В письменной речи неоднозначность устраняется контекстом.

Вне контекста можно говорить лишь о предпочтительной трактовке, определяемой с учетом лица глагола и контролируемости/неконтролируемости нежелательного действия. В целом формы 2 л. являются сферой превентива, и апрехенсивная трактовка при них затруднительна [Добрушина 2006]. Так, фразы *Да не се откажеш от проекта!* или *Да не вземеш моите ключове!* понимаются обычно с превентивным значением (‘Смотри не откажись от проекта!’, ‘Смотри не возьми мои ключи!’), потому что

¹⁵ В болгарском языке имеется специализированная апрехенсивная частица *да не би* [Иванова 2014], однако в сфере независимых высказываний она оформляет только вопросительные конструкции, т. е. конструкции иного, чем рассматриваемые здесь, иллокутивного типа.

2-е л. предполагает прямое участие собеседника в коммуникативной ситуации. Данные высказывания в присутствии адресата воспринимаются как призыв предпринять ряд контролируемых действий, чтобы не получить нежелательное событие [Храковский 1990: 216], подобно разобранным выше примерам (24), т. е. как предостережение.

Несколько более вероятной кажется возможность апрехенсивной трактовки при 2 л. глагола в предложениях с прототипическими неконтролируемыми предикатами, ср. *Да не настинеш!* с возможным превентивным ‘Смотри не простудись!’ и апрехенсивным толкованием ‘Как бы ты не простудился!’ Последнее могло бы быть уместным, если оно произнесено в ситуации, когда нет возможности предпринять какие-либо контролируемые действия для предотвращения нежелательного состояния.

Двойное толкование возможно и в других формах. Например, болгарская фраза *Да не вземе моите ключове!* может быть истолкована и как апрехенсив (‘Я беспокоюсь, что он может взять мои ключи’, ср. рус. *Как бы он не взял мои ключи!*), и как превентив (ср. *Смотри(те), чтоб он не взял мои ключи*), т. е. как призыв присутствующим предпринять усилия для предотвращения нежелательной ситуации, которую может создать третье лицо. И здесь определяющим для выбора трактовки высказывания как превентивного является наличие призыва изменить имеющееся положение дел. Повторим, что в более широком контексте, и тем более при участии интонации (предупреждающей, или, наоборот, сообщающей о состоянии и негативных ожиданиях говорящего), двойная трактовка снимается, см. и наблюдения М. Зозиковой выше.

Для полноты семантической картины употребления отрицательных *да*-конструкций упомянем и смежное с императивным (контр)оптативное значение.

Отрицательные *да*-конструкции и в болгарском, и в македонском языках могут выступать в оптативных предложениях в виде высказываний-проклятий и пожеланий.

Высказывания-проклятья составляют ограниченный круг фразеологизированных форм, например (29), и их воспроизводство идет лишь за счет окказионально сформулированных угроз (30). Пожелания с использованием отрицательной *да*-конструкции включают предикат с ингерентным отрицанием (31):

- (29) м. *Бел ден да не видиш*, букв. ‘Белого дня чтоб тебе не видеть’.
- (30) м. *Пензија да не дочекаш!* ‘Чтоб тебе пенсии не дожидаться!’, см. [Бужаровска, Митковска 2015: 33].
- (31) б. *От здраве да не се отървем*, букв. ‘Чтоб от здоровья нам не избавиться’ [Ницолова 2008: 420].

3. Дефектность отрицательной парадигмы: некоторые наблюдения

Отрицание, несомненно, оказывает влияние на дефектность парадигмы императива и на изменение семантики форм. В данной работе мало внимания уделялось положительным соответствиям (если таковые корреляции имеются) для рассмотренных отрицательных форм. Но даже беглое сопоставление положительных и отрицательных императивных парадигм показывает сокращение набора форм при отрицании или их переосмысление. Проиллюстрируем это вкратце на примере форм с частицей *да*.

Н а б о р ф о р м. *Да*-конструкция в положительном варианте может сочетаться с такими временными формами, которые невозможны при отрицании, и получать императивные интерпретации, специфические только для положительных конструкций. Например, в положительном варианте в болгарском языке имеется форма с плюсквамперфектом (*Да* + PPERF) для выражения деликатного побуждения:

- (32) б. *Да бяхте хапнали нещо*. ‘Съели бы вы что-нибудь’.
б. *Да беше му помогнал малко*. ‘Помог бы ты ему’.

Второе значение этой формы — сожаление о неосуществленном действии:

- (33) б. *Да беше ми казал*. ‘Вот бы он мне сказал об этом (раньше)’.

В македонском языке имеется форма с имперфектом для выражения значения смягченного приказа или настойчивой просьбы:

- (34) м. *Да* + IMPERF: *Да ми дадеше малку пари*. ‘Дал бы ты мне немного денег’.

Соответствующей отрицательной формы для разновидностей (32)–(34) не обнаруживается.

Семантические различия отрицательных и положительных *да*-форм. При совпадении глагольных форм в положительном и отрицательном варианте наблюдаются различия в семантической интерпретации побуждения и типе запрета по отношению к фактору ‘ближайшее / отстоящее во времени действие’.

Например, функциональная нагрузка положительной формы *Да* + PERF близка отрицательной форме разве что категоричностью повеления. *Да* + PERF служит для выражения иных, чем с отрицанием, двух типов значений: в (35а) выражается настойчивое побуждение к отдаленному во времени действию [Ницолова 2008: 415], а в (35б) выражается убеждение, что действие, которое не было выполнено в прошлом, необходимо было осуществить. Эти значения в отрицательных коррелятах не присутствуют (ср. п. 2.5.1).

(35а) б. *До утра да си почистила* (PERF) *всичко!* ‘До завтра чтоб все было убрано!’

(35б) б. *Да си си отваряла* (PERF) *очите!* ‘Смотреть надо было!’

Другой пример семантического несовпадения — форма *Да* + PRES, в положительном варианте позволяющая варьировать посредством вида оттенки побуждения, связанные с тем, отдалено или приближено выполнение действия. Форма НСВ, как было показано в разделе 2.5.2 и примерах (22), при побуждении к немедленному действию звучит более категорично, но если волеизъявление говорящего не связано с немедленным выполнением действия, видовое противопоставление, как и в синтетическом императиве, зависит от фактора однократности / многократности действия (призыв к конкретному действию или общий совет), ср.:

(36) б. *Да станеш утре рано!* ‘Встань завтра рано!’

б. *Да ставаши сутрин рано!* ‘Вставай утром раньше’ [Ницолова 2008: 412].

При отрицательном императиве, как было показано в п. 2.5.2, видовые различия служат иной цели — они специфицируют прохибитивное и превентивное значения.

4. Выводы

Запрет на сочетание СВ и отрицания при синтетическом императиве в болгарском и македонском языках компенсируется набором составных образований, в том числе со специализированными прохибитивными частицами.

В Таблице 1, представляющей результаты данного исследования, дан обобщающий список отрицательных составных императивных форм болгарского и македонского языков и выражаемых ими значений. Формы дискуссионного грамматического статуса отмечены в таблице светлым курсивом. Значения, смежные с императивными (апрехенсив и оптатив), даны в Таблице в скобках.

Разнообразный набор глагольных форм при их соединении с несколькими грамматикализованными «запретительными» частицами создает богатую императивную парадигму отрицательных побудительных высказываний в рассматриваемых языках.

Как показывает Таблица 1, все болгарские и македонские отрицательные императивные формы способны выражать прохибитивное значение, причем выступающее для большинства из них как единственное. Превентивное значение возможно лишь для формы *Да не* + PRES.

В этой наименее маркированной форме происходит та же видовая семантическая специализация, которая наблюдается в русском отрицательном синтетическом императиве: образование с глаголом НСВ (*Да не* + PRES.IPFV) выражает прохибитивное значение, с СВ (*Да не* + PRES.PFV) — превентивное, см. правый столбец Таблицы 1.

Это распределение значений является подтверждением тезиса о том, что в контексте отрицания видовое различие (в частности, при императивных показателях) уже не несет свойственную ему семантическую нагрузку; значение вида нейтрализуется или переосмысливается, что в целом соответствует более общему типологическому предположению о характере взаимодействия негации, наклонения и вида: «в контексте семантической эквивалентности выбирается немаркированная форма (несовершенного вида), а маркированная форма, если она вообще возможна, реинтерпретируется» [Мальчуков, Храковский 2015: 23].

Таблица 1. Отрицательные составные формы императивной парадигмы

Болг. яз.	Мак. яз.	Значение
<i>Недей(те) + да + PRES.IPFV</i> <i>Недей(те) + Inf («остаточный» инфинитив)</i>	<i>Немой(те) + да + PRES.IPFV/PFV</i> <i>Немой да + PERF.PFV/IPFV (2SG, 2PL)</i>	прохибитив
<i>Стига + PERF.IPFV</i> <i>Стига + Inf («остаточный» инфинитив)</i>	—	прохибитив
<i>Хайде да не + PRES.IPFV</i>	<i>Ајде да не + PRES.IPFV</i>	прохибитив
<i>Нека (да) не + PRES.IPFV</i>	<i>Нека не + PRES.IPFV</i>	прохибитив (+ оптатив)
<i>Да не + PERF.PFV</i> <i>Да не + PERF.IPFV —</i> при запрете повторного действия	<i>Да не + PERF.PFV</i> <i>Да не + PERF.IPFV —</i> при запрете повторного действия	прохибитив
<i>Да не + PRES.IPFV/PFV</i>	<i>Да не + PRES.IPFV/PFV</i>	прохибитив / превентив, (+ апрехенсив + оптатив)

Форма с наименьшим количеством грамматикализованных показателей *Да не* + PRES, как было показано, используется также для выражения смежных значений (оптатив, апрехенсив).

Полномасштабное сопоставление положительной и отрицательной императивных парадигм позволит уточнить и конкретизировать взаимодействие разных грамматических категорий в императивных формах.

Список сокращений

IMP — императив; IMPERF — имперфект; INF — инфинитив; IPFV, HCB — несовершенный вид; PERF — перфект; PFV, CB — совершенный вид; PL — множественное число; PPERF — плюсквамперфект; PRES — настоящее время; SG — единственное число

Литература

- Апресян 2004 — Ю. Д. Апресян. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении 1, 2004. С. 5–22. [Yu. D. Apresian. Interpretatsionnye glagoly: semanticheskaja struktura i svoistva [Interpretative verbs: their semantic structure and properties] // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii 1, 2004. P. 5–22].
- Бенаккио 2004 — Р. Бенаккио. Глагольный вид в императиве в южнославянских языках // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 267–275. [R. Benacchio. Glagol'nyi vid v imperative v iuzhnoslavianskikh iazykakh [Verb aspect in the imperative in South Slavic languages] // Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. Sb. statei v chest' N. D. Arutyunovoi [Inmost meanings. Word. Text. Culture. Festschrift in honour of N. D. Arutyunova]. M.: Iazyki slavianskoj kul'tury, 2004. P. 267–275].
- Бенаккио 2010 — Р. Бенаккио. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ. [R. Benacchio. Vid i kategorija veshliosti v slavianskom imperative. Sravnitel'nyi analiz [Aspect and the category of politeness in the Slavic imperative]]. Slawistische Beiträge 472. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010.
- Бирюлин 2012 — Л. А. Бирюлин. Морфология императива в славянских языках // От значения к форме. От формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия чл.-корр. РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: ЯСК, 2012. С. 52–72. [L. A. Biriulin. Morfologiia imperativa v slavianskikh iazykakh [The morphology of the imperative in Slavic languages] // Ot znachenii k forme. Ot formy k

- znacheniiu. Sbornik statei v chest' 80-letiiia chl.-korr. RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko [From meaning to form. From form to meaning. Festschrift on the 80th anniversary of Russian Academy of Sciences corresponding member Aleksandr Vladimirovich Bondarko]. M.: IaSK, 2012. P. 52–72].
- Бирюлин, Храковский 1992 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Повелительные предложения: Проблемы теории // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5–50. [L. A. Biriulin, V. S. Khrakovskii. Povelitel'nye predlozheniia: Problemy teorii [Imperative sentences: theoretical issues] // Khrakovskii V. S. (ed.). Tipologiia imperativnykh konstruktssii [Typology of imperative constructions]. SPb.: Nauka, 1992. P. 5–50].
- Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998 — Т. Бояджиев, И. Куцаров, Й. Пенчев. Съвременен български език (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис). София: Изток-Запад, 1998. [T. Boiadzhiev, I. Kutsarov, I. Penchev. Süvremenen bülgarski ezik (fonetika, leksikologiia, morfologiia, sintaksis) [Modern Bulgarian (phonetics, lexicology, morphology, syntax)]. Sofiia: Iztok-Zapad, 1998].
- Бужаровска, Митковска 2015 — Е. Бужаровска, Л. Митковска. Негираните независни *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник: акад. Зузана Тополинска. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2015. С. 23–46. [E. Buzharovska, L. Mitkovska. Negiranite nezavisni *da*-konstruktssii [Negated independent *da* constructions] // Subjunktiv so poseben osvrt na makedonskite *da*-konstruktssii [Subjunctive with a special emphasis on Macedonian *da* constructions] / Ed. by Acad. Zuzana Topolinjska. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 2015. P. 23–46].
- Гловинская 1989 — М. Я. Гловинская. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М.: Наука, 1989. С. 74–146. [M. Ia. Glovinskaia. Semantika, pragmatika i stilistika vido-vremennykh form [Semantics, pragmatics and stylistics of aspect-tense forms] // Grammaticheskie issledovaniia: Funktsional'no-stilisticheskii aspekt [Grammatical studies: functional-stylistic aspect]. M.: Nauka, 1989. P. 74–146].
- ГСБКЕ-2 1983 — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2: Морфология. София: БАН, 1983. [Gramatika na süvremenniia bülgarski knizhoven ezik. T. 2: Morfologiia [Grammar of the modern Bulgarian literary language. Vol. 2. Morphology]. Sofiia: BAN, 1983].
- ГСБКЕ-3 1983 — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3: Синтаксис. София: БАН, 1983. [Gramatika na süvremenniia

- bŭlgarski knizhoven ezik. T. 3: Sintaksis [Grammar of the modern Bulgarian literary language. Vol. 3. Syntax]. Sofiia: BAN, 1983].
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: ЯСК, 2013. [V. Iu. Gusev. Tipologiiia imperativa [Typology of the imperative]. M.: IaSK, 2013].
- Добрушина 2006 — Н. Р. Добрушина. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания 2, 2006. С. 28–67. [N. R. Dobrushina. Grammaticheskie formy i konstruktсии so znacheniem opaseniia i predosterezheniia [Grammatical forms and constructions with the meaning of fear and warning] // Voprosy iazykoznaniiia 2, 2006. P. 28–67].
- Добрушина 2014 — Н. Р. Добрушина. Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [N. R. Dobrushina. Imperativ. Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi [The imperative. Materials for a project of a corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). Manuscript]. M., 2014].
- Зенчук 1971 — В. Н. Зенчук. Отрицательные императивные конструкции в славянских языках // Вестник Ленинградского университета 8, 1971. С. 77–83. [V. N. Zenchuk. Otritsatel'nye imperativnye konstruktсии v slavianskikh iazykakh [Negative imperative constructions in Slavic languages] // Vestnik Leningradskogo universiteta 8, 1971. P. 77–83].
- Зозикова 2001 — М. Зозикова. Синтаксические конструкции с мнимым отрицанием в русском и болгарском языках // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 39. Кн. 1. Филологии. 2001. С. 637–644. [M. Zozikova. Sintaksicheskie konstruktсии s mnimym otritsaniem v russkom i bolgarskom iazykakh [Syntactic constructions with fictitious negation in Russian and Bulgarian] // Nauchni trudove na Plovdivski universitet «Paisii Khilendarski». Vol. 39. Issue 1. Filologii. 2001. P. 637–644].
- Иванова 2014 — Е. Ю. Иванова. Апрехенсивное значение в русском и болгарском языках // Studi Slavistici. Firenze University Press. XI. 2014. С. 143–168. [E. Iu. Ivanova. Aprekhensivnoe znachenie v russkom i bolgarskom iazykakh [Apprehensive meaning in Russian and Bulgarian] // Studi Slavistici. Firenze University Press. XI. 2014. P. 143–168].
- Иванова, Градинарова 2015 — Е. Ю. Иванова, А. А. Градинарова. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: ЯСК, 2015. [E. Iu. Ivanova, A. A. Gradinarova. Sintaksicheskaia sistema bolgarskogo iazyka na fone russkogo [The Bulgarian syntactic system contrasted with Russian]. M.: IaSK, 2015].

- Иванова К. 1963 — К. Иванова. Остатъци от употреба на глаголи от свършен вид в отрицателна императивна форма // Български език 6, 1963. [K. Ivanova. Ostatütsi ot upotreba na glagoli ot svürshen vid v otritsatelna imperativna forma [Relicts of the use of perfective verbs in the negative form of imperative] // Bŭlgarski ezik 6, 1963].
- Каранфиловски 2008 — М. Каранфиловски. Глаголскиот вид во императивот во македонскиот и во другите словенски јазици // Реферати на македонските слависти за XIV-от Меѓународен славистички конгрес во Охрид, 10–16 септември 2008 година / ред. Милан Ѓурчинов. Македонска академија на науките и уметностите, 2008. С. 155–164. [M. Karanfilovski. Glagolskiot vid vo imperativot vo makedonskiot i vo drugite slovenski jazitsi [Verbal aspect in imperative in Macedonian and other Slavic languages] // Referati na makedonskite slavisti za XIV-ot Megjunaroden slavistichki kongres vo Okhrid, 10–16 septemvri 2008 godina [Abstracts of Macedonian slavists for the 14th International congress of slavists in Ohrid, 10–16 September 2008] / ed. Milan Gjurchinov. Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 2008. P. 155–164].
- Конески 1967 — Б. Конески. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1967. [B. Koneski. Istorija na makedonskiot jazik [History of Macedonian]. Skopje, 1967].
- Конески К. 1972 — К. Конески. Употребата на негиран императив од перфектни глаголи во македонскиот јазик // Македонски јазик. XXIII. 1972. С. 117–132. [K. Koneski. Upotreбата na negiran imperativ od perfektни glagoli vo makedonskiot jazik [Use of negated imperative of perfective verbs in Macedonian] // Makedonski jazik. XXIII. 1972. P. 117–132].
- Куцаров 2007 — И. Куцаров. Теоретична граматика на българският език: Морфологија. Пловдив: Универзитетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2007. [I. Kutsarov. Teoretichna gramatika na bŭlgarskiia ezik: Morfologiia [Theoretical grammar of Bulgarian: Morphology]. Plovdiv: Universitetsko izd-vo «Paisii Khilendarski», 2007].
- Мальчуков, Храковский 2015 — А. Л. Мальчуков, В. С. Храковский. Наклонение во взаимодействию с другими категориями: опыт типологического обзора // Вопросы языкознания 6, 2015. С. 19–32. [A. L. Mal'chukov, V. S. Khrakovskii. Naklonenie vo vzaimodeistvii s drugimi kategoriiami: opyt tipologicheskogo obzora [Mood in interaction with other categories: a trial typological overview] // Voprosy iazykoznanii 6, 2015. P. 19–32].
- Маровска 1998 — В. Маровска. Стилистика на българският език. Пловдив, 1998. [V. Marovska. Stilistika na bŭlgarskiia ezik [Stylistics of Bulgarian]. Plovdiv, 1998].

- Маслов 1981 — Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. [Yu. S. Maslov. Grammatika bolgarskogo iazyka [A grammar of Bulgarian]. M.: Vysshaia shkola, 1981].
- Маслова 2008 — А. Ю. Маслова. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008. [A. Yu. Maslova. Kommunikativno-semanticheskaia kategoriia pobuditel'nosti i ee realizatsiia v serbskom i bolgarskom iazykakh na fone russkogo iazyka [The communicative-semantic category of the imperative and its realisation in Serbian and Bulgarian as contrasted with Russian]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2008].
- Минова-Ѓуркова 1994 — Л. Минова-Ѓуркова. Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Скопје: Радинг, 1994. [L. Minova-Gjurkova. Sintaksa na makedonskiot standarden jazik [Syntax of the Macedonian standard language]. Skopje: Rading, 1994].
- МДАБЯ 2003 — Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. Под ред. А. Н. Соболева. [Malyi dialektologicheski atlas balkanskikh iazykov. Probnyi vypusk [Minor dialect atlas of the Balkan languages. A trial issue]. Ed. by A. N. Sobolev. München, 2003].
- Младенов 1941 — Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София: Изд-во «Христо Г. Данов — О.О.Д-во», 1941. [Etimologicheski i pravopisen "rechnik" na bŭlgarskiia knizhoven "ezik" [Etymology and spelling dictionary of the Bulgarian literary language]. Sofia: Izd-vo «Khristo G. Danov" — O.O.D-vo», 1941].
- Молошная 1995 — Т. Н. Молошная. Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: Индрик, 1995. С. 60–150. [T. N. Moloshnaia. Sintaksicheskie sposoby vyrazheniia kosvennykh naklonenii v sovremennykh slavianskikh iazykakh [Syntactic means of expressing oblique moods in modern Slavic languages] // Etiudy po tipologii grammaticheskikh kategorii v slavianskikh i balkanskikh iazykakh [Essays in the tipology of grammatical categories of Slavic and Balcan langauges]. M.: Indrik, 1995. P. 60–150].
- Ницолова 2008 — Р. Ницолова. Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. [R. Nitsolova. Bŭlgarska gramatika. Morfologiia [Bulgarian grammar: Morphology]. Sofia: Universitetsko izd-vo «Sv. Kliment Okhridski», 2008].
- Пашов 1999 — П. Пашов. Българска граматика. Пловдив: ИК «Хермес», 1999. [P. Pashov. Bŭlgarska gramatika [Bulgarian grammar]. Plovdiv: IK «Khermes», 1999].

- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. [E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa [Studies in semantics: the semantics of tense and aspect in Russian. The semantics of narration]. М.: Iazyki russkoi kul'tury, 1996].
- Пете 1991 — И. Пете. Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных побудительных предложениях // Съпоставително езикознание. 1991. Кн. 2. С. 17–21. [I. Pete. Uпотреblenie glagolov sovershennogo vida v bolgarskikh i russkikh otritsatel'nykh pobuditel'nykh predlozheniiax [Use of perfective verbs in Bulgarian and Russian negative imperative sentences] // Sŭpostavitelno ezikoznanie. 1991. Kn. 2. P. 17–21].
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. Предисловие // Ирреалис и ирреальность. Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2004. С. 9–25. [V. A. Plungian. Predislovie [Foreword] // Irrealis i irreal'nost'. Issledovaniia po teorii grammatiki [Irrealis and irreality. Studies in the theory of grammar]. М.: Gnozis, 2004. P. 9–25].
- Попов 1963 — К. Попов. Съвременен български език. Синтаксис. София: Наука и изкуство, 1963. [Popov 1963 — K. Popov. Sŭvremenen bŭlgarski ezik. Sintaksis [Modern Bulgarian. Syntax]. Sofia: Nauka i izkustvo, 1963].
- Прохоров 2009 — К. Н. Прохоров. Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис // Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб.: Наука, 2009. С. 160–224. [K. N. Prokhorov. Kalmytskie formy kosvennykh naklonenii: semantika, morfologiia, sintaksis [Kalmyk forms of oblique moods: semantics, morphology, syntax] // Issledovaniia po grammatike kalmtytskogo iazyka. [Studies in Kalmyk grammar] SPb.: Nauka, 2009. P. 160–224].
- РБЕ — Речник на българския език. БАН. 1977 [Rechnik na bŭlgarskiia ezik [Dictionary of Bulgarian]. BAN. 1977] <http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/>.
- Сашева 2015 — В. Сашева. Полифункционалното *да* в българския език (Функционално-семантични и модални особености на независимите *да*-изречения в съвременния български език). Велико Търново: УИ «Св. св. Кирил и Методий», 2015. [V. Sasheva. Polifunktsionalното *da* v bŭlgarskiia ezik (Funktionalno-semantichni i modalni osobenosti na nezavisimite *da*-izrecheniia v sŭvremenniia bŭlgarski ezik) [Multifunctional *da* in Bulgarian (Functional semantic and modal characteristics of independent *da* sentences in modern Bulgarian)]. Veliko Tŭrnovo: UI «Sv. sv. Kiril i Metodii», 2015].
- Соболев 2001 — А. Н. Соболев. Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. [A. N. Sobolev. Bol-

- garskii shirokolykskii govor. Sintaksis. Leksika dukhovnoi kul'tury. Teksty. [The Shirokolyk dialect of Bulgarian. Syntax. Vocabulary of the spiritual culture. Texts]]. Marburg: Biblion Verlag, 2001.
- Станков 1976 — В. Станков. Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. София: Изд-во на БАН, 1976. [V. Stankov. Konkurentsia na glagolnite vidove v bulgarskii knzhoven ezik [Competition of verbal aspects in the Bulgarian literary language]. Sofia: Izd-vo na BAN, 1976].
- Стешевич 2015 — В. Ю. Стешевич. Категория императивности и средства ее объективации в русском и сербском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. [V. Ju. Steshevich. Kategorii imperativnosti i sredstva ee ob"ektivatsii v russkom i serbskom iazykakh. Diss. ... kand. filol. nauk. [The category of imperativity and means of its objectivisation in Russian and Serbian. Cand. of Philol. Sc. thesis]. М., 2015.]
- Стойков 1962 — С. Стойков. Българска диалектология. София: Наука и изкуство, 1962. [S. Stoikov. Bŭlgarska dialektologii [Bulgarian dialectology]. Sofia: Nauka i izkustvo, 1962].
- Субјунктив 2015 — Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции / Уредник: акад. Зузана Тополинска. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2015. С. 23–46. [Subjunktiv so poseben osvrt na makedonskite da-konstruktsii [Subjunctive with a special emphasis on Macedonian da constructions] / Ed. by Acad. Zuzana Topolinjska. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 2015. P. 23–46].
- Тополинска 2008 — З. Тополинска. Полски-Македонски: Граматичка конфронтација. Т. 8: Развитие на граматичките категории. Скопје: МАНУ, 2008. [Z. Topolinjska. Polski-Makedonski: Gramatichka konfrontatsija. T. 8: Razvitok na gramatichkite kategorii [Polish-Macedonian: Grammatical confrontation. Vol. 8. Development of grammatical categories]. Skopje: MANU, 2008].
- Усикова 2003 — Р. П. Усикова. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. [R. P. Usikova. Grammatika makedonskogo literaturnogo iazyka [A grammar of literary Macedonian] М.: Muravei, 2003.]
- Фекете 2008 — Е. Фекете. Морфолошки и семантичко-синтаксички модели у императивном значењу // Јужнословенски филолог. LXIV, Beograd, 2008. [E. Fekete. Morfoloshki i semantichko-sintaksichki modeli u imperativnom znachenju [Morphological and syntactic models with imperative meaning] // Juzhnoslovenski filolog. LXIV, Beograd, 2008].
- Храковский 1990 — В. С. Храковский. Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука,

1990. С. 185–238. [V. S. Khrakovskii. Povelitel'nost' [Imperativity] // Teoriia funkcional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'. [Theory of functional grammar: Temporality. Modality.] L.: Nauka, 1990. P. 185–238].
- Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. [V. S. Khrakovskii, A. P. Volodin. Semantika i tipologija imperativa. Russkii imperativ [Semantics and typology of the imperative. The Russian imperative]. L.: Nauka, 1986].
- Чакърова 2006 — К. Чакърова. Към анализа на две типологически сходни парадигми (българския и руския императив) // Славистика и общество. София: Херон Пресс, 2006. С. 138–144. [K. Chakūrova. Kūm analiza na dve tipologicheski skhodni paradigmi (būlgarskiia i ruskiia imperativ) [Towards analysis of two typologically similar paradigms (Bulgarian and Russian imperative)] // Slavistika i obshchestvo [Slavic studies and society]. Sofia: Kheron Press, 2006. P. 138–144].
- Чакърова 2008 — К. Чакърова. Повелителните *da*-конструкции в съвременния български език и проблемът за «българския конюнктив» // Славистика. III. В чест на XIV международен конгрес на славистите (Охрид, 2008 г.). Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2008. С. 98–112. [K. Chakūrova. Povelitelnite *da*-konstruktsii v sūvremenniiia būlgarski ezik i problemūt za «būlgarskiia koniunktiv» [Imperative *da* constructions in modern Bulgarian and the problem of «Bulgarian conjunctive»] // Slavistika. III. V chest na XIV mezhdunaroden kongres na slavistite (Okhrid, 2008 g.) [Slavic studies. III. On the occasion of the 14th International congress of slavists (Ohrid, 2008)]. Plovdiv: Universitetsko izd-vo «Paisii Khilendarski», 2008. P. 98–112].
- Чакърова 2009 — К. Чакърова. Императивът в съвременния български език. Пловдив: Пигмалион, 2009. [K. Chakūrova. Imperativūt v sūvremenniiia būlgarski ezik [Imperative in modern Bulgarian]. Plovdiv: Pigmalion, 2009].
- Ivić 1958 — M. Ivić. Slovenski imperativ uz negaciju [Slavic imperative with negation] // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine X. Knj. 4. Sarajevo, 1958. P. 96–111.
- Lichtenberk 1995 — F. Lichtenberk. Apprehensional Epistemics // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in Grammar and Discourse, Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 293–327.
- Tanacić 2009 — S. Tanacić. O imperativu u savremenom srpskom jeziku [On the imperative in modern Serbian] // Sintaksičke teme [Syntactic topics]. Beograd, 2009. P. 36–49.
- Topolińska 2015 — Z. Topolińska. Polski-macedoński. Konfrontacja (nie tylko) gramatyczna. 10. Spirala ewolucji [Polish-Macedonian. Gram-

- matical (and not only) confrontation. 10. Spiral of evolution]. Wrocław, 2015.
- Vojvodić 2003 — D. Vojvodić. O vokativnim imperativnim tipovima kauzacije u ruskom i srpskom jeziku [On the vocative imperative types of causation in Russian and Serbian] // *Južnoslovenski filolog* 59, 2003. P. 153–174.
- Zorikhina Nilsson 2012 — N. Zorikhina Nilsson. Peculiarities of Expressing the Apprehensive in Russian // *The Russian Verb*. A. Grønn, A. Pazelskaya (eds.), *Oslo Studies in Language* 4, 1, 2012. P. 53–70.
- Zorikhina Nilsson 2013 — N. Zorikhina Nilsson. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings // *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs*. F. Josephson, I. Söhrman (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. P. 79–106.

В. В. Казаковская

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЯЗЫКОВОЕ И КОГНИТИВНОЕ В УСВОЕНИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ¹

1. Вступительные замечания

Статья продолжает серию публикаций, посвященных различным аспектам речевого онтогенеза эпистемической модальности (ЭМ) в русской речи [Казаковская 2015, 2016; Казаковская, Николаева 2016; Kazakovskaya 2016; Kazakovskaya, Argus 2016, 2017]. В частности, удалось определить основной состав начального детского эпистемического репертуара, наметить главные тенденции его развития, рассмотреть историю изучения этой проблематики на материале русского и некоторых других языков, а также сопоставить полученные данные с развитием ЭМ в одном из типологически отличающихся языков.

Настоящая работа фокусируется на лингвистических и экстралингвистических факторах, задействованных в процессе усвоения ЭМ, а кроме того включает результаты анализа спонтанной речи в двух новых диадах «взрослый — ребенок». При этом один из языковых корпусов принадлежит семье, социально-экономический статус (СЭС) которой характеризуется как низкий. К обсуждению привлекаются соответствующие дневниковые наблюдения родителей за становлением ЭМ в речи детей до трех-четырёх лет, а также первые экспериментальные исследования, проведенные с детьми более старшего возраста. Целью экспериментов являлось определение степени понимания эпистемических маркеров и выявление частоты их продуцирования в монологе.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ (грант 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка») и представляет собой полную версию доклада, сделанного на конференции МАПРЯЛ «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» в Хельсинкском университете (Финляндия) в июне 2017 года.

Теоретическое осмысление полученных результатов при анализе спонтанного диалога «взрослый — ребенок», а также их сопоставление с данными других типов (наблюдение и эксперимент) предваряется краткой характеристикой системно-языкового статуса русской ЭМ (1.1), описанием используемого в исследовании языкового материала и аспектов его анализа (1.2).

1.1. ЭМ: семантика и средства выражения

ЭМ — феномен, попадающий в поле зрения целого ряда фундаментальных отраслей научного знания — философии, логики, психологии, филологии. В частности, в филологии категории ЭМ, средствам ее выражения и их функциям в речи взрослых носителей языка посвящена огромная литература: см. в языкознании, в частности, работы В. А. Белошапковой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, Н. В. Гатинской, Г. А. Золотовой, П. А. Леканта, Е. В. Падучевой, Е. С. Яковлевой. В литературоведении ЭМ получила освещение в контексте проблемы образа автора (труды М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского). В когнитивной лингвистике эта категория затрагивается при разработке проблем, связанных с изучением модального языка (*modal language*); в психологии развития — при анализе процессов, сопряженных со становлением модели психического состояния человека в раннем онтогенезе (*child's theory of mind*).

В языкознании под ЭМ (или, в другой терминологии, персуазивностью) принято понимать семантику уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого (семантику достоверности/недостоверности, предположительности) и средства ее выражения. В русском языке эпистемическая семантика выражается соответствующей интонацией, порядком слов и лексико-грамматическими средствами [Русская грамматика 1980]. Основным — грамматикализированным и прототипическим — средством (эпистемическим маркером) принято считать вводно-модальные компоненты (модальные слова и их сочетания)²: *конечно, безусловно, само собой разумеется, наверное, вероятно, возможно, может быть* и др. [Виноградов 1986].

Как и другие разряды вводных компонентов (например, вводно-авторские или вводно-эмоциональные), модальные слова

---

² Описание особенностей онтогенеза модальных частиц и ментальных глаголов — одна из задач для дальнейшего исследования.

представляют собой «генетически» разнородную группу. Попадающие в нее слова различных частей речи (наречия, прилагательные, глаголы, существительные) грамматикализуются: частично или полностью утрачивают связь со своей парадигмой и начинают выражать субъективно-модальную (вероятностную) оценку, авторство которой в «канонической речевой ситуации» принадлежит говорящему (Е. В. Падучева):

- (а) — *Михаил / дело в том / что я учусь на филфаке / и мне стало интересно / Ваша фамилия происходит от слова «задор» или «задирать»? — Ну я же Задорнов / а не Задирнов. Нет / пошутить вам удалось конечно / но обидеть / нет. <...>* [М. Задорнов. Беседа на радио с М. Задорновым // Интернет, 2001];
- (б) [Денис] <...> *Кать / у тебя там тысячи две этих писем / наверно!* [Катя] *Да.* [Праздный разговор молодых людей, Московская область // практиканты, 2005].

В художественном нарративе — в отсутствие реального говорящего — прочтение модальных слов-эгоцентриков меняется. Носителем субъективной оценки может выступать как персонаж (герой повествования), так и «всевидящий» автор:

- (в) *Евдокия думала, что Евдоким, конечно, ничего себе человек, но скучно с ним* [В. Панова. Евдокия];
- (г) *Писали много и, разумеется, ввали много. Ввали, кажется, больше, чем не ввали* [А. П. Чехов. Сара Бернар].

К числу наиболее существенных системно-языковых характеристик вводно-модальных слов следует отнести: а) градуальность их семантики (и, соответственно, различную степень категоричности [Лекант 2002], или эпистемической силы [Краузе 2004] — высокую, низкую или среднюю³); б) возможность эксплицитного и имплицитного выражения (последнее применимо к простой

---

³ Отмеченные степени обычно используются при описании неуверенности в достоверности, однако они вполне сопоставимы со сферами, выделяемыми в микрополе «уверенность»: ср. уверенность категорическая (интенсивная) — высокая степень уверенности; уверенность проблематическая — низкая степень уверенности. Последняя, в свою очередь, сближается с высокой степенью неуверенности.

достоверности и делает ее тем самым немаркированным членом оппозиции «уверенность / неуверенность»); в) полифункциональность в речи. Полифункциональность проявляется в том, что в основных функциях маркеры ЭМ выражают базовую семантику, тогда как во второстепенных (с ее ослаблением или нейтрализацией) они «работают» как текстовые коннекторы (Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук), дискурсивные слова (К. Киселева, Д. Пайар), но чаще всего как экспликаторы той или иной ипостаси фигуры говорящего (что детально описано в научной литературе). Наконец, помимо вводности, наблюдающейся на так называемом внутрипредложенческом уровне функционирования (а–г), модальные слова характеризуются высокой реактивностью. Последняя понимается как способность занимать позицию ответной (реактивной) реплики в рамках диалогического единства, которая проявляется в разговорной речи. В этом случае эпистемические маркеры входят в сферу средств выражения согласия/несогласия и уподобляются релятивам (И. В. Галактионова, Н. Н. Гастева, О. Б. Сиротинина)⁴:

- (д) — *А ваши партнеры тоже всегда так делают?*
— *Конечно* [Экран и сцена, 2004.05.06].

Предварительные исследования ЭМ в речи взрослых носителей языка показали, что говорящие имеют некоторые предпочтения в репертуаре используемых ими маркеров и в частоте их употребления (в речи), однако не имеют предпочтений в отношении позиции маркеров в рамках предложения — начальной, срединной (а, в, г) или конечной (б). При этом соотношение экспликаторов уверенности и неуверенности, по данным Национального корпуса русского языка (далее *НКРЯ*, www.ruscorpora.ru), примерно одинаковое (51% и 49%).

Апелляция к речи взрослых, обращенной друг к другу (*adult-directed speech*), существенна для проводимого анализа на том основании, что инпут (*input, child-directed speech*) — речь, обращенная к ребенку и во многом обуславливающая усвоение языка, — является своего рода посредником между двумя системами — речью взрослых и детской речью (*child speech*).

---

⁴ Об усвоении русскоязычными детьми средств выражения семантики согласия/несогласия см. [Казаковская 2005, 2011а: 291–300].

1.2. Языковой материал и критерии его анализа

Материалом для создания выборки послужила спонтанная речь — диалог «взрослый — ребенок»⁵. Анализируемые данные представляют собой аудио- и видеозаписи (245 часов) коммуникативного взаимодействия 7 типично развивающихся русскоязычных детей-монолингвов — 4 мальчиков (Вани, Филиппа, Вити, Кирилла) и 3 девочек (Лизы, Тома, Виолетты) в возрасте от полутора (далее 1;6) до шести лет — и их взрослых собеседников (родителей, бабушек и дедушек), или кеагиверов (*caregiver*). Одна из девочек (Виолетта) воспитывается в социально неблагополучной семье, СЭС которой определяется как низкий [Voeuykova 2015].

Основными партнерами наших информантов из семей со средним СЭС были женщины в возрасте от 20 до 60 лет: мамы и бабушки, имеющие высшее (законченное или незаконченное) техническое и гуманитарное (филологическое и педагогическое) образование. В семье с низким СЭС основным собеседником ребенка была воспитывающая его бабушка (и, в свою очередь, многодетная мать) с неполным средним образованием. Используемые в работе лонгитюды были собраны в разное время в течение 25 последних лет. Фиксация речевого общения в первой диаде («мама — Филипп») производилась в 1990-е годы; записи диад «мама — Кирилл» и «мама — Тома» были сделаны в 2010-е; наблюдения за речевым развитием Виолетты продолжаются до настоящего времени⁶.

---

⁵ Сплошная выборка получена с помощью команды *combo* (<http://childes.psy.cmu.edu/manuals/CLAN.pdf>). Она учитывает верхний и нижний контексты реплики с анализируемыми маркерами и позволяет интерпретировать уместность их употребления ребенком. Снятие омонимии со средствами деонтической модальности (в частности, с глаголом *может*) и имитативными употреблениями производилось автором вручную.

⁶ Автор сердечно благодарит всех коллег и сотрудников, принимавших участие в создании корпуса данных: Т. В. Пранову, М. Д. Воейкову и В. Прокофьеву (корпусы «Филипп», «Виолетта»), Е. К. Лимбах и Н. В. Гагарину («Ваня»), М. Б. Елисееву («Лиза»), Е. А. Офицерову («Витя»), К. Иванову (корпус «Кирилл»), а также помощь при автоматическом создании выборки, И. В. Яковлеву («Тома»), М. И. Аккузину и Е. К. Лимбах (расшифровка, транскрипция и кодирование большинства

В соответствии с правилами международной системы обмена данными по детской речи CHILDES [MacWhinney 2000] записи спонтанных диалогов были расшифрованы, затранскрибированы и морфологически размечены. Их общий объем составляет около 450 000 словоупотреблений. Объем эпистемической выборки составляет около 2 200 словоупотреблений, проанализированных нами с точки зрения: а) времени появления маркеров (то есть того возраста, в котором они начинают использоваться детьми и впервые фиксируются в их инпуте), б) развития семантических полей уверенности (достоверности) и неуверенности (недостоверности, предположительности), в) частотности маркеров в речи (словоупотребления) и г) их разнообразия (лексемы), д) позиционных характеристик, свойственных им в рамках как высказываний (пре-, интер- и постпозиция), так и диалогических единств (инициативные и реактивные реплики), е) функций в речи (первичные, вторичные), ж) коммуникативных и темпоральных особенностей высказываний, на базе которых развивается механизм раннего эпистемического маркирования, з) соотношения между модальным инпутом⁷ и речевой продукцией ребенка.

2. Языковой аспект усвоения ЭМ

2.1. Биологический и языковой возраст появления маркеров ЭМ в спонтанной речи

Согласно результатам недавних исследований ЭМ [Казаковская 2016; Kazakovskaya 2016], успешная (или как минимум уместная) экспликация одного из микрополей, принадлежащих этой категории (а именно недостоверности, неуверенности, предположительности), в диалогической речи ребенка начинается довольно рано, на третьем году жизни (2;1–2;8):

2;7 Мама: *Что упало?*
Тома: *Может быть, расческа.*

записей), М. В. Хохлову (помощь в создании выборки из НКРЯ), Е. И. Николаеву (консультирование при статистической обработке данных).

⁷ Понятие «модальный инпут» используется по аналогии с понятием «адъективный инпут» [Казаковская 2012]. Изучение диалогической организации инпута предполагает многоаспектный анализ инициативных и реактивных реплик взрослого.

Один из показателей возраста языкового, которым является средняя длина высказывания (*СДВ* — индекс, в известном смысле сопоставимый с *MLU*⁸), указывает на то, что маркирование предположительности начинается на этапе многословных высказываний. Традиционно таковыми считаются конструкции, имеющие в своем составе не менее трех компонентов [Гвоздев 1949]. При этом для (подчеркнутой, нарочитой) экспликации достоверности (уверенности) требуется большая длина высказывания. Эксплицитные маркеры уверенности начинают появляться в речи детей, по нашим данным, с конца третьего года жизни:

3;10 Лиза: *Мм, потом, да, конечно* (помою ручки).

Тщательное изучение интонационных контуров детских высказываний, не содержащих эпистемических экспликаторов, возможно, позволит «приподнять» возрастные границы усвоения уверенности, являющейся, как известно, немаркированным членом рассматриваемой модальной оппозиции.

2.2. ЭМ по данным родительских дневников и экспериментов

Между тем ранее — до появления расшифрованных и закодированных корпусов спонтанной речи, подобных рассматриваемому в настоящей работе, — для исследования ЭМ использовались другие (более традиционные) типы языковых источников, в частности, дневники родительских наблюдений [Гвоздев 1949; Казаковская 1997, 2005, 2011a, 2011b]⁹, а кроме того проводились эксперименты как на понимание эпистемической силы маркеров [Краузе 2004; Овчинникова, Краузе, Угланова 1999; Krauze 2007], так и на их продуцирование в режиме монолога [Седов 2004]. Соотнесем имеющиеся на сегодняшний день знания об онтогенезе ЭМ в русском языке.

---

⁸ Индекс *MLU* (*mean length of utterances*) определяется в морфемах, в силу чего не является точным инструментарием при анализе усвоения флективно богатых языков.

⁹ Мы не привлекаем к обсуждению данные И. В. Столяровой (в силу ограниченного объема языкового материала), а также результаты, полученные В. М. Швец (ввиду чрезвычайно широкой трактовки ею исследуемого понятия).

Результаты дневниковых наблюдений согласуются с нашими данными, полученными при анализе спонтанного диалога [Казаковская 2016; Kazakovskaya 2016]. Они не только подтверждают более ранний (чем об этом было принято думать) возраст появления средств выражения достоверности/недостоверности в речи детей, но и указывают на случаи эпистемического маркирования в конце второго года жизни [Казаковская 2011а: 149]:

1;9 Варя: *Это ноготки, а это анютины глазки, а это, помоему, флоксы называется.*

Выводы, сделанные на основе экспериментальных исследований, целью которых было выявление умения детей 6, 8 и 11 лет «на слух» определять эпистемическую силу того или иного маркера, свидетельствуют о том, что устойчивая языковая рефлексия в субъективно-модальной сфере развивается в школьном возрасте (а значит, существенно позже, чем спонтанное употребление вводно-модальных слов в диалоге). Более того, до определенного времени девочки справляются с этим заданием хуже мальчиков (что в целом, заметим, противоречит опережающему развитию девочек [Bornstein 2017]), но с возрастом различия в оценках сглаживаются. Авторы полагают, что «концептуальное понимание» ЭМ и усвоение разнообразного репертуара средств ее выражения (интонационных и лексических) происходит в возрасте 11 лет [Овчинникова и др. 1999].

Различается и частота использования детьми и подростками 6–7, 10–11 и 15–16 лет маркеров ЭМ в монологе — как при описании серии сюжетных картинок, так и в произвольных рассказах о просмотренном информантами фильме [Седов 2004]¹⁰. Высокая частотность эпистемических маркеров, рассматриваемых экспериментатором как «средства межфразовой связи на уровне микротекста», была отмечена только в монологической речи тинейджеров.

Соотнесение результатов, полученных методами дневникового наблюдения и эксперимента, с данными анализа спонтанной речи (включающими новый материал) позволяет предположить, что онтогенез ЭМ обусловлен не только возрастными и — на оп-

---

¹⁰ Выводы К. Ф. Седова основываются на анализе 360 так называемых извлеченных нарративов (300 описаний и 60 рассказов) и представляются нам весьма убедительными.

ределенном этапе — гендерными причинами, но и самим режимом использования соответствующего системно-языкового навыка — диалогическим или монологическим. Значимыми, на наш взгляд, являются и условия продуцирования (и элиситации) вводно-модальных компонентов, непосредственно связанные с особенностями сбора языкового материала (естественное наблюдение vs. эксперимент). В целом, думается, что выводы, сделанные исследователями при изучении разных типов данных, не противоречат, но дополняют друг друга.

2.3. ЭМ и социально-экономический статус семьи

Результаты анализа вводно-модальных компонентов в спонтанном диалоге «взрослый — ребенок» (семьи со средним СЭС) показали, что вербальная эпистемическая оценка свойственна детям в разной степени. На это указывает высокий индекс стандартного отклонения (*CO*), полученный при определении средней частотности употребления эпистемических маркеров детьми. Разброс данных по количеству словоупотреблений маркеров ЭМ является менее существенным в первый год их усвоения, то есть на самой начальной стадии. Полученный результат соотносится с упомянутыми выше сведениями о частоте и избирательности эпистемического маркирования в речи взрослых носителей языка [Казаковская 2016].

Неодинаковая частота, с которой используются эпистемические маркеры в семьях со средним СЭС, обуславливает различия, существующие в так называемой эпистемической плотности корпусов. Наименьшая плотность отмечена в первом по времени сбора корпусе «Филипп»; наивысшая — в наиболее современном корпусе «Кирилл». В последнем эпистемические маркеры составили 34% от общего количества вводно-модальных слов всех анализируемых данных (1.2). В обоих случаях основными кеагиверами были молодые матери с гуманитарным (педагогическим и филологическим) образованием. При том что наличие высшего образования у родителей не позволяет относить СЭС семьи к низкому, следует отметить различный доход семей.

Между тем в речи девочки из социально неблагополучной семьи (низкий СЭС) эпистемические маркеры отсутствовали. В записях ее речевого окружения было зафиксировано наименьшее количество маркеров (48). Из них в речи взрослых, обращен-

ной друг к другу, — 47 (из которых 30% принадлежало интервьюеру и оператору), а в речи, обращенной к детям и в том числе к маленькой Виолетте, — 1. Он был отмечен в одной из первых (установочных) записей, сделанной с участием упомянутых выше гостей:

- 2;1 Виолетта: *Дай, дай.*
Бабушка: *Вероника, вы бы пошли в спальню, а то, **наверное**, перебивает ихние слова.*
Сот: о детском шуме, обращается к обеим девочкам — внучке Виолетте и дочери Веронике.
Виолетта: *Идем в спальню, идем в спальню. Мама, включи ля-ля-ля.*

Особенностью «эпистемического аспекта» речевого окружения этой малышки является то обстоятельство, что довольно часто маркеры уверенности (составляющие 65% от общего числа экспликаторов ЭМ в этом корпусе) используются в диалоге взрослых в реактивной («предложенческой») позиции, а во внутрипредложенческой (собственно вводной) позиции — во вторичных функциях:

- 2;1 Оператор: *Допустим, через неделю вы будете записывать, там будет какое-нибудь 12 декабря. Просто запомните это, потому что без этого мы потом никогда не восстановим.*
Бабушка: *Ну конечно.*

Можно констатировать, что до конца периода наблюдений (3;7) в инпуге этой девочки субъективно-модальный компонент либо отсутствовал, либо не всегда использовался для выражения основной (базовой) семантики. Таким образом, нечастотность и непрототипичность функций эпистемических маркеров может являться одной из причин их неупотребления ребенком¹¹.

---

¹¹ Инпут, который получают дети в семьях с низким СЭС, имеет свои особенности и, соответственно, зоны влияния на становление коммуникативной компетенции. В настоящее время эта тема получает широкое освещение как в зарубежной (см., например, [Bornstein, Bradley (eds.) 2002; Alam et al. 2017]), так и в отечественной литературе [Бедность и развитие ребенка 2015].

2.4. Приоритет в экспликации семантических полей ЭМ

Появляющиеся первыми в речи детей вводно-модальные слова с семантикой неуверенности в достоверности сообщаемого (*наверное, возможно, кажется, пожалуй, по-моему*) к концу периода наблюдений доминируют и в отношении частоты их использования в диалоге, и в отношении разнообразия. Анализ процентного соотношения маркеров уверенности и неуверенности в речи детей на разных возрастных этапах показывает, что в каждом срезе преобладают экспликаторы неуверенности, составляющие более 80% от общего числа словоупотреблений вводно-модальных слов¹². Исключение составляет речь одного из мальчиков (Вити), в которой семантические микрополя уверенности и неуверенности сбалансированы (48% и 52%). Маркеры уверенности в достоверности сообщаемого (*конечно, действительно, на самом деле*) начинают употребляться детьми позже. В среднем разница в появлении экспликаторов рассматриваемых полей составляет три месяца, за которые ожидаемо возрастает СДВ детей.

Результаты анализа ранней эксплицитной эпистемики в русском языке при их сопоставлении с материалом других языков и диалектов, изученных в данном отношении, — в частности, корейского, японского, турецкого, кантонского (один из южно-китайских диалектов) и кечуа (диалект южноамериканских индейцев), — не подтверждают общую тенденцию в очередности экспликации субъективно-модальных микрополей [Choi 2006; Matsui 2014; Hickmann, Bassano 2016]. Несходство заключается в том, что в упомянутых языках маркирование детьми уверенности в достоверности сообщаемого предшествует экспликации неуверенности¹³. Однако недавние сравнительные исследования обнаружили еще один язык, в котором дети так же, как и в русском, начинают эпистемическое маркирование пропозиции именно с выражения предположительности, неуверенности в достоверности сообщаемого [Kazakovskaya, Argus 2016]. Этим языком оказался эстонский, принадлежащий финно-угорской языковой семье и типоло-

---

¹² В данном случае использовался метод срезов: последовательному анализу были подвергнуты возрастные периоды от 1;5 до 2;0, от 2;1 до 3;0 и т. д.

¹³ См.: "... children ... produce certainty markers before they start using uncertainty markers" [Matsui 2014: 301].

гически отличающийся от русского. Главные различия проявляются в языковом строе (флективный vs. агглютинативный), степени грамматикализации одной из категорий, связанной с ЭМ, — эвиденциальности (не грамматикализована vs. грамматикализована) и степени свободы порядка слов (свободный vs. частично свободный). Между тем семантика ЭМ и в русском, и в эстонском выражается сходным образом [Kazakovskaya, Argus 2017]. Полагаем, что определение причин, обуславливающих приоритет в появлении экспликаторов одного из микрополей, предполагает привлечение не только данных других (как типологически далеких, так и близких) языков, но также би- и полилингвальных корпусов.

2.5. Характеристики начального эпистемического лексикона

Изначальный эпистемический репертуар в сфере выражения детьми неуверенности включает три вводно-модальных компонента: *наверно(е)* (зафиксирован у всех информантов), *по-моему* (употреблен Лизой и Витей), *может быть* (использовался Томой) и его разговорный вариант *может* (отмечен у Тома и Кирилла):

- 2;7 Мама: *Нет там снеговика. Может быть, он в пакете?*
 Тома: *Может, в пакете;*
- 2;8 Ваня: *Коза, наверно, козленок, наверно.*
 Бабушка: *Козленок, наверно? Или коза?*

Количество их употреблений детьми в течение первой сессии (записи, в которой они появились впервые) не превышает 3 раз — от 1 до 3 (в речи Лизы и Филиппа) — и в целом по корпусу насчитывает 14 словоупотреблений.

Принятие во внимание соответствующих ситуативных контекстов и комментариев к расшифрованным записям позволяет с уверенностью констатировать определенную степень понимания ребенком рассматриваемых языковых средств¹⁴. На этот факт об-

¹⁴ Речь идет о пометах *sit* и *com* (например: «Ребенок говорит с сомнением»). Вместе с тем адекватной интерпретации способствуют присутствующие в детской реплике ментальные глаголы (в частности, *думать, считать, знать*) [Казаковская 2017]. Наконец, в ряде случаев эпистемически маркированная реплика ребенка провоцируется модусным вопросом взрослого (2.7).

ратил внимание еще А. Н. Гвоздев в одном из комментариев к раннему использованию Женей «слов, связанных с предложением», для «выражения субъективного отношения» [Гвоздев 1949, II: 36]. Александр Николаевич писал, что «некоторые из них употребляются без достаточного понимания, но употребляются вполне уместно» [Там же].

Опираясь на фундаментальные положения, разработанные в отечественной психологии [Выготский, Сахаров 1981], мы разграничиваем аспекты уместного контекстуального употребления маркеров и собственно метаязыковую рефлексию ребенка, то есть его способность определить эпистемическую силу маркера в условиях эксперимента (2.2). Полагаем, что на ранних этапах речевого онтогенеза свидетельством успешного использования ребенком того или иного маркера ЭМ является его уместное употребление в ситуативном контексте, в толковании Л. С. Выготского [Казаковская, Николаева 2016]. Ср. более позднее:

5;10 Кирилл: *Она (о кошке) у тебя на спине и, **кажется**, ест твои волосы. Ну **кажется**, я не знаю. Я не вижу просто.*

Средства выражения семантики уверенности в достоверности сообщаемого представлены 2 маркерами: *конечно* (общим для всех детей) и *действительно* (отмеченном в речи Вити). В течение первой сессии *конечно* использовался детьми от 1 до 4 (в речи Вити) раз:

3;6 Мама: *Не хочет (конфетку)?*
Тома: ***Конечно**, не хочет;*

2;10 Витя: *Дь-зъ, малыш с нами поехал, **действительно**.*

Всего было отмечено 10 употреблений вводно-модальных слов с семантикой уверенности, что несколько уступает случаям первой фиксации вводно-модальных слов, выражающих неуверенность. Общее количество употреблений эпистемических маркеров обоих микрополей в первый год их появления в детской речи составляет треть (более 30%) от числа всех модальных слов, зафиксированных за время наблюдения. Так называемый срезовый анализ вновь появляющихся маркеров ЭМ позволяет проследить, с какой интенсивностью пополняется эпистемический репертуар. По сути, в каждом из анализируемых микрополей

основной эпистемический лексикон ребенка формируется до конца третьего года жизни. Так, неуверенность в достоверности высказывания представлена: *навверное* и разговорным *навверно, может быть* и разговорным *может, по-моему, кажется*. Уверенность выражается детьми с помощью вводно-модальных слов *конечно, на самом деле, правда, действительно*. В записях Кирилла, сделанных за пятый и шестой годы жизни, отмечены весьма редкие *видимо* и *возможно*¹⁵:

4;6 Кирилл: *Ну, она пошутила, видимо;*

6;2 Кирилл: *Мне, возможно, даже дадут наклейку.*

Мама: *Дадут, конечно. Ты молодец.*

Между тем неверно было бы полагать, что количество эпистемических маркеров-модальных слов идет на убыль. Несмотря на то что снижение их частотности заметно при сопоставлении возрастных срезов (от 38% к 19% для микрополя «уверенность» и от 31% к 10% для микрополя «неуверенность»), в целом эпистемическое маркирование пропозиций не уменьшается. Эпистемическая сбалансированность сохраняется благодаря появлению новых средств выражения этой семантики — средств, для которых в системно-языковой компетенции ребенка уже существует разрешительная возможность, иными словами, нужные грамматические навыки. В частности, становится подвластной техника разного рода конструкций: сложных бессоюзных и союзных (а, б), вставных (в):

а) 2;9 Кирилл: *Мне **кажется**, это не очень это красивая бумага, она женская.*

Мама: *Женская слишком, да?*

б) 2;10 Мама: *Куда лучше?*

Кирилл: *Наверное / **навверное, я думаю, что** лучше сюда приземлиться.*

¹⁵ С поздним усвоением этих вводно-модальных компонентов мы связываем идею (которую планируем детально обосновать и верифицировать) о параллелизме появления эпистемических маркеров в онтогенезе и филогенезе [Казаковская 1997]. В частности, историки языка указывают на то, что вводно-модальные *видимо* и *возможно* начинают использоваться позже, лишь в XIX веке [Гатинская 2007: 18–19].

в) 4;6 Кирилл: *Знаешь, думаю, нам скоро надо будет домой идти*¹⁶.

В качестве итоговой иллюстрации к особенностям раннего эпистемического маркирования приведем начальный вводно-модальный лексикон Кирилла. Его корпус является самым большим (продолжительным) по времени сбора данных (1;7–3;0, 4;2–6;2). Для выражения своей неуверенности в достоверности сообщаемого мальчик использует вводно-модальные *наверное* (45%), *по-моему* (19%), *кажется* (17%), *может быть* и *может* (15%), *видимо* (2%), *возможно* (2%). Уверенность в достоверности сообщаемого маркируется им с помощью *конечно* (43%), *правда* (36%), *на самом деле* (21%). В инпуте (речи матери) отмечено по два дополнительных маркера в каждом из микрополей: *пожалуй, должно быть; разумеется, действительно*. Полагаем, что именно они попадают в зону ближайшего развития ребенка (в ее понимании, заложенном Л. С. Выготским).

Однако до привлечения к анализу речевой продукции Кирилла наиболее разнообразным являлся эпистемический лексикон Лизы, основным кеагивером которой была ее мама — филолог, кандидат наук, преподаватель университета. С этим обстоятельством связывались две гипотезы: о гендерной обусловленности детского эпистемического лексикона и о его связи с образовательным и профессиональным статусом кеагивера. Верификация наших предположений требует анализа бóльшего количества сбалансированных в гендерном отношении языковых данных.

В использовании эпистемических маркеров детьми мы не обнаружили каких-либо позициональных предпочтений, что соотносится и с их употреблением в речи взрослых носителей языка, обращенной друг к другу, по данным НКРЯ [Казаковская 2016]. Так, например, Ваня и Витя предпочитают для употребления вводно-модальных слов в высказывании интерпозицию:

2;11 Витя: *Да, конечно, оно в ту сторону не едет,*

---

¹⁶ На основе анализа родительских дневников был намечен вектор развития языковых средств выражения точки зрения (авторства) говорящего и описаны основные этапы становления этой системы [Казаковская 1997, 2005, 2011а: 145–173, 2011б, 2016].

а Филипп чаще всего использует их в самом начале реплики:

- 2;4 Мама: *А какого он цвета (о медвежонке)?*
Филипп: **Наверно, желтый.**

Дополнительный анализ контекстов употребления и ситуативных комментариев (1.2, 2.5) позволяет предположить, что дети используют ЭМ в первичных — сугубо эпистемических — функциях, то есть для выражения своей уверенности или, напротив, предположительности по поводу описываемого положения дел. В данном отношении мы расходимся с выводами М. Краузе [2004] о «разговорном употреблении» эпистемических маркеров, сделанными ею, впрочем, на материале экспериментальных данных¹⁷.

*2.6. Эпистемически маркированные высказывания детей:
коммуникативные и темпоральные характеристики*

Коммуникативный тип детских высказываний, на базе которых начинает развиваться ранняя эпистемическая оценка пропозиции, может быть охарактеризован как невопросительный¹⁸. Главным образом, вводно-модальные слова используются в констатациях ребенка, отражающих ситуацию «здесь и сейчас»:

- 2;10 Мама: *Что это у тебя упало? Подними. <...>*
Тома: **Может быть, расческа;**
- 3;0 Кирилл: **Наверное, едем на работу.**

Несколько позже (от 6 месяцев и более) эпистемические маркеры начинают использоваться в вопросительных высказываниях¹⁹:

---

¹⁷ Вторичные функции ЭМ в речи русскоязычных детей (а именно построение гипотезы, логический вывод, припоминание, создание иронии и комического, поддержание диалога) получили начальное описание на материале дневниковых наблюдений родителей [Казаковская 2011а, 2011б]. Модальные слова во вторичных функциях используются в речи детей позже, что подтверждается и данными спонтанной речи: **Наверное, это был обычный кот, просто они его побрили** (Кирилл, 5;10).

¹⁸ Мы связываем данное обстоятельство с системно-языковыми свойствами рассматриваемых категорий [ТФГ 1990].

¹⁹ О порядке появления вопросов в речи русскоязычных детей см. [Казаковская 2011а: 303–348].

2;9 Кирилл: *Да он (о пустынном зайце) пойдет, **наверное**, к намий** [вм. с нами]?

2;8 Филипп: ***Может**, так прицепить?*

Кирилл — единственный в нашей выборке ребенок, который одновременно (с возраста 2;4) начинает эпистемически маркировать констатации и вопросы, но и в его случае эпистемические маркеры в вопросительных репликах нечастотны. Они составляют не более 11% всех эпистемически маркированных реплик. Кроме того, мальчик довольно легко использует вводно-модальные компоненты в своих инициативных (в) и реактивных — ответных невопросительных (а, б) и вопросительных (г) — репликах, то есть в режиме естественного реплицирования:

а) 2;5 Мама: *Кирилл, хочешь, почитаем еще книжку?*

Кирилл: *Да, **конечно**. Очень большой журнал вот тут;*

б) 2;9 Мама: *Ты окулист или офтальмолог?*

Кирилл: *Окулист, **по-моему**;*

в) 2;9 Кирилл: *Это же «Хаммер», **правда**?*

Мама: *Может быть, немножко похож на «Хаммер», да;*

г) 2;10 Мама: *Ну бак у него сзади где-то снизу, я думаю.*

Кирилл: *Он, **наверное**, здесь, м?*

Что касается темпоральных характеристик детских высказываний с эпистемической оценкой, то на наших данных не получила положительной верификации так называемая гипотеза будущего времени, выдвинутая Г. Дизель и М. Томаселло [Diessel, Tomasello 2001]. Она сводилась к тому, что изначально эпистемические маркеры должны появиться в детских высказываниях с футуральной семантикой, как в нижеприведенных примерах:

2;10 Лиза: *Я, **наверное**, найду еще карандаш;*

2;10 Витя: *И, **может**, машина придет, бак;*

3;2 Мама: *Потом пожарим картошку с грибами, покушаем и гулять пойдем.*

Тома: *На самокатике, на маленьком велосипедике поедем, **наверное**.*

Последовательность эпистемического маркирования высказываний с различными временными характеристиками, отмеченная в исследованных нами лонгитюдах, укладывается в общее развитие темпоральности в русской детской речи [Гвоздев 1949] и в целом сводится к следующей: актуальное настоящее — прошедшее — будущее.

2.7. Субъективно-модальный аспект инпута

Рассмотрим особенности модального инпута, который получали дети из семей со средним СЭС²⁰. Распределение средств вербальной эпистемики в речи кеагиверов является более ровным, чем в речи детей (2.2). Наименьшая девиация отмечена в то же самое время, что и у детей, то есть на третьем году жизни. Поскольку эпистемическое маркирование в речи взрослых, обращенной к детям, находящихся на разных возрастных этапах, имеет ту же тенденцию, что и в речи самих детей, можно утверждать, что эксплицитная неуверенность доминирует в рассматриваемых нами данных в целом и составляет около 70%. Несущественное преобладание вводно-модальных слов с семантикой уверенности зафиксировано в инпуте, который получала Лиза. Корреляция между представленностью микрополей уверенности и неуверенности в речи детей и в их инпуте статистически значима ($p < .001$).

Анализ соотношения модального инпута и соответствующей речевой продукции детей выявил две устойчивые корреляции. Первая из них касается частотности маркеров ($p < .001$, для словоупотреблений), вторая — их лексического разнообразия ($p < .01$, для лексем). Высокий коэффициент значимости позволяет думать, что частота и разнообразие эксплицитной эпистемической оценки в инпуте влияют на вероятность ее появления (и в известном смысле богатство) в речи ребенка. Тем самым фактор частотности оказывается значимым для онтогенеза этого феномена в русском языке, в отличие, например, от особенностей его усвоения в корейском — одном из языков с грамматикализованной эвиденциальностью [Choi 2006]. В среднем русскоязычные дети используют 6 вводно-модальных слов ($CO=1,67$), тогда как их взрослые партнеры по диалогу — 9 ($CO=2,23$).

---

²⁰ О данной характеристике речи взрослых в семье с низким СЭС см. выше (2.3).

К изучению ставших уже традиционными параметров качества и количества инпута целесообразно добавить изучение его диалогического устройства, то есть его организации в спонтанной речевой продукции (1.2). В предыдущих работах начальное описание получил один из элементов речеповеденческой тактики кеагивера, с высокой степенью вероятности способствующий элиситации средств эпистемической оценки в речи ребенка [Казаковская 2004, 2007; Kazakovskaya 2016]. Таким приемом оказалось использование особой семантической разновидности вопросительных реплик — модусных вопросов: *Как ты считаешь, ...? Ты думаешь, что ...? Почему ты думаешь, решил, что ...?* В отличие от диктумных вопросов, модусные вопросы апеллируют к ментальному состоянию собеседника, в нашем случае — к точке зрения ребенка, его мнению, его позиции²¹.

Предварительные исследования показали, что существует связь между использованием этого типа вопросов взрослыми и эпистемическим репертуаром ребенка. Более богатым и разнообразным эпистемическим лексиконом обладают те дети, чьи матери употребляли в своей речи вопросы к модусу. В частности, это наблюдалось в двух диадах: «мама — Лиза» и «мама — Кирилл»:

- 4;6 Мама: *Как ты думаешь, она для котов / она была бы более страшная, чем живая обычная собака, или нет?*
Кирилл: *Менее, **наверное**. Думаю, она рада нас прихода**
[вм. нашему приходу];
- 2;10 Мама: *Не знаешь, что происходит у джипа?*
Кирилл: *А, да... ххх **по-моему**, этот / этот минивен.*

3. Когнитивный аспект усвоения ЭМ

Более позднее, по сравнению с деонтической модальностью [Казаковская 2016], появление в речи детей модальности эпистемической может быть объяснено не только системно-языковыми

---

²¹ Подробнее о разграничении диктумных и модусных вопросов см. [Казаковская 2007, 2011а: 220 и след.]. Характеристики модусных вопросов, включая избыточность, в речи взрослых носителей языка по данным НКРЯ анализируются в [Казаковская 2010а; Казаковская, Хохлова 2015; Kazakovskaya, Khokhlova 2016].

характеристиками последней (в частности, упомянутой вводностью, позволяющей эксплицировать второй семантический пласт высказывания, идущий «от говорящего», модусной рамочной структурой), но и ее когнитивной сложностью. Речь идет о том, что ЭМ сопряжена со становлением модели психического состояния человека (*Theory of mind, ToM*) [Wellman 1990; Flavell 2004; Baron-Cohen 2000].

3.1. Модель психического и ЭМ

Модель психического описывает понимание (в нашем случае формирование этой способности) того, что другой человек может находиться в ином (в отличие от него самого) ментальном состоянии, может видеть явление иначе и, наконец, способен ошибаться в своих предположениях и ожиданиях [Сергиенко 2014]. Экспериментальные исследования показывают, что модель психического формируется постепенно — с двух до шести лет. Осознание возможности ошибки как у себя, так и у другого ложится в основу развития более позднего — критического — мышления [Николаева, Япарова 2013]. Получены первые результаты о становлении ряда феноменов, входящих в модель психического, — как при типичном, так и нетипичном психическом развитии русскоязычных детей [Сергиенко, Лебедева, Прусакова 2009]; между тем изучение вербального проявления данного аспекта мышления только начинается.

В частности, обращалось внимание на то, что попытки ребенка обозначить собственную точку зрения (авторство) либо встать на точку зрения *Другого* и выразить это при помощи специальных — предназначенных системой — языковых средств следует рассматривать как вербализацию ментальных процессов в сфере субъективного (психического) и, соответственно, как начальную экспликацию *ToM* [Казаковская 1997, 2005, 2011a, 2011b]. На наш взгляд, существенность эпистемического маркирования для когнитивного развития заключается в том, что присутствие маркеров ЭМ в речи ребенка позволяет судить о начале ментальной децентрации, то есть о начале преодоления эгоцентрического мышления (в том смысле, который вкладывали в это понятие Ж. Пиаже и Л. С. Выготский). Появляясь в речи ребенка, эпистемические маркеры свидетельствуют о том, что в его сознании возникло (или намечается) понимание существования иных

«точек зрения», кроме его собственной. И именно это обстоятельство заставляет («вынуждает») его маркировать собственную точку зрения, изначально — в ипостаси автора вероятностной оценки.

Приведенные выше примеры иллюстрируют эгоцентрические Я-средства, так называемые перволичные модусные рамки-эгоцентрики, поскольку, как упоминалось, в режиме канонического диалога все вводно-модальные слова принадлежат говорящему. Они выражают его вероятностную оценку ситуации (диктумной пропозиции).

С последующей экспликацией ТЫ- и ОН-модусных рамок (субъект которых представлен, соответственно, формами 2 и 3 лица) мы говорим о возникновении в речи ребенка чужого слова и — шире — чужого сознания:

- 5;10 Мама: *Как ты думаешь* (они кормят его)?
Кирилл: *Понятия не имею. Деликатесами, как ты сказала, наверное.*

Так появляется вербализованное представление о Другом (его действиях, речи, мыслях), которое требует использования иных — более сложных — конструкционных возможностей для репрезентации соответствующей семантики.

3.2. Развитие механизма эпистемической оценки

Наш следующий вопрос — по отношению к чему у ребенка возникает желание (или даже потребность) выразить свою уверенность в достоверности сообщаемого либо, напротив, предположительность? Анализ детских эпистемически маркированных высказываний показывает, что впервые это происходит в суждениях о наличествующей ситуации («здесь» и «сейчас») и ее компонентах — окружающих реалиях, объектах и субъектах (главным образом, не участвующих в диалоге третьих лицах).

Если попытаться более точно охарактеризовать данный процесс, то эпистемически могут оцениваться:

а) номинация или идентификация объектов и действий:

- 2;6 Филипп: *Это? Это я даже не знаю. Это, наверно, блюдечко;*
2;11 Кирилл: *Может, это дельфин?*

2;11 Мама: *Но это незнакомая мне эмблема, честно говоря. Похожа немножко на эмблему «Рено», но / но другая.*

Кирилл: *Тут, **по-моему**, «Митсубиси», **по-моему**;*

б) признаки объектов (размер, цвет, вес) и качества субъектов:

2;5 Филипп: *Большая, **конечно** (о пуговице);*

2;9 Кирилл: *Он, **правда**, хороший, да?*

Мама: *Очень;*

в) обстоятельства действий (место, направление, время, причина, результат) и их агенты:

2;10 Мама: *Том, а где твоя куртка висит?*

Тома: *Куртка висит у меня, **может**, на вешалке;*

2;8 Кирилл: ***Наверное**, ну, **наверное**, в «Ашан»;*

4;3 Кирилл: *Ну, **наверное**, на час;*

2;11 Витя: *А там не работает внизу моторчик, **наверное**. Не выехать;*

2;8 Витя: *Вытянули, **по-моему**, репку;*

2;6 Кирилл: *Даже **кажде** / **кажется** / **кажется** и штаны (снял);*

2;8 Мама: *А кто же его обидел?*

Филипп: *Медвежонок ежик [вм. ежика], **наверно**, обидел;*

3;6 Тома: ***Наверное**, Катя унесла (бутылочку).*

«Фокусом приложения» эпистемической оценки в таких случаях являются так называемые *ОН*-высказывания, отражающие диктумные пропозиции. Наиболее когнитивно сложными здесь могут считаться гипотезы (догадки), касающиеся состояний и ощущений, испытываемых третьими лицами:

2;6 Кирилл: *Ему этот ... **наверно**, ему не больно;*

2;9 Мама: *Ну, пьют воду, **наверное**.*

Кирилл: *Да. А мам, а им / а им, **наверное**, им очень вкусно;*

4;6 Мама: *Довольно грустный звук она издает.*

Кирилл: ***Может быть**, ммм... она не рада.*

Как правило, после трех лет ребенок способен перейти к вербальной эпистемической оценке собственных действий, намерений и состояний:

2;11 Ваня: *А-а, это я, **наверное**, ее кидал;*

2;10 Филипп: ***Кажется**, и я плачу,*

а кроме того использовать вводно-модальные слова в предложениях совместных действий партнеру по диалогу:

3;6 Лиза: *А **может**, пойдём покатаемся на горке сейчас;*

5;10 Кирилл: *А **может**, теперь раскрасим / смотри какой танк.*

Умение продуцировать подобные реплики (*Я*-высказывания) можно соотносить с началом преодоления эгоцентрического мышления. Полагаем, что в таких ситуациях происходит своего рода интроспекция, которая является предпосылкой ментальной децентрации, служит ее отправной точкой. Количество эпистемически маркированных *Я*-реплик в речи детей невелико: по предварительным подсчетам, оно не превышает 20%.

Позднее объектом эпистемической оценки может становиться партнер ребенка по диалогу, причем не только его физические, но и — что весьма существенно — его ментальные действия:

3;10 Лиза: *И тебе, **наверное**, приснилось это;*

4;0 Ваня: *А **может**, и ты ошиблась;*

5;10 Кирилл: *Мам, ты вообще ничего не начала раздумываться*, ты, **наверное**, забылась*.*

Мама: *Да, похоже на то.*

С точки зрения вербализации ТоМ, подобные *ТЫ*-высказывания являются, образно выражаясь, высшим пилотажем. Они могут свидетельствовать о некоторой осведомленности ребенка о сознании Другого (о другом сознании), обнаруживая тем самым развитие модели ментальности в ее эксплицитном варианте.

Одна из высказываемых нами идей заключается в том, что эпистемическое маркирование и прохождение детьми ТоМ-теста [Сергиенко и др. 2009] связаны. Результаты пилотных экспериментов с детьми более старшего возраста указывают на корреляцию между присутствием вводно-модальных слов в речевой про-

дукции ребенка и положительными результатами прохождения им *ТоМ*-теста [Казаковская, Николаева 2016]; однако эта гипотеза нуждается в дальнейшем обосновании.

Таким образом, осуществляющаяся в сознании ребенка категоризация действительности сопровождается постепенным развитием механизмов ее субъективной оценки. Причем развитие эпистемического маркирования, как кажется, повторяет — с ожидаемой отсроченностью во времени — этапы категоризации объективной действительности. Скажем, сначала эпистемически оценивается имя (предметность) и позже — глагол (действие), место действия (локативность) и позже — его направление (директивность), размер объекта и позже — его форма и т. д.

3.3. Собственно психологический аспект

В заключение мы хотели обратить внимание на сугубо психологическую интерпретацию зафиксированного в наших данных приоритета неуверенности, предположительности. При том что субъективно-модальная рефлексия (показывающая развитие второго семантического пласта выказывания, связанного с экспликацией фигуры говорящего, — субъективного, или модусного²²), безусловно, является свидетельством большого жизненного (языкового и когнитивного) успеха ребенка, начальное маркирование неуверенности имеет некоторую подоплеку.

Было высказано предположение, что в начальной экспликации семантики неуверенности можно усматривать проявление такой черты современной русской ментальности, как неуверенность в завтрашнем дне [Казаковская, Николаева 2016]. Недавние исследования российских психологов говорят о том, что неуверенность испытывает большинство взрослых в стране [Николаева 2010]. В соответствующих случаях — а именно в детоцентрической ситуации — это состояние находит отражение в получаемом ребенком лингвистическом инпуте (являющемся, как упоминалось, своего рода медиатором между «взрослой» речью и детской речью) и подтверждается корреляционными отношениями между эпистемически маркированными высказываниями в речи матери и ее ребенка (2.7).

---

²² См. работы Ш. Балли, Т. Б. Алисовой, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Т. В. Шмелевой и др.

Вместе с тем сходные результаты, полученные при анализе эстонского корпуса [Kazakovskaya, Argus 2016, 2017] (2.4), расширяют перспективы исследования, поскольку указывают на необходимость учета исторических и ареальных особенностей: в частности, принадлежность обеих стран постсоветскому обществу, с одной стороны, и объединенность в рамках балтийского региона, с другой. Полагаем, что привлечение новых языковых данных и полилингвальных корпусов позволит конкретизировать наши предварительные выводы.

4. Вместо заключения: итоги и перспективы

Исследования показали, что в русской детской спонтанной речи эпистемическое маркирование начинается довольно рано. Неуверенность в достоверности сообщаемого предшествует уверенности и доминирует как в количественном, так и в качественном отношении. Экспликативы, обладающие высокой эпистемической силой и частотностью в узусе, имеют шансы попасть в инпут и из него в речь ребенка, в которой до определенного времени выполняют первичные (базовые) функции. Кроме того, порядок появления маркеров ЭМ совпадает с их частотностью в речи, с одной стороны, и отражает такую системно-языковую особенность эпистемической семантики, как градуальность, с другой. Было установлено, что развитие средств выражения неуверенности в достоверности высказывания представляет собой движение от наиболее частотного *наверное* (с высокой степенью выражения семантики) к *кажется* (с низкой). Маркирование уверенности развивается от самого распространенного *конечно* (уверенность категорическая/интенсивная) к вводно-модальному *правда* (проблематическая) [Казаковская 2016: 111]. В ранней детской речи каждая из степеней неуверенности и каждая из разновидностей уверенности представлены одним-двумя наиболее частотными вводно-модальными компонентами. При этом их частотность в инпуте, а также в современной речи взрослых носителей языка подтверждается как НКРЯ, так и данными частотного словаря О. Н. Ляшевой и С. А. Шарова [2009]. Следовательно, прототипичность, частотность и характер использования вводно-модальных слов в инпуте и в узусе существенны для развития механизма эпистемического маркирования в русском языке.

Основные тенденции в развитии исследуемого механизма заключаются в постепенном увеличении основных маркеров рассматриваемой семантики (вводно-модальных слов, компонентов), в появлении новых средств ее выражения (сложных и вставных конструкций с модусными ментальными предикатами), в расширении тех ситуаций, по отношению к которым ребенок выражает субъективно-модальную вероятностную, персуазивную оценку. Вектор развития эпистемической рефлексии в раннем онтогенезе направлен от сферы объективного (физического) к сфере субъективного (психического / ментального). Расширяющаяся языковая категоризация действительности влечет за собой разнообразие ее вербальной эпистемической оценки.

Перспективной задачей для дальнейшего изучения онтогенеза ЭМ — помимо детального анализа модальных частиц, ментальных предикатов и субъективно-модального инпута (с особым вниманием к его реформуляционному компоненту²³), а также исследования ситуации монологического использования эпистемических маркеров — представляется координация усилий лингвистов и когнитивных психологов, которая позволит интегрировать и синхронизировать данные лонгитюдных наблюдений и экспериментальных исследований.

Список условных сокращений

НКРЯ — Национальный корпус русского языка; СДВ — средняя длина высказывания (в словах); ЭМ — эпистемическая модальность; СО — стандартное отклонение; СЭС — социально-экономический статус; ТоМ — *Theory of mind*; MLU — mean length of utterances (средняя длина высказывания в морфемах); *Sit* — коммуникативная ситуация; *Com* — комментарий.

Литература

Александров, Иванюшина, Маслинский 2015 — Д. А. Александров, В. А. Иванюшина, К. А. Маслинский (ред.). Бедность и развитие

---

²³ На материале русского языка структурные и прагматические типы реформуляций — реакций взрослого на правильные и ошибочные реплики ребенка — описаны в [Казаковская 2010b, 2013]; в сравнительно-сопоставительном аспекте — в [Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012; Казаковская, Балчюнене 2016].

- ребенка. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2015. [D. A. Aleksandrov, V. A. Ivaniushina, K. A. Maslinskii (ed.). *Bednost' i razvitiie rebenka* [Poverty and child development]. М.: Rukopisnye pamiatniki drevnei Rusi, 2015].
- Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Модальные слова и частицы. Их разряды // Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. С. 594–608. [V. V. Vinogradov. *Modal'nye slova i chastitsy. Ikh razriady* [Modal words and particles. Their categories] // *Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (grammatical theory of the word)]. М.: Vysshiaia shkola, 1986. P. 594–608].
- Выготский, Сахаров 1981 — Л. С. Выготский, Л. С. Сахаров. Исследование образования понятий: методика двойной стимуляции // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухов (ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 204–209. [L. S. Vygotskii, L. S. Sakharov. *Issledovanie obrazovaniia poniatii: metodika dvoinoi stimuliatsii* [Studies in the formation of concepts: the method of double stimulation] // *Khrestomatiia po obshchei psikhologii. Psikhologiia myshleniia* [A reading-book in general psychology. Psychology of cognition] / Ju. B. Gippenreiter, V. V. Petukhov (ed.). М.: Izd-vo Mosk. un-ta. P. 204–209].
- Гатинская 2007 — Н. В. Гатинская. Модально-оценочные слова в современном и историческом контексте // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность 1, 2007. С. 17–24. [N. V. Gatinskaiia. *Modal'no-otsenochnye slova v sovremennom i istoricheskom kontekste* [Modal-evaluative words in modern and historical context] // *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost' 1*, 2007. P. 17–24].
- Гвоздев 1949 — А. Н. Гвоздев. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Москва: Акад. педаг. наук РСФСР, 1949. [A. N. Gvozdev. *Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroia russkogo iazyka* [The development of Russian grammar in children]. Moskva: Akad. pedagog. nauk RSFSR, 1949].
- Казаковская 1996 — В. В. Казаковская. Способы выражения авторства в структуре предложения: Дис. ... канд. филол. наук / Московский пед. ун-т. Москва, 1996. [V. V. Kazakovskaiia. *Sposoby vyrazheniia avtorstva v strukture predlozheniia* [Expression of authorship in the structure of a sentence]: Dis. ... kand. filol. nauk [Cand. of Philol. Sc. thesis] / Moskovskii ped. un-t. Moskva, 1996].
- Казаковская 1997 — В. В. Казаковская. Модусная рамка в онтогенезе // Проблемы детской речи — 1997. СПб.: Изд-во Ин-та раннего вмешательства, 1997. С. 21–22. [V. V. Kazakovskaiia. *Modusnaia*

- ramka v ontogeneze [Modus frame in child language acquisition] // Problemy detskoj rechi [Issues in child language] — 1997. SPb.: Izdvo In-ta rannego vmeshatel'stva, 1997. P. 21–22].
- Казаковская 2004 — В. В. Казаковская. Вопросы-ответные единства в диалоге взрослый — ребенок // Вопросы языкознания 2, 2004. С. 89–110. [V. V. Kazakovskaia. Voprosy-otvetnyye edinstva v dialoge vzroslyi — rebenok [Question — answer unities in adult-child dialogue] // Voprosy iazykoznanii 2, 2004. P. 89–110].
- Казаковская 2005 — В. В. Казаковская. Выражение согласия/несогласия в диалоге «взрослый — ребенок» (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / А. В. Бондарко, С. А. Шубик (отв. ред.). СПб.: Наука. С. 376–424. [V. V. Kazakovskaia. Vyrazhenie soglasiia / nesoglasiia v dialoge «vzroslyi — rebenok» (na materiale russkogo iazyka) [Expression of agreement/disagreement in adult-child dialogue (in Russian)] // Problemy funktsional'noi grammatiki: Polevye struktury [Issues in functional grammar: Field structures] / A. V. Bondarko, S. A. Shubik (eds.). SPb.: Nauka. P. 376–424].
- Казаковская 2007 — В. В. Казаковская. Семантическая типология вопросов-ответных единств: ранние этапы речевого онтогенеза // Семантические категории в детской речи / С. Н. Цейтлин (отв. ред.). СПб.: Нестор. С. 359–383. [V. V. Kazakovskaia. Semanticheskaia tipologiia voprosy-otvetnykh edinstv: rannye etapy rechevogo ontogeneza [Semantic typology of question — answer unities: early phases of language acquisition] // Semanticheskie kategorii v detskoj rechi [Semantic categories in child language] / S. N. Tseitlin (ed.). SPb.: Nestor. P. 359–383].
- Казаковская 2010a — В. В. Казаковская. Модусные вопросы (к проблеме избыточности) // Acta Linguistica Petropolitana VI, 2, 2010. С. 225–242. [V. V. Kazakovskaia. Modusnyye voprosy (k probleme izbytochnosti) [Modus questions (On the issue of redundancy)] // Acta Linguistica Petropolitana VI, 2, 2010. P. 225–242].
- Казаковская 2010b — В. В. Казаковская. Реактивные реплики взрослого и усвоение ребенком грамматики родного языка // Вопросы языкознания 3, 2010. С. 3–29. [V. V. Kazakovskaia. Reaktivnyye repliki vzroslogo i usvoenie rebenkom grammatiki rodnogo iazyka [Adult responsive utterances and child acquisition of native grammar] // Voprosy iazykoznanii 3, 2010. P. 3–29].
- Казаковская 2011a — В. В. Казаковская. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». М.: URSS, 2011. [V. V. Kazakovskaia. Vopros i otvet v dialoge «vzroslyi — rebenok» [A question and an answer in adult-child dialogue]. M.: URSS, 2011].

- Казаковская 2011b — В. В. Казаковская. К вопросу об онтогенезе рамочных средств // Вопросы русского языкознания. Вып. XIV. Грамматика и текст (К юбилею Галины Александровны Золотовой) / Н. К. О니пенко (ред.-сост.). М.: МАКС Пресс, 2011. С. 258–282. [V. V. Kazakovskaia. K voprosu ob ontogeneze ramochnykh sredstv [On the development of frame language tools] // Voprosy russkogo iazykoznaniiia [Issues in Russian linguistics]. Vol. XIV. Grammatika i tekst (K iubileiu G. A. Zolotovo) [Grammar and text (In honour of G. A. Zolotova)] / N. K. Onipenko (ed.). M.: MAKS Press, 2011. P. 258–282].
- Казаковская 2012 — В. В. Казаковская. Речь взрослого и усвоение ребенком прилагательных: анализ русского лонгитюдного корпуса данных // Вопросы психолингвистики 2, 2012. С. 128–136. [V. V. Kazakovskaia. Rech' vzroslogo i usvoenie rebenkom prilagatel'nykh: analiz russkogo longitudnogo korpusa dannykh [Adult speech and the acquisition of adjectives by a child: an analysis of Russian longitudinal data corpus] // Voprosy psikholingvistiki 2, 2012. P. 128–136].
- Казаковская 2013 — В. В. Казаковская. Классификация реплик взрослого в диалоге с ребенком // Проблемы функциональной грамматики: Естественная классификация / А. В. Бондарко, В. В. Казаковская (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 402–430. [V. V. Kazakovskaia. Klassifikatsiia replik vzroslogo v dialoge s rebenkom [The classification of adult utterances in a dialogue with a child] // Problemy funktsional'noi grammatiki: Estestvennaia klassifikatsiia [Issues of functional grammar: Natural classification] / A. V. Bondarko, V. V. Kazakovskaia (ed.). M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013. P. 402–430].
- Казаковская 2015 — В. В. Казаковская. Эпистемическая модальность в русской детской речи: опыт корпусного анализа // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции — 2015: материалы международной конференции (18–20 мая 2015 г., Санкт-Петербург). СПб.: [Электронная публикация], 2015. С. 90–94. [V. V. Kazakovskaia. Epistemicheskaia modal'nost' v russkoi detskoj rechi: opyt korpusnogo analiza [Epistemic modality in Russian child language: an attempt of corpus analysis] // Problemy ontolingvistiki: mekhanizmy usvoeniia iazyka i stanovlenie rechevoi kompetentsii — 2015: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (18–20 maia 2015 g., Sankt-Peterburg) [Issues in first language acquisition: mechanisms of language acquisition and the formation of speech competence — 2015: working papers of the international conference (May 18–20, 2015, St. Petersburg)]. SPb.: [Online publication], 2015. P. 90–94].

- Казаковская 2016 — В. В. Казаковская. Эпистемическая модальность в русской детской речи // Грамматические процессы в синхронии и диахронии. Труды ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова. Вып. 11 / А. М. Молдован (отв. ред.). М.: Нестор, 2016. С. 102–114. [V. V. Kazakovskaia. Epistemicheskaia modal'nost' v russkoi detskoj rechi [Epistemic modality in Russian child language] // Grammaticheskie protsessy v sinkhronii i diakhronii [Grammatical processes in synchrony and diachrony]. Trudy IRJa RAN im. V. V. Vinogradova. Vol. 11 / A. M. Moldovan (ed.). M.: Nestor, 2016. P. 102–114].
- Казаковская 2017 — В. В. Казаковская. Ментальные глаголы в ранней детской речи: формы, функции, контекст // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина): Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 72–73. [V. V. Kazakovskaia. Mental'nye glagoly v rannei detskoj rechi: formy, funktsii, kontekst [Mental verbs in early child language: forms, functions, context] // Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Russkii glagol» (k 50-letiiu vykhoda v svet knigi A. V. Bondarko i L. L. Bulanina): Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 15–17 noiabria 2017 g.) [Abstracts of the international conference «Russian verb», 15–17 November 2017]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2017. P. 72–73].
- Казаковская, Балчюниене 2016 — В. В. Казаковская, И. Балчюниене. Вопросительные повторы реплик в русском и литовском инпуте (к проблеме избыточности) // Acta Linguistica Petropolitana XII, 3, 2016. С. 535–572. [V. V. Kazakovskaia, I. Balchiunene. Voprositel'nye povtory replik v russkom i litovskom inpute (k probleme izbytochnosti) [Interrogative utterances in Russian and Lithuanian input (on redundancy)] // Acta Linguistica Petropolitana XII, 3, 2016. P. 535–572].
- Казаковская, Николаева 2016 — В. В. Казаковская, Е. И. Николаева. Уверенность / неуверенность в контексте речевого и психологического развития ребенка // Проблемы онтолингвистики — 2016: Материалы ежегодной международной научной конференции. Иваново: ЛИСТОС, 2016. С. 279–282. [V. V. Kazakovskaia, E. I. Nikolaeva. Uverennost' / neuverennost' v kontekste rechevogo i psikhologicheskogo razvitiia rebenka [Certainty / uncertainty in the context of speech and psychological development of children] // Problemy ontolingvistiki — 2016: Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Issues in first language acquisition — 2016: Working papers of an international scientific conference]. Ivanovo: LISTOS, 2016. P. 279–282].
- Казаковская, Хохлова 2015 — В. В. Казаковская, М. В. Хохлова. Вопросы-ответные единства, апеллирующие к точке зрения адресата // Acta

- Linguistica Petropolitana XI, 1, 2015. С. 401–438. [V. V. Kazakovskaia, M. V. Khokhlova. Voproso-otvetnye edinstva, apelliruiushchie k tochke zreniia adresata [Question-answer unities which refer to the point of view of the addressee] // Acta Linguistica Petropolitana XI, 1, 2015. P. 401–438].
- Краузе 2004 — М. Краузе. Модальные маркеры в речи детей: становление функций и системы // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб.: Наука, 2004. С. 136–139. [M. Krauze. Modal'nye markery v rechi detei: stanovlenie funktsii i sistemy [Modal markers in child language: the emergence of the system] // Det-skaia rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniia [Child language as an object of linguistic research]. SPb.: Nauka, 2004. P. 136–139].
- Лекант 2002 — П. А. Лекант. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. [P. A. Lekant. Ocherki po grammatike russkogo iazyka [Essays on Russian grammar]. M.: Izd-vo MGOU, 2002].
- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. [O. N. Lia-shevskaia, S. A. Sharov. Chastotnyi slovar' sovremennoego russkogo iazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo iazyka) [Frequency diary of modern Russian (based on the Russian National corpus)]. M.: Azbukovnik, 2009].
- Николаева 2010 — Е. И. Николаева. Кто виноват и что делать? Размышления психолога о природе вины россиянина. М.: Мир энциклопедий; Астрель, 2010. [E. I. Nikolaeva. Kto vinovat i chto delat'? Razmyshleniia psikhologa o prirode viny rossiiianina [Who is to blame and what to do? A psychologist's thoughts on the nature of Russian's fault]. M.: Mir entsiklopedii; Astrel', 2010].
- Николаева, Япарова 2013 — Е. И. Николаева, О. Г. Япарова. Ребенок свой и чужой. Ребенок в родной и приемной семье: проблемы и их решение. М.: ЭЛПИС, 2013. [E. I. Nikolaeva, O. G. Iaparova. Rebenok svoi i chuzhoi. Rebenok v rodnoi i priemnoi sem'e: problemy i ikh reshenie [Your own and someone else's child. A child in her own and in an adoptive family: problems and their solutions]. M.: ELPIS, 2013].
- Овчинникова, Угланова, Краузе 1999 — И. Г. Овчинникова, И. Угланова, М. Краузе. Об оценке детьми двух возрастных групп степени уверенности / неуверенности высказывания // Проблемы онтолингвистики — 1999. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 132–133. [I. G. Ovchinnikova, I. Uglanova, M. Krauze. Ob otsenke det'mi dvukh vozrastnykh grupp stepeni uverennosti / neuverennosti vy-skazyvaniia [On the evaluation of certainty/uncertainty of an utterance by two age groups of children] // Problemy ontolingvistiki — 1999

- [Issues in first language acquisition]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1999. P. 132–133].
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика (отв. ред. Н. Ю. Шведова). М.: Наука, 1980. [Russkaia grammatika [Russian grammar] (ed. N. Ju. Shvedova). M.: Nauka, 1980].
- Седов 2004 — К. Ф. Седов. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. [K. F. Sedov. Diskurs i lichnost': evoliutsiia kommunikativnoi kompetentsii [Discourse and the personality: the evolution of communicative competence]. M.: Labirint, 2004].
- Сергиенко 2014 — Е. А. Сергиенко. Модель психического как парадигма познания социального мира // Психологические исследования 7, 36, 2004. С. 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 25.03.2016). [E. A. Sergienko. Model' psikhicheskogo kak paradigma poznaniia sotsial'nogo mira [Theory of mind as a paradigm of perception of social world] // Psikhologicheskie issledovaniia 7, 36, 2004. P. 6. [Online resource]. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniia 25.03.2016)].
- Сергиенко, Лебедева, Прусакова 2009 — Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. [E. A. Sergienko, E. I. Lebedeva, O. A. Prusakova. Model' psikhicheskogo kak osnova stanovleniia ponimaniia sebii i drugogo v ontogeneze cheloveka [Theory of mind as a fundament of understanding self and the other in the course of human development]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2009].
- ТФГ 1990 — А. В. Бондарко (ред). Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. [A. V. Bondarko (ed). Teoriia funktsional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. L.: Nauka, 1990].
- Alam et al. 2017 — F. Alam (conv.) et al. SES differences in early linguistic experiences and outcomes // Symposium presented at the 14th International Congress for the Study of Child Language. Lyon: University of Lyon 2, 2017. P. 168–170.
- Baron-Cohen 2000 — S. Baron-Cohen. Theory of mind and autism: a fifteen year review. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Bornstein 2017 — M. H. Bornstein. Sex and stability in early child language // 14th International Congress for the Study of Child Language. Lyon: University of Lyon 2, 2017. P. 53.
- Bornstein, Bradley (eds.) 2002 — M. H. Bornstein, R. H. Bradley. Socioeconomic status, parenting, and child development. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002.

- Choi 2006 — S. Choi. Acquisition of modality // W. Frawley (ed.). *The expression of modality*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 141–171.
- Diessel, Tomasello 2001 — H. Diessel, M. Tomasello. The acquisition of finite complement clauses in English: a corpus-based analysis. *Cognitive linguistics* 12, 2001. P. 1–45.
- Flavell 2004 — J. H. Flavell. Theory-of-Mind Development: Retrospect and Prospect. *Merrill-Palmer Quarterly* 50, 3, 2004. P. 274–290.
- Hickmann, Bassano 2016 — M. Hickmann, D. Bassano. Modality and mood in first language acquisition // J. Nuyts, J. van der Auwera (eds.). *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 430–447.
- Kazakovskaya 2016 — V. Kazakovskaya. Input–output relations in early epistemic modality in Russian: a corpus-based approach // *Proceedings of the 3rd International Conference on Applied Social Science Research*. [Advances in Intelligent Systems Research Series]. Vol. 105. Paris; Amsterdam; Beijing: Atlantis Press, 2016. P. 423–426. doi: 10.2991/icassr-15.2016.80.
- Kazakovskaya, Argus 2016 — V. V. Kazakovskaya, R. Argus. Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russian // *Estonian Papers in Applied Linguistics* 12, 2016. P. 57–80. doi: 10.5128/ERYa12.04.
- Kazakovskaya, Argus 2017 — V. V. Kazakovskaya, R. Argus. Uncertainty before certainty: Evidence from Russian and Estonian L1 // *14th International Congress for the Study of Child Language*. Lyon: University of Lyon 2, 2017. P. 218–219.
- Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012 — V. V. Kazakovskaya, I. Balčiūnienė. Interrogatives in Russian and Lithuanian motherese: Do we communicate with our children in the same way? // *Journal of Baltic Studies* 43, 2, 2012. P. 197–218. doi: 10.1080/01629778.2012.674796
- Kazakovskaya, Khokhlova 2016 — V. V. Kazakovskaya, M. V. Khokhlova. Questions to the modus: Semantics, structure and pragmatics (based on the Russian National Corpora) // *Proceedings of the 3rd International Conference on Applied Social Science Research*. [Advances in Intelligent Systems Research Series]. Vol. 105. Paris; Amsterdam; Beijing: Atlantis Press. P. 292–295. doi: 10.2991/icassr-15.2016.80.
- Krauze 2007 — M. Krauze. *Epistemische Modalität. Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. *The CHILDES Project: Tools for analyzing talk*. Hillsdale; N.J.; London: Lawrence Erlbaum Ass., publ., 2007.
- Matsui 2014 — T. Matsui. Children’s understanding of linguistic expressions of certainty and evidentiality // D. Matthews (ed.). *Pragmatic Devel-*

- opment in First Language Acquisition. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 295–316.
- Voeykova 2015 — M. D. Voeykova. Low SES but big success: a case study of a village child in Russia // Papers presented at the Helsinki Collegium for Advanced Studies Symposium “Early Stages of Child Language Development” (9 — 10 September 2015). Helsinki: University of Helsinki, 2015.
- Wellman 1990 — H. M. Wellman. The child’s theory of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Katharina Korecky-Kröll

Department of Linguistics, University of Vienna

**ENCOURAGEMENTS AND DISCOURAGEMENTS
IN PARENTAL INPUT:
EVIDENCE FROM HIGH AND LOW SES FAMILIES**

1. Social differences in parenting styles

This paper aims at discovering overall tendencies of conversation styles in German-speaking families from different socioeconomic backgrounds. The focus will be on encouragements and discouragements, as studies on English-speaking populations have shown that this is an area in which language input to young children may show considerable differences due to the socioeconomic status (SES) of families.

Many studies on language acquisition (Ensminger & Fothergill 2003, Hoff 2006) assess SES of children via the highest level of parental (most often: maternal) education: High SES (HSES) parents mostly hold college or university degrees, low SES (LSES) parents have often only compulsory schooling. Some studies also include family income (Rowe 2008), prestige of parental profession as opposed to unemployment (Hart & Risley 1995) or the total family capital (consisting of financial, human, and social capital, cf. Chiu and McBride-Chang 2006).

SES has been shown to be a decisive factor for children's linguistic and cognitive development (Hart & Risley 1995, Brito and Noble 2014) and also for their later school performance (Walker et al. 1994): Children from LSES families have smaller vocabularies (Hoff-Ginsberg 1998), show a slower phonological, morphological and syntactic development (Bowey 1995, Ravid 1995, Huttenlocher et al. 2010) and poorer performance not only in linguistic tests, but also in neurocognitive processing studies (Noble et al. 2005).

Parental language input is considered to be the most important mediating variable between SES and children's linguistic proficiencies (e.g. Huttenlocher et al. 2010): In their seminal study on the language

experience of 42 American children aged 1-3, Hart and Risley (1995) demonstrate that by age 3, children from professional (= HSES) families have had 30 million words of cumulative experience more than children from welfare (= the lowest SES) families, whereas the working-class children (LSES, but not as low as the welfare children) were in between. The children's cumulative language experience was clearly reflected in their vocabularies and IQ scores at age 3.

In addition, HSES parents' child-directed speech differs not only in quantity, but also in quality from that of LSES parents (Hoff 2003): According to various studies on mostly English-speaking populations (Hart & Risley 1995, Hoff-Ginsberg 1991, 1998, Hoff et al. 2002), parental conversation style is closely related to SES of families: Parents from HSES backgrounds, who mostly have broader knowledge about child development and child care issues (Rowe 2008), are more responsive to their children's verbalizations, initiate and sustain conversation with their children more frequently and encourage them more often to talk by asking them questions (Hoff 2003). HSES parents also tend to formulate their requests in an indirect way, e.g., as questions, such as "Why don't you pick up the toys for me?" (cf. Hart & Risley 1995: 57).

Otherwise, parents from LSES backgrounds, who often experience greater social stress and are thus more focused on goal-directed caretaking settings than on playing situations, use more behavior-directing speech acts (Hoff-Ginsberg 1991), such as direct commands and prohibitions ("Put it here!", "Don't touch it!").

Although commands and prohibitions may be regarded as particularly typical for LSES parents' speech, they are not the only speech acts that may be responsible for an overall atmosphere of discouragement that is often found in LSES families. For example, Hart and Risley (1995: 199, 253) classify affirmations that repeat or expand the child's utterances as well as expressions of approval such as "right" as encouragements, whereas they consider prohibitions, commands like "shut up", but also expressions of disapproval such as "bad" as discouragements. On the basis of their impressive longitudinal data of 42 American children from three socioeconomic backgrounds (professional, working-class, welfare), Hart & Risley (1995: 198-199) demonstrate that an average child in a professional family hears 32 affirmatives and 5 prohibitions per hour, whereas a child in

a working-class family hears 12 affirmatives and 7 prohibitions and a child growing up in a welfare family hears only 5 affirmatives, but 11 prohibitions per hour. If this is extrapolated to the cumulative language experience of the child's first four years of life, a child in a professional family will have heard 560,000 more instances of encouragements than of discouragements, whereas a child in a welfare family will have heard 125,000 more discouragements than encouragements (Hart & Risley 1999: 199), which is clearly a massive difference in positive vs. negative feedback.

2. Encouraging and discouraging response particles and expressive speech acts

As it is not possible to investigate all types of encouragements and discouragements in the present study¹, the analysis will be limited to encouraging vs. discouraging response particles as well as to encouraging vs. discouraging expressive speech acts.

The response particles² *yes* and *no* (German *ja* and *nein*) and their less formal equivalents *uh-huh* (German: *mhm*, meaning *yes*) and *uh-uh* (German: *mm*, meaning *no*) represent one simple dichotomy of encouragement vs. discouragement. One analysis of this paper will thus consist in contrasting token frequencies of *ja* and *nein* and of their informal equivalents in families of two different socio-economic backgrounds.

Expressive speech acts (cf. Searle & Vanderveken 1985: 58) “express the speaker’s attitude” or feelings about a state of affairs³.

---

¹ A chapter on the use of requests in the same families has already been submitted to the editors of a volume on the acquisition of Modality (cf. Korecky-Kröll, submitted). Although requests can often be regarded as discouraging directive speech acts, they will be investigated in the chapter of the Modality volume and disregarded in the present paper.

² Although there is some disagreement about the exact part-of-speech classification of *yes* and *no* (they are sometimes classified as interjections, sometimes as adverbs, sometimes as sentence words), we will adopt the terminology of Watts (1986: 166), who classifies them as response particles, a notion whose German equivalent “Antwortpartikel” is also used in the Duden Grammatik (2006: 603).

³ Other speech acts are that are found in child speech and child-directed speech are assertives (e.g. assertions and statements), directives (e.g. requests

Typical expressive speech acts are praises, but also disapprovals, complaints, greetings, curses, apologies, expressions of surprise etc. Not every expressive speech act is of course encouraging or discouraging, but praises can be regarded as clear encouragements (at least if they are not used with a sarcastic undertone), whereas disapprovals, complaints and curses can be considered to be discouraging. In this chapter, we will focus on encouraging and discouraging expressive speech, whereas we will not investigate “neutral” expressive speech acts, speech acts that are neither encouraging nor discouraging (e.g. a mere expression of surprise like *oh!*). Examples (1) and (2) represent typical encouraging speech acts (the first is from a mother, the second from a child), whereas examples (3) and (4) are likely to have a discouraging perlocutionary effect on the addressee. Please note that examples (1) and (2) are from the same parent-child dyad and examples (3) and (4) are from another parent-child dyad:

- (1) *PAR: *du hast eh den Tisch schon so schön dekoriert !*
 you.2SG have.PRS.2SG anyway the.ACC.MASC table
 already so beautiful decorate.PAST.PTCP !
 ‘you have already decorated the table so beautifully anyway!’
 (HSES mother to her daughter, aged 4;6)
- (2) *CHI: *du kannst urgut tanzen, Mama !*
 you.2SG can.PRS.2SG very.well dance.INF Mom !
 ‘you can dance very well, Mom!’
 (HSES girl, aged 3;7, to her mother)
- (3) *PAR: *Sücht-ler !*
 addict-PEJ.MASC !
 ‘junkie!’
 (LSES mother to her son, aged 3;2, who is watching TV)

---

and questions), commissives (e.g. promises, offers and threats). Searle and Vanderveken (1985: 37ff.) distinguish them according to the way of interference with the addressee’s world of actions: While assertives say how things are (direction of fit: word to world), both directive and commissive speech acts want to change the world (direction of fit: world to word) by getting either the hearer (in directives) or the speaker (in commissives) to perform an action. Expressive speech acts show an empty direction of fit.

- (4) *CHI: *du bist eine Kuh schon!*
 you.2SG be.PRS.2SG a.NOM.FEM cow oh yes!
 ‘oh yes, you are a cow!’
 (LSES boy, aged 4;5, to his mother)

In accordance with previous studies on differences in parenting styles (see section 1), we hypothesize that HSES parents will use more encouraging response particles as well as more encouraging expressive speech acts in comparison to LSES parents. As children tend to follow their language input, we assume that HSES children will also use more encouraging response particles and more encouraging expressive speech acts in comparison to LSES children. Nevertheless, as all children’s needs are similar — irrespective of their SES — these differences may be smaller in the children than in the parents.

3. Method

3.1. Participants

29 German-speaking parent-child dyads living in Vienna (Austria) were recorded at home at four data points: The children had a mean age of 3;1 (age range: 2;11–3;3) at the beginning of the study and mean ages of 3;4, 4;4 and 4;8 at the follow-up recordings (see also 3.2). The groups were nearly balanced for SES and gender (see Table 1).

Table 1. Child participants

Child SES	Child gender	N of children	Subtotal SES
HSES	female	8	15 HSES
HSES	male	7	
LSES	female	6	14 LSES
LSES	male	8	
Total		29	

Following other studies on language acquisition (cf. Ensminger & Fothergill 2003), SES was mainly assessed by the main parental caretaker’s highest educational level (cf. OECD 1999): The LSES group included ISCED-97 levels 1 to 3b (i.e. from compulsory school to apprenticeship and vocational schools, but without high school diploma), whereas the HSES group had ISCED-97 levels 3a to 6 (i.e. from high school diploma up to PhD).

The prestige of the parental profession was assessed according to the International Socioeconomic Index of Occupational Status (ISEI, cf. Ganzeboom & Treiman 1996). Nevertheless, the assessment of the ISEI values affected the SES classification of only one child in the sample: One boy's mother had a significantly better job than would have been expected from her formal educational level. Therefore, this boy was "upgraded" to the HSES group⁴.

In contrast to Hart & Risley (1995), who investigated three different SES groups (namely professional, working-class and welfare, see also section 1), the LSES families of our study were all working-class families — we did not investigate the lowest SES group of welfare families because we were unable to find a sufficient number of participants.

3.2. Procedure

We conducted four one-hour spontaneous speech audio and video recordings in each child's home (Rowe 2012) within a period of approximately 1½ years (at children's mean ages 3;1, 3;4, 4;4 and 4;8, see section 3.1). Parents were not given any detailed instructions, but they were asked to do what they usually did. Therefore, situations were as natural as they could be (despite the observer's paradox, which was the same for everyone, cf. Labov 1972), but they also showed considerable variation: Some parents asked their children to choose a game, others read storybooks, others just had spontaneous conversation. In a few cases, we also recorded mealtime situations (cf. Hoff-Ginsberg 1991). Sometimes, siblings or other adults (e.g. the other parent, a grandparent, an aunt or a visitor) were also present, whereas in other cases, the conversations were limited to the parent-child dyads.

From each of these one-hour recordings, we selected the 30 minutes with the richest verbal parent-child interaction. The selected samples frequently consisted of two parts of different lengths that were summed up to exactly 30 minutes in total.

3.3. Transcription and coding

All 116 30-minute samples were transcribed according to the CHAT conventions of the CLAN program package (MacWhinney

---

⁴ For details on the SES classification of the children investigated in the present study cf. Czinglar et al. (2015).

2000) and tagged for parts-of speech and morphology by using the lexicon-based approach (MacWhinney 2000). According to this approach, new lexical entries and morphological forms were first identified, then manually coded and added to a lexicon file. The MOR program of the CLAN program package was then used to automatically generate a morphological coding tier after each transcription tier on the basis of the coding in the lexicon file. Afterwards, ambiguous word forms were manually disambiguated (Korecky-Kröll 2017). Finally, these morphological coding tiers were used to calculate token frequencies of the response particles described in section 2).

For the present study, we only considered spontaneous child speech and child-directed speech as well as citations (e.g., songs, rhymes or book reading), but children's imitations as well parents' utterances directed to other adults or to pets were excluded from the counting.

In order to insert the speech act codings (see categories described in section 2), we imported the morphologically coded files into MS Excel (Korecky-Kröll in press) by using the CLANTOCSV JavaScript program (Korecky 2015). Speech acts were first identified and coded according to their context in a separate column, and as a second step, another column was inserted to add a more detailed coding of encouraging vs. discouraging expressive speech acts. Frequencies of all relevant speech act categories were obtained via pivot tables.

3.4. Statistical analysis

We used the MASS package (Venables & Ripley 2002) of R (R Core Team 2015) to perform chi square tests of independence of the relationship between SES and encouraging vs. discouraging response particles as well as between SES and encouraging vs. discouraging expressive speech acts in order to discover group differences between parents and children. A post-hoc residual analysis was conducted to evaluate differences between specific cells (cf. Sharpe 2015).

4. Results

4.1. Encouraging and discouraging response particles

Chi-square tests of independence were performed to examine the relation between SES and encouraging vs. discouraging response particles, for parents and children separately (see also raw token frequencies and percentages in Tables 2 and 3). While the relation be-

tween these variables was significant for the parents ($\chi^2 = 78.394$, $df = 1$, $p < 0.001$), this was not the case for the children ($\chi^2 = 0.006$, $df = 1$, $p = 0.937$). The post-hoc analysis for the parents revealed that HSES parents used significantly more encouraging response particles and significantly fewer discouraging response particles, whereas LSES parents used significantly fewer encouraging response particles, but significantly more discouraging response particles.

Table 2. SES and encouraging vs. discouraging response particles (RPs) in parents

	encouraging RPs	discouraging RPs	Total
HSES	2620 (72.42%)	998 (27.58%)	3618 (100.00%)
LSES	1598 (61.75%)	990 (38.25%)	2588 (100.00%)
Total	4218 (67.97%)	1988 (32.03%)	6206 (100.00%)

Table 3. SES and encouraging vs. discouraging response particles (RPs) in children

	encouraging RPs	discouraging RPs	Total
HSES	1877 (56.43%)	1449 (43.57%)	3326 (100.00%)
LSES	1377 (56.57%)	1057 (43.43%)	2434 (100.00%)
Total	3254 (56.49%)	2506 (43.51%)	5760 (100.00%)

4.2. Encouraging and discouraging expressive speech acts

The following analysis uses the same methodology as discussed in section 4.1, but it examines the relationship between SES and encouraging vs. discouraging speech acts. It is thus an analysis based on frequencies of speech acts and not an analysis based on word token frequencies (in contrast to the analysis shown in 4.1).

The chi-square tests yielded significant results for both parents ($\chi^2 = 103.42$, $df = 1$, $p < 0.001$) and children ($\chi^2 = 10.465$, $df = 1$, $p = 0.001$), indicating a relationship between SES and discouraging vs. encouraging speech acts (see also raw frequencies and percentages of speech acts in Tables 4 and 5). Again, the post-hoc analysis for the parents revealed that HSES parents used significantly more encouraging speech acts and significantly fewer discouraging speech acts, whereas LSES parents used significantly more discouraging speech acts and significantly fewer encouraging speech acts. The same was

true for the children, but the differences were larger for the parents than for the children. Nevertheless, LSES children's expressive speech acts were the only category in which discouragements (53.17%) even prevailed over encouragements (46.83%).

Table 4. SES and encouraging vs. discouraging expressive speech acts (SAs) in parents

	encouraging SAs	discouraging SAs	Total
HSES	1478 (67.64%)	707 (32.36%)	2185 (100.00%)
LSES	830 (51.30%)	788 (48.70%)	1618 (100.00%)
Total	2308 (60.69%)	1495 (39.31%)	3803 (100.00%)

Table 5. SES and encouraging vs. discouraging expressive speech acts (SAs) in children

	encouraging SAs	discouraging SAs	Total
HSES	822 (52.93%)	731 (47.07%)	1553 (100.00%)
LSES	628 (46.83%)	713 (53.17%)	1341 (100.00%)
Total	1450 (50.10%)	1444 (49.90%)	2894 (100.00%)

5. Discussion

The aim of this paper was to investigate large overall tendencies of conversation styles in German-speaking families of different socio-economic backgrounds. The focus was on encouragements and discouragements, more precisely on encouraging vs. discouraging response particles (such as *yes* and *no*) as well as on encouraging vs. discouraging expressive speech acts.

In accordance with previous studies (e.g. Hart & Risley 1995), it was confirmed that HSES parents use a clearly more encouraging parenting style than LSES parents, which was reflected in a higher use of encouraging response particles and encouraging speech acts. Although encouraging response particles and encouraging expressive speech acts were more frequent than their discouraging counterparts in all parents, a tendency which is also shown by Hart & Risley (1995) with respect to professional and working-class parents⁵. Of course, the

---

⁵ Remember that the opposite tendency was found for the lowest SES group of welfare parents investigated by Hart & Risley (1995). Average wel-

categories investigated were slightly different in both studies: Whereas Hart & Risley (1995) included prohibitions and commands, they were excluded from the present study⁶. Nevertheless, the German-speaking parents of the present paper showed a smaller SES gap than the English-speaking parents investigated by Hart & Risley (1995): Whereas the German-speaking HSES parents used only 67.64% encouraging vs. 32.36% discouraging expressive speech acts (as opposed to 86.49% encouragements vs. 13.51% discouragements in the English-speaking HSES parents), the German-speaking LSES parents used 51.30% encouraging vs. 48.70% discouraging expressive speech acts (in contrast to 63.16% encouragements vs. 36.84% in the working-class parents of the Hart & Risley study). Nevertheless, it is not possible to say whether these differences between the two studies reflect different cultural habits (i.e. a generally more encouraging North American child-rearing perspective as opposed to a more critical European perspective), whether they are due to the differences in the linguistic categories investigated or to the children's ages⁷.

As far as the children are concerned, we found no significant group differences with respect to encouraging vs. discouraging response particles: Thus, young children use very similar rates of *yes* and *no* as well as of their colloquial equivalents, irrespective of their SES, which reflects that both groups of children have basically the same needs.

Nevertheless, the speech act analysis, which was probably the more detailed of both analyses⁸, showed significant SES differences,

---

welfare parents produced 5 encouragements and 11 discouragements per hour, which corresponds to a rate of 31.25% encouragements as opposed to 68.75% discouragements. Nevertheless, as we could not find a sufficient number of German-speaking welfare families, we do not have a comparison group in the present study.

⁶ But they will of course be investigated in a separate chapter (see Korecky-Kröll submitted).

⁷ The children in the Hart & Risley study were aged 1-3, whereas the German-speaking children were between ages 2;11 and 4;11. It is likely that parents behave in a more encouraging way when talking to younger children, whereas they are more critical when talking to older children.

⁸ Note that in the response particle analysis, we counted just frequencies of response particles, irrespective of their context (e.g. if they were really used in an encouraging way), whereas in the speech act analysis, we tried to evaluate each speech act in its pragmatic context.

which reflect the differences in the children's input. Clearly, a child who hears more encouragements, will find it more natural to use them as well, and the same holds of course for discouragements.

Overall, the SES differences were smaller in the children than in the parents, suggesting that SES-determined speech is a usage-based norm that children will grow into when getting older.

6. Conclusion

Although this study focused only on one small aspect of child-directed speech, namely on encouraging vs. discouraging response particles and expressive speech acts, it shows nevertheless important SES differences. Unfortunately, it seems to be the case that education is still inherited and that SES disparities continue to persist, despite all political measures that have been taken in order to attenuate SES effects of families on children's education. But apparently these measures are not yet sufficiently widespread or effective, as we would need much more educational and financial support for parents in the families as well as special education programs for disadvantaged children in kindergarten settings and of course, early obligatory kindergarten attendance for all children, not only for those whose parents have well-paid fulltime jobs.

7. Acknowledgements

First of all, I would like to thank all relevant institutions: Collection and transcription of the data of this study were financed by the Wiener Wissenschafts-, Forschungs- and Technologiefonds (WWTF, SSH11-027), whereas the positions of the author were financed by the University of Vienna (2012–2015) and the Austrian Academy of Sciences (2016).

Furthermore, I am deeply grateful to Wolfgang U. Dressler, the principal investigator of the INPUT project, for his continuous support, fruitful discussions and his permission to use the project data for this chapter. I also thank my colleagues Christine Czinglar, Sabine Sommer-Lolei, Viktoria Templ, Kumru Uzunkaya-Sharma, and Maria Weichselbaum for their great cooperation in various steps of data collection, preparation and analysis as well as numerous undergraduate students at the Department of Linguistics of the University of Vienna for their transcription work.

Among my international cooperation partners, I would like to express my thanks to Maria Voeikova and Kira Ivanova for inviting me to the lovely city of St. Petersburg to present my results at the conference “Modality in the Language of Children and Adults” and to the editors of the Modality volume, Ursula Stephany, Ayhan Aksu-Koç, and Maria Voeikova for interesting discussions and helpful comments. I also thank Dorit Ravid who inspired me to start my research on low SES children and Basilio Calderone who gave me invaluable statistical advice.

Last, but not least, I thank all children and parents for their participation.

References

- Bowey 1995 — J. Bowey. Socioeconomic status differences in preschool phonological sensitivity and first-grade reading achievement // *Journal of Educational Psychology* 87, 3, 1995. P. 476–487.
- Brito, Noble 2014 — N. H. Brito, K. G. Noble. Socioeconomic status and structural brain development. *Frontiers in Neuroscience* 8, 276, 2014.
- Chiu, McBride-Chang 2006 — M. M. Chiu, C. McBride-Chang. Gender, context, and reading: a comparison of students in 43 countries // *Scientific Studies of Reading* 19, 2006. P. 331–362.
- Cztinglar et. al. 2015 — C. Cztinglar, K. Korecky-Kröll, K. Uzunkaya-Sharma, W. U. Dressler. Wie beeinflusst der sozioökonomische Status den Erwerb der Erst- und Zweitsprache? Wortschatzerwerb und Geschwindigkeit im NP/DP-Erwerb bei Kindergartenkindern im türkisch-deutschen Kontrast // K.-M. Köpcke, A. Ziegler (eds.). *Deutsche Grammatik in Kontakt. Deutsch als Zweitsprache in Schule und Unterricht*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. P. 207–240.
- Duden 2006 — *Die Grammatik*. Mannheim: Dudenverlag, 2006.
- Ensminger, Fothergill 2003 — M. E. Ensminger, K. E. Fothergill. A decade of measuring SES: What it tells us and where to go from here // M. H. Bornstein, R. H. Bradley (eds.). *Socioeconomic status, parenting and child development*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2003. P. 13–27.
- Ganzeboom, Treiman 1996 — H. B. G. Ganzeboom, D. J. Treiman. Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations // *Social Science Research* 25, 1996. P. 201–239.
- Hart, Risley 1995 — B. Hart, T. Risley. *Meaningful differences in the everyday experience of young American children*. Baltimore: Brookes, 1995.
- Hart, Risley 1999 — B. Hart, T. Risley. *The Social World of Children: Learning to Talk*. Baltimore, MD, Paul H. Brookes Publishing Co., 1999.

- Hoff 2003 — E. Hoff. Causes and consequences of SES-related differences in parent-to-child speech // M. H. Bornstein, R. H. Bradley (eds.). *Socioeconomic status, parenting, and child development*. Mahwah, NJ: Erlbaum. P. 147–160.
- Hoff 2006 — E. Hoff. How social contexts support and shape language development // *Developmental Review* 26, 2006. P. 55–88.
- Hoff, Laursen, Tardif 2002 — E. Hoff, B. Laursen, T. Tardif. Socio-economic status and parenting // M. H. Bornstein (ed.), *Handbook of Parenting*. 2nd edn. Mahwah (NJ): Erlbaum, 2002. P. 231–252.
- Hoff-Ginsberg 1991 — E. Hoff-Ginsberg. Mother-child conversation in different social classes and communicative settings // *Child Development* 62, 4, 1991. P. 782–796.
- Hoff-Ginsberg 1998 — E. Hoff-Ginsberg. The relation of birth order and socioeconomic status to children's language experience and language development // *Applied Psycholinguistics* 19, 4, 1998. P. 603–629.
- Huttenlocher et al. 2010 — J. Huttenlocher, H. Waterfall, M. Vasilyeva, J. Vevea, L. V. Hedges. Sources of variability in children's language growth // *Cognitive Psychology* 61, 2010. P. 343–365.
- Korecky-Kröll 2017 — K. Korecky-Kröll. Kodierung und Analyse mit CHILDES: Erfahrungen mit kindersprachlichen Spontansprachkorpora und erste Arbeiten zu einem rein erwachsenensprachlichen Spontansprachkorpus // C. Resch, W. U. Dressler (eds.). *Digitale Methoden der Korpusforschung in Österreich*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2017. P. 85–113.
- Korecky-Kröll submitted — K. Korecky-Kröll. Requests in first language acquisition of German: Evidence from high and low SES families // U. Stephany, A. Aksu-Koç, M. D. Voeikova (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition*. Boston: De Gruyter, series: *Studies on Language Acquisition*. Submitted.
- Korecky 2015 — Korecky, Paul C. 2015. CLANTOCSV [Computer software].
- Labov 1972 — W. Labov. *Sociolinguistic Patterns*. Oxford: Blackwell, 1972.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk*. 3rd edn. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2000.
- Noble, Norman, Farah 2005 — K. G. Noble, M. F. Norman, M. J. Farah. Neurocognitive correlates of socioeconomic status in kindergarten children // *Developmental Science* 8, 1, 2005. P. 74–87.
- OECD 1999 — OECD. *Classifying Educational Programmes. Manual for ISCED-97 Implementation in OECD Countries*. OECD: 1999 Edition, 1999.
- R Core Team 2015 — R Core Team. *R: A language and environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 1999. URL <http://www.R-project.org/>.

- Ravid 1995 — D. Ravid. *Language change in child and adult Hebrew: a psycholinguistic perspective*. New York: Oxford University Press, 1995.
- Rowe 2008 — M. Rowe. Child-directed speech: relation to socioeconomic status, knowledge of child development and child vocabulary skill. *Journal of Child Language* 35, 2008. P. 185–205.
- Rowe 2012 — M. Rowe. Recording, transcribing, and coding interaction // E. Hoff (ed.). *Research methods in child language: a practical guide*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. P. 193–207.
- Searle, Vanderveken 1985 — J. Searle, D. Vanderveken. *Foundations of illocutionary logic*. Cambridge, 1985.
- Sharpe 2015 — D. Sharpe. Your chi-square test is statistically significant: now what? // *Practical Assessment, Research & Evaluation* 20, 8, 2015. P. 1–10.
- Venables, Ripley 2002 — W. N. Venables, B. D. Ripley. *Modern Applied Statistics with S*. Fourth Edition. New York: Springer, 2002.
- Walker et al. 1994 — D. Walker, Ch. Greenwood, B. Hart, J. Carta. Prediction of school outcomes based on early language production and socioeconomic factors // *Child Development* 65, 2, 1994. P. 606–621.
- Watts 1986 — R. J. Watts. Generated or degenerate? // D. Kastovsky, A. J. Szwedek, B. Płoczińska, J. Fisiak. *Linguistics Across Historical and Geographical Boundaries*. Walter de Gruyter, 1986. P. 157–173.

Е. Г. Сосновцева

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург*

УДВОЕНИЕ ЧАСТИЦЫ *БЫ* В УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ¹

1. Введение

Условное наклонение образуется в современном русском языке при помощи формы прошедшего времени смыслового глагола и частицы *бы* (см., например, [Шелякин 2000: 167]). Помимо этого в научной литературе описаны случаи употребления условного наклонения с нефинитными формами глагола (инфинитивом, причастием, деепричастием — [Сай 2015]). Часть таких употреблений находится за пределами строгой нормы, однако, по данным НКРЯ, фиксируются в письменной речи носителей языка [Добрушина 2016b: 152–153].

Подобным образом под запретом прескриптивной нормы находится удвоение частицы *бы* в условных конструкциях [Добрушина 2016b: 114]. Такие употребления квалифицируются как нарушение грамматической нормы во всех случаях, в том числе в условных клаузах и конструкциях с союзом *чтобы*.

Вместе с тем, случаи удвоения частицы *бы* можно как слышать в устной речи (об этом свидетельствует наблюдение над устной речью и данные устного подкорпуса НКРЯ), так и наблюдать в письменных художественных и публицистических текстах.

В статье рассматриваются основные типы конструкций с удвоением частицы *бы* и предлагаются возможные варианты интерпретации этого явления. Употребительность исследуемой конструкции в письменной речи носителей языка, как кажется, не позволяет считать это явление простым нарушением грамматической нормы. Первая часть статьи посвящена некоторым этапам

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

истории условного наклонения, а именно тем ее аспектам, которые, как кажется, могут способствовать пониманию ситуации, сложившейся в современном языке. Данные, рассматриваемые в 3-м и 4-м разделах статьи, получены из устного, газетного и поэтического подкорпусов НКРЯ, а также из письменных детских текстов.

2. Исторический комментарий

Древнерусское условное наклонение соединяет спрягаемую форму аориста глагола *быти* и причастие на *-л*, изменяющееся по роду и числу. Более древняя аналитическая форма, восходящая к индоевропейскому оптативу (со вспомогательным глаголом от основы *би-*), зафиксирована в древнейших старославянских памятниках. Видимо, она рано контаминируется с формой «аорист от основы *бы-* + причастие на *-л*», имевшей, согласно гипотезе [Сичинава 2004: 307, 310], плюсквамперфектную семантику.

Если ряд форм со вспомогательным глаголом от *би-* основы не фиксируется даже самыми ранними восточнославянскими памятниками, то спрягаемые формы от основы *бы-* присутствуют в текстах XII и XIII вв.

- (1) *Господи аще бы в градъ былъ не быша такъ три съмърти безъ вины были* (Чудеса Николы Мирликийского. XII в. Электронная публикация: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-2171>).

Данные не книжных древнерусских текстов, по мнению Е. А. Галинской, свидетельствуют о том, что спрягаемая форма аориста от *быти* в составе сослагательного наклонения существовала в «разговорном языке» дольше, чем формы собственно аориста [Галинская 2016: 372].

Однако с XIII в. начинается переход спрягаемой связки в форме аориста в разряд частиц. Вместе с парадигмой бывшая связка утрачивает информацию о лице и числе: впрочем, аорист и так имеет омонимичные формы 2 и 3 лица ед. ч. Таким образом, в древнерусских памятниках на разных этапах грамматикализации *бы* складывались условия для употребления в составе сослагательной формы (или вместе с ней) третьего, избыточного элемента. Так, в Милятином евангелии 1215 г. зафиксирован оборот *аще бы в Тургъ быша силы были*, в котором форма кондиционала со

спрягаемой связкой употреблена вместе с уже не спрягаемой формой (частицей) *бы* (пример из [Иванов 1964: 395]).

Результатом изменения статуса *бы* является употребление в условных предложениях дополнительных форм 2 л. наст. вр. от глагола *быти* [Никифоров 1952: 140]. Примеры подобного рода обнаруживаются в берестяных грамотах:

- (2) *цолобитъе отъ смона к попу ив:ану цо **бы еси** моего москотья моего **пересмотреле** дад бы хорь не попортить* [Берестяная грамота 413 (1400–1410), НКРЯ].

А. А. Зализняк называет формы «*бы еси* + причастие на -л» сослагательным наклонением II, отличие которого от основного варианта заключается в особых формах 2 лица, и приводит 4 примера из грамот XIV века [Зализняк 2004: 143].

В фрагментированной грамоте № 618 лишь предположительно можно считать *би* заменой *бы* [Зализняк 2008: 33]:

- (3) *... (б)ратъ его куземка пришелъ ... его · ты · пожаловаль · лошатку ... · **нарадилъ** · **еси би** его* [Берестяная грамота 618 (1360–1380)].

Возникновение форм сослагательного наклонения II очевидно связано не только (а изначально и не столько) с грамматикализацией *бы*, сколько с прагматической необходимостью различения омонимичных форм 2 и 3 лица сослагательного наклонения в письменных текстах. Этим объясняется факт, что именно трехчастная форма сослагательного наклонения во 2 л. ед. ч. регламентирована для церковнославянских текстов. Так, А. А. Плетнева и А. Г. Кравецкий указывают, что в современных богослужбных текстах форма «*несль, -а, -о бы*» во 2 л. ед. ч. не встречается, вместо нее возможна только форма с добавлением связки *еси* [Плетнева, Кравецкий 2014: 98]. Церковнославянский подкорпус исторического корпуса НКРЯ содержит 58 вхождений в 31 документе *бы еси* в контактной позиции (при объеме корпуса 1 254 документа):

- (4) *Речѣ же мѣрѣа ко иѣсу: гдѣси, аще **бы еси** здѣ **бѣлъ**, не **бѣ** брѣтъ мой **умерль***: [Библия. Иоанн].

Русские агиографические тексты XVII в. частично сохраняют парадигму кондиционала со спрягаемым аористом от *быти*,

однако в процессе создания текстов возникают переходные конструкции различного вида. Например, в фрагменте (5) представлен случай контаминации союза *дабы* и спрягаемой связки:

- (5) В днь же недѣлный пригласиша и инѣхъ людей немало, дабыша помогли имъ здати молебный хръ малый на мѣсте томъ [Житие Адриана и Ферапонта. РНБ. Вяз. Q-281. Л. 49].

В целом для этого памятника характерны целевые конструкции, организованные по модели “*да* + спрягаемая связка в аористе + причастие на *-л*”:

- (6) азъ же шѣщахъса тако сотворити и молихъ его да въхъ (1 л. вместо 3 л.) швѣталъ в домоу моему [Житие Адриана и Ферапонта. РНБ. Вяз. Q-281. Л. 59 об.].

В тексте нередко встречаются аграмматичные употребления связки в составе кондционала, но нужно отметить, что такая же картина характерна и для форм простых претеритов в этом памятнике:

- (7) лы же единодоушно оустремишася (аор., 3 л. вместо 1 л.) на него, дабы яди (3 л. вместо 1 л.) его и велъ (3 л. не выражено, общая с предыдущим смысловым глаголом частица в составе союза *дабы*) насъ в монастырь. и не могохомъ (аор., 1 л.) посигноути его [Житие Адриана и Ферапонта. РНБ. Вяз. Q-281. Л. 124].

Употребление трехчастной формы условного наклонения (в значении некатегоричности) является типичным для грамот (некнижных текстов) XVII века. Старорусский подкорпус НКРЯ (объем корпуса — 117 документов) находит 465 случаев употребления частицы *бы* в контактной позиции со связочной формой *еси*.

- (8) *А будет по ся места боярин наш и воевода Федор Иванович с товарищи в Нижнем не бывал, и ты б с нашими с ратными людьми шел к нам к Москве тотчас. А шел бы еси бережно рекою Окою, по которой стороне доведетца, и бережнее, а перед собою бы еси послал в розъезд станишников. А коим местом пойдешь, и которых городов в те месте будут наши дворяня и дети боярские и всякие служилые люди, и ты б к ним писал, чтоб они, помня наше*

крестное целованье, или с тобою ж на нашу службу к нам к Москве [Указная грамота ц. Василия Ивановича (Новгородской четверти) в Нижний Новгород воеводе Андрею Семеновичу Алябьеву о выступлении с войсками к Москве и доставке нижегородской и балахонской казны (1609.02.17)].

Распространенность таких употреблений имеет прагматическое объяснение — необходимость обозначить в грамотах адресата послания. Сочетания типа *шель бы еси* не замечены в клаузах, в которых присутствует местоимение 2 л. ед. ч. Грамоты XVII века могут содержать устойчивые формулы с подобной конструкцией:

- (9) *А прочет сю нашу грамоту и списав с нее противень, отдал бы еси ее назад Борисоглебскому строителю старцу Захарью...* [Указная с прочетом грамота ц. Дмитрия Ивановича (Нижегородской четверти) в Муром губному старосте Семену Чегодаеву о передаче на оброк строителю Борисогл. монастыря Захарию озз. Моцкое и Верхнее в Муромском у (1605.08.14)]

На фоне регулярного употребления сочетания типа *шель бы еси* в контексте обращения к адресату наблюдаются редкие случаи аграмматизмов:

- (10) *Отъ царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии, на Бълоозеро, воеводъ нашему Ивану Васильевичю Головину да дьяку нашему Лукъ Владиславлеву <...> И ... какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ ... да и запись бы еси* (ед. ч. вместо мн. ч.) *поручную по отвѣтчикъхъ прислали къ намъ къ Москвѣ на тотъ же срокъ* [Царская грамота белозерскому воеводе Ивану Головину о взятии на поруки старцев Троицкого, что на р. Шексне, монастыря и о присылке их в Москву к Николину дню весеннему по делу о покушении их на жизнь строителя того же монастыря Иосифа (1615.04.05)].

Абсолютное большинство примеров содержит в качестве дополнительной связки форму 2 л. ед. ч. *еси*. Однако в Корпусе обнаруживается 2 вхождения типа *даль бы есть*, правда оба содержат аграмматизмы:

- (11) *И будет так, как нам из Галича Паусеина монастыря архимарит Исая з братьею бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б архимариту Исаяе з братьею тою вотчинною землею и рыбною ловлею велел владети {л. 3} по прежней нашей грамоте ... А в обидях и в насилствах архимариту Исаяе з братьею дал бы есть* (3 л. ед. ч. вместо 2 л. ед. ч.) *на посадцких людей на Шишку Ермолина с товарищи и на рыболовей суд* [Указная с прочетом грамота ц. Василия Ивановича в Галич Сильвестру Фомичу Сытину с запрещением посадским людям вступаться в пожни и рыбные ловли Усп.-П. монастыря близ Галича (1608.04.07)].

Таким образом, уже на ранних этапах становления условной конструкции форма сослагательного наклонения осознавалась как недостаточная и дополнялась элементами, восстанавливающими часть грамматической информации, но не являющимися специфическими формами кондиционала. Эти изменения, такие как появление форм сослагательного наклонения II, происходили параллельно с процессом утраты спрягаемой связки и превращения ее в частицу. Затронули они и церковнославянские тексты, в которых окончательная грамматикализация *бы* так и не произошла. Другим видом удвоения показателя кондиционала можно считать дублирование связки, как в примере *еще бы в Турь быша силы были*.

Причины удвоения частицы *бы* могут быть также просодического плана. В древнерусских текстах зафиксированы случаи удвоения энклитик, в том числе *ся*, *ти*, *еси*, и, по мнению А. А. Зализняка, объясняется это явление акцентологическими процессами [Зализняк 2008: 53–54, 189–191]. А. А. Зализняк проводит аналогии между древнерусскими контекстами и современными случаями удвоения *бы* в разговорной речи и полагает, что это явления одного порядка.

В настоящее время, когда формы сослагательного наклонения образуются при помощи частицы *бы* и глагола в прошедшем времени, и в устной, и в письменной речи продолжают наблюдаться колебания в формообразовании. Эта ситуация, вероятно, связана с формальной и семантической недостаточностью конструкции, а также может быть в какой-то мере подготовлена историей становления сослагательного наклонения.

3. Удвоение *бы* в современных устных и письменных текстах

В этом контексте и предлагается рассматривать использование двух частиц *бы* при одном предикате в современном русском языке. Это нарушает норму, однако встречается регулярно, особенно в контекстах с союзами *если (бы), чтобы* [Добрушина 2016а, 2016b: 114].

Нужно отметить, что удвоение *бы* в условных клаузах следует, вероятно, рассматривать как отдельное явление, так как в контекстах типа:

- (12) — *Если не ошибаюсь, у Гете: «Если бы сцена была бы шириной с канат, меньше было бы желающих по ней ходить»* [Елена Вольгуст. Валерий Фокин: Снился мне зал // «Петербургский Час пик», 2003.09.03], —

первое *бы* примыкает к союзу *если* (ведет себя как часть сложного подчинительного союза), а второе *бы* образует форму сослагательного наклонения. Изучение этого процесса в динамике, как кажется, заслуживает специального исследования и не является задачей данной статьи (см. [Вимер 2015: 199–201]). Заметим, однако, что прескриптивная норма запрещает дублирование частицы *бы* и после союза *чтобы*, в случае, когда процесс образования сложного союза завершен. Именно случай повторения *бы* при предикате после союза *чтобы* рассматривает П. С. Кузнецов, который полагал, что в сочетании с *чтобы* глагольная форма уже не имеет в своем составе частицы *бы*: «... в сочетании с *чтобы* может выступать в разговорной речи и не прошедшее время, а сослагательное наклонение, в свою очередь имеющее в своем составе *бы*, особенно, если в предложении не один глагол, например: *Известно, наш брат старается сразу затуманить девке очи, чтоб они не зажгли его сердца, а сами подернулись бы по тебе грустью...* Горький. Макар Чудра» [Современный русский язык 1952: 292].

Однако даже если исключить из рассмотрения случаи удвоения частицы *бы* в условных клаузах, избыточное *бы* можно наблюдать в ситуациях, передающих основные значения сослагательного наклонения (примеры из газетного и поэтического подкорпусов НКРЯ):

- (13) *Не был Цезарем бы —
Стал бы поваром бы...*
Бейте в сковороды! [М. Цветаева. В ратуше [Крысолов, 5] (1925)] — контрафактическое значение; при этом избыточное *бы* появляется в зоне рифмы;
- (14) *А вот кого бы еще хотелось бы сыграть, так это Мефистофеля.* [Н. Романюк. «Мечтаю сыграть Мефистофеля» // «Перспектива», 2012.09.13] — оптативное значение;
- (15) *Чем бы вы хотели бы запомниться простым людям на этой должности?* [С. Дмитренко. Ирина Караваева возглавила Олимпийский совет Краснодарского края // «Комсомольская правда», 2011.04.20] — значение некатегоричности.

Рассматриваемые конструкции ожидаемо обнаруживаются в устной речи: мы замечаем такие употребления в речи собеседников и в своей собственной. Не противоречат этому наблюдению данные устного подкорпуса. По запросу «*бы* на расстоянии от 1 до 6 от *бы*» обнаруживается 3 822 вхождения, однако при этом на каждые 100 случаев приходится примерно 10, в которых происходит удвоение *бы* в пределах одной клаузы, остальные разнесены по разным частям предложения. Случаи повторного употребления частицы в ближайшем контексте (*В спорте кому бы могли бы отдать? Я бы никогда бы не хотела жить в Париже* — устный подкорпус НКРЯ) заставляют учитывать возможность собственно просодических, а не только семантических или грамматических причин удвоения.

Удвоение *бы* возникает в устной речи как в главной, так и в зависимой клаузе условной конструкции, кроме того встречается в независимых предложениях:

- (16) *Если бы было время / я бы сделал бы больше ещё / но у нас столько несделанных дел лежит на русском / что просто не до этого* [Борис Гребенщиков. Пресс-конференция Б. Гребенщикова // Интернет, 2003];
- (17) *Если бы больше было бы таких крупных игроков и вообще больше людей / ... я думаю / женщина вполне могла бы там рассматриваться* [Ирина Тартаковская, Екатерина Дементьева. Как меняются гендерные роли // <http://www.inliberty.ru/projects/62-YA-mogu-govorit>, 2016];

- (18) *Я говорю / Я бы ни за что бы не купила дыню* [Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург // Архив Хельсинкского университета, 1997–1998].

Удвоение *бы* в неподготовленных высказываниях (примеры (14)–(18), устные и, до некоторой степени, публицистические контексты) не является осознанным и отражает колебания, возникающие в зоне пересечения грамматической нормы и активных языковых процессов. Однако употребление двойного *бы* возможно и в художественной речи, то есть в ситуации повышенного внимания к форме высказывания.

Поэтическая речь (пример (13)) в наименьшей степени по сравнению со всеми другими упомянутыми случаями может быть названа спонтанной. Создание художественного текста часто связано с намеренным отбором грамматических средств. Например, повтор *бы* в приводимом ниже отрывке из стихотворения Марины Цветаевой организует внутреннюю рифму полустиший:

- (19) *Тростника бы не зажгла бы
Девушка пожаром щек!* [М. И. Цветаева. Этери (1940)]

На семантический аспект употребления повторяющейся частицы *бы* в современной поэзии обращает внимание Л. В. Зубова: «Во многих текстах демонстративно избыточный повтор частицы *бы* выдвигает на первый план тщетность желаний, например: *как бы объяснить бы чтобы / стало бы понятно все бы / как бы все понять бы чтобы / смог бы объяснить бы все бы* (Борис Гринберг)» [Зубова 2011: 50] (разрядка моя. — Е. С.).

Яркие примеры интенсификации значения побуждения (в данном контексте в сочетании с оптативным²) (20) и контрафактического (21) значения представлены в стихах Владимира Маяковского:

- (20) *Спекулянты, / вам скрывать глупо
от движения / и от жары —
вы бы / на камнях / трясущихся Алупок
лучше бы / спустили бы / жиры.* [В. В. Маяковский. Польза землетрясений (1928)]

---

² О выражении побуждения при помощи сослагательного наклонения в конструкциях с подлежащим 2-го лица см. [Добрушина 2016а: 81–84].

- (21) *Если б я / поэтом не был,
я бы / стал бы / звездочетом.* [В. В. Маяковский. Письмо товарищу Кострову / из Парижа / о сущности любви (1928)]

Ср. также контекст с оптативной семантикой у В. Т. Шаламова:

- (22) *В дому кирпичном, каменном
Я б слова не сказал,
Годами бы, веками бы
Терпел бы и молчал.* [В. Т. Шаламов. «Я жаловался дереву...» (1937–1956)]

Однако даже в примерах из поэтических текстов удвоение частицы *бы* нельзя связывать исключительно с намерением автора усилить значение невозможности или желательности при описании того или иного события. Важную роль играет ритмическая организация текста. Так, Л. В. Зубова отмечает случаи, когда языковая игра приводит к переносу ударения на частицу *бы* или нарушению привычного порядка слов в предложениях: «В позиции стихового переноса при несовпадении ритмических единств с синтаксическими могут перераспределяться проклитики и энклитики: *Себя не знает вещь сама / и ждет, когда я / бы выскочил весь из ума, / бы выскочил, в себе светая / быстрее, чем темнеет тьма* (Владимир Гандельсман)» [Зубова 2011: 51].

Можно предположить, что вероятность удвоения частицы *бы* в стихах связана с идиостилем поэта, однако конкретные лингвистические причины каждый раз оказываются различными: семантическими, просодическими, фонетическими (аллитерация).

4. Удвоение частицы *бы* в учебных текстах

Четвертый раздел статьи посвящен случаям употребления удвоенной частицы *бы* в письменных работах школьников-подростков. Такие примеры регулярно встречаются в учебных текстах³, однако запрещены нормой и квалифицируются как грамматические ошибки:

---

³ Под учебными текстами в данном случае подразумеваются сочинения и изложения школьников. Эти тексты, с одной стороны, созданы носителями языка, чья компетенция в сфере письменной речи нахо-

(23) Я считаю, что **если бы** роль ее в произведении **была бы** меньше, этот роман **был бы** совсем другим (8 класс)⁴.

В предыдущих разделах было представлено достаточно примеров, чтобы говорить, что явление это не случайное, а регулярное, не новое, а нашедшее отражение, в том числе, в поэтическом языке начала XX века и имеющее некоторые исторические основания для возникновения. Помимо дублирования частицы *бы*, характерной погрешностью учебных текстов является неверный выбор места для частицы *бы*.

(24) По-моему, все очень даже подходит, просто читатель видит очень много вариантов, которые, по его мнению, **бы** еще **бы** лучше **бы** подошли произведению (8 класс).

В контексте (24) обозначены сомнения пишущего по поводу места частицы *бы* в предложении. Причина этих колебаний может быть связана с тем, что частица *бы*, в древнерусский период превратившись из полноударной формы аориста в энклитику, в некоторых случаях занимает в предложении место в соответствии с правилами постановки фразовых энклитик [Зализняк 2008]. При этом первый, неприемлемый и исторически, и для современных носителей русского языка вариант — постановка энклитики перед первым полноударным словом — последовательно заменяется двумя другими, между которыми осуществляется выбор. Рассматривая типичное для древнерусского языка удвоение частицы *ся*, А. А. Зализняк проводит аналогию со случаями удвоения *бы* в современной устной речи (пример: *Передай ему, чтобы не раздумывая вместе с детьми приезжал бы*, аналог: *Како ся, осподине, нами своими хрестьяны попечалишися*) [Там же: 54].

В современном языке таким же регулярным, как повтор *бы* после союза *чтобы*, является дублирование *бы* после *если бы* и *хотя бы* [Добрушина 2016а, 2016b: 114]. Вот примеры из школь-

---

дится в стадии формирования. С другой стороны, такие работы пишутся с ориентацией на нормы литературного языка и предполагают самопроверку и контроль.

⁴ Примеры в этом разделе, если не указано иное, извлечены из работ детей среднего школьного возраста (5 класс, 11 лет, 7–9 классы, 13–15 лет). Орфографические и пунктуационные особенности источника сохраняются.

ных текстов; их, вместе с примером (23), следует выделить в отдельную группу:

- (25) *Неясно, сколько смог бы он ещё прожить, если бы из сострадания ему бы не помогла местная молодая черкешенка* (9 класс);
- (26) *Ещё ничего, если бы это был бы просто образ персонажа, но ведь он выглядит не очень естественно; я не могу сказать, что актерская игра удалась* (9 класс);
- (27) *Дедушка отчитал ее, сказал, что она эгоистка. И что если бы все ученые были бы такими эгоистами, никакого прогресса бы не было* (5 класс).

В примере (27) представлен фрагмент изложения, написанного пятиклассником. В стимульном тексте удвоения частицы не было, но трое из 25 детей передали фразу именно так. В примерах (25)–(27) второе *бы* служит для образования формы сослагательного наклонения, тогда как первое *бы* может быть интерпретировано как часть сложного подчинительного союза. Вместе с тем, такое употребление находится за пределами грамматической нормы и считать его стилистически нейтральным нельзя: удвоение частицы *бы* играет роль усиления, подчеркивает принципиальную невозможность самого условия, а не только действия, названного в главной части предложения.

Удвоение частицы *бы* обнаруживается не только в условной, но и в главной клаузе. Так, избыточное употребление *бы* встречается в сочинениях школьников при попытке реконструировать принципиально невозможную ситуацию:

- (28) *Хотя, возможно, если бы Гертруда знала бы, что отца Гамлета убил сам Клавдий, на котором она собиралась жениться, она бы ни в коем случае не сделала бы этого* (8 класс);
- (29) *Я бы каким то скучным воскресеньем полетела бы в Японию, Китай или Африку, посмотрела бы, вдруг там тоже играют в классики и пять камешков* (5 класс).

Контексты (28)–(29) показывают, что в современном языке двойное (избыточное) *бы* в условных конструкциях может быть

обусловлено потребностью обозначить степень невозможности осуществления действия. Одним из основных значений условного наклонения является контрафактическое, однако грамматических средств для градуирования ситуации ирреальности не предлагается. Удвоение *бы* может трактоваться как способ обозначения полной невозможности действия на экстраграмматическом уровне.

На другом полюсе находятся употребления форм, совпадающих с индикативом, в контексте сослагательного наклонения, когда осуществление ситуации представляется автору более чем вероятным:

- (30) ***Я считаю**, что такой человек с таким же характером, как у Софьи, **может быть*** (8 класс);
- (31) *Дракон **был** не плохим, **если не пафос**. Все это использование огромного количества техники, спецэффектов и девушек на подтанцовке наводило лишь на мысли о концерте Филиппа Киркорова. По мне это было явно лишним* (8 класс);
- (32) ***Если бы я хотела** узнать поближе госпожу Куракину, познакомиться с ее характером, то я, скорее всего, **пригласила** ее на конную прогулку с последующим чаепитием* (8 класс).

Пример (31) читается как грамматически некорректный, частица могла быть пропущена случайно. В примере (32) представлен вполне конкретный план, правда, он касается персонажа портрета Г.-К. Гроота, жившего в XVIII веке.

Хотя оба вида трансформации форм условного наклонения находятся вне поля нормативной грамматики, они, как кажется, отражают потребность в грамматическом маркировании семантических типов ирреальных конструкций.

5. Заключение

Начиная с XIII в. древнерусские тексты обнаруживают колебания в области формообразования сослагательного наклонения. Колебания эти связаны с употреблением в составе формы кондиционала третьего элемента, например застывшей формы

бы, одновременно со спрягаемой связкой в аористе. С необходимостью эксплицитного обозначения в текстах определенных жанров лица и числа глагола связано появление формы сослагательного наклонения II.

В современном русском языке сохраняются условия для употребления трехчастных конструкций сослагательного наклонения. В поэзии удвоение частицы *бы* обусловлено ритмической организацией текста, а также может выполнять стилистическую, выделительную функцию. Повторное употребление частицы *бы* в придаточном условном говорит о возможной грамматикализации частицы в составе союза *если бы*: это позволяет объяснить использование второго *бы* необходимостью образования формы сослагательного наклонения глагола.

Другой причиной удвоения частицы *бы* в современных текстах, как кажется, может быть потребность отражения степени ирреальности передаваемого условной конструкцией содержания.

Литература

- Вимер 2015 — Б. Вимер. Между наклонением и фоссиллизацией: о многоликости судьбе клиники *бы* // У простору лингвистичке славистике: Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера. Филолошки факултет, Београд, 2015. С. 189–224. [B. Wiemer. Mezhdu naklonenim i fossilizatsiei: o mnogolikoi sud'be kliniki *by* // [Between mood and fossilization: on the multi-facetted fate of the clitic *by*] // U prostoru lingvistichke slavistike: Zbornik nauchnikh radova povodom 65 godina zhivota akademika Predraga Pipera. [Inside the space of Slavic linguistics: Papers in Honor of Predrag Piper on the Occasion of His 65th Birthday]. Filoloshki fakultet. Belgrade, 2015. P. 189–224].
- Галинская 2016 — Е. А. Галинская. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2016. [E. A. Galinskaja. Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka: Fonetika. Morfologija [An historical grammar of Russian: Phonetics. Morphology]. М.: Lenand, 2016].
- Добрушина 2016a — Н. Р. Добрушина. Семантика условного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2016. [N. R. Dobrushina. Semantika uslovnogo nakloneniia: korpusnoe issledovanie grammaticheskoi polisemii. Diss. ... dokt. filol. nauk. [The semantics of the conditional mood: a corpus study of grammatical polysemy. Dr. habil. of Philol. Sc. thesis.] М., 2016].

- Добрушина 2016b — Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение // Материалы к корпусной грамматике русского языка: Глагол. Часть I. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 102–160. [N. R. Dobrushina. Soslagatel'noe naklonenie [The subjunctive mood] // Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka: Glagol. Chast' I [Materials for a corpus grammar of Russian: The verb. Part 1]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2016. P. 102–160].
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. [A. A. Zalizniak. Drevnenovgorodskii dialekt. [The Old Novgorod dialect]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004].
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [A. A. Zalizniak. Drevnerusskie enklitiki. [Old Russian enclitics.] M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008].
- Зубова 2011 — Л. В. Зубова. Сослагательное наклонение в современной поэзии // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) / сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г. Минск, 2011. С. 50–53. [L. V. Zubova. Soslagatel'noe naklonenie v sovremennoi poezii [The subjunctive mood in modern poetry] // Russkii iazyk: sistema i funktsionirovanie (k 90-letiiu BGU i 85-letiiu professora P. P. Shuby) / sb. materialov V Mezhdunar. nauch. konf., 11–12 okt. 2011 g. [The Russian language: system and functioning (on the 90th anniversary of Belarussian State University and on the 85th anniversary of professor P. P. Shuba). A collection of working papers of the fifth international scientific conference, 11–12 October, 2011] Minsk, 2011. P. 50–53].
- Иванов 1964 — В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1964. [V. V. Ivanov. Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. [An historical grammar of Russian]. M.: Prosveshchenie, 1964].
- Никифоров 1952 — С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности II половины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [S. D. Nikiforov. Glagol, ego kategorii i formy v russkoi pis'mennosti II poloviny XVI v. [The verbs, its categories and forms in Russian writing in the second half of the 16th century]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1952].
- Сай 2015 — С. С. Сай. Нефинитные формы сослагательного наклонения в русском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana XI, 1, 2015. С. 341–367. [S. S. Sai. Nefinitnye formy soslagatel'nogo nakloneniia v russkom iazyke [Non-finite subjunctive forms in Russian] // Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN — Acta Linguistica Petropolitana XI, 1, 2015. P. 341–367].

- Сичинава 2004 — Д. В. Сичинава. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики — 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 292–312. [D. V. Sichinava. K probleme proiskhozhdeniia slavianskogo uslovnogo nakloneniia [On the issue of the origin of the Slavic conditional mood] // Issledovaniia po teorii grammatiki — 3: Irrealis i irreal'nost' [Studies in the theory of grammar — 3: Irrealis and irreality]. М.: Gnozis, 2004. P. 292–312].
- Современный русский язык — Современный русский язык: Морфология (курс лекций) / В. В. Виноградов (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1952. [Sovremennyi russkii iazyk: Morfologiia (kurs lektsii) / V. V. Vinogradov (ed.). [The modern Russian language: Morphology (a course of lectures).] М.: Izd-vo MGU, 1952].
- Шелякин 2000 — М. А. Шелякин. Справочник по русской грамматике. М.: Русский язык, 2000. [M. A. Sheliakin. Spravochnik po russkoi grammatike [A guide to Russian grammar]. М.: Russkii iazyk, 2000].

К. А. Иванова

ИЛИ РАН —

*Национальный исследовательский институт
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург*

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПУСТЬ В РУССКОЙ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

1. Введение

Директивные высказывания играют важную роль на самых ранних этапах развития речи у ребенка [Томаселло 2011; Aikhenvald 2010: 325–327]. Формы императива наряду с инфинитивом в побудительной функции зачастую оказываются первыми усваиваемыми ребенком глагольными формами и могут оставаться наиболее частотными в детской речи на протяжении месяцев [Гагарина 2008: 118–120; Пупынин 1996]. По мере взросления ребенка репертуар доступных ему языковых средств увеличивается, вместе с тем расширяется и спектр выражаемых в детской речи типов повеления: появляется вариативность в категоричности директивов, степени их вежливости, появляются косвенные директивы, для ребенка становится возможным выразить просьбу, обращенную к исполнителю, не являющемуся непосредственным участником коммуникативной ситуации.

В настоящем исследовании рассматриваются особенности функционирования конструкций с модальной частицей *пусть*, обладающих значением повеления, в детской и обращенной к ребенку речи. Такие конструкции можно рассматривать как часть императивной парадигмы русского языка [Храковский, Володин 2000: 122–125] (юссив), однако от императивов второго и первого лица они отличаются опосредованным характером пове-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становления коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

ления — такие конструкции осуществляют косвенную каузацию, при которой императивная ситуация включает не двух, а трех участников: говорящего, адресата 2-го лица и исполнителя 3-го лица, не являющегося непосредственным участником коммуникативной ситуации.

Обзор литературы, освещающей ход усвоения различных типов модальности детьми, растущими в различном языковом окружении, можно найти в [Choi 2005: 143–150]. Функционирование побудительных высказываний в русской детской и обращенной к ребенку речи анализировалось в работах [Иванова 2015b; Иванова, Воейкова 2014; Цейтлин 2004, 2008], усвоение конструкций с императивным значением, включающих частицы *дай/давай* и являющихся в ряде значений близкими к конструкциям с *пусть*, рассматривалось в работах [Воейкова, Иванова 2016; Иванова 2015a]. Формы побуждения третьего лица русского языка в типологической перспективе обсуждались в работах [Гусев 2005, 2013; Добрушина 2001, 2008; Храковский, Володин 2000; Dobrushina 2012], однако никогда не становились фокусом исследования в контексте усвоения языка ребенком.

Общение ребенка и его взрослого собеседника, как правило, матери, представляет собой диалог и в большинстве случаев включает только двух участников². Особенностью диалогического общения с ребенком раннего возраста является, кроме того, ориентированность на ситуацию «здесь и сейчас» [Леушина 1941; Цейтлин 2001]. Эти факторы проблематизируют сферу функционирования императивов 3-го лица в детско-родительской коммуникации.

Как отмечали многие авторы ([Добрушина 2008; Choi 2005; Dobrushina 2012]), структура ситуации побуждения третьего лица подразумевает наличие адресата второго лица, что сближает юссив с прототипическим императивом. В тех случаях, когда побуждение касается неагентивного «исполнителя», оно может содержать косвенное побуждение, адресованное непосредственно слушающему (например, призыв не выключать свет: *Пусть свет горит*). Можно предположить, что в ситуации замкнутого общения ребенка и матери этот компонент значения юссива — кос-

---

² Подробнее об особенностях детско-родительского диалога см. [Казаковская 2011].

венная каузация исполнения действия адресатом высказывания — может играть большую роль, чем в общении взрослых.

Задачами исследования, таким образом, являлось проследить ход усвоения повелительных конструкций с *пусть* в детской речи, обозначить различия между речью, обращенной к детям и ко взрослым, очертить границы влияния прагматических факторов на детско-родительскую коммуникацию в сфере косвенного побуждения.

2. Материал исследования

Материалом настоящего исследования послужили данные записей спонтанных диалогов русских детей в возрасте от полутора до четырех с половиной лет и их родителей (корпусы «Ваня», «Витя», «Лиза», «Тома»³), расшифрованные и закодированные в формате СНАТ [MacWhinney 2000]. Доступные данные позволили сформировать выборку, состоящую из 95 детских и 214 взрослых высказываний, включающих конструкции с модальной частицей *пусть*. В выборку были включены как высказывания, выражающие непосредственно повеление, так и юссивы с прагматическим значением согласия или уступки. С целью сопоставления приводятся также данные устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

3. Повелительные высказывания с *пусть* в детско-родительской коммуникации

Повелительные высказывания с модальной частицей *пусть* впервые регистрируются в доступных для анализа записях у одного из детей в возрасте 2;1⁴, однако начинают регулярно употребляться всеми детьми после 2;6. Такие конструкции не являются частотным элементом в речи детей и их родителей и занимают десятые доли процента от общего количества высказываний.

---

³ Данные собраны РГПУ им. А. И. Герцена и ИЛИ РАН. Мы выражаем благодарность М. И. Аккузиной, М. Б. Елисеевой, Е. К. Лимбах, Е. А. Офицеровой, И. В. Яковлевой, принимавшим участие в сборе и обработке данных.

⁴ Здесь и далее информация о возрасте детей приводится в формате [количество лет; количество месяцев].

Таблица 1. Количество употреблений повелительных конструкций с *пусть* в речи детей и обращенной к детям речи

Возраст	Ваня		Тома		Лиза		Витя	
	Взрослый	Ребенок	Взрослый	Ребенок	Взрослый	Ребенок	Взрослый	Ребенок
1;5–2;0	14	0	0	0	9	0	—	—
2;1–2;6	25	2	2	0	6	3	11	0
2;7–3;0	34	46	6	4	19	10	16	1
3;1–3;6	29	4	7	8	0	1	10	2
3;7–4;0	0	1	2	5	1	0	14	1
4;1–4;6	—	—	9	7	—	—	—	—

Характер коммуникативной ситуации, в которую вовлечены ребенок и его взрослый собеседник, оказывает влияние на языковой материал, наполняющий диалоги матери и ребенка. В сопоставлении с данными устного подкорпуса НКРЯ выявляется ряд различий между детско-родительской коммуникацией и речью, обращенной ко взрослому.

Эти различия связаны с рядом взаимообусловленных характеристик высказывания: типом субъекта, видом и транзитивностью предиката.

Одним из таких различий является распределение видовых форм глагола. В обследованной выборке устного подкорпуса НКРЯ видовые формы глаголов СВ и НСВ распределены поровну (47% НСВ, различие в значениях СВ и НСВ статистически незначимо), как и количество переходных и непереходных глаголов. В детской и обращенной к ребенку речи формы НСВ преобладают, см. Таблицу 2.

Таблица 2. Количество словоупотреблений глаголов СВ и НСВ в повелительных высказываниях с *пусть* в детско-родительской коммуникации

	Детская речь (всего/переходных)	Взрослая речь (всего/переходных)
НСВ	58/4	130/25
СВ	19/9	64/24

Преобладание форм НСВ (75% в речи детей и 67% в речи взрослых) объясняется, с одной стороны, большой долей высказываний, включающих форму глагола *быть* (см. ниже), с другой стороны типом участников (одушевленных и неодушевленных) и связанных с ними каузируемых действий, появляющихся в типичной коммуникативной ситуации, попавшей в фокус настоящего исследования.

Детская и обращенная к ребенку речь содержит относительно большое количество побудительных высказываний с предикатом — глаголом-связкой, каузирующих тождество двух объектов:

(1) *Пусть это будет море.* (Витя, 3;6, ДР⁵)

При подсчете количественных соотношений, связанных с употреблением форм СВ или НСВ, не учитывались предложения с эллипсисом глагола-связки, типа (2), учет которых усилил бы существующую диспропорцию.

(2) *Пусть мама — петушок.* (Ваня, 2;8, ДР)

Другой тип высказываний, входящих в преобладающее множество побудительных высказываний с НСВ, — это бытийные предложения с побудительной частицей *пусть*, каузирующие определенную ситуацию в ее целостности:

(3) *Пусть у киски скамейка будет.* (Ваня, 2;9, ДР)

В речи детей и обращенной к ним речи количество сочетаний *пусть* с формами глагола *быть*, имеющих референтом целостную ситуацию: *Пусть у меня такая конфетка будет* (Ваня, 2;8, ДР), особенно велико в сравнении с данными НКРЯ. В речи детей 26% всех побуждений третьего лица — высказывания с глаголом-связкой и 18% — с бытийной конструкцией; в высказываниях взрослых, не являющихся реактивными по отношению к детской реплике, — 7% и 8% соответственно, в высказываниях взрослых, являющихся реакцией на реплики ребенка, — 27% и 12%.

Н. Р. Добрушина отмечает, что оптатив и императив оказываются распределены в зависимости от того, обладает ли говорящий контролем (или ощущением контроля) над каузируемым

---

⁵ Здесь и далее отмечена принадлежность высказывания к детской речи (ДР) или взрослой, обращенной к ребенку речи (ВР).

действием [Добрушина 2001]. В контексте общения ребенка и взрослого попытка каузации действия, не поддающегося контролю ни одной из сторон (напр., *Пусть солнце светит ярко*), в качестве результата порождает предложение принять за действительную некую постулируемую (воображаемую, игровую) ситуацию. Это происходит, поскольку ребенку и его собеседнику доступен полный контроль над конструируемой в ходе коммуникации игровой ситуацией, что сравнимо с узкоспециальными контекстами типа «*Пусть x — неизвестная переменная*».

Представляется, что для ребенка побудительные высказывания с *пусть* в качестве базового, частотного и рано усваиваемого значения имеют не императивное как таковое (содержащее каузацию действия третьего лица), а оптативное, направленное на каузацию игровой ситуации в ее целостности. Аргументом может служить относительно позднее появление в детской речи юссивов, обращенных к агентивному исполнителю. Юссив, в таком случае, составляет контраст с побуждениями первого лица — относительно рано усваиваемыми гортативами с частицей *давай*, по своей природе подразумевающими в высшей степени агентивного исполнителя каузируемого действия. Иллюстрацией этого различия может быть, например, соотношение употребления переходных глаголов (связанных с агентивностью исполнителя и контролируемостью ситуации в целом): на примере взрослой речи одного из анализируемых корпусов можно увидеть, что в конструкциях с *пусть* — 33% переходных глаголов, с *давай* — 72%, в то время как в устном подкорпусе НКРЯ по критерию транзитивности в обоих конструкциях глаголы распределены равномерно.

Большое количество побудительных высказываний с *пусть*, каузирующих ситуацию в целом, как и подобных контекстов с частицей *давай* (*Давай у киски скамейка будет*, ср. (3)), — характерная черта детско-родительской коммуникации и не находит соответствия в данных устного подкорпуса НКРЯ.

Интересно особенно частое появление конструкций с глаголом-связкой в реактивных репликах взрослого. Возможно, это связано с тем, что такого типа побудительные высказывания в устах ребенка, каузируя гипотетическую ситуацию, т. е. предлагая собеседнику принять воображаемую, игровую ситуацию как действительную, заведомо требуют подтверждающей реплики, в от-

личие от других типов побудительных конструкций с *пусть*, реакцией на которые может быть действие.

Прочие предикаты НСВ, составляющие большинство среди повелительных высказываний с частицей *пусть*, представляют собой преимущественно глаголы положения в пространстве (*лежать, ложиться, стоять, сидеть*) и перемещения (*идти, приходиться, ехать, бежать*), состояния (*спать*), ряд возвратных глаголов и некоторые другие глаголы, встречающиеся однократно.

Такой состав частотных глаголов иллюстрирует характер ситуации детско-родительской коммуникации, где предполагаемый исполнитель каузируемого действия выражен зачастую слабоили неагентивным участником (предмет, игрушка), а реальным исполнителем действия оказывается адресат повелительного высказывания — ребенок или взрослый, непосредственно участвующие в ситуации общения и действующие «от лица» субъекта, выраженного неагентивным поверхностным подлежащим. В такой ситуации действие, которое может быть естественно выполнено одним из участников диалога от имени каузируемого субъекта — например, игрушки, — скорее всего будет связано с перемещением ее в пространстве или изменением ее положения, и с меньшей вероятностью таким образом будут выполнены действия, подразумевающие воздействие на объект.

Такой характер коммуникативной ситуации, а также относительно большое количество побудительных высказываний с глаголом-связкой становятся причиной второй особенности детско-родительской коммуникации в сфере побуждения третьего лица. Имеется в виду обращающая на себя внимание пропорция переходных глаголов среди форм СВ. Если в НСВ переходные глаголы составляют 6,9% и 19,2% в детской и взрослой речи соответственно, то в СВ их количество — 47,4% и 37,5%, см. (4–5):

(4) *Пусть папа мне подарит этих [//] подарки, ладно?* (Тома, 4;5, ДР)

(5) *Ну, пусть мама тебе даст.* (Ваня, 2;1, ВР)

Таким образом, в корпусе данных детско-родительской коммуникации прослеживается статистически значимая корреляция между совершенным видом глагола и переходностью, ср. наблюдения о связи перфектива и переходности в [Норрег,

Thompson 1980: 217]. При этом в данных НКРЯ связь между видом глагола и его переходностью на материале повелительных высказываний с частицей *пусть* не прослеживается.

Помимо корреляции между видом глагола и его транзитивностью, анализируемый материал показывает наличие связи между транзитивностью глагола и типом исполнителя, участвующего в императивной ситуации. В примерах (4–5) исполнители действия, обозначенного переходным глаголом СВ, представляют собой одушевленного, агентивного участника ситуации — человека. В примерах (1) и (3) с предикатом — формой глагола *быть* поверхностное подлежащее, занимающее позицию исполнителя действия, — неодушевленный предмет. Большое количество побудительных высказываний с частицей *пусть*, подобно примеру (6), вновь включающему переходный глагол СВ, в качестве исполнителя каузируемого действия называют «псевдоисполнителя» — детскую игрушку.

- (6) *Вот петушок пусть соберет кроватку для красного детеныша.* (Ваня, 2;9, ВР)

Ситуация детско-родительского общения, происходящего, как правило, один на один, в отличие от материала устного подкорпуса НКРЯ задает, как кажется, более узкий состав потенциальных участников-исполнителей каузируемого действия. Место «исполнителя» занимает либо одушевленное лицо (мама, брат), выраженное существительным или именем собственным, либо игрушка, в ситуации общения с ребенком принимающая на себя роль одушевленного субъекта (лисичка, баба-яга), однако с рядом ограничений, либо неодушевленная игрушка (машинка, пирамидка) или любой неодушевленный предмет. Всем им могут соответствовать анафорические местоимения.

Таблица 3. Соотношение частоты употребления основных типов исполнителей и псевдоисполнителей в речи детей и взрослых

	Речь детей	Речь взрослых (не реактивные реплики)
Человек	7 (8,6%)	18 (14,2%)
Игрушка	46 (56,8%)	78 (61,4%)
Предмет	28 (34,6%)	31 (24,4%)

Таблица 3 иллюстрирует соотношение частоты появления разных типов участников в детской и взрослой речи. В таблицу не вошли единичные высказывания, обращенные к животным, неодушевленным игрушкам, демонстрирующим черты одушевленности, а также ряд контекстов, специфических для речи детей, в которых происходит смешение двух побудительных конструкций — гортатива с императивной частицей *давай* и побуждения, обращенного к третьему лицу, с частицей *пусть*. В таких высказываниях *пусть* оказывается обращено к участнику-исполнителю первого лица, что в русском языке возможно, но находится на периферии, а в детской речи встречается в ранний период усвоения конструкции с *пусть* (2;7–2;10) и не могло быть усвоено из слышимой ребенком взрослой речи:

(7) *Пусть ему тоже нальем меду.* (Ваня, 2;9, ДР)

Обращает на себя внимание порядок появления разных типов исполнителя в побудительных предложениях третьего лица в речи детей. В то время как первые побуждения с *пусть*, обращенные к предмету или игрушке, появляются в речи некоторых детей уже в возрасте 2;1, а регулярно (хотя и относительно редко) начинают использоваться после 2;6, побуждения, обращенные к человеку, начинают встречаться в доступных для анализа записях после 2;9 и активно используются только одним из детей. В речи взрослых такие побуждения немногочисленны, но распределены равномерно в рамках периода наблюдения.

Типы исполнителей, включаемых в анализируемые повелительные высказывания, могут быть выстроены в соответствии с иерархией агентивности (впервые упоминается в работе [Silverstein 1976], см. также [Hopper, Thompson 1980: 273; Гусев 2005: 171–175]).

Ранжированные в соответствии со степенью агентивности, типы исполнителей обнаруживают связь с транзитивностью соответствующего им предиката. На материале детско-родительской коммуникации можно увидеть, что в высказываниях с одушевленным исполнителем каузируемого действия в качестве предиката будет скорее использован переходный глагол (в 65% случаев). В высказываниях с поверхностным подлежащим — предметом, напротив, переходные глаголы встречаются исключительно ред-

ко (в 7% случаев). Когда поверхностное подлежащее выражено именем игрушки, способной принимать на себя роль одушевленного деятеля, переходные глаголы употреблены в 24% случаев, однако никакой статистически значимой зависимости выявлено не было.

Таким образом, исполнитель «игрушка», с одной стороны, принимает на себя ряд черт агентивного участника ситуации, оказываясь в середине шкалы между ее крайними точками — максимально агентивным деятелем — человеком и неодушевленным предметом, с другой стороны, ассоциируется с рядом ограничений на тип предиката. С таким исполнителем связаны преимущественно глаголы перемещения и положения в пространстве, но не действия, подразумевающие воздействие на объект.

На материале устного подкорпуса НКРЯ прослеживается значимая корреляция между одушевленностью исполнителя действия и транзитивностью глагола, обозначающего каузируемое действие, что согласуется с данными детской речи. В случае, когда переходный глагол сочетается с неодушевленным исполнителем, исполнитель принимает на себя роль активного деятеля:

- (8) *И дальше пусть предприятие выбирает эту коммерческую программу <...>* [Круглый стол «Взаимодействие бизнеса и государства в ходе реализации проекта «Электронная Россия» // Интернет, 2003].

Таким образом, детская речь демонстрирует как черты, свойственные данным обращенной к взрослым устной речи, так и ряд особенностей, обусловленных характером типичной ситуации общения взрослого и ребенка.

4. Выводы

Подводя итог, можно отметить, что ситуация детско-родительской коммуникации, задавая специфический состав потенциальных исполнителей каузируемого действия, оказывает влияние на соотношение некоторых грамматических характеристик побудительных высказываний с частицей *пусть*, а именно на пропорцию в употреблении предикатов СВ и НСВ, переходных и непереходных глаголов и их связь с типом исполнителя, приводя к расхождениям между данными устного подкорпуса НКРЯ и кор-

пусов детской речи. Кроме того, характерной чертой детско-родительской коммуникации является присутствие относительно большого количества побуждений третьего лица с глаголом-связкой или бытийной конструкцией, каузирующих ситуацию в ее целости. Для устной речи взрослых, представленной в НКРЯ, такие контексты оказываются несвойственными. Эта особенность детской речи позволяет предположить, что при усвоении побуждения третьего лица для русских детей центральным оказывается не императивный, а оптативный вариант интерпретации побудительной конструкции с *пусть*.

Литература

- Воейкова, Иванова 2016 — М. Д. Воейкова, К. А. Иванова. Семантические функции и особенности употребления отглагольных частиц *дай/давай* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.) 10, 2016. С. 44–57. [M. D. Voeikova, K. A. Ivanova. Semanticheskie funktsii i osobennosti upotrebleniia otglagol'nykh chastits *dai/davai* [Semantic functions and the use of deverbal particles *daj/davaj* 'let's'] // Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii» (30 maia — 1 iunია 2016 g.) 10, 2016. P. 44–57].
- Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. [N. V. Gagarina. Stanovlenie grammaticheskikh kategorii russkogo glagola v detskoj rechi [The development of grammatical categories of the Russian verb in child language]. SPb.: Nauka, 2008].
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. [V. Iu. Gusev. Tipologiii spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa [Typology of specialized verbal imperative forms]. Diss. ... kand. filol. nauk [Cand. of Philol. Sc. thesis]. Moskva, 2005].
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. [V. Iu. Gusev. Tipologiii imperativa [Typlogy of the imperative]. M.: Iazyki slavianskoj kul'tury, 2013].
- Добрушина 2001 — Н. Р. Добрушина. Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте // Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике.

- тике и ее приложениям. Т. I: Теоретические проблемы. Аксаково, 2001. С. 77–83. [N. R. Dobrushina. Problema kontroliruemosti pobuditel'noi situatsii v tipologicheskom aspekte [The problem of control of imperative situations in typological perspective] // Trudy Mezhdunarodnogo seminaru «Dialog 2001» po komp'iuternoi lingvistike i ee prilozheniiam. T. I: Teoreticheskie problemy. Aksakovo, 2001. P. 77–83].
- Добрушина 2008 — Н. Р. Добрушина. Наклонения и дискурсивный режим текста на примере употреблений частицы *пусть* // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 135–160. [N. R. Dobrushina. Nakloneniia i diskursivnyi rezhim teksta na primere upotrebleniia chastitsy pust' [Moods and discursive mode of text as exemplified by the use of a particle *pust'* 'let?'] // Issledovaniia po teorii grammatiki. Vol. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse [Studies in grammar theory. Vol. 4. Grammatical categories in discourse]. M.: Gnozis, 2008. P. 135–160].
- Иванова 2015а — К. А. Иванова. Высказывания с частицей «давай» в одной детско-родительской диаде: исследование случая // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции — 2015: материалы международной конференции (18–20 мая 2015 г., Санкт-Петербург). СПб.: [Электронная публикация], 2015. С. 82–85. [K. A. Ivanova. Vyskazyvaniia s chastitsej «davaï» v odnoi detsko-roditel'skoi diade: issledovanie sluchaia [Utterances with the particle *davaj* 'let's' in one adult-child dyad: a case study] // Problemy ontolingvistiki: mekhanizmy usvoeniia iazyka i stanovlenie rechevoi kompetentsii — 2015: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (18–20 maia 2015 g., Sankt-Peterburg). [Issues in first language acquisition: mechanisms of language acquisition and the formation of speech competence — 2015: working papers of the international conference (May 18–20, 2015, St. Petersburg)]. SPb.: [Online publication], 2015. P. 82–85].
- Иванова 2015б — К. А. Иванова. Место императива в общении взрослого и ребенка // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana XI, 2, 2015. С. 565–584. [K. A. Ivanova. Mesto imperativa v obshchenii vzroslogo i rebenka [The imperative in adult-child communication] // Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovaniï RAN — Acta Linguistica Petropolitana XI, 2, 2015. P. 565–584].
- Иванова, Воейкова 2014 — К. А. Иванова, М. Д. Воейкова. Императивы несовершенного вида на ранних этапах усвоения детьми русского языка // Scando-Slavica 60, 2, 2014. P. 212–230. [K. A. Ivanova, M. D. Voeikova. Imperativy nesovershennogo vida na rannikh etapakh

- usvoeniia det'mi russkogo iazyka [Imperfective imperatives in the acquisition of Russian by young children] // Scando-Slavica 60, 2, 2014. P. 212–230].
- Казаковская 2011 — В. В. Казаковская. Вопрос и ответ в диалоге «Взрослый — ребенок». М.: URSS, 2011. [V. V. Kazakovskaia. Vopros i otvet v dialoge «Vzroslyi — rebenok» [Question and answer in adult-child dialogue]. М.: URSS, 2011].
- Леушина 1941 — А. М. Леушина. Развитие связной речи у дошкольника // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. XXXV, 1941. С. 27–71. [A. M. Leushina. Razvitie sviaznoi rechi u doshkol'nika [The development of coherent speech in pre-schoolers] // Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena. T. XXXV, 1941. P. 27–71].
- Пупынин 1996 — Ю. А. Пупынин. Усвоение русских глагольных форм ребенком // Вопросы языкознания 3, 1996. С. 84–94. [Yu. A. Pupyin. Usvoenie russkikh glagol'nykh form rebenkom [Acquisition of Russian verb forms by children] // Voprosy iazykoznanii 3, 1996. P. 84–94].
- Томаселло 2011 — М. Томаселло. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. [M. Tomasello. Istoki chelovecheskogo obshcheniia [Origins of human communication]. М.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011].
- Храковский, Володин 2000 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 2000. [V. S. Khrakovskii, A. P. Volodin. Semantika i tipologiia imperativa. Russkii imperativ [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. L.: Nauka, 2000].
- Цейтлин 2001 — С. Н. Цейтлин. Некоторые особенности диалога «взрослый — ребенок»: функции реплик-повторов // Ребенок как партнер в диалоге: Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. СПб., 2001. С. 9–24. [S. N. Tseitlin. Nekotorye osobennosti dialoga «vzroslyi — rebenok»: funktsii replik-povtorov [Some features of adult-child dialogue: fuctions of repetitions] // Rebenok kak partner v dialoge: Trudy postoianno deistvuiushchego seminaru po ontolingvistike. Vol. 2. SPb., 2001. P. 9–24].
- Цейтлин 2004 — С. Н. Цейтлин. Некоторые наблюдения над модальными ситуациями, представленными в высказываниях ребенка раннего возраста // Язык. Система. Личность. Материалы международной конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал гос. ун-та, 2004. С. 16–17. [S. N. Tseitlin. Nekotorye nabludeniia nad modal'nymi situatsiiami, predstavlennymi v vyskazyvaniakh rebenka ranнего vozrasta [Some new observations on modal situations in the speech of a young child] // Iazyk. Sistema. Lichnost'. Materialy mezhdu-narodnoi konferentsii [Language. System. Personality. Working pa-

- pers of the international conference]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural gos. un-ta, 2004. P. 16–17].
- Цейтлин 2008 — С. Н. Цейтлин. Выражение побуждения в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. Глава X. СПб.: Наука, 2008. С. 309–330. [S. N. Tseitlin. Vyrazhenie pobuzhdeniia v detskoj rechi [Expression of the imperative meaning in child language] // Problemy funktsional'noi grammatiki: Kategorizatsiia semantiki. Glava X. [Issues in functional grammar: Categorisation of grammar. Chapter 9]. SPb.: Nauka, 2008. P. 309–330].
- Aikhenvald 2000 — A. Aikhenvald. Imperatives and commands (Oxford studies in typology and linguistic theory). Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Choi 2005 — S. Choi. Acquisition of modality // W. Frawley (Ed.). The expression of modality. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 141–171.
- Dobrushina 2012 — N. Dobrushina. What is the Jussive for? A study of third person commands in six Caucasian languages // Linguistics 50, 1, 2012. P. 1–25.
- Hopper, Thompson 1980 — H. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language 56, 1980. P. 253–299.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. The CHILDES Project: Tools for analyzing talk. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity. Grammatical categories in Australian languages, ed. by R. M. W. Dixon. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. P. 112–171.

**МЕХАНИЗМЫ УСВОЕНИЯ ЯЗЫКА
И ОВЛАДЕНИЕ
РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ**

С. Н. Цейтлин

*ИЛИ РАН — РГПУ им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург*

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ РЕБЕНКА:
НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОСВОЕНИЕМ
ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ¹**

1. Введение

Освоение ребенком родного языка представляет собой сложный процесс, включающий формирование всех компонентов языковой системы: фонологического, лексического, морфологического, синтаксического, дискурсивного, — и фактически предполагает развитие речи ребенка от нуля к обретению языковой способности в том объеме, в котором располагает ею взрослый носитель языка. Этот процесс в самом общем виде можно определить как овладение языковыми единицами и правилами их использования в речи. Он имеет синергетическую природу, совершается каждым индивидуумом самостоятельно и на чрезвычайно низком уровне осознанности, практически бессознательно. Осваиваемые ребенком правила в современной науке именуется процедурными (процедуральными)². Они основаны на языковых закономерностях и представляют собой их практическое использование при порождении речи, определяя выбор языковых единиц в соответствии с их семантическими, структурными, прагматическими и, возможно, какими-то иными функциями, предполагают конструирование единиц в случае необходимости, а также многое другое. Ребенок, постигающий язык как родной, не нуждается в

---

¹ Работа над темой осуществляется при поддержке Российского научного фонда (проект «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка» №14-18-03668, руководитель М. Д. Воейкова).

² О процедурных правилах см. [Мечковская 2016: 239–241; Залевская 1996].

формулировании языковых правил, в подавляющем большинстве случаев он в состоянии добывать их самостоятельно из речевой продукции взрослых (речевого инпута).

Исследование механизмов освоения ребенком языка позволяет подтвердить психологическую реальность традиционно выделяемых лингвистами языковых единиц — таких, как морфема, словоформа, граммема, синтаксема, и языковых моделей словоизменительного, словообразовательного, синтаксического, дискурсивного типа. Эта реальность особенно ярко проявляется в детских речевых инновациях, противоречащих существующей языковой норме, но в то же самое время являющихся реализацией возможностей, заложенных в системе языка. Применительно к основному сюжету, рассматриваемому в данной статье, речь идет прежде всего о синтаксических моделях деривационного типа, представленных в соотношении отрицательных и неотрицательных (утвердительных) предложений. Значительное внимание при этом уделяется синтаксическим инновациям, которые до сих пор не привлекали серьезного внимания исследователей. Под синтаксическими инновациями мы предлагаем понимать синтаксические конструкции, которые отсутствуют в языковой системе на уровне нормы, т. е. являются разновидностью того речевого материала, который принято, вслед за Л. В. Щербой, именовать «отрицательным». Именно детские речевые инновации позволяют выявить стратегии конструирования индивидуальных языковых систем. Некоторые из синтаксических инноваций являются в значительной степени закономерными дериватами имеющихся в языке конструкций, другие представляют модификацию существующих структур в сторону их упрощения, третьи являются самостоятельным изобретением ребенка, неслучайным образом совпадающим с моделями, чуждыми русскому языку, но при этом существующими в других языках, с которыми ребенок не мог иметь контактов.

Осуществляя анализ материала, мы учитываем, что отнюдь не всегда в речевой деятельности языковые единицы проявляют себя как автономные сущности: индивид, в том числе и маленький ребенок, способен оперировать также блоками языковых единиц синтагматического характера, что существенно облегчает как процесс порождения текста, так и процесс его восприятия.

В нашем случае это касается некоторых словосочетаний и даже коротких, часто употребляемых предложений типа «Никого нет», которые хранятся в ментальном лексиконе в целостном виде и используются гештальтно, а не строятся каждый раз заново.

В ходе конструирования индивидуальной языковой системы возникают сложные отношения между разными языковыми модулями, своего рода сплавы. Так, например, субстантивная словоформа (в широком смысле слова, т. е. с включением предлога)³ является принадлежностью лексического, морфологического и синтаксического модуля одновременно. В ходе освоения языка происходит взаимодействие языковых модулей, осуществляется их координация. Применительно к избранному для данного исследования сюжету существенно формирование морфолого-синтаксической и лексико-синтаксической координации. По мере освоения языка ментальная грамматика индивида пополняется новыми синтаксическими моделями, которые проявляют избирательность по отношению к лексике (так, например, ограничен список глаголов, которые могут использоваться в безличной форме), и закрепляются способы их морфологической репрезентации. Это касается, например, актуального для некоторых отрицательных конструкций выбора падежа существительного для обозначения субъекта или объекта или выбора вида глагола в некоторых отрицательных конструкциях.

Характерное явление, сопровождающее освоение языка, — расширение сферы использования той или иной единицы или модели, называемое сверхгенерализацией. Суть сверхгенерализации заключается в распространении действия языковых правил применительно к более широкому кругу явлений, чем следует в соответствии с нормами языка. Если лексико-семантическая сверхгенерализация в онтолингвистическом аспекте изучается активно начиная с работы Е. Кларк [Кларк 1984], а в последнее время ее влияние рассматривается также применительно к освоению морфологии, то лексико-синтаксической сверхгенерализации в этом отношении повезло гораздо меньше. В данной статье делается попытка продемонстрировать действие лексико-синтаксической сверхгенерализации на примере освоения русскоязычным ребенком отрицательных конструкций.

---

³ См. аналогичный подход в [Русакова 2013: 124-145].

Можно полагать, что в некоторых случаях, особенно при нарушении обычного баланса когнитивного, коммуникативного и речевого развития, ребенок может создавать собственные синтаксические модели, не имеющие точных аналогов в языке. В качестве примера таких моделей в данной статье рассматриваются окказиональные отрицательные конструкции, зафиксированные в речи детей. Ребенок пользуется ими на некоторой, иногда достаточно короткой, стадии, в дальнейшем они исчезают под воздействием инпута, блокируются им. Хотя эти модели и являются временными, но в самом факте их существования проявляются некие глубинные языковые закономерности, которые могут оказаться реализованными не в родном, а в каком-то другом языке, как например рамочная конструкция при отрицании.

Чрезвычайно важное обстоятельство, которого нельзя не учитывать в онтолингвистических исследованиях, — это то, что фактически все компоненты формируются параллельно, хотя и с разной скоростью у разных детей⁴. На раннем этапе освоения языка (а именно он рассматривается в нашей работе) остро ощущается дефицит языковых средств: резкая ограниченность словаря, скудость парадигматических и синтагматических моделей часто приводит к так называемому «детскому эллипсису», отсутствию в тексте, порождаемом ребенком, не только ряда коммуникативно значимых синтаксем, но иногда и целых предикативных единиц или их сочетаний.

2. Описание материала

Основным материалом, который подвергался анализу, являются высказывания (в широком смысле слова, т. е. представленные и вокализациями), содержащие отрицание, детей в возрасте до 3 лет, извлеченные методом сплошной выборки из дневниковых записей родителей, а также расшифрованных аудио- и видеофайлов. При этом мы не рассматривали вопросительных и побудительных высказываний — они заслуживают отдельного внимания. Фонд данных детской речи, частью которого являются анализируемые высказывания, существует в течение двух десятилетий при лаборатории детской речи РГПУ им. А. И. Герцена

---

⁴ См. [Елисеева 2014: 285–294]

(Санкт-Петербург). Кроме того, были использованы материалы дневника Жени Гвоздева, который вел его отец, основоположник отечественной онтолингвистики А. Н. Гвоздев [Гвоздев 1981]. Всего обследовано было 10 детей. Они весьма различаются по темпам освоения языка, что объясняется факторами как субъективного, так и объективного характера. Ваня Я. несколько отставал от своих сверстников, в то время как Варя П. значительно их опережала. Все дети воспитывались в интеллигентных семьях, жили в благоприятных условиях. Имя и возраст ребенка на момент произнесения высказывания указываются в скобках.

3. Отрицание как универсальная языковая категория

Выбирая онтогенез отрицания в качестве основного объекта исследования, мы отдаем себе отчет в том, что проблема эта сложна и фактически неисчерпаема, подходы к ней многообразны и могут меняться в зависимости от избранной научной парадигмы, что блестяще демонстрируется в монографии Е. В. Падучевой [Падучева 2013]. В этой книге представлен анализ одного из основных способов выражения отрицания в русском языке — отрицательного предложения, при этом подчеркивается, что многие сюжеты, связанные с отрицанием, еще ждут своего исследователя. Изучение отрицания как «всеобъемлющей и всепроникающей категории» (так характеризует его Е. В. Падучева) фактически предполагает необходимость выхода за пределы языкознания в область философии, логики и даже отчасти психологии. Но и в рамках лингвистики изучение данного явления требует особого, комплексного подхода, ибо оно «связано со всеми аспектами языковой структуры. Оно нетривиальным образом взаимодействует с кванторными словами, модальностью, лексической семантикой и актантной структурой слова, с синтаксисом и морфосинтаксисом предложения, с его тема-рематическим членением» [Падучева 2013: 11].

Отрицание присутствует во всех известных к настоящему времени языках мира [Плунгян 2011]. При этом средства выражения отрицательности весьма разнообразны и тесно связаны с системой имеющихся в языке местоимений (см [Kahrel 1996]). Автор данной монографии, обследовавший 40 языков, весьма различных в типологическом отношении, демонстрирует много-

образе средств выражения отрицательности и вместе с тем внутреннюю логику каждой из систем. При этом оказывается, что наиболее привычные для народов Западной Европы отрицательные конструкции занимают сравнительно скромное место в общей типологии. Наиболее распространенные языковые средства, свойственные редким языкам, кажутся чуждыми носителям языков Западной Европы, являющихся наиболее изученными. Смысл отрицания на уровне интуиции понятен любому человеку, в том числе и ребенку раннего возраста, однако его трудно эксплицировать. А. Вержбицка считает возможным включение отрицания в разряд семантических примитивов, т. е. исходных понятий, толкование которых в принципе невозможно. Е. В. Падучева определяет его следующим образом: «Отрицание — это специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места: *Клюква не растет на дереве*» [Падучева 2013: 16]. Однако, если учесть, что отрицательными могут быть не только утвердительные, но и побудительные, а также вопросительные предложения, это определение явно оказывается недостаточным, на что указывает и сам автор. По отношению к побудительному предложению его следовало бы, очевидно, расширить, добавив к приведенному выше: «...или не должно иметь места с точки зрения говорящего, ср.: *не открывай дверь, не поскользнься*». Что касается вопросительных предложений, содержащих и не содержащих частицу *не*, то в ряде случаев различие между ними может сниматься. Пары «*Идет дождь?*» и «*Не идет дождь?*»; «*Ты знаком с этой девушкой?*» — «*Ты не знаком с этой девушкой?*» фактически равны по смыслу, хотя они различаются на уровне тонких семантических нюансов, связанных с эпистемической модальностью и не только с нею.

Ни в коей мере не претендуя на решение всех вопросов, связанных с онтогенезом отрицательных конструкций, в этой небольшой статье мы лишь хотим поделиться некоторыми наблюдениями над тем, какие из существующих в русском языке отрицательных конструкций доступны детям раннего возраста (до трех лет), а также выявить специфику их использования в детской речи. Отдельный сюжет, заслуживающий особого внимания, — это те способы выражения отрицания, которые ребенок изобретает самостоятельно. В этой области, как в никакой другой, ощущается наблюдаемая у некоторых детей диспропорция

когнитивного, коммуникативного и языкового развития: различие между утвердительной (используем этот термин в весьма условном смысле) и противоположной по отношению к ней, т. е. отрицательной, ситуацией явно ощущается даже полуторагодовалым ребенком, который в большинстве случаев еще не в состоянии построить двусловной фразы на основе словаря из нескольких десятков слов. Тем не менее уже в этом возрасте он сталкивается с необходимостью протестовать против какого-то положения дел, требуя изменить его на противоположное, констатировать исчезновение предмета, находившегося до определенного момента в поле его зрения, выражать свое несогласие со взрослыми и т. д. Коммуникативные потребности в совокупности с его когнитивными возможностями становятся так называемыми «триггерами» его языкового развития, побуждая добывать из речевого инпута необходимые языковые модели, а в ряде случаев — создавая свои собственные. Главное в нашем сюжете — поиски (или изобретение ребенком) маркера отрицательности и способа его встраивания в высказывание.

4. Отрицательные синтаксические конструкции в русском языке

Способы выражения отрицания в русском языке давно и хорошо описаны. Это прежде всего предложения с частицей *не*, которая может стоять перед предикатом, глагольным или именным, в двусоставном, безличном или инфинитивном предложениях. Она может также относиться не только к предикату, но и к любой другой синтаксеме, входящей в состав предложения. В первом случае обычно, но не всегда речь идет о так называемом общем отрицании (*Он не поступил в институт; Ему не хотелось уезжать; Ему не надо было приезжать сюда; Вам не успеть на этот поезд*), в котором отрицается наличие той или иной ситуации в целом или, что фактически то же самое, утверждается наличие противоположной ситуации. Во втором случае речь идет о так называемом частном отрицании, т. е. об отрицании одного из компонентов ситуации, наличии или возможности другой, отличающейся от названной одним из своих компонентов: *Он поступил не в институт* (имеется в виду, что поступил в какое-то другое учебное заведение). Противопоставленная названной си-

туация может быть выражена вербально, например: *Он поступил не в институт, а в медицинское училище*; но может и подразумеваться. При условии контрастного выделения частное отрицание может быть выражено и при стандартном положении частицы *не*, т. е. перед предикатом: *Он не поступил в институт (но в медицинское училище поступил)*.

В отрицательных предложениях большую роль играет частица *ни*, используемая как автономно, так и в качестве элемента отрицательного местоимения: *Он никуда не поступил; Я нигде его не нашел; Я никуда не спешу; Мне не нужны никакие изменения; Никто мне не сможет помочь. Я ни с кем из соседей не знаком*. Данные предложения именуются предложениями с двойным, в другой терминологии — кумулятивным отрицанием. Частица *ни* используется также и в отрицательных предложениях с однородными компонентами: *Он не поступил ни в институт, ни в училище; Я не знаком ни с ним, ни с его братом; Я не мог ни плакать, ни смеяться; Ни мать, ни отец не могли его понять*. Наличие в отрицательных предложениях частицы *ни* и включающих ее отрицательных местоимений, как бы усиливающих отрицание, является специфической особенностью русского языка. Ср. в английском языке *Nobody knows* 'Никто (не) знает'⁵.

Практически все названные выше отрицательные предложения могут быть рассмотрены как своего рода узаконенные синтаксические дериваты предложений, не содержащих отрицания⁶. Ю. П. Князев, сопоставляя утвердительное (условное название) и соотносительное с ним по смыслу отрицательное предложения, полагает, что отрицательное предложение сложнее и в когнитив-

---

⁵ Сложным является вопрос о том, какое слово в подобных предложениях несет на себе основную функцию выражения отрицания. Е. В. Падучева полагает, что отрицательное местоимение. Однако если рассматривать отрицательное предложение как дериват утвердительного: *Он обсудил это предложение с матерью, сестрой и старшим братом — Он не обсудил это ни с матерью, ни с сестрой, ни со старшим братом* (т. е. *ни с кем из членов семьи*), — то становится понятным, как нам представляется, что «ни с кем» есть просто обобщение объектов, что и выражается термином «кумулятивное отрицание». Логичнее, по-видимому, считать, что функцию отрицания выполняет частица *не* при предикате.

⁶ О синтаксической деривации см. [Кацнельсон 1970; Храковский 1969; Дымарский 1991].

ном, и в формальном отношении: «Поскольку всякое отрицание есть утверждение противоположного, отрицание и утверждение — взаимосвязанные понятия. Тем не менее отрицательные предложения характеризуются не только большей формальной сложностью, но и большей психологической сложностью по сравнению с соответствующими утвердительными предложениями. Употребление отрицательных предложений обычно стимулируется либо предшествующим ошибочным утверждением, либо несоответствием ожидаемого действительному» [Князев 2002: 655]. Большая формальная сложность отрицательного деривата может заключаться не только в наличии частицы *не*, но и в изменении структуры предложения: переходя в разряд отрицательных, предложение в ряде случаев становится безличным, а субъект, который в утвердительном предложении был представлен существительным в именительном падеже, получает форму родительного (генитив субъекта). В монографии Е. В. Падучевой приводится список так называемых генитивных глаголов — т. е. тех глагольных и неглагольных предикатов, которые при отрицательной деривации превращаются в безличные глаголы, а прилагательное *нужный, видный, слышный* (*нужна, нужно, нужны* и т. д.) становятся предикативами *не нужно, не видно, не слышно*. Ср.: *Выработана привычка — Не выработано привычки; Обнаружились проблемы — Не обнаружилось проблем; Слышны выстрелы — Не слышно выстрелов; Видны дома — Не видно домов.*

В большинстве случаев отрицательный статус эти предикаты могут приобрести и без изменения структурного ядра предложения, вполне достаточно одной частицы *не*: Ср. *Выработана привычка → Не выработана привычка; Слышны выстрелы → Не слышны выстрелы* и т. д. *Нужны деньги → Не нужны деньги* и т. д. Оба отрицательных трансформации являются синтаксически синонимами, хотя в ряде случаев с серьезными семантическими и прагматическими различиями⁷.

Среди безличных отрицательных предложений особое место занимают предложения с предикативом *нет*, в плане темпоральной парадигмы соотносящиеся с глаголом *быть* в прошедшем и будущем времени: *У нее нет (не было, не будет) детей; У меня нет (не было, не будет) времени; В городе нет (не было,*

---

⁷ См. [Падучева 2013].

не будет) музыкальной школы; *Сегодня нет* (не было, не будет) дождя. Структурно они представляют собой дериваты двусоставных предложений с глаголом *есть*, который в настоящем времени может быть представлен и нулевой формой: *У нее дети* — *У нее есть дети*; *В городе есть музыкальная школа* (в другом контексте: *В городе два института, медицинское училище, музыкальная школа*). По-видимому, *нет* — это единственный предикат, для которого отрицательная трансформация в безличную структуру обязательна⁸. Именно эта структура оказывается достаточно сложной для освоения ее ребенком, о чем мы подробнее скажем дальше.

Слово *нет*, являющееся неким ядерным оператором отрицательности, заслуживает особого внимания. Оно обладает в русском языке многообразными функциями, различными по своему синтаксическому статусу, но неизменно воплощающими в себе идею отрицания. Во-первых, это частотный предикатив, являющийся структурной основой предложения, обозначающий разнообразные ситуации несуществования — в локативном, посессивном или каком-то ином смысле. Это лексема, фактически обладающая полной темпоральной парадигмой (см. выше). Ее специфическая особенность — изменение предикативной основы при отрицательных трансформациях, сопровождающееся изменением падежной формы субъекта. Это, по-видимому, единственный из предикативов, который не имеет коррелята в виде отрицательно-двусоставного предложения. Именно по этой причине детские ошибки как результат сверхгенерализации особенно распространены в данной области. Ребенок часто создает отрицательный трансформ, используя существительное не в родительном, а в именительном падеже. Сам факт противоречащего языковой норме использования именительного падежа в разнообразных синтаксических функциях хорошо известен исследователям детской речи. В этом случае обычно говорят о «замороженном» именительном, однако мы наблюдаем многочисленные случаи подобных нарушений и на стадии, когда парадигматика существительного уже освоена ребенком и морфологическая форма для обозначения участников ситуации избирается верно.

---

⁸ Поэтому несколько необычной кажется строчка в стихотворении В. Капустиной «Не осталось закоулка, где б ветер не был».

Кроме того, слово *нет* также способно выступать в качестве релятива в диалоге при ответах, требующих подтверждения или опровержения информации, содержащейся в вопросительной реплике: *Он поступил в институт? — Нет*. Ребенок не сразу приходит к возможности использования *нет* (так же, как и *да*) в такой функции. До определенного момента он сочетает *нет* и *да* с повторением части вопросительной реплики.

Нет, кроме того, способно выступать в качестве отрицательного эквивалента ситуации в условиях противопоставления: *Он поступил в институт, а его брат нет; Ему можно опаздывать на лекции, а тебе нет*. В приведенных выше примерах *нет* выступает фактически как дублер всего предложения, меняется только синтаксема, обозначающая субъект. Поскольку в данном случае речь идет о частном отрицании, возможно отрицание любого компонента высказывания: *На той крыше много снега, а на этой — нет; Ему можно это простить, а тебе нет; Этой ложкой можно есть суп, а той нет*. Поскольку способность к экономии языковых усилий мало развита у детей дошкольного возраста, такие структуры в их речи в раннем возрасте встречаются не очень часто. Так, Женя Г. (2;10)⁹ заявляет отцу: *С тобой люблю гулять, а с мамой нет*. В том же возрасте появились подобные фразы и у Ани С., а у Вари П. несколько раньше. Можно утверждать, что продвижение ребенка в языке проявляется не только в увеличении объема предложения, но и в использовании правил текстового эллипсиса.

Кроме рассмотренных выше структур, которые в «Русской грамматике» [Русская грамматика 2005, т. 2: 406–408] именуется предложениями с факультативным отрицанием (что надо понимать как возможность парных коррелятов с частицей *не* и без нее), в русском языке есть предложения, которые в том же исследовании отнесены к разряду собственно отрицательных. Имеется в виду, что эти предложения лишены утвердительных коррелятов такой же синтаксической структуры. Они подразделяются на ряд подтипов.

Инфинитивные предложения с отрицанием. Структурной основой таких предложений является инфинитив с отрицатель-

---

⁹ Первая цифра обозначает число лет, вторая — число месяцев, третья — число дней (если известно).

ной частицей перед ним: *Не поступить ему в этот институт; Тебя никогда дома не застать; Мне тебя никак не понять* и пр. Предложения такого типа, в значительно урезанном виде, а часто — в сопровождении отрицательного местоимения *никак*, возможны в ранней детской речи, особенно в тех случаях, когда речь идет о неудавшихся действиях самого ребенка. Достаточно часто высказывание состоит из одного *никак* и является призывом о помощи, обращенным к взрослому. Ситуация не нуждается в вербализации в силу своей очевидности. Так, Дима С. (2;8) не может снять с себя рубашку потому что не научился расстегивать пуговицы, и вызывает о помощи: *Мне никак. Здесь застёгнуто*.

У четырех-пятилетних детей инфинитивные предложения указанного выше типа встречаются гораздо чаще, причем иногда и в «перевернутом» варианте, т. е. на базе отрицательного предложения создается утвердительное путем отбрасывания частицы *не*. Нам пришлось наблюдать следующую ситуацию. Дети четырехлетнего возраста пытаются пролезть через дыру в заборе. Один кричит другому: *Нам тут не пролезть!* Второй отвечает: *А мне пролезть!* Последняя фраза кажется совершенно естественной, но только в этом диалогическом контексте.

Очень близки к инфинитивным отрицательные предложения с формой 2 лица единственного числа глагола, имеющие обобщенно-личное значение: *Тебя не застанешь дома; Плетью обуха не перешибешь!*

Они не очень характерны для речи маленьких детей, поскольку дети этого возраста не склонны к обобщениям такого рода. Однако у некоторых детей их можно изредка встретить: Женя Г. не хочет, чтобы мама надевала на него фартук перед едой: *Не надо, кашей не обольешься!* (2.07). Встретился нам и трансформ пословицы, приведенной выше: *Очень даже перешибешь!* Эта фраза принадлежала семилетней девочке.

Синтаксические дериваты, подобные приведенным выше, напоминают лексемы, возникшие в результате обратного словообразования: *Говорят, ты неважно сегодня отвечала на уроке? — Нет, очень даже важно!; Какие обезьяны уключие!; Мне нельзя, а тебе лязя?*¹⁰

---

¹⁰ См. подробнее в [Цейтлин 2009: 414–420]

В качестве собственно отрицательных в АГ рассматриваются предложения с отрицательными предикативами типа *негде, не с кем, не к кому* и т. п. *Школу в поселке закрыли, негде ему теперь учиться; Все разъехались, не с кем поговорить; Мне некуда теперь идти.* В силу своей когнитивной и структурной сложности они сравнительно редки в речевой продукции детей рассматриваемого нами возраста. Однако некоторые примеры мы можем привести. Так, в речи Жени Г. зафиксировано три таких случая. *Мне некогда, сейчас запрягу лошадку,* — заявляет он во время игры (2;8.5). В другой ситуации он просит отца: *Папа, расколь эти зернушки, а то их нечем грызть* (2; 9.1). В третьем случае описывается довольно сложная ситуация. Он собирается делать тесто для плюшек, но это будет трудно, потому что *«стол доской будет занят и не на чем будет чай пить»* (2;10.5). Если относительно предложения *мне некогда* можно предположить, что оно воспроизводится вследствие его частотности гештальтно, то вторая и особенно третья конструкции скорее всего представляют продукт самостоятельно творчества ребенка, освоившего необходимые процедурные правила.

Встречаются любопытные случаи, демонстрирующие способность ребенка создавать новые лексемы с отрицательным значением, образующие предикативные центры высказываний подобного типа. В книге [Воейкова 2015: 103] приводится удивительная фраза Насти П. двух с половиной лет, которая, показывая на шнурки своих ботинок, произносит: *Мне неКак завязать.* Ребенок не только сконструировал отрицательный предикатив, который встраивается в существующий в языке ряд ему подобных *некуда, негде, неоткуда* и т. п., но и следует правилу, требующему отсутствия частицы *не* перед глаголом.

К разряду собственно отрицательных относятся и предложения с безличными глаголами в позиции предиката: *Не сидится, не лежится, не гуляется ему.* У некоб⁴⁷торых из них существует утвердительный коррелят, но только в сочетании с оценочными наречиями *хорошо* и *плохо* и некоторыми другими: *Под шум дождя хорошо спится.* В речи детей запреты на возможность образования безличных возвратных глаголов могут сниматься, что позволяет образовывать отрицательные предложения. Приведем два примера из речи Вари П.: *Играет с коробкой. Это*

коляска Варина будет, покатай Варю. Всё, покатали. Вот, увезла собой маму. Я хочу слезать. «Ну, слезай» (Слова мамы). *Ой, не слезается Варе, пусть Варя сидит (1;10). Интересно, что немного погодя она произносит *залезается*, когда пытается взобраться на скамейку. Не исключено, что утвердительная конструкция в подобного рода случаях оказывается синтаксическим дериватом от более актуальной и частотной отрицательной. В другой раз Варя пытается рисовать карандашом на салфетке и, обнаружив, что не получается, констатирует: *Здесь не рисуется* (2;4).

Близки по семантике к безлично-отрицательным структурам пассивно-отрицательные, очень распространенные в ранней детской речи. *Не тащится*, — произносит Женя Г. (2;3), когда пытается вытащить ящик комода. Как та, так и другая структура служит обозначением неудачных попыток совершения действия, при этом в подавляющем большинстве случаев — самим ребенком. В первом случае возвратную форму приобретает непереходный глагол, во втором — переходный.

5. Отрицание на стадии голофраз и первых двусловных высказываний

Освоение ребенком отрицательных конструкций недаром привлекает внимание ученых (см. [Мурашова, Семушина 2007]). Уникальность этого сюжета для онтолингвистики заключается прежде всего в том, что истоки данного процесса относятся к сфере ранней коммуникации и уходят своими корнями в младенческий возраст, проявляясь даже в довербальном периоде развития ребенка, т. е. уже на первом году его жизни. Практически все дети проходят этап, который можно условно назвать этапом глобального отрицания: они могут использовать одно и то же средство — жест, вокализацию — или их небольшой набор для выражения весьма разнообразных смыслов, так или иначе связанных с отрицанием. Уже на первом году жизни ребенок стремится выразить свой протест плачем и жестами (например, мотает отрицательно головой, когда не хочет есть, хнычет, когда его лишают игрушки и пр.). В возрасте (1;1) Аня С., как следует из материнского дневника, «при невыполнении ее желания очень сильно плачет или даже бросается на пол» [От нуля до двух 1997: 17]. В том же возрасте девочка способна выразить достаточно сложный

смысл «я сделала нечто, чего делать было нельзя, и заслуживаю поэтому наказания». Нарушив какой-либо запрет, например, разбросав игрушки или книжки, она «хлопает себя по попе». Подобных примеров можно привести очень много.

В это время появляются некоторые вокализации, которые постепенно приобретают постоянное значение и могут быть поэтому рассмотрены как полноценные коммуникативные знаки (см. [Исенина 1986]). Среди них важное место занимают вокализации, связанные с отрицанием. Эти вокализации не совпадают у разных детей (см. [Мурашова, Семушина 2007]), но главным образом представляют собой звуки типа *э-а*, *а-а*, *у-у* с отчетливым выделением первого звука. Они отдаленно напоминают характерное для разговорной речи взрослых слово *неа*, встречающееся в диалоге и являющееся эквивалентом лексемы *нет* в одной из ее функций. Приведем пример из родительского дневника Андрея А., относящегося к возрасту (1;0.21): «Примеряли Андрею новую курточку, оказалась немного тесной, сковывала движения. Андрей выразил свое неудовольствие: *а-а* [От нуля до двух 1997: 15].

Постепенное развитие способов выражения отрицания удобно проследить по материалам речи Вани Я., речевое поведение которого в диалогах со взрослыми (преимущественно с бабушкой) фиксировалось с помощью аудио- и видеозаписей с 8 месяцев до четырех лет¹¹. В течение нескольких месяцев ребенок в диалоге с взрослыми выражал с помощью вокализаций *э-а*, *а-а*, *у-у* и некоторых других¹² некий общий, сначала недифференцированный (синкретичный) смысл, который можно назвать отрицанием. Уже на данном этапе можно отметить чрезвычайную многоаспектность отрицания. С одной стороны, это могло быть нежелание продолжать игру, несогласие с каким-либо действием партнера, отказ от предлагаемой еды, протест против прекращения какого-то приятного для ребенка занятия, запрет касаться его

---

¹¹ Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую признательность Е. К. Лимбах за записи речи ее внука Вани Я., значимость которых для онтолингвистики трудно переоценить.

¹² Эти звуки трудно передать в виде стандартной транскрипции, ибо они мало соответствуют фонетической системе языка. Некоторые исследователи предпочитают их именовать гласноподобными и согласноподобными.

игрушек или чего-то другого, возражения самого разного рода. С другой стороны, ребенок стремился выразить несогласие с взрослым, опровержение реплики взрослого как не соответствующей действительности. Присутствовала и третья разновидность отрицания — констатация отсутствия или исчезновения кого-то или чего-то. Короче говоря, можно отметить большое разнообразие коммуникативных смыслов, объединенных общей идеей отрицания. Партнеру по коммуникации (маме или чаще всего — бабушке) приходилось перебирать варианты интерпретации, выдвигая самые разные версии и добиваясь реакции на них ребенка, пока совместными усилиями не добивались до истинного смысла. Знаменательно, что в расшифрованных записях часто встречаются комментарии бабушки такого рода: «У Вани — э-а, у-у, э-э, а-а (произносит с отрицательной интонацией) обозначает отрицание, отсутствие чего-либо, несогласие с чем-либо, или заменяет такие выражения как *не знаю, не помню, не буду, не надо* и т. п.» Речевое общение в данный период ситуативно, т. е. говорится о том, что находится в фокусе внимания ребенка и взрослого, имеет место в момент разговора, наблюдаемо и поэтому понятно. Это обстоятельство существенно облегчает интерпретацию детского высказывания, которое, разумеется, может называться высказыванием в весьма условном смысле. Пониманию смысла этих вокализаций немало способствует и интонация, которой они окрашены. Это начальное, выраженное вокализацией и в ряде случаев сопровождающееся жестами, отрицание относится к разряду так называемых синкретов (термин Л. С. Выготского, поддержанный С. Д. Кацнельсоном). Передаваемые смыслы практически не дифференцированы отчетливо в сознании ребенка. Можно, очевидно, говорить о некоем универсальном глобальном отрицании прототипического характера.

В дальнейшем взаимопонимание в диалоге взрослого и ребенка совершенствуется, дифференцируются разнообразные типы отрицательных ситуаций, появляются попытки вербализации участников отображаемой ситуации сначала — с помощью слов из «языка нянь» или самостоятельно изобретенных ребенком. Появляется двухкомпонентная конструкция (двусловное высказывание). Д. Слобин полагает, что именно с данного момента и начинается подлинное освоение грамматики. Типология начальных

двусловных высказываний ребенка во многом совпадает в разных языках [Слобин 1976], но даже при наличии каких бы то ни было различий в классификации среди основных групп исследователи неизменно указывают высказывания отрицательного типа. Л. Блум [Bloom 1991] предложила классификацию отрицаний, характерных для данного возраста, включающую три основных типа: несуществование (*nonexistence*), отказ (*rejection*), опровержение (*denial*).

Русскоязычные дети в качестве оператора отрицания используют элементы из «языка нянь» — *тю-тю*, *ку-ку*. Вот примеры из речи Жени Г.: *гос'ка т'ут'у* (*гусь тю-тю*, завертывая в носовой платок) (1;9); *ас'ки т'ут'у* (*очки тю-тю*) (1;9). Эти два слова выступают в роли неких опор, стержней (*pivots*), которые позволяют ребенку создавать серии однотипных высказываний, заменяя только один из компонентов¹³. Однако таким образом может быть передана только одна из отрицательных ситуаций — исчезновение кого-то или чего-то. При этом ситуаций отрицательного типа великое множество. Так, в исследовании S. Choi, выполненном на материале трех языков (английского, французского, корейского)¹⁴, в речи детей до трех лет насчитывается девять типов отрицательных конструкций, которые, по мнению автора, являются универсальными и, судя по всему, представлены и в русском языке. В упомянутой выше статье О. В. Мурашовой и В. А. Семушиной перечень отрицательных конструкций также достаточно широк [Мурашова, Семушина 2007]. Кроме указанных в работах Л. Блум трех семантических разновидностей, они выделяют еще запрет, а также неумение совершить действие, часто сопровождающееся просьбой о помощи.

---

¹³ Теория *pivot-grammars* была в свое время предложена М. Брейном. Она заключается в том, что начальные двусловные высказывания ребенка строятся следующим образом: один из компонентов, принадлежащих к ограниченному классу слов (*pivots*), является неким общим стержнем, к которому могут присоединяться любые слова из широкого класса осваиваемых слов. Это явление можно рассматривать как некую временную стратегию освоения синтаксиса, которая становится ненужной после овладения способами морфологического маркирования осваиваемых лексем.

¹⁴ Приводится по [Tomasello 2003: 228–229].

Уже на втором–третьем году жизни дети ощущают наличие базовой оппозиции неотрицательного (утвердительного) и отрицательного и начинают искать способы «перевернуть» предложение, изменить смысл высказывания на противоположный. Несмотря на то что способ превращения утвердительного предложения в отрицательное достаточно прост в русском языке и заключается прежде всего в использовании частицы *не* перед предикатом или другим компонентом предложения, дети приходят к нему отнюдь не сразу. При этом важно отметить, что различия в способах освоения отрицательных конструкций у разных детей весьма значительны и определяются разными причинами: психофизиологическими особенностями детей, характером инпута, речевой тактикой родителей, а более всего — личной стратегией формирования индивидуальной языковой системы, и прежде всего — соотношением степени освоенности каждого из языковых модулей на каждом возрастном этапе (см. [Елисеева 2014: 285–294]).

Что касается, например, Вани Я., о котором речь шла выше, то переход от однословного высказывания (голофразы) к двукомпонентному предложению в его речи сопровождался расширением функций уже имеющегося в его репертуаре отрицательного модификатора (оператора) *э-а* и ему подобных. Отрицаемая ситуация представлена одним словом, а отрицательный оператор — все тот же, что использовался на стадии голофраз: *Ав э-а (собаки нет)* (1.01); *Пать у-у (спать не буду)* (1.01).

В сущности, это некоторый прообраз рамочной конструкции минимального объема, в которой в качестве основного элемента (пропозиции) выступает лексема из «открытого» (по терминологии М. Брейна) списка, а отрицательный оператор, помещаемый за скобками, выступает в качестве стержня, оси, *pivot'a*. По своим функциям в диалоге со взрослым этот оператор по мере взросления ребенка все более напоминает слово *нет* — как в виде ответной реплики-релятива, выражающей несогласие с репликой партнера, так и в функции замещения целой пропозиции в условиях ее противопоставления той, которая содержалась в реплике взрослого.

В нашем материале представлены и другие примеры двусловных отрицательных высказываний детей: *Нет бота!* — так протестовал Антон Г., когда видел, что мама собирается на работу. В аналогичной ситуации девочка двухлетнего возраста произно-

сила: *Нет данья* (нет — «до свиданья»), — таким образом она возражала против того, чтобы ее мама куда-то уходила. *Алë неа!* — таким образом еще один мальчик добивался того, чтобы мама бросила говорить по телефону и обратила внимание на него. Фактически во всех представленных выше случаях можно говорить о своего рода свернутых пропозициях, представленных одним компонентом, который в союзе с оператором отрицания выражает достаточно сложный смысл. Оператор отрицания при этом как бы вынесен за скобки, а центральный компонент обозначает целую ситуацию, которая отвергается говорящим. Намечается определенная тенденция помещать оператор *нет* в начале, а оператор *неа* в конце двукомпонентного предложения, однако это наблюдается не у всех детей. Так, например, Варя П. *неа* не использует вообще. Очевидно, это объясняется характером получаемого речевого инпута.

Боря М. испытывал некоторые артикуляторные сложности, которые сказывались и на освоении грамматических конструкций. Поэтому его двукомпонентные высказывания, в том числе и содержащие отрицание, отличались некоторым своеобразием. Приведем отрывок из дневника его мамы, соответствующий возрасту двух с половиной лет: «Боря интересно выражает свое нежелание или несогласие, он не произносит *нет*, *не*, а только мотает головой в разные стороны или произносит только звук *н* вместо *не* или *нет*. Например, он говорит: *н' дам* 'не дам'; *н' буду* 'не буду'; *пать н'* 'спать не хочу'; *суп н'* 'суп есть не буду'» [От двух до трех 1998].

В дальнейшем высказывания с *неа* или *нет* могут значительно расширяться в объеме, обнаруживая существование особой синтаксической структуры — рамочной отрицательной конструкции, являющейся временным элементом индивидуальной языковой системы некоторых детей.

6. Синтаксические инновации ребенка

Синтаксические инновации, заключающиеся в отклонении от нормы, в сфере отрицания весьма разнообразны. Самым любопытным явлением детской речи можно назвать использование так называемой рамочной конструкции, о которой мы упоминали выше. Она состоит в том, что основное содержание высказывания

как бы заключается в скобки, за пределами которых помещается отрицательный оператор, меняющий содержание на противоположное. Интересно, что такая модель предложения полностью соответствует его логической структуре, см., например, в монографии Е. В. Падучевой формулы отрицательных предложений. Например, *Они не ссорятся из-за пустяков* = НЕ (Они ссорятся из-за пустяков) [Падучева 2013: 18]. В данном случае ребенок создает свою собственную языковую модель, не имеющую аналога в его родном языке, причем модель вполне отвечающую самой идее отрицания¹⁵. Хотя истоки данной речевой тактики можно обнаружить еще на стадии двусловных высказываний, особенно ярко она проявляется на том этапе, когда ребенок уже в состоянии строить многокомпонентные высказывания. Так, например, Варя П. в возрасте (1;8) отрицательное *нет* ставила на последнее место — после словоформы *хочет*. Таким образом она сообщала о своем нежелании делать что-то или участвовать в какой-либо деятельности: *Аинька хотит нет!*, т. е. Варенька не хочет. В это время, как и подавляющее большинство детей ее возраста, она говорила о себе в третьем лице.

Некоторые из детей данный способ трансформации утвердительного предложения в отрицательное (можно, очевидно, назвать его аналитическим) могут использовать в течение длительного периода. Приведем примеры из речи Миши Т., который строил на третьем году жизни достаточно развернутые предложения, причем многие из них заканчивались отрицательным *неа*, меняющим смысл высказывания на противоположный. Морфологический модуль формировался у ребенка медленнее, чем синтаксический, многие лексемы на данном этапе его развития еще не получили надлежащей формальной обработки, что не мешало ему строить довольно объемные предложения и даже целые нарративы, которые неизменно содержали *неа* в качестве заключительного элемента. Вот, например, рассказ о телефоне, который

---

¹⁵ Любопытно, что в ряде языков, например, в немецком, такая модель существует. В данном случае явления детской речи указывают на некие глубинные потенции языка, которые могут быть не реализованы в родном языке ребенка, но реализованы в каком-то другом языке. С подобными явлениями нам уже приходилось сталкиваться применительно к словообразованию. См. подробнее [Цейтлин 2009: 414–419].

упал и плачет, потому что получил трещину, но потом был заклеен: *Аё апам... аё пачет. Аё теи, аё кеи... аё пакать неа... аё исё апам неа!* (2;6). В другой раз упал сам Миша (Минька), потому что его толкнула в магазине какая-то женщина. Конец тоже благополучный: *Тётя Миньку, ух! Минька апам... Миньку тётя... да... Минька босе апам неа* (2;7). В другой раз он задумал чинить лампу и, видимо, ее раскрутил. Его ударило током, и он обязуется больше лампу не трогать. Выражено это так: *Минька вампу чинить... Миньке юку ток! Буду босе неа!* С какой-то задачей он не смог справиться и просит о помощи так: *Минька фам* (т. е. сам) *неа!* О болезни мамы он рассказывает следующим образом: *Мама ноть бип, ёт бип неа, ноть токо*, — у мамы болит нос, а вот рот не болит, болит только нос. Он твердо уверен в том, что он не плохой (не «бьяк»): *Минька — бьяк неа!* В одном из рассказов речь идет о том, как он (Миша) не хотел сидеть дома и отправился гулять в парк, на горку. Детей там не оказалось, потому что они уже спали, ему пришлось гулять в одиночестве: *Мися дома неа, Мися бьяь. Бьяь пайк... Гонка... Дети неа... Дети бай-бай. Минька бьяь один*. Все эти высказывания достаточно разнородны: в одних выражается общее, в других — частное отрицание, сопровождается противопоставлением — см. текст о том, что у мамы болит только нос, а рот не болит. Отрицаются не только действия, но и признаки субъекта (*не бьяк*), в последнем рассказе отрицается присутствие детей в парке. Однако в семантическом отношении эти тексты близки — идея отрицания присутствует в каждом из них и высвечивается очень ярко. В одном из предложений, зарегистрированном в тот же период, уже намечается выход за пределы рамочной конструкции. Мальчик рассказывает о том, как двое детей гоняли лопатой мяч во дворе, но его в игру не захотели взять: *Мася и Сёзя мяь лапай... синей.. Минька лапану дате! Не... лапану не...* В данном случае он уже пытается воспользоваться нормативным способом выражения отрицания, но дефицит глагольной лексики в сочетании с не сформировавшимися еще навыками морфологического оформления лексем не позволяют ему сделать этого.

Период рамочных отрицательных конструкций регистрируется в речи далеко не всех детей. Намечается некоторая закономерность, которую предполагается проверить в дальнейшем: ра-

мочные конструкции характерны, видимо, для детей, ощущающих глагольный дефицит и не освоивших в срок морфологической парадигматики. Правда, бывают и исключения: Вадик А. (2;10) рассказывает: *Мама моет посуду. Папа моет посуду неа!* Не исключено при этом, что «моет посуду» как частотное словосочетание могло быть освоено гештальтно¹⁶.

Достаточно сложной для ребенка операцией является трансформирование утвердительного предложения в отрицательное путем изменения структурной основы предложения — превращения его в процессе негативизации из двусоставного глагольного в безличное. Это косвенным образом свидетельствует о том, что структурная основа является важнейшим качеством предложения, отчетливо представленным в ментальной грамматике ребенка. Язык осваивается системно, различные элементы и модели его взаимосвязаны, отношения противоположности являются при этом очень яркими и когнитивно доступными; система требует, чтобы утвердительные и отрицательные предложения различались прежде всего маркерами отрицательности, но не структурными основами этих предложений. В большинстве случаев так и бывает, но отнюдь не всегда. «Детские» модели, противоречащие норме, оказываются тем не менее более логичными с позиции языковой системы.

Можно привести большое количество примеров из речи самых разных детей, которые говорят о том, что дети, создавая отрицательный трансформ, стремятся использовать структурную основу утвердительного. Необходимая при создании отрицательного деривата замена именительного падежа субъекта на родительный не происходит иногда даже в речи тех детей, которые уже к этому моменту хорошо владеют парадигматикой существительного. Приведем некоторые примеры использования именительного в предложениях с предикативом *нет* в речи Вари П. Эти фразы относятся к периоду, когда она уже уверенно использовала словоформы всех косвенных падежей в соответствии с их семантическими функциями (с 1;7 до 1;11). Она начала использовать предикатив *нет*, как следует из материнского дневника, очень рано, гораздо раньше других детей. Приведем эпизод, зарегистри-

---

¹⁶ Из беседы с родителями впоследствии выяснилось, что этому сочетанию (моет посуду) ребенка специально учили.

рованный матерью: «Первое употребление слова *нет* — в 15 месяцев: Варя показывает на листья комнатного растения в незнакомом ей помещении: *титотики* (цветочки), *итики* (листки), *абыка* (яблоко). Мать: *Где же здесь яблоко?* Варя: *нет*. В середине 16 месяца — «*нет папа*». Вот некоторые ее высказывания отрицательной семантики, которые можно рассматривать как результат сверхгенерализации модели, лежащей в основе утвердительных предложений: *Нет копатёк* (о колпачке от фломастера); *Кути нет* (о ключах); *Хотик нет* (о хвостике свиньи, который сама оторвала); *Де ботиньки? Ботиньки нету!*; *А где нетух? Нет сапоги у нетуха; Там нету градусник*.

Подобные трансформации зафиксированы в речи Вари П. и в более позднем возрасте. Так, она заявляет матери в игре: *Знаешь что, Катя? Я тебя съем. Целый год ты не будешь! Умрешь ко мне в рот!*

Стремление к сохранению неизменности структурной основы при трансформациях имеет место и в высказываниях о природных явлениях. Так, Аня С. (2;7) смотрит в окно и констатирует: *Сегодня не ветер*, — т. е. «сегодня ветра нет». Нарушая языковую норму, ребенок образует структуру предложения вполне логичным способом.

Отчасти указанные выше сюжеты можно объяснить и тем обстоятельством, что семантические функции падежа осваиваются гораздо раньше структурных.

7. Несколько слов о конструкциях с предикативом *не надо*

Поскольку не представляется возможным рассмотреть в небольшой статье онтолингвистическую судьбу всех отрицательных конструкций, остановимся лишь на одной из них — конструкции с предикативом *не надо*. На втором году жизни в лексиконе большинства детей появляется *не надо*, сначала, вследствие характерной для данного периода слоговой элизии, с пропуском первого слога, представленного частицей *не*. При этом сама ситуация и характер интонационной окраски не оставляют сомнений в том, что речь идет именно о протесте, отрицании. А. Н. Гвоздев пишет в своем дневнике, что нормативно произнесенное *не надо* появилось у его сына в возрасте 2 лет 25 дней, но при этом отмечает: «До сих пор говорил без отрицания, но с интонацией недо-

вольствия, которая не оставляла сомнения в том, что это отрицание. Были при этом и соответствующие жесты» [Гвоздев 1981: 26]. Подобные ситуации отмечены и в других дневниках, например, у Ани С. Запись, сделанная матерью, когда ребенку было (2;1.8): «В активном словаре часто встречается слово *не надо*. Например, спрашиваю у Ани: “Аня, хочешь юбочку надеть?” Аня отвечает: *Инада!* (не надо)». Запись спустя месяц (2;2.13): «Папа несколько раз переключал телевизор с программы на программу, Аня возмутилась: *«Инада кутять!* (не надо переключать)».

Положительный коррелят, т. е. предикатив *надо*, появляется в речи гораздо позднее и используется реже. Он служит для выражения долженствования, намерения совершить действие, чаще всего — самим ребенком. Есть основания полагать, что сначала *надо* и *не надо* в сознании детей представлены двумя разными лексемами, практически не противопоставленными одна другой. Требуется отдельного исследования вопрос о том, на каком этапе речевого и (мета)языкового развития эта связь обнаруживается и обнаруживается ли она вообще.

По мере расширения высказывания к той и другой лексеме все чаще присоединяется инфинитив, обозначающий желаемое или отвергаемое действие. При этом в отрицательных высказываниях во многих случаях регистрируется характерная ошибка — использование глагола совершенного вида вместо диктуемого языковой нормой несовершенного. Известно, что русскоязычные дети чрезвычайно рано (уже в возрасте 2 лет) перестают ошибаться в выборе вида глагола при продуцировании речи, что было отмечено еще Д. Слобином [Slobin 1986], однако данный случай представляет своеобразное исключение — возможно, потому, что глагол несовершенного вида здесь используется в трудной для освоения обобщенно-фактической функции [Цейтлин 2009: 213–214]. В диалоге это к тому же часто совмещается с эффектом прайминга, т. е. давлением контекстного образца: *Дать тебе молока? — Не надо дать, не хочу!* (Миша М. 2;3); *Не надо градусник поставить: мама заругается!* (Женя Г. 2;7); *Тоту* (имя куклы) *туда не надо положить* (Варя П, 1;7). В речи детей 4–5 лет подобные ошибки уже почти не встречаются: нужное процедурное правило, определяющее выбор вида глагола, подобно всем другим процедурным правилам, которые ребенок осваивает

спонтанно в процессе речевой деятельности, уже становится достоянием его индивидуальной грамматики.

8. Вместо заключения

Исследование механизмов освоения детьми способов выражения отрицания свидетельствует о том, что синтаксические модели имеют психологическую реальность, являясь важнейшей частью постоянно развивающейся индивидуальной детской грамматики. Наши наблюдения над становлением и развитием в речи ребенка отрицательных конструкций подтверждают разделяемый многими современными учеными тезис о том, что овладение языком может трактоваться как смена ряда временных языковых систем, от которых ребенок впоследствии отказывается или видоизменяет их под воздействием речевого инпута. Один из интереснейших языковых фактов, которые мы пытались продемонстрировать на материале отрицательных высказываний — наличие в ряду временных систем конструкций, отсутствующих в общем употреблении, таких, как не свойственная русской грамматике рамочная отрицательная модель. Подобные явления заставляют задуматься о справедливости ряда положений универсальной грамматики, возможности которой, не реализованные на уровне нормы в каком-то конкретном языке, могут обнаружиться на ранних этапах языкового развития ребенка, осваивающего данный язык в качестве родного.

Литература

- Воейкова 2015 — М. Д. Воейкова. Становление имени. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Языки славянских культур, 2015. [M. D. Voeikova. Stanovlenie imeni. Rannie etapy usvoeniia det'mi imennoi morfologii russkogo iazyka [The making of the noun. Early stages in the acquisition of Russian noun morphology by children]. М.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2015].
- Гвоздев 1981 — А. Н. Гвоздев. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. М.: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. [A. N. Gvozdev. Ot pervykh slov do pervogo klassa. Dnevnik nauchnykh nabludeniia [From the first words to the first grade. Scientific observational diary]. М.: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1981].
- Дымарский 1991 — М. Я. Дымарский. Деривация в синтаксических единицах линейного и матричного типов // Принцип деривации в

- истории языкознания и современной лингвистике. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1991. [М. Ia. Dymarskii. Derivatsiia v sintaksicheskikh editsakh lineinogo i matrichnogo tipov [Derivation in linear and matrix syntactic elements] // Printsip derivatsii v istorii iazykoznanii i sovremennoi lingvistike [The principles of derivation in the history of linguistics and modern linguistics]. Perm': Perm. gos. un-t, 1991].
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. М.: Языки славянской культуры, 2014. [M. B. Eliseeva. Stanovlenie individual'noi iazykovoï sistemy rebenka [The development of the individual language system of a child]. M.: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2014].
- Залевская 1996 — А. А. Залевская. Вопросы теории овладения языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. [A. A. Zalevskaia. Voprosy teorii ovladeniia iazykom v psikholingvisticheskom aspekte [Issues in the theory of language acquisition in the psycholinguistic perspective]. Tver': Tver. gos. un-t, 1996].
- Исенина 1986 — Е. И. Исенина. Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. [E. I. Isenina. Doslovesnyi period razvitiia rechi u detei [Preverbal phase in child language development]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1986].
- Касевич 1998 — В. Б. Касевич. Онтолингвистика: типология и языковые правила // Язык, речь и речевая деятельность. Т. 1. М.: Просвещение, 1998. С. 17–31. [V. B. Kasevich. Ontolingvistika: tipologii i iazykovye pravila [Language acquisition: the typology and language rules] // Iazyk, rech' i rechevaia deiatel'nost' [Language, speech and language behaviour]. Т. 1. М.: Prosveshchenie, 1998]. P. 17–31.
- Кацнельсон 1970 — С. Д. Кацнельсон. Порождающая грамматика и процесс синтаксической деривации // Progress in Linguistics. The Hague: Mouton, 1970. С. 57–105. [S. D. Katsnel'son. Porozhdaushchaia grammatika i protsess sintaksicheskoi derivatsii [Generative grammar and the process of the syntactic derivation] // Progress in Linguistics. The Hague: Mouton, 1970]. P. 57–105.
- Кларк 1984 — Е. В. Кларк. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. Сб. статей. Сост. А. М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 221–241. [E. V. Klark. Universal'nye kategorii: o semantike slov-klassifikatorov i znacheniiakh pervykh slov, usvaivaemykh det'mi [Universal categories: on the semantics of the classification words and on the meaning of the first acquired words in child language] // Psikholingvistika [Psycholinguistics]. Sb. statei. Sost. A. M. Shakhnarovich. M.: Progress, 1984]. P. 221–241.
- Князев 2002 — Ю. П. Князев. Российский гуманитарный энцикл. словарь. Т. 2. М.: Владос; Филол. фак. СПбГУ, 2002. С. 655. [Yu. P. Knia-

- zev. Rossiiskii gumanitarnyi entsikl. slovar' [Russian humanitarian encyclopaedic dictionary]. T. 2. M.: Vldos; Filol. fak. SPbGU, 2002. P. 655].
- Мечковская 2016 — Н. Б. Мечковская. Грамматические процедуральные знания: различия в степени трудности их усвоения в онтогенезе и при обучении немецкому языку как иностранному // Лики билингвизма. СПб.: Златоуст, 2016. С. 239–250. [N. B. Mechkovskaia. Grammaticheskie protsedural'nye znaniia: razlichiiia v stepeni trudnosti ikh usvoeniia v ontogeneze i pri obuchenii nemetskomu iazyku kak inostrannomu [Procedural grammatical meanings: the differences in the difficulty of acquisition by children and in learning German as a second language] // Liki bilingvizma [Faces of bilingualism]. SPb.: Zlatoust, 2016. P. 239–250].
- Мурашова, Семушина 2007 — О. В. Мурашова, В. А. Семушина. Отрицание в детской речи // Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 138–160. [O. V. Murashova, V. A. Semushina. Otritsanie v detskoj rechi [Negation in child language] // Semanticheskie kategorii v detskoj rechi [Semantic categories in child language]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2007. P. 138–160].
- От нуля до двух 1997 — С. Н. Цейтлин (ред.). От нуля до двух. Дневниковые записи. СПб.: Бионт, 1997. [S. N. Tseitlin (ed.). Ot nulia do dvukh. Dnevnikovye zapisi [From zero to two (years of age). Diaries]. SPb.: Biont, 1997].
- От двух до трех 1998 — С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (ред.). От двух до трех: дневниковые записи. СПб.: Бионт, 1998. [S. N. Tseitlin, M. B. Eliseeva (ed.). Ot dvukh do trekh: dnevnikovye zapisi [From two to three (years of age). Diaries]. SPb.: Biont, 1998].
- Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. [E. V. Paducheva. Russkoe otritsatel'noe predlozhenie [Russian sentence with negation]. M.: Iazyki slavianskoj kul'tury, 2013].
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [V. A. Plungian. Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. M.: RGGU, 2011].
- Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. [M. V. Rusakova. Elementy antropotsentricheskoj grammatiki russkogo iazyka [The elements of the human-centered grammar of the Russian language]. M.: Iazyki slavianskoj kul'tury, 2013].

- Слобин 1976 — Д. Слобин. Языковое развитие ребенка // Д. Слобин, Дж. Грин. Психолингвистика. Пер. с английского Е. И. Негневицкой. М.: Прогресс, 1976. С. 87–126. [D. Slobin. Iazykovoe razvitie rebenka [Child language development] // D. Slobin, Dzh. Grin. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. Per. s angliiskogo E. I. Negnevitskoi. M.: Progress, 1976. P. 87–126].
- Русская грамматика 2005 — Русская грамматика: научные труды. Т. 2. М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В. Виноградова, 2005. [Russkaia grammatika: nauchnye trudy [Russian grammar: A collection of works]. T. 2. M.: Rossiiskaia akademiia nauk. Institut russkogo iazyka im. V. Vinogradova, 2005].
- Храковский 1969 — В. С. Храковский. Деривационные отношения в синтаксисе // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 138–147. [V. S. Khrakovskii. Derivatsionnye otnosheniia v sintaksise [Derivational relations in syntax] // Invariantnye sintaksicheskie znacheniiia i struktura predlozheniia [Invariant syntactic meanings and the structure of a sentence]. M.: Nauka, 1969]. P. 138–147.
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. [S. N. Tseitlin. Oчерki po slovoobrazovaniiu i formoobrazovaniiu v detskoj rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. M.: Znakh, 2009].
- Bloom 1991 — L. Bloom. Language development from two to three. Cambridge University Press, 1991.
- Kahrel 1996 — P. J. Kahrel. Aspects of Negations. Amsterdam: Krips Repro, Meppel, 1996.
- Slobin 1986 — D. I. Slobin. Introduction: Why Study Acquisition Cross-linguistically? // Magdalena Smoczinska / The acquisition of Polish. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. P. 3–24.
- Tomasello 2003 — M. Tomasello. Constructing a Language. Harvard University Press. 2003.

Г. Р. Доброва

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

**БАЗОВЫЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
МЕХАНИЗМЫ ОСВОЕНИЯ ЯЗЫКА
В АСПЕКТЕ ВАРИАТИВНОСТИ
РЕЧЕВОГО ОНТОГЕНЕЗА¹**

1. Вступительные замечания

Вопрос о механизмах освоения языка детьми все активнее обсуждается в последние годы. В данном исследовании предлагается разграничивать две «разновидности» механизмов овладения языком — базовые механизмы и вспомогательные механизмы. Базовыми предлагается считать те механизмы, без которых невозможно (либо — крайне сложно) освоение родного языка и которые поэтому используются — в той или иной степени — при освоении языка всеми детьми. Вспомогательными, как представляется, являются те механизмы, которые считаются в большей или меньшей степени факультативными и без которых, соответственно, можно обойтись, осваивая язык. К базовым механизмам мы относим генерализацию, а также имитацию и дифференциацию². Список же вспомогательных механизмов, как представляется, — открытый: их достаточно много, они (за исключением некото-

---

¹ Работа осуществлялась при поддержке РФФ — проект 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

² В последнее время, в соответствии с западной научной традицией (например, [Clark 1987; Tribushinina 2008; Semantics and Morphology... 2015]), второй из механизмов нередко называют контрастом. Мы с этим не совсем согласны: контраст, как представляется, — это свойство языковых единиц; механизмом же освоения языка является опора на способность выявлять этот контраст, базироваться на нем, опираться на него, т. е. дифференцировать, разграничивать некие контрастирующие признаки. Поэтому полагаем, что этот второй механизм правильнее называть не контрастом, а дифференциацией.

рых) изучены мало, перечень их, по-видимому, будет еще дополняться. Некоторые из этих дополнительных механизмов являются более универсальными, другие — более уникальными. На данный момент мы видим и считаем возможным уже обсуждать следующие дополнительные механизмы: языковые подсказки различного рода, существенные для конкретного языка, но необязательные для речевого онтогенеза, а также разновидности того явления, которое в западной научной традиции носит название bootstrapping.

Обсуждение действия тех или иных механизмов, как представляется, целесообразно именно в аспекте вариативности речевого онтогенеза. При этом учет данной вариативности необходим при описании действия не только вспомогательных механизмов (если они факультативны, то естественно предположить, что при освоении языка различными детьми они будут действовать / не действовать по-разному), но и основных, базовых. Как показывает материал, в аспекте вариативности речевого онтогенеза наиболее интересен анализ именно двух основных механизмов освоения языка — генерализации и дифференциации. Именно степень опоры в качестве основного на тот или иной механизм оказывается весьма различной у разных детей.

Речь идет, в первую очередь, об опоре на те или иные механизмы освоения языка у детей различных «групп» — референциальных vs. экспрессивных детей (об этих детях см. [Bates et al. 1988; Liven et al 1992; Nelson 1973, 1981; Доброва 2009; Зубкова 2000; Овчинникова 2005; Цейтлин 2000]), мальчиков vs. девочек (о различиях в их речи см. [Бондаренко, Доброва 2011; Овчинникова 2003] и др.) и детей из семей с высоким vs. низким социокультурным статусом (о различиях в их речи см. [Hoff-Ginsberg 1991; Воейкова 2013; Доброва 2007])³. В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть различия в речевом развитии детей названных групп, обусловленные теми механизмами освоения языка — базовыми или вспомогательными, — на которые дети опираются в ходе речевого онтогенеза в первую очередь.

---

³ Не все названные авторы используют именно эту терминологию: Е. Hoff-Ginsberg и М. Д. Воейкова говорят о «социоэкономическом» статусе семей.

2. Базовые механизмы освоения языка: генерализация, дифференциация и имитация

Различная степень опоры на один из двух основных механизмов освоения языка — генерализацию и дифференциацию — была подробно описана в [Доброва 2000, 2003] на примере речи двух детей — референциальной Лизы и экспрессивного Вани⁴.

В первую очередь были выделены дети-«генерализаторы». Одной из существенных особенностей таких детей является их неспособность в определенном возрасте различать местоимения 1-го / 2-го лица — *я* и *ты*. Если на самом раннем этапе речевого онтогенеза такие дети называют обычно себя по имени и говорят о себе в третьем лице:

(1) *Аля хочет конфетку* (Алеша Д. 1;11)⁵, —

то при освоении личных местоимений они проходят стадию смешения этих двух местоимений:

(2) *«Ты хочешь, чтобы я сняла?»* (Сеня Ч. 2;2.19), —

речь о том, чтобы снял экспериментатор. Особенно много примеров смешения *я* и *ты* в соответствующем возрасте было выявлено в речи Лизы Е. Такие примеры в указанной монографии трактовались как обусловленные склонностью этих детей к генерализации — в данном случае, к созданию сверхгенерализованного понятия «вообще участника диалога», без разделения на говорящего и собеседника. Это явление сопоставимо с другим, похожим, — со склонностью некоторых детей смешивать, например, *вчера* и *завтра*: возникает сверхгенерализованное понятие ‘день, отличающийся на один от *сегодня*’, без учета направления сдвига — в прошлое или в будущее.

Примеры из речи Лизы, в которых ребенок отчетливо демонстрирует склонность к генерализации и даже самостоятельно устанавливает гипо-гиперонимическую иерархию «снизу — вверх»

---

⁴ С тех пор появились работы и других отечественных авторов-онтолингвистов, также принявших эти термины — генерализация и дифференциация (например, [Елисеева 2014]).

⁵ Здесь и далее примеры из речи детей приводятся без учета особенностей их звукопроизношения.

(что происходит у нее очень рано — около двух лет) приводит ее мать М. Б. Елисеева [Елисеева 2014: 148]:

(За) *Лизочкин подсолнух называется цветочек* (Лиза Е. 2;0.29);

(Зб) *Мишутка называется панда* (Лиза Е. 2;1.20).

Примеры генерализации не являются исключительной «прерогативой» Лизы: они характерны для всех детей. Освоить язык без опоры на генерализацию невозможно: в процессе речевого онтогенеза осваивающий язык индивид, чтобы понять наличие сигнификативного компонента значения слова, должен сам прийти к идее, что существуют некие классы — например, что слово *мячик* может быть отнесено не только к данному конкретному мячику, но и к целому классу предметов, обладающих теми же (перцептивно воспринимаемыми) признаками — упругостью, круглой формой, предназначенностью для игры и т. п. Однако одни дети («генерализаторы») проходят этот процесс осознания сигнификативного компонента значения быстро, а другие — медленно, с трудом. Поэтому характерная особенность Лизы — совсем не в том, что она опиралась на генерализацию, а в том, до какой степени она на нее опиралась⁶.

Однако более существенным представляется то обстоятельство, что, опираясь на генерализацию, Лиза на раннем этапе речевого онтогенеза явно «пренебрегала» дифференциацией. Ей как будто бы было неинтересно разграничивать объекты, ее больше интересовало их сходство. Обратим внимание на некоторые записи в дневнике Лизиной мамы М. Б. Елисеевой (2;02.03): «Лиза, в отличие от многих детей, не желает употреблять имена собственные. Не повторяет имена Алешиных друзей, несмотря на их фонетическую простоту (Вадик, Гена), и мне до сих пор непонятно, различает ли она их...» [Елисеева 2014: 152].

В этом отношении экспрессивный Ваня Я. вел себя прямо противоположным образом. Он не был особенно склонен к генерализации, скорее — наоборот, зато опирался на дифференциацию с самого начала. Так, у него отмечается исключительно ран-

---

⁶ Относительная же уникальность Лизы — в том, что она постоянно эксплицитовала свое стремление выискивать гипероним для гипонима, что встречается не так часто.

няя способность к различению цветов: чуть ли не в год он различал весьма значительное их количество. Не кроется ли здесь, кстати, ответ на вопрос, почему так существенно расходятся данные исследователей о возрасте, когда дети начинают различать цвета, — «разброс» до двух лет? Возможно, цвета «интересно» различать тем детям, которые опираются на дифференциацию?

В возрасте 1;11.07 фиксируется такой пример склонности Вани к дифференциации: он побывал в гостях, где были две девочки — старшая Вера и младшая Нина. На следующий день на соответствующий вопрос бабушки о том, является Ниночка большой или маленькой, почти еще не разговаривающий Ваня сначала произносит что-то типа «мими» (маленькая), а затем встает на колени и ползет, изображая ее. Следовательно, на стадии, когда говорить Ваня еще не очень умеет, имена он четко правильно «привязывает» к соответствующим референтам. Сравним это с Лизой, которая, как указывалось выше, в 2;02.03 проявляла очевидное равнодушие к личным именам и, по словам ее мамы, скорее всего не различала имен (не дифференцировала) часто наблюдаемых ею друзей брата.

Природную склонность Вани к дифференциации активно развивали окружавшие его взрослые. Так, очень рано Ваню учат различать марки машин — это «Джип», это «Мерседес», это «Вольво» и т. д. Диалоги бабушки с Ваней постоянно строились на контрасте: «Я буду делать то-то, а ты — то-то», «Давай у меня будет зайчик, а у тебя — лисичка». Бесмысленно ставить вопрос о том, что было первично — Ванина склонность к дифференциации или отчетливая опора на нее в инпуте ребенка: и то, и другое имело место, однако, как представляется, взрослые именно потому так часто опирались на контраст, что интуитивно чувствовали, что Ваниной «сильной стороной» является именно дифференциация.

Совершенно иным образом ведет себя мать Лизы-«генерализатора». Почувствовав, очевидно, склонность ребенка к обобщению, выражающуюся в возрасте около 3 лет в стремлении к установлению гипо-гиперонимических отношений, она «подхватывает» эту тенденцию и постоянно ведет с ней диалоги типа: «Ананас — это овощ». — Нет, это фрукт. — «Кабачок — это овощ». — «Кошка — это игрушка». — Да, но это не только игрушка. Кто еще кошка? — «Давай мама скажет». — Кошка — это животное... (Лиза Е. 2;11.27) [Елисеева 2014: 149].

Ребенок при этом в некоторых случаях следует дальше, чем окружающие его взрослые. Как замечает в дневнике М. Б. Елисеева, «...Лиза, осознав существование иерархий, пытается категоризовать и то, что мы избегаем классифицировать» [Там же: 150], причем, судя по примерам, опять же генерализует, идет «снизу вверх»:

(4) *Брат — Людя. Человек* (Лиза Е. 3;0.12).

На раннем этапе речевого развития гиперонимы для Лизы более приоритетны, чем гипонимы: процесс формирования гипогиперонимических гнезд начинается с появления гиперонима (например, «цветы») в пассивном лексиконе, а затем и в активном, после чего появляются гипонимы, но они постоянно смешиваются друг с другом («маки» — об одуванчике 1;08.06, «Ава» (собака) — о поросенке 1;02.12 — при том, что в принципе Лиза уже знакома со словами «хрюша», «поросенок» и т. д.). В некоторых случаях (в особенности если гипероним фонетически сложен для ребенка) один из гипонимов может временно принять на себя функции гиперонима: «баба» (бабочка) — о бабочке, мотыльке, стрекозе и пчеле (1;05.15).

Представляется, что склонность Лизы к генерализации и ее несклонность к дифференциации очевидны — равно как и, в противоположность Лизе, склонность Вани к дифференциации, но не к генерализации.

Склонность к генерализации в ущерб дифференциации можно обнаружить и у других референциальных девочек. Так, Оля С.⁷ легко смешивает как бы противоположные явления:

(5а) *убивший комар* (об убитом комаре);

(5б) *каши много* (в значении 'мало');

(5в) *ботинки велики* (в значении 'малы') [Оля С. 3;10].

Создается ощущение, что для данного ребенка важнее общее (фактор «смерти» в примере о комаре, фактор достаточности/не-

---

⁷ Примеры предоставлены И. В. Столяровой из ее личного архива. Примеры относятся к несколько более позднему возрасту, чем принято определять референциальность/экспрессивность ребенка, но мы отнесли Олю С. к референциальным детям за год до появления данных примеров, т. е. до 3-х лет.

достаточности в примере о каше, фактор несоответствия размера в примере о ботинках), чем дифференцирующие признаки различных типов — кто кого убил, направленность в ту или иную сторону от «точки достаточности» или «точки соответствия размера». Такие примеры показывают, что на стадии освоения сем релятивности (так же как в общеизвестных примерах типа смещения *вчера* и *завтра*) для данного ребенка (референциальной девочки) сам факт релятивности — как более генерализованный, интегрирующий фактор — оказывается более существенен, чем «направление» релятивности, — дифференцирующий фактор.

Приведенные выше примеры заставляют обратиться к существенному для исследуемого аспекта проблемы вопросу — вопросу об освоении детьми антонимов.

Освоение детьми антонимов играет весьма важную роль в научных дискуссиях о природе контраста (дифференциации — в предложенной нами терминологии). Естественно, что в первую очередь эта проблема дискутируется на материале освоения детьми семантики прилагательных (см., например [Semantics and Morphology... 2015: 1–22]) — слов, среди которых антонимов очень много и возможность существования антонимии для которых вытекает из самой сути их семантики. С точки зрения авторов этой монографии, освоение детьми прилагательных определяется универсальными концептуальными механизмами — сравнением (сопоставлением) и контрастом. Быстрому усвоению прилагательных способствует одновременное использование взрослыми антонимических прилагательных (типа «хороший/плохой») и, как именуют их авторы, «членов контрастных групп» («красный — зеленый — синий») в пределах одного предложения или в пределах не более, чем 5-ти соседствующих высказываний [Semantics and Morphology... 2015: 218–242].

Семантический контраст оказывается более информативен для осваивающего язык ребенка, чем семантическая близость (синонимия), т. к. дети уже на ранних стадиях предполагают, что две разные формы должны быть семантически различны⁸ [Clark 1987].

---

⁸ Предполагают это, по-видимому, не только дети, но и взрослые. Имеет смысл обратить внимание на то, как мало в языке так называемых абсолютных синонимов: они представляют собой скорее своего

Это утверждение Е. Трибушиной вызывает некоторые возражения теоретического характера, т. к. представляется, что контраст имеет место и при антонимии, и при синонимии: при антонимии контраст более «жесткий», чем при синонимии, но единство ядра значения имеет место в обоих случаях. Применительно же к детской речи вопрос целесообразнее ставить следующим образом: какой тип контраста более информативен — более «жесткий» или более «тонкий»? Возможно, уместны и еще 2 вопроса: а) на какой стадии речевого развития более важен каждый из названных типов контраста? и б) для всех ли детей один из видов контраста («жесткий») более значим?

Вероятно, сначала более важен «жесткий» контраст (антонимия), а затем, когда уже происходит более детальное «достраивание» языковой системы, на первый план могут выходить «более тонкие различия», в том числе и более «тонкий» контраст (синонимия). Однако для целей исследования механизмов освоения языка в аспекте вариативности речевого онтогенеза более существенным представляется ответ на второй вопрос: есть основания полагать, что для различных детей антонимия и синонимия (как «представители» двух разновидностей контраста) может играть неодинаковую роль. Кстати, об этом в качестве предположения говорят и некоторые авторы указанной монографии [Semantics and Morphology... 2015]. Так, К. Корецки-Крёлль и В. У. Дресслер (как представляется, совершенно справедливо) делают из рассмотренного ими материала вывод, что не только антонимические, но и синонимические отношения могут способствовать освоению детьми прилагательных и что, вероятно, это как-то связано с разными стилями овладения языком детьми [Там же: 23–52].

Что касается первых антонимов, то набор основных пар примерно одинаков (причем даже в разных языках): *большой/*

рода языковой казус, чем регулярное для языка явление. Хотя словари нередко трактуют два слова практически одинаково, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что все же слова чем-то различаются — стилистически и / или семантически. Даже если в языке в какой-то момент слова существуют как стилистические и семантические дублиеты, вскоре либо одно из них устаревает, либо они начинают «расходиться» — стилистически или семантически (действует закон экономии языковых средств).

маленький, плохой/хороший, а также *чистый/грязный, теплый/холодный* и др. Судя по указанной выше коллективной монографии, этот набор повторяется у разных детей, осваивающих разные языки, однако у одного из детей (у все той же Лизы Е.) этот набор более разнообразен: здесь уже на раннем этапе, кроме «общепринятых», есть и «лысый»/«волосатый» (2;0), и «сладкий»/«сердитый» (о жареном луке) (2;0), и «настоящий»/«игрушечный» (2;0.17) и т. д. [Елисеева 2014: 185–186]. Представляется, что такая «нестандартность» Лизиных антонимов обусловлена особенностями ее инпута — исключительно богатого (семья, культурный статус который — безусловно, выше среднего).

Набор же синонимов у детей — существенно менее стандартен. Так, в вышеназванной коллективной монографии можно обнаружить следующие примеры синонимов (иногда, естественно, контекстуальных): у Фили С. можно найти только одновременное использование слов «хороший (1;8), милый» (возраст не указан, но позднее, чем «хороший») ⁹; у Лизы в указанной монографии фиксируется — «жуткий» (2;9), «плохой»; у немецкоязычной девочки и ее матери — «good, fine, super, great» ¹⁰; у словенской девочки — *odlično, super* и *umazan, kaka*. Материал отчетливо показывает, что синонимы в этом возрасте либо связаны с оценочностью, с необходимостью отличить нейтральное слово от эмоционально окрашенного («жуткий — плохой»), либо с одновременным сосуществованием слов из так называемого языка нянь (*baby-talk*), оставшихся от более раннего этапа речевого развития, и недавно появившихся узувальных слов («кака — ума-

⁹ Полагаем, что слова «хороший» и «милый» в речи Фили настоящими синонимами не являются: они имеют жесткую десигнацию «*Филюша хороший*» и «*милый папа*», и такая однозначная привязанность каждого из этих прилагательных к только одному референту заставляет предположить, что они были взяты ребенком из инпута «гештальтно», как готовые конструкты из речи матери, что и заставляет усомниться в том, являются ли они для ребенка на этом этапе хотя бы в какой-то мере синонимами (так сказать, продуктивными синонимами — по аналогии с продуктивной грамматикой).

¹⁰ В источнике примеры даны на английском (т. е. указаны значения), а давать каждому из указанных синонимов слова «хороший» соответствующие русские эквиваленты представляется неправильным, поэтому оставляем английские примеры.

зан»). Если не говорить о втором случае («старое» слово из «языка нянь» — и «новое», узуальное), то получается, что синонимия в этом возрасте служит ребенку не столько для обозначения семантической близости (как утверждает Е. Трибушинина), сколько для обозначения контраста — только уже не жесткого, а более тонкого. В этой связи нельзя не вспомнить вновь (см. выше) важное положение из исследований Е. Кларк о том, что дети уже на ранних стадиях речевого онтогенеза предполагают, что за двумя разными формами должно стоять различное содержание.

Из сказанного можно сделать вывод: если антонимы дети постигают парами, то синонимы — последовательно. Это вполне объяснимо: нельзя понимать, что такое «большой», не понимая, что такое «маленький», но можно понимать, что такое «отлично», не понимая, что такое «прекрасно». Из этого вытекает еще один вывод: на каком-то (раннем) этапе развития речи без антонимов существовать нельзя, а без синонимов можно; синонимы становятся нужны тогда, когда, например, важно понять какие-то более тонкие различия — например, градуальность (*большой* — *огромный*).

Может ли, однако, сказанное служить подтверждением того, что контраст более информативен для ребенка на ранних этапах речевого онтогенеза, чем близость, как утверждает Е. Трибушинина? Представляется, что нет. Не совсем понятно, почему контраст противопоставляется близости. Скорее, контраст (в предложенной нами терминологии — дифференциация) должен противопоставляться генерализации.

Пропорция антонимов в речи различных матерей тоже различна. Так, по данным Е. Трибушининой, у Фили в инпуте их 23%, у Лизы — 12%. У самих детей обнаруживается та же разница: у Фили появляющихся вместе контрастных прилагательных 28%, а у Лизы — 13%. О таких различиях у детей писали Мерфи и Джонс [Murphy, Jones 2008], противопоставляя *heavy antonym user* — *light antonym user* и показывая, что у детей этих двух типов пропорция антонимов различается как в их собственной речи, так и в инпуте. Е. Трибушинина совершенно справедливо отмечает, что это доказывает, склонность самого Фили (не мамы, а Фили) опираться на контраст при осваивании и категоризации мира. Мерфи и Джонс идут дальше и делают еще более важный для целей нашего исследования вывод: «*heavy antonym use is a*

symptom of a cognitive learning style that makes heavy use of contrast» [Murphy, Jones 2008: 427]. Иными словами, авторы полагают, что основанная на опоре на контраст склонность к антонимии представляет собой симптом, проявление определенного когнитивного стиля освоения языка (равно как — добавим мы — несклонность к антонимии свидетельствует о другом когнитивном стиле).

Вместе с тем, на основании вышеотмеченного Е. Трибушина делает следующий вывод: контраст — это bootstrap для освоения значения прилагательных. С таким выводом, если понимать под bootstrapping дополнительный, вспомогательный механизм, случайную языковую «подсказку», согласиться сложно: опора на контраст (на дифференциацию) — вероятно, все же не дополнительный, случайный помощник. Скорее всего, это один из основных, базовых механизмов освоения языка: сложно представить себе, как может происходить процесс речевого онтогенеза без опоры на дифференциацию, на выявление различий, контрастов. Другое дело, что родители детей не обязательно должны, общаясь с детьми, делать опору на этот контраст, в частности — на противопоставление антонимов. Русским родителям (даже более всех других склонным на этот контраст опираться) сложно представить себе, что может быть по-другому, однако, как показывают исследования (Б. Пфейлер) родители детей юкатекских майя не опираются в собственной речи, обращенной к детям, на контраст [Semantics and Morphology... 2015: 435–459].

Разумеется, такие данные заставляют усомниться в абсолютной универсальности необходимости опоры на контраст в общении с детьми, однако никак не опровергают универсального характера необходимости опоры на дифференциацию в процессе собственно речевого онтогенеза — самими детьми. В любом случае, это не может дать оснований отрицать существенность роли дифференциации как одного из ведущих, базовых механизмов освоения языка и низводить ее до уровня bootstrapping.

Наконец, самый, возможно, важный вопрос, касающийся опоры на синонимию у детей раннего возраста, связан с вариативностью речевого онтогенеза. Перечислим тех детей, у которых авторы вышеуказанной монографии [Semantics and Morphology... 2015], тщательно и подробно изучив их речевое развитие, обна-

ружили присутствие синонимов в их собственной речевой продукции: русскоязычный материал — синонимы у девочки (Лизы), но не у мальчика; австрийский вариант немецкого — синонимы у девочки (у мальчика синонимов не обнаружено); итальянский материал — у девочки синонимов существенно больше, чем у мальчика, а опоры на контраст, в отличие от мальчика, почти нет (причем это даже входит в противоречие с инпутом); словенский материал — синонимы у девочки. Иными словами, совершенно очевидно, что (применительно к детям, речь которых анализировалась в данной монографии) склонность к синонимии обнаруживается только у девочек.

Однако может ли это служить доказательством «гендерности предпочтения синонимов» детьми?¹¹ По-видимому, утверждать это с уверенностью — нельзя. Во-первых, не так много детей было обследовано авторами монографии (обследовать большее количество детей при тщательном анализе спонтанной речи — не экспериментальных данных, а данных спонтанной речи, требующих огромного количества времени на записи и их расшифровку, — практически нереально). Во-вторых, и это представляется даже более важным, невозможно с достоверностью судить о том, почему склонность к синонимии обнаружилась именно у девочек: влияние ли это собственно гендерного фактора или же проявление «типологических» различий? Иными словами, нельзя с абсолютной достоверностью сказать, не получилось ли так, что все вышеперечисленные девочки (кроме того, что они — девочки) — дети референциального типа. Нельзя не учитывать, что, по данным зарубежных исследователей, имеющих очень большой статистически значимый материал, девочки бывают референциальными чаще, чем мальчики. Попробуем, однако, все-таки, на основе имеющихся у нас скудных данных об этих детях, определить, не были ли все эти девочки референциальными. Русскоязычный материал: речь именно этих двух сравниваемых в данной моно-

---

¹¹ То обстоятельство, что не у всех девочек, речевое развитие которых рассматривалось в монографии (другие языки), обнаружилась склонность к синонимам, не может противоречить предположению о склонности к синонимам именно девочек: разумеется, не может быть, чтобы такая склонность обнаружилась у всех девочек; достаточно показательно и то, что она обнаружилась только у девочек (не у мальчиков).

графии девочки (Лизы) и мальчика (Фили) мы исследовали давно [Доброва 2003] и еще задолго до написания вышеуказанной коллективной монографии определили девочку как референциального ребенка, а мальчика — как экспрессивного. Немецкий материал: данные противоречивые. С одной стороны, мальчик — второй ребенок в семье, а девочка — первая (по данным зарубежных исследователей, у первых детей в семье больше вероятности быть референциальными детьми, а у непервых — экспрессивными). Однако мальчик имел раннее речевое развитие, а девочка несколько отставала (речь у референциальных детей обычно развивается раньше, чем у экспрессивных). Итальянский материал: сведения о детях в интересующем нас аспекте — совсем скудные. Единственное, на что можно обратить внимание, это то, что девочка заговорила рано, а мальчик поздно, и то, что в речи девочки мы обнаружили одну интересную генерализацию (свойство референциальных детей): она использовала свое единственное прилагательное, имеющее английский эквивалент “hard”, в значении ‘heavy’¹². Получается, что есть некие «намекы», что девочка — референциальный ребенок, но серьезных оснований для такого умозаключения, разумеется, нет. Словенский материал: данные противоречивые. С одной стороны, девочка, как нам представляется, проявляла отчетливую склонность к генерализации. Так, на каком-то этапе ее развития у нее возникают как бы три прилагательных: из всех цветов она выделяла желтый и зеленый, а все остальные, по-видимому, объединялись в окказиональный генерализованный концепт «не-желтый и не-зеленый». Имеются у нее, кстати, и сверхгенерализации на уровне грамматики: генитив прямого объекта используется вместо позитива в отрицательных конструкциях; флексия м. р. ед. ч. им. пад. — дефолтная, базовая для словенского языка, используется сверхгенерализованно (вместо ж. р.). (gumen вместо gumena). Все это может служить косвенными доказательствами референциальности данной девочки. С другой стороны, в возрасте 1;5–2;8 она четко и правильно разграничивала «мой»/«твой», что скорее свойственно экспрессивным детям. Впрочем, последнее может быть объясне-

¹² Интересно, что в русском языке, в отличие от итальянского, у слова «тяжелый» есть оба значения — и ‘сложный’ и ‘много весящий’; значит, потенциально в Языке такая генерализация возможна.

но относительно ранним речевым развитием девочки: возможно, к этому возрасту она уже преодолела этап смещения прономинальных шифтеров принадлежности 1-го / 2-го лица.

Таким образом, есть некоторые основания предположить, что склонность к синонимии может оказаться обусловленной не гендерным, а типологическим фактором. Решить вопрос может только обращение к речи референциальных мальчиков (т. е. типологически — референциальных детей, но другого пола).

Проанализируем с этой целью речь Алеши Д. — референциального мальчика.

Синонимов¹³ (присутствующих одновременно в одном высказывании или в соседних) на раннем этапе развития речи мало, но они зафиксированы.

(6а) Бабушка: *А она ответила...* — А.: *Да, она сказала: «Здравствуй, мальчик...»* (Алеша Д. 2;6).

Само присутствие слова «да» подтверждает, что ребенок воспринимает слова «ответить» и «сказать» как синонимы.

(6б) *Это, действительно, плохо, больно* (Алеша Д. 2;10);

(6в) *Он плохой, злой, зубастый* (Алеша Д. 2;10) (контекстуальные синонимы отрицательной оценки).

Уже в возрасте 3-х лет ребенок воспринимает как синонимы слова из «языка нянь» и узуальные слова, причем верно осознает характер такой синонимии:

(7) (слушает радио) *Там поет мужчина. Я уже большой и говорю не «дядя», а мужчина* (Алеша Д. 3;0).

В целом же синонимов в речи Алеши на раннем этапе немного¹⁴, однако градуальность (т. е. дифференцирующий признак)

---

¹³ Употребляем в данном случае слово «синоним» в «нестрогом» смысле слова, имея в виду также не только собственно лексические синонимы, но и контекстуальные.

¹⁴ Крайне нехарактерной оказалась синонимия и для других референциальных мальчиков. Из-за не очень большого объема материала не можем судить наверняка ни об их референциальности (хотя есть много оснований это предполагать), ни об отсутствии в их речи синонимов, но краткий анализ раннего этапа речевого развития Миши Т. и

он осознает отчетливо и выражает ее с помощью окказиональных средств (что доказывает, что он не воспроизводит ее, а самостоятельно конструирует, т. е. осознает как таковую):

- (8а) *Я меньше большой, а Анечка больше большая* (Алеша Д. 3;0);
- (8б) (обращаясь к бабушке) *Да, я большой. И все же ты и родители — больше большие* (Алеша Д. 3;0);
- (8в) *Она среднеплохая* (Алеша Д. 3;0);
- (8г) *Я очень слишком большой. У меня болит во рту* (хочет сказать, что у него, как у взрослого, начинают болеть зубы) (Алеша Д. 3;9).

Дифференциация синонимов по семантическим оттенкам происходит позже:

- (9) *Бабуля наполовину пожилая, наполовину старенькая* (Алеша Д. 4;7).

Итак, синонимы появляются в речи Алеши достаточно поздно. Однако и антонимов на раннем этапе речевого развития у него крайне мало. Практически в дневнике не отмечено примеров типа «Х — хороший, а Y — плохой», «Х — большой, а Y — маленький» (зафиксировано всего три примера такого рода), что исключительно мало, если сравнивать с другими детьми. По-видимому, таких «контрастных» конструкций было крайне мало и в инпуте.

Вместе с тем, нельзя сказать, что Алеша совсем не опирался на дифференциацию (контраст), но делал он это в подавляющем большинстве случаев не за счет лексики, а за счет грамматики (словообразования), за счет антонимии приставок (в том числе — «нулевых», возникающих при депрефиксации). Так, еще в 2;0 (для Алеши это был еще весьма ранний этап, до лексического взрыва) он создает окказиональные антонимы:

Саши А. [Детская речь... 1993] показывает почти полное отсутствие синонимов: у Миши Т. мы их не обнаружили, а у Саши А., записанного несколько более подробно, встретился только один пример: мама прочитала потешку, где было слово «недосуг», Саша поинтересовался его значением, мама ответила, что это слово значит «некогда», и Саша с тех пор всегда, услышав слово «некогда», вспоминал слово «недосуг».

- (10а) *Прибиби* (привяжи) *машинку* / *отбиби* (отвяжи) *машинку* (Алеша Д. 2;0) (пример интересен и тем, что слово из «языка нянь» «биби», заменившись узуальным синонимом «машинка», сначала не исчезает бесследно, а служит «материалом» для конструирования слов);
- (10б) *Баба, навидь меня* ('люби', антоним к «ненавидеть») (Алеша Д. 2;7);
- (10в) *Где в ванне влез, а где вылез?* (Алеша Д. 4;3)¹⁵.

На более позднем этапе речевого развития конструирование таких окказиональных антонимов становится у мальчика вполне осознанным:

- (10г) А.: *Множко*. — М.: *Не множко, а много*. — А.: *Нет, раз есть немножко, то есть и множко* (Алеша Д. 4;7).

Таким образом, не только синонимия, но даже и обычная (лексическая) антонимия — связи «по горизонтали» — для речи данного референциального мальчика оказались нехарактерны. Связи же «по вертикали» (гиперо-гипонимические отношения) для него, как для референциального ребенка, были важны с самого начала:

- (11) *Баба, зашей пуп. Он — дырка* (т. е. пуп — разновидность дырки) (Алеша Д. 2;2).

Для Алеши с самого начала была свойственна опора на генерализацию:

- (12) (о чужой кукле) *Какая Ниночка!* (Нина — Алешина единственная кукла) (Алеша Д. 2;4), —

однако высказываний, подобных Лизиным (см. выше) типа «ананас — это овощ», на ранней стадии не наблюдалось. Зато на более поздней стадии обнаруживается отчетливая тенденция не просто к установлению гиперо-гипонимических связей, но к созданию собственных гиперонимов — иногда окказиональных по форме, но всегда близких к узуальным по семантическому объему:

---

¹⁵ Создание окказиональных антонимов за счет префиксов оказывается характерным и для другого референциального мальчика — Саши А.: *бумажку смял/вымял* (3.08.02) (см. [Детская речь... 1993]).

- (13) *Стол — это устройство, на котором едят и пишут. — А стул? — Устройство на четырех ногах, на котором сидят и с которого едят, потому что стоя не едят — неприлично. — А шкаф? — Это ящик, в который все кладут. Все-все. Это вмещительство (Алеша Д. 4;9).*

Со скидкой на возраст, такие «толкования слов» даже похожи на словарные.

Таким образом, можно предположить, что референциальные мальчики не демонстрируют особенной склонности не только к синонимам, но и к антонимам. Поэтому обнаруженную выше тенденцию к использованию синонимов девочками все же, по-видимому, следует трактовать скорее как гендерную, а не как типологическую, особенность. Склонность же к дифференциации (к контрасту) — вероятно, связана с типологическими характеристиками (характерна для экспрессивных детей) — равно как и склонность к генерализации (характерна для референциальных детей)¹⁶.

Вместе с тем, сказанное относится к области лексической семантики. В области же грамматики — совсем иная ситуация.

Напомним, что абсолютно «равнодушный» к дифференциации как противопоставлению антонимичных узуальных лексем Алеша Д. не был столь «равнодушен» к дифференциации с помощью словообразовательных средств; напротив, он все время

¹⁶ Разумеется, и у референциальных детей не может не быть в каких-то случаях опоры на дифференциацию — равно как у экспрессивных детей не может не быть опоры на генерализацию. Однако эта генерализация у ярко выраженных экспрессивных детей — не совсем такая, как у референциальных. Так, если на раннем этапе речевого развития референциальные дети склонны использовать слова с наиболее общим значением вместо слов с более конкретным («большой» — вместо «высокий», «длинный», «толстый» и т. п., «хороший» — вместо «умный», «красивый», «смелый» и др.), то экспрессивные дети могут, напротив, использовать (неуместно) слово с более частным, конкретным значением вместо слова с более общим значением, т. е. генерализация осуществляется на основе не главного, а скорее всего случайно выбранного признака). Так, Ваня Я. говорит «короткие глаза» (маленькие) (2;9). С одной стороны, это своего рода лексико-семантическая сверхгенерализация, но, с другой стороны, она произведена на основе слова с более частным значением. Не свидетельствуют ли такие примеры о неумении экспрессивного ребенка вычлнить главное для генерализации слово?

создавал окказиональные антонимы, противопоставляя слова за счет префиксов. Это можно было бы посчитать индивидуальной особенностью конкретного ребенка (хотя аналогичное явление встречаем и у другого референциального ребенка — см. выше), если бы это явление интересным образом не соотносилось с другими явлениями.

Так, в упоминавшейся выше коллективной монографии [Semantics and Morphology... 2015: 185–217] М. Д. Воейкова, отмечая нечувствительность Вани Я. (которого мы считаем явно экспрессивным ребенком) к совпадениям в окончаниях прилагательных и существительных, пишет о том, что у него до возраста (2;4) везде была концовка прилагательного *-и* — «зелени арбуз» — как своего рода дефолтная форма.

При этом, говоря о преференции у всех рассмотренных ею детей частично совпадающих и редупликативных сочетаний прилагательных с существительными, М. Д. Воейкова обнаруживает, что у Фили (экспрессивного, по нашим данным, ребенка) 2/3 ошибок — ассимиляция, у Вани (экспрессивного, по нашим данным, ребенка) 72% ошибок — это ассимиляция, а у Лизы (референциального, по нашим данным, ребенка) 42% всех ошибок — это диссимиляция.

Исходя из сказанного, имеются некоторые основания предположить, что для экспрессивных детей контраст в семантике важен, а в морфологии они его «не любят» (если не имитируют, что у них происходит часто), или он им до определенного возраста безразличен (используют дефолтные формы). Для референциальных же детей в семантике характерна в основном опора на генерализацию, а не на дифференциацию, но в морфологии они к дифференциации более склонны, чем в лексической семантике. Однако, разумеется, это предположение требует дальнейшего изучения.

Наконец, третий механизм освоения языка, который предлагается относить к базовым, — склонность к имитации. Естественно, без имитации невозможно освоение языка, поэтому имитация свойственна всем детям. Об имитации как механизме овладения языком пишет С. Н. Цейтлин [Цейтлин 2000]; имитацию называет «одним из ведущих способов усвоения ребенком тех навыков речевого и не только речевого поведения, которыми

владеет взрослый» А. Н. Корнев [Корнев 2004: 122]. Вместе с тем, известно, что степень склонности/несклонности ребенка к имитации может быть весьма различна. Так, С. Н. Цейтлин [Цейтлин 2000] приводит со ссылкой на Л. Блум данные о том, что есть дети, у которых имитируемая речь занимает не более 5%, а в речи других детей она занимает до 35%. Кроме склонности/несклонности к имитации как таковой, дети различаются и по особенностям этой имитации. Так, известно, что к имитации более склонны экспрессивные дети, а имитация у детей референциальных — более избирательна, они лучше имитируют существительные [Bates et al. 1988]. Наши собственные эксперименты продемонстрировали и другие аспекты «избирательности» имитации референциальных детей: в отличие от экспрессивных детей, склонных к имитации «без отбора», референциальные дети проявляют более выраженную склонность к имитации знакомых им слов [Доброва 2009, 2013b]. В этих же экспериментах подтвердилось и одно из положений зарубежных исследователей референциальных и экспрессивных детей: известная в онтолингвистике склонность детей имитировать только такие синтаксические конструкции, которые у них уже есть в спонтанной речи (например, появляющиеся в речи поздно пассивные конструкции, в которых агенс не совпадает с подлежащим, типа «Дом построен дедушкой»), касается не всех детей, а только референциальных; экспрессивные же дети могут имитировать такие конструкции на этапе, когда в спонтанной речи у них таких конструкций еще нет.

Имеются и другие свидетельства различной степени значимости имитации для детей. Приведем пример из области освоения детьми личных местоимений. Так, С. Чиат (например, [Chiat 1981, 1986]) утверждает, что дети способны осознать особенность семантики личных местоимений как шифтеров только за счет генерализации — основанного на произведенном обобщении осознания, что говорящий должен в отношении себя использовать местоимение 1-го лица, а в отношении собеседника — 2-го. Из этого автор делает вывод, что не может существовать детей, которые с самого начала используют в отношении себя местоимение 1-го лица, а не его субститут — личное имя. Это предположение (являющееся для С. Чиат аксиомой) заставило автора с абсолютным недоверием отнестись к данным Р. Чарни

[Charney 1980], показавшим, что существуют дети, с самого начала активной речи употребляющие личные местоимения — в период, когда произвести такого рода генерализацию дети еще не могут. Поскольку в нашем материале (как и у Р. Чарни) обнаружилось, что такие дети все же существуют, мы попытались проанализировать, за счет чего эти дети, не способные еще к такой сложной генерализации, могут начать говорить о себе в 1-ом лице, и обнаружили, что это возможно за счет построенной на специальном «обучении» имитации [Добрава 2003]. Так, мама упоминавшегося уже экспрессивного Фили прямо обучала его использовать местоимение 1-го лица: «Скажи я!». Сначала ребенок просто послушно повторял за мамой, но постепенно стал использовать в отношении себя это местоимение самостоятельно. Проведенные нами эксперименты (подробнее см. [Там же]) показали, что вначале подобные дети осознают это личное местоимение только как форму самореференции (они осознают релятивность его семантики позже, постепенно) — но начинают использовать его (и использовать адекватно) достаточно рано. Получается, что для таких детей имитация играет более существенную роль, чем для детей референциальных, поскольку, кроме своих основных функций, выполняет еще и функцию временной замены генерализации.

Таким образом, полагаем, что склонность детей к генерализации — свойство в большей степени детей референциальных, а к дифференциации и имитации — экспрессивных: эти два последних механизма как бы компенсируют этим детям их не очень большие способности к генерализации.

3. Вспомогательные механизмы освоения языка

К неосновным, дополнительным, вспомогательным механизмам, как представляется, следует отнести такие, которые не являются обязательными для освоения языка всеми детьми и базируются на свойствах, присущих не всем языкам. При этом по отношению к конкретному языку они могут быть как неслучайными (см. ниже пример, связанный с освоением детьми семантики терминов родства), так и относительно случайными (см. ниже пример *bootstrapping* — пример, основанный на сходстве субстантивной и адъективной системы флексий), однако по отноше-

нию к речевому онтогенезу — они случайны, поскольку имеются осваиваемые детьми языки, которым они не присущи.

Итак, пример, связанный с освоением детьми семантики терминов родства и родственных отношений. Одной из задач эксперимента, проводившегося нами в конце 1990-х гг. совместно с Х. Рагнарсдоттир, была проверка того, помогает ли «языковая подсказка» быстрее осваивать семантику терминов родства и, соответственно, родственных отношений. Для участия в эксперименте привлекались дети-монолингвы с тремя родными языками — исландским и датским (материал Х. Рагнарсдоттир) и русским (наш материал, 178 детей 3–4 лет) (подробнее см. [Доброва 2003]). Эти три языка были интересны тем, что в датском языке (как в большинстве европейских языков) у человека есть имя и фамилия; в русском языке — имя, отчество и фамилия, причем отчество содержит указание на имя отца, но не содержит слов «сын» и «дочь»; в исландском языке — имя и отчество, но нет фамилии, причем отчество содержит прямо эксплицированное указание на то, кому человек приходится сыном или дочерью: например, Рагнарсдоттир означает, что носительница этого отчества — дочь («доттир») Рагнара, а, например, Гюнарсон означает, что человек — сын Гюнара. Иными словами, датский язык не дает ребенку никаких подсказок о том, кто чей сын или дочь, русский язык такую подсказку дает, но в «завуалированном» виде, а исландский язык дает прямую подсказку, непосредственно формулируя в отчестве, чьим сыном или дочерью является данный человек. Можно было бы предположить, что раньше всех термины родства (по крайней мере, «сын» и «дочь») должны осваивать исландские дети, затем — русские и лишь затем — датские. В действительности же такой тенденции не наблюдается: все дети осваивали термины родства примерно в одинаковом возрасте. Из этого был сделан вывод, что в целом наличие/отсутствие языковой эксплицированности не оказывает существенного влияния на время окончательного осознания детьми семантики терминов родства.

Вместе с тем, в ходе исследования обнаружили и другие факты. В частности, выяснилось, что если окончательное осознание детьми семантики терминов родства как шифтеров, слов, зависящих от «точки отсчета», не зависит от осваиваемого детьми

языка, т. е. относится к числу «онтогенетических универсалий», то национальные (языковые) особенности могут оказывать существенное влияние на другое — в частности, на момент появления в лексиконе ребенка того или иного термина родства (другой вопрос, что в таком случае термин родства появляется не как дейктический знак, а как обычное слово с нерелятивной семантикой, причем жестко привязанное к определенному индивиду). Таким образом, получается, что языковая подсказка (неслучайная для данного языка, но случайная для речевого онтогенеза, т. к. большинство языков ее не имеет, и дети прекрасно справляются и без этой подсказки) не может внести существенных коррективов в особенности речевого онтогенеза, но может помочь ускорить процесс актуализации лексемы, введения ее в «языковой обиход» ребенка. Подобные подсказки, по-видимому, в первую очередь нужны не тем детям, которые и без этого способны (за счет генерализации) относительно быстро осознать термины родства как релятивные дейктические знаки, а тем, для которых на ранних этапах это сложно. Выше, при обсуждении вопроса о роли имитации, уже приводился пример того, как имитация способна восполнить несклонность к генерализации. Получается, что и вспомогательные механизмы нужны в первую очередь тем, кто не способен (не склонен) к опоре на генерализацию.

Аналогичные выводы можно сделать и в отношении грамматики. Так, в упоминавшемся выше разделе коллективной монографии [Semantics and Morphology... 2015: 185–217] и других своих работах М. Д. Воейкова [2011] приводит данные по совпадению флексий прилагательных с существительными как разновидности bootstrapping (дополнительной языковой подсказки, помогающей детям осваивать адъективную систему склонения): поскольку в языке имеются модели с совпадением флексий существительных и прилагательных, дети отталкиваются от освоенной ими к этому времени системы окончаний существительных при освоении системы склонений прилагательных. Фонологическое сходство, таким образом, выступает как bootstrapping по отношению к онтогенезу морфологической системы.

Склонность к опоре на раннем этапе на такие «совпадающие» флексии существительных и прилагательных М. Д. Воейкова в той или иной мере обнаруживает у всех детей (хотя и от-

мечает, что совпадающие, частично совпадающие и редупликативные сочетания флексий прилагательных и существительных в русском языке вообще более частотны). Вместе с тем, на основе приводимых ею данных можно сделать вывод, что эта разновидность bootstrapping в первую очередь важна для освоения языка экспрессивными детьми. Так, только в речи экспрессивного Фили (но не референциальной Лизы) встречаются наиболее существенные проявления такого bootstrapping — ошибки, при которых возникает окказиональное сходство флексий существительных и относящихся к ним прилагательных: «про Федорину горину» — ‘про Федорино горе’, «под грибом большом» — ‘под грибом большим’.

Поэтому есть некоторые основания полагать, что bootstrapping более существенен для экспрессивных детей: референциальным детям такая «подпорка» не особенно нужна.

Вместе с тем, не менее значимо и то, что примеры типа «про Федорину горину» отсутствуют (судя по приводимому М. Д. Воейковой материалу) не только у референциальной Лизы, но и у экспрессивного Вани. Полагаем, что такое различие у двух экспрессивных детей — Фили и Вани — связано с особенностями инпута. Как отмечалось выше, взрослые при общении с Ваней все время опирались на контраст («Это — X, а это — Y»; «Этот — такой-то, а этот — такой-то»), интуитивно предлагая ему именно свойственную ему стратегию дифференциации. Мать же Фили, тоже, естественно, используя, как и большинство матерей, подобные конструкции, не употребляла их так часто, так настойчиво. Иными словами, представляется, что bootstrapping нужен в первую очередь тем детям, которым по каким-то причинам не удастся опереться на другие, основные, механизмы овладения языком (как референциальной Лизе — на генерализацию, а экспрессивному Ване — на дифференциацию).

4. «Иерархия» механизмов освоения языка

В связи со сказанным представляется, что механизмы овладения языком, возможно, имеет смысл подразделять на основные и вспомогательные не только по тому, какие из механизмов являются более универсальными (для Языка вообще и для детской речи в частности), но и по тому, какой из этих механизмов спосо-

бен возместить другой механизм при невозможности (по различным причинам) опоры на более основной механизм.

Соответственно, на данный момент представляется, что можно выстроить следующую шкалу (с убыванием значимости, «базовости» механизма слева направо): генерализация — дифференциация — имитация — языковые подсказки, существенные для данного языка, но отсутствующие в других языках — языковые подсказки, не особенно значимые для языка (в том числе, bootstrapping, основанный на опоре на совпадение адъективных и субстантивных флексий). При этом, как представляется, чем более базовым оказывается механизм, на который опирается ребенок, тем более эффективна эта опора, тем больше она способствует скорейшему и наиболее полноценному речевому развитию ребенка.

5. Заключение

Таким образом, опора на различные механизмы освоения языка не универсальна и не характерна даже для всех детей, овладевающих одним и тем же языком. При этом факторы, связанные с «групповой» принадлежностью детей, влияют на использование этих механизмов по-разному, некоторые из этих факторов — опосредованно.

Так, социокультурный статус семьи ребенка сказывается на разнообразии лексикона, что в свою очередь, воздействует на появление синонимов в речи, и может оказывать влияние на склонность ребенка к генерализации. Кроме того, интуитивное осознание взрослыми «сильных сторон» ребенка, в частности — склонности к генерализации (что мы тоже связываем, хотя и не напрямую, с интеллигентностью окружающих ребенка взрослых) также может способствовать выбору ребенком одного из ведущих (а потому более эффективных) механизмов.

Опосредованное, хотя, возможно, и более существенное, чем социокультурный статус семьи ребенка, влияние на выбор механизмов овладения языком оказывает и гендерный фактор — пол ребенка. Более раннее когнитивное созревание девочек, возможно, приводит к тому, что девочки чаще, чем мальчики, оказываются референциальными детьми, вследствие чего они раньше способны опираться на генерализацию и, соответственно, на

разграничение более «тонкого» контраста и опоры на более частную генерализацию (что проявляется, в числе прочего, в их большей, чем у мальчиков, склонности к использованию синонимов).

Некоторые другие «групповые различия» детей также способствуют их опоре на тот или иной механизм овладения языком. Так, наличие старшего сиблинга (брата или сестры) может приводить, в особенности если родители поручают старшему «надзор» за младшим, к усилению роли имитации в формировании активного словаря (на пассивный словарь фактор наличия старшего сиблинга влияет меньше — подробнее см. [Доброва 2013a]).

Однако наиболее непосредственное влияние на опору на те или иные механизмы овладения языком оказывает «типологический» фактор — принадлежность ребенка к референциальным или экспрессивным (а также «промежуточным») детям. Референциальные дети в большей степени опираются на генерализацию, экспрессивные — на дифференциацию или на имитацию (имитацию как средство компенсации неспособности опереться на более базовые механизмы, в особенности — на генерализацию). Вспомогательные механизмы, всяческие языковые подсказки более значимы для экспрессивных детей.

Вместе с тем, речевое развитие каждого ребенка обусловлено воздействием сложного переплетения групповых факторов (и, в меньшей степени, собственно индивидуальных особенностей). Поэтому на основании анализа спонтанной речи детей можно лишь с некоторой степенью уверенности предполагать, насколько тот или иной фактор (например, типологический или гендерный) воздействуют на выбор механизмов овладения языком, на которые опирается ребенок. Поэтому окончательное подтверждение (или опровержение) сформулированным выше представлениям о влиянии тех или иных «групповых факторов» на выбор ведущих для детей механизмов овладения языком может дать только серьезное экспериментальное исследование данной проблемы, что может явиться предметом дальнейших изысканий.

Литература

Бондаренко, Доброва 2011 — А. А. Бондаренко, Г. Р. Доброва. О вариативности онтогенеза морфологической системы // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие сборник статей. Сер. «Studia philo-

- logica» отв. ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. Москва, 2011. С. 85–99. [A. A. Bondarenko, G. R. Dobrova. O variativnosti ontogeneza morfolozičeskoj sistemy [On variation of the development of morphology in young children] // Put' v jazyk. Odnoiazyčie i dvuiazyčie sbornik statej [The way to language. Monolingualism and bilingualism: Collection of articles]. Ser. «Studia philologica», ed. S. N. Tseitlin, M. B. Eliseeva. Moskva, 2011. P. 85–99].
- Воейкова 2011 — М. Д. Воейкова. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011. [M. D. Voeikova. Rannie etapy usvoeniia det'mi imennoj morfolozii russkogo jazyka [Early phases of the acquisition of Russian noun morphology by children]. M.: Znak, 2011].
- Воейкова 2013 — М. Д. Воейкова. Социально-экономический статус родителей и его влияние на качество усвоения языка ребенком // Проблемы онтолингвистики — 2013: Материалы междунар науч. конф. 26–28 июня 2013. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 293–297. [M. D. Voeikova. Sotsial'no-ekonomičeskii status roditelei i ego vliianie na kachestvo usvoeniia jazyka rebenkom [Socio-economical status of the parents and its influence on the quality of the child's language acquisition] // Problemy ontolingvistiki — 2013: Materialy mezhdunar nauch. konf. 26–28 iunija 2013 [Issues in first language acquisition — 2013: Working papers of the international scientific conference June 26–28, 2013]. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2013. P. 293–297].
- Детская речь... 1993 — Детская речь. Тексты, дневники, наблюдения. Учебные материалы. СПб.: Образование, 1993. С. 39–42. [Detskaia rech'. Teksty, dnevniki, nabljudeniia. Učebnye materialy [Child language. Texts, diaries, observations. Study materials]. SPb.: Obrazovanie, 1993. P. 39–42].
- Доброва 2000 — Г. Р. Доброва. Усвоение детьми личных местоимений: онтогенез персонального дейксиса // Речь ребенка: ранние этапы: [сб. ст.]: труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. СПб., 2000. Вып. 1. С. 115–146. [G. R. Dobrova. Usvoenie det'mi lichnykh mestoimenii: ontogenez personal'nogo deiksisa [The acquisition of personal pronouns by children: the development of personal deixis] // Rech' rebenka: rannie etapy: [sb. st.]: trudy postoianno deistvuiushchego seminaru po ontolingvistike [Child speech: early stages: [a collection of articles]: working papers of the permanently active seminar on first language acquisition]. SPb., 2000. Vol. 1. P. 115–146].
- Доброва 2003 — Г. Р. Доброва. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ

- им. А. И. Герцена, 2003. [G. R. Dobrova. Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniia i terminy rodstva) [The development of personal deixis (personal pronouns and kinship terms)]. SPb.: Izdvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003].
- Доброва 2007 — Г. Р. Доброва. Возрастная социолингвистика: к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики—2007. Материалы междунар. конф. СПб, 2007. С. 57–64. [G. R. Dobrova. Vozrastnaia sotsiolingvistika: k postanovke voprosa [Age-related sociolinguistics: formulating the problem] // Problemy ontolingvistiki — 2007. Materialy mezhdunar. konf. [Issues in first language acquisition — 2007. Working papers of the international conference] SPb, 2007. — P. 57–64].
- Доброва 2009 — Г. Р. Доброва. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики, 2009. № 9. С. 53–70. [G. R. Dobrova. O variativnosti rechevogo ontogeneza: referentsial'naia i ekspressivnaia strategii osvoeniia iazyka [On the variability of child language development: referential and expressive strategies of language acquisition] // Voprosy psikholingvistiki. 2009. № 9. P. 53–70].
- Доброва 2013a — Г. Р. Доброва. Вариативность речевого развития детей в зависимости от наличия/отсутствия у них старшего сиблинга // Проблемы онтолингвистики — 2013. Материалы международной научной конференции. 2013. С. 300–306. [G. R. Dobrova. Variativnost' rechevogo razvitiia detei v zavisimosti ot nalichii/otsutstviia u nikh starshego siblinga [Variation in child speech development depending on their having/lacking of an elder sibling] // Problemy ontolingvistiki — 2013. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Issues in first language acquisition—2013. Working papers of the international conference]. 2013. P. 300–306].
- Доброва 2013b — Г. Р. Доброва. Значимость выявления различий в имитации у детей для изучения вариативности речевого онтогенеза // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Труды Уральского психолингвистического общества. Екатеринбург, 2013. С. 46–57. [G. R. Dobrova. Znachimost' vyivleniia razlichii v imitatsii u detei dlia izucheniia variativnosti rechevogo ontogeneza [The significance of revealing differences in children's imitation for the study of variation in speech acquisition] // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti [Psycholinguistic aspects of studying speech activity]. Trudy Ural'skogo psikholingvisticheskogo obshchestva. Ekaterinburg, 2013. P. 46–57].
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянских культур, 2015. [M. B. Eliseeva. Stanovlenie individual'noi iazykovoi sistemy

- rebenka: rannie etapy [The development of the individual language system of a child: the early stages]. М.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2014].
- Зубкова 2000 — Т. И. Зубкова. Аналитическая и холистическая стратегии в речевом онтогенезе и процессе обучения // Вторые научные чтения. Тезисы докладов 26 окт. — 2 нояб. 2000 г. Петербургское лингвистическое общество. СПб.: Изд. СПбГУ, 2000. С. 17. [Т. И. Zubkova. Analiticheskaia i kholisticheskaia strategii v rechevom ontogeneze i protsesse obucheniiia [Analytical and holistic strategy in speech acquisition and in the process of learning] // Vtorye nauchnye chteniia. Tezisy dokladov [The second scientific readings. Abstracts] 26 okt. — 2 noiab. 2000 g. Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. SPb.: Izd. SPbGU, 2000. — P. 17].
- Корнев 2004 — А. Н. Корнев. Прагматические аспекты речевых имитаций у детей четвертого года жизни // Детская речь как предмет лингвистического исследования. Материалы междунар. конф. СПб.: Наука, 2004. С. 122–126. [A. N. Kornev. Pragmaticheskie aspekty rechevykh imitatsii u detei chetvertogo goda zhizni [Pragmatic aspects of speech imitations in children's fourth year of life] // Detskaia rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniia. Materialy mezhdunar. konf. [Child speech as an object of scientific study. Working papers of the international conference] SPb.: Nauka, 2004. S. 122–126].
- Овчинникова 2003 — И. Г. Овчинникова. Языковое сознание шестилетнего ребенка: гендерный и когнитивный параметры // Возрастное коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. Вып. 1. С. 132–142. [I. G. Ovchinnikova. Iazykovoe soznanie shestiletnego rebenka: gendernyi i kognitivnyi parametry [The linguistic mind of a six-year old child: the gender and cognitive parameters] // Vozrastnoe kommunikativnoe povedenie [Age-related communicative behaviour]. Voronezh: Izd-vo «Istoki», 2003. Vol. 1. P. 132–142].
- Овчинникова 2005 — И. Г. Овчинникова. Индивидуальная вариативность детских повествований как отражение различий в стилях освоения языка // Мерлинские чтения. Материалы межрегиональной конференции. Ч. 1. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2005. С. 172–178. [I. G. Ovchinnikova. Individual'naiia variativnost' detskiikh povestvovaniia kak otrazhenie razlichii v stiliakh osvoeniia iazyka [Individual variation in child narratives as a reflection of differences in language acquisition styles] // Merlinskie chteniia. Materialy mezhhregional'noi konferentsii. Ch. 1. [Merlin readings. Working papers of the inter-regional conference. Part 1.] Perm': Permskii gos. ped. un-t, 2005. P. 172–178].
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: учеб. пособие. М.: Владос, 2000. [S. N. Tseitlin. Iazyk i rebenok.

- Lingvistika detskoj rechi: ucheb. posobie [Language and the child. A study guide]. M.: Vldos, 2000].
- Bates et al 1988 — E. Bates, I. Bretherton, L. Snyder. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge, 1988.
- Charney 1980 — R. Charney. Speech roles and the development of personal pronouns // *Journal of Child Language* 7, 3, 1980. P. 509–528.
- Chiat 1981 — S. Chiat. Context-specificity and generalization in the acquisition of pronominal distinctions // *Journal of Child Language* 8, 1, 1981. P. 75–91.
- Chiat 1986 — S. Chiat. Personal pronouns // P. Fletcher, M. Garman (eds.). *Language acquisition (studies in first language development)*. Cambridge, 1986. P. 339–355.
- Clark 1987 — E. V. Clark. The Principal of Contrast: A constraint of acquisition // B. MacWhinney (ed.), *Mechanisms of Acquisition*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. P. 1–33.
- Hoff-Ginsberg 1991 — E. Hoff-Ginsberg. Mother-child conversation in different social classes and communicative settings // *Child development* 62, 1991. P. 782–796.
- Lieven et al 1992 — E. V. M. Lieven, J. Pine, H. Dressner-Barnes. Individual differences in early vocabulary development: redefining the referential-expressive distinction // *Journal of Child Language* 19, 2, 1992. P. 287–310.
- Murphy, Jones 2008 — M. L. Murphy, S. Jones. Antonyms in children's and child-directed speech // *First language* 28, 4, 2008. P. 403–430.
- Nelson 1973 — K. Nelson. Structure and strategy in learning to talk // *Monographs of the society for research in child development*. Serial № 149, 38, 3–4, 1973. P. 1–135.
- Nelson 1981 — K. Nelson. Individual differences in language development: implications for development and language // *Developmental psychology* 17, 1981. P. 170–187.
- Semantics and Morphology... 2015 — *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition»* (eds. E. Tribushinina, M. D. Voeykova and S. Noccetti). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
- Tribushinina 2008 — E. Tribushinina. *Cognitive Reference Points. Semantics Beyond The Prototypes in Adjectives of Space and Colour*. Utrecht: LOT, 2008.

М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина

*РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург),
Институт физиологии им. И. П. Павлова (Санкт-Петербург)*

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО
И КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ
ДЕТЕЙ 8–18 МЕСЯЦЕВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹**

Введение

С конца прошлого века пристальное внимание привлечено к ранним этапам речевого онтогенеза, малоизученным и в онтолингвистике, и в диагностике речевого развития. Исследователей интересуют при этом различные аспекты: изучение особенностей освоения языка конкретным ребенком, выявление общих закономерностей усвоения одного и того же языка разными детьми и общих закономерностей усвоения детьми разных языков [Цейтлин 2013: 78]. Мы (в целом) присоединяемся к мнению С. Н. Цейтлин, которая считает наиболее достоверным методом изучения речи детей «способ так. наз. case study — подробное и тщательное описание языкового развития конкретного ребенка на определенном возрастном этапе» [Там же]. Однако следует оговорить, что этот метод, во-первых, наиболее эффективен именно при изучении индивидуальной языковой системы конкретного ребенка (хотя, безусловно, дает представления об общих закономерностях освоения языка) и, во-вторых, очень трудоемок. Солидные лонгитюдные исследования — и дневниковые, и расшифрованные видеозаписи — можно перечислить по пальцам. Если индивидуальная языковая система как вариант языка, используемый одним человеком (ребенком), являющийся проявлением общей системы языка и отражающий языковую картину мира конкретного ребенка, лучше всего представлена в лонгитюдных исследованиях, то язы-

---

¹ Работа поддержана Российским научным фондом, грант 14-18-03668, «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

ковую систему как отражение языковой картины мира детей, говорящих на определенном языке в данный исторический период, лучше изучать с помощью другого метода — анкетирования родителей. Родители постоянно общаются с ребенком и наблюдают за ним в широком спектре спонтанных ситуаций, и поэтому хорошо составленный специалистами и хорошо заполненный родителями опросник дает интересные и разносторонние сведения об особенностях речи и коммуникации ребенка. Опросник позволяет исследовать вариативность развития уровней различных языковых компонентов внутри индивидуальной языковой системы у разных детей и их соотношение, а также влияние на речевое развитие различных факторов, например, социального статуса семьи, порядка рождения детей в семье или гендерной принадлежности ребенка.

В настоящей статье изложены результаты исследования влияния пола на различные параметры развития речи и коммуникации детей от 8 до 18 мес., основанные на данных анализа заполненных родителями опросников. Полученные результаты не только значимы для исследователей детской речи, но и находят практическое применение у специалистов различных профилей для диагностики речевого развития детей раннего возраста, а также могут стать базой для решения некоторых теоретических вопросов общего языкознания и психолингвистики.

Инструмент исследования:

Макартуровские опросники и их русифицированные версии

Источником материала для настоящей статьи послужили данные, полученные в результате статистической обработки опросника для родителей детей в возрасте от 8 до 18 мес. — русской версии «The MacArthur Communicative Development Inventory» (авторы — Fenson L., Dale P., Reznick S., Bates E., Thal D., Pethick S.). Эти два опросника, предназначенные для детей раннего возраста, находящихся на разных ступенях речевого развития: младенцев от 8 до 16–18 мес. и детей от 16–18 до 30–36 мес. (возраст варьируется в разных адаптированных версиях), — разработаны сегодня для 108 языков мира: финского, французского, баскского, итальянского, японского, корейского, персидского, хорватского, норвежского, иврита и многих других [Dale, Penfold 2011, <http://wordbank.stanford.edu>].

Исследователи отмечают, что родительский отчет оказался эффективным средством оценки речи детей раннего возраста. Данные, полученные путем анализа заполненных опросников, обеспечивают основу для стандартизированных сопоставлений лексикона отдельных детей с нормой, а также используются для выявления возраста появления отдельных слов в продуцировании и понимании, ранних жестов и символических действий [Jørgensen, Dale, Bleses, Fenson 2010]. Например, исследование Т. Tardif, Р. Fletcher, W. Liang, Z. Zhang, N. Kaciroti, V. A. Marchman [2008] основано на данных первого опросника — английской и двух китайских версиях (путунхуа и кантонском) — и сравнивает первые 10 слов в трех языках. В статье М. Б. Елисеевой [2014] сравнивается употребление первых прилагательных детьми, говорящих на разных языках, а в магистерском исследовании А. Д. Ивановой — глаголов [Иванова 2016].

Версии для русского языка были разработаны авторским коллективом: Елисеева М. Б., Вершинина Е. А., Рыскина В. Л., Цейтлин С. Н. (свидетельство о государственной регистрации базы данных МАКАРТ-РУС № 201 362 04 89 от 10 апреля 2013 г.).

Русская версия MacArthur CDI представляет собой два опросника: «Тест речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста: слова и жесты» (для детей от 0;8 до 1;5 включительно) и «Тест речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста: слова и предложения» (от 1;6 до 3). Опросник не преследует цели получения полных данных о развитии ребенка: «Мы рассматриваем список слов как индекс детского словаря — скорее, чем как исчерпывающий атлас» [Fenson, Dale 1993: 40]; «Статус опросников репрезентативный — скорее, чем полный» [Fenson, Dale 1994: 15]. Различия между реальным лексиконом ребенка и словарем опросника неизбежно увеличиваются по мере взросления ребенка и роста его лексикона [Елисеева, Вершинина 2007].

Тест создан с учетом когнитивистского подхода к развитию речи ребенка, разделяемого и онтолингвистами, работавшими над его русификацией: когнитивное развитие проходит свои стадии и имеет свои закономерности, общие для всех детей, что отражается на развитии коммуникативного поведения, в том числе и на развитии речи. Таким образом, при адаптации опросника произ-

водились лишь изменения, связанные с культурологическими и языковыми различиями.

Первый опросник содержит 427 слов, второй — 728 (включая звукоподражания). Список слов для русских опросников определяется на основе реальных начальных детских лексиконов (на материале дневниковых лонгитюдных данных М. Б. Елисейевой и данных 20 лексиконов Лаборатории детской речи РГПУ им. А. И. Герцена). Ориентируясь на первоисточник, мы, однако, включали в русский опросник только те русские эквиваленты английских слов, которые обнаруживались в записях спонтанной речи русскоговорящих детей.

Говоря о наших предшественниках, следует вспомнить о коллективе, занимавшемся русификацией западных опросников: в Институте раннего вмешательства в Санкт-Петербурге были адаптированы два американских опросника — KID (R) и RCDI-2000 [Чистович, Рейтер, Шапиро 2000; Шапиро, Чистович 2000]. Они «представляют собой вопросники, составленные по результатам анализа разнообразных типичных форм поведения детей первых лет жизни» (http://new.eii.ru/informacionnyj_centr/voprosnik_kid_i_rcdi/) и обследуют широкий круг навыков, среди которых усвоение языка занимает не очень значительную часть. Однако на основании этих опросников был впервые проанализирован начальный лексикон русских детей [Воейкова, Чистович 1994]. В 90-е годы И. А. Чистович был переведен на русский язык раздел «Жесты» из «MacArthur CDI», собраны и проанализированы данные по жестам детей, говорящих по-русски.

Работа по адаптации Макаруровских опросников началась на кафедре детской речи РГПУ им. А. И. Герцена в 2000 г. с разрешения авторов. Адаптировали и русифицировали тексты опросников С. Н. Цейтлин и М. Б. Елисейева. С 2002 г. главной целью стало распространение опросников среди родителей, сбор и ввод в базу данных полученного материала. Эта работа была завершена только к 2012 году. А. М. Вершининым была создана база данных на основе системы Microsoft Access, в которую были введены 768 опросников для детей в возрасте от 8 до 18 мес. (данные 416 мальчиков и 352 девочек) и 1037 опросников для детей в возрасте от 18 до 36 мес. (данные 487 мальчиков и 550 девочек). Е. А. Вершиной были рассчитаны нормы — для каждого месяца

ца и для каждого пункта опросника — как на основании средних значений, так и на основании медиан. Кроме этого, для каждого возраста были рассчитаны процентиля от 5% до 99%, служащие основанием для принятия решения о соответствии развития конкретного ребенка возрастной норме. Зависимости изучаемых параметров для некоторых процентилей от возраста были аппроксимированы логистической кривой в целях получения сглаженных данных. Полученные данные были представлены в таблицах, а для ряда процентилей (10%, 25%, 50%, 75% и 90%) — на графиках. Нормы рассчитывались как для обоих полов вместе, так и отдельно для мальчиков и девочек. Результаты исследования отражены в публикациях, некоторые из которых приведены в библиографическом списке. Работа по созданию бланков анализа и представлению норм развития речи для педагогов и родителей была выполнена В. Л. Рыскиной. Часть полученных нормативов опубликована в книге: [Елисеева, Вершинина, Рыскина 2017].

Нормы лексического развития русскоязычных детей размещены на сайте <http://www.cdi-clex.org> наряду с данными 11 языков. Сайт позволяет сопоставлять не только словарный состав разных тематических групп в лексиконах детей, овладевающих разными языками, но и употребление отдельных лексических единиц. Информация о русском опроснике и нормы лексического развития детей в возрасте от 8 до 18 мес. представлены также на сайте <http://wordbank.stanford.edu>, где упомянуты 108 языков, а нормы доступны для 25 языков.

Методы анализа данных

В данном исследовании применялись следующие методы анализа данных: расчет доверительных интервалов для средних значений, регрессионный анализ — аппроксимация зависимостей значений параметров для различных процентилей от возраста логистической кривой, t-test и критерий Манна-Уитни для сравнения значений средних и медиан между мальчиками и девочками в каждом разделе и для каждого возраста, ковариационный анализ для проверки влияния пола ребенка на развитие речи в каждом разделе при исключении влияния возраста. Визуальный анализ показал, что в возрастных группах 8–10 мес. (включительно), 11–14 (включительно), 15–18 (включительно) поведение данных раз-

личное, и в связи с этим в дальнейшем был проведен анализ частот ответов в этих возрастных группах.

Результаты исследования

Общепринятым и среди специалистов, и среди родителей является мнение, что девочки в развитии речи опережают мальчиков. Однако анализ полученных данных показывает, что это не совсем так и зависит и от того, какое именно умение имеется в виду и о каком возрасте ребенка идет речь.

Первые признаки понимания речи

Опросник начинается с трех вопросов, ответы на которые свидетельствуют о первых проявлениях понимания речи ребенком. Среди **«Первых признаков понимания»** и в оригинале, и в русской версии называются следующие: реакция на свое имя («Реагирует, когда вы зовете его (называете его имя), например, замирает и смотрит на источник звука»), на слово *нельзя* («приостанавливается, прислушивается хотя бы на мгновение») и на вопрос *«Где мама/папа?»* (оглядывается, ища взглядом).

Уже исследователи XIX — начала XX вв. знали, что «понимание знаков предшествует их применению» [Компере 1912: 268]. В. Штерн признаком понимания считал «целесообразные реакции» ребенка на приведенные слова: указание на названный предмет или исполнение требования: «В этом возрасте нельзя констатировать: сегодня ребенок немного понимает смысл слова, завтра больше, послезавтра вполне — нет, мы разом замечаем: ребенок замечает то, что мы имеем в виду» [Штерн 1915: 77]. На схожие реакции указывал и Р. Гаупп: ответы на вопросы «Где мама?», «Где тик-так?»; исполнение простейших требований («Дай ручку»). Р. Гаупп делает вывод о том, что «детские слова не обозначают предметов; ребенок обозначает своим словом не то, что он видит или слышит, но то, что он хочет иметь» [Гаупп 1926: 82]. Н. А. Рыбников описывал различные реакции детей, свидетельствующие о понимании, возникающие в возрасте от 5 до 9 мес. Интересно, что он указывал на те же реакции: свое имя; вопрос *где?*; слово *нельзя*; названия некоторых предметов; просьба *дай/на* и некоторые другие.

Наше исследование показало, что в **реакции на имя и на слово «нельзя»** есть статистически значимые различия между полами (в пользу мальчиков!) в промежутке 11–14 мес. (* $p < 0,05$). Последний факт можно объяснить тем, что родители мальчиков чаще пользуются запретами. В понимании фразы «Где **мама / папа?**» статистически значимых гендерных различий нет, хотя график показывает, что у девочек в этом пункте более постепенное ровное развитие, а у мальчиков — «крутое». Процентные показатели по трем первым фразам высоки — более 90% уже с 8 мес.

В понимании первых фраз (*Хочешь есть? Пойдем гулять? Вставай. Открой ротик. Сядь. Спать пора* и т. п. — всего в опроснике 26 фраз) в 9 мес. есть значимые различия в пользу мальчиков (!), * $p < 0,05$, а в 17 — значимые различия в пользу девочек, ** $p < 0,01$ (см. Табл. 1). При групповой статистике девочки значимо опережают мальчиков (** $p < 0,01$), но только в промежутке 11–14 мес.

Особенности имитации и лексический взрыв

Следующий раздел опросника — «**Ребенок начинает говорить**» — содержит два пункта: особенности проявления склонности к имитации («Ваш ребенок любит “попугайничать”, т. е. повторять за взрослым слова или часть фразы, которые только что услышал») и интереса к называнию предметов («Вашему ребенку нравится показывать и называть окружающие предметы»)².

Анализируя особенности **имитации**, следует помнить о существовании разных типов детей, склонных и не склонных к имитации. В 1866 г. об этом писал Б. Сигизмунд: «Некоторые раньше одного или даже одного с четвертью года не решаются перенять от кормилицы ни одной йоты. Другие же, как мартышка, тотчас же готовы на то... раннее подражание не указывает вовсе на то, что в ребенке раньше и сильнее проявятся более высокие стороны души. У начинающих подражать поздно... является часто все

---

² В ответах на оба пункта учитывались три варианта: *никогда, иногда, часто* — причем ответы *иногда* и *часто* суммировались как утвердительные, а ответ *никогда* учитывался как отрицательный. Именно так производились подсчеты данных американского опросника.

разом» [Сигизмунд 1866: 111]. Ж. Пиаже различал раннюю, неосознанную, «сенсомоторную» имитацию в первые два года жизни ребенка и более позднюю «репрезентативную» («отсроченную») имитацию, возникающую к концу второго года жизни. Результаты исследования Л. Блум показали, что для освоения языка имитация не является необходимой. Степень имитации, по ее данным, варьировалась у разных детей, оставаясь постоянной для каждого ребенка. Детям, склонным к имитации, повторение помогало выучить новые слова. Некоторые дети имитировали то, что находится в процессе усвоения, не повторяя хорошо усвоенное и совсем неизвестное [Bloom 1991: 398]. Л. Блум считает, что разногласия в литературе о роли имитации в языковом развитии отчасти могут быть объяснены тем, что различные исследователи наблюдали разных детей, склонных или не склонных к имитации в силу разных причин, например особенностей взаимодействия с родителями, индивидуальности и особенностей интеллекта ребенка [Там же: 404]. Время появления имитации тоже по-разному определяется исследователями. Б. Сигизмунд отмечал, что до 14 мес. его сын «еще совсем ничему не подражал», а в этом возрасте совершенно верно в полусне пропел ритм песни, напеваемой ему отцом. Автор приходит к выводу, что ребенку, как птице, «легче повторить звуки пения, чем говора». Несколько дней спустя было замечено подражание чиханию. Подражание первым словам началось с 16 мес., когда ребенок понимал более 20 слов и произносил два [Сигизмунд 1866: 157]. В статье Г. Р. Добровой, посвященной вариативности речевого онтогенеза, дан обзор зарубежных исследований, касающихся имитации в речи детей, представляющих различные точки зрения на имитацию и ее роль в усвоении языка. Так, К. Нельсон было высказано предположение о том, что склонны к имитации дети экспрессивного речевого стиля. Однако в других западных исследованиях указано, что в определенном возрасте референциальные дети оказались более склонны к имитации. Г. Р. Доброва считает продуктивным предположение зарубежных исследователей о том, что существует имитация с пониманием и без него, и подтверждает его результатами собственного исследования: оказалось, что более склонны к имитации экспрессивные дети, однако «они имитируют «без отбора»: готовы к имитации «без понимания» и, по-видимому, по-

вторая, не вдумываются в значение имитируемого языкового знака» [Доброва 2009: 70]. Наше исследование обнаружило, что у ребенка референциального речевого стиля, прежде не склонного к имитации, она начала развиваться с 1;7 — незадолго до начала лексического взрыва. В 1;8–1;9 возникла «настоящая» (по Л. Блум) имитация — повторение ребенком любых слов, в том числе и непонятных ребенку, при этом произошла смена «имитационной» стратегии: «звуковая» (тенденция к более или менее точной передаче звукового состава) изменилась на «слоговую» (тенденция к сохранению слоговой структуры) [Елисеева 2015].

Все вышесказанное следует учитывать, анализируя полученные нами результаты. В 8 мес. **имитируют речь взрослых** в среднем 35,6% детей вне зависимости от пола, из них — 26,5% мальчиков и 48% девочек ($p > 0,05$). В 8 мес. есть тенденция к различию в пользу девочек ($p < 0,1$), а в 17 мес. имеются значимые различия ($*p < 0,05$). В возрастной промежуток 11–14 мес. также есть тенденция к различию (опережение девочек) — $p < 0,1$. Однако в 18 мес. мальчики догоняют и даже немного опережают девочек, хотя и незначимо (исходные проценты: 61,9% — в целом (64,1 мальчики и 58,3 девочки). Ковариационный анализ данных — сравнение процентов ответов девочек и мальчиков при исключении влияния возраста — обнаружил отсутствие значимых различий по всем данным ($p = 0,163$).

Наличие в речи ребенка момента, когда он делает открытие, что «каждая вещь имеет название», впервые заметил и описал В. Штерн [Штерн 1915: 92]. «Этот поворот, — считает В. Штерн, — обнаруживается двумя симптомами: внезапно пробуждающимся стремлением ребенка спрашивать имена вещей и... увеличением запаса слов, особенно существительных». Вслед за В. Штерном об этом же писал Р. Гаупп, связывая возникновение у ребенка понимания того, «что каждая вещь имеет свое имя (и притом одно и то же) с переходом от «пожелательных слов» к предметным» [Гаупп 1926: 83]. Ссылаясь на К. Бюлера, К. Коффка писал, что «слово включается в структуру вещи так же, как палка в ситуацию “стремления получить плод”» [Коффка 1934: 207]. В. Штерн называл этот период «второй эпохой развития речи» (приблизительно от 1;6 до 2;0), когда «пробуждается сознание значения речи и воля завоевать его» [Штерн 1915: 101]. Р. Гаупп

указывает, что «в возрасте 18–24 мес. ребенок вступает в период вопросов по поводу видимых им лиц и вещей (чему соответствует вопросительная интонация его слов-предложений). Запас слов у ребенка в это время значительно увеличивается и его психическое развитие идет более быстрыми темпами» [Гаупп 1926: 85]. Н. А. Рыбников отмечал, что большинство детей дают заметное увеличение словаря в конце второго года [Рыбников 1926: 28]. С 70-х гг. XX века об этом явлении, называя его *the vocabulary spurt*, *the vocabulary burst*, *the naming explosion*, стали писать многие западные исследователи (Bloom, Dromi, McCarthy, Nelson, Dore, Franklin, Miller, Ramer; Gillis, DeSchutter; Reznick, Goldfield и другие, см. обзор в: [Ganger, Brent 2004]). Достижение ребенком этого рубежа указывало на начало периода значительного развития и в других языковых областях. Исследователи писали о том, что первые комбинации слов появляются после возникновения лексического взрыва [Bates et al. 1988].

Один из авторов настоящей статьи неоднократно писал о феномене лексического взрыва на материале собственных дневниковых данных [Елисеева 2008: 2015]: сначала примерно в течение года ребенок усваивает 1–5 слов в месяц; затем возникает лексический скачок (8–12 слов в неделю), а спустя еще 2–3 месяца — лексический взрыв (15 и более слов в день)³. После этого рост актива столь стремителен, что в течение месяца лагуна между ним и пассивным словарем практически исчезает. Причиной лексического взрыва в речи детей раннего возраста в работах исследователей XIX — начала XX вв. принято было считать открытие ребенка, что «комплексы звуков обладают обозначающей (символической) ценностью... каждому предмету принадлежит такой знак, служащий для называния и сообщения» [Штерн 1915: 92]. Некоторые современные исследователи считают, что причина возникновения лексического взрыва — *fast mapping* — явление, о котором впервые написали в 1978 г. Керри и Бартлетт [Care, Bartlett 1978], а в дальнейшем писали многие исследователи [Swingley 2010]. В когнитивной психологии *fast mapping* — ментальный процесс, посредством которого выучивается новый кон-

---

³ По данным нашего лонгитюдного исследования лексический скачок возник у ребенка в 1,5, а взрыв — в 1,8 [Елисеева 2015].

цепт. Именно он объясняет удивительную скорость, с которой дети пополняют словарь. Для этого дети должны владеть способностью выбрать референт и удержать в памяти новое слово. Возможно, понятие *fast mapping* соотносится со штерновским открытием ребенком того факта, что «все вещи имеют имена». Исследователи указывают, что лексический взрыв совпадает с главным когнитивным изменением — «инсайтом наименования»: именно когда дети приходят к этому внезапному открытию, скорость усвоения слов увеличивается [Ganger, Brent 2004: 621].

Однако лексический взрыв присутствует в речи далеко не всех детей [Clark 1993; Mervis, Bertrand 1995; Ganger, Brent 2004; Dandurand, Shultz 2010]. Это замечено авторами лонгитюдных исследований, прослеживающих развитие отдельных детей, и зафиксировано при изучении опросников. Проанализировав результаты заполненных опросников 1142 детей в возрасте от 16 до 30 месяцев, L. Fenson, P. Dale и др. отметили, что анализ данных не обнаруживает лексический взрыв, о котором часто пишут в исследованиях индивидуальных случаев: лексический взрыв имеет почти легендарный статус в исследованиях детской речи, но в действительности не является универсальным феноменом. «Поздноговорящие» дети склонны к монотонному увеличению словаря; другие дети показывают серии маленьких взрывов [Fenson et al. 1994: 43]. Представляется, что лексический взрыв характеризует речь референциальных детей, но не экспрессивных.

Анализ данных опросника показал, что в 8 мес. стремятся узнать названия предметов в среднем 11,9% детей (вне зависимости от пола), из них — 5,9% мальчиков и 20,0% девочек. Тенденция к различию в области называния (в пользу девочек) есть в следующих возрастах: 8 мес., 13 мес., 16 мес., а также в возрастном промежутке 11–14 мес. ($p < 0,1$). В дальнейшем мальчики начинают проявлять больший интерес к называнию, и в 18 мес. показатели таковы: 77,8% — в целом (82,1 мальчики и 70,8 девочек). Ковариационный анализ данных обнаружил отсутствие значимых различий по всем данным ($p = 0,117$). Заметим, что 18 месяцев — возраст, ограничивающий использование первого опросника, а в этом возрасте даже те дети, которые склонны обнаруживать в речи лексический взрыв, редко достигают стадии активного интереса к называнию предметов.

Траектории развития интереса к называнию у детей разного пола одинаковы, но мальчики на месяц отстают. Графики имитации и у мальчиков, и у девочек пилообразные, и это можно объяснить тем, что склонность ребенка к имитации не зависит от пола и в большей мере является индивидуальной особенностью, обусловлена речевой стратегией ребенка и особенностями инпута.

Пассивный и активный лексикон

Группа «Слова» включает в себя два раздела: «Понимает» и «Понимает и говорит», поскольку основной характеристикой лексикона в ранний период является разрыв между понимаемой речью и продуцируемой: «Понимание некоторого количества слов всегда (?)⁴ предшествует говору» [Сигизмунд 1866: 145]; «В этом периоде ребенок с нормальными душевными способностями делает очень быстрые успехи в понимании того, что ему говорят. Успехи в собственном пользовании речью бывают очень различны» [Друммонд 1910: 296]. Об этом же писал В. Штерн: «Из бесчисленных слов обиходного языка, которые ребенок постоянно слышит вокруг себя, его дух бессознательно делает отбор, причем огромное большинство их пропускает мимо ушей и усваивает лишь немногие. Этот отбор бывает двойной; более значительное число слов переходит за “порог сознания”, менее значительное поднимается уже и за “порог речи”. Эта отсталость своей речи от понимания речи есть, правда, особенность, которая сохраняется и в позднейшие годы, даже в возрасте взрослого... но никогда эта разница не проявляется так поразительно, как в первые месяцы речи» [Штерн 1915: 78]. Г. Л. Розенгарт-Пупко писала: «Обычно изучение понимания ребенком речи окружающих исчерпывается доречевым периодом... Между тем понимание речи никогда не имеет такого большого значения, как во время развития самостоятельной речи ребенка на втором году его жизни» [Розенгарт-Пупко 1948: 104]. Соотношение понимания и продуцирования, основанное на лонгитюдных данных речи восьми детей, впервые было исследовано Х. Бенедикт [Benedict 1979], выявившей, что понимание первых 50 слов приблизительно на пять ме-

---

⁴ Вопросительный знак у автора.

сязцев опережает продуцирование, а скорость усвоения слов в пассивном словаре почти вдвое выше, чем в активном.

В начальный активный лексикон ребенка исследователи чаще всего включают либо первые 50, либо первые 100 слов. Так, под первыми словами детей М. Д. Воейкова понимает вслед за Е. Ливен набор из ста слов в том порядке, в котором они впервые были отмечены в речевой продукции [Воейкова 2015: 113; Lieven, Pine, Dressner-Barnes 1992: 288]. Представляется, однако, что лучше дать определение, исходя из качественно важного явления в развитии словаря ребенка: начальный детский лексикон — собрание лексических единиц в тот период, когда существует значительный разрыв между пассивным и активным лексиконом (ПЛ и АЛ) ребенка [Елисеева 2008; 2015]. У разных детей этот разрыв исчезает (на время!) в разном возрасте, однако значительный рост лексикона действительно наблюдается после достижения ребенком уровня 100 слов, когда возникает лексический скачок.

Результаты статистической обработки этих пунктов опросника следующие.

В 8–10 мес. мальчики **понимают** в среднем 58,96 слов, а девочки — 61,19; в 11–14 — 125,78 и 141,03 соответственно; в 15–18 — 200,85 и 211,72. Статистически значимые различия в понимании слов (с опережением девочек) появляются в 11–14 мес. — есть тенденция к различию, $p < 0,1$. Траектории развития пассивного лексикона у мальчиков и девочек хорошо аппроксимируются прямыми линиями, которые практически параллельны.

Продуцирование слов — пункт, по которому обыкновенно делают выводы об отставании мальчиков в развитии речи, и это интуитивное мнение в целом подтверждается результатами анализа наших данных. Вначале девочки и мальчики говорят чрезвычайно мало, и никаких отличий не обнаружено: 8, 9, 10 мес. — 1 слово, 11 мес. — 2 слова. С 13 мес. девочки начинают несколько опережать мальчиков — и в дальнейшем эти различия становятся значимыми. В 15–18 мес. мальчики говорят в среднем 24,87 слов, а девочки — 35,88. Таким образом, возрастная динамика развития активного лексикона сходна у мальчиков и девочек, но после 14 мес. девочки демонстрируют более резкий рост. В 15–18 мес. есть значимое различие в пользу девочек, $*p < 0,05$.

В группе риска в 13–15 мес. у девочек по 1 слову, в 16 — 2, в 17 — 4, в 18 — 6. Мальчики попадают в группу риска, если в 16–18 мес. произносят лишь по 1 слову.

Действия и жесты

Раздел опросника «**Действия и жесты**» представляет развитие невербальных средств общения, а также особенности когнитивного развития ребенка. В группе «**Первые коммуникативные жесты**» — 13 жестов (указательный, до свидания, нет, да, нельзя, спасибо и др.); в группе («**Игры и потешки**» — 7) — традиционные для детей раннего возраста потешки («Сорока-ворона», «Ладушки») и действия (поет, танцует, играет в прятки и т. п.). «**Действия с предметами**» (15) — группа, включающая бытовые действия, которые ребенок делает или пытается делать: ест ложкой, пьет из чашки, вытирает лицо, чистит зубы, говорит по телефону и т. п. Развитие этих трех разделов в целом сходно: первые жесты, игры и действия появляются до 10 мес., а в 11–14 мес. их количество заметно увеличивается. После 14 мес. рост внутри второй группы меньше: вероятно, те действия и игры, которые используются в данной семье, усваиваются ребенком рано. Социальные умения из третьей группы возникают немного позже и развиваются ровно в течение всего рассматриваемого периода у мальчиков и девочек. В производстве жестов девочки с самого начала опережают мальчиков, и разница в скорости усвоения постепенно увеличивается: в 8–10 мес. есть тенденция к различию, $p < 0,1$; в 11–14 и в 15–18 мес. — значимость ($**p < 0,01$). Гендерные отличия в группе «Игры и потешки» проявляются сходным образом, хотя и чуть позже: в 11–14 $p < 0,1$ (есть тенденция к различию), в 15–18 — значимость ($*p < 0,05$). Похожая картина и в группе «Действия с предметами»: сначала разницы нет, в 11–14 девочки значимо опережают, $***p = 0,001$, а в 15–18 мес. $*p < 0,05$ (здесь и далее см. Табл. 2).

Группа «**Подражание родителям**» (12) включает в себя действия ребенка с игрушками: укладывает в кровать, кормит, качивает, одевает, обнимает, шлепает и т. п. В этом пункте мальчики значимо отстают от девочек (в 11–14 и в 15–18 мес. $***p < 0,001$), и это отставание вполне объяснимо российскими традициями воспитания мальчиков.

«Имитация действий взрослых» (подметает, пылесосит, заколачивает гвозди молотком, поливает цветы, печатает, читает, пишет, надевает очки и т. п. — всего 14) — единственный пункт, где у мальчиков есть значимое опережение: в 8–10 и в 15–18 мес. $*p < 0,05$.

«Использование предметов понарошку»

В последнем разделе дано три примера подобной деятельности: «Переливает воображаемую жидкость из одной емкости в другую», «Понарошку мешает что-то в кастрюле или чашке», «Во время игры Ваш ребенок иногда использует один предмет вместо другого». О подобной символической деятельности неоднократно писали и психологи, и лингвисты: «Ребенок уже в раннем возрасте осознает возможность переноса значения и пользуется этой возможностью с целью известной выразительности... Женя (2;0.10) просил листок ландыша: *Дай литоцьку не* (дай листочек мне). Получив листок, называет его липка (рыбка). Он действительно был похож на игрушечных рыбок» [Гвоздев 1990]. «В символической игре когнитивные процессы создают воображаемую реальность», — пишет Т. И. Пухова [Пухова 2005: 7]. Игра ребенка может сопровождаться переименованиями метафорического характера: ребенок кормит мышку шахматной фигуркой; нажимает воображаемую кнопку лифта; идет в «магазин» покупать «фрукты»; превращает стиральную машину в корабль, кусочек хлеба в мыло, а пространство между оконными рамами — в клетку для воображаемых мышей — и комментирует свою игру [Елисеева 2015].

Это единственный пункт, где групповая статистика не показывает статистически значимых гендерных различий — следовательно, символическая деятельность не связана с полом ребенка. Отметим, однако, что в возрасте 18 мес. (максимальном для данного опросника) развитие символической игры находится еще на начальных стадиях (из предложенных трех примеров родители в среднем отмечают только один).

Зарубежные исследователи о гендерных различиях в усвоении речи

В заключение скажем несколько слов о зарубежных гендерных исследованиях. О связи роста словаря, инпута и гендера писали J. Huttenlocher, W. Haight, A. Bryk, M. Seltzer, T. Lyons [1991]

еще до создания CDI. Поскольку статистические показатели речевого и коммуникативного развития при обработке опросников, созданных для разных языков, вычисляются не только для обоих полов, но и по отдельности для мальчиков и девочек, есть возможность сопоставить развитие детей разного пола. В исследовании М. Eriksson, Р. В. Marschik и др. [2012], основанном на анализе данных опросников, изучались гендерные различия в развитии языка у 13,783 европейских детей в возрасте от 8 до 30 мес. из 10 неанглоязычных сообществ (австрийский немецкий, баскский, хорватский, датский, эстонский, французский, галисийский, словенский, испанский, шведский). Результаты показали, что девочки немного опережают мальчиков в усвоении коммуникативных жестов, продуктивного словаря и в появлении первых фраз. Разница увеличивалась с возрастом. Несмотря на значительные различия в развитии этих навыков в разных языках, разница между девочками и мальчиками оставалась. Это позволяет предположить, как считают авторы, что разница обусловлена надежными постоянными факторами. М. С. Frank, М. Braginsky, D. Yurovsky, V. A. Marchman [2016] указывают, что девочки обнаруживают незначительное, но достоверное преимущество в раннем продуцировании слов в 11 языках (английском, датском, испанском, кантонском и мандаринском диалектах китайского языка, немецком, норвежском, русском, турецком, хорватском, шведском). Исключением является продуцирование мальчиков и девочек, говорящих по-итальянски. Авторы статьи считают, что, хотя данные <http://wordbank.stanford.edu> не позволяют рассуждать о происхождении этой разницы, они позволяют формулировать гипотезы с существенно большей ясностью, чем прежде.

Выводы

Если рассмотреть гендерные отличия помесячно, то статистически значимые различия обнаруживаются в определенные месяцы (все — с опережением девочек, кроме имитации действий взрослых):

— жесты значимо отличаются в 17 мес.; тенденция к различию есть в 8 и 10 мес.;

— игры и потешки значимо отличаются в 13 и 17 мес.; тенденция к различию есть в 8 и 18 мес.;

— действия с предметами значимо отличаются в 12 и 15 мес.; тенденция к различию есть в 17 мес.;

— подражание родителям значимо отличаются ежемесячно в 12 и 18 мес.;

— использование предметов понарошку значимо отличается в 17 мес.; тенденция к различию — в 8 и 13 мес.;

— имитация действий взрослых значимо отличается в 9 мес.;

— в понимании слов в 17 мес. отмечена тенденция к различию;

— в продуцировании слов в 17 мес. отмечена значимость.

Знаменательным представляется тот факт, что почти все разделы обнаруживают значимые различия или (реже) тенденцию к различию в 17 мес. (кроме имитации действий взрослых и подражания родителям). Мы предполагаем, что это обусловлено качественными изменениями в развитии речи и коммуникации в этом возрасте. Именно в этом возрасте в речи наблюдаемого нами в естественных условиях информанта произошел лексический скачок [Елисеева 2015].

Итак, традиционное представление специалистов и родителей о том, что речь мальчиков развивается медленнее, чем речь девочек, во многом обоснованно. Однако скорость усвоения того или иного явления детьми разного пола зависит как от особенностей самого явления, так и от возраста детей.

1) Наше исследование показало, что в области понимания речи на самых ранних этапах мальчики в целом почти не отстают от девочек, а в реакции на свое имя и слово *нельзя* в 11–14 мес. даже опережают их. Однако в целом в развитии понимания тенденция к различию в пользу девочек отмечена в 11–14 мес. (в 15–18 статистически значимых различий нет). Траектории развития пассивного лексикона у представителей обоих полов хорошо аппроксимируются прямыми линиями, которые практически параллельны.

2) В развитии имитации речи взрослых и стремления называть предметы с 8 мес. есть некоторое опережение девочек, однако к 18 мес. мальчики догоняют их. 18 месяцев — возраст, ограничивающий использование первого опросника, в который включены эти умения, а в этом возрасте дети — даже те, кто обнаружи-

вает в речи лексический взрыв, связанный с развитием имитации и названия, еще не достигли этой стадии. Представляется, что способность к имитации не зависит от пола, индивидуальна, обусловлена речевой стратегией ребенка (референциальной или экспрессивной) и особенностями коммуникации взрослого с ребенком.

3) Активный лексикон девочек с 15–18 мес. развивается быстрее: в этом возрасте есть значимые различия в пользу девочек. В группе риска в 13–15 мес. у девочек по 1 слову, в 16 — 2, 17 — 4, 18 — 6. Мальчики попадают в группу риска, если в 16–18 мес. произносят 1 слово.

4) В производстве жестов девочки с 8 мес. опережают мальчиков, и разница в скорости усвоения постепенно увеличивается: в 8–10 мес. есть тенденция к различию; в 11–14 и в 15–18 мес. — значимость.

5) Гендерные отличия в развитии игр и потешек и манипулятивных действий с предметами проявляются сходным образом. Предметные игры-подражания гораздо лучше развиты у девочек (кормит, укачивает, одевает, обнимает, шлепает), а бытовые действия (подметает, пылесосит, заколачивает гвозди) — у мальчиков, что объяснимо российскими особенностями воспитания.

6) Символическая игра — единственный пункт, где отсутствуют статистически значимые гендерные различия. Это объясняется тем, что действия с воображаемыми предметами и игры с предметами-заместителями развиваются относительно автономно, зависят от особенностей отношения к ним взрослых, характеризуют не столько речь, сколько другие когнитивные способности и процессы, например воображение и мышление.

Приложение

Таблица 1. Статистические характеристики числа понимаемых фраз
Понимание фраз

Воз- раст	Пол													
	мальчики							девочки						
	N	Mean	SE	SD	Min	Max	Median	N	Mean	SE	SD	Min	Max	Median
8	34	9,65	,77	4,51	1	25	10,0	25	9,52	,94	4,72	3	21	8,0
9	21	14,48#	1,18	5,40	4	24	15,0	21	10,86	1,16	5,32	5	24	9,0
10	35	12,71	,76	4,50	4	22	13,0	28	13,29	,86	4,57	5	20	15,0
11	44	15,77	,70	4,65	5	24	15,5	27	17,37	,87	4,52	8	26	18,0
12	39	16,23	,73	4,56	3	25	17,0	37	18,08	,93	5,65	6	26	18,0
13	39	18,10	,64	4,02	8	26	18,0	34	18,41	,84	4,90	6	26	19,5
14	36	19,72	,73	4,37	10	26	21,0	43	20,98	,64	4,22	7	26	22,0
15	42	20,19	,61	3,93	7	26	20,5	39	20,87	,48	2,99	11	26	21,0
16	43	21,98	,53	3,48	10	26	23,0	38	21,87	,45	2,75	14	26	22,0
17	44	20,43##	,62	4,15	8	26	20,5	36	22,75	,51	3,06	14	26	24,0
18	39	23,44	,45	2,80	12	26	24,0	24	23,00	,38	1,87	19	26	23,0

Значимые различия между мальчиками и девочками: # — $p=0,035$, ## — $p=0,005$

Таблица 2. Статистические характеристики остальных разделов опросника

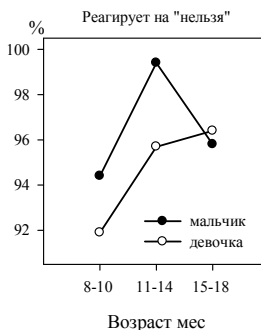
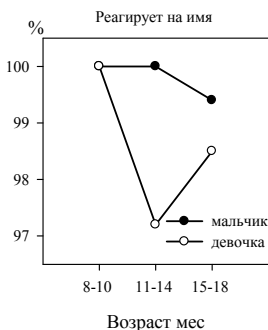
		Gender													
Gr_age		Мальчики							Девочки						
		N	Mean	SE	SD	Min	Max	Median	N	Mean	SE	SD	Min	Max	Median
Действия и жесты	8–10	90	3,51	,25	2,39	0	10	3,0	74	4,23	,28	2,45	0	10	4,0
	11–14	158	6,56	,19	2,45	0	12	6,0	141	7,35	,21	2,46	0	12	7,0
	15–18	168	8,51	,17	2,26	3	12	9,0	137	9,10	,19	2,20	0	12	9,0
Игры и потешки	8–10	90	3,28	,22	2,07	0	7	3,0	74	3,38	,21	1,78	0	7	3,0
	11–14	158	5,09	,11	1,44	1	7	5,0	141	5,38	,11	1,36	2	7	6,0
	15–18	168	5,82	,09	1,16	2	7	6,0	137	6,09	,09	1,11	0	7	6,0
Действия с предметами	8–10	90	2,84	,24	2,26	0	9	2,0	74	2,84	,26	2,20	0	8	2,5
	11–14	158	7,15	,25	3,18	0	15	7,0	141	8,37	,27	3,21	0	14	9,0
	15–18	168	10,72	,20	2,55	4	15	11,0	137	11,47	,23	2,65	0	15	12,0
Подражание родителям	8–10	90	,27	,08	,76	0	4	0	74	,36	,09	,80	0	4	0
	11–14	158	1,37	,15	1,87	0	9	1,0	141	3,11	,24	2,84	0	11	2,0
	15–18	168	3,68	,22	2,79	0	12	3,0	137	6,36	,27	3,19	0	12	6,0

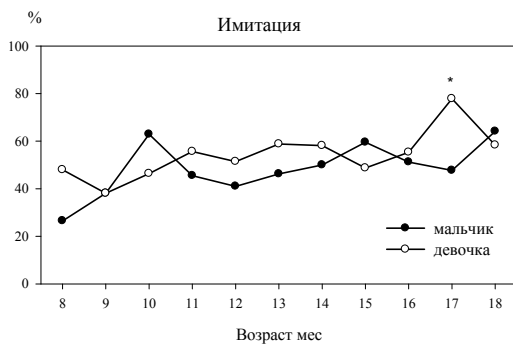
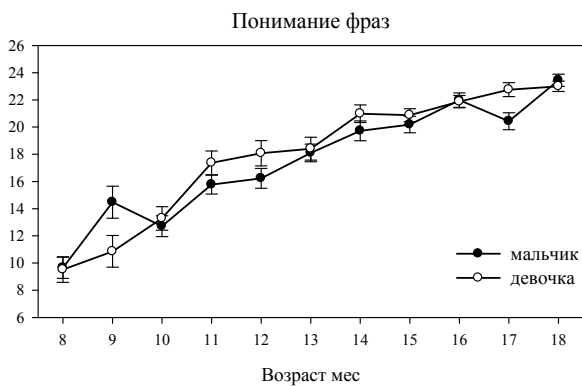
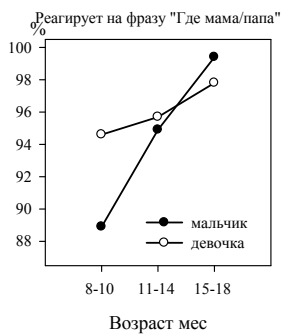

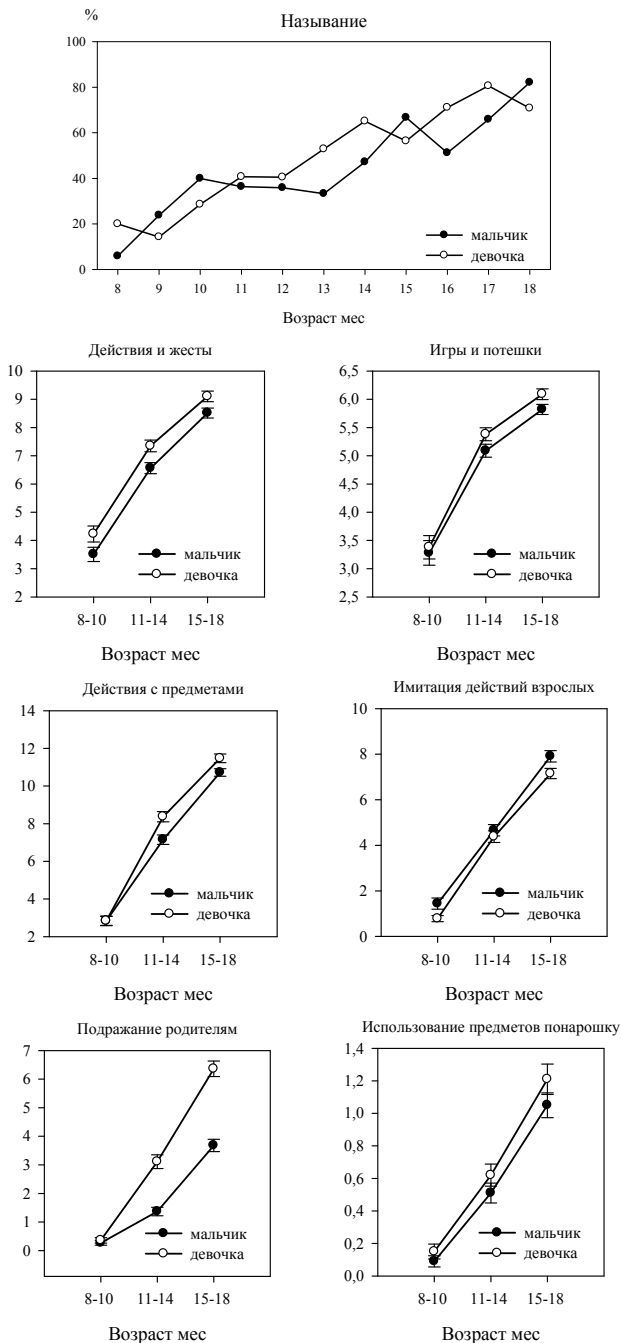
Таблица 3. Значимости при сравнении мальчиков и девочек

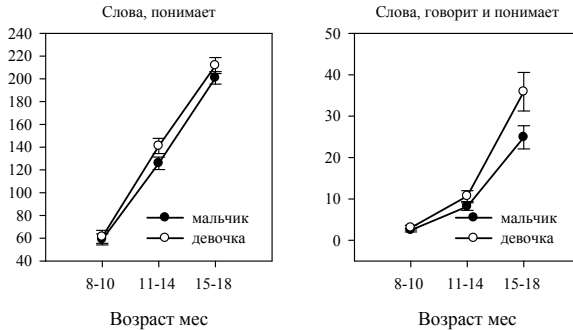
	Возрастная группа	t-test	M-W test
Действия и жесты	8-10	,060+	,055+
	11-14	** ,006	** ,005
	15-18	* ,022	* ,032
Игры и потешки	8-10	,742	,636
	11-14	,071+	,065+
	15-18	* ,043	* ,031
Действия с предметами	8-10	,985	,969
	11-14	** ,001	** ,001
	15-18	* ,013	** ,004
Подражание родителям	8-10	,424	,146
	11-14	*** < ,001	*** < ,001
	15-18	*** < ,001	*** < ,001
Имитация действий взрослых	8-10	* ,027	,088+
	11-14	,442	,432
	15-18	* ,026	* ,011
Использование предметов понарошку	8-10	,288	,236
	11-14	,252	,204
	15-18	,171	,230
Слова, понимает	8-10	,764	,912
	11-14	* ,076	,163
	15-18	,216	,203
Слова, говорит и понимает	8-10	,398	,509
	11-14	,108	,212
	15-18	* ,036	* ,040

Обозначения: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$,
+ — тенденция к различию.

Литература

- Воейкова 2015 — М. Д. Воейкова. Становление имени. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Языки славянских культур, 2015. [M. D. Voeikova. Stanovlenie imeni. Rannie etapy usvoeniia det'mi imennoi morfologii russkogo iazyka [The making of the noun. Early stages in the acquisition of Russian noun morphology by children]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2015].
- Воейкова, Чистович 1994 — М. Д. Воейкова, И. А. Чистович. Первые слова русского ребенка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. СПб., 5, 1994. С. 94–112. [M. D. Voeikova, I. A. Chistovich. Pervye slova russkogo rebenka [The first words of a Russian child] // Biulleten' foneticheskogo fonda russkogo iazyka. SPb., 5, 1994]. P. 94–112.
- Гаупп 1926 — Р. Гаупп. Психология ребенка. Л.: ГИЗ, 1926. [R. Gaupp. Psikhologiiia rebenka [Child psychology]. L.: GIZ, 1926].
- Гвоздев 1990 — А. Н. Гвоздев. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. [A. N. Gvozdev. Razvitie slovarnogo zapasa v pervye gody zhizni rebenka [Lexicon development during the first years of life of a child]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1990].
- Доброва 2009 — Г. Р. Доброва. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики, 9, 2009. С. 53–70. [G. R. Dobrova. O variativnosti rechevogo ontogeneza: referentsial'naia i ekspressivnaia strategii osvoeniia iazyka [On the variability of child language development: referential and expressive strategies of language acquisition] // Voprosy psikholingvistiki 9, 2009. P. 53–70].
- Друммонд 1910 — У. Друммонд. Введение в изучение ребенка. М.: Московское книгоиздательство, 1910. [U. Drummond. Vvedenie v izuchenie rebenka [Introduction to child studies]. M.: Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1910].

- Елисеева 2008 — М. Б. Елисеева. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. [M. B. Eliseeva. *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta* [Phonetic and lexical development in early infancy]. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2008].
- Елисеева 2015 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянских культур, 2015. [M. B. Eliseeva. *Stanovlenie individual'noi iazykovoi sistemy rebenka: rannie etapy* [The development of the individual language system of a child: the early stages]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2015].
- Елисеева, Вершинина 2007 — М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина. Макартуровский опросник как источник сведений о речевом развитии ребенка // *Логопед* 6, 2007. С. 72–76. [M. B. Eliseeva, E. A. Vershinina. *MacArthur questionnaire as a source of data about child language development*] // *Logoped* 6, 2007. P. 72–76].
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Первые прилагательные и наречия в речи русскоязычных детей в сопоставлении с корпусом CLEX // *Вестник ЧГУ* 6, 2014. С. 57–61. [M. B. Eliseeva. *Pervye prilagatel'nye i narechiia v rechi russkoiazыchnykh detei v sopostavlenii s korpusom CLEX* [First adjectives and adverbs in Russian child language in comparison to CLEX corpora] // *Vestnik ChGU* 6, 2014. P. 57–61].
- Елисеева, Вершинина, Рыскина 2017 — М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина, В. Л. Рыскина. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Иваново: Листос, 2017. [M. B. Eliseeva, E. A. Vershinina, V. L. Ryskina. *MacArthur questionnaire: russkaia versii. Otsenka rechevogo i kommunikativnogo razvitiia detei rannego vozrasta. Normy razvitiia. Obraztsy analiza. Kommentarii* [MacArthur questionnaire: Russian version. Assessment of language and psychological development of infants. Developmental norms. Examples of analysis. Commentary]. Ivanovo: Listos, 2017].
- Иванова 2016 — А. Д. Иванова. Особенности глагольной лексики детей раннего возраста // *Языковое и литературное образование в современном обществе* — 2016. Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2016. С. 403–408. [A. D. Ivanova. *Osobennosti glagol'noi leksiki detei rannego vozrasta* [Early child verbal lexicon] // *Iazykovoe i literaturnoe obrazovanie v sovremennom obshchestve* — 2016. Sbornik nauchnykh

- statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. SPb.: ООО «Izdatel'stvo VVM», 2016. P. 403–408].
- Компере 1912 — Г. Компере. Умственное и нравственное развитие ребенка. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1912. [G. Kompere. Umstvennoe i npravstvennoe razvitiie rebenka [Intellectual and moral development of a child]. М.: Izd. M. i S. Sabashnikovyykh, 1912].
- Коффка 1934 — К. Коффка. Основы психического развития. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. [K. Koffka. Osnovy psikhicheskogo razvitiia [Basics of psychological development]. М.; L.: Sotsekiz, 1934].
- Пухова 2005 — Т. И. Пухова. Символическая игра и общее развитие от двух до трех лет. М.: Высшая школа психологии, 2005. [T. I. Pukhova. Simvolicheskaiia igra i obshchee razvitiie ot dvukh do trekh let [Symbolic play and general development of a 2–3 year old child]. М.: Vysshaiia shkola psikhologii, 2005].
- Розенгарт-Пупко 1948 — Г. Л. Розенгарт-Пупко. Речь и развитие восприятия в раннем возрасте. М.: Издательство Академии медицинских наук, 1948. [G. L. Rozengart-Pupko. Rech' i razvitiie vospriiatiiia v rannem vozraste [Speech and the development of perception in early childhood]. М.: Izdatel'stvo Akademii meditsinskikh nauk, 1948].
- Рыбников 1926 — Н. А. Рыбников. Язык ребенка. М.; Л.: Госиздат, 1926. [N. A. Rybnikov. Iazyk rebenka [Child language]. М.; L.: Gosizdat, 1926].
- Сигизмунд 1866 — Б. Сигизмунд. Дитя и мир. СПб., 1866. [B. Sigizmund. Ditia i mir [Child and the world]. SPb., 1866].
- Цейтлин 2013 — С. Н. Цейтлин. Лингвистические этюды. СПб.: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. [S. N. Tseitlin. Lingvisticheskie etiudy [Essays on linguistics]. SPb.: izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2013].
- Чистович, Рейтер, Шапиро 2000 — И. Чистович, Ж. Рейтер, Я. Шапиро. Руководство по оценке развития младенцев до 16 месяцев на основе русифицированной шкалы KID. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургский Ин-т раннего вмешательства, 2000. [I. Chistovich, Zh. Reiter, Ia. Shapiro. Rukovodstvo po otsenke razvitiia mladentsev do 16 mesiatsev na osnove rusifitsirovannoi shkaly KID [An assessment manual of the development of an infant under 16 months according to the Russian KID scale]. 2-e izd. SPb.: Sankt-Peterburgskii In-t rannego vmeshatel'stva, 2000].
- Шапиро, Чистович 2000 — Я. Шапиро, И. Чистович. Руководство по оценке уровня развития детей от 1 года 2 месяцев до 3 лет 6 месяцев по русифицированной шкале RCDI. СПб.: Санкт-Петербургский Ин-т раннего вмешательства, 2000. [Ia. Shapiro, I. Chistovich.

- Rukovodstvo po otsenke urovnia razvitiia detei ot 1 goda 2 mesiatsev do 3 let 6 mesiatsev po rusifitsirovannoi shkale RCDI [An assessment manual of the development of a child from 14 to 42 months of age following the Russian RCDI scale]. SPb.: Sankt-Peterburgskii In-t rannego vmeshatel'stva, 2000].
- Штерн 1915 — В. Штерн. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Петроград, 1915. [V. Shtern. Psikhologiiia rannego detstva do shestiletнего vozrasta [The psychology of early childhood under 6 years of age]. Petrograd, 1915.].
- Bates, Bretherton, Snyder 1988 — E. Bates, I. Bretherton, L. Snyder. From first words to grammar. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1988.
- Benedict 1979 — H. Benedict. Early lexical development: comprehension and production // *Journal of Child Language* 6, 2, 1979. P. 183–200.
- Bloom 1991 — L. Bloom. Imitation and its role in language development // L. Bloom. *Language development from two to three*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 399–432.
- Carey, Bartlett 1978 — S. Carey, E. Bartlett. Acquiring a single new word // *Proceedings of the Stanford Child Language Conference* 15, 1978. P. 17–29.
- Clark 1993 — E. V. Clark. *The lexicon in acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Dandurand, Shultz 2010 — F. Dandurand, T. R. Shultz. Automatic detection and quantification of growth spurts // *Behavior Research Methods*, 42, 3, 2010. P. 809–823.
- Dale, Penfold 2011 — F. Dale, M. Penfold. Adaptations of the MacArthur-Bates CDI Into Non U.S. English Languages. 2011. <http://mb-cdi.stanford.edu/adaptations.html>.
- Eriksson, Marschik et al. 2012 — M. Eriksson, P. B. Marschik, T. Tulviste, M. Almgren, M. Perez Pereira, S. Wehberg, L. Marjanovich-Umec, F. Gayraud, M. Covacevic, C. Gallego. Differences between girls and boys in emerging language skills: Evidence from 10 language communities // *British Journal of Developmental Psychology* 30, 2012. P. 326–343. https://www.researchgate.net/publication/224886803_Differences_between_girls_and_boys_in_emerging_language_skills_Evidence_from_10_language_communities.
- Fenson et al. 1994 — L. Fenson, P. Dale, S. Reznick, E. Bates, D. Thal, S. Pethick. Variability in Early Communicative Development. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 59 (5, Serial No. 242), 1994.
- Frank et al. 2016 — M. C. Frank, M. Braginsky, D. Yurovsky, V. A. Marchman. *Wordbank: An Open Repository for Developmental Vocabulary*

- Data // *Journal of Child Language*. 2016. May, 18th. P. 1–18. http://langcog.stanford.edu/papers_new/frank-2015-underreview.pdf
- Huttenlocher et al. 1991 — J. Huttenlocher, W. Haight, A. Bryk, M. Seltzer, T. Lyons. Early vocabulary growth: Relation to language input and gender. *Developmental Psychology* 27, 1991. P. 236–248.
- Jørgensen et al. 2010 — R. N. Jørgensen, P. S. Dale, D. Bleses, L. Fenson. CLEX: A cross-linguistic lexical norms database // *Journal of Child Language* 37, 2010. P. 419–428.
- Ganger, Brent 2004 — J. Ganger, M. R. Brent. Reexamining the vocabulary spurt // *Developmental Psychology*, vol. 40, No. 4, 2004. P. 621–632. <http://www.pitt.edu/~jganger/GangerBrent2004.pdf>
- Lieven et al. 1992 — E. V. M. Lieven, J. M. Pine, B. H. Dresner. Individual differences in early vocabulary development: redefining the referential-expressive distinction // *Journal of Child Language* 19, 2, 1992. P. 2–40.
- Mervis, Bertrand 1995 — C. B. Mervis, J. Bertrand. Early lexical acquisition and the vocabulary spurt: a response to Goldfield & Reznick // *Journal of Child Language* 22, 1995. P. 461–468.
- Swingley 2010 — D. Swingley. Fast Mapping and Slow Mapping in Children's Word Learning // *Language Learning and Development* 6, 3, 2010. P. 179–183.
- Tardif et al. 2008 — T. Tardif, P. Fletcher, W. Liang, Z. Zhang, N. Kaciroti, V. A. Marchman. Baby's first 10 words // *Developmental Psychology*, 44, 929, 2008. P. 175–183. <http://waldron.stanford.edu/~babylab/pdfs/Tardifetal2008.pdf>.

С. В. Краснощекова
СПбПУ, Санкт-Петербург

**ДЕЙКТИЧЕСКИЕ МЕСТОИМЕННИЯ
В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕБЕНКА
(КРАТКИЙ ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹**

1. Вводные замечания

Тезис о том, что каждый ребенок самостоятельно, на основе переработки речевого инпута, конструирует свой индивидуальный язык и что механизм этого процесса связан с системной организацией осваиваемого им языка, лежит в основе функционально-конструктивного подхода к освоению языка и убедительно доказывается в современной онтолингвистике. В работах функционально-конструктивного направления, к которым относится и данное исследование, анализируется последовательное становление глагольных [Гагарина 2008] и именных категорий [Войкова 2015], анализируются причины образования детских речевых инноваций [Цейтлин 2009], рассматривается развитие лексикона ребенка [Елисеева 2014], исследуются особенности диалогического взаимодействия взрослого и ребенка [Казаковская 2011]. Между тем, освоение русскоязычным ребенком местоименного дейксиса еще не привлекало должного внимания исследователей. Исключение составляет работа Г. Р. Добровой [Доброва 2003], в которой рассматривается функционирование в речи детей личных местоимений 1 и 2 лица.

Объектом исследования являются русские местоимения, связанные с дейксисом. Термин «дейксис» используется в широком понимании, то есть дейксис включает в себя не только так называемый первичный дейксис (непосредственное указание), но и анафору. Таким образом, кроме местоимений, способных упо-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

требляться указательно (личных и лично-притяжательных 1 и 2 лица) или как указательно, так и анафорически (личных и лично-притяжательных 3 лица; указательных), в сферу внимания попадают местоимения, употребляющиеся только в анафорической функции (возвратные, относительные). Кроме того, местоимения 3 лица и указательные местоимения способны употребляться в периферийных (поддерживающей, уточняющей, поисковой, эмфатической, актуализационной²) функциях. Местоименные наречия (указательные *так, там, здесь, тут, туда, сюда, оттуда, отсюда, тогда* и относительные *как, где, куда, откуда, когда*) рассматриваются как один из грамматических классов местоимений. Местоимения с семантикой персональной и локативной близости в широком понимании (*я, мой; этот, тут, здесь*) противопоставляются местоимениям с семантикой дальности (*он, его, ее, их; тот, там*).

Наша гипотеза заключается в том, что формирование местоименного фрагмента языковой системы ребенка происходит в соответствии с универсальным законом развития систем. С позиций универсальной теории развития [Чуприкова 2009: 9–10] обычно рассматривается онтогенез языковой системы в целом: между единицами системы существует связь и взаимозависимость; одновременно происходят процессы дифференциации (система дробится на все более специализированные по функции элементы) и интеграции (на каждом этапе развития система представляет собой целостное образование, организованное иерархически); некоторые процессы имеют скачкообразный характер (в онтогенезе — лексический взрыв, морфологический взрыв [Цейтлин, Абабкова 2011]).

---

² Поддерживающая — функция местоимения в конструкции с местоименным удвоением / именительным темы: *волк, он страшный*; уточняющая — вариант поддерживающей функции с препозицией местоимения: *он страшный, волк*; поисковая — функция поиска и замены забытого/неизвестного слова, местоимение в которой замещает паузу хезитации; эмфатическая — функция интенсивной выраженности признака, на местоимение в которой падает логическое ударение; актуализационная — функция местоимения, с помощью которого говорящий стремится передать слушающему наиболее точное представление о ситуации.

Если наши предыдущие работы³ были посвящены в основном частным вопросам онтогенеза русских дейктических местоимений, то в данной статье предполагается изложить основные результаты наших исследований максимально полно и в то же время максимально сжато и обобщенно. Так, предпринимается попытка совместить динамический и статический подходы, то есть, с одной стороны, прослеживается и разбивается на этапы становление местоименного участка языковой системы ребенка, а с другой — анализируется функционирование местоимений в речи детей на разных возрастных срезах. Кроме того, проводится сравнение освоения собственно дейктических и анафорических механизмов; принимаются во внимание не только собственно языковые, но и когнитивные факторы. Для анализа также привлекаются данные речи инофонов, осваивающих русский язык как второй.

2. Краткий обзор литературы

Дейксис понимается как такое языковое явление, при котором языковая единица не имеет закрепленной референции, а ее значение зависит от характеристик речевого акта. Дейктические единицы входят в число шифтеров. Дейксис включается в широкую категорию референции [Падучева 1985]. Анафора считается или отдельным типом референции [Апресян 1986], или подтипом дейксиса [Крылов 1989]. В данном исследовании мы придерживаемся второй трактовки: дейксис в широком смысле включает в себя собственно дейксис и анафору. Тремя основными типами дейксиса по отношению к характеристикам речевого акта являются персональный (точка отсчета — говорящий), локативный (точка отсчета — «здесь») и темпоральный (точка отсчета — «сейчас») дейксис. Основной дейктической оппозицией по положению референта в пространстве по отношению к говорящему в русском языке является близость/дальность, актуальная при освоении языка [Еливанова 2004].

Освоение местоимений тесно связано с особенностями детского мышления (детским эгоцентризмом, уровнем развития «модели психического» — способности представить себе ситуа-

---

³ См. [Краснощекова 2014, 2015, 2016].

цию с точки зрения собеседника) и происходит параллельно с освоением когнитивных операций (выбор правильной точки отсчета; обобщение [Hendricks, Spenader 2006]). Кроме того, на освоение местоимений оказывает влияние инпут: в диалоге со взрослым формируется способность ребенка противопоставлять себя говорящего собеседнику-слушающему, что ведет к освоению оппозиций Я — ТЫ и Я — МЫ [Казаковская 2008: 182]. Что касается возраста освоения местоимений, то, по данным опросников [Шапиرو, Чистович 2000; Елисеева, Вершинина 2009], хотя бы одно местоимение возникает у большинства детей к 26 месяцам.

В настоящее время изучение онтогенеза местоимений ведется в двух основных направлениях: а) порядок и особенности освоения личных местоимений [Доброва 2003; Harley, Ritter 2002] и б) освоение анафорических местоимений [Аврутин 2002; Thornton, Wexler 1999]. Наиболее значимое исследование личных местоимений на материале русского языка принадлежит Г. Р. Добровой, согласно результатам которой процесс освоения дейксиса можно разделить на три стадии: недейктическую (ярлыковую), на которой дейксис как таковой не осознается; эгоцентрическую, на которой местоимение связывается с определенным референтом (ребенок называет *ты* только мать, *я* — только себя); дейктическую, на которой осваиваются дейктические характеристики местоимений [Доброва 2003: 444–446]. В данном исследовании предполагается выделить этапы освоения местоимений и сопоставить их со стадиями освоения дейксиса по Г. Р. Добровой.

Развитию анафорического механизма на материале русского языка посвящены исследования Н. В. Гагариной [Gagarina 2012], согласно которым сложность для ребенка представляют анафорические свойства личных местоимений 3 лица.

3. Местоимения в речи детей

В качестве материала в работе использованы данные лонгитудных наблюдений: расшифровки аудио- и видеозаписей в формате CHILDES и родительские дневники из Фонда данных детской речи РГПУ им. А. И. Герцена и Института лингвистических исследований РАН, а также системы обмена данными детской речи CHILDES (<http://childes.psy.cmu.edu>). Всего использованы записи речи 18 русскоязычных детей и их взрослых собе-

седников; наиболее полными являются корпусы четырех детей — Вани, Лизы, Вити и Филиппа. Материал насчитывает 6280 контекстов с личными, притяжательными, указательными, возвратными и относительными местоимениями. Исследование ограничено возрастом детей от 1 года 3 месяцев до 4 лет.

Предварительные результаты были получены при помощи анализа местоименных профилей детей и их взрослых собеседников. Профили представляют собой графики, на которых отмечается общее количество словоупотреблений каждого конкретного местоимения за определенный день раз в месяц. Анализ профилей позволил отметить некоторые тенденции.

Во-первых, при освоении местоимений дети проходят одинаковые этапы: этап ранних местоимений; этап местоименного взрыва (число словоупотреблений местоимений в речи ребенка резко возрастает); этап поздних местоимений; возрастные рамки при этом индивидуальны. На этапе ранних местоимений возникают лексемы *я, мой, этот, там, тут, здесь*, а у некоторых детей также *ты, твой, мы, наши, он*, иногда *такой*; основной функцией является указательная. Этап ранних местоимений обычно соответствует ярлыковой и части эгоцентрической стадии освоения дейксиса [Доброва 2003: 444]; а также концу этапа двухсловных высказываний и началу этапа многословных высказываний. Первые местоимения в анафорической функции возникают на границе первого и второго этапов. На этапе местоименного взрыва осваиваются новые функции и значения; у большинства детей возникает местоимение *такой*, у некоторых также *он, ты, твой, мы, наши*. Этап местоименного взрыва пересекается с концом эгоцентрической и началом дейктической стадии. На этапе поздних местоимений анафорическая функция начинает использоваться с указательными местоимениями; появляются и становятся регулярными анафорические возвратные и относительные местоимения, а также притяжательные 3 лица, *тот, вы и ваши*; развивается нарративная способность и увеличивается длина анафорических цепочек. Этап поздних местоимений соответствует дейктической стадии освоения дейксиса.

Во-вторых, возраст и порядок возникновения местоимений связаны с особенностями речи взрослого, обращенной к ребенку. В речи некоторых взрослых частотность определенных лексем

повышается за 2–3 месяца до их возникновения в речи ребенка, то есть в зоне ближайшего развития. Дети, у которых подобным образом в зону ближайшего развития попадают все местоименные лексемы, начинают употреблять местоимения раньше своих сверстников (Лиза, Филипп — в возрасте 2;1–2;2); дети, у которых это происходит только с низкочастотными местоимениями или не происходит вообще, начинают употреблять местоимения позже (Ваня, Витя — в возрасте 2;4–2;7). При этом если ребенок получает из инпута в зоне ближайшего развития низкочастотные местоимения, разнообразие его местоименного лексикона выше, чем у сверстников. Так, в речи Вани к 3 годам присутствуют все анализируемые местоимения, кроме *ваш*, тогда как в речи Лизы не зафиксированы или зафиксированы 1 раз *вы*, *ваш*, *тот*, *себя*, *свой*, *который*. Низкая частотность и позднее освоение местоимений *вы*, *себя*, *тот* (так, в речи Вани зафиксировано 8 употреблений *вы* (возраст появления 2;10), 11 *себя* (2;8) 6 *тот* (2;9)) объясняется их редкостью в инпуте (так, в речи бабушки Вани употребления *вы* занимают 1,3% от всех местоимений, *тот* — 0,6%; *себя* — 0,5%). Корреляция между количеством высокочастотных местоимений (*я*, *он*, *этот*) в речи детей и в инпуте прослеживается в меньшей степени.

4. Собственно указание / первичный дейксис

Так как освоение личных местоимений 1 и 2 лица подробно освещено в научной литературе, мы не останавливаемся на этом вопросе и рассматриваем только частную проблему — освоение отдельных значений местоимений *мы* и *вы*. Значения местоимений *мы* и *вы* расширяются от 1 лица к 3: референция только к себе и только к собеседнику — к себе и собеседнику — к третьим лицам. Расширение спектра значений начинается на этапе местоименного взрыва, при этом в речи детей присутствуют не только строго инклюзивные и эксклюзивные значения, но и промежуточные варианты. Так, особым вариантом *мы* являются нестрогое инклюзивное *мы* с активным говорящим:

- (1) **Мы** помоем во как (моет сама) (Лиза, 2;10.15).

Возможно, данное *мы* возникает из *мы* в значении *ты* при обращении к ребенку в речи взрослого:

- (2) *Что мы сейчас с тобой оденем?* (Мать Филиппа, ребенка 1;7)).

Кроме того, в речи детей зафиксировано инклюзивное *мы* с активным собеседником:

- (3) *Мы потом это постираем* (= взрослый постирает) (Ваня, 2;10.2).

Референция только к собеседнику реализуется в игровом-вежливом *вы*, которое возникает раньше других вариантов:

- (4) *Вот вам одежда. Вот вам веревочка. Вот вам отрежу я. Вот вам пакетик* (Витя, 2;10.1; играет с матерью в магазине).

Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются на 6–8 месяцев позже, чем личные 3 лица и притяжательные 1 и 2 лица, и относятся к этапу поздних местоимений. Влияние оказывает наличие в языке других средств выражения посессивности 3 лица (притяжательные прилагательные, полнозначные существительные, конструкция *у него*), а также необходимость разделять омонимичные формы (*его* — Р. п., В. п., притяжательное местоимение).

Что касается освоения указательных местоимений, то основной для ребенка является указательная функция (90% словоупотреблений). Оппозиция «близость/дальность» осваивается по-разному с локативными наречиями и с местоимениями группы *этот*. На раннем этапе для выражения локативных значений ребенок обходится только местоименными наречиями:

- (5) Ребенок: *А пойдём искать машину желтую.* — Взрослый: *А где мы будем её искать?* — Ребенок: *Вот там* (показывает рукой вдаль) (Оля, 2;3.9).

Этот используется как универсальное указательное местоимение безотносительно к близости/дальности. С появлением *тот* установившиеся отношения переносятся с локативных наречий на местоимения *этот* и *тот*.

При освоении темпорального дейксиса основные положения занимают лексемы со значением ближайшего будущего (*сейчас, потом*); как и при освоении локативного дейксиса, для ребенка актуальна оппозиция по близости/дальности.

Наиболее частотными падежными формами местоимений 1 и 2 лица являются формы с семантикой принадлежности в широ-

ком смысле: Д. п. и Р. п. с предлогом; у других местоимений, как и у существительных, — В. п. Косвенные формы других падежей и косвенные формы мн. ч. используются крайне редко: периферийные грамматические значения выражаются полнозначными словами. Формирование парадигмы рода происходит параллельно у местоимений и прилагательных, за исключением двух случаев: 1) на раннем этапе наблюдается «феномен женского рода»: ребенок отдает предпочтение формам ж. р. местоимений: *моя, мою, эту, такую* и 2) с. р. местоимений возникает раньше, чем с. р. прилагательных (формы *мое, такое, это* в абстрактном, обобщенном значении). Крайне низкое количество формообразовательных инноваций (менее 1%), в основном у ранних частотных местоимений (*я, мой, этот, он*) при неверном выборе основы (*ону* вместо *ее*, *у ей* вместо *у нее*, *с мой* вместо *со мной*) или окончания (*этий* вместо *этот, мояя* вместо *моя*), позволяет предположить, что эти местоимения обычно воспроизводятся, в некоторых случаях конструируются; формы других ранних местоимений воспроизводятся. Формы поздних местоимений (*вы, себя, свой*) возникают тогда, когда грамматическая система ребенка уже позволяет оценить правильность формы.

Структуру полей местоименной персональности и локативности у ребенка можно представить следующим образом. В языковой системе взрослого носителя русского языка в центре семантической категории персональности расположены 1 и 2 лицо; 3 лицо находится на ближайшей периферии [Бондарко 1991]; в поле локативности указательные местоимения и наречия занимают периферийное положение (в центре поля лежат формы пространственных моделей типа «локализуемый предмет — (глагол) — пространственное отношение — локализатор»: *книга лежит на столе*) [Бондарко 1996]. Мы предполагаем, что в центр поля языковой системы ребенка можно поместить лексемы и их частные значения, которые возникают раньше и используются чаще других. Таким образом, центральное положение в упомянутых полях занимают единицы с семантикой «близости»: *я, мой*, инклюзивное *мы* (возникают в 1;8–2;2 и по числу употреблений занимают около 40% от всех личных и притяжательных местоимений в речи детей); формы Д. п., Р. п. *мне, у меня* (возникают в 2;0–2;5 и занимают около 21% и 11% соответственно от всех употреблений местоимения 1 лица); *этот* (возникает в 1;5–1;10 и

занимает около 50% от всех указательных местоимений). Это объясняется как частичным влиянием инпута (употребления *этой* в речи взрослых собеседников детей занимают около 50% от всех указательных местоимений; *мне* и *у меня* также занимают около 21% и 10% соответственно от всех употреблений 1 лица), так и детским эгоцентризмом (по Ж. Пиаже).

5. Анафора

Предпосылки к развитию анафорического механизма возникают, когда ребенок начинает правильно согласовывать местоимение (обычно *этой*, реже *он*) с не выраженным вербально существительным:

- (6) *Мама, какую взять, вот эту, что ли?* (о шариковой ручке) (Саша, 1;11.26).

Местоимения в анафорической функции возникают на границе этапа ранних местоимений и этапа местоименного взрыва. Первым и основным анафорическим местоимением с вербально выраженным антецедентом является *он*. Первые анафорические конструкции возникают в диалоге, при этом анафорическая функция нередко сопрягается с указательной; ошибок в анафорическом связывании не зафиксировано. При переходе от диалогического к монологическому типу речи у ребенка увеличивается длина анафорических цепочек (от 3–4 реплик в возрасте 2;6–2;7 до 9 и более к 5 годам). В нарративе с элементами диалога⁴ (взрослый слушатель задает вопросы в ходе детского рассказа) возможны коммуникативные неудачи (непонимание ребенка собеседником), возникающие из-за несовпадения реальных представлений собеседника о ситуации и ожиданий ребенка. Ребенок употребляет местоимение, однако собеседнику непонятно, о чем идет речь, и он переспрашивает:

- (7) Ребенок: *Она утащила, лиса за ней, и никак не достать.* — Взрослый: *Кто утащил?* — Ребенок: *Вот, птица рыбу* (4;6.9).

---

⁴ В качестве дополнительного материала здесь привлекаются данные экспериментов с детьми в возрасте от 2;7 до 5;5 лет (42 нарратива) по методике, разработанной Н. В. Гагариной [Gagarina 2012].

Подобные неудачи происходят и при неанафорическом употреблении местоимения, если из ситуации неясно, на какой референт оно указывает:

- (8) Ребенок: *Они покупались на рынке, да?* (имеет в виду **машинки**) — Взрослый: *Кто?* (Аня, 2;7.24).

Анафорическая функция указательных местоимений в речи ребенка лежит на периферии (около 5% словоупотреблений). На протяжении нескольких месяцев после возникновения первых анафорических употреблений каждое местоимение в речи ребенка связывается только с одной функцией: *он* является анафорическим, *этот* — указательным. Локативные наречия первыми из указательных лексем начинают регулярно употребляться в анафорической функции, что способствует формированию системы, в которой функции не закреплены за местоимениями, а разные antecedенты требуют разных анафорических лексем (предметные antecedенты — *он*, локативные — *там* и т. д.). Использование указательных местоимений в анафорической функции относится уже к этапу поздних местоимений.

Что касается периферийных функций местоимений, то *он* и локативные наречия используются для синтаксического связывания текста: ребенок употребляет их в поддерживающей функции, обычно в варианте с препозицией местоимения:

- (9) *Она забрала ее, рыбку, и полетела обратно* (4;11.1);
(10) *Я вон там, (в) комнате, был* (Ваня, 2;7.15).

Этот и *такой* выполняют в первую очередь прагматические функции: поисковую (11), эмфатическую (12), функцию актуализации (13):

- (11) Ребенок: *Мама, убери их с этой...* — Взрослый: *Со стоянки?* (Ваня, 4;0.6);
(12) *А у нас вчера гром был. Такой огромный-огромный!* (Аня, 2;8.19);
(13) *Вон машина такая!* (рисует) (Витя, 2;6.17).

Освоение большинства периферийных функций происходит на этапе местоименного взрыва.

Возвратные и относительные местоимения начинают регулярно использоваться на этапе поздних местоимений. Они не вызывают у ребенка сложностей при связывании и ошибок, так как анафорический механизм уже освоен на базе местоимения *он*. Освоение возвратных местоимений происходит на базе личных: или 1 и 2 лица, или 3 лица и существительных. На ту или иную стратегию указывают не только предпочитаемые antecedенты, но и набор частотных косвенных форм (Д. п., Р. п. для стратегии 1 и 2 лица, В. п. для стратегии 3 лица).

Относительные местоимения низкочастотны в речи ребенка: в нашем материале зафиксировано 180 контекстов с ними (около 3% от общего числа контекстов с местоимениями). Основным соотносительным указательным местоимением в сложных предложениях является *такой*, с помощью которого ребенок отрабатывает механизм связывания частей. Основными относительными лексемами являются неизменяемые наречные *когда* и *где*. Ошибки связаны с заменой соотносительного указательного местоимения на относительное (*когда... когда* вместо *тогда... когда*) и заменой *который* на *какой*.

6. Местоимения в речи инофонов

Сравнение местоимений в речи одноязычных детей и в речи инофонов разных возрастных групп позволяет дополнить сделанные выводы. В качестве материала здесь привлекаются расшифровки записей речи детей-инофонов (Фонд данных детской речи, 3 ребенка в возрасте 3–4 лет и 3 ребенка в возрасте 7–8 лет; 692 контекста) и результаты экспериментов, в которых участвовали взрослые инофоны — студенты, изучающие русский язык в России (30 нарративов; 143 отдельных предложения). Таким образом, рассматриваются три возрастные группы инофонов: дети младшего возраста, дети старшего возраста и взрослые.

Особенности употребления местоимений в детской речи, которые вообще не проявляются в речи инофонов, можно считать связанными с уровнем когнитивного развития маленького ребенка (1–3 лет). Сюда относятся дейктические сложности при порождении и восприятии личных местоимений на раннем этапе (эхолическое *ты*, личное имя вместо *я* и др.). Мы предполагаем, что когнитивную природу также имеют явления, общие у детей-

монолингвов (2–4 года) и инофонов раннего возраста (возрастная группа 3–4 года), но отсутствующие у инофонов старшего возраста (возрастная группа 7–8 лет и взрослые). Это позднее освоение анафоры по сравнению с собственно указанием и оппозиции «близость/дальность» применительно к местоимениям *этот* и *тот*. Дети-монолингвы осваивают базовые принципы анафорического связывания к возрасту 2;2–2;5; дети-инофоны 3–4 лет используют анафору редко — зафиксировано всего 17 контекстов; в речи детей-инофонов 7–8 лет и взрослых инофонов анафора регулярна. Что касается указательных местоимений, то у детей-монолингвов между освоением *этот* и *тот* проходит до 9 месяцев; дети-инофоны 3–4 лет в нашем материале не используют *тот*; дети-инофоны 7–8 лет и взрослые инофоны используют оба местоимения регулярно.

Раннее освоение и высокая частотность единиц, имеющих отношение к центру поля персональности (1 лицо, персональная близость), а также форм типа *у меня*, *мне* и др. объединяют все группы, кроме взрослых инофонов, и зависят не столько от когнитивного развития личности, сколько от прагматики речевой ситуации.

Отдельную группу формируют особенности, характерные только для инофонов. Это частные анафорические ошибки в конкретных местоимениях, а также общесистемные грамматические инновации.

7. Заключение

Процесс освоения местоимений делится на три этапа: этап ранних местоимений, этап местоименного взрыва и этап поздних местоимений. На этапе ранних местоимений основной функцией является указательная. Этап ранних местоимений обычно соответствует ярлыковой и части эгоцентрической стадии освоения дейксиса [Доброва 2003: 444], а также концу этапа двухсловных высказываний и началу этапа многословных высказываний. На этапе местоименного взрыва резко возрастает число местоименных словоформ в речи, осваиваются новые функции и значения. Этап местоименного взрыва пересекается с концом эгоцентрической и началом дейктической стадии. На этапе поздних местоимений анафорическая функция начинает использоваться с ука-

зательными местоимениями; появляются и становятся регулярными анафорические возвратные и относительные местоимения; развивается нарративная способность и увеличивается длина анафорических цепочек. Этап поздних местоимений соответствует дейктической стадии освоения дейксиса.

Освоение местоимений происходит по принципу «от единиц с семантикой близости — к единицам с семантикой дальности»: лексемы и частные значения, имеющие отношение к персональной, пространственной и темпоральной близости (*я, мой, этот, сейчас; инклюзивное мы*), осваиваются раньше и употребляются чаще других.

К числу факторов, влияющих на освоение местоимений, относятся:

1) когнитивные: дейктические сложности при освоении личных местоимений и позднее освоение анафоры связаны с освоением шифтерной стороны местоимений и развитием представлений о дейктическом центре; коммуникативные неудачи при употреблении ребенком анафорических местоимений связаны с «моделью психического», в частности — со способностью представить себе ситуацию с точки зрения собеседника;

2) системно-языковые: притяжательные местоимения 3 лица и местоимение *тот*, обладающие семантикой дальности, осваиваются позже прочих местоимений;

3) прагматические: прагматически обусловленные единицы, такие как вежливое *вы* в игре, возникают раньше прагматически не обусловленных, таких как *вы* при обращении к нескольким собеседникам;

4) внутренне-грамматические: от развития синтаксического уровня языковой системы ребенка зависит использование им сложных анафорических конструкций; небольшое количество ошибок в формообразовании местоимений связано с тем, что на местоимения переносятся уже освоенные на базе однозначных существительных и прилагательных формально-грамматические характеристики;

5) инпут: возраст появления единиц в большинстве случаев зависит от их частотности в инпуте. Так, высокочастотные в речи взрослых *этот* (от 14 до 26% от всех анализируемых местоимений в речи взрослых собеседников детей в нашем материале), *ты* (24–27%), *он* (17–22%) возникают у детей на этапе ранних

местоимений, в возрасте 1;8–2;4, тогда как низкочастотные *тот* (0,3–1,3%), *вы* (0,1–1,3%), *себя* и *свой* (0,6–1,5%) относятся к этапу поздних местоимений и возрасту 2;7–3;5.

Процесс освоения ребенком местоимений имеет системные черты и соответствует закону развития систем по [Чуприкова 2009: 9–10], что подтверждается в следующем:

1) процессы дифференциации проявляются в том, что специализированные значения осваиваются позже обобщенных (общеуказательное значение местоимения *этот* возникает раньше, чем локативное; общее значение отношения к лицу местоимений *мы* и *вы* возникает раньше, чем значение множественного числа; указательные местоимения в анафорической функции возникают тогда, когда ребенок начинает привязывать местоимения к антецедентам в соответствии с требованиями семантики);

2) процессы интеграции системы местоимений проявляются в том, что эта система на каждом этапе развития является целостной и способна выполнять все требуемые функции;

3) о скачкообразном характере развития свидетельствует местоименный взрыв — этап, на котором количество словоупотреблений местоимений в речи ребенка резко возрастает;

4) связь и взаимозависимость единиц наблюдается в параллельном характере освоения персонального и локативного местоименного дейкиса; в переносе анафорического механизма, отработанного на базе местоимения *он*, на другие анафорические местоимения; в синхронном освоении притяжательных местоимений и их пар (личные местоимения 1 и 2 лица, возвратное *себя*), лексем *такой* и *так*.

К 4 годам ребенок использует все местоимения, характерные для них функции и их грамматические формы в правильных контекстах, однако процентное соотношение между различными лексемами и словоформами отличается от их распределения в речи взрослых.

Литература

- Аврутин 2002 — С. Аврутин. Усвоение языка // А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 261–276. [S. Avrutin. Usvoenie iazyka [Language acquisition] // A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina (ed.). Sovremen-

- naia amerikanskaia lingvistika: fundamental'nye napravleniia [Modern American linguistics: fundamental approaches]. M.: Editorial URSS, 2002. P. 261–276].
- Апресян 1986 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // А. И. Михайлов (ред.). Семиотика и информатика: сборник научных статей. Вып. 28. М.: ВИНТИ, 1986. С. 5–33. [Yu. D. Apresian. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira [Deixis in lexicon and grammar and naïve worldview] // A. I. Mikhailov (ed.). Semiotika i informatika: sbornik nauchnykh statei [Semiotics and informatics: collection of papers]. Vol. 28. M.: VINITI, 1986. P. 5–33].
- Бондарко 1991 — А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука; С.-Петербургское отделение Ин-та лингвистических исследований АН СССР, 1991. [A. V. Bondarko (ed.). Teoriia funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' [Theory of functional grammar. The categories of person and voice]. SPb.: Nauka; S.-Peterburgskoe otdelenie In-ta lingvisticheskikh issledovaniĭ AN SSSR, 1991].
- Бондарко 1996 — А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. [A. V. Bondarko (ed.). Teoriia funktsional'noi grammatiki: Lokativnost'. Bytiinost'. Posessivnost'. Obuslovlennost' [Theory of functional grammar: Locative, existential, possessive, conditional meanings.]. SPb.: Nauka, 1996].
- Воейкова 2015 — М. Д. Воейкова. Становление имени. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Языки славянских культур, 2015. [M. D. Voeikova. Stanovlenie imeni. Rannie etapy usvoeniia det'mi imennoi morfologii russkogo iazyka [The making of the noun. Early stages in the acquisition of Russian noun morphology by children]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2015].
- Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. [N. V. Gagarina. Stanovlenie grammaticheskikh kategorii russkogo glagola v detskoĭ rechi [The development of grammatical categories of the Russian verb in child language]. SPb.: Nauka, 2008].
- Доброва 2003 — Г. Р. Доброва. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. [G. R. Dobrova. Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniia i terminy rodstva) [The development of personal deixis (personal pronouns and kinship terms)]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003].
- Еливанова 2004 — М. А. Еливанова. Формирование категории локативности в языковой системе детей дошкольного возраста: дис. ...

- канд. филол. наук. РГПУ им. А. И. Герцена, СПб., 2004. [M. A. Elivanova. Formirovanie kategorii lokativnosti v iazykovoi sisteme detei doshkol'nogo vozrasta [The development of the category of locative in the language system of pre-schoolers]: dis. ... kand. filol. nauk [Cand. of Philol. Sc. thesis]. RGPU im. A. I. Gertsena, Spb., 2004].
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. М.: Языки славянской культуры, 2014. [M. B. Eliseeva. Stanovlenie individual'noi iazykovoi sistemy rebenka [The development of the individual language system of a child]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014].
- Елисеева, Вершинина 2009 — М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина. Некоторые нормативы речевого развития детей от 18 до 36 месяцев (по материалам МакАртуровского опросника) // Т. А. Круглякова (отв. ред.). Проблемы онтолингвистики — 2009: Материалы международной конференции (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 17–19 июня 2009 г.). СПб.: Златоуст, 2009. С. 72–78. [M. B. Eliseeva, E. A. Vershinina. Nekotorye normativy rechevogo razvitiia detei ot 18 do 36 mesiatsev (po materialam MakArturovskogo oprosnika) [Some standards of verbal development of children from 18 to 36 months of age (based on MacArthur questionnaire)] // T. A. Krugliakova (ed.). Problemy ontolingvistiki — 2009: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii [Issues in first language acquisition — 2009: Working papers of the international conference] (SPb., RGPU im. A. I. Gertsena, 17–19 iunia 2009 g.). SPb.: Zlatoust, 2009. P. 72–78].
- Казаковская 2008 — В. В. Казаковская. От протодиалога к диалогу: коммуникативная компетенция ребенка раннего возраста // Т. Н. Ушакова (ред.). Речь ребенка: проблемы и решения: коллективная монография. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. С. 368–398. [V. V. Kazakovskaia. Ot protodialoga k dialogu: kommunikativnaia kompetentsiia rebenka rannego vozrasta [From protodialogue to dialogue: communicative competence of young children] // T. N. Ushakova (ed.). Rech' rebenka: problemy i resheniia: kollektivnaia monografiia [Child speech: problems and solutions. Multi-authored monograph]. M.: In-t psikhologii RAN, 2008. P. 368–398].
- Казаковская 2011 — В. В. Казаковская. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011. [V. V. Kazakovskaia. Vopros i otvet v dialoge «vzroslyi — rebenok» [Question and answer in adult-child dialogue]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: URSS, 2011].
- Краснощекова 2014 — С. В. Краснощекова. Освоение ребенком первичного дейксиса // В. Н. Денисенко, Е. А. Красина, Н. В. Новоспаская, Н. В. Перфильева (сост.). Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 2. М.: РУДН, 2014. С. 89–98. [S. V. Krasnoshechekova. Osvoenie reben-

- kom pervichnogo deiksisa [The acquisition of primary deixis by children] // V. N. Denisenko, E. A. Krasina, N. V. Novospasskaia, N. V. Perfil'eva (sost.). Funktsional'naiia semantika i semiotika znakovykh sistem: sbornik nauchnykh statei [Functional semantics and semiotics of sign systems: A collection of articles]: v 2 ch. Ch. 2. M.: RUDN, 2014. P. 89–98].
- Краснощекова 2015 — С. В. Краснощекова. Статус притяжательных местоимений 3 лица в речи ребенка // Acta Linguistica Petropolitana XI, 2, 2015. С. 647–659. [S. V. Krasnoshchekova. Status pritiiazhatel'nykh mestoimenii 3 litsa v rechi rebenka [The status of third person possessive pronouns in child speech] // Acta Linguistica Petropolitana XI, 2, 2015. P. 647–659].
- Краснощекова 2016 — С. В. Краснощекова. Функционирование местоимений в детской речи: основные факторы влияния // Ю. И. Александров, К. В. Анохин (отв. ред.). Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 Г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 357–359. [S. V. Krasnoshchekova. Funktsionirovanie mestoimenii v detskoj rechi: osnovnye faktory vliianiia [The functioning of pronouns in child speech: dominant impact factors] // Ju. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin (ed.). Sed'maia mezhdunarodnaia konferentsiia po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov [Abstracts of the seventh international conference on cognitive science]. Svetlogorsk, 20–24 iunija 2016 G. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. P. 357–359].
- Крылов 1989 — С. А. Крылов. О семантике местоименных слов и выражений // А. Б. Пеньковский (отв. ред.). Русские местоимения: Семантика и грамматика: межвуз. сб. науч. тр. Владимир: ВГПИ им. П. И. Лебедева-Полянского, 1989. С. 5–12. [S. A. Krylov. O semantike mestoimennykh slov i vyrazhenii [On the semantics of pronominal words and expressions] // A. B. Pen'kovskii (ed.). Russkie mestoimeniia: Semantika i grammatika [Russian pronouns: Semantics and grammar]: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vladimir: VGPI im. P. I. Lebedeva-Polianskogo, 1989. P. 5–12].
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. [E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [The utterance and its relation to reality]. M.: Nauka, 1985].
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. [S. N. Tseitlin. Ocherki po slovoobrazovaniu i formoobrazovaniu v detskoj rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. M.: Znakh, 2009].
- Цейтлин, Абабкова 2011 — С. Н. Цейтлин, М. И. Абабкова. Освоение субстантивных синтаксем русскоязычным ребенком и инофоном //

- С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (отв. ред.). Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 164–190. [S. N. Tseitlin, M. I. Ababkova. Osvoenie substantivnykh sintaksem russkoiazыchnym rebenkom i inofonom [Acquisition of nominal syntaxemes у a Russian child and a non-native speaker] // S. N. Tseitlin, M. B. Eliseeva (ed.). Put' v iazyk: Odnoiazыchie i dvuiazыchie [The way to language: Monolingualism and bilingualism]. М.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011. P. 164–190].
- Чуприкова 2009 — Н. И. Чуприкова. Всеобщий универсальный дифференционно-интеграционный закон развития как основа междисциплинарной парадигмальной теории развития // Н. И. Чуприкова (сост.). Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 7–16. [N. I. Chuprikova. Vseobshchii universal'nyi differentsionno-integratsionnyi zakon razvitiia kak osnova mezhdistsiplinarnoi paradigmal'noi teorii razvitiia [Global universal differential-integrational law of development as the foundation of the cross-disciplinary paradigm theory of development] // N. I. Chuprikova (sost.). Teoriia razvitiia: Differentsionno-integratsionnaia paradigma [The theory of development: Differential-integrational theory]. М.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2009. P. 7–16].
- Шапиро, Чистович 2000 — Я. Шапиро, И. Чистович. Руководство по оценке уровня развития детей от 1 года 2 месяцев до 3 лет 6 месяцев по русифицированной шкале RCDI. СПб.: Санкт-Петербургский Ин-т раннего вмешательства, 2000. [Ia. Shapiro, I. Chistovich. Rukovodstvo po otsenke urovnia razvitiia detei ot 1 goda 2 mesiatsev do 3 let 6 mesiatsev po rusifitsirovannoi shkale RCDI [An assessment manual of the development of a child from 14 to 42 months of age following the Russian RCDI scale]. SPb.: Sankt-Peterburgskii In-t rannego vmeshatel'stva, 2000].
- Gagarina 2012 — N. Gagarina. Elicited narratives of early Russian-German sequential bilinguals // K. Braunmüller, Ch. Gabriel (eds.). Multilingual individuals — Multilingual Societies. Amsterdam: Benjamins Publishing Company, 2012. P. 101–119.
- Harley, Ritter 2002 — H. Harley, E. Ritter. Person and number in pronouns: a feature-geometric analysis // *Language* 78, 3, 2002. P. 482–526.
- Hendriks, Spenander 2006 — P. Hendriks, J. Spenander. When production precedes comprehension: An optimization approach to the acquisition of pronouns // *Language acquisition* 13, 2006. P. 319–348.
- Thornton, Wexler 1999 — R. Thornton, K. Wexler. Principle B, VP ellipsis, and interpretation in child grammar. Cambridge-Massachusetts: MIT Press, 1999.

Т. А. Круглякова

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ВЫБОР ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ В РЕЧИ РЕБЕНКА ВТОРОГО ГОДА ЖИЗНИ

1. История фиксации ошибок падежного выбора и гипотеза исследования

Принято считать, что русскоязычный ребенок, в отличие от иностранца, осваивающего русский язык, почти не совершает ошибок в выборе падежной формы. Впервые такое наблюдение сделал А. Н. Гвоздев, утверждавший, что в речи его сына «для передачи значения известного падежа используются окончания только этого падежа» [Гвоздев 2007: 394]. На основании материалов А. Н. Гвоздева Д. Слобин сформулировал универсалию: «Ошибочный выбор функционального элемента всегда происходит внутри требуемого функционального класса и подкатегории» [Слобин 1984: 193]. Данные речи Жени Гвоздева обязательно (и совершенно справедливо) привлекаются к большинству современных исследований, в которых отмечается способность ребенка безошибочно выбрать нужную падежную форму [Воейкова 2015: 144; Ионова 2007: 77–78, 84, 96, 105, 112; Цейтлин 2009: 168–173, 273–274]. С. Н. Цейтлин несколько расширяет пространство, внутри которого происходит неузуальный выбор, утверждая, что возможны внутрипадежные замены, но «форма обязательно избирается в соответствии с ее функцией» [Цейтлин 2009: 274]. Однако и С. Н. Цейтлин, и Н. В. Ионова, проанализировавшая семантические функции падежных форм из речи Жени Г., Лизы Е., на анализ записей речи которой тоже часто опираются онтолингвисты, и других информантов, констатируют малое количество ошибок выбора.

Зададимся вопросом, все ли дети осваивают форму одновременно с ее значением или возможна ситуация, когда ребенок стремится передать определенное значение, еще не владея стандартными способами его выражения, и пользуется для этого уже

имеющимися в его распоряжении формами. Второй вариант представляется правдоподобным в русле конструктивистского подхода к освоению языка, разрабатываемого в современной науке.

Известно, что взрослые носители русского языка часто совершают внутрипадежные замены, обусловленные синонимией средств выражения грамматических значений, омонимией и многозначностью предлогов, изменением синтагматических связей в результате перехода из одной части речи в другую, экспансией некоторых предлогов и др. Мы предположили, что начинающие говорить дети могут испытывать аналогичные затруднения.

2. Материал исследования

Гипотеза нашла подтверждение в дневниковых записях речи моей дочери Тони С. (1;7–1;11), которые построены на письменной фиксации первых появлявшихся в речи девочки падежных форм в различных значениях и подробной записи всех внутрипадежных замен.

Первые слова, по форме соответствующие сущ. в им. п., появляются в 0;10. В 1;4 Тоня репродуцирует формы вин. п. из «Репки»: *Бабка дедку. Внучка бабку*. В 1;7.2 появляются первые независимые противопоставления им./вин. п. сущ. 2 скл. в ед. ч., в 1;7.15 — одуш. сущ. м. р.¹, в 1;8.12 — одуш. сущ. во мн. ч. В 1;7.10 регистрируются формы *y* + род. п. в субъектном значении, в 1;7.29 — пр. п. в локативном значении. Через месяц появляются формы тв. и дат. п., репертуар значений падежных форм увеличивается. В 1;9.13–1;9.20 появляются предлоги *по, к, про, под, за, с, в, на*; филлеры не употреблялись.

О самостоятельном конструировании форм можно говорить с 1;8.15, когда появляются формообразовательные инновации, связанные с постановкой ударения (*Хватай ногу; Кóта целовать*) и выбором ненормативного окончания из числа возможных в данной форме (*Мячику дай*). Частотными такие инновации становятся после 1;10 (*Давай ловить мышев; У меня памперс с девочком*), тогда же происходит смещение флексий пр. и род. п. мн. ч. (*Ворона утащила гусеничках*).

---

¹ О появлении форм вин. п. неодуш. сущ. 1 скл., совпадающих с им. п., не представляется возможности судить.

Значительно раньше, в 1;7.29, появляются и тут же становятся частотными случаи выбора «чужого» окончания — показатель того, что девочка не только заимствует из инпута готовые блоки и схемы, но опирается на самостоятельно выработанные правила выбора формы.

Некоторые окказиональные конструкции невозможно объяснить, принимая за аксиому отсутствие ошибок выбора. Так, место ударения *Бутылка водѹ* (давая напиток кукле 1;8.1) свидетельствует о самостоятельно сконструированной форме, но сложно определить, что за ней стоит: ‘вот бутылка, пей воду’ (такому толкованию мешает отсутствие паузы), ‘пей воду из бутылки’ («замороженный» им. п. *бутылка* возможен, но такому прочтению мешает порядок слов), ‘бутылка воды’ (с 1;7.28 количественное значение выражалось им. п. (*кусок булка*), возможно, на следующем этапе для его передачи выбирается вин. п.). Количество подобных ошибок заставляет склониться в пользу последнего варианта.

3. Возможные причины игнорирования исследователями ошибок выбора падежа

Как можно объяснить тот факт, что в речи детей, оказавшихся в фокусе внимания лингвистов, ошибки выбора предложно-падежных форм встречались редко, а в нашем материале это наиболее частый тип девиаций?

Во-первых, вероятно, существуют разные пути освоения падежных значений, и Тоня не повторяет стратегии, выбранной Женей Г.

Во-вторых, следует учитывать разницу в инпуде Жени Г. (1921 г. р.) и современного ребенка: смешение падежных флексий фиксируется с 1970-х гг. и становится массовым в 90-е гг. [Гловинская 2008: 243].

Еще один важный момент — неосознаваемость неверного выбора в устной речи со стороны как говорящих, так и слушающих [Брызгунова 2008: 330; Гловинская 2008: 247]. Фиксировать ошибки в речи детей оказывается еще сложнее по целому ряду причин.

Для точной идентификации необходима достоверная информация о репертуаре грамматических форм. Тоня не употреб-

ляет род. п. в отрицательных конструкциях, следовательно, безупречная форма *Тоня никогда соски не сосет* (1;9.12) является либо заимствованной из инпута в составе конкретного словосочетания, либо ошибочно выбранной для передачи объектного значения. Подтверждают последнее предположение последовавшие попытки подобрать нужную форму на слух: *Мама никогда соску не сосет. Папа никогда соску не сосет. Тоня никогда соску.*

Интерпретацию детского высказывания затрудняет омонимия окончаний. Форма *Даю коту компоту* (1;10.18), вероятно, является результатом конструирования вин. п. при помощи флексии *-у*, общей для всех типов склонения (ср. *Дай батону батона батон* (1;10.20), где девочка перебирает все доступные ей способы образования вин. п.). Однако, возможно, это оговорка, возникшая под влиянием предшествующего дат. п., или форма род. количественно-выделительного на *-у*, хотя самостоятельное употребление род. п. в значении частичного объекта представляется спорным.

Женя Г. в 1;10 использовал формы *Суна! Хлеба!*, которые А. Н. Гвоздев трактует как род. п. Данных о том, что в этом возрасте Женя вкладывал разный смысл в просьбы *дай хлеб* и *дай хлеба*, А. Н. Гвоздев не приводит, зато отмечает, что в 1;9–2;0 мальчик употреблял род. п. исключительно в значении частичного объекта, причем некоторые формы он не мог почерпнуть из инпута (*яблоков собирать* 2;2.22) [Гвоздев 2007: 384–385]. Действительно ли в речи Жени одновременно появляются вин. и род., наделенные одним значением, или в ряде случаев эти формы — результат постепенного освоения категории одушевленности? Примем во внимание, что все иллюстрации, кроме *ал'и вад'и* (1;11.7), с сущ. м. р. Кроме того, до 4-х лет Женя допускает ошибки, образуя не только вин., равный род., от неодуш. сущ., но и вин., равный им., от одушевленных [Там же: 380]. Тоня в 1;9 использует в своих просьбах вин. на *-а* от сущ. 1 скл., явно рассчитывая получить целый предмет: *Дай огурца!* (при наличии *Дай грушу* и отсутствии **Дай груши* (об одной груше)). В 1;10.12 самостоятельно конструирует с помощью *-а* формы неодуш. сущ.: *Налею чайка* (чайку). Начало освоения род. частичного объекта можно отнести к 1;11, когда факультативно проводится различие между *Дай пирог* (о целом пирожке) и *Дай пирога* (об отрезанном куске).

Указывая на трудность интерпретации форм слушающим, М. Д. Воейкова пишет: «Редукция безударных гласных, ускоренный темп речи усиливают и без того высокий уровень синкретизма русских падежных форм» [Воейкова 2015: 160]. В речи ребенка, чья артикуляция несовершенна, омофония представлена еще шире. Количество омоформ увеличивается, когда ребенок опускает предлог или заменяет его филлером. В 1;9.20 Тоня называет *музыкой* как мелодии, так и предметы, их издающие, поэтому предложение *Тоня стучит музыки* можно интерпретировать как: 1) стучит (выстукивает) мелодии (им. мн.), 2) стучит (играет) на барабане (пр. ед. с пропуском предлога), 3) стучит по барабану (дат. ед. с общим для 1 и 2 скл. окончанием *-и*).

4. Причины окказиональных ошибок выбора падежной формы в детской речи

Поскольку многие внутрипадежные замены могут оказаться незамеченными, факты ошибочного выбора представляются случайными, и лингвисты обращаются к осмыслению конкретных окказиональных форм.

Иногда причина ошибки — грамматический эффект лексических инноваций. Так, Н. В. Ионова объясняет *Об рельсы будет трястись* (Ваня 3;2) как метонимический перенос *рельсы* — ‘шпалы’ или расширение референции *трястись* — ‘стукаться’ [Ионова 2007: 96]. В речи Тони грамматический эффект тоже прослеживается: *Тоня топает маму* (ходит по маме, 1;9.5), непрерыв. *топать* ‘стучать ногами по поверхности’ выступает в значении, близком к *топтать* ‘давить ногами’. *Крышу упала* (задевает верхний кубик в башне, 1;7.29), *упала* выступает в каузативном значении ‘уронила’.

Другое «точечное» объяснение — влияние контекста. Н. В. Гагарина и М. Д. Воейкова усматривают влияние предыдущей реплики матери на выбор творительного падежа Филиппом (2;0) в диалоге: *А чем ты его кормил? — Колбаской дала* [Gaгарина, Voeikova 2009: 196].

Эффектом прайминга можно объяснить некоторые формы из речи Тони. Просит показать «Каникулы в Простоквашино»: *Выбрала мультик про Шарика. Про мама. Про мама. Про маму* (1;10.18). Вероятно, под влиянием предыдущего сущ. 1 скл. от

мама образуется вин. п. с помощью **-а**. Окончание сущ. может быть выбрано под влиянием формы прилагательного: *А от бешеной мочалкой я помчался как от палкой* (1;11.10). Аналогичную ошибку, приводящую к образованию окказиональной формы *Читай про Федорину горину* (1;10.28), можно, по выражению К. И. Чуковского, считать «всехней» (ср. анализ этой формы из речи Филиппа 2;3.29 [Воейкова 2015: 274]).

Выбор формы может быть обусловлен не только ближайшим контекстом, но и частотными в речи ребенка выражениями: *Что у тебя на сапогах нарисовано? — Машинками* (1;10.0; ср. *У Тони сапоги с машинками*). Вызывает затруднение выбор между пр. и вин. п. в сочетании с **на**: *Поеду к Але на электричку* (1;11.3), *Мама бежит на автобусе* (мама подхватила на руки со словами «Бежим на автобус!», 1;11.6). Источником заимствования могут послужить книги: *Помогите маму! Спасите маму!* (просьба, обращенная к матери 1;9–1;11; ср. «Федя-Бредя съел медведя, упал в яму, крикнул маму! Спасите! Помогите!»).

С. Н. Цейтлин отмечает в речи детей до 2 лет экспансию вин. п.: при многовалентном глаголе лексемы, соответствующие разным актантам, заполняют валентность вин. п. [Цейтлин 2009: 173]. «Слияние валентности», возможно, обусловлено репродукцией привычных словосочетаний: *Кто тебя волками пугает? — Мама пугает волков!* (1;10.12), *Тоня пугает шарика* (пугает кота шариком, 1;10.12) (ср. частое требование *Не пугай котов, голубей и пр.*). Результатом частично реализованных глагольных валентностей могут стать «тавтологические» формы: *Ай-ай-ай Тоню лапу кусать* (1;9.13, ругает кота) — «кусать кого? за что?», или «кусать что? кому?», или, возможно, «кусать лапу чью?», т. е. своеобразное согласование в числе и падеже сущ., одно из которых указывает на принадлежность. Такое согласование происходит не только в вин. (*Тоня хочет моронжу* (мороженое) *Нину*, 1;9.26), но и в других падежах (*Тоня сидит на плечах папах* (1;10.13)).

А. А. Леонтьев отмечал, что в раннем детстве формирование речи — это «бессознательная имитация и “подстройка” с дальнейшим постепенным складыванием механизмов бессознательного контроля» [Леонтьев 2014: 158]. «Подстройка» может экстериоризироваться: при необходимости образовать новую

грамматическую форму или изменить недавно появившееся в речи слово Тоня произносит цепочки форм, подбирая подходящую на слух: *Дай, мама, лев лефу лефа* (1;10.20, *лев* использует впервые); *Отдать дорогого ребенка папой. Папом. Папу* (цитируя «Тараканище», перебирается на руки к папе, 1;9.5; первые формы дат. п. появились в 1;9.10), *Как много пузыри! Как много пузыря!* (1;10.13, в счетных сочетаниях Тоня изначально использует им. мн., затем род. ед.). Внешне похожие на самоисправления цепочки форм представляют собой своеобразные гаммы, исполняя которые Тоня подыскивает корректную форму выражения падежных значений.

Записи позволяют проследить другие ситуации порождения формы. В 1;10.7 происходит диалог: *Мама будет кормить суп.* — Супом? — *Кормить супом, морковком, картошком*, затем в течение недели тв. п. появляется при гл. *есть, кушать*: *Кушай конфетками; буду есть картошком*. В логопедической литературе для обозначения подобных ошибок используется термин «аграмматизм». Исследуя речь детей с общим недоразвитием речи, Е. К. Абророва отмечает, что «внутренние языковые системы детей не являются противоречивыми» и необъяснимые, на первый взгляд, ошибки на самом деле носят системный характер [Абророва 2004: 13–14]. Аграмматизмами нельзя назвать и случаи неправильного, но закономерного выбора формы маленькими детьми.

Дети стремятся избегать синонимических способов выражения грамматических значений. Это стремление может выражаться не только в унификации типов склонения (см. [Гвоздев 2007: 394; Цейтлин 2009: 183–194]), но и в предпочтении одной из нескольких падежных форм с близкими значениями. В речи Тони снимаются многие лексические ограничения: тв. п. в объектно-орудийном значении выступает при глаголе *поставить*: *Чего ты ногой поставила?* (сестре, поставившей ногу на стул 1;10.16; ср. *качать, топтать ногой*). В 1;9–1;10 употребляет тв. п. в транзитивном значении и тогда, когда в норме используется *по*+дат.: *идет лужами, топает ступеньками* и т. д. Выражает качественное значение формой тв. п. (с окончанием *-ами*) без предлога (ср. нормативное *с*+тв.) *Небо звездами* (1;9.19, в звездах), *Тоня шапками* (1;10.4, в шапке), *Тоня ухами* (1;9.13, у Тони

уши), затем наблюдается короткий период предпочтения *в*+пр. при указании на внешний вид: *Кот в банте* (1;10.21), *Мама в заколке* (1;10.28).

Возможно расширение значений предложно-падежных форм — грамматико-семантическая сверхгенерализация.

- *На*+пр. в локативном значении вместо транзитива *по*+дат. *Тоня ползет на палке* (1;9.20, переплывает, держась руками за поручень в бассейне); директива *к*+дат. *Едем на бабуле* (1;9.25).
- *У*+род. в значении субъекта состояния: *У папы больно* (1;10.12), *У тебя плачешь?* (1;10.20).
- Дат. п. в значении субъекта совместного действия (ср. дат. при гл. *помогать*): *Дядя гуляет собаке* (1;10.13), *Тоня тащит зонт маме* (несет за концы вместе с мамой, 1;10.28).

В. Б. Касевич обращал внимание на то, что «грамматика, отраженная в орфографии русского языка, и “реальная” грамматика, та, по правилам которой функционирует устная речь, — это разные грамматики, разные системы» [Касевич 2013: 15]. Ребенок осваивает «реальную» грамматику и, возможно, на раннем этапе воспринимает одинаково звучащие формы косвенных падежей как единую форму, с помощью которой выражается широкий круг значений.

Можно интерпретировать форму *Тоня делал Мааники* (показывает поделку, сделанную с Вероникой, 1;8.0) как род. п. в локативном значении с пропуском предлога *у* (отметим, однако, что предлог в данной конструкции никогда не опускался) или как дат. п. в значении адресата, выбранный под влиянием часто задаваемого вопроса: «Ты кому такой красивый подарок сделала?» Но гораздо продуктивнее рассмотреть *Мааники* как особую комитативную форму, возникшую до появления в речи первых форм тв. п. в результате осмысления *-и*² в род. (делать у кого) и дат. (помогать кому). Ср. *Хочу читать Верки* (принося книгу сестре, 1;10.13), *Тоня идет театр мамы* (сидя на руках по дороге в театр, 1;10.17).

---

² Здесь и далее мы рассматриваем фонетические варианты окончаний.

5. Освоение способов выражения падежных значений в речи ребенка

Оценивая попытки исследовать порядок появления падежных форм в детской речи как безуспешные, Н. И. Лепская утверждала, что изначально за «псевдоименительным» стоят значения всех падежей, а затем «возникает некоторая система падежных значений, в которой находят свое определенное место объектные, объектно-обстоятельственные и определительные значения» [Лепская 2013: 69]. Развивая это положение, можно предположить наличие «псевдовинительного» или «псевдодательного», за которыми будет стоять более широкий, чем во взрослом языке, комплекс грамматических значений. Д. Слобин считал, что «глубинный семантический замысел ребенка может содержать больше информации, чем его высказывание в поверхностной форме» [Слобин 1984: 152]. Попытка проследить глубинные семантические функции может дать больше, чем анализ поверхностных форм. Приведем некоторые способы выражения падежных значений в речи Тони.

Долгое время субъектное значение выражается с помощью форм, совпадающих с им. п. В 1;8 конструкция *y+и/ы, -а* начинает использоваться для обозначения посессивного и качественного субъекта, а также субъекта состояния. В 1;9 на субъект состояния (*Тони холодно*) и субъект невозможности, необходимости действия указывает *-и* (*Нельзя Фели* (кличка собаки. — Т. К.). В 1;10 эти формы приобретают дополнительное значение субъекта совместного действия. Возможно, на совместно совершаемое действие указывают обе флексии *-и* в предложении *Матери (sic!) взяла <на руки> Тони* (1;10.24). В 1;11 появляются взаимно-возвратные глаголы, которые управляют вин. п. (*Собака хочет подружиться Фелю*, 1;11.5; *Тоня целуется маму*, 1;11.12).

Объектные значения сначала также выражаются с помощью «замороженного» им. п. Но уже с 1;7 на различные типы объектных отношений указывает окончание *-у*, при этом в 1;8–1;9 *-у* используется для самостоятельного конструирования форм сущ. разных типов склонений. По данным М. Д. Воейковой, 83% первых 100 форм вин. п. образованы с помощью *-у* [Воейкова 2015: 156]. Н. И. Лепская отмечала использование этой флексии не только при образовании форм сущ. разного типа склонения

ния, но и для обозначения разных значений — прямого и косвенного объекта, места нахождения предмета [Лепская 2007: 66]. В речи Тони **-у** оформляет следующие значения: инструментатив (*Тоня краску рисует*, 1;9.8; *Мама копает ложку*, 1;9.10), адресат (*Тоню читать*, 1;8.12; *Помогаю маму*, 1;9.24), делибератив (*Папа скучает Тоню*, 1;11.2), финитив (*Идет за лопату*, 1;9.5) и др. Окончание **-у** девочка использует, когда употребляет новое слово (*Тоня побежала за папой. За папашу Тоня побежала*, 1;9.21) или осваивает грамматическое значение (Утром впервые повторяет: *Чеша нету. Афоня нету* (клички котов. — Т. К.). — Да, Афони нету. — *Афони нету*. Вечером строит самостоятельные конструкции: *Рыбу нету* (1;8.13)).

Осваивая новые формы, Тоня переживает периоды их расширительного использования. Так, в 1;8–1;9 в орудийном значении выступает вин. п. Освоив формы тв. п., Тоня какое-то время предпочитает их и в ситуации синонимического выбора (*Тоня играет в мячик... Мячиками*, 1;9.22), и в тех случаях, когда требуются другие формы (*Ёжик играет дудочкой*, 1;11.12; **на**+пр. для обозначения игры на музыкальных инструментах использует с 1;10).

Постепенно происходит формальная и семантическая дифференциация: с одной стороны, ребенок выбирает разные варианты для образования форм сущ. 1 и 2 скл., с другой, пользуется вариантами окончаний разных типов склонения или форм числа для передачи оттенков значения. Так, **-ами** выступает в орудийном значении, даже если речь идет об одном предмете: *Тоня играла кошками* (с одним игрушечным котом, 1;9.18). В 1;9,10–1;10.0 **-и** указывает на адресата, выраженного сущ. 1 и 2 скл. (на отсутствие изменения родовой принадлежности и типа склонения указывают узуальные окончания в им. ед.): *А это ёжик. Еду к ёжики* (1;9.10); *Морковку кому? — Зайчик. Зайчики*. — *А это кому? — Медвежонки* (1;9.12).

Итак, в речи Тони, как и у других исследованных русскоговорящих детей [Gagarina, Voeikova 2009: 202–205], базовой формой является форма им. п. ед. ч. Но когда девочка начинает членить ситуацию и испытывать потребность в дифференциации объектных и субъектных форм, в ее речи появляется особая флексия **-у** для выражения объектных значений. Поскольку Тоня

понимает разницу между объектом и субъектом, но не видит различий (или не умеет передать их в речи) между объектом и адресатом, объектом и орудием и т. д., можно наблюдать большое количество «ошибок» в выборе падежа. С. Н. Цейтлин справедливо считает, что «нет оснований расценивать в качестве ошибок выбора случаи использования “замороженного” именительного в тот (доморфологический) период, когда система падежных противопоставлений еще не сформирована» [Цейтлин 2009: 169]. Нельзя считать ошибками и случаи использования «замороженного» винительного. Постепенно в речи Тони появляются особые формы для передачи различных объектных значений, которые не всегда совпадают с узуальными, и лишь затем ошибки исчезают.

Развитие детей, допускающих малое количество ошибок выбора, идет иначе: форма «замороженного» им. п. продолжает оставаться самой частотной и служит для выражения различных значений, но наряду с ней появляются и другие, значение которых осваивается одновременно с узуальными способами его выражения.

Представим в упрощенном виде начальные этапы освоения объектных значений детьми, допускающими ошибки выбора и не допускающими их.

Таблица 1. Пути освоения способов выражения объектных значений

Этапы	Женя Г.	Тоня С.
1	«замороженный» им. п.	«замороженный» им. п.
2	вин. п. прямого объекта, для остальных значений им. п.	вин. п. в общем объектном значении («замороженный вин. п.»)
3	вин. прямого объекта, дат. адресата, для остальных значений им. п.	дат. адресата, для остальных значений вин. п.
4	вин. прямого объекта, дат. адресата, тв. орудийный, для остальных значений им. п.	дат. адресата, тв. орудийный, для остальных значений вин. п.

6. Выводы

Таким образом, тщательный анализ форм существительных из речи ребенка позволяет предположить, что далеко не все ошибки выбора являются случайным следствием овладения грамматическими особенностями отдельных лексем или вызваны влиянием контекста.

Исследование семантических функций детских форм позволяет предположить, что существуют, по крайней мере, два пути овладения падежными значениями. Дети, не допускающие ошибок выбора, осваивают падежную форму в одном из ее узуальных значений, по мере освоения новых значений того или иного косвенного падежа количество «замороженных» форм им. п. сходит на нет. Дети, допускающие ошибки, испытывают потребность выразить то или иное грамматическое значение и используют для этого сверхгенерализованные формы. При этом сначала осваиваются самые общие значения: объектные, субъектные, определительные, некоторые виды обстоятельственных, например, локативные, а затем происходит их постепенная дифференциация, сопровождающаяся ростом грамматических форм.

Есть основания предполагать, что количество детей, идущих вторым путем, значительно, а редкая фиксация подобных ошибок в детской речи отчасти обусловлена психолингвистическими особенностями восприятия взрослых слушателей. Для дальнейших выводов необходимо исследование становления падежных функций на современном материале речи большего числа детей.

Литература

- Абросова 2004 — Е. К. Абросова. Становление семантических функций падежных форм существительного в речи детей 4–6 лет (в норме и при патологии). Автореф. дисс. ... канд. фил. Н. СПб., 2004. [E. K. Abrosova. Stanovlenie semanticheskikh funktsii padezhnykh form sushchestvitel'nogo v rechi detei 4–6 let (v norme i pri patologii) [The development of the semantic functions of a noun in the speech of children in the age of 4 to 6 years (with normal and abnormal development)]. Avtoref. diss. ... kand. fil. n [Cand. of Philol. Sc. thesis]. SPb., 2004].
- Брызгунова 2008 — Е. А. Брызгунова. Связь внутренних законов языка с нормой устной и письменной речи // Язык СМИ как объект

- междисциплинарного исследования. М.: МАКС-Пресс, 2008. С. 327–348. [E. A. Bryzgunova. *Sviaz' vnutrennikh zakonov iazyka s normoi ustnoi i pis'mennoi rechi* [The relation between spoken and written language and the language norm] // *Iazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia* [The language of mass media as an object of cross-disciplinary research]. М.: МАКС-Press, 2008. P. 327–348].
- Воейкова 2015 — М. Д. Воейкова. Становление имени. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Языки славянских культур, 2015. [M. D. Voeikova. *Stanovlenie imeni. Rannie etapy usvoeniia det'mi imennoi morfologii russkogo iazyka* [The making of the noun. Early stages in the acquisition of Russian noun morphology by children]. М.: iazyki slavianskikh kul'tur, 2015].
- Гвоздев 2007 — А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс, 2007. [A. N. Gvozdev. *Voprosy izucheniia detskoï rechi* [Issues in child language acquisition]. SPb.: Detstvo-Press, 2007].
- Гловинская 2008 — М. Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–271. [M. Ia. Glovinskaia. *Aktivnye protsessy v grammatike* [Active processes in grammar] // *Sovremennyi russkii iazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian: Active processes on the border of the XX–XXI centuries] / Pod ed. L. P. Krycina. М.: iazyki slavianskikh kul'tur, 2008. P. 187–271].
- Ионова 2007 — Н. В. Ионова. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста. Дисс. ... канд. фил. наук. Череповец, 2007. [N. V. Ionova. *Semanticheskie funktsii padezhnykh form i predlozhno-padezhnykh konstruksii imeni sushchestvitel'nogo v rechi detei doshkol'nogo vozrasta* [Semantic functions of case forms in the speech of pre-school children]. Diss.... kand. fil. nauk [Cand. of Philol. Sc. thesis]. Cherepovets, 2007].
- Касевич 2013 — В. Б. Касевич. О «реальной» грамматике русского языка // Проблемы онтолингвистики — 2013. Материалы международной научной конференции. 26–28 июня 2013 г., Санкт-Петербург. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 15–17. [V. B. Kasevich. *O «real'noi» grammatike russkogo iazyka* [On the «real» grammar of the Russian language] // *Problemy ontolingvistiki — 2013. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Issues in first language acquisition — 2013. Working papers of the international conference]. 26–28 June 2013 g., Sankt-Peterburg. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2013. P. 15–17].

- Леонтьев 2014 — А. А. Леонтьев. Владение и овладение языком // Проблемы изучения билингвизма. СПб.: Златоуст, 2014. С. 149–166. [A. A. Leont'ev. Vladenie i ovladenie iazykom [Mastery and mastering of language] // Problemy izucheniia bilingvizma [Issues in bilingualism]. SPb.: Zlatoust, 2014. P. 149–166].
- Лепская 2013 — Н. И. Лепская. Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации. М.: Издательский центр Российского гос. гуманитарного университета (РГГУ), 2013. [N. I. Lepskaja. Iazyk rebenka: Ontogenez rechevoi kommunikatsii [Child language: The development of verbal communication]. M.: Izdatel'skii tsentr Rossiiskogo gos. gumanitarnogo universiteta (RGU), 2013].
- Слобин 1984 — Д. И. Слобин. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика / Сост. А. М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 143–208. [D. I. Slobin. Kognitivnye predposylki razvitiia grammatiki [Cognitive prerequisites for the development of grammar] // Psikholingvistika [Psycholinguistics] / Sost. A. M. Shakhnarovich. M.: Progress, 1984. P. 143–208].
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. [S. N. Tseitlin. Ocherki po slovoobrazovaniiu i formoobrazovaniiu v detskoj rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. M.: Znak, 2009].
- Gagarina, Voeikova 2009 — N. Gagarina, M. D. Voeikova. Acquisition of case and number in Russian // U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). Development of Nominal Inflection in First Language Acquisition: A Cross-linguistic Perspective. Berlin, 2009. P. 179–216.

О. Б. Сизова

Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ ОБ ИЕРАРХИИ МЕХАНИЗМОВ РЕЧИ¹

1. Введение

Проблема изолированности языкового механизма, наличия или отсутствия взаимосвязи между уровнем моторной реализации высказывания и собственно языковыми механизмами, обеспечивающими его порождение, или, шире, взаимосвязь или отсутствие таковой между общебиологическими, сходными для человека и животных, и собственно человеческими способностями, в частности, способностью формировать и использовать языковую систему, является актуальной на протяжении многих лет развития лингвистики и когнитивных наук [Фитч 2013]. Решение этого вопроса необходимо для релевантного описания как происхождения языка в филогенезе [Бикертон 2012], так и формирования языковой системы в онтогенезе. Наряду с изучением коммуникации животных, моделированием процессов происхождения языка и глоттогенеза и исследованиями формирования языковой системы в детстве [Томаселло 2011; Фитч 2013], продуктивным представляется изучение процессов формирования языковой системы в детстве в случаях речевой патологии, обусловленной недоразвитием моторных механизмов реализации высказывания, непосредственно связанных с общебиологическим механизмом целенаправленного движения. Задачей исследования является обоснование представлений о механизмах речи как иерархической системе, имеющей в качестве базиса общебиологические механизмы целенаправленного действия и распознавания релевантных сигналов. Источником данных являются результаты лонгитюдного исследования 21 дошкольника с недоразвитием речи (15 мальчиков, 6 девочек). Возраст участников в начале ис-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

следования 24–48 месяцев. Наблюдения, дневниковые и аудиозаписи, а также ежегодное тестирование языковых и моторных способностей продолжались в течение 2–3 лет.

На основе анализа данных детской речи предполагается доказать влияние указанных базовых общебиологических механизмов на формирование языка и языковой личности в целом, уделяя основное внимание обусловленности выбора стратегии языкового и когнитивного развития состоянием базовых функций распознавания сигналов и программирования деятельности. Обратимся к описанию обеспечения этих функций в процессе функционирования различных отделов коры головного мозга человека.

2. Корковые механизмы целенаправленного движения

Механизм целенаправленного движения распределен в коре головного мозга между двумя функционально различными отделами [Лурия 2000]. Задние, теменные отделы коры ГМ обеспечивают глубокую проприоцептивную чувствительность, кинестетику. Они обрабатывают афферентные сигналы, поступающие от мышц. В англоязычной литературе [Риццолатти 2008; Якобони 2011] эти области коры обозначаются как соматосенсорные, т. е. рассматриваемые отделы коры обеспечивают *гнозис*, распознавание положения каждой мышечной группы в каждый момент целенаправленного движения. Обрабатывается каждое из положений мышц, непрерывная смена положений в процессе движения квантуется на условно отдельные позы и, что важно, каждая поза запечатлевается и становится доступной для сопоставления реализуемой в данный момент мышечной конфигурации с прежде неоднократно осуществлявшейся и запечатленной. Именно поэтому соматосенсорные отделы обеспечивают *точность* движения: сличение с запечатленным сенсорным эталоном позволяет даже в процессе реализации движения корректировать его выполнение. Таким образом, *точность* целенаправленного движения на основе *запоминания* каждой мышечной конфигурации обеспечивается областями теменной коры, относящейся к задним отделам коры ГМ.

Обратная афферентация, в свою очередь, регулирует прохождение импульсов из коры на периферию, противонаправлен-

ную корковую активность, исходящую из лобной коры ГМ и обеспечивающую организацию последовательности движений, приводящих к цели — некоему желательному для организма состоянию. Последовательность движений не случайна, но подчинена цели, движения должны плавно **переключаться** от одной позы к следующей, предыдущее положение должно быть «выключено» и «включено» следующее. Своевременное включение первой позы в последовательности и выключение последней по достижении цели тоже входит в «компетенцию» лобной коры. Отметим, что, в отличие от задней вторичной коры, различные области которой специализированы на приеме сигналов различной модальности, в том числе и на ощущении движения (кинестетика), вторичная лобная кора обеспечивает только движение (кинетику).

Зеркальные нейроны (ЗН) лобной коры активируются одинаково и при выполнении действия организмом, и при наблюдении за теми же действиями другого, а у человека — и в момент воображаемого выполнения действия. ЗН не только обеспечивают организму способность к воспроизведению движений и даже их серий моментально, без анализа, но и дают возможность индивиду почувствовать двигательную активность другого непосредственно в своем теле. Их (ЗН) функционирование дает возможность понимания активности других «в терминах цели». Человек мгновенно понимает прагматическую нагрузку наблюдаемых изменений положения другого в пространстве и может прогнозировать вероятные сценарии продолжения его активности. Важно отметить, что способность воспроизводить движения других без анализа — это базовый уровень активности, обеспечиваемый ЗН, а тонкое прогнозирование последствий, считывание цели приобретает все же в опыте совместной деятельности с другими [Риццоллатти, Синигалья 2012]. В целом базовые функции лобной коры уместно описать как обеспечение целесообразной последовательности, ряда движений, программирование деятельности.

Таким образом, двигательное обеспечение поведения обслуживается согласованной деятельностью двух функционально различных отделов коры: соматосенсорными областями теменной, задней коры, обеспечивающей гнозис положения мышц в каждый момент движения, и кинетическими областями передней,

лобной коры, обеспечивающей последовательное развертывание двигательной программы для достижения цели.

Дисфункция каждой из описанных областей, согласованно обеспечивающих успех целенаправленного движения, обязательно отражается на артикуляции, способности к моторной реализации высказывания как частному, но наиболее тонко организованному случаю целесообразной последовательности точных движений.

При первичной дисфункции соматосенсорных теменных полей (ПСД, первичная соматосенсорная дисфункция) дети не могут запомнить и целенаправленно принять или воспроизвести артикуляционное движение, необходимое для произнесения того или иного звука речи. Дж. Риццолатти [Риццолатти, Синигалья 2012] писал: «...в языковой коммуникации важны не столько звуки, сколько артикуляционные движения, благодаря которым они генерируются, т. к. последние обеспечивают фонетическое единообразие первых».

Вместо целенаправленного выбора уместной артикуляционной позы, следствием которого должно стать произношение соответствующего речевого звука, реализуется случайная комбинация напряжения и расслабления в мышцах. Каждая последующая попытка целенаправленного артикулирования ведет к непредсказуемому результату, случайная артикуляция ведет к реализации случайного звука. В речи это приобретает характер «нерегулярных звуковых замен»: звук теоретически может быть замещен любым другим. В итоге одно и то же слово при каждой следующей попытке произнесения может приобретать иную фонетическую реализацию.

Максим (4;6): *диядау (=динозавр), *сяту дизЯда (=хочу динозавра)... *дижаяда (=динозавра).

Кристина (3;11): **га-бу-гай/багугай/ганубай* (=попугай); *паипон (=помидор), НО: *панидонини (=помидоры).

Слоговая структура слов в основном сохраняется, просодические характеристики речи и акцентная структура также не страдают.

Напротив, при первичной дисфункции кинетических полей лобных долей (ПКД, первичная кинетическая дисфункция) отдельная произносительная единица воспроизводится довольно точно, а вот слоговая структура слова, его интонационные и акцентные характеристики не реализуются адекватно. Процесс овладения произношением проходит через две условные стадии: на

начальной ребенок может воспроизвести лишь первый, последний или ударный слог слова при достаточной точности его артикулирования; наряду с односложными реализациями лексем дети используют слова итеративной структуры, состоящие из двух одинаковых слогов. Для произнесения последних не требуется **переключения** с предыдущей артикуляционной установки на последующую; произнесение одиночного слога также не востребует этой способности.

Карина И. (4;2): **ни, но* (=пить/купить; нос, в т. ч. для Буратино), **авава, веве, папа, папаА, папаО* (=собака, привет, папа, пока, помпон).

На второй стадии дети осваивают слова, включающие различающиеся звуки и слоги, требующие для своей реализации различных артикуляционных установок. На этом этапе выявляется ведущий «патологический маркер» кинетической дисфункции — **персеверации**: «застывание» на предшествующем элементе движения и невозможность переключиться на следующее, имеющее отличные от предыдущего пространственные и/или временные характеристики. Персеверациями обусловлены уподобления согласных и озвучивание «лишних» слогов в конце слов.

Уподобление (иногда частичная или обратная ассимиляция) согласных в многосложных структурах: Стас Ч. (4;3): **биба, какофка, какока, папуста, пабака, маман* (=рыба, картошка, морковка, капуста, яблоко, банан).

Случаи добавления лишнего слога к концу слова: Антон К. (4;6): **прилепилась...ась...ась*; (7;5): **делала..ла*; Радомир К. (4;6): **вытасси... вытассилили* (=вытащили); Карина И. (5;10): **убию...ю* (=уберу); Ваня Х. (6;5): **в сольницу-цу* (=в солонку).

Трудности последовательного развертывания обуславливают и **перестановки** элементов структуры: слогов и даже звуков: Стас Ч. (4;3): **бйиги* (=грибы); Соня К. (5;3): **камо, неск* (=морковь, снег); Карина И. (5;7): **мазо, ба-зь* (=замок, забор); (5;8): **писи* (=спину); (5;9): **мизе* (=на земле); (5;11): **каету* (=тарелку).

У детей этой группы отмечается напряженная, скандированная интонация, неуместные паузы между элементами высказывания, даже между слогами слова.

Таким образом, фонетические особенности речи детей с ПСД и ПКД фактически оказываются комплементарными: для

детей с ПСД характерна неточность, неустойчивость отдельной артикуляции при сохранности просодических и акцентных характеристик целостного высказывания и слоговой структуры слова; у детей с ПКД, напротив, отдельная артикуляция достаточно точна, но нарушена слоговая структура слов (в отношении как количественных, так и порядковых характеристик) и супraseгментные компоненты целостного высказывания.

Важно отметить, что артикуляционные нарушения в каждой из групп сопровождаются соответствующими особенностями организации неречевых движений, при этом получены статистически достоверные различия ($p < 0,1$), подтверждающие более выраженные трудности выбора (при воспроизведении) отдельной позы кисти руки и трудности запоминания и точного воспроизведения движений в серии у детей с ПСД. Напротив, в группе детей с ПКД чаще, чем в противопоставленной группе, встречаются неуместные повторы и сбои порядка движений, соотносимые с уподоблением звуков и перестановками в речи [Сизова 2016; Sizova 2016].

3. История вопроса

В отечественной логопатологии разработана концепция первичного и вторичного дефекта, предполагающая, что первичное недоразвитие определенной психической функции может вторично приводить к определенным дефектам формирования языковой системы. В. К. Орфинская писала: «...на основе первичного фонетического расстройства характера артикуляторной апраксии или слуховой агнозии может возникнуть вторичное расстройство характера нарушения речи как системы» [Орфинская 1960]. Таким образом, описанные выше фонетические расстройства рассматривались как причина недоразвития всех языковых систем. В свою очередь, особенности гностических или практических дисфункций при каждой из выделенных форм алалии ведут к строго определенным нарушениям в формировании языковой системы. В соответствии с этой концепцией создавалась классификация алалий Р. А. Беловой-Давид [1969]. Автор различает афферентную (АМА) и эфферентную (ЭМА) моторную алалию. При АМА первичный дефект соответствует описанному выше состоянию ПСД и стабильно сопровождается следующими

особенностями языковой системы и поведения: недоразвитие морфологической системы; сохранность простого синтаксиса; активность, желание контакта. При ЭМА первичный дефект соответствует состоянию ПКД, при этом наблюдаются недоразвитие синтаксической и морфологической систем, трудности контакта, переключения на новый вид деятельности, склонность к образованию стереотипий. Р. А. Беловой-Давид постулируется: особенности формирования языка и поведения при каждом из синдромов обусловлены первичным гностическим (при АМА, ПСД) или практическим (при ЭМА, ПКД) дефектом.

Развитие психолингвистики и распространение трудов Н. Хомского оказало влияние на отечественную логопатофизиологию конца XX в. Идея изолированности грамматического механизма автоматически аннулировала возможность некой взаимосвязи между функционированием гностико-практического уровня восприятия и порождения речи и механизмами грамматической системы. Следовательно, языковое нарушение связывалось исключительно с нарушением функционирования лексико-грамматического уровня, моторный уровень рассматривался как отдельная система, не участвующая в формировании особых языковых процессов. Классификация алалий Е. Ф. Собонович [Собонович 2003], разработанная в этот период, также основывалась на концепции первичного недоразвития именно грамматического механизма. Автор выделяла две разновидности алалии: первая характеризуется нарушениями в основном на морфологическом уровне и связывается с патологическим формированием преимущественно парадигматической системы языка; характеристики этой формы совпадают с признаками АМА за исключением состояния фонетики и артикуляции, которые Е. Ф. Собонович не рассматривает в соответствии с базовой концепцией своей классификации. У детей второй группы выявляются нарушения как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне, обусловленные преимущественным недоразвитием синтагматического аспекта речевой деятельности. Характеристики «синтагматической» формы, как нетрудно заметить, совпадают с признаками ЭМА. Е. Ф. Собонович добавляет к описанию синдрома замечание о наличии в активном слове детей второй группы полноценных лексических единиц.

Наконец, классификация А. Н. Корнева [2006] предваряется положением о том, «что функциональная система языка и речи

(ФСЯР), возможно, является модулем, развитие которого происходит по специфическим закономерностям» [Там же: 84], при этом «формирование речевой деятельности и языковой системы является продуктом коммуникативной практики» [Там же]. Автор различает параалалическую форму первичного нарушения речи (ПНР) и собственно моторную алалию. В Таблице 1 сведены воедино характеристики синдромов, противопоставляемых тремя авторами (Р. А. Беловой-Давид, Е. Ф. Собонович, А. Н. Корневым); важные дополнения, внесенные Е. Ф. Собонович, выделены курсивом, А. Н. Корневым — подчеркиванием. Невыделенные характеристики синдромов совпадают в классификациях всех трех авторов.

Сопоставив три рассмотренные классификации тяжелых нарушений речи, можно сделать следующие выводы:

— определенные дисфункции звена моторной реализации высказывания сопровождаются характерной структурой недоразвития лексико-грамматического уровня языковой системы;

— при нарушениях моторного уровня, характерных для первой группы (пара)алалических синдромов, не диагностируются нарушения языковой системы, характерные для алалических синдромов второй группы, и *vice versa*.

— нарушения лексической и грамматической системы, парадигматических и синтагматических процессов, импрессивной и экспрессивной речи комплементарны в рамках противопоставляемых групп синдромов.

Типология раннего развития речи, разработанная в зарубежной литературе весьма подробно, последовательно подразумевает разделение детей на 2 группы в зависимости от реализуемого ими когнитивного «стиля» или стратегии освоения языка [Nelson 1973; Bates et al. 1988]. Е. Bates следующим образом объединяет термины, принятые в этих типологических исследованиях: дети «экспрессивного» стиля рассматриваются как носители «холистической» стратегии, «референциальные» дети реализуют «аналитическую» стратегию языкового развития [Bates et al. 1995: 16]. Применительно к освоению русского языка эти стратегии изучены Г. Р. Добровой [2009].

Сопоставим характеристики стратегий освоения языка в норме с выявленными характеристиками, дифференцирующими синдромы недоразвития речи (Табл. 2, 3).

Таблица 1

<p>АМА / <u>парадигматическая форма алалии / параалалическая форма ПНР</u></p>	<p>ЭМА / <u>синтагматическая форма алалии / моторная алалия</u></p>
<ul style="list-style-type: none"> • Артикуляционная апраксия → нерегулярные замены звуков речи 	<ul style="list-style-type: none"> • Трудности включения и переключения артикуляционных движений при точности произношения огдельного слога и итеративных структур • <u>Дистантная ассимиляция, редупликации, пропуски и перестановки звуков и слогов</u>
<ul style="list-style-type: none"> • Сохранность интонационно-ритмической стороны речи 	<ul style="list-style-type: none"> • Нарушение интонационно-ритмической стороны речи
<ul style="list-style-type: none"> • <u>Нарушение понимания и дифференциации языковых единиц</u> 	<ul style="list-style-type: none"> • <u>Сохранность понимания речи</u>
<ul style="list-style-type: none"> • Сохранность простого синтаксиса • Недоразвитие морфологической системы 	<ul style="list-style-type: none"> • Недоразвитие синтаксической и морфологической систем
<ul style="list-style-type: none"> • <u>Дефицит номинативного лексикона более выражен, чем глагольного, дефицит словаря пропорционален показателям нормы</u> 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Относительно высокий уровень сформированности лексикона</i> • <u>Дефицит глагольного словаря</u>
<ul style="list-style-type: none"> • Активность, желание контакта 	<ul style="list-style-type: none"> • Трудности контакта, переключения на новый вид деятельности, склонность к образованию стереотипий
<ul style="list-style-type: none"> • <u>Незрелость наглядно-образного и категориального мышления, метаязыковых способностей</u> 	<ul style="list-style-type: none"> • <u>Невербальный интеллект соответствует норме</u>

Таблица 2

<p>АМА / <i>парадигматическая форма алалии / параалалическая форма ПНР</i></p>	<p>Экспрессивный стиль / холистическая стратегия</p>
<p>Артикуляционная апраксия → нерегулярные замены звуков речи</p>	<p>«Плохая артикуляция», «фонологическое непостоянство»</p>
<ul style="list-style-type: none"> Нарушение понимания и дифференциации языковых единиц 	<ul style="list-style-type: none"> Воспроизведение «бесмысленных» звукокомплексов и «замороженных» структур-штампов
<ul style="list-style-type: none"> дефицит словаря пропорционален показателям нормы 	<ul style="list-style-type: none"> Разные части речи в составе начального лексикона
<ul style="list-style-type: none"> Сохранность простого синтаксиса 	<ul style="list-style-type: none"> Воспроизведение развернутых высказываний
<ul style="list-style-type: none"> Недоразвитие морфологической системы 	<ul style="list-style-type: none"> Непоследовательность при использовании грамматических правил
<ul style="list-style-type: none"> Незрелость категориального мышления 	<ul style="list-style-type: none"> Затруднен переход от денотативного к сигнификативному значению слова

Таблица 3

ЭМА / синтагматическая форма алалии / моторная алалия	Референциальный стиль / аналитическая стратегия
<ul style="list-style-type: none"> • Точность произношения отдельного слога и итеративных структур 	<ul style="list-style-type: none"> • «Хорошая артикуляция», «фонологическое постоянство»
<ul style="list-style-type: none"> • Дефицит глагольного словаря 	<ul style="list-style-type: none"> • Высокий процент существительных в составе начального лексикона
<ul style="list-style-type: none"> • Относительно высокий уровень сформированности лексикона 	<ul style="list-style-type: none"> • Быстрый прирост словаря
<ul style="list-style-type: none"> • Недоразвитие морфологической системы 	<ul style="list-style-type: none"> • Долго используют неизменяемые слова
<ul style="list-style-type: none"> • Недоразвитие синтаксической системы 	<ul style="list-style-type: none"> • Продолжительность этапа голофраз

Выделенные Е. Bates стратегии обработки информации связывают экспрессивный стиль со склонностью обрабатывать единицы большей длины, пренебрегая точностью обработки, референциальный стиль — с точной обработкой более коротких единиц. Мы сопоставляли эти характеристики обработки информации с моделью порождения речи Т. В. Ахутиной [2007], в которой она связывает функции передних отделов коры с последовательным программированием высказывания, от смыслового структурирования и вплоть до создания моторной программы высказывания в аспекте кинетического программирования. Иными словами, именно передние отделы коры обеспечивают реализацию «более **длинных** единиц» языка.

Задние отделы коры, по данным Т. В. Ахутиной, на каждом из этапов порождения речи обеспечивают выбор из систематизированных единиц, заполняющих развертываемую программу. От «внутренних слов» идет переход к выбору слов по значению, затем по форме, наконец, на этапе моторной реализации задние отделы коры отвечают за выбор отдельных артикулем. На каждом из уровней задние отделы коры оперируют более **короткими** единицами, но операции выбора требуют большей **точности**.

Как видно из приведенного описания, механизмы функционирования коры как на гностико-праксическом, так и на собственно языковом и общекогнитивном уровне описываются в одних и тех же терминах, обозначающих функциональную дифференциацию этих отделов коры. Эти термины — программирование и выбор.

Следовательно, возникает необходимость выявления *механизмов влияния* гностико-праксического уровня на формирование языковой и когнитивной сферы.

4. Обсуждение результатов

Рассмотрим данные лонгитюдных наблюдений 21 ребенка с отклоняющимся развитием речи. Некоторые характеристики языковой системы и познания детей каждой из групп представляются чисто техническими следствиями первичной дисфункции.

4.1 «Технические» ограничения артикуляционных дисфункций

При ПСД произвольно замещаемые в потоке речи звуки не могут быть основой для надежной системы фонематических про-

тивопоставлений, поскольку в одной и той же позиции при каждом следующем произнесении может оказаться как аллофон фонемы, так и противопоставленная фонема. В. К. Орфинская [1960] указывала, что для формирования фонематических противопоставлений необходима сохранность не только слухового восприятия, но и «проприоцептивного компонента», дисфункционального у детей рассматриваемой группы. Но подобная ненадежная артикуляционная, фонетическая и фонематическая база не дает возможности ни для единообразного оформления грамматических маркеров, ни для их надежного противопоставления. В высказывании Вани Э. приблизительное оформление флексий местоимений не обеспечивает противопоставления словоформ «такое/такого» и «эту/это».

Ваня Э. (4;11): **А ес'с'о ес' такоо?* и **Я закию эт(у/о) вот.*

В высказывании Кристины С. словоформа *зайс не может быть однозначно идентифицирована как форма косвенного или именительного падежа:

Взрослый (далее Взр.): ... кого он (защитник) защищает, спасает? Кристина С. (4;4): **зайс...катёнка* (=зайца/заяц(?), котенка).

В речи детей данной группы отмечались окказиональные формообразования, обусловленные, вероятно, именно сбоем в выборе артикулемы в составе грамматического маркера: Вадим Н. (4;6): *бежЕт (=бежит); (5;10): *спешать (=спешить).

Неточность произнесения может препятствовать даже лексической идентификации произнесенного: Слава Р. (4;1): *Я имею цапъся (я умею цапаться/царапаться?).

В силу ненадежности фонематических противопоставлений слова в речи заменяются по фонетическому сходству: Слава Р. (4;1): **бабус'ка, банан* (=азбука, кабан); Вася З. (5;5): *кутка (=кукла).

Следовательно, недоразвитие морфологической и даже лексической системы обусловлено ненадежностью артикуляционной реализации звуков — «носителей» корневой морфемы или грамматического маркера — и несформированностью системы фонологических противопоставлений на основе недостаточности проприоцептивного компонента фонологического анализа.

Кроме того, ПСД — состояние, связанное с особенностями функционирования задних, гностических систем мозга, в состав

которых, кроме соматосенсорной коры, входят также области, обеспечивающие слуховой и оптический гнозис. Недостаточность слухового гнозиса может быть обусловлена и эволюционно, т. к. в общебиологической перспективе «слух — важная форма механорецепции» [Детьер, Стеллар 1967: 24], т. е. восприятие звуковых колебаний — это частный случай соматосенсорного восприятия вибрации. Таким образом, и акустический, и проприоцептивный компонент фонематического слуха и базирующегося на нем понимания речи имеют одни и те же общебиологические истоки: «...акустический образ невозможно отделить от артикуляционного. Часто можно наблюдать, что слушающий правильно «понимает» слово или фразу лишь после того, как повторит их» [Косериу 1963: 196]. Приведем пример нарушения понимания, обусловленного недостаточностью слухового гнозиса:

Взр.: От кого защищает защитник? Кристина С. (4;4): *вока (=от) волка) Взр.: А кого он защищает? К: *мидея! (смешала «[а] кого» и «[ат] кого»)

Вероятно, особенностями зрительного гнозиса детей с ПСД обусловлены выявленные в наших наблюдениях трудности усвоения прилагательных, обозначающих цвет. Так, Ваня Э. в возрасте (4;10) заменял все цветовые обозначения прилагательным «черный» в различной фонетической реализации (*тяный/тёненька/сёные), Вася З. в (3;3) для этих же целей использовал прилагательное *си/сини (=синий), Кристина С. в (3;11) произвольно актуализировала прилагательные при назывании цвета, предпочитая *каси/касин (=красный).

Согласно данным Дж. Риццоллатти, нейроны нижней височной (задней) коры кодируют «форму, цвет и текстуру объектов», формируя «целостные перцептивные образы», позволяющие в дальнейшем «распознавать зрительные аспекты объектов» [Риццоллатти, Синигалья 2012: 57]. Нейроны лобной коры, сохраненной при ПСД, категоризируют рассматриваемый объект в терминах «потенциального моторного акта» в аспекте прагматической значимости его свойств. Кодирование цвета не имеет непосредственной прагматической значимости, обеспечивается задними отделами коры и не может быть освоено при манипуляции с объектами, т. е. способом, присущим детям с ПСД. Таким образом, дисфункция задних гностических отделов коры может являться

причиной трудностей освоения понятий, требующих перцептивных (а не прагматических) обобщений.

Таким образом, определенные особенности формирования языковой системы у детей с ПСД могут быть обусловлены непосредственным влиянием первичной гностической дисфункции. Так, недостаточность понимания, недоразвитие лексикона и морфологического компонента грамматической системы непосредственно связаны с особенностями кинестетического гнозиса, конкретные трудности формирования адъективного лексикона — с особенностями обработки зрительно воспринимаемых свойств объектов.

У детей с ПКД имеется обусловленная трудностями моторного развертывания артикуляционных рядов склонность воспроизводить лишь часть структуры слова (как правило, предпочтительнее отдается корневой морфеме). Приведем фрагмент начального лексикона Радомира К (3;4): **кук, мис', киз, мя, си, ка, зё* (=кукла, мишка, киска, мяч, синий, красный, зеленый).

Даже если в лексиконе появляются двусложные структуры, они преимущественно итеративны, представляют собой редупликацию корневой морфемы или не выходят за ее пределы и неизменяемы: Карина И. (4;6): **дядя, деде, баба, тёт'ь, ади* (дядя, дедушка, бабушка, тетя, один).

При этом глагольный лексикон значительно меньше именного: у Радомира К. (3;4) представлен исключительно ономотопеями *топ-топ и *ам-ам, у Карины И. (4;11) — корневыми морфемами: **мо, вы* (=мой/моет, вытирай/вытирает). Неизменяемость лексем обусловлена их функцией — они используются преимущественно как ответы на вопросы взрослого или как голофраза, констатирующая происходящее событие.

Технические ограничения на воспроизведение многосложных слов и особенности функций первых слов приводят к тому, что флексии длительное время вообще отсутствуют в речи детей с ПКД. Соответственно, грамматические противопоставления у таких детей накапливаются лишь на основе систематизации данных инпута, обеспечиваемой сохранной способностью к пониманию речи. Однако запаздывание в сроках начала **использования** грамматической маркировки не может не оказывать влияние на формирование морфологической системы.

Важно отметить, что неспособность к артикуляционному переключению, к объединению в одной произносительной последовательности двух разных слогов ведет не только к ограничению в использовании слов неитеративной структуры, но и трудностям синтаксического развертывания. И если слова начального лексикона в большинстве европейских языков итеративны, что до определенного момента позволяет ребенку с ПКД не отставать в лексическом развитии (ср. с референциальными детьми), то возможность применять итеративные структуры в синтаксическом развертывании крайне ограничена. По данным М. Б. Елисейевой [Елисейева 2008], первое двусловное высказывание может появиться на основе тех же слоговых структур, которые уже используются ребенком для реализации отдельных слов. Так, наличие в лексиконе Лизы (1;8–1;9), ребенка референциального стиля, структуры **бабабай* (=помидор) стало основой для первых двусловных высказываний **баба бай* и **nana бай* (=бабушка спит; папа спит). Однако следующие двусловные высказывания Лизы (не разделенные паузой между компонентами) появились спустя значительный промежуток времени.

С. Н. Цейтлин [2000] пишет, что переход от голофраз к двусловным высказыванием подразумевает объединение двух единиц лексикона, используемых ранее как голофразы, причем эти единицы в течение определенного времени могут быть разделены паузой. Следовательно, ограничения способности к переключению от данной произносительной единицы к артикуляционно иной препятствуют объединению во фразу двух элементов начального лексикона (даже односложных).

В речи детей с ПКД переход к двусловным высказываниям значительно задерживается, а паузы между элементами высказывания могут сохраняться даже в более чем двусловных высказываниях на более поздних этапах развития речи:

Карина И. (5;0): **Ое...тя...дя* (=Оле чай дать/дай); (5;1): **афафа...nana...уни* (=вафли папа купил).

У детей с ПКД моторная дисфункция оказывает непосредственное влияние на особенности лексикона (препятствуя использованию — но не пониманию — слов неитеративной структуры); на формирование обоих компонентов грамматической системы: морфологического (ограничивая воспроизводимую структуру слова корневой морфемой при отсутствии «материальных носи-

телей» грамматических маркеров) и синтаксического (препятствуя переходу от голофраз к синтезу двусловных высказываний).

Таким образом, адекватно формируются те фрагменты языковой системы, которые доступны ребенку в речевой реализации. Т. е., как было показано, если в силу артикуляторной дисфункции в речи неадекватно оформляются носители / маркеры определенной лексической или грамматической структуры, то соответствующая языковая подсистема также формируется неадекватно. Свойственное иерархической системе влияние нижележащих уровней на функционирование высших языковых процессов обнаруживается в явлении артикуляционных ограничений формирования языковой системы.

4.2. Механизм влияния общебиологических дисфункций на формирование языковых и когнитивных процессов

Однако ряд явлений простыми «техническими» ограничениями артикуляционных дисфункций как будто объяснить невозможно. Это трудности лексической категоризации и систематизации способов грамматического маркирования у детей с ПСД; склонность к грамматической сверхгенерализации и трудности текстового развертывания у детей с ПКД. Также особенности поведения сложно непосредственно связать с артикуляционными трудностями.

Наличие описанных особенностей формирования языковой и когнитивной сферы объяснимо при обращении к теории образных схем Д. Лакоффа [2004]: абстрактные концепты, лежащие в основании культуры и выражаемые средствами языка, выстроены на основе метафорического переноса структурированных данных человеческого телесного опыта, опыта взаимодействия организма со средой. Характеристики телесного опыта («области-источника») метафорически переносятся на абстрактную «область-мишень» с сохранением их структуры в виде образной схемы.

Так, схема *вместилище* возникает на базе опыта восприятия собственного тела и его границ, в результате чего явления дифференцируются на основе дихотомии «внутри/вне». Метафорический перенос схемы *вместилище* в область абстрактных обобщений обеспечил собственно процесс категоризации: «...мы понимаем категории как метафорические вместилища» [Лакофф 2004]. Опыт восприятия собственного тела и его границ

обеспечивается кинестетическими, соматосенсорными ощущениями, ими же обеспечивается выбор артикулемы на этапе моторной реализации высказывания. У детей с дисфункцией соматосенсорной области коры нет полноценной физиологической базы не только для точного выбора артикуляции, но и для обобщения телесного опыта, необходимого для формирования образной схемы *вместилище*. Переход от денотативного к сигнификативному значению слова, формирование обобщающих понятий для классификации явлений действительности предполагает объединение явлений по существенным признакам, определяющим *принадлежность* единичных фактов опыта к определенной обобщенной категории. Грамматическая парадигма также представляет собой метафорическое *вместилище* определенным образом систематизированных единичных фактов речи.

Отметим, что функционирование и фонологического, и грамматического уровней языка у детей с ПСД обеспечивается не столько способностью к **выбору** уместной артикулемы, грамматического маркера или словоформы из надежных систем кинестетических образов звуков, парадигм или систематизированного грамматикона, а, скорее, на основе **поиска** возможных вариантов, метода проб и ошибок. Например, Ваня Э. (4;11) рассказывает сказку «Репка»: **тянит-тянут-тяним*; Вася З. (4;5) просит молоток: **матО Васи...Васе*; Кристина С. (4;1) просит: **помогите одену меня! Одень! Одень!*

Таким образом, закономерности функционирования фонетической системы непосредственно проецируются на особенности становления грамматики, присутствует своего рода метафорический перенос стратегии уровня артикуляционного оформления высказывания на грамматический уровень.

Следовательно, особенности формирования языковой системы, отставание в развитии наглядно-образного мышления и способностей к категоризации вполне могут иметь единое происхождение, обусловленное недостаточностью гностических систем задних отделов коры, в первую очередь обеспечивающих соматосенсорное восприятие и являющихся единым источником как артикуляционной дисфункции, так и специфической недостаточности формирования языковых и когнитивных функций, базирующихся на метафорическом переносе образной схемы *вместилище*.

В формировании грамматической системы у детей с ПКД также выявляется структурное соответствие между явлениями артикуляционного и грамматического уровней. Основным признаком кинетической дисфункции являются **персеверации**. Трудности последовательного развертывания артикуляционного ряда обуславливают и **перестановки** элементов структуры. Освоив один из способов грамматического маркирования, дети второй группы склонны сверхгенерализованно использовать его, что также может быть расценено как уже грамматическая **персеверация**. Так, Радомир К. и Ярик последовательно использовали флексию –АХ (Радомир К. — в фонетической реализации –АС) для маркирования форм Род., Вин. и Предл. падежей сущ. множ. числа вне зависимости от их склонения.

Карина И., освоив предлог НА, в течение месяца последовательно употребляла его как универсальный заменитель любого служебного слова:

Взр.: Маша оделась как лиса. Карина И. (5;9): **П'ео аде...на зака* (=Пьеро оделся как заяка); (5;10): *каду на мисо (=кладу в мешок).

Освоив флексию –У как маркер Вин. п. сущ. 1 склонения, Карина И. использует его же для маркирования сущ. 2 скл.

Взр.: лью... Карина И. (5;11): *лью масъу (=масло); Взр.: режу... К.: *намидоу (=помидору).

Взр.: собака везёт... Карина И. (6;0): *Буатину (=Буратину).

Развертывая высказывание, дети **персеверировать флексии**: Взр.: Какого цвета у тебя прилипалы? Ваня Г. (4;2): **У меня разнава цветнава*;

— слова: Женя Т. (4;6): **позвала мышку...мышку*; Андрей Н. (5;6) **это...это, это, это...это, это...это квакадиу* (=крокодил);

— грамматические конструкции: Миша Л. (4;10): **Нет, у него... нет, у него... нет, у него броня красная, булава красная*;

Радомир К. (4;6) *она была тока (=только)...*она нет тока*; Женя Т. (5;2): **Позвала бабушка...бабушка позвала доченьку*;

Взр.: Когда надевают фартук? Дана П. (5;0): **када моют посуду*; Взр.: Миша, что делают на фабрике? Миша Л. (5;3): **когда...* (не может продолжить).

Выявляются также весьма характерные **перестановки** частей высказывания, искажающие их смысл: Антон К. (5;1): **Ася маму кормит* (о кошке Асе); Гриша (4;10): **Кирпичи можно делать из дома*; Женя Т. (4;6): **и кран из водички льётся*; Дана П. (4;9): **каст'юле мозна ваит'...овасси ...из супа* (= (в) кастрюле можно варить суп из овощей); Даня К. (5;10): **О, мясо можно сделать из колбасы!*

Таким образом, явления персевераций и перестановок, обусловленные дисфункцией лобных отделов коры, характерны как для уровня моторной реализации высказывания, так и для развертывания программы высказывания в процессе порождения.

Для детей с ПКД также свойственны трудности в формировании целенаправленного поведения, низкая приспособляемость к меняющимся условиям среды, склонность к стереотипному поведению, стремление к неукоснительному соблюдению правил, а также наличие сверхценных интересов, к обсуждению которых они склонны сводить любую целенаправленную деятельность. Так, у Радомира К. и Гриши такой темой были экзотические животные, у Антона К. и Артема — рыбы и змеи, у Ярика — роботы, у Миши Л. — динозавры.

Концепция образных схем Д. Лакоффа применима и для объяснения приведенных фактов. Телесный опыт передвижения к некоему объекту и достижения его обеспечивает возникновение образной схемы *источник-путь-цель*: «цели понимаются в терминах места назначения, и достижение цели понимается как движение по пути от исходного пункта в конечный пункт» [Лакофф 2004: 358]. Образная схема *источник-путь-цель* применима к такой абстрактной области человеческого опыта, как программирование деятельности.

У детей с первичной дисфункцией лобной кинетической коры базовый опыт выстраивания последовательности движений для достижения цели формируется искаженно. Заметим, что именно в лобной коре были обнаружены зеркальные нейроны, кодирующие собственные движения и движения других «в терминах цели» [Риццолатти, Синигалья 2012; Якобони 2011]. Сле-

довательно, неполноценный моторный опыт целенаправленных действий у детей с ПКД не обеспечивает надежной базы для формирования целенаправленного поведения. Целенаправленное поведение — это *путь к цели*, предполагающий гибкую подстройку программы к вероятным изменениям. Дети с ПКД оказываются неспособны именно к таким изменениям, поскольку зеркальные нейроны лобной коры врожденно обеспечивают лишь имитацию на уровне эхопраксии, а более гибкая их подстройка к условиям среды, способность распознавать намерение, **цель** формируется в опыте [Якобони 2011: 192]. Дети с ПКД способны имитировать последовательность действий, не анализируя их целесообразность и не корректируя программу действий в соответствии с актуальными изменениями.

Взр: Пойдем гулять! Андрей Н. (5;4, ПКД): **Не хотим!*
Дана П. (4;10, ПКД): **И я не хотим!* Кристина С. (4;3, ПСД):
*И я не хочу!

Взр: Я чищу капусту. Андрей Н. (5;5) (играет с картошкой):
*Я чищу капусту...картошку! Взр: Я мою морковку. А.: **Я мою морковку...картошку!*

Указанными причинами объясняется стереотипность и ригидность поведения детей с ПКД, склонность выполнять правила (в том числе языковые и даже социальные) и требование их наличия и регулярности, как в следующей ситуации:

[в группе 2 воспитателя, оба попеременно или одновременно дают детям инструкции, делают замечания] Миша Л. (5;1):
*Я хочу узнать, кто здесь старший и главный?

Трудности последовательного развертывания высказывания также могут быть описаны как частный случай трудностей программирования применительно к речевой деятельности. Это явление описывается в терминах образной схемы *источник-путь-цель*, где пространство дискурса понимается как физическое пространство, а процесс развертывания дискурса как процесс приближения к нам его программируемой части [Лакофф 2004: 667–668].

Сверхценные интересы к определенной **категории** явлений окружающего мира, как правило, не относящейся к повседневному рутинному опыту и прагматически НЕ востребованной, отра-

жают компенсаторно сверхразвитую склонность к классификации и категоризации, обеспечиваемой образной схемой *вместилище*, функционально связанной с сохранным у детей с ПКД задним кортексом.

Наконец, особенности поведения детей с ПСД, противопоставленной группы, а именно — активность и желание контакта, использование речи в первую очередь как инструмента преобразования среды — вполне объяснимы функциональной сохранностью у них передних отделов мозга. Эти отделы коры обеспечивают прагматическую сообразность поведения, освоение мира в структурах образной схемы *источник-путь-цель*, пусть методом проб и ошибок, но активное и инициативное.

Таким образом, анализ трудностей (различной степени выраженности), испытываемых детьми при освоении языковой системы демонстрирует структурное соответствие между особенностями артикуляционной реализации, обеспечиваемой механизмами гностико-праксического уровня, и механизмами формирования языковых, когнитивных функций и поведения. Именно моделирование становления «высших» уровней на основании наблюдений за их развитием в детстве подтверждает, что особенности функционирования гностико-праксического и языкового и когнитивного уровней каузально связаны.

Рассмотрение двух стратегий развития не в негативном, а в позитивном аспекте позволяет, во-первых, обнаружить устойчивые характеристики стратегий становления языковой и когнитивной сферы, не зависящие от возраста носителя стратегии, во-вторых, смоделировать причины возникновения речевого дизонтогенеза в условиях общности механизмов выбора когнитивной стратегии при типичном и отклоняющемся развитии речи.

Как типично развивающиеся представители каждого из когнитивных стилей, так и дети, имеющие один из синдромов речевого недоразвития, обязательно превосходят своих сверстников из противопоставляемой группы в определенных аспектах речевой деятельности.

Дети с ПСД показывают на каждом из этапов развития более сохранную способность к развертыванию артикуляционных и текстовых последовательностей, а также демонстрируют прагматический подход к освоению средств и алгоритмов языка и деятельности. Их лексикон более разнообразен, уже в начальном

лексиконе детей с ПСД присутствуют не только номинативы, но и глаголы, причем предикативная лексика может быть представлена конвенциональными словами даже в тот период, когда номинативы реализуются посредством итеративных структур. Например, в речи Вани (3;10) отмечены глаголы **смотри, дай, упал*, Вадима (3;9) — глаголы **лей, мой, пей* при итеративной реализации существительных: **га-га* — волк, собака, **ту-ту* или **би-би* — любой транспорт. Глаголы осваиваются детьми с ПСД как средство развертывания высказывания, которое, в свою очередь, является средством преобразования ситуации.

Изначально в классификации К. Nelson [1973] дети, которых в данном исследовании мы относим к группе ПСД, квалифицированы как прономинальные из-за раннего освоения местоимений. Наблюдаемые нами дети с ПСД с отклонениями в речевом развитии также довольно рано начали использовать личные местоимения. Так, Вася З. начал говорить только в 36 месяцев. В возрасте (3;3) он использовал **я* для самоименования и обозначал этим местоимением свое изображение на фотографии. В возрасте (3;9) использовал **я* в притяжательном значении: **я дррре* (=моя дрель); **я би-би* (=моя машина). В возрасте (3;10) в речи Васи появляется местоимение **ти* (=ты). Сестра Катя говорит Васе: «Ты мартышка!» Вася: **Я не пи-пи... Ти мяу-мяу, гаф-гаф!* (=я не мышка (спутал *мышка* и *мартышка*); ты кошка, собака). В (3;11) **ти* также употребляется в притяжательном значении: взрослый и Вася складывают в мешок игрушки, которые принес взрослый. Вася пытается положить туда же свою игрушечную дрель. Взрослый: «Нет, Вась, это твоя игрушка!» Вася (хитро улыбаясь): **не...ти!*

Употребление личных местоимений имеет большое прагматическое значение. Используя речь как инструмент преобразования ситуации, дети с ПСД по необходимости рано осваивают личные местоимения, позволяющие им маркировать свою роль активного деятеля — автора высказывания и противопоставлять себя другим участникам общения в рамках взаимодействия.

Так же рано появляются у детей первой группы и притяжательные и указательные местоимения, причем в их речи противопоставляются соответственно маркированные различные родовые и падежные формы последних (**мой-моя; такоо-такуу*). Сохранная синтаксическая система обеспечивает возможность развертыва-

ния высказывания, но гностические трудности препятствуют формированию адекватного возрасту номинативного лексикона. Точный **выбор** номинативной лексемы затруднен, но позиция в синтаксической структуре должна быть заполнена. Дети быстро осваивают предлагаемую языком возможность — использование указательного местоимения (такой, это), сопровождающееся указательным жестом.

Взр.: Слава, что делают из мяса? Слава Р. (4;4) (показывая на картинки): *Эту и эту.

Эту же функцию может выполнять и притяжательное местоимение, заполняя позицию объекта в высказывании, в котором сам объект может быть и не назван:

Вадим Н. (3;10): **Во еще мои. Мама купи мне* (показывает свои новые ботинки);

Слава Р. (4;3) (показывает свою поделку на выставке): *Эта вот моя.

Таким образом, местоимения позволяют заполнять синтаксическую позицию в высказывании, не располагая разнообразным именным лексиконом, успешно заменяя существительные и прилагательные (которыми богат начальный лексикон детей противопоставленной группы). При этом выбор местоимений прагматически оправдан: в случае личных местоимений он позволяет точно обозначать участников ситуации и эффективно управлять ими, использование притяжательных и указательных местоимений дает возможность сохранить структуру целостного высказывания при ограниченном именном лексиконе.

Дети с ПКД — «референциальные», «номинативные» — превосходят своих сверстников из противопоставляемой группы в способности понимать речь и использовать номинативы. В речи детей с ПКД при речевом дизонтогенезе также отмечено преобладание номинативов в начальном лексиконе (см. выше начальный лексикон Радомира К.)

Особого внимания заслуживает характеристика функционирования морфологической системы у детей с ПКД.

Большинство наблюдаемых нами детей этой группы не испытывали трудностей при выполнении тестов, например, на

дифференциацию падежных флексий в предъявляемых словосочетаниях. Если структура предложения развертывается собеседником, дети с ПКД способны верно **выбрать** грамматическую маркировку для словоформы, дополняющей такое предложение или являющейся ответом на поставленный вопрос.

Взр.: Радуш, чем Ева угощала вас? Радомир К. (4;6): **тОтам* (=тортом);

Взр.: Кошка за.. за кого? Радомир К. (4;6): **зя...* Взрослый: за внучку. Радомир: **зя снут'ку*. Взр.: Внучка за... Радомир: **зя мыс'ку*.

Как видно из последнего примера, словоформы могут образовываться детьми с ПКД и по аналогии, в соответствии с алгоритмом, извлеченным из предшествующего инпута. Наряду с этим и при нормальном, и при отклоняющемся речевом развитии дети с ПКД склонны к обобщению полученного грамматического алгоритма, и используют его не только уместно, но как универсальный инструмент маркирования, что ведет к сверхгенерализациям.

Например, ребенок с нормальным (Настя) и отклоняющимся (Радомир К.) развитием в игре «Строим зоопарк» дополняют формами существительных начатые взрослым предложения:

Настя (3;4): **привезли оленив...рысев... грачов... зайков... козов; нельзя кататься на таких зайков...волков...оленив;*

Радомир К. (4;6): **привезли лемурас, не было таких лемурас, нельзя кататься на лемурас.*

Дети с ПКД даже при наличии особенностей речевого развития хорошо усваивают обобщенные именованья групп объектов (овощи/фрукты, одежда/обувь и т. д.). Уже на ранних этапах развития даже при полном отсутствии артикулируемой речи они понимают обобщенные значения используемых собеседниками лексем. Так, Миша Ш. (ПКД, 3;5), используя только указательный жест и вокализации для общения, принимал и легко выполнял задание «покажи маму на картинке», при этом на иллюстрации была изображена непохожая на Мишину маму женщина. Вася З. (ПСД, 3;6), описанный выше, также находясь на этапе ономотопей и жестовой речи, активно сопротивлялся нашим попыткам обо-

значить словом «мама» женщин на иллюстрациях. Следовательно, языковая категоризация и переход от денотативного к сигнификативному значению слова не затруднены у детей с ПКД при речевом дизонтогенезе, как и у референциальных нормально развивающихся детей.

Таким образом, особенности формирования языковой и когнитивной сферы у детей каждой из стратегий обусловлены переносом особенностей функционирования общебиологических процессов на «специфически человеческий» уровень языка и мышления. Данный механизм также отражает иерархический принцип формирования языковой системы: структура артикуляционной дисфункции становится базой для структурных особенностей высшей языковой сферы.

5. Выводы

1. Вывод о более высоком уровне развития определенных языковых категорий и процессов в рамках реализации определенного когнитивного стиля может быть зеркально переформулирован: каждый из когнитивных стилей более приспособлен для освоения определенных языковых категорий и процессов.

Для детей первой группы («холистов», детей с первичной гностической, соматосенсорной дисфункцией, склонных к обработке «более длинных единиц») таковыми будут местоимения и глаголы в составе лексикона, синтаксическое развертывание высказывания и освоение средств языка сообразно их прагматической ценности. Для детей второй группы («аналитиков», детей с первичными трудностями переключения, предпочитающих «точную обработку коротких единиц») это номинативный лексикон, выбор формы слова для данного контекста и, наконец, обобщение языковых фактов. Последнее обеспечивает переход от денотативного к сигнификативному значению, языковую категоризацию и выведение языковых правил путем систематизации инпута и дальнейшей генерализации (и сверхгенерализации) полученного алгоритма.

Языковые единицы и процессы, более доступные детям с ПСД, формируются в рамках **программирования** целостного высказывания и/или служат средством его формирования; в свою очередь, программирование высказывания является одним из

средств программирования целенаправленного поведения в рамках активного преобразования ситуации. Формирование процессов программирования описывается в терминах образной схемы *источник-путь-цель*. Программирование подразумевает обработку «длинных единиц». При этом и на гностико-праксическом уровне моторная **программа** целостного высказывания (просодия, интонация, слоговая структура) реализуется адекватно.

У детей с ПКД превалируют процессы понимания, дифференциации, систематизации и обобщения речевого инпута. На основе сформированных таким образом систем лексических и грамматических *вместилищ* (категорий, парадигм) становится возможным успешный **выбор** лексических единиц, отдельных контекстно уместных словоформ, а в дальнейшем лексические и когнитивные обобщения и формирование систем алгоритмизированных грамматических правил. Операции выбора на различных уровнях порождения высказывания оказываются более доступными детям с ПКД; выбор подразумевает точность при обработке коротких единиц. В результате семантического свертывания сформированные категории и алгоритмы тоже становятся «короткими единицами». На гностико-праксическом уровне именно **выбор** отдельной артикуляции доступен детям с ПКД.

2. Избираемая когнитивная стратегия в итоге определяется конфигурацией доступных для полноценной реализации речевых и познавательных процессов. Тактика порождения каждого высказывания, тактика поведения в каждой ситуации, реализуясь каждый раз на базе более сохранных функций различных уровней, определяет формирование тех или иных языковых систем и когнитивных стратегий в целом.

Функции программирования и выбора являются взаимодействующими, но при осуществлении речевых и познавательных операций каждым ребенком лишь одна из них оказывается превалирующей за счет конфигурации более и менее сохранных корковых функций. В раннем возрасте этот дисбаланс более заметен, по мере освоения языка и развития мышления он становится менее явным. Тем не менее, многократно повторяющиеся алгоритмы действий, опирающиеся в большей степени или на программирование последовательностей, или на точный выбор, в конечном итоге определяют путь формирования когнитивной стратегии, включающей и путь формирования языковой системы.

3. Соответственно, понятия нормы и, по крайней мере, *речевой* патологии — не качественно различные сущности, а градуальные состояния на одной шкале, измеряющей степень дисбаланса между сохранными и дисфункциональными зонами коры, обеспечивающими гнозис и праксис. В случае незначительного дисбаланса на ранних этапах развития выявляется одна из когнитивных/языковых стратегий, каждый признак которой лишь на определенном этапе является «признаком стратегии» [Bates et al. 1995], а позже становится характерным для всех «признаком развития». Нормы развития, в каких бы терминах они не постулировались — число прожитых лет или месяцев, количество слов в лексиконе, длина высказывания, — устанавливаются исследователями как показатель, обозначающий этап, на котором большинство детей, вне зависимости от когнитивной стратегии, осваивает ту языковую функцию, для которой устанавливается норма. Поэтому и «фразовая речь к 2 годам», и «освоение местоимений по достижении объема лексикона в 400 слов» — это вехи, после которых вне зависимости от стратегии дети могут, соответственно, строить фразы или использовать местоимения. Дети, когнитивные стратегии которых позволяют им строить фразы или употреблять местоимения раньше, чем этого достигает «нормальное» большинство, по этим показателям «обгоняют норму» (эта способность и расценивается как «признак стратегии»). Дети, когнитивные стратегии которых в меньшей степени предназначены для освоения той или иной функции, осваивают ее позже, когда более дисфункциональная система, наконец, выходит на нужный уровень функционирования, или менее рациональным путем, также требующим больше времени. Это не мешает им, как было показано, обгонять сверстников противопоставляемой группы по иным показателям. Более того, наблюдение за ребенком в тот период, когда он осваивает алгоритмы противопоставленной стратегии, может выявлять явное предпочтение в использовании именно ранее недоступных алгоритмов, что может трактоваться некоторыми авторами как смена стратегии [Бровко 2011, 2012; Елисеева 2008]. В любом случае, нормативная граница выбирается так, чтобы подавляющее большинство детей овладело функцией, для которой формулируются нормы освоения. В итоге в процессе онтогенеза различия сглаживаются, поэтому развитие не выходит за рамки нормы.

При значительном дисбалансе ребенок последовательно и долговременно отдает предпочтение признакам определенной стратегии (а именно той, которая обеспечивается сохранными при его конфигурации дефекта зонами коры), что приводит к отклонению формирующейся языковой системы от нормы. Важно отметить, что при этом никаких особых механизмов, отличающихся от механизмов формирования языковой системы в норме, ребенок не использует, не изобретает. В случае отклоняющегося языкового развития то, что должно обеспечиваться содружественными усилиями более или менее сбалансированного гностико-праксического уровня, обеспечивается преимущественным использованием потенциалов лишь одного из компонентов этой системы. Алгоритмы не меняются, меняется лишь степень сбалансированности их применения. Следовательно, механизмы речевого развития и недоразвития отличаются не качественно, не количественно. Отличается лишь степень сбалансированности в функционировании этих механизмов и скорость преодоления дисбаланса на каждом из этапов развития.

Решение мыслительных и речевых задач взрослыми обеспечивается непредсказуемой конфигурацией в активации корковых зон, поскольку опыт взаимодействия каждого организма со средой неповторим. У детей же «высшие» языковые и когнитивные процессы находятся в стадии формирования. Закономерности этого процесса обусловлены, как было показано, особенностями формирования гностико-праксических уровней, обеспечивающих непосредственное восприятие и взаимодействие со средой и собственным организмом.

М. Якобони пишет: «[У]мственные процессы формируются нашими телами и различными видами *моторного опыта* и *опыта восприятия*» [Якобони 2011: 113]. Поэтому конфигурация нормально формирующихся и (в различной степени) дисфункциональных отделов коры, обеспечивающих этот базовый опыт, не могут не определять пути формирования языковой и когнитивной сферы, особенности поведения и личностные стратегии. Степень дисбаланса между базовыми функциями постепенно сглаживается, и у взрослых, вероятнее всего, может быть выявлена только специальными тестами. Однако существование «практиков» и «теоретиков», «синтетиков» и «аналитиков», а также «аналитиче-

ских» и «синтетических» языков и культур и множества других дихотомий в науках о человеке дают основания предполагать, что различия в способах осуществления и переработки первых моторных опытов не перестают оказывать влияние на человека в продолжение всей нашей жизни.

Литература

- Ахутина 2007 — Т. В. Ахутина. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. [T. V. Akhutina. Porozhdenie rechi: Neirolingvisticheskii analiz sintaksisa. [Speech generation: Neurolingusitic analysis of syntax] M.: Izd-vo LKI, 2007].
- Белова-Давид 1969 — Р. А. Белова-Давид. К вопросу систематизации речевых расстройств у детей // Нарушение речи у дошкольников. М.: Просвещение, 1969. С. 10–46. [R. A. Belova-David. K voprosu sistemizatsii rechevykh rasstroistv u detei [On systemizing shild speech pathologies] // Narushenie rechi u doshkol'nikov [Speech impairment in preschoolers]. M.: Prosveshchenie, 1969. P. 10–46].
- Бикертон 2012 — Д. Бикертон. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012. [D. Bickerton. Iazyk Adama: Kak liudi sozdali iazyk, kak iazyk sozdal liudei [Adam's Tongue: How Humans Made Language]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012].
- Бровко 2011 — Е. Л. Бровко. Переход от голофразы к двусловному высказыванию: опыт лонгитюдного анализа // Онтолингвистика — наука XXI века: материалы междунар. конференции / Т. А. Круглякова (ред.). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 111–116. [E. L. Brovko. Perekhod ot golofrazy k dvuslovnomu vyskazyvaniuu: opyt longitudnogo analiza [Transition from holophrase to two-word utterance: a trial longitudinal analysis] // Ontolingvistika — nauka XXI veka: materialy mezhdunar. konferentsii [First language acquisition — a science of the 21st century: working papers of the international conference] / T. A. Krugliakova (ed.). SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2011. P. 111–116].
- Бровко 2012 — Е. Л. Бровко. На пути к «взрослому» синтаксису: особенности коммуникативного поведения одного ребенка // Проблемы онтолингвистики — 2012: Материалы междунар. конференции / Т. А. Круглякова (ред.). СПб.: Златоуст, 2012. С. 151–154. [E. L. Brovko. Na puti k «vzrosloму» sintaksisu: osobennosti kommunikativnogo povedeniia odnogo rebenka [On the way to “adult” syntax: a child’s communicative behaviour] // Problemy ontolingvistiki — 2012: Materialy mezhdunar. konferentsii [Issues in first lan-

- guage acquisition — 2012. Working papers of the international conference] / Т. А. Krugliakova (ed.). SPb.: Zlatoust, 2012. P. 151–154].
- Детьер, Стеллар 1967 — В. Детьер, Э. Стеллар. Поведение животных и его эволюционные и нейробиологические основы. Л.: Наука, 1967. [V. Dethier, E. Stellar. Povedenie zhivotnykh i ego evoliutsionnye i neirollogicheskie osnovy [Animal behavior: its evolutionary and neurological basis]. L.: Nauka, 1967].
- Доброва 2009 — Г. Р. Доброва. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики 9, 2009. С. 53–70. [G. R. Dobrova. O variativnosti rechevogo ontogeneza: referentsial'naiia i ekspressivnaia strategii osvoeniia iazyka [On the variability of child language development: referential and expressive strategies of language acquisition] // Voprosy psikholingvistiki 9, 2009. P. 53–70].
- Елисеева 2008 — М. Б. Елисеева. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. [M. B. Eliseeva. Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka ranнего vozrasta [Phonetic and lexical development of young children]. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2008].
- Корнев 2006 — А. Н. Корнев. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006. [A. N. Kornev. Osnovy logopatologii detskogo vozrasta: klinicheskie i psikhologicheskie aspekty [Basics of child lalopathology: clinical and psychological aspects]. SPb.: Rech', 2006].
- Косериу 1963 — Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 143–343. [E. Koseriu. Sinkhroniia, diakhroniia i istoriia [Synchrony, diachrony and history] // Novoe v lingvistike. Vol. 3. [New issues in linguistics]. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1963. P. 143–343].
- Лакофф 2004 — Д. Лакофф. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. [D. Lakoff. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004].
- Лурия 2000 — А. Р. Лурия. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Академический проект, 2000. [A. R. Luriia. Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniia pri lokal'nykh porazheniakh mozga [Human higher cortical functions and their impairments in the case of local brain damages]. M.: Akademicheskii proekt, 2000].

- Орфинская 1960 — В. К. Орфинская. Сравнительный анализ нарушений речи при афазии и алалии. Автореф. ... докт. пед. наук по патопсихологии / Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1960. [V. K. Orfinskaia. Sravnitel'nyi analiz narushenii rechi pri afazii i alalii. Avtoref. ... dokt. ped. nauk po patopsikologii [A comparative analysis of speech impairment in the case of aphasia and alalia] / Leningradskii gos. un-t im. A. A. Zhdanova. L., 1960].
- Риццолатти, Сингалья 2012 — Д. Риццолатти, К. Сингалья. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012. [G. Rizzolatti, C. Sinigaglia. Zerkala v mozge: O mekhanizmax sovmestnogo deistviia i soperezhivaniia [Mirrors in the Brain: How Our Minds Share Actions, Emotions, and Experience]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012].
- Сизова 2016 — О. Б. Сизова. Наш ответ Мак-Артуру // Проблемы онтолингвистики — 2016: Материалы междунар. науч. конференции. Иваново: Листос, 2016. С. 509–516. [O. B. Sizova. Nash otvet MacArthur [Our reply to MacArthur] // Problemy ontolingvistiki — 2016: Materialy mezhdunar. nauch. Konferentsii [Issues in first language acquisition — 2016. Working papers of the international conference]. Ivanovo: Listos, 2016. P. 509–516].
- Соботович 2003 — Е. Ф. Соботович. Речевое недоразвитие у детей и пути его коррекции (Дети с нарушением интеллекта и моторной алалией). М.: Классикс стиль, 2003. [E. F. Sobotovich. Rechevoe nedorazvitiie u detei i puti ego korrektsii (Deti s narusheniem intellekta i motornoj alalii) [Children's speech underdevelopment and ways of its correction]. M.: Klassiks stil', 2003].
- Томаселло 2011 — М. Томаселло. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. [M. Tomasello. Istoki chelovecheskogo obshcheniia [Origins of human communication]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011].
- Фитч 2013 — У. Т. Фитч. Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. [W. T. Fitch. Evoliutsiia iazyka [The Evolution of Language]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013].
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: учеб. пособие. М.: Владос, 2000. [S. N. Tseitlin. Iazyk i rebenok. Lingvistika detskoj rechi: ucheb. posobie [Language and the child. A study guide]. M.: Vlados, 2000].
- Якобони 2011 — М. Якобони. Отражаясь в людях. Почему мы понимаем друг друга. М.: Юнайтед Пресс, 2011. [M. Iakoboni. Otrazhaias' v liudiakh. Pochemu my ponimaem drug druga [Mirroring People: The New Science of How We Connect with Others]. M.: Iunaited Press, 2011].

- Bates, Bretherton 1988 — E. Bates, I. Bretherton, L. Snyder. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge, 1988.
- Bates, Dale, Thal 1973 — E. Bates, P. Dale, D. Thal. Individual differences and their implications for theories of language development // Handbook of child language. Oxford, 1995. P. 1–55.
- Nelson 1973 — K. Nelson. Structure and strategy in learning to talk // Monographs of the society for research in child development. Serial № 149, 38, 3–4, 1973. P. 1–135.
- Sizova 2016 — O. Sizova. Articulation, language and cognition in children with language impairment: mutual influence of levels // BCCCD-2016 Budapest CEU Conference on Cognition Development 7–9 January, 2016. Budapest, Hungary. P. 157–158.

Е. Ю. Протасова, М. Мяки, Н. М. Родина

*Университет Хельсинки, Финляндия,
Московский государственный педагогический университет,
Москва*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСВОЕНИЯ РУССКИХ ПАДЕЖЕЙ ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ В ФИНЛЯНДИИ

1. Введение

Русская падежная система привлекает исследователей в России и зарубежье (см., например, [Кустова 2011; Vabby 1984; Beytenbrat 2015]). Несмотря на давнюю традицию ее изучения, она до сих пор описана не полностью. В современном русском языке устные формы склонения отличаются от письменных, находящихся в основе парадигм существительного, и вариативны (ср. [Воейкова 2009]). Отмечается тенденция к ослаблению падежных функций, а именно: замены падежного управления предложным, косвенного падежа существительных сочетанием с *как*, неправильный выбор падежей (именительный вместо косвенного, взаимозамены родительного и предложного, усиление творительного), флексий и нарушения в согласовании [Гловинская 1996]. В обучении русскому как иностранному наиболее простыми считаются, после именительного, предложный, затем родительный, дательный, творительный; падежи вводятся не одновременно во всех значениях, а сначала в тех, которые наиболее прозрачны [Ковалева 2012]. Падежи рассматриваются и в функционально-семантическом аспекте [Крючкова 2017].

С. Н. Цейтлин [2000: 98–103] обращает внимание на усвоение падежей без предлога и с предлогом и на зависимость падежа от управляющего слова. Она констатирует, что основные падежи усваиваются уже в два года, а к 3–4 годам ребенок выбирает форму падежа в соответствии с типом склонения существительного (не говоря об исключениях). Первые замороженные формы в голофразах не являются членами парадигм (бывают случаи, когда

у одного слова усвоены две формы, но еще в детском варианте); они могут использоваться в аграмматичных 2–3-словных предложениях. Обычный порядок усвоения падежей (наряду с появлением новых форм старые могут продолжать некоторое время употребляться): именительный, винительный прямого объекта, дательный, родительный (частичного и неопределенного объекта), винительный локативный, родительный принадлежности, предложный, творительный орудия, дательный адресата, дательный субъекта состояния. Категория одушевленности/неодушевленности усваивается позже. С. Н. Цейтлин подчеркивает, что ребенок может долго ошибаться в выборе флексий, даже когда правильные предлоги и контексты уже усвоены. Несформированность произносительных навыков также может играть свою роль. Родительный падеж при счетных словах и отрицании усваивается нескоро. В исследованиях [Елисеева 2014; Gagarina, Eliseeva 2009] приводятся отдельные примеры ранних падежей в речи ребенка. Есть и другие работы, посвященные овладению русскими падежами в онтогенезе речевой способности [Лепская 1988; Babyonyshev 1993; Voeikova, Gagarina 2002]. Здесь подчеркивается, в частности, значение тематических и семантических ролей, которое также отражается в порядке усвоения падежей. Вероятно, можно также сказать об индивидуальной траектории каждого ребенка: в зависимости от его интересов те или иные формы могут появиться раньше или позже, чем у других детей (ср. [Gagarina, Voeikova 2009]). Именно поэтому имеет смысл обследовать и большие по объему группы, хотя и не столь глубоко, как при лонгитюдных исследованиях.

В финском (агглютинирующем) языке насчитывают около 15 падежей (грамматические *номинатив, генитив, партитив, аккузатив*, внешнеместные *адессив, аблатив, аллатив*, внутриместные *инессив, элатив, иллатив*, состояния *эссив, транслатив*, малоиспользуемые *абессив, комитатив, инструктив*); послелогов намного больше, чем предлогов. В основном окончания присоединяются достаточно систематически, но существуют особенности, связанные с не всегда регулярным чередованием в основе и гармонией гласных. В разговорной речи слова значительно упрощаются и сокращаются (это не редукция звуков, как в русском, а редукция слов). Трудности в усвоении финских падежей рус-

скими, изучающими этот язык как иностранный, состоят, в частности, в особенностях глагольного управления, в использовании частичного падежа (в некоторых случаях он заменяет, например, множественное число и вид глагола), в согласовании субъекта и объекта с инфинитивами и императивом, а также в использовании притяжательных суффиксов.

Финские исследователи детской речи [Laalo 2009; Toivainen 1990: 92–152] отмечают, что первоначально дети усваивают падежи в обусловленной контекстом одной форме, для некоторых вещей это номинатив, для других партитив, для третьих иллатив. Генитив и аккузатив оказываются первыми четкими формами, потом уже следуют наиболее употребительные местные падежи адессив и аллатив, за ними инессив, элатив и аблатив, причем обычно в типичных для употребления случаях. Семантически важно, что в нескольких падежах первыми усваиваются парадигмы для имен членов семьи, игрушек и животных. Отметим, что в финском практически нет категории рода (за исключением ограниченного числа случаев), поэтому у билингвов, сильных в финском, могут возникать специфические трудности.

Если же смотреть на усвоение категории падежа детьми в типологической перспективе, то исследователи предлагают выделять специфические критерии для определения того, состоялось ли овладение падежом; все обследованные носители разных языков детского возраста делают ошибки, вызываемые семантическими, морфологическими и синтаксическими факторами; морфофонологические свойства инпута влияют на скорость овладения падежами [Eisenbeiss et al. 2009]. С. Айзенбайсс [Eisenbeiss 2011] предложила особый набор стимулов для выявления интерпретации падежных отношений детьми.

Овладение падежами отчасти изучалось и у двуязычных детей. Как показала Е. Дизер [2007], категории рода и падежа взаимосвязаны; при наличии общих категорий в языках их развитие происходит аналогично, постепенно усложняясь, при этом вначале есть двучленная система женского и мужского рода и первого и второго склонения для русского языка (как об этом говорит и С. Н. Цейтлин). Есть более и менее легкие для усвоения, а также замороженные формы; отдельные падежные формы могут быть освоены раньше, чем система родов.

В задании на понимание прямого дополнения русские дети-монолингвы вне зависимости от возраста верно понимали грамматически правильно построенные высказывания, а русско-нидерландские билингвы от них отставали. Незнакомые слова вызывали затруднения у всех детей; все испытуемые чаще ориентировались на порядок слов и вероятность событий, чем на грамматику [Янссен, Пеетерс-Подгаевская 2012]. А. В. Пеетерс-Подгаевская [2008] отмечает, что в 5–7 лет у русско-нидерландских билингвов начинает формироваться падежная система, в которой лучше всего освоены именительный, винительный и предложный (но не второй локатив) падежи единственного числа, — исследователь объясняет это явление их высокой частотностью. Ударение не склонно быть подвижным [не склонно к подвижности?]. Родительный падеж употребляется как посессив, а также с числительными *два, три, четыре* и предлогом *у*. А. В. Подгаевская отмечает, что не употребляются или заменяются предложным или родительным дательный и творительный падежи. Одушевленность и партиитивность отсутствуют, медленно осваивается морфонология. Во множественном числе, по данным исследовательницы, падежная система тяготеет к различению трех падежей с наиболее частотными окончаниями. В своей книге Б. Янссен специально рассматривает усвоение падежной системы в ситуации билингвизма [Janssen 2016].

Серия тестов была разработана и в проекте COST Action IS0804 “*Language Impairment in a Multilingual Society: Linguistics Patterns and the Road to Assessment*” [Armon-Lotem et al. 2015]. По одной из методик было проведено исследование [Janssen et al. 2015], где сравнивались русские монолингвы с нидерландско-русскими и иврито-русскими билингвами. Было показано, что билингвы не столь чувствительны к показателям падежей, как монолингвы, возможно потому, что в их языках нет падежной морфологии. Существенный вклад в понимание природы употребления падежей у билингвов внесло также исследование [Janssen 2016].

Все эти варианты довольно громоздки, нам хотелось сделать более простой вариант выявления степени овладения падежами, который дал бы возможность проводить кросс-лингвистические сравнения. Именно поэтому изучение становления русской падежной системы у русскоязычных детей в иноязычном окру-

жении проводится в эксперименте, организованном совместно с М. Шварц и М. Минков (Хайфа, Израиль) и Е. Дизер (Вюрцбург, Германия). В проведенном нами исследовании (в рамках более общего проекта с участием ученых из Америки, Германии, Израиля, России) участвовали дети 4–5 лет (в контрольных группах в России также дети 3-х лет), по 10 человек каждого возраста в Финляндии и по 20 человек в России.

2. Дизайн эксперимента

Целью настоящей работы является выявление особенностей овладения русским языком в окружении финского языка в сравнении с тем, как это происходит в монолингвальной русскоязычной среде. Авторы хорошо понимают, что усвоение различных словоформ происходит в определенных значениях в разное время, что экстраполяция приобретенных типов парадигм может мотивироваться и формой слова (как звуковой, так и морфологической), и его семантикой, и ситуацией употребления. Тем не менее, нами был организован и проведен эксперимент, в котором дети должны были использовать определенные падежные словоформы в выбранных нами в пилотном эксперименте диагностических контекстах. В данной публикации мы рассматриваем только финскую часть эксперимента в сравнении с результатами, полученными в русскоязычном детском саду г. Москвы.

3. Результаты анкетирования

Родителям предлагалось дать согласие на обследование владения падежами у их ребенка, а также заполнить анкету, в которой описывалась процедура эксперимента и выяснялись фоновые данные ребенка, речевые практики воспитания ребенка в семье, использование языков в семье и за ее пределами, а также предлагалось оценить, насколько хорошо ребенок владеет русским и финским языками. Анкеты были розданы только тем детям, у которых в семье оба родителя русскоязычные.

Мы получили следующие данные. Все дети лучше говорят по-русски, чем по-фински, родители считают, что они в основном (кроме одного) или полностью хорошо говорят по-русски. В детском саду до момента проведения опроса дети находились от 1 года до 3-х лет.

Трое из 20 (15%) не ответили на вопрос, почему они хотят, чтобы ребенок изучал русский язык в детском саду. О родном языке упоминают 12 (60%), изучение/знание языка — 6 человек (30%). Двое сказали, что в детском саду ребенок язык не изучает. Закрепление, развитие, сохранение, поддержание языка подчеркнули 5 (25%). О том, что русский язык — основа для изучения финского и других языков, сказали 5 (25%). О богатстве, преимуществах, помощи в трудоустройстве вспомнили 4 (20%). Об употреблении языка для связи с родителями, родственниками сообщили 4 (20%), о роли языка для изучения и понимания русской культуры — 3 (15%), в качестве инструмента выражения своих мыслей, эмоций, для здоровой психики — 2 (10%). О ежедневном общении, игре, разговорах со сверстниками, детском коллективе сказали два человека (10%). Один человек считает, что должна быть специальная структура, которая занимается русско-финским двуязычием. Ниже приведены примеры ответов на открытый вопрос: «Почему Вы считаете нужным, чтобы ребенок изучал русский язык в детском саду?» (пунктуация и стилистические особенности источника сохранены):

- *Знание языков вообще — большое богатство. Хорошее и углубленное знание родного языка является основой здоровой психики, культурного, эмоционального и языкового развития ребенка в будущем. Ребенку очень важно знать свои корни. Проникнуть в глубину русской культуры невозможно, не зная языка.*
- *Наш ребенок разговаривает только на этом языке пока и ей будет проще влиться в детский коллектив на родном языке. Мы как раз надеемся, что в детском саду ребенок начнет осваивать финский язык (в семье все говорят только на русском).*
- *Т. к. русский язык — это родной язык ребенка и его родителей. Ребенок должен четко научиться выражать свои мысли на родном — русском языке с малых лет.*
- *Наш родной язык русский, поэтому я хотела бы, чтобы дети хорошо знали родной язык (и письменный, и устный). Так как дети еще не очень хорошо говорят по-русски, я хотела бы, чтобы дети получали еще дополнительно русский язык в дет. садике. Когда русский язык станет лучше, легче станет изучать финский язык.*

- *Изучение русского языка в детском саду важно для поддержания двуязычия, для связи ребенка с русским родителем (родителями, родственниками). Это важный аспект понимания и усвоения русской культуры. Чем большим количеством языков владеет ребенок, тем больше у него преимуществ в будущем.*

4. Материалы и методы исследования

Детям предъявлялось 48 картинок с изображениями различных предметов, выбранных так, чтобы соответствующие им существительные относились к разным родам и типам склонения, и предлагалось в каждом случае дополнить предложение с диагностическим контекстом для данного косвенного падежа (только в единственном числе).

Первоначальный список слов был предложен М. Минков (типы склонения указаны по школьному курсу русского языка). К 1 скл. ж. р. относилось 5 слов: *собака, кукла, картошка, змея, земля*. К 1 скл. м. р. также относилось 5 слов: *мишка, зайка, дядя, дедушка, папа*. Для 2 скл. м. р. на твердый согласный было предложено 7 слов: *стол, арбуз, крокодил, жираф, стол, осёл, ковёр* (два последних — с беглой гласной). Для 2 скл. с мягкой основой было предложено 5 слов: *медведь, ключ, врач, олень, гвоздь*. Было 9 существительных 2 скл. ср. р. с ударением на окончании (*ведро, яйцо, колесо, кольцо, окно, письмо, седло, гнездо, крыло*) и 10 существительных 2 скл. ср. р. с безударным окончанием (*платье, дерево, сердце, яблоко, зеркало, облако, солнце, масло, лекарство, ухо*). Наконец, 3 скл. было представлено 7 существительными ж. р.: *тетрадь, карусель, соль, лошадь, дверь, кровать, мазь*. Все слова были выбраны таким образом, чтобы быть достаточно частотными в мире ребенка, чтобы были представлены как одушевленные, так и неодушевленные существительные, а также чтобы встречались разные типы ударения: подвижного, неподвижного и разноместного. Возможно, есть более частотные существительные, однако мы остановились на тех, которые легче всего было показать наглядно. Все стимулы давались только в единственном числе.

Экспериментатор получал следующую инструкцию:

Показать ребенку картинки на экране компьютера. Сказать: «Постарайся угадать, что я хочу сказать. Тебе помогут картинки.

Вот сыр. У меня нет ...» (Ребенок должен сказать *сыра*.) Я иду к ... (*сыру*), Я вижу... (*сыр*), это картинка с... (*сыром*), Гномик сидит на... (*сыре*)».

Таким образом давались подряд все падежи одного слова-стимула. Если ребенок давал правильный ответ, ставилась галочку в соответствующей графе. Если он ошибался (употреблял неправильный падеж, не переносил ударение и т. д.), записывали ответ ребенка. Важно было отметить ударение. На каждого ребенка заполнялась отдельная анкета.

5. Количественные результаты эксперимента

По данным московских и финских групп нами была составлена Таблица 1. Дадим к ней пояснения.

Таблица 1. Среднее число ошибок у детей

Падеж	род.	дат.	вин.	твор.	предл.	в ср.
Рус. 3–4 года	15,9	18,3	8,2	24,3	14,2	80,9
Рус. 4–5 лет	6,7	7,0	4,6	13,4	7,2	38,8
Рус. 5–6 лет	3,7	6,8	2,9	7,2	2,7	23,2
Рус.-фин. 3–4 года	11,4	15,6	5,1	19,1	8,2	59,4
Рус.-фин. 4–5 лет	7,9	10,4	4,9	12,9	10,0	46,1
В среднем рус.	8,7	10,7	5,2	15,0	8,0	
В ср. рус.-фин.	9,7	13,0	5,0	16,0	9,1	

В каждом возрасте и каждой группе есть такие дети, которые делают совсем мало ошибок, и такие, которые делают их много. Из самых трудных падежей один может быть усвоен плохо, в то время как другие вполне хорошо. Очень часто предполагается, что дети-билингвы отстают от своих сверстников-монолингвов на год. Наши данные отчасти подтверждают, отчасти опровергают это утверждение. Русские дети в группе 3–4 года допускают в среднем 80,9 ошибки, годом позже лишь половину от этого количества, 38,8 ошибки, а еще позже число ошибок снижается больше чем на треть, до 23,2 ошибки. В то же время билингвы в группе 4–5 лет делают в среднем 59,4 ошибки, что на треть больше, чем у сверстников, и на четверть меньше, чем у монолингвов, ко-

торые младше их на год. Динамика несколько менее быстрая, чем у монолингвов: годом позже русско-финские билингвы делают на четверть меньше ошибок, но их в два раза больше, чем у русскоязычных сверстников.

Полученные нами данные показывают, какие падежи в русском языке самые сложные для усвоения, а какие легче. Самым трудным оказался творительный, за ним дательный, на третьем месте по сложности родительный, далее предложный, а самый легкий — винительный. Это совпадает с тем, что мы находим в других исследованиях. Колебания в сложности могут быть между винительным и предложным, предложным и дательным. Монолингвы и билингвы испытывают аналогичные трудности в склонении слова по падежам в единственном числе.

6. Качественные результаты эксперимента

В целом дети-монолингвы и дети-билингвы допускали одинаковые типы ошибок, иными словами, это были внутрисистемные ошибки. Чем больше ребенок допускал ошибок, тем больше вариантов наблюдалось. Перечислим некоторые из них. Общими ошибками являются замены косвенных падежей на именительный падеж (в случае, когда ребенок не владел словом или падежом, это делалось систематически); невыпадение беглой гласной в словах *осёл*, *ковёр*; превращение слова среднего рода в слово женского рода и склонение по 1-му типу; превращение слова 2-го склонения в слово 1-го склонения, 3-го склонения в слово 2-го склонения, реже 1-го склонения; неправильное ударение; неверная лексема (например, вместо *зайка* — *зайчик*, *заяц*), замены падежей (предложный вместо родительного, родительный, винительный или творительный вместо дательного, родительный, дательный, винительный, предложный вместо творительного и т. п.), реже изменение числа или даже числа и падежа вместе); неверное прояснение ударной или безударной гласной; смешение согласных. Приведем примеры (неверный ударный слог выделяется большой гласной буквой):

Ошибки родительного падежа: *Ухи*, *зЕркалы*, *мАслы*, *яб-локи*, *колЁсики*, *Облаки*, *солнцы*, *сердцы*, *сердЕчки*, *лекАр-твы*, *гнезды*, *седлы*; *каруселя*, *солЯ*, *кровать*; *платия*;

ковёра, осЁла; гвОздю, гвОздя, врача, ключа, Акно, КА-лесо, солЯ, КАльцо, пИсьма, сЕдло; ухов, стулов, коль-цов, письмов, медведев, седлов, куклов; стОлу, лошА, медвежа; дерЕвья.

Ошибки дательного падежа: змею, зайку, картошку, де-душку, собаку, дядю, ухе, зеркале, масле, яблоке, дереве, облаке, лекарстве, масле, ведре, колесе, крыле, ключе, окне, гвозде, яйце, жирафе, арбузе, гнезде, стуле, ко-лечке; седле; сердца, солнца, лекарства; кроватью, ка-руселю; лОшадю, лошАдю, двЕрю, дверЮ, тетрадю, сОлю, солЮ, сАлю, лОшадю, ковёру, осёлу; змеИ, кро-кодила, куклы, Облака; Ухам, стУлам; жирафЕ, врачУ, солЮ, Акне, крБло, сАлю, лошАдю, Алень, КАльцо, пИсь-мо, сЕдло, змЕе, кЛЮчу, гвОздю, стОлу; стулев, седлов; ключИ, крокодИлы, дерЕвья, кУклы.

Ошибки винительного падежа: уху, ключу, яблоку, пла-тью, колесУ, лекарству, сердца, солнца, гвОздю; зем-лЕ, крылу, врачу, папе, колесЕ, письму; карусЕли, куклы, кЛЮча, письмА, дяди, сердца, солнца, стуля, зеркала, дверьЯ; платия; лошадю, дверю; землЮ, кЛЮча, врача, Алень, деревУ; ковёра, коврик, осёла, ключи, деревья.

Ошибки творительного падежа: олЕня, земли, стула, мАсла, маслА, седлА, ведрА, Уха, крокодила, карусели, кУклы, медведя, лекарства, ковёра, осёла, арбуза, жи-рафа, сердца, сердца, солнца, платья, платия, гвоздЯ, каруселя; зАйкУ, папу, дедушку, мишку, собаку, каруселю; дедушке, мишке, облаке, лошадю, дереву, крылу, врачу, сердцу; папом, дедушкой; змеЕБ мишке, облаке, лекар-стве; маслой, ухой, яблокой, крылой, платьей, солнцей, платей, сердца, солнца; сОлей, кроватей, кроватью, тетрадей, дверей, масей, мазей, лошАдей, лошадЕй, ка-русЕлей, каруселю; мишкОм, зАйком, кроватем, карусе-лем, тетерадем, дверем; мазем, каруселя; стУлям, ков-рём, гвоздиком, змеЕй, змеИй, лошадю, Аленям, землИй, мазю; кЛЮчем, гвОздем, врачем, колЁсом, стОлом, ко-вЁром, осЁлом, змЕей, маслА, сЕдло; зайчиком, ковёра, осёла; деревья; кукол.

Ошибки предложного падежа: олЕня, землИ, кУклы, кро-кодила, медведя, папы, земли; жирафа; папу, дядю, вра-

чУ; крылу; сердца, солнца, лекарства; мАзе, мазье, змеле, солнышке, зайце, солЕ; сАле; солЮ; куклой, врачом, ослом, крылом, тетрадью; дверЕ, двери, дверЯ, лошадЯ, лОшадя, крокодИлы, крылЭ, зеркле, зеркиле, дедуле, яйцА; мИшкой; ослике, докторе, врачеле, ведёрке, колечке, коняшке, крыше, зайце, зайчике; зМЕе, зМЕи, врачЕ, солЕ, клЮче, гвОзде, дверЯ, лошадЯ, сЕдло; осёле, коверЕ; платием; кУклях, Аленям, дверей, дверьи, куклы, деревья.

Если в дальнейшем удастся показать, что билингвы, у которых второй язык не имеет склонения, чаще заменяют косвенные падежи именительным, то можно будет подтвердить, что наличие в обоих языках билингвальной пары некоторой грамматической категории поддерживает ее употребление и в русском языке.

7. Выводы

Настоящее исследование представляет собой часть проекта, реализуемого под руководством М. Шварц (в составе группы также М. Минков, Е. Дизер, Е. Протасова), посвященного овладению различными морфологическими категориями русского языка у двуязычных детей вне России по сравнению с одноязычными детьми в России. Согласно полученным в нашем исследовании результатам, дети в Финляндии несколько отстают от детей в России по усвоению падежных окончаний в количественном отношении, но довольно близки в качественном: они усваивают формы, но допускают больше ошибок, чем их сверстники-монолингвы. Использование формы именительного падежа предшествует использованию более сложных падежных форм. Падежи единственного числа усваиваются в последовательности *именительный — винительный — предложный — родительный — дательный — творительный* и у русскоязычных монолингвов, и у русско-финских билингвов. Ошибки допускались на постановку ударения, отсутствие чередования, неверный выбор окончания. В то же время среди испытуемых были и такие дети, кто почти полностью справился с заданием. Подтвердилось также то, что индивидуальные различия между испытуемыми очень велики, а предлагаемые ими варианты реакций могут следовать своеобраз-

ным принципам. Родительный падеж при отрицании (конструкция с «нет») не вызвал особых трудностей; наиболее трудным является творительный падеж. Следует отметить, что и русские дети в Москве, и дети в финноязычном окружении использовали неясные окончания: на слух они определялись аудиторами как сильно редуцированные, не возводимые к определенным звукам-протагонистам, но в отсутствие необходимости транскрибировать речь не обращают на себя внимания, так как соответствуют норме произношения в разговорной речи. Редукция кажется тем более удивительной, что она касается ударных слогов. Возможно также прояснение безударного до ударного в другом качестве. В целом представляется, что освоение падежей — дело времени, и русско-финские билингвы постарше могут справиться со склонением существительных. Подтверждается объективная грамматическая сложность русских падежей, во всяком случае, для выбранных стимулов.

Литература

- Воейкова 2009 — М. Д. Воейкова. Имя существительное. Категория падежа // Морфология современного русского языка. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 143–172. [M. D. Voeikova. Imia sushchestvitel'noe. Kategoriiia padezha [The noun. The category of case] // Morfologiiia sovremennogo russkogo iazyka [Morphology of modern Russian]. SPb.: SPbGU, 2009. P. 143–172].
- Гловинская 1996 — М. Я. Гловинская. Тенденция к ослаблению падежных функций // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 239–275. [M. Ia. Glovinskaia. Tendentsiia k oslableniiu padezhnykh funktsii [The tendency to the weakening of case functions] // Russkii iazyk kontsa XX stoletiiia (1985–1995) [The Russian language in the end of the XX century (1985–1995)]. М.: Iazyki russkoi kul'tury, 1996. P. 239–275].
- Дизер 2007 — Е. Дизер. Освоение категории рода в рамках детского дву- и трехязычия // Семантические категории в детской речи / Отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 244–265. [E. Dizer. Osvoenie kategorii roda v ramkakh detskogo dvou- i trekh'- iazychiia [Acquisition of the gender by child bi- and trilingualism] // Semanticheskie kategorii v detskoii rechi [Semantic categories in child language] / S. N. Tseitlin (ed.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2007. P. 244–265].
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. М.: Языки славянской культуры, 2014.

- [M. B. Eliseeva. Stanovlenie individual'noi iazykovoï sistemy rebenka [The development of the individual language system of a child]. M.: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2014].
- Ковалева 2012 — А. М. Ковалева. Обучение предложно-падежной системе РКИ на элементарном уровне. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2012. [A. M. Kovaleva. Obuchenie predlozhno-padezhnoi sisteme RKI na elementarnom urovne [Teaching Russian prepositional-nominal system to non-native speakers at the elementary level]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva, 2012].
- Крючкова 2017 — Л. С. Крючкова. Падежная и предложно-падежная система русского языка: Функционально-семантический аспект. М.: Флинта, 2017. [L. S. Kriuchkova. Padezhnaia i predlozhno-padezhnaia sistema russkogo iazyka: Funktsional'no-semanticheskii aspekt [Case and prepositional-nominal system of the Russian language: Functional and semantic aspects]. M.: Flinta, 2017].
- Кустова 2011 — Г. И. Кустова. Падеж (Электронный документ) // Русская корпусная грамматика, 2011 (<http://rusgram.ru/Падеж>). [G. I. Kustova. Padezh [The case (Online document)] // Russkaia korpusnaia grammatika [Russian corpus grammar], 2011 (<http://rusgram.ru/Падеж>)].
- Лепская 1988 — Н. И. Лепская. Освоение детьми категории падежа // А. М. Шахнарович (ред.) Семантика в речевой деятельности: на материале онтогенеза. М.: АН СССР, Институт языкознания, 1988. С. 48–58. [N. I. Lepskaia. Osvoenie det'mi kategorii padezha [Acquisition of case by children] // A. M. Shakhnarovich (ed.). Semantika v rechevoi deiatel'nosti: na materiale ontogeneza [Semantics in: studies in language acquisition]. M.: AN SSSR, Institut iazykoznanii, 1988. P. 48–58].
- Пеетерс-Подгаевская 2008 — А. В. Пеетерс-Подгаевская. Проблемы освоения русского языка как второго родного детьми 5–7 лет и создание адекватного учебного пособия [A. V. Peeters-Podgaevskaia. Problemy osvoeniia russkogo iazyka kak vtorogo rodnogo det'mi 5–7 let i sozdanie adekvatnogo uchebnogo posobiia [Issues in the acquisition of Russian as a second native language by children in the age of 5 to 7 years and the making of an adequate study guide] // Literature and Beyond. Festschrift for W. G. Weststeijn on the Occasion of 65th Birthday / Ed. by E. de Haard, W. Honselaar, J. Stelleman. Amsterdam: Pegagus, 2008. P. 609–627].
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Овладение падежами // Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000. С. 98–103. [S. N. Tseitlin. Ovladenie padezhami [Acquisition of the case]// Iazyk i rebenok: Lingvistika detskoï rechi [Language and the child: The linguistics of child language]. M.: Vlados, 2000. P. 98–103].

- Янссен, Пеетерс-Подгаевская 2012 — Б. Э. Янссен, А. В. Пеетерс-Подгаевская. Стратегии понимания простого предложения русскоязычными и русско-нидерландскими детьми в возрасте 6–9 лет // Проблемы онтолингвистики — 2012 / Под ред. Т. А. Кругляковой. СПб.: Златоуст, 2012. С. 560–565. [B. E. Ianssen, A. V. Peeters-Podgaevskaia. Strategii ponimaniia prostogo predlozheniia russko-iazychnymi i russko-niderlandskimi det'mi v vozraste 6–9 let [The strategies of interpreting a simple sentence by Russian-speaking children and Russian-Niederlands bilinguals aged 6 to 9] // Problemy ontolingvistiki — 2012 [Issues in language acquisition] / Pod red. T. A. Krugliakovoi. SPb.: Zlatoust, 2012. P. 560–565].
- Armon-Lotem et al. 2015 — S. Armon-Lotem, J. de Jong, N. Meir (eds.). Assessing Multilingual Children Disentangling Bilingualism from Language Impairment. Bristol: Multilingual Matters, 2015.
- Babby 1984 — L. H. Babby. The locus of case assignment and the direction of percolation: Case theory and Russian // Brecht R., Levine J. (eds.). Case in Slavic. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1984. P. 170–219.
- Babyonyshev 1993 — M. Babyonyshev. Acquisition of the Russian case system // MIT Working Papers in Linguistics 19, 1993. P. 1–43.
- Beytenbrat 2015 — A. Beytenbrat. Case in Russian. A sign-oriented approach. Amsterdam: Benjamins, 2015.
- Eisenbeiss 2011 — S. Eisenbeiss. CEGS: An Elicitation Tool Kit for Studies on Case Marking and its Acquisition. Essex Research Reports in Linguistics, 2011. Vol. 60. No. 1.
- Eisenbeiss et al. 2009 — S. Eisenbeiss, B. Narasimhan, M. Voeikova. The acquisition of case // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 369–383.
- Gagarina, Eliseeva 2009 — N. Gagarina, M. Eliseeva. Emergence of Case Meanings in Russian — Empirical Evidence from One Month, from One Child // Ad verba liberorum: Linguistics, Pedagogy and Psychology 1.1, 2009. P. 40–47.
- Gagarina, Voeikova 2009 — N. Gagarina, M. D. Voeikova. Acquisition of case and number in Russian // U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). Development of Nominal Inflection in First Language Acquisition: A Cross-linguistic Perspective. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 179–216.
- Janssen 2016 — B. Janssen. The acquisition of gender and case in Polish and Russian. A study of monolingual and bilingual children. Amsterdam: Amsterdam Center for Language and Communication, 2016. P. 266–278.
- Janssen et al. 2015 — B. Janssen, N. Meir, A. Baker, S. Armon-Lotem. Online Comprehension of Russian Case Cues in Monolingual Russian and Bilingual Russian-Dutch and Russian-Hebrew Children // Pro-

- ceedings of the 36th annual Boston University Conference on Language Development. Somerville: Cascadilla Press, 2015 (in press).
- Laalo 2009 — K. Laalo. Acquisition of case and plural in Finnish // U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). *Development of Nominal Inflection in First Language Acquisition: A Cross-linguistic Perspective*. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 49–89.
- Toivanen 1990 — J. Toivanen. *Acquisition of Finnish as a first language: general and particular themes*. Turku: Turun yliopisto, 1990.
- Voeikova, Gagarina 2002 — M. D. Voeikova, N. Gagarina. MLU, first lexicon, and the early stages in the acquisition of case forms by two Russian children // M. D. Voeikova, W. U. Dressler (eds.) *LINCOM studies in theoretical linguistics 29: Pre- and Protomorphology. Early Phases of Morphological Development in Nouns and Verbs*. München: Lincom, 2002. P. 115–131.

А. Н. Корнев¹, И. Балчюниене^{1,2}

*¹Санкт-Петербургский государственный педагогический
медицинский университет, Санкт-Петербург*

²Университет Vytautas Magnus, Каунас

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЧАСТОТНОГО ПРОФИЛЯ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ДИСКУРСЕ У ДЕТЕЙ 6 ЛЕТ

1. Введение

Изучение формирования детской речи с самого основания этого научного направления испытывает на себе значительное влияние теорий, сложившихся в классической лингвистике. Это касается и смены парадигм, происходящих в лингвистике. На протяжении многих лет многочисленные описания детской речи на разных этапах развития строились на структурно-функциональных основаниях. В самом общем виде это выглядело, как характеристика роста частотности и разнообразия основных языковых средств и прогресс эффективности (нормативности) их использования. Это можно было проследить по росту объема словаря, длины и синтаксической сложности высказываний, прогресса в навыках словоизменения и словообразования. В рамках системного подхода предпринимались попытки выяснить, в какой мере эти процессы взаимосвязаны друг с другом [Le Normand et al. 2013]. Обсуждалось, например, предположение, что на раннем этапе развития речи (2–3-й год) центральную роль играет рост лексикона, который создает возможность для освоения грамматических навыков в более поздний период (к 4 годам) [Bates, Goodman 1999; LeNormand et al. 2013]. Особенно много внимания уделяется глаголу и его роли в формировании синтаксиса [Lieven et al. 1997; Tomasello 2000, 2003] и существительному как основе развития номинации. Обширный материал собран относительно этапов и некоторых закономерностей усвоения детьми отдельных частей речи [Voeikova, Dressler (eds.) 2002; Bittner et al. (eds.) 2003; Savickienė, Dressler (eds.) 2007; Stephany, Voeikova (eds.) 2009; Tri-

bushinina et al. (eds.) 2015]. Данные русскоговорящих детей анализировались в [Гвоздев 1949; Цейтлин 2000, 2009, 2013; Гагарина 2008; Воейкова 2004, 2011]. При этом еще крайне мало данных о системном взаимоотношении различных частей речи на разных этапах овладения языком и речевой коммуникацией, особенно после 3 лет. Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова [2004], говоря об изучении речи взрослых, в стороне от рассмотрения остались дискурсивные свойства системы частей речи [Кубрякова 2004]. Еще меньше известно о формировании этой системы в детском возрасте. Распределение частей речи изучалось с лингвоперсоналогической точки зрения, как текстологическая характеристика так называемой языковой личности писателей [Головина 2008]. Если учесть насколько быстро меняется личность ребенка в процессе развития, логично предположить, что распределение частей речи у детей может оказаться еще более чувствительным показателем возрастных изменений языковых механизмов коммуникативно-речевого поведения.

По существу именно в контексте дискурсивной деятельности освоенные ребенком лексические средства в полной мере находят себе применение. Используя приобретенные им языковые знания в коммуникативных целях, осваивая дискурс в разных его жанрах, ребенок опирается на приобретенный лексикон как основу номинации, используя его когнитивный (семантический) потенциал, а с другой стороны изучает синтаксические возможности слов как частей речи. Примерно с 2,5 лет осваиваются такие жанры дискурса, как диалог и персональный нарратив (т. е. повседневный разговор), а позже, с 4–5 лет, — так называемый вымышленный нарратив (*fictional narrative*), что близко к русским понятиям «рассказ», «повествование» [Ervin Tripp, Küntay 1997; Hughes et al. 1997]¹. В многочисленных исследованиях, посвященных освоению дискурса, весьма мало сообщается о том, как это актуализирует лексикон в частеречном аспекте в дискурсивных текстах разного жанра. Остается неясным, существует ли ка-

---

¹ В связи с тем, что уже сложилось давняя традиция использования понятия *fictional narrative* (вымышленный нарратив), опирающаяся на обширную литературу по этому вопросу, связанную именно с этим термином, далее будет использоваться именно он — «вымышленный нарратив».

кая-либо связь между жанрами дискурсивного текста и его дистрибутивной частеречной характеристикой на разных этапах развития. Имея в виду детей, следует принять во внимание, что, усвоив основные единицы языка и правила их сочетания, дети еще длительный период времени совершенствуют искусство гибкого их использования в разных жанрах дискурса применительно к различным прагматическим задачам, социальным и коммуникативным ситуациям.

Как утверждает Е. С. Кубрякова [2004], «в коммуникативных актах человек извлекает информацию из поверхностных форм языка, поэтому они должны содержать достаточное количество сигналов для распознавания выражаемой информации. Языки по-разному распределяют эту информацию, возлагая одну ее составляющую на синтаксис, синтагматику, порядок слов и их сочетаемость, но связывая другую со словами и их внутренним устройством. Морфология и синтаксис как бы объединяют свои усилия в выражении всех этих значений и поддерживают друг друга в их передаче. В частях речи находит свое отражение то, как они объединяют свои возможности для симультанной маркировки сентенциональных (дискурсивных) и информативных (когнитивных) типов значения» [Кубрякова 2004: 180–181]. Поэтому интерес представляет сопоставление этих закономерностей в разных языках.

При изучении детской речи в развитии используются разнообразные методы: наблюдение, качественное описание отдельных текстов или даже отдельных слов [McTear 1985], анализ дневниковых записей [Гвоздев 1949; Zarębina 1965; Smith 1973; Rūķe-Draviņa 1993], лонгитюдные наблюдения бытовых разговоров с аудио- и видеорегистрацией [Bloom 1970; Brown 1973; Voeikova, Dressler (eds.) 2002; Stephany, Voeikova (eds.) 2009; Воейкова 2004, 2011; Гагарина 2008; Елисеева 2008, 2014; Цейтлин (ред.) 2000, 2009, 2013; Казаковская 2006; Balčiūnienė 2009], экспериментальный анализ вызванной разными приемами речи [Sekerina et al. (eds.) 2008; Blom, Unsworth (eds.) 2010]. Наряду с другими количественными методами анализа корпусных материалов используется частотный анализ слов, частей речи, а в дистрибутивном анализе — и грамматических паттернов [Rayson 2002; Rayson, Garside 2000; Rayson et al. 2004]. «Понятие грамматического «поведения» языковых единиц в применении к корпусу ви-

дится как распределение разного рода элементов в контексте. Это грамматический профиль (распределение форм словоизменения)» [Ляшевская 2014: 7]. Автор данного термина, который мы заимствовали, использует его применительно к поведению отдельных лексем в корпусе русского языка у взрослых его носителей. Мы же намереваемся использовать данный подход для характеристики корпуса детской речи. Известно, что в процессе развития языка и речи ребенок начинает использовать синтаксически более сложные конструкции, включающие все более широкий круг знаменательных и служебных слов. Например, на самом раннем этапе развития — в первом полугодии 2-го года — в речи представлены только существительные, а глаголов нет совсем. Позже в лексикон ребенка включаются все в большем количестве глаголы, прилагательные, наречия и др. [Гвоздев 2007; Цейтлин 2009]. Таким образом, в целом частеречный состав или грамматический профиль дискурса ребенка с возрастом меняется не только в количественном, но и в пропорциональном отношении. Следовательно, анализ грамматического частотного профиля корпуса детских высказываний представляет собой дополнительный источник информации о развитии речевого поведения ребенка и структуре его языковой системы как гибкого функционального образования.

Как отмечал Д. Слобин [1991], язык, несомненно, направляет наше внимание в разговоре на параметры нашего опыта, которые уже нашли свое отражение в грамматических категориях языка [Slobin 1991]. Известно, что разные языки по-разному моделируют категориальные и синтаксические способности слова. Следствием этого оказывается то, что в одних языках мира тип информации, передаваемый словом, указан в его категориальной определенности в пределах самого слова. «В других языках, однако, категориальная определенность информации, выражаемой словом, считается необходимой лишь в момент речи, и она маркируется, соответственно, в дискурсе. Степень категориальной определенности слова вне контекста оказывается поэтому неодинаковой. В целом это создает эффект разной формальной маркированности ЧР в разных языках на поверхностном уровне» [Кубрякова 2004: 181–182].

Общеизвестно, что славянские и балтийские языки характеризуются значительным сходством на всех уровнях и, прежде всего,

близки их лексические системы. Особо здесь выделяются русский и литовский языки. Объясняется это не только их генетической близостью, принадлежностью к одной и той же индоевропейской семье, но также тесными контактами (культурными, экономическими, военными, торговыми и др.) на всех этапах их развития, вплоть до недавнего времени [Купрашвили 2007; Русецкая 2010]. В морфологической структуре русского и литовского языков наблюдается немало общих явлений. Одни и те же части речи характеризуются аналогичными грамматическими категориями, для выражения которых имеется целый ряд тождественных форм, а различия (явления, которые характерны только для одного из двух языков) существуют в пределах отдельных частей речи [Kavaliauskas 2013]. В литовском языке выделяют одиннадцать частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол, предлог, союз, частица, междометие и звукоподражание [LKG 1965]. В современном русском языке аналогично выделяют такие части речи, как: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол (включая нефинитные формы), наречие, предлог, союз, частица и междометие [Грамматика... 1980; Евтюхин 2008]. В настоящем исследовании все словоупотребления были сгруппированы в следующие частеречные категории: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) местоимение; 4) имя числительное; 5) глагол (включая инфинитив); 6) нефинитные формы глагола (причастие и деепричастие в русском языке; причастие, деепричастие и полупричастие в литовском языке); 7) наречие; 8) предлог; 9) союз; 10) частица (включая и модальные слова, а так же предикативы); 11) междометие (включая и звукоподражание).

Как видно из таблицы 1, распределение частей речи в русском и литовском языках имеет много сходного, но не вполне совпадает. Это обстоятельство благоприятствует достижению поставленной нами цели: сопоставлению эффектов влияния вида дискурса на ГЧП у детей 6 лет в двух языках.

Цель нашего исследования — кроссязыковое сравнение влияния жанра дискурса на особенности ГЧП у детей дошкольного возраста.

Таблица 1. Распределение частей речи
в корпусах литовского и русского языка

Часть речи	Русский язык		Литовский язык	
	письменный ²	устный ³	письменный ⁴	устный ⁵
имя существительное	28,62%	13,11%	39,37%	16,2%
имя прилагательное	8,53%	3,28%	7,33%	2,8%
местоимение	14,73%	19,28%	8,71%	16,9%
имя числительное	2,13%	1,50%	0,96%	1,9%
глагол (включая нефинитные формы)	16,96%	15,99%	20,51%	22,8%
наречие	4,14%	13,33%	6,72%	10,2%
предлог	10,47%	7,35%	4,65%	4,2%
союз	7,93%	6,58%	7,62%	8,2%
частица	4,51%	15,32%	1,98%	12,0%
междометие	0,14%	2,81%	0,19%	4,8%
другое	1,84%	1,45%	1,96%	0%

2. Методология

В качестве речевого материала были взяты тексты разных жанров дискурса: а) вымышленного (fictional) нарратива и б) структурированного вопросно-ответного диалога взрослый-ребенок. Материал русского языка составляет часть *Корпуса устной речи детей с нормой и отставанием в развитии речи*, подробно опи-

² По Сичинава [2011].

³ По Богданова-Бегларян и др. [2016]

⁴ По Utka [2009].

⁵ По Dabašinskienė [2009]

санного нами ранее [Корнев и др. 2015а, 2015б]⁶, отражающего как актуальный уровень языковых возможностей русскоговорящих детей в разных естественных коммуникативных ситуациях, так и способность решать коммуникативно-речевые задачи в экспериментальной ситуации. Материал литовского языка составляет часть *Корпуса устной речи литовских детей*⁷.

2.1. Речевой материал вымышленного нарратива, как в русском, так и в литовском корпусе включает составление рассказа / пересказа по серии картинок. Соответственно методике *Russian Instrument for Narrative Assessment — RAIN* [Kornev, Balčiūnienė 2014, 2015, 2017, Balčiūnienė, Kornev 2016]⁸, использованной для вызывания (elicitation) нарратива у русскоговорящих детей, в части первой перед ребенком раскладываются 6 картинок (Рис. 1), на которых изображена история, и предлагается рассказать о том, что произошло. Во второй части экспериментатор раскладывает перед ребенком другую серию из 6 картинок (Рис. 1), предупреждает, что услышанный рассказ нужно будет пересказать, рассказывает (зачитывает) историю вслух и затем предлагает пересказать.

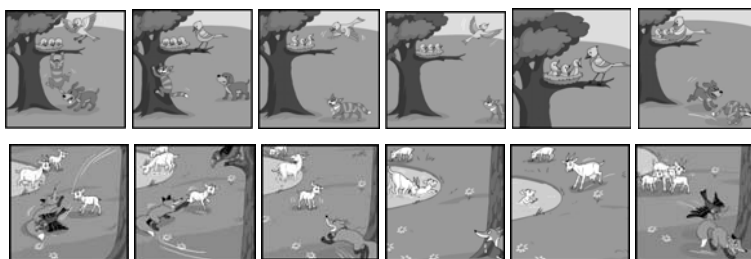

Рис. 1. Серии картинок *Baby-Birds* и *Baby-Goats*
(по [Gagarina et al 2012, 2015])

⁶ Создание и анализ Корпуса поддержаны грантами ФФЛИ № С-25-2013/2014 и РГНФ № 14-04-00509.

⁷ Создание и анализ Корпуса 2009–2011г. поддержаны грантом № LIT-1-18 Литовского совета наук. Часть материала собрана в рамках PostDoc исследования И. Балчюниене (2011–2012), поддержанного грантом № SF-PD-2010-08-10-0199 Литовского совета наук.

⁸ Создание методики поддержано грантом РФФИ № 13-06-90901. Методика *RAIN* создана на основе мультилингвальной методики анализа нарратива у детей-билингвов *Multilingual Assessment Instrument for Narratives — MAIN* [Gagarina et al. 2012, 2015].

После рассказа/пересказа экспериментатор задает 10 стандартных вопросов, уточняющих понимание ребенком причинно-следственных отношений в сюжете рассказа и внутренних состояний персонажей истории. Нарративы литовскоговорящих детей собраны по методике *Cat Story* [Hickmann 2003]: перед ребенком раскладывались 6 картинок, на которых изображена история (Рис. 2).

Рис. 2. Серия картинок *Cat Story* (по [Hickmann 2003])

Предлагалось внимательно рассмотреть картинки и запомнить историю. Потом экспериментатор убирал все картинки и, вновь предъявляя их по очереди, просил ребенка рассказать о том, что происходит на каждой картинке. Таким образом, было собрано 12 рассказов и 12 пересказов русскоговорящих детей и 24 рассказа литовскоговорящих детей.

Речевой материал диалога «взрослый-ребенок» в корпусе русского языка — структурированный вопросно-ответный диалог, уточняющий понимание ребенком нарратива. Речевой материал диалога «взрослый-ребенок» в корпусе литовского языка — структурированные интервью экспериментатора и ребенка на тему «Любимые занятия, сказки, книги». Нарративы и диалоги как в русской, так и в литовской группе были собраны у одних и тех же детей.

2.2. В качестве **испытуемых** русскоговорящей группы были исследованы 12 детей 6 лет, посещавших общеобразовательный детский сад в г. Санкт-Петербурге, не имевших отклонений в развитии. У всех детей было проведено исследование интеллекта по методике Равена; дети с показателями ниже 23 в группу не включались. В качестве испытуемых литовскоговорящей группы были исследованы 24 ребенка 6 лет, посещающих общеобразовательный детский сад и обучающихся по государственной программе подготовительного обучения⁹, не имеющих отклонений в развитии.

⁹ www.smm.lt/web/en/education_1/pre-primary-education-

Весь речевой материал был транскрибирован в формате CHAT [MacWhinney 2000] и аннотирован морфологически. Материал русскоговорящих детей аннотирован с помощью программы MORCOMM [Gagarina et al. 2003]; материал литовскогоговорящих детей аннотирован с помощью программы LEXICON [Dabašinskienė, Kamandulytė 2009].

3. Результаты

В процессе анализа результатов проводились 2 ряда сопоставлений: а) сравнение ГЧП текстов разных жанров (нарратива и диалога) у испытуемых каждой из групп и б) сравнение ГЧП текстов одного и того же жанра у испытуемых двух языковых групп.

Сопоставление ГЧП в текстах разных жанров выявило достоверные различия у русскоговорящих детей в 7 из 11 частей речи (Рис. 3).

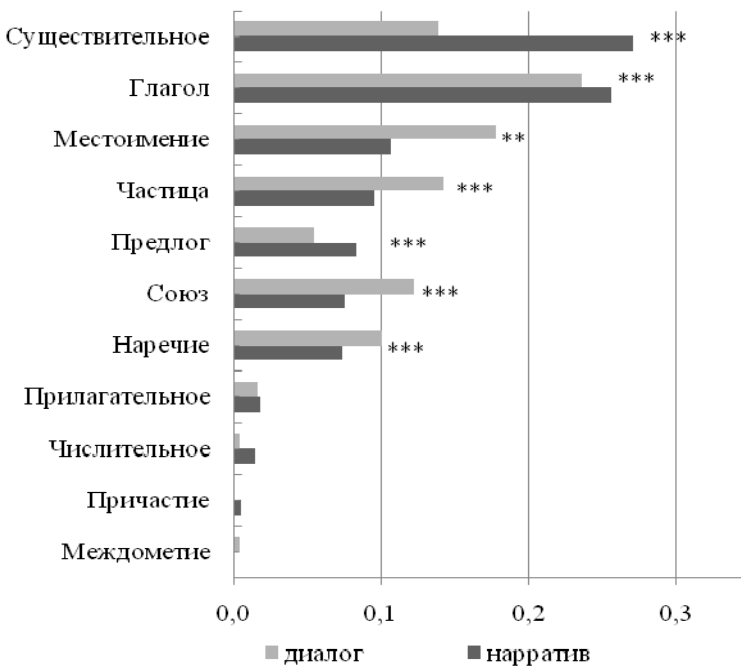

Рис. 3. Распределение (%) частей речи в нарративах и диалогах русскоговорящих детей.

Уровень достоверности: $P \leq 0,05$ — *; $P \leq 0,01$ — **; $P \leq 0,001$ — ***.

Различия отсутствовали только в прилагательных, числительных, причастиях и междометиях. Отличия в частях речи носили разнонаправленный характер. В сравнении с нарративом в диалоге была достоверно меньше доля существительных (почти вдвое), глаголов и предлогов, но значимо выше доля местоимений, частиц, союзов и наречий.

В диалогах литовскоговорящих испытуемых по сравнению с нарративами (Рис. 4) была достоверно меньше доля существительных, глаголов и союзов, но достоверно выше доля наречий, местоимений и частиц (более чем в 10 раз). Таким образом, различительные признаки ГЧП нарратива и диалога в значительной степени совпадали в обоих языках. Исключение составили предлоги и союзы. Последние демонстрировали в двух группах зеркально направленные различия: у русскоговорящих детей доля союзов в диалогах превышала их долю в нарративах, а у литовскоговорящих детей соотношение было обратным.

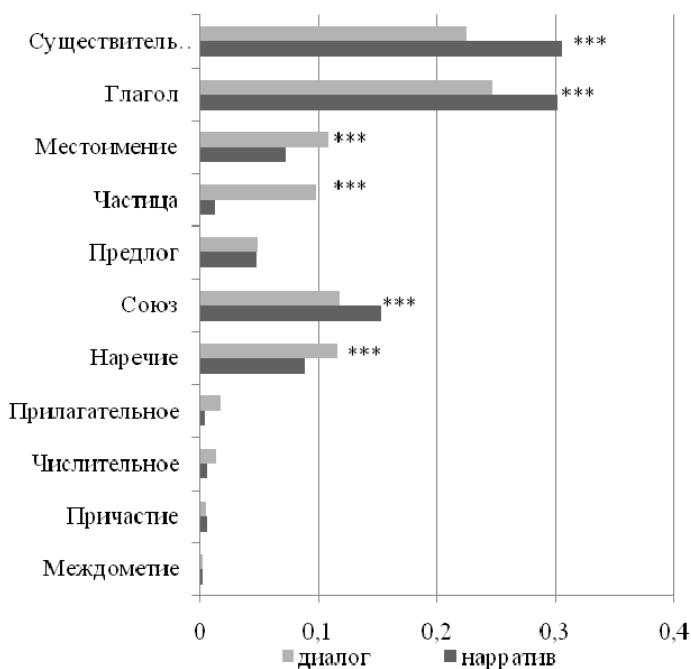

Рис. 4. Распределение (%) частей речи в нарративах и диалогах литовскоговорящих детей. Условные обозначения те же, что на Рис. 3.

Межгрупповое сравнение в одном жанре показало, что распространённость в нарративных текстах (Рис. 5) большинства частей речи (кроме причастий и междометий) достоверно отличалась у испытуемых русской (всего 2451 словоупотреблений) и литовской групп (всего 2467 словоупотреблений). По 4-м частям речи (существительные, глаголы, союзы и наречия) впереди были литовские нарративы, а по 5 частям речи (местоимения, предлоги, прилагательные, числительные и частицы) опережение было в русских нарративах. Особенно велико было превышение доли частиц — в 9 раз.

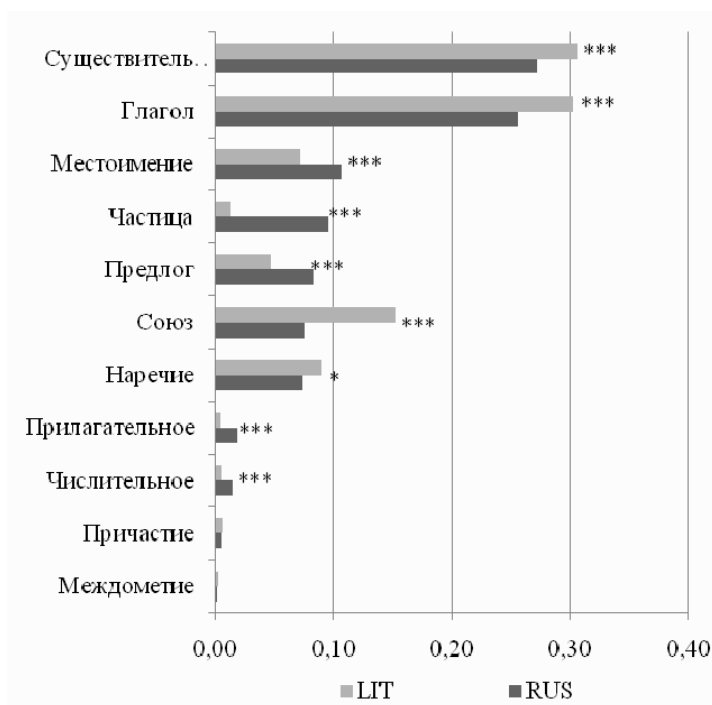

Рис. 5. Распределение (%) частей речи в нарративах литовско- и русскоговорящих детей. Условные обозначения те же, что на Рис. 3.

В текстах, полученных в диалоге «взрослый-ребенок» (соответственно 2272 и 5207 словоупотреблений), межгрупповые различия были несколько меньше: значимыми они были только у 7 частей речи (кроме глагола, частицы, предлога и междометия)

(Рис. 6). В диалогах у литовскоговорящих детей достоверно чаще, чем у русскоязычных сверстников, встречались существительные, прилагательные, наречия, причастия и числительные. В русских диалогах опережение было только по местоимениям.

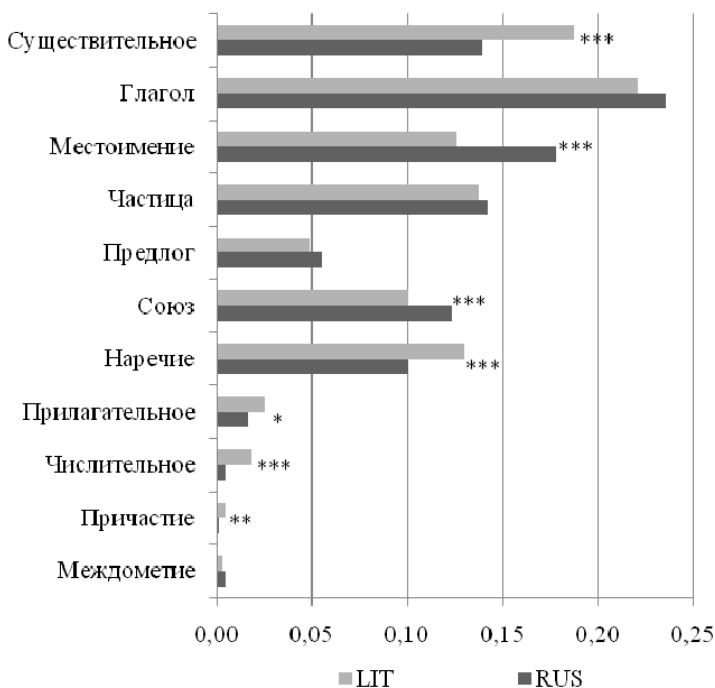

Рис. 6. Распределение (%) частей речи в диалогах литовско- и русскоговорящих детей со взрослыми. Условные обозначения те же, что и на Рис. 3

Следует отметить, что приведенные выше статистические результаты отражают количественные характеристики частоты каждой части речи отдельно и значимость различий частоты одноименных частей речи. Однако представляет интерес и сравнение распределения частот (т. е. именно профиль распределения частот частей речи). Для этого была вычислена ранговая корреляция (по Спирмену) распределений грамматического частотного профиля в целом. ГЧП национальных корпусов письменной речи русского и литовского языков оказались весьма близки: $r = 0,89$;

$P \leq 0,001$). В связи с этим следует учитывать, что близость распределения базовых показателей в целом влияет на распределение частей речи и в детской речи. Поэтому сравнивая данные детских текстов мы использовали парциальную корреляцию ($r_{п}$), т. е. влияние общеязыковой тенденции в ГЧП на ГЧП в детской речи исключалось.

Межгрупповое сопоставление ГЧП в одинаковых жанрах дало следующие результаты: $r_{п \text{ нарративRU-нарративLI}} = 0,74$; $P \leq 0,037$; $r_{п \text{ диалогRU-диалогLI}} = 0,97$; $P \leq 0,000$. Из приведенных показателей следует, что в целом распределение частей речи по частоте в зависимости от дискурса в русском и литовском языке близки, однако в диалоге совпадений больше, чем в нарративе.

4. Обсуждение

Изучение формирования детской речи до настоящего времени приносило информацию по большей части о том, как ребенок овладевает основными языковыми средствами. В значительно меньшей степени известно, как он умеет ими пользоваться в практических целях. Немалый интерес представляет и то, как при этом ребенок использует разные единицы языка, которым владеет, — например, обладает ли он широким (или не очень широким) инвентарем частей речи. Детально изучены ранние этапы речевого развития. Наименее изученным остается развитие речи в возрасте 4–5 лет и старше. Но как раз в этот период дети активно овладевают основными жанрами дискурса. Ребенок учится строить длинные высказывания (или длинные цепочки высказываний, как в диалоге) и тексты-нарративы. Малоизученным остается вопрос: как меняются в этих речевых произведениях с возрастом в структурно-функциональном отношении лексическая составляющая?

Полученные в нашем исследовании данные свидетельствуют о влиянии жанровой принадлежности дискурса на частотное распределение частей речи. Это позволяет предположить, что в нарративах и диалогах дети строят свои высказывания и тексты, используя языковой ресурс по-разному. В нарративных текстах у наших испытуемых возрастала доля существительных, глаголов и союзов и уменьшалась доля всех остальных частей речи, многие из которых функционально обеспечивают когезию и когерентность. В текстах, полученных в диалогах, напротив, уменьшалась

доля союзов, существительных и глаголов, которые могли бы сделать ответы и реплики детей более содержательными, но возростала доля всех остальных частей речи, многие из которых выполняют служебную функцию, не передающую основного смысла.

Межгрупповое сравнение показало, что ГЧП нарративов и диалогов имеет немало общих тенденций. В наибольшей степени были близки ГЧП_{рус} и ГЧП_{лит} в диалогах. В нарративах межгрупповых различий ГЧП было больше. Хотя литовский и русский языки сближает принадлежность к единой балто-славянской группе, они имеют и ряд отличий. Кроме того, по наблюдениям некоторых ученых, не только языковые, но и культурные особенности жителей разных стран могут в немалой степени влиять на специфику построения дискурса и таких его жанров, как диалог и нарратив, а значит, и на специфику их языкового воплощения.

Есть основания предполагать, что функциональная система языка и речи (ФСЯР) [Корнев 2006] имеет гибкие и жесткие звенья. Гибкие звенья динамически более чутко реагируют на семантические, прагматические и жанровые аспекты коммуникативного поведения. Жесткие звенья более устойчивы, и изменения в них появляются лишь в особых обстоятельствах, например, при психическом заболевании, афазии и др. При отклонениях речевого развития (например, при первичном недоразвитии речи), как выяснилось, ресурс пластичности ФСЯР лишь незначительно затрагивает ГЧП [Корнев и др. 2016].

Полученный нами материал в определенной мере ставит под сомнение традиционное представление об экспрессивном лексиконе и его структуре как о неких константах в каждый данный момент их исследования у ребенка. Полученная у ребенка речевая продукция испытывает сильное влияние жанра речевой коммуникации, который использует ребенок с учетом ситуации (коммуникативной и социальной) и индивидуальных предпочтений. Если позволить себе выражаться языком метафор, выбранный говорящим (или навязанный ему) жанр дискурса начинает выполнять в момент порождения речи и речепроизводства роль своего рода дистрибьютора, ангажирующего одни части речи и придерживающего другие. В результате мы составляем лишь весьма субъективное, фрагментарное, ситуативное суждение о лексиконе ребенка и частеречном составе этого лексикона. По-видимому,

вряд ли представляется возможным объективно измерить и оценить сколько-нибудь точно структуру экспрессивного лексикона конкретного ребенка (а значит, и всех детей) как статическое явление, как свойство или способность. «Слово живет в актах общения, процессах коммуникации, в дискурсе. Статус слова не может исчерпываться поэтому описанием его статической роли... Изучать слово вне процессов коммуникации бесплодно» [Кубрякова 2004: 216]. В процессе же речевой коммуникации частеречный состав лексикона претерпевает непрерывные изменения под влиянием многочисленных внутренних и внешних факторов. Однако остается возможность провести сопоставление детей одного и того же возраста по этому показателю между собой в рамках одного и того же жанра дискурса. С другой стороны, еще больший интерес представляет анализ индивидуальной жанровой пластичности, адаптивности ФСЯР в дискурсе у детей разного возраста. Новый метод анализа, примененный в настоящем исследовании, носит системный характер, охватывая лексический уровень языка в целом, что предоставляет дополнительные возможности при изучении речевого онтогенеза.

Литература

- Богданова-Бегларян и др. 2016 — Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, Е. М. Баева, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко, О. Б. Ермолова, А. И. Рыко и др. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. СПб.: ЛАЙКА, 2016. [N. V. Bogdanova-Beglarian, T. Iu. Sherstinova, E. M. Baeva, O. V. Blinova, G. Ia. Martynenko, O. B. Ermolova, A. I. Ryko i dr. Russkii iazyk povsednevnego obshcheniia: osobennosti funktsionirovaniia v raznykh sotsial'nykh gruppakh [The Russian language of everyday communication: aspects of functioning in different social groups]. SPb.: LAIKA, 2016].
- Воейкова 2004 — М. Д. Воейкова. Качественные семантические комплексы и их выражение в современном русском литературном языке и в детской речи. Дисс. ... д. филол. наук. СПб.: РГПУ, 2004. [M. D. Voeikova. Kvalitativnye semanticheskie komplekсы i ikh vyrazhenie v sovremennom russkom literaturnom iazyke i v detskoj rechi [Qualitative semantic complexes and their expression in modern literary Russian and child language]. Diss. ... d. filol. nauk [Dr. habil. thesis]. SPb.: RGPU, 2004].

- Воейкова 2011 — М. Д. Воейкова. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011. [M. D. Voeikova. Rannie etapy usvoeniia det'mi imennoi morfologii russkogo iazyka [Early phases of the acquisition of Russian noun morphology by children]. M.: Znak, 2011].
- Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. [N. V. Gagarina. Stanovlenie grammaticheskikh kategorii russkogo glagola v detskoj rechi [The development of grammatical categories of the Russian verb in child language]. SPb.: Nauka, 2008].
- Гвоздев 1949 — А. Н. Гвоздев. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Москва: Акад. педаг. наук РСФСР, 1949. [A. N. Gvozdev. Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroia russkogo iazyka [The development of Russian grammar in children]. Moskva: Akad. pedagog. nauk RSFSR, 1949].
- Гвоздев 2007 — А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи [Issues in child language]. СПб.: «Детство-Пресс», 2007. [A. N. Gvozdev. Voprosy izucheniia detskoj rechi. SPb.: «Detstvo-Press», 2007].
- Головина 2008 — Т. А. Головина. Лингвоперсоналогическое функционирование частей речи: статистический аспект (на материале художественных текстов). Дисс. ... канд. фил. наук. Кемерово: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 2008. [T. A. Golovina. Lingvopersonologicheskoe funkcionirovanie chastei rechi: statisticheskii aspekt (na materiale khudozhestvennykh tekstov) [Linguistic-personological functioning of parts-of-speech: statistical perspective (a study of literary texts)]. Diss. kand. fil. nauk [Cand. of Philol. Sc. thesis]. Kemerovo: Altaiskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. I. I. Polzunova, 2008].
- Грамматика... 1980 — Русская грамматика (отв. ред. Н. Ю. Шведова). М.: Наука, 1980. [Russkaia grammatika [Russian grammar] (ed. N. Iu. Shvedova). M.: Nauka, 1980].
- Евтюхин 2008 — В. Б. Евтюхин. Введение в морфологию // Морфология современного русского языка. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 4–84. [V. B. Evtiukhin. Vvedenie v morfologiiu [Introduction to morphology] // Morfologija sovremennogo russkogo iazyka [The morphology of modern Russian]. SPb.: SPbGU, 2008. P. 4–84].
- Елисеева 2008 — М. Б. Елисеева. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. [M. B. Eliseeva. Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka ranнего vozrasta [Phonetic and lexical development of young children]. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2008].
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. М.: Языки славянской культуры, 2014.

- [M. B. Eliseeva. Stanovlenie individual'noi iazykovoï sistemy rebenka [The development of the individual language system of a child]. M.: Iazyki slavianskoï kultury, 2014].
- Казаковская 2006 — В. В. Казаковская. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый — ребенок». СПб.: Наука, 2006. [V. V. Kazakovskaia. Voprosno-otvetnyye edinstva v dialoge «vzroslyi — rebenok» [Question — answer unities in adult-child dialogue]. SPb.: Nauka, 2006].
- Корнев 2006 — А. Н. Корнев. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006. [A. N. Kornev. Osnovy logopatologii detskogo vozrasta: klinicheskie i psikhologicheskie aspekty [Basics of child lalopathology: clinical and psychological aspects]. SPb.: Rech', 2006].
- Корнев и др. 2015а — А. Н. Корнев, И. Балчюниене, М. Д. Воейкова, К. А. Иванова, Е. В. Ягунова. Формирование языка у детей с нормой и отставанием в развитии речи: корпусное исследование спонтанных и вызванных текстов // Acta Linguistica Petropolitana IX, 1, 2015. С. 659–683. [A. N. Kornev, I. Balchiuniene, M. D. Voeikova, K. A. Ivanova, E. V. Iagunova. Formirovanie iazyka u detei s normoi i otstavaniem v razvitii rechi: korpusnoe issledovanie spontannykh i vyzvannykh tekstov [Language development of normally developing children and children with language impairment] // Acta Linguistica Petropolitana, IX, 1, 2015. P. 659–683].
- Корнев и др. 2015б — А. Н. Корнев, И. Балчюниене, М. Д. Воейкова, К. А. Иванова, Е. В. Ягунова. Квантитативный подход к изучению формирования языка у детей с нормой и отставанием в развитии речи: корпусное исследование спонтанных и вызванных текстов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах — 2015. Москва: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2015. С. 636–646. [A. N. Kornev, I. Balchiuniene, M. D. Voeikova, K. A. Ivanova, E. V. Iagunova. Kvantitativnyi podkhod k izucheniiu formirovaniia iazyka u detei s normoi i otstavaniem v razvitii rechi: korpusnoe issledovanie spontannykh i vyzvannykh tekstov [Quantitative approach to the studies in language development of normally developing children and children with language impairment: a corpus study of spontaneous and elicited texts] // Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh — 2015. Moskva: IPM im. M. V. Keldysha, 2015. P. 636–646].
- Корнев и др. 2016 — А. Н. Корнев, И. Балчюниене, М. Д. Воейкова, К. А. Иванова, Е. В. Ягунова. Анализ грамматического частотного профиля лексем корпуса детской речи как метод изучения развития речи в норме и при первичном недоразвитии речи у дошко-

- льников // Новые информационные технологии в автоматизированных системах — 2016. Москва: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2016. С. 33–38. [A. N. Kornev, I. Balchiuniene, M. D. Voeikova, K. A. Ivanova, E. V. Iagunova. Analiz grammaticheskogo chastotnogo profilia leksem korpusa detskoj rechi kak metod izucheniia razvitiia rechi v norme i pri pervichnom nedorazvitiu rechi u doshkol'nikov [The analysis of grammatical frequency profile of lexemes in the corpora of child language as a method language development study of normally developing and language impaired pre-schoolers] // Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh — 2016. Moskva: IPM im. M. V. Keldysha, 2016. P. 33–38].
- Кубрякова 2004 — Е. С. Кубрякова. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [E. S. Kubriakova. Iazyk i znanie: Na puti polucheniia znaniia o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira [Language and knowledge: On the way of gaining knowledge about language: Parts-of-speech in cognitive perspective]. M.: Iazyki slavianskoj kul'tury, 2004].
- Купрашвили 2007 — Й. Купрашвили. Сопоставительный анализ фразеологических подсистем в русском и литовском языках (в контексте межъязыковой и межкультурной коммуникации). Магистерская работа. Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 2007. [I. Kuprashvili. Sopostavitel'nyi analiz frazeologicheskikh podsystem v rusском i litovskom iazykakh (v kontekste mezh"iazykovo-i mezhkul'turnoi kommunikatsii) [Conceptual analysis of phraseological subsystems in Russian and Lithuanian]. Magisterskaia rabota [MA thesis]. Vil'nius: Vil'niusskii pedagogicheskii universitet, 2007].
- Ляшевская 2014 — О. Н. Ляшевская. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. [O. N. Liashevskaja. Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniiax russkogo iazyka [Corpus instruments in the studies of Russian grammar]. Moskva: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2014].
- Русецкая 2010 — Й. Русецкая. Сопоставительная идиоматика (на материале русских и литовских соматизмов) // Meninis tekstas: suvokimas, analizė, interpretacija [Художественный текст: понимание, анализ, интерпретация] 7, 2, 2010. С. 130–136. [I. Rusetskaia. Sopostavitel'naia idiomatika (na materiale russkikh i litovskikh somatizmov) [Comparative idiomatics (as exemplified by Russian and Lithuanian somatisms)] // Meninis tekstas: suvokimas, analizė, interpretacija [Literary text: understanding, analysis, interpretation] 7, 2, 2010. P. 130–136].

- Сичинава 2011 — Д. В. Сичинава. Части речи // Русская корпусная грамматика, 2011. Электронное издание. <http://rusgram.ru/>. [D. V. Sichina. Chasti rechi [Parts-of-speech] // Russkaia korpusnaia grammatika [Russian corpus grammar], 2011. Online resource. <http://rusgram.ru/>].
- Цейтлин (ред.) 2000 — С. Н. Цейтлин (ред.). Речь ребенка: ранние этапы. Труды Постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Выпуск первый. СПб.: Изд-во РГПУ, 2000. [S. N. Tseitlin (ed.). Rech' rebenka: rannie etapy. Trudy Postoianno deistvuiushchego seminaro po ontolingvistike. Vypusk pervyi [Child speech: early phases. Working papers of the permanent workshop on language acquisition. Vol. 1]. SPb.: Izd-vo RGPU, 2000].
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. [S. N. Tseitlin. Ocherki po slovoobrazovaniuu i formoobrazovaniuu v detskoj rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. M.: Znak, 2009].
- Цейтлин 2013 — С. Н. Цейтлин. Лингвистические этюды. СПб.: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. [S. N. Tseitlin. Lingvisticheskie etyudy [Essays on linguistics]. SPb.: izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2013].
- Balčiūnienė 2009 — I. Balčiūnienė. Analysis of Conversational Structure from the Perspective of Language Acquisition. PhD thesis. Kaunas: Vytautas Magnus University, 2009.
- Balčiūnienė, Kornev 2016 — I. Balčiūnienė, A. N. Kornev. Doing new things with language: Narrative language in SLI preschoolers // Estonian Papers in Applied Linguistics 12, 2016. P. 25–42.
- Bates, Goodman 1999 — E. Bates, J. C. Goodman. On the emergence of grammar from the lexicon // B. MacWhinney (ed.). The Emergence of Language. Lawrence Erlbaum, 1999. P. 29–79.
- Bittner et al. (eds.) 2003 — D. Bittner, W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch (eds.). Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective. Walter de Gruyter, 2003.
- Blom, Unsworth (eds.) 2010 — E. Blom, Sh. Unsworth (eds.). Experimental Methods in Language Acquisition Research. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010.
- Bloom 1970 — L. Bloom. Language Development: Form and Function in Emerging Grammars. Cambridge, MA: MIT Press, 1970.
- Brown 1973 — R. Brown. A First Language: The Early Stages. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.
- Dabašinskienė 2009 — I. Dabašinskienė. Šnekamosios lietuvių kalbos morfoliginės ypatybės [Morphological features of colloquial Lithuanian] // Acta Linguistica Lithuanica LX, 2009. P. 1–15.
- Dabašinskienė, Kamandulytė 2009 — I. Dabašinskienė, L. Kamandulytė. Corpora of Spoken Lithuanian // Estonian Papers in Applied Linguistics 5, 2009. P. 67–77.

- Ervin Tripp, Küntay 1997 — S. M. Ervin-Tripp, A. Küntay. The occasioning and structure of conversational stories // T. Givón (ed.). *Conversation: Cognitive, Communicative and Social Perspectives*. Amsterdam: J. Benjamins, 1997. P. 133–166.
- Gagarina et al. 2003 — N. Gagarina, M. Voeikova, S. Gruzincev. New version of morphological coding for speech production of Russian children (in the framework of CHILDES) // *FDSL IV*, 2014. P. 243–258.
- Gagarina et al. 2012 — N. Gagarina, D. Klop, S. Kunnari, K. Tantele, T. Välimaa, I. Balčiūnienė, U. Bohnacker, J. Walters. MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives. *ZASPil Nr. 56* — December 2012. Berlin: ZAS, 2012.
- Gagarina et al. 2015 — N. Gagarina, D. Klop, S. Kunnari, K. Tantele, T. Välimaa, I. Balčiūnienė, U. Bohnacker, J. Walters. Assessment of narrative abilities in bilingual children // Sh. Armon-Lotem, J. de Jong, N. Meir (eds.). *Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment*. *Multilingual Matters*, 2015. P. 243–276.
- Hickmann 2003 — M. Hickmann. *Children's Discourse: Person, Time, and Space across Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Hughes et al. 1997 — D. L. Hughes, L. McGillivray, M. Schmidek. *Guide to Narrative Language: Procedures for Assessment*. Austin, TX: Pro-Ed, 1997.
- Kavaliauskas 2013 — M. Kavaliauskas. Некоторые проблемы усвоения второго иностранного (русского) языка // *Professional Studies: Theory and Practice* 12, 2013. P. 13–16.
- Kornev, Balčiūnienė 2014 — A. N. Kornev, I. Balčiūnienė. Narrative analysis as the SLI assessment tool: Evidences from Russian-speaking preschoolers // *4th International Congress on Early Prevention in Children with Verbal Communication Disorders*. *Proceedings*. Varna: Konstantin Preslavsky University of Shumen, 2014. P. 49–58.
- Kornev, Balčiūnienė 2015 — A. N. Kornev, I. Balčiūnienė. Narrative production weakness in Russian dyslexics: Linguistic or procedural limitations? // *Estonian Papers in Applied Linguistics* 11, 2015. P. 141–157.
- Kornev, Balčiūnienė 2017 — A. N. Kornev, I. Balčiūnienė. Fictional narrative as a window to discourse development: A psycholinguistic approach // J. Badio (ed.). *Events and Narratives in Language*. Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien: Peter Lang Publishing, 2017. P. 171–188.
- Le Normand et al. 2013 — M. Th. Le Normand, I. Moreno-Torres, C. Parisse, G. Dellatolas. How do children acquire early grammar and build multiword utterances? A corpus study of French children aged 2 to 4 // *Child Development* 84, 2, 2013. P. 647–661.

- Lieven et al. 1997 — E. V. M. Lieven, J. M. Pine, G. Baldwin. Lexically-based learning and early grammatical development // *Journal of Child Language* 24, 1, 1997. P. 187–219.
- LKG 1965 — *Lietuvių kalbos gramatika* [Lithuanian grammar] (ed. K. Ulvydas). Vilnius: Mintis, 1965.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. Vol. I: Transcription, Format and Programs*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
- McTear 1985 — M. McTear. *Children's Conversation*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Rayson 2002 — P. Rayson. *Matrix: A statistical method and software tool for linguistic analysis through corpus comparison*. PhD thesis. Lancaster: Lancaster University, 2002.
- Rayson et al. 2004 — P. Rayson, D. Berridge, B. Francis. Extending the Cochran rule for the comparison of word frequencies between corpora. Paper presented at the 7es Journées internationales d'Analyse statistique des Données Textuelles, 2004.
- Rayson, Garside 2000 — P. Rayson, R. Garside. Comparing corpora using frequency profiling. Paper presented at the Workshop on Comparing Corpora, held in conjunction with the 38th annual meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL 2000), 2000.
- Rūķe-Draviņa 1993 — V. Rūķe-Draviņa. *Latviešu meitene apgūst savu pirmo valodu*. Rīga: Dio Nordic, 1993.
- Savickienė, Dressler (eds.) 2007 — I. Savickienė, W. U. Dressler (eds.). *The Acquisition of Diminutives: A Cross-linguistic Perspective*. John Benjamins Publishing, 2007.
- Sekerina et al. (eds.) 2008 — I. A. Sekerina, E. M. Fernández, H. Clahsen (eds.). *Developmental Psycholinguistics: On-line methods in children's language processing*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.
- Slobin 1991 — D. I. Slobin. Learning to think for speaking: Native language, cognition, and rhetorical style // *Pragmatics* 1, 1991. P. 7–26.
- Smith 1973 — N. Smith. *The Acquisition of Phonology: A Case Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Stephany, Voeikova (eds.) 2009 — U. Stephany, M. Voeikova (eds.). *Development of Nominal Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Walter de Gruyter, 2009.
- Tomasello, 2000 — M. Tomasello. A usage-based approach to child language acquisition // *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* 26, 1, 2000. P. 305–319.
- Tomasello, 2003 — M. Tomasello. *Constructing a language: A usage-based approach to child language acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

- Tribushinina et al. (eds.) 2015 — E. Tribushinina, M. Voeikova, S. Noccetti (eds.). *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
- Utkā 2009 — A. Utkā. *Dažninis rašytinis lietuvių kalbos žodynas 1 milijono žodžių morfologiškai anotuoto tekstyno pagrindu* [Frequency dictionary of the Lithuanian literary language based on a 1-million-word morphologically annotated corpus]. Kaunas: VDU, 2009.
- Voeikova, Dressler (eds.) 2002 — M. Voeikova, W. U. Dressler (eds.). *Pre- and Protomorphology: Early Phases of Morphological Development in Nouns and Verbs*. München: Lincom, 2002.
- Zarębina 1965 — M. Zarębina. *Kształtowanie się systemu językowego dziecka*. Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1965.

В. М. Алпатов

ИЯз РАН, Москва

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ У ДЕТЕЙ

Дети, по-видимому, начинают раздумывать о языке с того времени, когда у них уже сформировались основные характеристики языкового механизма и наступает этап его отладки, параллельно с которым идет пополнение словарного запаса, то есть примерно с трех–четырёх лет. Они уже научились свободно говорить, но еще не овладели языком во всех его деталях. При этом представления детей отражают «наивное сознание», которое свойственно и народам на определенной стадии их развития (что отражается на ранних этапах формирования любых лингвистических традиций), и необразованным людям, и даже людям, образованным в какой-то другой области знаний вплоть до академиков (два ярких примера — Н. Я. Марр и А. Т. Фоменко). Много примеров детских представлений о языке собрано в известной книге К. И. Чуковского «От двух до пяти» [1968]. Впрочем, у детей рефлексией сопровождается и дальнейшее развитие владения языком, оно не прекращается и у взрослых: что-то может прибавляться к знанию языка в любом возрасте, и в любом возрасте можно столкнуться с непониманием, сбоем коммуникации и неизвестными языками. Конечно, всё здесь индивидуально, и степень склонности к рефлексии у разных детей (и взрослых) различна.

О таких процессах еще в 1926 г. писала Р. О. Шор: «Слово представляется тождественным с обозначаемым им предметом. Связь между именем и обозначаемым этим именем лицом или между названием и соответствующей вещью мыслится не как произвольная и отвлеченная связь знака и значения, но как конкретное единство, как существенное их тождество» [Шор 1926/2009: 63]. Дети, разумеется, уже в этом возрасте обычно знают о существовании многих языков, но всё равно им, по формулировке той же Р. О. Шор, присуще «представление о естественной связи звуков со значением, которое выражается и в признании “естественными”, “человеческими” только звуков *своего*, родного язы-

ка» [Шор 1926/2009: 42]. «С представлением о родном языке как естественном, а иностранном языке как каком-то отклонении от естественности, психологически расстаться трудно». Поэтому «тот факт, что в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы, прежде всего поражает рефлектирующее над языковыми фактами наивное сознание» [Шор 1926/2009: 6], в том числе сознание ребенка. К тому же в этом возрасте благодаря знакомству со сказками дети считают, что языками обладают и животные, а язык волков или зайцев может рассматриваться в одном ряду с иностранным (но не родным) языком, которым не владеет ребенок, но кто-то из взрослых может владеть. Ср. сопоставление бормотания варваров с криками животных у древнегреческих грамматистов (из-за чего они не изучали никакие языки, кроме своего). Наиболее ярко такие представления свойственны детям-монолингвам, но и билингвы всё равно могут столкнуться с чужими языками. И сложнее всего для детского сознания представить, что кто-то (в том числе иностранец) мог бы не знать самые простые и понятные для ребенка слова.

То, что называют народными этимологиями, — естественное явление для детей и взрослых, но особо склонны к индивидуальной этимологизации дети дошкольного возраста [Цейтлин 2009: 317–326]. Это понятно, поскольку в данном возрасте идет особо быстрое расширение лексического запаса. Сталкиваясь с неизвестным словом, хочется найти ему объяснение через известное. Это касается любого неизвестного слова, включая собственные имена. Столкнувшись, например, с врачом по фамилии *Востокова* и принимая фамилию за обозначение какого-то класса врачей, ребенок может посчитать, что она названа так потому, что она *выстукивала* больных. Уже зная имя *Джюльетта* и встретившись с названием фильма «*Джюльбарс*», он может счесть, что он назван потому, что *Джюльетту бросает* (в физическом смысле). Слово *юрист* может казаться производным от имени *Юрий*, а слово *физика* — от имени татарки-уборщицы *Физа* (*Фаиза*). А встретившись с именованьем «фабрика имени Веры Слуцкой» (была такая всё советское время в Ленинграде) и узнав от взрослых, что это была погибшая в 1917 г. революционерка, ребенок не удовлетворяется этим и пытается понять, почему у нее была такая фамилия. Пришло в голову, что она потому *Слуц-*

кая, что хорошо *стелила* постель (ребенка как раз в это время учили это делать). Значимыми могут казаться любые фамилии, напоминаящие какие угодно фонетически похожие слова, которые уже освоены. Ребенок забыл фамилию певца, объявленную по радио, но помнил, что она похожа на слово *портрет*, потом выяснилось, что это был *Понтрягин*. Любопытно, что, кажется, данная фамилия действительно образована метатезой от фамилии *Портнягин*. Фамилия *Шувалов* кажется производной от слова *штурвал* и далее до бесконечности.

Очевидны принципы создания таких «этимологий»: объяснение неизвестного через известное и какое-то фонетическое сходство. «Непонятное... по происхождению, а часто чуждое и по звукам, слово ассимилируется к какому-нибудь известному, хоть сколько-нибудь близкому по звукам» [Крушевский 1879/1998: 53]. Направление именованья осознается как соответствующее порядку узнавания слов: фамилию *Шувалов* ребенок узнал позже, чем слово *штурвал*, с *Физой* познакомился раньше, чем с *физикой*. Для звукового сходства точных критериев быть не может, но оно должно быть очевидным.

При этом из приведенных примеров видно, что нет никакого, даже стихийного представления о регулярности отношений между словами; один принцип — связываются два похожие по звучанию слова, одно для ребенка новое, другое он знает. Звуковые ассоциации могут быть весьма изоциренными. Взрослый, даже не зная реальную этимологию фамилии *Слуцкая*, вряд ли найдет какое-то сходство между ней и глаголом *стелить* (вероятно, ребенок слышал и глагол *стлать*, на слух воспринятый как *слать*). Конечная часть имени (в данном случае собаки) *Джэульбарс* у взрослого (и старшего ребенка) скорее будет ассоциироваться с названием другого животного *барс*. Но у ребенка она связалась с неким *брас*, образованным перестановкой звуков от воспринятой на слух в акающем виде словоформы *бросает* (не лексемы *бросать*!). Так что такие детские представления далеки от идеи о том, что линейность морфем в слове является нормой, свойственной лингвистике (особенно в XX в.)¹. Ничего нет и от

---

¹ «Разные модели морфологии отличаются друг от друга прежде всего тем, что ориентированы на языки разных типов»; один тип считается эталонным, а прочие типы — отклонениями от эталона; в отличие

идеи о морфемном членении слова. Зато вполне нормальным кажется образование слов путем любой перестановки звуков или букв. Вот пример, относящийся уже к младшему школьному возрасту: прочитав, что во главе восстания *кабошьенов* во Франции стоял человек по прозвищу *Кабош*, что значит ‘башка’, ребенок может предположить, что в слове *башка* переставили звуки или буквы. Реально такой способ словообразования (речь сейчас не идет о метатезе) крайне маргинален (А. А. Зализняк оценивает его частое употребление в этимологиях А. Т. Фоменко как признак дилетантизма); он, правда, зафиксирован в кличках животных, где указывали на очень похожий пример: *Кабась* — *Баська* (подзыв свины); но, разумеется, он оставался в пределах одного языка.

Примеры, в том числе приведенные выше, также показывают, что у детей связываются не слова как лексические единицы и тем более не корни, а целые словоформы. В примере: *Востокова* — *выстукивала* связаны были именно данные словоформы, и значимо было в обоих словах конечное *а*. Слова могут быть в их основной форме, но и это не обязательно, особенно в глаголе, что показывают примеры. Другая особенность: важно, чтобы у слов были сходные по звучанию части, а что значит остаток, неизвестно и неинтересно. Обе эти особенности сохраняются и в народных этимологиях взрослых.

В морфологии существуют два подхода, которые иногда называют моделями «слово — парадигма» и «морфема — слово» [Робинс 1967/2010: 48]. В первой слово не делится на значимые части, грамматические процессы рассматриваются как изменение всего слова, а грамматическое значение (как и лексическое) приписывается слову в целом; эта модель господствовала в античной науке, а ее реликты сохраняются в русистике, где могут и сейчас

от восходящей к античности традиции структурная лингвистика, особенно дескриптивная, более всего ориентируется на «агглютинативный идеал» [Плунгян 2000: 71–72]. Вряд ли это объясняется привычкой работать с агглютинативными языками; просто «системоцентрическая», по выражению Е. В. Рахилиной [Рахилина 1989], наука считает (сознательно или бессознательно) нормой то, что наиболее регулярно. Сейчас заметно стремление считать идеалом структуру английского языка, в результате чего морфология (кроме разве что образования неправильных форм) поглощается синтаксисом.

писать о «неразрывности» грамматического и лексического значения в слове. Модель «морфема — слово» исходит из членения слова на основу и аффиксы, находя грамматическое значение лишь у последних; она появилась в Европе уже в Новое время и в XX в. преобладала. Уже не раз отмечалось, что модель «слово — парадигма» психологически адекватнее, по крайней мере, для носителей русского языка; см., например, [Головастиков 1980]. Приведенные примеры скорее говорят в пользу этого.

Семантика играет подчиненную роль. Она может подкреплять ассоциацию, как в случае с врачом Востоковой, но может и не присутствовать, как в других примерах. Чем похожа неграмотная женщина на ученого-физика, кроме звукового сходства ее имени с названием науки? Однако отсутствие явной семантической связи слов может создавать дискомфорт, поэтому дети этого возраста склонны к описанным у Чуковского «словесным бунтам»: *Почему тополь, если он не топает?* Ясно, что ребенок сначала освоил глагол *топать*, а узнав слово *тополь*, хотел бы, чтобы его семантика была в привычных рамках.

Любое звуковое сходство, даже то, где ребенку всё вроде бы понятно, может вызывать самые неожиданные ассоциации. Прочитав стихи под названием «Я и дом», ребенок вдруг обнаруживает, что слова *я* и *дом*, приставленные друг к другу, дают слово *ядом* (характерно, что и здесь фигурирует одна из словоформ), что приводит к разным ассоциативным «открытиям». Отсюда уже не так далеко от представлений о языковой магии и силе слова.

Воспринимая то или иное целое высказывание на слух, ребенок осознанно или чаще неосознанно подверстывает его к своим привычкам, слыша то, что он хочет слышать. Вот пример из книги Р. О. Шор, относящийся, по-видимому, к ребенку: строка из «Интернационала» *Воспрянет род людской* была услышана как *Воз прыни(ков) в рот людской* [Шор 1926/2009: 57]. Даже помимо не так расшифрованной омофонии, слушающий не воспринял (или оценил как *к*) конечный согласный в слове *воспрянет* и домыслил отсутствующий предлог *в*.

Хотя К. И. Чуковский считал, что к пяти годам такое обращение с языком обычно проходит, но оно может остаться еще на некоторое, иногда долгое, время, подвергаясь модификации после обучения грамоте: с этого времени ребенку, а затем взросло-

му «основной единицей речи обычно представляется графическое слово» [Шор 1926/2009: 56]. В примере с кабошьенами ребенок уже знал, как пишется слово *башка*, и понял, что предводитель восстания должен был бы именоваться *Кабаши*, но, видимо, его соратники были не очень грамотны. При этом он не осознал ни редкости данного способа словообразования, ни того, что средневековые французы не знали современного русского языка.

Родной (или не родной, но хорошо знакомый) язык кажется, как отмечала еще Р. О. Шор, единственной естественной формой выражения, что свойственно и детям, и авторам народных этимологий. Встретившись с топонимом *Уч-Курган*, ребенку представляется странная для него ситуация обучения кургана², а происхождение фамилии *Конгрив* ему очевидно (у коня есть грива), и его не смущает, что она английская. Но нет разницы между такой детской рефлексией и построениями взрослых авторов вроде *этруски — это русские* или (Н. Я. Марр) *сумерки — шумеры*. Владение несколькими языками здесь принципиально ничего не меняет, разве что ассоциации могут идти более чем от одного языка и становиться богаче. Типичные примеры — А. Т. Фоменко, знающий русский и английский языки, и полиглот Н. Я. Марр. Но то же может быть и у двуязычного ребенка.

Рефлексией может сопровождаться и освоение сложных грамматических правил своего языка. По-видимому, полностью синтаксис усваивается лишь в школьном возрасте. Вот примеры синтаксической рефлексии у ребенка 6–7 лет.

Оказывалась не совсем понятной песенная строка: *Горят огни победы над страной*. Возникал вопрос: победы над какой страной? В другой песне были строки: *Наш оркестр играет лихо для своих ребят*; он воспринимался как: *Наш оркестр играет «Лихо» для своих ребят* (*лихо* понято здесь как сказочный персонаж, о котором идет речь в воображаемом произведении). Наконец, ощущалась двусмысленность строки из стихотворения какого-то поэта: *Педагог в руках с указкой*; получалось, что кто-то держит в руках одновременно указку и педагога.

---

² Случайно одна из этих этимологий верна: вторая часть действительно родственна русскому *курган*, тогда как *уч* в ряде тюркских языков значит ‘три’. Но это, конечно, чистая случайность.

Такие примеры показывают, что в этом возрасте порядок слов в русском языке представляется более строгим, чем на самом деле, по крайней мере, в случае устойчивых синтаксических конструкций. Словосочетание *победа над* предполагает, что вслед за предлогом идет наименование побежденного. Слово *оркестр* снимает неоднозначность глагола *играть*, но обычно, если непосредственно после данного глагола в данном значении идет существительное в винительном падеже, то это название исполняемого. Фраза с педагогом двусмысленна, причем при данном порядке слов ее наиболее естественное понимание как раз не то, которое имел в виду автор.

Во всех случаях ребенок ориентируется на наиболее стандартные синтаксические отношения в предложении, которые либо ведут к семантической аномалии (первый и третий примеры), либо к иному осмыслению предложения (второй пример). Везде авторы текстов используют грамматически допустимый, но отличающийся от базового порядок слов. Его восприятие при недостаточно отлаженном синтаксическом механизме вызывает затруднения. В примере с учителем предложение со значением, задуманным автором, вообще стоит на грани правильности, но не замеченное взрослым автором другое прочтение сразу было понятно ребенку.

Хорошо известно и отмечалось многими исследователями большое значение роли порядка слов в русском языке и при афазиях [Спивак 1980: 146], и в детской речи. Пока не освоено словоизменение, ребенок исходит из грамматической роли порядка слов. Русские дети (как и американские) на некоторых этапах развития не в состоянии правильно воспринять предложения с порядком «прямое дополнение + сказуемое + подлежащее»; они воспринимаются как предложения с более обычным для такого языка со свободным порядком слов, как русский, порядком «подлежащее + сказуемое + прямое дополнение» [Лурия, Юдович 1956: 59]. Лишь после обучения дети могут ощутить неправильность фразы: *Я кушал конфетками* [Лурия, Юдович 1956: 89]. В данном случае речь шла о ребенке, уже полностью овладевшем склонением и спряжением; влияние порядка слов здесь скорее связано с недостаточным освоением нестандартных возможностей русского словопорядка. Интуитивно ребенку всё еще хочет-

ся считать, что рядом стоящие слова должны быть синтаксически связаны (положение, являющееся аксиомой для англоязычной лингвистики, что отражено в грамматике составляющих). Но *победа над страной* — семантически странное сочетание, а догадаться, что *победа* и *над* синтаксически не связаны, не так легко.

Разумеется, рассуждения ребенка, помимо недостаточного владения языком, отражают и недостаточный уровень знаний о мире. Взрослый, как бы дилетантски он ни этимологизировал, вряд ли придумает, что кто-то получил фамилию в награду за то, что хорошо стелил постель. Но ребенку хочется проинтерпретировать любые примеры на основе того ограниченного запаса знаний, который он имеет.

Народные этимологии, видимо, естественны для детей в определённом возрасте, но люди, склонные к рефлексии, могут сохранять такие склонности значительно дольше, особенно если они связываются с дополнительными обстоятельствами вроде стремления «доказать» значимость или древность своего народа или своего рода. Они могут обогащать поэзию, но нельзя их смешивать с научным анализом. А ребенку языковая рефлексия необходима для полноценного познания мира.

Литература

- Головастикова 1980 — А. Н. Головастикова. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980 г.). М., Наука, 1980. С. 41–45. [A. N. Golovastikova. K probleme psikhologicheskoi adekvatnosti modelei russkogo slovoizmeneniia [On the issue of psychological adequacy of Russian inflection] // Tezisy rabocheho soveshchaniia po morfeme (noiabr' 1980 g.) [Abstracts of the workshop on morpheme (november 1980)]. М., Nauka, 1980. P. 41–45].
- Крушевский 1998 — Н. В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. [N. V. Krushevskii. Izbrannye raboty po iazykoznaniiu [Selected works in linguistics]. М.: Nasledie, 1998].
- Лурия, Юдович 1956 — А. Р. Лурия, Ф. Я. Юдович. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М.: АПН РСФСР, 1956. [A. R. Luriiia, F. Ia. Iudovich. Rech' i razvitie psikhicheskikh protsessov u rebenka [Speech and psychological processes development in children]. М.: APN RSFSR, 1956].
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [V. A. Plungian. Obschchaia

- morfologiia. Vvedenie v problematiku. [General morphology. An introduction]. М.: Editorial URSS, 2000].
- Рахилина 1989 — Е. В. Рахилина. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. М.: Наука, 1989. С. 46–51. [E. V. Rakhilina. O kontseptual'nom analize v leksikografii A. Vezhbitskoi [On conceptual analysis in A. Wierzbicka's lexicography]. Iazyk i kognitivnaia deiatel'nost' [Language and cognitive activity]. М.: Nauka, 1989. P. 46–51].
- Робинс 2010 — Р. Х. Робинс. Краткая история языкознания. М.: Высшая школа, 2010. [R. Kh. Robins. Kratkaia istoriia iazykoznaniiia [A short history of linguistics]. М.: Vysshaia shkola, 2010].
- Спивак 1986 — Д. Л. Спивак. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986. [D. L. Spivak. Lingvistika izmenennykh sostoianii soznaniia [The linguistics of altered states of consciousness]. L.: Nauka, 1986].
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. [S. N. Tseitlin. Ocherki po slovoobrazovaniiu i formoobrazovaniiu v detskoj rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. М.: Znak, 2009].
- Чуковский 1968 — К. И. Чуковский. От двух до пяти. Живой как жизнь. М.: Детская литература, 1968. [K. I. Chukovskii. Ot dvukh do piati. Zhivoi kak zhizn' [From two to five. As alive as life itself]. М.: Detskaia literatura, 1968].
- Шор 1926/2009 — Р. О. Шор. Язык и общество. М.: Работник просвещения, 1926; изд. 3-е, М.: Libroком, 2009. [R. O. Shor. Iazyk i obshchestvo [Language and society]. М.: Rabotnik prosveshcheniia, 1926; izd. 3-e, М.: Librokom, 2009].

М. А. Еливанова, В. А. Семушина

*РГПУ им. А. И. Герцена, Институт иностранных языков,
Санкт-Петербург*

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ОЦЕНКА В РЕЧЕВОМ И КОММУНИКАТИВНОМ РАЗВИТИИ РЕБЕНКА

1. Введение

Эмоциональная сфера являлась и является предметом изучения психологии и физиологии, психофизиологии. Ей посвящены исследования известных отечественных ученых П. К. Анохина, С. Л. Рубинштейна и др. Однако во второй половине XX века интерес к этому объекту возник и у лингвистов (В. И. Шаховский [1990; 2004], Н. А. Багдасарова [2009] и др.).

Целью настоящего небольшого исследования является описание взаимосвязи эмоций ребенка как психофизиологического феномена и отражение их на коммуникативном и речевом развитии. Среди задач исследования выделяется выявление роли эмоций в «запуске» порождения высказываний ребенком как в отдельных коммуникативных актах, так и в онтогенезе вообще, а также описание влияния эмоционального типа ребенка на становление индивидуальной языковой системы (различных ее уровней).

Работа включена в современную парадигму психолингвистических исследований и содержит как психофизиологическую, так и собственно лингвистическую и паралингвистическую составляющие. Среди отечественных ученых значимый вклад в изучение эмоций внес П. К. Анохин. Он дал следующее определение эмоции: «физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека — от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения» [Анохин 1949]. Биологическое значение эмоции, согласно работам ученого, заключается в том, что организм

в очень короткий срок может оценить, полезно для него внешнее воздействие (в этом случае возникает положительная эмоция) или вредно (возникает отрицательная эмоция). Биологическая теория П. К. Анохина остается, на наш взгляд, актуальной и в наши дни. Суть этой теории заключается в связи возникновения эмоций с потребностями. Само возникновение потребности уже сопровождается состоянием напряжения, ожидания, беспокойства, которые можно отнести к сфере отрицательных эмоций). Неудовлетворение потребности выливается в состояние гнева, расстройства, страха, разочарования. Удовлетворение же создает положительное эмоциональное состояние.

На наш взгляд, само порождение речевого высказывания вызвано необходимостью удовлетворить потребность. Порождение высказываний, как отмечают специалисты в области психолингвистики, начинается с внешнего по отношению к речевым и языковым механизмам мотива. Мотив же диктуется потребностью. Например, витальной – стремлением удовлетворить голод. Взрослый в этом случае может сказать о своем состоянии, маленький ребенок будет плакать, кричать, движения его станут резкими — все эти признаки свидетельствуют об отрицательном эмоциональном состоянии, которое окружающие попытаются снять, утолив голод (как варианты: сняв боль, обеспечив комфортное состояние кожным покровам). Потребность может быть и социальной (сама необходимость общения), и идеальной (потребность в саморазвитии, накоплении знаний, определении собственной картины мира). Л. С. Рубинштейн, который также отмечал глубокую связь потребностей и эмоций, выделил в иерархии эмоциональной сферы 3 уровня, которые в целом соотносятся с человеческими потребностями:

«1) элементарные чувствования как проявления органической аффективной чувствительности, играющие у человека подчиненную роль общего эмоционального фона, окраски, тона или же компонента более сложных чувств; 2) разнообразные предметные чувства в виде специфических эмоциональных процессов и состояний; 3) обобщенные мировоззренческие чувства; все они образуют основные проявления эмоциональной сферы, органически включенной в жизнь личности» [Рубинштейн 1940/1999: 579].

В качестве частного примера, подтверждающего тесную связь эмоции, мотива высказывания и потребности приведем си-

туацию, о которой слышали от бабушки ребенка с синдромом РДА (раннего детского аутизма — заболевания, которое связано с нарушением эмоциональной сферы). До трех лет мальчик не говорил, по свидетельству бабушки, совсем: в его активном лексиконе не было даже слов «папа» и «мама», «дай». Однако в возрасте около трех лет он гулял с бабушкой, попал в очень глубокую лужу (провалился по колено в воду) и стал кричать: «Бабушка, скорее вытщи!» Первое высказывание ребенка было многокомпонентным и включало обращение. Итак, эмоция страха, которая является предупреждением организма об опасности, спровоцировала порождение речевого высказывания.

Ранее (см. [Еливанова 2015]) мы рассматривали соотношение таких важных для изучения эмоций понятий, как эмоциональное состояние человека и выражение эмоционального состояния. Специалист по физиологии ВНД и психофизиологии А. С. Батуев в своих работах [Батуев 2002] и устных выступлениях (лекции 2001 года) отмечал, что эти понятия следует различать. Взрослый человек может быть сдержан в выражении эмоций или демонстрировать те эмоции, которые он в данный момент не испытывает. У маленького же ребенка эти две области невозможно разделить.

2. Эмоциональный аспект процесса коммуникации

Коммуникация предполагает установление контакта, обмен информацией и эмоциями. Именно эти аспекты коммуникации выделила Н. И. Лепская [1997]. Процесс становления коммуникации достаточно длительный. Общение взрослого и ребенка первого года жизни, а также детей раннего возраста существенно отличается от общения взрослых людей (см., например, работы В. В. Казаковской [2006; 2011]).

Свидетельством нормального состояния ребенка в момент рождения является вокализация крика. Наряду с двигательной активностью, цветом кожных покровов, изменением частоты пульса, крик является важным критерием оценки состояния новорожденного по шкале Апгара. Однако в момент рождения крик и плач не являются еще средством общения. Они приобретают коммуникативную функцию, когда ребенок целенаправленно начинает использовать их, чтобы призвать взрослого утешить себя, накормить, помочь устранить дискомфорт. На наш взгляд, пере-

ход крика и плача в разряд средств коммуникации не имеет четкой границы. А вот появление адресной улыбки, несомненно, является показателем того, что коммуникация состоялась.

В одной из предыдущих работ [Еливанова 2015] мы отмечали, что для ребенка в грудном возрасте появление положительных эмоций по отношению к окружающим становится обязательной предпосылкой к становлению фатического (установление и поддержание контакта) аспекта коммуникации. В течение всего раннего возраста именно эмоциональный и фатический аспекты являются ведущими [Лепская 1997; Цейтлин 2000]. Хотя позже они становятся «фоном», уступая место информационному аспекту, но и во взрослом возрасте непременно реализуется потребность выразить субъективное эмоциональное состояние. Знаковое выражение эмоций, те объекты, явления и факторы окружающего мира, которые его вызывают, отражают внутренний духовный мир человека, систему его ценностей, его характер. Такое видение ситуации побудило В. И. Шаховского выделить в числе частных функций языка эмотивную [1990].

Реализация потребности выразить эмоциональное состояние и описать доступными способами вызвавшие его обстоятельства, на наш взгляд, является важнейшим фактором речевого развития.

3. Средства выражения эмоционального состояния

Наши эмоциональные реакции регулируются (и это хорошо известно и является общепризнанным фактом в естественных науках) на уровне вегетативной нервной системы, подкорки (лимбическая система, включающая гипоталамус, гиппокамп и миндалевидное тело) и коры головного мозга. Выражения эмоционального состояния человека весьма разнообразны. Одни из них не поддаются волевой регуляции человека — реакции вегетативной нервной системы (изменение пульса, возникновение «мурашек», «гусиной кожи» и т. п.), другие человек, как правило, в состоянии контролировать (двигательные, речевые реакции)¹.

---

¹ Об объединении разного типа эмоциональных реакций в своеобразные «аффективные комплексы» писал А. Р. Лурия. Исследуя «аффективные следы преступления», ученый предопределил появление «детекторов лжи», как пишут те, кто изучал научное наследие А. Р. Лурии.

Для окружающих эмоциональное состояние человека заметно по состоянию кожных покровов (бледнеют они или краснеют, некоторые люди при сильном волнении покрываются пятнами, «гусиной кожей»), характеру движений (плавные или резкие), мимике и жестам.

Выражение эмоционального состояния невербальными средствами носителями разных культур может существенно различаться (см., например, [Children's understanding of emotion 1989]). Приведем пример из собственной практики. Мы сопровождали по Санкт-Петербургу иранцев, приехавших в город на несколько дней. Первые несколько часов наших совместных прогулок по городу не отличались расслабленным состоянием. Но когда мы адаптировались друг к другу и установился личный контакт, то наши подопечные, хорошо говорившие и понимавшие по-английски (английский был языком общения), показывая радость от понятой шутки, а позже и просто проявляя хорошее расположение духа, хватали нас за плечи и начинали трясти, при этом улыбаясь и издавая радостные вокализации (возможно, междометия родного языка). Выяснилось, что так принято выражать удовлетворение от общения на родине наших гостей. Для нас, носителей более сдержанной культуры общения, такое поведение было очень непривычным.

К речевым/языковым средствам выражения эмоционального состояния в русском языке можно отнести следующие:

- 1) интонацию;
- 2) лексико-семантические средства: довольно большой пласт лексики в современном русском языке считается эмоционально окрашенным, или оценочным (*лапушка*, *дура*, *придурак*, *корова* (в переносном значении — «полная девочка»), *овца* (в переносном значении — «глупая, недалекая»), *дрыхнет*);
- 3) семантико-грамматические (морфемные) средства: некоторые суффиксы создают положительную эмоциональную окраску (уменьшительно-ласкательные: *солнышко*, *доченька*, *Ниночка*), другие — отрицательную (уничижительные: *Нинка*, *умишко*);
- 4) лексико-грамматические средства: некоторые глаголы (*бояться*, *злиться*, *гневаться*, *радоваться*) и имена прилагательные (*зол*, *рад*, *счастлив* и т. п.) характеризуют эмоциональное состояние; оценочные прилагательные, на наш взгляд, также указывают на эмоции, которые вызывает характеризуемый предмет

(хороший, плохой, красивый, уродливый, сильный, умный и т. п.); непосредственное отношение к выражению эмоций имеют слова категории состояния (*хорошо, весело, грустно* и т. п.); называют, описывают эмоции и абстрактные существительные, которые практически не встречаются в речи детей (*злость, гнев, ярость, боязнь, радость*);

5) междометия.

4. Материал исследования

Исследование базируется на материале речи и поведения троих детей: Ильи (0–7,7), Андрея (0–4,6) и Нины (0–3,3). За их развитием и становлением речи мы имели возможность наблюдать с момента рождения по сей день. Илья и Андрей — родные братья, Нина — их двоюродная сестра по материнской линии. Приведенные в работе примеры зафиксированы во «включенном наблюдении».

5. Выражение эмоций и развитие их восприятия в дословесный период коммуникации

Дословесный этап коммуникации складывался у наших детей соответственно тому, что описано в научной литературе (Е. Н. Винарская, Е. И. Исенина и др.). Однако комплекс оживления у всех троих пришелся на возраст приблизительно 1–1,5 месяцев: в этот период уже наблюдалась устойчивая улыбка, адресованная маме (или папе, тете), и оживленные движения в ее присутствии.

В период дословесной коммуникации ребенок учится дифференцировать эмоции взрослого, ориентируясь на форму их выражения и на ситуацию в целом, поскольку именно ситуация создает предпосылки для появления и проявления одной эмоции и не создает соответствующих предпосылок для другой². Он также ориентируется на форму выражения эмоций окружающих людей, отчасти имитирует ее.

Нужно отметить, что ребенок грудного возраста не может моделировать сознание («theory of mind»), ощущения окружа-

---

² О важности ситуации и ее элементов в постижении окружающего мира на ранних этапах онтогенеза писала, например, М. М. Кольцова.

ющих людей и испытываемые ими эмоции. Так, Илья в возрасте 8–9 мес., вставая на ножки, «оперся» рукой на глаз лежавшего рядом папы. У папы, естественно, появилась мимика неудовольствия и вокализации, характерные при болевых ощущениях. Илья на папу смотрел с любопытством, сам руку не убрал, хотя рядом были потенциальные опоры³.

При этом сам ребенок может испытывать и выражать (интонационно, мимикой, характерными движениями тела, позже — жестами) как положительные, так и отрицательные эмоции. Нужно отметить, что характер вокализаций позволяет говорить о том, что отрицательные эмоции, связанные с неудовлетворенностью витальных, а позже и социальных потребностей, дифференцируются быстрее положительных.

Из интересных индивидуальных фактов отметим, что в возрасте 4-х месяцев и старше Илья эмоционально отрицательно реагировал на речь иностранцев (друга отца и друга бабушки, оба немцы): ребенок плакал и отворачивался от взрослого, хотя к нему были обращены слова с мягкой, нежной интонацией («Mein Kindchen...»); заметим, что ребенок при этом был на руках у мамы во всех трех отмеченных случаях).

6. Выражение эмоций и развитие их восприятия на речевом этапе

Порождение первых «текстов» Андреем и Ниной (самостоятельных монологов, описывающих ситуацию) было сопряжено с сильными переживаниями.

Ситуация: Нина (1;5) стоит на ногах не очень твердо. Бежала и упала. Бабушка, услышав, что девочка плачет, бросилась ей на помощь, но сама запнулась и упала на глазах у внучки, долгое время не вставала — сидела. Нина, когда увидела, что бабушка падает, сразу перестала плакать. Чтобы развлечь бабушку, играла с ней в мячик, несколько раз пробовала поднять. Потом в течение нескольких дней описывала ситуацию так: *Баба бах* (ладошки ставит на пол). *Баба sea sea...* («села, села»; повторение, очевидно, обозначало длительность действия). *Нини и-и-и* (показывает,

---

³ О том, как ребенок учится моделировать сознание своего партнера по коммуникации, см. ниже.

как пыталась поднять бабушку, тянет руки вверх). *Баба sea...* Ситуацию описывала эмоционально, активно используя описательные жесты.

Эта ситуация катализовала лексический взрыв.

Инициирование диалогов Ильей часто также было связано с эмоциональными переживаниями. Однако он из поздноговорящих детей, ему необходим был партнер, чтобы описать ситуацию.

Илья (3;1) попал мячиком тете (которую он в силу артикуляционных особенностей называл *Вася*, самостоятельно заменив этим наименованием предлагаемое ему «тетя Маша») рядом с глазом, на что реакцией было рефлекторное слезотечение (удар оказался довольно сильным). Тетя ушла на кухню, а Илья забился в угол дивана и плакал. Тетя вернулась, чтобы помириться. Илья бросился к ней на шею и разревелся. Вечером, ложась спать, он оценивает события прошедшего дня:

Илья: *Я Вася* (легкий хлопок по щеке тети, имитирующий удар мячика). *Вася пакау, пакау.*

Тетя: *А почему тетя Маша плакала?*

Илья: *Боно... Я пакау плакау.*

Тетя: *А почему Илюша плакал?*

Илья: *Сидно (стыдно).*

Этот эпизод ребенок продолжал рассказывать в течение десяти дней, пока его эмоции, очевидно, не потеряли прежнюю яркость. Диалог продемонстрировал знание Ильей лексем со значением эмоций, о чем его родные не догадывались.

В предыдущем параграфе мы писали, что отрицательные эмоциональные вокализации на дословесном этапе более разнообразны, чем положительные. Ситуации, которые вызывали у детей дискомфорт на уровне восприятия и сопровождались отрицательным эмоциональным состоянием, получали и речевое выражение раньше, чем те, которые не вызывали дискомфорта. Это обстоятельство отчасти определяло состав лексикона. Например, у всех троих детей раньше появились слова *горячий*, *мокрый*, позже — *теплый*, *сухой*. В период начального лексикона фиксировалось слово *опасно*.

Очевидно, те рассказы взрослых, которые вызывают у детей страх, удивление, подлежат обязательному обсуждению в диалогах и детальному повторению. Например, Андрей (3;2) ки-

дал в лицо Илье снежками или льдинками. Тете пришлось рассказать Андрею о мальчике с поврежденным глазом, живущем в соседнем дворе. У мальчика вытек глаз оттого, что в снежке, который в него кинули, был осколок стекла. Андрей обсуждал этот эпизод и с тетей, и с мамой, и с Ильей.

Арсенал осознаваемых эмоциональных состояний постепенно накапливается, обозначение их вербальными средствами и словесное и поведенческое выражение эмоций усложняется. К трем годам ребенок оперирует всем спектром речевых средств выражения эмоций, описанных нами в параграфе «Средства выражения эмоционального состояния»: интонация, эмотивная лексика (*глупышка, дурачок*), оценочные суффиксы (*братики, Андрюшечка (любимый), Васька, тетя Лерка*), лексико-грамматические средства, среди которых преобладают глагольные лексемы (*люблю, нравится, не нравится, испугалась, боюсь, удивилась, злюсь, стыдно, довольна, приятно, неприятно*). Все приведенные примеры взяты из речи Нины. Она практически не использует междометия.

Междометия есть в речи Андрея. Довольно часто и до трехлетнего возраста, и теперь (4;6) он использует выражение *ежкин кот* (но не в ситуации досады, а в ситуации, когда испытывает сильную эмоцию, например, удивление), *ух ты, ой* (когда сделал что-то запрещенное, например, толкнул младшую сестру, а она заплакала). Возможно, относительно высокая частотность междометий в речи Андрея является свидетельством эмоциональности его личности.

Приведем еще несколько примеров использования Андреем эмоционально насыщенной лексики.

Андрей (4;3) ест горячий бутерброд (хлеб немного подогрел): *«Сырок очень прекрасный, а хлебушек не очень прекрасный»*.

Андрей (4;3): *Какие потрясающие перчатки!* (Перчатки любимого оранжевого цвета.)

Андрей (4;6): *Ух ты! Вася, какая ты молодец, что купила скейтборд!*

Если младшие дети еще не выражают досаду, то Илья это делает довольно часто. Средством выражения досады является междометие *блин/блина*.

В монологах ребенка и диалогах с ним легко обнаружить, как он оценивает эмоции взрослого.

Нина (3;1) балуется с Рубеном (4;11; двоюродный брат Ильи и Андрея по отцовской линии, живет в Англии, приехал в Россию к бабушке), учит его «нехорошим словам» («табуированная лексика» — название частей тела). Взрослые пробуют ее остановить, но Нине и Рубену очень весело. За Рубеном пришла бабушка. Услышав, что дети выкрикивают, сначала улыбнулась (усмехнулась — ей было неудобно), потом нахмурилась. Рубен и его бабушка ушли.

Мама: *Нина, нельзя говорить плохие слова, тем более — учить им Рубика.*

Нина: *Почему?*

Мама: *Ну хотя бы потому, что Ольга Васильевна скажет, что ты плохая девочка, плохо делаешь.*

Нина: *Но, Вася, она же улыбнулась.*

Мама: *И что?*

Нина: *Значит, она одобряет.*

Из описанной ситуации понятно, что ребенок оценивает значение улыбки как эмоционально положительное выражение, не осознает многозначности мимических знаков.

7. Эмоции и языковая личность

Наряду с эмоциями, которые определяются сиюминутными потребностями, у человека формируются эмоции как относительно постоянное чувство удовольствия/неудовольствия, радости/отвращения, удовлетворенности/неудовлетворенности, которое он испытывает в связи с каким-то предметом, лицом, суждением. С. Л. Рубинштейн [1999] считал, что это чувство тоже формируется на основе потребностей, но определяется осознанием зависимости удовлетворения (или неудовлетворения) потребностей от данного предмета или лица.

Эти постоянные эмоции в конечном итоге связаны, на наш взгляд, с формированием системы ценностей (которые могут меняться в связи с опытом, с жизненными ситуациями, с возрастом и т. п.). А система ценностей является той базой, которая многое говорит о личности человека.

Определенная система ценностей и жизненные ориентиры складываются у маленького человека и в связи с его биологической сущностью, и в связи с воспитанием, с социальными влия-

ниями. Даже у ребенка, не достигшего трехлетнего возраста, система ценностей присутствует, и очевидной она становится из его высказываний. В качестве примера приведем полилог с участием троих наших детей.

Мама: *Илья сильный.*

Андрей (2,11): *Это я синий, а Июфа умный. (Это я сильный, а Илюша умный.)*

Илья (6,0): *Да, я умный. И сильный.*

Нина (1,9): *А я касивая. (А я красивая.)*

Интересно, что Илья и Нина любят, когда их хвалят, а Андрей относится к этому более безразлично. Более того, Андрей может пресекать попытки высказывания ему похвалы или благодарности: Андрей (4,5) уступил Нине место (хотя сам очень хотел сидеть именно там). В ответ на реплику тети: «*Ой, Андрюша, спасибо тебе большое!*», — слышим (явно напряженно): «*Не спасибо!*».

Илья и Андрей стремятся к первенству, а Нина, спокойно прыгая за братьями, комментирует: «*А я втаая (или тетия) (вторая/третья).*»

Нина более чувствительна, чем братья, к реакциям ближайшего окружения. Она интересуется эмоциями мамы, тети, братьев. Жалеет и обнимает, если понимает, что собеседнику может быть плохо. Например, Нина (2,3) ударила маму, та закрыла лицо.

Нина (стараясь раздвинуть своими ручками руки матери): *Вася, ты астаися? (Вася, ты расстраиваешься?)*

Мама: *Угу.*

Нина: *Ты астаися, тому то тебе боня? (Ты расстраиваешься потому, что тебе больно?)*

Нина: *Не астаися! (Не расстраивайся!).*

Согласно данным зарубежных исследований, понимать, что и как чувствует другой человек, ребенок начинает ближе к 6–7 годам (см., например [Children's understanding of emotion 1989: 13]). Однако Нина к 3-м годам неплохо моделирует видение ситуации (и, соответственно, эмоции, вызываемые ею) другим человеком. Она стремится предупредить и появление отрицательных эмоций по отношению к любимому брату Андрею: мама обнаруживает у Нины (2;11) крупный синяк на ноге.

Мама: *Это Андрей тебе синяк поставил?*

Нина: *Ну, нет. Он сам как-то появился.*

Девочка стремится делиться с братьями тем вкусным, что у нее есть. Даже если этому предшествует ситуация, когда Андрей пожадничал и не дал ей конфету или пирожное.

Мама: *Нина, Андрей же с тобой не поделился. Ты можешь не давать ему свои конфетки.*

Нина (3, 2): *Вася, но Андрюша же будет расстраиваться.*

Если Нина чувствует, что эмоциональная обстановка накалена (братья балуются или дерутся, мама или тетя начинают от этого раздражаться), то она ведет себя очень покладисто: обнимает, гладит взрослого, приговаривая: *«Не расстраивайся. Все хорошо».*

Андрей тоже хорошо понимает, какие эмоции может вызывать его поведение у окружающих. Илье моделировать сознание окружающих людей удастся хуже, чем сестре и брату. Но у него намного лучше развита эмоция познавательного интереса.

Андрей отличается от брата и сестры очень высоким уровнем самоконтроля. Уже в 3 года он мог сдерживать (если это было необходимо) проявление грусти, разочарования. Например, в первые несколько недель посещения детского сада Андрей, как все дети, испытывал острую тоску, скучал, особенно по маме. При расставании с мамой в вестибюле, перед входом в группу, губы его дрожали, глаза увлажнились, но он говорил: *«Иди, на работу опоздаешь»*, — и разворачивал ее к себе спиной. Тон его при этом был достаточно спокойным, лексика — нейтральной. В ситуациях, не требующих контроля над собой, Андрей проявляет себя как очень эмоциональная личность: на окружающих и маленьких, и взрослых (особенно на маму) он может обрушить и свой гнев, проявления агрессии, и свою страстную любовь. В отсутствие мамы Андрей часто спрашивает о ней: *«Ну где моя любимая?»*

Андрей часто описывает свое отношение к детям из группы детского сада. О Федоре и Семене он говорит: *«Этот противный Семен...»*, *«Гадкий Федор...»*. Зато отношение его к другу Игорю исключительно трепетное: *«Я ценю Игоря. Я дорожу его».*

Для Ильи характерно, что своим отношением, выраженным вербально, он боится обидеть близких людей. На вопрос, кого он больше любит — маму или тетю, Илья всегда отвечает, что одинаково. На вопрос, нравится ли ему его одноклассник или одно-

классница, он отвечает или утвердительно, или *«не совсем»*. Негативно окрашенной лексики Илья практически не использует.

Нужно отметить, что одна и та же эмоция может быть сопряжена с совершенно разными ее выражениями. Так, например, страх, боязнь у Ильи и Нины часто сковывает движения (они замирают), они могут закрыть лицо или голову руками и бездействуют. Когда первая реакция подходит к завершению, Илья и Нина могут заплакать, если эмоция была достаточно сильной.

Андрей же реагирует на угрозу активно. Он стремится ударить объект, вызвавший страх, повредить его. Использует в отношении этого объекта интонацию угрозы. Еще на стадии позднего лепета, когда к Андрею была обращена шуточно-агрессивная речь двоюродного деда (*«Ах ты хулиган, я тебя сейчас...»*), Андрей дал достойный отпор: интонация его лепета выражала угрозу и не отличалась робостью. Если испытываемый испуг сильный и объект вызывает страх, то мальчик может сначала прятаться, потом взять себя в руки, одновременно давать отпор и плакать.

У его двоюродного брата Рубена иногда в мимике наблюдается парадоксальное выражение эмоции страха: испугавшись, он начинает улыбаться.

Таким образом, вербальное и невербальное обозначение эмоционального состояния ребенка многое говорит об особенностях его личности.

8. Эмоциональный тип и развитие языка

Приведенные выше примеры и комментарии к ним, несомненно, свидетельствуют о том, что эмоциональная сфера играет огромную роль в установлении и поддержании коммуникации, часто «запуская» этот процесс. Однако, на наш взгляд, есть и определенная корреляция эмоционального типа ребенка и развития его языка (структурно-языкового компонента коммуникации).

Более восприимчивые к чужим эмоциям Андрей и Нина начали раньше говорить и демонстрировали скорее референциальную стратегию освоения языка, а менее восприимчивый Илья относится к поздноговорящим детям и демонстрировал скорее экспрессивную стратегию. Однако эта особенность может оказаться индивидуальной для наших детей.

Лексический компонент языковой системы у всех трех детей развивался по-разному. Так, например, в начальный лексикон

Илья вошел количественные числительные, которые стали появляться вслед за семантической группой терминов родства (*мама, папа*), что было связано с эмоцией познавательного интереса. Освоение им лексикона происходило часто именно семантическими группами: называние чисел, цветов, форм, букв алфавита — то есть он выучивал названия того, что его интересовало как система. Причем иногда Илья в возрасте 3–4 лет предпочитал осваивать лексико-семантическую группу на русском языке, а иногда — на английском, например, самостоятельно подбирая для этого мультфильмы в Интернете. Познавательный интерес как эмоция мотивировала его и в более поздний период языкового развития к изучению реалий и их наименований именно блоками. Так, в период 5;9–5;10 Илья под руководством мамы выучил флаги всех стран, демонстрация флага сопровождалась названием страны и ее столицы (топонимами). В его лексиконе было (и до сих пор остается) немного оценочной лексики, и он фактически не употреблял уменьшительно-ласкательных дериватов типа *мамочка, папочка*.

Андрей и Нина, напротив, склонны к употреблению оценочной лексики, причем разной частеречной природы. Так, Андрей предпочитает выражающие сильные эмоции прилагательные, в которых оценка заложена в корневой морфеме (*гадкий, противный, отличный, потрясающий, отменный*) и междометия (*ух ты, ой-ой-ой, блин, ежskin кот*). Деминутивы Андрей употребляет редко, только в именах существительных (часто — *мамочка*, редко — *Ниночка, папочка*).

Нина междометия употребляет редко, предпочитая оценку, которая создается уменьшительно-ласкательными или уменьшительно-уничижительными суффиксами как в именах прилагательных, так и в существительных (*мамочка, Андрюшечка, розовенький, любименький*). Для Нины характерно также частое употребление слов категории состояния (и, соответственно, безличных предложений): *Так весело! Так тихо, приятно...*

Дети, хорошо понимающие эмоциональное состояние окружающих, способные моделировать реакции окружающих, имеют более разнообразные интонации в речевой продукции и в вокализациях уже на дословесном этапе (т. е. сами воспроизводят супrasegmentные фонетические единицы лучше).

Интересно отметить, что и синтаксические конструкции в речи Андрея и Нины более разнообразны, чем у Ильи, когда он был в аналогичном и более старшем возрасте. Последнее мы также связываем с эмоциональной чувствительностью младших детей. При этом Нина часто заимствует высказывания Андрея, варьируя лексические компоненты. Поскольку Нина более чувствительна, чем братья, к реакциям ближайшего окружения, то в ее речи часто встречаются повествовательные синтаксические конструкции, которые заканчиваются своеобразным приглашением к согласию с нею, сопереживанию, что выражается «хвостовым» словом *да* или *хорошо*: *А вечером бабушка сошьет одеяло для Алены и Ренаты. Хорошо?* (Алена и Рената — куклы Нины). Так же могут строиться и побудительные предложения с императивом в роли грамматической основы. За счет этого *хорошо* достигается определенная мягкость просьб девочки. Нина также часто просьбы и пожелания формулирует в виде вопроса. Безличные предложения с главным членом — словом категории состояния — характерны только для Нины. Андрей выражает свои просьбы более настойчиво, чем брат и сестра. Его побудительные высказывания (особенно в случаях, когда он намерен добиться своего) имеют свою специфику: он употребляет сказуемые в форме не императива, а настоящего времени, что в сочетании с настойчивой интонацией передает жесткое требование:

Тетя: *Ты опять не слушаешься. Не куплю тебе мороженое.*

Андрей (4;6) *Нет, купишь.* (Настойчиво.) *Купишь, я сказал.*

Таким образом, очевидно, что эмоциональный тип ребенка тесно связан с освоением им языковой системы, особенно в области лексики и синтаксиса.

9. Выводы

Итак, эмоции теснейшим образом связаны со сферой потребностей человека, как витальных, так и социальных и идеальных. Они имеют непосредственное отношение к мотиву порождения высказываний. У маленьких детей эмоции нередко «запускают» процесс порождения речи, катализируя лексический взрыв.

В грудном и раннем возрасте эмоциональный аспект коммуникации играет ведущую роль, но затем постепенно приобре-

тает второстепенное значение, роль своеобразного фона коммуникации.

Эмоции ребенок научается распознавать, опираясь на ситуацию, которая и создает предпосылки для проявления эмоций. Состояние человека при этом может проявляться видимыми вегетативными реакциями (изменение цвета кожных покровов, мышечного тонуса, пульса и т. д.), мимикой, характером моторики, вокализациями и их интонацией, собственно речевыми средствами. Для ребенка прагматически важнее обозначить ситуацию дискомфорта, ведущую к отрицательным эмоциям, поэтому отрицательные эмоциональные состояния ребенком дифференцируются лучше, чем эмоционально положительные. Соответственно, средства выражения отрицательных эмоций как на дословесном, так и на речевом этапе более разнообразны, чем средства выражения положительных эмоций.

Мимику, жесты, вербальные средства выражения эмоций ребенок вначале понимает как однозначные. Со временем арсенал средств эмоционального выражения расширяется, а ребенок осознает их многозначность и оттенки значений. С возрастом маленький человек все лучше понимает, что в той или иной ситуации чувствует другой человек, и способен поставить себя на место партнера по коммуникации. Одни дети овладевают этой способностью раньше (уже к 3-м годам), другие — позже (к 6–7 годам).

Эмоциональный тип ребенка связан с его языковым развитием и, начиная с раннего возраста, отражается в лексике, употребляемой в продуктивной речи, интонационных рисунках высказывания (уже на довербальном этапе они могут быть достаточно яркими и совершенно адекватными как ситуации, вызывающей определенную эмоцию, так и характерным для ребенка типичным вербальным реакциям в более взрослом возрасте). Он проявляется и в особенностях синтаксических конструкций: эмоционально чувствительные дети могут быть склонны к употреблению косвенных речевых актов (например, требования и просьбы выражать повествовательной конструкцией, подкрепив ее напряженной, настойчивой интонацией, или вопросительной конструкцией, создающей у собеседника впечатление мягкости).

Литература

- Анохин 1949 — П. К. Анохин. Проблемы нервной деятельности. М.: Просвещение, 1949. [P. K. Anokhin. Problemy nervnoi deiatel'nosti [Issues in nervous activity]. M.: Prosveshchenie, 1949.].
- Багдасарова 2009 — Н. А. Багдасарова. Лексическое выражение эмоций в контексте разных авторов. М.: Академия, 2009. [N. A. Bagdasarova. Leksicheskoe vyrazhenie emotsii v kontekste raznykh avtorov [Lexical expression of emotions in the context of various authors]. M.: Akademiia, 2009].
- Батуев 2002 — А. С. Батуев. Высшая нервная деятельность. СПб.: Лань, 2002. [A. S. Batuev. Vysshiaia nervnaia deiatel'nost' [Higher nervous function]. SPb.: Lan', 2002].
- Еливанова 2015 — М. А. Еливанова. Эмоции как компонент когнитивного развития, их роль в речевом и коммуникативном развитии ребенка: некоторые наблюдения // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции — 2015: материалы международной конференции (18–20 мая 2015 г., Санкт-Петербург). СПб.: [Электронная публикация], 2015. С. 103–109. [M. A. Elivanova. Emotsii kak komponent kognitivnogo razvitiia, ikh rol' v rechevom i kommunikativnom razvitiu rebenka: nekotorye nabludeniiia [Emotions as a component of cognitive development, their role in verba and communicative development of a child' observations] // Problemy ontolingvistiki: mekhanizmy usvoeniia iazyka i stanovlenie rechevoi kompetentsii — 2015: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (18–20 maia 2015 g., Sankt-Peterburg) [Issues in first language acquisition: mechanisms of language acquisition and the formation of speech competence — 2015: working papers of the international conference (May 18–20, 2015, St. Petersburg)]. SPb.: [Online publication], 2015. P. 103–109].
- Казаковская 2006 — В. В. Казаковская. Вопросы-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок»: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2006. [V. V. Kazakovskaia. Voprosy-otvetnye edinstva v dialoge «vzroslyi — rebenok» [Question — answer unities in adult-child dialogue]: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk [synopsis of a Dr. habil. thesis]. SPb., 2006].
- Казаковская 2011 — В. В. Казаковская. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». М.: URSS, 2011. [V. V. Kazakovskaia. Vopros i otvet v dialoge «vzroslyi — rebenok» [A question and an answer in adult-child dialogue]. M.: URSS, 2011].

- Рубинштейн 1999 — С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. [S. L. Rubinshtein. *Osnovy obshchei psikhologii* [Foundations of general psychology]. SPb.: Piter, 1999].
- Лепская 1997 — Н. И. Лепская. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. [N. I. Lepskaja. *Iazyk rebenka (ontogenez rechevoi kommunikatsii)* [Child language (development of verbal communication)]. M.: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1997].
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: учеб. пособие. М.: Владос, 2000. [S. N. Tseitlin. *Iazyk i rebenok. Lingvistika detskoj rechi: ucheb. posobie* [Language and child. A study guide]. M.: Vlados, 2000].
- Шаховский 1990 — В. И. Шаховский. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // В. И. Шаховский (ред.). Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. [V. I. Shakhovskii. *Emotivnaia semantika slova kak kommunikativnaia sushchnost'* [Emotional semantics of a word as a communicative entity] // V. I. Shakhovskii (ed.). *Kommunikativnye aspekty znachenii* [Communicative aspects of meaning]. Volgograd: Volgr. ped. in-t, 1990].
- Шаховский 2004 — В. И. Шаховский. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания ИЯШ 6, 2004. С. 29–33. [V. I. Shakhovskii. *Znachenie i emotivnaia valentnost' edinit' iazyka i rechi* [Meaning and communicative valency of speech and language elements] // *Voprosy iazykoznaniiia IaSh* 6, 2004. P. 29–33].
- Children's understanding of emotion 1989 — Children's understanding of emotion. NY, Cambridge, 1989.

Е. В. Галкина

ИЛИ РАН — ИФ РАН, Санкт-Петербург

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТРАХА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ¹

1. Введение

В современной лингвистике вербализация состояния широко изучается на материале различных литературных текстов и разговорной речи носителей русского языка [Камалова 2009; Матханова 2002; Меньшикова 2007; Цейтлин 1976; Шаховский 1988]. Выделяется ряд типов семантики состояния: психическое, физиологическое, социальное состояния человека, состояние природы и окружающей среды, физическое состояние неодушевленного предмета и др.

Языковые средства выражения психического состояния, интересующие нас в данной работе, могут быть классифицированы в зависимости от раскрываемого содержания «психической жизни» [Левитов 1964; Осипова 2009; Gagarina 2012] и включают описание процессов восприятия (*видеть, слышать*), физиологических состояний (*быть голодным, чувствовать боль, холод*), эмоций (*грустный, счастливый*), ментальных процессов, таких как желание, намерение, мнение (*хотеть, думать, знать*); описание актов говорения (*сказать, назвать*).

Проблема выявления индикаторов эмоционального состояния у детей традиционно изучается в русле когнитивной психологии [Гордеева 1995; Костогладова 2008; Осипова 2009; Прусакова 2004; Сергиенко 2005]. Исследования, касающиеся вербализации эмоций, по большей части, посвящены способности понимать и обсуждать свои или чужие переживания. Появление и возрастная динамика способов выражения (отдельных) эмоций в речи детей, в известной нам литературе, практически не рассмат-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

ривается. В настоящей работе мы подходим к данному вопросу с позиции онтолингвистики.

Цель исследования — изучить освоение способов выражения своего и чужого эмоционального состояния на примере высказываний с семантикой страха (боязни) в речи русскоязычных детей раннего возраста.

1.2. Материал исследования

Материалом послужила речь типично развивающихся детей в возрасте от 9 месяцев до 5 лет:

— опубликованные дневниковые записи речи Жени Г. (1;10–2;6) [Гвоздев 1961], Жени Х. (2;3–4;5) и Льва Х. (2;2–4;6) [Харченко 2012];

— опубликованные записи из фонда лаборатории детской речи РГПУ им. А. И. Герцена [Воейкова, Елисеева 1993; Цейтлин 1997; Цейтлин, Елисеева 1998].

— данные автора исследования: дневниковые записи речи Дениса Г. (0;10–3;6), Маши А. (0;9–2;4) и аудиозаписи (в сумме ~32 ч.); устные рассказы русскоязычных детей 4–5 лет (50 рассказов) по серии картинок (птены, козлята «Baby birds», «Baby Goats» stories [Gagarina 2012]).

В общей сложности проанализировано ~650 высказываний с рассматриваемой семантикой. При обработке материала из анализа исключались случаи явного «цитирования», прямой имитации речи взрослых и множественные повторы высказываний.

2. Состояние страха: особенности, способы выражения и структура эмоциональной ситуации

В словаре Д. Н. Ушакова [Ушаков 1995] страх характеризуется как состояние крайней тревоги и беспокойства от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас.

С точки зрения психологии страх относится к базовым, эволюционно значимым эмоциональным состояниям и характеризуется ярко выраженными физиологическими и поведенческими проявлениями².

---

² Взрослые испытуемые, описывая признаки, по которым легче всего определить ту или иную эмоцию, в случае большинства эмоциональных переживаний отдавали предпочтение лицевой экспрессии,

Р. Плутчик [Plutchik 1980] рассматривает эмоцию страха как средство адаптации, которое играет важную роль для выживания на всех эволюционных уровнях; главная функция страха, по мнению автора, заключается в том, чтобы указать на значение того или иного события для запуска соответствующего поведения, что позволяет организму управлять средой и обеспечивать себе выживание.

Страх может иметь различную природу — он может возникать из ощущения непосредственной опасности, а может быть продиктован предположениями человека о развитии событий в будущем.

Страх может быть рациональным и иррациональным, степень воздействия его различна — от полной потери способности мыслить и действовать до избегания или активного противостояния.

Среди «естественных сигналов опасности» Д. Боулби [Боулби 2003] выделяет четыре фактора — боль, одиночество, внезапное изменение ситуации и стремительное приближение объекта.

В работах различных исследователей ([Изард 1999; Иоанесян 2015а] и др.) описываются такие «возбудители» страха, как привидения, пауки, змеи, другие животные, недостаток пространства, темнота, высота, необычность, неизвестность, неожиданность, агрессия, смерть. Подобные «активаторы», по мнению Е. Р. Иоанесян [Иоанесян 2015а], лежат в основе номинации страха в различных языках.

Согласно М. И. Лазариди [Лазариди 2001], вербализация понятия «страх» строится на материале многих частей речи: прилагательных (*боязливый, пугливый, робкий, несмелый, трусливый*), глаголов (*бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись*), существительных (*страх, боязнь, испуг, ужас, паника*), словах категории состояния (*страшно, боязно*), причастиях (*испуган, уstraшен*).

В данном исследовании мы рассматриваем ситуацию страха согласно предложенной Г. И. Кустовой [Кустова 2004: 313] общей схеме описания эмоциональной ситуации, в состав которой входят следующие компоненты³: ПРИЧИНА, или стимул, вызываю-

---

в то время как для характеристики страха, в первую очередь, прибегали к описанию соответствующих действий [Иоанесян 2015а; Изард 1999].

³ А. Мустайоки отмечает, что кроме состояний «эмоциональные положения дел» могут быть также выражены ОТНОШЕНИЯМИ [Мус-

ший данное состояние; способ воздействия фактора — КОНТАКТ; само СОСТОЯНИЕ; его внешние проявления — РЕАКЦИЯ. На базе состояния возникает отношение к ситуации, ее оценка. В отдельных случаях состояние может не иметь внешних проявлений, или причина его может быть не явной.

Согласно Е. Р. Иоанесян [Иоанесян 2015а: 83], в основе номинации страха могут лежать следующие элементы:

А) Прототипический сценарий страха, который включает:

1) Опасность, негативную ситуацию;

2) Ощущение неконтролируемости ситуации, что может ассоциироваться с физической или моральной слабостью человека, с зависимостью человека от других людей или обстоятельств;

3) Желание субъекта избежать опасной ситуации, которое проявляется:

а) в неконтролируемых поведенческих реакциях на чувство страха (бегство, попытки спрятаться, стать незаметным);

б) в контролируемых действиях, направленных на предупреждение опасности (заботиться, следить, охранять, защищаться или заставить удалиться); в ситуации опасности — это отказ от продолжения деятельности;

4. Неконтролируемые физиологические реакции на страх (дрожь, изменение цвета лица и т. п.).

Б) Причины прототипической ситуации страха, т. е. явления, которые обычно вызывают страх у человека (неизвестность, темнота, высота и др.).

В) Стереотипные наивно-языковые представления о носителях свойств трусости и смелости (*воинственный — смелый, невоинственный — трусливый*).

Г) Наивно-языковые представления об анатомической локализации страха (традиционно в качестве анатомических центров эмоций выделяют сердце, брюшную полость и печень).

По данным автора [Иоанесян 2015а: 86], значение «страх» может передаваться предикатами следующих классов.

тайоки 2010: 229]. «При этом предполагается наличие в ситуации объекта. Первый актант является носителем чувства по отношению к объекту «жена сердится на Игоря». Отношения делятся на категории в зависимости от того, актуально или не актуально положение дел, однако, четкой разницы между ними нет» [Там же: 229].

1. Предикаты, в семантике которых может присутствовать компонент «опасность или неприятная ситуация» (‘испытывать опасность, страх; рисковать’).

2. Предикаты, описывающие действия, направленные на изменение ситуации (одной из мотивировок может быть устрашение адресата, а одним из таких действий — хвастовство — выставление напоказ своей силы, власти и т. п., что может расцениваться как угроза, акт запугивания).

3. Ментальные предикаты, содержащие оценку — прогноз развития событий в будущем (*бояться, надеяться, предсказывать* и т. п.).

Структура эмоциональной ситуации, по мнению исследователя [Иоанесян 2015b: 98], может варьировать в зависимости от вида страха. К примеру, если страх продиктован предположениями человека о развитии событий в будущем, данная структура подразумевает наличие мнения субъекта о возможности (вероятности) некоторой ситуации; оценку субъектом ситуации как плохой или опасной; мнение субъекта о невозможности предотвращения ситуации, если ее осуществление не зависит от воли субъекта; наличие переживания.

С другой стороны, ощущение непосредственной опасности может полностью исключать какое бы то ни было размышление, и схема будет иной: некоторая негативная для субъекта ситуация — «опасность»; желание субъекта избежать ситуации; определенные действия для этого; соответствующая реакция на ситуацию.

2.1. Вербализация эмоционального состояния страха в русском языке

Вербализация эмоционального состояния в русском языке возможна одним из (либо комбинацией) следующих способов [Бергельсон 1998; Иоанесян 2015а, b; Кустова 2004; Камалова 1984; Клобуков 1997; Лазариди 2001; Матханова 2002; Мустайоки 2010; Цейтлин 1976]:

1. Прямое описание, с применением специальной эмотивной⁴ лексики: глагольная модель (*я боюсь*); наречно-предикативная

---

⁴ В. И. Шаховский [Шаховский 1988] считает эмотивами только «специальные знаки, служащие для выражения эмоций», как непосредственную манифестацию самих эмоций. Лексику, называющую и опи-

модель (*ему страшно*); субстантивная модель (*среди солдат началась паника*); адъективная модель (*он страшный*); причастная модель (*я испуган, она встревожена*); предложно-падежная модель (*я в ужасе*); междометия (*ах, ой*).

2. Описание причин, признаков или действий субъекта, сопровождающих данное состояние (*он побледнел, враг обратился в бегство*).

3. Описание состояния при помощи метафоры (*душа ушла в пятки*).

М. И. Лазариди [Лазариди 2001: 16] в качестве основных способов передачи эмоционального состояния страха указывает следующие конструкции.

1. Глагольные конструкции *робеть, трусить, опасаться, страшиться, бояться, пугаться, ужасаться*. По данным автора, наиболее распространены конструкции со значением ‘бояться’: *Но я, право, не знаю, как отвечать; я боюсь* (Ф. Достоевский). Как правило, данный предикат употребляется с дополнением: *одного боюсь: сплетен боюсь* (Ф. Достоевский).

Предикат *бояться* может выступать в роли простого глагольного сказуемого, главного члена односоставного инфинитивного предложения, быть частью составного глагольного сказуемого, легко образует отрицательные и утвердительные структуры, а также присоединяет придаточное предложение со скрепами «что», «что бы»: *Вы за что-то очень сердитесь, уж не боитесь ли, что я вас разлюбил?* (Ф. Достоевский). Менее употребительны глагольные конструкции со значением ‘страх’, построенные на предикатах *пугаться, трусить, робеть, трепетать, ужасаться, страшиться, опасаться*. На периферии понятия ‘страх’ находятся конструкции с глаголами речи, мысли в роли предикатов, которые структурно осложнены деепричастиями, обозначающими психическое состояние субъекта: *Иван, первоначально запинаясь и робея, а потом осмелев, начал рассказывать вчерашнюю историю на Патриарших прудах* (М. Булгаков).

2. Наречно-предикативная модель (*мне страшно*) также причисляется к основным способам передачи психического со-

---

сывающую эмоциональные состояния, по мнению автора, следует рассматривать как «параэмотивную», т. е. находящуюся рядом с эмоциями, хотя и не выражающую их непосредственно.

стояния в силу категориального признака предикатов данного типа — выражать состояние. При этом состояние описывается «изнутри», это состояние «замкнутое» в самом субъекте. Наречно-предикативная модель строится на основе предикатов *страшно*, *жутко*, *боязно*; остальные конструкции со словами категории состояния исследуемой семантики не употребляются; запрет на функционирование предикатов *трусливо*, *опасно*, *пугливо*, *ужасно* накладывает лексическое значение слов.

2.1. Структуры, построенные на омонимичных словам категории состояния наречиях, представленные в сочетаниях с глаголами речи, мысли, восприятия: *боязливо улыбаться*, *смотреть*, *запинаться*; *испуганно пугливо*, *робко*, *опасно*: *дело в том... — тут профессор пугливо оглянулся и заговорил шепотом, — что я лично присутствовал при этом* (М. Булгаков).

3. Субстантивная модель (*у меня страх*). Это модель лексически связанная, т. к. лексемы, удовлетворяя требующимся морфологическим и семантическим характеристикам, тем не менее не могут быть употреблены в качестве стержневых членов в составе предложения, построенного по данной модели. Так, фразы типа *у меня испуг*; *у меня ужас*; *у меня трусость* разрешены с точки зрения языковой системы, но не являются употребительными. Конструкции со словами *опасение*, *страх*, *боязнь* можно считать нормативными. Структурная модель *у меня страх* распространяется дополнением с предлогом *за* (кого), *перед* (кем): *А затем наступила третья стадия — страха. Страха перед другими, совершенно не относящимися к роману вещами* (М. Булгаков).

3.1. Предложно-падежная модель (*я в страхе*), которую автор определяет, как погруженность в состояние, поглощенность данным состоянием. Эта модель также является лексически связанной (не отмечены конструкции типа *я в боязни*, *я в опасении*). Предикат может быть выражен сочетанием имени состояния в предложном падеже с глаголами мысли (*подумать*), действия и состояния (*вскочить*, *стоять*), восприятия (*смотреть*, *глядеть*), речи (*шептать*, *вопить*): *Аркадий вскочил в испуге, еще под влиянием своих сновидений* (Ф. Достоевский).

4. Причастная и адъективная модели: *я испуган* (*она была так испугана, что даже ноги и руки ее тряслись*); *я пуглив*. Адъективные модели специализируются для выражения качеств. Ка-

чество, ограниченное во времени, переходит в другую семантическую категорию — состояние сочетаний. Конструкции с предикатами типа *я опасен, я ужасен, я страшен* обозначают не психическое состояние субъекта «страх», а, наоборот, устрашение (*Фамилия! — заревел он и вдруг стал дик и страшен* (М. Булгаков)). Предикаты *боязлив, робок, труслив* обозначают не временные, а постоянные свойства (черты характера): *Сказывали, что немного и секли, да уж пуглив был очень* (Ф. Достоевский).

5. Метафорическая модель (*на меня напал страх, ею овладел ужас*). Лексическая связанность таких оборотов велика и основывается на семантической опустошенности глаголов, их переосмыслении: *Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших прудов* (М. Булгаков). Данное состояние также передают структуры: *душа уходит в пятки, сердце в пятках, кровь стынет (застывает, леденеет, холодеет) в жилах* и др.

6. Психическое состояние «страх» описывается также через вербализацию выразительных движений, таких как: мимика (*лицо болезненно исказилось*); пантомимика (*дрожь прошла по спине, замер от страха*); голос (*продолжал орать от страха и ужаса*); цвет лица (*он белый как мел*); дыхание (*дух занялся*); сердечная деятельность (*сердце сжалось*); функция секреторных желез (*плакать от страху*); температура тела (*закоченел от испуга*).

Таким образом, вербализация понятия ‘страх’ строится на материале многих частей речи, в основе номинации страха могут лежать различные элементы, такие как причины вызывающие страх, внешние проявления страха, стереотипные представления о носителях свойств трусости и смелости, представления об анатомической локализации страха и т. п.

3. Выражение эмоционального состояния страха детьми дошкольного возраста

Проблема выявления индикаторов эмоционального состояния у детей традиционно изучается в русле когнитивной психологии ([Гордеева 1995; Костоглодова 2008; Осипова 2009; Сергиенко 2005] и др.). Так, известно, что новорожденные младенцы имеют полностью сформированный механизм мимического выражения эмоций и уже с первых дней жизни способны демонст-

рировать универсальные невербальные признаки базовых эмоциональных состояний — радость, удивление, грусть, гнев и страх [Сергиенко 2005, 2009; Мухамедрахимов 1999, 2007; Field 1990; Oster, Ekman 1978].

В экспериментах было показано, что уже после рождения, не имея других средств коммуникации, ребенок может с помощью эмоций сигнализировать о своем состоянии и, с помощью этого, побуждает ухаживающего за ним либо поддерживать это состояние (в случае, если оно позитивно), либо стараться изменить его (в случае, если негативно) [Конькова, Мухамедрахимов 2007].

Узнавание и понимание детьми эмоций других людей также обнаруживается в раннем возрасте. Младенцы 4–6 месяцев различают выражения радости, испуга, гнева и нейтрального состояния [Изард 1999]. Дети 12–18 месяцев по-разному реагируют на незнакомые объекты, в зависимости от выражения лица взрослого: активно исследуют незнакомую обстановку, если мама радуется, и испуганно прижимаются к матери, когда она демонстрирует страх [Сергиенко 2005].

Осознанию причин своих и чужих эмоций ребенок учится в процессе опыта социальных взаимодействий [Мухамедрахимов 1999; Сергиенко 2009; Flavell 2004], чему во многом способствует диалогическое общение со взрослым [Казаковская 2004; Цейтлин 2000]. В литературе также отмечается, что актуализация потребности в речевом выражении психического состояния происходит, как правило, в лично значимых ситуациях [Левитов 1964; Осипова 2009].

Исследования речевого выражения эмоций детьми имеют, по большей части, психологическую направленность — с точки зрения способности ребенка в определенном возрасте распознавать и называть свои или чужие переживания.

Первые высказывания, отражающие эмоции, по материалам обзора О. В. Гордеевой [Гордеева 1995], датируются возрастом ребенка 18–20 месяцев (с последующим быстрым ростом «эмоционального словаря» в течение третьего года жизни). Автор отмечает, что слова, используемые детьми в возрасте ~28 месяцев, имеют отношение к счастью (*счастливый*), развлечению (*развлекаться, хорошо проводить время*), любви (*нравиться, любить*), гордости (*гордый*), удивлению (*удивленный*), соответствию моральным нормам (*быть хорошим, быть плохим*), печали (*печальный*),

страху (*пугать, испуганный*), гневу (*злой, сердитый*), отвращению (*неряшливый*), общему позитивному или негативному чувству (*мне хорошо, мне плохо, мне лучше, чувствую себя прекрасно*).

О. В. Гордеева [Гордеева 1995] отмечает, что сильные эмоции, такие как радость и страх, хорошо распознаются и номинируются ребенком. В детских описаниях страха наиболее значимо выражены категории «напряжение» и «движение от того, что им угрожает». При этом дети используют разные слова для обозначения сходных эмоциональных состояний. Например, один ребенок все эмоции, сколь бы то ни было приближающиеся к состоянию страха, обозначает словом *ужас*, а другой — словом *боязнь*. В исследовании Л. Б. Костогладовой [Костогладова 2008] русскоязычные дети 3–4 лет описывали эмоцию «страх» при помощи наречий и глаголов (*страшно, темно, высоко; я боюсь*).

В работе О. В. Соловьевой [Соловьева 1999] исследуется вопрос о понимании детьми 3–5 лет содержательной стороны слов, обозначающих эмоциональные состояния. Автор отмечает, что развитие значения идет, с одной стороны, от первоначального выделения общего смысла (благоприятный/неблагоприятный) к добавлению более специфических семантических признаков, а с другой стороны — от конкретного к абстрактному (от описания конкретных ситуаций к обобщению и выделению существенных признаков эмоциональных явлений). В толковании значения слов, обозначающих эмоциональные состояния, отображаются прежде всего ситуационные реакции, которые связаны с индивидуальным опытом конкретного ребенка. Доминирующий способ объяснения — это описание ситуации, в которой сам ребенок испытал (или мог бы испытать) страх.

Аналогично при исследовании способности распознавать чужие состояния было обнаружено [Прусакова 2004], что узнавание дошкольниками эмоции, которую испытывает другой ребенок, происходит во многих случаях только после описания конкретного события. Автор заключает, что для детей экспрессивные средства становятся сигнальными только в контексте действия и ситуации.

В экспериментах Е. А. Сергиенко [Сергиенко 2009] дети до 3 лет испытывали затруднения при назывании — особенно негативных — эмоций. Любая отрицательная эмоция рассматривалась как противоположность положительной и чаще всего обозначалась словом *плохой*. Дети 3–4 лет достоверно лучше узнава-

ли и называли эмоции, описывая страх (а также гнев) при помощи характерных действий (*кричит, испугался кого-то*). После 3,5 лет, описывая чужие отрицательные эмоции, ребята оперировали уже не общим понятием «плохой», а ясным их обозначением — *грустный, испуганный, злой (у, злоющий какой, вон как брови нахмурил!)*. Автор также отмечает, что на этапе 3,5–4 лет дети начинают хорошо различать свои и чужие эмоции и отличать причины собственных эмоций от причин эмоций других людей.

В экспериментах О. А. Прусаковой [Прусакова 2004] изображение детьми своих и чужих эмоций строилось по разному принципу: рисуя свои эмоции, дети 3–4 лет выбирали портретную форму, используя мимику в качестве знака, отражающего их личное состояние. Если речь шла о чужом эмоциональном состоянии, дети в символической форме изображали причину, породившую данное состояние (паутина, гроза, дождь и т. п.).

Таким образом, при выражении собственных эмоций на первый план выступает субъект, носитель эмоционального состояния, а если необходимо передать переживания других людей, акцент смещается на ситуацию, в которой человек эти эмоции испытывает.

По мнению Е. В. Сергиенко [Сергиенко 2009], понимание и «оречевление» эмоций у детей дошкольного возраста развивается в русле общих закономерностей становления так называемой «модели психического» [Flavel 2004]: от осознания собственных психических состояний, отделения их от психического других людей к пониманию причин, их вызывающих (и возможности тем или иным образом влиять на породившую их ситуацию).

4. Результаты исследования

Полученные нами результаты излагаются в хронологическом порядке, в соответствии со схемой толкования эмоциональной ситуации, предложенной Г. И. Кустовой [Кустова 2004: 233].

4.1. Вербализация ребенком собственного эмоционального состояния

На **доречевой** стадии у младенца в роли индикатора эмоции страха выступал плач как один из универсальных способов трансляции негативного состояния.

На **этапе голофраз и однословных высказываний** состояние страха передавалось следующими способами.

1. Устойчивым комплексом звуков, сопровождающихся характерной мимикой и поведенческими реакциями, направленными на прерывание контакта с пугающим фактором:

1.1. «Специальные» звуки, обозначающие негативное состояние в целом: *бв* (Алеша Е. 1;1) *бу!* (Денис Г. 1;1).

1.2. Позднее появляются определенные звуки для обозначения собственно состояния испуга: *ой-оой!* (Денис Г. 1;2), *ва-а-й!* (Маша А. 1;2).

1.3. Обращение к взрослому в ситуации, когда ребенок испытывает страх *ма-ам; маматка!* (Маша А. 1;4).

1.4. В «высказываниях» озвучивается один из компонентов эмоциональной ситуации — ПРИЧИНА. Сначала в качестве причины ребенок указывает пугающий объект, в случае голофраз — ситуацию в целом (Алеша Е. 1;1 боится мух, жуков и, заметив их, говорит *му!*), затем — называет пугающее действие (ребенок вздрогнул, испуганно оглянулся на зарычавшую собаку и произнес: «*ти*») (рычит) Денис Г. 1;3).

На стадии двусловных высказываний:

Вербализация ПРИЧИНЫ в речи детей (сопровождается испуганной интонацией, мимикой, жестами) может представлять собой:

— указание на пугающий объект и его локализацию: *там жук!* (Алеша Е. 1;8);

— обращение + локализация пугающего объекта: *мама, там!* (Маша А. 1;7);

— обращение + указание на пугающее действие: *мама, бежит!* — испугался бегущей в нашу сторону обезьяны (Денис Г. 1;6);

— указание на пугающее действие и его локализацию: *там стучит!* — ребенка испугали громкие звуки на стройке (Денис Г. 1;6);

— действие + агенс: *ругается собака!* (Денис Г. 1;6);

— агенс + действие: *вари кричит!* (Денис Г. 1;7).

Появляются высказывания, в которых транслируется РЕАКЦИЯ, вызванная состоянием страха, — избегание контакта с пугающим фактором:

а) Отрицание: (*в водичку неет!* (Денис Г. 1;6 — очень боится льющейся из душа воды);

б) Императив: просьба удалить пугающий фактор *выключи-и, выключи-и-и фен!* (Денис Г. 1;6); желание скрыться самому (*давай спрячем Диничку!* (Денис Г. 1;7 — пугается, когда шумит дрель).

В возрасте 1;9–2;1 дети называют само СОСТОЯНИЕ, используя эмотивную лексику, — глагольная модель (испугаюсь, боюсь) *боится Рома!* (Рома Ф. 2;1).

Таким образом, на первом этапе (1;1–2;1) в речи ребенка последовательно обнаруживаются высказывания трех типов (в каждом содержится только один из компонентов эмоциональной ситуации): передающие причину состояния, реакцию на данное состояние, само состояние.

На стадии **трехсловных высказываний** и далее указанные способы вербализации страха усложняются.

При описании ПРИЧИНЫ отмечается использование эмотивных глаголов с каузативным значением (на вопрос: *Что случилось?* — отвечает: *ой, пугал!* (Оля М. 1;9)).

К сочетанию агенса + действие добавляются элементы вероятности *она может кусить* (Денис Г. 2;0) и оценки *дедка меня пугал, плохой дед!* (Аня С. 2;1).

Появляется указание на признак пугающей ситуации: *темно как!* (Женя Г. 2;4).

При описании признака в значении «страшный» дети использовали «ситуативные синонимы» *большой, зубастый, черный, лохматый, кусачий, громкий, злой, рукатый, ругачий.*

В возрасте ~2;6–2;7 отмечено появление эмотивных слов (адъективная модель) с каузативным значением: *страшный!* (Настя П. 2;6).

На следующем этапе в высказываниях, описывающих причину эмоции, появляются сочетания: обращение + объект + его локализация + признак: (говорит испуганным голосом) *мама, там собака черная!* (Денис Г. 2;6); пугающее действие + агенс + признак: *рычит собака черная* (Денис Г. 2;6); стремление обратить внимание собеседника на пугающий признак + его принадлежность: *большии-и-е когти у него, смотри!* (Денис Г. 2;6).

Появились высказывания, отражающие РЕАКЦИЮ избегания и нападения:

а) отрицание (опасается чужих: *Ваня не хочет с тетями здороваться! Не трогай мальчика!* (Ваня П. 1;11));

б) императив: просьба удалить пугающий фактор (боится темноты): *мама, включи свет!* (Таня П. 2;4);

в) действия с целью устрашения адресата (по классификации Е. Р. Ионесян [Иоанесян 2015а]): испугался лемуров в зоопарке, топают, машет на них рукой: *Вари, не кричи! Вари, тихо!* (Денис Г. 1;10); замахивается: *Уходи, волк-зубами-щелк!* (Максим Г. 1;8);

г) отношение: *Я не люблю спать с погаситой* = погашенной лампой (Миша Т. 4;1).

Начиная с возраста 2;2–2;5 в исследованном материале обнаруживаются **высказывания, содержащие два компонента эмоциональной ситуации страха.**

1) Высказывания с сочетанием значений ПРИЧИНА + РЕАКЦИЯ.

Указание на пугающий объект + императив *Муха! Прогони!* (Лев Х. 2;2).

Физическое состояние + отрицание: *Тане холодно! Таня не хочет делать уколы!* (Таня П. 2;9).

Возможное действие + устрашение адресата (обороняется): *Лошадка меня задавит! — Я тоже лошадка! Я кот в рогах!* (Лев Х. 2;3)).

Реакция + причина: *Я не смотрю, потому, что (он) черный* (=страшный) — боится фильма (Лев Х. 3;5).

2) Высказывания с сочетанием значений ПРИЧИНА + СОСТОЯНИЕ:

Червяка боюсь! (Аня С. 1;9);

Машина большая, боюсь, боюсь, боюсь! (Аня С. 1;9);

Живого (жука) боимся (Лев Х. 2;1);

Будет меня гуля заботить = пугать (Лев Х. 2;1);

Не надо так (делать), ато я испугаюсь! (Лев Х. 2;1);

Деда выключил свет, Таня боится! (Таня П. 2;6);

Собаки забоялся (Женя Г. 2;7);

3) Отрицание: (отстраняется, говорит испуганным голосом) *я тебя не боюсь, вари, не боюсь!* (Денис Г. 2;4); *когда свет, в коридоре нет такой страшноты* (Лев Х. 5;0).

4) Впервые появляется указание на способ восприятия в сочетании КОНТАКТ + ПРИЧИНА состояния: *я нынче во сне видел, что волк укусил мне руку* (Женя Г. 3;5); *мне приснился такой страшный сон!* (Алеша Е. 5;1).

Состояние страха может передаваться с помощью **вопросительных высказываний** (сопровождаются невербальными признаками, характерными для эмоции страха, и соответствующей интонацией): *ой, кто там стучит?* (Денис Г. 1;11); *она меня не ужалит?* (Лев Х. 2;3); *а если пантера убежит?* (Денис Г. 2;6); *как ты думаешь, лев может пойти погулять?* (Денис Г. 2;6); *а мы свет гасить будем?* (Денис Г. 2;4); *а ты не боишься пилу?* (Женя Х. 2;8); *как (же) мне под грозой вылезти?* (Лев Х. 3;5).

После трехлетнего возраста высказывания, содержащие один из компонентов эмоциональной ситуации усложняются.

Так, описание ПРИЧИНЫ приобретает значение интенсивности пугающего признака: *на облаках серая туча идет, да какая еще страшная-то!* (Женя Г. 4;0); *лампа висела там в очень страшном виде* (Алеша Е. 5;1).

Кроме РЕАКЦИИ избегания «оречевляются» действия, цель которых активно повлиять на ход событий, — прерывание контакта *я немножко посидел с закрытыми глазами* (Лев Х. 3;4) или намерение предотвратить ситуацию: *я пойду убью серого волка* (Миша Т. 3;11).

Отмечается особый тип вербализации страха в виде сообщения ложных сведений: *это собака стащила* (Денис Г. 4;4).

Высказывания, содержащие **три основных компонента эмоциональной ситуации** — ПРИЧИНА + СОСТОЯНИЕ + РЕАКЦИЯ, — отмечаются в речи наших информантов только после трехлетнего возраста: *майский жук скрипит, скребется, смотри, я побоялся брать его!* (Лев Х. 3;1).

4.2. Описание детьми чужого эмоционального состояния

В возрасте 2;3–2;5 отмечаются первые высказывания о состоянии других людей, животных, анимированных персонажей. В исследованном речевом материале последовательно появляются высказывания двух типов:

А) Вербализуется один из компонентов эмоциональной ситуации — РЕАКЦИЯ:

— избегание, попытки сделаться незаметным: *убегает хома, ой, спряталась!* (Маша А. 2;3).

— характеристика физического состояния: *дрожит она!* (Денис Г. 2;3).

— речевое поведение — обращение за помощью в страшной ситуации: *птенчики кричали: Мама —мама!»* (3;10).

Б) Высказывания, содержащие два компонента эмоциональной ситуации в следующих сочетаниях значений:

1. СОСТОЯНИЕ + ПРИЧИНА.

Она боится привидений! (Лев Х. 2;3);

От лица волка: Я испугался древнего человека (Лев Х. 2;9);

Испугалась, что свет потушится (Алеша Е. 5;1).

2. ПРИЧИНА + РЕАКЦИЯ.

Зайка убежала от злого волка (Денис Г. 2;6).

Люди встали от страшного и яркого рычания (Илья Ч. 3;10).

Бабочка от нее убежала! (Леша К.4;2).

Она сказала, чтобы мама не наругала (Давид Э. 4;6).

3. КОНТАКТ + СОСТОЯНИЕ.

Присмотрелась и увидела, как там страшно (Женя Х. 2;6).

4. ПРИЧИНА + КОНТАКТ.

Жук слышит очень громкий гром! (Лев Х. 2;11).

5. СОСТОЯНИЕ + РЕАКЦИЯ.

Мышка боялась и в дыру бежала (Давид Э. 4;2).

Высказывания о состоянии «другого», содержащие **три основных компонента эмоциональной** ситуации — СОСТОЯНИЕ + ПРИЧИНА + РЕАКЦИЯ, появляются в последнюю очередь, в конце третьего — начале четвертого года жизни *бабочка боится кошку, и — раз, улетела!* (Вера С. 4;2).

Окказионализмы. При передаче состояния страха дети использовали придуманные ими слова — «инновации» [Цейтлин 2000] типа: *я настрашился* — ‘сделался страшным’, *заботить* — ‘напугать’, *грозительный палец, страшнота*.

5. Обсуждение результатов

В данной работе исследовалось эмоциональное состояние страха (боязни) в речи русскоязычных детей раннего возраста с целью выяснить, как дети выражают свои переживания при помощи речи, как говорят о стоянии «другого» (человека, животного, персонажа истории и т. п.), какова динамика использования лексических средств по мере взросления ребенка.

Мы рассматриваем ситуацию страха согласно предложенной Г. И. Кустовой [Кустова 2004: 313] общей схеме эмоциональной ситуации, в состав которой входят причина, или стимул, вызвавший данное состояние; способ воздействия фактора (контакт), само состояние и реакция на него.

Исходя из анализа поученных результатов можно заключить следующее.

На довербальной стадии в роли индикатора страха выступает плач как один из универсальных способов трансляции негативного состояния. По мнению исследователей [Изард 1999; Мухамедрахимов 1999; Конькова, Мухамедрахимов 2007], эмоциональная сигнализация является одним из способов коммуникации, которые маленький ребенок использует для регуляции своего состояния при помощи ухаживающего за ним взрослого. Авторы подчеркивают врожденность и социальную природу человеческих эмоций, которая закрепилась в эволюции на уровне условного рефлекса.

Вербализация собственного эмоционального состояния, согласно результатам данного исследования, появляется в речи детей довольно рано.

На стадии голофраз и однословных высказываний (~10–13 мес.) можно наблюдать характерные устойчивые звуки в сочетании с мимикой и поведенческими реакциями, направленными на прерывание контакта с пугающим фактором. С точки зрения психологии [Plutchik 1980], угроза вызывает напряжение, и ребенок пытается избежать (или двинуться от) того, что ему угрожает.

Ранние высказывания с семантикой страха (боязни) обнаруживаются в исследованном нами материале начиная с возраста (1;1–2;1), что отличается от данных литературы (1;6–1;8) [Гордеева 1995]. Каждое высказывание отражает только один из компонентов эмоциональной ситуации. В речи ребенка последовательно обнаруживаются высказывания трех типов.

Первым (1;1–1;3) появляется указание на причину состояния (в случае голофраз — это указание на ситуацию в целом), в качестве которой дети сначала называют объект (боится мух, жуков и указывает на них *му!* (1;1)), затем пугающее действие *ти* — рычит (1;3). В основе данной номинации, согласно Е. Р. Иоанесян, лежит сема 'опасность' или 'негативная ситуация' [Иоанесян 2015а: 83]. В качестве отдельного типа следует выделить призыв взрослого в ситуации, когда ребенок испытывает страх (*мама, мама!*). Подобный способ вербализации служит сигналом о том, что ребенку требуется помощь [Конькова, Мухамедрахимов 2007].

На следующем этапе высказывания с семантикой причины усложняются, «страшное» описывается при помощи различных сочетаний: пугающее действие и его локализация: *там стучит* (1;6); пугающий объект и его локализация: *там жук!* (1;8); пугающее действие + агенс: *ругается собака!* (1;6), агенс + действие: *вари кричит!* (1;6). Отмечается также вариант: обращение (призыв взрослого) + указание на пугающее действие: *мама, бежит!* (1;6). В возрасте ~1;9 отмечено появление эмотивных глаголов с каузативным значением: *(он меня) пугАл!*

Второй тип — высказывания, передающие реакцию, — появляются в речи детей несколько позже, в возрасте 1;6–1;8. Описывается реакция избегания контакта с пугающим фактором в виде отрицания: *(в) водичку неет!* (1;6) — и императива: *выключи-и, выключи-ии фен!* (1;7), *(давай) спрячем Диничку!* (1;8); в том числе, с семантикой «устрашения адресата»: *топает и замахивается рукой: Уходи, волк-зубами-щелк!* (1;8); *вари, не кричи, вари, тихо!* (1;10).

В последнюю очередь (1;9–2;1) в речи детей появляются высказывания, в которых, при помощи эмотивной лексики (глагольная модель *испугаюсь, боюсь*) обозначается само состояние: *боится Рома!* (Рома Ф. 2;1).

На следующем этапе (2;2–2;5) наблюдается увеличение числа отражаемых компонентов эмоциональной ситуации. Структура становится двухкомпонентной. Одним из первых появляется сочетание причина + состояние: *червяка боюсь!* (1;9); *живого (жука) боимся* (2;1); *деда выключил свет, Таня боится!* (2;6); далее — причина + реакция: *я не смотрю, потому, что (он) черный (=страшный)* (3;5); указание на контакт в сочетании контакт + причина: *я нынче во сне видел, что волк укусил мне руку* (3;5).

Параллельно с расширением структуры эмоциональной ситуации ранние высказывания, содержащие только один из компонентов, не исчезают, а усложняются.

Так, при указании на причину появляется семантика вероятности: *она может кусить* (2;0); оценки: *дедка меня пугал, плохой дед!* (2;1); признака: *темно как!* (2;4); а также сочетания типа объект + его локализация + признак: *там собака черная!* (2;6); действие + агенс + признак: *рычит собака черная* (2;6); попытка обратить внимание взрослого (на) + пугающий признак + его принадлежность: *больши-и-е когти у него, смотри!* (2;6).

В значении 'пугающий признак' дети склонны использовать различные характеристики, такие как: *большой, зубастый, черный, лохматый, рукастый, кусачий, громкий злой, ругачий* и т. п., что отмечается в работах других исследователей [Гордеева 1995; Костогладова 2008; Соловьева 1999]. Это «отображает прежде всего ситуационные реакции, которые отражают индивидуальный опыт конкретного ребенка» [Соловьева 1999: 14]. Эмотивные слова для описания признака (например, адъективная модель *страшный*) появляются несколько позже (~2;6). Таким образом, развитие значения идет от конкретного к абстрактному (от описания конкретных ситуаций к обобщению и выделению существенных признаков эмоциональных явлений).

В высказываниях, описывающих реакцию на данном этапе, вербализуются действия с целью повлиять на развитие событий, такие как: прерывание контакта с ситуацией: *я немножко посидел с закрытыми глазами* (3;4); предотвращение опасности путем активного воздействия: *я пойду убью серого волка* (3;11); сообщение ложных сведений: *это собака стащила* (4;4).

Состояние страха может также выражаться детьми в форме вопросительных предложений, уточняющих наличие опасности, мнение взрослого о вероятности и возможности ее предотвращения, оценке ситуации как опасной или не опасной и т. п.: *ой, кто там стучит?* (1;11); *как ты думаешь, лев может пойти погулять?* (2;6); *а мы свет гасить будем?* (2;4); *а ты не боишься пилу?* (2;8); *как (же) мне под грозой вылезти?* (3;5).

Появление высказываний подобного типа обусловлено, по мнению Е. А. Сергиенко [Сергиенко 2009: 10], развитием «модели психического», позволяющей понимать причинно-следственные связи и предсказывать последствия тех или иных событий.

Таким образом, выражение *собственного* страха на самых ранних этапах происходит преимущественно с помощью невербальных, интонационных и паралингвистических средств. Семантика 'боязни' может сочетаться со значением эмоциональной оценки сообщаемого, возможности, достоверности, отрицания, императива, согласия/несогласия. Полная схема эмоциональной ситуации (причина + состояние + реакция) в высказываниях детей о своем состоянии появляется только к трехлетнему возрасту.

Отмечаются индивидуальные различия между детьми, что проявляется в последовательности усвоения и репертуаре исполь-

зуемых средств (в том числе, «индивидуальных» окказионализмов типа *я настрашился* — ‘сделался страшным’, *заботить* — ‘напугать’, *страишота* и т. п.).

Следующий аспект вербализации эмоционального состояния, интересующий нас в настоящей работе, — это описание детьми состояния «другого» (человека, животного, персонажа истории и т. п.).

В данном случае, помимо овладения языковыми средствами, это предполагает, способность понимать и распознавать чужие эмоции. С точки зрения когнитивной психологии, способность размышлять о собственном состоянии и состоянии других принято относить к становлению «модели ментальности», или *theory of mind*, имеющей особое значение в сфере психического развития человека. Предпосылки «теории сознания» появляются уже в раннем возрасте. Показано, что в возрасте от 3 до 4 лет дети начинают понимать психическое состояние другого, осознавать свои и чужие эмоции и их причины [Мухамедрахимов 1999; Сергиенко 2009].

Первые высказывания о состоянии страха других — людей, животных или сказочных персонажей — согласно нашим результатам, обнаруживаются в речи детей уже в возрасте 2;3–2;5 лет, что несколько раньше, чем указывается в литературе (3–3,5 г.) [Сергиенко 2009].

В большинстве детских высказываний индикатором «чужого» страха служили внешние проявления состояния либо описание ситуативного контекста. Первыми появлялись высказывания, где описывались внешние проявления страха, включающие только один из компонентов эмоциональной ситуации — реакцию, в виде избегания, попытки сделаться незаметным: *убегает хома, ой, спряталась!* (2;3) — или физического состояния: *дрожит она!* (2;3). На следующем этапе высказывания начинали отражать два компонента эмоциональной ситуации в различных сочетаниях (причина + контакт: *жук слышит очень громкий гром!* (2;11), причина + реакция: *убежала от злого волка* (2;6), контакт + состояние: (*она присмотрелась и увидела, как там страшно* (2;6), состояние + причина: *она боится привидений!* (2;3)). Это хорошо согласуется с экспериментальными данными [Сергиенко 2009], полученными при исследовании распознавания эмоций детьми 3–4 лет: дети определяли эмоции реальных людей и сказочных персонажей, ориентируясь на их действия либо на положение дел в целом,

что, по мнению автора, отражает понимание ребенком ситуативных причин чужого состояния.

Аналогично в нашем исследовании дети 4–5 лет, рассказывая истории по картинкам, в 86% случаев описывали состояние персонажей через их действия и/или называли причину страха: *а её доча закричала: «Ма-а-ма, мама!»* (4;3); *потом кричал маленький козленочек: «Помогите, спасите! Мама, помоги, здесь лиса!»* (4;1); *а кошка убежала, когда собака за ней гналась* (4;2); *потом он утонул (стал тонуть) и очень заплакал* (4;5).

Согласно [Сергиенко 2009; Flavel 2004], в возрасте 4–5 лет дети начинают понимать не только ситуативные, но и ментальные причины чужих действий и эмоций, вследствие чего мы обнаруживаем высказывания, описывающие состояние и реакцию: *птенчики испугались и закричали, кошка испугалась и убежала* (4;2); состояние, причиной которого послужило мнение (предположение): *испугалась, что свет потушится* (5;1); события, при которых персонаж предотвращает предполагаемые им опасные действия другого: *она сказала (неправду), чтобы мама ее не наругала* (4;10).

Высказывания о чужом состоянии, содержащие все три основных компонента эмоциональной ситуации — состояние, причину и реакцию: *бабочка боится кошку, и — раз, улетела!* (4;2), — появляются в последнюю очередь, в конце третьего — начале четвертого года жизни.

5.1. Различия вербализации детьми своего и чужого эмоционального состояния

Анализируя время появления и динамику освоения способов речевого выражения страха, мы обнаружили различия в вербализации детьми своих и чужих эмоциональных состояний.

1. Время появления в речи и семантика высказываний.

Первые высказывания «о собственном состоянии» отмечаются уже на стадии голофраз и отражают, в первую очередь, причину страха. Первые самостоятельные высказывания о «других» появляются значительно позже, в возрасте 2;3–2;5 лет, и на раннем этапе в основном, сфокусированы на реакции — характерных действиях индивидуума, находящегося в состоянии страха.

2. Употребление эмотивной лексики.

Употребление эмотивной лексики применительно к собственному состоянию отмечается с возраста 1;9–2;00, т. е. спустя долгое время после появления высказываний с подобной семан-

тикой. Используются глагольная (*бояться, пугать*), адъективная (*страшный*), субстантивная (*страшнота*) модели.

В структуру высказываний о чужом состоянии слова, обозначающие эмоцию страха, включаются практически сразу: *она боится привидений!* (2;3). В нашем материале дети в большинстве случаев использовали глагольную модель (*бояться, испугаться*).

4. Расширение отражаемой структуры эмоциональной ситуации.

В высказываниях о себе увеличение (два и более) числа элементов эмоциональной ситуации начинается с возраста 2;2–2;5. Основным, наиболее значимым компонентом выступает причина эмоции (причина + состояние, причина + реакция, причина + контакт и далее — причина + контакт + состояние). В случае, когда речь идет о чужом состоянии, увеличение числа элементов отмечается с возраста 2;6–2;7. При этом дети, комбинируя различные моменты (состояние + причина, причина + реакция, контакт + состояние, причина + контакт, состояние + реакция и далее — причина + состояние + реакция), стараются «в целом» описать событие, при котором человек или животное испытывает страх.

5. Структура высказывания.

Указанная тенденция отражается также в построении высказываний. Так, если ребенок говорит о себе, «каузатор» чаще всего находится в препозиции по отношению к состоянию: *пугается собака, Дениска испугался!* (2;4); *я свињи не боюсь* (3;1).

В структуре большинства высказываний «о других» эмоциональное состояние находится в препозиции по отношению к «причине» или «реакции»: *мышка боялась и в дыру бежала* (4;2).

Обнаруженные нами различия согласуются с данными психологических исследований [Сергиенко 2009] о том, что при выражении собственных эмоций на первый план выступает субъект — носитель эмоционального состояния, в то время как при отражении эмоций других людей акцент смещается с носителя соответствующего переживания на ситуацию, в которой возможно испытывать данное состояние.

6. Заключение

В ходе речевого онтогенеза система средств выражения страха развивается от общего выражения отрицания с помощью

жеста, вокализаций, отрицательных частиц до специальных слов, называющих причину состояния, само состояние или его внешние проявления.

Семантика передачи состояния содержится в ранних детских высказываниях, представляющих собой констатацию фактов, действий или событий, при этом затрагиваются различные аспекты эмоциональной ситуации страха.

Вербализация эмоции страха у детей дошкольного возраста развивается в русле общих закономерностей становления «модели психического» [Flavel 2004]: от осознания собственного психического состояния, отделения его от состояния других людей к пониманию причин и возможности влияния на возможный исход ситуации.

Литература

- Бергельсон 1998 — М. Б. Бергельсон. Состояние лица в русском языке // Язык, Африка, Фульбе. М.; СПб.: Европейский дом, 1998. С. 53–66. [M. B. Bergel'son. Sostoianie litsa v russkom iazyke [The state of the grammatical person in Russian] // Iazyk, Afrika, Ful'be [Language, Africa, Fula people]. М.; SPb.: Evropeiskii dom, 1998. P. 53–66].
- Боулби 2003 — Д. Боулби. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. [D. Boulbi. Priviazannost' [Attachment]. М.: Gardariki, 2003].
- Воейкова, Елисеева 1993 — М. Д. Воейкова, М. Б. Елисеева (сост.). С. Н. Цейтлин (ред.). Детская речь. Тексты. Дневники. Наблюдения. Учеб. материалы. СПб.: РГПУ, 1993. [M. D. Voeikova, M. B. Eliseeva (sost.), S. N. Tseitlin (ed.). Detskaia rech'. Teksty. Dnevniki. Nabliudeniia. Ucheb. materialy [Child language. Texts. Diaries. Observations. Study materials]. SPb.: RGPU, 1993].
- Гвоздев 1961 — А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М.: Учпедгиз, 1961. [A. N. Gvozdev. Voprosy izucheniia detskoj rechi [Issues in child language studies]. М.: Uchpedgiz, 1961].
- Гордеева 1995 — О. В. Гордеева. Развитие языка эмоций у детей // Вопросы психологии 2, 1995. С. 137–139. [O. V. Gordeeva. Razvitie iazyka emotsii u detei [Development of the emotion language in children] // Voprosy psikhologii 2, 1995. P. 137–139].
- Изард 1999 — К. Изард. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. [K. Izard. Psikhologiiia emotsii [Psychology of emotions]. SPb.: Piter, 1999].
- Иоанесян 2015а — Е. Р. Иоанесян. Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог 12, 48, 2015. С. 81–92. [E. R. Ioanesian. Semanticheskie perekhody v leksicheskom pole strakha

- [Semantic transitions in the lexical field of 'fear'] // Nauchnyi dialog 12, 48, 2015. P. 81–92].
- Иоанесян 2015b — Е. Р. Иоанесян. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 7, 2015. С. 98–233. [E. R. Ioanesian. Sposoby nominatsii strakha v iazyke [The language means of denoting fear] // Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh iazykov. Vol. 7, 2015. P. 98–233].
- Казаковская 2004 — В. В. Казаковская. Вопросы-ответные единства в диалоге взрослый — ребенок // Вопросы языкознания 2, 2004. С. 89–110. [V. V. Kazakovskaia. Voprosy-otvetnye edinstva v dialoge vzroslyi — rebenok [Question — answer unities in adult-child dialogue] // Voprosy iazykoznanii 2, 2004. P. 89–110.].
- Камалова 1984 — А. А. Камалова. Лексика со значением состояния в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1984. [A. A. Kamalova. Leksika so znacheniem sostoianiiia v sovremennom russkom iazyke [Lexical items with the meaning of state in modern Russian]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 1984.].
- Клобуков 1997 — П. Е. Клобуков. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация. Вып. 2. М.: Филология, 1997. С. 110–123. [P. E. Klobukov. Metafora kak kontseptual'naia model' formirovaniia iazyka emotsii [Metaphor as a conceptual model of emotion language formation] // V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (ed.). Iazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, cognition, communication]. Vol. 2. М.: Filologiiia, 1997. P. 110–123].
- Конькова, Мухамедрахимов 2007 — М. Ю. Конькова, Р. Ж. Мухамедрахимов. Выражение эмоций на лицах детей и взрослых в процессе взаимодействия // Р. Ж. Мухамедрахимов (ред.). Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 34–55. [M. Yu. Kon'kova, R. Zh. Mukhamedrakhimov. Vyrazhenie emotsii na litsakh detei i vzroslykh v protsesse vzaimodeistviia [Child and adult facial expression of emotion during interaction] // R. Zh. Mukhamedrakhimov (ed.). Emotsii i otnosheniia cheloveka na rannikh etapakh razvitiia [Emotions and relations in infancy]. SPb.: SPbGU, 2007. P. 34–55].
- Костогладова 2008 — Л. П. Костогладова. Национально-культурная специфика вербализации детских эмоций на материале русской и немецкой языковых культур. Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. Белгород, 2008. [L. P. Kostogladova. Natsional'no-kul'turnaia spetsifika verbalizatsii detskikh emotsii na materiale russkoi i nemetskoi iazykovykh kul'tur [National and cultural characteristics of child emotion verbalization in Russian and German cultures]. Avtoref. diss. ... kand. psikh. nauk [Cand. of Psych. Sc. thesis]. Belgorod, 2008].

- Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. [G. I. Kustova. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia [Types of derived meaning and mechanisms of language extension]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004].
- Лазариди 2001 — М. И. Лазариди. Номинативно-функциональное поле психических состояний в современном русском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2001. [M. I. Lazaridi. Nominativno-funktsional'noe pole psikhicheskikh sostoianii v sovremennom russkom iazyke [Nominal functional field of psychological conditions in modern Russian]. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Dr. habil. thesis]. Volgograd, 2001].
- Левитов 1964 — Н. Д. Левитов. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. [N. D. Levitov. O psikhicheskikh sostoianiiakh cheloveka [On psychological states of a man]. M.: Prosveshchenie, 1964].
- Матханова 2002 — И. П. Матханова. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук, Санкт-Петербург, 2002. [I. P. Matkhanova. Vyskazyvaniia s semantikoi sostoianii v sovremennom russkom iazyke [Utterances with a meaning of a state in modern Russian]. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Dr. habil. thesis], Sankt-Peterburg, 2002].
- Меньшикова 2007 — С. И. Меньшикова. Вербальная манифестация психических состояний в художественном тексте // Вестник ТвГУ. Серия Филология 10, 2007. С. 95–102. [S. I. Men'shikova. Verbal'naia manifestatsiia psikhicheskikh sostoianii v khudozhestvennom tekste [Verbal manifestation of psychological states in fiction] // Vestnik TvGU. Serii Filologii 10, 2007. P. 95–102].
- Мустайоки 2010 — А. Мустайоки. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010. [A. Mustaioki. Teoriia funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k iazykovym sredstvam [The theory of functional syntax: from semantic structures to language tools]. 2 e izd. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010].
- Мухамедрахимов 1999 — Р. Ж. Мухамедрахимов. Мать и младенец. Психологическое взаимодействие. СПб.: СПбГУ, 1999. [R. Zh. Mukhamedrakhimov. Mat' i mladenets [Mother and baby. Psychological interaction]. Psikhologicheskoe vzaimodeistvie. SPb.: SPbGU, 1999].
- Мухамедрахимов 2007 — Р. Ж. Мухамедрахимов (ред.). Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития. СПб.: СПбГУ, 2007. [R. Zh. Mukhamedrakhimov (ed.). Emotsii i otnosheniia cheloveka na rannikh etapakh razvitiia [Human emotions and relations at the early phases of development]. SPb.: SPb GU, 2007].

- Осипова 2009 — И. С. Осипова. Вербальные способы выражения психического состояния в юношеском возрасте. Автореф. ... дисс. канд. псих. наук. Саранск, 2009. [I. S. Osipova. Verbal'nye sposoby vyrazheniia psikhicheskogo sostoiianiia v iunosheskom vozraste [Verbal ways of expression the emotional state in adolescence]. Avtoref....dis. kand. psikh. nauk [Cand. of Psych. Sc. thesis]. Saransk, 2009].
- Прусакова 2004 — О. А. Прусакова, Е. А. Сергиенко. Репрезентация эмоций в дошкольном возрасте // Е. А. Сергиенко (ред.). Исследования по когнитивной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 332–350. [O. A. Prusakova, E. A. Sergienko. Representatsiia emotsii v doshkol'nom vozraste [Representation of emotion in preschoolers] // E. A. Sergienko (ed.). Issledovaniia po kognitivnoi psikhologii [Studies in cognitive psychology]. M.: Institut psikhologii RAN, 2004. P. 332–350].
- Сергиенко 2005 — Е. А. Сергиенко. Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // В. В. Знаков, З. И. Рябинкина (ред.). Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 113–146. [E. A. Sergienko. Razvitie modeli psikhicheskogo kak mental'nyi mekhanizm stanovleniia sub"ekta [the development of a theory of mind as a mental mechanism of making of the person] // V. V. Znakov, Z. I. Riabinkina (ed.). Sub"ekt, lichnost' i psikhologiia chelovecheskogo bytiia [Subject, personality and psychology of human existence]. M.: Institut psikhologii RAN, 2005. P. 113–146].
- Сергиенко 2009 — Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009. [E. A. Sergienko, E. I. Lebedeva, O. A. Prusakova. Model' psikhicheskogo v ontogeneze cheloveka [Theory of mind in ontogenesis]. M.: Institut psikhologii RAN, 2009].
- Соловьева 1999 — Н. В. Соловьева. Особенности вербализации эмоциональных представлений дошкольниками. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. [N. V. Solov'eva. Osobennosti verbalizatsii emotsional'nykh predstavlenii doshkol'nikami [Characteristics of verbalizations of emotion conceptualizations in preschoolers]. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Cand. of Psych. Sc. thesis]. M., 1999].
- Ушаков 1995 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 тт. Т. 4. М.: Русские словари, 1995. [D. N. Ushakov (ed.). Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Dictionary of the Russian language]: V 4 tt. T. 4. M.: Russkie slovani, 1995].
- Харченко 2012 — В. К. Харченко. Корпус детских высказываний. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2012. [V. K. Kharchenko. Korpus detskikh vyskazyvanii [Corpora of child utterances]. M.: Literaturnyi institut im. A. M. Gor'kogo, 2012].

- Цейтлин 1976 — С. Н. Цейтлин. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимы // Ю. Н. Караулов (ред.). Синтаксис и стилистика. М.: Институт русского языка, 1976. С. 161–181. [S. N. Tseitlin. Sintaksicheskie modeli so znacheniem psikhicheskogo sostoiianiia i ikh sinonimy [Syntactic models with the meaning of a psychic state and their synonyms] // Iu. N. Karaulov (ed.). Sintaksis i stilistika [Syntax and stylistics]. M.: Institut russkogo iazyka, 1976. P. 161–181].
- Цейтлин 1997 — С. Н. Цейтлин (ред.). От нуля до двух. Дневниковые записи. СПб.: Бионт, 1997. [S. N. Tseitlin (ed.). Ot nulia do dvukh. Dnevnikovye zapisi [From zero to two (years of age). Diaries]. SPb.: Biont, 1997].
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: учеб. пособие. М.: Владос, 2000. [S. N. Tseitlin. Iazyk i rebenok. Lingvistika detskoï rechi: ucheb. posobie [Language and child. A study guide]. M.: Vlados, 2000].
- Цейтлин, Елисеева 1998 — С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (ред.). От двух до трех: дневниковые записи. СПб.: Бионт, 1998. [S. N. Tseitlin, M. B. Eliseeva (ed.). Ot dvukh do trekh: dnevnikovye zapisi [From two to three (years of age). Diaries]. SPb.: Biont, 1998].
- Шаховский 1988 — В. И. Шаховский. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 1988. [V. I. Shakhovskii. Znachenie i emotivnaia valentnost' edinits iazyka i rechi [Meaning and emotional valency of language and speech elements]. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Dr. habil. thesis]. Volgograd, 1988].
- Field 1990 — Т. М. Field. *Infancy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
- Flavell 2004 — J. H. Flavell Theory-of-mind development: Retrospect and prospect // *Merrill-Palmer Quartely*, 50, 3, 2004. P. 274–290.
- Gagarina 2012 — N. Gagarina. MAIN Multilingual Assessment Instrument For Narratives // *ZAS Papers in Linguistics* 56, 2012. P. 1–135.
- Oster, Ekman 1978 — H. Oster, P. Ekman. Facial behavior in child development // *Minnesota Symposium on child Psychology* 11. NY, 1978. P. 231–276.
- Plutchik 1980 — R. A. Plutchik. *Emotion: A psycho evolutionary synthesis*. NY: Harver and Row, 1978.

VARIA

В. В. Истратий

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**О ПАРАЛЛЕЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ
ИСКОННЫХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ
В «ВЕДОМОСТЯХ» ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ¹**

Обилие заимствований из западноевропейских языков традиционно считается одной из основных черт языка Петровской эпохи. В этот период иноязычная лексика активно употреблялась в текстах всех письменных жанров — научных и технических книгах, законодательных актах [Виноградов 1938/1982: 59–63], политических памфлетах, виршах, драматических произведениях [Винокур 1941/1959: 117, 121, 124], проповедях², частной переписке [Виноградов 1938/1982: 65–67]. Такое повсеместное употребление заимствований было связано не только с необходимостью номинации новых понятий и реалий, но и с тем стилистическим статусом, которым их наделяли сторонники языковой политики Петра I. В переводных и оригинальных сочинениях петровского времени заимствования «выступали прежде всего как показатель новой культурной ориентации (...). Их употребление свидетельствовало о причастности к новой петровской культуре, об усвоении новой системы ценностей и вместе с тем об отходе от традиционных представлений» [Живов 1996: 146].

По мнению исследователей, стилистические функции заимствований становятся особенно очевидными в тех случаях, когда они сопровождаются внутритекстовыми глоссами с привычными для читателя исконными обозначениями [Виноградов 1938/1982: 69; Винокур 1941/1959: 117; Живов 1996: 146–147]. Заимствования, имеющие исконные синонимы и не связанные с новыми по-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 16-04-00385 «Эволюция норм русского литературного языка в эпоху Петра I (на материале газеты «Ведомости» 1703–1719 гг.)».

² Ср. характеристику Л. Л. Кутиной: «Объем иноязычной лексики (из классических и западноевропейских языков) в Словах Прокоповича поистине изумителен» [Кутина 1982: 39].

нятиями, с точки зрения семантики являются избыточными. На пример подобного употребления заимствований в «Юности честном зеркале» (ср. *Украшение девиц, и молодых невест, также и замужних есть достохвальная **фарба**, или **цвет***) обратил внимание Г. О. Винокур [Винокур 1941/1959: 117]: заимствование *фарба* представляет собой семантический дублет слова *цвет* и выполняет исключительно стилистические функции.

Однако если в общеупотребительной лексике семантическая избыточность заимствований, имеющих исконные синонимы, кажется очевидной, то в случае с наименованиями специальных или абстрактных понятий соотношение исконных и заимствованных синонимов оказывается сложнее и редко сводится к семантической дублетности. В качестве примера можно привести заимствованную военную лексику, которая употребляется в петровских «Ведомостях». Русские соответствия, сопровождающие некоторые заимствования, могут достаточно точно передавать значение иноязычных терминов, но сами они терминами не являются. Полная замена заимствований на русские синонимы в таких случаях была бы невозможна без ущерба для смысла всего фрагмента, так как специальная лексика была бы заменена общеупотребительной. Ср.:

- (1) *И по том счастливом его величества походе, вскоре учинена **диспозиция (разположение)** о надлежащих приготовлениях к бомбондированию тонинга, и командрованы люди от всех трех войск российских, дацких, и саксонских, ради приготовления фашин, туров, и прочего. И когда оными припасами управились, <...> тогда держан был в гузуме генеральной **конзилиум (совет)**, и положено на предь неприятелскую кавалерию, стоящую в гардинке **отакировать (осадить)**, и в тонинг вознать, что с помощью {бжиего} в шестый надесять день учинилось: А имянно, вышереченной неприятель от всех трех войск таким образом при гардинке отакирован, что не употребля никакова оружия в тонинг **ритеровался (уступил)**, при чем российская кавалерия особое мужество показала (1713; II, 169–170)³.*

---

³ «Ведомости» цитируются по изданию [Ведомости 1903–1906]. В скобках указаны выпуск и номер страницы, а также год или точная

Значение исконных синонимов часто оказывается слишком широким по сравнению со значением заимствованных специальных наименований. В тех же «Ведомостях» слово *договор* используется в качестве глоссы к заимствованиям *аккорд*, *капитуляция* и *негоциация*, которые называют, соответственно, ‘договор о сдаче города или крепости на определенных условиях’, ‘договор об условиях прекращения военных действий (в том числе при сдаче города или крепости)’ и ‘дипломатические переговоры’ [СлРЯ XVIII: I, 37; IX, 245–246; XIV, 156–157]. Ср.:

- (2) ...потом в другую старую крепость неприятель вбегал, и бил шамад (здачу) да бы **окорд (договор)** или хотя бы пардон ({млсть}) получить (1704; I, 171).
- (3) К улму городу цесарские войска два дни приступали, и из пушек били, и сентября в 13 день из того города белое знамя выставили, и шамаду били, и **капитуляцию (договор)** учинили, чтоб гварнизону с воинскою честью с двумя пушками за провожанием выпустить (1704; I, 190).
- (4) Между тем началась **негоциация (договор)** у его королевскаго величества дацкаго, и саксонскаго фелт маршала флеминка, с швецким фелт маршалом штейнбоком о его штейнбоковой здаче (1713; II, 170).

Соотношение исконных и заимствованных синонимов оказывается еще более сложным, если учитывать различия не только в значении, но и в сочетаемости и других особенностях употребления слов. При этом даже в тех случаях, когда семантически избыточные заимствования не закрепились в языке, они могут оказывать влияние на семантические, узуальные и стилистические характеристики синонимичных исконных обозначений.

дата публикации цитируемого номера газеты. Все цитаты из текстов XVIII в. приводятся в упрощенной орфографии: буквы ъ, і, ѳ, ѱ, ѿ заменены на е, и, ф, о, кс соответственно, знак ъ на конце слов не воспроизводится. Слова под титлом заключены в фигурные скобки, буквенная цифирь передается цифрами. В цитатах из иноязычных источников орфография оригинала сохранена. При написании статьи автор обращался к материалам Картотеки Словаря русского языка XVIII в. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург; КСлРЯ XVIII) и Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru; НКРЯ).

Пример такого взаимодействия представляют слова *бунтовщик*, *малконтент*, *неудовольный*, *реbell* и *реbellизант*, которые являются объектом настоящего исследования. Эти наименования используются в «Ведомостях» и других текстах Петровской эпохи как обозначения участников восстаний и антиправительственных выступлений. Особенно богатый материал для изучения параллельного употребления этих синонимов представляют именно «Ведомости»: сообщения о бунтах и восстаниях в различных государствах Европы и Азии регулярно появлялись на страницах газеты, в этом она следовала за рукописными вестями-курантами XVII в., где бунты были одной из центральных тем [Maier, Shamin 2014: 199]. Сообщения о восстаниях встречаются преимущественно в переводных фрагментах «Ведомостей», в 1703–1711 гг. почти все они были посвящены восстанию под предводительством трансильванского князя Ференца Ракоци, которое происходило в эти годы в Венгрии.

В номерах газеты 1703–1705 гг. основным обозначением участника восстаний было слово *бунтовщик*. К исконным наименованиям мы его относим условно, так как оно имеет иноязычное происхождение: слово *бунт*, по мнению М. Фасмера, пришло в русский язык из польского (польск. *bunt*) и восходит к немецкому *Bund* ‘союз’, а «переход знач. становится ясным из польск. *urządzić bunt (wzbuntować się) przeciw komu* “составить против к.-л. заговор”, нем. (стар.) *einen Bund machen wider* “объединиться для совместных действий против к.-л.”» [Фасмер 1986: I, 241]. Вероятно, в начале XVIII в. иноязычное происхождение слова *бунт* еще ощущалось, на это указывает случай его употребления в «Ведомостях» в сопровождении внутритекстовой глоссы с русским синонимом:

- (5) ...и он салтан обнадеживает учиненный мир свято содержать, и венгром никакова **бунту или смятения** учинить не поволит (1703; I, 16).

При этом словообразовательное гнездо с корнем *бунт-* во второй половине XVII в. включало уже более десяти слов разных частей речи: *бунт*, *бунташный* (*бундашный*), *бунтовать*, *бунтование*, *бунтовник*, *бунтовнический*, *бунтовный*, *бунтовской*, *бунтовый*, *бунтовство*, *бунтовщик*. Раньше других, в 1610 г., в текстах фиксируется существительное *бунтовство*. Это позволяет

предположить, что слово *бунт* вошло в русский язык еще в первой половине XVII в., хотя в памятниках оно появляется только в 1660-е гг., тогда же, когда и слово *бунтовщик* [СлРЯ XI–XVII: I, 354–355].

Особенно часто слово *бунтовщик* употребляется в номерах петровских «Ведомостей» за 1703–1705 гг.: в выпусках 1703 г. оно встретилось 19 раз, в выпусках 1704-го — 95, в 1705-ом — 55. Но если в 1703 и 1704 гг. оно было единственным наименованием понятия, то в 1705 г. на страницах газеты в том же значении начинает использоваться слово *неудовольный*.

Впервые это обозначение появляется в номере от 29 мая 1704 г.:

- (6) *Во англии и в шкотской земли неприятные ведомости, что там много **неудовольных** обретаются, и с принцом фонъ-валлис вредное начинание имеют, и у короля французскаго денег и людей просили* (1704; I, 148).

Годом раньше, в выпуске от 15 мая 1703 г., встретился иной словообразовательный вариант — *неудовольствованный*:

- (7) *Из нимеса марта в 10 день, из французской земли, маршалок демонтревел слыша, что 16000 {члвек} **неудовольствованные** блиско гаполита стоят, то взяв свое войско побил их с четыреста человек* (1703; I, 43).

В 1705 г. эти единичные примеры становятся регулярными: в номерах этого года слово *неудовольный* употреблено 47 раз, что лишь немногим меньше количества примеров со словом *бунтовщик* (55). В 1706 г. *неудовольный* уже используется как основное обозначение понятия: оно встретилось 30 раз, тогда как *бунтовщик* — только 17. Наконец, в выпусках 1707 г. слово *неудовольный* представлено 27 примерами, слово *бунтовщик* не используется вовсе, однако в употребление входит третий синоним — заимствование *малконтент*, которое встречается 8 раз.

Слово *бунтовщик* на некоторое время оказывается вытесненным из «Ведомостей»: в выпусках 1710 г.⁴ основным обозначением является заимствование *малконтент* (8 примеров), словообразовательные варианты *неудовольный* и *неудовольник* упо-

---

⁴ В 1708 и 1709 гг. газета не сообщала о бунтах и восстаниях.

требляются всего трижды, причем в соседних предложениях и в первом случае — с глоссой *малконтент*. Ср.:

- (8) *Началники неудовольников или малконтентов, на болющую часть его цесарскаго величества послушанию здалися, и того ради о их подъездах не много слышно (...). Известно, что антоний естергасии с двумя сты {члк} ниже офена крепости дунай перешел, и к прочим неудовольным в вышнюю венгерскую землю спасся, кроме того четвертаго числа оба началнейшие главы неудовольным, франц рагоцый, и николай берецений, понеже оны по последнему цесарскому указу и по сейма последняго постановлению во время 4 недель не покорилися, при лишении всех их имени по вине поврежденнаго величества, за неприятели отчеству объявлены (1710; II, 32–33).*

В выпусках 1711 г. встречается только заимствование *малконтент* (три примера). Однако с 1712 г. и оно, и слово *неудовольный* исчезают со страниц газеты, уступая место старому обозначению — слову *бунтовщик*.

Слова *малконтент* и *неудовольный* связаны друг с другом. Первое представляет собой заимствование, а второе кальку французского *malcontent* ‘недовольный’ (заимствование могло прийти как непосредственно из французского, так и через посредство польского *malkontent* ‘недовольный’ [СлРЯ XVIII: XII, 43]). Во французском языке слово *malcontent* имело давнюю традицию употребления в качестве политического термина, называющего участников антиправительственных выступлений: в частности, наименование *les Malcontents* носила партия сторонников союза с гугенотами во главе с герцогом Алансонским во время религиозных войн во Франции. Из французского это слово было заимствовано в другие европейские языки — немецкий, голландский, английский — как в адъективном значении ‘недовольный’, так и в субстантивном значении ‘участник восстания, заговора’. Например, в этом значении оно встречается в трактате С. Пуфендорфа «*Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten*» («Введение в историю европейских государств») 1682 г.:

- (9) *Heinrich von Lancaster gieng in Franckreich, und machte all-dar Partey wider den König; und henckten sich viel Malcontan-*

ten an ihn mit Versprechen, sie wolten ihn zur Cron verhelpffen (Pufendorf 1682: 224; ‘Генрих Ланкастерский отправился во Францию и составил там партию против короля; к нему присоединилось множество недовольных с обещаниями, что они хотят содействовать ему в получении короны’).

В латинском переводе трактата это обозначение сохраняется в качестве общественно-политического термина и сопровождается указанием на его общепринятый характер:

- (10) *Henricus Lancastriae Dux in Galliam profectus, factiones in Regem concitat: magnaue hominum factiosorum (vulgo **Malcontentos** appellant) multitudo ei se aggregat, quæ, ut Regno potiatur, effecturam se largiter promisit* (Pufendorf 1702: 143; ‘Генрих герцог Ланкастерский, отправившись во Францию, составляет там партии против короля; и к нему присоединяется множество мятежников (обычно называемых недовольными), которые обещают, что намерены способствовать ему в получении королевской власти’).

Этот комментарий перешел и в русский перевод 1718 г., выполненный с латыни Г. Бужинским, который в основном тексте употребляет слово *бунтовщик*, ср.:

- (11) *Генрик Ланканстришский Князь в Галлию отшедши бунты на Короля возбуждает, до котораго великое множество **бунтовщиков** (обще **малконтенты** именуются) пристало* (Пуфендорф 1718: 121).

Вероятно, появление слов *неудовольный* и *малконтент* в «Ведомостях» было связано с влиянием иноязычных оригиналов газеты — «немецких» и «цесарских курантов», с которых переводились ее номера в эти годы [Погорелов 1903: IV–V]. Это влияние постепенно усиливалось: в 1703–1705 гг. участники венгерского восстания обозначались как *бунтовщики*, с 1706 г. — чаще как *неудовольные*, в 1710–1711 гг. основным обозначением было заимствование *малконтент*. Достаточно длительное употребление кальки, которая, в отличие от заимствования, не могла восприниматься ни как терминологическая единица, ни как стилистическое средство, указывает на то, что слово *бунтовщик* казалось не вполне точным соответствием иноязычного обозначения.

В отдельных номерах «Ведомостей» обычно используется только одно из конкурентных наименований, что может свидетельствовать о том, что выбор одного из вариантов был в значительной степени связан с предпочтениями конкретных переводчиков. Номеров, в которых используется два синонима — *бунтовщик* и *неудовольный* — всего пять: это выпуски от 15 мая, 9 августа и 9 ноября 1705 г., а также от 30 января и 28 июля 1706 г. В трех из этих номеров слова *бунтовщик* и *неудовольный* используются в очень схожих контекстах, описывающих события венгерского восстания. Ср. в номере от 15 мая 1705 г.:

- (12) *Из вены пишут, что марта в тридесятый день Генерал фелд маршалк гейстер **бунтовщиков** под каролием четыре тысячи розбил <...>. А из офена крепости ведомость, что из песта тысяча триста {члк} вышли, и деревню гампо выграбили, и осмьдесят осмь {члк} **бунтовщиков** изрубили, назад идучи еще пятьсот **бунтовщиков** конных, и шестьсот пеших обрели, и их розбили же, и многих побили (15 мая 1705; I, 237).*
- (13) *Априллия в 4 день между графом палфием, и графом каролием, учиненной бой подтверждается, и **неудовольные** венгерские несколько тысяч потеряли, а болюую часть шляхетных людей <...>. Априллия в 9 день. служитель от барона сирмая, цесарским ответом о помирении **неудовольных** в ерлау отпущен (15 мая 1705; I, 239).*

Однако в номерах от 9 ноября 1705 г. и 28 июля 1706 г. контексты оказываются различными. Слово *бунтовщик* в этих номерах употребляется как наименование участников народных волнений и бунтов против представителей законной власти. Ср.:

- (14) *Из константинополя пишут августа в 14 день. Что турскому салтану вредное бунтование открыто, хотели его с престола ссадить, и салтана селима вместо его выбрать, многих уже **бунтовщиков** задавили, а иных обезглавили (9 ноября 1705; I, 292).*
- (15) *Фелдмаршалк шереметев астраханских **бунтовщиков** покорил и главных заводчиков к великому {ссдрю} послал (28 июля 1706; I, 326).*

Слово же *неудовольный* называет участников венгерского восстания, у которого были более сложные политические цели, чем простой захват власти путем свержения главы государства. Ср.:

- (16) *Гварнизон, в замоше крепости подолгой осаде, **неудовольным** по договору здался, а оные договору недержали, коменданта в полон взяли, и салдатов понудили служить* (9 ноября 1705; I, 292).
- (17) *Из вены цуния в 23 день. Крепость ганмаги на седмиградском рубеже по храброй обороне цуния в 19 день, по договору рагоцким здалась. **Неудовольные** крепость великий варадын тесно облегли* (28 июля 1706; I, 328).

Слово *бунтовщик* в этих номерах «Ведомостей» употребляется в контекстах, сходных с теми, которые приводит «Словарь русского языка XI–XVII в.»: *бунтовщиками*, по данным словаря, оказываются казаки, стрельцы, простой народ, а *бунт* направлен против «начальников» — тех, кто занимает высокое социальное и служебное положение⁵. В первой трети XVIII в. слово *бунтовщик* использовалось при описании таких же ситуаций, часто соседствуя со словом *изменник*, которое в этих случаях выступает как его контекстуальный синоним. Ср.:

- (18) *Верно за честь и здравие их поборствовать против неприятелей, **бунтовщиков**, и изменников, и словом, и делом, даже до излияния крове своея* (Феофан Прокопович 1723: 11 об. [КСлРЯ XVIII]).
- (19) *Виде и Россия и ныне вселенная видит пресветлеишаго Монарха нашего на самом верху фортуны сияюща, аще и та многия пакости наущением **бунтовщиков** и изменников ему творяше, обаче яко в измене тоя никогда же премени светлого, Его Великого Государя Лица и умыслу* (Апофеосис 1709: 144 [КСлРЯ XVIII]).

Слова *малконтент* и *неудовольный* указывали не столько на измену и преступный характер действий участников восстаний, сколько на наличие у них определенных претензий и требований. Заимствование *малконтент*, которое, в отличие от кальки

---

⁵ Ср. примеры в [СлРЯ XI–XVII: I, 354–355].

неудовольный, употреблялось не только в «Ведомостях», но и в других текстах Петровской эпохи, называло там человека, недовольного существующим положением вещей, находящегося в оппозиции к чему-либо [Биржакова и др. 1972: 131].

Своеобразное определение слову *малконтент* дает Феофан Прокопович в ответах по делу об обвинении его в ереси в 1726 г.:

(20) *Бывают во всех народах, тако ж и в нашем, малконтенты, то есть, таковыи непокойные головы, которые настоящим Правительством и поведением доволствоваться не хотят* (Феофан Прокопович 1726/1862: I, 14 [КСлРЯ XVIII]).

Займствование *малконтент* не получило широкого распространения. Помимо «Ведомостей», оно встречается в письмах, реляциях, дважды — в переводе упомянутого выше трактата С. Пуфендорфа «Введение в историю европейскую», а также в ораторских и других произведениях Феофана Прокоповича. Именно Феофан начинает использовать это слово по отношению к российским реалиям:

(21) *Говорил я, что салдат, который, будто, на него и прочих кричал и угрожал мятежем и сечением, был некто от малконтентов, которые, может быть, на командиров гневаются за наказание, или за неполучение, чего желают, или и завистию на высокия лица снедаются* (Феофан Прокопович 1726/1862: I, 12 [КСлРЯ XVIII]).

В текстах Петровской эпохи более употребительны были другие займствования, называющие участников восстаний, — слова с корнем *ребел-*: *ребел(ь)*, *ребел(л)иан*, *ребел(л)ион*, *ребел(л)изант*, *ребелицант*. Параллельно с ними использовались одноколенные обозначения восстания — *ребел(л)ия* и *ребелион*.

В «Ведомостях» займствования с корнем *ребел(л)-* встречаются три раза. Два примера относятся к фрагменту, посвященному якобитскому восстанию 1715 г.:

(22) *Здешня возмушения еще продолжаютца и ожидают здесь оныя 6000 войск которыя галандия его королевскому величеству великобританскому против **ребеллов** в помощь посылает. а по прибытии оных уповаем, что дук даржил в состоянии будет **ребеллов** атаковать, и здежнее возмушение успокоить* (1715; II, 221).

Еще один пример с другим вариантом встретился в описании волнений в Персии в номере от 2 ноября 1719 г.:

- (23) *В Гиспагании целую неделю зажжено было множество иллуминации, для взятия города Чагрина, которой Персыне у Ребеллизантов паки отобрали* (1719; II, 349).

В номерах 1719 г. после довольно значительного перерыва⁶ снова начинает употребляться слово *бунтовщик*, которое встречается в них 6 раз. Французский оригинал номера «Ведомостей» от 8 августа 1719 г., опубликованный издателями газеты в 1906 г., позволяет установить, что по крайней мере в одном из этих шести случаев слово *бунтовщик* передает французское *rebelle*, ср.:

- (24) *Сицилианцы взяли оружие, на Цесарцов, сего ради будут их в предь вести яко бунтовщиков, как о том прежде их уведомили* (8 августа 1719; II, 287); — *Les Siciliens avoient pris les armes contre les Imperiaux; C'est pourquoy ils seront traités desormais, comme des Rebelles, ainsi qu'on le sen avoit avertis auparavant* (II, XXII 3-ей паг.; номер газеты «Nouvelles extraordinaires de divers endroits» от 25 июля 1719 г.).

Известно, что с 1719 г., когда издание «Ведомостей» было перенесено в Петербург, подготовкой и редактированием номеров занимался переводчик Борис Волков, который, таким образом, предпочитал использовать слово *бунтовщик*.

Однако другие авторы Петровской эпохи употребляли заимствования с корнем *ребел(л)*- достаточно активно, в том числе и при описании событий в России, ср.:

- (25) *Подданным нашим, при Днепре живущим, заказано, дабы к бунтам и **ребелии** казацкой и к своевольному самусю и протчим, Палею и иным, не мешались, дабы то зло, без оного умножения, как наискорейше успокоилось* (Петр I, Грамота польск. королю Августу II, 1703; ПБП: II, 178 [КСлРЯ XVIII]).
- (26) *В том году царь Петр Алексеевич тайно из Преображенскаго и со всем двором пошел к Троице от **ребеллионов-***

---

⁶ В выпусках 1707–1718 гг. слово *бунтовщик* встретилось всего 2 раза: по одному в 1712 и 1713 гг.

стрельцов, и был тамо аж до осени (Жизнь кн. Б. Куракина, 1705–1710; Архив Куракина 1890: 248 [КСлРЯ XVIII]).

В некоторых случаях эти слова употреблялись с очевидным стилистическим заданием:

- (27) *Востала потом велия буря междоусобныя брани в низовских городех, бяше лютая **реbellion** и россиискому престолу неповиновение; скоро токмо прииде тамо сеи страховитыи им военачалник <фельдмаршал Б. Шереметев>, вси **реbellionизанти** побеждени, Астрахан же и инныя гради паки {блгополучно} державе Россииской привержени* (1719; Гавриил Бужинский 1901: 319 [КСлРЯ XVIII]).

Однако в первых изданиях гражданской печати заимствования с корнем *ребел(л)*- выполняют не только стилистическую функцию, но и выступают как европейские общественно-политические термины, которые хотя и схожи по значению со словами *бунт* и *бунтовщик*, но тем не менее не могут быть ими заменены. Ср.:

- (28) *Армеи, которые суть в гварнизонах во многих городах быв разделены могут быть разбиты весма, или от части чрез **реbellionион** [или **бунт**] потом сладости городовые портят всю дисциплину [или учение воинское] и в оставлении чинят всю бодрость высокосердечную* (Краткое описание 1711: 33 [КСлРЯ XVIII]).
- (29) *Что примечать в кантоне Ури; Сей кантон причтен трем первым которыя сперва швейцарской союз зачали, и в нем вилгелмтель высокогородому воеводе геислеру в первых со-противу стал, от чего начало к **реbellionии** взялося* (Гюбнер 1719: 118 [КСлРЯ XVIII]).
- (30) *В 1705м году учинены были там <в Тырнове> с **реbellionы** напрасныя трактаты* (Гюбнер 1719: 322 [КСлРЯ XVIII]).

Эти заимствования, как и слова *малконтент* и *неудовольный*, остались фактом языка Петровской эпохи и к 1730-м гг. вышли из употребления. Таким образом, ни один из синонимов слова *бунтовщик*, вошедших в русский язык в первой четверти XVIII в., не закрепился в языке. Однако само слово *бунтовщик* с 1730-х гг.

демонстрирует и расширение значения, и увеличение числа возможных контекстов. Если в сочинениях Петровской эпохи оно, в полном соответствии с определением «Словаря русского языка XVIII в.», называло преимущественно «участника бунта, восстания» [СлРЯ XVIII: II, 167], то с 1730-х гг. оно могло употребляться как обозначение:

1) Участника народных волнений, казацких, солдатских мятежей:

(31) *Сего ради собрание, находя дело в таких обстоятельствах, сообразуясь беспримерному ее императорского величества милосердию (...), единодушно приговорили и определили: за все учиненные злодеяния, **бунтовщику** и самозванцу Емельке Пугачеву, в силу прописанных божеских и гражданских законов, учинить смертную казнь* (Сентенция, 1775 года января 10. О наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников [НКРЯ]).

(32) *А впредь, как офицер наградить, кои противу **бунтовщиков**? Крестьян не достанет, хотя достойны* (Письмо Екатерины II Г. А. Потемкину, после 23 августа 1774 г.; Переписка 1997: 38).

2) Участников и руководителей восстаний и заговоров, направленных на достижение определенных политических целей (как правило — смены власти в государстве):

(33) *В Англии преславный вор и **бунтовщик** Кромвель лицемерным благочестием и молитвою, коварными поучениями и толковании простой народ в то привел, что совершенно верили, якобы он божеским повелением на оборону и сохранение вольности английской был устроен и определен* (В. Н. Татищев, Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах, 1733 [НКРЯ]).

(34) *В парижском журнале, называемом «Bulletin de Paris», напечатана статья о похитителях, которая обратила на себя общее внимание. Автор говорит, что похитителями должно именовать одних **бунтовщиков**, ужасными и незаконными средствами восходящих на престол (как то нередко случалось в азиатских государствах), а не тех геро-*

ев, которые присвоивают себе власть только для блага сограждан, вводят порядок там, где была анархия, и делаются отцами народов (Карамзин 1802/1964: 277).

3) Государственного преступника; человека, предпринимающего враждебные действия против государственной власти и ее представителей:

(35) *Но пребывающими с Принцом Иоанном безсменно помянутыми двумя Офицерами, так сильно был встречен, что сей отчаянный **бунтовщик** Мирович принужден был ретироваться. (...) Таким образом Офицеры помянутые, решительно пресекиши в самом действии бунт уже начавшийся, купно с арестованным Коммендантом сами взяли **бунтовщика** в заключение, а солдат обратили к должности* (Манифест Екатерины II от 17 августа 1764 г. «Об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем»; ПСЗ: XVI, 891–892).

(36) *Паша Скутарский объявленный от правительства **бунтовщиком**, получил чрез то большее еще уважение; последователи его скопища клялись ему в верности и во всегдашней готовности пролить кровь за него* (Зеркало света 1786: 287 [КСлРЯ XVIII]).

4) Вообще противника государственной власти, осуждающего государственную политику и призывающего к неповиновению. В этом значении слово *бунтовщик* употребила Екатерина II в своей известной характеристике А. Н. Радищева:

(37) *Примечания на книгу Рдцв [Радищева] посланы к Шиквскм [Шешковскому]. Ск[азывать] из[воли]ла, что он **бунтовщик**, хуже Пугачова* (Храповицкий 1874: 340).

Расширение значения слова *бунтовщик* отражено в «Словаре Академии Российской». Слово *бунт* составители словаря связывают только с народными волнениями: «БУНТ. Немецк. (...) 2) В разсуждении гражданского состояния. Крамола, волнение народное, возмущение, мятеж. *Произвести бунт. Усмирить бунт*». Слово *бунтовщик* при этом называет противника государственной власти: «*Бунтовщик. Мятежник, крамольник; возстающий против законной власти*» [САР¹ 1789–1794: I, стб. 383].

Такое расширение значения может быть объяснено внутренними процессами словообразовательного гнезда с корнем *бунт-*: прилагательные *бунтовнический* и *бунтовный* еще во второй половине XVII в. могли употребляться в значении 'побуждающий к неповиновению' [СлРЯ XI–XVII: I, 355]. Однако вполне возможно, что хотя бы отчасти этому способствовало влияние заимствований *малконтент* и *ребелл*, которые употреблялись как синонимы слова *бунтовщик* в текстах первой четверти XVIII в.

Итак, анализ употребления заимствований *малконтент*, *ребелл* и *ребеллизант* в «Ведомостях» и других текстах Петровской эпохи показал, что избыточные заимствования этого времени, быстро вышедшие из употребления, представляют несомненный интерес для исследователя. Такие слова могли оказывать влияние на значение, лексическую сочетаемость и стилистические характеристики синонимичных наименований, сохранившихся в языке, и таким образом вносили свой вклад в развитие словарного состава русского литературного языка.

Литература

- Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. [E. E. Birzhakova, L. A. Vojnova, L. L. Kutina. Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo jazyka XVIII veka. Jazykovye kontakty i zaimstvovaniya [Essays on the historical lexicology of the Russian language of the 18th century. Language contacts and loan words]. Leningrad: Nauka, 1972]
- Виноградов 1938/1982 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1982. [V. V. Vinogradov. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov [Essays on the history of Russian standard language of the 17–19th centuries]. 3rd edition. Moskva: Vysshaja shkola, 1982]
- Винокур 1941/1959 — Г. О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 111–137. [G. O. Vinokur. Russkij literaturnyj jazyk v pervoj polovine XVIII veka [Russian standard language in the first half of the 18th century] // G. O. Vinokur. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. Moskva: Uchpedgiz, 1959. P. 111–137.]

- Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. [V. M. Zhivov. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and Culture in Eighteenth-Century Russia]. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 1996.]
- Кутина 1982 — Л. Л. Кутина. Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика // Ю. С. Сорокин (ред.). Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л.: Наука, 1982. С. 5–51. [L. L. Kutina. Feofan Prokopovich. Slova i rechi. Leksiko-stilisticheskaja harakteristika [Feofan Prokopovich. The speeches. Lexical-stylistic characteristic] // Ju. S. Sorokin (ed.). Literaturnyj jazyk XVIII veka. Problemy stilistiki. Leningrad: Nauka, 1982. P. 5–51.]
- Погорелов 1903 — В. Погорелов. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1717. М.: Синодальная типография, 1903. [V. Pogorelov. Materialy i originaly Vedomostej 1702–1717 [Materials and originals of the Vedomosti of 1702–1717]. Moskva: Sinodal'naja tipografija, 1903.]
- САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. [Slovar' Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. I–VI. Sankt-Peterburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1789–1794.]
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015 (издание продолжается). [Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries]. Vol. 1–30. Moskva: Nauka, 1975–2015.]
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л.; СПб.: Наука, 1984–2015 (издание продолжается). [Slovar' russkogo jazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 1–21. Leningrad; Sankt-Peterburg.: Nauka, 1984–2015.]
- Фасмер 1986 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева / Под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. Изд. 2-ое. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986. [M. Vasmer. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Russian etymological dictionary]. Perevod s nem. i dopolnenija O. N. Trubacheva / Pod red. i s predisloviem B. A. Larina. 2nd edition. Vol. I–IV. Moskva: Progress, 1986.]
- Maier, Shamin 2014 — I. Maier, S. Shamin. «Revolts» in the Kuranty of March – July 1671 // M. Griesse (ed.). From Mutual Observation to Propaganda War. Premodern Revolts in their Transnational Representations. Bielefeld: Transcript, 2014. P. 177–199.

Источники

Апофеосис 1709 — Политиколепная apotheosis достохвалныя храбрости всероссийскаго Геркулеса пресветлеишаго, и великодержавней-

- шаго, Богом венчанного, и Богом укрепляемого, и Богом прославляемого, великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексиевича всея Великия, и Малыя и Белья России императора и автократора... М.: Московский Печатный двор, 1709. [Politikolepnaja apotheosis dostohvalnyja hrabrosti vsrossijskago Gerkulesa presvetleishago, i velikoderzhavneishago, Bogom venchan-nago, i Bogom ukrepljaemago, i Bogom proslavljaemago, velikago gosudarja nashego carja i velikago knjazja Petra Aleksievicha vseja Velikija, i Malyja i Belyja Rossii imperatora i avtokratora... [Apotheosis of Russian Hercules, our tzar and grand duke Peter Alekseevich, the emperor and autocrat of Russia...] Moskva: Moskovskij Pечатnyj dvor, 1709.]
- Архив Куракина 1890 — Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семевского. Кн. 1. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1890. [Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Prince F. A. Kurakin's archive]. Edited by M. I. Semevsij. Vol. 1. Sankt-Peterburg.: Tipografija V. S. Balasheva, 1890.]
- Ведомости 1903–1906 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1–2. М.: Синодальная типография, 1903–1906. [Vedomosti vremeni Petra Velikogo [The Vedomosti of the Peter the Great's Era]. Vol. 1–2. Moskva: Sinodal'naja tipografija, 1903–1906.]
- Гавриил Бужинский 1901 — Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Издал Е. Петухов. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1901. [Propovedi Gavriila Buzhinskogo (1717—1727) [Sermons by Gavriil Buzhinsky]. Edited by E. Petuhov. Jur'ev: Tipografija K. Mattisena, 1901.]
- Гюбнер 1719 — И. Гюбнер. Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии .. Чрез Ягана Гибнера собраное. М., 1719. [J. Hübner. Zemnovodnogo kruga kratкое opisanie iz staryja i novuja geografii .. Chrez Jagana Gibnera собраное [A collection of Mr Joh. Hübner's questions of the new and old geography]. Moskva, 1719.]
- Зеркало света 1786 — Зеркало света. Еженедельное издание. Ч. 1. № 13. СПб.: Тип. Шнора, 1786. [Zerkalo sveta. Ezhenedel'noe izdanie [The mirror of the world. Weekly journal]. Part 1. № 13. Sankt-Peterburg: Tipografija Shnora, 1786.]
- Карамзин 1802/1964 — Н. М. Карамзин. О похитителях // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения. В 2-х т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 277–278. [N. M. Karamzin. O pohititeljah [On the usurpers] // N. M. Karamzin. Izbrannye sochinenija. 2 vol. Moskva; Leningrad: Hudozhestvennaja literatura, 1964. Vol. 2. P. 277–278.]
- Краткое описание 1711 — Краткое описание о воинах, из книг Цезариевых, с некоторыми знатными приметы о тех воинах, со особливым о войне разговором. М.: Московский Печатный двор, 1711.

- [Kratkoe opisanie o voinah, iz knig Cezarievyh, s nekotorymi znatnymi primety o teh voinah, so osoblivym o voine razgovorom [An abridgement of Julius Caesar's commentaries: with political remarks on his wars...]. Moskva: Moskovskij Pechatnyj dvor, 1711.]
- ПБП — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; Л.; М., 1887–1964, 1975–1977. Т. 1–12. [Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Sankt-Peterburg; Leningrad; Moskva, 1887–1964, 1975–1977. Vol. 1–12.]
- Переписка 1997 — Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. Изд. подготовил В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. [Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaja perepiska 1769–1791 [Catherine II and G. A. Potemkin. Private correspondence 1769–1791]. Edited by V. S. Lopatin. Moskva: Nauka, 1997.]
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1649–1825. Т. 1–40. СПб.: тип. 2 Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian empire]. Sobranie 1-e. 1649–1825. Vol. 1–40. Sankt-Peterburg: Tipografija 2 Otdelenija Sobstv. e. i. v. kanceljarii, 1830.]
- Пуфендорф 1718 — Введение, в историю европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия, на нем. языке сложенное, таже чрез Иоанна Фридерика Крамера, на лат. преложенное. Ныне же... на рос. с лат. преведенное. СПб., 1718. [Vvedenie v gistoriju evropeiskuju. Chrez Samuila Pufendorfija, na nem. jazyce slozhennoe, tazhe chrez Ioanna Friderika Kramera, na lat. prelozhennoe. Nyne zhe... na ros. s lat. prevedennoe [An Introduction to the History of the Principal Kingdoms and States of Europe]. Sankt-Peterburg, 1718.]
- Феофан Прокопович 1723 — Первое учение отроком В немже буквы и слоги... СПб.: Тип. Александро-Невского монастыря, 1723. [Pervoe uchenie otrokom V nemzhe bukvy i slogi... [A student's first lesson]. Sankt-Peterburg: Tipografija Aleksandro-Nevskogo monastyrja, 1723.]
- Феофан Прокопович 1726/1862 — Дело о Феофане Прокоповиче. М.: Унив. тип., 1862. [Delo o Feofane Prokopoviche [Case of Feofan Prokopovich]. Moskva: Universitetskaja tipografija, 1862.]
- Храповицкий 1874 — Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 г. по 17 сентября 1793 г. По подлинной его рукописи, с биографической статьей и объяснительным указателем Н. Барсукова. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1874. [Dnevnik A. V. Khrapovickogo s 18 janvarja 1782 g. po 17 sentjabrja 1793 g. [Diary of A. V. Khrapovitsky from 18 January 1782 to 17 September 1793]. Po podlinnoj ego rukopisi, s biograficheskoj stat'ej i objasnitel'nym ukazatelem N. Barsukova. Sankt-Peterburg: Tipografija M. Stasjulevicha, 1874.]

Pufendorf 1683 — S. Pufendorff. Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden. Frankfurt am Mayn: Knoch, 1683.

Pufendorf 1702 — Samuelis Pufendorfii Introductio Ad Historiam Europæam, Latine reddita a Jo. Frid. Cramero. Editio tertia, a multis erroribus emendata, et Compendio Historiæ Sueciæ, aucta. Ultrajecti: Ex Officina Guilielmi van de Water, MDCCII.

А. М. Певнов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЭТИМОЛОГИЯ САМОНАЗВАНИЯ ОРОКОВ¹

Ороки (уильта, ульта) — малочисленный народ (не больше 300 человек), живущий на Сахалине (пос. Вал, г. Поронайск). Традиционными занятиями ороков были оленеводство, рыболовство, охота на морского зверя.

Орокский язык относится к числу тунгусо-маньчжурских, ближе всего он к нанайскому и к ульчскому (особенно к последнему). В орокском языке два диалекта — северный и южный [Кегамі 2001: 247–283]. Диалекты эти достаточно близки — различия между ними в основном лексические, и они не препятствуют взаимопониманию. В настоящее время орокский язык помнят лишь несколько пожилых людей.

У малочисленных народов нередко бывает несколько названий. У ороков, кроме *ороков*, это ещё и *орочёны* (*орочоны*), и *уильта* (*ульты*). «Сами ороки называют себя ороками только в тех случаях, когда разговаривают с народами, у которых они известны под этим названием» [Петрова 1967: 6]. Самоназвание ороков *уилта*² является, скорее всего, экзотонимом, о чём свидетельствует история этого слова, являющаяся предметом данной этимологической заметки. Уточню: я предпочитаю использовать «старый» термин *орок(и)* (*орокский*) по двум причинам: во-первых, научную терминологию лучше не менять, а во-вторых, слово *уильта* не освоено русским языком и вряд ли будет им освоено хотя бы по формальным причинам (ср. аналогичную ситуацию со словом *коми*).

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-50123а(ф) «Исторические контакты исчезающего орокского языка».

² Примеры в статье даны в транскрипции, принятой в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1977], однако при этом не указываются варианты фонем, обусловленные действием закона сингармонизма. Если слово приводится по опубликованной работе, то даётся только транскрипция оригинала.

Предпринимались попытки связать самоназвание *уилта* (*ульта*) с орокским названием домашнего оленя (*улā*). В частности, такое объяснение происхождения данного этнонима нашло отражение в [ССТМЯ 1977: 262-263]: в словарной статье «УЛТА орок» приводятся эвенк. (сахалинские говоры) *улта* ‘орок (мужчина)’, *ултамни* ‘орокская женщина’; нег. *олча* ‘ульча’, *олчан* (низовской говор) ‘удэ (т. е. удэгеец. — А.П.)’; ороч. *ула* ‘олень (домашний)’; ульч. *улча* ‘орок’; орок. *улта* ~ *ул’та* [**ул’ча*] ‘орок (самоназвание)’, *ула* ‘олень (домашний)’; маньчж. *улха*, *улха ужима* (парное слово) ‘скот (вообще), животное (домашнее)’.

Идея сравнения орок. *улā* ‘домашний олень’ с этнонимом *улта*³ ~ *ул’та* перекликается с аналогичным сравнением представленного в других тунгусо-маньчжурских языках названия домашнего оленя (эвенк. *орон*; эвен. *орън*, *одна* ~ *ор* ~ *орна*, *оран*, *орон*; нег. *ојон*; удэг. *оло* ~ *оро*; ульч. *оро(н-)*; нан. *орō*; маньчж. *орон* *буху*) с этнонимом *орочён* (самоназвание забайкальско-амурских эвенков), а также с эвен. *оръч* ~ *орач* ~ *орос*, ороч. *орочи* (поздний экзоэтноним), маньчж. *орончо* (название народа) [ССТМЯ 1977: 24–25]. Г. М. Василевич не поддержала такую этимологию слова *орочён* (*орочен* в работе Глафиры Макарьевны), ссылаясь на то, что «в говорах амуро-зейского диалекта имеется суфф. *-чен* для образования названий по месту жительства (*Дею + чен* — «житель Зеи»; *Нюй + чен* — «житель Ньюи»). Один из средних притоков Амура и весь его (притока. — А. П.) бассейн называется по-эвенкийски Оро (<...> Таким образом, слово *орочен* обозначало жителя местности Оро» [Василевич 1969: 12]. Правда, справедливости ради надо сказать, что в некоторых эвенкийских диалектах есть слово *мурчен* (*мурчён?*) ‘конеvod’, образованное от *мурин* ‘конь’.

Возведение самоназвания ороков *уилта* ~ *улта*⁴ к слову *улā* ‘домашний олень’ невозможно обосновать хотя бы потому, что остаётся без объяснения сегмент *-та*.

³ Отмечу не очень удачную транскрипцию — в инлауте тунгусо-маньчжурских слов недопустимо сочетание трёх согласных; на самом деле это не *улта*, а *уилта*, ср. *uilta* в [Ikegami 1997: 217].

⁴ Варианты самоназвания ороков написал ещё до Второй мировой войны в южной части Сахалина Х. Магата: *uilita*, *uita*, *ul'ta* (однако в приведённых в соответствующей словарной статье примерах ударение

Одна из недавних попыток этимологизировать самоназвание ороков принадлежит А. Ф. Старцеву — по его мнению, это самоназвание восходит к «названию большой деревни на территории негидальцев», давно уже не существующей; речь идёт об «ойкониме *Uil* (Уил)» [Старцев 2015: 126] (ср. «... следует ожидать, что основа *ул' ~ уил' ~ ујл'* будет связана с названием какой-либо местности, возможно, реки...» [Петрова 1967: 6]).

На мой взгляд, самоназвание ороков *уилта ~ улта* восходит к **уилтта(н)* < **улинта(н)* < **улинча(н)* < *ули-нкāн, где корневая основа **ули-* означала 'река'⁵, а словообразовательный суффикс **-нкāн* оформлял названия жителей берегов или бассейна рек⁶. Таким образом, древняя внутренняя форма этнонима *уилта ~ улта* — «поречанин».

указано не на первом, а на втором гласном: *bi uĩṭabi* 'я — орок (уильта)', *uĩṭa kəṣəni* 'язык уильта, орокский язык' [Magata 1981: 220]. Т. И. Петрова записала этот этноним незадолго до начала войны (или вскоре после её окончания) как *ул'та ~ ујл'та* [Петрова 1967: 6]. Шестьдесят с лишним лет назад Дз. Икэгами записал самоназвание ороков в виде *Uilta*, причём отметил, что в форме винительного падежа возможно как *Uiltaa* (< *Uilta-wa. — А. П.), так и *Uiltamba* (< *Uiltan-ba. — А. П.) [Ikegami 1997: 217].

⁵ Ср. ороц. *ули* 'река', удэг. *ули* '1) вода; 2) река', орок. *ун'и* 'река', ульч. *уни* 'горная речка' [Суник 1985: 247], нан. *он'и* 'горная река' [Оненко 1980: 313]; этим же словом нанайцы называют правый приток Амура, в русской адаптации Анюй или Онюй (в ССТМЯ в статье «УЛИ II река» соответствия с *н'* вместо *л* отсутствуют [ССТМЯ 1977: 260]). Нанайский род, который «ведет свое происхождение от удэ, живущих по р. Онюй» [Аврорин 1959: 115], называется *Онинкан* (в фонетической транскрипции *Он'иука̄*, где суффикс *-ука̄* обозначает жителей или жителя какой-либо местности). Таким образом, самоназвание ороков, реконструируемое мной как *ули-нкāн 'поречанин', «изоморфемно» с нанайским словом *он'иука̄* (< *ули-нкāн) 'поречанин' и с названием нанайского рода *Он'иука̄* (к нему принадлежал нанайский лингвист С. Н. Оненко).

⁶ Первой к такому выводу пришла Т. И. Петрова: «... фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс *-та* с весьма продуктивными суффиксами *-нкā* в нанайском языке и *-нча* в ульчском: *-нкā ~ -нча ~ -нта > -тта > -та*. Суффиксы *-нкā* и *-нча* в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имен существительных имена, обозначающие название жителя данной местности. Если придавать такое же значение суффиксу *-та* в слове *ул'та ~ ујл'та*, сле-

Одно из промежуточных звеньев в цепочке *уилта* ~ *улта* < *ули**т**та(н) < *улин**т**та(н) < *улин**ч**а(н) < *ули-н**к**āн, а именно — *улин**ч**а(н) — образовалось в общем предке ульчского и орокского (в ульчско-орокском праязыке), поскольку из всех тунгусо-маньчжурских только в ульчском представлен результат перехода -нк- > -нч- (например: ульч. *хаванчи* ‘откуда?’ < *хаван**к**и, *хэугунчэ*(н) ‘негидалец (букв. амгунец, житель реки Амгунь)’ < *хэугун**к**э(н). Переход -нт- > -тт- произошёл уже в орокском языке: орок. *натта* ‘шкура’ < *нан**т**та (ср. ульч. *нанта* ‘кожа, шкура’), *дөөттө* ‘дух-хозяин земли; медведь’ [Kegami 1997: 49] < *дүэ**нт**тэ (ср. ульч. *дүэнтэ* ‘тайга, лес’), *ситтоо* ‘бочка’ < айн. *sintoko* [Kegami 1997: 188].

Предполагаю, что в праульчской форме *улин**ч**а(н) произошло синкопирование гласного *и* с одновременным устранением возникшего недопустимого кластера, включающего три согласных (*ули↓н**ч**а(н) > *у**лнч**а(н) > ул**ч**а(н)). Что касается праорокской формы *ули**т**та(н), то здесь развитие пошло двумя путями: 1) так же как в праульчском, синкопирован гласный *и*, а затем устранена геминация согласного *т* (*ули↓т**т**а(н) > *ул**т**та(н) > ул**т**а(н)); 2) всё произошло так же, как и в первом случае, только устранение гласного *и* во втором слоге сопровождалось его появлением в первом слоге — очевидно, этому способствовал палатализованный характер согласного *л* в позиции перед *и* (*ули↓т**т**а(н) > *у**ил**↑т**т**а(н) > у**ил**т**т**а(н)).

Предлагаемая гипотеза имеет две слабые стороны: 1) допускается возможность «передвижения» гласного *и* внутри слова, что вроде бы не наблюдается ни в орокском, ни в других тунгусо-маньчжурских языках; 2) в праульчской форме *улин**ч**а(н) и в праорокской *ули**т**та(н) мы видим в словообразовательном суффиксе (-н**ч**а(н) и -т**т**а(н)) проявление особенностей соответственно ульчской и орокской исторической фонетики, однако производящая основа *ули-* ‘река’ в плане исторической фонетики в обоих случаях как бы чужая: в праульчском можно было бы ожидать *у**н**’ин**ч**а(н), а в праорокском *у**н**’ит**т**а(н) (ср. ульч. *ун’и*

дует ожидать, что основа *ул’ ~ уил’ ~ уйл’* будет связана с названием какой-либо местности, возможно, реки, по типу: Валетта — название орокского рода, Валу ~ Вал — название реки. Суффикс -*та* можно также сопоставить с конечным элементом, имеющимся в родовых названиях Гетта, Муэттэ (<...>) [Петрова 1967: 6].

‘горная речка’ и орок. *ун’и* ‘река’, но ороch. *ули* ‘река’). Впрочем, и в праульчском, и в праорочском переход *л > н* в интервокальной позиции ещё мог не произойти в то время, когда образовались рассматриваемые этнонимы.

Интересно, что словом *улча(н) ~ олча(н)* называют в низовьях Амура не свой, а другие тунгусо-маньчжурские народы: ульчи называли ороков, а также, возможно, орочей *улча* [Суник 1985: 9, 247], а негидальцы (низовской говор) удэгейцев — *олчан* [Цинциус 1982: 258]. Правда, у меня есть некоторые сомнения по поводу того, что негидальцы были знакомы с удэгейцами — скорее, с орочами, поскольку они ближе живут. По-видимому, тот же корень присутствует в названии рода *Олчакоул* у верховских негидальцев (этот род упоминается в [Цинциус 1982: 258]) — доказать это можно тем, что не только *-ул*, но и *-ко-* (точнее, *-кō-* (*-xō-*), а также его вариант *-кā-* (*-xā-*)) являются суффиксами, оформляющими именно в данной последовательности некоторые родовые названия негидальцев, ср. *N’asixagil*, *Чотохогил*, *Bosakogil*; названия родов даны здесь так, как они приведены в работе [Мыльникова, Цинциус 1931: 110] (словообразовательные суффиксы подчёркнуты мной. — А. П.).

Сами ульчи себя ульчами никогда не называли. Как писал О. П. Суник, «Этноним «ульчи», «ольча», предложенный Л. Шренком, работавшим среди народностей Амура в течение двух лет (1854–1856), не содержит в себе чего-либо одиозного, но получил распространение и официальное признание он только в годы советской власти» [Суник 1985: 8]. И далее: «По сведениям писателя А. Л. Вальдю, нāн’й (то есть ульчи. — А. П.) называют ульчами ороков и орочей, но не себя» [Суник 1985: 9]. Интересно, что ороки и орочи оказались здесь в одной «компании» — вряд ли это случайно, поскольку у меня есть факты, свидетельствующие о том, что именно между орочами, ороками и ульчами некогда были контакты, проявившиеся в определённом количестве в основном лексических изоглоссах.

Сокращения

айн. — айнский язык; нег. — негидальский язык; нан. — нанайский язык; маньчж. — маньчжурский язык; орок. — орокский язык; ороch. — ороchский язык; удэг. — удэгейский язык; ульч. — ульчский язык; эвен. — эвенский язык; эвенк. — эвенкийский язык

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1959. [V. A. Avrorin. Grammatika nanaiskogo iazyka [Nanai Grammar]. Volume I. Moskva — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1959]
- Василевич 1969 — Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука. 1969. [G. M. Vasilevich. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX veka) [Evenks. History-Ethnographical Studies (XVIII — the beginning of the XX century)]. Leningrad: Nauka. 1969]
- Мыльникова, Цинциус 1931 — К. М. Мыльникова, В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка // Тунгусский сборник. I. Л., 1931. [K. M. Myl'nikova, V. I. Tsintsius. Materialy po issledovaniiu negidal'skogo iazyka [Material for the Study of the Negidal Language] // Tunguskii sbornik. I. Leningrad. 1931]
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык. 1980 [S. N. Onenko. Nanaisko-russkii slovar' [Nanai-Russian Dictionary]. Moskva: Russkii iazyk. 1980].
- Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука. 1967. [T. I. Petrova. Iazyk orokov (ul'ta) [The Language of the Oroks (Ulta)]. Leningrad: Nauka. 1967]
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука. 1977. [Srvavnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh iazykov. Materialy k etimologicheskomu slovariu [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungusic Languages. Materials for the Etymological Dictionary]. Volume II. Leningrad: Nauka. 1977]
- Старцев 2015 — А. Ф. Старцев. Ороки — орочёны, а не ульта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука. 2015. [A. F. Startsev. Oroki — orochiony, a ne ul'ta! [Oroks are Orochens, not Ul'ta! On the Problem of Sakhalin Oroks Ethnogeny]. Vladivostok: Dal'nauka. 2015]
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука. 1985. [O. P. Sunik. Ul'chskii iazyk. Issledovaniia i materialy [The Ulch Language. Studies and Materials]. Leningrad: Nauka. 1985]
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука. 1982. [V. I. Tsintsius. Negidal'skii iazyk. Issledovaniia i materialy [The Negidal Language. Studies and Materials]. Leningrad: Nauka. 1982]

- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press. 1997.
- Ikegami 2001 — Jirô Ikegami. Researches on the Tungus Language. Tokyo: Kyûko Shoin. 2001.
- Magata 1981 — Hisaharu Magata. A Dictionary of the Uilta Language. Abashiri: The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore. 1981.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатов Владимир Михайлович — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: v-alpatov@ivran.ru.

Аркадьев Петр Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, доцент Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: alpgurev@gmail.com.

Балчюниене Ингрида — кандидат филологических наук (PhD), доцент кафедры общей и прикладной психологии с курсом медико-биологических дисциплин, ГБОУ ВПО СПбГПМУ, доцент кафедры литовского языка, Университет Vytautas Magnus (Каунас, Литва). Электронная почта: ingrimi@gmail.com.

Вершинина Елена Андреевна — старший научный сотрудник Института физиологии им. И. А. Павлова, Москва. Электронная почта: ver_elen@mail.ru.

Воейкова Мария Дмитриевна — доктор филологических наук, заведующий отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: maria.voeikova@gmail.com.

Галкина Елена Владимировна — соискатель при отделе теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dinomama@yandex.ru.

Герасимова Анастасия Алексеевна — магистрант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, лаборант-исследователь Московского педагогического государственного университета, Москва. Электронная почта: anastasiagerasimova432@gmail.com.

Доброва Галина Радмировна — доктор филологических наук, профессор кафедры языкового и литературного образования

ребенка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Электронная почта: galdobr@peterlink.ru.

Еливанова Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Электронная почта: melivanova@yandex.ru.

Елисеева Марина Борисовна — кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Электронная почта: melyseeva@yandex.ru.

Иванова Елена Юрьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: eli2403@yandex.ru.

Иванова Кира Александровна — младший научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, преподаватель «Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”», Санкт-Петербург. Электронная почта: kira.ivanova@gmail.com.

Истратий Виктория Викторовна — младший научный сотрудник Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: v.istraty@gmail.com.

Казаковская Виктория Владиевна — доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: victory805@mail.ru.

Козлов Алексей Андреевич — аспирант школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: scripturas@mail.ru.

Коношенко М. Б. — Кандидат филологических наук, доцент учебно-научного центра лингвистической типологии института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; старший преподаватель кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета, Москва. Электронная почта: eleiteria@yandex.ru.

Korecky-Kröll K. — Austrian Centre for Digital Humanities, Austrian Academy of Sciences, Vienna. University assistant (postdoc) at the Department of German Studies and at the Department of Linguistics.

Корнев Александр Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета, заведующий Лабораторией нейрокогнитивных технологий НИЦ СПбГПМУ. Электронная почта: kornev1949@gmail.com.

Краснощечкова Софья Викторовна — кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования Высшей школы международных образовательных программ Санкт-Петербургского Политехнического Университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: ndhito@mail.ru.

Круглякова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент; доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Электронная почта: tkrugljakova@yandex.ru.

Лютикова Екатерина Анатольевна — доктор филологических наук, доцент Московского государственного университета имени Ломоносова, профессор Московского педагогического государственного университета, Москва. Электронная почта: lyutikova2008@gmail.com

Мяки Мария — магистрант, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия.

Наталья Вадимовна Сердобольская — кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, заведующая Лабораторией лингвистической типологии Московского педагогического государственного университета, Москва. Электронная почта: serdobolskaya@gmail.com.

Оскольская Софья Алексеевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языков народов России ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: sonypolik@mail.ru.

Певнов Александр Михайлович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Электронная почта: pevnov@gmail.com.

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, университетский лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия. Электронная почта: ekaterina.protassova@helsinki.fi.

Проценюк Екатерина Алексеевна — студентка третьего курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Электронная почта: eprotsenyuk@bk.ru.

Родина Наталия Михайловна — кандидат психологических наук, доцент Московского государственного педагогического университета, Москва.

Рожанский Федор Иванович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, научный сотрудник Тартуского университета, Москва/Тарту. Электронная почта: handarey@yandex.ru.

Ронько Роман Витальевич — преподаватель школы лингвистики, факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: romanronko@gmail.com.

Саркисов Иван Владимирович — студент второго курса магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Электронная почта: vanya.sarkisov@gmail.com.

Семушина Валерия Анатольевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Институт иностранных языков, Санкт-Петербург. Электронная почта: haleria@yandex.ru.

Сизова Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, ГДОУ № 85 Центрального района, Санкт-Петербург, osizova@yandex.ru.

Сосновцева Елизавета Григорьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: e.sosnovtseva@gmail.com.

Стойнова Наталья Марковна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики ИРЯ РАН, Москва. Электронная почта: stoynova@yandex.ru.

Тестелец Яков Георгиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом кавказских языков Института языкознания РАН, профессор Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Институт современных лингвистических исследований» при Московском педагогическом государственном университете, Москва. Электронная почта: testelets@gmail.com.

Толдова Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: toldova@yandex.ru.

Урманчиева Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории грамматики Института Лингвистических Исследований РАН. Электронная почта: urmanna@yandex.ru.

Цейтлин Стелла Наумовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Электронная почта: stl2006@list.ru.

Шкапа Мария Валерьевна — кандидат филологических наук, преподаватель Московского педагогического государственного университета. Электронная почта: mashashkapa@gmail.com.

Шлуинский Андрей Болеславович — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: ash1@yandex.ru.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Исследования по теории грамматики. Выпуск 8.
Дифференцированное маркирование аргументов:
материалы к типологии

Е. А. Лютикова. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа

В статье рассматривается дифференцированное маркирование аргументов (DAM) с точки зрения современных формальных моделей падежа. Утверждается, что DAM может рассматриваться как единый феномен, в основе которого лежит общая модель отклонения от прототипического кодирования грамматической функции, вызванного фактором-лицензором DAM. Благодаря этому феномен DAM может быть охарактеризован при помощи единой системы параметров, включающих локальность лицензора, наличие семантической мотивации, наличие позиционного распределения, корреляцию с согласованием. Эти параметры ложатся в основу оценки объяснительного потенциала современных формальных моделей падежа — минималистской модели приписывания падежа вершинами и конфигурационной модели. Обнаруживается, что в обеих теориях существует принципиальная возможность моделирования всех видов DAM, однако одни типы варьирования гармонируют с моделью приписывания падежа вершинами, в то время как другие типы — с конфигурационной моделью.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование аргументов, падежные теории, согласование, формальный синтаксис, структура именной группы.

Ф. И. Рожанский. Дифференцированное маркирование объекта в прибалтийско-финских языках: основные принципы и девиации

Статья посвящена дифференцированному маркированию объекта в прибалтийско-финских языках. Их отличительная особенность состоит в том, что объект может маркироваться целым рядом падежей: партитивом, номинативом, генитивом, а в некоторых языках и местоименным аккузативом. В первой части статьи излагаются общие принципы маркирования прибалтийско-финского объекта.

Наблюдаемая система маркирования возникает в результате контаминации двух оппозиций: во-первых, оппозиции парциального и тотального объекта, в основе которой лежит нетривиальная семантическая категория парциальности, и во-вторых, оппозиции тотальных падежей (номинатива, генитива и местоименного аккузатива), используемой для иерархического маркирования синтаксических ролей. Во второй части статьи рассматриваются девиации системы маркирования объекта в конкретных идиомах. Основное внимание уделено конструкциям: (а) с местоименным объектом, (б) с объектом, выраженным числительным, (в) с глаголом в имперсональной форме и (г) с предикацией, состоящей из двух глагольных лексем.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, синтаксис, падеж, дифференциальное маркирование объекта.

Н. В. Сердобольская. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском

В статье исследуются правила выбора кодирования прямого дополнения в бесермянском диалекте удмуртского языка. В удмуртском языке прямое дополнение может оформляться аккузативом, кумулятивными показателями аккузатива и посессивности, а также выступать без оформления. В бесермянском наиболее важным фактором является референциальный статус прямого дополнения: определенные референты требуют аккузатива или посессивных показателей, остальные типы референтов не присоединяют показателя. Мы показываем, что распределение аккузатива и посессивных показателей основано на следующем. Единичные и известные именные группы в основном маркируются аккузативом, а посессивный аккузатив является маркированным средством, который кодирует известные именные группы, не обладающие свойством единичности, а также используется для выражения различного типа дискурсивных и коммуникативных оттенков (контрастный топик, принадлежность теме при узком фокусе на подлежащем или глаголе, введение нового топика в дискурс и возврат к деактивированному топикю и т. п.).

Ключевые слова: дифференцированное маркирование прямого дополнения, прямое дополнение, аккузатив, референциальный статус, определенность, единичность, известность, посессивность, уральские языки, удмуртский язык.

С. Ю. Толдова. Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке

Работа посвящена описанию кодирования прямого дополнения в мокша-мордовском. В мордовских языках и глагольная (субъектное vs. объектное спряжение), и именная система (показатель определенного склонения vs. отсутствие показателя) участвуют в кодировании. В работе рассматривается кодирование прямого дополнения показателем определенного склонения в зависимости от референциального статуса именной группы, рассматриваются случаи оформления определенным показателем неопределенных именных групп: (1) в контексте выбора из предопределенного множества, (2) для генерических ИГ в позиции топика. Предлагается единое объяснение выбора данного показателя через понятия партитивности и дискурсивной связанности.

Ключевые слова: Дифференцированное кодирование прямого дополнения, финно-угорские языки, мокшанский, определенное склонение, субъектно-объектное спряжение, референциальный статус именной группы.

А. А. Козлов. Акциональные механизмы ДМО в мокшанском языке и проблемы циклов грамматикализации.

Статья посвящена влиянию акциональной семантики глагола на маркирование прямого дополнения в мокшанском языке. Автор предлагает гипотезу об историческом развитии этой системы в генетическом контексте других мордовских и прибалтийско-финских идиомов.

Ключевые слова: Дифференцированное маркирование аргументов, мокшанский язык.

П. М. Аркадьев. Объектный партитив отрицания: Ареально-типологическая перспектива

В статье рассматривается генитивное/партитивное маркирование прямого объекта при отрицании, представленное в балтийских, славянских и прибалтийско-финских языках. Особое внимание уделяется соотношению локального (в пределах клаузы) и дистантного (при отрицании матричного предиката, управляющего инфинитивом) вариантов данного правила. Наиболее последовательно как локальный, так и дистантный партитив отрицания представлены в поль-

ском, словенском, литовском и прибалтийско-финских языках, в то время как в латышском и большей части славянских языков партитив отрицания либо факультативен и маргинален, либо вообще вышел из употребления. Диахронические данные свидетельствуют об архаичности партитива отрицания в балтийских и славянских языках и о возможной роли языковых контактов как в утрате этого правила одними языками, так и в сохранении его другими. Кратко обсуждаются также возможные типологические параллели в языках Европы и других ареалов.

Ключевые слова: славянские языки, балтийские языки, прибалтийско-финские языки, романские языки, баскский язык, партитив, отрицание, ареальная типология.

Р. В. Ронько. Надо корова доить! Номинативный объект в северорусских диалектах

Основной способ оформления прямого дополнения в русских говорах — это использование аккузатива, однако существуют конструкции, в которых именные группы в данной позиции маркируются номинативом. Эта ситуация трактуется в статье как частный случай дифференцированного маркирования объекта (Differential Object Marking, DOM), где именная группа в позиции объекта при определенных условиях может получать именительный падеж, а в «стандартном» случае поучает винительный. Статья посвящена данному явлению в северорусских говорах. Ряд синтаксических контекстов с номинативными объектами анализируются с точки зрения некоторых обнаруженных в данных идиомах факторов — лицензоров DOM: одушевленности, референтности, порядка слов, информационной структуры предложения, модальности предикатов. Также рассматриваются вопросы об историческом развитии и синтаксическом статусе данных именных групп.

Ключевые слова: Дифференцированное маркирование аргументов, дифференцированное маркирование объекта, номинатив объекта, северорусские диалекты.

А. А. Герасимова. Дифференцированное падежное маркирование и линейная позиция аргументов в русских событийных номинализациях

Статья посвящена исследованию проблемы дифференцированного падежного маркирования в контексте русских событийных номинализаций. Исследуются стратегии кодирования актантов имен

действий, лексически управляющих падежом внутреннего аргумента. Полученные результаты не только демонстрируют наличие в русском языке нескольких стратегий кодирования актантов имен действий, но и свидетельствуют о наличии корреляций между способом маркирования и порядком аргументов номинализаций. Наконец, в статье проводится сопоставление рассматриваемой закономерности с данными о порядке аргументов при других поддерживающих аргументную структуру отглагольных дериватах, в частности, пассивных причастиях.

Ключевые слова: номинализация, событийная интерпретация, причастие, структура именной группы, аргументная структура, падеж, дифференцированное маркирование актантов, русский язык.

Е. А. Проценюк. Выбор падежа зависимого имени при прилагательном *полный*

Работа посвящена выявлению тенденций выбора падежа зависимого имени при прилагательном *полный* и установлению факторов, влияющих на этот выбор. Полученные данные позволяют прийти к нескольким выводам: местоимения и имена собственные выбирают преимущественно форму Т.п., в то время как для всех нарицательных существительных заметно предпочтение формы Р.п., доля которой растет со временем. В ряде лексических классов существительных выбор падежа составляет зону колебания.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование актантов, валентности прилагательных, родительный падеж, творительный падеж, таксономические классы существительных, вариативность.

Я. Г. Тестелец. Абазинские именные конструкции: дифференцированное маркирование без маркирования

В статье исследуются синтаксические свойства именных конструкций в абазинском языке, относящемся к западнокавказской языковой семье. Несмотря на отсутствие падежного или послеложного маркирования основных аргументов, к абазинскому языку применима двухуровневая структурная модель (Noun Phrase vs. Determiner Phrase), с помощью которой ранее описывалось явление «псевдоинкорпорации» в ряде языков с дифференцированным маркированием (австронезийских, тюркских, адыгских). В DP, но не в NP, возможно выражение категорий числа и определенности; на-

блюдаются также некоторые характерные семантические различия и ограничения на линейный порядок.

Ключевые слова: Дифференцированное маркирование аргументов, абазинский язык.

А. Ю. Урманчиева. Употребления эвиденциального показателя, компенсирующие утрату исходного механизма ДМО в селькупском

Статья посвящена возникновению в северном диалекте селькупского нового грамматического механизма в сфере ДМО: если имя в объектной позиции вводит в дискурс референт, который будет топиком на протяжении следующего фрагмента повествования, глагол выступает в форме косвенной эвиденциальности. Этот механизм компенсирует утрату в селькупском традиционного самодийского механизма ДМО — противопоставления двух типов спряжения.

Ключевые слова: ДМО, эвиденциальность, самодийские языки, северный диалект селькупского.

Н. М. Стойнова, С. А. Оскольская. Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке

В статье рассматривается дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке (тунгусо-маньчжурские). В позиции прямого объекта в нанайском языке может выступать форма имени со специализированным показателем аккузатива или немаркированная форма. В предшествующих описаниях делалось утверждение о том, что немаркированная форма в позиции дополнения крайне маргинальна и выходит из употребления, однако данные современных устных текстов этого не подтверждают. Количественное исследование факторов, влияющих на выбор стратегии маркирования, показывает, что перед нами система, ориентированная скорее на контекстный статус объекта, нежели на его постоянные свойства: релевантными оказываются референциальный статус (определенность, возможно нереферентность) и коммуникативный (топикальность), тогда как такие характеристики, как одушевленность и личность, роли не играют. Отдельную проблему при анализе нанайского материала составляет тот факт, что трудноразличимы оказываются немаркированная форма имени и форма аккузатива, подвергшаяся фонетической редукции.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки.

И. В. Саркисов. Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском диалекте новоарамейского языка

Настоящее исследование посвящено проблеме дифференцированного маркирования объекта в христианском урмийском диалекте (новоарамейские языки). В ходе работы было установлено, что в литературном языке объект обычно маркируется аллативным показателем, а в разговорном наблюдаются две различные системы: тенденция к полному отсутствию маркирования и совокупность сложных правил, при которых объект может быть немаркирован, согласовываться с глаголом или оформляться дативным предлогом в зависимости от определенности и одушевленности.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование, арамеистика, новоарамейские языки, урмийский диалект, прямой объект.

М. Б. Коношенко. Дифференцированное маркирование актантов в юго-западных и южных языках манде

Статья посвящена вариативному маркированию глагольных актантов в юго-западных и южных языках семьи манде (Западная Африка). Показано, что, несмотря на отсутствие морфологического падежа, в обсуждаемых языках наблюдаются явления расщепленного вершинного маркирования актантов. Речь идет, во-первых, о выборе прономинального показателя в анафорическом/дейктическом контексте и, во-вторых, о лично-числовом маркировании глагольной группы при лексическом актанте. В работе обсуждаются два типа расщепления — дифференцированное маркирование подлежащего, которое зависит от видо-временной семантики глагольной конструкции, а также нетривиальное вариативное маркирование актантов в любой позиции, если они выражены сочиненными именными группами, группами с детерминативом и местоимениями с квантором.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование аргументов, падеж, подлежащее, вершинное маркирование, языки манде.

А. Б. Шлуинский. Конструкции с глаголом ‘брат’ как источник дифференцированного маркирования объекта: данные языков ква, бенуэ-конго и гур

В статье на материале языков ква, бенуэ-конго и гур рассматриваются сериальные глагольные конструкции с глаголом ‘брат’, в которых этот глагол используется как маркер объекта лексическо-

го глагола. Обсуждаются факторы, влияющие на выбор между объектной конструкцией с ‘брат’ и простой переходной конструкцией, связанные с семантикой и прагматикой самой конструкции (выделение начального этапа ситуации, эмпфаза ситуации или объекта, преднамеренность ситуации или ее вхождение в естественный сценарий), свойствами объекта (местоименность, определенность), свойствами лексического глагола (наличие других актантов, агентивность, контролируемость).

Ключевые слова: языки ква, языки бенуэ-конго, языки гур, серийные глагольные конструкции, глагол ‘брат’, переходность, дифференцированное маркирование объекта.

М. В. Шкана. Дифференцированное падежное маркирование актантов в тибето-бирманских языках

Настоящая статья представляет собой обзор работ последнего пятнадцати лет, посвященных ДОМ и ДСМ в тибето-бирманских языках. В первой части статьи представлены общие признаки дифференцированного маркирования актантов в языках данной семьи. Во второй части приводятся примеры систем признаков, контролирующих ДОМ или ДСМ, которые предлагаются в недавних работах. В третьей части формулируются основные проблемы, связанные с описанием дифференцированного маркирования актантов в тибето-бирманских языках.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование субъекта, дифференцированное маркирование объекта, тибето-бирманские языки, эргативность.

Модальность в языке взрослых и детей

М. Д. Воейкова. Введение

Статья представляет собой введение к двум подборкам статей по модальности и усвоению языка ребенком, которые были написаны по материалам докладов на конференциях, организованных группой по изучению детской речи в ИЛИ РАН в 2015 и 2016 гг. Речь идет о трактовке категории модальности в языке детей и взрослых с позиций функциональной грамматики, а также об описании механизмов усвоения языка ребенком.

Модальность трактуется авторами данного сборника как функционально-семантическая категория, характеризующая отноше-

ние пропозициональной основы высказывания к признакам реальности/ирреальности. Разные виды модальности возникают в языковой системе ребенка не одновременно: деонтическая модальность, особенно связанная с императивом, в силу как прагматических, так и языковых причин усваивается рано, в то время как эпистемическая модальность, отражающая уверенность/неуверенность говорящего в справедливости суждения, относится к поздним этапам усвоения языка. Ранее или позднее усвоение грамматических показателей связано с тем, что существуют как языковые, так и индивидуальные механизмы, облегчающие этот процесс.

Ключевые слова: усвоение языка, деонтическая и эпистемическая модальность, вспомогательные механизмы, русский язык, типологическое сравнение.

А. Ю. Урманчиева. Маркирование дискурсивного топика в тазовском селькупском и лесном энецком как контактный феномен

В статье на материале среднетазовского, самого северного диалекта селькупского языка рассматриваются дискурсивные употребления формы косвенной эвиденциальности. Основной дискурсивной функцией селькупской формы косвенной эвиденциальности является введение в текст того референта, который на протяжении следующего фрагмента текста будет дискурсивным топиком. В статье показано, что близкие дискурсивные употребления эвиденциальных форм представлены в лесном энецком (но, по нашим данным, не в других северносамодийских идиомах). Возникает вопрос, не имеет ли это сходение ареальной природы. Как будет показано в статье, в данном случае можно предполагать встречное, перекрестное влияние двух идиомов.

Ключевые слова: самодийские языки, северный селькупский, лесной энецкий, косвенная эвиденциальность, дискурсивные функции глагольных форм, дискурсивный топик, ареальное влияние.

Е. Ю. Иванова. Составные отрицательные формы императива в болгарском и македонском языках

В болгарском и македонском языках, как известно, имеется запрет на сочетаемость СВ и отрицания при синтетическом императиве. Этот запрет компенсируется набором составных форм для отрицательного волеизъявления. В статье ставится задача рассмотреть распределение прохибитивного и превентивного значений в состав-

ных формах отрицательного императива. Показано, что основная часть составных отрицательных императивных форм в болгарском и македонском языках имеет прохибитивное значение. Превентивное значение способна выражать только наименее маркированная форма *Да не* + PRES. При этом в данной форме происходит та же видовая семантическая специализация, которая наблюдается в русском отрицательном синтетическом императиве: образование с глаголом НСВ выражает прохибитивное значение, с СВ — превентивное. Форма *Да не* + PRES.PFV в обоих языках может использоваться и с अपрехенсивным значением. Таким образом, для *да*-конструкций болгарского и македонского языков находит свое подтверждение тезис о том, что в контексте отрицания видовое различие (в частности при императивных показателях) перестает быть значимым и наименее маркированная форма НСВ выбирается по умолчанию, в то время как функционально маркированная форма перфектива подвергается реинтерпретации.

Ключевые слова: отрицание, наклонение, модальность, императив, взаимодействие глагольных категорий, болгарский язык, македонский язык.

В. В. Казаковская. Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности

Настоящая работа фокусируется на лингвистических и экстралингвистических факторах, задействованных в процессе усвоения эпистемической модальности русскоязычными монолингвальными типично развивающимися детьми раннего возраста из семей со средним и низким СЭС. К обсуждению привлекаются дневниковые наблюдения родителей за становлением данного языкового феномена в речи детей соответствующего возраста, а также известные экспериментальные исследования, проведенные с детьми более старшего возраста на понимание и продуцирование эпистемических маркеров в монологическом режиме. Статья продолжает серию публикаций, посвященных различным аспектам проблемы речевого онтогенеза эпистемической модальности в русской спонтанной речи.

Ключевые слова: усвоение языка, эпистемическая модальность, уверенность/неуверенность, достоверность сообщаемого, вводно-модальные слова, речь взрослого, обращенная к ребенку (инпут), когнитивное развитие, модель психического.

К. Корецки-Крёлль. Одобрение и неодобрение в родительском инпуте: данные семей с высоким и низким СЭС

Речь родителей, адресованная детям, может значительно различаться в зависимости от социально-экономического статуса (СЭС) семьи. В то время как родители в семьях с высоким СЭС стараются следовать одобрительным стратегиям, подталкивающим ребенка к общению, в семьях с низким СЭС принят более директивный стиль, иногда переходящий в неодобрение. Хотя эти различия более всего заметны в директивных речевых актах (ср. прямые просьбы и косвенные вопросы), они могут наблюдаться также и в экспрессивной (описательной) речи.

Статья содержит анализ ста шестнадцати тридцатиминутных записей спонтанной речи, адресованной 29 детям, говорящим по-немецки (из 15 семей с высоким статусом и 14 семей с низким СЭС (рабочий класс)). Возраст детей — от 2;11 до 4;11. Были записаны те взрослые, которые осуществляют основной уход за детьми (обычно матери). В их речи и в речи детей анализировались выражения одобрения и неодобрения, такие как специальные ответные частицы, соответствующие словам *да* и *нет*, а также специальные речевые акты, выражающие похвалу или осуждение. Статистические тесты показали значимую зависимость между СЭС взрослых и процентом одобрительных/неодобрительных высказываний в их речи: взрослые с более высоким СЭС обнаружили более выраженную одобрительную стратегию по отношению к своим детям и на уровне частиц, и на уровне вербальных выражений одобрения. Эти расхождения оказались менее выраженными у детей, которые не показали существенных различий в употреблении частиц. Однако развернутых выражений одобрения оказалось заметно больше в речи детей с высоким СЭС, в то время как дети с низким СЭС заметно чаще обращались к неодобрительным речевым актам. Результаты показывают, что такие различия могут послужить эффективным средством измерения особенностей инпута с целью минимизации неравенства между семьями.

Ключевые слова: СЭС, детская речь, речь, обращенная к ребенку, родительский стиль общения.

Е. Г. Сосновцева. Удвоение частицы *бы* в условных конструкциях

В статье рассматриваются случаи удвоения частицы *бы* в современных устных, литературных и учебных текстах, а также некоторые исторические обстоятельства, предшествовавшие возникнове-

нию этого явления. В диахронии относительно поздняя грамматикализация формы *бы* и превращение ее в энклитику способствовали возникновению контекстов с избыточным показателем сослагательного наклонения (типа *бы быша были*). В современном русском языке удвоение *бы* встречается в художественных и публицистических текстах, а также в устных высказываниях. Статья посвящена интерпретации таких употреблений.

Ключевые слова: условное наклонение, ирреальность, частица *бы*, энклитики, аграмматизм.

К. А. Иванова. Особенности употребления повелительных конструкций с *пусть* в русской детско-родительской коммуникации

Повелительные конструкции с частицей *пусть* (юссивы), будучи относительно редкими и поздно усваиваемыми, обладают рядом особенностей в контексте детско-родительской коммуникации. Ситуация общения оказывает влияние на соотношение некоторых характеристик таких конструкций, а именно на пропорцию в употреблении предикатов СВ и НСВ, переходных и непереходных глаголов и их связь с типом исполнителя. В результате обнаруживаются расхождения между данными устного подкорпуса НКРЯ и корпусов детско-родительской коммуникации.

Ключевые слова: детская речь, усвоение языка, императив, русский язык, модальность, юссив.

Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией

С. Н. Цейтлин. К вопросу о формировании промежуточной языковой системы ребенка: наблюдения над освоением отрицательных конструкций

Статья содержит наблюдения над освоением и использованием русскоязычными детьми в возрасте до 3 лет языковых единиц и синтаксических конструкций, выражающих отрицание. Привлечены материалы родительских дневников, а также расшифровки аудио- и видеозаписей, входящие в Фонд данных детской речи, существующий при лаборатории детской речи РГПУ им. А. И. Герцена. Проанализирована речь 10 детей, в том числе и материалы дневника А. Н. Гвоздева, основоположника отечественной онтолингвистики.

Несмотря на существенные различия в темпах становления индивидуальной языковой системы детей, выявляются некоторые общие закономерности, демонстрирующие творческий характер самого процесса речевого онтогенеза и прежде всего — неосознанное стремление детей к систематизации получаемого ими инпута. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что представление об оппозиционном характере утверждения и отрицания начинает формироваться уже у годовалого ребенка, причем отрицание носит вначале некий глобальный характер и только в дальнейшем дифференцируется в соответствии с различными речевыми ситуациями. Соответствующим образом расширяется и специализируется спектр осваиваемых языковых средств выражения отрицания: лексических, морфологических, синтаксических.

Особое внимание в данной статье уделяется синтаксическим инновациям, под которыми понимаются конструкции, не свойственные русскому языку, но тем не менее вполне закономерные с позиций глубинных потенций языковой системы. Яркий пример такой инновации — рамочная конструкция, позволяющая выносить маркер отрицания фактически за пределы высказывания. Этот чуждый для русской грамматики способ выражения отрицания используется тем не менее в некоторых других языках, что позволяет рассматривать его в качестве не аграмматичного, а «инограмматичного» (термин, предложенный в В. Б. Касевичем, средства и поддерживает идею об универсальности некоторых языковых явлений. Описывается также явление синтаксической деривации, которое обнаруживается как в особенностях конструирования отрицательных предложений при опоре на утвердительные (неотрицательные), так и в создании окказиональных синтаксических структур со значением утверждения, отсутствующих в русской грамматике на уровне нормы.

Проблема отрицательных конструкций в русской детской речи до сих пор почти не привлекала внимания исследователей.

Ключевые слова: речевой онтогенез, отрицание, синтаксическая деривация, рамочная конструкция, конструктивно-функциональный подход.

Г. Р. Добрава. Базовые и вспомогательные механизмы освоения языка в аспекте вариативности речевого онтогенеза

В статье предлагается подразделять механизмы освоения языка на базовые и вспомогательные. К первым отнесены генерализа-

ция, дифференциация и имитация, т. е. те механизмы, без опоры на которые освоение языка невозможно. К вспомогательным отнесены те механизмы, без которых в принципе освоение языка возможно; их список предлагается считать открытым, поскольку они пока изучены мало. К ним, в частности, отнесены языковые подсказки различного рода, существенные для конкретного языка, но необязательные для речевого онтогенеза, а также bootstrapping. Склонность детей к тем или иным механизмам освоения языка связывается в статье с «групповой» принадлежностью детей. Так, склонность к генерализации является отличительной чертой референциальных детей, а дифференциация и имитация — экспрессивных. Кроме того, в некотором отношении на склонность детей к генерализации влияет социокультурный статус семьи (высокий) и половая принадлежность ребенка (девочки). Вспомогательные механизмы оказываются более значимыми для тех детей, которые по тем или иным причинам не могут опереться на базовые механизмы, — в первую очередь, для экспрессивных детей.

Ключевые слова: базовые и вспомогательные механизмы освоения языка, генерализация, дифференциация, имитация, референциальные дети, экспрессивные дети, освоение лексической семантики, освоение грамматики.

М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина. Гендерные особенности речевого и коммуникативного развития детей 8–18 месяцев

Настоящая статья основана на анализе данных заполненных Макартуровских опросников речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Общепринятое мнение о более раннем развитии девочек подвергается проверке. Анализ данных обнаруживает, что скорость развития различных навыков неодинакова и зависит от того, что именно имеется в виду и в каком возрасте. Традиционное представление специалистов и родителей о том, что речь мальчиков развивается медленнее, чем речь девочек, во многом обоснованно. Однако понимание речи развивается почти одинаково, а в символической игре полностью отсутствуют статистически значимые гендерные отличия.

Ключевые слова: Макартуровский опросник, ранний возраст, нормы речевого развития, гендерные особенности речевого развития, имитация, называние, пассивный лексикон, активный лексикон, жесты, действия, символическая игра.

С. В. Краснощекова. Дейктические местоимения в речи русскоязычного ребенка (краткий обзор результатов исследования)

В статье рассматривается процесс освоения русскоязычными детьми местоименного дейксиса. К дейктическим местоимениям причисляются не только собственно дейктические (личные, лично-притяжательные, указательные), но и анафорические местоимения (возвратные, относительные). Освоение базового местоименного лексикона и основных функционально-грамматических характеристик местоимений занимает у нормально развивающегося ребенка 2–3 года. Процесс носит системные черты и делится на несколько этапов.

Ключевые слова: дейксис, детская речь, местоимение, онтолингвистика, освоение языка, русский язык.

Т. А. Круглякова. Слово- и формообразовательные инновации в идиолекте трехлетнего ребенка (по материалам лонгитюдного видеонаблюдения)

В статье, написанной на материале лонгитюдного наблюдения за речью одного ребенка, рассматриваются случаи неузуального выбора предложно-падежных форм. Анализируется один из путей освоения падежных значений, который характеризуется использованием сверхгенерализованных форм для выражения объектных, субъектных, определительных значений с их последующей дифференциацией, сопровождающейся ростом грамматических форм в речи ребенка. Отмечается, что редкая фиксация подобных ошибок в научной литературе связана с психолингвистическими особенностями восприятия взрослых участников коммуникации.

Ключевые слова: грамматическая сверхгенерализация, онтолингвистика, предложно-падежные формы, внутрипадежная замена, падежные значения.

О. Б. Сизова. К вопросу об иерархии механизмов речи

Задачей исследования является обоснование представлений о механизмах речи как иерархической системе, имеющей в качестве базиса общебиологические механизмы целенаправленного действия и распознавания релевантных сигналов. Выбор стратегии языкового и когнитивного развития связан с состоянием базовых функций распознавания сигналов и программирования деятельности. Когни-

тивная функция моторного программирования более характерна для детей, осваивающих язык холистическим путем, тогда как для детей, осваивающих язык аналитически, базовой является когнитивная функция выбора единиц.

Ключевые слова: когнитивная стратегия, когнитивные функции, освоение языка, языковой механизм.

Е. Ю. Протасова, М. Мяки, Н. М. Родина. Экспериментальное исследование освоения русских падежей детьми-билингвами в Финляндии

В статье рассматривается овладение падежами по данным экспериментального исследования с визуальными стимулами. Устанавливается порядок усвоения падежей на основе допускаемых детьми ошибок, который оказывается совпадающим с тем, который был ранее получен в лонгитюдных исследованиях (именительный — винительный — предложный — родительный — дательный — творительный), а различия имеются в количестве допускаемых ошибок, но не их типе. С возрастом показатели улучшаются.

Ключевые слова: финско-русское двуязычие, овладение русской падежной системой, визуальные стимулы, дошкольный возраст, развитие речи билингвов.

А. Н. Корнев, И. Балчюниене. Сопоставительное исследование грамматического частотного профиля в русском и литовском дискурсе у детей 6 лет.

В исследованиях детской речи собран обширный материал относительно этапов и некоторых закономерностей усвоения детьми отдельных частей речи. При этом еще крайне мало данных о системном взаимоотношении различных частей речи на разных этапах овладения языком и речевой коммуникацией, особенно после 3 лет. Предметом анализа грамматического частотного профиля (ГЧП) были тексты (диалоги и нарративы), взятые из *Корпуса устной речи детей с нормой и отставанием в развитии речи русскоговорящих детей* и *Корпуса устной речи литовских детей*. Выявлены достоверные факторы влияния жанра дискурса и языка на ГЧП у детей.

Ключевые слова: детская речь, части речи, грамматический частотный профиль, дискурс, кроссязыковое сравнение.

В. М. Алтатов. Языковая рефлексия у детей

Дети, по-видимому, начинают раздумывать о языке с того времени, когда у них уже сформировались основные характеристики языкового механизма и наступает этап его отладки, параллельно с которой идет пополнение словарного запаса, то есть примерно с трех-четырёх лет. Они уже научились свободно говорить, но еще не овладели языком во всех его деталях. При этом представления детей отражают «наивное сознание», которое свойственно и народам на определенной стадии их развития (что отражается на ранних стадиях развития любых лингвистических традиций), и необразованным людям, и даже людям, образованным в какой-то другой области знаний. Принципы создания таких «этимологий» — объяснение неизвестного через известное и какое-то фонетическое сходство. Рефлексией может сопровождаться и освоение грамматических правил своего языка.

Ключевые слова: развитие детской речи, рефлексия, наивное сознание, народные этимологии, неизвестное, известное, фонетическое сходство, грамматические правила.

М. А. Еливанова, В. А. Семушина. Эмоциональное состояние и оценка в речевом и коммуникативном развитии ребенка

Статья посвящена исследованию взаимосвязи эмоций, коммуникативного и речевого развития ребенка. Опираясь на труды классиков отечественной физиологии и психологии П. К. Анохина и С. Л. Рубинштейна, авторы отмечают возникновение эмоций на базе удовлетворения/неудовлетворения потребностей. Потребности имеют непосредственное отношение к сфере мотивации, с которой начинается порождение речи. У маленьких детей эмоции нередко «запускают» процесс порождения речи, катализируя лексический взрыв.

В работе описываются средства выражения эмоций с учетом изменения их состава с возрастом ребенка. Отмечено, что для ребенка прагматически важнее обозначить ситуацию дискомфорта, ведущую к отрицательным эмоциям, поэтому средства выражения отрицательных эмоций как на дословесном, так и на речевом этапе более разнообразны, чем средства выражения положительных эмоций.

Отражение эмоциональной сферы в речи демонстрирует индивидуальные особенности характера ребенка и складывающуюся систему ценностей.

Ключевые слова: эмоции, коммуникация, эмоциональный аспект коммуникации, потребность, эмоциональное состояние, выражение эмоции, психолингвистика, эмотивная лексика, коннотация, языковая личность, теория сознания («theory of mind»).

Е. В. Галкина. Вербализация эмоционального состояния страха в детской речи

В настоящей работе рассматривается появление и возрастная динамика способов выражения отдельных эмоций в речи русскоязычных детей раннего возраста. Цель исследования — изучить освоение способов выражения своего и чужого эмоционального состояния на примере высказываний с семантикой страха. В ходе речевого онтогенеза система средств выражения страха развивается от общего выражения отрицания с помощью жеста, вокализаций, отрицательных частиц до специальных слов, называющих причину состояния, само состояние или его внешние проявления. Вербализация эмоции страха у детей развивается сообразно становлению «модели психического» от осознания собственного эмоционального состояния, отделения его от состояния других людей к пониманию причин и возможности влияния на возможный исход ситуации.

Ключевые слова: детская речь, вербализация эмоций.

Varia

В. В. Истратий. О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов в «Ведомостях» петровского времени

Статья посвящена параллельному употреблению исконной и заимствованной лексики в текстах Петровской эпохи. Использование синонимов *бунтовщик*, *малконтент*, *неудовольный*, *реbell*, *ребеллизант* в выпусках газеты «Ведомости» 1703–1719 гг. показывает, что даже заимствования, которые в дальнейшем не закрепились в русском языке, оказывали влияние на семантические, стилистические и узуальные особенности сохранившихся в употреблении синонимичных наименований.

Ключевые слова: русский язык, история русского литературного языка, Петровская эпоха, «Ведомости», заимствования

А. М. Певнов. Этимология самоназвания ороков

Ороки живут на Сахалине, их приблизительно 250 человек, некоторые ещё помнят свой язык, относящийся к числу тунгусо-маньчжурских. В целом язык ороков близок в настоящее время к полному исчезновению. Как правило, у миноритарных этносов бывают проблемы с названием, и ороки не являются исключением: они известны как *орочоны*, как *уильта* (*ульта*) и как *ороки*. Их исконным самоназванием является *уильта* (*ульта*) — этот этноним я считаю возможным реконструировать как *ули-нкāн 'житель (жители) берега реки или бассейна реки, «поречане»'.

Ключевые слова: этноним, этимология, орокский язык, уильта, заимствование

SUMMARIES AND KEYWORDS

Studies in the theory of grammar, issue 8.

Differential argument marking:
a cross-linguistic approach.

Ekaterina Lyutikova. Differential argument marking in the formal theories of case

The paper discusses modeling of differential argument marking (DAM) within the frameworks of modern case theories. DAM is a widespread linguistic phenomenon that occurs in various syntactic positions (subject, object, possessor) and is licensed by a number of factors (argument-internal, like animacy or referentiality, and argument-external, like aspect or polarity; purely configurational like main vs. embedded clause and semantically motivated, like volitionality or partitivity, etc.). However, a uniform pattern underlies the cross-linguistic variation: DAM characterizes syntactic positions corresponding to the basic grammatical functions of the noun phrases that tend to receive a uniform linguistic encoding — special flagging with grammatical cases and priority indexing in the predicate. This prototypical encoding is biased by licensing factors of differential argument marking to the effect that the nominal receives a special case marking (or loses case marking), and this can influence its ability to control agreement. This general scheme of case variation, as well as the regular interrelations of differential subject, object and possessor marking allow us to analyze DAM within a single parametric system. At least the following parameters required by empirical generalizations and relevant for formal models of case assignment can be distinguished: locality of the licensor; semantic motivation; positional differences; correlation with agreement.

The ability to effectively represent different values of these parameters is taken as a check-list for the two most elaborated formal theories of case — the minimalist syntactic case theory and the configurational case theory. Exploring their expressive power in modeling various types of DAM, the paper shows that none of the theories is superior to the other — rather, each of them naturally accommodates a specific type of case variation but is unsuitable to express the other types. The minimalist syntactic case theory is more flexible in that it is compatible with additional mechanisms deriving the morphologically observable case variation, and more restrictive in that it predicts the one-to-one correspondence between case assignment and agreement. The prime advantage of the con-

figurational theory is that it can represent directly the non-local dependencies between case-marking of different arguments.

Keywords: differential argument marking, case theories, agreement, formal syntax, noun phrase structure.

Fedor Rozhanskiy. Differential object marking in Finnic languages: main principles and deviations

This paper analyses the differential object marking in the Finnic languages. The first part of the article describes the main principles of the Finnic DOM that is based on the superposition of two contrasts. The main contrast is the opposition of partial vs. total objects based on the semantic category of partiality. The other contrast is the opposition of total cases (nominative, genitive and pronominal accusative) that serves for the hierarchical marking of syntactic roles. The second part of the paper analyses deviations from the described system that are observed in various Finnic languages including the less described Votic and Ingrian. Four types of constructions are considered in the paper:

- (a) constructions with pronominal objects;
- (b) constructions with objects expressed by the “numeral + substantive” group;
- (c) sentences with impersonal forms functioning as personal;
- (d) sentences with predications expressed by two verbs.

The paper shows that in spite of the common principles of the differential object marking system, every Finnic language demonstrates its own specific preferences in the distribution of the object cases. Sometimes the deviations can be explained by the influence of a contact language (first of all, Russian), but in most cases the changes do not have an obvious explanation.

Keywords: Finnic languages, syntax, case, DOM

Natalia Serdobolskaya. Uniqueness and familiarity in Beserman Udmurt direct object marking

The paper is devoted to the phenomenon of differential object marking in Beserman Udmurt. In Udmurt the direct object can either take the accusative case marker, or the cumulative markers of accusative and possessive (possessive accusative), or occur unmarked. In Beserman the most important factor is the referential status of the direct object (DO): definite DOs take the accusative or the possessive accusative, while non-definite DOs mostly occur unmarked. I argue that the accusative and the possessive

accusative are distributed in the following way: the accusative is used with uniquely identifiable DOs (familiar or non-familiar). Non-uniquely identifiable familiar DOs take the possessive accusative. Another condition that favours the use of the possessive accusative on definite DOs is the presence of some special discourse and information structure meanings: contrastive topic, narrow focus on the subject/the verb, introduction of a new discourse topic and return to a semi-active discourse participant.

Key words: differential object marking, direct object, accusative, referential properties, definiteness, uniqueness, familiarity, possessiveness, Uralic languages, Udmurt.

Svetlana Toldova. Encoding direct objects in Mokshan

The work is devoted to the differential object marking in Moksha (Mordvin, Finno-Ugric). Moksha system of DO encoding involves both verb agreement and noun encoding. There is a special so-called definite declination in Moksha, which is traditionally treated as marking of the referential status. Definite DO triggers object agreement. However, there are many cases that violate this “definiteness” assumption. The work is an attempt to suggest a unified account for DO marking with the affix of definite declination under independent of referential properties of NPs. There are two basic patterns of DO encoding in Moksha as far as the morphological definiteness is concerned. The so-called definite genitive marker on the DO triggers the obligatory Subject-Object agreement marker on the transitive verb. I present the data of DO encoding corresponding to different referential properties of NP in DO position. The cases of definiteness condition violation where there is a definite model of DO encoding is presented are as follow (1) the NP denotes an entity from a predefined set, (2) the generic NPs in topic position. I claim that both these cases and the cases of “classical” definiteness can have a unified explanation based on the notion of partitivity, suggested by Enç. Besides, I conclude that verb conjugation and NP encoding are different systems regulated by different mechanisms.

Aleksey Kozlov. Actionality and DOM in Mokshan: grammaticalization cycles

The article deals with interaction of Aktionsart properties of the verb and differential object marking in Moksha Mordvin. We propose a hypothesis about historical development of this system, comparing it with patterns attested in other Mordvin and Balto-Finnic varieties.

Keywords: Differential object marking, Moksha Mordvin.

Peter M. Arkadiev. Object partitive of negation: an areal-typological perspective

The article presents a survey of the genitive/partitive marking of the direct object under negation, a feature attested in the Slavic, Baltic and Baltic-Finnic languages. Special attention is paid to the relation between the local (clause-bound) and long-distance (with a negated matrix verb taking an infinitival complement) versions of the partitive-of-negation rule. Both local and long-distance partitive-of-negation are attested in Polish, Slovene, Lithuanian and Baltic Finnic, while in Latvian and other Slavic languages the rule has either become optional and marginal or has been lost altogether. Diachronic data suggest that partitive-of-negation is an archaic feature of Baltic and Slavic languages and that language contact is at least partly responsible both for its loss in some languages and its retention in others. Typological parallels from languages in Europe and other areas are also discussed.

Keywords: Slavic, Baltic, Baltic-Finnic, Romance, Basque, partitive, negation, areal typology.

Roman Ronko. 'Nado korova doit'!. The nominative object in North Russian dialects

The main way to mark the direct object in Russian dialects is the accusative case, but in some constructions the NP in direct object position marked by the nominative case. This case considered in the paper like case of Differential Object Marking (DOM) phenomenon, where NP in direct object position in certain conditions can be marked by the nominative case, but in "normal" conditions it marked by accusative case. The study describes this phenomenon in the North Russian dialects. Some different syntactic constructions with the nominative objects considered from the point of the DOM features: animacy, definiteness, word order, information structure, modality of predicates. In addition, the paper describes the issue of historical development of the constructions and the issue about syntactic status.

Keywords: Differential Argument Marking, Differential Object Marking, nominative object, North Russian dialects.

Anastasia Gerasimova. Differential case marking and positional distribution: evidence from Russian event nominalizations

This paper addresses the issue of differential case marking in the context of Russian event nominalizations. Russian event nominalizations

belong to the ergative-possessive type, which means that the arguments of intransitives and internal arguments of transitives are marked with possessive case (GEN), while external arguments of transitives are assigned INSTR. However, corpus data shows that instrumental case marking is not limited to prototypical transitive stems. The external argument of transitive nominalizations with lexically governed internal argument can be marked both GEN and INSTR. Moreover, linear order of internal and external arguments may vary with respect to each other.

The paper deals with interdependence between linear order and case marking of arguments. I hypothesize that case assignment strategy determines both case and position of the external argument. I conducted a linguistic experiment focusing on what cases speakers choose and in what order they place arguments in the process of speech production. The experiment confirmed the existence of two strategies of case assignment in Russian event nominalizations. Furthermore, experimental data provides evidence for correlation between position and case of the external argument: if the external argument is marked GEN it precedes the internal one; if the external argument is assigned INSTR it follows the internal argument.

The study also treats the inner structure of another argument supporting deverbal configuration, namely passive participle. I compared argument structure of participles with that of nominalizations taking into account the following parameters: position of arguments with regard to the head, the order of arguments, case assignment strategy. The comparison resulted in distinguishing two types of event nominalizations depending on their similarity to the structure of participles.

Finally, I suggest that the existence of two case assignment strategies and variation within the linear order of arguments of nominalization follows from variable structural shape of Russian event nominalizations.

Keywords: nominalization, participle, noun phrase structure, argument structure, case variation, differential case marking, Russian.

Ekaterina Proceniuk. The adjective polnyj (полный): variation in government

Traditional definitions of the adjective *polnyj* (in Russian *полный* ‘full of’) contain information about differential marking of the second argument of the lexeme (the genitive or instrumental case), but most of them do not explain the difference. The aim of the current study is to reveal tendencies of choosing a case form of *the* second argument of the adjective *polnyj* and to investigate main factors that underlie that choice.

Besides the form *polnyj*, the study also considers the full feminine form *polnaya* (полная), masculine and feminine short forms *polon* (полон) and *polna* (полна), the Genitive form *polnogo* (полного) and the Instrumental form *polnyt* (полным), as the case of the adjective may influence the choice of the dependent's case, which is also the genitive or the instrumental.

The main source of the data is Russian National Corpus (RNC). The data includes sentences that contain listed above forms and a dependent name in postposition. We performed semantic and statistical analysis of forms dependent on the forms of *polnyj*. During the analysis we appealed to lexical and semantic tagging in RNC.

Having analyzed the data, we came to several conclusions with respect to differential marking of names dependent on the lexeme *polnyj* and its forms. Pronouns and proper names dependent on *polnyj* choose the instrumental case almost unexceptionally. Abstract nouns related to taxonomic classes “psychic sphere” and “human quality” prefer the genitive case, while the choice of case within abstract nouns related to taxonomic class “mental sphere” and other abstract nouns appears to be a ZONE OF VARIATION. However, all the common nouns prefer the genitive case, percentage of which increases with time. At the same time the factors that encourage the choice of the instrumental case are the dependent's possession of the dependent in the genitive and the genitive full form of the adjective. Instrumental case is notably more frequent with masculine and feminine short forms *polon* and *polna* than with the related full forms.

Keywords: differential object marking, genitive, instrumental, case variation, case variation, valency of adjectives, taxonomy classes of nouns.

Yakov Testelefs. Nominal constructions in Abaza: differential marking without marking

In this paper, we investigate syntactic properties of nominal constructions in Abaza, a polysynthetic language of the West Caucasian family. In spite of that its main arguments lack case or adpositional marking, the two-level structural model (Noun Phrase vs. Determiner Phrase) can be adopted, which was earlier employed to account for the Pseudo-Incorporation, the form of differential marking of arguments found in some Austronesian, Turkic and Circassian languages. Number and definiteness can be morphologically expressed in DPs, but not in NPs; some other differences typical for the overtly marked Pseudo-Incorporation, are also observed in Abaza.

Keywords: Differential argument marking, Abaza.

Anna Urmanchieva. Compensatory uses of Selkup evidentials instead of lost DOM markers

The paper describes a peculiar grammatical mechanism of DOM, developed in Northern dialect of Selkup: if a direct object introduces in the discourse a referent, which will be the the discourse topic of the next text fragment, the verb of the clause is marked with the suffix of indirect evidentiality. This mechanism arose to compensate the loss of the Common Samoyedic DOM mechanism — the opposition of the two verbal conjugation.

Keywords: DOM, evidentials, the Samoyedic languages, the Northern dialect of Selkup.

Sofia Oskolskaya, Natalia Stoyanova. Differential object marking in Nanai

The paper deals with differential object marking in Nanai (Tungusic). The accusative form and the unmarked (nominative) form compete in direct object position. The second option was estimated in previous studies as marginal and almost obsolete. However the modern oral text data collected during our fieldtrips does not confirm it. A quantitative analysis of factors which determine the choice shows that the system of DOM in Nanai is oriented to the contextual status of the object rather to its permanent features. The referential status (definiteness, (non)-referentiality) and topicality play a role while such features as animacy and personality are irrelevant. We discuss also a technical problem arising with Nanai data: the unmarked nominative form in Nanai is very similar to the reduced accusative form and it is hard to distinguish them in some contexts.

Keywords: differential object marking, Nanai, Tungusic languages.

Ivan Sarkisov. DOM in Christian Urmian dialect of Neo-Aramaic

The aim of this research is to overview the rules of the differential object marking in the Christian Urmi dialect, which belongs to North-Eastern Neoaramaic languages (Semitic group of Afroasian family). The differential object marking is a typical feature of many languages of the Middle East, including Aramaic, but for Urmi, which plays a role of literal idiom of all Nestorians, it is not fully described.

The research included corpora and field studies. The corpora part is based on two small corpora: a literary corpus and an oral one. The literary corpus included 7 (54150 words) texts created by Soviet Assyrians in the third decade of the 20th century.

The texts collected from Georgian Assyrians and published by K. G. Tsereteli in [Tsereteli 1965] with latinized transcription were used as the oral corpus.

The field part included interviewing three native speakers. Two of them now live in Moscow and one in Krasnodar. At the same time one of them originally comes from Georgia and two from Armenia. The questionnaire included many Russian sentences with different types of direct object for translation to Urmi and Urmi sentences for checking their correctness.

The results show, that in literary speech the object is usually being marked by the allative preposition *l*, which was adopted from Classical Syriac.

In oral speech there are two different systems. In speech of two informants and texts of the oral corpus there is a tendency not to mark the object. In the third informant's speech the object, depending on its definiteness and animacy can be unmarked, agree with the verb or be marked by the dative preposition *qa*. The distribution of these two systems can probably have sociolinguistic reasons, which should be examined during further research.

Maria Konoshenko. Differential argument marking in Southern and South-Western Mande

The paper focusses on differential argument marking in Southern and South-Western Mande (West Africa). Although there is no morphological case in Mande, it is argued that the branches discussed in the paper have instances of differential head marking effected (a) by choosing specific pronominals in anaphoric or deictic contexts and (b) by person-number marking of the verb phrase with lexical argument. Two types of splits are investigated. The first one is differential subject marking, which depends on TAM semantics of predicative construction. The second type of split affects arguments in any syntactic position as long as they are encoded by conjoint NPs, NPs with determiners and pronouns with a quantifier.

Keywords: differential argument marking, case, subject, head marking, Mande.

Andrey Shluinsky. 'Take' constructions as a source of differential object marking: evidence from Kwa, Benue-Congo and Gur

The paper deals with serial verb constructions in Kwa, Benue-Congo and Gur with the verb 'take' that is used as an object marker with the lexical verb. The factors relevant for the choice between the 'take'-construction and simple transitive construction are discussed. These fac-

tors include semantics and pragmatics of the ‘take’-construction itself (accenting the initial stage of the event, emphasizing the event or the object), features of the object (pronominality, definiteness), features of the lexical verbs (presence of more arguments, agentivity, volitivity).

Keywords: Kwa, Benue-Congo, Gur, serial verb constructions, ‘take’, transitivity, differential object marking.

Maria Shkapa. Differential subject and object marking in Tibeto-Burman

The paper gives a review of recent publications on differential subject and object marking in Tibeto-Burman languages. Section 1 contains the introduction and an attempt at an outline of basic properties of DSM and DOM in Tibeto-Burman languages. The most prominent features of DAM in Tibeto-Burman are the following: it is usually optional, though sometimes the choice presents itself between several non-zero markers; the case markers are often homonymous with or historically related to information structure or pragmatic markers. In addition to subject and object, locative and recipient NPs can also be case-marked optionally, but there is very little data on them. Section 2 contains an overview of recent work on the subject. Most of the reviewed papers present an account where a byzantine combination of semantic, pragmatic, and information-structural features, as well as some other ones such as the length of the constituent, are responsible for the use or non-use of the marker. A less common approach is to introduce a more general feature, either language-specific or common, whose meaning cannot be expressed in existing typological terms. Section 3 presents a summary of the problems raised by the description of DSM and DOM in Tibeto-Burman, among which are: lack of comment on methods of data collection and analysis as well as on the hierarchy or weights of suggested features, non-use of statistic methods where they could prove useful, vagueness of some of the terminology.

Keywords: differential subject marking, differential object marking, Tibeto-Burman languages, ergativity.

Modality in the language of adults and children

M. D. Voeikova. Introduction

The paper is an introduction to two collections of papers on modality and the mechanisms of language acquisition by children. These publi-

cation results from two international conferences organized by the research group on first language acquisition at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences in 2015 and 2016. The first conference dealt with the theoretical problems of language acquisition by children, whereas the second conference was concerned with the use of modal expressions by adults and children. Modality is treated as a functional-semantic category characterizing the relation of the proposition to reality / irrealty. Different types of modal expressions are acquired at different age-points, thus, deontic modal expressions occur earlier, whereas epistemic expressions, which denote the level of certainty, are acquired later. This also depends on the linguistic and individual bootstrapping mechanisms that help children to master their mother tongue.

Keywords: L1 acquisition, deontic and epistemic modality, bootstrapping mechanisms, Russian language, typological comparison.

A. Yu. Urmanchieva. Marking a discourse topic in Tazov dialect of Selkup and in Forest Enets as a contact phenomenon

The paper discusses discourse uses of a Northern Selkup form of indirect evidentials. The main discourse use of the form is the introduction of a referent, which will be the discourse topic of the next text fragment. The paper demonstrates that analogous discourse uses of indirect evidential are attested in Forest Enets (but, as far as I know, not in other Northern Samoyedic idioms). Thus, one can suppose, that this affinity can be explained through areal diffusion of discourse patterns. I argue, that in this case one can assume cross influence of both idioms.

Key words: Samoyedic languages, Northern Selkup, Forest Enets, indirect evidentials, discourse use of verbal forms, discourse topic, areal influence.

E. Yu. Ivanova. Compound negative forms of the imperative in Bulgarian and Macedonian

In Bulgarian and Macedonian the use of the perfective aspect is blocked in the negated synthetic imperative: bg.: *He мърдай!* 'Don't move!' **He мръдни!* mk: *He вклучувај!* 'Don't switch on!' **He вклучи.* Blocking of perfective aspect in the synthetic imperative is counterweighed in Bulgarian and Macedonian with a number of compound structures with a general "interdictory" meaning. The paper purports to explore the distribution of the prohibitive and preventive meanings in compound forms of the negative imperative.

The paper demonstrates that the major part of the negative compound forms in Bulgarian and Macedonian have prohibitive meaning. Only *Да не* + PRES (the least marked form) may have both prohibitive and preventive meaning, featuring the same semantic differentiation in aspect that takes place in the Russian negative synthetic imperative: *Да не* + PRES.IPFV: prohibitive; *Да не* + PRES.PFV : preventive.

Да не + PRES.PFV may equally be used in both languages with apprehensive meaning. Macedonian is possibly developing a specialised interrogative particle *да не* (unstressed) with apprehensive meaning on the basis of the preventive form *Да не* + PRES.PFV (cf. the Bulgarian marker of apprehensive *да не би*).

Thus the Bulgarian and Macedonian *да* construction confirms the claim that in the context of negation (in particular, with imperatives) differences in aspect cease to be relevant and the least marked, a default form is chosen, that is the imperfective, while the functionally marked perfective form undergoes reinterpretation. Bulgarian and Macedonian express the prohibitive meaning with the *да не* construction of a verb in the imperfective aspect, while the perfective form would be reinterpreted: in the context of an inducement as preventive, in the context of a communicated message as apprehensive.

Keywords: negation, mood, modality, imperative, interaction of verbal categories, Bulgarian, Macedonian.

V. V. Kazakovskaya. Language and cognitive aspects of the acquisition of epistemic modality

The paper studies the acquisition of epistemic modality, i.e. propositional attitude to situations and the linguistic means of its expression, in the early stages of speech ontogenesis in Russian first language acquisition. The results are based on naturalistic observations of seven typically developing monolingual children recorded from 1;5 to 6;0 years from families with a middle and low SES. The diary observations of parents for the acquisition of epistemic modality by children of corresponding age, as well as first experimental studies conducted with older children on the understanding and production of epistemic markers in a monologic regime (narratives) are now raised for discussion. Acquisition of epistemic semantics and the basic means of its expression (epistemic markers) in Russian start to develop in the third year of life with the marking of the semantic domain of uncertainty. Acquisition of the means of expression of epistemic modality is closely intertwined with the chil-

dren's cognitive development, and indicates the expansion of epistemic evaluation from objective situations in the physical world to the mental world. The emergence of epistemic markers in children's speech is investigated in relation to their occurrence in child-directed speech. A comparison of epistemic marking in child speech and child-directed speech has revealed that both the prototypicality of a marker in the target system and its frequency of use influence its emergence and further development. The article continues a series of publications devoted to the various aspects of epistemic modality acquisition based on the corpus of Russian spontaneous dialogues «adult — child» (CHILDES).

Key words: First language acquisition, epistemic modality, certainty/uncertainty, (parenthetical) modal words, child-directed speech, cognitive development, Theory of mind.

K. Korecky-Kröll. Encouragements and discouragements in parental input: evidence from high and low SES families

Parental language input directed to young children may differ considerably due to the socioeconomic status (SES) of families. Whereas parents from higher SES (HSES) backgrounds preferably follow conversation-eliciting and encouraging parenting strategies, parents from lower socioeconomic (LSES) backgrounds tend to use a more behavior-directing, even discouraging parenting style. Although these differences are most apparent in directive speech acts (e.g. requests vs. real questions), they have also been reported in expressive speech acts.

On the basis of 116 30-minute longitudinal spontaneous speech recordings conducted with 29 German-speaking children (15 HSES, 14 LSES = working-class, aged 2;11–4;11) and their parental main caretakers, we investigate the use of encouragements and discouragements in child-directed speech and child speech. Categories investigated were encouraging vs. discouraging response particles (meaning *yes* and *no*) as well as encouraging vs. discouraging expressive speech acts (such as praises vs. disapprovals).

Chi-square tests of independence showed a strong relationship between SES and encouraging vs. discouraging speech, especially in parents: HSES parents used a clearly more encouraging parenting style than LSES parents, which was reflected in a higher use of encouraging response particles and encouraging speech acts. SES differences were less pronounced in the children, as there was no difference with respect to response particles. Nevertheless, there was a clear difference with respect to

speech acts: HSES children also used significantly more encouraging expressive speech acts, whereas discouraging speech acts prevailed in LSES children's speech.

Our results suggest that we would need more effective measures in order to minimize SES disparities of families.

Keywords: SES, child speech, child-directed speech, parenting style.

E. G. Sosnovtseva. Reduplication of the particle *by* in Russian conditional sentences

The article investigates the reduplication of the particle *by* in modern Russian oral speech, literature and adopted texts, taking into consideration the historical context which preceded the emergence of this phenomenon. Looking back at the past the relatively late grammaticalization of the verb form *by* to an enclitic leads to a spread of the contexts with a double marker of the conditional (i.e. *бы быша были*). In modern Russian reduplication of *by* can be found in fiction and journals as well as in oral utterances. The article suggests an interpretation of these particles.

Keywords: negation, language acquisition, syntactic derivation, frame construction, constructive functional approach.

K. A. Ivanova. Jussives in Russian child-adult communication

Russian jussives with a particle *pust'*, while being rare and late acquired, still demonstrate some features special for child-adult communication. The communicative situation influences the characteristics of these constructions in terms of the use of aspect and transitive verbs, causing dissimilarity between child-directed and adult-directed speech.

Keywords: child language, language acquisition, Russian, imperative, modality, jussive.

Mechanisms of language acquisition and the formation of speech competence

S. N. Tseitlin. On the question of the formation of a child's intermediate language system: observations on the acquisition of negative constructions

The article presents observations on acquisition and usage of language units and syntactic constructions expressing negation by Russian-

speaking children under 3 years. Parental diaries data are used, as well as transcripts of audio and video recordings provided by the Children's Speech Data Fund of the Children's speech laboratory of Herzen State Pedagogical University. Speech data of 10 children were analyzed, including materials from the diary of A. N. Gvozdev, the founder of Russian ontolinguistics.

In spite of significant differences in the speed of formation of children's individual language systems, one can find certain general regularities demonstrating creative nature of the process of language acquisition and, above all, children's unconscious desire for systematization of language input. Analysis of the data obtained confirms that children start forming notion of an opposition between positive and negative utterances already at the age of 1; at first negation is seen in general and only later it acquires different meanings according to different speech situations. The range of acquired means of expressing negation: lexical, morphological, syntactic, also widens and becomes more special.

The main attention is paid to the syntactic innovations, or constructions that aren't typical for Russian language but are logical and regular according to the underlying potentialities of the language system. One of the graphic examples of such innovations is a frame construction that allows moving the negation marker beyond the borders of the utterance. This way of expressing negation is alien to Russian language but is commonly used in several other languages, which makes it possible to regard it as a foreign grammatical means, not an ungrammatical one, and supports an idea of the universal nature of some grammatical phenomena.

The article also describes syntactic derivation that can be found both in the creation of occasional syntactic structures with positive meaning that are not present in the normative Russian grammar and vice versa.

Keywords: negation, language acquisition, syntactic derivation, frame construction, constructive functional approach

G. R. Dobrova. Basic and auxiliary mechanisms of language acquisition in terms of speech ontogenesis diversity

The article proposes to subdivide the mechanisms of language acquisition into basic and auxiliary mechanisms. Basic mechanisms include generalization, differentiation and imitation, i.e., those mechanisms, without reliance on which language acquisition is impossible. Auxiliary mechanisms are those mechanisms without which, in principle, language acquisition is possible; their list is proposed to be considered open, since

they have been little studied so far. These include, in particular, language hints of various kinds, essential for a specific language, but not necessary for speech ontogenesis, as well as bootstrapping. Children's propensity for different mechanisms of language acquisition is attributed in the article to the "group" membership of children. Thus, the propensity for generalization is a distinctive feature of referential children, and differentiation and imitation are distinctive features of expressive ones. Moreover, the propensity of children for generalization is in some respects influenced by the socio-cultural status of the family (high) and the gender of the child (girls). Auxiliary mechanisms are more important for those children who for some reason can not rely on basic mechanisms, first of all, for expressive children.

Keywords: basic and auxiliary mechanisms of language acquisition, generalization, differentiation, imitation, referential children, expressive children, acquisition of lexical semantics, acquisition of grammar.

M. B. Eliseeva, E. A. Vershinina. Gender-related characteristics of speech and communicative development of children (8–18 months)

This article is based on the analysis of the data from "The MacArthur Communicative Development Inventory", which is a set of questionnaires about speech and communicative development of children eight to eighteen months old. The widespread hypothesis about the earlier development of girls is examined against this evidence.

The analysis of the data demonstrates that the speed of development of various skills is not linear and depends on abilities that vary at different ages. The traditional opinion of specialists and parents that boys' speech develops more slowly than girls' speech is largely justified. However, understanding of speech develops almost identically, and there are no statistically significant gender differences in data collected during symbolic play.

Key words: The MacArthur Communicative Development Inventory, gender characteristics of speech development, children of early age, imitation, naming, passive lexicon, active lexicon, gestures, actions, symbolic play.

S. V. Krasnoshchekova. Deictic pronouns in the speech of Russian-speaking children

The paper is dedicated to the process of acquisition of pronominal deixis by Russian-speaking children. Both properly deictic (personal,

possessive, demonstrative) and anaphoric pronouns (reflexive, relative) are regarded as deictic ones. The acquisition of basic pronominal lexicon and functional and grammatical features of pronouns takes about 2–3 years if a child develops normally. To the age of 4 years children usually use all analyzed pronouns and their functions, but the frequencies of lexemes, functions and forms are different from those in the speech of adults.

The data includes transcripts of recordings from CHILDES and Children's Speech Data Foundation of Herzen State Pedagogical University and Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg (18 monolingual children aged 1.5–4 and 6 RSL acquiring children of two age groups: 3–4 and 7–8 years old) and narratives collected during experiments developed by N. Gagarina and colleagues (42 narratives produced by monolingual children and 30 narratives produced by RSL adult learners).

The process of acquisition of deictic pronouns has systemic features and can be divided into several stages: the stage of early pronouns (most frequent personal and demonstrative pronouns appear, only demonstrative function is used), the stage of pronominal spurt (the frequency of pronominal tokens per utterance rises abruptly, anaphoric function is introduced) and the stage of late pronouns (reflexive and relative pronouns appear, functions and meanings become diverse). The factors that influence acquisition of pronouns can be divided into cognitive (the level of the cognitive development), pragmatic and inner grammatical (the level of the development of the individual grammar system).

While using demonstrative pronouns young children don't make errors common for the use of personal pronouns and dependant on the acquisition of shifter nature of deictics (for example, personal name instead of ja 'I'). This makes personal pronouns more deictic and demonstrative pronouns less deictic. The principle of agreement of an anaphoric pronoun with its coreferent word is at first acquired on the base of demonstrative *e-tot* 'this' in utterances without any verbal antecedent and is later transferred to anaphoric constructions with 3rd person pronouns.

Keywords: deixis, first language acquisition, pronouns, Russian, children's speech.

T. A. Kruglyakova. Derivational and inflectional innovations in the speech of a three year old child (based on longitudinal video recordings).

The article is based on a longitudinal study of one child's speech and considers the case of unintended choice of prepositional-declensional forms. The study focuses on one particular way of acquiring case meanings which is characterized by using overgeneralized forms to express ob-

jective, subjective, and descriptive meanings with its further differentiation accompanied by the increase of grammatical forms in the child language. Such mistakes are rarely referred to in the research literature due to some psycholinguistic features of adult participants of the communication.

Keywords: grammatical overgeneralization, first language acquisition, case forms, case substitution, case meanings.

O. B. Sizova. On the question of hierarchy of speech mechanisms

The goal of the article is to prove the statement that speech mechanisms constitute a system that is organized hierarchically and is based on biological mechanisms of goal-oriented actions and recognition of relevant signals. Analysis of children's speech data allowed us to show that these biological mechanisms affect the formation of language system and language personality on the whole. The state of basic functions of signals recognition and activity programming is related to the choice of the strategy of language and cognitive development.

Each cognitive style is adapted for the acquisition of certain language categories and processes. Children can be divided into several groups according to their cognitive styles. Holistic style children tend to acquire pronouns and verbs, pragmatically important units, and to process longer utterances. Language processes and rules easy for these children are formed while the whole utterance is being programmed. Their main cognitive mechanism is motor programming of utterances. Analytic style children prefer nouns, choose correct forms for every context and generalize language facts. They are good in understanding, systematization and generalization of language input. Their main cognitive mechanism is choice of words and word forms. At the same time, each group of children has specific cognitive problems.

The functions of programming and choice supplement each other, but in each child only one of them prevails due to individual configuration of cortical functions.

The norm and the pathology are not strictly opposite, but are seen as gradual states on one scale. Normally developing children show disbalance between main cognitive functions as well, but this doesn't prevent them from acquiring all necessary language functions. In normally developed adults this disbalance becomes more moderated.

Keywords: cognitive strategy, cognitive functions, language acquisition, language mechanism.

E. Yu. Protassova, M. Mäki, N. Rodina. An experimental study of case acquisition by bilingual children in Finland

The present study is a part of a greater cross-linguistic project organized by M. Schwarz, M. Minkov, E. Dieser and E. Protassova upon acquisition of the Russian morphology in bilingual settings. This particular investigation is dedicated to the acquisition of the Russian cases in certain contexts with bilingual Finnish-Russian children in Helsinki, Finland (30 children of three age groups). The control group was formed by the Russian monolinguals from Moscow, Russia. Russian and Finnish, being typologically different languages, have both elaborated case systems, although Finnish usually do not use prepositions, whereas in Russian, cases are more often preposition-dependent than semantically conditioned. Finnish has a frequent partitive case, while Russian operates with (in)animacy. We might predict that the influence of Finnish upon Russian will be especially salient in these areas. The experiment used 48 visual stimuli and most frequent situations, preferably without prepositions, to elicit answers from children. Only singular nouns were under consideration. The background data analysis shows the attitudes of parents towards maintenance of the home language and bilingual education, as well as family verbal practices. The common errors of monolinguals and bilinguals were the use of nominative instead of other cases; replacements of one declension type through another; non-omission or replacement of some sounds, wrong stress, false ending, use of plural instead singular. The order of acquisition was the same in both countries: nominative, accusative, prepositional, genitive, dative, and instrumental. The individual variation is rather significant. The bilingual children committed more errors than monolinguals. Maybe their results are also less stable than those of monolinguals.

Key words: Finnish-Russian bilingualism, acquisition of Russian case system, visual stimuli, preschool age, bilingual language development.

A. N. Kornev, I. Balčiūnienė. A comparative study of grammatical frequency profiles of Russian and Lithuanian six-years-old children's discourse

A number of studies in language acquisition have dealt with parts of speech (PoS). Mainly, a growth of noun and verb diversity, as well as a variety of inflections have been evaluated separately from other PoSs. However, the PoSs play a unique functional role of building blocks interacted to each other in utterance, text, and discourse. The more a speech

development progresses, the more skillfully and flexibly children manipulate with different PoSs to produce structurally well-organized and semantically transparent discourse.

Our paper aims at analyzing a distribution of all PoSs in different discourse genres in preschool children. The cross-linguistic study was based on a corpus data of Russian ($N = 12$) and Lithuanian ($N = 24$) monolingual typically-developing 6-year-olds.

Subcorpus No. 1 consisted of fictional narratives elicited according picture sequences. Following the RAIN methodology, Russian children were asked to tell a story according one picture sequence and then to re-tell a story according to another picture sequence; the sessions were separate by a few minutes of a conversation between a child and an experimenter. Lithuanian children were asked to tell a story according one picture sequence. To sum up, subcorpus No. 1 consistend of 24 narratives (2451 word tokens) (re-)told by Russian subjects and 24 narratives (2467 word tokens) told by Lithuanians. Subcorpus No.2 consisted of semi-structured dialogues between a child and an experimenter. Russian data (6710 word tokens) consisted of conversations based on standard comprehension questions about the (re-)told narratives; while Lithuanian data (5207 word tokens) consisted of semi-structured interview about a child's favourite school subjects and activities.

All the narratives and dialogues were audiorecorded, transcribed, and morphologically annotated for an automated linguistic analysis following the CLAN rules. Both Russian and Lithuanian narrative and conversation subcorpora were analyzed as two entities: an incidence of each PoS in narrative and dialogue subcorpora was estimated.

The results evidenced a significant impact of a genre on a distribution of PoSs in both Russian and Lithuanian corpora. In Russian corpus, a distribution of 7 PoSs was distinctive between narrative and dialogue discourses: nouns, verbs, and prepositions ($P \leq 0.001$) were significantly more numerous in the narratives; while pronouns ($P \leq 0.01$), particles, conjunctions, and adverbs ($P \leq 0.001$) were significantly more numerous in the dialogues. In Lithuanian corpus, nouns, verbs, and conjunctions ($P \leq 0.001$) were significantly more numerous in the narratives; while pronouns, particles, and adverbs ($P \leq 0.001$) were significantly more numerous in the dialogues. Comparative analysis of Russian and Lithuanian PoS profiles highlighted significant similarities in both narratives ($r = 0.74$; $P = 0.037$) and dialogues ($r = 0.97$; $P = 0.000$); however, the PoS profiles seemed to be more similar between the groups in the dialogue discourse.

This evidenced that both speech elicitation method and discourse genre have a strong influence on the PoS Profile at the preschool age. Thus a probability of certain type of PoSs distribution and individual PoSP depends not only on a level of morphosyntactic development but also on the discourse genre demands. This approach seems to be very fruitful for the future studies in discourse language development.

Keywords: discourse analysis, narrative analysis, parts of speech.

V. M. Alpatov. Development of the children's self-reflection

Self-reflection is present in children under five who already are fluent and creative speakers but who have not obtained a great deal of language proficiency yet. A child forms different hypotheses about language based on his or her naïve perception. An obvious feature of all these hypotheses is their arbitrariness, folk etymologies appear, their pattern being similar in different cultures. For instance, a child visiting a doctor whose name is *Vostokova* (a feminine form of a last name and a derivative of *vostok* 'east') might consider that a name of a specific class of doctors and associate it with *vystukivala* '[she] was percussing (a patient)'. The first principle of folk etymology is to explain the unknown by means of the known. "An incomprehensible word, which sounds perfectly alien, is assimilated to become a lookalike of some other known word that is more or less phonetically similar" (N. Kruševskij). A child will try to explain language facts by means of his or her own language, within the scope of what he or she knows about it. The most difficult thing to grasp may be the fact that everyday words, most mundane and transparent (from a naïve speaker's viewpoint, of course), can be unknown to someone else, including foreigners. A child would also use the same approach to explain words of other languages, both ancient and modern. The second principle is phonetic similarity. Although there are no strict criteria of it, it should appear obvious to a folk etymologist and have associative power over him or her. Similarity may be approximate but its degree has to be high enough for folk linguistic associations to appear. Folk etymologists including children do not associate words as lexical units, but word forms; *Vostokova's* name has been construed as a derivative of *vystukivala* (a past imperfective female form) rather than *vystukivat'* (infinitive). Children sense associations between words irrespective of their morpheme division.

Key words: child speech development, self-reflection, naïve consciousness, folk etymology, the unknown, the known, phonetic similarity, grammatical rules.

M. A. Elivanova, V. A. Semushina. Emotional state and assessment in the speech and communicative development of children

The paper describes the connection of language and communicative development basing on the studies of famous Russians scientists — physiologists P. Anokhin and S. Rubinstein. Emotions appear because people satisfy or don't satisfy childrens' vital, social or ideal demands. All of them can be directly related to motivation of speech production. Emotions can often be a cause of children's speech production and of a word spurt.

At the age 0–3 the emotional aspect of communication plays a key role, but later it has marginal importance and becomes a background of communication.

Children learn to recognize emotions in connection with the determining situation. Peoples' state in this case can be manifested by vegetative reaction (change in skin color, muscle tone, pulse etc.), by facial gesture, movements, vocalization and intonation as well as linguistic means. To identify the situation of discomfort is more important for children that is why they differentiate negative emotional conditions better than positive emotional conditions. And verbal and non-verbal linguistic means which express negative emotions are more diverse.

At first children think that gestures, facial gestures, linguistic means of expressing emotions have only one meaning. But in length of time the number of means expressing emotions rises and children understand that they have many meanings. Children learn to understand how other people feel in one or another situation and can put themselves in partner's place ("theory of mind"). Some children can do it at the age of 3, others — later (5–6 years).

Individual qualities of language expression of emotions demonstrate child's character and the developing system of values.

Key words: emotions, communication, emotional aspect of communication, emotional state, expression of emotion, psycholinguistics, theory of mind.

E. V. Galkina. Verbalization of the emotional state of fear in child speech

In the present study we investigate the appearance and age dynamics of the ways of expression of individual emotions in Russian monolingual children. Our purpose is to examine the development of verbalisation of the emotional state of fear. The data present the speech of typically de-

veloping children aged from 9 months to 5 years. At the very beginning, the children's phrases expressing fear are simple and represent objects, actions or events associated with fear, and various aspects of the emotional situation are mentioned.

The linguistic expression of fear develops from the general expression of negation by gesture, vocalizations, negative particles to special words that designate the cause of the state, the state itself or the accompanying state of its' external manifestations.

Verbal ways of expressing emotions are acquired according to the formation of the "Theory of mind": from the realization of one's own emotion, separating it from the emotions of other people to understanding the cause of this emotion and the possibility to change the event.

Keywords: Russian language, language acquisition, linguistic expression of emotions.

Varia

V. Istratiy. On the parallel usage of loan and native words in the Vedomosti newspaper of 1703–1719

The article examines the parallel usage of native and loan words in the texts of the Petrine era. The usage of the synonyms *бунтовщик*, *мал-контент*, *неудовольный*, *реbell*, *реbellизант* in the issues of the *Vedomosti* newspaper of 1703–1719 shows that the loanwords, that soon fell out of the standard Russian, could influence the semantic, stylistic and other features of the native synonyms.

Keywords: Russian language, history of Russian standard language, the Petrine era, Vedomosti, loanwords.

Aleksandr M. Pevnov. Etymology of the ethnonym *Uilta*

Oroks (approximately 250 persons) live on Sakhalin, some of them still remember their Manchu-Tungusic language. In general, the Orok language is at the moment strongly endangered. As a rule, ethnic minorities have problems with their ethnonyms, and Oroks are not exception: they are known as *Orochons*, *Uilta* (*Ulta*) and *Oroks*. Their original name is *Uilta* (*Ulta*), which to my opinion derives from **uli-nkān* 'inhabitant(s) of a river-bank, of a river basin'.

Keywords: ethnonym, etymology, Orok, Uilta, borrowing.

ЭТИКА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Международный журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее 2-х лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в

любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение материалов в коммерческих и некоммерческих целях, если оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием авторства. Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистиче-

ских исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он/она должны незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах)

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок. В ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

Обязанности членов редакционной коллегии

Редакционная коллегия журнала выполняет на всех этапах редакционного и издательского процесса следующие обязательства:

- предварительное рассмотрение рукописей;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
- принятие решения о публикации или отказе в публикации, а также о назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;
- своевременное ознакомление всех членов редакционной коллегии с содержанием текущего выпуска;
- оказание посильной помощи авторам в вычитке статей;
- осуществление корректуры выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публи-

кации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

Язык публикаций

Журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках.

Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE STATEMENT

The International Journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the Journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

Authorship Issues

When submitting a paper to publish in *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all coauthors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work to *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* and to any other publication is prohibited. The research archive used by the Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including

during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

Copyright and Open Access

The journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*.

When sending materials for consideration by the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and non-commercial, as long as it is passed along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

Accuracy of Information

The Authors of the papers submitted to the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* are responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the

materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

Review Process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he is to inform the Editor of this and recuse himself. Contacts between the Reviewer and the Author maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

Duties of the Editorial Team Members

Managing/Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

- preliminary consideration of the Authors' submissions;
- selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
- maintaining confidentiality during the double-blind review process;
- deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
- notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
- sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
- control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication in the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

Editorial Board

The international Editorial Board of the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

Our Languages

The journal *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования по теории грамматики. Выпуск 8. Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии

Предисловие	7
<i>Е. А. Лютикова</i> Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа	11
<i>Ф. И. Рожанский</i> Дифференцированное маркирование объекта в прибалтийско-финских языках: основные принципы и девиации	41
<i>Н. В. Сердобольская</i> Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском	76
<i>С. Ю. Толдова</i> Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке	123
<i>А. А. Козлов</i> Акциональный DOM в мокшанском языке и проблема циклов грамматикализации	158
<i>П. М. Аркадьев</i> Объектный партитив отрицания: ареально-типологическая перспектива	194
<i>Р. В. Ронько</i> <i>Надо корова доить!</i> Номинативный объект в севернорусских диалектах	244
<i>А. А. Герасимова</i> Дифференцированное падежное маркирование и линейная позиция аргументов в русских событийных номинализациях	265
<i>Е. А. Проценюк</i> Выбор падежа зависимого имени при прилагательном <i>полный</i>	282
<i>Я. Г. Тестелец</i> Абазинские именные конструкции: дифференцированное маркирование без маркирования	306

<hr/>	
<i>А. Ю. Урманчиева</i>	
Употребления эвиденциального показателя, компенсирующие утрату исходного механизма ДОМ в селькупском.....	322
<i>С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова</i>	
Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке	336
<i>И. В. Саркисов</i>	
Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском диалекте новоарамейского языка.....	371
<i>М. Б. Коношенко</i>	
Дифференцированное маркирование актантов в юго-западных и южных языках манде	393
<i>А. Б. Шлуинский</i>	
Конструкции с глаголом ‘брать’ как источник дифференцированного маркирования объекта: данные языков ква, бенуэ-конго и гур	414
<i>М. В. Шкапа</i>	
Дифференцированное падежное маркирование актантов в тибето-бирманских языках.....	442
Модальность в языке взрослых и детей	
<i>М. Д. Воейкова</i>	
Модальность и механизмы усвоения языка	461
<i>А. Ю. Урманчиева</i>	
Маркирование дискурсивного топика в тазовском селькупском и лесном энецком как контактный феномен	478
<i>Е. Ю. Иванова</i>	
Составные отрицательные формы императива в болгарском и македонском языках.....	507
<i>В. В. Казаковская</i>	
Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности	542
<i>Katharina Korecky-Kröll</i>	
Encouragements and discouragements in parental input: evidence from high and low SES families	576

Е. Г. Сосновцева

Удвоение частицы *бы* в условных конструкциях 590

К. А. Иванова

Особенности употребления повелительных конструкций с *пусть*
в русской детско-родительской коммуникации 606

Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией

С. Н. Цейтлин

К вопросу о формировании промежуточной
языковой системы ребенка: наблюдения
над освоением отрицательных конструкций 623

Г. Р. Доброва

Базовые и вспомогательные механизмы освоения языка
в аспекте вариативности речевого онтогенеза 651

М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина

Гендерные особенности речевого и коммуникативного развития
детей 8–18 месяцев (на материале русского языка).....680

С. В. Краснощекова

Дейктические местоимения в речи русскоязычного ребенка
(краткий обзор результатов исследований).....709

Т. А. Круглякова

Выбор предложно-падежной формы
в речи ребенка второго года жизни 727

О. Б. Сизова

К вопросу об иерархии механизмов речи 741

Е. Ю. Протасова, М. Мяки, Н. М. Родина

Экспериментальное исследование освоения русских падежей
детьми-билингвами в Финляндии 774

А. Н. Корнев, И. Балчиюниене

Сопоставительное исследование грамматического частотного
профиля в русском и литовском дискурсе у детей 6 лет.....789

В. М. Алпатов

Языковая рефлексия у детей 811

М. А. Еливанова, В. А. Семушина

Эмоциональное состояние и оценка в речевом
и коммуникативном развитии ребенка 820

Е. В. Галкина

Вербализация эмоционального состояния страха в детской речи 838

Varia

В. В. Истратий

О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов
в «Ведомостях» петровского времени 867

А. М. Певнов

Этимология самоназвания ороков 886

Сведения об авторах 893

Аннотации и ключевые слова 898

Summaries and keywords 917

Этика научных публикаций 939

Publication Ethics and Publication Malpractice Statement 945

CONTENTS

Studies in the theory of grammar, issue 8. Differential argument marking: a cross-linguistic approach

Foreword.....	7
<i>Ekaterina Lyutikova</i> Differential argument marking in the formal theories of case	11
<i>Fedor Rozhanskiy</i> Differential object marking in Finnic languages: main principles and deviations.....	41
<i>Natalia Serdobolskaya</i> Uniqueness and familiarity in Beserman Udmurt direct object marking	76
<i>Svetlana Toldova</i> Encoding direct objects in Mokshan.....	123
<i>Aleksey Kozlov</i> Actionality and DOM in Mokshan: grammaticalization cycles.....	158
<i>Peter M. Arkadiev</i> Object partitive of negation: an areal-typological perspective.....	194
<i>Roman Ronko</i> ' <i>Nado korova doit</i> '!. The nominative object in North Russian dialects	244
<i>Anastasia Gerasimova</i> Differential case marking and positional distribution: evidence from Russian event nominalizations.....	265
<i>Ekaterina Proceniuk</i> The adjective <i>polnyj</i> (полный): variation in government.....	282
<i>Yakov Testelefs</i> Nominal constructions in Abaza: differential marking without marking.....	306
<i>Anna Urmanchieva</i> Compensatory uses of Selqup evidentials instead of lost DOM markers	322
<i>Sofia Oskolskaya, Natalia Stoyanova</i> Differential object marking in Nanai	336

<i>Ivan Sarkisov</i>	
DOM in Christian Urmian dialect of Neo-Aramaic.....	371
<i>Maria Konoshenko</i>	
Differential argument marking in Southern and South-Western Mande.....	393
<i>Andrey Shluinsky</i>	
‘Take’ constructions as a source of differential object marking: evidence from Kwa, Benue-Congo and Gur	414
<i>Maria Shkapa</i>	
Differential subject and object marking in Tibeto-Burman	442
Modality in the language of adults and children	
<i>Maria D. Voeikova</i>	
Introduction.....	461
<i>Anna Yu. Urmanchieva</i>	
Marking a discourse topic in Taz dialect of Selkup and in Forest Enets as a contact phenomenon.....	478
<i>Elena Yu. Ivanova</i>	
Compound negative forms of the imperative in Bulgarian and Macedonian	507
<i>Viktoria V. Kazakovskaya</i>	
Language and cognitive aspects of the acquisition of epistemic modality	542
<i>Katharina Korecky-Kröll</i>	
Encouragements and discouragements in parental input: evidence from high and low SES families	576
<i>Elizaveta G. Sosnovtseva</i>	
Reduplication of the particle <i>by</i> in Russian conditional sentences	590
<i>Kira A. Ivanova</i>	
Jussives in Russian child-adult communication.....	606
Mechanisms of language acquisition and the formation of speech competence	
<i>Stella N. Tseitlin</i>	
On the question of the formation of a child’s intermediate language system: observations on the acquisition of negative constructions	623

Contents

Galina R. Dobrova

Basic and auxiliary mechanisms of language acquisition
in terms of speech ontogenesis diversity.....651

Marina B. Eliseeva, Elena A. Vershinina

Gender-related characteristics of speech
and communicative development of children (8–18 months).....680

Sofia V. Krasnoshchekova

Deictic pronouns in the speech of Russian-speaking children.....709

Tatiana A. Kruglyakova

Derivational and inflectional innovations in the speech
of a three year old child (based on longitudinal video recordings).....727

Olga B. Sizova

On the question of hierarchy of speech mechanisms.....741

Ekaterina Yu. Protassova, Maria Mäki, Natalia M. Rodina

An experimental study of case acquisition by bilingual children in Finland....774

Alexander N. Kornev, Ingrida Balčiūnienė

A comparative study of grammatical frequency profiles
of Russian and Lithuanian six-years-old children's discourse.....789

Vladimir M. Alpatov

Development of the children's self-reflection.....811

Maria A. Elivanova, Valeria A. Semushina

Emotional state and assessment in the speech
and communicative development of children.....820

Elena V. Galkina

Verbalization of the emotional state of fear in child speech.....838

Varia

Viktoria V. Istratiy

On the parallel usage of loan and native words
in the *Vedomosti* newspaper of 1703–1719.....867

Aleksandr M. Pevnov

Etymology of the ethnonym *Uilta*.....886

Contributors.....893

Summaries and keywords.....917

Publication Ethics and Publication Malpractice Statement.....945

Научное издание
ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA.
Труды Института лингвистических исследований РАН /
Отв. ред. Н. Н. Казанский.
Т. XIII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2017. — 957 с.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований РАН*

Подписано к печати 20.12.2017
Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 54,8. Уч.-изд. л. 44. Тираж 500 экз.
Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21
тел./факс: (812)6220123
menager_nestor@list.ru
Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>